

Начальный период Великой Отечественной войны и депортация российских немцев: взгляды и оценки через 70 лет

3 Материалы
-й международной
научной
конференции

МЕЖДУНАРОДНАЯ АССОЦИАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОЮЗ НЕМЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ
ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ НЕМЦЕВ РОССИИ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
САРАТОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ГЕРМАНСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ В МОСКВЕ

НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И ДЕПОРТАЦИЯ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ: ВЗГЛЯДЫ И ОЦЕНКИ ЧЕРЕЗ 70 ЛЕТ

Материалы 3-й
международной научно-практической конференции.
Саратов, 26–28 августа 2011 г.

Совместный российско-германский проект «Международная
научно-практическая конференция, посвященная 70-летию
начала Великой Отечественной войны и
депортации российских немцев»

Москва, 2011

УДК [94(47).084.8:343.264=112.2(47)](082)

ББК 63.3(2)622-4я43

НЗ6

Научный редактор:

доктор исторических наук, профессор А.А. Герман

НЗ6 **Начальный период Великой Отечественной войны и депортация
российских немцев: взгляды и оценки через 70 лет:** Материалы 3-й
международной научно-практической конференции. Саратов, 26–28 августа
2011 г. М.: «МСНК-пресс», 2011. – 920 с.

ISBN 978-5-98355-078-0

УДК [94(47).084.8:343.264=112.2(47)](082)

ББК 63.3(2)я43

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Посольства Германии в Москве.*

ISBN 978-5-98355-078-0

© АОО «Международный союз
немецкой культуры», 2011

© ЗАО «МСНК-пресс», 2011

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	8
Общие проблемы начала Великой Отечественной войны и депортационной политики советского государства	
<i>Данилов В.Н. (Саратов).</i> Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: общий взгляд в контексте современного понимания её истории ..	11
<i>Вдовин А.И. (Москва).</i> Национальная политика в СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны: мифы и реалии	32
<i>Деннингхаус В. (Москва / Фрайбург).</i> Политбюро ЦК ВКП(б) и «профилактические» депортации нацменьшинств Запада в 1930-е гг.	69
<i>Полян П.М. (Фрайбург).</i> Депортации советских немцев в 1941–1943 гг. и советская депортационная политика периода Второй мировой войны	99
<i>Брандес Д. (Берлин).</i> Депортация немцев 1941 г. как опробованный инструмент внутренней и прецедент международной политики ..	124
<i>Гентшке В.Л. (Москва).</i> Некоторые аспекты внутренних этнических депортаций на примере немецкого и корейского населения СССР	136
<i>Поболь Н.Л. (Москва).</i> Депортации немцев и корейцев: сравнительный анализ	145
<i>Посадский А.В. (Саратов).</i> Неклассическая депортация: насильственные перемещения истинно-православных христиан из Центрального Черноземья	149
<i>Кретинин С.В. (Воронеж).</i> Массовые выселения немцев в СССР и странах Центральной и Восточной Европы: опыт историко-социологического анализа	155
<i>Дик П.Ф. (Костанай).</i> Депортация этнических немцев как феномен диктатуры террора	164
<i>Курочкин А.Н. (Саратов).</i> Социально-политическое положение немецкого населения СССР, мобилизованного в «трудовые армии» в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)	181
<i>Бургарт Л.А. (Усть-Каменогорск).</i> Разрушение религиозного уклада жизни немецкого населения вследствие депортации и принципиальные подходы современной отечественной историографии к определению места и роли религии в истории немцев в России и СССР	194
<i>Кригер В. (Гейдельберг).</i> От петиций к активным действиям: борьба за немецкую автономию в 1960-е годы	225

<i>Бугай Н.Ф. (Москва)</i> «Реабилитация» государственности репрессированных народов: правомерность, особенности, реалии	244
<i>Иларионова Т.С. (Москва)</i> . Депортации не было?	256
<i>Плохотнюк Т.Н. (Ставрополь)</i> . Пусть будет нам урок: к проблеме адекватности исторической интерпретации депортации этнических немцев в условиях Великой Отечественной войны ..	262
<i>Степанов М.Г. (Абакан)</i> . Этнические депортации в СССР периода Великой Отечественной войны: краткий обзор оценок в историографии	273
<i>Гарчик Б. (Познань)</i> Депортации немецкого населения СССР в польской историографии	281
<i>Минор А.Я. (Саратов)</i> Влияние депортации на развитие российской немецкой литературы в послевоенное время	286

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ДЕПОРТАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ И ЕЁ ПОСЛЕДСТВИЯ

БЕЛАРУСЬ

<i>Пичуков В.П. (Гомель)</i> . Депортация и высылка немецкого населения белорусского Восточного Полесья советской властью в 1940-е годы	295

УКРАИНА И КРЫМ

<i>Солодова В.В. (Одесса)</i> . Выселение немцев из Одесского региона (июнь–август 1941 г.): проблема поиска источников	311
<i>Винниченко И.И. (Киев)</i> . Немцы в Украине: к вопросу о репрессиях и принудительном переселении	321
<i>Костюк М.П. (Луцк)</i> Международно-правовая основа выселения немецкого населения с территории Украины в 1939–40 гг.	329
<i>Мартыненко В.Л. (Харьков)</i> . Депортации этнических немцев с территории Украины в 1941–1942 гг.	346
<i>Клец В.К. (Днепропетровск)</i> . Принудительные переселения немцев Украины в годы Великой Отечественной войны: общее и особенное	354
<i>Калиниченко Н.Н. (Воронеж)</i> . Судьбы немцев Украины, выселенных в 1939–1941 гг.	372
<i>Фурсова Е.Ф. (Новосибирск)</i> . Война: трагедия народная (воспоминания украинских немцев)	380
<i>Задерейук И.А. (Симферополь)</i> . Репрессивная политика советской власти в отношении немцев Крыма в 20–30-е гг.	384
<i>Лаптев Ю.Н. (Симферополь)</i> . Немцы Крыма в современной истории Украины	391

ПОВОЛЖЬЕ

- Герман А.А. (Саратов).* Депортация немцев Поволжья осенью 1941 г. 415
- Чеботарева В.Г. (Москва).* Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. – превентивная мера обеспечения государственной безопасности или политическая провокация? .. 442
- Вашкаш Н.Э. (Волгоград).* Депортация российских немцев с территории Сталинградской области. Новые источники 456
- Гульбинский Ю.В. (Саратов).* Проявление гражданской идентичности немцев Поволжья в период их депортации. (по оценкам сотрудников НКВД, проводивших депортацию) 461
- Ерина Е.М. (Энгельс).* Документы Государственного исторического архива немцев Поволжья о депортации по Указу от 28 августа 1941 года 469
- Скучаева О.Е. (Энгельс).* Заселение территории бывшей Республики немцев Поволжья в послевоенное время (1940-е–1960-е гг.) 480
- Автономова В.П. (Советское-Мариенталь).* Краеведческая работа как важнейший фактор формирования национальной терпимости и уважения (из опыта сотрудничества с депортированными немцами с. Мариенталь) 488

ЛЕНИНГРАД И МОСКВА

- Черказьянова И.В. (Санкт-Петербург).* Военная судьба немцев Ленинграда и Ленинградской области (1941–1945) 493
- Герман А.А. (Саратов).* Депортация немцев из Москвы и Московской области 521

КАВКАЗ

- Чернова-Дёке Т. (Берлин).* Депортация немецкого населения с Кавказа: часть судьбы народа 528

ЕВРОПЕЙСКИЙ СЕВЕР

- Бердинских В.А. (Киров).* Российские немцы в Вятлагте 552
- Мельник Т.Ф. (Архангельск).* Архангельская область в 1940-е годы, как регион по использованию принудительного труда поляков, эстонцев, карело-финнов, немцев 562
- Ишак Л.А. (Архангельск).* Российские немки на архангельском севере .. 583
- Шалыгина Н.В. (Архангельск).* Немцы-спецпоселенцы в послевоенные годы (по материалам Архангельской области) .. 589
- Игнатова Н.М. (Сыктывкар).* Спецпереселенцы-немцы в Республике Коми в 1930–1950-е гг.: численность и размещение 600
- Фаузер В.В. (Сыктывкар).* Российские немцы в Республике Коми: мониторинг ситуации с окружающим миром 611

УРАЛ

- Кириллов В.М., Матвеева Н.В. (Нижний Тагил). Трудмобилизованные немцы на Урале: состояние и новые аспекты исследования проблемы 627
- Гонцова М.В. (Нижний Тагил). Повседневная жизнь и стратегии выживания немцев-трудармейцев г. Нижнего Тагила в годы Великой Отечественной войны 656
- Разинков С.Л. (Нижний Тагил). Социальный портрет трудармейцев, мобилизованных в лагеря НКВД на Урале в 1941–1946 гг. 668
- Матвеева Н.В. (Нижний Тагил). Спецпоселение советских немцев на Урале: территориальное распределение, социально-демографическое состояние по данным МВД 682
- Обухов Л.А. (Пермь). «Нас немцев не считают за людей ...» (Трудармейцы в Прикамье, малоизвестные страницы) 695
- Моргунов К.А. (Оренбург). Специфика государственной политики и правовое положение немецкого населения Оренбургской области в послевоенные десятилетия 704
- Бахарева О.Я. (Оренбург). Их второй родиной стало Оренбуржье (к 70-летию депортации российских немцев) 718

СИБИРЬ И ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

- Алишина Г.Н. (Томск). Выселение немецких колонистов из прифронтовых районов в Сибирь в годы Первой мировой войны (на примере г. Калывань Томской губернии) 730
- Нам И.В. (Томск). Этнические депортации в Томскую область: региональный контекст (1940–1953 гг.) 735
- Чернолуцкая Е.Н. (Владивосток). Особенности депортации советских немцев на Дальнем Востоке в 1940–1950-е гг. 755
- Маркдорф Н.М. (Новокузнецк). О советских немцах, немцах-спецпоселенцах в западносибирских лагерях НКВД–МВД СССР для военнопленных: 1943–1950 гг. 769
- Ярков А.П. (Тюмень). О диалоговом поле немцев в Арктической зоне Сибири во время Второй мировой войны и последующего десятилетия 776
- Хердт В. (Гёттинген). О временных и региональных особенностях положения различных контингентов спецпереселенцев-немцев в Западной Сибири (1941–1956 гг.): постановка проблемы 785
- Славина Л.Н. (Красноярск). Трудовая деятельность и социально-экономическая структура немцев Хакасии (по итогам переписи населения 1959 г.) 794

<i>Конев Е.В. (Новокузнецк). Влияние советской идеологии на бывших депортированных немцев в местах некомпактного проживания в Западной Сибири в 60–80-е гг. XX в.</i>	810
<i>Смирнова Т.Б. (Омск). Фактор депортации в динамике численности и расселения немцев в Сибири</i>	823
<i>Малиновский Л.В. (Барнаул). Последствия депортации немцев Поволжья в Сибирь и их жизнь там (1941–1967 гг.)</i>	841
<i>Дятлова В.А. (Красноярск). Депортация и ее роль в разрушении этнической идентичности российских немцев (на примере немецких диалектов Сибири)</i>	847
<i>Безродная П.А., Вибе А.А. (Омск). Депортация народов СССР: изучение проблемы музейными средствами (из опыта Омского государственного историко-краеведческого музея)</i>	858

КАЗАХСТАН И СРЕДНЯЯ АЗИЯ

<i>Ефремова-Шершукова Н.А. (Томск). Депортация немцев на территорию Казахской ССР: причины и механизм проведения ...</i>	866
<i>Алексеев М. А. (Костанай). История депортации немцев по документам Государственного архива Кустанайской области</i>	877
<i>Буданова Ю.П. (Лисаковск). Мобилизация немецких спецпереселенцев в трудовые колонны в Тарановском районе Кустанайской области (1942–1943 гг.) и материальное положение депортированных немцев в Кустанайской области ...</i>	887
<i>Грибанова Е.М. (Алматы). Поиск путей преодоления миграционных настроений немцев Казахстана в 1970-х гг. и его результаты</i>	897
<i>Иноятова Д.М. (Ташкент). Немецкое население Узбекистана в послевоенное десятилетие</i>	906

НАШИ АВТОРЫ	914

ПРЕДИСЛОВИЕ

2011 год – год 70-летия нападения нацистской Германии и её союзников на СССР, начала Великой Отечественной войны, которая стала одним из самых суровых испытаний для советского государства и общества, для всего многонационального народа Советского Союза.

О войне и её начале написано много, однако до сих пор есть немало проблем требующих научной разработки, среди них – проблемы взаимоотношений государства и общества, особенности национальной политики военных лет. Особое внимание привлекает такая болезненная проблема как массовые депортации целых народов, осуществленные в годы войны. Явление депортации как в целом, так и в отношении отдельных народов и социальных групп до сих пор вызывает неоднозначное отношение к нему, широкий спектр трактовок и оценок.

Однако несмотря на всё многообразие отношений к этому явлению, общим местом является признание неадекватности перестраховки Советского руководства, серьёзных негативных последствий депортационной политики государства для её жертв.

Свидетельством серьёзного отношения правительств России и Германии к проблеме депортации и её последствиям, стремления найти общие точки в понимании и оценке этого явления стало включение Межправительственной российско-германской комиссии по проблемам российских немцев в план совместных мероприятий, а затем подготовка и осуществление в августе 2011 года совместного российско-германского проекта «Международная научно-практическая конференция, посвященная 70-летию начала Великой Отечественной войны и депортации российских немцев».

Это – третья по счёту научно-практическая конференция, проводимая Международной ассоциацией исследователей истории и культуры российских немцев совместно со своими партнёрами: Международным союзом немецкой культуры, Центром изучения истории и культуры российских немцев Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, Германским историческим институтом в Москве. Конференция проведена в Саратове, на базе Саратовского государственного университета.

В рамках общей темы конференции акцентировалось внимание на обсуждение следующих основных научных направлений:

- этнополитические предпосылки депортации российских (советских) немцев, предшествующий государственный опыт их проведения;
- организация и проведение депортации немцев в контексте общей военно-политической ситуации осени 1941 г. в стране;

- общее и особенное в проведении депортации немцев в различных регионах;

- немцы и другие «репрессированные» народы: общее и особенное в проведении депортаций, в поведении населения в процессе депортаций;

- экономическое, социальное, политическое и культурное положение, повседневная жизнь немецкого населения СССР в местах депортации в годы войны и первое послевоенное десятилетие

- «Трудовая армия» и спецпоселение как продолжение политики государства в отношении этнических немцев, начатой депортацией;

- формирование новых ареалов проживания немецкого населения в послевоенные годы, послевоенные внутренние миграции немцев как следствие депортации и послевоенных дискриминационных нормативно-правовых актов;

- фактор депортации в жизни немецкого населения СССР в 1960-е – 1980-е гг., проблемы сохранения этнической идентичности.

- жизнь немецкого населения и проявление фактора депортации в перестроечные и постперестроечные годы. Депортация и её последствия как одна из причин массовой эмиграции.

- жизнь немцев в современной России, проблема преодоления синдрома «репрессированного народа»;

- государственная помощь России и Германии российским немцам, её значение в преодолении негативных последствий депортации

В обсуждении проблем конференции приняло участие около 70 специалистов из России, Германии, Беларуси, Казахстана, Польши, Украины, Узбекистана, среди них – крупные и известные специалисты по проблеме депортации различных категорий советских граждан.

Участники конференции не только обсудили важнейшие проблемы начального этапа великой Отечественной войны как фона и контекста организации и проведения депортации немецкого населения СССР, сам процесс организации и проведения депортации «советских» немцев, но, что представляется очень важным и актуальным, связали и сравнили процесс «немецкой» депортации с другими аналогичными явлениями довоенного и военного времени, всесторонне проследили последствия депортации немцев, других народов и социальных групп как для самого государства, так и для жертв этой акции, особенно в нравственно-этической сфере, обозначили некоторые болевые точки современного процесса развития многонационального российского общества, вытекающие из застарелых и до сих пор нерешённых проблем, предложили рекомендации, способные укрепить доверие и взаимопонимание как между отдельными составляющими многонационального российского народа, так и между обществом и властью в целом.

Материалы конференции состоят из двух основных частей. В первой части сгруппированы доклады, посвящённые общим проблемам начального периода Великой отечественной войны и депортационной политике советского государства, рассматриваются зарубежные прецеденты депортации. Во второй части находятся доклады, освещающие региональные проблемы и особенности депортационной политики государства, анализируются её последствия как для цивилизационного развития соответствующих регионов, так и для немецкого этноса в СССР и на постсоветском пространстве, для конкретных людей, оказавшихся объектом депортационной политики советского руководства.

Организаторы конференции выражают надежду, что материалы 3-й научно-практической конференции «Начальный период Великой Отечественной войны и депортация российских немцев: взгляды и оценки через 70 лет» станут не только вкладом в развитие историографии российских немцев и национальной политики Советского государства, но и помогут власти и обществу найти успешные пути преодоления застарелых проблем национальной политики, будут способствовать укреплению межнационального единства российского общества.

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ НАЧАЛА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И ДЕПОРТАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

В.Н. Данилов (г. Саратов)

Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: общий взгляд в контексте современного понимания её истории

Великая Отечественная война прочно вошла в историческую память народов России как наиболее значимое событие новейшей истории страны. Этому феномену есть несколько взаимосвязанных объяснений. Во-первых, Великая Отечественная война затронула самые существенные и сокровенные стороны личной жизни людей, память о ней связана с историей каждой семьи. Во-вторых, данное событие определило не только будущее страны, но и всего мира и поэтому его оценка базируется не только на осознаваемом, но и интуитивном признании места этой войны в истории человечества. В-третьих, победа в Великой Отечественной войне стала символом, который выступает важным элементом коллективной идентификации, точкой отсчета, мерилom, задающим определенную оптику происшедшего и отчасти понимания настоящего и будущего. По сути дела, трагическое и героическое в Великой Отечественной войне стали опорными конструкциями национального самосознания нынешнего российского общества.

Тема Великой Отечественной войны всегда занимала в СССР и постсоветской России ведущие позиции в политическом дискурсе, в творческом самовыражении деятелей литературы, искусства и науки. Библиография работ по ее истории только на русском языке насчитывает более 30 тыс. наименований. Однако вряд ли можно считать историографическую судьбу войны благополучной.

Уже изначально история Великой Отечественной войны была поставлена на службу идеологии и текущей политической конъюнктуры. Это привело в советский период к бытованию ряда противоречивых, хотя и взаимосвязанных по своему, явлений в историографии войны. С одной стороны, случилось так, что не оказалось устойчивой официальной версии ее истории, поскольку всякий раз, как только менялось руководство страны, новые лидеры пересматривали концепцию войны и роль в ней отдельных личностей. И это разительным образом отличалось от положения в других ведущих державах-участниках Второй мировой войны. Подготовленные там в первые послевоенные десятилетия официальные многотомники о войне никогда не объявлялись, как у нас периодически, устаревшими. С другой стороны, жесткая политическая зависимость работы историков обусловила существование

«закрытых зон» и «зияющих пустот» в изучении конкретно-исторических вопросов Великой Отечественной войны.

Общественные процессы начала 1990-х гг. не только расширили фронт изучения данной темы на основе использования новых источников и снятия идеологических запретов, но и привели к появлению совершенно новых подходов относительно Великой Отечественной войны, где политическая составляющая также занимает существенное место.

Важнейшими проявлениями этого, на мой взгляд, являются следующие.

Во-первых, с разрушением Советского Союза Великая Отечественная война перестала пониматься таковой на всем пространстве бывшего СССР поскольку, скажем, в прежних республиках Прибалтики, а ныне независимых странах Балтии, считают, что на их территории происходила война двух иностранных государств, среди которых даже более симпатичным представляется фашистская Германия. При активном участии литовских, латышских и эстонских парламентариев были приняты резолюции Европарламента (2 апреля 2009 г.) и Парламентской ассамблеи ОБСЕ (3 июля 2010 г.), ставящие знак равенства между нацизмом и сталинизмом, возлагают прямую ответственность за развязывание Второй мировой войны на СССР.

Во-вторых, стали выдвигаться версии, которые серьезным образом меняют очертания и содержание самого понятия Великая Отечественная война. Спектр усилий здесь достаточно разнообразен. Наиболее примитивным, а потому не получивший широкого признания, является тезис о том, что, так как победа в 1945 г. укрепила в СССР тоталитарный режим и нечего не дала народу, то следует отказаться от самого наименования «Отечественная» война. Это, якобы, была война двух диктаторов, каждый из которых стремился к мировому господству. На Украине официальной позицией стало включение в понятие Отечественная война не только борьбы советских сил против немецко-фашистских захватчиков, но и все другие части движения Сопротивления, т.е. и тех, кто находился под знаменем ОУН–УПА. Президент Л.Д. Кучма в своем докладе на торжественном собрании в Киеве по случаю 50-летия Победы подчеркнул: «Монополии на патриотизм не может быть ни у кого, А потому антиисторическими являются попытки «отлучить» от Победы кого-либо из тех, кто реально боролся с фашизмом, независимо от цвета их знамен»¹.

И уже при В.А. Ющенко на государственном уровне началось чествование как героев-антифашистов С. Бандеры, Р. Шухевича и других деятелей украинских националистических организаций, активно боровшихся с советскими партизанами и Красной Армией. Заявление нынешнего Президента Украины

¹ Цит. по: Федоров ВТ. Украина в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // Пятидесятилетие Великой победы над фашизмом: история и современность. Смоленск, 1995. С. 51.

В.Ф. Януковича о «прекращении вмешательства власти в историю»² немного меняет в изначально заявленном подходе.

Российское руководство в первой половине 1990-х гг. было озабочено не столько сплочением нации на основе героического и трагического опыта Великой Отечественной войны, сколько идеей развенчания советского государства. Так, в конце 1994 г. Президент Б.Н. Ельцин, будучи в Берлине на церемонии вывода последнего контингента российской армии, заявил в присутствии канцлера ФРГ Г. Коля, что в минувшей войне не было ни победителей, ни побежденных, а в день 50-летия Победы в телевизионном интервью он сказал, что в войне победил народ вне зависимости от государства. При этом Ельцин сослался на пример из русской истории, когда народ «без всякого там Советского Союза, руководимый, например, Александром Невским, побеждал врагов»³. Логика поистине «железная». Ведь эпохи битв Александра Невского на Чудском озере и Великой Отечественной войны, их масштабы несоизмеримы. В первом случае была однодневная битва с ограниченным количеством войск с обеих сторон, вооруженных мечами и пиками. Вторая – длилась четыре года с многомиллионной армией, вооруженной до зубов танками, самолетами, артиллерией.

Тогда в середине 1990-х гг. возникла и точка зрения о необходимости сужения хронологических рамок периода Великой Отечественной войны. В 1995 г. А.Н. Сахаров, директор в то время Института российской истории РАН, высказал мнение, что после освобождения Красной Армией оккупированной врагом советской территории в середине 1944 г. война утратила характер отечественной. Обосновывая свою позицию, историк сослался на Отечественную войну предшествующего века, когда Александр I 25 декабря 1812 г. издал манифест, в котором оповестил страну, что отечественная война окончена, а далее русская армия вступает в Европу для освобождения ее от ига Наполеона⁴. Безусловно, царь имел на это основание, поскольку шестисоттысячная армия, которую Наполеон бросил на Россию, менее чем за полгода была практически уничтожена, а ее жалкие остатки, к тому же покинутые императором, уже не представляли никакой угрозы для нашего Отечества. Совершенно иной была ситуация в 1944 г., когда Красная Армия пересекла западную границу СССР. Германия все еще представляла собой мощную силу, без разгрома которой нельзя было считать ликвидированной угрозу завоевания нашей страны.

Стоит ли после этого удивляться появлению претендующих на некую «научность» книг известного экономиста и политического деятеля конца

² 65 лет Великой Победы: в 6 т. / Под общ. Ред. С.Е. Нарышкина, акад. А.В. Торкунова. М., 2010. Т. 6: За честную историю. С. 43.

³ См.: Советская Россия. 1995. 1 июня.

⁴ См.: Сахаров А.Н. Война и советская дипломатия 1939–1945 // Вопросы истории. 1995. № 7. С. 12.

1980 – начала 1990-х гг. Г.Х. Попова, в которых он пытается доказать, что была на самом деле не одна война, а целых три! Одну СССР проиграл Германии в самом начале. Вторая война – это Отечественная, когда поднялся весь народ. И, наконец, третья война, это уже 1944–1945 годы. Ее автор называет «экспансией социализма»⁵.

Думается, что борьба с фашистской Германией и ее союзниками с 22 июня 1941 г. по май 1945 г. стала неотъемлемой частью исторического сознания российского народа как Великая Отечественная война, и нет достаточных оснований для пересмотра этого. Как, впрочем, нет и убедительных аргументов для того, чтобы считать, что таковой она стала по чистой случайности, поскольку, якобы, Гитлер опередил своей превентивной войной нападение Советского Союза всего лишь на две недели. Издание в 1990-е гг. в России миллионными тиражами книг перебежчика В. Суворова (Резуна) «Ледокол» и «День-М», где эта мысль проводится с маниакальной последовательностью, обнаруживает наличие в то время в стране мощных политических сил, заинтересованных в дискредитации роли нашего государства в разгроме фашистских захватчиков. В последнее время, к чести нынешнего российского руководства, на официальном уровне сделан ряд шагов, направленных против искажения в массовом сознании памяти о Великой Отечественной войне. Первые лица государства неоднократно заявляли, что нельзя ставить на одну доску агрессора и его жертву, а решающая роль СССР в разгроме фашистского блока не подлежит сомнению. В своем выступлении на Параде в Москве 9 мая 2010 г. Президент Д.А. Медведев подчеркнул, что «в 1945 году одержана не только военная, но и большая нравственная победа, за нее боролись все народы бывшего СССР и приближали наши союзники».⁶

Для понимания значимости войны, которую вела наша страна в 1941–1945 гг., важно знание ее истоков. Всякому непредвзятому человеку совершенно очевидно, что Вторая мировая война была рождена в недрах западной цивилизации, ибо главной агрессивной силой выступила гитлеровская Германия, которая после нескольких лет глубокого национального унижения в тисках версальской системы, стремительно нарастила военный потенциал и поставила своей целью завоевание мирового господства. Поэтому не будет преувеличением сказать, что, если не все, то большая часть тех проблем, которые вошли в нашу историю вместе с германской агрессией в 1941 г., не имели к ней никакого отношения. Это были проблемы и противоречия по преимуществу европейского исторического развития. В очередной раз, как и во времена борьбы с османским игом и наполеоновскими захватническими устремлениями, в периоды революций середины

⁵ Попов Г.Х. Три войны Сталина. М., 2007; Он же. Сорок первый – сорок пятый. Одна война или три? М., 2008.

⁶ Российская газета. 2010, 11 мая.

XIX в. и передела колониальных владений начала XX в., Европа в России и с помощью России разрешала те проблемы, которые она самостоятельно не могла решить.

Объективно в 1930-е гг. фашизму противостояли, по крайней мере, две силы. Одна из них демократические страны мира, среди которых ведущими были Англия, Франция и США. Стремление нацистов сокрушить большевистскую Россию в целом совпадало со стратегическими устремлениями этой группы стран. Но в то же время гитлеризм и для них представлял смертельную опасность. Правительственные круги Англии и Франции испытывали страх как перед Германией, так и перед СССР. В этой ситуации европейские демократии не нашли ничего лучшего как встать на путь умиротворения агрессора, что особенно ярко проявилось в Мюнхенском соглашении 1938 г., когда Англия и Франция предали своего союзника Чехословакию, сдав ее на милость Гитлеру. Желание же США не включаться в войну, пусть даже временно, не могло остаться незамеченным в Германии. Оно также стимулировало нацистов к военным авантюрам.

Советский Союз находился в сложном положении. С одной стороны, сталинское руководство опасалось капиталистического мира, а с другой – усиление экономического потенциала СССР, непрерывное укрепление его армии позволяло советскому руководству всерьез рассчитывать на самостоятельные действия на международной арене. Эти взаимоисключающие интересы антифашистских сил не позволили своевременно объединить их усилия для совместной борьбы с агрессором, что и поставило мир на грань катастрофы.

В литературе последних десятилетий часто утверждается, что если бы Советский Союз не заключил 23 августа 1939 г. договор о ненападении с Германией, то второй мировой войны и фашистского нашествия на нашу страну удалось бы избежать. Этот вывод является либо наивным, либо продиктован конъюнктурными соображениями, или соединяет в себе и то и другое. Ведь Германия еще в марте 1939 г. денонсировала пакт о ненападении с Польшей, потребовала Данциг. А 3 апреля Гитлер утвердил директиву вермахту (план Вайс), который предусматривал нападение на Польшу начиная с 1 сентября 1939 г. Иными словами машина войны была уже давно заведена.

Во время же переговоров военных миссий СССР, Франции и Англии в августе 1939 г. западные страны практически не давали Советскому Союзу никаких реальных гарантий в случае его военного столкновения с Германией. Даже если попытаться опровергнуть тот бесспорный факт, что своей политикой западные державы подталкивали Германию к агрессии на Восток, то следует признать, что в ситуации, сложившейся в августе 1939 г., любое правительство России, независимо от партийной принадлежности, стремилось бы уберечь страну от втягивания в такую войну, где оно не получило бы никакой помощи. Разумеется, секретный протокол с Гитлером был отступлением от

высоких моральных норм. В СССР возрождалась тайная дипломатия⁷. Но она существовала тогда у всех великих держав (и едва ли исчезла в наше время).

Советский Союз изначально считался в фашистских планах главным препятствием к установлению мирового господства, о чем недвусмысленно заявил в своем программном опусе «Майн кампф» Гитлер. Конкретная реализация этого замысла была изложена в детальном плане нападения на СССР, получившем название «Барбаросса», который был утвержден в декабре 1940 г. К активному участию в антисоветской агрессии были привлечены Румыния, Финляндия, Венгрия, Италия. Гитлеровцы интенсивно использовали экономические и людские ресурсы 12 захваченных и оккупированных стран. Их интересам во многом была подчинена экономика нейтральных стран Европы.

Это обстоятельство дает полное основание согласиться с обобщающим выводом В.В. Кожина, специально исследовавшего данный вопрос: «Геополитические цели войны 1941-1945 годов, фактически осуществляли не 70 млн. немцев, а более 300 млн. европейцев, объединенных на различных основаниях – от вынужденного подчинения до желанного сотрудничества, – так или иначе действовавших в одном направлении... Никак нельзя не учитывать, что только благодаря опоре на всю континентальную Европу стала возможной мобилизация почти четверти всех немцев... Силу – и с «количественной», и с «качественной» точек зрения – армии, вторгшейся в 1941-м в СССР–Россию, обеспечивали десятки миллионов высококвалифицированных работников всей Европы. И, не учитывая и осмысляя эту сторону дела, нельзя понять истинную суть войны 1941–1945 годов... нельзя понять ни мощь германского нападения, ни глубокий объективно-исторический смысл этого нападения»⁸.

Германское руководство было настолько уверено в успехе плана «Барбаросса», что примерно с весны 1941 г. приступило к детальной разработке дальнейших замыслов покорения мира. В специальных штабных поездках, носивших названия «Азия» и «Америка», вычерчивались направления ударов фашистских армий. Уже этот факт говорит об уязвимости концепции превентивной войны Гитлера против Сталина. Для того, чтобы имелось «твердое намерение» советского руководства нанести удар по германским войскам в июле 1941 г. необходимо, по крайней мере, наличие трех базовых компонентов: политическое решение, конкретный план ведения войны и соответствующее развертывание армии. Ничего этого у СССР в июне 1941 г. не было.

⁷ Избыточными с точки зрения рациональной политики представляются некоторые последующие шаги советского руководства во взаимоотношениях с Гитлером. Этот крен в сторону нацистской Германии, как пишет академик А.О. Чубарьян, означал, что Сталин «утратил чувство меры и ощущение реальности», и привел к тому, что «Советский Союз стал как бы заложником Германии и ее действий». (Чубарьян А.О. Канун трагедии. Сталин и международный кризис. Сентябрь 1939 – июнь 1941 года. М., 2008. С. 214).

⁸ Кожин В.В. Россия. Век XX-й (1939–1964). Опыт беспристрастного исследования. М., 2001. С. 15–16.

Несостоятельность утверждений Суворова (Резун) и его последователей не без успеха была обоснована рядом зарубежных и отечественных историков⁹. Обратим внимание лишь на два момента, касающиеся этой темы.

Хорошо известно, что с началом военных походов фашистской Германии против стран Западной Европы. Гитлер дал указание обвинять жертвы собственной агрессии в развязывании войны. Геббельсовская пропагандистская машина начала постоянно твердить о том, что войну начали не немцы, а англичане и французы. Эта большая ложь принесла определенные дивиденды Германии. Некоторые нейтральные страны сочувствовали нацистам и тем самым потакали агрессорам. Второй момент. Осознавая преступность своих действий, перед нападением на СССР зачинщики войны стали заботиться о престиже Германии. С целью скрыть истинных виновников войны в структуре абвера был создан специальный отдел, предназначенный для сбора документов и других данных на территории Советского Союза, на основании которых можно было обвинить СССР в подготовке к войне против Германии, а, следовательно, представить его мировой общественности как виновника войны. Захваченный в плен советскими частями командир разведкоманды 304 зондерфюрер Ф. Пауль на допросе заявил: «Каких либо материалов, прямо отвечающих нашей задаче, обнаружено не было, но косвенные данные, которые при желании могли быть использованы как материалы, изобличающие Советский Союз в подготовке войны с Германией, нами были отобраны... В связи с тем, что работа не дала желаемого результата, группа... в октябре 1941 г. свою работу прекратила и была расформирована».¹⁰ Судя по всему, Суворов (Резун) для написания своих книг использовал указанный материал, используют его и другие пропагандисты «ледокольной» концепции¹¹.

⁹ Городецкий Г. Миф «Ледокола». Накануне войны / Пер. с англ. М., 1995; Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера? Незапланированная дискуссия: Сб. материалов. М., 1995. Отдельный аспект дискуссия о «превентивной войне» имела вокруг обнародования проекта Генштаба «Соображения по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза» от 15 мая 1941 г. (впервые опубликовано в: Военно-исторический журнал. 1992. № 2). Обстоятельный анализ этого документа содержится в: Никифоров Ю.А. «План Г.К. Жукова» от 15 мая 1941 года: проблема интерпретации // Война. Народ. Победа. М., 2008. С. 381–397; Анфилов В.А. Роковой просчет // 65 лет Великой Победы: в 6 т. Т. 2: Вставай страна огромная. С. 188–189.

¹⁰ Военно-исторический журнал. 1994. № 4. С. 75.

¹¹ Следует сказать, что после того, как построения В. Суворова были отвергнуты научным сообществом, внедрение их в общественное сознание осуществлялось путем «клонирования», а именно публикации сочинений авторов которых (В. Бешанов, М. Солонин, В. Кольковский, В. Плешаков), провозглашая себя «независимыми» историками повторяли и развивали основные «идеи» В. Суворова. Издательством «Яуза-пресс» опубликована серия книг под общим названием «Правда Виктора Суворова», включающих наряду с апологетической публицистикой ряд статей российских и зарубежных историков написанных в разное время и попросту перепечатанных здесь), материалы которых могут якобы подтвердить правоту Резуна. С другой стороны, публикуется серия книг под названием «Неправда Виктора Суворова», где

Думается, правы те, кто упрекают И.В. Сталина, имевшего неограниченную власть в стране, в другом – в том, что он не сумел должным образом подготовить страну к войне, выработать реалистичную стратегию ее ведения. Сталинская политика не провоцирования немцев весной–летом 1941 г. планов Гитлера не изменила. В то же время неадекватные оценки сведений разведки и прогнозов затрудняли анализ обстановки, препятствовали раскрытию главной цели дезинформационной деятельности нацистских спецслужб – достигнуть внезапности первого удара вермахта.

Сталин внушил себе: пока Гитлер не разделяется с Англией, на два фронта воевать не решится. Англию же, – по его мнению, – Гитлер поставит на колени в лучшем случае к концу 1942 г. Значит, есть возможность ликвидировать недостатки в организации и подготовке войск (а их наличие наглядно показала советско-финляндская война 1939–1940 гг.), ликвидировать качественное отставание в вооружении. Основания для подобных рассуждений у Сталина были. За годы довоенных пятилеток существенно повысилась обороноспособность страны. Только с 1939 г. по июнь 1941 г. было сформировано 125 новых дивизий. На вооружение стала поступать новая техника. Однако запоздалое развертывание и приведение в боевую готовность войск прикрытия, морально-психологическая внезапность мощнейшего удара вермахта поставили Красную Армию 22 июня 1941 г. в тяжелое положение.

Одной из главных причин, повлиявших на готовность советских войск к отражению агрессии, стали предвоенные репрессии командного состава, вызвавшие, наряду с быстрым ростом в 1939–1941 гг. численности армии, его значительный некомплект в частях и соединениях. Кроме того, репрессии породили страх и взаимную подозрительность, боязнь самостоятельного принятия решений во всех звеньях управления войсками, что так было необходимо в самом начале отражения фашистской агрессии.

Для разгрома СССР против него было брошено 153 дивизии немецко-фашистских войск и 37 дивизий сателлитов Германии, в том числе 19 танковых и 14 моторизованных. В состав этой группировки входило 83% личного состава сухопутных войск вермахта, в том числе 86% танковых и 100% моторизованных соединений. Общая численность военных сил, развернутых против СССР, насчитывала 5,5 млн. человек. На невиданном ранее уровне находилась техническая оснащенность войск. Они имели 3582 танков и штурмовых орудий, 4275 боевых самолетов, 41,8 тыс. орудий и минометов, 600 тыс. единиц автомашин и другой техники. ВМС включали в себя 216 боевых кораблей¹².

В войсках западных приграничных округов СССР к моменту нападения фашистской Германии находилось 170 дивизий и 2 бригады. Общая численность

представлены работы его критиков. Таким образом, создается впечатление, что «дискуссия продолжается».

¹² Начальный период Великой Отечественной войны. Выводы и уроки. М., 1989. С. 22, 97.

советских войск составляла 2 млн. 901 тыс. человек личного состава. Они имели 21,5 тыс. орудий и минометов, 11 тыс. танков, 9917 боевых самолетов¹³. И хотя советские войска численно превосходили немецкие по танкам и самолетам, эта техника была в значительной степени устаревшей.

Все это вместе взятое обеспечило успех германских войск в начале войны. Уже к исходу 22 июня 1941 г. на отдельных участках фронта они прорвались в глубь советской территории на 20–60 километров. Красная Армия понесла большие потери в живой силе, технике и оружии. Уничтожив 1200 самолетов советских ВВС, немцы завоевали почти абсолютное господство в воздухе. К концу третьей недели сражений были выведены из строя 28 дивизий, 72 дивизии сохранили не более половины своего личного состава¹⁴. За первый месяц войны СССР потерял Прибалтику, Белоруссию, Молдавию, значительную часть Украины.

Следует иметь в виду, что германская агрессия против СССР была не похожа на кампании в Европе. Восточный поход с самого начала планировался как война на уничтожение. Начальник генерального штаба сухопутных войск Ф. Гальдер записал в своем дневнике в марте 1941 г. о речи, произнесенной Гитлером: «Борьба будет очень отличаться от борьбы на Западе. На Востоке – жестокость благо для будущего»¹⁵.

Причин особой жестокости фашистов в отношении народов нашей страны две: идеологическая и расовая. СССР развивался под знаменем коммунизма, который был абсолютно неприемлем для фашистов. К тому же коммунизм приписывался исключительно евреям, которые в соответствии с нацистской идеологией подлежали уничтожению. Исходя из этого, война против СССР планировалась как «мировоззренческая», с помощью которой навсегда должен быть разгромлен «еврейский большевизм». Он рассматривался как «мировая опасность № 1», ибо коммунизм своим тотальным отрицанием частной собственности тотально преодолевал саму социальную базу фашизма, которая находится в массовом слое мелких и средних собственников. Один из немецких военнослужащих, участвовавших в захвате Брестской крепости, вспоминал: «Там не шла речь о пощаде. Для нас это были коммунисты. Мы тогда говорили «большевистские орды»¹⁶. Как справедливо отмечает философ Н.Г. Козин: «Фашизм и коммунизм – это идеологии эпохи кризиса института частной собственности, дающие диаметрально противоположные, непримиримые варианты преодоления кризиса, самого отношения к феномену частной собственности и к ее субъектным носителям. Но в принципиальной непримиримости коммунизма и фашизма есть еще один и более важный

¹³ Советская военная энциклопедия. М., 1976. Т. 2. С. 55.

¹⁴ См.: Мельтюхов М.И. 22 июня 1941 г.: цифры свидетельствуют // История СССР. 1991, № 3. С. 27, 28.

¹⁵ Гальдер Ф. Военный дневник. М., 1969. Т. 2. С. 431.

¹⁶ Цит по: Свободная мысль. 1994, 11. С. 77.

идейный источник непримиримости, связанный с принципиально разным отношением фашизма и коммунизма к национальному началу в истории, что и в этой связи никак не позволяет сблизить их друг с другом, несмотря на то общее, что они обнаруживали в своей тоталитарной практике»¹⁷.

Эта идеологическая причина особой жестокости фашистов по отношению ко многим советским народам тесно переплеталась с расовой нетерпимостью. 9 июля 1942 г. в речи перед фюрерами СС Гитлер говорил: «У нас идет борьба между Европой и Азией, между германским рейхом и недочеловеками... Это расовая борьба. Русские – звери. У нас кровь лучше, сердце тверже, нервы – крепче». И далее: «Восток имеет для нас только одну цель – помочь нашей экономике»¹⁸. Гиммлер заявлял в 1944 г. не менее чудовищное: «Против нас стоит стовосьмидесятимиллионный народ – смесь рас, имена которых невозможно выговорить и внешность которых такова, что их надо убивать без всякого милосердия и пощады»¹⁹. Трудно вообразить ту ужасающую картину, которая предстала бы взору в случае победы фашизма в этой войне.

В этой связи можно говорить и том, что война на Западе и война на Востоке носила совершенно разный цивилизационный характер. Отсюда и странности той «странной войны» на Западе. Согласно данным, приводимым известным демографом Б.Ц. Урланисом, за пять лет во французском движении Сопротивления погибло 20 тыс. человек (из 40 миллионов) французов, однако за это же время погибли от 40 до 50 тыс. (т.е. в 2–2,5 раза больше) французов, воевавших на стороне Германии. По данным того же Урланиса, в ходе югославского Сопротивления погибло уже 300 тыс. (из примерно 16 млн. населения страны)²⁰. Показателен в этом отношении и национальный состав пленных военнослужащих на советско-германском фронте. Из их общего количества 3 770 290 основную массу составляли, разумеется, германцы (немцы и австрийцы) – 2 546 242 человек; 766 901 человек принадлежали к другим объявившим войну СССР нациям (итальянцы, румыны, венгры, финны, испанцы и т.д.), но еще 464 147 военнопленных – это французы, бельгийцы, чехи и представители других как бы не воевавших с СССР европейских наций²¹. Однако против нас воевали и эстонские, и латышские, и западно-украинские националисты. Литовский легион почти полностью был уничтожен под Сталинградом.

Война на Востоке отличалась и другим. По мере принятия организационных мер по отпору агрессору его военная машина замедлила ход, стала

¹⁷ Козин Н.Г. Постигание России. Опыт историософского анализа. М., 2002. С. 538.

¹⁸ Цит по: Семенникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. Брянск, 1996. С. 455

¹⁹ Там же.

²⁰ Урланис Б.Ц. Войны и народонаселение Европы. М., 1960. С. 234–236.

²¹ Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование. М., 1993. С. 391.

пробуксовывать. Брест, Киев, Смоленск, Севастополь, Ленинград... и другие даже мало кому известные населенные пункты, безымянные высоты не сдавались без боя противнику. Советский Союз не капитулировал. Красная Армия в подавляющих случаях дралась за каждый клочок родной земли. Выдающиеся примеры самоотверженности советских воинов отмечены с первых дней войны. В рамках данной статьи не представляется возможным показать даже самой незначительной толики массового героизма, проявленного советским народом на фронтах Великой Отечественной войны. Времени, отводимого фашистами на всю кампанию на Востоке, не хватило даже на взятие Брестской крепости. Но важнейшими событиями Великой Отечественной и Второй мировой войны стали Московская и Сталинградская битвы. Несмотря на превосходство сил и средств нацистской Германии на различных участках фронта, к концу 1942 г. стал очевидным провал планов разгрома СССР. Сражения на Курской дуге и за Днепр в 1943 г. завершили коренной перелом в войне.

Исторически сложилось так, что с первых дней войны советские воины вели смертельную схватку с фашизмом за свободу не только своей страны, но и всего человечества. Это отчетливо понимали и высоко оценивали тогда народы и руководители союзных с нами держав. Президент США Ф. Рузвельт в апреле 1942 г. писал У. Черчиллю: «Ваш народ и мой требуют создания фронта для того, чтобы ослабить давление на русских, и народы достаточно осведомлены, чтобы видеть, что русские сегодня убивают гораздо больше немцев и уничтожают гораздо больше снаряжения, чем мы с вами вместе взятые»²². Премьер-министр Великобритании У. Черчилль в своем послании к И.В. Сталину от 27 сентября 1944 г. недвусмысленно заявил: «Я воспользуюсь случаем, чтобы повторить то, что я сказал раньше, что именно русская армия выпустила кишки из германской военной машины и в настоящий момент сдерживает на своем фронте несравненно большую часть сил противника»²³.

Действительно, хотя победа и была достигнута совместными усилиями стран антигитлеровской коалиции, основную тяжесть борьбы с фашизмом все же вынес советский народ. Этот тезис ныне требует более аргументированного обоснования, ибо есть политические силы, которые отрицают эту вполне очевидную реальность.

Анализ событий 1941–1945 гг. показывает, что советско-германский фронт приковывал к себе основную массу сил и средств фашистской Германии и ее союзников. Против Красной Армии противник использовал наиболее боеспособные соединения своих войск. До 1944 г. всего на фронтах против англо-американских войск действовало от 9 до 21 дивизии фашистского блока. На

²² Цит. по: История международных отношений и внешней политики СССР. М., 1967. Т. 2. С. 137..

²³ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Изд. 2-е. М., 1976. Т. 1. С. 305.

советско-германском фронте в этот период было сосредоточено от 190 до 266 его дивизий. Даже в январе 1945 г. против советских войск действовало 195 немецких дивизий, а англо-американским войскам противостояло 107 дивизий противника. Образно говоря, из трех солдат германского вермахта двое постоянно воевали на советско-германском фронте и лишь один – на Западе²⁴.

Причем советско-германский фронт по своей протяженности (от 4000 до 6200 км) примерно в 3–4 раза был больше всех других фронтов, развернутых союзниками против Германии и Италии вместе взятых. Именно на этом фронте происходили наиболее напряженные военные действия, которые по своей длительности, пространственному размаху, упорству и активности не идут ни в какое сравнение с действиями англо-американских войск. Достаточно сказать, что из 1418 суток существования советско-германского фронта на долю активных боевых действий приходится 1320 суток, или 93% времени. На итальянском фронте активные действия составляли 74%, а на североафриканском – только 31%. Западноевропейский фронт существовал всего 338 суток завершающего этапа войны в Европе. Активные действия на нем составляли примерно 87% общего времени²⁵.

Одним из главных показателей роли вооруженной борьбы того или иного государства в достижении победы является результативность военных действий. На советско-германском фронте были уничтожены и пленены основные силы фашистского блока – 607 дивизий, в то время как союзники разбили в Западной Европе и Северной Африке около 176 дивизий²⁶. Именно в результате мощных ударов Красной Армии из войны на стороне гитлеровской Германии последовательно были выведены Румыния, Болгария, Финляндия, Венгрия.

Роль советско-германского фронта будет еще более наглядной, если сравнить отдельные кампании и операции по театрам войны. К примеру, нередко без всяких оснований оценивают как равнозначные события под Сталинградом и в районе Эль-Аламейна. В контрнаступлении под Сталинградом советские войска за 75 суток (с 19 ноября 1942 г. по 2 февраля 1943 г.) продвинулись в полосу до 860 км и на глубину 150–200 км. Потери противника составили около 800 тыс. Наступление же английских войск от Эль-Аламейна до Туниса продолжалось 13 суток (с 23 октября по 4 ноября 1942 г.), проводилось в полосе 60 км и на глубину 35 км. Потери итало-немецких войск составили 55 тыс. человек. И тем не менее некоторые западные историки изображают эту операцию как выдающееся событие, якобы положившее начало коренному перелому в ходе Второй мировой войны.

²⁴ См.: Вторая мировая война: цифры и факты. М., 1988. С. 929.

²⁵ Там же. С. 927–928.

²⁶ Советская военная энциклопедия. Т. 2. С. 66.

Исключительное место в военном противоборстве на Западе отводят открытию второго фронта в Европе. В ходе мероприятий по случаю 65-летия высадки союзнических войск в Нормандии в 1944 г. Президент США оценил ее как «поворотный пункт», определивший итог всей дальнейшей антигитлеровской кампании в годы Второй мировой войны. По мнению Б. Обамы, если бы операция союзников провалилась, то «оккупация континента могла бы продолжаться бесконечно». Как заметил по этому поводу председатель комиссии при Президенте РФ по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России, руководитель администрации Президента РФ С.Е. Нарышкин, «о том, что второго фронта не было бы без первого, то есть без нашего, возникшего на несколько лет раньше и сломавшего хребет гитлеровской военной машине, почему-то сказано не было»²⁷.

Как и сразу после окончания войны, так и теперь возникает один из главных вопросов, составляющие которого высвечивают ряд острых проблем: почему выстояли в войне? Ведь осенью 1941 г. враг стоял у ворот Москвы, а территория СССР, захваченная вермахтом превысила 1,5 млн. кв. км, на которой перед войной проживало 74,5 млн. человек. Можно ли согласиться с имеющими иногда хождение в средствах массовой информации и исторических сочинениях у нас и за рубежом тезисами о том, что противника «завалили трупами», так как не умели воевать; о решающей роли поставок техники, оружия и продовольствия от союзников; что в бой и на труд гнал страх перед репрессивной машиной сталинского государства?

Безусловно, нельзя утверждать, что с самого начала войны у нас был высокий уровень военного искусства и боевого умения. Но нельзя и не видеть, что Красная Армия от солдата до маршала мужала в войне, качественные изменения произошли внутри самой армии. Народ как бы из своих недр возрождал новых полководцев и командиров взамен тех, кто перед войной был оклеветан, репрессирован или оказался не на высоте в условиях новой войны. Боевая обстановка заставила мобилизовать все управленческое и боевое мастерство. Но самое главное, как пишет генерал-армии М.А. Гареев, «со всей наглядностью выявилось, что в определенной мере нужны и контроль, догляд сверху, но не может быть никакого эффективного управления без доверия к людям. Война вынудила ограничить существовавший "беспредел" и в этой области»²⁸.

Полководческий уровень признавали военачальники как армий противника, так и союзников. Вот оценка того же генерала Гальдера, а это крупный военный специалист. Он говорил: «Исторически небезынтересно исследовать, как русское военное искусство, потерпевшее крушение со своим принципом

²⁷ Нарышкин С.Е. Честная история ключ к формированию доверительных отношений между народами // 65 лет Великой Победы: в 6 т. Т. 6: За честную историю. С. 11.

²⁸ Гареев М.А. От армии 1941-го – к армии 1945 года // 65 лет Великой Победы: в 6 т. Т. 1: Канун трагедии. М., 2010. С. 40.

жесткой обороны в 1941 году, развилось до гибкого оперативного руководства и провело под командованием своих маршалов ряд операций, которые по немецким масштабам заслуживают высокой оценки, в то время как немецкое командование под влиянием полководца Гитлера отказалось от оперативного искусства и закончило его бедной по идее жесткой обороной, в конечном итоге приведшей к полному поражению»²⁹

Когда генерал-фельдмаршала Ф. Паулюса, командовавшего под Сталинградом 6-й армией, на Нюрнбергском процессе спросили: правда ли, что он читал лекции по военному искусству советским командирам, Паулюс ответил: «советская стратегия оказалась настолько выше нашей, что я вряд ли мог понадобиться русским хотя бы для того, чтобы преподавать в школе унтер-офицеров. Лучшее тому доказательство – исход битвы на Волге, в результате которой мы оказались в плену, а также и то, что все эти господа сидят сейчас вот здесь, на скамье подсудимых»³⁰. Опыт проведения стратегических операций советскими войсками внимательно отслеживался в штабах союзных армий. 10 марта 1944 г. начальник генерального штаба Великобритании Л. Брук писал маршалу А.М. Василевскому по этому поводу: «Опыт Красной Армии в ее победоносной войне с врагом будет представлять для нас величайшую ценность в связи с предстоящими операциями на континенте»³¹.

Конечно, основную тяжесть на фронте вынесли на своих плечах солдаты, которые шли в атаку, подбивали немецкие танки, и командиры, которые вели их в бой. Тяжелые потери, понесенные советскими войсками в начале войны (с июня по декабрь 1941 г. они составили 4 млн. 473 тыс. 820 человек)³² потребовали создания практически новой армии из резервистов. Приобретать необходимые военные знания приходилось в ходе сражений. Историк-фронтовик А.В. Басов вспоминает: «Обучение в 41-м было минимальным, ибо оружие получали по пути движения эшелонов к фронту и в местах разгрузки. Обучать не на чем было. Да, была определенная прослойка старослужащих, призванных до войны, умеющих обращаться с оружием. Это костяк отделений. И все-таки основная учеба бой. Это фронтовая академия»³³. К концу 1942 г., – отмечает находившийся в СССР в годы войны английский журналист А. Верт, – Красная Армия стала по-настоящему профессиональной³⁴.

Становым хребтом Красной Армии, понесшим наибольшие потери, стало так называемое предвоенное поколение, которое выросло, было воспитано, получило образование и было подготовлено к трудовой деятельности в послереволюционные 1920–1930-е годы. Всего же в войска были призваны

²⁹ Цит. по: *Василевский А.М.* Дело всей жизни. М., 1974. С. 538.

³⁰ Правда. 1995, 12 апреля.

³¹ Там же.

³² Гриф секретности снят. С. 141.

³³ Правда. 1995. 19 апреля.

³⁴ *Верт А.* Россия в войне 1941–1945 гг. / Пер. с англ. М., 1967. С. 298.

военнослужащие более 30 возрастов. Из 32 476 700 человек, надевших в годы Великой Отечественной войны шинели, свыше одной трети ежегодно находились в строю, а половина этого (5–6,5 млн. человек) проходила службу в частях действующей армии, т.е. воевала на советско-германском фронте³⁵. В течение всей войны состоялось около 13 млн. награждений военнослужащих орденами и медалями, около 11,6 тыс. были удостоены тогда звания Героя Советского Союза, 2582 фронтовика стали полными кавалерами ордена Славы. За это же время звания Героя Социалистического Труда было присвоено 202 труженикам тыла, 204 тыс. человек награждены орденами и медалями.

Стремление события прошлого рассматривать сквозь призму изменившейся политической конъюнктуры, желание подогнать деяния дедов и отцов под нынешние идеологические стандарты приводят в последнее время к тенденциозным объяснениям подвига советских людей в годы Великой Отечественной войны. Нередко в качестве его побудительного мотива называют фактор принуждения. Безусловно, в военный период существовала жесткая административно-мобилизационная система. Свою роль в обеспечении дисциплины и порядка на фронте сыграл и карательный механизм, многие стороны действия которого были далеко не адекватны необходимости. Взять хотя бы известный приказ Сталина № 270 от 16 августа 1941 г., одно из положений которого гласило: «Командиров и политработников, срывающих с себя знаки различия и дезертирующих в тыл или сдающихся в плен врагу, считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту как семьи нарушивших присягу и предавших свою Родину дезертиров»³⁶.

Однако решающее значение в обеспечении победы над агрессором имел нравственный фактор, осознание безальтернативности общенациональной цели сплочение людей для спасения себя от геноцида и сохранения государственной независимости, их вера в победу. Гитлер, начиная войну против Советского Союза, в немалой степени рассчитывал на то, что репрессии периода гражданской войны, жесточайшие издержки коллективизации, массовый террор 30-х годов – все минусы сталинского режима приведут к духовному, морально-психологическому ослаблению советского общества. Когда фюрер заявлял, что Советский Союз – это колосс на глиняных ногах, он имел в виду именно то, что недемократичный характер советского строя сделал людей безразличными к судьбам страны, и это должно обеспечить Германии условия для быстрого и полного разгрома СССР. Как известно, подобным расчетам немецкого руководства не суждено было сбыться.

С первого дня войны патриотизм стал определяющим настроением в обществе, он объединил воедино и тех, кто сражался на фронтах, и тех, кто трудился в тылу. В сознании подавляющего большинства населения господствовало

³⁵ Гриф секретности снят. С. 139. 291418 дней войны. М., 1990. С. 103.

³⁶ 1418 дней войны. М., 1990. С. 103.

убеждение в справедливости войны со стороны СССР, ненависть и презрение к жестокому врагу, сознание необходимости мобилизации всех сил для спасения Родины, готовность принести все мыслимые и немыслимые жертвы во имя победы. И надо отдать должное партийно-государственным структурам, этот патриотический настрой народа поддерживался постоянно. Тем самым ситуация в 1941–1945 гг. коренным образом отличалась от той, что была в Первую мировую войну, когда начальные, достаточно ощутимые, всплески патриотизма стали в русском обществе постепенно угасать. Зверства фашистов на оккупированных советских территориях (массовые расстрелы мирных жителей, разрушенные и сожженные города и села, осквернение народных святынь, массовый угон трудоспособного населения и т.п.) усиливали осознание смертельной угрозы и решимость во чтобы то ни стало отстоять независимость страны.

Можно назвать множество конкретных проявлений народного патриотизма. Это и мощное партизанское движение на оккупированных территориях, многочисленные крупные пожертвования в фонд обороны, добровольческое движение и т.д. Только летом 1941 г. было сформировано 35 дивизий народного ополчения, часть из которых участвовала в боях с врагом. А какие неимоверные тяготы пришлось вынести ленинградцам, чтобы отстоять в блокаде свой город! Массовый трудовой подвиг проявился в движении «двухсотников», «пятисотников», создании комсомольско-молодежных бригад. Без понимания нравственной атмосферы военного времени невозможно объяснить, что двигало тридцатилетним фрезеровщиком из Ленинграда Дмитрием Босым, выполнившим 12 февраля 1942 г. сменное задание на 1480 процентов и ставшим зачинателем движения «тысячников». Война наглядно продемонстрировала, что заставить работать можно любого, но принудить самостоятельно трудиться на пределе своих сил и возможностей нельзя никого.

Вместе с тем, если представлять общество периода Великой Отечественной войны в его реальности, то заметны и проявления иного отношения к войне: неприкрытый антисоветизм и антисемитизм части населения (особенно в национальных районах), рвачество и спекуляция, а иногда и панические настроения. На оккупированных территориях более значительно, чем в других странах, проявился коллаборационизм. Всех, кто пошел на услужение к немцам в различные антисоветские формирования, включая полицейские и вспомогательные, насчитывают до 800 тыс. человек. Как правило, в них вошли националистические элементы, представители господствовавших до революции социальных слоев. Эти факты говорят о том, что в СССР существовали не проявлявшие себя в довоенный период сепаратистская тенденция и скрытая социально-политическая оппозиция. В основе отношения подавляющей массы советского народа к правительству лежало доверие и терпимость. Это признают практически все объективно мыслящие политики и историки. Для большинства людей в СССР сложившийся к началу войны социально-

политический строй представлялся легитимным. Ведь Сталин никогда в своих речах в годы войны не отказывался подчеркивать социалистического характера строя, от напоминания о революции. Если эти идеи были чужды народу, он не стал бы повторять их в момент, когда сплочение масс для защиты близких им ценностей и понятий являлось жизненной необходимостью. Здесь можно согласиться с академиком Ю.А. Поляковым, который считает, что в народном сознании переплетались осуждение режима с иллюзорной идеей вынужденности репрессий для укрепления державы, понимание усиливающегося расхождения между словом и делом с убежденностью в правоте и реальности социалистических идеалов. Второе русло было главным³⁷.

Особо следует сказать о роли ВКП(б), которая являлась стержнем государственно-политической системы, о чем ныне предпочитают умалчивать. Ее деятельность в годы войны показывает, что компартия при помощи многочисленных «приводных ремней» добивалась проведения всех государственных и военных мероприятий. Компартии удалось обеспечить эффективную всеобъемлющую систему пропаганды русского советского патриотизма. Для его подкрепления использовались и традиционные ценности народа, произошло потепление в отношениях власти и церкви.

В условиях многонациональной страны ВКП(б) выступила объединяющим народы фактором. В армии находились лица подавляющего числа национальностей, проживавших в СССР, за исключением этнически близких к противнику. При этом представительство по национальному признаку в войсках было примерно пропорционально общей численности этносов. Известно, что в составе населения СССР накануне войны русские составляли 51,8%, украинцы – 17,6, белорусы – 3,6. Среди мобилизованных на выполнение ратного долга перед Отечеством в годы войны русские насчитывали 65,4%, украинцы – 17,7, белорусы – 3,2, татары – 1,7, евреи – 1,4, казахи – 1,1, узбеки – 1,1, другие народы Советского Союза – 8,3%³⁸. Трудовые усилия в тылу народов страны также обеспечивали борьбу с агрессором.

Однако целый ряд депортаций народов, проведенных в военный период, подрывали доверие к национальной политике. 28 августа 1941 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья», который, как считает А.А. Герман, в общем плане «вписывается в историческую и международно-правовую практику начального периода второй мировой войны»³⁹, но был оскорбительным для советских немцев по своей форме. Еще большим унижением для них стала последующая особая практика трудовой мобилизации. В 1943–1944 гг. поголовному выселению подверглись калмыки, карачаевцы, балкарцы, чеченцы, ингуши,

³⁷ См.: Поляков Ю.А. Историческая наука: люди и проблемы. М., 1999. С. 184.

³⁸ См.: Барсенков А.С., Вдовин А.И. История России. 1917–2004. М., 2005. С. 363.

³⁹ Герман А.А. Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. Часть II. Автономная республика. 1924–1941. Саратов, 1994. С. 293.

крымские татары и другие народы. И все же не нужно забывать, что депортации осуществлялись под флагом защиты тыла Красной Армии или возмездия за пособничество оккупантам и ненависть к захватчикам позволила самортизировать негативное воздействие этих противоправных акций.

ВКП(б) стала действительно «воюющей партией». На фронте находилось в среднем 60% коммунистов, и здесь у них была одна привилегия – быть примером в отношении к воинскому долгу. Не случайно, партия понесла за годы войны огромные потери: погибло около 3 млн. коммунистов, или свыше половины состава ВКП(б) к лету 1941 г. За время же войны в ряды компартии вступило свыше 5 млн. человек⁴⁰, что, бесспорно, служит показателем роста доверия к ней, как организации, возглавившей народ на борьбу с иноземным врагом.

В войне, как никогда, был востребован образ решительного руководства, который сфокусировался в обществе на фигуре Сталина. Прилив народного патриотизма вызывали проявления убежденности лидеров страны в победе. Особое значение, по свидетельству очевидцев, имели выступления Сталина по радио 3 июля и на параде 7 ноября 1941 г. Поэтому, решая проблему: победа была достигнута благодаря Сталину или вопреки? Нужно иметь в виду следующее. Несомненно, сталинская репрессивная политика была в целом пагубной для общества. Сталин был повинен в ряде серьезных стратегических ошибок 1941–1942 гг. Вместе с тем нельзя не признать, что без сталинского авторитета в тот момент, без жесткой требовательности и дисциплины вряд ли удалось бы в условиях тяжелейших поражений, потерь, неудач удержать от развала государственную машину. Это практическая сторона. Но есть и другая – психологическая. Не менее важен был Сталин как символ незыблемости государственной власти и уверенности в победе.

Высокий моральный дух народа подкреплялся военно-экономической мощью государства. Это факт, что, несмотря на слабости и недостатки советской экономики, промышленность полностью справилась с тяжелейшими и ответственными задачами непрерывного снабжения Красной Армии вооружением, снаряжением, военными материалами и продовольствием. И это было сделано, хотя в первый период войны были потеряны важнейшие экономические районы, а объем промышленного производства в ноябре 1941 г. сократился 2,1 раза. Потребовалось эвакуировать из угрожаемых районов миллионы людей, более 2500 предприятий. Создание новых арсеналов на Волге, Урале и в Сибири было величайшим достижением народа, трудившегося в неимоверно тяжелых условиях. С конца 1942 г. советская промышленность стала давать фронту военной продукции значительно больше, чем промышленность Германии. По признанию начальника штаба ОКВ генерала Йодля, немцы и не предполагали, что, углубившись на территорию СССР они натолкнутся на войска, которые окажутся оснащенными все более и более современным и

⁴⁰ См.: Во главе защиты Советской Родины. М., 1984. С. 299–300.

мощным оружием. Технический уровень советской промышленности стал, по словам Йодля, столь высоким, что вести войну, так, как они вели в западных европейских странах, было уже невозможно⁴¹.

«Магнитогорск победил Рур» – так оценивают достижения советской военной экономики некоторые современные исследователи на Западе. За военные годы в СССР произведено орудий и минометов 526 тыс. (в Германии – 398 тыс., в США – 651 тыс.), танков и САУ – 109 тыс. (в Германии – 46 тыс., в США – 99 тыс.), боевых самолетов – 115 тыс. (в Германии – 89,5 тыс., в США – 192 тыс.)⁴². Танки Т-34, самолеты Ил-2, боевые машины реактивной артиллерии БМ-13 («катюши») и другие образцы советской военной техники по своим высоким качествам не имели себе равных.

Одновременно следует признать, что большое значение имела военно-промышленная, сырьевая и продовольственная помощь, оказанная США и Англией по так называемой программе «ленд-лиза», размеры которой сейчас оцениваются несколько большими тех 4% от советского производства, приводившихся в отечественной литературе до конца 1980-х гг. Большую ценность имела отгрузка нефтепродуктов, взрывчатки и полевых радиостанций. Но особенно важны были поставки из США автомобилей (427 тыс. единиц), что помогло, как пишут американские историки, и это действительно так, – «поставить Красную Армию на колеса». Из военной техники наиболее значительными были поставки 18,3 тыс. самолетов⁴³. Но нет и не может быть речи о «решающей роли» поставок по ленд-лизу ни на одном из этапов войны. 670 советских танков действовали в труднейшее для СССР время – в конце 1941 г. в битве под Москвой. Более 6 тыс. танков и самоходных орудий и 7,5 тыс. самолетов штурмовали в 1945 г. Берлин. Это была техника советского производства.

В целом же отношения с союзниками в 1941–1945 гг. были более сдержанными и более достойными, нежели в Первую мировую войну. В научной и мемуарной литературе достаточно освещена трагедия русской армии, брошенной без должной подготовки в августе 1914 г. для спасения Парижа. Послы Великобритании и Франции в России Дж. Бьюкенен и М. Палеолог оставили достаточно определенные свидетельства о том, какому нажиму подверглось тогда российское правительство. Достаточно нелицеприятно послы говорили о действиях властей Николаю II в 1916–1917 гг.⁴⁴ Сложно представить себе подобного рода беседу кого-либо из западных государственных деятелей со Сталиным. Черчилль самолично прилетал в августе 1942 г. в Москву, чтобы объяснить причины затягивания с открытием второго фронта.

⁴¹ См.: Совершенно секретно! Только для командования! М., 1967. С. 535.

⁴² История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории Советского государства. М., 1991. С. 248.

⁴³ См.: Мир в XX веке. М., 2001. С. 249.

⁴⁴ См.: Бьюкенен. Мемуары дипломата. М., 1991. С. 140; Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. М., 1991. С. 89–100.

Трудно измерить всю величину жертвенного подвига, совершенного в годы войны колхозным крестьянством. Особенно большие испытания выпали на его долю в первый период, когда врагу удалось захватить территорию, на которой производилось более половины продукции сельского хозяйства. На фронт ушла подавляющая часть мужчин и основной производительной силой на селе стали женщины, а также подростки и старики. Тем не менее сельское хозяйство страны заготовило в 1941–1944 гг. около 69 млн. тонн зерна и 5 млн. тонн мяса⁴⁵ (по ленд-лизу было поставлено около 4,3 млн. тонн продовольствия).

Сосредоточение усилий на вооруженной борьбе привело к значительному сокращению и без того низкого уровня потребления населения. Народ, действительно, жил в нужде. Особую ценность имели продукты питания. снабжение городского населения осуществлялось по карточкам. Определенные правительством нормы снабжения, например, хлебом составляли 400–600 г в день⁴⁶. Но и по этим нормам не всегда удавалось обеспечить население продуктами. В критической обстановке зимой–весной 1942 г. в Ленинграде минимальная норма отпуска хлеба снижалась до 125 г. В сельской местности продовольственные карточки не вводились, и жителям деревни в основном приходилось питаться продуктами своего небольшого подсобного хозяйства. К крупным социальным издержкам войны следует отнести и ухудшение здравоохранения, бытовых условий и народного образования.

Весьма значительными являются прямые потери в войне, поэтому, действительно, цена победы, достигнутая советским народом, была исключительно велика, что сказалось на развитии страны в последующие десятилетия. СССР потерял около 30% национального богатства (для сравнения: Великобритания – 0,8%, США – 0,3%)⁴⁷. Но самые тяжелые потери связаны с человеческими жертвами. По данным комиссии Генерального штаба за годы войны (включая кампанию на Дальнем Востоке в августе 1945 г) безвозвратные потери (убитыми, умершими от ран, не возвратившимися из плена) советских Вооруженных Сил вместе с пограничными и внутренними войсками составили 8 млн. 668 тыс. 400 человек. Более 18 млн. человек в период войны получили ранения. В целом же общее число человеческих жертв за это время составило около 26,6 млн. человек⁴⁸. Из государств, участвовавших во Второй мировой войне, людские потери, с учетом численности населения

⁴⁵ См.: Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Статистический сборник. М., 1990. С. 68.

⁴⁶ См.: Советская повседневность и массовое сознание 1939–1945. М., 2003. С. 186.

⁴⁷ История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории Советского государства. С. 255.

⁴⁸ Гриф секретности снят. С. 128–129. Аналогичные данные приводятся в новейших изданиях подобного рода: Великая Отечественная война без грифа секретности. Книга потерь. Новейший справочник. М., 2009; Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. М., 2010.

еще большими были только у Польши, где погиб каждый четвертый житель; в СССР – каждый пятый.

Далеко не все наши потери были неизбежными. На их число большое влияние оказали грубые ошибки в ведении войны, неподготовленность ряда операций и, конечно, вся обстановка выхода из-под контроля ситуации на фронте в начале войны. Советские потери могли быть сокращены и в том случае, если бы западные союзники открыли второй фронт в 1942 или 1943 году. Но, во-первых, нет оснований утверждать, что соотношение боевых потерь воюющих сторон самое разительное, как иногда утверждают (1:5, 1:10, 1:14), ибо безвозвратные потери советских вооруженных сил в ходе войны с учетом пропавших без вести и оказавшихся в плену составили 11 444,1 тыс., а аналогичные потери Германии и ее союзников на советско-германском фронте – 8649,5 тыс. человек, т.е. превышение на 30%⁴⁹.

Во-вторых, напомним снова – Германия вела истребительную войну. Отсюда не только то, что из 26,6 млн. человек общих демографических потерь СССР (2,2 раза больше потерь Германии и ее союзников) 17,9 млн. человек приходится на гражданское население, но и значительная разница в смертности среди военнопленных. Из 4 млн. 417 тыс. взятых в плен советскими войсками военнослужащих фашистского блока у нас умерло около 650 тыс., а вернулось домой 3 млн. 800 тыс. В фашистском же плену из 4 млн. 59 тыс. советских солдат и офицеров выжило только 2 млн. 223 тыс. Выходит, что те, кто говорит о несоразмерности потерь, как бы упрекают тогдашние власти СССР в бездействии: захватили в плен, так надо было уничтожать, и тогда потери сравнялись бы.

Но не только «трагический лик» определяет общий итог Великой Отечественной войны. Военные усилия СССР стали решающими в деле разгрома блока фашистских государств, что спасло планету от порабощения, а русский и другие народы от геноцида. Советский Союз доказал свое право на самостоятельный выбор пути развития и расширил свою территорию. Победа в войне, наглядно продемонстрировав роль СССР в мировых делах, существенно изменила его геополитическое положение. С этого времени на последующие четыре с лишним десятилетия за нашей страной закрепляется статус одной из двух сверхдержав мира. Никогда прежде Россия не имела – и, вероятно, никогда уже не будет иметь – такого значения на мировой арене, такого влияния на международную жизнь, как в этот период.

В наши дни победа в Великой Отечественной войне остается воплощением торжества человеческого духа и справедливости над силами зла и уничтожения, примером самоотверженности и подвига «не ради славы, ради жизни на земле». Вместе с тем трагедия войны, ее страшная цена – суровый урок нынешнему и будущему поколениям.

⁴⁹ Там же.

Национальная политика в СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны: мифы и реалии

Один из мифов, усердно создаваемых в недавнем прошлом советскими историками, изображал политику по укреплению общенационального единства народов СССР с 1917 г. и до конца его существования как планомерную реализацию и постоянное торжество «ленинской национальной политики» с ее исключительно благородными принципами интернационализма, свободы национального самоопределения, равенства, братской солидарности и постоянной взаимопомощи народов СССР. Соответствующая исследовательская и публицистическая литература зачастую изображала дело таким образом, что отступления от генеральной линии партии в политике случались, но они были несущественны и по мере выявления быстро исправлялись¹. Действительность была куда сложнее таких представлений. Мифы не позволяют увидеть реальную эволюцию национальной политики, направляемую не только высокими принципами, но и «низкими» прагматическими соображениями. Мифотворчество явно сглаживало жизненные противоречия, характерные для жестокого времени.

Трансформация представлений о значимости национального фактора и роли государствообразующего русского народа в отечественной истории после 1917 г. во многом определялась отказом от попыток непосредственной реализации идеи мировой революции. Курс на строительство социализма в одной стране, обозначившийся в СССР с конца 1924 г.², вынуждал партию к отступлению в политике на позиции государственного патриотизма и «национального большевизма»³. Это не означало полного отказа от ленинской идеи мировой революции. Сохранялась возможность ее осуществления путем всемерного расширения идейно-теоретического и политического воздействия СССР на

¹ См. Ленинизм и национальный вопрос в современных условиях. М., 1974; Советский народ – новая историческая общность людей: становление и развитие. М., 1975; История национально-государственного строительства в СССР. 1917–1978. В 2 т. М., 1979; Основные направления в изучении национальных отношений в СССР. М., 1979; Куличенко М.И. Расцвет и сближение наций в СССР. Проблемы теории и методологии. М., 1981; Национальная политика КПСС: Очерк историографии. М., 1981; Грошев И.И. Сущность национальной политики КПСС. М., 1982; Национальные отношения в СССР в трудах ученых союзных республик. М., 1986; Бурмистрова Т.Ю. Зерна и плевелы: Национальная политика в СССР. 1917–1984. СПб., 1993; Национальная политика России: История и современность. М., 1997; Басалай А.А. Развитие наций и их взаимоотношений в СССР. М., 1998. Ч. 1; М., 1999. Ч. 2; Шаститко П.М. Обреченные догмы: Большевизм и национальный вопрос. М., 2002; Сеницын Ф.Л. За русский народ! Национальный вопрос в Великой Отечественной войне. М., 2010; и др.

² Сталин И.В. Соч. М., 1947. Т. 6. С. 371–380.

³ См.: Устрялов Н.В. Национал-большевизм. М., 2003; Агурский М.С. Идеология национал-большевизма. М., 2003.

другие страны и народы, через расширение территориальных пределов «отечества мирового пролетариата». Однако И.В. Сталин и другие идеологи партии не решились открыто признать, что национально-государственный социализм (национальный большевизм) является единственной разумной альтернативой перманентным попыткам инициирования мировой революции. Они были вынуждены считаться с опасностью потери лидерства в партии, воспитывавшейся на верности заветам В.И. Ленина.

Отсутствие реальной альтернативы курсу на строительство социализма в одной стране создавало условия для эксплуатации национально-патриотической идеи. Благодаря этому национальная политика в СССР стала выражаться в уступках со стороны «истинного интернационализма», обрекавшего нации на истощение, национальному патриотизму, предполагающему их сохранение и развитие.

С конца 1930-х годов политика явно определялась стремлением сгладить диспропорции в представленности советских национальностей в руководящих партийных и государственных структурах. Вопреки установке на преодоление фактического неравенства национальностей и значительному продвижению общества по этому пути, первое двадцатилетие советской власти было также временем возникновения нового неравенства, не отвечающего тенденции укрепления социальной и национальной консолидации советского общества. По показателям представленности в партийно-государственном аппарате, в мире советской науки и культуры с большим отрывом от других народов лидировала еврейская национальность. В 1930-е годы такое фактическое неравенство стало восприниматься как ненормальное положение. Ситуация усугублялась начавшейся сразу после прихода Гитлера к власти игрой нового германского руководства на противоречиях в СССР для дискредитации якобы еврейской большевистской власти в глазах угнетенных ею народов.

Власть была вынуждена со всем этим считаться. Поначалу ее действия носили чисто декоративный характер. Летом 1936 г. И.В. Сталин позвонил главному редактору газеты «Правда» Л.З. Мехлису и предложил дать русские псевдонимы евреям, работавшим в редакции газеты. В ту же ночь на улице Правды в Москве произошло их «крещение»⁴. Вскоре декорации были отброшены. В мае 1939 г. при назначении В.М. Молотова на пост наркома иностранных дел И.В. Сталин предложил: «Убери из наркомата евреев». «Слава Богу, что сказал! – говорил впоследствии Молотов. – Дело в том, что евреи составляли там абсолютное большинство в руководстве и среди послов. Это, конечно, неправильно»⁵. Лидеры СССР открыто демонстрировали готовность устранить «неправильности».

⁴ См.: *Ортенберг Д. И.* Сорок третий: Рассказ-хроника. М., 1991. С. 400.

⁵ Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 274.

Разгром политических противников Сталина в условиях «обострения классовой борьбы» в середине и второй половине 30-х годов, с национальной точки зрения воспринимался как оттеснение представителей еврейской элиты от центра политической власти. Однако потери еврейской общины в целом, в относительном исчислении, в эти годы не превышали потерь других народов СССР. В 1937–1938 гг. были арестованы 29 тыс. евреев⁶, т. е. 1,8% от общего числа арестованных. В составе всех лагерных заключенных, по данным на начало 1939 г., русских было 63%, украинцев – 13,8%, белорусов – 3,4%, евреев – 1,5%. В населении страны, по данным переписи 1939 г., эти национальности, насчитывали соответственно 58,4; 16,5; 3,1 и 1,8%⁷. Это означает, что среди заключенных русские были представлены в 1,1 раза больше своего удельного веса в населении страны; сталинские репрессии не были направлены исключительно на национальные меньшинства.

Смещения евреев с их постов в государственном аппарате и общественных организациях в пользу других национальных кадров зачастую воспринимается как проявление политики государственного антисемитизма⁸. Приведенные выше цифры свидетельствуют против этого. В действительности, как писал в 1972 г. М.С. Агурский, а вслед за ним Р.А. Медведев и другие исследователи, «это была реакция огромной славянской страны на интернационалистические, космополитические эксперименты 1920-х и 1930-х гг., которые игнорировали национальный фактор... Без преувеличения можно рассматривать чистки 1936–1938 годов как один из последних этапов гражданской войны в России»⁹. Чистки стали результатом разгрома проигравших в политических баталиях троцкистов, зиновьевцев, каменевцев, выдвиненцев и сторонников других лидеров оппозиции. Их «контрреволюционность» была своеобразной. Среди оппонентов И.В. Сталина находились наиболее последовательные приверженцы идеи мировой революции, включая первых в недавнем прошлом руководящих лиц «штаба революции» – Коминтерна.

В канун войны появились признаки явных изменений политики государства в отношении религии и церкви, во многом определяющих национальное сознание. По данным переписи населения 1937 г. о своей вере в Бога заявили более 45% населения СССР, две трети населения в сельской местности и не менее одной трети населения городов¹⁰. Это говорило о тщетности усилий по завершению атеизации населения за годы предыдущих «безбожных пятилеток»¹¹.

⁶ Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. М., 2001. С. 132.

⁷ Земсков В.Н. Документы трагического времени // Аргументы и факты. 1990. № 35; Козлов В.И. Национальности СССР. М., 1982. С. 285.

⁸ Костырченко Г.В. Указ. соч. и др.

⁹ Цит. по: Назаров М.В. Тайна России. Историософия XX века. М., 1999. С. 112.

¹⁰ Антирелигиозник. 1937. № 11. С. 2.

¹¹ См.: Безбожная пятилетка // Православная энциклопедия. М., 2002. Т. IV. С. 443–444.

Возрождая некоторые русские традиции, власть сочла необходимым умерить антирелигиозный пыл партийных богоборцев. В частности, в постановлении, осудившем издевательское изображение крещения Руси в опере-фарсе «Богатыри», подчеркивалось, что крещение в действительности являлось «положительным этапом в истории русского народа»¹². После 1937 г. резко снизился размах репрессий в отношении служителей церкви. Среди обвиняемых, привлеченных органами НКВД по следственным делам, служителей религиозного культа и церковно-сектантских контрреволюционеров насчитывалось в 1937 г. 37 331 человек, в 1938 г. – 13 438, в 1939 г. – 987, в 1940 г. – 2231, в первом полугодии 1941 г. – 1618 человек¹³.

В условиях начавшейся мировой войны советское руководство лишь укреплялось в правоте избранного ранее курса в национальной политике и в воспитательной работе с населением. Война с Финляндией показала глубину заблуждений и тщетность надежд на пролетарскую солидарность в предстоящей большой войне. В докладах о состоянии военной пропаганды среди населения, направленных в ЦК ВКП(б) Главным управлением политической пропаганды Красной Армии в мае 1940 и в январе 1941 г. в ряду «ложных установок в деле воспитания и пропаганды», негативно сказавшихся в «освободительных походах» 1939–1940 гг., отмечались не только культ опыта гражданской войны и отсутствие трезвой оценки сил армии. Признавалось «неправильное освещение» интернациональных задач, интернационализма и патриотизма. Предлагалось осудить «глубоко укоренившийся предрассудок», будто население стран, вступающих в войну с СССР, неизбежно и чуть ли не поголовно восстанет против своей буржуазии и будет переходить на сторону Красной Армии, а последней останется лишь пройти по стране триумфальным маршем и установить Советскую власть. Задачи армии предлагалось трактовать иначе: «Красная Армия в любой войне выполняет свои интернациональные обязанности, но далеко не всегда выполнение этих обязанностей является главной задачей. В любой войне, которую поведет Советский Союз, основной задачей Красной Армии будет защита Советского Союза – отечества мирового пролетариата». Где бы и при каких условиях Красная Армия ни вела войну, «она будет исходить из интересов Родины, из задачи укрепления силы и могущества Советского Союза. И только в меру решения этой основной задачи Красная Армия выполнит свои интернациональные обязанности». Что же касается патриотического воспитания красноармейцев, то особо подчеркивалось: «Нашу армию

¹² См.: О пьесе «Богатыри» Демьяна Бедного. Постановление Всесоюзного комитета по делам искусств при СНК Союза ССР от 13 ноября 1936 г. // Против фальсификации народного прошлого. М.; Л., 1937. С. 1–2.

¹³ Мозохин О.Б. Право на репрессии. Внесудебные полномочия органов государственной безопасности. Статистические сведения о деятельности ВЧК–ОГПУ–НКВД–МГБ СССР. М., 2011. С. 461, 465, 470, 477, 485.

необходимо воспитывать на ее героических традициях и на героическом прошлом русского народа»¹⁴.

В канун Отечественной войны руководство ВКП(б) осознавало необходимость изменения отношения к национализму как таковому. 27 февраля 1941 г. А.А. Жданов на встрече Димитрова со Ждановым, Андреевым и Маленковым говорил: «Мы сбились (допустили ошибку. – А.В.) на национальном вопросе. Не обращали достаточно внимания на национальные моменты»¹⁵. Г. Димитров записал далее: «Сочетание пролетарского интернационализма со здоровыми национальными чувствами данного народа. Подготовить надо наших "националистов"». По установке, выработанной на этой встрече, уже 28 февраля в ИККИ состоялось обсуждение мероприятий по ее проведению в жизнь. Было решено создать специальную одногодичную школу, был определен состав её слушателей и преподавателей, сделаны наметки программы. «Программу необходимо составить с учетом большого внимания к национальным проблемам (проблемам собственно стран)», – отмечено в дневнике генерального секретаря Исполкома Коминтерна¹⁶.

12 мая 1941 г. состоялась беседа А.А. Жданова с Г. Димитровым о судьбе Коминтерна. Обосновывая необходимость прекращения его деятельности, ни в коем случае не означающей отказа от международной пролетарской солидарности, Жданов привел разъяснение И.В. Сталина о связи между национальными и интернациональными основами патриотизма: «Нужно развивать идеи сочетания здорового, правильно понятого национализма с пролетарским интернационализмом. Пролетарский интернационализм должен опираться на этот национализм... Между правильно понятым национализмом и пролетарским интернационализмом нет и не может быть противоречия. Безродный космополитизм, отрицающий национальные чувства, идею родины, не имеет ничего общего с пролетарским интернационализмом. Этот космополитизм подготавливает почву для вербовки разведчиков, агентов врага»¹⁷.

Отметим, что «правильно понятый национализм» нисколько не противоречит современным научным представлениям об этом феномене. Однако в мае 1941 г. времени для масштабной публичной разъяснительной работы и соответствующей перестройки пропаганды в СССР уже не оставалось. Трудность создавало опасение слишком явного разрыва с В.И. Лениным, утверждавшим в своё время: «Марксизм непримирим с национализмом, будь он самый "справедливый", "чистенький", тонкий и цивилизованный. Марксизм выдвигает на место всякого национализма – интернационализм, слияние всех наций»¹⁸. Оста-

¹⁴ Известия ЦК КПСС. 1990. № 3. С. 198–201; № 5. С. 191–192.

¹⁵ Цит. по: *Марьина В.* Георгий Димитров – советский гражданин. 1934–1945 гг. (по материалам дневников Г. Димитрова) // *Россия XXI*. 2007. № 4. С. 96.

¹⁶ Там же. С. 86–97.

¹⁷ Там же. С. 100.

¹⁸ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 24. С. 131.

навливал и страх перед возможными обвинениями И.В. Сталина со стороны партийных ортодоксов в переходе в национальном вопросе на гитлеровскую точку зрения, ставящую нацию и национальную идею в центр своей идеологии и политики.

Поражения СССР на первых этапах войны с Германией были вызваны многими причинами, в том числе и с изначально ошибочными установками национальной политики, обусловившими пороки в национально-государственном устройстве СССР, в отношении к дореволюционной отечественной истории и роли русского народа в межнациональных отношениях. Корректировка национальной политики, начавшаяся в конце 1924 г. и особенно заметная с середины 1930-х годов, не позволила до конца устранить все эти изъяны. Процесс консолидации народов СССР в единый советский народ оказался далеко не законченным. Не способствовал этому и «большой террор», развернувшийся после назначения Н.И.Ежова на пост наркома НКВД. 25 сентября 1936 г., в телеграмме членам Политбюро И.В. Сталин посчитал это назначение «абсолютно необходимым и срочным делом», поскольку его предшественник Г.Г. Ягода «явным образом оказался не на высоте своей задачи в деле разоблачения троцкистско-зиновьевского блока. ОГПУ опоздал в этом деле на 4 года»¹⁹.

К началу войны негативные последствия «запоздавших» массовых репрессий преодолеть не удалось. Политика утверждения общенационального советского патриотизма, призванная на смену политике раскалывания общества по классовым основаниям, еще не стала столь действенной, как это изображалось официальной пропагандой. Все это сказалось уже в первые недели Великой Отечественной войны. Без решительного перехода правящей партии на национально-патриотические позиции защиты общенародных интересов победа в войне была бы недостижима.

Наиболее серьезные уступки русскому национальному сознанию были сделаны в ходе войны. Связано это было с необходимостью использовать в противостоянии с агрессором всю мощь национального фактора крупнейшего по численности народа СССР. Неудачи первого этапа войны поставили под сомнение коренные, казавшиеся ранее незыблемыми идеологические постулаты, определявшие жизнь советского общества, внутреннюю и внешнюю политику государства. Создание антигитлеровской коалиции приглушило антиимпериалистическую пропаганду. Международная классовая солидарность на поверку не обнаруживала своей действенности. Германские пролетарии вопреки ожиданиям и наивным призывам из советских окопов вовсе не спешили повернуть оружие против своего правительства. Как и пролетарии других воюющих капиталистических государств, они никак не вдохновлялись идеей использовать мировую войну для свершения мировой коммунистической революции.

¹⁹ См.: Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. Архив Сталина: Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 – декабрь 1936. М., 2003. С. 824.

Национальная солидарность оказалась силой, сплачивающей народ несравненно прочнее, нежели классовая, не только в стане врага, но и в самом СССР. В беседе с У. Гарриманом, координатором американской программы ленд-лиза, во время московского совещания представителей СССР, США и Великобритании осенью 1941 г., И.В. Сталин сказал о своих соотечественниках: «Мы знаем, народ не хочет сражаться за мировую революцию; не будет он сражаться и за советскую власть... Может быть, будет сражаться за Россию»²⁰.

С началом войны в СССР были прекращены всякие попытки актуализировать популярную ранее идею о превращении войны в революцию. Г. Димитров уже утром 22 июня получил указание: «Коминтерн пока не должен выступать открыто. Партии на местах развертывают движение в защиту СССР. Не ставить вопрос о социалистической революции. Советский народ ведет Отечественную войну против фашистской Германии. Вопрос идет о разгроме фашизма, поработившего ряд народов и стремящихся поработить и другие народы». В шифровках компартиям, секциям Коминтерна, отправленным в тот же день, подчеркивалось: «Учтите, что на данном этапе вопрос идет о защите народов против фашистского порабощения, а не о социалистической революции»²¹.

Эти же мысли прозвучали 3 июля 1941 г. в обращении И. В. Сталина по радио к советскому народу. В нём был сделан особый упор на то, что война с фашистской Германией не должна рассматриваться как обычная война между армиями, это – «война всего советского народа», «всенародная отечественная война», «война за свободу нашего отечества», которая «сопьется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы». Сталин говорил об опасности разрушения национальной культуры и национальной государственности советских народов, угрозе их онемечения. В этой связи кажется совсем не случайным прекращение гонений на церковь, одним из признаков которого было обращение к народу страны как к «братьям и сестрам» (традиционное обращение православных священнослужителей). В тяжелейшие дни начала войны И.В. Сталин пришел к заключению, что «его правительство и его система не выстоят под ударами германской армии, если только они не будут опираться на поддержку вековых устремлений и духа русского народа»²².

К июлю И.В. Сталин, скорее всего, уже прочитал «Послание пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви» Патриаршего местоблюстителя, митрополита Московского и Коломенского Сергия (в миру И.Н. Страгородский). Оно было написано рано утром 22 июня, оглашалось в церквях и стало известно значительной части верующего населения страны. В своем послании высший иерарх церкви писал:

²⁰ Цит. по: *Николаевский Б.И.* Тайные страницы истории. М., 1995. С. 204.

²¹ История Коммунистического Интернационала. 1919–1943: Документальные очерки. М., 2002. С. 192, 194.

²² *Джилас М.* Беседы со Сталиным. М., 2002. С. 57.

«В последние годы мы, жители России, утешали себя надеждой, что военный пожар, охвативший едва не весь мир, не коснется нашей страны, но фашизм, признающий законом только голую силу и привыкший глумиться над высокими требованиями чести и морали, оказался и на этот раз верен себе. Фашиствующие разбойники напали на нашу Родину. Попирая всякие договоры и обещания, они внезапно обрушились на нас, и вот кровь мирных граждан уже орошает родную землю. Повторяются времена Батая, немецких рыцарей, Карла шведского, Наполеона... Но не первый раз приходится русскому народу выдерживать такие испытания. С Божиею помощью и на сей раз он развеет в прах фашистскую вражескую силу. Наши предки не падали духом и при худшем положении потому, что помнили не о личных опасностях и выгодах, а о священном своем долге перед Родиной и верой, и выходили победителями... Вспомним святых вождей русского народа, например, Александра Невского, Дмитрия Донского, полагавших свои души за народ и Родину. Да и не только вожди это делали. Вспомним неисчислимые тысячи простых православных воинов, безвестные имена которых русский народ увековечил в своей славной легенде о богатырях Илье Муромце, Добрыне Никитиче и Алеше Поповиче, разбивших наголову Соловья-разбойника. Православная наша церковь всегда разделяла судьбу народа. Вместе с ним она и испытания несла, и утешалась его успехами. Не оставит она народа своего и теперь. Благословляет она небесным благословением и предстоящий всенародный подвиг». Митрополит призвал священнослужителей не оставаться молчаливыми наблюдателями за ходом войны, а ободрять малодушных, утешать огорченных, напоминать о долге колеблющимся²³.

С аналогичным посланием обратился 26 июня митрополит Ленинградский Алексий (будущий патриарх Московский и всея Руси). Оба иерарха, не задумываясь о последствиях, фактически нарушили закон, который запрещал вмешательство церкви в дела государства²⁴.

И.В. Сталин не мог не обратить внимание на то, что аргументы церковных иерархов в главном совпадали с аргументами руководителей государства, а также на то, что их слово несло огромный заряд патриотизма, указывало на глубинный исторический источник народной силы и веры в конечную победу над врагами. Важнейшее совпадение обнаруживалось и в необходимости определения начавшейся войны не как классовой, а как всенародной, Отечественной, патриотической. По некоторым сведениям, в июле 1941 г. состоялась краткая встреча И.В. Сталина с митрополитом Сергием, которой оба остались довольны²⁵. Как бы то ни было, фактическая нормализация отношений между церковью и государством прослеживается с самого начала войны. В стране полностью прекратились антирелигиозная пропаганда и выход в свет

²³ Правда о религии в России. М., 1942. С. 15–17.

²⁴ См.: *Васильева О.Ю.* Русская Православная церковь в 1927–1943 гг. // Вопросы истории. 1994. № 4. С. 42.

²⁵ См.: *Поспеловский Д.В.* Русская Православная церковь в XX веке. М., 1995. С. 185.

журналов «Безбожник», «Антирелигиозник» и др. Глава советской миссии в Югославии без тени сомнения утверждал: «Мы бы спасали Россию даже посредством православия, если бы это стало неизбежно!»²⁶

Вероятно, в соответствии с новым видением соотношения интернациональных и патриотических задач и обязанностей советских людей в июле 1941 г. была издана книга «Героическое прошлое русского народа в художественной литературе», в которой прошлое представлялось наиболее яркими страницами истории с древнейших времен (былинны богатыри) и кончая начавшейся войной с фашистской Германией.

Воскрешение вдохновляющих традиций старой русской армии выразилось, в частности, в возрождении гвардейских званий. Слово «гвардия», известное в России со времён Петра I, означало самые отборные, боеспособные, отличающиеся особым мужеством войска. Появление этого слова в приказе Ставки ВГК от 18 сентября 1941 г. свидетельствовало, что лучшие боевые традиции, основой которых была преданность Родине, перешли из русской армии в РККА. О воскрешении традиций и восстановлении связи с героическим прошлым страны свидетельствовало и сталинское напутствие войскам на параде 7 ноября. Вслед за митрополитом И. В. Сталин призвал помнить имена тех, кто создал и защитил Россию, ее исторических героев – Александра Невского, Дмитрия Донского, Александра Суворова, Михаила Кутузова²⁷.

10 декабря 1941 г. был отдан приказ о снятии со всех военных газет лозунга «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Объяснялась и причина этого явно «контрреволюционного» решения: чтобы лозунг не мог «неправильно ориентировать некоторые прослойки военнослужащих»²⁸. 20 декабря 1941 г. словосочетание «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» было также заменено лозунгом «Смерть немецким оккупантам!» на знамёнах воинских частей²⁹. Спасение страны и социализма виделось в превращении войны в отечественную, национальную, а не классовую. Идеологический поворот, связанный с внедрением в коммунистическую идеологию национально-патриотических лозунгов, признание духовно-культурных ценностей дореволюционной России великим достоянием СССР с позиций коммунистического фундаментализма были временным отходом от идей революции и пролетарского интернационализма и могли быть терпимыми лишь как вынужденная уступка. Этот поворот был отражен в довольно точной аналогии: в СССР был провозглашен «националистический НЭП»³⁰. Выбор оказался единственно верным. Идеологический поворот, совершенный руководством страны в начале войны, во многом обу-

²⁶ Джилас М. Указ. соч. С. 56.

²⁷ Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 2002. С. 37.

²⁸ Родина. 1991. № 6–7. С. 75.

²⁹ Великая Отечественная: Главные политические органы Вооружённых Сил СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1996. С. 96.

³⁰ Верт А. Россия в войне 1941–1945. М., 1965. Вып. 1. С. 247.

словил коренной поворот в ходе войны и, в конечном итоге, саму Победу. Как позднее написал И.Л. Солоневич, «разгром Гитлера есть, конечно, результат национального чувства, взятого в его почти химически чистом виде»³¹.

Фашистская пропаганда и оккупационная политика не могли не обострять существовавшие в стране противоречия, в частности в межнациональных отношениях. Одним из результатов этого стала подлинная трагедия еврейского населения на оккупированной гитлеровцами территории СССР. Например, в Литве, где до ее включения в СССР евреи составляли заметную часть компартии, ситуация кардинально менялась в 1940 и в 1941 гг. «В первые советские годы, – писал президент Литвы А. Бразаускас, – некоторые евреи стали активными сторонниками оккупационного режима и оказались вовлечены в репрессивные акции по выселению невинных людей в Сибирь... Когда Литву заняли немцы, новые активисты поставили знак равенства между евреями и коммунистами, т. е. преступления отдельных людей перенесли на всю еврейскую общину. Вдохновителями и организаторами еврейского геноцида были власти гитлеровской Германии, но, к нашему стыду и боли, в экзекуции было вовлечено и немало литовцев». В одной из инструкций Фронта активистов Литвы, учрежденного еще в 1940 г., указывалось, что литовским коммунистам «только тогда будет прощение, если они на деле докажут, что ликвидировали хотя бы по одному еврею». Хотя многие литовцы, пишет далее Бразаускас, «рискуя жизнью спасали евреев», в Литве за годы войны «почти полностью погибла одна из самых многочисленных еврейских общин Европы – более 200 тыс. человек»³².

В масштабах СССР «еврейский вопрос» не мог не обостряться и из-за явного несоответствия представленности этой национальности в руководящей и культурной элите с ее представленностью среди эвакуированных и на фронте, на чем особенно успешно играли гитлеровцы. Согласно переписи 1939 г. евреи насчитывали 1,8% населения СССР. К началу войны их доля в населении увеличилась до 2,5%³³. По данным Совета по делам эвакуации на начало декабря 1941 г., евреи составляли 26,9% от всех эвакуированных из районов, которым грозила оккупация гитлеровскими войсками³⁴. Эта цифра во много раз превосходила долю евреев среди мобилизованных на фронт.

³¹ Солоневич И.Л. Народная монархия. М., 1991. С. 200.

³² Бразаускас А. Пять лет президента. События, воспоминания, мысли. М., 2002. С. 465–467.

³³ Вестник Еврейского университета в Москве. 1995. № 5. С. 152.

³⁴ Альтман И.А. Жертва ненависти: Холокост в СССР. 1941–1945 гг. М., 2002. С. 389. По другим данным, «евреи составляли осенью 1941 г. примерно 40% всех эвакуированных» (Эвакуация // Холокост на территории СССР: Энциклопедия / Гл. ред. И.А. Альтман. М., 2011. С. 1108). Высокий процент евреев среди эвакуированных во многом соответствует их доле в городском населении районов, которым грозила оккупация гитлеровскими войсками в первые месяцы войны. Это были районы традиционного проживания евреев (бывшая черта оседлости).

Вероятно, в этой связи оформился один из стойких мифов об ожидающейся новой революции в СССР. Фронт и тыл полнились слухами: «После войны будет антиеврейская революция. Потому что на передовой евреев нет, а в тылу 5-й Украинский фронт взял Ташкент»³⁵. Утверждалось, что «идея антиеврейской революции была инспирирована самим Сталиным (через Щербакова) в декабре 1941 года»³⁶. Говорили о секретных инструкциях, предписывающих «ограничить выдвижение евреев». Г.С. Померанц пишет, что такая инструкция отдела кадров появилась в 1943 г.³⁷. Р.А. Медведев рассказывает о якобы созданном И.В. Сталиным осенью 1944 г. расширенном совещании в ЦК ВКП(б) с участием членов Политбюро и Секретариата ЦК, первых секретарей республиканских и областных комитетов партии, руководителей оборонной промышленности, армии и госбезопасности. На этом совещании речь шла о «повышении бдительности» по отношению к еврейским кадрам, а по сути дела – о необходимости постепенного вытеснения лиц еврейской национальности с ответственных постов. «Вскоре после совещания партийные комитеты различных уровней получили подписанное Маленковым директивное письмо, которое тогда называли в партийных кругах "маленковским циркуляром". В нем перечислялись должности, на которые назначение людей этой национальности было нежелательно. Одновременно вводились и некоторые ограничения приема евреев в высшие учебные заведения»³⁸.

По свидетельствам выпускников Военно-дипломатической академии 1946 года, при их зачислении в число слушателей в сентябре 1944 г. обнаружилось, что прием в нее для евреев был «категорически закрыт». Среди выпускников было по 3–5 представителей всех 16 союзных республик. Предполагалось, что они составят костяк республиканских министерств иностранных дел, учрежденных в соответствии с решениями Январского (1944 г.) пленума ЦК ВКП(б). Евреев не принимали в академию на том основании, что у них не было «своей» союзной республики. Таким образом, слушатели академии одними из первых столкнулись с официальным подтверждением слухов о «революции» и «циркуляре»³⁹.

В целом же ситуацию на фронте и в тылу, ее коренной перелом в пользу СССР и окончательную победу над Германией определила несопоставимость духовных потенциалов агрессора и жертвы. Человеконенавистнической идеологии расизма и геноцида по отношению к поработаемым народам советская сторона противопоставила такие общечеловеческие идеи, как

³⁵ Померанц Г. С. Записки гадкого утенка. М., 2003. С. 156.

³⁶ Там же. С. 159.

³⁷ Там же. С. 161.

³⁸ Медведев Р.А. Они окружали Сталина: Несостоявшийся «наследник» Сталина // Юность. 1989. № 9. С. 71.

³⁹ См.: Климов Г.П. Песнь победителя. Краснодар, 1994. Т. 1. С. 34; Исразян В.Л. На фронтах Холодной войны: Записки советского посла. М., 2003. С. 14, 29.

национальная независимость, солидарность и дружба народов, справедливость, гуманизм. Несмотря на то, что практическая политика по претворению этих принципов в СССР была далека от идеалов, их постоянное декларирование сохраняло надежду на их полное воплощение в жизнь после победы. Популярная кинокартина «Свинарка и пастух» (вышла на экраны в ноябре 1941 г.), повествующая о любви русской девушки и парня из Дагестана, своим гуманистическим пафосом была близка умам и сердцам миллионов людей. Этот же пафос привлекал к СССР и симпатии демократической общественности за рубежом.

В идеологической области в годы войны проводилась линия на укрепление патриотизма и межнационального единства народов СССР. В ряды Красной Армии призывались граждане всех национальностей, на фронте они сражались за общую Родину. В самую тяжелую пору войны, когда довоенная армия была по сути дела уничтожена врагом, а украинские и белорусские земли оккупированы, пришлось в большей мере использовать демографический потенциал неславянских народов СССР. Создавались национальные воинские формирования, в значительной мере – из-за слабого знания русского языка призванными⁴⁰. Национальные республики Востока приняли эвакуированные предприятия, вовлекались в налаживание их работы, вносили посильный вклад в общую борьбу. В отражении гитлеровского нашествия участвовали все народы Советского Союза, включая самые малочисленные. К примеру, среди нанайцев и ульчей участники войны составили 8% от их общей численности⁴¹. Национальные и религиозные различия советских народов не стали препятствиями к единению. В рядах вооруженных защитников Отечества вместе сражались православные и мусульмане, иудеи и буддисты. ... В церквях, мечетях, храмах прихожане молились за свободу родной земли⁴². Укрепление братского содружества народов было одной из ведущих тем пропаганды и приносило свои плоды. Хотя в годы войны имели место многочисленные случаи измены и предательства среди представителей разных национальностей, а также проявлялось недоверие к некоторым народам, дружба народов в целом выдержала тяжелое испытание.

В ходе войны все больше возрастала роль русского народа. Известно, что в составе населения СССР накануне войны русские составляли 51,8%, украинцы – 17,6; белорусы – 3,6; узбеки – 2,6; евреи – 2,5; татары 2,2; казахи – 1,8; азербайджанцы – 1,2; армяне, грузины, литовцы, молдаване – по 1,1%; каждый из

⁴⁰ См.: *Курсанов Н.А.* В боевом строю народов-братьев. М., 1984; *Курсанов Н.А., Дробязко С.И.* Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: национальные и добровольческие формирования по разные стороны фронта // *Отечественная история*. 2001. № 5.

⁴¹ *Сидоричева А.* Дальний Восток в Великой Отечественной войне. Комсомольск-на-Амуре, 2004. URL: <http://www.istorya.ru/referat/7626/1.php> (дата обращения: 24.04.2011).

⁴² *Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь*. М., 2010. С. 209.

остальных народов – менее процента⁴³. Среди мобилизованных на выполнение ратного долга перед Отечеством в годы войны русские насчитывали 65,4%; украинцы – 17,7; белорусы – 3,2; татары – 1,7; евреи – 1,4; казахи и узбеки – по 1,1%; другие народы СССР – 8,3%⁴⁴.

В годы войны несли большие невосполнимые утраты все народы СССР. При этом потери граждан России составили 71,3% от общих демографических потерь Вооруженных сил СССР⁴⁵. В национальном отношении среди всех погибших военнослужащих наибольшая доля приходится на русских – 5,7 млн (66,4% погибших); украинцы составляли 1,4 млн (15,9%); белорусы – 253 тыс. (2,9); татары – 188 тыс. (2,2); евреи – 142 тыс. (1,6); казахи – 125 тыс. (1,5); узбеки – 118 тыс. (1,4%); другие народы СССР – 8,1%⁴⁶.

В сражениях с немецко-фашистскими захватчиками погибли, умерли от ран и болезней, пропали без вести и попали в плен 1023,1 тыс. офицеров Советской Армии и Военно-Морского флота (35% от общего числа офицеров, состоявших на военной службе в кадрах Вооруженных Сил в период войны). Среди них было 416 генералов и адмиралов, 2502 полковника⁴⁷. Об изменениях в национальном составе генералитета можно судить по следующим данным. В 1940 г. среди 802 генералов сухопутных войск было 670 (83,5%) русских, 50 (6,2%) украинцев, (40) 5% белорусов, 14 (1,7%) евреев, 5 (0,6%) латышей, по 4 генерала (0,5%) насчитывали поляки и татары, по 3 (0,4%) – армяне и чуваша, по 2 (0,25%) – литовцы и немцы, по одному генералу (0,12%) – грузины, мордвина, финны, калмыки, карелы⁴⁸.

В период Великой Отечественной войны генералитет пополнился представителями многих других народов СССР. По данным на 15 мая 1944 г., из 2952 генералов Красной Армии (без находившихся на службе в ВМФ, НКВД, НКГБ, «Смерш», и работавших в гражданских наркоматах, где числилось еще 495 генералов и адмиралов), русские по национальности составляли 2272 человека (77%), украинцы – 286 (9,7%), белорусы – 157 (5,3%), евреи – 102 (3,5%), армяне – 25 (0,85%), латыши – 19 (0,8%), поляки – 17 (0,6%), грузины и татары – по 12 (0,4%), осетины – 9 (0,3%), литовцы – 8, азербайджанцы и эстонцы – по 5 (0,17%), мордвина и чуваша – по 4 (0,14%), испанцы и финны – по 3 (0,1%), калмыки – 2 (0,07), казахи, караимы, коми, марийцы, немцы, узбеки, черкесы – по одному человеку (0,03%)⁴⁹.

Удельный вес русских в рядах сражающихся был особенно велик в самый трудный период войны. Это заставляло руководство страны чаще

⁴³ Население России в XX веке: Исторические очерки: В 3 т. М., 2001. Т. 2: 1940–1959. С. 15.

⁴⁴ Солженицын А.И. Двести лет вместе. М., 2002. Ч. II. С. 363.

⁴⁵ Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. М., 2010. С. 227.

⁴⁶ Там же. С. 228.

⁴⁷ Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. М., 2010. С. 471.

⁴⁸ Подсчитано по: Печенкин А.А. Высший командный состав Красной Армии в годы Второй мировой войны. М., 2002. С. 61–62.

⁴⁹ Источник. 1996. № 2. С. 149.

обращаться как к наиболее вдохновляющим – к исконным стремлениям и ценностям русского народа, к его историческим корням и самобытным традициям. В пропаганде перестали делать особый упор на принцип классового интернационализма. Утверждению этих тенденций способствовала смена руководства Главного политического управления Красной Армии, произошедшая весной 1942 г. Патриота-интернационалиста Л.З. Мехлиса на ответственном посту начальника Главного политуправления РККА сменил А.С. Щербаков, имеющий стойкую репутацию патриота-государственника. Новации в деятельности важнейшего военно-политического ведомства выразились в начавшейся вскоре укреплении новыми кадрами Главпура, политуправлений фронтов, редакции главного печатного органа советских Вооруженных Сил «Красной звезды». В июле 1943 г. был снят с поста редактора газеты Д.И. Ортенберг⁵⁰.

В 1942 г. была начата работа по замене «Интернационала» на патриотический гимн. Роспуск Коминтерна в мае 1943 г. ускорил работу над созданием гимна, в котором надо было отразить исторический путь народов страны, а не борьбу международного пролетариата. С начала 1944 г. официальные торжественные мероприятия и ежедневные передачи советского радио начинались с исполнения гимна о нерушимом союзе республик, сплоченных навеки Великой Русью. В основу гимна была положена величественная музыка А.В. Александрова с ее устремленностью и призывом к подвигу, так необходимыми сражающейся стране⁵¹.

Огромную вдохновляющую роль сыграло учреждение орденов в честь Александра Невского, Суворова, Кутузова (июль 1942 г.), позднее, в октябре 1943 г. – ордена Богдана Хмельницкого (для воодушевления украинцев в их борьбе за изгнание оккупантов, за свою национальную будущность), орденов и медалей Ушакова и Нахимова (март 1944 г.). В январе 1943 г. Советской армии были возвращены традиционная форма русской военной одежды с погонами, офицерские звания. Учреждались Суворовские и Нахимовские училища по образцу старых кадетских корпусов⁵². На фронте и в тылу пропагандистская работа организовывалась на основе директивы о воспитании советского патриотизма на примерах героического прошлого русского народа. Практическим пособием в проведении этой работы

⁵⁰ Семанов С.Н. Русско-еврейские разборки. М., 2003. С. 25.

⁵¹ См.: Кружков В. Гимн Советского Союза. М., 1944; Грачев В.Н. Гимны России – зеркало ее духовного состояния. М., 2003; Михалков С., Дмитровский А. Три гимна в XX веке. Калининград, 2003; Из истории советской политической символики. С. 202–252; Российские флаги в дискурсе истории. С. 253–366; Национальные гимны России – духовные и патриотические символы Отечества // Соболева Н.А. Очерки истории российской символики: От тамги до символов государственного суверенитета. М., 2006. С. 367–432; и др.

⁵² Великая Отечественная война. 1941–1945: Энциклопедия. М., 1985. С. 439, 484, 513, 694, 762.

стала книга «Героическое прошлое русского народа», изданная массовым тиражом в августе 1943 г. В том же году был восстановлен памятник Д. Пожарскому в Суздале на месте его часовни-мавзолея, разрушенной в 1933 г. Высказывались предложения по расширению списка замечательных государственных и военных деятелей дореволюционной России, включив в него князей Святослава и Владимира Мономаха, царя Ивана III, генерала М.Д. Скобелева⁵³.

В октябре 1944 г. на самом высоком уровне рассматривался (был подготовлен соответствующий проект Указа Президиума Верховного Совета СССР) вопрос об официальном разрешении военнослужащим носить полученные еще в Первую мировую войну солдатские Георгиевские кресты. Были задуманы ордена, носящие имена Дениса Давыдова (для награждения партизан), Николая Пирогова (офицерам-медикам). Для гражданских лиц проектировался орден Михаила Ломоносова, а также медали, носившие имена Чернышевского, Павлова, Менделеева. Известны и проектные рисунки советского ордена «Петр Великий»⁵⁴. Проекты остались неосуществленными, видимо, из-за отсутствия острой необходимости в дальнейшем поощрении «националистической» тенденции в наградном деле.

Вынужденное апеллирование властей к национальным чувствам русского народа имело не только положительное значение. Негативным следствием такой апелляции было провоцирование среди некоторых представителей неславянских национальностей вопроса: во имя чего воевать, приносить в жертву свою жизнь, если война направлена против русских? Выражение таких настроений, нежелание участвовать в сражениях, как отмечают фронтовики, тоже имело место и «приобретало самый разнообразный характер». Распространившееся почитание русских как «старших братьев», а затем и «руководящей нации» в республиках вызвало не только смешанную, но и «исключительно отрицательную реакцию»⁵⁵.

В мае 1943 г., когда события на фронте для советской стороны вновь повернулись к худшему, а Второй фронт еще не был открыт, руководство ВКП(б) пошло на принятие одного из самых сенсационных за годы войны решений. Был распущен Коминтерн, известный всему миру как «штаб мировой революции». Такая идея впервые была выдвинута еще в апреле 1941 г. Тогда она мыслилась как разменная карта в торге с Гитлером. На этот раз важно было как можно скорее добиться укрепления союзнических отношений с западными капиталистическими странами ради расширения их военной помощи советскому народу. Между тем эти отношения в мае 1943 г. совсем не удовлетворяли СССР, причем настолько, что советские

⁵³ См.: Коробков Н. Героическое прошлое русского народа // Большевик. 1943. № 18. С. 64.

⁵⁴ Награды Великой Отечественной. М., 1993. С. 134–135.

⁵⁵ Исразлян В.Л. На фронтах Холодной войны: Записки советского посла. С. 40, 41.

послы М.М. Литвинов и И.М. Майский были отозваны из столиц США и Великобритании⁵⁶.

О предстоящем роспуске Коминтерна было объявлено в прессе 15 мая, в самом начале Вашингтонской конференции Ф. Рузвельта и У. Черчилля, от которой зависело, будет ли открыт Второй фронт в 1943 г. Объявление было положительно воспринято в странах Запада, особенно в США, и привело к укреплению отношений этих стран с Советским Союзом.

При обсуждении постановления о роспуске Коминтерна на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 21 мая было отклонено предложение М.И. Калинина сохранить эту организацию и перенести центр ее деятельности в одну из западных стран. Отстаивая необходимость роспуска, И.В. Сталин говорил: «Опыт показал, что и при Марксе, и при Ленине, и теперь невозможно руководить рабочим движением всех стран мира из одного международного центра. Особенно теперь, в условиях войны, когда компартии в Германии, Италии и других странах имеют задачи свергнуть свои правительства и проводить тактику пораженчества, а компартии СССР, Англии и Америки и другие, наоборот, имеют задачи всемерно поддерживать свои правительства для скорейшего разгрома врага. Есть и другой мотив для роспуска КИ, который не упоминается в постановлении. Это то, что компартии, входящие в КИ, лживо обвиняются, что они являются якобы агентами иностранного государства, и это мешает их работе среди широких масс. С роспуском КИ выбивается из рук врагов этот козырь». Сталинское «якобы» было весомым аргументом. Принимался во внимание и довод старейшего члена ИККИ В. Коларова, который утверждал, что Коминтерн «давно перестал быть на деле руководящим органом... Существует СССР, этот новый фактор такой огромной силы, что Коминтерн является архаизмом. Коминтерн был создан в момент революционной бури, но надежды на быструю революцию не оправдались»⁵⁷.

С 1943 г. получило известность сталинское суждение, во многом определившее последующую национальную политику: «Необходимо опять заняться проклятым вопросом, которым я занимался всю жизнь, но не могу сказать, что мы его всегда правильно решали... Это проклятый национальный вопрос... Некоторые товарищи еще недопонимают, что главная сила в нашей стране – великая великорусская нация... Некоторые товарищи еврейского происхождения думают, что эта война ведется за спасение еврейской нации. Эти товарищи ошибаются, Великая Отечественная война ведется за спасение, за свободу и независимость нашей Родины во главе с великим русским народом»⁵⁸.

⁵⁶ В августе 1943 г. послом в США назначен А.А. Громыко, а послом в Великобритании – Ф.Т. Гусев (См.: *Залесский К.А. Кто есть кто в истории СССР. 1924–1953.* М., 2009. С. 169, 174).

⁵⁷ История Коммунистического Интернационала. 1919–1943. С. 237, 235.

⁵⁸ Цит. по: *Копелев Л.* Вопрос без ответа // *Огонек.* 1989. № 46. С. 14.

Сугубо прагматическими соображениями было вызвано широко разрекламированное решение пленума ЦК ВКП(б) от 27 января 1944 г. «о расширении прав союзных республик в области обороны и внешних сношений». Решение было связано с предстоящей организацией ООН и предложениями МИДа добиваться включения в состав ООН всех 16 советских республик. Попытаться сделать это можно было, придав (хотя бы символически) больше прав, самостоятельности, суверенности союзным республикам, которые стали бы такими же субъектами мирового сообщества, какими являлись британские доминионы (Канада, Южно-Африканский союз, Австралия, Новая Зеландия) и колония (Индия). В расчете на это были приняты указы Верховного Совета СССР о преобразовании союзных наркоматов обороны и иностранных дел в союзно-республиканские.

Необходимость предложенных мер мотивировалось результатами политического, экономического и культурного роста союзных республик. Подчеркивалось: «В этом нельзя не видеть нового важного шага в практическом разрешении национального вопроса в многонациональном советском государстве, нельзя не видеть новой победы нашей ленинско-сталинской национальной политики». Конституция СССР была дополнена статьей 18: «Каждая союзная республика имеет право вступать в непосредственные сношения с иностранными государствами, заключать с ними соглашения и обмениваться дипломатическими и консульскими представителями». Республики получили конституционное право иметь самостоятельные воинские формирования. Истинные цели просматривались в заявлении Молотова на пленуме ЦК: «Это очевидно будет означать увеличение рычагов советского воздействия в других государствах. Это будет также означать, что участие и удельный вес представительства Советского Союза в международных органах, конференциях, совещаниях, международных организациях усилится»⁵⁹.

Однако на практике в это время наблюдалась тенденция прямо противоположного характера. Нападение Германии, Румынии, Венгрии, Италии, Финляндии на СССР сразу же обострило подозрения в отношении соответствующих этнических групп советского населения в том, что враг именно в их среде может быстрее всего найти пособников. Например, уже в июле 1941 г. НКВД СССР указывал на «нецелесообразность оставления в данное время на территории Карело-Финской республики трудпоселенцев-немцев», выселенных в эти края в 1932–1933 гг. из приграничной полосы УССР⁶⁰. Подозрения были небезосновательными, и при первых реальных фактах пособничества врагу превращались в жесткие властные распоряжения. 3 августа 1941 г. И. В. Сталин получил телеграмму из Вознесенска, городка на реке Южный Буг, северо-

⁵⁹ Цит. по: Жуков Ю.Н. Тайны Кремля. Сталин, Молотов, Берия, Маленков. М., 2000. С. 281.

⁶⁰ «По решению Правительства Союза ССР...». Депортация народов: Документы и материалы / Сост. Н. Ф. Бугай, А. М. Гонов. Нальчик, 2003. С. 246.

восточнее Одессы. Командование Южного фронта докладывало: «1. Военные действия на Днестре показали, что немецкое население стреляло из окон и огородов по отходящим нашим войскам. Установлено также, что вступающие фашистско-немецкие войска в немецкой деревне 1.8.41 г. встречались хлебом, солью. На территории фронта имеется масса населенных пунктов с немецким населением. 2. Просим дать указания местным органам власти о немедленном выселении неблагонадежных элементов». На бланке шифротелеграммы появилась резолюция: «Т-щу Берия. Надо выселить с треском. И. Ст[алин]»⁶¹.

В конце августа 1941 г., с приближением гитлеровских войск к районам основного расселения советских немцев, были приняты решения, определившие советскую политику по отношению ко всем родственным противнику этническим группам. 27 августа нарком НКВД, ссылаясь на Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б), издал приказ подготовить и провести 3–20 сентября 1941 г. переселение немцев из Республики немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей. Приказывалось перед началом операции арестовать выявленный «антисоветский элемент», далее – «совместно с партийно-советским активом провести разъяснительную работу и предупредить переселяемых, что в случае перехода на нелегальное положение отдельных членов остальные члены семей будут репрессированы в уголовном порядке», отказывающихся выезжать к месту расселения «арестовывать и перевезти на место расселения в принудительном порядке»⁶². 29 августа Молотов, Маленков, Косыгин, Жданов в донесении на имя Сталина докладывали: «Нами принято решение о немедленном переселении из пригородов Ленинграда немецкого и финского населения в количестве 96 000 человек». Они просили утвердить это решение и возложить организацию переселения на НКВД⁶³. И уже 30 августа последовал приказ НКВД о том, чтобы начать 31 августа и закончить 7 сентября 1941 г. переселение из пригородов Ленинграда в Казахскую ССР немцев и финнов⁶⁴. 31 августа было принято постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О немцах, проживающих на территории Украинской ССР», утверждавшее еще одно предложение НКВД. В постановлении говорилось: «1) немцев, состоящих на учете как антисоветский элемент, арестовать; 2) остальную часть трудоспособного мужского населения в возрасте от 16 до 60 лет НКО мобилизовать в строительные батальоны и передать НКВД для использования в восточных областях СССР»⁶⁵.

В 1942 г. появился ряд решений, отягчавших жизнь значительной части немцев, выселенных ранее в глубокий тыл. 10 января Государственный Комитет Обороны предписал «всех немцев – мужчин в возрасте от 17 до 50 лет,

⁶¹ Иванов М.П. Малоизвестные страницы Великой Отечественной войны. Элиста, 1996. С. 87.

⁶² «По решению Правительства Союза ССР...». С. 277–249.

⁶³ И. Сталин – Л. Берии: «Их надо депортировать». М., 1992. С. 38.

⁶⁴ Там же. С. 255.

⁶⁵ Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 195.

годных к физическому труду, выселенных в Новосибирскую и Омскую области, Красноярский и Алтайский края и Казахскую ССР, мобилизовать в количестве 120 000 человек в рабочие колонны на все время войны» и направить их на лесозаготовки, на строительство заводов и железных дорог⁶⁶. В октябре было принято постановление о дополнительной мобилизации немцев для народного хозяйства, в соответствии с которым мобилизации подлежали немецкие мужчины в возрасте от 15–16 лет до 51–55 лет и женщины в возрасте от 16 до 45 лет включительно. 14 октября январское постановление ГКО, касавшееся немцев, было распространено на проживавших в СССР румын, венгров, итальянцев, финнов⁶⁷. Рабочие колонны пополнялись также за счет представителей этих национальностей, призванных в первые месяцы войны в Красную Армию. По приказу командования РККА от 3 апреля 1942 г. все представители «неблагонадежных» национальностей, находившиеся в действующей армии, изымались из ее рядов и переводились в рабочие колонны НКВД⁶⁸.

Подозрение и недоверие со стороны руководства страны в годы войны испытывали на себе и другие народы СССР. Стойкую обиду вызывали откровенно пренебрежительные оценки вклада народов в общие усилия по отражению фашистской агрессии. Так, в беседе 3 декабря 1941 г. с главой польского эмигрантского правительства В. Сикорским, в присутствии генерала В. Андерса, польского посла С. Кута и В.М. Молотова, И.В. Сталин плохо отозвался о воинской доблести евреев. Получившее огласку высказывание, естественно, было расценено как антисемитское⁶⁹. Оскорбительно прозвучали, по мнению некоторых историков, слова Сталина, сказанные в конце зимы 1941/42 г. в связи с докладом Е.А. Щаденко о сложности пополнения частей из многих национальных республик, где почти не было обученных национальных кадров, прошедших действительную военную службу: «Вы говорите, что некоторые национальные кадры плохо воюют. А что вы хотите?! Те народы, которые десятилетиями откупались от воинской повинности и у которых никогда не было своей военной интеллигенции, все равно не будут хорошо воевать, не могут хорошо воевать при том положении, которое исторически сложилось»⁷⁰. Отмечается недопустимость отношения к национальным кадрам начальника Главного политического управления РККА Л.З. Мехлиса в бытность его представителем Ставки Верховного Главнокомандования на Крымском фронте. В переговорах со Ставкой и Генеральным штабом он неоднократно отмечал низкие морально-боевые качества ряда дивизий, укомплектованных армянами и азербайджанцами, требовал «очистить войска от

⁶⁶ История российских немцев в документах (1763–1992 гг.). М., 1993. С. 168.

⁶⁷ «По решению Правительства Союза ССР...». С. 360.

⁶⁸ Мусаев В.И. Ингерманландский вопрос в XX веке. СПб., 1999. С. 98.

⁶⁹ Россия в XX веке: Историки мира спорят. М., 1994. С. 513–514.

⁷⁰ Симонов К.М. Глазами человека моего поколения. Размышления о И.В. Сталине. М., 1990. С. 383.

кавказцев», комплектовать направляемые фронту пополнения «обученными русскими» и своей властью производил изъятие русских и украинцев из соединений, формируемых в этот период в Закавказье, чтобы пополнить ими войска Крымского фронта. При призыве военнообязанных на территории Северо-Кавказского военного округа приказом НКО от 28 июля 1942 г. было наложено вето на контингенты призывников «горских национальностей» из Чечено-Ингушской и Кабардино-Балкарской АССР⁷¹. К сожалению, обижаящие оценки и решения в ряде случаев были не так уж несправедливы. Иначе было бы трудно объяснить выпуск постановлений ГКО от 13 октября 1943 г. и 25 октября 1944 г., в соответствии с которыми не производился призыв в Вооруженные силы представителей коренного населения Средней Азии, Закавказья, Северного Кавказа⁷².

Особую тревогу властей вызывала обстановка, складывавшаяся на Северном Кавказе. В 1940 г. началось восстание в Чечено-Ингушетии, которое возглавлял бывший слушатель Коммунистического университета в Москве Хасан Исраилов (Терлоев). В феврале восставшие овладели частью Шатоевского района. На национальном съезде в Галанчоже было создано «Временное Народное революционное правительство Чечено-Ингушетии» во главе с Исраиловым. Окончание войны в Финляндии притупило движение, восставшие понесли несколько поражений, однако часть горной Чечни осталась во власти временного правительства. Созданной Исраиловым Объединенной партии кавказских братьев (ОПКБ), к ноябрю 1941 г. присягнули на верность почти 5 тысяч человек⁷³.

«Партия кавказских братьев» имела исполнительный комитет из 33 человек и Оргбюро из 9 человек. Согласно «Временной программы» этой организации, основными направлениями ее деятельности было проведение повсеместных вооруженных восстаний и столкновений с отрядами НКВД, организация дезертирства из Красной Армии⁷⁴, работа по уничтожению

⁷¹ Россия: исследования по социально-политической истории, историографии и демографии. Красноярск, 1998. С. 103–104.

⁷² Политическая история России / Отв. ред. В. В. Журавлев. М., 1998. С. 554.

⁷³ Ратушняк В.Н. Актуальные проблемы истории и историографии Северного Кавказа. Краснодар, 2000. С. 217.

⁷⁴ По данным политуправления Северо-Кавказского военного округа, от мобилизации уклонилось 63% жителей Чечено-Ингушетии, подлежащих призыву (Данилов В.Н. Советское государство в Великой Отечественной войне: Феномен чрезвычайных органов власти 1941–1945 гг. Саратов, 2002. С. 246). По другим данным, число уклонившихся от службы достигает 13 тыс. человек, что составляет 74,3% общей численности чеченцев и ингушей (17,5 тыс. человек), мобилизованных в Красную Армию за годы войны (Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Кавказ: народы в эшелонах. М., 1998. 136–137). В книге американского исследователя утверждается, что в 1942 г. из числа призванных на военную службу в ЧИ АССР «93% дезертировали и либо скрылись, либо влились в орудовавшие в горной местности повстанческие или бандитские группировки» (Ферр Г. Тени XX съезда, или Антисталинская подлость. М., 2010. С. 108). Разночтения объясняются приведением в каждом случае результатов по

колхозного строя, организация терактов над представителями Советской власти, разрушение коммуникаций, захват населенных пунктов, оказание помощи немецким десантам по выполнению ими заданий командования германской армии⁷⁵.

В феврале 1942 г., когда немецкий фронт был в 500 км от Чечено-Ингушетии, в Шатое и Итум-Кале поднял восстание бывший прокурор республики Майрбек Шерипов, брат известного руководителя большевиков Чечни в 1917 г. Объединившись, обе восставшие группировки реорганизовали повстанческое правительство, создали объединенный военный штаб, совершали рейды на органы советской власти и на колхозы. Весной 1942 г. советская авиация дважды подвергала бомбардировке повстанческие аулы. В некоторых из них убитых было больше, чем оставшихся в живых.

С приближением фронта к Кавказу временное правительство Чечено-Ингушетии в июне 1942 г. выпустило воззвание, в котором говорилось, что кавказские народы ожидают немцев как гостей и в случае признания независимости Кавказа окажут им гостеприимство. Нарком внутренних дел Чечено-Ингушетии С. Албогачиев в августе 1942 г. докладывал руководителю НКВД СССР, что в республике действует Чечено-Горская национал-социалистическая партия, которая интенсивно готовит восстание в горных районах с целью свержения советской власти. В донесениях в МВД СССР отмечалось, что в обнаруженных списках повстанческой организации по 20 аулам Итум-Калинского, Галанчожского, Шатоевского районов числилось 6540 человек⁷⁶. (Для сравнения: на начало октября 1942 г. во всех сельских районах республики насчитывался 2041 коммунист⁷⁷.)

В августе–сентябре 1942 г. фашисты забросили в республику 4 диверсионные группы (76 человек). Возглавлял десант бывший офицер царской армии, капитан абвера Осман Губе (Саиднуров), аварец, сын владельца мануфактурной лавки и кандидат на роль начальника политической полиции на Северном Кавказе в случае победы немцев. Группы имели целью устроить саботаж в тылу, взрывать мосты, дезорганизовывать снабжение, формировать банды, в конечном счете, как показывал арестованный в январе 1943 г. О. Губе на допросе, захватить власть в Пригородном, Галанчожском и Галашкинском районах. Кстати, он удивлялся недовольству чеченцев и ингушей, которые, по его четырехмесячным наблюдениям, при советской власти жили «гораздо лучше, чем в дореволюционной России... что бросалось в глаза мне, вспоминавшему

разным мобилизациям в республике за 1941–1943 гг. (всего их было пять) (см.: *Шадрин А.Ю.* Об одной специфической рецензии на учебное пособие А.С. Барсенкова, А.И. Вдовина «История России. 1917–2009» (М., 2010). URL: <http://russkie.org/index.php?module=fullitem&id=18918> (дата обращения: 23.04.2011).

⁷⁵ Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Кавказ: народы в эшелонах (20–60-е годы). М., 1998. С. 135.

⁷⁶ Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши. М., 1994. С. 45.

⁷⁷ Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину: «Согласно вашему указанию...». М., 1995. С. 96.

тяжелые условия и постоянные лишения, в которых обреталась в Турции и Германии горская эмиграция»⁷⁸.

С 3 августа 1942 г. по 20 января 1943 г. действовал Карачаевский национальный комитет, созданный лидерами «сил сопротивления советам». Комитет активно вел работу по вербовке агентуры и бандформирований. Последние осуществляли террористические акты, подрыв хозяйства, включались в полицейский аппарат, организовали в январе 1943 г. восстание в Учкулановском районе. На территории Кабардино-Балкарии, оккупированной в августе 1942 г., в 1943 г. действовали 44 террористические антисоветские группы⁷⁹.

По данным Отдела борьбы с бандитизмом НКВД СССР в 1941–1943 гг. были ликвидированы по Союзу СССР 7163 повстанческих групп общей численностью 54 130 человек, из них на Северном Кавказе – 963 группы (13,5%), 17 563 чел. (32,5%)⁸⁰. Все это стало доводом в пользу постановления ГКО от 31 января 1944 г. о депортации чеченцев и ингушей и ликвидации Чечено-Ингушской АССР. За годы войны это был уже четвертый случай ликвидации советского национально-государственного образования (в 1941 г. были выселены немцы Поволжья, в 1943 г. карачаевцы и калмыки)⁸¹. Все это никак не противоречит исторической правде о том, что призванные в РККА многочисленные представители «репрессированных народов» героически сражались на фронте за будущее своих народов и за свою общую Родину – СССР⁸².

Тяготы войны, утраты и лишения оживили религиозные настроения в народе, он открыто потянулся к церкви. Власть высоко ценила ее патриотическую деятельность по сбору денежных средств и вещей для нужд фронта. Она делала все новые и новые шаги к признанию важной роли церкви.

Советскую кинохронику, посвященную победам Красной Армии в битве под Москвой в декабре 1941 года, открывали немыслимые еще недавно кадры: колокольный звон московских церквей; крестный ход, возглавляемый православным духовенством в полном облачении с высоко поднятыми крестами; встречи армейских колонн в освобожденных городах местными жителями с иконами; солдаты, осеняющие себя крестным знамением и прикладывающиеся к святым образам; освящение танковой колонны, построенной на пожертвования верующих.

10 марта 1942 года решением Политбюро ЦК ВКП(б) Наркомату внутренних дел было поручено «принять необходимые меры к обеспечению издания

⁷⁸ Там же. С. 93, 95.

⁷⁹ Зорин В.Ю. Национальная политика в России: история, проблемы, перспектива. М., 2002. С. 203.

⁸⁰ Бугай Н.Ф. Правда о депортации чеченского и ингушского народов // Вопросы истории. М., 1990. № 7. С. 35.

⁸¹ Пыхалов И.В. За что Сталин выселял народы? М., 2010.

⁸² См.: Они сражались за Родину. Представители репрессированных народов на фронтах Великой Отечественной войны: Книга-хроника / Сост.: Н.Ф. Бугай (отв. ред.) и др. М., 2005.

Московской патриархией книги-альбома "Правда о религии в СССР"⁸³. Основанием для принятия решения стало спецсообщение Л.П. Берии И.В. Сталину о том, что открытие православных храмов на оккупированной территории способствовало привлечению населения на сторону германских властей. Издание было осуществлено типографией практически прекратившего свою деятельность Союза воинствующих безбожников летом 1943 года. Тираж (50 тыс. экземпляров) предназначался, главным образом, для пропаганды в США, Великобритании и других зарубежных странах⁸⁴.

В книге, получившей название «Правда о религии в России», говорилось о полной свободе вероисповедания в СССР, отмечался традиционный патриотизм Русской Православной церкви от Александра Невского до наших дней, подчеркивалась тесная связь между русским народом и его церковью, говорилось о необходимости обращения к Богу, так как только Его помощь может обеспечить победу.

Весной 1942 г. власти впервые способствовали организации религиозного празднования Пасхи. 2 ноября 1942 г. один из трех высших иерархов РПЦ, митрополит Николай (Б.Д. Ярушевич) был включен в Чрезвычайную государственную комиссию по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков. Большое значение имело также и то, что руководство церкви осуждало представителей духовенства, сотрудничавших с оккупантами – возглавившего в августе 1941 г. автономную Украинскую Православную церковь архиепископа Алексия (А. Громадский), белорусского архиепископа Филофея (В. Е. Нарко) и других иерархов церкви. 22 сентября 1942 г. местоблюститель патриаршего престола запретил священнослужение митрополиту Виленскому и Литовскому, экзарху Латвии и Эстонии Сергию (Д. Н. Воскресенский), считавшемуся до недавних пор вторым по влиянию епископом в Московской патриархии⁸⁵. Это не могло не сокращать общих масштабов коллаборационизма на оккупированных территориях.

4 сентября 1943 г. состоялась встреча И. В. Сталина с митрополитами Сергием, Алексием и Николаем, во время которой был очерчен круг неотложных вопросов и решений для нормализации государственно-церковных отношений в СССР. Сразу же после встречи патриархии был передан особняк, занимаемый ранее германским послом. 8 сентября был созван Архиерейский Собор для избрания патриарха, престол которого пустовал со дня смерти патриарха Московского и всея Руси Тихона (В.И. Белавин) в 1925 г. 12 сентября Архиерейский Собор в составе 19 иерархов избрал митрополита Московского Сергия новым патриархом Московским и всея Руси.

⁸³ Лубянка. Сталин. НКВД–НКГБ–НКГБ–ГУКР «Смерш». 1939 – март 1946: Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. М., 2006. С. 338.

⁸⁴ См. там же. С. 574.

⁸⁵ *Поспеловский Д.В.* Указ. соч. С. 183–186.

На Соборе было объявлено об образовании совещательного органа при патриархе – Священного синода. Собор принял актуальный для военного времени документ, в котором говорилось, что «всякий виновный в измене общецерковному делу и перешедший на сторону фашизма, как противник Креста Господня, да числится отлученным, а епископ или клирик – лишенным сана». Не менее значимым было обращение Собора к христианам всего мира с призывом «объединиться во имя Христа для окончательной победы над общим врагом»⁸⁶.

По мере освобождения советских земель от оккупантов в лоно РПЦ возвратились монастыри и храмы, в большом количестве открытые по разрешению немецких оккупационных властей в целях противопоставления их советской власти. Всего за три года на занятой гитлеровцами территории было восстановлено около 9400 церквей, более 40% от их числа до революции⁸⁷. Религиозная свобода допускалась оккупантами, в принципе враждебными всякой форме христианства, временно. В последующем, как писал идеолог нацизма А. Розенберг, христианский крест должен был быть изгнан из всех церквей и заменен единственным символом – свастикой. Однако первый этап религиозной политики гитлеровцев на оккупированной территории оказал существенное влияние на государственно-церковные отношения в СССР.

Кульминацией признания роли и авторитета церкви стало проведение 31 января – 2 февраля 1945 г. Поместного собора РПЦ, созванного в связи со смертью патриарха Сергия. В работе Собора участвовали 41 архиепископ и епископ, 126 протоиереев приходского духовенства, а также делегации семи автокефальных церквей, что позволяло проводить параллели с Вселенским собором, не созывавшимся несколько столетий. Собор принял «Положение об управлении Русской Православной Церкви», которым Московская патриархия руководствовалась до 1988 г., и избрал тринадцатым патриархом Московским и всея Руси ленинградского митрополита Алексия (С. В. Симанский), возглавлявшего РПЦ в течение последующих 25 лет⁸⁸.

Урегулирование государственно-церковных отношений в годы войны распространилось и на другие религиозные объединения. Постановлением правительства от 19 мая 1944 г. был образован Совет по делам религиозных культов при СНК СССР. В его функции входило взаимодействие между Совнаркомом и руководителями неправославных конфессий. В годы войны в дополнение к Духовному управлению мусульман, которое находилось в Уфе, были созданы еще три самостоятельных управления: Средней Азии (г. Ташкент), Закавказья (г. Баку) и Северного Кавказа (г. Буйнакс). Управления занимались патриотическим воспитанием мусульман, собирали средства для семей фронтовиков

⁸⁶ Там же. С. 192.

⁸⁷ Шкаровский М.В. Нацистская Германия и Православная Церковь. М., 2002. С. 496.

⁸⁸ См. там же. С. 197–201.

и на постройку боевой техники, призывали верующих на перевыполнение плановых заданий, формировали положительный образ страны в мире⁸⁹.

К концу войны в СССР действовало 10547 православных церквей и 75 монастырей, в то время как перед началом Второй мировой войны было около 380 церквей и ни одного монастыря. Размах и интенсивность религиозного возрождения в СССР в годы войны позволяют говорить об этом времени как о «втором крещении Руси»⁹⁰. Открытые церкви стали новыми центрами русского национального самосознания. Христианские ценности (в частности – презрение к миру вещей и денег) становились важнейшим элементом национальной идеологии и культуры. Некоторые исследователи неодобрительно пишут о войне как о времени, когда была осуществлена «наиболее важная националистическая реформа – полная легализация Русской Православной церкви»⁹¹. На наш взгляд, более точно происходившие тогда процессы выразил митрополит Иоанн (И.М. Снычев), полагавший, что отступление богоборческой власти в войне с церковью и сталинский тост за русский народ подводили «окончательную черту под изменившимся самосознанием власти, сделав патриотизм наряду с коммунизмом официально признанной опорой государственной идеологии»⁹².

Любовь к Родине, ненависть к врагу, вера в победу, патриотизм и героизм советского народа были ведущими темами произведений литературы и искусства. Советская литература еще до начала Великой Отечественной войны, по словам А. Толстого, «от пафоса космополитизма, а порою и псевдоинтернационализма – пришла к Родине»⁹³. Война многократно усилила эту патриотическую тенденцию в публицистике и всей художественной культуре. Публицистика А. Толстого, М. Шолохова и И. Эренбурга, лирика К. Симонова, А. Суркова и А. Твардовского, симфонии С. Прокофьева и Д. Шостаковича, песни А. Александрова, Б. Мокроусова и В. Соловьева-Седого, картины С. Герасимова и П. Корина поднимали моральный дух советских граждан, развивали чувство национальной гордости, укрепляли настроенность на победу.

Воспитание у советских людей чувства ненависти и мести средствами публицистики, кино, всей системой политико-воспитательной работы, особенно поощряемое на первых этапах войны и выраженное в призывах «Смерть немецким оккупантам!», «Убей немца!», имело свои пределы. На заключительном этапе была дана установка на сдерживание крайностей с тем, чтобы ненависть

⁸⁹ Ахмадуллин В.А. Политика Советского государства по отношению к мусульманской религии в 1917–1945 гг. Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 2002. С. 17.

⁹⁰ Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 498.

⁹¹ Медведев Ж.А., Медведев Р.А. Неизвестный Сталин. М., 2001. С. 275.

⁹² Иоанн, митрополит. Самодержавие духа. Очерки русского самосознания. М., 1995. С. 290.

⁹³ Толстой А. Четверть века советской литературы // Новый мир. 1942. № 11–12. С. 208.

к врагу не вылилась во всеобщую слепую ярость по отношению ко всему немецкому народу⁹⁴.

Имело свои границы и отступление в духе «националистического НЭПа». В 1944 г. в ЦК ВКП(б) состоялось совещание историков⁹⁵, на котором осуждались крайности, идущие как по линии очернения прошлого русского народа, преуменьшения его роли в мировой истории (А.М. Панкратова, М.В. Нечкина, Н. Л. Рубинштейн и др.), так и по линии сползания на позиции «великодержавного шовинизма» и «квасного патриотизма» (Х.Г. Аджемян, Б. Д. Греков, А.В. Ефимов, Е.В. Тарле и пр.). В одном из проектов постановления по итогам совещания отмечалось, что в работах «ряда историков, особенно – Яковлева и Тарле, проявляются настроения великодержавного шовинизма, обнаруживаются попытки пересмотреть марксистско-ленинское понимание русской истории, оправдать и приукрасить реакционную политику царского самодержавия, противопоставить русский народ другим народам нашей страны». А.И. Яковлев на заседании 7 января 1944 г. в Наркомпросе высказал смелую мысль: «Мне представляется необходимым выдвинуть на первый план мотив русского национализма. Мы очень уважаем народности, вошедшие в наш Союз, относимся к ним любовно. Но русскую историю делал русский народ. И, мне кажется, что всякий учебник о России должен быть построен на этом лейтмотиве... Этот мотив национального развития, который так блистательно проходит через курс истории Соловьева, Ключевского, должен быть передан всякому составителю учебника... Мы, русские, хотим истории русского народа, истории русских учреждений, в русских условиях». Это заявление было осуждено как «явное проявление великодержавного пренебрежительного отношения к нерусским народам»⁹⁶. Были отвергнуты предложения о включении в число исторических героев А.А. Брусилова, А.М. Горчакова, А.П. Ермолова, М.И. Драгомирова, К.П. Кауфмана, М.Д. Скобелева, М.Г. Черняева и других выдающихся военных и государственных деятелей дореволюционной России.

Еще более жестким было осуждение «националистических проявлений» в других республиках. 31 января 1944 г. И.В. Сталин принял личное участие в обсуждении киноповести А.П. Довженко «Украина в огне». Он осудил повесть за то, что в ней «ревизуется ленинизм», «нет ни одного слова о Ленине», не разоблачаются петлюровцы и другие предатели украинского народа, изображается, будто колхозный строй убил в людях национальную гордость, в то время как «именно советская власть и большевистская партия свято хранят исторические традиции и богатое культурное наследие украинского народа и всех народов СССР и высоко подняли их национальное самосознание». Сталин негодуяше заметил: «Если судить о войне по киноповести Довженко, то в Отечественной

⁹⁴ См.: Александров Г. Товарищ Эренбург упрощает // Красная звезда. 1945. 11 апреля.

⁹⁵ Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 г. // Вопросы истории. 1996. № 2–6, 9.

⁹⁶ Вопросы истории. 1996. № 4. С. 93.

войне не участвуют представители всех народов СССР, в ней участвуют только украинцы». Заключение было суровым: повесть является «ярким проявлением национализма, узкой национальной ограниченности». 12 февраля 1944 г. решением Политбюро КП(б)У Довженко был снят со всех занимаемых должностей как в государственных учреждениях, так и в общественных организациях⁹⁷.

9 августа 1944 г. ЦК ВКП(б) принял постановление, осуждающее республиканскую газету «Красная Татария» за принижение роли Красной Армии в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками и «преклонение перед военной мощью, техникой и культурой буржуазных стран». Татарскому обкому партии предлагалось устранить «серьезные недостатки и ошибки националистического характера в освещении истории Татарии (приукрашивание Золотой Орды, популяризация ханско-феодального эпоса об Идеее)»⁹⁸. 27 января 1945 г. аналогичное внушение было сделано руководству Башкирской партийной организации. Здесь тоже обнаружили серьезные идеологические просчеты. Было отмечено, что «в подготовленных к печати "Очерках по истории Башкирии", в литературных произведениях "Идукай и Мурадым", "Эпос о богатырях" не проводятся разграничения между подлинными национально-освободительными движениями башкирского народа и разбойничьими набегами башкирских феодалов на соседние народы, недостаточно показывается угнетение трудящихся башкир татарскими и башкирскими феодалами, идеализируется патриархально-феодальное прошлое башкир. В пьесе "Кахым-Туря" извращается история участия башкир в Отечественной войне 1812 года, противопоставляются друг другу русские и башкирские воины»⁹⁹. Формулировки были ужесточены на X пленуме правления Союза советских писателей 17 мая 1945 г. Здесь уже говорили, что в Татарии «поднимали на щит ханско-феодальный эпос об Идеее и делали Золотую Орду передовым государством своего времени», нечто подобное произошло и в Башкирии с эпосом Карасахал, там тоже «извратили историю и впали в идеализацию патриархально-феодального прошлого»¹⁰⁰. Все это заставляло историков и литераторов впредь быть очень осторожными в проведении грани между «героическим прошлым» народа и «идеализацией» его исторического прошлого, а также принимать во внимание, где героизировали «славные предки».

Партии пришлось фактически признать и другие изъяны своей политики. Так, в докладной записке Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) секретарям ЦК партии от 17 августа 1942 г. отмечалось, что «в течение ряда лет во всех отраслях искусства извращалась национальная политика партии». Выразилось

⁹⁷ Марьямов Г. Б. Кремлевский цензор: Сталин смотрит кино. М., 1992. С. 61.

⁹⁸ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1985. Т. 7. С. 514, 518.

⁹⁹ Там же. С. 540.

¹⁰⁰ Тихонов Н. Советская литература в 1944–1945 гг. // Литературная газета. 1945. 17 мая.

это в том, что «в управлениях Комитета по делам искусств и во главе учреждений русского искусства оказались нерусские люди (преимущественно евреи)». Подобные «извращения» были обнаружены в Большом театре Союза ССР, в Московской государственной консерватории, в отделах литературы и искусства центральных газет. В результате «частичное обновление» руководящих кадров затронуло не только учреждения культуры, но и другие учреждения и ведомства. Однако в годы войны инициатива Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) «не привела к каким-то организационным выводам и значительным кадровым перемещениям. Скорее всего, она в данный момент не нашла поддержки у советского вождя и его ближайшего окружения»¹⁰¹.

Великая Отечественная война в целом была временем решающих уступок национальному сознанию народов СССР, особенно русскому национальному самосознанию. Гимн страны, повсеместно исполнявшийся с 15 марта 1944 г., закреплял новую линию партии в национальном вопросе. Попытки ультраинтернационалистов сузить масштабы уступок военного времени и возвратиться к довоенной программе, лозунгам и методам интернационально-патриотического воспитания не имели успеха. Это продемонстрировало, в частности, совещание историков в ЦК ВКП(б) (май–июль 1944 г.), инициированное ревностными историками-марксистами, возвращенными в известной школе М. Н. Покровского. Уступки русскому национальному сознанию были сохранены, а позже, в период борьбы с «низкопоклонством перед Западом» и «космополитизмом» в какой-то мере и расширены.

К концу войны со всей остротой встала проблема репатриации на родину пяти миллионов советских граждан («перемещенных лиц», включая военнопленных, «восточных рабочих», узников концлагерей, военнослужащих в немецких формированиях и пр.), оказавшихся за пределами СССР и оставшихся в живых. Сталинское руководство опасалось, что длительное бесконтрольное пребывание советских людей за границей повлияло на их мировоззрение и политические настроения. «Контраст между уровнем жизни в Европе и у нас, контраст, с которым столкнулись миллионы воевавших людей, – писал К. М. Симонов, – был нравственным и психологическим ударом, который не так легко было перенести нашим людям, несмотря на то, что они были победителями в этой войне»¹⁰². Этот контраст мог стать основой «низкопоклонства перед Западом», распространения которого среди советских людей очень опасались во властных структурах страны. Им же была порождена особая настороженность властей к согражданам, побывавшим в годы войны в капиталистических странах Европы.

Этапом возвращения к родным домам для всех этих лиц стали сборно-пересыльные пункты Наркомата обороны (НКО), проверочно-фильтрационные

¹⁰¹ *Альтман И.А.* Указ. соч. С. 411–412.

¹⁰² *Симонов К.М.* Глазами человека моего поколения. М., 1988. С. 106.

пункты НКВД (для гражданских лиц), специальные запасные части военных округов (для военнопленных – бывших военнослужащих Красной Армии). Выявленные в результате проверки «преступные элементы» (служившие у немцев), а также «внушающие подозрение» направлялись в проверочно-фильтрационные лагеря НКВД, «для дальнейшей проверки», или же напрямую в исправительно-трудовые лагеря. В итоге 2,4 млн репатриантов было направлено к месту жительства, 801 тыс. – призвано в армию, 608 тыс. – зачислено в рабочие батальоны НКВД и около 273 тыс. (среди них 123 тыс. офицеров) передано в лагеря НКВД¹⁰³.

Следствием войны были вооруженные антисоветские националистические организации на территориях, вошедших в состав СССР незадолго до ее начала, главным образом в Западной Украине и Прибалтике. Сотрудничавшие ранее с гитлеровцами и сражавшиеся в одних рядах с ними против Красной Армии националисты и после их ухода продолжили вооруженную борьбу с советской властью. С марта 1944 г. развернулись акции НКВД по подавлению отрядов Организации украинских националистов (ОУН) и Украинской повстанческой армии (УПА) на Западной Украине. В ходе их члены банд ОУН–УПА зачастую уничтожались вместе с семьями, сочувствующие им жители подвергались депортации. Только с февраля по октябрь 1944 г. были уничтожены более 44 тыс., взяты в плен более 37 тыс., выслены из городов и сел и отправлены в ссылку около 100 тыс. украинских националистов (оуновцев). В Литве, где действовало множество повстанческих отрядов под эгидой Литовского национального фронта, к 1 марта 1945 г. было проведено 2257 карательных операций и по официальным данным ликвидировано 17 тыс. бандитских групп, захвачено более 10 тыс. бандитов, арестовано более 31 тыс. человек. Сражения с националистами велись на Украине и в Прибалтике до конца войны и затем продолжались еще многие годы¹⁰⁴.

Трагическим наследием Великой Отечественной войны стала депортация в Казахстан, Сибирь и другие восточные районы населения из ряда национальных регионов. По данным НКВД СССР на начало октября 1945 г., спецпоселенцев в стране насчитывалось 2 230 500 человек. Среди них были немцы (687,3 тыс.), чеченцы и ингуши (405,9 тыс.), крымские татары, греки, болгары, армяне (195,2 тыс.), турки, хемшины, курды (88,8 тыс.), калмыки (80,3 тыс.), карачаевцы (60,1 тыс.), балкарцы (33,1 тыс.), оуновцы (20,8 тыс.). Значительную часть спецпоселенцев (608,8 тыс. чел., или 27,3% их общего числа) составляли бывшие

¹⁰³ Земсков В.Н. Проблема советских перемещенных лиц (1946–1956) // Россия в XX веке: Война 1941–1945 годов: современные подходы. М., 2005. С. 520, 528.

¹⁰⁴ Там же. С. 544–548; НКВД–МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939–1956 гг.). Сборник документов / Сост.: Владимиров А.И., Кокурин А.И. М., 2008.

кулаки¹⁰⁵. Причиной депортаций военного времени были распространенные в некоторых национальных регионах случаи пособничества оккупантам или подозрения в этом (немцы, ингерманландцы и финны, выселенные в 1941 г.; карачаевцы и калмыки – 1943 г., чеченцы, ингуши, балкарцы, крымские татары – 1944 г.). Депортации народов из этих районов носили карательный или превентивный характер. Другие народы были выселены за то, что имели несчастье жить в приграничных районах, рискующих стать новым театром военных действий (курды, турки-месхетинцы в 1944 г.). Выселение мусульманских народов Кавказа и Крыма было во многом связано с напряженными отношениями между СССР и Турцией во время Второй мировой войны, а также с пантурсистскими планами турецких националистов, получавших одобрение со стороны гитлеровской Германии. Главной причиной депортаций были соображения военно-стратегического характера, что, конечно, не извиняет беззакония.

В то же время ряд авторов предлагают рассматривать проблему депортированных народов с учетом региональной специфики. И.В. Пыхалов полагает, что «родившиеся и выросшие на Кавказе Сталин и Берия совершенно правильно понимали психологию горцев с ее принципами круговой поруки и коллективной ответственности всего рода за преступление, совершенное его членом»¹⁰⁶. В этой связи «коллективное наказание» народов представляется «меньшим злом» в сравнении с массовым законным наказанием конкретных коллаборационистов. С.Г. Кара-Мурза считает, что такие репрессии вылились бы в этноцид. В качестве примера приводятся крымско-татарский и чеченский народы. Значительная часть военнобязанных мужчин из их числа могла подвергнуться обвинению в бандитизме и предательстве и получить наказание в виде смертной казни или длительного заключения. Поэтому депортация как «тип наказания, тяжелый для всех, был спасением от гибели для большей части мужчин, а значит для этноса»¹⁰⁷. Соглашаясь с таким доводом, И.В. Пыхалов утверждает, что «с точки зрения формальной законности, кара, постигшая в 1944 г. чеченцев и ингушей, была гораздо мягче полагавшейся им по Уголовному кодексу за массовое дезертирство, бандитизм, укрывательство диверсантов. Депортацию народов предлагается определить как «гуманное беззаконие»¹⁰⁸.

В годы войны большие и невосполнимые утраты несли все народы СССР. 7,4 млн советских людей преднамеренно истреблены гитлеровцами на оккупированной территории. 4,1 млн человек погибли от жестоких условий оккупационного режима (голод, инфекционные болезни, отсутствие медицинской

¹⁰⁵ «По решению Правительства Союза ССР...» С. 564.

¹⁰⁶ Пыхалов И.В. Великая оболганная война – 2. Нам не за что каяться! М., 2008. С. 76.

¹⁰⁷ Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация от начала до Великой Победы. С. 609.

¹⁰⁸ Пыхалов И.В. Великая оболганная война – 2. С. 56, 57, 65, 73, 74.

помощи и т.п.)¹⁰⁹. В огне Холокоста сгорели 2,7 млн советских евреев¹¹⁰. 2 млн евреев¹¹¹, а по некоторым западным оценкам – 2,5 млн¹¹² были перемещены с территорий, подвергшихся оккупации, во внутренние районы СССР и спасены от этой участи.

Демографические потери СССР (26,6 млн чел.) в 2,2 раза превышали потери Германии и ее сателлитов (11,9 млн чел.)¹¹³. Столь существенная разница объясняется геноцидом гитлеровцев в отношении гражданского населения на оккупированной территории, унесшим жизни 17,9 млн человек¹¹⁴. Безвозвратные потери военнослужащих Красной армии с союзниками (11 520,2 тыс. чел.) в 1,1 раза превышали потери вооруженных сил Германии и ее союзников на советско-германском фронте с 22 июня 1941 г. по 9 мая 1945 г. (10 344,5 тыс. чел.). Соотношение между демографическими потерями вооруженных сил Германии и ее союзников и Красной Армии с союзниками (за вычетом вернувшихся из плена, а также вторично призванных в войска; 8668,4 тыс. чел. и 6771,9 тыс. чел.) составляет 1,29:1¹¹⁵. Во многом это связано с тем, что число военнопленных, погибших в нацистских лагерях (более 2,5 млн чел. из 4,6 млн), в пять с лишним раз превышает число военнослужащих противника, умерших в советском плену (580 тыс. чел. из 4,4 млн чел.)¹¹⁶. К примеру, из более 55 тыс. советских евреев, попавших в плен к гитлеровцам¹¹⁷, в живых остались только 4457 человек¹¹⁸, на родину вернулись также 6666 евреев из числа репатриированных советских граждан¹¹⁹, другие стали жертвой Холокоста. 10 172 евреям,

¹⁰⁹ Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание. М., 2009. С. 48.

¹¹⁰ Куповецкий М. С. Людские потери еврейского населения в довоенных (на сентябрь 1939 года) и послевоенных границах СССР в годы Великой Отечественной войны // Отрицание отрицания, или Битва под Аушвицем. Дебаты о демографии и геополитике Холокоста. М., 2008. С. 196. URL: http://imwerden.de/pdf/koch_polyan_bitva_pod_auschwitzem_2008.pdf (дата обращения: 27.04.2011).

¹¹¹ Советские евреи: Мифы и действительность М., 1972. С. 21.

¹¹² «И. Дойчер в одной из своих работ отмечал в связи со Второй мировой войной: "Несмотря на все преступления Сталина, необходимо упомянуть о судьбе тех двух с половиной миллионов евреев, которые были по его приказу перемещены с территорий, подвергшихся оккупации, во внутренние районы России и таким образом спасены от нацистских концлагерей"» (Цит. по: *Белладди Л., Краус Т.* Сталин. М., 1990. С. 294; *Торчинов В.А., Леонтьев А.М.* Вокруг Сталина. Историко-биографический справочник. СПб., 2000. С. 28; *Грибанов С.В.* Сталин и евреи. М., 2001. URL: <http://www.rus-sky.com/history/library/gribanov.htm> (дата обращения: 27.04.2011).

¹¹³ Великая Отечественная без грифа секретности. М., 2009. С. 376.

¹¹⁴ Число безвозвратных потерь гражданского населения СССР получено как разность между общими безвозвратными потерями СССР (26,6 млн чел.) и безвозвратными потерями военнослужащих (8,7 млн чел.) (Великая Отечественная без грифа секретности. М., 2009. С. 377).

¹¹⁵ Великая Отечественная без грифа секретности. М., 2009. С. 373.

¹¹⁶ Там же. С. 376.

¹¹⁷ *Альтман И.А.* Жертва ненависти: Холокост в СССР. 1941–1945 гг. М., 2002. С. 300.

¹¹⁸ Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. М., 2010. С. 501.

¹¹⁹ *Земсков В.Н.* Проблема советских перемещенных лиц (1946–1956). С. 522.

сражавшимся на стороне Германии и попавшим в советский плен, подобная участь не грозила¹²⁰.

Своеобразным подведением итогов войны и основой послевоенной пропагандистской кампании по воспитанию народов СССР в духе советского патриотизма стало выступление И. В. Сталина на приеме в Кремле в честь командующих войсками Красной Армии 24 мая 1945 г. В знаменитом тосте «за здоровье русского народа» в сущности признавалось, что победа была достигнута не только за счет преимуществ социалистического строя, «морально-политического единства советского народа», но прежде всего за счет патриотизма русского народа. В этом выступлении было провозглашено, что русский народ «является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза», что он заслужил в войне «общее признание, как руководящей силы Советского Союза». Были отмечены не только «ясный ум» народа, но и такие его качества, как стойкий характер и терпение, доверие правительству в моменты отчаянного положения, готовность идти на жертвы¹²¹.

Политика и патриотическое воспитание с опорой на эти качества таили определенную опасность окрашивания их в цвета русского национализма и великодержавия. Некоторые усматривали проявление национализма уже в самом сталинском тосте, выделявшем в многонациональном советском народе только одну «выдающуюся» нацию. Это не могло не вызывать обеспокоенность за будущность национального развития у представителей других народов страны. К примеру, участник приема в Кремле И. Г. Эренбург был так раздосадован тостом, что даже расплакался¹²². Сталинское выступление расценивалось как явное намерение принизить жертвенность и героизм еврейского народа в войне.

В предисловии к «Черной книге», написанном А. Эйнштейном, утверждалось, что «в процентном отношении еврейский народ потерял больше любого другого народа, испытавшего несчастья недавних лет». Охарактеризовав его как «нацию в формальнополитическом смысле», он требовал, чтобы при организации мира евреям было уделено «особое внимание», в частности, чтобы «за страдания в годы войны они были вознаграждены новыми возможностями эмиграции в Палестину»¹²³. Позднее некоторые представители этого народа стали рассматривать трагедию военных лет как «вексель, подлежащий вечному

¹²⁰ Военно-исторический журнал. 1990. № 9. С. 46. По другим данным, только среди венгерских солдат, взятых в плен под Воронежем в январе 1943 г., насчитывалось 20–30 тыс. евреев (Еврейский антифашистский комитет в СССР, 1941–1948: Документированная история. М., 1996. С. 234).

¹²¹ Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 151.

¹²² Чуковский К. Дневник (1930–1969). М., 1995. С. 214.

¹²³ Чёрная книга о злодейском повсеместном убийстве евреев немецко-фашистскими захватчиками во временно оккупированных районах Советского Союза и в лагерях Польши во время войны 1941–1945 гг. Вильнюс, 1993. С. XIII; Еврейский антифашистский комитет в СССР. С. 244.

погашению всем остальным человечеством»¹²⁴ и кощунственно (в свете приведенных выше цифр) возлагать на руководство СССР и его народы ответственность за Холокост, якобы проявившийся «в отказе принять еврейских беженцев из Германии и оккупированных государств Европы в 1939–1940 гг., а также в том, что не были использованы все силы и средства для... спасения евреев – граждан СССР»¹²⁵.

Незадолго до знаменитого приема в Кремле И.В. Сталин был ознакомлен с добытой советской разведкой стенограммой секретного заседания Совета по международным отношениям, из которой следовало, что, несмотря на демонстрацию дружеских чувств на Ялтинской конференции, в США разрабатываются враждебные в отношении СССР планы на послевоенный период. «Мы бросим все, что мы имеем, все золото, всю материальную помощь или ресурсы на оболванивание и одурачивание людей», – говорил секретарь Совета А. Даллес. Он заверял Г. Трумэна и других высокопоставленных слушателей: «Мы найдем своих единомышленников, своих помощников и союзников в самой России... будем всегда делать главную ставку на молодежь, станем разлагать, развращать, растлевать ее. Мы сделаем из них агентов нашего влияния, космополитов свободного мира»¹²⁶.

Принадлежность этого текста А. Даллесу в последние годы нередко подвергалась сомнению. Однако многие исследователи считают его если и не по букве, то по духу во многом соответствующим реальному положению вещей. И.В. Сталину было доложено об этом выступлении в кратчайшие сроки. Начальник секретариата Л.П. Берия Б.А. Людвигов впоследствии вспоминал, что эти слова вызвали у Сталина резко отрицательную реакцию¹²⁷. К настоящему времени есть свидетельства, пусть и не самого надежного характера, об источниках этой информации¹²⁸.

1 февраля 2007 г. И.М. Ильинский, ректор Московского гуманитарного университета, в беседе с генералом армии Ф.Д. Бобковым, имея в виду цитированный выше текст, спрашивал: «Письмо Аллена Даллеса, бывшего шефа ЦРУ, в котором он говорит о том, как они будут морально разлагать, развращать советский народ, и прежде всего молодежь, – оно было или нет? ...Где его найти? Потому что говорили, что письмо было сфабриковано». Ф.Д. Бобков отвечал, что такое письмо было и оно опубликовано. «Где-то в году 1968-м, по-моему, тогда еще Мартин¹²⁹ был начальником внешней разведки, мы с ним

¹²⁴ *Топоров В.Л.* Двойное дно: Признания скандалиста. М., 1999. С. 340.

¹²⁵ *Альтман И.А.* Указ. соч. С. 417.

¹²⁶ Цит. по: *Платонов О.А.* Россия под властью масонов. М., 2000. С. 8–9.

¹²⁷ См.: Там же. С. 6, прим.

¹²⁸ См.: *Зенькович Н.А.* В тени Кремля. Смоленск, 2000. С. 465–467, 526; *Шевякин А. П.* Загадка гибели СССР. История заговоров и предательств. М., 2004. С. 14.

¹²⁹ Ф.К. Мартин, генерал-лейтенант, с 1958 г. по 1971 г. – первый заместитель начальника внешней разведки, с июля 1971 г. по ноябрь 1974 г. – начальник ПГУ КГБ при

впервые написали в ЦК документ на базе разведанных об идеологической борьбе, как мы ее видели и т.д. Серьезный был документ. Коллегия КГБ заседала по этому поводу»¹³⁰.

План А. Даллеса, принятый на вооружение администрацией США, заставлял с особой настороженностью относиться и к безоглядным советским поборникам расширения союзнических отношений с Америкой, и к лицам, наиболее податливым к восприятию космополитических воззрений.

Руководители пропагандистского аппарата старались не допустить криво толков в понимании сталинского тоста о русском народе. В передовых статьях «Правды» и других изданиях разъяснялось, что «патриотизм советского, русского народа ничего общего не имеет с выделением своей нации, как "избранной", "высшей", с презрением к другим нациям»¹³¹. Утверждалось, что русскому народу, «старшему и могучему брату в семье советских народов, довелось взять на себя главную тяжесть борьбы с гитлеровскими разбойниками и он с честью выполнил эту свою великую историческую роль. Без помощи русского народа ни один из народов, входящих в состав Советского Союза, не смог бы отстоять свою свободу и независимость, а народы Украины, Белоруссии, Прибалтики, Молдавии, временно поработанные немецкими империалистами, не могли бы освободиться от немецко-фашистской кабалы»¹³².

Вместе с тем, многие советские чиновники продолжали проявлять особую осторожность в отношении русской темы. В сентябре 1945 г. журналистка А.Н. Протопопова жаловалась в письме И. В. Сталину на то, что русскому человеку, по сути дела, возбраняется говорить вслух о своей национальной гордости. Когда она написала статью для «Комсомольской правды» на эту тему, редактор газеты сказал: «Выпячивать русскую национальность было политически нецелесообразно, когда немцы были под Москвой. А сейчас, когда немцы на Украине, это политически вредно. И никто не разрешит». После сталинского тоста она вновь спрашивала редактора, считает ли он по-прежнему, что о воспитании русской национальной гордости нельзя говорить вслух? Ответом было: «Мы не рутинеры, а творческие работники. Тогда были одни указания, а на данном этапе – другие. Но и сейчас заострять этот вопрос нельзя»¹³³.

Тем не менее, победа в войне и переоценка русского национального фактора в послевоенной внутренней и внешней политике вынуждали именно «заострять» этот вопрос и, в частности, по-новому оценивать вклад русской культуры в культуру народов СССР и мировую. Вызвано это было не только

Совете Министров СССР (Дегтярев К., Колпакиди А. Внешняя разведка СССР. М., 2009. С. 335).

¹³⁰ Мир – это война: Беседа И. М. Ильинского с Ф.Д. Бобковым. М., 2007. URL: <http://www.ilinskiy.ru/publications/sod/mirvoina-sod.php> (дата обращения: 24.04.2011).

¹³¹ Правда. 1945. 26 мая. Передовая.

¹³² Лебедев Вл. Великий русский народ – выдающаяся нация // Правда. 1945. 7 июля.

¹³³ Советская жизнь. 1945–1953: Документы советской истории. М., 2003. С. 453.

тем, что советские ученые и деятели культуры внесли огромный вклад в усилия Красной Армии по разгрому Германии. По замыслу советских властей, культурные достижения России и СССР должны были стать противовесом от возможного низкопоклонства перед культурой Запада, представление о высоком уровне которой в ее повседневных проявлениях составили многие миллионы советских людей, побывавших за годы войны в Европе.

В.М. Молотов, вероятно, хотел более чем кто-либо быть уверенным в правоте своих слов, когда 6 ноября 1947 г. говорил: «Наемные буржуазные писаки за рубежом предсказывали во время войны, что советские люди, познакомившись в своих боевых походах с порядками и культурой на Западе и побывав во многих городах и столицах Европы, вернутся домой с желанием установить такие же порядки на Родине. А что вышло? Демобилизованные... взялись с еще большим жаром укреплять колхозы, развивать социалистическое соревнование на фабриках и заводах, встав в передовых рядах советских патриотов». Признавая, что «у нас еще не все освободилось от низкопоклонства и раболепия перед Западом, перед Западной культурой», Молотов вдохновлялся сам и пытался вдохновить слушателей «историческими словами» Сталина: «Последний советский гражданин, свободный от цепей капитала, стоит головой выше любого зарубежного высокопоставленного чинуши, влачащего на плечах ярмо капиталистического рабства»¹³⁴.

Исторический оптимизм советского человека власти стремились питать не только героизмом свершений советского народа в 1917–1945 гг., но и всей многовековой культурой страны. Прославление деятелей отечественной культуры, с именами которых связывались «великие вклады в мировую науку, выдающиеся научные открытия, составляющие важнейшие вехи развития современной культуры и цивилизации», начались на заключительном этапе войны и были с новой силой продолжены после ее окончания. В приветствии, которое направили 16 июня 1945 г. в адрес Академии наук СССР в связи с ее 220-летием СНК СССР и ЦК ВКП(б), говорилось: «Советский народ по праву гордится основоположником русской науки Ломоносовым, гениальным химиком Менделеевым, великими математикам Лобачевским, Чебышевым и Ляпуновым, крупнейшим геологом Карпинским, всемирным географом Пржевальским, основателем военно-полевой хирургии Пироговым, великими новаторами-биологами Мечниковым, Сеченовым, Тимирязевым и Павловым, замечательным преобразователем природы Мичуриным, искусным экспериментатором-физиком Лебедевым, создателем радиосвязи Поповым, основоположниками теории современной авиации Жуковским и Чаплыгиным, выдающимися двигателями русской революционной мысли – Белинским, Добролюбовым, Чернышевским, великим пионером марксизма в нашей стране – Плехановым»¹³⁵.

¹³⁴ Большевик. 1947. № 21. С. 16.

¹³⁵ Правда. 1945. 17 июня.

2 января 1946 г. П.Л. Капица написал письмо И.В. Сталину, в котором сетовал, что мы «мало представляем себе, какой большой кладёзь творческого таланта всегда был в нашей инженерной мысли. В особенности сильные были наши строители». Рекомендую к изданию книгу Л.И. Гумилевского «Русские инженеры»¹³⁶, Капица утверждал: «Большое число крупнейших инженерных начинаний зарождалось у нас», «мы сами почти никогда не умели их развивать (кроме как в области строительства)», «причина неиспользования новаторства в том, что обычно мы недооценивали свое и переоценивали иностранное». Недооценку своих и переоценку заграничных сил, излишнюю скромность высоко ценимым Сталиным ученый называл недостатком еще большим, чем «излишняя самоуверенность». Капица предлагал дополнить книгу рассказами о таких чрезвычайно крупных инженерах-электриках, как А.С. Попов (радио), П.Н. Яблочков (вольтова дуга), А.Н. Лодыгин (лампочка накаливания), М.О. Доливо-Добровольский (переменный ток) и др.¹³⁷

Все это находилось у истоков антизападнической кампании, в ходе которой пропагандировалась концепция исторического приоритета нашей страны во многих областях науки, техники, культуры. Известные перегибы в этой пропаганде, стремление объявить детищем русских талантов почти любое изобретение от велосипеда до самолета¹³⁸, давали поводы для анекдотических заявлений вроде «Россия – родина слонов»¹³⁹. Однако эти издержки точно так же, как и послевоенные репрессии по русофобскому «Ленинградскому делу»¹⁴⁰, «делу Еврейского антифашистского комитета» и другим проявлениям еврейского буржуазного национализма¹⁴¹, по своим масштабам и последствиям не шли ни в какое сравнение с издержками и репрессиями русофобского и

¹³⁶ Книга была опубликована в 1947 г. и переиздана в 1953 г.

¹³⁷ Капица П.Л. Письмо о науке. 1930–1980. М., 1989. С. 247–248.

¹³⁸ См.: Поповский А.Д. Восстановить правду. Заметки писателя о русской науке. М., 1950; Сталин и космополитизм. 1945–1953: Документы Агитпропа ЦК КПСС. М., 2005. С. 133, 145–149.

¹³⁹ См.: Боров Ю.Б. Сталиниада. М., 1990. С. 268.

¹⁴⁰ См.: Постановление Президиума ЦК КПСС о «Ленинградском деле» // Реабилитация: Как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Март 1953 – февраль 1956. М., 2000. С. 115. По последним публикациям, всего по «Ленинградскому делу» были осуждены более 2 тысяч представителей ленинградской номенклатуры, из которых около 200 человек расстреляли. Потом волна репрессий прокатилась по всей стране, захватывая членов семей, родственников и друзей «врагов народа» (Алексеева М. «Ленинградское дело»: трагический юбилей // «Петербургский дневник»: Еженедельная газета Правительства Санкт-Петербурга. 2009. 23 ноября. № 45. URL: <http://www.spbdnevnik.ru/?show=article&id=6440> (дата обращения: 24.11.2011).

¹⁴¹ В книге воспоминаний И. Г. Эренбурга приведены данные о том, что послевоенные преследования космополитов до 1953 г. закончились арестами 217 писателей, 108 актеров, 87 художников, 19 музыкантов (Эренбург И. Люди, годы, жизнь. Воспоминания в 3 т. М., 1990. Т. 3. С. 103). По данным Г. В. Костырченко, в ходе послевоенной борьбы с «еврейским буржуазным национализмом» было арестовано около 500 человек и около 50 расстреляно (Слѣзкин Ю. Эра Меркурия: Евреи в современном мире. М., 2007. С. 517–518).

национал-нигилистского плана, характерными для первых двух десятилетий после октября 1917 г. Репрессии, несомненно, имели своей целью стремление режима «взять под контроль некоторые национальные импульсы, допущенные им во время войны в пропагандистских целях»¹⁴².

Послевоенная кампания против «космополитов» была вдохновлена отнюдь не мифическим «сталинским антисемитизмом». Она была направлена не только против известной доктрины А. Даллеса, определившей содержание ряда директив Совета Национальной безопасности США (от 18 августа и от 24 ноября 1948 г., от 7 апреля 1950 г. и др.)¹⁴³, но и против разрабатываемого позднее в США «Гарвардского проекта»¹⁴⁴, также нацеленного на разрушение советского патриотизма и замену его «общечеловеческими ценностями», вполне совместимыми с традиционным патриотизмом американцев и отношением к Америке «космополитов» в других странах мира, не имеющих ничего против этой страны как метрополии будущей единой мировой империи. Слова американского президента Г. Трумэна перед канзасскими избирателями о том, что «народам будет так же легко жить в добром согласии во всемирной республике, как канзасцам в Соединенных Штатах», были встречены в Советском Союзе резко отрицательно. Ученые-правоведы (как и все советские граждане) мобилизовывались на выполнение «первой и основной задачи советской патриотической науки» – «отстаивать всеми доступными ей средствами национальную независимость, национальную государственность, национальную культуру и право, давая сокрушительный отпор любой попытке посягательства на них или хотя бы на их умаление»¹⁴⁵.

Борьба с космополитизмом стала содержанием одной из наиболее масштабных послевоенных идеологических кампаний¹⁴⁶. Основные причины кампании выявились уже к концу Великой Отечественной войны.

¹⁴² Шафаревич И.Р. Трехтысячелетняя загадка. История еврейства из перспективы современной России. СПб., 2002. С. 240. Для погашения тех же импульсов в исторической науке была издана статья: Против объективизма в исторической науке // Вопросы истории. 1948. № 2.

¹⁴³ См.: Главный противник: Документы американской внешней политики и стратегии 1945–1950 гг. / Сост. и авт. вступ. ст. Ильинский И. М. М., 2006; Мальков В.Л. Россия и США в XX веке. Очерки истории межгосударственных отношений и дипломатии в социокультурном аспекте. М., 2009.

¹⁴⁴ См.: Кодин Е.В. «Гарвардский проект». М., 2003; Яковлев Н. Н. ЦРУ против СССР. М., 1983. С. 38, 63; Широкин В.С. КГБ – ЦРУ. Секретные пружины перестройки. М., 1997. С. 74–80.

¹⁴⁵ Коровин Е.А. За советскую патриотическую науку права // Советское государство и право. 1949. № 7. С. 6–8.

¹⁴⁶ См.: Вдовин А.И. «Низкопоклонники» и «космополиты». 1945–1949: История и современность // Новая книга России. 2007. № 2; Наш современник. 2007. № 1.

Политбюро ЦК ВКП(б) и «профилактические» депортации нацменьшинств Запада в 1930-е гг.

Одной из специфических особенностей нацмен Запада (немцы, поляки, латыши, литовцы, эстонцы, финны и др.) являлось проживание части из них в «стратегически» важных регионах страны, и прежде всего – в западном приграничье Союза ССР. При этом необходимо учитывать, что усилия Центра по упрочению социально-политического контроля в полосе западной границы были направлены на решение весьма широкого спектра проблем: от переправки оружия на воздушных шарах в Финляндию и «филтрации» польских батраков, в поисках работы проникавших в СССР, до массовых арестов священнослужителей «западных» конфессий и образования либо ликвидации национальных сельсоветов и районов.

Руководство советского государства на заре советской власти было твердо убеждено, что национальный фактор представляет собой довольно действенный «эмоциональный рычаг», который можно и нужно использовать в рамках «стратегического» курса на мировую революцию, всецело учитывая проявления «национальной идентичности»¹. Поэтому, не вызывает особого удивления тот факт, что в начале 1920-х годов в СССР был выдвинут постулат об активном использовании «этнических связей» для усиления и распространения советской идеологии на соседние государства. С этой целью, к примеру, были созданы автономные Молдавская и Карельская республики, Республика немцев Поволжья, расширена территория Белорусской ССР и активно проводилась в жизнь широкомасштабная политика «украинизации»². Остается добавить, что и отдельные «специальные мероприятия» Центра по укреплению погранполосы в 1920-е – начале 1930-х годов зачастую диктовались лишь *«важнейшей политической задачей показа сущности достижений Советской системы, особенно в области национальной политики, трудящимся, живущим по другую сторону границы»*³. В числе подобных «мероприятий» в первую очередь следует назвать создание «показательных» национальных районов вблизи советско-польской границы: двух польских – им. Ю. Мархлевского (1925–1935 гг.) и им. Ф. Дзержинского (1932–1937 гг.), а также немецкого – Пулинского

¹ См.: Мартин Терри. Террор против наций в Советском Союзе // Коммунизм, террор, человек / Составитель С. Кройсберггер и др. Киев, 2001. С. 37–38..

² Martin, T.: The Origins of Soviet Ethnic Cleansing. In: *The Journal of Modern History* 70 (1998), 829–832. Сравни: Килин Ю. Карелия в политике советского государства (1920–1941). Петрозаводск, 1999. С. 77–103.

³ Цит. по: Кен О.Н., Рупасов А.И. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920–1930-х гг.): Проблемы. Документы. Опыт комментария. Часть 1. СПб, 2000. С. 493.

(1929–1935 гг.)⁴. В свою очередь, логика подобной политики предусматривала также реальную возможность обратного процесса, что фактически и стало первопричиной ярко выраженного негативного отношения к любым зарубежным представительствам (организациям) и иностранцам в Советском Союзе. События конца 1920-х гг. (попытка массовой эмиграции советских немцев и появление авторитарных враждебных режимов в Германии, Японии, Центральной и Восточной Европе) окончательно убедили советское руководство в том, что «отдельные текущие национальные группы» могут представлять потенциальную угрозу безопасности страны, что и определило их дальнейшую судьбу.

Одной из причин репрессий в отношении нацмен Запада Терри Мартин назвал «советскую ксенофобию» – преувеличенный страх и настороженность перед лицом «заразы» извне⁵. Особенно четко подобные настроения проявились в начале 1930-х гг., когда кремлевское руководство активизировало усилия по блокированию любого, нежелательного для Москвы, трансграничного взаимодействия определенных этнических групп населения, потенциально подходивших на роль пресловутого «троянского коня»⁶. Причем практические задачи и степень важности действий по разложению «политического тыла» вероятных противников, их приграничных «плацдармов» существенно разнились в зависимости от особенностей отдельных стран и от того места, которое они занимали в советских сценариях будущей войны⁷. Анализ протоколов Политбюро ЦК ВКП(б) позволяет выделить основные направления работы кремлевской верхушки, нацеленной на «корректировку» сложившегося положения на западной границе, обусловленного совокупностью географических, исторических, национальных, экономических и иных

⁴ Національні меншини в Україні 1920–1930-ті роки. Атлас. Київ 1996, 52–53; *Sobczyński, Marek*: Polska autonomia narodowościowa w ZSRR. // *Mniejszości polskie i polonia w ZSRR*. Wrocław, Warszawa, Kraków 1992, 56–58; *Buchseweiler, Meir*: Rußlanddeutsche im Sowjetsystem bis zum Zweiten Weltkrieg. Minderheitenpolitik, nationale Identität, Publizistik. Essen 1995, 45. По данным М. Козыревой, немецкий Пулинский район функционировал уже с апреля 1926 г. См.: *Козырева, М.Э.* Немецкие районы юга Украины 1920-х – 1930-х гг. как национальные административно-территориальные единицы // Немцы России и СССР: 1901–1941 гг. М. 2000, 302.

⁵ *Мартин, Терри*. Террор против наций, 37. Сравни: *Lemberg, Hans*: Das Konzept der ethnischen Säuberungen im 20. Jahrhundert // *Lager, Zwangsarbeit, Vertreibung und Deportation. Dimensionen der Massenverbrechen in der Sowjetunion und in Deutschland 1933 bis 1945*. Hg. v. *Dittmar Dahlmann – Gerhard Hirschfeld*. Essen 1999, 485–491.

⁶ Прежде всего, это проявилось в активном противодействии со стороны кремлевского руководства любым попыткам национально-государственной консолидации в прилегающих к советской границе регионах, население которых в этнокультурном отношении было близко народам, жившим в западных административных образованиях СССР (Белоруссия, Украина, Карельская АССР и тд.).

⁷ См.: *Кен, О.Н., Рупасов А.И.* Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами, часть 1, 485, 492–493.

факторов, непосредственно отразившихся на положении и статусе западных нацменьшинств в СССР.

Конкретные формы «взаимодействия» Центра с национальными группами в западном приграничье СССР определяли общая плотность населения, степень его «советизации» и лояльности, природный ландшафт и т.п. Своеобразной «ахиллесовой пятой» на западном рубеже СССР являлась ее самая протяженная граница – с Польшей⁸. Со времени советско-польской войны 1920 г. и вплоть до 1939 г. высшее военное и политическое руководство Союза ССР постоянно возвращались к проблеме определения главного направления развертывания советских вооруженных сил на Западе. По мнению членов Политбюро, именно Польша являлась главной «угрозой мира» на западной границе СССР⁹, а следовательно, вопрос лояльности польского нацменьшинства, составлявшего в приграничье «на всем протяжении погранполосы 15–20% всего населения»¹⁰, мог сыграть определенное значение в ходе военных действий¹¹. Если принять во внимание, что в результате установления новых границ Украина и Белоруссия оказались разделенными на две части – «советскую» и «польско-фашистскую», то любые волнения на национальной почве, как и проявление малейшего сепаратизма в приграничных регионах, не могли не вызвать болезненной реакции Кремля¹².

Советское руководство довольно медленно адаптировалось к постреволюционной реальности, постоянно ожидая возобновления «революционной» борьбы на своих западных рубежах и полагая, что новая «война начнется через 3–4 года [...] после окончания войны с Польшей и ликвидации Врангеля»¹³. Однако, после неудавшегося «германского октября» и провала

⁸ См. к примеру: Спецсообщение Г.Г. Ягоды И.В. Сталину об усилении работы польской разведки, от 14.04.1926 г. // Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 – декабрь 1936 / Под ред. А. Яковлева. М. 2003, 117–118; Записка Ф.Э. Дзержинского И.В. Сталину о подготовке Польши к войне с СССР от 11.07.1926 г // Там же. С 118.

⁹ См. более подробно: Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки». 1923–1939 / Под ред. Г.М. Алибекова. М. 2001, 15–16.

¹⁰ Протокол заседания Оргбюро ЦК РКП(б), от 27.08.1923 г. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 112. Д. 475. Л. 241 [Польработа].

¹¹ Так, к примеру, в материалах Комиссии ЦК РКП(б) по польской границе (1923 г.) отмечалось, что: «...Польское население [...] до сих пор продолжает оставаться под влиянием ксендзов, бывших [...] крупных помещиков, учителей и учительниц, руководимых ксендзами по указаниям извне. Огромный процент шпионов из этой категории уже сам по себе указывает на характер этого влияния». См: Протокол заседания Оргбюро ЦК РКП(б) от 27.08.1923 г. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 475. Л. 241 [Польработа].

¹² Кен О.Н., Рупасов А.И. Политбюро ЦК ВКП(б). С 82; Костюк М.П. Большевицкая система власти в Беларуси. М., 2002. С. 192–196.

¹³ Ворошилов К.Е. Будет ли война? М., 1930. С. 15.

коммунистического путча в Ревеле (Эстония) в декабре 1924 г.¹⁴, для Кремля окончательно стала очевидной невозможность «плановой» советизации соседних западных государств¹⁵. Уже в апреле 1925 г. Западный фронт, в полосе которого в первой половине 1920-х годов велись частые столкновения с поляками и «самостийными» украинцами, был преобразован в обычный военный округ. Несколько ранее (февраль 1925 г.), констатируя «установление более или менее нормальных дипломатических отношений с прилегающими к СССР странами», Политбюро ЦК РКП(б) распорядилось прекратить направляемую советскими государственными органами «активную разведку» (точнее – диверсии) в Польше, а также «боевую и повстанческую работу» в соседних государствах¹⁶. Вместе с тем уже через месяц Политбюро создало особую комиссию из представителей НКВД, ОГПУ и Военного ведомства «для детальной разработки и систематизации имеющихся сведений о подготавливаемых действиях соседних стран...»¹⁷. Центральным выводом новосозданной комиссии Политбюро ЦК РКП(б) явилось утверждение, что факт создания «единого анти-советского блока [...] из Прибалтийских стран, Польши и Румынии **таит в себе непосредственную угрозу [безопасности СССР]**»¹⁸. Эта установка, одобренная Политбюро, стала основой подготовки советского государства к обороне на протяжении всего последующего

¹⁴ См. к примеру: Спецсообщение Г.Г. Ягоды И.В. Сталину об усилении работы польской разведки, от 14.04.1926 г. // Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 – декабрь 1936 / Под ред. А. Яковлева. М. 2003, 117–118; Записка Ф.Э. Дзержинского И.В. Сталину о подготовке Польши к войне с СССР от 11.07.1926 г // Там же. С 118.

¹⁵ См. к примеру, о подготовке вооруженного восстания в Болгарии: Из протокола [Политбюро] № 36, от 27 сентября 1923 г. // Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б) и Европа. С. 21–22; Из протокола [Политбюро] № 47, от 5 февраля 1925 г. // Там же. С. 63–64.

¹⁶ При этом, однако оговаривалось, что изменение политической обстановки может вновь вызвать возвращение к старым методам, в частности, в Бессарабии. См.: Протокол № 50 (особый № 37) заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 25.02.1925 г. // Материалы «Особой папки» Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б) по вопросу советско-польских отношений 1923–1944 / Под редакцией И.И. Костюшко. М., 1997. С. 12–15. Очевидно, что решение Политбюро базировалось на проекте постановления комиссии В.В. Куйбышева «Об активной разведке» от 18 февраля 1925 г. Первое предложение проекта выглядело следующим образом: «Активную разведку в настоящем ее виде (организация связи, снабжения и руководства диверсионными отрядами на территории Польской республики) – ликвидировать». Текст документа см.: Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК–ОГПУ. 1917–1926. Документы / Сост. А.А. Плеханов, А.М. Плеханов. М., 2007. С. 587–588. Сравни также: Плеханов А.М. ВЧК–ОГПУ: Отечественные органы государственной безопасности в период новой экономической политики. 1921–1928. М., 2006. С. 344–345; Костюк М.П. Большевицкая система власти в Беларуси. С. 196–199.

¹⁷ Протокол № 54 заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 26.03.1925 г. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 2. Л. 92.

¹⁸ Протокол № 56 (особый № 43) заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 9.04.1925 г. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 2. Л. 108–109 [Приложение к п. 1 «А», протокол № 1 заседания комиссии от 3.04.1925 г.].

десятилетия¹⁹, что не могло не отразиться и на отношении кремлевского руководства к представителям нацмен Запада, ранее выступавших в качестве авангарда носителей мировой революции». Слабые успехи их советизации, поступательный рост многочисленных некоммунистических и религиозных организаций, активное сопротивление политике советской власти грозили превратить западные нацменьшинства в своеобразных «троянских коней» враждебных СССР государств²⁰. Другими словами, Центр не исключал возможности коллаборационизма данных национальных групп в случае начала активных военных действий на западной границе СССР²¹.

Неудивительно, что в решениях Политбюро ЦК РКП(б)/ВКП(б) по западному приграничью, напрямую затронувших представителей нацмен «буржуазных империалистических государств» (поляков, эстонцев, немцев, финнов и т.д.), проявилась своеобразная тенденция «одомашнивания» данного региона, понимаемой Центром весьма однозначно – как полный контроль над территорией²². Если в 1920-е годы «одомашнивание» западного приграничья в СССР заключалось в попытках «советизации» местного населения (расслоение крестьянства, вовлечение его в советское и культурное строительство, создание актива и т.п.)²³, то в 1930-е годы этот процесс сопровождался «профилактическими» депортациями «ненадежных» диаспор и увеличением, как правило, доли славянского населения²⁴. Подобная идея защиты границ не была новой. Она прослеживается еще с XIV в. при расселении русскоязычного населения – казаков на самых «уязвимых» рубежах Российской империи, для «сторожевой» службы²⁵. К концу XIX в. ведущие российские военные статистики А. Макшеев, Н. Обручев и В. Золотарев разработали целую доктрину, которую сотрудник Института географии РАН Павел Полян в своих исследованиях обозначил как

¹⁹ Кен О.Н., Рупасов А.И. Политбюро ЦК ВКП(б). С. 81–82.

²⁰ См.: Baberowski, Jörg: Der Feind ist überall. Stalinismus im Kaukasus. München 2003, 210; Martin, Terry: The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca, 2001. P. 311–343.

²¹ Сравни: Переработанная стенограмма выступления секретаря ЦК ВЛКСМ Н. Чаплина от 30.05.1927 г. РГАСПИ. Ф. 1–МО. Оп. 23. Д. 713. Д. 40.

²² Кен О.Н., Рупасов А.И. Политбюро ЦК ВКП(б). С. 500. Подобные процессы проходили на восточных и южных границах СССР. Так, к примеру, в 1937 г. полному выселению с Дальнего Востока подверглись корейцы (171 781 чел.), а в 1937–1938 гг. в результате «зачистки» приграничной полосы в Средней Азии и Закавказье было выселено несколько тысяч курдов и армян. См.: Полян П. Не по своей воле. История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001. С. 90–93.

²³ См. к примеру: Протокол заседания Оргбюро ЦК РКП(б), от 27.08.1923 г. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 475. Л. 2–3; Предложения по докладу Комиссии по обследованию польской границы от 27.08.1923 г. Там же. Л. 91–93.

²⁴ Так, к примеру, только за период 1933–39 гг. число русских в Карельской АССР выросло почти на 100 тыс. чел. (или на 50,5%). См.: Лаллука Сеппо. Штрихи к этнической карте Северо-Запада России (1926–1959 гг.) // В семье единой / Под редакцией Т. Вихавайнена – И. Такала. Петрозаводск, 1998. С 51, 54.

²⁵ См.: Казачество. // Отечественная история. История России с древних времен до 1917 года. Энциклопедия. Т. 2. М. 1996, 452–454.

«география неблагонадежности». Доктрина исходила из географии расселения «благонадежного» и «неблагонадежного» населения, а также из его соотношения в конкретной местности. К первой группе относились преимущественно славяне, ко второй – евреи, немцы, поляки, народы Кавказа и т.д. Только те районы считались благоприятными по «благонадежности», где представители русского населения составляли не менее 50%. Причем градиент «благонадежности», согласно доктрине, сокращался по мере продвижения от центра к периферии. В период Первой мировой войны концепция «одомашнивания» приграничных территорий была проверена российским военным руководством на практике. По разным оценкам, депортациям в западных губерниях Российской империи подверглись около одного миллиона человек, большую часть из которых представляли «неблагонадежные народы» – немцы, поляки и евреи²⁶.

Планы «одомашнивания» приграничья были не чужды и большевикам. Так, еще в октябре 1919 г., после введения в Петроградской губернии военного положения, Комитет рабочей обороны принял решение о выселении всего финноязычного населения из десятиверстной зоны Карельского сектора. Только вторжение отрядов «белофиннов» под руководством Г. Эльвенгрена помешало этим планам²⁷. Завершение «активной работы» на западной границе СССР в начале 1925 г. выдвинуло перед советским руководством новую задачу – комплексного укрепления всей пограничной полосы²⁸. При этом необходимо учитывать, что понятие «погранполоса» для кремлевского руководства было весьма широким. Так, под него попадала большая часть Ленинградской области и Белорусской ССР (Полоцкий, Минский, Бобруйский, Мозырский округа) и восемь крупных административных образований Украины (Коростенский, Волинский, Шепетовский, Проскуровский, Тульчинский, Могилев-Подольский, Каменец-Подольский округа и АМССР)²⁹.

²⁶ Полян П. Не по своей воле. С. 27. См. также: Kappeler, Andreas: Rußland als Vielvölkerreich. Entstehung – Geschichte – Zerfall. München 1993, 284.

²⁷ Весной 1923 г., в Финляндии получили хождение слухи о запланированном Москвой новом выселении жителей 40 приграничных финноязычных деревень «в целях обеспечения безопасности» на советско-финской границе. Ингерманландский Союз даже обратился к правительству Финляндии с просьбой принять меры для предотвращения подобной акции. Однако советские власти вскоре сами объявили о том, что слухи о запланированных выселениях финнов-ингерманландцев лишены всяческих оснований. См.: Мусаев В.И. Политическая история Ингерманландии в конце XIX–XX века. Кишинев, СПб, 2001. С. 230–231.

²⁸ Необходимо заметить, что граница в этот период была еще «прозрачной», а в контрабандных операциях нередко принимали участие сами работники таможен и пограничных служб. См. к примеру: Протокол заседания Оргбюро ЦК РКП(б), от 27.08.1923 г. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 475. Л. 140–142 [Сведения о таможенях].

²⁹ Только в Украине в приграничной полосе проживало свыше 6% ее населения (около 4,8 млн. чел.). См.: Кен О.Н., Пынасов А.И. Политбюро ЦК ВКП(б). С. 486.; Martin, T.: The Origins of Soviet Ethnic Cleansing // Journal of Modern History 70 (1998), № 4, P. 830.

17 сентября 1925 г. Политбюро ЦК РКП(б), заслушав доклад особой Комиссии по обследованию пограничной полосы, приняло обширное постановление, ставшее прообразом последующих многочисленных решений на этот счет. Его исходным пунктом являлся тезис об *«исключительном положении и значении пограничных районов, как в военно-стратегическом, так и в политическом отношении...»*³⁰. При этом в числе основных экономических мер для укрепления приграничья предлагалось снизить сельхозналог, активизировать мелиоративные работы, восстановить основные отрасли промышленности, увеличить финансовую поддержку кооперации и т.д. *«Ввиду общего тяжелого положения сельского хозяйства в пограничной полосе и его деградации в некоторых округах, – подчеркивалось в постановлении Политбюро ЦК РКП(б), – признать, что восстановление сельского хозяйства в пограничной полосе является срочной политической задачей»*³¹. Что касается основных политических мер в этом важном «стратегическом регионе», то здесь, в первую очередь, акцент делался на увеличении общей численности коммунистов и *«усилении погранполосы работниками [из] нац[меньшинств]»*, активном вовлечении населения в советское строительство, организации национальных сельсоветов и национальных школ, снабжении приграничных районов национальной литературой, активной борьбе с «грубым отношением к нацменьшинствам» и т.д. Вместе с тем, Политбюро ЦК РКП(б) поручило Колонизационному Комитету *«в срочном порядке рассмотреть вопрос о возможности переселения избытка населения из пограничной полосы...»*³².

Многие из перечисленных задач «экономического характера» оказались непосильными для местных и республиканских бюджетов, что не могло не отразиться и на эффективности политической работы с населением в приграничье. Осенью 1928 г. комиссия Политбюро на основании докладов ЦК КП(б)У, ЦК КП(б)Б, Ленинградского обкома ВКП(б) и ЦК ВЛКСМ пришла к выводу, что выполнение решений постановления Политбюро ЦК РКП(б) от 17 сентября 1925 г. в отношении западного приграничья *«совершенно неудовлетворительное»* и предложила возложить всю ответственность за укрепление погранполосы на союзные ведомства и отделы ЦК ВКП(б), ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ³³. Но, несмотря на все распоряжения Центра, и через год состояние

³⁰ Проект постановления Политбюро ЦК РКП(б) по докладу Комиссии по обследованию пограничной полосы, от 17.09.1925 г. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 171. Л. 127 [Приложение № 2]. См. также: Выписка из протокола № 79 заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 17.09.1925 г. Там же. Л. 126.

³¹ Проект постановления Политбюро ЦК РКП(б) по докладу Комиссии по обследованию пограничной полосы, от 17.09.1925 г. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 171. Л. 129 [Приложение № 2].

³² Там же. Л. 127–128.

³³ Само собой разумеется, что наряду с центральными органами, над «укреплением» погранполосы продолжали трудиться и республиканские власти (УССР и БССР). См.: *Кен О.Н., Рупасов А.И.* Политбюро ЦК ВКП(б)... С. 486–487.

в западном приграничье оставляло желать много лучшего. Так, к примеру, на совещании польских партийных и комсомольских работников в пограничном Проскуровском округе (25.11.1929) в очередной раз было заявлено: *«Имея в виду политическую отсталость польского населения [...] мы не гарантированы, что польское население будет готово выступить против фашистской Польши...»*.³⁴

Бесспорно, что спокойствие на границах было необходимым условием успеха «революции сверху», начатой генсеком Сталиным. Поэтому к подробному рассмотрению положения в западном приграничье, Политбюро ЦК ВКП(б) вернулось вновь в начале 1930 г., под нажимом крестьянских антиколхозных выступлений в прилегающих к границе с Польшей округах УССР и БССР³⁵. Причем первый удар был нанесен именно по польскому населению, репрессии против которого были поставлены в самый центр деятельности партийных и советских инстанций «по укреплению» погранполосы. Несмотря на сложившееся мнение о том, что депортации в этот период *«не имели национальности»* и шли под флагом ликвидации кулачества как класса, есть все основания утверждать, что в западном приграничье они приняли явно выраженный «этнический характер». Непреклонная вера в эффективность простых решений сложных вопросов четко проявилась в упорных усилиях Центра удалить из пограничных регионов лиц «неблагонадежных» национальностей, проживание которых в данных местностях рассматривалось московским руководством как потенциальная угроза для государственной безопасности³⁶.

Необходимо пояснить, что на практике высылка или переселение применялись к лицам, которые считались «подозрительными», но к индивидуальным карательным действиям против которых (арест и суд) режим был либо не готов, либо не считал их целесообразными. Другими словами, депортации отдельных национальностей задумывались Москвой как «профилактические мероприятия» для изоляции тех этнических групп, которые в данное время и в данном месте могли нанести потенциальный вред интересам существо-

³⁴ Материалы совещания польских комсомольцев и коммунистов Проскуровского округа, от 25.11.1929 г. РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 387. Л. 1. Сравни: Сталинские депортации 1928–1953 / Сост. Н.Л. Поболь – П.М. Полян. М., 2005. С. 35–36, 39–40.

³⁵ Необходимо учитывать, что исходя из военно-политической доктрины, утвержденной Политбюро в июле 1929 г., все соседние с СССР западные государства причислялись в лагерь «вероятного противника». См.: Кен О.Н., Рупасов А.И. Политбюро ЦК ВКП(б)... С. 82. Всего в 1930 г. ОГПУ зафиксировало 13 754 массовых крестьянских выступлений по всей стране, в которых принимали участие около 2,5 млн. чел. См.: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т. 2. М., 2000. С. 787–789.

³⁶ К началу 1930 г., среди московского руководства наиболее вероятными считались сценарии нападения на Советский Союз с участием Польши и Румынии, при котором в театр военных действий включалась вся территория УССР и БССР, Ленинградская и Западная области РСФСР. При вовлечении в войну Финляндии, Эстонии и Латвии театр военных действий расширялся за счет территории Карелии и двух округов Северного края. См.: Кен, О.Н. – А.И. Рупасов: Политбюро ЦК ВКП(б), 518.

вавшего режима³⁷. Вместе с тем, «очищение» приграничных местностей от широкого круга обвинявшихся или подозреваемых в предательских помыслах представителей нацменьшинств Запада фактически приравнивало их к преступникам, контрреволюционерам, и так называемым «подрывным элементам».

Указания директивных органов о масштабах и формах проведения репрессий в западных республиках СССР и приграничной полосе в начале 1930 г. неоднократно менялись. Так, 24 января Политбюро ЦК КП(б)У направило окружкомам директиву о раскулачивании к 15 марта около 150 тыс. крестьянских хозяйств и высылке за пределы УССР около 60 тыс. хозяйств. Причем подобные «мероприятия» против кулаков предписывалось, в первую очередь, провести *«в пограничной полосе, округах и районах сплошной коллективизации»*³⁸. Но на практике выселению подвергались не только кулаки, но и так называемые «подкулачники», т.е. середняки, бедняки и даже батраки, уличенные или подозреваемые в прокулацких и антиколхозных действиях. В связи с тем, что органы ОГПУ СССР не справлялись с подготовкой новых мест поселения, уже в начале февраля 1930 г. квота высылаемых с Украины была сокращена до 20 тыс. семей, а сроки операции продлены до середины апреля³⁹. Отмечая более высокое представительство кулаков среди представителей нацмен Запада по сравнению с украинским населением, руководство ЦК КП(б)У в своем письме в адрес окружкомов и райкомов партии от 2 февраля 1930 г. призывало в отношении *«немецких, болгарских, греческих, чехо-словацких, польских и иных колоний» руководствоваться необходимостью «настойчивой работы для организации бедноты и наемных работников» и «перетягивания полностью на нашу сторону середняка...»*⁴⁰.

³⁷ Мартин Терри. Террор против наций в Советском Союзе. С. 40.

³⁸ Телеграмма ЦК КП(б)У Винницкому окружному партийному комитету с изложением текста постановления ЦК КП(б)У от 23.01.1930 г. о мероприятиях против кулаков, от 24.01.1930 г. // Васильев В., Линн В. Коллективизация и крестьянское сопротивление на Украине (ноябрь 1929 – март 1930 гг.). Винница, 1997. С. 143–144. Постановлением ЦК ВКП(б) от 30.01.1930 г. устанавливались распределение кулаков по трем категориям и разрядки их арестов и высылки. В соответствии с разработанной ЦК ВКП(б) градацией, на Украине планировалось лишить имущества и направить в концлагеря 15 тыс. кулаков первой категории («контрреволюционный кулацкий актив»). Около 30–35 тыс. хозяйств были отнесены ко второй категории («остальные элементы кулацкого актива, особенно из наиболее богатых кулаков и полупомещиков»), которых следовало отправить в Северный край. Крестьяне третьей категории после раскулачивания должны были быть расселены на новых участках в районах прежнего проживания. Т.о., инициированная руководством ЦК КП(б)У численность лиц первой и второй категории была снижена Москвой с 60 до 50 тыс. семей. См.: Кен О.Н., Рупасов А.И. Политбюро ЦК ВКП(б)... С. 512.

³⁹ Васильев В. Первая волна сплошной коллективизации и украинское крестьянство // Васильев В., Линн В. Коллективизация и крестьянское сопротивление. С. 51–52.

⁴⁰ Письмо ЦК КП(б)У «О мерах по ликвидации кулаческих [sic] хозяйств в районах сплошной коллективизации», от 2.02.1930 г. // Васильев В., Линн В. Коллективизация и крестьянское сопротивление. С. 147–150.

Подобное развитие событий, по всей видимости, не совсем устраивало Москву, т.к. уже 5 марта 1930 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило особо секретное постановление «О польских селениях в приграничных областях», которое не только подтверждало приравнивание в отношении проводимых репрессий двенадцати западных пограничных округов Белоруссии и Украины (включая АМССР) к районам сплошной коллективизации, но и «подкорректировало» директиву ЦК КП(б)У, существенно увеличив численность первой и второй категорий репрессируемых жителей. В частности, к выселению из приграничных округов были определены следующие «категории» населения: «а) семейства лиц, осужденных за бандитизм, шпионаж, активную контрреволюционную и профессиональную контрабанду»; и «б) независимо от того, происходит ли в этих районах сплошная коллективизация или нет [...] ...кулацкие хозяйства[...] в первую очередь польской национальности[.] всех трех категорий, в размере[.] дополнительном к той разверстке, которая уже произведена от того, происходит ли в Белоруссии – 3–3 1/2 тыс. семейств и из Украины – 10–15 тыс. семейств...»⁴¹. При этом наряду с двумя указанными группами «классовых врагов», выселению должна была подвергнуться и третья – польские семьи бедняков и середняков: «В счет этих цифр по Белоруссии и Украине могут быть выселены из перечисленных районов те шляхетские семейства (независимо от их материального положения), пребывание которых около границы органами ОГПУ и местными партийными органами будет признано опасным...»⁴².

Важно отметить, что в ходе осуществления указанных в решении Политбюро ЦК ВКП(б) мер масштабы репрессий были существенно сокращены. Как отмечалось в справке начальника Секретно-оперативного управления ГПУ УССР И.М. Леплевского о ходе выселения кулачества из Украины: «В связи с предстоящей [...] операцией по выселению к[онтр]-р[еволюционного] и антисоветского элемента из приграничных и пограничных округов» по пяти округам УССР и АМССР было «дополнительно» исключено из разверстки на высылку 1.542 семей (7.710 чел.)⁴³. Также установленная для погранполосы УССР «дополнительная» квота в «10–15 тысяч семейств», в «первую очередь польской национальности», в итоге вылилась в высылку 15 тыс. одиночек «особого назначения»⁴⁴.

⁴¹ Протокол № 119 (особый № 117) заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 5.03.1930 г. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 8. Л. 109–110 [Приложение № 2]. Текст постановления приводится также в: Кен О.Н., Рупасов А.И. Политбюро ЦК ВКП(б). Часть 1. С. 508–510.

⁴² Протокол № 119 (особый № 117) заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 5.03.1930 г. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 8. Л. 109–110 [Приложение № 2].

⁴³ Единственным пограничным округом, откуда ГПУ Украины намечало высылку кулаков, являлся Тульчинский, который, к этому времени, был весь «охвачен волнениями и восстаниями». См.: Справка начальника СОУ ГПУ УССР И. Леплевского о ходе выселения кулачества из округов УССР, от 13.03.1930 г. // Васильев В., Линн В. Коллективизация и крестьянское сопротивление. С. 211–212.

⁴⁴ Под категорию одиночек «особого назначения» попадали лица, активно сопротивлявшиеся политике советской власти. Необходимо заметить, что Костюшко

Фрагментарность доступных на сегодняшний день архивных данных не позволяет установить, чем были продиктованы подобные решения, вызвавшие изменение вышеуказанного постановления Политбюро ЦК ВКП(б). Можно лишь предположить, что цифровые квоты, указанные в постановлении от 5 марта 1930 г., были «подкорректированы» членами Политбюро во время принятия ими во внеочередном порядке директивы «Об Украине и Белоруссии»⁴⁵. Дело в том, что уже через шесть дней после принятия решения о выселении поляков, Политбюро ЦК ВКП(б), опасаясь угрозы возможного «вмешательства» со стороны Польши, спешно санкционировало дополнительную серию мер по «стабилизации» положения в Украине и Белоруссии⁴⁶. Партийная верхушка посчитала необходимым дать Центральным комитетам компартий Украины и Белоруссии, а также республиканским органам ОГПУ целый ряд срочных директив, как то: не допускать никаких выступлений «антисоветского характера» в приграничных округах; в недельный срок перебросить в помощь местным организациям «достаточное количество опытных партийных работников» из других округов; в течение недели «количественно и качественно» усилить оперативный состав и войсковые группы ОГПУ за счет резервов; а главное – подготовить и провести операцию ареста и высылки «польско-кулацких контрреволюционных и шпионских элементов» в максимально короткий срок «организованно и без шума»⁴⁷.

Другими словами, постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 11 марта 1930 г., в отличие от ранее принятого, потребовало подчинить проводимые и намеченные акции в приграничных округах исключительно внешнеполитическим и оборонным задачам. Для руководителей ЦК компартий Украины и Белоруссии и представителей ОГПУ это означало прежде всего немедленное подавление любых очагов сопротивления в приграничье и недопущение новых массовых выступлений⁴⁸. Вероятно поэтому в постановлении Политбюро от 11 марта 1930 г. фактически пересматривались некоторые из предписанных ранее мероприятий против польского «кулачества» в пограничной полосе⁴⁹. Последствия принятых Центром мер не заставили себя долго ждать. «Решительными

ошибочно считает, что все указания Политбюро ЦК ВКП(б) были выполнены без каких-либо особых изменений. См.: Костюшко И.И. Польское национальное меньшинство. С. 161.

⁴⁵ Протокол № 120 заседания Политбюро ЦК РКП(б), от 15.03.1930 г. (опросом от 11.03.1930 г.). РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 8. Л. 114. [Текст постановления приводится также в: Кен О.Н., Рупасов А.И. Политбюро ЦК ВКП(б). Часть 1. С. 514–515.]

⁴⁶ На протяжении всей первой половины марта 1930 г. реакция польских правительственных и военных кругов на события в СССР оставалась в фокусе внимания Москвы. См. более подробно: Кен О.Н., Рупасов А.И. Политбюро ЦК ВКП(б). Часть 1. С. 515–519.

⁴⁷ Протокол № 120 заседания Политбюро ЦК РКП(б), от 15.03.1930 г. (опросом от 11.03.1930 г.). РГАСПИ. Ф. 17, оп. 162, д. 8, л. 114.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ См.: Кен О.Н., Рупасов А.И. Политбюро ЦК ВКП(б)... С. 516–517.

действиями оперативных групп и войск ГПУ выступления и вооруженное восстание ликвидированы, – докладывал к концу марта 1930 г. председатель ГПУ УССР В.А. Балицкий, – во всех округах пограничной зоны была предотвращена возможность развития и перенесения волнений в другие районы и округа...»⁵⁰.

Обсуждение в Политбюро ЦК ВКП(б) вопроса о «кулаках-иностранцах» (от 20.02. и 25.02.1930)⁵¹, из которого вскоре «отпочковался» отдельный вопрос – «О польских селениях в пограничных областях», не могло не затронуть проблему «уязвимости» и северо-западных рубежей СССР. В любом случае, высылка «кулацкого элемента» из северо-западного приграничья происходила в одно и то же время и по одному и тому же сценарию, как и аналогичные «операции» в Белоруссии и Украине. Более того, в постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1930 г. «О польских селениях в пограничных областях», распространявшемся исключительно на территорию Украины и Белоруссии, не была забыта и советско-финская граница. В последнем пункте данного постановления особо подчеркивалось: «Предложить ОГПУ обследовать положение в пограничных районах Ленинградской области и свои предложения по этому вопросу внести дополнительно»⁵². Весьма показательно, что за день до этого (4.03.1930) Ленинградский обком партии, возглавляемый непосредственно членом Политбюро ЦК ВКП(б) Сергеем Кировым, принимает «свое» постановление «О мероприятиях по укреплению пограничных районов»⁵³, послужившее основой массового выселения финского населения из Северной Ингерманландии, непосредственно граничившей с Финляндией. Постановление предписывало провести выселение из приграничных районов «наиболее активных» кулаков, а также «контрреволюционный, антисоветский, шпионский и контрабандистский элемент» в сжатые сроки, завершив его полностью к маю 1930 г.⁵⁴ Наряду с этим, местным партийным организациям выделялось две недели для обновления основных руководящих кадров

⁵⁰ Докладная записка председателя ГПУ Украины В.А. Балицкого генеральному секретарю ЦК КП(б)У С.В. Косиору о причинах и ходе крестьянских выступлений в 11 пограничных округах Украины, от 30.03.1930 г. // Васильев В., Линн В. Коллективизация и крестьянское сопротивление. С. 245.

⁵¹ Протокол № 118 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 25.02.1930 г. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 777. Л. 2–3, 10 [решение ПБ от 20.02.1930 г.].

⁵² Протокол № 119 (особый № 117) заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 5.03.1930 г. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 8. Л. 110.

⁵³ Суни Лео. Ингерманландские финны // В семье единой. С. 71–72. Хотя Сергей Киров и не присутствовал на заседаниях Политбюро ЦК ВКП(б) (от 25.02. и 5.03.1930 г.), в его распоряжении имелись все материалы по обсуждаемым на этих заседаниях вопросам. См.: Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сборник документов / Составители О. Хлевнюк, А. Квашонкин, Л. Кошелева, Л. Роговая. М., 1995. С. 184–185.

⁵⁴ Необходимо указать, что финляндские власти, заинтересованные в том, чтобы в непосредственной близости от Финляндии по-прежнему проживало финское население, считали, что следует (по возможности) склонять ингерманландских крестьян к вступлению в колхозы, дабы они избежали высылки. См.: Суни Лео. Ингерманландские финны // Там же. С. 72–73.

в органах власти, расположенных в погранполосе: планировалось заменить до 50 руководителей райисполкомов, народного образования и кооперации во всех районах с финским населением. В результате проведенных Кировым «мероприятий по укреплению пограничных районов» с Финляндией, количество высланных финнов-ингерманландцев к началу 1931 г. составило около 18 тыс. человек, также были полностью ликвидированы восемь финских, семь ижорских и три эстонских сельсовета⁵⁵.

Опасения, что внутренний кризис сомкнется с иностранной интервенцией, вынудили Политбюро ЦК ВКП(б) уже через месяц снова вернуться к проблеме «социально-политической устойчивости» западных рубежей. Двадцатого апреля 1930 г. Политбюро утвердило общее постановление «О мероприятиях по хозяйственному и культурному подъему погранполосы в [19]29/30 г.». Главным его содержанием являлось определение порядка дополнительных ассигнований и планирования хозяйственного и культурного развития «западных» округов и районов, прилегающих к границам с Финляндией, Эстонией, Латвией, Польшей и Румынией⁵⁶. Причем единственным пунктом этого постановления, относящимся к «политической» работе среди «неблагонадежных» нацменьшинств Запада, явилось указание партийному руководству Украины и Белоруссии «обеспечить [...] издание в погранполосе (УССР и БССР) двух газет на польском языке»⁵⁷.

В конце 1931 г. (1.12.) Политбюро ЦК ВКП(б) приняло еще одно, дополнительное постановление «О политическом и хозяйственном состоянии погранполосы УССР и БССР», в котором потребовало «...поставить в качестве боевой задачи парт[ийных], сов[етских] органов погранрайонов усиление борьбы за ликвидацию, в ближайшее время, влияния кулацко-антисоветских элементов и решительное ослабление диверсионной шпионской работы агентов фашистской Польши на территории погранполосы»⁵⁸. С этой целью, наряду с чисткой «советского, кооперативного и колхозного аппаратов от враждебных и чуждых элементов...», Политбюро предложило начать

⁵⁵ Из этого числа примерно половина была депортирована в ходе операции, осуществленной в феврале 1931 г. См.: Суни Лео. Ингерманландские финны. С. 72. По другим данным, в феврале–марте 1931 г. ОГПУ выслало из приграничных районов Карелии 552 «кулацких семьи» (3 133 чел.). См.: Кангаспуру М. Финская эпоха Советской Карелии // В семье единой. С. 139; Мусаев В.И.: Политическая история Ингерманландии. С. 231.

⁵⁶ Контроль за выполнением директив о хозяйственном развитии пограничных районов непосредственно возлагался на Совет Труда и Оборона. См.: Протокол № 124 (особый № 122) заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 25.04.1930 (опросом от 20.04.1930 г.). РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 8. Л. 141–142 [Приложение № 2].

⁵⁷ Протокол № 124 (особый № 122) заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 25.04.1930 (опросом от 20.04.1930 г.). РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. О. 8. Л. 142. См. также: Кен, О.Н., Рупасов А.И. Политбюро ЦК ВКП(б). С. 488.

⁵⁸ Постановление о политическом и хозяйственном состоянии погранполосы УССР и БССР от 1.12.1931 г. (Приложение к п. 60/32 протокола заседания Политбюро № 78). РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 11, 76.

выделение «важнейших в политическом и стратегическом отношении районов», с целью превращения их в будущем «в опорные и образцовые пункты хозяйственно-культурной и политической работы» в западном приграничье. Осудив «антисередняцкие перегибы» в отношении польского нацменьшинства, а также «извращения в проведении национальной политики партии» на местах – массовое закрытие польских школ, ликвидацию польских сельсоветов и т.п., Политбюро ЦК ВКП(б) потребовало от партийного руководства БССР и УССР незамедлительного улучшения в области культурного строительства в приграничной полосе. В частности, Центральным Комитетам КП(б)У и КП(б)Б поручалось удвоить тираж польских газет («Трибуна Радзецка», «Серп», «Орка») и незамедлительно наладить выпуск специальных вкладок в местных газетах в тех районах, где доля польского населения превышала 20%, увеличить число польских школ, укрепить их учительскими кадрами, обеспечить все школы в приграничье учебниками и учебными пособиями и т.д.⁵⁹ «В связи с острым недостатком подготовленных и проверенных кадров, в особенности польских, – отмечалось далее в постановлении Политбюро, – поручить распределению ЦК ВКП(б) в месячный срок провести мобилизацию 200 коммунистов и комсомольцев-поляков, в том числе 100 учителей, для отправки их на работу в погранрайоны...»⁶⁰. Именно в ходе исполнения этого постановления и «имея в виду исключительную важность в условиях БССР правильной организации работы среди трудящихся поляков (граница с фашистской Польшей)», Бюро ЦК КП(б) Белоруссии в начале февраля 1932 г. выступило с инициативой (по всей видимости, подсказанной из Москвы) реорганизации Койдановского района БССР в польский национальный район⁶¹. Этой мерой минское руководство обещало добиться «более успешного проведения хозяйственно-политических кампаний, мобилизации масс на борьбу против кулачества, против польского шовинизма и клерикализма»⁶². Создание в 1932 г. польского национального района, получившего название «Дзержинский», стало последней крупной акцией Центра по противодействию польскому влиянию посредством «культивирования» польских коммунистических сил в СССР⁶³.

Приход к власти нацистов в Германии в 1933 г. вызвал кардинальные изменения во внешней политике, разрабатываемой и проводимой Кремлем

⁵⁹ Там же. Л. 78–79.

⁶⁰ Там же. Л. 79.

⁶¹ Ходатайство секретаря ЦК КП(б)Б Н.Ф. Гикало на имя секретаря ЦК ВКП(б) Л.М. Карановича «Об организации в БССР польского национального района» от 21.02.1932 г. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 297. Л. 183.

⁶² Там же. См. также: Материалы к заседанию Секретариата ЦК ВКП(б) от 15.05.1932 г. (протокол № 108, пункт 18 «г», принят опросом 10.05.1932 г.). РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 297. Л. 14.

⁶³ См.: Кен О.Н., Рынцов А.И. Политбюро ЦК ВКП(б)... С. 489; Iwanow, M.: Pierwszy naród ukarany, 155–156; Sobczyński, Marek: Polska autonomia narodowościowa w ZSRR. // Mniejszości polskie i polonia w ZSRR. S. 57–58.

в 1920-е годы. Как заявил нарком по иностранным делам М.М. Литвинов, выступая 28 декабря 1933 г. на VI сессии ЦИК СССР 6-го созыва: «...*Наши взаимоотношения с Германией за последний год стали, можно сказать неузнаваемыми. В Германии имели место выступления, заявления, действия, которые не только не соответствовали прежним нашим отношениям, но скорее давали повод думать, что эти отношения превратились в свою противоположность...*»⁶⁴. В 1934 г. было прервано советско-германское сотрудничество, интенсивно развивавшееся с 1922 г., в том числе и в военной области. Подписанное в 1935 г. англо-германское морское соглашение резко усилило позиции Германии в Балтийском регионе, что не могло не вызвать беспокойства в Кремле⁶⁵. Сталин не переставал повторять о призраке «империалистического» нападения на Советский Союз и возможности полной изоляции советской державы⁶⁶. Довольно четко изложил видение «новой» внешнеполитической ситуации Н.И. Бухарин, который выступая на XVII съезде ВКП(б) (1934) заметил следующее: «*Гитлер [...] желает оттеснить нас в Сибирь, [...] японские империалисты [...] хотят оттеснить нас из Сибири, так что, вероятно, где-то на одной из домен Магнитки нужно поместить все 160-миллионное население нашего Союза...*»⁶⁷. Подобная перспектива развития событий несомненно внушала опасения и членам Кремлевского Олимпа. По мере того, как упрочивалась власть нацистов в Германии и росло их международное значение, усугублялись и тоталитарные явления в СССР в отношении выявления представителей «пятой колонны». Уже после войны один из «подмастерьев» Сталина, член Политбюро Лазарь Каганович заметит: «*"Пятая колонна" была у нас [...] Если бы мы не уничтожили эту "пятую колонну", мы бы войну не выиграли. Мы были бы разбиты немцами в пух и прах...*»⁶⁸. Не случайно главными жертвами национальных «операций» в 1930-е годы стали этнические меньшинства, представлявшие нации из граничивших с СССР «буржуазно-фашистских» государств Запада: немцы, поляки, финны, эстонцы, латыши и др.

⁶⁴ Документы внешней политики СССР. М., 1970. Т. 16. С. 791. См. более подробнее: Случ С. Германия и СССР в 1918–1939 годах: мотивы и последствия внешнеполитических решений // Россия и Германия в годы войны и мира (1941–1995). Под редакцией Д. Проэктора. М., 1995. С. 57–66; Саито Х. Советская политика по отношению к Германии в 1933 г. // Россия и мир. М., 2001. С. 379–397.

⁶⁵ Вихавайнен Т. Национальная политика ВКП(б)/КПСС в 1920-е – 1950-е годы и судьбы карельской и финской национальностей // В семье единой. С. 25. Сравни: Саито Х. Советская политика по отношению к Германии в 1933 г. // Россия и мир. М., 2001. С. 395–396; Невежин В.А. Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в предверии «священных боев» 1939–1941 гг. М., 1997. С. 52–53.

⁶⁶ Бубер-Нейман М. Мировая революция и сталинский режим. Записки очевидца о деятельности Коминтерна в 1920–1930-х годах. М., 1995. С. 239.

⁶⁷ XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет. М., 1934. С. 128.

⁶⁸ См.: Чуев Ф. Каганович. Шепилов (Досье). М., 2001. С. 35.

Начало новому широкомасштабному витку репрессий, разработанного и направляемого из Кремля, положило убийство Сергея Кирова 1 декабря 1934 г. Уже через несколько часов после известия о событиях в Ленинграде, Сталин собственноручно подготовил постановление ЦИК СССР, получившее название «Закон от 1-го декабря». Этот чрезвычайный акт, введенный в действие фактически единоличным решением Сталина, предписывал заканчивать следствие по делам о террористических актах в десятидневный срок, обвинительное заключение вручать обвиняемым лишь за сутки до рассмотрения дела в суде, слушать дела без участия сторон, не допускать кассационных обжалований и ходатайств о помиловании, а приговоры о расстреле приводить в исполнение немедленно после их оглашения⁶⁹. Это постановление означало коренной разрыв с нормами «социалистического» судопроизводства и контроля за приговорами к расстрелу, утвердившимися в предшествующий период. Нормы «сталинского закона» от 1 декабря 1934 г. были оптимальными для проведения широких террористических акций и поэтому особенно активно использовались в 1937–1938 гг.⁷⁰ После знаменитого процесса т.н. «Московского центра» (январь 1935 г.) по всей стране нарастала волна арестов бывших участников оппозиции⁷¹. Причем волна террора захватила не только членов партии и бывших оппозиционеров. Именно в этот период, с прямой подачи Политбюро ЦК ВКП(б), была вновь продолжена работа по «этнической» чистке погранрайонов от «контрреволюционного элемента», вскоре вылившаяся в массовые депортации тысяч «потенциальных коллаборантов» – немцев, поляков, финнов, эстонцев и т.д.

Первыми под прицелом Кремля оказались представители немецкого меньшинства. Неприятие ими большевистской идеологии, стремление покинуть СССР, многочисленные апелляции за помощью к эмигрировавшим родственникам и знакомым, получение материальной помощи и моральной

⁶⁹ Официально Политбюро ЦК ВКП(б) одобрило это постановление лишь через два дня, а именно – 3 декабря 1934 г. См.: Заседание Политбюро ЦК ВКП(б) от 25.12.1934 г. (опросом от 3.12.1934 г.). РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 17. Л. 87.

⁷⁰ Хлевнюк О.В. Политбюро. Механизмы политической власти. С. 142. Остается добавить, что 10 декабря 1934 г. были введены в действие новые статьи уголовного-процессуального кодекса РСФСР. См.: Ченцов В.В., Романец Н.Р. Трагические судьбы (из истории репрессий против немецкого населения Украины) // Вопросы германской истории. Немцы в Украине. Днепрпетровск, 1996. С. 177.

⁷¹ В январе 1935 г. (9.01.) в Особом совещании при НКВД СССР рассматривалось уголовное дело мифической «ленинградской контрреволюционной зиновьевской группы Сафарова, Залуцкого и других». По нему проходило 77 человек, в том числе видные деятели партии. Все они были осуждены на разные сроки тюрьмы и ссылки. Через неделю (16.01.1935), от 5 до 10 лет заключения получили еще 19 человек, проходивших по делу так называемого «московского центра» во главе с Зиновьевым и Каменевым. 26 января 1935 г. Сталин подписал постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о высылке из Ленинграда на север Сибири и в Якутию целую группу бывших сторонников Зиновьева (663 чел.). См.: Хлевнюк О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М., 1996. С. 142–143.

поддержки из-за границы и т.п., вынуждало Кремль принимать по отношению к немцам специальные меры. Особую тревогу у руководства ВКП(б) вызывало и их проживание в стратегически важном регионе – западном приграничье. Так, решением ЦК КП(б)У еще в апреле 1934 г. (3.04.) была создана специальная комиссия ЦК для обследования приграничного (немецкого) Пулинского района. На основании представленных комиссией материалов, на заседании секретариата ЦК КП(б)У 16 мая 1934 г. было принято постановление «О Пулинском районе», в котором отмечалось, что засорение немецких колхозов «кулацким элементом» создало возможность для *«антисоветской работы в районе кулацко-фашистских агентов»*⁷². 20 октября 1934 г., генеральный секретарь ЦК КП(б)У С.В. Косиор⁷³ сделал официальный запрос в Москву секретарю ЦК ВКП(б) и члену Политбюро Л.М. Кагановичу на разрешение выслать из приграничных районов *«злостный кулацкий элемент»* вместе с семьями, в первую очередь поляков и немцев⁷⁴. Ответ не заставил себя долго ждать. Уже через 10 дней, 31 октября 1934 г., появилось совместное постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «об Украине», в котором давалось добро на высылку *«с пограничной полосы УССР от 500 до 1000 семей единоличников»*, с одним условием – заменой их *«надежными элементами»*⁷⁵.

Не обошло своим вниманием партийное руководство и вторую по численности в СССР «нелояльную» режиму группу нацмен Запада – поляков. Через неделю, 9 ноября 1934 г., на повестку дня заседания Политбюро ЦК ВКП(б) было вынесено два вопроса, непосредственно касающихся представителей польского нацменьшинства в СССР: а) о польских районах и школах в БССР и УССР и б) о работе среди поляков⁷⁶. Предпринятые меры не заставили себя

⁷² По данным Комиссии, в Пулинском районе насчитывалось около 200 немецких кулацких хозяйств. См.: *Кривец Н.В.* Депортация немцев с Украины в 1930-х – начале 1940-х гг. // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект. М., 1998. С. 269.

⁷³ С июля 1930 г. С.В. Косиор сам являлся членом Политбюро ЦК ВКП(б). См.: *Хлевнюк О.В.* Политбюро. Механизмы политической власти. С. 286.

⁷⁴ *Кривец Н.В.* Депортация немцев с Украины. С. 270.

⁷⁵ Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР об Украине, от 31.10.1934 г. // Лубянка. С. 571.

⁷⁶ Протокол № 16 заседания Политбюро ЦК ВКП(б), от 13.11.1934 г. (опросом от 9.11.1934). РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 954. Л. 26. Необходимо заметить, что уже летом 1934 г. Политбюро ЦК ВКП(б) создало комиссию под председательством А.И. Стецкого для подготовки «предложений о польских районах и школах в УССР и БССР», которая, по сути, и положило начало ликвидации польских «островков культуры» в СССР. 26 июля 1934 г. было принято постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «Об ошибках ЦК КП(б)Б и СНК Белорусской ССР в организации принудительного обучения белорусских детей на польском языке», в котором отмечалась «неправильная политика и практика насаждения в районах и селах с большинством белорусского населения польских школ и принудительное обучение белорусских детей на польском языке». 3 августа 1934 г. «перегибы» в проведении «полонизации» были подвергнуты критике на V пленуме ЦК КП(б) Белоруссии. См.: Протокол № 11 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 5.08.1934, п. 177/160 [опросом от 1.08.1934]. РГАСПИ. Ф. 17.

долго ждать. Так, по сообщению главы ЦК КП(б)У С.В. Косиора, уже к концу 1934 г. в приграничных регионах республики началась «чистка» руководящих кадров от «националистов», а также «реполонизация» польских национальных сельсоветов и школ⁷⁷. Так, только в Винницкой и Киевской областях 25 польских сельсоветов получили новый статус – «украинские», а из 444 «искусственно созданных польских школ» реорганизации в украинские подверглись 205 школ (46%)⁷⁸.

«Кировский поток» не только ускорил процесс репрессий по отношению ко всем «классовым врагам» вообще, но и заложил основу массовых депортаций по этническому признаку⁷⁹. Насильственное перемещение представителей отдельных «текущих национальных групп» позволило Кремлю, независимо от степени завершенности процесса их «советизации», обезопасить свои интересы в стратегически важных приграничных регионах. 23 декабря 1934 г. секретарь ЦК КП(б)У С.В. Косиор направил Сталину докладную записку, в которой просил утвердить разработанные ЦК КП(б)У меры по очистке погранполосы от «неблагонадежного и антисоветского элемента» в районах и селах с польским и немецким населением⁸⁰. Операцию предлагалось провести в два этапа: «а) Очистка погранрайонов от антисоветских элементов по линии

Оп. 3. Д. 949. Л. 33; ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945. М., 2009. С. 66–72.

⁷⁷ «Из числа наиболее крепких и проверенных» коммунистов были подобраны секретари районных парткомов и председатели райсполкомов в 11 пограничных районах, а также заменен ряд заведующих районными отделами по линии целого ряда наркоматов (НКВД, Наркомзем, Наркомпрос и др.). Так, например, из 11 начальников райотделов НКВД к концу декабря 1934 г. было заменено 7 (т.е. 64%). Пересмотр кадрового состава затронул также заведующих школами, главврачей, агрономов и т.д. См. также: *Евтух В., Чирко Б.* Німці в Україні (1920-і – 1990-і роки). Київ 1994. С. 47–48.

⁷⁸ Реорганизация подразумевала также слияние польских школ с существующими украинскими школами. Кроме этого, в вышеназванных областях были реорганизованы в украинские школы (с сохранением «польских комплектов») 35 бывших польских школ. См.: Докладная записка С.В. Косиора И.В. Сталину об укреплении пограничной полосы, от 23.12.1934 г. // Лубянка. С. 582–583. Сравни: Марочко В., Хилліг Г. Репресовані педагоги України: жертви політичного терору (1929–1941). Київ, 2003. С. 219–220. Уже к осени 1935 г., в Винницкой области УССР 40 бывших польских сельсоветов были реорганизованы в украинские. См.: *Рубльов О., Пенринцев В.* Репресії проти поляків України у 1930-ті роки // http://memorial.kiev.ua/zhurnal/pdf/01-02_1995/116.pdf (8.02.2010).

⁷⁹ Лица, депортированные в этот период, в местах своего нового поселения получили прозвище «кировцы». См.: *Маамяги В.А.* Эстонцы в СССР. 1917–1940 гг. М., 1990. С. 190.

⁸⁰ По всей видимости, данная записка дополняла и объясняла решение Политбюро ЦК КП(б) Украины от 20.12.1934 г. «О переселении из приграничных районов», принятое с одобрения Л.М. Кагановича. В нем, в частности, рекомендовалось провести высылку всех единоличников, а также тех колхозников, «*которых нельзя признать благонадежными в условиях приграничной полосы*» из районов, где преимущественно проживало польское и немецкое население. См.: *Кривец Н.В.* Депортация немцев с Украины. С. 270.

НКВД и высылка их на север (примерное количество около 2000 хозяйств); б) переселение в восточные районы Украины из погранрайонов неблагонадежных элементов из числа единоличников, а также некоторых колхозников в общем количестве около 8–9 тысяч хозяйств»⁸¹. В первую очередь, «очистке» должны были подвергнуться все села, «расположенные вблизи точек укрепрайонов и других объектов стратегического значения».

«Одомашнивание» приграничья должно было пройти по старой, разработанной схеме: на место «нелояльных» нацмен предлагалось переселить украинцев – «лучших колхозников и активистов» из Киевской и Черниговской областей (около 4 тыс. семейств), а также 2 тыс. «демобилизуемых красноармейцев». Для практического осуществления всей «операции», которая должна была одновременно охватить 24 пограничных района, предлагалось создать 11 «троек» из представителей НКВД и военного командования, возглавляемых членами ЦК КП(б)У. Причем, как особо подчеркивал Косиор в своей записке Сталину: «В три наиболее сложных района – Мархлевский и Новоград-Волынский с густым польским населением и Пулинский – с немецким и польским населением, намечена посылка отдельных троек в каждый район»⁸². Уже через четыре дня после поступления данной записки Сталину, Политбюро ЦК ВКП(б) своим постановлением «Об Украине» (27.12.1934) санкционировало просьбу ЦК КП(б)У, утвердив все предложенные «лимиты»⁸³.

23 января 1935 г. Политбюро ЦК КП(б)У утвердило сроки «переселения» и точное количество «ненадежных элементов» (8.300 хозяйств)⁸⁴. Весной 1935 г. (между 20 февраля и 10 марта) из приграничных Киеской и Винницкой областей в восточные области республики были переселены 41.650 чел., или 8.329 семей⁸⁵, из которых около 60% составляли поляки (2 886 семей)

⁸¹ Докладная записка С.В. Косиора И.В. Сталину об укреплении пограничной полосы от 23.12.1934 г. // Лубянка. С. 582–583.

⁸² Там же. С. 583.

⁸³ См.: Протокол заседания Политбюро ЦК ВКП(б) № 18, от 27.12.1934 г. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 17. Л. 101. Вопрос охраны приграничных рубежей Украинской ССР был вынесен на заседание Политбюро ЦК ВКП(б) и в марте 1935 г. (31.03.). Однако, по непонятным причинам, данный вопрос был снят с повестки дня. См.: Протокол № 23 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 3.04.1935 г. (опросом от 31.03.). РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 961. Л. 62.

⁸⁴ *Евтух В., Чирко Б.* Німці в Україні. С. 75–76. Сравни: Ченцов В.В. Трагические судьбы. Политические репрессии против немецкого населения Украины в 1920-е – 1930-е годы. М., 1998. С. 79. Виктор Бруль ошибочно считает, что в этот период с Волыни было переселено 8 300 семей только немецкой национальности. См.: *Бруль В.* Сравнительный анализ причин и последствий депортаций российских немцев, поляков, калмыков, литовцев, эстонцев, латышей в Сибирь (1935–1965 гг.) // Немцы России в контексте отечественной истории: общие проблемы и региональные особенности. М., 1999. С. 324.

⁸⁵ Так, к примеру, в Харьковской и Донецкой областях для переселенцев были отведены следующие районы: Сватовский, Троицкий, Покровский, Лозово-Александровский, Белолуцкий и Двуречанский. См.: *Кривец Н.В.* Депортация немцев с Украины. С. 270; *Евтух В., Чирко Б.* Німці в Україні. С. 75.

и немцы (1 903 семей)⁸⁶. Особенно пострадал в результате депортаций «наиболее засоренный антисоветскими и контрреволюционными элементами» польский район им. Мархлевского, из которого весной 1935 г. было выселено 1 188 «ненадежных», преимущественно польских хозяйств⁸⁷. Причем уже 31 июля 1935 г. первый секретарь Киевского обкома КП(б)У П.П. Постышев обратился к Сталину с просьбой дополнительно увеличить лимит по выселению «контрреволюционных элементов» из Мархлевского района еще на 350 хозяйств⁸⁸. В целом, по дополнительным лимитам, из приграничных районов Украины осенью 1935 г. было выслано еще около 1 500 хозяйств «ненадежных этносов»⁸⁹. Заключительным аккордом всех этих «операций» явилось расформирование с одобрения Политбюро ЦК ВКП(б) находившихся в приграничной Волыни польского и немецкого национальных районов (Мархлевского и Пулинского) «в связи с экономической слабостью» в сентябре 1935 г.⁹⁰

Не была обделена опекой Кремля и Белорусская ССР. Еще в июне 1935 г. (12.06.) на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) было принято решение «О мероприятиях по усилению охраны границы БССР», где основное внимание уделялось очистке пограничных округов и районов республики. Причем наряду с арестами и высылкой «активного хулиганско-враждебного элемента, подозреваемого в шпионаже», было решено, по примеру Украины, «переселить из погранполосы 2000 семейств неблагонадежного элемента с высылкой их за пределы Белоруссии»⁹¹. Под «неблагонадежным элементом», как правило, подразумевались представители нацмен Запада – поляки и немцы⁹². На этом, однако, «одомашнивание» западных границ не закончилось.

⁸⁶ Martin, T.: The Origins of Soviet Ethnic Cleansing. P. 848–849.

⁸⁷ С целью «укрепления границы» на их место были переселены 745 хозяйств «проверенных украинцев-колхозников» из южных регионов Киевской области.

⁸⁸ Из этого числа, 300 хозяйств предлагалось переселить в другие области Украины, а 50 хозяйств выселить на Север. См.: Докладная записка П.П. Постышева И.В. Сталину о необходимости переселения «контрреволюционных элементов», от 31.07.1935 г. // Лубянка. С. 682.

⁸⁹ Martin, T.: The Origins of Soviet Ethnic Cleansing. P. 848–849. Причем, даже незначительные по численности «этнические» высылки, санкционировались Политбюро ЦК ВКП(б). Так, например, на заседании от 16 декабря 1935 г. при обсуждении вопроса «О приграничных железно-дорожных узлах Юго-Западной дороги» было принято решение о высылке нескольких сотен семейств «политически ненадежных» поляков как в трудовые лагеря, так и в глубокий тыл страны. См.: Лубянка. С. 804; Сталинские депортации 1928–1953. С. 53–54.

⁹⁰ См.: Протокол № 33 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 29.09.1935 г. [опросом от 21.09.1935 г.]. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 971. Л. 54–55. См. также: Martin, T.: The Origins of Soviet Ethnic Cleansing. P. 848–849; Евтух В., Чурко Б. Німці в Україні. С. 75.

⁹¹ Из постановления Политбюро ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по усилению охраны границы БССР» от 12.06.1935 г. // Лубянка. С. 674.

⁹² Член Политбюро А.А. Андреев, посетивший в июне 1938 г. пограничные районы Белоруссии, высказал свое неудовольствие наличием в них «остатков» польского населения. В своем письме Сталину он указал на необходимость «переселить [по-

25 ноября 1935 г. Политбюро ЦК КП(б)У принимает новое постановление «О переселении польских и немецких хозяйств из приграничной территории», в соответствии с которым надлежало создать комиссию для подготовки переселения 6–7 тыс. хозяйств, но уже за пределы Украины⁹³, а с января 1936 г. руководство НКВД СССР (Г.Г. Ягода) приступило к разработке планов по переселению «неблагонадежных элементов» с западных границ Украины в Казахстан⁹⁴. Выступая на январском 1936 г. пленуме ЦК КП(б)У по обсуждению доклада П.П. Постышева «Об итогах проверки партдокументов КП(б)У и задачи партийной работы», народный комиссар внутренних дел Украины В.А. Балицкий заметил: «На Украине мы, прежде всего, встречаемся с фашизмом польским и немецким. В немецких районах мы работаем все еще слабо [...] На подрывную работу немцев-фашистов мы должны обратить особенное внимание...»⁹⁵. Балицкий заявил также об особом интересе Гитлера к приграничным районам Украины (Правобережью), обосновав это тем, что там находятся четыре немецких национальных района, а следовательно существует реальная возможность создания в тылу республики фашистских «опорных пунктов»⁹⁶.

17 января 1936 г. Политбюро ЦК ВКП(б) рассмотрело особо секретный вопрос «О погранрайонах УССР»⁹⁷, а через два месяца, 15 марта 1936 г., Политбюро ЦК КП(б)У приняло «свое» постановление «О переселении в Казахстан». Районы переселения и точное число были конкретизированы в отдельном постановлении Политбюро ЦК КП(б)У от 9 апреля 1936 г. «О переселении 15 тыс. семей с Киевской и Винницкой областей в Казахстан»⁹⁸.

ляков] куда-либо поглубже». См.: Письмо А.А. Андреева И.В. Сталину, от 30.06.1938 г. // Переписка 1928–1941 / Составитель А.В. Квашонкин. М., 1999. С. 393.

⁹³ Евтух В., Чирко Б. Німці в Україні. С. 76–77. Сравни: Ченцов В.В. Трагические судьбы. С. 79.

⁹⁴ См.: Население России в XX веке. Исторические очерки / Под ред. В.Б. Жиромской. Т. 1. М., 2000. С. 332. Наряду с политической задачей очищения приграничья от «неблагонадежных элементов», имела и хозяйственная – дальнейшее освоение территории Казахстана (расширение сельскохозяйственных площадей под сахарную свеклу, развитие сахарной промышленности, табаководства и т.д.). См.: Deportation, Sondersiedlung, Arbeitsarmee: Deutsche in der Sowjetunion 1941 bis 1956. Hg. v. Alfred Eisfeld – Victor Herdt. Köln, 1996. S. 27–29.

⁹⁵ Цит. по: Кривец Н.В. Депортация немцев с Украины. С. 270.

⁹⁶ См.: Евтух В., Чирко Б. Німці в Україні. С. 61.

⁹⁷ Протокол № 36 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 9.02.1936 г. (опросом от 17.03.). РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 974. Л. 50. Данное решение Политбюро было оформлено как постановление ЦК ВКП(б). См.: Евтух В., Чирко Б. Німці в Україні. С. 77.

⁹⁸ Евтух В., Чирко Б. Німці в Україні. С. 76–77. Согласно решению ЦК КП(б) и СНК Казахстана «О переселенцах с Украины» (от 16.02.1936 г.) в Южно-Казахстанскую обл. должно было быть направлено 5 500 семей, в Алма-Атинскую и Карагандинскую – по 3 000 семей, в Восточно-Казахстанскую – 2 000 и в Актюбинскую – 100 семей. См.: Deportation, Sondersiedlung, Arbeitsarmee, 27–29. На практике переселенцы были поселены только в двух областях: в Северо-Казахстанской (31 поселок) и в Карагандинской – (6 поселков). См.: Справка Северо-Казахстанского обкома ВКП(б), не ранее 15 декабря 1936 г. // Из истории немцев Казахстана (1921–1975 гг.): Сбор-

Последнее слово, как всегда, оставалось за Москвой: 28 апреля 1936 г. Политбюро ЦК ВКП(б) вновь рассмотрело под грифом «совершенно секретно» вопрос «О выселении из УССР и хозяйственном устройстве в Карагандинской области Казахской АССР польских и немецких хозяйств»⁹⁹. В общей сложности переселению в Казахстан должны были подвергнуться около 45 тыс. чел. из приграничной зоны Украины¹⁰⁰. В первую очередь, переселению подлежали все поляки, проживавшие в 800-метровой полосе вдоль государственной границы с Польшей, а также вблизи сооружавшихся полигонов и укрепрайонов¹⁰¹. В результате в два приема – в июне и сентябре 1936 г. – из украинского приграничья в общей сложности было выселено 15 000 хозяйств (69 283 чел.)¹⁰², из которых поляки составили – 75,7%, немцы – 23,4% и украинцы – 0,8%¹⁰³.

Практически одновременно с Украиной, акции высылки «ненадежных» этнических групп прошли и в северо-западном приграничье. Так, в ночь на 28 февраля 1935 г. по решению Ленинградского обкома партии, также санкционированного Политбюро ЦК ВКП(б), началась одна из самых драматических по своим последствиям операция НКВД под кодовым названием «Бывшие люди». Главной целью операции было изъятие и высылка из Ленинграда социально-опасного элемента, уцелевших от предыдущих репрессий

ник документов (Архив Президента Республики Казахстан) / Сост. И.Н. Бухонова. Алматы, М., 1997. С. 85.

⁹⁹ Протокол № 39 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 20 мая 1936 г. [опросом от 28.04.1936 г., п. 57]. // Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919–1952. Каталог. Каталог. Под ред. Г.М. Алибекова. Т. II. М., 2001. С. 762. Это постановление Политбюро было оформлено как «совершенно секретное» постановление СНК СССР (№ 776–120/сс), которое подписали В. Молотов и И. Межлаук. См.: Население России в XX веке. С. 332.

¹⁰⁰ Постановление предписывало организовывать для польских и немецких семейств переселенцев специальные селения, по типу сельскохозяйственных трудовых поселков НКВД. Переселяемый контингент не имел права выезда из мест поселений, а вся «организационная работа» по устройству переселенцев возлагалась на ГУЛАГ НКВД. См.: Население России в XX веке. С. 332. Сравни: Der Volkskommissar für Innere Angelegenheiten der UdSSR G. Jagoda, über die Unterbringung der aus der Ukraine ausgesiedelten Deutschen und Polen in Kasachstan, v. 25.01.1936. // *Deportation, Sondersiedlung, Arbeitsarmee*. S. 25.

¹⁰¹ На переселение советским правительством было выделено 6428,3 тыс. руб. См.: Население России в XX веке. С. 332–333; Полян П.: Не по своей воле. С. 88.

¹⁰² Только в первую группу депортированных вошло 35 820 поляков, что составляло до 10% населения соответствующих районов. См.: Население России в XX веке. С. 333–334. Сравни: *Deportation, Sondersiedlung, Arbeitsarmee*. S. 30–31; *Бугай Н.Ф.*: Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». М., 1995. С. 11–12.

¹⁰³ Сталинские депортации 1928–1953/ С. 69–70; Справка Северо-Казахстанского обкома ВКП(б), не ранее 15 декабря 1936 г. // Из истории немцев Казахстана. С. 85; Pohl, Otto J.: *Ethnic Cleansing in the USSR, 1937–1949*. Westport 1999, 1937–1949. Westport 1999. P. 30–31. В монографии Юрия Стецовского приводятся совершенно неправдоподобные цифры о депортациях в 1935 г. из БССР и УССР 550 тыс. поляков(!) и в 1936 г. (только из УССР) – еще дополнительно 90 тыс. поляков и немцев. См.: *Стецовский, Ю.* История советских репрессий. Т. 1. [о. О.]. 1997. С. 453.

бывших представителей имущих классов – дворян, помещиков, чиновников, офицеров и т.д.¹⁰⁴

Десятого марта 1935 г., на совещании секретарей райкомов ВКП(б) пограничных районов, секретари Ленинградского обкома партии Андрей Жданов и Михаил Чудов поставили новую задачу – проведение «зачистки» приграничных районов Ленинградской области и Карелии от «контрреволюционного элемента», обосновывая ее тем, что немалое число «бывших» сумело скрыться от арестов и осело именно в этих районах. В этот же день Жданов проинформировал о своем решении лично Сталина, предложив в целях «общей безопасности» произвести заодно и массовое выселение из пограничной полосы финнов, карелов, ингерманландцев и лиц других «неблагонадежных этносов»¹⁰⁵. 15 марта 1935 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило «Мероприятия по усилению охраны границ Ленинградской области и Карельской АССР», которые предусматривали выселение всего «неблагонадежного элемента из пограничных районов Ленинградской области и Карельской АССР в районы Казахстана и Западной Сибири...»¹⁰⁶.

Осуществление этой акции поручалось первому секретарю ленинградского обкома А.А. Жданову и начальнику управления НКВД по Ленинградской области Л.М. Заковскому¹⁰⁷. 31 марта бюро Ленинградского обкома партии послушно приняло «свое» постановление «Об очистке погранполосы Ленинградской области и А[втономной] К[арельской] ССР от кулацкого и антисоветского элемента», в соответствии с которым, устанавливалась и норма выселенцев – 11 795 чел.¹⁰⁸ Первоочередной депортации подлежали все финны, проживавшие в 22-километровой приграничной полосе. Во вторую очередь, выселялись представители финской национальности, проживавшие в 100-километровой полосе в Ленинградской области и в 50-километровой в Карельской АССР¹⁰⁹.

¹⁰⁴ Старков Б. Инструментарий национальной политики ВКП(б) и его применение // В семье единой. С. 94–95. См. более подробно: Иванов В.А.: Операция «Бывшие люди» в Ленинграде (февраль–март 1935 г.). // Новый часовой (Санкт–Петербург).1998. № 6–7. С. 118–130.

¹⁰⁵ Мусаев В.И. Политическая история Ингерманландии. С. 231–232; Старков Б. Инструментарий национальной политики ВКП(б). С. 95.

¹⁰⁶ Протокол заседания Политбюро ЦК ВКП(б) № 23 от 3.04.1935 г. (опросом членов ПБ от 15.03.1935 г.). РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 17. Л. 149. Здесь же указывалось на необходимость ликвидации Карельской егерской бригады, располагавшейся в Петрозаводске, и введения в Карельскую АССР русской кадровой дивизии. Причем, если солдат ликвидируемой бригады (после «очистки» от «неблагонадежных элементов») все же разрешалось «вливать» в русскую дивизию, то финский командный состав полностью исключался из ее рядов. См.: Там же. Л. 151.

¹⁰⁷ Там же. Л. 149. 25 апреля 1935 г. был издан циркуляр Главного управления рабоче-крестьянской милиции НКВД СССР № 70 «Об очистке 22-километровой погранполосы от кулацкого и антисоветского элемента». См.: Население России в XX веке. С. 331.

¹⁰⁸ Старков Б. Инструментарий национальной политики ВКП(б). С. 95.

¹⁰⁹ В свою очередь, с подачи союзного и республиканского НКВД, весной 1935 г. обком партии Карельской АССР утвердил планы мероприятий «О выселении из города

На практике это означало выселение ингерманландского населения как «нежелательного элемента» со всего Карельского перешейка и с южного побережья Финского залива¹¹⁰. Необходимо заметить, что уже 25 марта 1935 г., т.е. за неделю до постановления Ленинградского обкома ВКП(б), УНКВД по Ленинградской области получило от Генриха Ягоды совершенно секретное указание о проведении операции по очистке погранзоны Ленинградской области и Карелии от «кулаков и антисоветских элементов в порядке репрессии»¹¹¹. На подготовку первого этапа операции (очистки 22-километровой пограничной полосы), проводимой «вне очереди», Ягодой отпускаясь одна неделя, а на всю операцию в целом – всего 25 дней, с 1.04. по 25.04.1935 г. По планам, разработанным в УНКВД и утвержденным Москвой, из северной Ингерманландии выселялось 3 457 семей, из которых одна тысяча депортировалась в Таджикистан, а остальные – в Казахстан. Вместе с тем, к 25 апреля 1935 г. разнарядка была перекрыта почти вдвое: из пограничной полосы, в общей сложности было выселено около 5 100 семей (22 511 чел.)¹¹². Насильственно выселенные обвинялись в «антисоветизме, враждебности и непримиримости к режиму», подавляющее большинство из них были крестьяне, вернувшиеся в родные места после «кулацкой ссылки» 1930–1932 гг.¹¹³

Общее количество ингерманландцев, высланных в 1935–1936 гг., оценивается по разным источникам в 26–27 тыс. человек¹¹⁴. Причем только из одного

Петрозаводска классово чуждых элементов» (март) и «Об очистке 22-х км погран. полосы КАССР от кулацкого и антисоветского элемента» (апрель). Вслед за этими двумя операциями по выселению последовала и «паспортизация жителей 50-километровой погранполосы», также вылившаяся в массовую высылку «нелояльного» населения. См.: Такала И. Национальные операции ОГПУ/НКВД в Карелии // В семье единой. С. 181–182.

¹¹⁰ На втором этапе выселенцев в основном вывозили в Архангельскую, Новгородскую и Вологодскую области. См.: Суни Л. Ингерманландские финны. С. 73. По другим данным, переселенцев селили также и в Коми АССР. См.: Население России в XX веке. С. 331.

¹¹¹ 28 марта 1935 г. появился приказ управления НКВД по Ленинградской области № 0100 «Об очистке 22 км пограничной полосы от кулацкого и антисоветского элемента» за подписью начальника управления Л.М. Заковского. См.: Мусаев В.И. Политическая история Ингерманландии. С. 232.

¹¹² По другим данным, за апрель–май 1935 г., из пограничной полосы Ленинградской области и Карелии было выселено 5 059 семей общей численностью 23 217 чел., из них 1 556 чел. попали в трудовые поселки Западно-Сибирского края, 7 354 – в Свердловскую область, 1 998 – в Киргизскую АССР, 3 886 – в Таджикскую ССР и 8 423 – в Казахстан. См.: Рапорт заместителя начальника ГУЛАГА НКВД Я.Д. Рапортa наркомун внутренних дел СССР тов. Ягоде, от 11.06.1935 г. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 30. Л. 13.

¹¹³ Старков Б. Инструментарий национальной политики ВКП(б). С. 95. В ходе операции была выявлена всего лишь 101 семья «бывших». Т.о., основную массу выселенцев составили местные крестьяне. См.: Мусаев В.И. Политическая история Ингерманландии. С. 233.

¹¹⁴ Суни Л. Ингерманландские финны. С. 73. Сравни: Население России в XX веке. С. 331. По данным Павла Поляна, общее число депортированных ингерманландских

финского, Куйвозовского района, было выселено около 22 тыс. человек¹¹⁵. Не-
который свет на мотивы такого решения местных властей проливает выступле-
ние А.А. Жданова на заседании Ленинградского обкома ВКП(б) в апреле 1936
г. (2.04.), в котором он так обосновал массовое выселение финноязычного
населения Куйвозовского района: «Я докладывал товарищу Сталину отно-
сительно наших соображений по поводу переселения с Карельского перешейка.
Он выразил недовольство, что мероприятия, намечающиеся на этот год, не
обеспечивают переселения 20 000 человек. Он заявил, что надо поставить
эту задачу как политическое и военное дело. Установка товарища Сталина
заключается в том, чтобы до войны очистить Карельский перешеек, чтобы
он не мешал в период эвакуации и развертывания военных действий. Тowa-
рищ Сталин считает, что в два года должно быть закончено переселение
с Карельского перешейка и требует быстрой организации этого дела»¹¹⁶.
Депортации продолжались до осени 1936 г. включительно. В результате всех
этих мероприятий общая численность населения приграничных территорий
с Финляндией значительно сократилась: около 50 деревень в приграничных
местностях Карельского перешейка в Белоостровском, Лемболовском, Ни-
кулясском и Vuольском сельсоветах были полностью очищены от финского
населения¹¹⁷. Параллельно с «финской операцией» проводилась и «чистка»
эстонского населения, как жителей Ленинграда, так и проживавших в мест-
ностях Ленинградской области, непосредственно граничащих с Эстонией. В
общей сложности около 20 тыс. эстонцев подверглись в этот период репрес-
сиям, включая насильственное переселение в Среднюю Азию¹¹⁸.

Этнические «зачистки» в приграничных территориях КАССР активно про-
должались и в пик террора 1937–1938 гг. Так, в июне 1938 г. нарком внутрен-
них дел Карельской республики Степан Матузенко отправил в Москву на
имя Ежова, докладную записку «О выселении за пределы КАССР финоамери-
канцев и семей репрессированных финнов»¹¹⁹. Отмечая, что большинство

финнов оценивается в 30 тыс. чел. См.: Полян П. Не по своей воле. С. 87. По другим
данным, только в 1935 г., подверглись депортации около 45 тыс. финнов. См.: Ста-
линские депортации 1928–1953. С. 47.

¹¹⁵ См.: Martin, T.: The Origins of Soviet Ethnic Cleansing. P. 849–850.

¹¹⁶ Протокол заседания Ленинградского ОК ВКП(б) от 02.04.1936 г. РГАСПИ/ Ф. 77. Оп. 1.
Д. 568. Л. 1.

¹¹⁷ Финское население было вывезено главным образом в Тихвинский район и ряд
районов будущей Вологодской области, которая была выделена из Ленинградской
области в 1937 г., а также в Архангельскую область. Без рабочих рук остались мно-
гие колхозы Калевальского, Ребольского и Олонецкого районов Карельской АССР.
См.: Мусаев В.И. Политическая история Ингерманландии. С. 234; Такала И. Нацио-
нальные операции ОГПУ/НКВД в Карелии, 182. Сравни: Протокол заседания Ленин-
градского ОК ВКП(б), от 02.04.1936 г. РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 568. Л. 2.

¹¹⁸ Мусаев В.И. Политическая история Ингерманландии. С. 235.

¹¹⁹ Впервые североамериканские финны появились в КАССР еще в первой полови-
не 1920-х гг. для работы на стройках и промышленных предприятиях в качестве
«квалифицированной» рабочей силы. В 1931 г. руководство Карелии приступило

финоамериканцев проживают в приграничных районах, Матузенко просил разрешения на выселение из пограничной Карельской республики 1 416 чел. «*финоамериканцев в Омскую или Архангельскую область*», а также 1 500 семей «*репрессированных финнов*», проживающих в пограничных районах и г. Петрозаводске¹²⁰. В конце августа 1938 г. Матузенко вторично обратился к наркомку внутренних дел Ежову с аналогичной просьбой: «*Для того чтобы лишить благоприятной почвы иностранные разведки по насаждению новых шпионских организаций на территории Карелии, и особенно в пограничных районах, необходимо ускорить санкцию на выселение за пределы Карелии всех прибывших из Канады финоамериканцев, а также семьи репрессированных финнов, эстонцев, латышей, немцев и поляков*»¹²¹. Известно, какие точно указания поступили из Москвы, однако «очистка» погранрайонов и столицы КАССР шла все лето: из Петрозаводска, Ухтинского и Ребольского районов жителей вывозили в «тыловые» районы республики – Кемский, Пудожский и Заонежский. Согласно специально разработанной по этому поводу инструкции, выселению подлежали семьи врагов народа, репрессированных финнов, шведов, эстонцев, латышей, а также «*национальностей, не входящих в состав Союза*». В октябре 1938 г. Матузенко в своем докладе Ежову отметил, что в результате проведенных мероприятий в пограничных районах Карелии, осталось всего 1 350 финнов и попросил разрешения на полное завершение операции по их переселению¹²².

Сталинские депортации, как верно подметил Терри Мартин, отличались категориальной и профилактической направленностью. Они носили категориальный характер, так как для представителей властей было совершенно неважно, в чем конкретно заключалась вина высылаемого и нарушил ли он вообще закон, главным являлось его принадлежность к «неблагонадежной» категории населения. Профилактический характер подобных выселений состоял в том, что они использовались лишь для того, чтобы убрать подальше человека, который, предположительно, мог совершить уголовно наказуемое деяние. Другими словами, жертву спрашивали не «*что ты совершил?*», а «*кто ты?*»¹²³.

Если следовать логике Кремля, что государственная граница являлась *de facto* «линией фронта», то не вызывает особого удивления, что с началом Второй мировой войны депортации «неблагонадежных» национальных групп

к широкомасштабной вербовке промышленных рабочих среди этнических финнов Америки (США, Канада). Всего в 1931–1934 гг. в Карелию прибыло из США и Канады свыше 6 тыс. чел., включая женщин и детей. См.: *Такала И.* Национальные операции ОГПУ/НКВД в Карелии. С. 168–169.

¹²⁰ Там же. С. 197–198.

¹²¹ Цит. по: *Такала И.* Национальные операции ОГПУ/НКВД в Карелии. С. 198.

¹²² *Такала И.* Национальные операции ОГПУ/НКВД в Карелии. С. 198. Сравни: Известная Карелия: Документы спецорганов о жизни республики (1921–1940) / Ред. А.В. Климов. Петрозаводск, 1997. С. 344.

¹²³ *Мартин Т.* Террор против наций в Советском Союзе. С. 36.

с западных рубежей СССР приняли массовый и непрерывный характер. По меткому выражению российского историка В.А. Невежина, «*граница, как некая магическая линия, очерчивающая пределы освоенной территории, за которыми таилась опасность и действовали враждебные силы*», на исходе 1930-х годов претерпела «эволюцию». Она стала быстро «продвигаться» в западном направлении, являя, как пыталась доказать советская пропаганда, закономерное расширение сферы «советского влияния» и сужение ареала «капиталистического господства»¹²⁴. С изменением границы соответственно изменялась и «география неблагонадежности». В результате насильственных депортаций¹²⁵, проведенных в 1940–1941 гг. на оккупированных Красной Армией территориях Восточной Польши, Прибалтики, Бессарабии и Северной Буковины¹²⁶, в северных и восточных регионах Советского Союза под надзором НКВД оказалось сотни тысяч поляков, литовцев, латышей и эстонцев¹²⁷. По различным подсчетам, только число поляков, переселенных с февраля 1940 по июнь 1941 гг., составило в общей сложности около 320 тыс. чел.¹²⁸

Как и в 1930-е годы, все депортации в 1940–1941 гг. были проведены в соответствии с решениями Политбюро ЦК ВКП(б), параллельно оформленными в виде постановлений высшего государственного органа – Совета Народных Комиссаров СССР¹²⁹. Наряду с новыми территориями не были

¹²⁴ Невежин В.А. Синдром наступательной войны. С. 111–112.

¹²⁵ В 1940 г. были проведены три операции по массовому выселению (10.02., 13.04. и 29.06.). В мае и июне 1941 г., на разных территориях, последовательно была проведена четвертая операция.

¹²⁶ В соответствии с советско-германским пактом от 23 августа 1939 г. и договором от 28 сентября 1939 г. См.: Simon, Gerhard: Nationalismus und Nationalitätenpolitik in der Sowjetunion. Von der totalitären Diktatur zur nachstalinischen Gesellschaft. Baden-Baden 1986. S. 195–206; Woźniczka, Zygmunt: Die Deportationen von Polen in die UdSSR in den Jahren 1939–1945 // Lager, Zwangsarbeit, Vertreibung und Deportation. Dimensionen der Massenverbrechen in der Sowjetunion und in Deutschland 1933 bis 1945. Hg. v. Dittmar Dahlmann – Gerhard Hirschfeld. Essen 1999. S. 535–552; Bugaj, Nikolaj: Die Deportationen der Völker aus der Ukraine, Weißrussland und Moldawien // Там же. С. 567–581.

¹²⁷ Необходимо учитывать, что террор на аннексированных территориях (Прибалтика, Молдавия, Западная Украина и Белоруссия) был направлен не против отдельных лиц в связи с их национальностью, а против представителей «враждебных» классов. См. более подробно: Мартин Т. Террор против наций в Советском Союзе. С. 35. Сравни: Сталинские депортации 1928–1953. С. 105–107.

¹²⁸ Гурьянов А.Э. Польские спецпереселенцы в СССР в 1940–1941 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997. С. 116. Более подробно, см.: Горланов О.А., Рогинский А.Б. Об арестах в западных областях Белоруссии и Украины в 1939–1941 гг. // Там же. С. 77–113. Необходимо заметить, что подсчеты советского историка В.С. Парсадановой (1,7 млн. чел.) оказались сильно завышенными. См.: Парсаданова В.С. Депортация населения из Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939–1941 гг. // Новая и новейшая история (1989). № 2. С. 36.

¹²⁹ См. к примеру: Решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 4.12.1939 г. [п. 158] (оформлено как постановление СНК СССР № 2010–558сс от 5.12.1939 г.); Решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 21.12.1939 г. [п. 15] (постановление СНК СССР № 2085–592сс от 22.12.1939 г.); Решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 28.12.1939 г. [п. 54] (постановление СНК СССР

забыты «этнические чистки» и на старых границах. В июне 1940 г. (23.06.) появилось решение Политбюро ЦК ВКП(б) «О переселении граждан иностранных национальностей из г. Мурманска и Мурманской области»¹³⁰. Из северного приграничья, весьма важного с военно-стратегической точки зрения (крупный порт с незамерзающим Кольским заливом), было выселено 3 215 семей (8 716 чел.), в основном, представителей нацменьшинств Запада. Причем 2 540 семейств (6 973 чел.) финнов, эстонцев, латышей, норвежцев, литовцев и шведов были переселены в «тыловые» районы новой союзной республики – Карело-Финской ССР – для укрепления ее нового «национального характера»¹³¹, точнее говоря – ее «финнизации»¹³². Остальные «неблагонадежные» этносы – немцы, поляки, греки, корейцы и др. в количестве 675 семей (1.743 чел.) были отправлены в Сибирь (Алтайский край)¹³³.

№ 2124–620сс от 29.12.1939 г.); Решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 29.12.1939 г. [п. 68] (постановление СНК СССР № 2122–617сс от 29.12.1939 г.); Решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 2.03.1940 г. [«Об охране госграницы в западных областях УССР и БССР», п. 114] (постановление СНК СССР № 289–127сс от 2.03.1940 г.); Решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 14.05.1941 г. [п. 117] (постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР № 1299–526сс от 14.05.1941 г.). См. также: *Гурьянов. А.Э.* Польские спецпереселенцы в СССР. С. 117–118; Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б). Повестки дня заседаний. Т. II. С. 1100; Т. III. С. 7, 9, 26, 196.

¹³⁰ Решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 23.06.1940 г. [Протокол № 17, п. 256]. // Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б). Повестки. Т. III. С. 66. На основании данного решения Политбюро ЦК ВКП(б) был издан приказ Наркома внутренних дел СССР Л.П. Берии № 00761 от 23.06.1940 г. «О переселении из гор[ода] Мурманска и Мурманской области граждан инациональностей».

¹³¹ Новая территориальная единица, созданная после завершения «Зимней войны» (ноябрь 1939 – март 1940 г.) совершенно не соответствовала требованиям, которые Сталин предъявлял к союзным республикам в 1936 г. Согласно этим требованиям, все союзные республики должны были иметь население более 1 млн. чел (в Карело-Финской республике не было даже полумиллиона); титулярная нация должна была составлять большинство (в Карелии же карелы составляли примерно четверть населения, а финнов было всего несколько тысяч). Новая республика удовлетворяла требованиям Сталина только в одном – она была приграничной. Был введен и «новый» государственный язык, которым вновь, после паузы 1937–1940 гг., официально стал финский. В любом случае, данная республика была аномалией. Как заметил по этому поводу Юрий Килин, новорожденной республике дали имя и «шили одежду на вырост», т.к. ее «тело» должно было вскоре «подрасти» за счет соседки Финляндии. Другими словами, Финляндия должна была повторить судьбу прибалтийских государств. См.: *Вихавайнен Т.* Национальная политика ВКП(б) / КПСС в 1920-е – 1950-е годы и судьбы карельской и финской национальностей // В семье единой. С. 31–32; *Лайне А.* Карело-Финская Советская Социалистическая Республика и финны // Там же. С. 228–232.

¹³² Если в 1939 г. численность финнов в КАССР достигала – 8 322 чел., то уже в начале 1941 г. в «новой» Карело-Финской ССР численность финского населения увеличилась на треть, составив 12 544 чел. См.: *Лайне А.* Карело-Финская... С. 231–232. См. более подробно: *Килин Ю.* Карелия в политике советского государства. С. 216–233.

¹³³ Сталинские депортации 1928–1953. С. 182–186; *Бруль В.* Депортированные народы в Сибири (1935–1965 гг.). Сравнительный анализ // Наказанный народ. М., 1999. С. 99.

С началом войны с Германией «границы» СССР изменялись с такой быстротой, что его руководство не раздумывая отдало приказ приступить к насильственному переселению целых «нелояльных» народов. Причем эти депортации являлись наказанием даже не за потенциальный коллаборационизм, а только за *«принадлежность к национальности, с зарубежными соплеменниками которой ведется или может вестись война»*¹³⁴. На основе данной доктрины, в восточную часть страны были переселены немцы, финны и греки. Общее число превентивно-депортированных в 1941–1942 гг. составило около 1,2 млн. человек¹³⁵. Активное использование кремлевским «Олимпом» – Политбюро ЦК ВКП(б) пресловутой доктрины «географии неблагонадежности» наблюдалось не только на протяжении всех 1930-х годов и периода военных действий с Германией, но и в послевоенный период. Так, новые советские «западные территории» были повсеместно очищены от «нелояльного этнического элемента»: поляков переселили с территории Западной Украины и Белоруссии, а немцев из Восточной Пруссии. Финны, в свою очередь, были «добровольно» эвакуированы с территорий Карельского перешейка и Приладожья в глубь Финляндии, а захваченные новые территории заселялись «лояльными» переселенцами из наиболее пострадавших во время войны районов Украины и Белоруссии¹³⁶.

Бесспорно, что массовые депортации 1940-х годов были просто невозможны без предшествовавших им депортаций нацменьшинств в 1930-е годы, узаконивших не только практику террора, направленного против определенных этнических групп, но и саму концепцию «нации-врага». Особое отношение Центра к представителям некоренных национальностей вообще, и к западным нацменьшинствам – в частности, постепенно выкристаллизовывалось в рамках общей репрессивной политики уже с начала 1930-х годов. Опасность с Запада, якобы угрожавшая СССР, усугубляла атмосферу подозрительности, что сопровождалось ужесточением мер, в том числе и в сфере национальных отношений. Доступные на сегодняшний день материалы руководящих партийных и советских органов, в том числе «особые протоколы» заседаний Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б), позволяют утверждать, что «приграничные чистки» по этническому признаку не были стихийной акцией или действиями местного аппарата власти, стремившегося отвести от себя удар, направив террор против многочисленных «козлов отпущения». Они были целенаправленной операцией, спланированной и проводимой в рамках всего государства, по инициативе и под контролем высшего партийного руководства СССР – Политбюро ЦК ВКП(б). Постепенное укрепление среди представителей «кремлевского олимпа» и лично генсека

¹³⁴ См. Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...» С. 136.

¹³⁵ Полян П. Не по своей воле. С. 116; Сталинские депортации 1928–1953. С. 286.

¹³⁶ Вихавайнен Т. Национальная политика ВКП(б)/КПСС. С. 36.

Сталина идеи, что каждая нация имеет свои генетические корни¹³⁷, существенно облегчило формирование представления о «нации-враге» с изначально присущей ей негативными свойствами. «Советская ксенофобия» по отношению к иностранцам вызвала «профилактические» массовые высылки этнических меньшинств, представлявших титульные нации граничивших с СССР «буржуазно-фашистских» государств, невзирая на то, что подобная политика вступала в прямое противоречие с большевистской идеологией интернационализма.

¹³⁷ См. более подробно: *Martin, Terry*: Modernization or Neo-Traditionalism? Ascribed Nationality and Soviet Primordialism. In: *Stalinism. New Directions*. Edited by Sheila Fitzpatrick. London, New York 2000. P. 348–367.

Депортации советских немцев в 1941–1943 гг. и советская депортационная политика периода Второй мировой войны

Депортационная политика и депортационные операции в СССР. Многочисленные и, как может показаться, даже хаотические насильственные перемещения миллионов советских людей имели самые серьезные демографические и экономические последствия как для регионов прибытия и выбытия, так и для страны в целом. Имели они и свою историческую и даже географическую логику, не говоря уже об организационной логистике и инфраструктуре, как правило, сосредоточенных под эгидой ОГПУ–НКВД–МВД. Только в 1920-е гг. и в первую половину 1930-х гг. центр формирования депортационной политики был смещен в сторону компартии («Комиссия Андреева» и др.). Как правило, решения о депортации, пусть и самой ничтожной по количественному признаку, принимались на самом верху, в центре, но до 1935 года встречались и исключения: так, повышенной самостоятельностью и, добавим, активностью пользовались Украина и Ленинград. В критические моменты, например, во время Гражданской или Великой Отечественной войн, уровень принятия решения мог опускаться и еще ниже – до регионального или даже военно-территориального (военные округа или даже фронты).

Основной единицей, можно даже сказать – ячейкой, депортационной политики СССР являлись *депортационные операции*. В это понятие мы вкладываем выселение строго фиксированного контингента людей, осуществляемое в фиксированные сроки и на фиксированной территории, насильственным (при непосредственном применении силы) или принудительным (под угрозой ее применения) путем и по заранее разработанному сценарию, или плану. Как правило, этот сценарий оформлен в официальные нормативные акты государственных или партийных инстанций (законы и указы, директивы и постановления, приказы и распоряжения и др.).

Депортационная операция может включать в себя как различные внутренние этапы (например, так называемую фазу «первых эшелонов», то есть депортацию основной массы контингента, и последующие действия по дополнительному выявлению или поиску лиц, не охваченных первой волной или уклоняющихся от депортации), так и некоторые сопутствующие действия, не требующие физического контакта с депортируемым контингентом, но являющиеся составной частью операции как политического инструмента (например, административно-территориальные и топонимические репрессии или, скажем, меры по его реабилитации и репатриации).

Совокупность выделенных единичных операций часто поддается смысловой группировке по различным содержательным признакам, но в первую

очередь – по признаку контингента: скажем, все разновременные депортации кулаков или все депортации немцев и т.д. Такие группировки, по существу, – это части единой операции более высокого уровня. Тем не менее, поскольку они состоят из двух или нескольких единичных депортационных операций, они и сами нуждаются в термине, и в качестве такового мы предлагаем «*депортационную кампанию*». Под нею мы понимаем некое сквозное единство единичных депортационных операций, объединенных общностью депортируемого контингента, но нередко разнесенных во времени, как, впрочем, и в пространстве. Примерами могут послужить депортационные кампании «кулацкая ссылка» или «превентивная депортация советских немцев», осуществлявшиеся, соответственно, в 1930–1934 и 1941–1942 гг., состоявшие, каждая, из целой серии депортационных операций и растянувшейся в общей сложности на долгие годы и месяцы.

Такой подход позволяет лучше увидеть глубокое смысловое единство депортационной политики и общей внутренней политики советского государства. С группами единичных депортационных операций, сведенных в сквозную депортационную кампанию, как правило, хорошо соотносятся те или иные «политические операции», или, «политические кампании» своего времени (как, например, раскулачивание, репатриация и др.).

Забегая вперед, заметим, что данные, которыми мы располагали к 2005 году, позволили выявить по меньшей мере 52 сквозных депортационных кампаний и около 130 депортационных операций¹. 38 депортационных кампаний из 52, или 73%, являлись этническими (разумеется без учета казачков, являвшихся сословием). В то же время доля этнических депортаций в общем числе депортированных значительно меньше – 32, 1%, при 57,5% во внутренних и всего лишь 7,6% во внешних депортациях. Это связано прежде всего с тем, что две самые массовые депортационные операции – кулацкая ссылка и насильственная репатриация не относятся к разряду этнических².

Если распределение депортационных операций по хронологии и в принципе, и практически возможно (несмотря на размытость некоторых важных дат), то такое же распределение иных депортационных кампаний чрезвычайно затруднительно, так как некоторые из них (например, коллективизация или репатриация) нередко длились по несколько лет.

Подсчеты показали, что только внутренними депортациями, то есть теми, что не переплескивались через все ширящиеся границы советского государства,

¹ Их перечень приведен в: Полян П.М., Поболь Н.Л. (Сост.). Сталинские депортации. 1928–1953. Документы. М., 2005. С. 789–798. (Приложение 1).

² Точнее, роль этнического начала в них была исчезающее мала, хотя раскулачивание национальных районов и делало «кулацкую ссылку» из них этнически окрашенной, равно как и репатриация из Германии лиц из числа немцев, крымских татар и др. народов, депортированных в СССР во время войны.

было охвачено более 6 млн. чел. Примерно столько же (около 6 млн.) депортированных – и на счету внешних, или международных миграций. Таким образом, всего за годы советской власти число принудительных мигрантов составило около 12 млн. чел., а с учетом компенсационных мигрантов – порядка 14,5 млн. чел.

На протяжении второй половины 1920-х гг. принудительные миграции как таковые практически не встречались – то было время интенсивных экспериментов с плановым переселением.

Все это готовило – и постепенно подготовило – почву для того, что понятие «враг народа», применявшееся к конкретной индивидуальной личности, а в безличном виде – к весьма аморфным группам (кулаки, троцкисты, зиновьевцы и т.п.), были примерено – а затем и применено – так же и к этническим категориям. Фраза безымянного чекиста из Актюбинска о том, что *"...из поляка никогда коммуниста не сделаешь, во всяком случае в этом поколении. Они все нам враги, сколько бы их ни было!"*³ – говорит сама за себя.

В том же ряду и фраза сотрудника райкома партии, который на вопрос депортированных немцев-руководителей о перспективах их трудоустройства, срезал их так: *«Немцы народ ненадежный, и поэтому насчет работы разговор быть не может, кроме физической работы в колхозе»*⁴.

В этом контексте гораздо лучше понимаешь, как закладывались и как развивались представления о *враждебных нациях*, столь отчетливо проявившие себя в годы войны в депортациях «наказанных» – превентивно ли, в порядке ли «возмездия» – народов.

Начало Великой Отечественной войны и депортации. Великая Отечественная принесла с собой не прекращение, а эскалацию депортационных операций, впервые в истории в их осуществлении принимали участие войсковые соединения в десятки, а иной раз и в сотни тысяч человек. Чекистов, в отличие от пограничников, война врасплох не застала, и со своими тыловыми задачами они и дальше справлялись довольно успешно и почти «без потерь».

Однако специфика войны проявилась и в том, что монополия именно чекистов на проведение депортационной политики в стране – нарушилась. В выпущенном 22 июня Указе Президиума Верховного Совета СССР (ПВС) «О военном положении» военным властям предоставлялось право воспрещать въезд и выезд из соответствующих местностей или отдельных ее пунктов, а также

³ См.: Хребтович-Бутенева О.А. Перелом (1939–1942). Париж, 1984. С. 48–53.

⁴ Высказывание Исаенко, секретаря по кадрам Красноярского райкома ВКП(б) Казахстана. См. в докладной записке оперуполномоченного ОСП лейтенанта Гб Мартынова от 12.01.1942 «О проверке расселения и трудового устройства спецпереселенцев-немцев в Северо-Казахстанской области», по состоянию на 06.01.1942 (Милова О.Л. (Сост.) Депортации народов СССР (1930-е – 1950-е годы). Часть 2. Депортация немцев (сентябрь 1941 – февраль 1942 гг.). М., 1995. С. 236. Со ссылкой на: ГАРФ. Ф.Р-9479. Оп. 1. Д. 85. Л. 185–186).

выселять в административном порядке всех лиц, «признанных социально-опасными как по своей преступной деятельности, так и по связям с преступной средой» и чье нахождение на территориях, объявленных на военном положении, было бы нежелательным⁵. Другим Указом ПВС того же дня – «Об объявлении в отдельных местностях СССР военного положения» за № 278 – последнее вводилось во всех союзных республиках и многих областных единицах Европейской части СССР, вплоть до Краснодарского края⁶. В 1942 были изданы отдельные Указы ПВС, объявляющие военное положение в Сталинградской области (14 июля), в Чечено-Ингушской, Кабардино-Балкарской и Северо-Осетинской АССР и в Орджоникидзевском крае (10 августа), в некоторых городах Закавказья, на Черноморском и Каспийском побережьях (23 августа) и в союзных республиках Закавказья, а также в Саратовской и Тамбовской областях (9 сентября)⁷.

Однако совсем без чекистов осуществление этих операций также было бы немислимо. 4 июля 1941 года года Берия и Меркулов издали совместную директиву НКВД и НКГБ за № 238/181 о мероприятиях по выселению с территорий, объявленных на военном положении, социально-опасных лиц вместе с их семьями⁸. Учету и последующему выселению подлежали бывшие члены антисоветских партий и контрреволюционных организаций, а также лица, исключенные из ВКП(б) по политическим мотивам, проявляющие антисоветские и пораженческие настроения; кадровые троцкисты и правые, ранее привлекавшиеся к ответственности; лица, ранее осужденные за шпионаж, диверсии, террор, вредительство или повстанчество; бывшие перебежчики, белые, харбинцы и выходцы из Монголии, на которых имеется компрометирующий материал; лица без определенных занятий и уголовники-рецидивисты.

Как видим, целевая группа директивы была сугубо социально-политической, этнические категории в ней еще не отражены (как выходцы из Монголии, так и харбинцы означали собой не монголов или китайцев, а разновидности белых реэмигрантов). Директива, правда, предписывала проявлять при выселении осторожность, особенно по отношению к членам партии, орденоносцам, стахановцам и красноармейцам, проверять имеющиеся данные и не выселять

⁵ Указ ПВС за № 277 (впервые: Ведомости ВС СССР. 1941. № 29; см. также: Сборник Законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–1944 гг. М., 1945. С. 129–131).

⁶ Советская юстиция. 1941. № 24–25.

⁷ Эти указы утратили свою силу только 21.09.1945, когда ПВС издал об этом специальный указ за № 127/19. См.: *Весновская Г.Ф.* (Ред.). Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. В 2-х частях. Курск, 1999. Ч. I. С. 215–219.

⁸ См. полный текст в: Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Сборник документов. М., 2000 Т. 2. Кн. 1. С. 176–177. Со ссылкой на: Центральный архив Федеральной службы безопасности (ЦА ФСБ).

нетрудоспособных в возрасте старше 60 лет, а также больных⁹. Технология высылки была двухступенчатой: отобранных для этого лиц вызывали в милицию и заставляли давать подписку о том, что они сами покинут запрещенную для них территорию в течение 48 часов. Если этого не происходило, то высылка происходила уже в режиме депортации – принудительно и в административном порядке.

Тем не менее заложенная в указ идея – убирать подальше вглубь страны всех тех, кого побаиваемся или кому не доверяем, – оказалась в годы военного лихолетья весьма востребованной и результативной. О многих операциях такого рода до сих пор почти ничего не известно, но судя по тому, что уже выявлено и известно, своим чрезвычайным правом на локальные депортации и военные, и чекисты пользовались достаточно широко, особенно при отступлении.

Так, приказом Военного Совета Западного фронта № 017 от 12 августа 1941 года была установлена 5-километровая полоса боевых действий (впоследствии расширенная до 25 км), с территории которой высылению подлежало все гражданское население¹⁰. 17 ноября 1941 года – за подписями И.Сталина и Б.Шапошникова (начальника Генштаба) – вышел Приказ № 0428. Цитирую:

«1. Разрушать и сжигать дотла все населенные пункты в тылу немецких войск на расстоянии 20–60 км в глубину от переднего края и на 20–30 км вправо и влево от дорог. <...> При вынужденном отходе наших частей на том или другом участке уводить с собой советское население и обязательно уничтожать все без исключения населенные пункты, чтобы противник не мог их использовать»¹¹.

Не удивительно, что отличия формально добровольных плановых переселений от юридически принудительных в годы войны практически стерлись. Так, в подписанном Сталиным Постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 6 января 1942 года «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и на Дальнем Востоке» Переселенческому управлению при СНК СССР (т.Кобзин) в военно-приказном порядке вменялось в обязанность переселить в эти отдаленные районы десятки тысяч граждан для их использования на предприятиях по ловле и переработке рыбы. Например, в Бурят-Монгольскую АССР и Иркутскую область предписывалось «пересадить» 5 тыс. семей в 1942 году и 3 тыс. семей в 1943 году из центральных областей Союза, на Камчатку и на Сахалин

⁹ После того, как некоторые УНКВД взяли таких лиц на учет по спецпоселению, В.В.Чернышев выпустил 29.12.1944 циркуляр № 274 «О порядке учета адмвысланных из прифронтовых районов». В нем разъяснялось, что со спецпоселения их следует немедленно снять и что все они состоят на учете в 1-х спецотделах НКВД/УНКВД (см.: *Весновская Г.Ф.* (Ред.). Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. В 2-х частях. Курск: ГУИПП «Курск», 1999. Часть 1. С. 230)

¹⁰ Выполнять приказ должны были органы местной власти и «особисты» – работники особых отделов соединений и частей.

¹¹ Скрытая правда... С. 210–211. Со ссылкой на: Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО). Ф. 353. Оп. 5864. Д. 1. Л. 27.

к весенней путине 1942 года – набрать и завезти, соответственно, 3500 и 2000 чел., главным образом из западносибирских и поволжских областей, а также из Хабаровского края¹².

Годы Великой Отечественной войны для СССР ознаменовались не только беспрецедентным напряжением всех государственных и народных сил в смертельной, но победительной схватке с бесчеловечным и могучим агрессором, но и целой серией актов несправедливости, дискриминации и репрессий по отношению к значительной части собственного населения.

Классическим примером этого являются так называемые *наказанные народы*. Официальной версией применения к отдельным народам тотальных депортаций являлось или возмездие за совершенное ими «предательство», или избавление их от соблазна его совершения. Собственно говоря, превентивные депортации – это наказание даже не за потенциальное предательство, а за принадлежность к национальности, с титульным государством которой ведется война¹³.

Однако известно, что как героизм и самоотверженность, так и малодушие и предательство в той или иной степени проявили представители всех народов СССР, – и те, кого превентивно или задним числом депортировали, и те, кого не тронули. Так, в первые же месяцы войны было мобилизовано более 17 тыс. чеченцев и ингушей¹⁴, на фронт ушли 46 тыс. турок-месхетинцев (почти все взрослое население), из них 26 тыс. погибли¹⁵. Из 137 тыс. крымских татар, мобилизованных в армию, к 1944 году на войне погибло 57 тысяч¹⁶. Среди Героев Советского Союза – десять чеченцев и ингушей¹⁷, девять немцев¹⁸, восемь калмыков¹⁹, один балкарец²⁰ и т.д.

Поэтому обвинения целых народов в предательстве были не только несправедливы, но и лицемерны, поскольку общее число граждан СССР, оказавшихся под оккупацией и уже в силу этого обстоятельства так или иначе

¹² Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 1024. Л. 259–286

¹³ Следует отметить, что аналогичную политику вели – по отношению к японцам – и США. Примечательно, что в самой Германии интернированию подверглись только граждане СССР, тогда как русские эмигранты первой волны никаким репрессиям или ограничениям не подвергались.

¹⁴ Бугай Н. Ф. Депортация народов с Украины (30–50-е годы) // Украинский исторический журнал (Киев). 1990г. № 11. С. 33.

¹⁵ См.: Бараташвили М. Правовое положение месхов-репатриантов в Грузии. Тбилиси: Союз грузинских репатриантов, 1998. С. 12. По другим данным, в армию было призвано 40 тыс. чел. (Бройдо Я.Б., Прохоров В.Ю. Турки-месхетинцы // Народы России. Энциклопедия. М., 1994. С. 343).

¹⁶ Алексеева Л.М. История инакомыслия в СССР. Новейший период. М., 1992. С. 93.

¹⁷ Гакаев Д. Очерки политической истории Чечни (XX век). В 2 частях. М., 1997. С. 98.

¹⁸ История российских немцев в документах (1763–1992). Т. I. М., 1993. С. 45.

¹⁹ Н. Ф. Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». М., 1995. С. 67.

²⁰ Мухажир Умаев, Азаматов К.Г., Темиржанов М.О., Темукуев Б.Б., Тетугев А.И., Чеченов И.М. Черекская трагедия. Нальчик, 1994. С. 8).

вынужденных контактировать с оккупационными властями, составляло не менее 60–65 млн человек. По меньшей мере более миллиона из них делали это весьма активно²¹, запятнав себя неумышленной изменой и кровью соотечественников: каждый из них по отдельности заслуживал обвинения в предательстве и пособничестве врагу, судебного разбирательства и, после выяснения всех обстоятельств, сурового наказания.

Несправедливость – в самом прецеденте наказания народа, подменившем судебные разбирательства против конкретных лиц. Независимо от всякой статистики приписывание *коллективной вины* и применение *коллективного наказания* по признаку этнической принадлежности является серьезным и бесспорным преступлением против человечности, наравне со взятием и расстрелом заложников и т.п.

Как бы то ни было, но именно в годы войны этнический характер принудительных миграций в СССР стал преобладающим (хотя и не единственным) основанием для депортаций.

Тотальная депортация немцев: превентивные депортации. Самый первый депортационный удар пришелся по советским немцам, отнесенным к потенциальным «коллаборантам» исключительно в силу своей этнической принадлежности к нации, с титульным государством которой шла жестокая война. В том или ином виде перемещению было подвергнуто около 1,2 млн из примерно 1,5 млн советских немцев (некоторые перемещались и дважды, и трижды).

В СССР, по данным переписи 1939 года, насчитывалось 1 427 222 немцев, из них в городах проживало всего лишь около 1/5. Расселены по стране они были достаточно широко, тем не менее особенно крупные немецкие колонии (тыс. чел.) сложились в России (862,5), на Украине (392,7), в Казахстане (92,7), в Азербайджане (23,1) и Грузии (20,5). Внутри РСФСР они концентрировались в АССР Немцев Поволжья (НП) (366,7), в Омской обл. (59,8), в Крыму (51,3), в Орджоникидзевском (45,7) и Краснодарском (34,3) краях. За Уралом крупные немецкие колонии, как видим, были только в Казахстане, в Омской обл. и на Алтае.

Вопрос о высылке немцев, по всей видимости, возник не заблаговременно, а по ходу войны. Иначе трудно объяснить такой, например, факт, как приговор к шести годам лишения свободы, вынесенный 31 июня 1941 года Верховным судом АССР НП заведующему овцетоварной фермой колхоза им. Куйбышева Старо-Полтавского кантона И. Белоусову с формулировкой: «за шовинистический выпад против немцев, проживающих в СССР». Между 13 июля и 15 августа в республике, как и повсюду, формировались отряды народного ополчения: в них записалось 11 193 чел., в том числе 2635 женщин. Обком

²¹ См.: Полян П.М. Жертвы двух диктатур. Жизнь, труд, унижение и смерть советских военнопленных и оstarбайтеров на чужбине и на родине. М., 2002. С. 104–124.

ВКП(б) повсеместно проводил митинги, на которых принимались обращения к немецкому народу; еженедельно в Москву отсылались отчеты «о фактах патриотического и трудового подъема трудящихся АССР НП»²², а 3 августа был создан республиканский фонд обороны страны, куда поступали пожертвования граждан.

В этот же день (3 августа), командование Южного фронта направило из Полтавы Сталину и Буденному шифрограмму, где говорилось о теплом приеме, оказанном немецким населением на Украине наступавшим немецким войскам. Реакция Сталина была мгновенной и резолюция – жесткой и не оставляющей разночтений: *«Товарищу Берия. Надо выселить с треском. И. Ст.»*²³. Что товарищ Берия и сделал, подхватив образ и всесоюзно расширив сферу действия «треска».

Практические распоряжения по депортации немцев из главного – поволжского – очага их расселения в СССР были отданы только 26–27 августа. Заминка, как представляется, была связана с необходимостью хотя бы частично убрать урожай.

Всю операцию Л. Берия приказал провести между 3 и 20 сентября и создал оперативный штаб во главе со своим заместителем И.А. Серовым. В оперативном отношении АССР НП была объединена с Саратовской и Сталинградской областями в единый, с точки зрения депортации немцев район, в который были направлены особые отряды сотрудников НКВД (1550 чел.), милиции (3250 чел.) и войск НКВД (общей численностью в 12 100 бойцов под началом комбрига Кривенко, полковника Воробейкова и комбрига Сладкевича). Общее руководство оперативниками и милиционерами осуществляли зам. наркома Обручников, а войсками НКВД – генерал-майор Аполлонов, а общую координацию всей операции – переселения, перевозок и расселения – осуществлял еще один заместитель Берии – Чернышев, на паях с начальниками контрольно-ревизионного и транспортного управлений Федотовым и Синегубовым.

Все три области в тот же день были извещены, и на завтра каждое Бюро обкома ВКП (б) приняло решение центра о депортации к неуклонному исполнению. В каждой из трех областей были созданы оперативные тройки, в составе которых обязательно был один видный представитель центра и глава местного НКВД. Представители НКВД СССР были направлены и в районы вселения – в Красноярский и Алтайский края, в Омскую и Новосибирскую области, а также в Казахскую ССР. Там, на пару с местными начальниками УНКВД, они составили своеобразные оперативные «двойки», ответственные за своевременный прием эшелонов в пунктах разгрузки и расселение.

²² Герман А.А. История республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах М.: 1996. С. 135–142.

²³ Боевое донесение № 28/оп от 03.08.1941. Опубликовано в: Из истории Великой Отечественной войны // Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 195.

Масштаб этой и других предстоящих операций потребовал и организационного соответствия. Ясно, что ГУЛАГу уже было бы трудно справляться с потоком нового контингента административно-репрессированных, чей статус серьезно отличался от привычного для ГУЛАГа контингента, состоящего из формально осужденных лиц. Поэтому 28 августа 1941 года в составе центрального аппарата НКВД – исключительно для приема и размещения перемещаемых немцев – был создан Отдел спецпоселений²⁴.

И в тот же день (28 августа) вышел известный Указ ПВС «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». Он был, собственно говоря, не более чем формальной данью «парламентской процедуре», как бы легитимизирующей и закрепляющей решения, уже принятые на Лубянке и в Кремле.

30 августа, по распоряжению И. Серова, указ напечатали республиканские газеты «Большевик» (на русском языке) и «Nachrichten» (на немецком). Эта публикация позволила 1-му секретарю обкома С. Малову (русскому по национальности) обратиться к Сталину с докладной запиской, где открыто говорилось о критическом отношении значительной части немецкого населения к указу, особенно к той его части, где утверждалось сокрытие в немецкой среде врагов советской власти²⁵. 5 сентября высшие должностные лица немецкой национальности в АССР НП – председатель СНК республики А. Гекман, председатель ВС К. Гофман и 3-й секретарь обкома ВКП(б) Г. Корбмахер – были сняты с занимаемых постов²⁶, а 6–7 сентября была ликвидирована сама немецкая автономия на Волге (интересно, что при этом официально она так и не была упразднена!). Территория бывшей АССР НП была распределена между Саратовской (г. Энгельс и 15 кантонов) и Сталинградской (7 кантонов) областями (переименования кантонов и населенных пунктов с немецкими названиями последовали 19 мая 1942 года)²⁷.

С 29 августа 1941 года войска НКВД уже заняли исходные, согласно дислокации, позиции. Организационная схема осуществляемой ими депортации была следующей (в общем и целом она выдерживалась и при других операциях). Территория разбивалась на оперативные сектора, в них комплектовались оперативные тройки, утверждаемые приказами НКВД СССР (в составе начальника местного НКВД, начальника милиции и секретаря комитета партии). Они, в свою очередь, комплектовали участковые оперативные тройки, составляли графики подачи вагонов, организовывали прием и посадку переселенцев.

²⁴ Его начальником был назначен И.В. Иванов, член оперативной двойки НКВД по Новосибирской области. Отдел просуществовал около 15 месяцев: 14.11.1942 он был упразднен, а его функции переданы Отделу трудовых и спецпоселений ГУЛАГа НКВД.

²⁵ Герман А.А. Немецкая автономия на Воге. 1918–1941. Ч. 2. Автономная республика. 1924–1941. Саратов, 1994. С. 296.

²⁶ Там же. С. 298–299. 16 сентября А. Гекмана и Г. Корбмахера «за дискредитацию указа» от 28.08.1941 исключили из партии.

²⁷ Там же. С. 327–328.

Для составления списков депортируемых участковые оперативные группы выезжали в колхозы, поселки и города и заполняли учетные карточки на каждую выселяемую семью, с перечислением всех ее членов. Действовать чекистам предписывалось «без шума и паники», но «в случае возникновения волюнок, антисоветских выступлений или вооруженных столкновений принимать решительные меры к их ликвидации». На основании агентурно-оперативных материалов учитывался и перед операцией арестовывался весь «антисоветский элемент», – как правило, главы семей. Прочие же члены семей переселялись в общем порядке. Интересно, что переселение рассматривалось как «добровольное»; «принудительным» оно становилось лишь для тех, кто добровольно переселяться отказывался. Не подлежали депортации семьи, где жена-немка, а муж – немец²⁸.

Если отдельные члены семьи временно отсутствовали, органы НКВД брали их на учет для последующего направления к новому месту жительства семьи. Главу семьи предупреждали, что он несет ответственность за всех переселяемых членов его семьи: в случае перехода кого-нибудь из них на нелегальное положение, он и остальные члены семьи будут репрессированы в уголовном порядке. На основании данных, полученных от участковых троек, секторные (в данном случае – областные) тройки составляли графики подачи вагонов с таким расчетом, чтобы исключить простой подвижного состава.

Помимо оперативных троек, повсеместно создавались Комиссии по приемке имущества переселяемых колхозов и оценке личного имущества немцев. В них включались председатель райисполкома, заведующий районным земельным отделом, уполномоченный Наркомата заготовок, представители конторы «Заготскот», районного финансового отдела или конторы Госбанка (им в помощь в каждом районе мобилизовали в порядке трудовой повинности не менее 50 счетных работников). Имущество переселяемых колхозов и МТС принималось по актам: колхозные постройки; сельскохозяйственные машины; рабочий и продуктивный скот; сельскохозяйственная продукция, как в убранным виде, так и на корню; подсобные предприятия с имеющимся оборудованием, готовой продукцией, сырьем; денежные средства колхозов и т.д., причем все потенциально спорные вопросы государство директивно решало в свою пользу²⁹. Кроме того, уполномоченные Наркомата мясомолочной

²⁸ Этот пункт был уточнен собственноручно Берия, впрочем, зачеркнувшим и пункт о праве не-немецких женщин следовать за своими немецкими мужьями в ссылку. Этот принцип, по видимому, выдерживался и при всех последующих депортациях, в частности, и при депортации немцев из Закавказья в октябре 1941 г. (см.: *Бугай Н. Ф.Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...»*. М., 1995. С.41. Со ссылкой на Инструкцию, утвержденную приказом НКВД № 001487 от 11.10.1941).

²⁹ Так, несмотря на фактическую ликвидацию немецких колхозов еще до завершения уборочной, государство предполагало получить от них все обязательные поставки. При этом переселяемым колхозникам обещали выдать на новых местах поселения 3% из оставшейся после выполнения обязательств сельхозпродукции с учетом

промышленности СССР осуществляли приемку от колхоза и колхозников в счет выполнения «мясообязательств» по поставкам 1941 года, взыскания недоимок по мясу прошлых лет и замены мясом поставок других видов сельскохозяйственной продукции³⁰.

Оценка личного имущества переселяемых немцев производилась особой Оценочной комиссией в составе уполномоченного Наркомата земледелия СССР (НКЗема), председателя колхоза и представителя банка с участием переселяемого колхозника. Сдавшие имущество получали акт с указанием суммы, которая должна была возмещаться на месте нового поселения путем построек или материалов на постройку. На свое имущество переселенцы получали приемные квитанции, справедливо названные ими филькиными грамотами.

Переселяемым немцам разрешалось брать с собой личное имущество, мелкий сельскохозяйственный и бытовой инвентарь, продовольствие на один месяц – всего весом до одной тонны на семью. Сроки на сборы были крайне сжатые, и перед отправкой успевали подготовить минимальный запас продуктов (забивали скот, делали колбасы, выпекали хлеб).

Поначалу предписывалось производить переселение целыми колхозами³¹, но позднее разрешили подселять к существующим колхозам группами хозяйств (от 10 и выше)³².

В краях и областях Сибири и Казахстана подготовка к приему переселенцев началась после получения телеграммы Берия. В ней указывалось, что эшелоны

выработанных трудоней. Зерно, оставшееся после зачета в выполнение государственных обязательств и вычета подлежащего выдаче переселенцам, сдавалось уполномоченным НКЗема СССР государству по закупочным ценам. Часть сдаваемого зерна оставалась в колхозах как семенной и фуражный фонд для вновь вселяемых колхозников. В случаях задолженностей колхоза, долг переносился на вновь создаваемое на этой территории хозяйство. Неубранный урожай сельскохозяйственных культур принимался со скидкой 30% на расходы по уборке урожая, его хранения и транспортировке. Средства, полученные от реализованной продукции обращались в погашение всех взятых у государства денежных ссуд (независимо от сроков их погашения), налогов, сборов и страховых платежей. Денежные средства колхозов поступали в распоряжение местных органов власти для укрепления вновь образующихся в данной местности колхозов.

³⁰ На принятый от колхоза скот сверх выполнения ими обязательств перед государством составлялся акт в трех экземплярах с указанием количества скота, его живого веса. По предъявлению актов на местах вселения переселяемые колхозы якобы могли получить скот. На каждую принятую от индивидуальных сдатчиков голову рабочего скота выписывалась квитанция и производилась оплата. При предъявлении квитанции на новом месте сдатчикам обещали приобретение рабочего скота по эквивалентным ценам.

³¹ Постановление СНК и ЦК ВКП(б) «О переселении немцев из Республики Немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей» от 26.08.1941.

³² Постановление СНК и ЦК ВКП(б) № 2060-935 сс «О расселении немцев Поволжья в Казахстане» от 12 сентября 1941 г. (Протокол Политбюро ЦК ВКП(б) от 12.09.1941 за № 35, п.74 – см.: Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919–1952. Каталог. Том. III. 1940–1952. М., 2001. С. 224).

начнут отправляться с 3 сентября 1941 г.³³ На местах стали создавать специальные комиссии по приему, размещению и хозяйственному обустройству немцев. Органы УНКВД готовили планы агентурного обслуживания. На диспетчерских пунктах железнодорожных станций и узлов Енисейского водного бассейна вводилось круглосуточное дежурство работников транспортного отдела НКВД. Первые эшелоны стали прибывать с середины сентября.

Несмотря на отдельные сбои, операция по выселению осуществлялась в целом по плану, в намеченные сроки, то есть между 3 и 20 сентября. Всего было выселено 438,7 тыс. чел., в том числе из АССР НП – 365,8, из Саратовской обл. – 46,7 и из Сталинградской обл. – 26,2 тыс. чел. Вывозили их, главным образом, в Казахстан, а также в Красноярский и Алтайский края, в Новосибирскую и Омскую обл.: плановые показатели составляли, соответственно (но без Казахстана), 21,5, 27,2, 28,6 и 24,3 тыс. семей. Расселяли, как правило, в сельской местности, независимо от места предыдущего проживания, но известны и отдельные исключения (например, Томск, входивший тогда в состав Новосибирской обл.)³⁴.

Интересно, что спустя неполный год (в мае и июне 1942 года) воспоследовали и топонимические репрессии – переименованию подверглись практически все немецкие названия как городов и сел, так и районов и сельсоветов³⁵.

Однако самыми первыми – фактически депортированными – советскими немцами стали все же не поволжские и не ленинградские, а крымские немцы. По постановлению Совета по эвакуации № СЭ-75с от 15 августа, уже в конце августа их вывозили из Крымской АССР – в страшной спешке и не называя даже мест вселения. Намечалось переселить около 60 тыс. чел., но часть немцев так и осталась в Крыму. Более 50 тыс. расселили в Дивенском, Благодарненском и Буденновском районах Орджоникидзевского края и еще около 3 тыс. чел – в Ростовской области³⁶. Хотя номинально эта депортация именовалась *эвакуацией*, но эвакуация, согласитесь, была несколько необычная – в державшиеся в тайне места и по этническому признаку (даже евреев не эвакуировали как евреев, хотя о том, что их может ждать в оккупации, уже было известно!). Месяцем позже, когда немцы стремительно наступали на Северном Кавказе, часть этих же крымских немцев депортировали еще раз – уже из Ростовской области и Орджоникидзевского (Ставропольского) края.

Практически сразу же вслед за Указом от 28 августа власти приступили к аналогичным репрессиям против немцев в других регионах страны. При

³³ См.: Государственный архив РФ (далее – ГАРФ). Ф. Р-9479. Д. 154. Л. 1–4.

³⁴ См.: Чебыкина Т. Депортация немецкого населения из европейской части СССР в Западную Сибирь (1941–1945 гг.) // Щербакова И. Л. (Ред.-сост.) Репрессии против российских немцев. Наказанный народ. М., 1999. С. 120–121.

³⁵ См.: Бугай Н.Ф. Автономия немцев Поволжья: проблемы деструктурирования и социальной натурализации // Щербакова И. Л. (Ред.-сост.) Репрессии против российских немцев. Наказанный народ. М., 1999. С. 86.

³⁶ Герман А.А., Курочкин А.Н. Немцы СССР в «Трудовой армии» (1941–1945). 2-е изд. М., 2000. С. 29. Со ссылками на: ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 86. Л. 122–123.

этом если депортация немцев из Крыма (самая ранняя) осуществлялась по приказу органов эвакуации, а самая главная операция – депортация из Поволжья – по решению СНК, то все последующие депортационные операции против немцев инициировались, как правило, НКВД (реже – военными), но обязательно скреплялись постановлениями высшего органа военного времени – ГКО³⁷.

Первыми в этой региональной серии депортаций стали, помимо крымской, операции по безотлагательному переселению немцев или немцев и финнов из северо-западного приграничья страны. Это касалось, в частности, около 1200 немцев-трудпоселенцев, переселенных в 1932–1933 гг. в Карело-Финскую ССР из приграничной полосы на Украине. Еще в начале августа обратившись к Берии с предложением: а не лучше ли теперь, когда немцы рвутся к Ленинграду, еще раз их переселить – в Коми АССР, Чернышев и Наседкин встретили у наркома не только полное понимание, но еще и получили от него указание сделать это как можно быстрее³⁸.

Тремя неделями позже, то есть синхронно с оформлением большой операции по Поволжью, решилась и судьба финнов и немцев, проживающих в пригородах Ленинграда. Их решили депортировать в Казахскую ССР.

Яркой особенностью этого конкретного случая является его инициированность военными, а не чекистами. 26 августа 1941 года В.М. Молотов, Г.М. Маленков и А.Н. Косыгин, назначенные уполномоченными ГКО по вопросам обороны Ленинграда и эвакуации его предприятий и населения, поддержали совместную инициативу Военных советов Главного Командования Северо-Западного направления и Ленинградского фронта о депортации финнов и немцев. В тот же день Военный совет Ленинградского фронта издал надлежащее постановление «Об обязательной эвакуации финского и немецкого населения из пригородных районов Ленинградской области»³⁹. Однако выполняли армейское постановление чекисты. Операцию, руководство которой возложили на бериевского зама В.Н. Меркулова (специалиста, как мы помним, по иностраннопопанным) и на начальника УНКВД по

³⁷ Тот же механизм действовал и применительно к депортациям отступления (за исключением совершенно неизученного случая с депортациями итальянцев из Крыма). Казалось бы, этого же следовало ожидать применительно и к другим этническим операциям военного времени, но это оказалось не так (почему это оказалось не так – предстоит выяснить). Так, депортации карачаевцев и калмыков, насколько позволяют об этом судить выявленные документы, были легитимизированы «всего лишь» указами ГВС и Постановлениями СНК, и только начиная с чеченцев и ингушей оформление депортаций через ГКО вновь стало правилом, действовавшим почти без исключений вплоть до ликвидации самого ГКО.

³⁸ См.: *Дугин А.Н.* Неизвестный ГУЛАГ. Документы и факты. М., 1999. С. 88; *Бугай Н.Ф.* 20–40-е годы: депортация населения с территории Европейской России // Отечественные архивы. 1992. № 4. С. 37.

³⁹ Центральный Государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 7179. Оп. 53. Д. 54. Л. 169–180.

Ленинградской области Кубаткина, планировалось начать 31 августа и закончить 7 сентября⁴⁰.

Поддаляющее большинство из намеченных к переселению тут составляли финны – 88,7 из 95,2 тыс. чел. Переселили их из Ленинградской области, но не только в Казахстан, а также в Красноярский край и Новосибирскую обл. (по 24 тыс. чел.), Омскую обл. (21), Казахстан (15) и Алтайский край (12 тыс. чел.). Соответствующее донесение Сталину было датировано 29 августа⁴¹, а приказ по НКВД – 30 августа, после чего вал немецких депортационных операций покатился дальше.

В сентябре 1941 года вышло еще три Постановления Государственного комитета обороны СССР (ГКО) по депортациям немцев. Первое из них (от 6 сентября) было посвящено переселению немцев из Москвы и Московской обл. (8617 чел.) и Ростовской обл. (21 400 чел.) – в Казахстан⁴², причем городских жителей расселяли в городах, но – не выше райцентра.⁴³ Столичных немцев направляли в Кзыл-Ординскую, Акмолинскую и Карагандинскую области Казахстана, ростовских – в несколько южноказахстанских областей, в Новосибирскую область и Алтайский край.

Так же несхожим был и социальный профиль ростовского контингента (в который влилось около 3 тыс. немцев, эвакуированных из Крыма) и контингента московского, в котором преобладала творческая и техническая интеллигенция⁴⁴. В Москве, конечно же, существовали и исключения: из 11 567 московских и подмосковных немцев депортировано было 8640: 1620 были освобождены от депортации и даже оставлены в Москве (в том числе 147 – по просьбам наркоматов – как крупные специалисты), а 1142 человека – арестовано.

⁴⁰ Приказ НКВД № 001175 от 30.08.1941 предусматривал перевозку 36 тыс. чел. из Ленинграда до Череповца водным путем, причем районами вселения в приказе по-прежнему значатся четыре казахские области – Карагандинская, Кзыл-Ординская, Южно-Казахстанская и Джамбульская. Общую координацию осуществлял все тот же триумвират Чернышев – Федотов – Синегубов (ГАРФ. Ф.Р-9414. Оп. 2. Д. 1. Л. 426–427).

⁴¹ См. донесение В.М. Молотова, Г.М. Маленкова, А.Н. Косыгина и А.А. Жданова И.В. Сталину от 29.08.1941 (Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 213).

⁴² По другим данным (Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». М., 1995. С. 44–45. Табл. 2), немцы из Ростовской обл. поступали также в Новосибирскую обл. и Алтайский край.

⁴³ Найти объяснение соединению в одном постановлении двух столь различных и отдаленных друг от друга регионов, как Ростовская область и Москва со своей областью, – непосто. По существу, это две разные операции, проведенные последовательно, одна после другой: московская – между 10 и 15 сентября, а ростовская – между 15 и 20 (а фактически между 15 и 18) сентября. Потому и соответствующие приказы НКВД были отдельными для московской и для ростовской операций.

⁴⁴ Интересно, что вместе с немцами из Москвы выселялись также не названные в Постановлении ГКО австрийцы и венгры (Бугай Н.Ф., Коцонис А.Н. «Обязать НКВД СССР... выселить греков». М., 1999. С.103. Со ссылкой на: ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 28. Д. 542. Л. 263)

Следует заметить, что 8 сентября 1941 года Сталин распорядился и об «изъятии» военнослужащих немецкой национальности из действующей армии⁴⁵, а их там на момент начала войны находилось около 35 тыс.⁴⁶

Постановление ГКО от 21 сентября касалось немцев четырех регионов *Северного Кавказа* и (почему-то!) Тульской обл. Выселению – в срок с 25 сентября по 10 октября – подлежали: в Орджоникидзевском крае – 95 489 чел.⁴⁷, в Краснодарском – 34 287 (в Новосибирскую обл.), в КБ АССР – 5327, в СО АССР – 2929, в Тульской обл. – 3208 чел.⁴⁸ Тут надо отдавать себе отчет в том, что кроме своих, северокавказских, немцев эта операция охватывала еще и 53 тыс. чел., эвакуированных из Крыма.

В свете сталинского вердикта от 3 августа («выселить с треском»!) немалое удивление вызывает задержка с депортациями немцев на Украине. Только 31 августа Политбюро ЦК ВКП(б) приняло, по представлению НКВД, постановление о немцах на территории Украины: тех из них, кто состоял на учете как антисоветский элемент, предписывалось арестовать, а остальных трудоспособных мужчин в возрасте от 16 до 60 лет – «...мобилизовать в строительные батальоны и передать НКВД для использования в восточных областях СССР»⁴⁹. По существу это был первый шаг на пути скорого формирования из депортированных немцев так называемой «Трудармии» (о чем см. ниже).

Постановление от 22 сентября было по Запорожской обл. (63 000 чел.), Сталинской (41 000) и Ворошиловградской (5487): всех выселяли в Казахстан, первыми – между 25 сентября и 2 октября – из Запорожской в Актюбинскую, Кустанайскую, Джамбульскую, Карагандинскую, Кызыл-Ординскую и Семипалатинскую области (часть из них по пути оставили в Астраханской обл. для

⁴⁵ См. приказ Ставки Верховного Главнокомандования Красной армии №35105 от 08.09.1941 об изъятии из Красной армии военнослужащих немецкой национальности.

⁴⁶ Шульга И.И. Судьбы красноармейцев – немцев Поволжья в германском плену в 1941–1945 гг. // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект. Материалы международной научной конференции. Анапа, 26–30 сентября 1997 г. Москва, 1998. М., 1998. С. 323. Все они, очевидно, были призваны в армию военкоматами в АССР НП, поскольку, согласно октябрьской 1939 г. директиве наркома обороны Ворошилова, советских немцев из других регионов СССР – как представителей инациональностей (наряду с поляками, финнами, японцами и т.д.) – в ряды РККА уже не призывали (*Охотин Н., Розинский А.* Из истории «немецкой операции» НКВД 1937–1938 гг. // *Щербакова И. Л.* (Ред.-сост.) Репрессии против российских немцев. Наказанный народ. М., 1999. С. 67).

⁴⁷ В действительности было переселено даже несколько больше – 97 640 чел., причем больше всего – 22 тыс. – в Северо-Казахстанскую обл., еще по 20 тыс. – в Акмолинскую и Кустанайскую, а также в Семипалатинскую, Павлодарскую и Карагандинскую области (Милова О. Л. (Сост.) Депортации народов СССР (1930-е – 1950-е годы). Часть 2. Депортация немцев (сентябрь 1941 – февраль 1942 гг.). М., 1995. С. 122–123. Со ссылкой на: ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 86. Л. 153–154).

⁴⁸ См.: История российских немцев в документах (1763–1992). Т. I. М., 1993. С. 164–165.

⁴⁹ Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 195

строительства дороги), а остальных – между 25 сентября и 10 октября – в Акмолинскую, Алма-Атинскую, Северо-Казахстанскую, Семипалатинскую, Павлодарскую и Восточно-Казахстанскую области⁵⁰. Постановление это явно запоздало: пять эшелонов с 17,5 тыс. из Запорожской области так и не были отправлены – «из-за отсутствия людей и временного захвата немцами территории» (так гласит официальное объяснение).

Из двух украинских областей – Одесской и Днепропетровской – немцев (соответственно 6000 и 3200 чел.) выселили в те же сроки, но без всяких постановлений ГКО: при этом выселили их не в Казахстан, а на Алтай⁵¹.

Еще три постановления ГКО вышли в октябре, из них два – датированы 8 октября. Первое посвящено немцам, высылаемым между 15 и 22 октября из Воронежской обл. в Новосибирскую и Омскую (5125 чел.), второе – 46 533 немцам, высылаемым между 15 и 30 октября из Закавказья в Казахстан (10 областей)⁵² и Новосибирскую обл. (в том числе из Грузии – 23 580, Азербайджана – 22 741 и из Армении – 212 чел.).

Постановлением от 22 октября 1941 года немцы из Дагестана и Чечено-Ингушетии (соответственно, 4000 и 574 чел.) выселялись между 25 и 30 октября в Казахстан⁵³.

Два распоряжения СНК аналогичного содержания вышли в ноябре – о переселении немцев из Калмыцкой АССР (2 ноября 1941 года) и Куйбышевской обл. (21.11.1941) в Казахстан и из пограничных районов в тыловые в пределах Читинской обл. (21.11.1941). В марте 1942 года выселения немцев производились в Харьковской, Крымской, Одесской, Днепропетровской, а также в Калининской обл.⁵⁴

Таким образом, немцев в СССР депортировали практически из всех очагов их концентрации, если только обстоятельства войны это позволяли. Немецкое население, кроме доставшегося врагу, было вынуждено сосредотачиваться к востоку от Волги – главным образом в Западной Сибири и Казахстане. При этом городская – и для многих столь привычная – жизнь была им также заказана: Постановлением ЦК КП (б) Казахстана от 16 октября 1941 года проживание немцев в областных центрах и столице республики запрещалось⁵⁵.

⁵⁰ См.: История российских немцев в документах (1763–1992). Т. I. М., 1993. С. 165. См. также: Бугай, 1995. С. 44.

⁵¹ См. ряд документов в: Милова О.Л. (Сост.) Депортации народов СССР (1930-е – 1950-е годы). Часть 2. Депортация немцев (сентябрь 1941 – февраль 1942 гг.). М., 1995. 119–121.

⁵² См.: Милова О.Л. (Сост.) Депортации народов СССР (1930-е – 1950-е годы). Часть 2. Депортация немцев (сентябрь 1941 – февраль 1942 гг.). М., 1995. С. 130–132. № 40. Со ссылкой на: ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 86. Л. 77–78).

⁵³ См.: История российских немцев в документах (1763–1992). Т. I. М., 1993. С. 166–168 (по другим данным – между 22 октября и 10 ноября 1941 г.).

⁵⁴ Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». М., 1995. С. 45.

⁵⁵ Кригер В.Э. Особенности кадровой политики государства в отношении российских немцев в советский период. // Культура немцев Казахстана: история и современ-

В то же время имелось 24 более или менее тыловых региона СССР, откуда местных немцев не выселяли. В них проживало как минимум 53 380 немцев, считая и 3522 чел. выявленного среди них «антисоветского элемента»⁵⁶. Но не стоит полагать, что их просто оставили в покое. 30 октября 1941 года было принято распоряжение СНК за № 57 «О расселении лиц немецкой национальности из промышленных районов в сельскохозяйственные»: там, откуда депортации не производились, немецкое население переселяли из городов и промышленных районов в совхозы и колхозы в пределы своих же областей.⁵⁷

На 25 декабря 1941 года из 904 255 немцев, подлежащих депортации «по государственному заданию», уже выселено было 856 168 чел. (см. табл.). По другим сведениям (к тому же, на 1 января 1942 года), количество немцев, депортированных в 1941 году, не превышало 800 тыс. чел.

Таблица 1.

**Сводная таблица депортации советских немцев
(данные на 25 декабря 1941 г.)**

Регион выселения	Интервал выселения	Кол-во, чел.	Регион вселения	Примечания
Симферополь, Крымская АССР	08.1941	1900		
Карело-Финская АССР	08.1941	1200	Коми АССР	Переселяемые немцы были депортированы сюда в 1932–1933 во время «зачистки» западных границ
Пригороды Ленин- града	31.08.–07.09. 1941	6500	Джамбульская обл.	
АССР Немцев Поволжья	03–20.09.1941	446 480	КазССР, Ново- сибирская Омская обл., Краснояр- ский и Алтайский края	В т.ч.8200 отправлены водным транс- портом
Саратовская обл.	03–18.09. 1941	46 706	То же	
Сталинградская обл.	03–13.09. 1941	26 245	КазССР, Омская обл., Алтайский край	

ность. Материалы международной научно-практической конференции. Алма-Аты, 9–11 октября 1999 г. – Алма-Аты: 1999. С. 78.

⁵⁶ Данные на 13.12.1941, наибольшая концентрация – 18594 чел. – в Чкаловской (Оренбургской) области (Милова О.Л. (Сост.) Депортации народов СССР (1930-е – 1950-е годы). Часть 2. Депортация немцев (сентябрь 1941 – февраль 1942 гг.). М., 1995. С.57–60. № 10. Со ссылкой на: ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 83. Л. 55–58).

⁵⁷ Кригер В.Э. Особенности кадровой политики государства в отношении российских немцев в советский период // Культура немцев Казахстана: история и современность. Материалы международной научно-практической конференции. Алма-Аты, 9–11 октября 1999 г. – Алма-Аты: 1999. С. 78.

Москва и Московская обл.	10– 14.09. 1941, 22.09.1941	8 640 из 11 567	КазССР (Карагандинская, Акмолинская, Кзыл-Ординская обл.)	Включая 356, отправленных с Тульским эшелоном) Оставлено: 1 620; Арестовано: 1 142; скрылись: 10.
Ростовская обл.	15–18.09. 1941	38 288	КазССР (Южно-Казахстанская, Джамбульская, Кзыл-Ординская обл.); Новосибирская обл., Алтайский край	
Тульская обл.	02– 03.10. 1941	3 058	Карагандинская обл.	В т.ч. 356 из Москвы
КБ АССР	25.09.– 05.10. 1941	5 803	Алма-Атинская обл.	
СО АССР	25.09.– 04.10. 1941	2 415 из 2 929	Алма-Атинская обл.	
Орджоникидзевский край	25.09.– 10.10. 1941	88 903 из 95 489	Карагандинская, Кустанайская, Павлодарская, Северо-Казахстанская, Семипалатинская, Южно-Казахстанская обл.	Ок.500 чел. еще не отправлены (25.12.1941)
Краснодарский край	30.09.– 10.10. 1941	37 300 из 40 636	Новосибирская обл., Восточно-Казахстанская, Джамбульская, Карагандинская, Павлодарская, Южно-Казахстанская обл.	
Запорожская обл.	25.09.–02.10. 1941	32 032 из 53 566	Новосибирская, Актюбинская, Джамбульская, Карагандинская, Кзыл-Ординская, Кустанайская, Семипалатинская обл.	5 эшелонов на 17 523 чел. аннулированы – «из-за отсутствия людей и временного захвата немцами территории»
Ворошиловградская обл.	25.09.–10.10.1941	9 858 из 13 000	Семипалатинская Северо-Казахстанская обл.	Готовится к отправке 3–3,5 тыс. чел.
Сталинская обл.	25.09.–10.10.1941	35 477 из 36 880	Алма-Атинская, Акмолинская, Восточно-Казахстанская, Павлодарская, Семипалатинская обл.	
Днепропетровск	25.09.–10.10.1941	3250	Актюбинская обл.	

Грузинская ССР	15–30.10.1941	20 423 из 23 580	Алма-Атинская, Джамбульская, Южно-Казахстанская, Павлодарская, Семипалатинская обл.	Через Баку и Краснодарск
Азербайджанская ССР	15–30.10. 1941	22841 (учет)	Акмолинская, Кустанайская, Карагандинская, Северо-Казахстанская, Павлодарская обл.	Через Баку и Краснодарск
Армянская ССР	15–22.10.1941	212	Павлодарская обл.	Через Баку и Краснодарск; 500 кг., 42 чел. в вагон.
Воронежская обл.	15–22.10.1941	5125	Новосибирская обл.	
Горьковская обл.	20–23.10.1941	2544	Омская обл.	
Дагестанская и ЧИ АССР	25–30.10.1941 (при плане –10.11.1941)	7306 при 4012 на учете	Акмолинская обл.	
Калмыцкая АССР	03–10.12.1941	5525 из 5706	Акмолинская обл.	
Куйбышев и Куйбышевская обл.	01–10.12.1941	8787 из 11 500	Карагандинская, Северо-Казахстанская обл.	

Источники: Справки о переселении лиц немецкой национальности, на 25.12.1941 и на 13.12.1941 (ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 83. Л. 45–49; Л. 50–54), а также документы, опубликованные в: Полян П.М., Поболь Н.Л. (Сост.). Сталинские депортации. 1928–1953. Документы. М., 2005. 904 с.

К началу 1942 года на спецпоселении числилось 1 031,3 тыс. немцев, из них 800 тыс. составляли те, кого депортировали из Европейской части СССР (почти поровну поделились они между Казахстаном и Сибирью), а 231,3 тыс. – «местные» немцы (то есть те, кого депортации как таковой подвергать не стали)⁵⁸: переведя в спецконтингент, их физически не трогали, оставляли на месте или переселяли из городов на село. Всего же за 1941–1942 гг. было взято на учет 1 209 430 чел., из них 856 340 – переселенные «по государственному заданию», 48 001 – мобилизованные в трудовую армию и 203 796 репатриированные (представляется, однако, что это скорее всего «местные»)⁵⁹.

⁵⁸ Накануне войны на этих территориях проживало 226 тыс. немцев, из них большинство в Казахстане (92 тыс. чел.), в Омской обл. (59 тыс. чел.) и на Алтае (29 тыс. чел.).

⁵⁹ К концу войны на спецпоселении числилось 949 829 немцев, а за послевоенное время к ним прибавилось 120 192 чел. репатриированных (Земсков В.Н. Спецпоселенцы (по документам НКВД–МВД СССР) // Социологические исследования. 1990. №11. С. 8). По состоянию на ноябрь 1951 г., на спецпоселении все еще находилось 1 160 630 немцев, из них 803 853 – переселенные по постановлениям правительства, 223 195 – по директивам НКВД и решениям Военных советов фронтов (в том

Около 36,7% (444 005) разместилось в Казахстане, из них «по государственному заданию» – 333 775 чел.⁶⁰ (главным образом, в казахских, реже в русских или украинских колхозах). Таким образом, огрубленная оценка численности немцев, собственно депортированных в 1941–1942 гг., составила около 905 тыс. чел.

Интересно сравнить «немецкую», крупнейшую за все время войны депортационную кампанию, с другой, второй по величине, – с «вайнахской». Многие сближает их, и прежде всего масштаб, массовость, приближающаяся к миллиону в первом случае и к полумиллиону во втором, а также охват операций не одной, а сразу нескольких смежных административных единиц.

Таблица 2.

**Сравнительная характеристика операций
по депортации немцев из Поволжья и вайнахов**

Параметры депортации	Депортация немцев из Поволжья	Депортация вайнахов
Время проведения	03.–20.09.1941	23.02.–02.03.1944
Продолжительность фазы интернирования	18 дней	10 дней
Административные регионы выселения	АССР Немцев Поволжья, Саратовская и Сталинградская области	Чечено-Ингушская, Северо-Осетинская и Дагестанская АССР
Административные регионы вселения	Казахская ССР, Омская и Новосибирская обл., Алтайский и Красноярский края	Казахская ССР, Киргизская ССР
Юридическое основание	Указ ПВС от 28.09.1941	Пост. ГКО от 31.01.1944
Руководитель штаба	Зам. наркома НКВД И.А. Серов	Нарком НКВД Л.П. Берия
Др. высокопоставленные лица в штабе	Наседкин, Галкин, Райхман, Дроздецкий, Ткаченко, Ильин	Зам. наркома НКВД: И.А. Серов, Б.З. Кобулов, С.Мамулов
Задействовано сил (чел.)	16 950	119 000
Из них: войска НКВД	12 350	100 000
Оперативные работники НКВД	1550	19000
Сотрудники милиции	3250	
Количество депортируемых	439 000 (план: 480 000)	478 000 (план: 459 000)
Количество арестованных	190 (неокончательное число)	2016
Перестрелки и вооруженное сопротивление	Нет	Да
Количество убитых	Нет	От 27 до 780
Уклоняющиеся, чел.	Нет данных	6500
Конфискованное оружие, стволов	Нет окончательных данных	20 072

числе 198 483 репатриантов, 19 897 – превентивно выселенных из Ленинградской, Харьковской, Калининской и др. областей, 2 771 фольксдойче и 2 044 членов семей немецких пособников), 133 582 из числа постоянных жителей Д. Востока, Сибири, Урала и Ср. Азии (в том числе 26 551 трудмобилизованных). См.: *Дугин А.Н.* Известный ГУЛАГ. Документы и факты. М., 1999. С. 124.

⁶⁰ *Бугай Н.Ф.* Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». М., 1995. С. 42. Ссылкой на: ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 641. Л. 76; Д. 83. Л. 148.

Число лиц в вагоне	40 чел., без личных вещей	45 чел., вместе с личными вещами
Разрешенное личное имущество	1 тонна на семью	Не оговорено: фактически – ручная кладь
Топонимические репрессии	Да, 05–06.1942 (с запозданием относительно депортации)	Да, 04.1944, 07.1944 (вскоре после депортации)

И все-таки отличия между ними достаточно велики, именно чеченскую операцию можно охарактеризовать как кульминацию всей депортационной политики СССР. Во-первых, это самая массовая и самая интенсивная из всех депортационных операций (порядка 480 тыс. уже на стадии первых эшелонов, или, приблизительно, от 70 до 100 тыс. чел. в день). Не знает себе равных она и по численности задействованных чекистских сил – порядка 120 тыс. чел., или в 7 раз больше, чем их было в Поволжье⁶¹. Это говорит об особенном отношении к вайнахам, как, впрочем, и то, что всей депортацией руководил на месте лично Л.П. Берия со свитой из трех своих заместителей, тогда как операцией в Поволжье руководил «всего лишь» зам. наркома И.А. Серов, усиленный рядом начальников управлений НКВД. Если практическая подготовка к операции началась в Поволжье всего лишь за неделю до начала самой операции, то в Чечне и Ингушетии – почти за два месяца.

Отметим и резкое ужесточение, начиная с этой операции, правил погрузки и перевозки выселяемых: с одной стороны, отсутствие нормативов на допустимый вес личного багажа и, соответственно, отмена багажных вагонов в эшелонах и необходимость брать вещи в свой вагон, а с другой – повышение норматива заполняемости вагона с 40 до 45 чел. (при депортациях 1940–1941 гг. из аннексированных территорий речь шла всего лишь о 25–30 чел. на вагон). Можно себе представить кучность, тесноту и бытовые условия этого переезда!

Вторичные депортации «трудоармейцев». Обстоятельства военного времени поставили под «визир» и немцев-трудпоселенцев, депортированных в 1930–1931 гг. не по этнической, а по социальной линии – в порядке раскулачивания: ГУЛАГ предлагал всех их (а это 7 067 семей, или несколько десятков тысяч человек) перевести с посемейного на персональный учет.

Статус спецпереселенцев для всех советских немцев был еще раз подтвержден Постановлением СНК от 8 января 1945 года «О правовом положении спецпереселенцев» и Указом ПВС от 26 ноября 1948 года «Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны» (самовольный побег, согласно этому указу, карался 20 годами каторжных работ).

⁶¹ По соотношению переселяемых и переселяющих ее все же несколько превосходит депортация карачаевцев.

В местах нового расселения немцев существенным вопросом стало их трудовое использование. Одним из способов его рационального решения стала трудовая мобилизация немцев и формирование из них на время войны рабочих колонн, или, иначе, «Трудовой армии» (или «Трудармии»)⁶². Ее «бойцы» призывались (мобилизовывались) через военкоматы НКО и направлялись для трудового использования в районы, как правило, весьма удаленные от мест учета их семей на спецпоселении.

В этой кооперации армейских и чекистских органов – принципиальная особенность этих депортаций. Другая их особенность в том, что для многих это была уже не первая, а фактически вторая за короткий промежуток времени депортация (некоторых судьба помотала и большее число раз). Первой депортацией призыв в «Трудармию» стал для тех трудоспособных немцев, кого изначально, в силу проживания в глубоком тылу (скажем, на Алтае или Урале), никуда не депортировали (впрочем, статус спецпереселенца – со всеми вытекающими из него последствиями – получали и они).

К формированию Трудармии приступили еще в сентябре 1941 года, когда строительные батальоны НКВД были реорганизованы в рабочие колонны с казарменным проживанием и лагерным распорядком. 31 августа, как уже упоминалось, ПБ приняло, по представлению НКВД, постановление о немцах на территории Украины: антисоветский элемент – арестовать, а прочих трудоспособных мужчин в возрасте от 16 до 60 лет – «...мобилизовать в строительные батальоны и передать НКВД для использования в восточных областях СССР»⁶³. По существу это и было началом Трудармии (прочно закрепившийся термин, ныне бытующий вполне официально). Одними из первых «мобилизованных» в нее немцев стали отозванные из действующей армии немцы-красноармейцы. Начиная с сентября 1941 года, их зачисляли в спецпоселенцы, но не демобилизовывали, а направляли в Трудармию, сочетавшую в себе элементы военных формирований, трудовой деятельности и гулаговского режима содержания⁶⁴.

Мобилизованные организовывались в рабочие батальоны с лагерным режимом и продовольственными нормами ГУЛАГа, что с самого начала крайне напоминало позднейшую организацию трудового использования совершенно

⁶² Официального употребления термин «Трудармия» не имел, на основании чего член Коллегии Министерства юстиции СССР О.В. Бойков в датированной 20.09.1990 «Справке» отказал имевшему широкое хождение термину «трудармеец» в статусе особой категории работников (История российских немцев в документах (1763–1992). Т. I. М., 1993. С. 333–334).

⁶³ Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 195

⁶⁴ См.: Чебыкина Т. Депортация немецкого населения из европейской части СССР в Западную Сибирь (1941–1945 гг.) // Щербакова И.Л. (Ред.-сост.) Репрессии против российских немцев. Наказанный народ. М., 1999; Маламуд Г. Мобилизованные советские немцы на Урале в 1942–1948 гг. // Щербакова И.Л. (Ред.-сост.) Репрессии против российских немцев. Наказанный народ. М., 1999. С. 128–145.

других немцев, а именно: немецких военнопленных и немецких интернированных. Смертность среди трудармейцев была заметно выше, чем у находившихся просто на спецпоселении. Впрочем, оставленным без отцов и матерей детям и нетрудоспособным немцам-старикам приходилось очень тяжело в полуголодных колхозах военного времени⁶⁵.

К началу 1942 года «Трудармия» фактически уже насчитывала 20,8 тыс. немцев. Специальные постановления ГКО о мобилизации выселенного немецкого населения в трудовую армию от 10 января, 14 февраля и 7 октября 1942 года (а также от 26 апреля, 2 и 19 августа 1943 года)⁶⁶ придали этому совершенно новое измерение и означали практически сплошную «мобилизацию» трудоспособных немецких спецпоселенцев. Из мобилизованных формировались отряды в 1500–2000 чел., разбитые на рабочие колонны в 250–500 чел. и бригады в 35–100 чел., построенные по производственному принципу и проживавшие в одной казарме (отряды и колонны возглавлялись начальниками из знакомых с производством чекистов-лагерников, бригадирами-специалистами могли назначаться и сами немцы).

Режим содержания мало чем отличался от гулаговского (колючая проволока, вышки, поверки, горячая еда дважды в день, один выходной за 10 дней), разве что на работу и с работы выводили без конвоя. Трудармеец обязывался отрабатывать себестоимость своего содержания, остальное (если, конечно, было) копилось на его личном счету.

Если в двух первых наборах в Трудармию (январском и февральском) речь шла исключительно о мужчинах призывного возраста – от 17 до 50 лет (в первом случае – о депортированных, а во втором – о «местных»), то в третьем (октябрьском) – о мужчинах уже от 15 до 55 лет, а также о женщинах от 16 до 45 лет, кроме беременных или имеющих малолетних (до 3-х лет) детей. За неявку по мобилизации, отказ от работы или саботаж карали сурово, вплоть до расстрела.

Первая мобилизационная волна проводилась с 10 по 30 января и рассчитывалась на 120 тыс. чел. (из них 45 тыс. – для использования на лесозаготовках, 40 тыс. – на строительстве железных дорог и 35 тыс. – на строительстве Бакальского и Богословского заводов), вторая – на 40–45 тыс. чел., а третья – принесла 123,5 тыс. чел. в том числе 52,7 тыс. – женщин: немки направляли по разверстке Наркомнефти, а немцев (среди них преобладали, естественно, не охваченные ранее подростки 15–16 и мужчины 51–55 лет) – на предприятия трестов «Челябуголь» и «Карагандауголь»⁶⁷. Четвертая волна (с мая по сентябрь

⁶⁵ См.: *Вылцан М.А.* Депортация народов в годы Великой Отечественной войны // *Этнографическое обозрение.* 1995. № 3. С. 32–33. Со ссылкой на: ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 64. Л. 271.

⁶⁶ См.: *История российских немцев в документах (1763–1992).* Т. I. М., 1993. С. 168–175.

⁶⁷ Постановлениями СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О развитии прибрежного лова рыбы в Белом и Баренцевом морях» и «О развитии промыслов в бассейнах рек Сибири и

1943 года) «нацедила» всего-навсего 5,3 тыс. мужчин и 9,8 тыс. женщин, причем под горячую руку забирали и беременных, и малолеток 14 лет, и стариков.

К началу 1944 года в рабочих колоннах НКВД числилось около 222 тыс. немцев-трудармейцев, из них 101 тыс. чел. трудились на стройках НКВД, а труд остальных использовался другими наркоматами. Как таковая «Трудармия» была ликвидирована не в мае 1945, а только в январе–марте 1946 года⁶⁸. Но освободившиеся при этом трудоармейцы оставались прикрепленными к тем же самым предприятиям, где они до этого работали, правда, с правом переехать из зоны в общежитие за зоной и выписать к себе семьи. К этому времени через трудармейские рабочие колонны прошло в общей сложности 316,6 тыс. советских немцев – то есть более трети от числа депортированных и более четверти от числа поставленных на учет по спецпоселению.

Исходя из допущения, что по крайней мере треть трудармейцев принадлежала к не затронутым до этого принудительными миграциями контингентам (так называемые местные, а также демобилизованные из Красной Армии), мы получаем приблизительную суммарную оценку впервые депортированных советских немцев, равную примерно 100 тыс. чел., а общую оценку депортированных внутри Союза – 1,05 млн чел.

Отметим, что кроме немцев в Трудармию мобилизовывались также финны, румыны, венгры и итальянцы – граждане СССР титульных национальностей противника: общее число трудармейцев составляло около 400 тыс. чел., из них 220 тыс. использовалось в системе НКВД и 180 тыс. чел. – в других наркоматах⁶⁹.

С учетом этих контингентов, а также финнов, выселенных в 1941 году и немемецких трудармейцев, общее число превентивно-депортированных в 1941–1942 гг. можно оценить в 1,2 млн чел.

Вместе с тем заметим, что, поскольку в военное время линия фронта соответствует государственной границе, поэтому превентивные депортации финнов, греков, румын, татар (и в гораздо меньшей степени немцев), а вместе с ними и массовые эвакуации гражданского населения из прифронтовых районов с некоторой долей условности можно рассматривать и как своего рода пограничные зачистки, предупреждающие нежелательные для зачищаемых последствия.

на Дальнем Востоке» (октябрь 1942 г.) немцы привлекались на работу и в рыбные промыслы.

⁶⁸ См. Пр. НКВД № 3/0-39 от 5.01.1946 о ликвидации зон проживания мобилизованных для работы в нефтяной промышленности (*Бугай Н.Ф.* Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». М., 1995. С. 55. Со ссылкой на: ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 148. Л. 162).

⁶⁹ *Кокурин А.И.* ГУЛАГ в годы войны. Доклад начальника ГУЛАГа НКВД СССР В.Г.Наседкина. Август 1944 г. // Исторический архив. 1995. № 3. С. 64. Отметим, что фактически трудармейцы находились на учете в ГУЛАГ, а не в Отделе спецпоселений НКВД.

Резюмируя, следует отметить, что тотальная депортация советских немцев в годы войны была крупнейшей внутренней депортационной кампанией военного времени и второй, по своим масштабам, во всей советской истории: она «уступает» только депортационному срезу «раскулачивания» – так называемой «кулацкой ссылке». Ее бесспорным ядром была депортация из Поволжья, но в целом эта кампания растянулась еще на несколько лет, вобрав в себя не только «превентивные депортации», но и «депортации отступления», а также «вторичные депортации» так называемых «трудармейцев», то есть насильственные передислокации депортированных субконтингентов внутри ареала расселения депортированных и с переквалификацией режима их содержания в сторону гулаговских норм. Судьба немецких депортированных оказалась неотрывной от судьбы контингентов других этносов, титульные государства которых находились в состоянии войны с СССР: финнов, румын, венгров и итальянцев.

Депортация немцев 1941 г. как опробованный инструмент внутренней и прецедент международной политики

В данной статье будут рассмотрены следующие вопросы:

1. Существовала ли в царской России и Советском Союзе историческая традиция, в рамках которой следует рассматривать депортацию советских немцев в 1941 г.?

2. Как на депортацию реагировал Третий Рейх?

3. Какова была роль этой операции как прецедента для последовавших позднее «этнических чисток»?

В столь коротком тексте депортации других групп населения, начиная с так называемых кулаков, и заканчивая другими национальными меньшинствами, неизбежно несколько уйдут на задний план. Я приведу также примеры того, как другие прецеденты, в особенности на Балканах и позднее в оккупированной нацистами Европе, были использованы при аргументации в пользу проведения дальнейших принудительных переселений. По этой теме я с немецкими, чешскими и польскими историками подготовил к публикации «Лексикон изгнаний в Европе в 20 в.», в котором, в частности, были опубликованы многие статьи российских и украинских коллег¹.

1. Опробованный инструмент

Как правило, в истории депортации внутри государств или изгнания через государственные границы происходили почти всегда в ходе войн. Только Сталин и Гитлер позволяли себе организовывать депортации в качестве превентивных мер или с целью улаживания конфликтов.

Депортации в царской России в 1915–1917 гг. Параллели в Османской империи. Принудительные переселения внутри государств были возможны только там, где в распоряжении находилось достаточное количество слабозаселенных территорий, чтобы депортированные могли быть переселены на достаточно большое расстояние от своих прежних мест проживания, то есть в больших странах. Перед Первой мировой войной жертвами принудительных переселений в царской России стали не российские немцы, а мусульмане на Юге России. Хотя представители российских немцев и заверяли царя в своей преданности престолу и в их готовности защищать родину, военное командование во время Первой мировой войны сомневалось в лояльности солдат немецкого происхождения и отослало их на

¹ Lexikon der Vertreibungen. Deportation, Zwangsaussiedlung und ethnische Säuberung in Europa des 20. Jahrhunderts. Hg. v. Detlef Brandes, Holm Sundhussen u. Stefan Troebst. Wien u.a. 2010.

работы на Кавказский фронт². Не только «подданные враждебных держав», но и немецкие крестьяне из приграничных районов, в особенности из Царства Польского и Волыни, были выселены за Волгу. К 1915 г. жертвами принудительных переселений стали около 800 тыс. немцев и 600 тыс. евреев³. Так называемые ликвидационные законы 1915 года, распространявшие свое действие на все более обширные территории, могли бы лишиться средств к существованию также и львиную долю немецкого населения России, занимавшуюся крестьянским трудом⁴.

Однако вскоре выяснилось, что эвакуированные из прифронтовых районов перегружали транспорт, и что внутренние губернии больше не в состоянии были принимать депортированных и беженцев. К тому же даже наиболее ярые борцы с «немецким засильем» были вынуждены признать, что переселенным немецким крестьянам оказалось не так просто найти замену, и что конфискации их имущества поставили под угрозу продовольственное снабжение армии и гражданского населения. Поэтому в марте 1916 г. правительство разрешило причерноморским немцам остаться на их прежних земельных участках и собирать урожай⁵. Их дальнейшая судьба в случае победы России оставалась, однако, по-прежнему неясной.

Так же как и Российская, Османская империя была мультиэтничной и мультиконфессиональной. Продолжительное время в период слабости «больного человека на Босфоре» продолжалось «разъединение народов» (по выражению лорда Керзона). Христиане переселялись на север, как правило, на территорию Габсбургской империи, мусульмане – на юг, на постоянно уменьшавшуюся территорию, находившуюся под контролем султана. В мирном договоре по итогам Второй балканской войны 16/29 сентября 1913 г. Болгария и Турция договорились о первом в 20 в. обмене населением, в котором были оговорены права обеих групп, ограниченных с каждой стороны числом в 50 тысяч человек⁶. С началом Первой мировой войны 500 тыс. греков были депортированы вглубь территории⁷, в то время как депортация армян перешла в геноцид⁸. После страшной резни с обеих сторон в ходе греко-турецкой войны 1919–1920 гг., а также после

² Brandes, Detlef: Von den Verfolgungen im Ersten Weltkrieg bis zur Deportation. In: Deutsche Geschichte im Osten Europas. Russland. Hg. v. Gerd Stricker. Berlin 1997, S. 103.

³ Martin, Terry: The origins of Soviet ethnic cleansing. In: Journal of Modern History 1998, S. 813–861, hier 818.

⁴ История российских немцев в документах (1763–1992 гг.). М., 1993. С. 41–44.

⁵ Brandes: Von den Verfolgungen, S. 131–133.

⁶ Ladas, Stephen P.: The exchange of minorities. Bulgaria, Greece and Turkey. New York 1932, S. 18f.

⁷ Adanir, Fikret: The Greco-Turkish exchange of populations in Turkish historiography (Manuskript), S. 13.

⁸ Dadrian, Vahakn N.: The history of the Armenian genocide. Ethnic conflict from the Balkans to the Caucasus. Oxford 1997.

поражения греческой армии в боях против войск Мустафы Кемаля, большинство греческого гражданского населения Малой Азии в панике искало своего спасения на морских судах. Во время Лозаннской конференции 1923 г. обе страны при поддержке великих держав пришли к соглашению об обмене населением. Греция с ее тогдашним 5-миллионным населением должна была принять 1,2 млн. греческих беженцев и могла в принудительном порядке выслать из страны 355 тыс. мусульман. Этот обмен был поддержан британским министром иностранных дел лордом Керзоном, который впоследствии, однако, дистанцировался от этого решения. На греко-турецкий обмен ссылались впоследствии как на прецедент многие инициаторы изгнаний⁹.

Депортации в Советском Союзе 1930-х годов. После окончания первой мировой войны Лига Наций стремилась укрепить права национальных меньшинств в странах, возникших на обломках империй. В Советском Союзе политика поддержки меньшинств была свернута после того, как они, начиная с 1929 г. оказывали сопротивление массовой коллективизации и антирелигиозной кампании,¹⁰ а также после обострения «украинского кризиса», заключения Гитлером и Пилсудским в январе 1934 г. пакта о ненападении и вторжения японцев в Маньчжурию. В ходе трех кампаний 1935 и 1936 гг. из районов, граничащих с Польшей, на Восток были депортированы немцы и поляки¹¹. В последующие годы жертвами «большого террора» становились не только «классовые враги», но и все чаще целые этнические группы¹².

2. Переселения в «Третьем Рейхе»

Как во время Первой, так и во время Второй мировых войн германские государственные органы разрабатывали планы переселения российских немцев на территории, находившиеся под контролем Германии. В так называемой «польской пограничной полосе», которая должна была бы быть отторгнута от Царства Польского после победы в войне, планировалось поселить не только немцев из Германии, но прежде всего российских немцев. Целью этих планов была изоляция прусских поляков, которые в итоге должны были оказаться «островами в германском море»¹³. Согласно предложению обер-президента г. Франкфурт-на-Одере, польское население, которое должно было освободить место для немецких переселенцев, должно было быть «пересажено целыми деревнями по ту сторону нашей новой границы в буферное польское государство», а вытесненное

⁹ *Sundhaussen, Holm*: Griechen aus der Türkei. In: *Lexikon der Vertreibungen*, S. 272–274.

¹⁰ *Martin*: Origins 830.

¹¹ *Бузай Н.Ф.*: Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». М., 1995, С. 9.

¹² *Martin*: Origins, S. 852.

¹³ *Geiss, Immanuel*: Der polnische Grenzstreifen 1914/18. Ein Beitrag zur deutschen Kriegszielpolitik im Ersten Weltkrieg. Lübeck 1960, S. 49.

православное население должно было переселиться в освободившиеся поволжские колонии¹⁴.

Германо-советский пакт о ненападении («пакт Молотова-Риббентропа») от 23 августа 1939 г. послужил началом для целой волны новых изгнаний и беженства. 28 сентября 1939 г. был заключен германо-советский договор о дружбе и границе, на основании которого ранее согласованная демаркационная линия была модифицирована. На новых оккупированных территориях по обе стороны этой линии советское и германское руководство проводило крупномасштабные переселения. С территорий, присоединенных Советским Союзом на основании пакта о ненападении в 1939, 1940 и 1941 гг. (до вторжения Германии) в восточные районы СССР было выселено 1,2 млн. человек, в особенности высшие слои, но также и крестьянское население Восточной Польши, Прибалтики и Бессарабии¹⁵. Германское и советское правительства договорились также об обменах населением в их новых сферах влияния: немцы переселились на запад, украинцы и белорусы – на восток. В своей речи 6 октября 1939 г. Гитлер требовал провести «переселения национальностей таким образом, чтобы в итоге между ними пролегли более четкие, чем сегодня, границы... Ведь сегодня весь Восток и Юго-Восток Европы усеян осколками германской нации, которые полностью не будут сохранены...»¹⁶

Немцам прибалтийских государств, Восточной Польши, Бессарабии и Северной Буковины «навязанная оптация»¹⁷ в пользу «Великого Рейха» казалась меньшим злом по сравнению с опасностью оказаться под советским господством. К тому же немецким переселенцам было разрешено взять с собой их движимое имущество, недвижимое они могли продать, а вырученные средства вместе с другими ценностями внести для перерасчета в специальные доверительные кассы. Эти внесенные средства, однако, были присвоены германским правительством, а компенсации переселенцам выплачивались за счет имущества, конфискованного у поляков и евреев¹⁸. Переселенцы расселялись в аннексированных Рейхом польских областях, прежде всего в т.н. Вартегау.

¹⁴ Ebenda, S. 79–81.

¹⁵ Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину... С. 16; Филиппов С.Г. Деятельность органов ВКП(б) в западных областях Украины и Белоруссии в 1939–1941 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997. С. 44–76; Горданов О.А., Рогинский А.Б. Об арестах в западных областях Белоруссии и Украины в 1939–1941 гг. // Там же. С. 77–113. Гурьянов А. Э.: Масштабы депортации населения в глубь СССР в мае–июне 1941 г. // Там же. С. 137–175.

¹⁶ Aly, Götz: «Endlösung». Völkerverschiebung und der Mord an den europäischen Juden, Frankfurt/M. 1997.

¹⁷ Loeber, Dietrich A.: Diktierte Option. Die Umsiedlung der Deutsch-Balten aus Estland und Lettland 1939–1941. Dokumentation. Neumünster 1972. – Hecker, Hellmuth: Die Umsiedlungsverträge des Deutschen Reiches während des Zweiten Weltkrieges. Hamburg 1971.

¹⁸ Aly: «Endlösung», S. 155.

В своих исследованиях Гётц Али продемонстрировал, что т.н. возвращение в общей сложности около 500 тысяч «местных немцев» («фольксдойче») послужили причиной радикализации планов по изгнанию поляков из аннексированных западнопольских областей и по уничтожению евреев¹⁹. Землю для немецких «колонистов» освобождали, изгоняя по два польских крестьянина на каждого «фольксдойче»²⁰. а городские квартиры – путем переселения евреев г. Лодзь в район города, который намечено было превратить в гетто²¹. Это гетто было в апреле закрыто. В общей сложности из аннексированных польских областей в генерал-губернаторство было выселено 860 тысяч поляков и еще 300 тысяч изгнаны из их крестьянских дворов и городских квартир. После Варшавского восстания в октябре 1944 г. около полумиллиона поляков вынуждены были оставить польскую столицу²².

Планы переселений и изгнаний за пределами аннексированных польских территориях были обобщены в так называемом «Генеральном плане Восток» («Generalplan Ost»), работа над которым была начата по приказу Генриха Гиммлера, отданному им через два дня после нападения на Советский Союз. Согласно этому плану (позднее расширенному до «Генерального плана поселения», «Generalsiedlungsplan»), уже через 30 лет граница поселения «германской расы» путем организации новых германских поселений должна была быть передвинута не менее чем на 1000 километров на восток, а т. н. «оборонительная полоса» должна была пролегать на Урале. В плане предусматривалась иерархия жителей этого региона в соответствии с расистскими критериями, а число людей, подлежащих насильственным переселениям в Сибирь, оценивалось в 31 млн. человек, в то время как 14 млн. коренного населения должны были быть использованы в качестве рабов²³.

Определенную роль в этих планах играли также и советские немцы. После 22 июня 1941 г. немецкое население не только приграничных районов, но и всей европейской части, в общей сложности 1,2 млн. чел., было переселено в восточные районы Советского Союза²⁴. Однако 250 тыс. немцев Украины вследствие быстрого продвижения немецких и румынских частей не были депортированы²⁵. Принудительное переселение российских немцев на Восток учитывалось в «Генеральном Плане Восток». Исчезнувшая первоначальная версия этого документа может быть, однако, частично

¹⁹ Ebenda, S. 41.

²⁰ Madajczyk, Czesław: Die Okkupationspolitik Nazideutschlands in Polen 1939–1945. Köln 1988, S. 447f.

²¹ Aly, «Endlösung», S. 75.

²² Madajczyk: Okkupationspolitik. – Ruchniewicz, Krzysztof u. Małgorzata: Polen. In: Lexikon der Vertreibungen, S. 505–512.

²³ Vom Generalplan Ost zum Generalsiedlungsplan. Hg. von Czesław Madajczyk. München 1994.

²⁴ Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину... С. 42.

²⁵ Brandes: Von den Verfolgungen, S. 208–213.

восстановлена на основании записки д-ра Эрхарда Ветцеля (Dr. Erhard Wetzel), сотрудника Восточного министерства, датированной апрелем 1942 г. В своих размышлениях Ветцель исходил из того, что около 100 тысяч многодетных семей российских немцев в составе не более 600 тысяч человек (преувеличенное число) могли быть использованы для «немедленного расселения». По поводу депортированных в Сибирь и в Среднюю Азию немцев, Витцель писал дальше: «Если выяснится, что в Советском Союзе удалось спасти еще большее количество фольксдойче, то это число [направленных к немедленному поселению] может быть еще увеличено, но при условии, что эти фольксдойче не предназначены для поселения в Днепровско-Таврическом районе или уже не живут там»²⁶. Постепенно планы изменялись в зависимости от положения на фронтах. В 1944 г. Гиммлер планировал часть «возвращенных» в Вартегау причерноморских немцев поселить в Силезии и восточных Судетах, а также около 42 тысяч из них в районе Житомира, то есть на Волыни. После того, как к Житомиру приблизилась линия фронта, те причерноморские немцы, которых планировалось поселить на Волыни, были также направлены в Вартегау. По данным Мадайчика, в общей сложности в Вартегау из оккупированных областей Советского Союза прибыло и было размещено в хозяйствах изгнанных поляков 220 тысяч немцев.²⁷

3. Прецедент международной политики

Возвращение в Германию «фольксдойче» как прецедент для союзников. «Возвращение на родину» немецких меньшинств с Востока было использовано чехословацкими и польскими политиками в эмиграции для оправдания их собственных планов по принудительному выселению немцев. Принятие Гитлером прибалтийских немцев должно было быть, по их мнению, доведено до логического конца, чтобы «ликвидировать германское колониальное господство на Балтийском море», – писал польский министр иностранных дел Эдвард Рачинский (Edward Raczynski) своему британскому коллеге. Ему же польский посол заявил, что немцы из Восточной Пруссии должны быть выселены в Германию. Ведь это Гитлер продемонстрировал на аннексированных западных польских территориях, как решаются такие проблемы²⁸. Немецкие меньшинства, превратившиеся во всех странах в ходе войны в пассивный или активный инструмент

²⁶ Dr. Wetzel: Stellungnahme und Gedanken zum Generalplan Ost des Reichsführers SS von 27.4.1942. Vom Generalsplan Ost zum Generalsiedlungsplan, Dokument 16.

²⁷ Madajczyk: Okkupationspolitik 445. – Brandes, Detlef: Deutsche aus der Ukraine: NS-Pläne und –Politik. In: Lexikon der Vertreibungen, S. 178–180, 418.

²⁸ Brandes, Detlef: Der Weg zur Vertreibung 1938–1945. Pläne und Entscheidungen zum «Transfer» der Deutschen aus der Tschechoslowakei und Polen. 2. Auflage. München 2005, S. 61f.

немецкого империализма, стали «международной угрозой», писал чехословацкий президент в эмиграции Эдвард Бенеш: «Никакое центральноевропейское государство не пожелает снова подвергнуть себя риску, которому в последние годы подверглись мы, Югославия, Румыния или Польша». Так как Гитлер сам переселил немецкие меньшинства из Прибалтики и Бессарабии, Германия априори не может рассматривать как несправедливость, если другие государства используют по отношению к немецким меньшинствам такие же методы²⁹. Самые важные подпольные чешские газеты «V boj» и «Český kurýr» использовали похожую аргументацию: «Если Гитлер сейчас показывает возможность того, что сотни тысяч немцев перегоняют как стадо из одного государства в другое, почему тогда все немецкие меньшинства из всех стран не могут быть переселены в Рейх?»³⁰ Брюс Локхарт (Bruce Lockhart), в то время представитель британского правительства при чехословацком правительстве в эмиграции, после одной беседы с Бенешем в октябре 1940 г. пришел к выводу, что последний «его личное решение проблемы» судетских немцев «позаимствовал у Гитлера»³¹. В одной из записок Бенеша, датированной февралем 1941 г., утверждалось, что после текущей войны большие группы населения должны быть перемещены так же, как это случилось после Первой мировой войны на Балканах и так же как Германия поступила с немецкими меньшинствами в Италии, СССР и в прибалтийских государствах³².

В меморандуме польского правительства в декабре 1942 говорилось, что переселение Гитлером немецких меньшинств «приводит к выводу о том, что трансфер населения был самой Германией уже санкционирован как применимый по отношению к немцам»³³. Лорд Мойн (Moynе), депутат парламента от юнионистской партии и известный публицист Вихэм Сид (Wickham Steed) также рассматривали политику Гитлера как «ценный прецедент»³⁴. Руководитель центрального департамента британского МИДа размышлял в феврале 1940 г. о необходимости возвращения всех выселенных с оккупированных польских территорий, а также – и прежде всего – всех поселенных там групп населения после освобождения от немецкой оккупации. В этом случае могли бы возникнуть аргументы в пользу «расширения этого процесса» – то есть выселения также и коренного немецкого населения из этих областей.³⁵ Германия «по-варварски» проводит принудительные

²⁹ Ebenda, S. 188.

³⁰ Brandes, Detlef: Die Tschechen unter deutschem Protektorat Bd. I. München 1969, S. 79.

³¹ Brandes: Der Weg zur Vertreibung, S. 88.

³² Ebenda, S. 112.

³³ Ebenda, S. 242.

³⁴ Ebenda, S. 67f.

³⁵ Ebenda, S. 60.

перемещения населения в Польше и Чехословакии, писал Бенеш в феврале 1941 г. Запланированные на послевоенное время трансферы, напротив, должны быть «по возможности гуманно организованы и проведены при международной финансовой помощи»³⁶. Американские аналитики, опираясь на трагический опыт жертв гитлеровских изгнаний (поляков и евреев) в аннексированных районах в Западной Польше, а также опыта поселения «фольксдойче» из Прибалтики, Волыни, Бессарабии и т.д., еще в октябре 1942 г. придерживались принципиальной позиции о необходимости по возможности ограничивать перемещения границ и населения. Исходя из предшествующих переселений, в т.ч. греко-турецкого обмена населением, они утверждали, что доля жертв может достичь 10 процентов. Постепенно, однако, мнение американских экспертов приближалось к британским и советским представлениям³⁷.

Уже в середине сентября 1941 г., то есть за два месяца до своей первой встречи со Сталиным, Иден считал, что «передача Восточной Пруссии Польше после эвакуации немецкого населения» была бы «лучшим путем обеспечения безопасности Польши и ее выхода к морю». В середине декабря 1941 г. Сталин говорил ему, что Польша в качестве компенсации за свое согласие с прохождением границы по «линии Керзона» должна получить южную часть Восточной Пруссии и «все территории вплоть до Одера», при этом их немецкие жители должны быть «эвакуированы»³⁸.

Советский посол объявил в начале июня 1942 г. Бенешу, что советское правительство выступает за восстановление Чехословакии в исторических границах, что было подчеркнуто министром Молотовым во время его пребывания в Лондоне в июне 1942 г. Бенеш заявил о желании избавиться от значительной части или от всех судетских немцев, скомпрометировавших себя сотрудничеством с нацистами. Молотов согласился, но при этом добавил, что это «внутренняя проблема» Чехословакии, в которую СССР не желает вмешиваться; «где будет необходима помощь, мы ее окажем». Уже 6 июля 1942 г. британский кабинет по инициативе Бенеша объявил Мюнхенский договор недействительным и тайно дал согласие на трансфер в Германию как «общий подход к проблеме немецких меньшинств в Центральной и Юго-Восточной Европе после войны в случае, где это покажется необходимым и желательным». В своем меморандуме Иден ссылался на проведенные Гитлером и советским руководством депортации, а также на обмен населением между Грецией и Турцией. В июне 1943 г. американское и советское правительства также дали свое согласие на трансфер немцев из Чехословакии³⁹.

³⁶ Ebenda, S. 140

³⁷ Ebenda, S. 222.

³⁸ Ebenda, S. 156–163.

³⁹ Ebenda, S. 167f.

С продвижением советских войск по территории Польши к Восточной Германии большая часть немецкого населения – около 6 млн. человек – были эвакуированы или обратились в бегство. Но для многих бегство оказалось невозможным. Оставшиеся были вынуждены пережить страшное время: в особенности, когда солдаты Красной Армии грабили, насиловали и убивали оставшихся немцев, нередко под действием алкоголя⁴⁰. С согласия советской стороны польское и чехословацкое правительства начали изгнание немцев, чтобы поставить запланированную конференцию союзников перед свершившимися фактами. Бернадетта Ничке пришла к выводу, что военные и гражданские власти Польши в июне–июле 1945 г., т.е. перед началом Потсдамской конференции, изгнали около 400 тысяч немцев⁴¹.

Уже в декрете от 19 мая 1945 г. президент Бенеша назвал немцев и венгров «политически неблагонадежными». На основании этого и последующих декретов были проведены массовые аресты и интернирования, немцы и венгры были привлечены к принудительным работам и изгнаны из страны. По последним данным, до конца сентября 1945 г. из Чехословакии были изгнаны от 700 до 850 тыс. человек, большинство из них еще до Потсдамской конференции. Конфискации, бесправное положение, голод подталкивали многих немцев к тому, чтобы как можно скорее покинуть территории, находившиеся под контролем Польши и Чехословакии⁴².

В заключительном протоколе от 2 августа 1945 г. участники Потсдамской конференции требовали «упорядоченное и гуманное» выселение немецкого населения из Чехословакии, Польши, а также Венгрии и рекомендовали приостановление дальнейших массовых акций по выселению, пока союзнический Контрольный совет не займется этим вопросом. Еще в тот же день все немцы и венгры, которые «согласно предписаниям оккупационных властей получили германское или венгерское гражданство», были лишены чехословацкого гражданства⁴³. 20 ноября 1945 г. Контрольный совет согласовал план распределения изгнанных из Чехословакии, Польши и Венгрии между оккупационными зонами Германии. Всего было эвакуировано, изгнано или бежало около 10 млн. немцев из старых и новых польских территорий и 3 млн. немцев из Чехословакии. Однако не только немцы, но и другие меньшинства, например, часть венгров в Словакии, вынуждены были обратиться в бегство

⁴⁰ *Nitschke, Bernadetta*: Wysiedlenie ludności niemieckiej z Polski w latach 1945–1949. Zielona Góra 1999, S. 48–51, 66.

⁴¹ Op. cit. S. 147.

⁴² *Staněk, Tomáš/Adrian von Arburg*: Organizované divoké odsuny? Úloha ústředních státních orgánů při provádění «evakuace» německého obyvatelstva (květen až září 1945). In: *Soudobé dějiny* 12 (2005), S. 465–533, 13 (2006), S. 13–49 und 322–376. – *Nitschke*: Wysiedlenie, S. 94–100.

⁴³ Verfassungsdekret des Präsidenten der Republik v. 2.8.1945. In: *Dokumentation der Vertreibung der Deutschen aus Ost-Mitteleuropa*. München 1984. Bd. IV, 1, Anlage 8.

и стали жертвами изгнаний⁴⁴. Итальянцы Далматии, Истрии и Фиуме (Риеки) переселялись в Италию, чтобы избежать произвола партизан и коммунистического режима⁴⁵. Правительства Польши и Советского Союза договорились об обмене поляков и евреев, живших к востоку от границы, на украинцев и белорусов, находившихся в Польше. Те украинцы Польши, которые уклонились от переселения в Советский Союз, были в 1947 г. принудительно переселены на «вновь возвращенные» польские территории на западе страны⁴⁶.

Ссылки на другие прецеденты. На обмен населением между Грецией и Турцией и на параллельный обмен населением между Болгарией и Грецией ссылался один из членов чехословацкого движения сопротивления в одном из своих отзывов в августе 1939 г. по поводу возможного выселения судетских немцев. Он подчеркивал вывод греческого автора Ладаса⁴⁷, который утверждал, что поселение греков из Малой Азии имело позитивные последствия для культуры и экономики Греции. Николас Политис (Nikolas Politis), представлявший Грецию на Лозаннской конференции, в марте 1940 г. положительно отзывался о результатах обмена населением и выступал в пользу этого метода для решения проблем меньшинств в послевоенной Европе⁴⁸. Руководитель аналитического отдела чехословацкого министерства иностранных дел после сравнительного изучения выселения греков из Малой Азии пришел к выводу, что Германия без проблем смогла бы принять 3 млн. немцев из Чехословакии и 5 млн. из будущей Польши⁴⁹. К такому же выводу пришла исследовательская служба британского МИДа в своем докладе в феврале 1942 г.⁵⁰ и Иден в Меморандуме от 2 июля 1942 г., который послужил основой для упомянутого выше решения правительства⁵¹. Проведение обмена населением «в прошлом между Грецией и Турцией оправдало себя и будет оправданным в наше время», – заверил У. Черчилль в беседе с президентом Бенешем⁵². Как подчеркивал сотрудник исследовательской службы британского МИДа, занимавшийся вопросами трансферов населения, проф. Дж. Д. Мэбботт (J.D. Mabbott), большинство греков бежало из Малой Азии еще до того, как были достигнуты договоренности о переселении. Из около 500 тысяч, которые по разным оценкам находились

⁴⁴ *Vadkerty, Natalin*: *Maďarská otázka v Československu 1945–1948. Trilógia o dejinách maďarskej menšiny*. Bratislava 2002.

⁴⁵ *Cattaruzza, Marina*: *Der «Istrische Exodus»: Fragen der Interpretation*. In: *Erzwungene Trennung. Vertreibungen und Aussiedlungen in und aus der Tschechoslowakei 1938–1947 im Vergleich mit Polen, Ungarn und Jugoslawien*. Hg. v. Detlef Brandes, Edita Ivaničková u. Jiří Pešek. Essen 1999, S. 295–322.

⁴⁶ *Esch, Michael G.*: «Gesunde Verhältnisse». Deutsche und polnische Bevölkerungspolitik in Ostmitteleuropa 1939–1950. Marburg 1998, S. 265–323.

⁴⁷ Ladas: *The exchange*.

⁴⁸ Brandes: *Der Weg zur Vertreibung*, S. 68.

⁴⁹ Ebenda, S. 142f.

⁵⁰ Ebenda, S. 156.

⁵¹ Ebenda, S. 167–169.

⁵² Ebenda, S. 216.

в Анатолии, лишь уцелевшая треть греков смогла воспользоваться преимуществами упорядоченного переселения. Из этого Мэбботт делал вывод, что в условиях, когда отношения между большинством и меньшинством становятся враждебными, для представителей меньшинства важнее возможно более быстрое, чем основательно подготовленное переселение⁵³.

Сибирь как цель выселения? О депортации судетских немцев в Сибирь – очевидно, по образцу советских немцев – Бенеш «пошутил» в разговоре с советским послом в июне 1942 г.⁵⁴ Напротив, свидетельства об этнических депортациях внутри СССР и из восточных районов Польши давали основания Идену и сотрудникам британского МИДа говорить о том, что советское руководство «не принимало во внимание гуманистические соображения»⁵⁵. Уже в Меморандуме от 19 октября 1943 г., ставшем основой для образования специального комитета, призванного изучать проблемы, связанные с трансфером немецкого населения из Восточной Германии, Чехословакии и Польши, один из высокопоставленных чиновников МИДа поставил вопрос о возможности поселения немецких изгнанников «на территориях за пределами Германии, например, в Сибири». Младший госсекретарь МИДа О. Сарджент (Orme Sargent), задавался вопросом, не должна ли Великобритания поддержать идею вывоза немцев из Восточной Пруссии и Верхней Силезии в Сибирь, тем более, что «будущее этих людей будет привлекать к себе меньше внимания и даст меньше поводов для политической агитации, если они исчезнут в Сибири, чем если бы они сформировали компактную и труднопереваримую массу в Германии». Мидовский отдел по СССР, однако, обратил внимание на большой страх русских перед троянским конем, заставивший их выселить всех поволжских немцев в Сибирь. В разговоре с эмигрировавшим польским профессором О. Ланге (Oskar Lange) в мае 1944 г. Сталин лично говорил о том, что около 3 млн. восточных немцев могли бы быть размещены в Сибири⁵⁶. В самом деле, НКВД отправило из бывших немецких восточных областей, а также из Румынии, Венгрии и Югославии еще до окончания войны около 450 тыс. гражданских лиц немецкой национальности, которые также как военнопленные были размещены в лагерях и использовались на тяжелых работах⁵⁷. Кроме того более 70 тысяч румынских немцев на протяжении до 5 лет находились на принудительных работах в тяжелой и горной промышленности Украины⁵⁸.

⁵³ Ebenda, S. 280.

⁵⁴ Ebd., S. 160f.

⁵⁵ Ebenda, S. 217.

⁵⁶ Ebenda, S. 386.

⁵⁷ Poljan, Pavel: Internierung und Deportierung deutscher Zivilisten aus den besetzten deutschen Gebieten in die Sowjetunion. In: Diktaturdurchsetzung. Instrumente und Methoden der kommunistischen Machtsicherung in der SBZ/DDR 1945–1950. Hg. v. Andreas Hilger, Mike Schmeitzner und Ute Schmidt. Dresden 2001, S. 39–53, hier, S. 51.

⁵⁸ Weber, Georg, Renate Weber-Schlenther, Armin Nassehi: Die Deportation Siebenbürger Sachsen in die Sowjetunion 1945–1949. Köln–Weimar 1996.

После того, как 1 августа 1945 г. в предместье города Ауссиг (Усти над Лабем) жертвами взрыва на складе боеприпасов стали много людей, тогдашний министр обороны Чехословакии Людвик Свобода в очередной раз попытался связать депортации поволжских и судетских немцев. Свобода возглавлял с начала 1942 г. организацию Чехословацкой восточной армии в Бузулуке, восточнее бывшей Республики немцев Поволжья. Уже в день взрыва он утверждал, не приводя никаких доказательств, что за организацию взрыва несут ответственность «немецкие оборотни» и продолжал: «Необходимо раз и навсегда разгромить «пятую колонну», и при этом мы должны брать пример с Советского Союза... Как пример приведу Республику Немцев Поволжья, куда однажды ночью высадилось несколько дюжин немецких парашютистов. После того, как все они были спрятаны немцами и не выданы по требованию Красной Армии, в течение 48 часов эта Республика Немцев Поволжья прекратила существование и никогда не будет больше восстановлена»⁵⁹.

Все сказанное позволяет сделать следующий вывод: ссылки на прецеденты не означают, что без договоренности в Лозанне об обмене населением, без «возвращения» этнических немцев на территорию, оккупированную Третьим Рейхом, или без депортации поволжских немцев не случились бы никакие новые депортации и изгнания. Эти ссылки показывают, однако, что «этнические чистки» до первых послевоенных лет включительно рассматривались в Европе как крайнее средство разрешения национальных конфликтов или наказания этнических групп за их фактическую или предполагаемую неблагонадежность. По крайней мере в Европе отношение к этому явлению изменилось, что показывает пример изгнаний в Югославии и в странах, возникших после ее распада. Там под давлением НАТО и ЕС часть изгнанных групп населения была возвращена на места их прежнего жительства.

⁵⁹ Pustejovsky, *Otfried*: Die Konferenz von Potsdam und das Massaker von Aussig am 31. Juli 1945. München 2001, S. 91.

Некоторые аспекты внутренних этнических депортаций на примере немецкого и корейского населения СССР

Этнические депортации, как известно, начались еще в глубокой древности и осуществлялись в различных масштабах, в разных странах и на разных континентах. В СССР они коснулись целого ряда народов, среди которых были и российские немцы, и российские корейцы¹, подвергнутые тотальной этнической депортации.

Появление представителей немецкого и корейского народов на территории Российского государства фиксируется уже издревле.

Первое упоминание о немцах на Руси относится к IX веку н.э., но существенный их приток в страну наблюдался с XV века. Петровские реформы усилили приезд немцев в Россию. Основная же масса немцев переселилась в Российскую империю во времена Екатерины II. Всего за 6 лет (1764–1770 гг.) создается более 100 немецких колоний, а через 100 лет после обнародования манифеста Екатерины (от 22 июля 1763 г.) в России насчитывалось уже 505 иностранных колоний, в подавляющем большинстве населенных немцами; к 1908 г. насчитывалось более 2 млн. граждан немецкой национальности².

Освоение корейцами территории, относящейся к современному российскому Дальнему Востоку, также имеет древнюю историю. Их массовое переселение в Россию началось со второй половины XIX в., когда после подписания, в 1860 г. «Пекинского трактата», к России перешли земли на правом берегу Амура, и образовалась короткая граница с Кореей, находившейся в то время в вассальной зависимости от Китая.

Усилилась корейская иммиграция после русско-японской войны 1904–1905 гг. и установления японского протектората над Кореей, а особенно после аннексии Кореи Японией в 1910 г. Первая мировая война также стимулировала этот процесс. В 1917 г. в России насчитывалось 100 тысяч корейцев. Только в Приморской области проживали 81 825 корейца, составлявшие 30% населения всего Приморья. Из них подданными России было 32 841 человек³.

В Российской империи преследования по этническому признаку не являлись чем-то необычным и касались различных народов. Одним из проявлений этого были насильственные переселения. Так в период Первой мировой

¹ В сообщении не рассматривается вопрос о сахалинских корейцах, история которых значительно отличается от судьбы остальных корейцев России.

² Немцы в России: историко-документальное издание. СПб., 2004. С.6; История российских немцев в документах (1763–1992 гг.) / состав. В.А. Ауман, В.Г. Чеботарева. М., 1993. С. 7.

³ Пак Б.Д., Бугай Н.Ф. 140 лет в России. Очерк истории российских корейцев. М., 2004. С. 130.

войны осуществлялись депортации немцев, в ряде случаев называвшиеся эвакуацией. И хотя идея о депортации всех немцев из европейской части Российской империи за Урал, выдвигавшаяся с 1915 года, в конечном счете, не была реализована, но в целом в 1914–1916 гг. из западных районов было депортировано в Поволжье, Центральную Россию, Приуралье, на Кавказ, в Сибирь, Среднюю Азию и другие восточные районы около 200 тыс. немцев (в т.ч. 150 тысяч составляли немцы Волыни). Множество немецких колоний прекратили свое существование, десятки тысяч погибли в результате насильственного переселения⁴.

События 1917 года вызвали кардинальные изменения в жизни страны, в жизни каждого из населявших ее народов. В рамках национальной политики, осуществляемой советской властью создавались национально-территориальные автономии российских народов. Вслед за крупными административными единицами для национальностей в 1920-х гг. создавались и мелкие – районные, сельские.

Автономная Область немцев Поволжья специальным декретом была провозглашена в 1918 г., а в 1924 г. она была преобразована в АССР немцев Поволжья, просуществовавшую до лета 1941 г. Нельзя не напомнить, что республика достигла значительных успехов в развитии экономики и культуры.

Что касается создания подобных образований корейского населения, то вопрос до сегодняшнего дня остается спорным. П. Полян пишет, что в Приморье был создан Посыетский национальный корейский район, один из 15 национальных районов Дальнего Востока, с его 55 корейскими сельсоветами. Также считает и С.Г. Нам. А вот известный исследователь истории российских корейцев Г. Ким сомневается в этом. Он задает вопрос, а существовал ли официально Посыетский корейский национальный район? Бесспорно, что район по национальному составу населения был де-факто корейским (90%), однако являлся ли он таковым де-юре?⁵

Период 1920–1930-х гг. в основном характеризовался классовыми депортациями, объяснявшимися различными государственными причинами, но постепенно приобретающими этнический характер, что противоречило курсу, заявляемому руководством страны.

В 1926 г. в ДВК насчитывалось уже 170 тыс. корейцев⁶ (диаспора перестала пополняться извне лишь в начале 1930-х гг., когда граница с Кореей и Китаем была полностью закрыта), причем процесс предоставления корейским

⁴ Айсфельд А., Бруль В. Депортация // Немцы России: Энциклопедия. Т.1. М., 1999. С. 696–697.

⁵ Полян П. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001; Нам С.Г. Корейский национальный район. М., 1991; Ким Г.Н. История иммиграции корейцев. Книга первая. Вторая половина XIX в. – 1945. Алматы, 1999.

⁶ Пак Б.Д., Бугай Н.Ф. 140 лет в России. Очерк истории российских корейцев. М., 2004. С. 130, 185

иммигрантам гражданства затягивался. Продолжающееся переселение корейцев в СССР, а также не полная обеспеченность корейских крестьян землей поставили вопрос о расселении корейского населения.

В 1920-е гг. появились, тогда не осуществившиеся, планы по переселению корейцев с юга Дальнего Востока на его север, в районы, расположенные за Хабаровском, к северу от 48,5 широты. Практически те же планы были вновь озвучены весной 1928 года, только на этот раз к переселению (намеченному на 1930 г.) предназначались не все, а только нелояльные корейцы. Фактически же в 1930 году было переселено 1342 корейца, из них 431 чел. – насильственно (в 1931 году, когда число переселенных корейцев достигло около 2,5 тыс. чел., от этой идеи отказались)⁷.

Немецкое население в этот период также депортировалось в ходе различных политических кампаний. Причем количество переселенных немцев постоянно росло. Один пример, по данным НКВД в ходе выселения кулачества и антисоветских элементов, только в феврале–апреле 1935 г. в спецпоселки Белбалткомбината были направлены 615 немецких семей из УССР, 72 семьи из ЗСФСР, а в спецпоселок Вахшстроля (Таджикистан) из УзССР (поселок Ак-Мечеть) вся колония немцев меннонитов (78 семей)⁸.

Поводом к усилению этнических депортаций стали и т.н. «зачистки границ». В процессе зачистки западных границ в 1935–1936 гг., наряду с представителями других народов, была проведена депортация и немцев из Киевской и Винницкой обл. УССР (погранзона) в восточные районы УССР, в Карагандинскую и другие области КазССР⁹.

Однако основным фронтом этих операций в 1937 году стала дальневосточная граница, а их главной жертвой – корейцы, первыми из народов СССР, подвергшиеся тотальной этнической депортации.

21 августа 1937 года в Постановлении СНК СССР и ЦК ВКП (б) предлагалось выселить корейцев из пограничных районов Дальневосточного края «в целях пресечения проникновения японского шпионажа». Их предполагалось расселить в Южно-Казахстанской области, в районах Аральского моря, Балхаша, в Узбекской ССР. Ацию требовалось начать немедленно и завершить к 1 января 1938 года. Ее осуществление возлагалось на НКВД¹⁰.

В течение 4 месяцев было вывезено большинство жителей корейцев Пошкетского, Молотовского, Гродековского, Ханкайского, Суйфунского и других приграничных районов Дальневосточного края. Переселяемые были

⁷ Полян П. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001. С. 55

⁸ Сталинские депортации 1928–1953: Сб. докум. / Составители Н.Л. Поболь, П.М. Полян. М., 2005. С. 50–51.

⁹ Сталинские депортации 1928–1953. С. 790.

¹⁰ Белая книга. О депортации корейского населения России в 30–40-х годах. М., 1992. С. 64–65.

вынуждены оставлять свое ранее нажитое имущество. Им обещали, что там, куда их перевозят, будут предоставлены жилье, продукты питания, работа. Но реальность оказалась иной. Вагоны, в которых их перевозили, были не приспособлены для этих целей. Многие корейцы просто не перенесли дороги. Эшелоны разгружали в местах, плохо приспособленных для жизни людей. Зачастую корейцам приходилось самим рыть для жилья землянки. Члены ряда семей были разлучены. Депортация также сопровождалась арестами.

Компенсация, выходное пособие и суточные, предусмотренные постановлением СНК СССР от 8 сентября 1937 года, выплачивались не всем и не полностью, и долгие годы длилась тяжба между ведомствами республик по этому вопросу¹¹.

Всего в Казахстан было ввезено более 95 тыс. корейцев, в Узбекистан – 74,5 тыс. корейцев. Ряд хозяйств уже в пути перенаправлялись по новым адресам. Так, 500 семейств рыбаков были отправлены в район Астрахани.

Превалирующая часть депортированных корейцев расселялась в сельской местности. Им в структуре народного хозяйства отводилась роль одного из основных производителей риса. Корейцы также занимались рыболовством, овощеводством. Местное население встретило их достаточно доброжелательно и даже поддерживало по мере возможности.

Отметим, что часть корейцев, расселенных в Казахстане, в период до начала войны мигрировала как на юг республики, так и в Узбекистан. Причинами этого были природные условия, воссоединение семей¹². Способствовало миграции и то, что депортированные далеко не всегда были хорошо хозяйственно обустроены и включены в производство.

Положение корейцев было несколько легче, чем у других депортированных народов, в частности у немцев. Они не должны были еженедельно являться лично в спецкомендатуры для регистрации, могли передвигаться по территории Средней Азии, а по получении специального разрешения и за ее пределами¹³.

В годы войны корейцев из числа депортированных в армию не призывали. Но на тех, немногочисленных корейцев, кто в 1937 г. проживал за пределами Дальнего Востока, и избежал депортации, запрет на службу в армии не распространялся. Многие из них воевали, достойно проявив себя. Мужчин корейцев, из депортированных, в возрасте от 19 до 50 лет отправляли на трудовой фронт (массовая трудмобилизация прошла в 1942 г.). Их принудительно использовали как внутри региона, так и за его пределами. Работавшие на трудовом фронте, как и трудмобилизованные немцы, содержались как заключен-

¹¹ Реабилитация народов России: Сб. докум. М., 2000. С. 438.

¹² *Oka Natsuko*. Deportation of Koreans from the Russian Far East to Central Asia // Migration in Central Asia. Its History and Current Problems. Osaka, 2000. P.143.

¹³ Ланьков А.Н. Корейцы СНГ: страницы истории // Энциклопедия корейцы в России. М., 2003. С. 126.

ные, без права передвижения, общения с родными. Оставшиеся, не только трудились на колхозных полях, но и участвовали в сборе пожертвований в фонд обороны¹⁴.

Долгое время выяснялось, как рассматривать контингент переселенных корейцев: как административно-высланных или как спецпереселенцев. И только после долгой переписки ведомств республик стали рассматривать их как спецпереселенцев. Приказом Наркома внутренних дел СССР от 2 июля 1945 года корейцы были взяты на учет, как спецпоселенцы. Режим проживания для них практически являлся таким же, как и предусмотренный для спецпереселенцев. Правда, Спецотдел МВД СССР констатировал, что на учете они не состояли, лишь в паспорта им вносились ограничения на 5 лет о проживании их только по месту выселения.

Насильственное переселение «наказанных народов» стало первым звеном в трагической цепи событий. Проблемы, с которыми они столкнулись на новых местах жительства, были не только серьезными, но и подчас просто трагическими.

К резкому ухудшению качества жизни корейцев и к прямому вымиранию части переселенных привела смена природно-климатических условий, трудности хозяйственного обустройства, новая национально-этническая, языковая среда, лишение ряда гражданских прав, невозможность воссоединения разобренных семей. Депортация, как отмечают многие исследователи, не только разрушила компактность расселения корейцев в стране, став ударом по общности, но и привела к изменениям в формировании у них этнических черт¹⁵.

Накануне Великой Отечественной войны, а особенно в ходе ее нарастает эскалация этнических депортационных процессов, расширяются их масштабы. Тотальные этнические депортации выдвигаются на первый план и становятся ужасающе обычными.

Уже в июле 1941 г. высылке подверглись немцы из Белоруссии (4 деревни ныне Наровлянского района Гомельской области)¹⁶. Одними из первых превентивной депортации в 1941 г. подверглись немцы из Крымской АССР, вывезенные в Орджоникидзевский край и Ростовскую область. Далее насильственному переселению подверглись немцы, проживавшие в РНП, Саратовской и

¹⁴ Ким Л. Корейцы республики Узбекистан: История и современность. Ташкент, 1993. С. 69.

¹⁵ Обращаясь к современности, отметим, что корейцами были утрачены в значительной степени свои национальные традиции, обычаи и даже язык (по данным переписи населения 1989 года более 97% корейцев Средней Азии и Казахстана не умело читать и писать на корейском языке). Шла адаптация, а в ряде случаев и аккультурация корейского населения региона. Причем, как считают исследователи из среды корейцев, эти процессы были более сильны в Казахстане, что объяснялось различиями в условиях жизни Казахстана и Узбекистана.

¹⁶ Малиновский Л.В. История немцев в России. Изд. второе. Барнаул., 2008. С. 125.

Сталинградской областей, Ленинградской области, Москвы, Московской и Ростовской области и т.д.

Подготовка к тотальной депортации началась на основе закрытого постановления Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 26 августа 1941 г. 28 августа 1941 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья», выдвинувший обвинения против немцев в массовом шпионаже и диверсионной деятельности и признающий необходимость переселить все немецкое население. Указ, как подчеркивают исследователи, не только резко изменил официальную политику в отношении немцев, но и стал глубоким разломом в отношениях между немцами и другими национальностями.

С 3 по 20 сентября из Поволжья в Сибирь и Казахстан было вывезено 438,7 тыс. человек, в т.ч. из РНП – 365,7 тысяч. Эта операция была одной из самых крупных операций по депортации в период войны. Республика немцев Поволжья была ликвидирована, а ее территория разделена между Саратовской и Сталинградской областями¹⁷.

Проходило переселение в ужасных условиях, приведших к инфекционным заболеваниям и высокой смертности уже в пути. Большая часть депортированных расселялась в сельской местности. Места расселения к приёму переселенцев были плохо подготовлены. Продуктов питания не хватало. Высланные немцы, оказавшиеся в труднейших условиях в местах вселения, по сути дела находились на грани жизни и смерти. Но это было еще только началом.

После осуществления массовой депортации немецкого населения из районов европейской части СССР (к концу 1941 г. в Сибирь и Казахстан было переселено около 800 тыс. советских немцев), с января 1942 г. последовал ряд акций по перераспределению этих «трудовых ресурсов» внутри областей и краев вселения. Так, по постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) №19 от 6 января 1942 г. на НКВД было возложено переселение 50 тыс. немцев для работы по лову рыбы и на предприятия рыбообрабатывающей промышленности. Из этого количества 15 тыс. человек переселялись из центральных районов Новосибирской области на север – в Нарымский округ. Остальные направлялись в Омский, Якутский, Красноярский госрыбтресты¹⁸.

Трагическим шагом стала мобилизация значительного числа немцев в армию, продолжавшаяся всю войну. Ни одна другая национальная группа в СССР не была подвергнута эксплуатации в таких масштабах: из 1,1 миллиона российских немцев, которые во время войны находились на территории контролируемой советской властью, около 350.000 пребывало на принудительных работах.

¹⁷ См.: Герман А., Герман Е. Республика немцев Поволжья // Немцы России. Энциклопедия. Т. 3. М., 2006. С. 292.

¹⁸ Герман А.А., Илларионова Т.С., Плева И.Р. История немцев России: Учебное пособие. М., 2007. С. 439–440.

Депортация и меры, предпринятые после нее, были, как отмечают исследователи, направлены, прежде всего, на устранение политического, общественного и культурного влияния немецкого населения в Советском Союзе. Они выразились в разрушении культуры, переименовании немецких поселений, изъятии, как личного имущества граждан, так и значительной части кооперативной собственности на территории Республики немцев Поволжья, в ограничении на долгие годы гражданских прав, германофобии, поразившей все общество, дискредитации и устранении интеллектуальной и партийно-государственной элиты из числа немцев и т.д.¹⁹

Нельзя также не напомнить, что помимо личных потерь немцев, их депортация принесла немалые потери и государству, особенно ощутимые в условиях войны.

Практически каждая немецкая семья, независимо от места их проживания, оказалась втянутой в водоворот депортаций. Так, члены моей семьи, проживавшие на момент депортации в Москве и Ташкенте, были выселены и долго не знали, где кто из них находится и что с ними происходит. Моя прабабушка Жозефина Густавовна и ее младший сын Шура, проживавшие в Москве, старший ее сын Пауль к этому моменту был уже репрессирован и расстрелян, были высланы в Казахстан, где и погибли.

Средний ее сын, мой дед Владимир Оскарович, вместе с бабушкой, русской по национальности, был выслан из Ташкента, в Самаркандскую область, где влачил жалкое существование, т.к. будучи инвалидом, был непригоден к тяжелой физической работе. Мой отец Лев Владимирович, добровольно подавший заявление в военкомат, скрыв свою непригодность к службе по болезни, пройдя обучение в училище, должен был отправиться на фронт, под Москву. За три дня до отправки его вызвали в штаб бригады, и после выяснения немецкого происхождения фамилии откомандировали в штаб военного округа. Он вынужден был возвратиться в Ташкент. От полного увольнения из армии спасло лишь то обстоятельство, что в свое время при получении паспорта, отец был записан русским по матери. Его направили в распоряжение Семипалатинского областного военкомата, формировавшего новые войсковые части. В результате отец был понижен в должности и зачислен в строительный батальон политруком роты. Батальон был направлен в Новосибирск на строительство комбината боеприпасов. Вскоре его рота была направлена на лесоразработки (поселок Мереть). В июне 1942 г. батальон расформировали. Вновь встал вопрос о том, что делать дальше. Нависла угроза отправки в трудовой лагерь для немцев. Выручил начальник мехлесопункта Петров, предложивший мобилизовать отца через местный райвоенкомат на работу в Меретский мехлесопункт. Ходатайство было удовлетворено, и отец остался там

¹⁹ См.: Кригер В. Российские немцы вчера и сегодня. Народ в пути. / Пер. с нем. И. Черемушкинского. М., 2010. С. 58–63.

работать заведующим производством. Высылке подлежала и жена, и дети отца как члены семьи немца. Но она не получив разрешение отправиться к отцу в Мереть взяла двух маленьких детей и без документов отправилась к нему. С огромным трудом, но ей удалось доехать и тем самым спасти жизнь детей.

Младшего брата отца Романа, записанного немцем, и которому было 18 лет, выслали в трудовлагерь. Почти четыре года он провел за колючей проволокой на тяжелых земляных работах Челябинского металлургстроя. Скудное питание составляла баланда, да сырой липкий хлеб. Уже через год молодой неокрепший организм надломился, и он тяжело заболел. Когда он возвратился домой, то двадцатидвухлетний мужчина выглядел на вид сорокалетним. Лагерь оставил на нем, как впрочем, и на всех других, прошедших через него, глубокий след. Его нервная система была до предела истощена. Он стал болезненно реагировать на все, связанное с несправедливым отношением к человеку²⁰.

Окончание войны среди депортированных народов породило надежду, которой не суждено было сбыться, на скорую реабилитацию. Но под реабилитацию в 1945 году попадали только лазы, признанные как выселенные ошибочно.

Реабилитация 40-х годов частично коснулась и корейцев. Директивой МВД СССР от 2 августа 1946 года всем административно высланным, имевшим пятилетний срок ограничений, в том числе и корейцам, выселенным из Дальневосточного края, разрешалось выдать новые паспорта без ограничения проживания их по месту жительства на общих основаниях. Однако уже 3 марта 1947 г. новая директива поясняла, как применять эту директиву при выдаче им новых паспортов. Корейцам предоставлялось право получать паспорт только для проживания в республиках Средней Азии, исключая приграничные районы. Эти ограничения существовали официально до 1954 года²¹. Таким образом, меры по реабилитации были весьма ограниченными (корейцы лишь на 7 месяцев получили право переселения в другие районы СССР).

Остальных народов реабилитация в той или иной мере затронула только в 1950-е гг.

Что же касается советских немцев, то 8 января 1945 г. Постановление Совнаркома СССР закрепляет за ними статус спецпереселенцев с соответствующим ограничением прав – прежде всего, в выборе места жительства. С целью обеспечения улучшения учета и контроля создаются в местах их проживания комендатуры. Все немцы были там зарегистрированы их обязывали в течении трех дней информировать о всех изменениях состава семьи. Без разрешения комендатуры они не имели права выехать за пределы места жительства. О возвращении же в те районы, где они проживали до 1941 г. не могло быть и

²⁰ Воспоминания Л.В. Гентшке. Домашний архив семьи Гентшке. Копия воспоминаний находится в личном фонде Л.В. Гентшке в ЦГА РУз (Ташкент).

²¹ См. Реабилитация народов России: Сб. докум. М., 2000. С. 26–27, 438–439.

речи. После войны (декабрь 1945 – январь 1946), прошла ликвидация рабочих колонн и лагерной системы (зон) проживания мобилизованных немцев. Подневольных рабочих перевели в кадровый состав промышленных и строительных организаций, но им не предоставили прав обычных советских людей. Они были закреплены за предприятиями. Им разрешили проживать в общежитиях и предоставили право перевода своих семей к месту работы. Условия жизни еще более ужесточились после Указа Президиума Верховного Совета СССР (26 ноября 1948) «Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы советского Союза в период Отечественной войны». В нем говорилось, что немцы, как и другие депортированные народы, определены в места спецпоселения «навечно без права возврата их к прежним местам жительства». За самовольный выезд (побег) из мест обязательного поселения «виновные» приговариваются к 20 годам каторжных работ.

13 декабря 1955 Президиум Верховного Совета СССР издает указ «О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении». В нем отмечается, что «снятие с немцев ограничения по спецпоселению не влечет за собой возвращения имущества, конфискованного при выселении, и что они не имеют права возвращаться в места, откуда они были выселены». И лишь 29 августа 1964 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР «О внесении изменений в Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 августа 1941 года «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» с немцев Поволжья снимаются «огульные обвинения» в пособничестве агрессору, однако их возвращение на Волгу и восстановление автономии так и не предусматривается²². Как мы знаем, вопрос о реабилитации народов подвергшихся этническим депортациям до конца не решен и сегодня.

Депортации, принеся огромные беды «наказанным народам», отразились и на всем советском обществе. Негативными их последствиями стало изменение ареала расселения российских немцев и российских корейцев, шаги к уничтожению национальных диаспор, к разрушению их культур. Кроме того, замалчивание существующих проблем порождало двойную мораль, ухудшало социальный климат в обществе.

Таким образом, судьбы этих двух народов, представителей Востока и Запада, оказавшихся на территории единой многонациональной страны, при всем своем различии, во многом схожи.

²² См.: Герман А.А. История Республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. 2-е изд. М., 2000. С.144; Кригер В. Российские немцы вчера и сегодня. Народ в пути / Пер. с нем. И. Черемушкинского. М., 2010. С. 67–69.

Депортации немцев и корейцев: сравнительный анализ

На первый взгляд совместное рассмотрение депортаций двух народов, не имеющих между собой каких либо этнических, или географических сходств, неправомерно. Но это только на первый взгляд. На самом деле эти народы объединяет одно, но очень важное в условиях социалистической России качество – это наиболее успешные и продуктивные этносы страны.

Что касается немцев – это широко известно, действительно, ни один народ России не был поставлен в столь привилегированное положение – во времена Екатерины II – наделение 65 десятин земли на хозяйство, отмена воинской повинности на 25 лет и ряда налогов, все это создавало условия для развития высокопродуктивного сельского хозяйства, во всяком случае по сравнению с окрестным местным населением. В отличие от немцев, корейцы никогда в пределы Российского, в последствие, Советского государства не приглашались, тем не менее, считается, что ежегодный приток в 1920-е годы прошлого века достигал 11 тысяч нелегальных эмигрантов в год и число корейцев в СССР на 1928 год, согласно Малой советской энциклопедии (МСЭ) 1930 года составляло 130 тыс. человек, а по МСЭ 1936 года – уже 180 тысяч.

Но не это волновало Советскую власть. На первом Всероссийском совещании работников по переселенческому делу в марте 1927 года говорилось что только во Владивосточном округе из 249 тысяч десятин сельскохозяйственных угодий, корейцы, обрабатывая 48 тысяч десятин, т.е. менее 20% земли, по совокупной стоимости производили не менее половины сельскохозяйственной продукции в регионе. Такого же рода «претензии» были вменены и к немецкому населению. В ноябре 1922 года секретарь немецкой секции при ЦК Вегнер в докладной записке в Оргбюро ЦК ВКП(б) просил усилить идеологическую работу в регионах массового проживания немецкого населения юга России вследствие именно возрастания экономической активности этого населения. При этом он приводил такие цифры: Симферополь – 40 000 человек, Харьков – 600 000, Ростов – 100 000, Екатеринослав – 150 000, Одесса – 200 000 человек немецкого населения¹.

Что касается корейцев, то еще в 1923 году Дальневосточное бюро ЦК постановило выселить корейцев из Приморья². Это постановление тогда было отменено центральной властью, но уже в 1930 году началось внутрикраевое переселение корейцев из приграничных районов а по постановлению СНК и ЦК ВКП(б) № 1428-326 сс «О выселении корейского населения пограничных

¹ РГАСПИ. Ф 17. Оп. 112. Д. 415.

² Там же. Оп. 167. Д. 7.

районов Дальневосточного края» от 21 августа 1937 года «корейский вопрос» был решен радикально. Уже к 25 октября 1937 года 171 781 человек 124 эшелонами были вывезены в Узбекскую и Казахскую ССР. Кстати, тогда же было выселено из Приморья и несколько сот немцев.

Стоит сказать, что эта первая тотальная этническая депортация в СССР формально была и самая «гуманная». Но это сугубо формально. По положению, сданный при выселении скот должен был быть компенсирован на месте нового проживания, а за сданную сельскохозяйственную продукцию выплачены деньги, но в реальности ничего этого не было – большинство документов, как выяснилось, были неправильно оформлены, – и, виноваты, конечно, корейцы, а не власти: лишнего скота в Средней Азии не было, тем более свиней. Безрезультатная переписка по этим вопросам продолжалась до начала войны. Обещанного жилья тоже не было, а главное, не было работы, так как бывшие рыболовы и рисоводы были переселены практически в пустыню. Особенно тяжело пришлось городским жителям, у которых, в отличие от сельских, никаких запасов не было. Прошло немало времени, прежде хоть какой-то быт был налажен. Еще одно отличие от последующих депортаций – формально корейцы не были «спецпоселенцами», т.е. не должны были отмечаться в комендатуре, и, хотя при выселении у всех корейцев были изъяты паспорта, на местах нового проживания они были им выданы вновь, но не всем и не сразу. В паспортах, выданных по новому месту, были записи об ограничении в передвижениях на 5-летний срок. При этом они не являлись и административно-высланными, поскольку мотивом их высылки была все же не репрессия, а своего рода превентивная акция «по очистке границы» с Японией, оккупировавшей Корею и Манчжурию.

Если корейцы были выселены одновременно и по одному Постановлению СНК и Политбюро, то по выселению немцев было выпущено более 10 Постановлений и Распоряжений СНК и ГОКО и, даже при выселении немецкого населения из пригородных районов Ленинграда, Постановление Военного совета Ленинградского фронта, поэтому условия выселения заметно различались по регионам. Если вес вывозимого корейцами имущества не оговаривался, при этом разрешалось брать с собою инвентарь и живность, то при выселении немцев из республики Немцев Поволжья, предельный вес имущества составлял одну тонну на семью, независимо от количества человек в семье, а для выселяемых из Ленинградской области – уже не более 600 кг., из Армянской ССР – 500 кг. на семью. Выселяемым из Московской, Ростовской областей и из Северного Кавказа разрешалось брать с собой не более 200 кг на человека, причем топоры, лопаты, вилы, мотыги, косы, грабли, молотки и т.п. предусмотрительно должны были перевозиться в специально выделенных вагонах для багажа, а не в теплушках с людьми. Ужесточилась и норма загрузки вагона: от 40 человек в первый период депортации до

50 – во второй. Что касается централизованного питания в пути, то в Постановлении о корейцах об этом ни слова, но говорится о том, что рабочим, служащим, учителям и их семьям на весь путь выплачиваются суточные по 5 рублей на каждого члена семьи. Причем, со всеми этими работниками по месту службы производился полный расчет с выплатой двухнедельного выходного пособия.

К сельскому населению это не относилось. В постановлениях о депортации немцев разделение населения на сельское и городское относится только к расселению – городских жителей требуется расселять в районных центрах и других городах, кроме областных. Соответственно и питание в пути одинаковое для всех из расчета 6 рублей в день на человека, причем горячая пища выдается один раз сутки и кипяток два раза в специально установленных пунктах – в железнодорожных и водных буфетах. Интересно, что в инструкции начальникам эшелонов по сопровождению немцев-переселенцев, утвержденной зам.наркома внутренних дел Чернышевым в августе 1941 года говорится о выдаче переселенцам горячей пищи дважды в день и дважды кипятка, а также 500 грамм хлеба. Но это в инструкции, в реальности же такие нормы никогда не соблюдались. Впрочем, согласно уже другой инструкции, переселенцы были обязаны взять с собой запас продовольствия из расчета не менее чем на один месяц.

Возвращаясь к выселению из мест проживания, отмечаем, что практика выселения как корейцев, так и немцев, за мелкими исключениями, одинакова. Сельские переселенцы обязаны прежде всего покрыть все обязательства колхоза перед государством по обязательным поставкам и натуроплате за работы МТС, возврату семенных ссуд и т.д. За сданный скот и зерно немцы получают такие же бумажки, как до них корейцы, и так же на новом месте-жительстве пытаются получить за это хоть какую-нибудь компенсацию. Мелкие исключения таковы: «городским жителям из АССР Немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей разрешается оставшееся лично им принадлежащее имущество реализовать через доверенных лиц, которые в 10-дневный срок продают его и вырученные деньги направляют владельцу по новому месту его жительства». Еще одно различие: если одновременно с выселением корейского населения вывозилось оборудование корейских школ, изб-читален, библиотек, то при депортации немцев этот пункт уже не упоминается.

И еще одна проблема, которой не было у корейцев: смешанные браки. В первоначальной редакции инструкции НКВД был пункт, гласящий: «Члены семей, не являющиеся по национальности немцами, переселению не подлежат, но могут, по их согласию, следовать с остальными членами семьи. Например, русская гражданка, вышедшая замуж за немца, в принудительном порядке выселению не подлежит, но может следовать за мужем добровольно». Рукой Берии внесена правка: «в таком случае семья не выселяется». Что касается

привилегий для членов ВКП(б) и ВЛКСМ, то и в том и в другом случае их нет, все они переселяются на общих основаниях, так же, как и члены семей военнослужащих Красной Армии, но, в случае немцев, последним должно быть предоставлено в местах расселения преимущество, в первую очередь в хозяйственном и бытовом устройстве.

В отличие от корейцев, немцы получили гораздо более тяжелый статус «спецпереселенцев» и помимо этого, значительная часть трудоспособного населения подвергалась мобилизации в Трудармию, «отряды» которой дислоцировались зачастую далеко от семьи. Всего через Трудармию прошло в общей сложности 316,6 тысяч советских немцев³, причем ликвидирована она была только весной 1946 года.

³ См.: *Герман А.А., Курочкин А.Н.* Немцы СССР в «Трудовой армии». М.; Готика, 1998. С. 67.

Неклассическая депортация: насильственные перемещения истинно-православных христиан из Центрального Черноземья

Массовые изгнания и истребления – давно известный способ ликвидации массового, необязательно активного, сопротивления, сопротивления на уровне веры, быта, житейского неприятия навязываемых ценностей. Изгнания и избиения целых социальных групп характерны для разных периодов истории. Депортация же выступает как государственно организованное мероприятие по перемещению нелояльного власти населения. При этом интересны мотивы власти, они могут различаться.

Всякого рода вопиюще несправедливые ограничения по национальному признаку широко известны и в XX веке. Можно вспомнить «немцеедство» периода Великой войны в России, хотя и детерминированное понятным недовольством излишне либеральной миграционной политикой империи. Известным парадоксальным примером является печальная судьба американцев японского происхождения в годы Второй мировой войны. Примеров много, и все они, как правило, сопряжены с насильственными перемещениями, принудительным ограничением свободы. Не забудем, что выселения населения сопровождались вселением иного населения, и это тоже было далеко не всегда добровольным перемещением. Это касается, например, переселенцев в Область Войска Донского в 1918–1919 гг., переселенцев в Восточную Пруссию, ставшую Калининградской областью, в 1940-е гг.

Современным сознанием депортации устойчиво воспринимаются как, прежде всего, национальные трагедии XX века. В их числе – серия большевистских или т.н. сталинских, депортаций народов, проживавших в СССР, на протяжении 1941–1944 гг. Эти народы выселялись по этническому признаку и в качестве репрессии за реальное или мнимое массовое сотрудничество с врагом (или ожидание его прихода).

Масштабы и характер карательных мероприятий исследовательскими усилиями последних двадцати лет в основном выяснены. Симптоматично, что достаточно подробно известные ныне обстоятельства позволяют говорить о действительно массовом сотрудничестве с подошедшими вражескими войсками представителей ряда народов, прежде всего крымских татар, калмыков и чеченцев, активном их участии в антибольшевистских восстаниях и иных выступлениях. Немцы были высланы превентивно.

В этой связи депортации в логике очищения тыла, ликвидации национальных пятых колонн, реальных или мнимых, в логике караний за «дурное поведение» во время оккупации, наконец, просто в логике перевода рабочей силы на рабочее положение в нужных местностях объясняются достаточно просто.

Высылка же сравнительно немногочисленной группы истинно-православных христиан в эту логику не вписывается. Она представляет собой депортацию коренного русского населения в 1944 г. из центральночерноземных областей. Эта высылка коснулась активистов неконформистского движения «истинно-православные христиане», «тихоновцы» или «катакомбники», активно не признававшие позицию официальной церкви после печально известной декларации митрополита Сергия Страгородского. Они считали власть воинствующе антихристианской, с которой невозможно сотрудничать¹.

Сам сюжет достаточно известен. Он присутствует как в обширной литературе по высылкам и депортациям², так и в литературе по истории религиозного сопротивления, катакомбной церкви.

Религиозное сопротивление, в значительной степени, сменило собой вооруженное, с окончанием Гражданской войны. На это обратил внимание М. Бернштам³. Действительно, религиозный неконформизм часто имел массовую поддержку в тех местностях, которые прославились упорным противостоянием власти во время сильного повстанчества 1920–1921 гг. Так, «федоровцы» были влиятельны в районах Старой и Новой Калитвы, которые являлись базовыми селами повстанческого формирования И.С. Колесникова. В то же время, ИПХ бывали сильны и в местностях, которые не отличились боевым сопротивлением в начале 1920-х. Например, это окрестности Липецка. При этом связи с единомышленниками были широки, пример соседей поддерживал религиозный пыл. Вероятно, это связано с феноменом усталости. Села, претерпевшие жестокий карательный удар в начале 1920-х (как, например, на Тамбовщине), сохраняя прежний настрой, не могли проявлять прежней активности. Инициатива переходила к менее пострадавшим соседям.

Феномен истинно-православных христиан довольно активно изучали во второй половине 1950-х – 1960-х гг., когда переплетались мотивы политической либерализации и нового витка антирелигиозной политики и пропаганды. В этих исследованиях наиболее крупной фигурой являлся А.И. Клибанов, позднее, по материалам полевых исследований, писал А.И. Демьянов и другие⁴. Отметим,

¹ Преследования религиозных меньшинств – один из классических сюжетов в политической истории различных стран и эпох. Нередко эти сюжеты очень масштабны и драматично окрашены. Достаточно вспомнить судьбу староверов в России или гугенотов во Франции.

² Новую информационную и исследовательскую ситуацию в данном вопросе создали труды Н.Ф. Бугая и П.М. Поляна. П. Полян в своей работе предпринял попытку систематизировать высылки и депортации советских лет, и получил весьма внушительный перечень из многих десятков позиций. См.: <http://www.antropotok.archipelag.ru/text/a304.htm>, а также его общий очерк по принудительным перемещениям населения: Не по своей воле: история и география принудительных миграций. М., 2001.

³ Бернштам М. Стороны в гражданской войне 1917–1922 гг. (Проблематика, методология, статистика). М., 1992.

⁴ После 1917 г. начинается сближение тихоновской части Православной церкви со староверами. Его можно рельефно наблюдать в деятельности еп. Андрея Уфимского уже с 1917 года. В данном материале мы не делаем различия между представителями истинно-православной церкви и истинно-православных христиан (ИПЦ и ИПХ); со временем последние все более ощутимо преобладали.

что ныне тема «катакомбной» церкви вновь вызывает интерес, появились со-держательные исследования и документальные публикации⁵.

По поводу отношения истинно-православных христиан к войне существу-ет, широко растиражированная в интернете, статья еп. Амвросия (Сиверса), представителя Русской катакомбной церкви истинно-православных христиан, базирующейся на «андреевской» (от Андрея Уфимского (кн. Ухтомского)) ветви катакомбного епископата⁶. В ней прямо заявляется, что истинно-православные были оплотом вооруженного сопротивления большевизму, сознательно рас-сматривали пришедших немцев-завоевателей как союзников в борьбе с безбожной властью. Статья написана, как заявляется, по свидетельствам из катакомбной среды; исторические исследования по этому вопросу, насколько можем судить, пока не проводились.

Высылка истинно-православных произошла в 1944 году по решению Стали-на, переписка по этому поводу сохранилась в его «Особой папке». Базовый документ – докладная записка Л.П. Берии от 7 июля 1944 г., – неоднократно опубликован⁷.

Общий абрис ситуации с депортацией понятен.

Интересно взглянуть на эту ситуацию с позиции самих истинно-православных. Это возможно сделать, благодаря подвижнической работе группы лиц, собирающих и публикующих живые свидетельства о судьбах истинно-православных христиан в разных районах страны⁸. Мемуарный ис-точник позволяет оценить сам характер этой депортации, судьбу депортиро-ванных, коснуться вопроса о численности высланных.

Характерно, что уже в годы войны в рязанских и орловских краях появились новые общины истинно-православных со своими наставниками. В этой среде немцы рассматривались как «меч Господень». Наставники в конце 1942 – се-редине 1943 гг. совершили обходы верующих, укрепляя их в отказе от всякого сотрудничества с советской властью. Осенью–зимой 43-го последовали аресты.

⁵ Следует назвать многочисленные и широко известные работы по истории церкви М.В. Шкаровского; выделим труд нижегородского историка А.О. Дюковой, постро-енный на экспедиционных материалах: Истинно православная церковь и истинно православные христиане в Нижегородском крае (по архивным и экспедиционным материалам) // <http://krotov.info/history/20/1950/dyukova.htm>; отметим также не-давно документальную публикацию: Алчущие правды. Материалы церковной полемики 1927 года. М.: изд-во ПСТГУ, 2010. Показателен и выход в свет романа Александра Нежного о церковной жизни с очевидной симпатией к катакомбному священству: Там, где престол сатаны.

⁶ *Архиепископ Амвросий (граф фон Сиверс)*. Истинно-Православные Христиане и война. 1941–1945 гг. // Русское Православие (Санкт-Петербург), 1998. № 4 (13).

⁷ См.: *Осипова И.И.* Сквозь огонь мучений и воды слез. М.: изд-во «Серебряные нити», 1998; *Шкаровский М.В.* Иосифлянство: течение в Русской Православной церкви. СПб., 1999; *Белов А.Л.* В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. М.: изд-во Московской патриархии, 2008.

⁸ Сайт, на котором выложены изданные в рамках проекта книги, а также фотомате-риалы, персональные базы данных: <http://www.histor-ipt-kt.org/>

В декабре 1944 г. семьи десятков арестованных были высланы в Сибирь, дома конфискованы. «Тогда же, в сорок третьем, нанесли последний удар по нашей общине. Сначала арестовали всех активных членов, а в сорок четвертом выселили в Тюмень и Томскую область всех, кто не был в колхозе, даже кого просто подозревали, что молится с нами, – всех. А кто сразу после войны освобождался, их снова сажали. Многие тогда отпали от нашей веры, слишком непосильной ноша оказалась». Сама высылка началась 15 июля 1944 г. Вот как выглядела она в одном из районов глазами подростка. «... один солдат на улице стоит, один во дворе: "Бабушка, собирайся. Все"». Скорые сборы, на машине на станцию, и затем, со станции Лев Толстой, большой эшелон повез депортируемых на восток. «Погрузили всех наших верующих в несколько вагонов. Солдаты за нами присматривали, чтоб мы не разбежались. На остановках надо дров найти, что-то сварить, да и в уборную сбегать – в вагонах-то ничего не было. Мишины из Куймани, Иван солдатом был, воевал, у него был перебит позвоночник, второй брат его тоже больной был – вот они и прорубили дырку в углу вагона, огородили, надо же как-то ходить [в туалет]. Везли нас в жару, дышать нечем. Мы, ребяташки, высунем головы в окошко, чтобы подышать. Или к дверям подойдешь, там двери двухстворчатые: один подышит, второй подышит. Потом и окошко заколотили, чтобы мы не выпали, остались лишь дырки маленькие. Ни пить, ни есть не давали». Нерегулярная кормежка, выдача селедки без воды, долгое стояние в тупиках сопровождали высылаемых. Долгое путешествие по железной дороге сменила переброска из Омска пароходом к Ханты-Мансийску, где произошла жестокая сортировка: «... часть молодых оставили, часть стали растаскивать. Один кричит: "Это моя родня!" Туда-сюда, не разобраться, расшвыривают, как скотину, – этих туда, а этих сюда». Затем последовал новый переезд. «... Все ребяташки заболели, кто корью, кто дизентерией, – все ослабленные были. Привезли туда, бросили прямо на пол в двух бараках. Так и валялись мы без сил. Бабка на работу ходить не могла, куда она нас одних бросит? Иван Васильевич, пятнадцатый год ему пошел, стал работать в колхозе, на лошади возил. Его там, может, и кормили, а мы голодные были. И выжили только благодаря старику Матвею с Даньково. Он, калека, на двух палках ходил, милостыню просил. Просил и молился, а поселок там маленький, обойдет он его раз, и второй раз идет просить. Старик душевный был, бывало, заплачет, когда молится: "Душа моя, душа моя грешная, что не плачешь ты?" Если бы не он, в живых никто не остался бы». Весной 1945 года детей забрали в детдом. Там эвакуированные из Ленинграда дети травили верующих. Отметим последний сюжет как еще один повод для драматичных размышлений и кропотливых исследований очень разных судеб и представлений о происходящем в стране, характерных для разных групп населения. Еще один вариант судьбы таков. Утром на Казанскую (21 июля) пришел участковый и зачитал постановление о высылке в двадцать четыре часа. При этом забирали сразу, на сборы и двух часов не дали. «Из Лебедяни везли в телячьих, совсем голых вагонах, весь эшелон был забит народом... В дороге давали сухой паек:

рыбу горбушу или хлеб. Крестная была старостой вагона, вот она пойдет получить на всех и по пайкам делит. И где поезд остановится на станциях, она побежит, наломает веток где-нибудь, разведет костер и варит картошку. Успеет сварить, не успеет, гудок загудит, мы все в вагон, она чугунок забирает и несет – и полусырую ели. Двадцать один день везли нас, кого-то в Тюмени отцепили, кого-то в Омске, потом нас до Новосибирска довели». Предстоял еще путь водой, и тяжелейшая жизнь в землянках, переезды на новое место ссылки и т.п. Истинно-православные вспоминали, что сначала арестовали проповедников, старших «братьев» и «сестер». А затем, «однажды, в 1944 году, ночью военные окружили дома христиан, а наутро забрали в машину в чем есть и увезли в Сибирь, в тайгу. Когда перед отправлением построили детей у вокзала, то все шагнули и запели "разумейте языцы и покоряйтесь, яко с нами Бог". Многие умерли, не пережили, потому что их бросили на произвол судьбы». В октябре 1944 этап истинно-православных отправился из Рязани в Воркуту.

Существует целый ряд свидетельств о неоднократных массовых выселениях в Сибирь «федоровцев» – последователей Федора Рыбалкина⁹.

Таким образом, сама высылка характеризуется предельной жесткостью, абсолютным невниманием к высылаемым, стремлением расселить, разрывая земляческие и даже семейные связи и поставить в максимально тяжелые условия. Эти черты мы можем наблюдать и в случаях иных депортаций. Приведенные фрагменты воспоминаний позволяют счесть, что высылка не была единовременной, в июле 1944 г. Добирали и высылали с семьями и до этого, и позже, уже в конце 1944 г. Очевидно, и общее количество депортированных должно существенно превышать указанное в докладной записке число 1673.

Проигрыш в вооруженной борьбе на полях Гражданской войны для многих ее молодых белых участников сопрягался с силой и правдой большевизма, что вызвало целый ряд достаточно громких случаев возвращения из эмиграции или сотрудничества с ОГПУ и НКВД. Даже если предполагать в ряде подобных случаев какие-либо многоходовые комбинации, связанные с продолжением Белой борьбы (как, по мнению А. Кручинина, произошло со Я. Слащевым или, по мнению Я. Тинченко, с генералом Ю. Гравичким), то все равно приходится констатировать крах любых подобных комбинаций.

В то же время в мемуарной и исследовательской литературе, в том числе в «Архипелаге ГУЛАг», не раз отмечалось, что наиболее цельными и нередко успешными борцами против большевизма как системы жизни выступали верующие. Причем власти адекватно оценивали их «вредность». «Вот вы и есть самые страшные враги. Лучше бы ты поезд под откос пустил, вреда для государства было бы меньше, чем жить так, как вы живете» – сказали одному

⁹ «О, Премилосердый... буди с нами неотступно...» Воспоминания верующих Истинно-Православной (Катакомбной) Церкви. Конец 1920-х – начало 1970-х годов / Сост. И.И. Осипова. М.: изд-во «Братонез», 2008. С. 184–185, 215, 219–221, 211–212, 230, 397, 442–443.

из истинно-православных на следствии¹⁰. Не имея возможности проверить это и подобные высказывания, мы можем полагать, что они в целом вполне отвечают реальному самоощущению и тех, и других.

ИПХ были сильны и на Кубани, в Сибири, но высылка по конфессиональному признаку известна одна – из Черноземья. Здесь расположен массив сельского великорусского населения. При этом цитадель ИПХ – воронежские края, а высылка – в основном из Рязанской области. Возможно, это объясняется уходом многих ИПХ с немцами из районов, подвергшихся оккупации, и прифронтовых. Или же главным было не карание за сотрудничество с немцами, а ликвидация достаточно массового живого примера несломленной жизни.

Мотив записки Л.П. Берии – высылка за уклонение от работы в колхозах, за разлагающий пример. Хотя радикальные катакомбники совершали, казалось бы, гораздо более тяжкие преступления: уклонялись от службы в армии, дезертировали, не платили налогов и т.п. Очевидно, оказавшиеся на оккупированной территории считали себя скорее освобожденными, чем захваченными. И при этом явные мотивы, являвшиеся, по крайней мере на официальном уровне, ведущими в высылке народов, в данном случае не звучат.

Насильственные перемещения населения могут решать различные задачи. Это кара за массовую нелояльность в кризисных условиях; это стремление получить в необходимом месте более лояльное, работоспособное и т.п. население, это маневрирование трудовыми ресурсами; это стремление воздействовать на население с целью запугивания, дезорганизации, уничтожения хозяйственного уклада, стирания исторической памяти, фрагментации единого в многообразии социума (ту же задачу решают многочисленные административные преобразования, будь то департаментализация в годы Французской революции, или создание административных и национально-государственных формаций в РСФСР – СССР).

Как представляется, последний мотив в разбираемом случае преобладал. Депортация катакомбников мотивирована самим их образом жизни и представляет собой попытку уничтожить живой пример христианской жизни в самом сердце страны. Депортация русского православного и политически неконформистского населения предоставляет рельефный материал для размышлений о природе большевистской, «советской», власти, о природе СССР как государства и большевизма как исторического явления.

¹⁰ Белгородская А.В. Потаенная Россия // Православная жизнь. Джорданвилль (США), 1997. № 565. С. 13.

Массовые выселения немцев в СССР и странах Центральной и Восточной Европы: опыт историко-социологического анализа

Проблема массовых выселений немцев в период Второй мировой войны принадлежит к числу наиболее дискуссионных тем последних 20-ти лет. Речь идет о самой масштабной принудительной миграции в истории Европы, жертвами которой стали от 12 до 16 млн. немцев. Дискуссии по данной проблеме долгое время носили локальный характер, как с точки зрения историографии (рассматривались западными историками), так и объекта изучения (отдельные страны и регионы, как то Чехословакия, Восточная Пруссия и т.п.). В данной публикации предпринята попытка обобщенного осмысления опыта массовых выселений (депортаций) этнических немцев на Восточно-европейском пространстве.

Одним из итогов Второй мировой войны стали массовые депортации немецкого населения из стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. Депортации имели два основных измерения. Внешнее – выселение немцев с тех территорий третьего рейха, которые отходили другим странам (Польше, СССР, Чехословакии, Югославии), а также перемещение в Германию этнических немцев из бывших стран-сателлитов Германии (Венгрии, Румынии). Внутреннее – депортации немцев в границы других стран (СССР и частично Румынии). Из Венгрии, Польши, Румынии, Чехословакии, Югославии было депортировано подавляющее большинство граждан немецкой национальности (а из Чехословакии – еще и венгры).

На протяжении советского периода, а также в последние годы массовые депортации рассматривались в нашей стране достаточно поверхностно и оценивались как справедливая мера возмездия и наказания немцев (немецкие этнические меньшинства в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы при этом квалифицировали как «пятую колонну» нацистов)¹. При этом обходился вниманием масштаб депортаций и степень виновности тех лиц, которые стали их жертвами.

В современной объединяющейся Европе, где уже преодолены многие этноконфессиональные, политические и экономические противоречия между странами и народами, по-прежнему актуален вопрос о восстановлении исторической справедливости по отношению к тем народам, которые стали жертвами большой европейской политики. Следует признать, что на период окончания Второй мировой войны были исчерпаны все возможности для

¹ Из современных исследований по этому вопросу см.: *Семиряга М.И.* Коллаборационизм: Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войн. М.: РОС-СПЭН, 2000.

дальнейшего мирного сосуществования немцев и основных народов этих государств. Поэтому депортация являлась по сути единственно возможным решением проблемы.

Однако насколько справедливым было такое решение? Задумаемся над цифрами. С германских территорий, отходивших восстанавливаемой Польской республике и СССР (Восточная Пруссия) после 1945 г. было депортировано около 8-ми миллионов немцев (эта цифра считается наиболее точной: прочие данные колеблются от 6 до 9 млн. чел.). За годы войны нацисты уничтожили на территории Польши около 6 млн. чел (здесь диапазон данных о жертвах также сильно различается – называются цифры от 1,2 до 6 млн. чел. Большинство исследователей склонны остановиться на цифре 4,5 млн.). Таким образом, за более чем 5 лет господства нацисты уничтожили в Польше как минимум на 2 млн. человек меньше, чем депортировали победители за куда более короткий срок после 1945 г.

Еще один пример: в 1945–1946 гг. с территории Чехословакии было депортировано более 3-х млн. немцев, в то время как за предыдущие шесть с лишним лет гитлеровцы уничтожили от 35 до 55 тыс. чехов и 77.297 евреев. В этом отношении отмечу определенное сходство сталинских депортаций и депортаций немцев из Восточной Европы после 1945 г.: правящие режимы стремились избавиться от неблагонадежных граждан другой национальности.

На тот период времени это было оправдано, но насколько это было справедливо? Ведь среди депортируемых немцев число явных сторонников национал-социалистического режима было невелико (депортировали и антифашистов!). Более того, большинство мужского населения ранее было призвано в армию. Так что депортации подвергались преимущественно женщины, дети, старики, больные (то же самое относится и к сталинским депортациям). Что касается российских немцев, то общее число подвергшихся выселению составило около 1 млн. чел.² Таким образом, налицо определенные сходства в итогах массовых переселений как советских немцев, так и немцев в странах зарубежной Европы.

Перестали существовать особые немецкие этнические группы, в частности, судетские немцы. Миллионы немцев лишились своей родины, будучи выселенными с территорий, отходивших другим странам. Советские немцы оказались на положении «спецпоселенцев», утратили свою автономию и в известной степени – национальную аутентичность. Здесь мы имеем дело с характерными различиями. Если советские немцы были компактно выселены в Сибирь и Казахстан и имели общий статус (трудармейцы, спецпоселенцы), то изгнанные немцы в Зарубежной Европе мало, чем отличались от других немцев, вынужденных покинуть свои дома. Неслучайно, в Восточной Германии (ГДР) «изгнанные», эвакуированные, бежавшие немцы получили общий статус «переселенцев». Тем

² Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2005. С. 94; Герман А.А., Иларионова А.А., Плева И.Р. История немцев России: Учебное пособие. М., 2005.

самым коммунистическое руководство Восточной Германии уравнило в правах различные категории немцев, оказавшихся на ее территории, и создало непреодолимые препятствия для возникновения объединений «изгнанных», как это имело место на западе Германии³. Впоследствии это создало проблемы для «изгнанных» и их потомков, не желавших вспоминать трагические страницы Второй мировой войны⁴. Этот факт роднит самоидентификацию этих немцев с российскими немцами, которые вообще нередко пытались «забыть» и даже скрыть свою национальность в СССР.

При осуществлении депортаций имелись многочисленные факты репрессий в отношении немцев. В современных условиях разворачивается дискуссия о «жертвах изгнаний». К таковым представители «Союза изгнанных» относят всех немцев, пострадавших на оккупированной Советским Союзом территориях. «Союз», насчитывающий более 2 млн. членов, начал требовать официальных извинений от правительств Польши и Чехии. Одновременно жертвы изгнаний и их родственники начали подавать в суды иски о реституции потерянной собственности и недвижимости. Так, в октябре 2008 г. Страсбургский суд по правам человека отказал в рассмотрении 23 исков изгнанных немцев против Польши⁵. Тем не менее, проблема на этом не решена, так же, как и проблема восстановления исторических прав российских немцев, в частности, автономии.

В этом ключе крайне важным аспектом являются юридические основы массовых выселений. В СССР это Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» от 28 августа 1941 г. и другие постановления и документы. Руководство Российской Федерации приняло в 1991 г. Закон «О реабилитации репрессированных народов», однако реабилитация имела скорее моральное значение: компенсационные механизмы и их реализация оставляли желать лучшего. Автономия Поволжья не была восстановлена.

Что касается немцев из стран Восточной и Юго-Восточной Европы, то их массовое выселение формально было санкционировано Потсдамской мирной конференцией 1945 г.⁶ Это факт дал основания правящим кругам современной Польши и Чехии доказывать, что вся ответственность за массовые депортации и репрессии лежит не на их правительствах, а на державах победительницах. Особо популярным в последние годы стало обвинение лично Сталина⁷.

³ Amos H. Feindliche Organisationen. Der Sicht der MfS auf die Vertriebenenverbände der Bundesrepublik Deutschlands // Zeitschrift des Forschungsverbundes SED-Staat der Freien Universität Berlin. 2006. S. 20.

⁴ О восприятии и воспоминании о периоде выселений у бессарабских немцев см.: Schmidt Ute. Die Deutschen aus Bessarabien. Eine Minderheit aus Südosteuropa (1814 bis heute). 2., durchgesehene Auflage. Böhlau Verlag. Köln, Weimar, Wien, 2004. S. 470.

⁵ Decisions of the European Court of Human Rights: [www.echr.coe.int].

⁶ Терепан. Ялта. Потсдам. Сб. документов. 3-е изд. М., 1971. С. 400.

⁷ См.: Strobel G.W. Wie Stalin Grenzen in Ostmitteleuropa zog. Zu Zygmunt Berlings Erinnerungen // Osteuropa. 1992. S. 1082–1083; Brandes D. Der Weg zur Vertreibung

Однако представители «Союза изгнанных» акцентируют внимание и на польские и чешские законодательные акты о массовых выселениях. Например, так называемые декреты Бенеша – комплекс из 143-х документов законодательного характера, большинство из которых было подготовлено чехословацким правительством в изгнании в период 1940–1945 гг. и официально введено в действие решением чехословацкого парламента в 1946 г., задним числом. Особое значение имели декреты, касавшиеся лишения гражданства, собственности и депортации из Чехословакии немцев (3,2 млн.чел.) и венгров (ок.550 тыс.чел.). Именно эти документы являются на сегодняшний день предметом политических и исторических споров⁸. Неслучайно, Европейский парламент издал в 1999 г. резолюцию, в которой потребовал от Чехии в качестве одного из условий вступления в ЕС дезавуировать декреты Бенеша⁹.

В отношении российских немцев юридически ситуация остается неизменной вот уже на протяжении 20-ти лет, хотя в общественно-политическом и историческом планах дискуссии продолжаются. Основная линия современных исследований – осуждение самого факта выселения немецкого этнического меньшинства и тех средств и методов, которыми это выселение проводилось. В частности, активно использовалось понятие «геноцид». Депортация советских немцев, равно как и других народов СССР – крымских татар, чеченцев, ингушей и др. – рассматривалась как одно из ужасных преступлений сталинского режима.

В последние годы в российской исторической науке обнаружилась новая тенденция в изучении депортации российских немцев. А именно: некоторыми авторами упор делается на том, что само выселение носило скорее характер эвакуации, что сам термин «депортация» не может быть применен к перемещению советских немцев внутри советской же территории (Л.П. Белковец¹⁰), что сама численность выселенных немцев была не столь велика, как это принято считать (Л.В. Малиновский¹¹).

Что касается депортаций немцев из Восточной Европы, то здесь большинство российских историков более осторожны и осмотрительны в оценках. В частности, нельзя забывать, что формально переселение немцев осуществлялось на законных основаниях, согласно решениям Потсдамской конференции.

1938–1945. Pläne und Entscheidungen zum «Transfer» der Deutschen aus der Tschechoslowakei und aus Polen. München, 2005. S. 368–370; Fisch B. Die Striche des Josef W. Stalin. Vom Anteil der Kommunisten an der Vertreibung der Deutschen aus Mitteleuropa. Berlin, 2005. S. 93–96.

⁸ Die Beneš-Dekrete / *Barbara Coudenhove-Kalergi, Oliver Pathkolb* (Hg.). Wien, 2002, Die Beneš-Dekrete. Nachkriegsordnung oder ethnische Säuberung: Kann Europa eine Antwort geben? / *Heiner Timmermann, Emil Vordšek, Rudiger Kipke*. Münster, 2005.

⁹ Resolution on the Regular Report from the Commission on Czech Republic's progress towards accession (COM(98)0708-C4-0111/99) : [www.europarl.europa.eu].

¹⁰ *Белковец Л.П.* Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941–1955 гг.: Историко-правовое исследование. Новосибирск, 2003.

¹¹ *Малиновский Л.В.* История немцев в России. Барнаул, 1996.

Поэтому российский исследователь и преподаватель неизбежно сталкивается с проблемой политической оценки этих событий. Дискуссия об этом уже несколько лет идет в Германии и тех странах, откуда были депортированы немцы. В частности, в Чехии не стихают споры о так называемых преступлениях депортации, которые чешская сторона отказывается признать. С другой стороны, такие страны, как Словакия, Словения, Эстония признали незаконность депортаций немцев со своих территорий, вернули им конфискованную собственность.

При этом для России проблема массовых депортаций стоит в тесной связи с положением русскоязычного меньшинства в странах бывшего СССР. Уместно вспомнить, что именно дискриминация и неравноправное положение немцев в Чехословакии и Польше способствовали развитию среди них правонационалистических течений и симпатий к нацистской Германии. Я не разделяю точку зрения о том, что эти немцы сыграли роль «пятой колонны» фашистского рейха. Не оправдывая активных пособников нацистов, отмечу, что судетские, польские и другие немцы оказались скорее заложниками неблагоприятной ситуации и жертвами большой европейской политики, проводимой западными демократиями. Этот урок истории дорого обошелся немцам – за свою ошибку (и ошибки руководителей ведущих европейских держав, приведших Европу к Мюнхену и Второй мировой войне) они заплатили изгнанием с исторической родины. Однако развитие ситуации в ряде бывших республик Советского Союза, особенно в Прибалтике, показывает, что исторический урок не был усвоен некоторыми современными политиками. Эта проблема сейчас находится в центре исторического и интеллектуального дискурса России.

Признание и осуждение депортации ставит новую, куда более сложную проблему: имеют ли право жертвы массовых выселений возвращаться на историческую родину и получить компенсацию за свои лишения прежних лет? Ведь нередко попытки депортированных народов вернуться приводят к острым этническим конфликтам уже в наши дни: пример тому ситуация с турками-месхетинцами, крымскими татарами. Нетрудно представить, что произойдет, если судетские или польские немцы захотят вернуться в свои дома на исторической родине!

Представляется закономерным, что тема депортаций вызывает пристальное внимание российских ученых. При этом высказываются различные точки зрения и мнения. Так, Т.М. Исламов подчеркивал, что изгнание с исторической родины немцев нуждается в детальной проработке российскими авторами, что необходимо отойти от однозначных, категорических оценок депортации, принятых в годы холодной войны. Он писал: «Из известных нам документов следует, что вопреки широко распространенному особенно в западной литературе мнению о зловещей роли Сталина и советского руководства в осуществлении депортаций, зачинщиками в этих вопросах... выступали местные власти в освобожденных странах. Особенно ярко это проявилось при

выселении немцев и венгров из Чехословакии... И то, что чехословацкому руководству не удалось полностью очистить территорию страны от неславянского элемента, произошло в значительной степени благодаря Сталину»¹². А.Ю. Ватлин также отмечает, что депортации немцев были последним в европейской истории переселением народов, «частью национальной трагедии», принесшей с собой 2 млн. погибших и пропавших без вести»¹³.

В публикациях последних лет ученых Волгограда, Кемерово, Новосибирска, Москвы, Воронежа (в том числе и автора данного доклада¹⁴) также просматривается общая тенденция в сторону переосмысления вопроса о степени виновности лиц, подвергшихся депортации, о степени вины великих держав. В этой связи заслуживают внимания публикации сотрудников Института славяноведения РАН, в частности, В.В. Марьиной, в которых рассмотрены планы по выселению судетских немцев (возникшие еще в марте 1939 г.), а также освещены основные стороны этого трагического процесса. Признается как тот факт, что судетские немцы явились своеобразным «троянским конем» в планах Гитлера по ликвидации Чехословацкой республики, так и факты «расправ», чрезмерного и необоснованного насилия над депортируемыми¹⁵. При этом, однако, обходятся вниманием такие проблемы, как дискуссии вокруг так называемых «преступлений депортации», «декретов Бенеша о депортации». Нуждается, на наш взгляд, в уточнении вопрос о том, почему авторы заменили общепринятый термин «депортация» на более нейтральный – «выселение»?¹⁶

Существуют и иные подходы, авторы которых исходят из традиционного постулата о том, что депортация немцев из стран Центральной и Восточной Европы в 1945 г. была единственно возможным решением при установлении мира в Европе, если учесть всю ту взаимную ненависть между различными этническими группами этого региона – ненависть, которая накапливалась столетиями, наполненными борьбой чехов и других славянских народов против германизации (Л.П. Лаптева).

Л.И. Гинцберг писал: «Конечно, депортация миллионов людей – не наилучший метод решения национальных противоречий. Но та, что произошла в 1945 г., была во многом оправдана и происходила в обстановке, когда закончилась кровопролитнейшая война, в которой судетские немцы в своей массе

¹² *Исламов Т.М.* Депортации немцев и венгров из стран Восточной Европы // Исторические записки. Вып. 8. Воронеж, 2002. С. 231.

¹³ *Ватлин А.Ю.* Германия в XX веке. М., 2002. С. 130.

¹⁴ См.: *Кретицин С.В.* Депортация немцев из Чехословакии в 1945–1946 гг.: проблема исторической справедливости // Труды молодых ученых Воронежского государственного университета. Вып. 1. Воронеж, 1999. С.339–343. Он же. Судетские немцы: народ без родины, 1918–1945 гг. Воронеж, 2000. С. 199–217. См.также: *Шевченко К.В.* Лужицкий вопрос и Чехословакия: 1945–1948. М., 2004. С. 132–135.

¹⁵ Чехия и Словакия в XX веке : Очерки истории. В 2-х кн. / Отв.ред. Марьина В.В. Книга 2. М., 2005. С. 31–31.

¹⁶ См. *Марьина В.В.* Выселение немцев из Чехословакии: интернационализация и реализация идеи. 1944–1946 годы // Славяноведение. 2003. № 3.

поддерживали ненавистного врага, и суровые санкции по отношению к ним представлялись неизбежными»¹⁷.

В этом же ключе высказывается и А.И. Борозняк: «Не отрицая репрессий в отношении депортируемых народов, нельзя забывать и о проблеме исторической вины и исторической ответственности тех же судетских немцев, а также немцев в Польше и др. за то, что они стали послушным инструментом в руках нацистских военных преступников. В этом плане следует возразить против так называемого "воскрешения принципа исторического права", что может открыть перспективы новых подходов к проблеме «восточных территорий». Такая постановка вопроса содержит, на мой взгляд, новые опасности в Европе, и так перенасыщенной этнонациональными конфликтами»¹⁸.

Налицо, таким образом, две основные точки зрения: ряд исследователей, признавая необоснованность репрессий и насилия в отношении выселяемых немцев из Восточной Европы, уверены в исторической закономерности и справедливости депортаций в целом. Их оппоненты, и я в их числе, полагают, что подвергшиеся депортациям немцы были наказаны в соответствии с пресловутым принципом коллективной вины, их причастность к преступлениям нацистов не была доказана, многие из них стали в итоге безвинными жертвами произвола и насилия.

Следует констатировать, что проблема изучения и преподавания истории депортаций немцев после 1945 г. для российских историков носит политический характер. Само обращение к ней может быть расценено как попытка переписать историю Второй мировой войны и поставить под сомнение справедливость послевоенного мирного урегулирования. Приходится волею-неволей давать ответы на целый ряд острых вопросов, например, о том, были ли немцы в странах Восточной Европы «пятой колонной»? Поволжские немцы реабилитированы. А как быть, например, с судетскими немцами? Ответы на подобные вопросы для наших историков сложны и болезненны, тем более, что есть еще и проблема Калининградской области.

Помимо сложностей исследовательского характера (недостаток источников и литературы и отсутствия научной традиции) российским историкам сложно распределить темы депортаций и с точки зрения сложившейся структуры учебного процесса. Так, депортация поволжских немцев должна рассматриваться в контексте курсе новейшей отечественной истории (равно как и депортация немцев из Калининграда); депортации из Польши, Чехословакии и Югославии – в рамках курса истории южных и западных славян; депортации из Венгрии, Румынии, Франции – в рамках истории новейшего времени стран

¹⁷ Гинцберг Л.И. Депортации: СССР и Чехословакия // Исторические записки. Вып. 8. С. 229–230.

¹⁸ Борозняк А.И. Депортации, геноцид и проблема исторической ответственности // Там же. С. 228.

Западной и Центральной Европы. В рамках этого же курса должна рассматриваться и последующая история депортированных в Германию и Австрию немцев.

Особо хочу отметить, что проблема преподавания истории депортаций – это и проблема преодоления исторического прошлого, т.к. на протяжении послевоенных поколений в СССР и в России формировались стойкие научно-преподавательские стереотипы. Это и проблема исторической памяти: еще живы многие свидетели и жертвы депортаций, которые имеют свое, часто эмоциональное мнение на сей счет.

Еще одна проблема – это соотнесение взглядов и представлений о массовых депортациях российских и немецких историков. В зарубежной историографии накоплен значительный исследовательский багаж, созданы целые научные школы по изучению этнической истории, например, Мюнхенский институт по изучению истории богемских стран Collegium Carolinum, Институт истории Восточной Европы (Мюнхен), Институт восточноевропейских исследований (Вена), Институт Гердера (Марбург). Российские авторы только начинают исследовать проблематику депортаций, часто оставаясь при этом на традиционных позициях. До того, как я сам попал в Германию, я был глубоко убежден, что движение Генлейна в Чехословакии было создано и руководилось германскими нацистами. С большим трудом я смог дистанцироваться от стереотипов советской историографии и посмотреть на эту проблему объективно, через призму опубликованной и архивной документации.

Таким образом, представляется возможным выделить три основных типа депортаций времен Второй мировой войны. К первому справедливо будет отнести гитлеровские депортации, которые, несмотря на большие различия в целях и методах (депортации и отправка еврейского населения в концлагеря, депортация поляков из западно-польских земель и т.д.), проводились с целью высвобождения «жизненного пространства» и ликвидации неполноценных наций и рас. Второй тип – сталинские депортации, целью которых было превентивное наказание «неблагонадежных» народов (ингушей, калмыков, крымских татар, немцев Поволжья, чеченцев и др.). И третий тип – депортации немцев и венгров из стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы на заключительном этапе и после Второй мировой войны.

Что касается депортаций гитлеровского режима, то эта проблема представляется на сегодняшний день наиболее изученной, а ее оценки – вполне устоявшимися: эти депортации осуждены как незаконные и рассматриваются в неразрывной связи с политикой геноцида, античеловечной идеологией третьего рейха. В сходной тональности оцениваются и сталинские депортации, где основной упор делается на их незаконности и необоснованности. Мне представляется, что проблема здесь более сложная, и ее оценочные характеристики связаны с политической антикоммунистической конъюнктурой. Несомненно, любая депортация означала трагедию, катастрофу для

выселяемого народа, вела к огромным жертвам. Но как следовало поступить с теми же немцами Поволжья? Ведь даже при демократическом режиме в США в годы войны допускались государственные репрессии в отношении американцев японского и немецкого происхождения. Для тоталитарного сталинского режима депортации были средством самосохранения и являлись закономерным продолжением довоенных репрессий. Только на смену отдельным личностям, группам «заговорщиков», классам пришли целые народы. К тому же среди представителей этих народов было немало предателей и коллаборационистов.

Что касается депортаций третьего типа, то они, в отличие от первых двух, имели под собой законную базу: решения Потсдамской конференции 1945 г. Из Венгрии, Польши, Румынии, Чехословакии, Югославии было депортировано подавляющее большинство граждан немецкой национальности. Следует признать, что на период окончания Второй мировой войны были исчерпаны все возможности для дальнейшего мирного сосуществования немцев и основных народов этих государств. Поэтому депортация была по сути единственно возможным решением проблемы (если не принимать в расчет возможности геноцида). Однако до сих пор остается вопрос о том, насколько справедливым было такое решение? На него еще предстоит ответить отечественным ученым и преподавателям.

Депортация этнических немцев как феномен диктатуры террора

В тексте доклада представлено авторское видение проблемы депортации этнических немцев как факта реального бытия, в том числе взаимодействия народов Германии и России на протяжении последних столетий и в обозримой перспективе. Концептуально предполагается, что депортация этнических немцев, осуществлённая в 1941 году под лозунгом переселения немцев Поволжья по военной необходимости, является очередным мероприятием реализации социально-политической и экономической стратегии России-СССР-СНГ. Предположение сформулировано на основе научно-философской концепции этноконфессионального феномена, разрабатываемой автором. Поэтому понятия этноконфессионального бытия и сознания германцев-немцев (deutsch) и русских (великороссов), выявление сущности их национальной самоорганизации, в том числе государственно-политического уровня, являются ключевыми.

Философия этноконфессионального бытия народов Германии и России в условиях фундаментального кризиса наиболее полно развёрнута в трудах И.Г. Фихте и Н.А. Бердяева. Следует отметить теоретический гений и гражданскую позицию мыслителей, благодаря которым их основные выводы подтвердились, а суждения философов сохраняют ценность в методологии исследования этнокультурных и этноконфессиональных процессов, остаются существенным слагаемым конструктивного научно-философского прогнозирования будущего всего человечества, – человечества, единого в многообразии.

В знаменитых речах к немецкой нации Фихте представил внятную, концепцию этногосударственного и этноконфессионального феноменов, сформулировал цель – превращение в единую нацию – и принципы воспитания населения для выживания народа в неблагоприятных условиях утраты независимости и возрождения национально-государственного суверенитета. Проследим логику развёртывания идеи Фихте.

Цель национального воспитания – образовать немцев к новой общности с единым настроем. «Потому в своём последнем результате это образование есть образование способности познания воспитанника, и ни в коем случае не историческое, о существующем порядке вещей, но более высокое и философское, о законах, в соответствии с которыми необходим данный порядок вещей»¹. Воспитание к истинной религии есть последний момент нового воспитания. Почему последний? В благоустроенном обществе, полагает Фихте,

¹ Фихте И.Г. Речи к немецкой нации. СПб.: Наука, 2009. (Сер. «Слово о сущем»). С. 76.

достаточно истинной нравственности, религия является движущим мотивом в испорченном или кардинально реформируемом обществе.

Немцы, в том числе скандинавы, есть исконное племя германцев, существующее для того, чтобы соединить древнеевропейский общественный порядок с древнеазиатской истинной религией «и таким образом развить у себя и из себя в противоположность погибшей древности новое время»². Перемена родины и смешивание с прежним – покорённым – населением есть факторы незначительные. Первостепенный фактор для двух германских племён – оставшегося на родине и переселившегося в другие земли – не столько общность исходного языка, сколько то, что «...первое сохранило собственный, второе приняло чужой; речь идет не о происхождении тех, кто продолжал говорить на первоначальном языке, а о том, что на этом языке не переставали говорить, при том что в гораздо большей степени язык образует людей, чем люди образуют язык»³. Теоретически и практически перспективно суждение Фихте о преобразовании на свой лад чужого языка, принятого после переселения племени на территорию другого народа.

Племена с «мёртвым языком» воспроизводили римский образец государства – монархию. У народа «живого языка» сохраняются исконные обычаи, поэтому у немцев сохранился союз государств с ограниченными полномочиями верховной власти. «Оставшиеся в метрополии немцы сохранили у себя все добродетели, бывшие прежде на их земле: верность, порядочность, честь, простоту; но от образования к более высокой и духовной жизни они получили то немногое, что могло принести христианство тех времен и его учителя живущим разрозненно людям»⁴. Воодушевлённый вечным, самостоятельный немецкий дух с его изначальной творческой силой нового победил при Реформации, выдержал республиканское устройство, создал свободное искусство и собственно философию. Представляется любопытным средство поднятия национального духа в эпоху кризиса, предложенное Фихте: история жизни этноса лучшего периода в виде народной книги, вроде Библии, пока не будет произведено нечто, достойное быть отмеченным.

Религия есть утешение, но «...смысл религии состоит в первую очередь в том, чтобы сопротивляться рабству, не допускать его и не опускаться до голого утешения несвободных. Тирану, пожалуй, подобает проповедовать религиозную покорность и указывать на небеса тем, кому на Земле он не намерен дать местечка; нам же не должно торопиться усваивать рекомендуемое им воззрение на религию, мы должны, если только в силах, препятствовать тому, чтобы Землю превращали в ад, с целью возбудить большее стремление на небеса»⁵.

² Там же. С. 109.

³ Там же. С. 112.

⁴ Там же. С. 161.

⁵ Там же. С. 191.

Закон развития изначального и божественного, по Фихте, определяет то, что называют национальным характером народа. Поэтому «...народ в высшем значении слова, с точки зрения духовного мира вообще: совокупность людей, живущих вместе в обществе и непрерывно воспроизводящих себя из себя природно и духовно, находящаяся в целом под действием определённого особенного закона развития божественного из неё»⁶. Человек схватывает в понятии свою жизнь как жизнь вечную, он связывается сначала с нацией а через неё со всем человечеством. Любовь к своему народу – уважительная, доверительная – основа любви к Отечеству, поэтому любовь к Отечеству должна управлять государством как высший и независимый орган власти. Почему высший? Потому что только любовь к Отечеству, идущая от вечности, способна ограничить устремлённость государства в выборе средств для достижения ближайшей цели, внутреннего мира, – цели, предполагающей ограничение свободы единичного.

Существуют народы, которые хотят сохранить свои ценности, уважение других и почитают ценности иных народов, замечает Фихте. К ним относятся и немцы; немцы очень часто во имя справедливого отношения к зарубежью были несправедливы по отношению к себе. «Мы, ближайшие наследники их земли, их языка и их умонстроения, благодарны им за то, что мы – немцы, что нас ещё несёт поток изначальной и самостоятельной жизни, им благодарны мы за всё то, чем с тех пор мы были как нация, и, если с нами теперь не покончено и в наших жилах не иссякла последняя происходящая от них капля крови, им мы будем благодарны за всё то, чем мы ещё станем. Благодаря им существуют даже остальные, ставшие теперь для нас зарубежьем племена, а в них – наши братья; когда они победили вечный Рим, не было ещё ни одного из этих народов, возможность возникновения которых и была добыта в этой борьбе»⁷.

Когда народ перестаёт управлять собой, он обязан слиться с народом управляющим, чтобы возникло единство и был забыт прежний мир: к этому результату ведёт победивший организатор смешения.

Изначальные границы государств – их внутренние границы, границы неразрывного целого. Если вы укрепите себя, – обращается Фихте к аудитории, – то увидите вокруг себя расцветающее поколение, которое принесёт Вам и немцам славную память. «Вы увидите, как в духе имя немцев посредством этого поколения станет самым славным среди всех народов, Вы увидите эту нацию в качестве возродительницы и восстановительницы мира»⁸. «Вам выпало на долю заложить основы для окончательного суждения о том, окажутся ли правы те, кто верит в то, что человечество должно становиться всё лучше и мысли о его порядке и достоинстве – не пустые мечты, но предсказание и залог будущей

⁶ Там же. С. 193.

⁷ Там же. С. 204.

⁸ Там же. С. 322.

действительности, или те, кто дремлет в своей звериной и растительной жизни и смеётся над любым взлётом в высшие миры»⁹.

В исследовании нашей проблемы этноконфессионального Н. Бердяев интересен диалектическим осмыслением антиномий кризисной России и прояснений германского духа, в том числе на территории России. Если философ Фихте, патриот униженной страны начала XIX века, представляет своё видение общеевропейской миссии немецкой нации, то философ Бердяев в своём творчестве осмысливает взаимосвязи Германии и России – от конфликта между растущими странами до стремления стран униженных и оскорблённых возродиться в новом качестве. Взаимодействие двух стран определило характер мирового конфликта XX века.

В каком смысле можно говорить об этноконфессиональном применительно к советской системе и постсоветской реальности? Русский коммунизм, замечает Бердяев, есть трансформация и деформация старой русской мессианской идеи. «Коммунизм, не как социальная система, а как религия, фанатически враждебен всякой религии и более всего христианской. Он сам хочет быть религией, идущей на смену христианству... Нетерпимость, фанатизм всегда имеют религиозный источник¹⁰». И следующая мысль. «Недостатки русской демократии унаследованы от нашего рабства, и они должны исправляться в практике самоуправления¹¹».

Начало Первой мировой войны Бердяев встречает патриотом славянской расы, борющейся с агрессором – расой германской: «...это – духовная война, борьба за господство разного духа в мире, столкновение и переплетение восточного и западного христианского мира. В этой великой, поистине мировой брани Россия не может не осознать себя. Но самосознание её должно быть и её самоочищением¹²». В чём состоит противоположность духа двух народов? «Апокалипсис германцы целиком предоставляют русскому хаосу, столь ими презираемому. Мы же презираем этот вечный немецкий порядок¹³». В скорейшем окончании мировой войны Бердяев видит единственную возможность спасения христианской культуры Европы и России. Спасение от внутреннего взрыва, варваризации жизни народов истощённой четырёхлетней войной Европы и реального следствия катастрофы Евразии – господства на планете китайско-американского царства равенства, в котором невозможна динамика бытия побеждённых рас.

В нравственной оценке войны Бердяев замечает, что ответственность за зло войны лежит на всех её участниках. В поединке, в том числе в поединке

⁹ Там же. С. 337.

¹⁰ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. С. 129.

¹¹ Бердяев Н.А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. М.: Мысль, 1990. С. 198.

¹² Там же. С. 21.

¹³ Там же. С. 150.

народов надо уважать противника. «Да и неправдоподобно, чтобы мы были во всех отношениях лучше немцев и чтобы враги наши были такими уж низкими злодеями и воля их целиком была отдана неправде и злу. Так не бывает»¹⁴. Немцы в сражениях проявили не только насилие, но и свои лучшие качества. Приходится признать, что в духовной жизни германского народа были великие ценности, а не только культ силы. Много горькой неправды осознают у себя и признают русские мыслители, отмечает философ.

Но война обращается не к моральной оценке, не к справедливости, а к онтологической силе. «Дело идёт о мировом духовном преобладании славянской расы»¹⁵.

Германизм давно проникает в недра, тело и душу России, считает Бердяев. Петербургский период русской истории под знаком влияний немцев. Русский народ почти готов был примириться с мыслью, что управлять им могут только немцы.

Почему примириться? Из инстинкта самосохранения русский народ подчиняется внешней силе, но считает её низшим состоянием. В этой оценке силы есть своя историческая правда. Л. Толстой своими знаменитыми вопросами формулирует особенности морального склада русского народа. Но в непротивлении есть своя опасность, полагает Бердяев. «Русские всего более нуждаются в закале характера. Русская доброта часто бывает русской бесхарактерностью, слабоволием, пассивностью, боязнью страдания. Эта пассивная доброта, всегда готовая уступить и отдать всякую ценность, не может быть признана таким уж высоким качеством. Есть доброта активная, твёрдая в отстаивании ценностей. Только к такой доброте нужно призывать. И нужно противиться расслабляющему и размягчающему ужасу перед болью и жестокостью жизни»¹⁶.

Притязания на мировое владычество, историческая миссия народа может быть оправдана высшим качеством привносимых духовных ценностей. В творчестве реализуется историческое соревнование германской и славянской рас. «Внести же в мир творческие ценности мы может лишь в том случае, если будем повышаться и в ценности и в качестве нашего собственного бытия»¹⁷.

Как повысить ценность и качество собственного бытия? Посредством самоорганизации народа, демократии? «Духовно-религиозную почву имела не демократия, а декларация прав человека и гражданина, которая родилась из утверждения религиозной свободы совести в общинах реформации»¹⁸. Но декларация прав человека и гражданина в практике общественных движений сводилась к решению утилитарных проблем. Для многих русских людей, при-

¹⁴ Там же. С. 165.

¹⁵ Там же. С. 167.

¹⁶ Там же. С. 163.

¹⁷ Там же. С. 74.

¹⁸ Там же. С. 196.

выкших к гнёту, демократия представлялась чем-то простым, неким даром народу, разрешающим всё и вся, сразу и навсегда. Упрощённо мыслилась демократия и в крайних социально-политических учениях. В борьбе против неправды забывали, что религия демократии в варианте якобинской диктатуры не освобождает, а подавляет личность. По отношению к личности недалеки от якобинцев варианты буржуазной демократии и социальной демократии К. Маркса. В практическом подавлении личности демократия и монархия могут быть одинаково результативными.

«Демократия есть организованная и обнаружившаяся вовне потенция человеческой природы народа, его достигнутая способность к самоуправлению, к властвованию»¹⁹. Властвование начинается с власти над собой. Национальная демократия начинается с воспитания национального и личного характера. Подлинная демократия связана с духовными ценностями. Утрата национального самообладания ведёт к деспотии. Демократическая метафизика и метафизическая демократия в России выработала мораль притязаний, ожиданий благ извне. Она ориентируется на внешние признаки демократии без изменения человеческого содержания. Для неё важно утилитарное использование масс, а не существование народа. Это путь и практика вырождения демократии.

Изложенного достаточно для последующего осмысления сущности и перспектив этноса «русские немцы» в нашей концепции.

Акцент на разделении немецкого и русского применительно к русским немцам объективно означает принятие метафизического основания национального, то есть аргументирование неизменности, несовместимости и потому неизбежной конфликтности бытия наций. Метафизика – основа философии и идеологии национализма, изоляционизма. Диалектическое понимание национального схватывает единство устойчивости и изменчивости, поэтому оно перспективно в осмыслении сущности и динамики народа как органичной части единого человечества, сущности и перспектив динамичной общности «русские немцы».

Заметим, что термины «русский» и «немецкий» несут множество смыслов. Смыслы, признанные сообществами учёных, состоят в следующем. «Немцы» – общеславянское обозначение германских по происхождению западных, северо-западных соседей в Европе, постепенно конкретизированное применительно к населению исторической и современной Германии. Славянский термин «немцы» принят российскими немцами в качестве самоназвания. В свою очередь, «русские» – обозначение населения Российской империи–СССР–РФ. Общность «великороссы», как историческая основа русских, есть процесс и результат консолидации части племён восточных славян с несколькими пограничными группами общностей северо-восточной Европы и северо-западной Азии. Включение финского и тюркского элементов в состав формирующихся

¹⁹ Там же. С. 198.

великороссов, а также влияние германских профессионалов в элите Российской империи очевидны и давно получили признание. Великороссы как общность отличаются от малороссов и белорусов, несмотря на общие славянские корни. Безусловно, пограничные регионы бытия трёх славянских этносов состояли из смешанного населения; последующая динамика миграций переносила представителей пограничных групп в другие регионы страны и планеты.

Самоназвание «русские немцы» применительно к конкретному этносу России–СССР–СНГ есть признание конкретной динамической общности и культуры, – результат и процесс относительно длительной коэволюции нескольких субкультур германского происхождения в составе полиэтнической общности «русские». Правомерно выделение двух основных, качественно различных групп русских немцев: элиты, состоящей из наследственной аристократии и высших профессионалов, и массы. Группа массы, обозначенная нами «немцы-агрии», включает исторические конфессионально-этнические общности русских немцев с исторически общим социально-профессиональным и этнообразующим основанием. Общее основание – аграрно-индустриальное производство в единстве социального, экономического и духовно-культурного аспектов. Немцы-агрии – этнос-сословие России–СССР–СНГ.

Первая группа органично вошла в состав элиты Российской империи и разделила её судьбу. Вторая, этнос-сословие, исторически трансформировалась рядом и вместе с крестьянским большинством населения России в качестве относительно самостоятельного этноса. Основные этапы становления общности немцев-агриев: 1) консолидация по конфессионально-региональному принципу в относительно замкнутых округах европейской части Российской империи; 2) консолидация с народами всей страны, прежде всего славянами, в процессе непосредственного общения. Второй этап стал реальностью после реформы округов и ряда миграций этнических немцев. Это доминирующая составная объективного процесса становления этноса.

Подчинённый аспект объективного процесса становления реализовался в сохранении и преобразовании наличного, преимущественно германского этнокультурного наследия, а также в непосредственных и опосредованных связях с близкой культурой германских стран Европы. Общегерманское наследие трансформировалось на первом этапе, – этапе консолидации поселенцев в конфессионально-региональные группы общности «русские немцы». Научный исследователь российских этнических немцев, известный ученик Ф. Брауна В. Жирмунский внятно сформулировал и достаточно аргументировал результаты консолидации этноса по состоянию на начало тридцатых годов двадцатого столетия. Если обобщённо представить выводы учёного, то получим констатацию научного факта: наличие нескольких конфессионально-региональных субэтносов русских немцев России–СССР. Русские немцы создали версии инновационной культуры с протогерманской основой. В этой культуре есть элементы

повседневности ряда регионов общегерманской части Европы восемнадцатого века. Для культуры Германии эти элементы стали историей.

Сравнительно интенсивные духовно-культурные контакты между организациями поселений этнических немцев и соответствующими сферами германских государств, затем единой Германии существовали до разрыва отношений между СССР и Германией. Стажировки в Германии и литература из Германии были доступными всему населению России–СССР. Для этого достаточно было желания и владения диалектами немецкого языка, литературным немецким. И то, и другое не было редкостью в России–СССР того периода. Полагаем, что связи поселений русских немцев с Германией принципиально не выделялись. Почему не выделялись? Общегерманская составная российской культуры того времени была самодостаточной. Контакты с Германией по значимости уступали связям русских немцев с организациями германских общностей Америки. Германские общности Америки, а не Германии, пополнились выходцами из этноса русских немцев, эмигрировавшими из России в конце XIX столетия и в двадцатые годы XX века.

В чём же этническая специфика русских немцев, тогда и сейчас? Конечно, в признании себя двуедиными: россиянами, потомками выходцев из германских государств XVIII–XIX столетий. Русские немцы – этнически пограничный феномен. Они – граница-грань, связующая близкие культуры и сближающая культуры с значительными различиями. Русские немцы едины в трёх аспектах созидания: наследники – общегерманской культуры, приёмники – общерусской культуры, творцы-коммуникаторы – версии консолидирующей культуры, пограничной в смысле уникального потенциала объединения и последующей коэволюции метаэтносов Северной Евразии. Поэтому трагедия разломов культуры Евразии отзывается в них и на них онтологическим разрыванием существа.

Самосознание, осознание общности – главный признак личности и группы. Разумеется, в том случае, если мы признаём специфически человеческим социокультурную составляющую, а не ограничиваемся констатацией биологического, животного в живом существе. Самосознание есть духовно-нравственное выражение объективного и субъективного в бытии индивида и группы. Как минимум, двойственность – источников культурного наследия и исторической родины – стала основой для трансформации самосознания русских немцев в целом и характера реагирования компонентов самосознания на конкретную ситуацию исторического бытия. Особенности самосознания отразились в полемических суждениях о «русском» или «германском» существе русских немцев, как минимум, с середины XIX века. Эти суждения остались бы на уровне частных жизнеописаний – персон, семей и поселений, – если бы не хроническое воздействие на население страны взаимоотношений России и Европы, в первую очередь, России и германской части Европы. Историческое «западничество» распространяло притягательную прелесть европейского на русских немцев, историческое «славянофильство», «почвенничество» обнаруживало у

русских немцев неприятные ему черты германского духа. Речь идёт не об органичной гуманитарной знанию и подлинному исследователю-гуманитарию субъективности, а о конъюнктуре, имеющей объективное основание и, самое главное, вполне конкретные следствия для судеб русских немцев. И не только немцев; здесь проявляется общее наследия России–СССР–СНГ. Так, данные переписей населения страны, – пожалуй, одного из самых объективных источников эпохи перелома – показывают скачки в численности отдельных народов, социальных и социально-профессиональных групп. Разломы бытия всего сообщества ставят новые или относительно новые однозначные вопросы, на которые представители групп, – групп, как минимум, двуединых в самосознании, – дают ответы по своему разумению. Это онтологический момент исторического бытия России и в России; он определяет характер и место динамичного группового самосознания, как уровня общественного самосознания, в динамике страны.

Двуединое бытие русских немцев не исчерпывает онтологию российско-русского бытия. Россия, как любая историческая страна, развивается противоречиво, в том числе единством развёртывания противоположностей качественного и количественного, интенсивного и экстенсивного. Соответственно, растут или сжимаются мощь, международное влияние, да и территория страны. Россия со времени экспансии Московского государства включает совокупность народов и множество социально-профессиональных сословий. Конкретная политическая элита страны, независимо от самоназвания элиты и государства, стремится реализовать императив бытия любого сообщества – фактическое единство множества и единство во множестве. Есть два существенных слагаемых реализации: состояние страны и качество элиты. Господствующая идеология исторической России состоит в доминировании государственности. Идея аргументируется следствием и условием реального бытия пёстрого по составу сообщества в природных особенностях сравнительно большой территории и преимущественно недружественной политики соседних государств. Соответственно, безоговорочное служение государству – декларируемый долг; долг-обязанность личности, всех народов и сословий. Конкретное наполнение идеи служения как долга определяется совокупностью факторов и набором средств. Государственное насилие, освящённое идеей общего блага, осуществляется служащими государственного аппарата России, конкретными людьми с определённым социально-культурным наполнением и антропологическим обликом. Восстание против государственного насилия, освящаемое идеей освобождения общества от несправедливого владычества лица и его окружения, есть протестная форма, конкретизирующаяся выступлением одних групп населения против других. Восстание, в фазах скрытого и открытого насилия, на деле является выступлением для улучшения положения своей группы перед другими и за счёт других. Естественно, восстаёт не случайная, а организованная группа, полагающая, что единственно таким путём она достигнет желаемого и достойного её

места в социуме. В этом плане представляется глубоким суждение В. Ключевского: «...государственные обязанности отличаются неодинаковой тяжестью, и если они разделены между классами, а не падают все одинаково на всех, то их удельный вес даёт преимущество менее обременённым классам, позволяя им в потоке юридических отношений держаться выше других»²⁰.

Личности-лидеры, представляющие класс, могут выиграть или проиграть вместе со своим классом. Лидеры выигравшего класса, вместе с правом и обязанностью управлять, получают лучшую возможность убеждать население, что все государственные обязанности отныне и вовек падают одинаково на всех. Если это не удаётся, то можно попробовать перенаправить возмущение массы, например, удалением одиозных лиц из состава правителей или актуализацией дежурного козла отпущения в лице класса-группы-народа.

В государстве единого или единственного этноса с узаконенной субординацией сословий конфликт приобретает форму борьбы сословий или классов. В многонациональном государстве, где так или иначе узаконена субординация народов, конфликт приобретает форму борьбы народов. Специфика России–СССР–СНГ состоит в том, что зачастую сословность и этничность совпадают. Господствующий слой страны и её высшая бюрократия представлены элитой господствующего народа и наоборот. Поэтому существо состоит не в форме государства, и не в юридическом признании доминирования той или иной группы, а в прикрытии действительности. Реальный приоритет с его фактической субординацией неравенства прикрывается паритетом декларируемым. Прикрытие, то есть легитимация выгодного положения конкретных групп, обеспечивается идеократической составляющей власти.

Представляется, что существо войны позволяет перейти на следующий уровень постижения сущности бытия стран, в том числе России–СССР–СНГ и Германии. Война как организованное и легитимное насилие есть исторически проверенный атрибут бытия сообществ людей. Если идеократия – преобразование, то есть идеологическое осмысление социально-политического бытия, то фобократия – превращение, то есть реальная основа социально-государственного и государственно-политического бытия. Фобократия, как реальная основа социально-политического бытия, есть власть страха, демонстрируемое организованное насилие, диктатура страха. Власть какого страха? Не угрызение совести нравственно развитой личности, не фобия социально больного человека по философствующему психиатру Фрейдю, а страх онтологический, осмысленный в философии экзистенциализма, прежде всего у С. Кьеркегора (Angst). Онтологический экзистенциальный страх есть начало животное – двуединый инстинкт самосохранения и самоуничтожения – в человеке; начало, превращающееся в собственно человеческое бытие, развивающееся уровнями бытия

²⁰ Ключевский. В.О. Сочинения: В 9 т. Т. 6. Специальные курсы / Под ред. В.Л. Янина. М.: Мысль, 1989. С. 226.

и диалектикой форм социально-культурного страха. Каких форм? Страх парализации и страх стимуляции; страх хаоса и страх организации; страх разрушения и страх созидания. Страх как достижение свободы (самостоятельности и ответственности) и страх как избегание свободы. Страх как стремление к познанию и страх как стремление к незнанию. Страх действия и страх бездействия.

Страх в связи с желаемым, возможным и действительным общественным благом определяет поиск эффективных способов обретения и поддержания оптимального варианта социальной гармонии. Поиск общественного блага является основанием двух главных форм фобократии – фобократии ординарной или обычной и фобократии экстраординарной или чрезвычайной.

Диктатура террора, как чрезвычайная фобократия и соответствующая ей идеократия, может сравнительно быстро утвердиться даже в странах-символах планетарной культуры и цивилизации, исторических локомотивах планеты. Почему? Она эффектна и эффективна. Дезориентированное общественное настроение, – следствие унижения и разочарования вынужденным положением дряхлеющего социального аутсайдера, – она превращает в авангардистскую энергию созидания и оптимизма. Стремительность кардинального превращения отчаяния в восторг становится дополнительным фактором повсеместного утверждения почти мистического патриотизма. Эта форма патриотизма есть уверенность в своём будущем, есть убеждённость в непогрешимости своего народа и себя как представителя этого народа. Это страх-экзистенция потерянного навсегда и неожиданно обретённого вновь; это максимальное возрождение уровня переживания живой религии юной конфессии. По сути, это протестная антропозническая религия, называющая себя новым, альтернативным, именем или единственно возможным способом возвращения народа к истинным истокам. Это этноконфессиональный феномен, в котором этнос и конфессия возрождаются в обновлённых формах. Этноконфессиональный, даже если самоназвание феномена – национал-социализм или социалистический интернационализм, а идеология провозглашает преодоление традиционной конфессиональной религиозности.

Единая этноконфессиональная общность предполагает жертвенность, она способна перенести многие лишения во имя достижения общего блага и, что очень важно, она может сохранять жизнеспособность и социальный оптимизм. Отсюда радикальное двуединство её потенциала: спасение и гибель. Она обещает спасти от трудностей, она готова преодолеть системный кризис. К ней привыкают, её воспроизводят вновь и вновь. Поэтому ещё никому не удалось безболезненно перерасти её позитивность более высокими достижениями.

Приглашение европейских аграриев для интенсивной колонизации отвоёванных пространств степей есть факт социальной стратегии Российской империи, предполагающий целенаправленную организацию хозяйствования. Это пример взвешенного влияния централизованной политической власти на соотношение стихийного и сознательного в самоорганизации социума. Теоретико-

идеологическая составная стратегии покоилась на философии органического, предшествующей современным концепциям организма и популяции. Европейские поселенцы должны были адаптироваться к условиям степи, укорениться в качестве форпоста оседлой культуры России и превратить целину в оазис российской аграрной инновационной культуры не ниже европейского уровня. Предполагалось, что передовой опыт европейских аграриев, адаптированный европейскими поселенцами к условиям степной России, будет успешно усваиваться и распространяться земледельцами страны в процессе непосредственного взаимодействия поселений. По ряду причин основная масса новых поселенцев прибыла из германских государств.

Насколько удался эксперимент, каковы его социально-экономические результаты и следствия? Множество аргументов полемики, в том числе в научной среде, о степени успешности этого замысла политической власти России, в идеократии используют произвольно, скрывая подлинные интересы властвующих групп и групп, стремящихся влиять на политическую власть России–СССР–СНГ для достижения своих стратегических целей. Полагаем, что наличие единого круга проблем в исторической полемике учёных и идеократов свидетельствует, как минимум, о противоречивой неоднозначности успеха эксперимента.

Самым прозрачным представляется факт создания поселенцами оазисов уникальной инновационной аграрной культуры. Остановимся на очевидном. Со второй половины XIX века наблюдаются две пересекающиеся тенденции. Первая связана с исчерпанием свободных земель в регионах первоначального поселения русских немцев и появлением системы их дочерних поселений в восточных регионах степи, сравнительно недавно вошедших в разряд пахотных земель оседлой культуры. Появление относительно свободных земель на востоке страны – следствие дальнейшего оттеснения кочевой культуры степи. Вторая тенденция – стремление конкретных групп вытеснить русских немцев-аграриев из созданных ими агрогородов в регионах европейской России и переселить их на периферию восточной части империи. Потребность в новых землях – свидетельство естественного прироста русских немцев. Стремление переселить немцев на восток страны – признание высокой ценности возделанных земель в западных регионах России, – ценности, созданной трудом поколений свободных землевладельцев-земледельцев разных этносов, прежде всего, русских немцев. Попутно отметим, что в проблеме переселения немцев-аграриев на восток страны есть исторический интерес уровня национальной безопасности страны, интерес, превышающий потенциально возможный военный конфликт Германии и России: утверждение Российской империи на Востоке всерьёз и надолго. В пользу фактического признания успешности русских немцев-аграриев в создании эффективного производства и поддержания стабильной полиэтнической среды говорят соответствующие документы центральной политической власти СССР. В документах 1941 года, санкционировавших

депортацию этнических немцев, как объясняется, для гарантии их безопасности, отмечается, что в местах вселения, районах Сибири и Казахстана, достаточно пахотных земель. Местные органы власти обязываются принять имущество и скот у выезжающих и обеспечить приезжающих минимумом, необходимым для жизни и работы. Сельских жителей колхозами размещали в сельской местности, горожан – в городах. Ведь Сибирью, по мнению М. Ломоносова, Россия будет прирастать.

Депортация 1941 года, учитывая сложный период необычайно жестокой войны, была хорошо организованным переселением русских немцев в азиатскую часть страны на новое постоянное место жительства. Этим переселением политическое руководство СССР показало, что режим уверен в своей жизнеспособности, что страна не отказалась от традиционной стратегии развития.

Документы СССР, начиная с августа 1941 года и по 1991 год, состоят из двух смысловых частей. В первой языком идеократии конкретного времени обосновывается вторая часть. Во второй части излагаются меры восстановления гражданских прав, в первую очередь, – мероприятия хозяйственного и культурно-языкового порядка – для дальнейшего укоренения этнических немцев в местах их современного проживания с корректным напоминанием, что в местах прежнего проживания немцев живут люди с правами и законными интересами.

Итак, русские немцы-аграрии фактически признаны правящей элитой России–СССР стабильным сословием, воспроизводящим эффективных производителей преимущественно агропромышленного комплекса. Это качество обусловило расселение и меры удержания русских немцев в стратегически значимых регионах и отраслях хозяйствования.

В аспекте национально-государственном депортация этнических немцев тоже оказалась звеном последовательной политики.

Национально-государственное строительство стало крупной инновацией коммунистов-большевиков со своей предысторией. Всплеск национального самосознания у народов Российской империи, необходимость выбора между единой и неделимой империей и конфедерацией народов стал хронической головной болью политической власти. Ленин мечтал о лучшей перспективе соединённых штатов России и понимал, что практика национально-государственного строительства в России должна реагировать на центробежные тенденции, характерные для империи. Стратегия развития СССР предполагала консолидацию народов страны в содружество слоёв и народов в рамках новой социальной общности «советский народ». Федерация национальных государств как стратегия, а не тактика, стала компромиссом идеократии с реальностью. Субординацию форм государственности ряда наций и народностей пытались компенсировать формами культурно-национальной автономии всех народов на всей территории страны.

Форма пролетарской государственности немцев Поволжья, то есть части русских немцев, была создана в критический для власти большевиков период. Это был продуманный политический шаг с ожидаемыми позитивными следствиями на развитие мировой пролетарской революции, начиная с комплексного воздействия на Германию. Война с Германией стала почти идеальным поводом для окончательной ликвидации формы государственности русских немцев, потерявшей к тому времени всякую ценность для политики растущей сверхдержавы СССР. В послевоенный период увеличившаяся рассеянность расселения немцев стала аргументом в пользу удовлетворения культурно-языковых потребностей этнических немцев независимо от места их проживания без возрождения национальной государственности. Аргументом для кого и почему? Необходимость ответить на трудные вопросы представителей политически активной части русских немцев. Один из ответов, проект национально-государственной автономии этнических немцев на территории Казахстана, унитарного государства СССР, – показал степень владения центральной властью искусством идеократии.

На духовно-культурной составляющей русских немцев депортация сказалась меньше всего. Начало существенным изменениям в этой сфере было положено раньше. Русские немцы, мужчины и женщины, показали сравнительно высокую для сельских жителей динамику заключения межнациональных браков, прежде всего со славянами, ещё до второй мировой войны. Открытость для консолидации вплоть до растворения в составе этнически близкого народа – яркий признак позитивной мобильности этноса. Почему позитивная мобильность немцев? Немцы Российской империи владели германскими диалектами и литературным немецким, создали региональные диалекты – койнэ, могли объясниться на великорусском и (или) украинском языках. Начальное образование в немецких поселениях было поставлено сравнительно хорошо, порой лучше, чем конфессиональная составляющая. Реорганизация округов поселенцев в Российской империи положила начало активному непосредственному взаимодействию групп русских немцев с группами ближайших этносов, преимущественно с великороссами и украинцами. Русские немцы в целом приняли культурную революцию коммунистов-большевиков в СССР, как немцы Германии приняли культурную революцию национал-социалистов в своей стране. У двух форм культурной революции одно реальное основание – государственно-политическое мировоззрение, по сути, антропоэтническая религия единой и единственной конфессии, с её духом раскрепощения, творчества, уничтожения преград к единению людей, призывом возродиться в новом качестве и в новой общности для всех. Культурная революция с мощным идеологическим наполнением массового искусства и, соответственно, средств массовой информации – основное историческое деяние идеократии и воплощение её существа.

Объединения традиционных конфессий, официально признанные в годы войны, стали единственной легальной формой культурно-идеологической оппозиции в СССР. В них русские немцы возродили традиции самоорганизации и самодеятельности германской общины-марки, восходящие к эпохе Реформации, и превратили свои религиозные объединения в национальные клубы на конфессиональной основе. Эти самодостаточные этноконфессиональные центры опирались на единство семейно-родственной группы и конфессиональной общины. Пристальное внимание господствующей идеократии к этим объединениям выразилось в разработке идеи о взаимосвязях на антисоветской основе актива религиозных русских немцев и буржуазной идеологии ФРГ. Идеократическим символом антисоветской направленности немецких религиозных объединений стали меннониты. Идеократия не ограничивалась отработкой идеи на уровне теории, она занималась интенсивной пропагандой своих ценностей. Конфликты сторон на межличностном уровне были неизбежными. Факты межличностных конфликтов интерпретировались в системе ценностей советской и антисоветской идеократий.

Нерелигиозное большинство этнических немцев, находящихся вне объединений этноконфессиональных общностей, консолидировались в составе общности «советский народ» на основе официальной идеологии и практики. В идеологии «советский народ» оформилась эффективная по влиятельности идея о языке как доминанте этнического и межэтнического общения. Соответственно, критерий этничности русских немцев свели к загадочной формуле «владение немецким языком как родным». Представляется, что суждение имеет смыслы, схватывающие фактическое бытие русских немцев в реальной общности «советский народ». Во-первых, этнические немцы зримо отличаются от восточных славян самоназванием. Во-вторых, остаточное владение диалектами немецкого языка в качестве ведущего признака этнического у русских немцев утвердилось в общественном сознании не без влияния языковой идеологии. В-третьих, в общеобразовательной школе России–СССР среди иностранных языков господствовал немецкий. В местах совместного проживания русских и немцев фактическая этничность по критерию – признанию немецкого в качестве родного или иностранного – создала парадокс взаимопревращения немцев и русских. Поэтому в послевоенные годы выходцы из межнациональных семей чаще выбирали перспективную национальность, преимущественно русскую. Поэтому постсоветские переписи в странах СНГ, за исключением России, потеряли множество русских из советских переписей населения. Поэтому в девяностые годы, когда массовая эмиграция в Германию стала не только исключительно привлекательной, но и реально возможной, в СНГ вдруг появилось на удивление много этнических немцев. Кстати, информация к научному осмыслению германо-немецкого компонента в этничности русских немцев: за всю историю сравнительно массовых эмиграций русских немцев из России–СССР–СНГ, единственно постсоветская эмиграция предпочла Германию, а не Америку.

Депортация 1941 года стала последовательным шагом и в процессе низведения русских немцев в иерархии народов и классов социально-этнической структуры общества. Или, языком П. Сорокина, – в нисхождении страты русских немцев в вертикальной мобильности социума. Факт нисходящей динамики русских немцев очевиден. В основании попыток объяснить её присутствует скорее субъективизм идеократии, чем научно-философская объективность. Начнём с напоминания, что замысел и воплощение социального эксперимента, положившего начало бытию группы «русские немцы», принадлежит высшей элите Российской империи XVIII – начала XIX столетий. Роль германского элемента в жизнедеятельности русского общества того периода была значительной потому, что среди профессионалов полиэтнической элиты русского общества – политиков, учёных, деятелей искусства, военных, техников, администраторов – было сравнительно много немцев. Россия того времени была аграрно-индустриальной страной, – индустриальной в смысле существенной доли промышленности, занятой непосредственной переработкой продукции сельского хозяйства. Итак, два фактора – перспективный замысел высшей политической власти стимулировать развитие социума очередным привитием европейской культуры посредством труда европейцев-германцев, и господство аграриев в социуме, экономике и политике – определили высокий социальный статус группы русских немцев-агров. Промышленная революция в Европе утвердила новые приоритеты. Россия инновационная, благодаря могучему потенциалу и в целом эффективным реформам, стремительно развивалась, не отставая от передовых стран Европы. Россия консервативно-традиционная, как могла, хранила и приумножала духовно-нравственную составляющую страны. Россия террористическая прокладывала дорогу к захвату политической власти для кардинального переустройства общества посредством чрезвычайной власти страха фактически в интересах этносоциальных страт-аутсайдеров. Диктатура коммунистов-большевиков в борьбе за удержание власти, выборе средств для легитимации режима оказалась достаточно гибкой. Поэтому стратегия политики советского государства стремилась учитывать ведущие особенности исторического бытия России – страны, социума, культуры, государства.

Преобразовательная деятельность политической власти коммунистов-большевиков, в терминологии идеократии, – объединение эксплуатируемых классов для уничтожения эксплуатации и эксплуататоров как класса; преодоление конфессиональной религии в целом как института, освящающего эксплуатацию, – была эффективной. Однако, первое воздействие диктатуры на этнических немцев оказалось ограниченно результативным. Почему? С позиции классового подхода, русские немцы двуедины: эксплуатируемые трудящиеся и крестьяне-собственники, потенциальные эксплуататоры, непосредственно связанные с германским отрядом мировой буржуазии. На деле, высокий авторитет религии, автономия общин конфессиональной религии оказались

устойчивее, чем предполагали идеологи. Значительная доля среднего класса и его влияние в немецких поселениях затрудняли организацию деятельности революционных комитетов бедноты.

Растущая эмиграция русских немцев была предусмотрительно запрещена. В годы коллективизации все проблемы кардинально решили массовым переселением, – на словах, немцев-кулаков, на практике, селениями, – в места, малопригодные для земледелия, а также на строительство будущих центров индустриальной мощи страны. Это было первое результативное воздействие на этническую группу в целом, положившее начало регрессивной динамике этноса русских немцев в советском социуме. Вторым и окончательным ударом стала политическая ликвидация партийно-советского актива этнических немцев в рамках мероприятий депортации 1941 года. Послевоенное закрепление русских немцев на местах поселения, действующее до 1956 года, затем региональные ограничения миграции, система ограничения социально-профессионального роста, – в совокупности обеспечили консервацию места этноса в социальной структуре советского общества.

Итак, депортация в смысле принудительного переселения социальных групп и народов внутри страны для форсированного решения проблем уровня национальной безопасности, есть исторический инструмент чрезвычайной диктатуры, органичное средство государственной политики России–СССР–СНГ. Депортация 1941 года оказалась мощным объективным фактором, существенно повлиявшим на качество последующего бытия этноса русских немцев. Фобократия и идеократия диалектикой социального созидания и разрушения определили исторические утраты и приобретения, современное состояние этноса «русские немцы» и неоднозначная перспектива его бытия на пространствах Северной Евразии. Сословие-этнос «русские немцы» останется проверенным, надёжным средством политики чрезвычайной диктатуры страха или, наконец, станет целью, одним из выверенных вариантов консолидации групп в едином сообществе культурно-цивилизированного саморазвития-преодоления онтологического страха?

Социально-политическое положение немецкого населения СССР, мобилизованного в «трудовую армию» в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)

Мобилизации трудовых ресурсов для нужд народного хозяйства в годы Великой Отечественной войны проводились руководством СССР и привлекались к ней все трудоспособное население независимо от национальности. При этом в наиболее худшем положении оказались мобилизованные граждане СССР немецкой и других национальностей стран союзников фашистской Германии.

Структуру мобилизаций, по мнению П.Н. Кнышевского можно определить следующим образом:

Местные мобилизации из числа местного городского и сельского населения.

Межтерриториальная мобилизация. Применялась, когда район испытывал дефицит трудовых ресурсов и в связи со строительством новых предприятий и перемещении эвакуированных с западных районов страны.

Трудовые мобилизации военнообязанных запаса из числа негодных по состоянию здоровья, но годных к физическому труду. Этой мобилизацией занимался Наркомат обороны через Главное управление формирования и укомплектования войск.

Мобилизация по национальному признаку из числа граждан СССР корейской, румынской, венгерской, итальянской, финской, болгарской, греческой и турецкой национальностей, калмыков, крымских татар и представители ряда других национальностей.

Мобилизация немецкого населения СССР в «трудовые армии». Эту категорию граждан необходимо выделить отдельно, поскольку она имела ряд особенностей по социально-политическому положению мобилизованных¹.

Если призыв по трудовой мобилизации в отношении других национальностей проводился из числа граждан призывного возраста, годных по состоянию здоровья к физическому труду, то в отношении немецкого населения он не соблюдался. Призывались граждане немецкой национальности младше и старше призывного возраста и гражданки немецкой национальности в возрасте от 16 до 45 лет, кроме беременных и имевших детей в возрасте до трех лет².

Призванные на службу в рабочие колонны граждане других национальностей, считались военнообязанными, и на них распространялся устав

¹ Кнышевский П.Н. Государственный Комитет Обороны: методы мобилизации трудовых ресурсов // Вопросы истории. 1994. № 2.

² См.: Герман А.А., Курочкин А.Н. Немцы СССР в «Трудовой армии (1941–1945)». 2-е изд. М.: Готика, 2000. С. 63.

внутренней службы в основном в части касающейся обязанностей и видов наказания.

Правовое же положение мобилизованных немцев (трудармейцев) в рабочих колоннах и отрядах, их режим труда и условия содержания определялись уже известными нам постановлениями Государственного Комитета Обороны СССР, соответствующими приказами и инструкциями об использовании на предприятиях и стройках рабочих колонн из мобилизованных немцев.

Известный нам приказ № 0083 Наркома внутренних дел от 12 января 1942 г. «Об организации отрядов из мобилизованных немцев при лагерях НКВД» трудармейцев размещали отдельно от заключённых в специально созданных для них лагерных пунктах.

Согласованные с НКВД инструкции Наркомата угольной промышленности (без номера от 11 ноября 1942 г. и № 540 от 3 декабря того же года) и Наркомата нефтяной промышленности (№ 541 от 2 декабря)³ требовали селить трудармейцев в казармах-бараках колоннами. Причём все колонны размещались в одном месте – «зоне», ограждённой забором или колючей проволокой. По всему периметру зоны предписывалось круглосуточно выставить посты военизированной охраны, блокпосты караульных собак и дозоры. Стрелкам охраны ставились задачи пресекать попытки побегов, осуществлять «местный розыск» и задержание дезертиров, не допускать общения немцев с местными жителями и заключёнными.

Кроме охраны мест расквартирования («зон»), осуществлялась охрана маршрутов передвижения и места работы мобилизованных. На путях движения колонн выставлялись скрытые посты охраны, которые располагались в заранее определённом месте с целью перекрытия путей наиболее вероятного движения беглецов. После окончания продвижения колонн на работу и обратно посты снимались.

Район работ перед прибытием мобилизованных окружался скрытыми постами и оцеплением, которые дополнялись дозорами для осмотра местности с внешней стороны оцепления, конными стрелками на дорогах, ведущих в населённые пункты и прилегающих к участку работ, оперативными заслонами на перекрёстках дорог и узких местах возможного продвижения беглецов, служебными собаками для обыска местности с внешней стороны. У входа на рабочую площадку выставлялся контрольно-пропускной пункт, а на территориях самих площадок устанавливалось дежурство стрелков без оружия, на которых возлагалось проведение периодической проверки, не реже одного раза в час, численности работающих мобилизованных немцев по бригадам⁴.

Основные положения этой инструкции почти дословно воспроизводили положения Временного наставления по службе охраны исправительно-трудовых

³ См.: Там же. С. 74.

⁴ См.: Там же. С. 78.

лагерей НКВД, разработанного для заключённых. Таким образом, рабочие отряды и колонны из мобилизованных немцев практически ставились на положение осуждённых, по трудармейцам даже разрешалось применение оружия.

Наиболее полно и последовательно требования инструкции по размещению и охране рабочих колонн осуществлялось в рабочих отрядах и колоннах, сформированных при лагерях и стройках НКВД. Руководство этих подразделений состояло из работников лагерной администрации и имело большой опыт в осуществлении лагерного режима содержания заключённых. Несколько в лучшем положении по режиму содержания находились рабочие колонны при предприятиях наркоматов угольной и нефтяной промышленности. Инструкции этих ведомств определяли размещение мобилизованных в зонах «как правило, ограждённых забором или колючей проволокой» под усиленной охраной ВОХР⁵.

В отдельных случаях разрешался выход за пределы «зоны» по увольнительной записке с указанием места следования и времени увольнения. Формула инструкции позволяла руководителям предприятий в зависимости от местных условий содержать мобилизованных в различных режимах: от «зоны», огороженной колючей проволокой и сплошным дощатым забором с козырьком и восемью вышками, как это было на комбинате № 179 Наркомата боеприпасов (он располагался на территории бывшего Сиблага НКВД), до полного отсутствия какого-либо ограждения и размещения трудармейцев в населённых пунктах по квартирам (Так было в некоторых шахтёрских городках).

Интересен приказ Наркома угольной промышленности № 253/А/С от 29 апреля 1943 года. В нём отмечаются нарушения режима содержания на ряде шахт всё того же Кузбасса. «Так, на шахтах имени Ворошилова и имени Калинина бараки, в которых расселены немцы, не ограждены, вооружённая охрана в зонах не организована, на шахте Бабаевская треста «Куйбышевуголь» более 40 человек расселены на частных квартирах». На подавляющем большинстве шахт немцы ходили в сопровождении работников управления спецотряда только на работу, обратно возвращались без сопровождения и охраны. Приём и передача трудармейцев под расписку не производилась. Приказ требовал от управляющих трестами и заведующих шахтами к 5 мая 1943 г. огородить все общежития и бараки, в которых размещались мобилизованные и установить вооружённую охрану, прекратить выдачу увольнительных, переселить всех проживающих на частных квартирах в «зоны»⁶.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г. «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольные уходы с предприятий»⁷ установил уголовную ответствен-

⁵ См.: Там же. С. 79.

⁶ См.: Там же. С. 81.

⁷ Кнышевский П.Н. Государственный Комитет Обороны: методы мобилизации трудовых ресурсов. С. 55.

ность рабочих за неявку, самовольное оставление или дезертирство в виде тюремного заключения на срок от 5 до 8 лет.

Дела в отношении мобилизованных немцев рассматривались «особо», т.е. более жестко⁸.

В разъяснении № 128/17/10026 от 28 марта 1942 года, подписанном заместителем Наркома внутренних дел В.Чернышовым и заместителем Прокурора СССР Сафроновым, начальникам исправительно-трудовых лагерей и оперативно-чекистским отделам исправительно-трудовых лагерей, прокурорам лагерей предписывалось привлекать состоящих в рабочих колоннах немцев за дезертирство и «злостный» отказ от работы по статье 58-14 Уголовного кодекса РСФСР. Эта статья квалифицировала дезертирство и отказ от работы как контрреволюционный саботаж, «то есть сознательное неисполнение кем-либо определённых обязанностей или умышленно небрежное их исполнение со специальной целью ослабления власти Правительства и деятельности государственного аппарата». Санкции этой статьи предусматривали меры наказания в виде лишения свободы со строгой изоляцией на срок от одного года вплоть до «вышей меры социальной защиты – расстрела с конфискацией имущества»⁹.

С мая 1942 г. санкции по отмеченным выше нарушениям были ужесточены. Теперь эти нарушения квалифицировались по статье 59-14 УК РСФСР как преступления «особо для СССР опасные». Отсюда вытекали и более суровые меры наказания¹⁰.

Через хорошо налаженную осведомительскую сеть органы НКВД зорко следили за политическими настроениями среди трудмобилизованного контингента и оценивали их, в основном, как удовлетворительные. В докладных записках фиксировались факты положительного отношения к мобилизации, когда призывавшиеся в «Трудармию» немцы расценивали её как выражение доверия Советского правительства к немецким гражданам СССР. Так, некто Х.Х. Киммель из Чановского района Новосибирской области говорил: «Хоть нас и пошлют на работу куда-либо, но это необходимо для фронта, а за свою семью я не беспокоюсь. Будут работать и кушать будет что».

Однако, прежде всего, оперативники выискивали недовольных. Недовольство, конечно же, имело место. Оно основывалось на тяжёлом материальном положении депортированных немцев, на сложных условиях жизни в рабочих колоннах, на обеспокоенности за судьбу своих близких, оставшихся дома. При

⁸ *Шадт А.* Правовой статус российских немцев в СССР (1940–1950-е гг.). Материалы 7-й международной научной конференции. Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и первое послевоенное десятилетие 1941–1955 гг. Москва, 19–22 октября 2000 г. М.: Готика, 2001. С. 295.

⁹ См.: Уголовный кодекс РСФСР. М., 1929. С. 30.

¹⁰ См.: Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 9401. Оп. 12. Д. 128. Л. 11.

мобилизации не единичными были высказывания типа следующего: «Если не обеспечите хлебом, в армию не поеду. Что хотите, то и делайте. Хоть расстреливайте на месте» (С.И. Август).

Нередко отмечались случаи «профашистской, антисоветской агитации» со стороны отдельных лиц, которые «использовали» отрицательные настроения среди трудармейцев, склоняя их «к организации по месту работы трудовых колонн саботажа и вредительства».

Эти же лица в условиях «концентрации» немцев на объектах народного хозяйства проводили «активную контрреволюционную работу». О характере этой «работы» свидетельствует приводимое в одном из донесений высказывание некоего К. Геринга: «Нас не в РККА призывают, а на строительство заводов. Но ничего, мы им настроим так, что все заводы будут стоять вверх ногами»¹¹. Принимать горяча вырвавшиеся из уст озлобленного человека слова за «контрреволюционную работу» – такое было в стиле работы сталинских чекистов.

Всех недовольных брали на учёт с последующим арестом, судом и направлением в лагеря НКВД в качестве заключённых. За 1942 год в рабочих колоннах при лагерях и стройках НКВД по нашим подсчётам было арестовано свыше 10,5 тыс. трудармейцев¹².

В конце 1943 – начале 1944 гг. режим содержания мобилизованных в рабочие колонны немцев был несколько смягчён. Изданные новые приказы наркоматов: угольной промышленности (№ 369с от 13 ноября 1943 г.); целлюлозно-бумажной промышленности (№ 440 от 2 февраля 1944 г.); инструкции наркоматов чёрной металлургии (от 26 марта 1944 г.) и по строительству (от 1 марта 1944 г.) разрешили снять с «зон» вооружённую охрану и заменить её вахтёрскими постами на контрольно-пропускных пунктах и подвижными постами на внутренней территории. Стрелки ВОХРа из вольнонаёмного состава заменялись мобилизованными из числа комсомольцев и членов ВКП (б). Вывод на работу стал осуществляться без охраны под командой начальника колонны или бригадира¹³.

По социальному составу мобилизованные немцы включали в себя представителей различных слоёв общества: интеллигенции, рабочих, крестьян. Так, на шахте Северная треста «Кемеровуголь» по состоянию на сентябрь 1943 г. рабочая колонна из 395 немцев имела следующую социальную структуру: интеллигенция – 34 человека (9%), в основном бывшие служащие (23 чел.); рабочее – 98 человек (25%); крестьяне-колхозники – 263 человека (66%). Образование выше семи классов имели 58 человек (15%), менее семи классов – 295 человек (74,6%), неграмотных – 42 человека (10,4%)¹⁴. Как видим, социальный

¹¹ См.: ГАРФ. Ф. 9479. Оп.1. Д. 112. Л. 58.

¹² См.: Там же. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1172. Л. 1–15.

¹³ См.: Там же. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 157. Л. 28–56.

¹⁴ См.: ГАКО. Ф. 210. Оп. 3. Д. 57. Л. 117.

состав и образовательный уровень «советских» немцев даже в такой маленькой группе людей, как рабочая колонна, приблизительно соответствовали средним показателям того времени для населения всей страны. Только вот люди, мобилизованные для принудительного труда, использовались далеко не по своим социальным, образовательным и профессиональным данным.

Многие научные работники и представители творческой интеллигенции, попав в «Трудармию», находили возможность работать по своей основной специальности и добивались в этом значительных успехов. Приведём некоторые примеры.

Бадер О.Н. – выпускник исторического факультета Московского государственного университета, доктор наук, палеонтолог. Находился в рабочей колонне Тагилстроя НКВД, работал секретарём-статистиком в медицинском стационаре кирпичного завода. В свободное от работы время проводил раскопки Горбуновского торфяника и обнаружил стоянки древнего человека времён палеолита. Фактически стал одним из основоположников уральской археологии. После расформирования отряда был отозван в Москву на прежнюю работу.

Гейнрихсдорф Г.Я. – врач-рентгенолог, кандидат медицинских наук, автор свыше 30 научных статей. В 1942–1944 гг. в составе рабочей колонны работал заведующим отделением больницы Ново-Тагильского металлургического комбината. Читал тагильским врачам лекции по рентгенологии, был председателем секции Нижнетагильского медицинского общества и исполнял обязанности главного рентгенолога города.

Раушенбах Б.В. – выпускник МГУ, кандидат технических наук. До войны работал в Москве в области ракетной техники. Находясь в «Трудармии» за колючей проволокой продолжал заниматься исследованиями. В 1946 г. был отозван в Москву, где начал работать над созданием ракетно-космической техники. Ныне Герой Социалистического Труда, академик Б.В. Раушенбах продолжает жить и работать в Москве.

Стромберг А.С. – после окончания Свердловского политехнического института с 1938 по 1942 гг. работал в Уральском филиале Академии наук СССР над разработкой технологии получения редких металлов из расплавленных солей методом электролиза. Кандидат технических наук. В апреле 1942 г. попал в «Трудармию» на тяжёлые физические работы. Однако, как видный специалист, в конце 1943 г. был возвращён на прежнее место работы – старшим научным сотрудником УФ АН СССР.

Положение трудармейцев во многом зависело ещё и от отношения к ним руководства объектов, на которых они работали. Оно было неодинаковым, где-то доброжелательным, где-то равнодушным, а где-то неприязненным и жестоким, вплоть до физического оскорбления.

В качестве примеров сострадательного отношения к немцам – трудармейцам можно привести целый ряд случаев, когда руководители отдельных

гражданских предприятий за совершённые немцами проступки, подпадавшие под уголовное наказание, применяли к ним предоставленные им дисциплинарные права, не передавая дела о проступках, как это полагалось в то время, органам НКВД. В частности, в докладной записке уполномоченного комитета партийного контроля при ЦК ВКП(б) Сурыгина в августе 1942 г. секретарь обкома партии Кулагин информировался о том, что управляющий трестом «Севкавтязстрой» Обухов «якобы для поднятия дисциплины на производстве и производительности труда своими приказами арестовывает рабочих за проступки, часто подлежащие наказанию в уголовном порядке, чем не укрепляет, а снижает дисциплину». Приказом от 10 июля 1942 г. Обухов подверг аресту на 10 суток рабочих Махера и Никольца с мотивировкой «за симуляцию и невыполнение норм», рабочего Кирхмееера за невыход на работу и самовольную отлучку, рабочих Родаца и Кольмана за «отказ выйти на прогулку и антисоветские высказывания».

Подобные проступки, по тем временам, в случае передачи дел органам НКВД, несомненно, привели бы не только виновных на скамью подсудимых, но и руководителя предприятия – к суду за укрывательство подобных фактов.

Необходимо отметить, что и сами руководители предприятий находились под гнѐтом репрессивных мер, введѐнных И.Сталиным с первых дней войны. Достаточно было указать в документе, что не выполнение установленного задания ГКО будет рассматриваться как особо опасное государственное преступление, контрреволюционное деяние или срыв важнейшей задачи оборонного значения, как ответственные должностные лица и исполнители оказывались в поле повышенного интереса органов НКВД с риском предстать перед Особым совещанием. Подобная практика вызывала синдром фискальства. Ряд наркомов, не дожидаясь докладов Сталину от контролирующих органов и упреждая собственное наказание, сами подавали в ГКО представления на «виновных лиц», своих подчинѐнных. Только в апреле–июле 1942 г. за невыполнение заданий ГКО были сняты с должностей и переданы в следственные органы НКВД по ходатайству Наркома боеприпасов Ванникова Б.Л. 8 директора крупных заводов, в том числе завода №320 – Н.С. Шишов, № 204 Ф.К. Губанов, № 80 № Чернозѐмов, №78 Н.А. Серов, №15 – С.А. Щекотихин¹⁵.

Руководители предприятий, в свою очередь, не считаясь ни с какими жертвами и лишениями, заставляли рабочих под угрозой уголовного наказания работать с предельным напряжением сил, зачастую по две смены подряд. Особенно не церемонились они с рабочими – трудармейцами. Не делалось скидок ни подросткам, ни старикам, в ход шли оскорбления, угроза, злоупотребления в продовольственном обеспечении. Приведѐм несколько примеров.

¹⁵ См.: Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 644. Оп. 14. Д. 14. Л. 144.

14-летняя Роза Штекляйн, работавшая на заводе № 65 Наркомата боеприпасов, одетая только в потрёпанное рваное платье и порванный ватник, с голыми коленками, без белья в мороз и стужу ежедневно ходила на завод туда и обратно по 5 км. Она систематически перевыполняла нормы, тем не менее, за четыре месяца получила за работу только 90 руб. Начальник цеха на её просьбу помочь талонами на дополнительный хлеб ответил грубым окриком: «Ступай к своему Гитлеру за хлебом». На этом же заводе имелись случаи злоупотребления хлебом в цехах, когда мастера незаконно удерживали у себя хлебные карточки, чтобы принудить людей к явке на работу, а затем выдавали не карточки, а талоны на дополнительный хлеб, норма по которым была значительно ниже, чем по карточкам¹⁶.

Имели место факты физического оскорбления мобилизованных. В приказе Наркома угольной промышленности № 368с от 12 ноября 1943 г. отмечалось, что заведующий шахты № 6 Гремячинского угольного разреза «Кизелшахтстрой» избил трудармейца Сандера, сменный мастер той же шахты Безгубенко избил немца Рейха. Начальник строительства этого управления Хохлов избил повара столовой Роота, начальник механических мастерских Щербаков избил мобилизованного Вольфа. Приказ предписывал управляющему трестом «Кизелшахтстрой» Звоницкому материалы по избиению мобилизованных немцев передать следственным органам для привлечения виновных к уголовной ответственности¹⁷.

В приказе № 9с по государственному каменноугольному комбинату «Кузбассуголь» от 5 февраля 1944 г. также отмечалось, что некоторые заведующие шахт и начальники участков допускают «хулигански грубое отношение к немцам вплоть до нанесения всевозможного рода оскорблений и даже избиений»¹⁸.

В акте обследования шахты им. Сталина указывалось, что среди работников шахты имеются нездоровые отношения к мобилизованным немцам. «Например, начальник 3 участка обозвал откатчицу Губер «фрицовой», а, по словам самой Губер в присутствии начальника колонны Христа толкнул её так, что она вынуждена была пойти на бюллетень». По словам Христа горный мастер Костомахов с 14 участка два раза избил рабочего Динкеля. Имелись случаи на 28 участке, когда неправильно записывали норму выработки, сознательно занижая реальные показатели. Так, в октябре 1943 г. рабочему Штейнке, рабочий номер 2869, вместо трёх перевезённых упряжек угля записали только одну. В этом же месяце рабочему Рейсбаху, рабочий номер 859, вместо 31 упряжки записали 5, в июне рабочему Гайкеру, рабочий номер 2879, вместо 20 записали 5 упряжек¹⁹.

¹⁶ См.: Государственный архив Новосибирской области (далее – ГАНО). Ф. 4. Оп. 34. Д. 194. Л. 147–148.

¹⁷ См.: Государственный архив Кемеровской области (далее – ГАКО). Ф. 456. Оп. 1. Д. 1. Л. 417, 419.

¹⁸ См.: ГАКО. Ф. 456. Оп. 4. Д. 20. Л. 26.

¹⁹ См.: Там же. Ф. 432. Оп. 1. Д. 15. Л. 16.

В приказе № 1с по государственному каменноугольному комбинату «Кемеровуголь» от 9 января 1944 г. приводился факт, когда начальник отдела рабочего снабжения шахты Северная Ляшенко категорически отказался снабжать мобилизованных немцев при наличии в ОПСе промтоваров, «игнорируя и грубо нарушая приказ НКУП № 368с от 12 ноября 1943 г., мотивируя тем, что пока я здесь, немцев обеспечить не буду никакими товарами и буду к ним относиться бездушно»²⁰.

На этом же комбинате начальник шахты Бутовка Харитонов, проводя общее собрание рабочих шахты 23 января 1944 года, на котором присутствовали и мобилизованные немцы, в своём выступлении огульно ругал всех рабочих-немцев, заявляя, что они являются врагами русского народа и что их нужно заставлять работать и без наличия у них спецодежды: «Мы их и голых заставим работать».

18 декабря 1942 г. парторг ЦК ВКП(б) шахты № 8 треста «Кемеровуголь» Абрамов и заведующий шахтой Доловатенко в пьяном виде прибыли в баню, угрожали репрессиями, оскорбляли трудармейцев и, в конечном счете, избили 7 немцев.

Справедливости ради необходимо отметить, что, несмотря на приведённые выше факты, всё же некоторые руководители, вольнонаёмные рабочие, большинство местного населения не только относились к мобилизованным немцам доброжелательно, но нередко даже помогали им, делясь с ними хлебом и другими продуктами. Многие директора заводов и начальникистроек охотно брали к себе рабочих и специалистов из рабочих колонн.

По свидетельству многих бывших трудармейцев отношение к немцам со стороны местного населения держалось под пристальным вниманием органов НКВД. Всех, кто хоть раз замолвил за них слово или помог в чём-либо, вызывали в парткомы и органы НКВД, где им втолковывали, что они не патриоты своей Родины, так как связываются с врагами народа. Особенно сильное давление оказывалось на мужчин и женщин любой национальности, если они вступали в брак с немцем или немкой. Для таких людей движение по служебной лестнице было закрыто²¹.

И всё же смешанных браков, в которых один из супругов был немец, в годы войны совершалось немало.

В Тагиллаге НКВД в 1942–1945 гг. под карцер была приспособлена старая часовня, обнесённая колючей проволокой. Трудармейцы дали ей название Тамара – по имени русской девушки, к которой отлучился молодой трудармеец, за что ему и была предоставлена «честь» первым освоить этот карцер.

Многие бывшие трудармейцы-немцы добрым словом вспоминают генерал-майора Царевского, назначенного в начале 1943 г. начальником Тагилстроя

²⁰ ГАКО. Ф. 210. Оп. 3. Д. 51. Л. 50.

²¹ См.: Там же. Л. 56.

НКВД. При этом отмечаются как его высокая требовательность, так и гуманное отношение к людям. Именно он спас от голода и истощения уцелевших после невыносимо трудной зимы 1942–1943 гг. мобилизованных немцев.

Несмотря на особые условия труда и жизни немцев в рабочих колоннах и отрядах, с ними предусматривалось проведение политико-воспитательной и культурно-массовой работы. Правда, следует сразу отметить, что такая работа проводилась далеко не везде, как правило, не систематически, а от случая к случаю. Первоначально её проведение в НКВД возлагалось на политические отделения лагерей и политруков отрядов, назначенных из числа вольнонаёмных. Возглавлял политотделение комиссар, который в своём подчинении имел в зависимости от численности «спецконтингента» одного старшего инструктора политотделения, одного–двух инструкторов, начальника клуба (он же был и библиотекарем) из числа вольнонаёмных, радиомеханика и киномеханика из числа мобилизованных.

Культурно-воспитательную работу предписывалось проводить путём читок газет, проведением бесед, лекций, кино-библиотечным обслуживанием²².

Беседы, проводившиеся политруками отрядов, зачастую сводились к упрёкам и оскорблениям. По свидетельству бывшего трудармейца А.Мунтаниола, «политруки проводили с нами воспитательные беседы, упрекали в том, что мы отсиживаемся в тылу, над нашими головами не рвутся бомбы и не свистят пули». А после того, как в газете «Известия» появилась статья И. Эренбурга «Убей немца», – повесили и в нашей столовой огромное красное полотнище с призывом: «Хочешь жить – убей немца!»²³

В рабочих колоннах других наркоматов штатных работников, отвечавших за культурно-массовую работу среди мобилизованных немцев, не было. Этими вопросами были обязаны заниматься начальники колонн, а по существу проводили сами немцы по собственной инициативе.

Непродолжительное время при трестах и комбинатах Наркомата угольной промышленности существовали группы культурно-воспитательной работы в виде управлений на комбинатах и отделов в трестах. Они были образованы приказом Наркома угольной промышленности № 5с от 6 января 1943 г. и в их задачу входило «обеспечение, путём надлежащей постановки политмассовой и культурно-воспитательной работы, эффективного трудового использования мобилизованных немцев». Однако, комиссия по штатам при Совнаркоме СССР не утвердила создание этих отделов и управлений, и через полгода, в июне 1943 г., они были упразднены²⁴.

В приказе Наркома угольной промышленности № 253/А/С от 29 апреля 1943 г. отмечалось, что культурно-массовая работа среди мобилизованных

²² См.: ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 110. Л. 26; Ф. 9479. Оп. 1. Д. 112. Л. 93.

²³ См.: Мунтаниол А. Указ. Соч. С. 3–4.

²⁴ См.: ГАКО. Ф. 456. Оп. 4. Д. 15. Л. 6, 7, 9, 37.

немцев по существу не ведётся. Предписывалось к 15 мая 1943 г. организовать в «зонах» библиотечки-передвижки, а так же комнаты отдыха в казармах, укомплектовав их газетами и журналами, настольными играми, практиковать периодический показ кинофильмов с помощью кинопередвижек²⁵.

В рапорте помощника начальника учёта и распределения заключённых ГУЛАГа НКВД капитана госбезопасности Яцевича от 4 марта 1944 г. отмечалось, что на большинстве предприятий комбинатов «Кузбассуголь» и «Кемеровуголь» культурно-массовая работа стоит на низком уровне, а на ряде шахт мобилизованные немцы предоставлены самим себе. «Плакатов и лозунгов в бараках почти нет. Редко где можно увидеть стенгазеты и боевые листки»²⁶.

Анализ докладных записок и актов проверки рабочих колонн показывает, что определённая культурно-воспитательная работа всё же проводилась. Так, на шахте им. Сталина её проводил заведующий клубом Нихельман. В клубе ставились самодеятельные концерты и постановки. Перед отправлением на работу Нихельман проводил читки газет и беседы. На шахте выпускались стенгазеты. При клубе действовали струнный оркестр, хоровой и драматический кружки. Имелся баян и два патефона²⁷.

В рабочей колонне при Актюбинском комбинате НКВД силами мобилизованных немцев был сооружён клуб на 250 человек в полуземлянке с засыпными стенами и «туземной кровлей». При клубе регулярно работали кружки: драматический, хоровой, музыкальный, танцевальный и кружок декламаторов. За четвёртый квартал 1942 г. было проведено 7 докладов и лекций на различные темы с охватом всего личного состава, 13 бесед, 74 читки газет, 19 киносеансов, 8 концертов, 3 общих собрания, 1 митинг, посвящённый разгрому германских войск под Сталинградом, собрано средств в фонд обороны – 78 345 рублей²⁸.

Наряду с отмеченными выше положительными примерами, сплошь и рядом имели место и факты противоположного свойства, то есть полное отсутствие какой-либо культурно-массовой работы среди трудармейцев, как, например, на шахте Северная треста «Кемеровуголь».²⁹

Заслуживает внимания и факт функционирования в рабочих колоннах партийных и комсомольских организаций. Несмотря на обиды, нанесённые советским немцам официальной властью, у большинства коммунистов и комсомольцев всё же сохранялась вера в партию и комсомол, они верили в идеалы коммунизма и социализма, а потому проводили соответствующую партийно-политическую работу среди остальных мобилизованных немцев, хотя делать это было нелегко в силу двусмысленности своего положения.

²⁵ См.: Там же. Д. 13. Л. 200, 202.

²⁶ См. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1207. Л. 9.

²⁷ См.: ГАКО. Ф. 432. Оп. 1. Д. 15. Л. 16, 204.

²⁸ См.: ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1183. Л. 8.

²⁹ См.: ГАКО. Ф. 210. Оп. 3. Л. 71.

Руководство пыталось навязать трудармейцам идею, что немцы должны честным трудом «искупить вину перед Родиной». Но трудармейцы вины за собой не чувствовали, партийные организации не хотели признавать её, хотя часто им приходилось выслушивать напоминание о «диверсантах и шпионах», находившихся, якобы, среди мобилизованных немцев. Инициативная группа немцев-коммунистов Богословстроя НКВД на приёме у начальника политотдела строительства открыто заявила: «Мы хотим, как граждане СССР, с достоинством выполнять свой долг перед Родиной и работать под лозунгом: «"Всё для фронта, всё для победы!"»³⁰

По свидетельству самих трудармейцев официально членов партии и комсомольцев никто из организаций не исключал, партийные и комсомольские билеты были единственными документами, которые оставались на руках у мобилизованных немцев. Однако райкомы ВКП(б) и ВЛКСМ их не регистрировали и лишь позднее объявили, что они состоят на учёте в политотделениях лагерей или в партийных организациях предприятий. «Хотя мы и оставались членами партии, – вспоминает Т. Седер, – но на партийные собрания нас не допускали. Только к концу 1944 года нам разрешили присутствовать на открытых партийных собраниях с правом совещательного голоса». На Челябинском металлургском НКВД немцы-коммунисты хотя и допускались на общие партийные собрания, но сопровождалась туда под охраной вооружённого караульного. А. Майер вспоминает, что когда он, как парторг колонны №35, повёл коммунистов на назначенное начальником политотдела Челябинского металлургского НКВД А.Г.Варенковым партийное собрание, то на вахте их не пустили из-за того, что они не сопровождалась вооружённым охранником, который пришёл только через час и сопроводил мобилизованных на собрание под винтовкой³¹.

Тем не менее, к концу войны, партийным и комсомольским организациям трудармейцев удалось заслужить доверие соответствующих партийных и государственных органов. В частности, политруками колонн стали назначаться немцы-коммунисты. По инициативе партийно-комсомольского актива проводился сбор средств в помощь Красной Армии. Так, на строительстве Богословского алюминиевого завода трудармейцы к каждому празднику со своей скудной дневной хлебной нормы отдавали по 200 г хлеба, чтобы потом из качественной муки испечь печенье и отправить на фронт в подарок бойцам. Там же рабочими-немцами было собрано свыше двух миллионов рублей на вооружение Красной Армии. Эта инициатива не осталась незамеченной в высшем руководстве страны. В телеграмме, направленной в адрес трудармейцев БАЗстроя и подписанной самим И. Сталиным, говорилось: «Прошу передать рабочим, инженерно-техническим работникам и служащим немецкой национальности, работающим на БАЗстрое, собравшим 353783 рубля на

³⁰ Айрих Э. Строки жизни. Заметки о былом // Нойес Лебен. 1991. № 28. С. 2.

³¹ См.: Кичихин А. Советские немцы // Нойес Лебен. 1990. № 50. С. 2.

строительство танков и 1 миллион 820 тысяч рублей на строительство эскадрильи самолётов мой братский привет и благодарность Красной Армии»³². Эта телеграмма явилась невольным свидетельством признания руководством страны, в том числе И. Сталиным, высокого патриотического духа рабочих немецкой национальности, трудившихся в рабочих отрядах и колоннах. Этот дух сохранялся, несмотря на унижения, оскорбления человеческого и гражданского достоинства, чинившиеся официальной властью.

Подводя итоги социально-политического положения граждан СССР немецкой национальности мобилизованных в трудовую армию необходимо сказать, что хотя и условия чрезвычайного положения в период военного времени в определенной степени и позволяет ограничение социально-политических прав граждан всей страны, но только с соблюдением строгой процедуры в соответствии с конституцией и законов государства о чрезвычайном положении. Российские же немцы оказались заложниками давления государственных интересов, политической идеологии на интересы личностей целого народа, и фактического недействия правовых норм.

³² Айрих Э. Строки жизни... // Нойес Лебен. 1991. № 28. С. 3.

Разрушение религиозного уклада жизни немецкого населения вследствие депортации и принципиальные подходы современной отечественной историографии к определению места и роли религии в истории немцев в России и СССР

Несмотря на то, что уже в первые десятилетия советской власти по религиозной жизни различных групп немецкого населения и их церквям были нанесены довольно мощные удары¹, решающий слом религиозного уклада жизни немцев произошёл именно в результате депортации.

Ещё раз обозначим в основных чертах последствия процесса². У лишённых вследствие антирелигиозной политики предшествующих лет всяких условий для полноценной религиозной жизни немцев к началу Великой Отечественной войны всё же оставались их моноконфессиональные общины – последний оплот их традиционного, сформировавшегося на протяжении веков этноконфессионального жизненного уклада. В результате депортации большая часть моноконфессиональных лютеранских, католических, меннонитских сельских поселений, а значит и религиозных общин во всех регионах, из которых осуществлялось принудительное выселение немцев, прекратила своё существование³.

¹ См.: Schnurr J. Die Kirchen und das religiöse Leben der Russlanddeutschen: Evangelischer Teil. Stuttgart, 1978; Katholischer Teil. Stuttgart, 1980; Stricker G. Deutsches Kirchenwesen. Die Römisch Katholische Kirche // Deutsche Geschichte im Osten Europas. Russland. Hrsg. G. Stricker. Siedler Verlag. Berlin, 1997; Лиценбергер О.А. Евангелическо-лютеранская церковь и советское государство. М., 1999. Чаплицкий Бронислав. История Церкви в России. Спб., 2000; Лиценбергер О.А. Римско-католическая Церковь в России: история и правовое положение. Саратов, 2001; Лиценбергер О. Репрессии против лютеранских и католических священнослужителей в СССР // Наказанный народ. Репрессии против российских немцев. По материалам конференции, проведенной Немецким культурным центром им. Гете в Москве совместно с обществом «Мемориал». Москва, 18–20 ноября 1998 г. М., 1999. С. 200–211; Рублева Н.С. Особенности существования немецкой католической общности в УССР (1920–1930 гг.) // Немцы России и СССР: 1901–1941 гг. Материалы международной научной конференции, Москва, 17–19 сентября 1999. М., 2000. С. 343–351; Безносов А. И. Религиозная жизнь немецкого населения юга Украины и политика Советской власти (1920–1928) // Немцы России и СССР: 1901–1941 гг. С. 329–342; Савин А.И. Религиозная жизнь немцев Сибири в 1920-е гг. // Толерантность и взаимодействие в переходных обществах: Материалы регион. науч. конф. Новосибирск, 2003. С. 73–83 и др.

² См.: Бургарт Л.А. Вторая мировая война и немцы-католики в СССР: к вопросу о последствиях // Гражданская идентичность и внутренний мир российских немцев в годы Великой Отечественной войны и в исторической памяти потомков. Материалы XIII международной научной конференции. Москва, 21–24 октября 2010 г. М., 2011 (в печати).

³ См.: Немецкие населённые пункты в СССР до 1941. Справочник. Сост. В.Ф. Дизендорф. М., 2002; Mertens Ulrich. Handbuch Russland-deutsche (mit Ortsverzeichnis ehemaliger Siedlungsgebiete). Nürnberg-Paderborn, 2001.

В ходе депортации не только были ликвидированы посёлки немцев различных конфессий, но был нарушен сам традиционный принцип моноконфессиональности поселения. Жители некогда единой моноконфессиональной общины по прибытию к новым местам поселения в Сибири, Казахстане и Средней Азии размещались в разных населённых пунктах. Помимо моноконфессионального характера самих колоний, в прежних местах поселения отмечался и «гнездовой» принцип размещения колоний одного исповедания, в новых регионах же немцы нередко оказывались по несколько семей среди местного инонационального и иноконфессионального окружения. Наблюдалось также смешение различных конфессиональных групп немецкого населения (католики, лютеране, меннониты)⁴.

В ходе размещения депортированных немцев отмечалось также и нарушение исходного принципа размещения в разрезе город-село, и нередко городские немцы оказывались в сёлах, а сельские жители в городах. Этот процесс ещё более усилился в результате мобилизации немецкого населения в Трудовую армию и его последующего «закрепления» в промышленных зонах, из-за нежелания властей терять рабочую силу⁵. У немцев, оказавшихся в городах, наблюдался ещё больший разрыв традиционных общинных религиозных связей. Немцы в сёлах в этом плане имели возможность для более тесного контакта с единоверцами. Таким образом, в ходе депортации и мобилизации в Трудовую армию произошло нарушение традиционно преобладающего аграрного характера поселений немцев различных исповеданий, резко увеличилась их доля в городах. Следует также отметить факт сохранения местных однородных в конфессиональном отношении немецких католических, лютеранских, меннонитских посёлков в Сибири, Казахстане, Средней Азии, но и они в годы войны понесли значительные потери в ходе мобилизации в Трудовую армию, кроме того, отмечались факты «доприселения» депортированных немцев других исповеданий, вызвавшие изменение моноконфессионального характера поселений. Как отмечают исследователи, «если в начале XX в. в переселенческом посёлке проживали последователи одной конфессии, то во второй половине XX в. в одном сельском населённом пункте могли располагаться

⁴ Архив Управления внутренних дел Восточно-Казахстанской области (далее – АУВД ВКО). Ф.5. Оп. 2. Д. 4. Т. 3. Л. 449, 450, 453, 458, 469, 475; Д. 5. Л. 102; Государственный архив Восточно-Казахстанской области) далее – ГАВКО). Ф. 462. Оп. 2. Св. 2. Д.18; см. также: *Бургарт Л.А.* Немцы в Восточном Казахстане в 1941–1956 гг.: депортация и жизнь в условиях режима спецпоселения. Усть-Каменогорск, 1997; *Бургарт Л.А.* Немецкое население в Восточном Казахстане в 1941–1956 гг. Усть-Каменогорск, 2001; *Савранина Т.В.* Религиозные организации немцев в Западной Сибири в 1941–1955 гг. // Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и первое послевоенное десятилетие. 1941–1955. Материалы 7 международной научной конференции, Москва, 19–22 октября 2000. М., 2001. С. 313–320.

⁵ См.: *Герман А.А., Курочкин А.Н.* Немцы СССР в Трудовой армии (1941–1945). М., 1998; «Мобилизовать немцев в рабочие колонны... И. Сталин». 1940-е годы. Сборник документов. Сост. Бугай Н.Ф. М., 1998 и др.

две и более религиозные общины разных конфессий»⁶. В отдельных случаях отмечалось возникновение, вследствие депортации, небольших ареалов компактного расселения немцев одного исповедания. Яркий пример в этом отношении г. Караганда (Казахстан) и её окрестности. Именно этот регион, в результате депортаций и мобилизаций конца 30-х – 40-х гг., стал основным местом концентрации верующего католического населения (не только немцев, но и поляков, украинцев и др.), и в последующем своеобразным центром католической веры в СССР⁷. Однако в целом, в результате депортации, сложился преимущественно дисперсный характер размещения различных конфессиональных групп немцев.

Таким образом, впервые был кардинально нарушен преобладавший у основной массы немцев конфессионально обособленный характер жизни. Их маленький тесный общинный религиозный мир был разрушен. Они впервые очень близко столкнулись с другим – инациональным и иноконфессиональным миром. В одночасье они оказались посреди этого мира и должны были выживать в нём и сосуществовать с ним. В условиях репрессивной национальной и антирелигиозной политики уделом всех без исключения конфессиональных групп немецкого населения на долгие десятилетия стала так называемая «катакомбная Церковь» – подпольная религиозная жизнь в молитвенных группах, чаще всего без священников, пасторов и проповедников. Основной формой религиозной жизни стала молитва – тайная групповая, семейная, личная.

Разрушение принципа моноконфессиональности немецких поселений, составлявшего основу их этноконфессионального жизненного уклада, на наш взгляд, стало одним из самых необратимых последствий депортации⁸. Депортация, в этом смысле, создала качественно новые условия для дальнейшего разрушения и коренной деформации этноконфессионального сознания⁹.

В предшествующие периоды у различных групп немецкого населения наблюдалось исключительное преобладание конфессионального самосознания над этническим. Безусловно, оно отчасти сохранилось и в последующие

⁶ Подопригора Ю. Немцы Павлодарского Прииртышья. Алматы, 2010. С. 98.

⁷ См. Бургарт Л.А. Влияние массовых депортаций и трудовых мобилизаций на формирование Караганды как центра католической веры в СССР // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях: сборник научных трудов VIII Международной научно-практической конференции, Усть-Каменогорск, 2–3 февраля 2007 г. Усть-Каменогорск: «Медиа-Альянс», 2007. С. 59–69.

⁸ См. Бургарт Л.А. Вторая мировая война и немцы-католики в СССР: к вопросу о последствиях // Гражданская идентичность и внутренний мир российских немцев в годы Великой Отечественной войны и в исторической памяти потомков. Материалы XIII международной научной конференции. Москва, 21–24 октября 2010 г. М., 2011 (в печати).

⁹ См. Плохотнюк Т.Н. «Дети депортации»: к вопросу о влиянии принудительного перемещения на формирование этнической идентичности и ментальности // Немцы России: исторический опыт и современные проблемы самоорганизации... С. 21–24.

десятилетия (прежде всего, у старшего поколения). Однако, в тоже время, общность судьбы всех конфессиональных групп немецкого населения СССР в период войны, более тесное соприкосновение между собой в условиях депортации, Трудармии, спецпоселения способствовали некоторому усилению этнической составляющей самосознания немцев разных исповеданий¹⁰. В результате разрушения религиозного жизненного уклада, со временем наблюдалось всё большее снижение уровня религиозного сознания, в итоге, у немцев, представлявших прежде одну из самых религиозных групп населения России, религия из фундаментальной основы жизнедеятельности трансформировалась в один из компонентов, причём не всегда имеющий место.

Активное возрождение Церкви и религиозной жизни немецкого населения происходило уже на постсоветском пространстве в начале – середине 90-х гг. XX в¹¹. Несмотря на то, что этот процесс был довольно мощным и наблюдался весьма значительный рост религиозного сознания, о возрождении прежней фундаментальной роли религии в жизни немецкого населения говорить не приходится. Кроме того, существенный удар по ещё не окрепшим религиозным общинам нанесла эмиграция¹². И именно таким образом предстала картина религиозной жизни немецкого населения на момент зарождения современной отечественной историографии истории российских немцев. К сожалению, именно эта «постдепортационная» картина наложила существенный отпечаток на принципиальные подходы современной отечественной историографии к определению места и роли религии в истории немцев в России и СССР и написанию их истории, о чём и пойдёт речь ниже.

Прежде всего, следует отметить, что тема, традиционно обозначаемая в библиографических указателях по истории российских немцев как «религиозная жизнь», занимает довольно существенное место в историографии¹³.

¹⁰ См. Плевне И. Р. К вопросу о классификации групп немецкого населения России (исторический аспект) // Немцы России в контексте отечественной истории: общие проблемы и региональные особенности. Материалы международной научной конференции, Москва 17–20 сентября, 1998 г. М., 1999. С. 203–208.

¹¹ Бургарт Л.А. Католики Казахстана к моменту установления Апостольской Администрации Казахстана и Средней Азии: некоторые демографические характеристики // Международная научно-методическая конференция «Научное сообщество этнических немцев в Средней Азии и России: современное состояние и перспективы». Материалы конференции, Караганда, 23–24 октября 2008. Караганда, 2008. С. 156–163.

¹² См.: Бургарт Л.А. Влияние миграционных факторов на формирование и развитие Католической Церкви в Казахстане // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях. Сб. науч. трудов VII международной научной конференции. Усть-Каменогорск, 2006. С. 54–61.

¹³ См. Brandes D., Busch M., Pavlovic K. Bibliographie zur Geschichte und Kultur der Russlanddeutschen. B.1. Von der Einwanderung bis 1817. München, 1994. S. 95–107, 148–150, 208–217, 264–267, 277–278, 291–292, 302–303, 317–324; Brandes D., Dönninghaus V. Bibliographie zur Geschichte und Kultur der Russlanddeutschen. B.2. Von 1917 bis 1998. München, 1999. S. 49–65, 217–219, 338–339, 377–378, 383, 389–390, 394–395, 409–410, 480–494, 558–561, 609, 619–622, 771–782, 838–841, 868–872,

В первую очередь, это касается зарубежной (германской) историографии. Преобладающим принципом подхода к рассмотрению истории немецкого населения в России (особенно в период до 1941 г.) был именно «конфессиональный» принцип. Этот подход предполагает не только и не столько изучение каждой конфессиональной группы в отдельности, но и особую позицию в вопросе о роли и месте религии (веры) в истории различных групп немцев России. В германской историографии существует довольно чёткая позиция ведущих исследователей, признающая особую неразрывную взаимосвязь этнического и конфессионального компонентов: «Этническая группа проявляется в её религиозной жизни... Говоря об идентичности национальной группы, наряду с указанием на её историческое развитие, её культуру и язык, нельзя оставить без внимания определяющие её религиозные и этнические силы. Идентичность подразумевает, что национальному, как телу, соответствуют силы церковно-религиозные, как его душа...»¹⁴ Указывается на религию как «признак идентичности», особенно у национальных меньшинств и тесную связь истории немцев в России с их религиозной жизнью¹⁵. Подчёркивается особая роль религиозных связей не только в дореволюционной России, но и в Советском Союзе¹⁶. Отмечается консолидирующая роль веры и Церкви не только в среде колонистов, но и в среде городского немецкого населения. Признаётся особая роль религии в сохранении немцев в России: «О немцах в Советском Союзе говорили бы уже лишь в прошлом, если бы во все времена их существования не было бы церковной связи»¹⁷. В целом же, в германской историографии оформился тезис о двоякой роли религии в истории немцев в России: с одной стороны, «конфессиональное многообразие» определяет «раздробленность» группы, «препятствует формированию общей идентичности» российских немцев, а с другой стороны,

894, 898, 906–907, 932–934, 939–940; Чернова Т.Н. Российские немцы. Отечественная библиография. 1991–2000 гг. М., 2001. С. 41–42, 47–48, 56, 60, 62, 68, 82–83, 87, 114–115, 131–133, 137–139, 151–152, 164–166, 176, 179–180, 216, 234–236, 239–240, 244–245, 250, 255–259; Бургаев Л.А. Религиозная жизнь и этноконфессиональные процессы среди немецкого населения России и СССР в отечественной историографии (1991–2001 гг.) // Роль религиозных конфессий в жизни немцев Центральной Азии. Сборник материалов международной научно-практической конференции (30–31 октября 2002 г.). Алматы, 2002. С. 227–239, а также, текущая библиография в Научно-информационном бюллетене (НИБ), 1995–2010 гг. и Электронную библиотеку российских немцев на сайте www.rusdeutsch.ru.

¹⁴ См.: Kahle Wilhelm. Frömmigkeit und kirchliches Leben // Eisfeld Alfred. Die Russlanddeutschen. München, 1992. S. 176.

¹⁵ См.: Deutsche Geschichte im Osten Europas. Russland (Hrsg. Gerd Stricker). Berlin, 1997. S. 324.

¹⁶ См.: Kahle Wilhelm. Die kirchliche Gemeinden und nationale Identität der Deutschen // Kappeler A., Meissner B., Simon G. (Hg.). Die Deutschen im Russischen Reich und im Sowjetstaat, Köln, 1987. S. 97–113; а также, Brandes D., Savin A., Die Sibirierndeutschen im Sowjetstaat 1919–1938. Essen, 2001. S. 82–98.

¹⁷ См.: Busch M. Deutschen in St. Petersburg 1865–1914. Identität und Integration. Essen, 1995. S. 113–136.

религия определяет обособленность немцев в преимущественно православном окружении, и вера при этом является «существенным компонентом их идентичности»¹⁸. Германской историографии присущ взгляд, рассматривающий религию не только как одну из сторон жизни немцев России, наряду с хозяйственно-экономической, политической и т.д., но, прежде всего, как основу их групповой этнической идентичности, оказывающую подчас первостепенное влияние на различные стороны их жизни. Даже учитывая недостаточную порой источниковую базу германской историографии, мы должны признать, что она в этом плане существенно опережает нашу отечественную историографию, многие работы, вышедшие ещё 30 лет назад, носят фундаментальный характер и непременно учитываются каждым серьёзным отечественным исследователем.

В отечественной дореволюционной историографии теме религиозной жизни немцев уделялось значительное внимание и подход, о котором говорилось выше, также просматривался довольно чётко. Есть работы, не утратившие своей значимости до сегодняшнего дня¹⁹.

Что же касается советского периода, то здесь долгое время ситуацию определяли два основных фактора – атеистический характер советского государства и особенности репрессивной политики в отношении немцев как национальной группы в целом. Отдельные исследования по истории тех конфессий, к которым принадлежали и немцы, всё же выходили²⁰. И, несмотря на присущий им чаще всего дух атеизма и антирелигиозной пропаганды, сбрасывать со счетов их не стоит, особенно в той части, где их авторы представляют конкретные научные результаты. В качестве примера можно назвать исследования Дик П.Ф. и защищённую им в 1984 г. диссертацию кандидата исторических наук на тему: «Особенности религиозности протестантов немецкой национальности и пути её преодоления(на материалах Казахстана)»²¹. Несмотря на присутствие в работе в духе атеистического времени преамбулы и «практические выводы», она содержит серьёзные теоретические положения и результаты. Чтобы привлечь внимание современных исследователей на необходимость учёта работ советского периода и возможность извлечения из них рационального зерна, позволим себе несколько подробнее остановиться на этом исследовании. В частности, его автором верно выделяются предпосылки формирования этноконфессиональных общностей внутри немецкой народности, а именно «практика расселения немцев в царской России по

¹⁸ См.: *Deutsche Geschichte im Osten Europas. Russland...* S. 324.

¹⁹ См., например: Keller Konrad. *Die Deutschen Kolonien in Südrussland*. Neuauflage. HFDR, Nürnberg, 2000.

²⁰ См. *Чернова Т.Н.* Российские немцы. Отечественная библиография. 1991–2000 гг. М., 2001.

²¹ *Дик П.Ф.* Особенности религиозности протестантов немецкой национальности и пути её преодоления (на материалах Казахстана). Автореф. дис. на соиск. уч. степ. к.ф.н. Ленинград, 1985.

конфессиональному принципу и господство религиозных объединений в духовной жизни»²². Исследование рассматривает взаимодействие протестантской общины и семейно-родственной группы как основное условие воспроизводства религиозности в новых поколениях, при этом подход автора позволил ему «выявить общее и особенное главных элементов микросреды как субъектов протестантской религиозности». Бесспорен и вывод о том, что: «Роли семьи и общины в воспроизводстве религиозности в новых поколениях представляются следующим образом: в семье религиозное мироощущение закладывается, а в протестантской общине доводится до уровня миропонимания»²³. В этом смысле исследование представляет значительный интерес, прежде всего, для учёных, изучающих сегодня вопросы этнической социализации немцев и роль традиционной немецкой семьи. Не утратили своей актуальности и результаты «анализа эволюции доминирующих методов религиозного воспитания в семье», изучения «роли социально-психологических механизмов подражания и заражения в воспроизводстве религиозного сознания и поведения»²⁴. Исключительно научным являются исследовательские выводы о том, что «крупная община и религиозная семья являются главными, хотя и неравнозначными факторами воспроизводства религиозности в новых поколениях. Их взаимодействие обеспечивает, и способно обеспечивать в перспективе простое воспроизводство религиозности»²⁵. Важна и выделенная автором уже тогда характерная черта облика немцев-протестантов в советский период, проявляющаяся во «влиянии факторов религиозности и секуляризации», в «размежевании религиозного и национального на уровне обыденного сознания»²⁶, что позволяет рассмотреть некоторые процессы среди немецкого населения в их эволюции.

Обращаясь к историографии современной, следует отметить, что, начиная с середины 1990-х гг. теме религиозной жизни уделялось всё большее внимание. На сегодняшний день опубликованы сотни научных статей, защищены научные диссертации, вышли крупные монографии²⁷. Довольно солидно представлена в современной отечественной историографии проблема правового положения

²² Дик П.Ф. Особенности религиозности протестантов немецкой национальности и пути её преодоления... С. 9.

²³ Дик П.Ф. Особенности религиозности протестантов немецкой национальности и пути её преодоления... С. 11.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. С. 12.

²⁶ Дик П.Ф. Там же. С. 12–13.

²⁷ См. Чернова Т.Н. Российские немцы. Отечественная библиография. 1991–2000 гг. М., 2001. С. 41–42, 47–48, 56, 60, 62, 68, 82–83, 87, 114–115, 131–133, 137–139, 151–152, 164–166, 176, 179–180, 216, 234–236, 239–240, 244–245, 250, 255–259; Чернова Т.Н. К вопросу о новейшей историографии российских немцев: основные направления и результаты исследований // Немецкое население в постсталинском СССР, в странах СНГ и Балтии. Материалы 9 международной научной конференции. Москва, 4–7 ноября 2002 г. М., 2003, а также, текущая библиография в Научно-информационном

основных Церквей, к которым принадлежали российские немцы, их взаимоотношений с государством в дореволюционный и советский периоды, затронуты отдельные вопросы внутриобщинной и церковной организации немцев–католиков, лютеран, меннонитов, история отдельных сект и мистических течений. В исследованиях также представлена история отдельных приходов в городах. Существенное внимание уделено в отечественной историографии конфессиональной немецкой школе, отдельным аспектам благотворительной деятельности, влиянию религиозных верований на традиционную обрядность и др. За последние 10–15 лет исследователям удалось ввести в научный оборот довольно большой объём документальных источников, хотя темпы источниковедческой работы в данном направлении оставляют желать лучшего. В целом, однако же, в доле соотношении с другими темами, тема «религиозной жизни» представлена в объёме явно не соответствующем тому значению, которое имела вера в системе внутреннего исторического развития различных конфессиональных групп немцев. Но самый главный вопрос, который мы хотим поставить в данной работе, касается непосредственно методологического принципа подхода современной отечественной историографии к истории немецкого населения через призму веры и религиозного уклада жизни. В этом смысле постановка проблемы «конфессионального подхода» предполагает обращение к вопросу о роли и месте религии во всей системе жизнедеятельности различных групп немецкого населения, соотношении этнического и конфессионального.

Анализ отечественной историографии последних 15 лет позволяет выделить следующие основные положения:

I. Практически безоговорочное признание современными исследователями роли и значения религии в жизни различных групп немецкого населения и необходимости изучения истории веры и Церкви. Отмечается, что «историю народа нельзя изучать обособленно от его религии... Попытка рассмотреть историю российских немцев сквозь призму их религиозной жизни представляется сегодня не только актуальной, но и интересной»²⁸.

II. Выделение религиозного признака как одного из принципов классификации. Учёные признают, что «немцы в России никогда не представляли собой единого народа. Формирование различных групп немецкого населения происходило в течение нескольких столетий в разных частях российской империи. Контакты и взаимовлияние были ограничены, а в большинстве вообще отсутствовали. Причиной тому являлись социальные, конфессиональные и территориальные различия»²⁹. При этом конфессиональный признак

бюллетене(НИБ), 1995–2010 гг. и Электронная библиотека российских немцев на сайте www.rusdeutsch.ru.

²⁸ См.: Лиценбергер О.А. Евангелическо-лютеранская церковь Святой Марии в Саратове. Саратов, 1995. С. 5.

²⁹ Плева И.Р. К вопросу о классификации групп немецкого населения России // Немцы России в контексте отечественной истории: общие проблемы и региональные

выделяется как один из основных признаков классификации. Исследователем И.Р. Плеве получен очень важный методологический вывод о том, что «рассмотрение истории немцев в России возможно, отталкиваясь только от изучения отдельных социальных, конфессиональных и территориальных групп или сочетаний (например, социально-конфессиональных). Попытки их рассмотрения как единого этноса в России до 1917 г. неминуемо приведут к нарушению историзма в исследованиях, а настоящая история будет подгоняться под заранее определённые схемы»³⁰.

III. Отсутствие единого принципа подхода к вопросу о роли и месте религии в жизни различных групп немецкого населения на различных этапах истории. Это просматривается уже в понятийных определениях, одни исследователи говорят о вере, религии как основе жизненного уклада немцев (особенно в дореволюционный период), в тоже время часто религию рассматривают лишь как «компонент», «элемент», «часть», «один из факторов», «одну из черт» и т.п. Приведём несколько примеров из разных работ:

Исследователь Нам И.В., касаясь проблем сохранения немецкой диаспоры, отмечает: «Поддержание и воспроизводство немецкой диаспоры в России достигалось наличием системы социальных институтов, основным их элементом (Л.Б.) в конце XIX – начале XX вв. служили религиозные общины, которые стимулировали деятельность различных образовательных, благотворительных, культурно-просветительских институтов»³¹.

«Характерной чертой традиционной этноконфессиональной культуры немцев являлась высокая и устойчивая религиозность...»³², подчёркивает исследователь В.П. Пичуков.

Известный специалист в области истории религии О.А. Лиценбергер отмечает в контексте проблемы самоорганизации российских немцев: «Для своих прихожан лютеранская и католическая религии выступали как фактор формирования и функционирования социальных отношений, способствовали поддержанию стабильности этноса...»³³.

особенности. Материалы международной научной конференции. Москва 17–20 сентября, 1998. М., 1999. С. 204.

³⁰ Плеве И.Р. К вопросу о классификации групп немецкого населения России//Немцы России в контексте отечественной истории... С. 207.

³¹ Нам И.В. Жизнь в диаспоре: городские немцы Западной Сибири (конец XIX – начало XX вв.) // Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие (1871–1941 гг.). Материалы 8-й международной научной конференции. Москва, 13–16 октября 2001. М., 2002. С. 376

³² Пичуков В.П. Немецкая женщина-крестьянка белорусского восточного Полесья в условиях трансформации советского политического режима в межвоенный период // Ключевые проблемы истории российских немцев. Материалы 10 международной научной конференции. Москва, 18–21 ноября 2003. С. 527.

³³ Лиценбергер О.А. Особенности адаптации немцев-лютеран и католиков в иноконфессиональное окружение // Российские немцы в инонациональном окружении: проблемы адаптации, взаимовлияния, толерантности: Материалы международной научной конференции. Саратов, 14–19 сентября 2004 г. М., 2005. С. 103.

«Религиозная жизнь являлась важнейшей составной культурного развития немецких колоний»³⁴, подчёркивает исследователь Т.Н. Чернова-Дёке.

Рассматривая жизнь городского немецкого населения, З.И. Бичанина делает вывод о том, что «религия являлась неотъемлемой частью жизни городского населения, хранила национальное своеобразие, определяла образ мыслей, характер и нравственный облик»³⁵.

Г.Н. Алишина в проекции на сельские общины отмечает: «На сохранение замкнутости и обособленности немецких колонистов большое влияние оказывал фактор их религиозной принадлежности. Религия выступала не только как важная составляющая часть духовной жизни, но и как форма социального объединения, отчего сельская община у немцев во многом носила конфессиональный характер, что делало её ещё более замкнутой...»³⁶.

«Церковь всегда была решающим фактором сохранения каких-либо принятых черт культуры»³⁷, считает Е.Е. Ходченко.

О «религии как определяющем факторе формирования духовной культуры российских немцев»³⁸, говорит искусствовед В.В. Бармин и т.д.

IV. Современная отечественная историография, с одной стороны, располагает целым рядом крупных исследований, подтверждающих фундаментальную роль религии, веры, Церкви в целом ряде сфер жизнедеятельности немецкого населения:

1). Так, практически все работы, посвящённые начальному периоду истории колонистов в России, представляют конфессиональный принцип поселения как основополагающий принцип образования колоний.

И хотя религиозные причины не были единственными и основными причинами переселения выходцев из различных германских земель в Россию, их влияние было существенным, а в ряде случаев, как свидетельствуют последние исследовательские наработки, они выступали в качестве доминирующих. Исследователь Плохотнюк Т.Н. подчёркивает «В сложном комплексе причин, вызвавших процесс эмиграции немцев из Германии в XVIII–XIX вв., религиозный фактор – один из самых мощных. Он во многом определил специфику

³⁴ Чернова-Дёке Т.Н. Немецкие поселения на периферии Российской Империи. Кавказ: взгляд сквозь столетия (1818–1917). М., 2008. С. 88.

³⁵ Бичанина З.И. Немецкий компонент в культурной жизни Саратова (1870–1930-е гг.). Автореферат... канд. ист. наук. Саратов, 2010. С. 18.

³⁶ Алишина Г.Н. Особенности социокультурной адаптации сельских и городских немцев, переселившихся в Томскую губернию в конце XIX – начале XX века // Этнические немцы России: Исторический феномен «народа в пути». Материалы XII международной научной конференции Москва, 18–20 сентября 2008 г. М., 2009. С. 273.

³⁷ Ходченко Е.Е. Проблемы сохранения идентичности российскими меннонитами в Новом Свете // Этнические немцы России: Исторический феномен «народа в пути»... С. 583.

³⁸ Бармин В.В. Культурное наследие немцев в Западной Сибири. Автореферат... дис. на соиск. уч. ст. кандидата искусствоведения. Барнаул, 2010. С. 5.

развития немецкой иммиграции в Россию»³⁹. Отвечая на вопрос о причинах миграции вюртембергских немцев-хилиастов на Кавказ, исследователь Т.Н. Чернова-Дёке отмечает: «Можно согласиться с мнением, что в такой безотрадной ситуации «главной побудительной причиной к эмиграции для большинства желающих была, вероятно, скорее надежда на само спасение жизни, нежели религиозные побуждения». Но для значительной части переселенцев в Закавказье, отошедших от лютеранской церкви сектантов, хилиастов (чилиастов), доминирующим оставался религиозный мотив⁴⁰... Религиозная жизнь являлась важнейшей составной культурного развития немецких колоний. Религиозный мотив был фактически доминирующим, а сохранение свободы вероисповедания – одним из главных условий переселения швабов на Кавказ»⁴¹. В целом же, анализируя основные волны переселения выходцев из различных регионов Германии в Россию на разных исторических этапах, можно, в одних случаях, говорить о сопутствующем влиянии религиозных факторов, в других же – об их доминирующем влиянии. Кроме того, можно говорить о том, что религиозный фактор, безусловно, брался в расчёт русским правительством и гарантии определённых религиозных прав использовались как один из стимулирующих элементов переселенческой политики. На наш взгляд, вопрос о роли религиозного фактора в процессе переселения немецких колонистов в Россию нуждается в более глубоком рассмотрении в проекции на исторические условия в различных регионах тогдашней Германии.

Преобладающим принципом размещения немцев-колонистов в России стал религиозный. В основу образования основной массы поселений был положен именно моноконфессиональный принцип⁴². Хотя отмечаются факты нарушения этого принципа, когда не удавалось заселить колонию переселенцами одного вероисповедания, большинство колоний всё же были чисто лютеранскими, католическими, меннонитскими. В ходе миграционных движений на Восток в конце XIX – начале XX вв. основополагающим принципом образования дочерних поселений также был моноконфессиональный. В результате, в Сибири, Казахстане, Средней Азии возникли сотни лютеранских, меннонитских, католических посёлков. Исследователи отмечают: «Среди факторов, влиявших на географию расселения немецких колонистов в Сибири, наибольшее значение имела переселенческая политика правительства и местных властей. Велико было влияние и двух других факторов: природно-географического и этноконфессионального. Именно влиянием этноконфессионального фактора можно объяснить появление в годы столыпинской аграрной реформы большого количества неприписных переселенцев, т.е., прибывших в Сибирь самовольно,

³⁹ Плехотнюк Т.Н. Российские немцы на Северном Кавказе. М., 2001. С. 50.

⁴⁰ Чернова-Дёке Т.Н. Немецкие поселения на периферии Российской империи... С. 18.

⁴¹ Чернова-Дёке Т.Н. Немецкие поселения на периферии Российской Империи... С. 88.

⁴² Плева И.Р. Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII века. М., 1998. С. 130–131.

в немецких колониях под Омском, основанных в конце XIX – начале XX вв. и формирование компактного района водворения немецких колонистов в Кулундинской степи на Алтае»⁴³. Этот принцип сохранялся на протяжении всей истории немцев в России и различных её регионах⁴⁴.

2). Одной из областей, где исследователи единодушны в признании основополагающей роли религии, является сфера культуры. Наиболее показательны в этом случае сфера школьного образования (работы исследователей И.В. Черказыяновой, Н.Э. Вашкау, С.И. Бобылёвой и др.) **традиционной культуры и семьи** (работы Т.Б. Смирновой, С. А. Рублевской, А.Н.Блиновой, И.Н. Черновой и др.)

Прежде всего, важно исследовательское положение о том, что «Рассмотрение истории немецкой школы подводит к важному выводу о необходимости учитывать конфессиональные особенности различных групп немецкого населения... Рассуждения о немецкой школе как таковой способны зафиксировать лишь поверхностные суждения, которые будут сохранять видимость универсальных, но не всегда смогут объяснить конкретные перипетии немецкого школьного образования»⁴⁵.

Центром внимания крупных современных исследований по истории немецкой школы является именно конфессиональная школа. Современная отечественная историография признаёт тесное переплетение этнического и религиозного факторов в истории немецкой школы и указывает о невозможности говорить о народной школе, не подразумевая при этом конфессиональную школу⁴⁶. За прошедшие годы отечественной историографии удалось не только довольно глубоко изучить многие аспекты собственно конфессиональной школы, но и получить весьма ценные теоретические положения и выводы о роли религии и Церкви через призму образования в обществе в целом.

Церковно-приходская школа видится исследователям как «неотъемлемая и необходимая часть внутренней духовной жизни колонии»⁴⁷. «Она была первой ступенью религиозного воспитания и наряду с традиционной сельской культурой и обычаями способствовала сохранению немецкого этноса на Волге»⁴⁸.

⁴³ Вибе П.П. Немецкие колонии в Сибири в условиях социальных трансформаций конца XIX – первой четверти XX вв. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Омск, 2009. С. 21.

⁴⁴ Бургарт Л.А. Особенности расселения немцев-католиков в Казахстане и их взаимосвязь с практикой религиозной жизни (конец XIX – начало XXI) // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях. Сборник науч. трудов X Международной науч.-практ. конф., г. Усть-Каменогорск, 15–16 мая 2009 г., Усть-Каменогорск: «Либрус», 2009. С. 82–93.

⁴⁵ Черказыянова И.В. Немецкая национальная школа в Сибири (XVIII–1938 г.). М., 2000. С. 256.

⁴⁶ Черказыянова И.В. Немецкая национальная школа в Сибири (XVIII–1938 г.). М., 2000.

⁴⁷ Вашкау Н.Э. Школа в немецких колониях Поволжья. Волгоград, 1998.

⁴⁸ Вашкау Н.Э. Школа в немецких колониях Поволжья... С. 162.

Исследователи пришли к ценному выводу о наличии «...исторически сложившегося единого организма: **"община-церковь-школа"**⁴⁹ и триединого устойчивого базиса духовной жизни: **общество-церковь-школа**, стержнем которого была религия»⁵⁰. Подчёркивается, что «система воспитания немецкого и меннонитского населения колоний покоилась на традиционном фундаменте взаимосвязанных социальных институтов: школы и церкви. Их тесное взаимодействие... способствовало созданию стабильной национально-религиозной атмосферы в колониистской среде»⁵¹. Ведущие современные исследователи немецкой школы признают, что «традиционная школа играла важную роль в сохранении религиозной идентичности немцев. Школа была культурным центром в немецких общинах, через преподавание основ религии именно в школе завершался процесс приобщения детей к религиозной общине. Само предназначение церковной школы быть промежуточным звеном между семьёй и религиозной общиной предопределяло ведущую роль духовенства в школьной жизни. Конфессиональные традиции оказывали огромное влияние на формирование образа жизни населения, поэтому религиозные отношения вырастали в политические, правовые, семейные отношения...»⁵². В этой связи, Церковь рассматривается также как «выдающееся учебно-воспитательное учреждение». Исследователь О.А. Лиценбергер отмечает: «Система морально-нравственных ценностей, выработанных церковью, содержала в себе понимание сущности всего общества, так и бытия отдельного человека. Высокие моральные требования, предъявляемые церковью к человеку имели ввиду, не достижение каких-то частных и ближайших результатов в определённой ситуации, а следование общим нормам и принципам поведения. Церковь одобряла или осуждала конкретные поступки человека, вырабатывала линию поведения человека, формировала в каждом индивиде способность определять и направлять свою линию поведения в обществе, давала обоснование практическим действиям людей. Евангелическо-лютеранская и Католическая Церкви не только сформулировали свои требования по отношению в нравственности молодёжи в церковных уставах, но и занимались практической деятельностью по их реализации. Церковь у российских немцев представляла

⁴⁹ Черказьянова И.В. Немецкая национальная школа в Сибири (XVIII–1938 г.). М., 2000. С. 5.

⁵⁰ Егорова М.В. Поволжские немцы в стремлении к сохранению национальной идентичности, традиционных устоев жизни. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Саратов, 2006. С. 22.

⁵¹ Бобылёва С.И. Немецкие школы и нравственно-психологические проблемы образования в 20–30-е годы XX в. (по материалам Украины) // Немцы России в контексте отечественной истории: общие проблемы и региональные особенности. Материалы международной научной конференции. Москва 17–20 сентября, 1998. М., 1999. С. 394.

⁵² Черказьянова И.В. Школьное образование российских немцев: проблема взаимодействия государства, церкви и общества (1830-е – 1917 гг.). Автореф. дис. ... докт. ист. наук. СПб., 2008. С. 28.

с собой выдающееся учебно-воспитательное учреждение, осуществлявшее под руководством священнослужителей нравственное воспитание молодёжи»⁵³.

3). Целый ряд работ современной отечественной историографии свидетельствует также о том, что и традиционная культура немцев России в основе своей была религиозна. Церковь была «хранительницей не только религиозно-нравственных принципов, но и существенного числа элементов культуры»⁵⁴. Наиболее яркий пример в этом отношении представляет традиционная обрядность. Признавая традиционно значимую роль религии в истории сибирского немецкого села, этнограф Т.Б. Смирнова отмечает: «...особенностью традиционной обрядности немцев Сибири является её большая сопряжённость с религиозной деятельностью. Какую бы сферу обрядности мы не рассматривали, повсюду роль религиозной общины является определяющей»⁵⁵. Именно обрядовую сферу и сферу конфессиональной деятельности исследователи называют в числе «проявляющих наибольшую устойчивость элементов духовной культуры». Этнограф С.А. Рублевская указывает на численное преобладание празднующих религиозные праздники среди опрашиваемых, и находит в этом ещё раз подтверждение того, что «именно религия является хранительницей самобытности и культуры немцев Сибири»⁵⁶. Она делает важный вывод о том, что «отождествление религиозных и национальных традиций в сфере календарной обрядности российских немцев имеет глубокие корни и является следствием как ранней и глубокой христианизации немцев, так и той роли религии, которую она играла на протяжении всего периода проживания немцев в России в условиях инонационального и иноконфессионального окружения»⁵⁷.

Результаты современных этнолингвистических исследований также показывают, что «большинство опрошенных отождествляют традиционные и религиозные праздники. Сохранение религиозных праздников ещё раз подтверждает точку зрения о том, что именно религия является хранительницей национальной самобытности и культуры российских немцев. Приверженность

⁵³ Лиценбергер О.А. Проблема нравственности в деятельности лютеранской и католической церквей // Ключевые проблемы истории и культуры российских немцев. Материалы 10-ой международной научной конференции, Москва, 18–21 ноября, 2003. М., 2004. С. 223.

⁵⁴ Бобылёва С.И. Немцы школы и нравственно-психологические проблемы образования в 20–30-е годы XX в. (по материалам Украины) // Немцы России в контексте отечественной истории: общие проблемы и региональные особенности. Материалы международной научной конференции. Москва 17–20 сентября, 1998. М., 1999. С. 400.

⁵⁵ Смирнова Т.Б. Этнографическое изучение культуры российских немцев Сибири // Ключевые проблемы истории и культуры российских немцев. Материалы 10-ой международной научной конференции... С. 338.

⁵⁶ Рублевская С.А. Календарная обрядность немцев Западной Сибири конца XIX–XX вв. М., 1999. С. 116.

⁵⁷ Рублевская С.А. Календарная обрядность немцев Западной Сибири конца XIX–XX вв. М., 1999. С. 119.

к религиозным праздникам рассматривается российскими немцами как неотъемлемая черта традиционного национального образа жизни. При этом каждая конфессиональная группа сохраняет свои особенности культуры. Даже в селах, где проживают представители разных конфессий, устранение различий, характеризующих немецких переселенцев, не наблюдается...». Вплоть до сегодняшнего дня в отдельных регионах проживания немецкого населения конфессиональная принадлежность входит в число основных факторов, которые «оказывают решающее влияние на самоидентификацию российских немцев и определяют степень сохранения немецкого языка и культуры.»⁵⁸

Ещё одна сфера жизни немцев России, где влияние религии было не только значительным, но и основополагающим, это – семья. Современные исследователи (И. Н. Чернова, А.Н. Блинова и др.) указывают на «глубокий характер связи семьи и религиозной жизни общины, на сохранение ориентации внутрисемейных отношений на религиозные ценности»⁵⁹.

Практически все сферы быта немцев-колонистов несли на себе отпечаток конфессиональных особенностей. Яркий пример в этом отношении – пища. Именно конфессиональная неоднородность явилась одним из «факторов, обусловившим локальное многообразие пищи немецкого населения»⁶⁰.

Исследователи традиционной музыкальной культуры немцев России, также отмечают, что она «опиралась на общинные взаимосвязи и отражала религиозные особенности разных групп (католиков, лютеран, меннонитов)»⁶¹. Е.М. Шишкина-Фишер, касаясь уже современной ситуации, пишет: «Активное самодеятельное функционирование происходит сегодня в сёлах только в сфере религиозного бытования, где кроме церковных псалмов, традиционными являлись и духовные

⁵⁸ Москалюк Л.И. Сохранение языка, традиционной культуры и проблема самоидентификации российских немцев // Немцы России: исторический опыт и современные проблемы самоорганизации. Материалы международной научно-практической конференции. Москва, 29–30 октября 2007 г. М., 2008. С. 50–52.

⁵⁹ Чернова И.Н. Адаптационные процессы в истории семьи немецкого населения Западной Сибири конца XIX – начала XXI века // Этнические немцы России: Исторический феномен «народа в пути»... С. 259–270; Чернова И.Н. Конфессиональные особенности семейных отношений на примере меннонитов Западной Сибири // Немцы Сибири: история и культура. Материалы VI международной научно-практической конференции. Омск, 2–4 июня 2010. Омск, 2010. С. 386–391; Блинова А.Н. Воспитание детей в меннонитской семье и общине (по материалам этнографических экспедиций) // Немцы Сибири: история и культура. Материалы VI международной научно-практической конференции. Омск, 2–4 июня 2010. Омск, 2010. С. 392–396.

⁶⁰ Курманова С.Р. Региональные особенности пищи немцев Западной Сибири // Немцы новой России: проблемы и перспективы развития. Материалы 2-й Международной научно-практической конференции, Москва 7–9 декабря, 2009. С. 156–158; Курманова С.Р. Пища немцев Западной Сибири во второй половине XX – начале XXI вв. Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2010.

⁶¹ Шишкина-Фишер Е.М. Самоорганизация в развитии традиционной музыкальной культуры российских немцев: прошлое и настоящее // Немцы России: исторический опыт и современные проблемы самоорганизации. Материалы международной научно-практической конференции. Москва, 29–30 октября 2007 г. М., 2008. С. 102.

песнопения (Geistliche Lieder). Это не случайно, ведь религиозность колонистов – католиков, лютеран и меннонитов – носила всепоглощающий характер: "они религиозны до фанатизма" – отмечал в начале XX в. Я. Дитц»⁶².

Существенным было влияние религии и веры на особенности целого ряда демографических процессов среди немецкого населения дореволюционной России⁶³.

IV). В тоже время, парадокс и проблема в том, что признание роли религии как основы в целом ряде сфер жизнедеятельности не влечёт за собой принципиальных изменений в методологических подходах к написанию истории немцев России в целом.

К сожалению, значительная часть комплексных работ по истории немцев России, в том числе и учебники, написаны по принципу учебников советского периода. Увы, сегодня мы смотрим на историю немцев в России также как когда-то советская историография на историю древних египтян, греков, римлян и т.д. Сначала экономика, хозяйственная деятельность, затем политика, вопросы управления, затем культура, в которой и отводится определённая роль религии. Для большинства обобщающих исследований характерно выделение религиозной жизни в отдельную главу, что, казалось бы, преследует цель конкретного более глубокого её рассмотрения, но, чаще всего, по объёму эти части в работах значительно уступают другим частям и носят прикладной характер, и, в итоге, не позволяют посмотреть на историю немецкого населения в целом через призму религиозной жизни. Если мы обратимся к безусловно ценному учебному пособию «История немцев России»⁶⁴ авторов А.А. Германа, Т.С. Иларионовой и И.Р. Плеве, то заметим, что, несмотря на чёткие принципы, обозначенные авторами в начале учебника в подходе к классификации различных групп немецкого населения в России, и выделение ими религии как одного из принципов классификации, в структуре пособия в целом доминирует территориальный принцип, тогда как уже само оглавление должно давать представление о конфессиональной структуре не-

⁶² Шишкина-Фишер Е.М. Самоорганизация в развитии традиционной музыкальной культуры российских немцев: прошлое и настоящее // Немцы России: исторический опыт и современные проблемы самоорганизации... С. 103.

⁶³ Бурзарт Л.А. Особенности расселения немцев-католиков в Казахстане и их взаимосвязь с практикой религиозной жизни (конец XIX – начало XXI) // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях. Сборник науч. трудов X Международной науч.-практ. конф., г. Усть-Каменогорск, 15–16 мая 2009 г., – Усть-Каменогорск: «Либрус», 2009. С. 82–93; Бурзарт Л.А. К вопросу о роли конфессионального фактора в демографических процессах (на примере различных конфессиональных групп немецкого населения) // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях. Сборник научных трудов XI Международной научной конференции. Усть-Каменогорск, 28–29 мая 2010 г. Усть-Каменогорск: «Либрус», 2010. С. 69–78.

⁶⁴ Герман А.А., Иларионова Т.С., Плеве И.Р. История немцев России. Учебное пособие. М., 2005.

мецкого населения. В учебном пособии, безусловно, присутствуют параграфы, посвящённые религиозной или духовной жизни колонистов⁶⁵ (чего нельзя, к сожалению, сказать о хрестоматии⁶⁶), и вобравшие в себя основную часть накопленного историографического опыта. Авторы также используют тезис о религиозной вере как «основе духовной жизни немецких и меннонитских колоний», однако, вместе с тем, доминирует та же самая тенденция, когда религия рассматривается не более чем один из аспектов жизни колонистов, наряду с хозяйственно-экономическим, политическим и т.п. Нет чёткого обозначения религии как фундаментальной основы всей системы жизнедеятельности немцев-колонистов. Но в данном случае всё это не может быть поставлено в исключительный упрёк проделавшим огромный труд авторам учебного пособия, ведь учебник является суммированным опытом современной историографии, отражением её теоретических и методологических позиций. К сожалению, сегодня не редко желание исследователей представить «целостную» историю «единого этноса» или «диаспоры» лишает немцев их конфессиональной идентичности, которая длительное время была основной.

Анализ материалов Энциклопедии «Немцы России»⁶⁷ также показывает, что тема «религиозной жизни» составляет одно из слабых мест издания. Статья о католиках⁶⁸ весьма краткая, лютеране представлены в статье «Евангелическо-лютеранская Церковь»⁶⁹ также в небольшом объёме, несколько больше статья о меннонитах⁷⁰. Это же касается и персоналий. Увы, ни эти статьи, ни материалы Энциклопедии в целом не отражают в должной мере того положения, которое занимала религия в истории немцев России, по меньшей мере, в дореволюционный период.

Аналогичные моменты характерны и для такого крупного, солидного и замечательного издания как «История и этнография немцев в Сибири»⁷¹. Религиозная жизнь, несмотря на отводимое ей в издании место, в итоге, к сожалению, во все периоды предстаёт пред нами, лишь как один из компонентов⁷² жизнедеятельности различных групп немецкого населения региона.

V. Нередко просматривается тенденция недифференцированного подхода к вопросу о роли и месте религии в различные периоды истории немцев в России. Порой случается, что современная картина или картина

⁶⁵ Герман А.А., Иларионова Т.С., Плева И.Р. История немцев России. Учебное пособие... С. 70–74, 99–106, 114, 284–286, 335–338, 411.

⁶⁶ Герман А.А., Иларионова Т.С., Плева И.Р. История немцев России. Хрестоматия. М., 2005.

⁶⁷ Немцы России. Энциклопедия. Т. I. М., 1999; Т. II. М., 2004; Т. III. М., 2006; Населённые пункты и места поселения. Энциклопедический словарь. М., 2006.

⁶⁸ Немцы России. Энциклопедия. Т. II. М., 2004; С. 37–40.

⁶⁹ Немцы России. Энциклопедия. Т. I. М., 1999. С. 750–757.

⁷⁰ Немцы России. Энциклопедия. Т. II. М., 2004; С. 471–487.

⁷¹ История и этнография немцев в Сибири / Сост. и науч. ред. Вибс П.П. Омск, 2009.

⁷² История и этнография немцев в Сибири... С. 178–192, 370–400, 523–548.

советского «постдепортационного» периода автоматически переносится и на предшествующий период. Чаще всего это имеет место опять же в комплексных работах, рассматривающих историю немцев в целом и в исследованиях, представляющих историю диаспор. Между тем, весь историографический опыт до-революционного периода, опыт зарубежной историографии, да и серьёзный опыт объективных современных исследований свидетельствует о том, что длительное время религия являлась фундаментальной основой всей системы жизнедеятельности различных групп сельского немецкого населения, несколько отличной была ситуация в городах, но для всех без исключения групп немцев именно вера составляла основу этноконфессиональной идентичности. Причём этот период не обрывается резко с началом советского периода. Новой власти потребовались десятилетия для того чтобы подорвать основу традиционного религиозного уклада жизни немцев. Депортация и режим спецпоселения нанесли решающий удар этой основе, подорванной массовыми антирелигиозными гонениями предшествующих лет. Со сменой поколений произошла окончательная трансформация роли веры. 70-е – 80-е гг. советского периода и последние 2 десятилетия в этом смысле принципиально отличны от предшествующего периода. Исследование конкретики и сути этих процессов ещё предстоит историографии.

Часто исследователи рассматривают религиозные преследования лишь как одно из направлений репрессивной политики, между тем, именно подрыв традиционного религиозного уклада жизни немецкого населения означал подрыв основы всей системы жизнедеятельности. В тоже время целый ряд работ современной историографии отчётливо указывает на первоочередное стремление властей подорвать именно эту основу. Исследователь Г.Н. Кондратюк отмечает: «Отличительная черта религиозного мировоззрения – его цельность. Для жителей немецких колоний был характерен высокий уровень религиозности. Поэтому сфера религии подверглась очень жёсткому давлению со стороны государства. В национальной политике 1920-х годов антирелигиозной пропаганде, периодическим кампаниям, отводилась важная роль. Немецкая секция ОК ВКП(б) в сентябре 1926 года отмечала: "Советизации легче поддаются немцы-лютеране, остальные группы немцев более консервативны и продолжают вести патриархальный образ жизни"... Секретарь немецкой секции Джанкойского райкома ВКП(б) Эрнст в своём отчёте отмечал: "Отношение к служителям культа хорошее и таковые среди немцев пользуются популярностью". Заместитель заведующего Орготделом крымского ОК ВКП(б) Шулемзон в аналитической записке отмечал: "католические колонии индифферентно относятся к текущему моменту, слабо реагируют на строительство и до настоящего времени относятся с благоговением к своим патерам, находясь целиком под их влиянием... Среди католиков... сильно развит религиозный фанатизм, благодаря чему более или менее сознательных граждан наберётся среди них не более 10%... Немецкая молодёжь большей частью находится под влиянием своих родителей и почти

во всех отношениях ни в чём от них не отличается. Так же религиозно, замкнута и политически не развита»⁷³. Анализируя особенности существования немцев-католиков в Украине в 1920–1930 гг., Н.С. Рублёва пишет: «Глубокое и всестороннее зондирование религиозной ситуации в Украине, проведённое в 1922–1923 гг. различными функциональными частями госаппарата (от спецслужб до профсоюзов), подтвердило, что, несмотря на глобальные общественные трансформации и разрушение церковной инфраструктуры, в массовом сознании произошли лишь незначительные секуляризационные подвижки. В первую очередь это касалось немцев-католиков. Из местностей компактного проживания немцев в "центр" поступали "сигналы" о нерушимости позиций РКЦ»⁷⁴. Именно высокая религиозность, по мнению ведущих исследователей А.А. Германа, И.В. Черказьяновой, была одной из основных особенностей менталитета немецкого населения, обусловившей слабую восприимчивость немцев к новой идеологии и сложную адаптацию к большевистской власти⁷⁵. Очень важные результаты и выводы получены в этой связи в работах саратовской школы исследователей. Так М.В. Егорова отмечает: «Тотальное искоренение религии, начатое большевистской властью с самого начала своей деятельности и принявшее особенно агрессивные формы в 1930-е гг., вело к разрушению важнейших устоев жизни немцев Поволжья, поэтому встречало отчаянное сопротивление с их стороны. Несмотря на разное вероисповедание, общим у всего немецкого населения было неприятие государственного атеизма, невосприимчивость к антирелигиозной пропаганде, стремление всем миром защищать священнослужителей, подвергавшихся репрессиям (сбор подписей в защиту, материальная помощь, укрытие и т.д.), попытки различными путями обойти запреты власти, приспособить религиозную жизнь к новым условиям, обращение за помощью и солидарностью к братьям по вере на Западе... Более половины всех массовых "антисоветских" выступлений поволжских немцев возникали на почве протеста против гонений на религию»⁷⁶. В этой связи, собственность, церковь, школа рассматриваются как

⁷³ Кондратюк Г.Н. Влияние национальной политики на внутренний мир немецких колоний Крымской АССР (20–30-е годы XX века) // Тезисы кандидатов на участие в XIII Международной научной конференции «Гражданская идентичность и внутренний мир российских немцев в годы Великой Отечественной войны и в исторической памяти потомков». www.rusdeutsch.ru

⁷⁴ Рублёва Н.С. Особенности существования немецкой католической общности в УССР (1920–1930 гг.) // Немцы России и СССР: 1901–1941. Материалы 6-й международной научной конференции. М., 2000. С. 347.

⁷⁵ См. Герман А.А. Репрессии как неотъемлемый элемент политики большевистского режима по отношению к российским немцам // Наказанный народ. Репрессии против российских немцев. Материалы международной научной конференции. М., 1999. С. 17–25; Герман А.А. «В отношении немецкого населения в СССР осуществлялся геноцид»: об обоснованности и корректности данного утверждения // Ключевые проблемы истории и культуры российских немцев. Материалы 10-й международной научной конференции, Москва, 18–21 ноября 2003. М., 2004. С. 86–98.

⁷⁶ Егорова М.В. Поволжские немцы в стремлении к сохранению национальной идентичности, традиционных устоев жизни. Автореферат диссерт. ... канд. ист. наук.

«основополагающие жизненные ценности и направления» по которым «оказывалось наиболее ожесточённое сопротивление политике режима», нацеленной на «слом традиционных устоев жизни и навязыванию немцам сомнительных с их точки зрения ценностей сталинского социализма»⁷⁷.

В качестве одного из важных последствий политики первых лет советской власти, а также последующего процесса депортации исследователи рассматривают постепенную «утрату такого консолидирующего признака как религиозная принадлежность», что неизбежно привело к «разрушению и деформации этнического сознания». Деформация, ввиду фундаментальной роли религии, коснулась всех сфер: семьи, школы, традиционной культуры и т.д. Яркий пример в этом плане представляет семья и проблема социализации. Исследователь А.Н. Блинова отмечает: «Традиционная религиозность немцев и антирелигиозная политика советского государства вступали в конфликт, что не могло не наложить отпечаток на социализацию. Религиозное воспитание стало носить латентный характер»⁷⁸. Вместе с тем, указывается, что «религия была той духовной опорой, которая помогла многим немцам пережить депортацию, Трудармию, спецпоселение»⁷⁹. Исследователь Е. Эйхельберг подчёркивает: «Важнейшим направлением репрессивной политики советского режима по отношению к российским немцам в послевоенный период стала борьба с их религиозностью... Религия российских немцев не случайно была выбрана в качестве объекта преследований – в ней сосредоточилась основа их культуры... массовая религиозность немцев считалась существенным препятствием на пути их вхождения в советский народ, и потому была достаточным основанием для репрессий против него»⁸⁰. Исследователи называют немцев «едва ли не самым религиозным народом в СССР»⁸¹.

Саратов, 2006. С. 24.

⁷⁷ Там же. С. 27.

⁷⁸ Блинова А.Н. Социально-политический аспект этнической социализации детей российских немцев (XX–XXI вв.) // Российское государство, общество и этнические немцы: основные этапы и характер взаимоотношений. Материалы 11-й международной научной конференции, Москва, 1–3 ноября 2006. М., 2007. С. 413; Блинова А.Н. Трансформация традиционной модели воспитания немцев Западной Сибири в советский период // Немцы Сибири: история и культура. Материалы VI международной научно-практической конференции. Омск, 2–4 июня 2010. Омск, 2010. С. 199–202.

⁷⁹ Эйхельберг Е. Преследование по религиозным мотивам немцев Тюменской области // Наказанный народ. Репрессии против российских немцев... С. 212.

⁸⁰ Там же. С. 211.

⁸¹ Нам И.В. Борьба за выживание: немецкие общины Томской области в годы «оттепели» и «застоя» // Немецкое население в постсталинском СССР, в странах СНГ и Балтии. Материалы IX международной научной конференции. Москва, 4–7 ноября 2002 г. М., 2003. С. 301; Мотревич В.П. Меннониты на Среднем Урале в послевоенные годы: самоорганизация в борьбе за сохранение этноконфессиональной идентичности (по материалам УФСБ по Свердловской области) // Немцы России: исторический опыт и современные проблемы самоорганизации... С. 24–28; Савранина Т. Религиозные организации немцев в Западной Сибири в 1941–1955 гг.

Исследования современной ситуации подтверждают, что, несмотря на стирание религиозных границ, конфессиональная принадлежность отчасти по-прежнему присутствует в структуре самосознания немцев. Данные этносоциологического опроса и мониторинга общественных организаций, представленные Т.Б. Смирновой в рамках 2-й международной научно-практической конференции «Немцы новой России: проблемы и перспективы развития», свидетельствуют, что ещё более 45% немецкого населения относит себя к традиционным для немцев конфессиям: лютеране – 32,5%, католики 12,4%, меннониты – 0,9%»⁸². Конечно же, необходимо учитывать, что некоторая часть респондентов отнесла себя к той или иной конфессии номинально, «по традиции», не являясь при этом «практикующими» верующими. Как уже указывалось в советский период, особенно в «постдепортационный», произошла явная трансформация традиционной основополагающей функции религии, и в этом смысле мы имеем дело с качественно разными периодами истории немецкого населения, требующими различных методологических подходов.

VI. Нередко случается, что религиозный компонент сегодня полностью исключается из программ опросов, проводимых в ходе различных этнографических, социологических, демографических, диалектологических исследований.

Такими попытками дискредитируется и искажается суть «диаспорного» подхода. На сегодняшний день очень много в разработке проблемы «диаспоры» сделано в первую очередь сибирскими учёными (И.А. Нам, Т.Б. Смирнова, В.Н. Шайдунов и др.⁸³), ими получены серьёзные, фундаментальные выводы. Однако порой в

// Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие. 1941–1955 гг. Материалы международной научной конференции. Москва, 19–22 октября, 2000. М., 2001. С. 313–320; *Лиценбергер О.А.* Возрождение Римско-католической и Евангелическо-лютеранской церкви: религиозная жизнь российских немцев после ликвидации режима спецпоселения // *Немецкое население в постсталинском СССР, в странах СНГ и Балтии (1956– 2000)* С. 264–277; *Вибе П.П., Сенникова Л.А.* Религиозные преследования немцев-представителей протестантских конфессий в Омской области в конце 1950-х – 1980-х гг. // *Немецкое население в постсталинском СССР, в странах СНГ и Балтии.* С. 278–300.

⁸² *Смирнова Т.Б.* Результаты этносоциологического опроса и мониторинга общественных организаций российских немцев // *Немцы новой России: проблемы и перспективы развития.* Материалы 2-й международной научно-практической конференции, Москва, 7–9 декабря 2009. М, 2010. С. 16.

⁸³ *Нам И.В.* Немецкие колонии в России и в Сибири в начале XX века в контексте проблемы диаспоральности // *Немцы в России и СССР: 1901–1941 ггш.* С. 17–30; *Шайдунов В.Н.* Формирование и развитие немецкой диаспоры на Алтае: конец XIX – начало XX вв.. Барнаул, 2003; *Смирнова Т.Б.* Немецкое население Западной Сибири в конце XIX – начале XXI века: формирование и развитие диаспорной группы. Автореферат диссерт. ... докт. ист. наук. Омск, 2009; *Смирнова Т.Б.* Немцы Сибири как диаспорная группа (особенности формирования, идентичности, культурного воспроизводства) // *Немцы Сибири: история и культура.* Материалы VI международной научно-практической конференции. Омск, 2–4 июня 2010. Омск, 2010. С. 165–171 и др.

отдельных исследованиях просматривается явная абсолютизация территориального компонента, тогда как он представляет из себя фактор больше внешнего порядка, а в основе внутренней общности лежала именно конфессиональная принадлежность. Если мы подойдём к этому реально, то трудно себе представить, скажем, немца-лютеранина прибывшего из Поволжья в Сибирь в начале XX в. и отдающего предпочтение при выборе места поселения не своим единоверцам, например, из Украины, а немцам-католикам из Поволжья. Безусловно, современная ситуация демонстрирует стирание конфессиональных границ, однако, обращение к истории формирования диаспор обязывает исследователей обозначать не только региональные группы выхода: поволжские, украинские волынские и т.д, но и, прежде всего, чётко указывать на конфессиональную неоднородность. Иначе мы рискуем исказить историю немцев в России и СССР в период до депортации.

На основе некоторых работ нельзя получить даже самые общие представления о конфессиональном составе немецкого населения. Так в работе Д.Г. Коровушкина «Немцы в Западной Сибири: расселение и численность в конце XIX – начале XXI века»⁸⁴, к сожалению, нет не только статистических сведений, касающихся конфессиональной структуры немецкого населения, но и даже кратких указаний на основные конфессиональные группы немцев Сибири, хотя бы для дореволюционного периода.

На прошедших в 2009 г. международных научных конференциях «Немцы новой России: проблемы и перспективы развития»⁸⁵ и «Актуальные вопросы изучения и преподавания немецкого языка: Язык как основа сохранения и развития идентичности российских немцев»⁸⁶ был представлен целый блок работ по диалектологии, но, увы, далеко не во всех из них учитывается так называемый «конфессиональный фактор». Положительный пример являет в этом отношении работа С. Дамус, рассматривающая конфессиональные языковые различия на примере с. Шумановка⁸⁷. Приходится лишь сожалеть, что исследователи исключают из опросных листов сведения о конфессиональной принадлежности самих респондентов или их предков.

VII. Следует отметить ещё один момент: наиболее крупные, фундаментальные работы по данной теме написаны большей частью по Церквям в целом, (к примеру, монографии О. А Лиценбергер, О.В. Курило,

⁸⁴ Коровушкин Д.Г. Немцы в Западной Сибири: расселение и численность в конце XIX – начале XXI века. Новосибирск, 2007.

⁸⁵ Немцы новой России: проблемы и перспективы развития. Материалы 2-й Международной научно-практической конференции, Москва 7–9 декабря, 2009. М., «МСНК», 2010.

⁸⁶ Актуальные вопросы изучения и преподавания немецкого языка: Язык как основа сохранения и развития идентичности российских немцев: Материалы международной научно-практической языковой конференции. Москва, 28 октября – 1 ноября 2009 г. М., 2010.

⁸⁷ Дамус С. Немцы в России: сохранение или смена языка? // Актуальные вопросы изучения и преподавания немецкого языка: Язык как основа сохранения и развития идентичности российских немцев... С. 92–95.

безусловно, затрагивают и немцев-католиков и немцев-лютеран⁸⁸), **и всё же отдельные комплексные исследования, посвящённые их внутренней жизни, в основе которой была религиозная община, на сегодня отсутствуют**. Несколько иначе с меннонитами, по истории которых публикации больше, но и у них чаще доминирует экономическая и политическая история, кроме того, большинство работ принадлежит перу зарубежных авторов. Современные монографические работы отечественных исследователей пока единичны⁸⁹. Есть исследования по истории отдельных приходов в городах, что же касается приходов колонистских, то при обращении к этой теме по-прежнему приходится опираться преимущественно на работы дореволюционных авторов⁹⁰. Безусловно, многие из них не утратили своей актуальности и научной ценности по сей день, но современные исследования с привлечением солидной документальной базы, увы, отсутствуют.

Затрагивая тему документальной базы, нужно сразу же сказать о том, что темпы вовлечения источников в научный оборот также весьма слабые, и, опять же, то, что введено и вводится – большей частью по истории Церквей в целом, их взаимоотношениям с государством⁹¹. Документальные источники по истории приходов, внутренней религиозной жизни изучены весьма слабо, хотя в последние годы этот процесс несколько активизировался⁹².

⁸⁸ Курило О.В. Лютеране в России (XVI–XX вв). Автореферат дис. ... канд. ист. наук. М., 1995; Лиценбергер О.А. Евангелическо-лютеранская Церковь и советское государство. 1917–1938. М., 1999; Лиценбергер О.А. Римско-католическая Церковь в России: история и правовое положение. Саратов, 2001; Лиценбергер О.А. Римско-католическая и Евангелическо-лютеранская Церкви в России: сравнительный анализ взаимоотношений с государством и обществом (XVIII – начало XX вв). Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Саратов, 2005.

⁸⁹ Очерки истории немцев и меннонитов Юга Украины (конец XVIII – 1-я половина XIX вв). Днепропетровск, 1999; Осташева Н.В. На переломе эпох... Меннонитское сообщество Украины в 1914–1931 гг. М., 2000; Живи и помни... История меннонитских колоний Екатеринославщины. Днепропетровск, 2006 и др.

⁹⁰ Keller Konrad. Die Deutschen Kolonien in Südrussland. Neuauflage. HFDR, Nürnberg, 2000; Клаус С. Наши колонии. СПб., 1869; Шмах Я. Очерки из истории современной жизни южно-русских колонистов. М., 1916 и др.

⁹¹ Этноконфессия в советском государстве. Меннониты Сибири в 1920–1980 годы. Аннотированный перечень архивных документов и материалов. Избранные документы / Сост. Савин А.И. Новосибирск, 2006 и др.

⁹² Пудовочкина О.К. Документы Тираспольской римско-католической консистории в государственном архиве Саратовской области // НИБ. 1996. № 2. С. 21–22; Лиценбергер О.А. Материалы ГАСО и ЭФГАСО о российских немцах католического вероисповедания // Российские немцы. НИБ. 2002. № 4. С. 12–14; Лиценбергер О.А. Материалы РГИА, ГАРФ и Политического архива МИД Германии о российских немцах католического вероисповедания // НИБ. 2002. №3. С. 9–1; Бабкова В.Ю. Сведения о меннонитах в фондах Центрального Государственного архива Республика Северная Осетия – Алания (Владикавказ) // НИБ. №4 (52), 2007. С. 15–18; Недзелик Т.Г. Материалы по конфессиональной истории немецких католических поселений Сибири в архивохранилищах страны // НИБ. 2008. №2. С. 3–6; Недзелик Т.Г. Католическая деревня Западной Сибири рубежа XIX–XX вв. по материалам Российского государственного исторического архива и архивов Сибири // НИБ. 2008. № 3, С. 2–3.

Одна из последних работ такого плана – кандидатское исследование Г.Ф.Соловьёвой «Материалы Российского государственного исторического архива о лютеранских приходах Северо-Запада XVIII – нач. XX вв. как исторический источник»⁹³. Весьма интересные мысли высказаны Т.Г. Недзелью в работе о методах и приёмах микроисторического анализа в исследовании конфессиональной культуры⁹⁴. И хотя нельзя полностью согласиться с утверждением автора о том, что «религия возникает и функционирует в ситуациях эмоционального стресса, связанных с периодами жизненных кризисов», положение о необходимости микроисторического анализа для установления сущности исследуемого явления очень важно. Это нам представляется в качестве одного из направлений исследований современной отечественной историографии.

Следует указать и на относительно небольшое число научных конференций, посвящённых именно религиозной жизни различных конфессиональных групп немецкого населения⁹⁵. Обращает на себя внимание последняя конференция «Немцы Сибири», где история и культура меннонитов представлены довольно большим блоком⁹⁶. Чаще всего же «религиозная жизнь» представлена в составе конференции 1–3 докладами.

Особую важность имеют научные экспедиции в бывшие меннонитские, лютеранские, католические колонии⁹⁷, изучение сохранившихся памятников материальной и духовной культуры и реконструкция конфессиональной истории.

VIII). При рассмотрении такой фундаментальной проблемы как самоорганизация, также преобладает взгляд на религиозные общины лишь как на один из элементов самоорганизации и отсутствует видение религиозной общины как основной формы самоорганизации, (прежде всего, в дореволюционный период), проникающей все остальные формы и элементы.

С одной стороны, следует отметить довольно солидные результаты, достигнутые современной отечественной историографией в изучении проблемы

⁹³ Соловьёва Г.Ф. Материалы Российского государственного исторического архива о лютеранских приходах Северо-Запада XVIII – нач. XX вв. как исторический источник. Автореферат дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2008.

⁹⁴ Недзелью Т.Г. Методы и приёмы микроисторического анализа в исследовании конфессиональной культуры // Немцы Сибири: история и культура. Материалы VI международной научно-практической конференции... С. 35–40.

⁹⁵ Протестантизм в Сибири: История и современность. Материалы международной научной конференции, Омск, 26–28 мая 1998 г. Омск, 1998; Лютеране в Сибири: сборник научных статей. Омск, Эрланген, 2000; Роль религиозных конфессий в жизни немцев Центральной Азии. Сборник материалов международной научно-практической конференции (30–31 октября 2002 г.). Алматы, 2002 и др.

⁹⁶ Немцы Сибири: история и культура. Материалы VI международной научно-практической конференции. Омск, 2–4 июня 2010. Омск, 2010.

⁹⁷ Об экспедиционных исследованиях расселения меннонитов в 2000–2006 гг. // Российские немцы: НИБ. 2007. №2(50). С. 9–13.

самоорганизации в целом. Важен сформулированный исследователем Э.Р. Барбашиной взгляд на самоорганизацию, как на «наложение» этнокультурных, конфессиональных, социальных, экономических, политических пространств⁹⁸. Соответственно, можно конкретизировать проблему как этнокультурную, религиозную, социальную, экономическую, политическую и др., хотя, в тоже время, в «ряду уровней содействия» религиозный, по какой-то причине, не выделяется.

Современной историографией в контексте проблемы самоорганизации получен целый ряд интересных результатов, в том числе, в проекции на религиозные институты и религиозную жизнь. Особенно ярко это демонстрируют исследования по истории городского немецкого населения. Из наиболее «свежих» работ можно обратить внимание на кандидатские исследования О.В. Шрамковой «Национальные меньшинства Саратова во второй половине XIX – начале XX вв.: социальная интеграция и повседневная жизнь»⁹⁹ и З.И. Бичаниной «Немецкий компонент в культурной жизни Саратова (1870–1930-е гг.)»¹⁰⁰ в которых религиозным институтам отводится особая роль в социокультурной сфере городской деятельности: «...они выполняли религиозно-культовую, интегративную, регулятивную, благотворительную, культурно-просветительскую, коммуникативную функции. Храмы были для своих прихожан не только центрами религиозного просветительства и культовой практики, но и очагами этнокультурного развития.... Церковные школы являлись главным инструментом передачи религиозного, социального, культурного опыта, от поколения к поколению, в условиях инонационального окружения». Таким образом, для городского немецкого населения религиозно-культовые учреждения рассматриваются как один из «социальных институтов, обеспечивающих условия для сохранения этничности», как «фактор внутриэтнической консолидации». Особо следует упомянуть докторскую диссертацию А.Э. Алаксина о протестантских общинах Петербурга¹⁰¹, представляющую «протестантскую диаспору города в XVIII столетии как сложное многонациональное и многоконфессиональное, достаточно замкнутое образование...». Автор подчёркивает: «Основное значение в определении места поселения для протестанта имел, конечно, фактор наличия поблизости лютеранской или реформатской

⁹⁸ Барбашина Э.Р. Самоорганизация российских немцев как многофакторная проблема // Немцы России: исторический опыт и современные проблемы самоорганизации. Материалы международной научно-практической конференции. Москва, 29–30 октября 2007 г. М., 2008. С. 7–11.

⁹⁹ Шрамкова О.В. Национальные меньшинства Саратова во второй половине XIX – начале XX вв.: социальная интеграция и повседневная жизнь. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Саратов, 2009.

¹⁰⁰ Бичанина З.И. Немецкий компонент в культурной жизни Саратова (1870–1930-е гг.). Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Саратов, 2010.

¹⁰¹ Алаксин А.Э. Протестантские общины в Петербурге в XVIII веке. Автореферат дисс. ... докт. ист. наук. СПб., 2008.

кирки – она являлась центром плоскости территориального притяжения всех проживавших в соседних кварталах единоверцев. Только в её стенах протестанты полно испытывали чувство конфессиональной и этнической сплочённости друг с другом...»¹⁰².

Что касается сельского немецкого населения, то и здесь получены солидные результаты в проекции на различные регионы. Деятельность религиозных общин определяется исследователем П.П. Вибе, как «основной способ поддержания и воспроизводства немецкой диаспоры в Сибири, как специфической системы формальных и неформальных связей, и «стимулятор деятельности образовательных, благотворительных, культурно-просветительских организаций»¹⁰³. Маститый исследователь в этой области О.А. Лиценбергер также говорит о «религиозной самоорганизации российских немцев», указывая на исторический опыт первых колоний и его современную востребованность¹⁰⁴. Положительным примером подхода к истории немцев как к истории этноконфессиональной является недавно вышедшая работа Ю.И. Подопригора «Немцы Павлодарского Прииртышья»¹⁰⁵.

Но вновь парадокс: когда дело касается формулирования важных теоретических положений, а именно таковыми и являются, скажем, выводы и рекомендации научно-практической конференции «Немцы России: исторический опыт и современные проблемы самоорганизации», имеем следующую позицию, которая гласит, что «в дореволюционный период истории немцев в России наиболее эффективные результаты были достигнуты в следующих сферах:

1) хозяйственно-экономической (различные формы взаимопомощи, кооперации в промышленности, сельском хозяйстве, торговле и др.);

2) социальной, оказавшейся наиболее успешной (различные общества попечительства, взаимопомощи, благотворительности, призрения больных, инвалидов, сирот, престарелых и др., в организации которых большую роль играл церковный институт).

3) образовательной

4) культурной»¹⁰⁶.

Увы, как мы видим, отдельное положение о религиозной общине, как основной форме самоорганизации немецкого населения в дореволюционный период, отсутствует. Также следует указать на то, что практически без долж-

¹⁰² Там же. С. 37.

¹⁰³ Вибе П.П. Немецкие колонии в Сибири в условиях социальных трансформаций конца XIX – первой четверти XX вв. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Омск, 2009. С. 34.

¹⁰⁴ Лиценбергер О.А. Исторический опыт самоорганизации религиозной жизни российских немцев и его востребованность в современных условиях // Немцы России: исторический опыт и современные проблемы самоорганизации... С. 96–101.

¹⁰⁵ Подопригора Ю.И. Немцы Павлодарского Прииртышья. Алматы, 2010.

¹⁰⁶ Немцы России: исторический опыт и современные проблемы самоорганизации... С. 115–116.

ного внимания современной отечественной историографии по-прежнему за редким исключением остаются ключевые фигуры внутриобщинной жизни колонистов, а именно – священнослужители (священники, пасторы, проповедники, церковные старшины). За редким исключением¹⁰⁷, мы не имеем ни портретов отдельных личностей из их числа, ни целостного образа священнослужителя и его роли в жизни общины, как до депортации, так и после, в условиях «Катакомбной Церкви».

IX. Между тем, глубокое исследование религии, веры и Церкви в проекции на всю систему внутренней жизнедеятельности, прежде всего, немецких и меннонитских колонистских общин, насущно необходимо в свете особого соотношения этнического конфессионального в истории различных групп немецкого населения в России.

В этой связи опять же, с одной стороны, можем говорить о значительных отдельных результатах, полученных современной историографией в теоретическом аспекте. Так чётко установлено отсутствие среди немцев России единой этнической общности и единого национального самосознания вплоть до начала процесса депортации. Одновременно было установлено наличие чётко обособленных конфессиональных групп и ярко выраженного религиозного самосознания. Исследователь Л.В. Малиновский пишет о религии как об «объединяющей связи» и одновременно «мощном разъединяющем факторе» для немцев России¹⁰⁸. Конфессиональная однородность рассматривается современными исследователями как «препятствие складыванию общенационального сознания»¹⁰⁹. Получила своё развитие и проблема соотношения и взаимосвязи этнического и религиозного, проблема этноконфессиональных общностей. Исследователь Т.Б.Смирнова в этой связи отмечает: «Эндогамная обособленность, сельский локальный образ поселения в иноязычной и иноконфессиональной среде, воздействие религиозных догм послужили предпосылками формирования этноконфессиональных общностей. При этом с одной стороны, ряд специфических особенностей культуры и быта в результате сложного взаимодействия с культом, впитывается им, становится его составным элементом "конфессионализируется". С другой стороны, отдельные компоненты культового комплекса, особенно его ритуалы, ритуаль-

¹⁰⁷ Черказянова И.В. Давид Генрихович Эпп (1861–1934) – меннонитский религиозный и общественный деятель, историк и журналист // Российские немцы: НИБ. 2007. №1(49). С. 4–8; Рублева Н.С. Последний паптер Тираспольской диоцезии: Михаэль Келлер (1897–1983) // Немецкое население в постсталинском СССР, в странах СНГ и Балтии... С. 318–325.

¹⁰⁸ Малиновский Л.В. О национальном единстве и этнографических группах немцев России // История и культура немцев Алтая. Выпуск 1., Барнаул, 1999. С.5–13; Малиновский Л.В. История немцев в России. Барнаул, 1996; Савранина Т.В. Этнический и конфессиональный состав немцев Западно-Сибирской равнины (конец XIX–XX вв). Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1997 и др.

¹⁰⁹ Нам И.В. Немецкие колонии в России и Сибири в начале XX века в контексте проблемы диаспоральности / / Немцы России и СССР: 1901–1941 гг. С. 23.

ные обычаи и традиции, проникая в национальные формы общественной жизни, приобретают характер этнических явлений»¹¹⁰. Важные выводы получены современной историографией в оценке роли религии как «фактора этнической идентичности...способствовавшего поддержанию стабильности этноса». Отмечается усиление этой роли «под влиянием иноэтничной среды и государственной политики властей в отношении инославия»¹¹¹. Теоретически всеми ведущими исследователями признается «значительное влияние религии» на формирование этнического сознания. Характер религиозности немцев определяется исследователями как «всепроникающий»¹¹². О.А. Лиценбергер отмечает: «Жизнь немцев-колонистов Поволжья, их дела и помыслы были вдохновляемы верой. На духовных интересах, которыми жили немцы-колонисты, и религиозных устоях протестантизма строилась их жизнь, быт, образ мыслей, характер и нравственный облик. Церковь занимала в жизни немцев протестантов центральное место»¹¹³.

С другой стороны, отсутствует единая картина жизни колонистских сообществ как целостной этноконфессиональной системы, в основе которой вера. Несмотря на то, что историография меннонитов в рассматриваемом ракурсе также далека от совершенства, восприятие их как этноконфессиональной общности всё же относительно чётко вошло в историографию¹¹⁴, тогда как подобный образ немцев-лютеран, немцев-католиков не просматривается всегда столь явно, а между тем, в жизни католической или лютеранской колонии религия играла не меньшую роль, чем в жизни меннонитов, и религиозное самосознание, по меньшей мере в период до депортации, было преобладающим. Очень важные выводы в этой связи получены исследователем П.Ф. Диком: «Единство семейно-родственной группы и религиозной общины обеспечило создание народной религии и этноконфессиональных общностей в Украине, Поволжье, Крыму и на Кавказе: немцев-лютеран, немцев-католиков, немцев-меннонитов и других групп. Принудительные миграции немцев в Сибирь и Центральную Азию, системная практика ограничения географической и социальной (вер-

¹¹⁰ Смирнова Т.Б. Этническое самосознание и этнические процессы у немцев Западной Сибири // Российские немцы: проблемы истории, языка и современного положения. Материалы международной научной конференции, Анапа, 20–25 сентября 1995 г. М., 1996. С. 489.

¹¹¹ Лиценбергер О.А. Особенности адаптации немцев-лютеран и католиков в иноконфессиональное окружение // Российские немцы в инонациональном окружении: проблемы адаптации, взаимовлияния, толерантности: Материалы международной научной конференции. Саратов, 14–19 сентября 2004 г. – М., 2005. С. 103–116; Лиценбергер О.А. Римско-католическая и Евангелическо-лютеранская Церкви в России: сравнительный анализ взаимоотношений с государством и обществом (XVIII – начало XX вв). Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Саратов, 2005.

¹¹² Плехотнюк Т.Н. Российские немцы на Северном Кавказе. М., 2001. С. 77.

¹¹³ Лиценбергер О.А. Евангелическо-лютеранская церковь Святой Марии в Саратове. Саратов, 1995. С. 5.

¹¹⁴ Меннониты // Немцы России. Энциклопедия. Т. II. М., 2004; С. 471–487.

тикальной) мобильности национальной группы в советский период привели к дезинтеграции локальных этноконфессиональных общностей в единую немецкую общность. ... Среди наиболее стойких традиций, содействующих поддержанию религиозности, являются этноконфессиональные – следствие отностительной изоляции нескольких поколений немцев от инонациональной и иноконфессиональной среды. Эти традиции противоречивы. С одной стороны, они противодействуют консолидации немецкого этноса, с другой – облегчают воспроизводство религиозности в традиционных для немцев конфессиях»¹¹⁵.

Несмотря на существенную трансформацию, влияние религиозного самосознания сохранялось и в советский период¹¹⁶. Исследователи подтверждают, что «в тоталитарном советском государстве в условиях отрицания национальной самобытности, неравнозначного положения немецкого населения религиозные общества и группы немцев становятся не просто местом объединения граждан для удовлетворения их религиозных потребностей, а "источником" национальной культуры, которые способствовали этническому самоопределению, сохранению и укреплению чувства принадлежности к немецкому этносу»¹¹⁷. И в этой смысле действительно можно согласиться с мнением о том, что лютеранство, как и баптизм, католицизм воспринимаются не как индивидуальные религиозные воззрения (системы), а как «национальный образ жизни»¹¹⁸.

Х. Одним из немаловажных вопросов, который нельзя не затронуть, является этика исследовательской работы в данном направлении.

В этой связи следует сказать ещё об одном отпечатке «постдепортационного» периода, который порой несёт на себе современная отечественная историография. К сожалению, за десятилетия атеизма мы привыкли писать о религии, вере, Церкви либо никак, либо чаще всего негативно, не стесняясь при этом в терминах, выражениях, ярлыках. На современном этапе различные науки, обращающиеся к религиозной тематике, будь то история, этнография, философия, социология и т.д. сталкиваются с отсутствием специфических навыков обращения с духовными ценностями, коими и являются вера и Церковь. К сожалению, практика в этом плане демонстрирует очень много примеров некомпетентного, некорректного обращения. Для иллюстрации приведём некоторые из них.

Так автор кандидатской диссертации на тему «Правовое положение Католической Церкви в России в XVIII веке» М.А. Булавина, обращаясь к проблеме

¹¹⁵ Дик. П.П. Этноконфессиональный компонент духовной культуры немецкой национальной группы // Этнические немцы России: Исторический феномен «народа в пути». Материалы XII международной научной конференции. Москва, 18–20 сентября 2008 г. М., 2009. С. 74.

¹¹⁶ Буковинский В. Воспоминания о Казахстане // Шченский Анджей. Отцы Церкви. Отцы наших отцов. Мы дети нашего Отца. Караганда, 2000. С. 199–283.

¹¹⁷ Подопригора Ю.И. Немцы Павлодарского Прииртышья. Алматы, 2010. С. 69.

¹¹⁸ Вера. Этнос. Нация. Религиозный компонент этнического сознания. М., 2007. С. 10.

истории Греко-католической Церкви, позволяет себе назвать её «гибридом»¹¹⁹. Этот термин не только не передаёт истинной сути Греко-католической Церкви, но и звучит оскорбительно, особенно в условиях остроты восприятия её истории в России. Анализ автореферата диссертации показывает, что автор не особо углублялась в историю Греко-католической Церкви с учётом накопленного в этой области историографического опыта, за рамками внимания осталась и «Католическая Энциклопедия»¹²⁰, насчитывавшая на тот момент 3-тома и, как следствие – работа содержит целый ряд весьма поверхностных и непрофессиональных суждений.

Ещё одна довольно свежая кандидатская диссертация из области искусствоведения «Культурное наследие немцев в Западной Сибири»¹²¹ также содержит печальные свидетельства непрофессионализма. Так на с. 14 находим весьма странную классификацию культовых зданий: «В связи с религиозными догматами, духовная культура у представителей конфессиональных направлений этого народа имеет весомые различия... обозначенные через предметы культа (тип культового здания, иконы, библии). Так католики строят костёлы, лютеране – лютеранские церкви, меннониты – молебные дома». Многих ошибок и неточностей, можно было бы избежать, обратившись к соответствующим справочным изданиям или специалистам в этой сфере.

Порой появляются исследования с очень слабой историографической базой, особенно это касается региональных исследований и исследований в отдельных республиках бывшего СССР. Нередко авторы делают в своих работах своеобразные «богословские экскурсы», которые часто носят поверхностный характер, содержат многочисленные неточности и некомпетентные суждения.

К сожалению, этих ошибок порой не удаётся избежать даже маститым в своей области исследователям, некоторые их «богословские» и мировоззренческие оценки порой имеют довольно спорный характер¹²², и тогда появляется заслуженная критика¹²³. Повторюсь, что эти замечания имеют не личный характер, а отражают, в первую очередь, положение в целом. Мы за десятилетия атеизма лишились мощного духовного культурного пласта и некоторые вещи из религиозной сферы должны изучать буквально с азов. В этой связи, в условиях отсутствия первоначальной базы и специальной профессиональной подготовки, исследователям, работающим в этой сфере,

¹¹⁹ Булавина М.А. Правовое положение Католической Церкви в России в XVIII веке. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. М., 2008. С. 9.

¹²⁰ Католическая Энциклопедия. Т. I. М., 2002; Т. II. М., 2005; Т. III. М., 2007.

¹²¹ Бармин В.В. Культурное наследие немцев в Западной Сибири. Автореф. дисс. ... канд. искусствоведения. Барнаул, 2010.

¹²² Алашкин А.Э. Протестантские общины в Петербурге в XVIII веке. Автореферат дисс. С. 39.

¹²³ Парфентьев П.А. Рецензия на книгу: Лиценбергер О.А. Римско-католическая Церковь в России: история и правовое положение. Саратов, 2001. <file:///A:\Православные%20Католики%20-%20Библиотека.htm>.

помимо расширения собственного кругозора, просто необходимо прибегать к консультациям духовных лиц, богословов (особенно, если они затрагивают вопросы, касающиеся догматики, обрядовой сферы, литургических норм и т.п.). Нужно учитывать уже имеющийся опыт в оценке тех или иных процессов, в том числе, собственно церковную историографию. В этой связи представляется перспективным и более тесное исследовательское сотрудничество нашей Ассоциации с церковными, религиозными организациями. Необходимо постоянно помнить о том, что мы имеем дело с духовными ценностями, с духовной сферой, развивающейся по своим внутренним законам и требующей специфических навыков обращения.

Подводя итоги, следует отметить, что перед нами противоречивая картина: мы видим, что религия действительно на протяжении длительного периода являлась основой жизнедеятельности различных групп немецкого населения в России. Вплоть до начала депортации религиозная община выступала в качестве основной формы самоорганизации немцев, проникающей все остальные формы и сферы жизнедеятельности (семья, школа, традиционная культура, хозяйственная жизнь, мораль, правовые нормы, быт и т.д.) обеспечивающей сохранение этноса в иноконфессиональном, иноэтническом и иноязыковом окружении. История немцев в период до депортации была историей конфессиональной. Депортация же не только разрушила моноконфессиональный уклад жизни немецкого населения и вызвала дальнейшую трансформацию роли религии из фундаментальной в «компонентную», но и в своих исторических последствиях, наложила существенный отпечаток на современную историографию истории немцев в России, лишив конфессионального характера не только историю советского, но и предшествующего – дореволюционного периода. Методологически, религии, несмотря на признание её важности, в современной отечественной историографии отводится место лишь «компонента», «фактора» в ряду других компонентов и факторов исторического развития немцев.

Проведённый анализ современной отечественной историографии показывает, что в целом, мы имеем довольно неплохую базу научно-исследовательских результатов, но насущно требуется доработка и переосмысление методологических подходов к религии и религиозной жизни немцев России в контексте этноконфессиональной истории в целом (особенно для периода до депортации). И именно эта сфера видится нам как одно из первоочередных направлений исследовательской деятельности нашей Ассоциации.

От петиций к активным действиям: борьба за немецкую автономию в 1960-е годы*

Одной из малоисследованных страниц послевоенной истории российских немцев является предистория движения за восстановление ликвидированной автономной республики, тесно связанного с принятием 29 августа 1964 Указа Президиума Верховного Совета (ВС) СССР «О внесении изменений в Указ Президиума ВС СССР от 28 августа 1941 года "О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья"»¹²⁴. До сегодняшнего дня нет обоснованной точки зрения на причины, процесс и мотивацию, подвигнувшую партийно-советскую верхушку на данный шаг. Большинство исследователей склоняется к тому, что на принятие решения о частичной реабилитации поволжских, а вместе с ними и в целом российских (или как тогда писали: советских) немцев решающее влияние оказали внешнеполитические факторы. Прежде всего имелся в виду намечаемый на вторую половину 1964 года ответный визит Первого секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета Министров (СМ) СССР Никиты Хрущева в Западную Германию. В данной интерпретационной схеме сам факт появления августовского Указа послужил в свою очередь как бы катализатором возникновения и распространения автономистского движения среди немецкого населения, до того момента времени политически совершенно пассивного в отстаивании своих конституционных прав¹²⁵.

Ставшие в последние несколько лет доступными архивные материалы позволяют внести значительные коррективы в устоявшуюся картину¹²⁶. До конца

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Министерства внутренних дел Германии (Bundesministerium des Innern).

¹ Впервые Указ появился в открытой печати в: Ведомости ВС СССР № 52 от 28 декабря 1964. Ст. 592. С. 931.

¹²⁵ Подобная точка зрения была в наиболее развернутом виде высказана в совместной книге известных историков из Германии и Израиля И. Флейшхауэр и Б. Пинкуса, посвященной советскому периоду истории немецкого меньшинства: *Benjamin Pinkus, Ingeborg Fleischhauer: Die Deutschen in der Sowjetunion. Geschichte einer nationalen Minderheit im 20. Jahrhundert.* Baden-Baden 1987, S. 362–364, 501–506. В большей или меньшей степени ее придерживается подавляющее большинство современных исследователей из России, Германии и других стран: *Peter Hilkes und Gerd Stricker: Von der Deportation bis zur Emigration*, in: *Deutsche Geschichte im Osten Europas. Russland.* Hrsg. von Gerd Stricker. Berlin 1997, S. 214–260, hier S. 240; *Alfred Eisfeld: Die Russlanddeutschen.* 2. Ausgabe. München 1999, S. 139–140; *Герман А., Иларионова Т., Плевне И. История немцев России. Учебное пособие.* Москва 2005. С. 500–501 и др.

¹²⁶ Речь идет с одной стороны об информационных материалах органов КГБ Красноярского края по автономистскому движению 1960-х гг.: Депортированные немцы в Хакасии // Книга памяти жертв политических репрессий Республики Хакассия. Том 3. Абакан 2007. С. 227–269, особенно С. 250–262. С другой стороны это документы центральных и региональных партийных и советских инстанций, органов правосудия за 1955–65 гг., отражающие непоследовательный процесс восстановления прав

1950-х годов среди пострадавших преобладали индивидуальные письма-просьбы, обращения в центральные газеты, высшие партийные органы, в Верховный совет СССР прежде всего лиц творческих профессий. В письме, отправленном в центральную газету на немецком языке «Нойес Лебен» (Neues Leben, т.е. Новая Жизнь) в конце 1957 – начале 1958 г. популярный писатель и педагог Виктор Клейн указывал на отсутствие у немецкого населения страны школ с обучением на родном языке, театров, народных домов, печати, что в свою очередь увязывалось с запретом на возвращение в родные места, с проблемой ликвидированной автономной республики, которая, по его глубокому убеждению, обязательно будет решена на основе «ленинских принципов национальной политики».¹ Его старший коллега, известный еще в АССР Немцев Поволжья писатель и бывший доцент Немецкого Государственного педагогического института Доминик Гольман, довольно смело для того смутного времени (1959 г.) ставил вопрос о насущной необходимости восстановления автономной республики. Этот шаг он обосновывал историческими ссылками, показывал несостоятельность контраргументов экономического (значительные затраты на ее создание) или международного плана (эмиграционные настроения, отношения с ФРГ), понимая свой голос как рупор пожеланий и стремлений основной массы поволжских немцев.²

Начиная с 1961 года стали преобладать коллективные письма-протесты с ярко выраженной критикой существующей практики государственного подхода по отношению к немецкому национальному меньшинству. В значительной мере они были вдохновлены так называемой «второй», более масштабной и

репрессированных народов: Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Том II. Февраль 1956 – начало 80-х годов. Москва 2003. Из доступных архивных источников следует отметить документы юридического отдела Президиума ВС СССР (фонд 7523). Это прежде всего опись 83, дело 1136 «Материалы по вопросу о немцах Поволжья и о некоторых других народностях (крымские татары)», охватывающее документы с 28 мая 1964 по 30 мая 1968 г.

¹ Victor Klein: Meine Meinung über unsere Zeitung, in: Neues Leben Nr. 4 vom 20. Januar 1988. Подготовил к печати ред. Гуго Вормсбехер. Клейн обращался по вопросу немецкой автономии в 1960 г. и в Центральный Комитет коммунистической партии, см. Волохов С. Из истории советских немцев в Западной Сибири: движение за восстановление автономии и реализацию права эмиграции из СССР (середина 1950-х – начало 1980-х гг) // История и культура немцев Алтая. Вып. 2. Барнаул 2002, с. 6–18, здесь с. 9.

² «Я и многие другие товарищи, обращающиеся в центральные партийные или правительственные органы – мы говорим от имени народа. Ко мне, как и к другим товарищам (немцам умственного труда, учителям и пр.) не раз обращались люди из народа: Мы люди малосведущие. Что же предпринимаете вы, люди ученые, партийные, чтобы советско-немецкий народ вновь обрел полные права. Кому как не вам высказать нашим руководящим органам наши пожелания». Из письма Д. Гольмана: «По вопросу об автономии для немецкого населения, проживающего в Советском Союзе», 12. июля 1959 г., Красноярск: Личный архив дочери писателя, Иды Бендер-Гольман (Гамбург). В переводе на немецкий это и другие письма-обращения писателя опубликованы в двухтомнике избранных произведений: Dominik Hollmann. Ausgewählte Prosa. In 2 Bänden. Band 1. Kamyschin 2001, S. 359–465, hier S. 359–366.

зримой волной десталинизации, инициированной XXII съездом КПСС, состоявшимся в октябре 1961 года³. В отличие от XX съезда партии осуждение политики Сталина, в том числе в национальной области, происходило на этот раз открыто; материалы съезда и выступления участников печатались много-миллионными тиражами в газете «Правда» и вышли отдельным массовым изданием⁴. По всей стране прокатилась волна переименований населенных пунктов, улиц и учреждений, демонтаж памятников и удаление скульптурных изображений диктатора, из библиотек изымались его произведения, из художественных и документальных кинолент вырезались эпизоды с участием бывшего генсека. Не случайно, что именно после данного съезда были опубликованы такие известные литературные произведения острой антисталинской направленности как «Один день Ивана Денисовича» А. Солженицина или «Наследники Сталина» Е. Евтушенко, вызвавшие широкий общественный резонанс⁵.

Показательно написанное в феврале 1963 года коллективное письмо с резкой критикой официального утверждения тогдашнего главы государства Леонида Брежнева, что партия осудила все извращения в национальной области и восстановила национально-государственные автономии калмыцкого, чеченского, ингушского, карачаевского и балкарского народов:

«Этим самым Вы безапелляционно заверили читателей "Известий", что все допущенные в прошлом при культе личности извращения и бюрократические ограничения в жизни национальных автономных республик полностью устранены, перечислив несколько национальностей, которых Партия и Правительство реабилитировали и которым их автономное управление действительно восстановлено. Но при этом Вы совершенно обошли молчанием 1,6-миллионный народ советских немцев, как будто он и не существует, а если и существует, то как будто бы проблема советских немцев разгоном, устроенным им Сталиным, была разрешена правильно, и немецкий народ получил по заслугам, а стало быть, и исправлять нечего. Однако не только всему советскому народу, но и всему миру известно, что среди безвинно обвиненных в аналогичных преступлениях приверженности к фашистской Германии и пособничества ей, попрана в период культа личности Сталина так же старейшая в составе РСФСР с 1918 года АССР Немцев Поволжья и что все немецкое население Поволжья, как и все репрессированные советские немцы, по сей день находятся под бюрократическим ограничением и воздействием клеветнического Указа Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года и

³ См. например. *Пихоя Р.* Москва. Кремль. Власть. Сорок лет после войны. 1945–1985. Москва 2007, с. 394–399 или *Rene Ahlberg*: Die zweite Entstalinisierung, in: Osteuropa 04-05/1962, S. 247–256.

⁴ XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17–31 октября 1961 года. Стенографический отчет. В 3-х частях. Москва 1962.

⁵ *Шубин А.* Диссиденты, неформалы и свобода в СССР. Москва 2008, с. 73–82.

Указа от 13 декабря 1955 года. ... Как можно [в] "кунсткамере" опороченных и репрессированных народов среди "букашек" не заметить "слона" и считать проблему восстановления опороченных народов полностью разрешенной иначе, как если не игнорировать целый 1,6-миллионный немецкий народ и закрыть глаза на совершенные в прошлом вопиющие беззакония?»⁶

Дополнительным стимулом активизации усилий по достижению национального равноправия служил приближающийся 200-летний юбилей появления первых немецких поселенцев на берегах Волги. В различных регионах страны – Казахстане, Киргизии, Красноярском крае, Новосибирской области – КГБ фиксировал массовые настроения в пользу восстановления республики, располагал сведениями о намечаемых сборах подписей и подготовке представительной делегации в Москву.⁷ Из перлюстрированных писем чекистам стало известно, что Тереза Хромова из Фрунзе одной из первых предложила послать делегацию в ЦК КПСС «и др. правительственные органы и любыми средствами добиваться своего». Эта идея сразу же нашла широкую поддержку среди других «автономистов». Так, Александр Юстус из Новосибирской обл. в сентябре 1963 г. затрагивал эту тему в письме своему соратнику, Генриху Кайзеру из Хакассии:

«...Идею послать делегацию представителей в Москву и стучать в двери ЦК, пока не откроют (даже капли подтачивают камень), я нахожу правильной и своевременной, к 200-летию юбилею как раз подходит и будет уместна... Но эта акция должна быть хорошо подготовлена, продумана. Запланированная делегация должна привезти с собой в Москву не меньше, чем несколько тысяч подписей от немцев различных возрастов, профессий и положений...»⁸

Поступившее в высший партийный орган очередное коллективное письмо по «немецкому вопросу» с внушительным числом подписантов в количестве 104 человек послужило на этот раз толчком для создания комиссии, которая должна была выработать предложения по урегулированию данной проблемы⁹. С этой целью по поручению Отдела партийных органов ЦК КПСС со-

⁶ Письмо В. Шмидгала, Р. Кельна и А. Юстуса Председателю Президиума ВС Союза ССР Брежневу Л.И. в ответ на его статью в газете «Известия» № 308 от 30.12.62 «Торжество ленинской национальной политики», 12. февраля 1963 г. // Книга памяти жертв политических репрессий Республики Хакассия (2007). С. 250–252.

⁷ См. например: Информация ЦК Компартии Казахстана в ЦК КПСС «О состоянии идейно-воспитательной работы среди советских граждан немецкой национальности», 6 апреля 1964 г. // Из истории немцев Казахстана (1921–1975 гг.). Сборник документов. Алматы, Москва 1997. С. 241–242; Докладная записка отдела Управления КГБ при Совете Министров (СМ) СССР по Красноярскому краю в Хакасской автономной области первому секретарю Хакасского обкома КПСС Данковцеву А.Г. «О немцах-автономистах в Хакасской автономной области», 24 апреля 1964 г. // Книга памяти жертв политических репрессий Республики Хакассия (2007). С. 252–255.

⁸ Книга памяти жертв политических репрессий Республики Хакассия (2007). С. 252.

⁹ Записка Ф.П. Пигалева, М.П. Георгадзе и В.Е. Семичастного в ЦК КПСС о реабилитации советских граждан немецкой национальности, высланных из АССР Немцев Поволжья, 17. июня 1964 г. // Реабилитация: как это было. Документы Президиума

трудники Президиума Верховного Совета, прежде всего юридического отдела, подготовили в мае 1964 г. пакет соответствующих документов. Он включал в себя копии основных законодательных актов, начиная с декрета 1918 г. о Трудовой коммуне (Автономной области) немцев Поволжья и кончая декабрьским Указом-амнистией 1955 г., исторические справки, выписки из многочисленных писем бывших спецпоселенцев, статистические выкладки, характеристику современного положения национальной группы и другие материалы¹⁰. Среди них находилась и пояснительная записка заведующего юридическим отделом Президиума, Ф.И. Калинычева (приложение 1). В ней довольно осторожно, но недвусмысленно указывалось на тот факт, что немецкое население страны до сих пор ни в юридическом, ни тем более в политическом плане не реабилитировано. Калинычев предлагал ориентироваться в данном вопросе на уже имеющийся опыт решения аналогичных проблем народов Северного Кавказа, подвергнутых депортации в годы правления Сталина.

Однако датированная 17 июня 1964 г. записка, подготовленная группой партийно-советских функционеров в составе П.Ф. Пигалева, М.П. Георгадзе и В.Е. Семичастного, полностью проигнорировала предложения высокопоставленного юриста и пришла в своем заключении к следующему выводу:

«Учитывая, что советские граждане немецкой национальности фактически находятся в равноправном положении и их участие в общественной и политической жизни страны ничем не ограничивается, по нашему мнению, никаких дополнительных актов о положении немецкого населения, переселенного из районов Поволжья, принимать не следует, так как это с политической и практической стороны нецелесообразно. Не следует также отмечать и 200-летие со дня приезда немцев в Россию. Просим согласия»¹¹.

Тем не менее высшее руководство страны, в том числе и под влиянием непрекращающихся протестов, решилось все же на символический жест в отношении «советских граждан немецкой национальности». Об этом косвенно говорит тот факт, что данная проблема обсуждалась 3 июля на секретариате ЦК КПСС¹². Соответствующие документы до настоящего времени находятся на

ЦК КПСС и другие материалы. Том II. Февраль 1956 – начало 80-х годов. М. 2003. С. 467–469, здесь с. 467.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 83. Д. 1136. Л. 1–58.

¹¹ Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС (2003). С. 467–469. На тот момент времени Пигалев занимал пост первого заместителя заведующего оргпартрabоты ЦК КПСС, Георгадзе был секретарем Президиума ВС СССР, а Семичастный возглавлял КГБ при СМ СССР.

¹² Там же. С. 818. Здесь же отмечено, что спустя три недели, 25 июля 1964, на свет появилась новая записка по «немецкому вопросу», подготовленная на этот раз гораздо более представительной группой высокопоставленных функционеров в составе В.Н.Титова, Н.Р. Миронова, В.Е. Семичастного, Р.А. Руденко, М.П. Георгадзе и А.Ф. Горкина. Титов заведовал в 1961–65 гг. отделом партийных органов ЦК КПСС. Миронов несколько лет возглавлял КГБ Ленинградской области, а в 1959–64 гг. – отдел административных органов ЦК КПСС. Руденко был в 1953–81 гг. генеральным

закрытом хранении, так что полноценная реконструкция событий пока не представляется возможным. Известно только, что 10-м июля датировано появление в бумагах юридического отдела Президиума Верховного Совета проекта Указа со следующим предварительным заголовком: «О снятии обвинений в отношении больших групп немецкого населения, проживающего в районах Поволжья». Судя по всему, этот документ был разработан по распоряжению партийного руководства, что подтверждает рукописная помета: «Два экземпляра переданы тов. Викулину (ЦК КПСС)»¹³. 24 июля состоялось заседание юридического отдела, посвященное обсуждению проекта данного правового акта. Наряду с юристами Верховного Совета присутствовали представители от Комитета государственной безопасности, от Верховного суда и от Прокуратуры СССР. Замечания свелись преимущественно к изменению названия и уточнению отдельных положений¹⁴. 13 августа 1964 г. Президиум ЦК КПСС одобрил окончательный проект Указа с новым названием «О внесении изменений в Указ Президиума ВС СССР от 28 августа 1941 года "О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья"» и передал его на утверждение в высший орган государственной власти страны¹⁵. «Оформление в советском порядке», т.е. формальная легитимация партийного решения, произошло две недели спустя, когда А.И. Микоян в качестве Председателя и М.П. Георгадзе как секретарь Президиума ВС СССР подписали от имени этого декоративного органа «советского народовластия» одобренный текст.

Так появился на свет известный «реабилитационный» Указ от 29 августа 1964 г. По заведенному обычаю его первоначально снабдили грифом «без опубликования в печати»; в сотнях экземплярах он был разослан Президиумам ВС и Советам министров союзных и автономных республик, председателям обл- и крайисполкомов, центральным ведомствам, прокурорам союзных республик и пр.¹⁶ Из всей массы немецкого населения к ознакомлению с ним допускались, по представлениям партийных пропагандистов, только зарекомендовавшие себя и идеологически выдержанные лица¹⁷. Тем не менее реакция

прокурором СССР. Горкин занимал в 1957–72 гг. пост председателя Верховного суда СССР. К сожалению, в ознакомлении с текстом как данной записки, так и протокола соответствующего заседания Секретариата и других материалов ЦК КПСС, находящимися в Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ), автору было во время пребывания в Москве в сентябре 2008 г. отказано.

¹³ ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 83. Д. 1136. Л. 59–61.

¹⁴ Там же. Л. 64–65.

¹⁵ «Постановление Президиума ЦК КПСС «О внесении изменений в Указ Президиума ВС СССР от 28 августа 1941 года "О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья"», 13 августа 1964 г. // Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС (2003), С. 469–470.

¹⁶ Список на рассылку насчитывал 358 адресов: ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 83. Д. 1136. Л. 82–83.

¹⁷ См., например, информацию Секретаря ЦК Компартии Киргизии от 27 ноября 1964 г. о проделанной «воспитательной работе среди немецкого населения республики»

пострадавших, узнававших об этом закрытом документе от сослуживцев, вышестоящего начальства или от оказавшихся все же не настолько надежных немецких товарищей, было по советским меркам настолько резкой, поток возмущенных писем настолько широк, что центральное руководство КГБ и редакция газеты «Нойес Лебен» вынуждены были внести в ЦК КПСС предложение о предании гласности этого правового акта. Отдел партийных органов Центрального Комитета поддержал данное предложение, но посчитал «целесообразным» опубликовать этот Указ только в малодоступном широкой публике органе, в «Ведомостях ВС СССР», где он действительно был напечатан 28 декабря 1964 г.¹⁸ Через несколько дней он появился в переводе на немецкий язык в восточногерманском офицозе «Нойес Дойчланд» (Neues Deutschland), затем о нем сообщили западногерманский журнал «Шпигель» (Der Spiegel) и центральный орган для немецкого населения СССР «Нойес Лебен»¹⁹.

Внутренняя противоречивость данного правового акта и, прежде всего, недвусмысленный отказ от восстановления автономной республики как гаранта национального равноправия, подтолкнула активистов национального движения к более решительным шагам. Результатом их деятельности стала подготовка двух делегаций немецкого населения СССР в 1965 году²⁰. Наиболее подготовленной оказалась вторая делегация, которая находилась в Москве со 2 июня по 27 июля 1965 г. Она насчитывала 39 человек; в Москве к ним присоединилось дополнительно еще четверо. Среди ее членов находились такие известные личности как Мария Фогель – мать всемирно известного композитора Альфреда Шнитке и одна из немногих немецких сотрудников газеты «Нойес Лебен», Фридрих Фрицлер, народный комиссар земледелия в АССР Немцев Поволжья (НП) в 1938–41 гг., а также Генрих (Андрей) Вормсбехер, народный комиссар финансов автономной республики в 1932–36 гг.

Первым шагом стало избрание участниками так называемого «Постоянно действующего Комитета для разработки и представления материалов в

после выхода Указа: Из истории немцев Кыргызстана. 1917–1999 гг. Сборник документов и материалов. Бишкек 2000. С. 236–237.

¹⁸ Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС (2003). С. 473. На первой странице данной записки имелась резолюция «Согласен» и подписи: Н.В. Подгорного, Л.И. Брежнева, М.А.Суслова, Л.Ф. Ильичева. Также имелась пометка «Редакции газеты "Нойес Лебен" (т. Пшеницину) сообщено».

¹⁹ *Anerkennung für Sowjetbürger deutscher Nationalität. Erlass des Obersten Sowjets der UdSSR*, in: Neues Deutschland vom 6. Januar 1965, S. 7; *Neues Leben (Wolgadeutsche)*, in: Der Spiegel Nr. 3 vom 13. Januar 1965, S. 58–60. На страницах еженедельника «Нойес Лебен» 13 января появилась передовица «Патриоты», где указывалось на официальную публикацию Указа; его немецкий перевод вышел в следующем номере, см. *Patrioten*, in: Neues Leben Nr. 3 vom 13. Januar 1965; *Erlass des Präsidiums des Obersten Sowjets*, in: *ibid.*, Nr. 4 vom 20. Januar 1965.

²⁰ Подробно о них изложено в воспоминаниях одного из участников делегаций: Вормсбехер Г. Протуберанцы мужества и надежд (1-я и вторая делегации советских немцев в 1965 г.) // Немцкое население в послесталинском СССР, в странах СНГ и Балтии (1956–2000 гг.). Москва 2003. С. 75–138.

Президиум и ЦК КПСС и Верховного Совета СССР по вопросу о восстановлении АССР НП и о полной реабилитации советских немцев» в составе 8 человек. Уже 9 июня члены этого Комитета встретились с зам. заведующего приемной Президиума А.Н. Копенкиным. 15 июня тридцать человек были приняты группой ответственных работников ЦК КПСС (заместители заведывающих ряда отделов: Скворцов – зам. зав. отделом партийных органов; Грачев – зам. зав. отделом административных органов, Егоров – зам. зав. идеологическим отделом; Полехин – зам. зав. партийным отделом по РСФСР. Присутствовал Строганов, зав. приемной ЦК КПСС). По результатам данной встречи было предложено поручить тогдашнему номинальному главе государства, Председателю Президиума ВС СССР А.И. Микояну принять «делегацию граждан немецкой национальности, находящуюся в Москве, и от имени правительства дать разъяснение по вопросу предоставления автономии и прописки по прежнему месту жительства»²¹. И действительно, 7 июля 1965 г. состоялась встреча 19 делегатов с Анастасом Микояном, но результат этой встречи оказался малоутешительным: отказ в восстановлении автономной республики и туманные обещания по удовлетворению национально-культурных потребностей «на местах»²².

Насколько можно судить по имеющимся в распоряжении документам, некоторое время после данного приема власти колебались, еще однозначно не определившись, как реагировать на дальнейшие акции протеста. С мест пошла – поначалу подаваемая в достаточно нейтральном тоне – информация о деятельности автономистов. Судя по всему, контроль осуществлялся с помощью информантов, перлюстрации писем, индивидуальных «бесед» с активистами. Всего через два месяца после встречи представителей немецкого меньшинства с главой советского государства из Красноярского крайкома в адрес ЦК КПСС поступил форменный донос – сообщение «Об активизации деятельности отдельных лиц немецкой национальности, ходатайствующих о восстановлении немецкой автономии на Волге» (приложение 2). Он показывал хорошую информированность органов власти о действиях инициативной группы в крае; в нем приводились

²¹ Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС (2003). С. 480–481. Записка была подготовлена П. Пигалевым и И. Капитоновым, зам. зав. отделом оргпартрботы ЦК КПСС по РСФСР и датирована 18 июня 1965 г.

²² По свидетельству Г. Вормсбехера, сокращенные записи этих бесед, а также некоторые материалы, подготовленные делегатами для высших партийных и советских органов, были оперативно размножены в количестве 1.000 экз. на гектографе и распространены среди активистов национального движения. Эти сброшюрованные 26 страниц плотного текста представляют собой практически первый опыт политического самиздата российских немцев. Материалы двух делегаций в сотнях экземплярах переписывались от руки в ученические тетрадки и передавались тайно из рук в руки. См. материалы делегации в: История российских немцев в документах. Том 2. Общественно-политическое движение за восстановление национальной государственности (1965–1992 гг.). Москва 1994. С. 21–41.

пространные выдержки из частных писем, полученных или отправленных красноярцами – членами делегации (Шесслер, Кайзер), сведения от негласных сотрудников. Из Киргизии поступило сообщение о состоявшемся 31 октября 1965 г. во Фрунзе совещании немецкой молодежи по вопросу активизации автономистского движения, на котором присутствовали жители столицы и других городов и сел республики, а также делегация из соседнего Казахстана (г. Алма-Ата) в составе 7 человек – всего в общей сложности 31 участник²³.

Но в скором времени возобладала репрессивная линия. И КГБ, и партийные органы быстро перешли от слов к делу и стали оказывать массированный нажим как на участников прежних делегаций, так и на новых активистов, планировавших подготовить третью делегацию в 1966 и в 1967 годы с целью заставить их отказаться от борьбы за национальное равноправие²⁴. Это запугивание цинично называлось «профилактикой». В таковых мероприятиях были задействованы сотрудники госбезопасности, руководители предприятий и организаций, ответственные работники партийных органов и прокуратуры: вызываемые поодиночке для «беседы» поборники автономии обсуждались на собраниях «трудовых коллективов», подвергались угрозам увольнения с работы, наказывались по партийной линии. Речь доходила до угроз подвергнуть наиболее строптивых уголовному преследованию²⁵. Так, руководитель второй делегации Фридрих Шесслер в 1966 г. за «разжигание у них [немцев. – В.К.] стремлений к деятельности за восстановление в прежних границах бывшей АССР Немцев Поволжья» был исключен из рядов партии, а во время вызова в Прокуратуру Хакасской автономной области 18 июня того же года получил строгое предупреждение по поводу «нарушения законности» с его стороны²⁶.

²³ Информация ЦК КП Киргизии в ЦК КПСС о состоявшемся в г. Фрунзе совещании немецкой молодежи по вопросу активизации автономистского движения за восстановление бывшей республики немцев Поволжья, 5 ноября 1965 г. // Из истории немцев Кыргызстана (2000). С. 242–243.

²⁴ На данный момент имеются только отрывочные сведения о встречах отдельных групп немцев с ответственными лицами различного ранга после первых двух делегаций. Виктор Фукс, автор многочисленных обращений в центральные органы печати и в высшие органы власти, активный деятель национального движения, в своей книге приводит стенографическую запись беседы заведующего приемной ЦК КПСС Строганова г. с Шаабом, Руппом, Фертигом и Францем по вопросу восстановления АССР НП от 15 июля 1967: Фукс В. Роковые дороги поволжских немцев. 1763–1995 гг. Исторические факты. Документы. Обращение к властям. Письма. Воспоминания лиц преследуемого народа. Красноярск 1995. С. 149–151.

²⁵ Из истории немцев Кыргызстана. С. 243–251; *Вормсбехер Г.Г.* Протуберанцы мужества... С.118–123; *Фукс В.* Роковые дороги поволжских (1995). С. 154–172; *Бауэр В., Иларионова Т.* Российские немцы: право на надежду. К истории национального движения народа (1955–1993). М., 1995. С. 51–52.

²⁶ *Книга памяти жертв политических репрессий Республики Хакассия (2007).* С. 257–262.

Печальная судьба сторонников восстановления немецкой автономии весьма показательна как индикатор степени деградации коммунистического режима уже в 1960-е годы. Совершенно лояльные к существующему строю люди, многие из которых состояли к тому же в рядах правящей партии, преследовались только за то, что добивались выполнения одного из идеологических постулатов господствующего учения: равноправия народов. Жестко пресекалось любое упоминание о немецкой автономии, у истоков которой стоял почти боготворимый основоположник. Но абсурдность данной ситуации никого ни в Кремле, ни на местах не волновала. Именно эта обструкционистская политика партийного и советского аппаратов явилась одной из основных причин развернувшегося среди немецкого населения к концу 1960-х годов массового эмиграционного движения, немало сделавшего для дискредитации идей социализма и коммунизма как в самом СССР, так и за его пределами.

**Пояснительная записка заведывающего юридическим
отделом Президиума ВС СССР Ф. И. Калинычева
по вопросу реабилитации немцев Поволжья²⁷**

К вопросу о немцах Поволжья

1. Вопрос о реабилитации населения бывшей автономной республики немцев Поволжья имеет две стороны: политическую и юридическую.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1955 года²⁸ о снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении, не означает реабилитации этого населения, потому что:

а) он не затрагивает обвинений, выдвинутых в отношении населения бывшей автономной республики немцев Поволжья в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года;

б) Указ от 13 декабря 1955 года не разрешает никаких вопросов политической и юридической реабилитации кроме того, что он снимает ограничения, установленные для лиц, находящихся на спецпоселении;

в) Указ 1955 года установил также, что снятие с немцев ограничений по спецпоселению не влечет за собой возвращения имущества, конфискованного при выселении, и что они не имеют права возвращаться в места, откуда были выселены.

2. Политическая реабилитация предполагает прежде всего восстановление национальной государственности. Во всяком случае, так было сделано в отношении калмыков, чечен, ингушей и некоторых других групп населения, в свое время выселявшихся.

3. Реабилитация в юридическом, правовом отношении предполагает прежде всего снятия предъявлявшихся в свое время обвинений к этим категориям населения в официальных актах. Так, в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 31 октября 1957 года «О снятии ограничений с граждан СССР азербайджанской национальности, переселенных в 1944 году из Грузинской ССР», в его мотивировочной части, было сказано, что «...при переселении в

²⁷ На первом листе записки стоит резолюция: «В дело, 3.VI.64» и помета: «Передано лично тов. Видулину (отдел партийных органов ЦК КПСС). Николаева, 3.VI.1964 г.». На последнем листе помета: «п/п [подпись] Ф. Калинычев, 3.VI.1964 г.». Проф., др. юридич. наук Федор Калинычев возглавлял юридический отдел Президиума ВС СССР в 1958–69-е гг.

²⁸ Текст данного Указа приведен в: Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. В 3-х томах. Том I. Март 1953 – февраль 1956. Москва 2000. С. 289.

1944 году из Аджарской АССР, Ахалцикского, Ахалкалакского, Адигенского, Аспиндского, Богдановского районов Грузинской ССР оказались неправильно переселенными граждане азербайджанской национальности...».¹

Одним из мероприятий по реабилитации этих категорий населения, национальная государственность которых была впоследствии восстановлена с прежним территориальным размещением населения, явилось также проведение отмены официальных актов, в которых в свое время выдвигались обвинения в отношении этих групп населения. Так, например, Указами Президиума Верховного Совета СССР от 9 января 1957 года об образовании Калмыцкой автономной области в составе РСФСР, о восстановлении Чечено-Ингушской АССР в составе РСФСР, о преобразовании Кабардинской АССР в Кабардино-Балкарскую АССР и Черкесской автономной области в Карачаево-Черкесскую автономную область были признаны утратившими силу Указы соответственно от 27 декабря 1943 года, 7 марта 1944 года, 8 апреля 1944 года и 12 октября 1943 года, в которых содержались обвинения против калмыцкого, чеченского, ингушского, балкарского и карачаевского населения, предусматривалось его выселение в другие районы страны и ликвидировались национально-государственные образования этих народностей.²

Кроме того, при реабилитации отменялось в отношении этого населения ограничение, касающееся возвращения к месту прежнего жительства.

Несколько иначе был решен вопрос о возвращении к прежнему месту жительства азербайджанцев, выселявшихся из Грузинской ССР. При снятии с них всех ограничений по спецпоселению в Указе от 31 октября 1957 года было сказано: «Принимая во внимание, что районы Грузинской ССР, откуда производилось переселение граждан азербайджанской национальности, в настоящее время заселены, а возможности к размещению и хозяйственному устройству их в других районах республики, по заявлению правительства Грузинской ССР, отсутствуют, предоставить право этим гражданам по их желанию переселиться на постоянное жительство в Азербайджанскую ССР».

4. Что касается населения бывшей автономной республики немцев Поволжья, то здесь, быть может, следовало бы предложить проведение таких мероприятий:

а) обсудить вопрос о восстановлении национальной государственности (на новой территории) или вопрос о культурной автономии этого населения на территории расселения немцев;

б) отменить Указ от 28 августа 1941 года с заявлением о том, что обвинения, содержащиеся в этом Указе в адрес населения республики

¹ Полный текст Указа Президиума ВС СССР от 31 октября 1957 г. приведен в. Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС. С. 293. Аспиндский район пишется здесь в несколько измененном виде: *Аспиндзский*.

² Тексты соответствующих Указов 1957 года приведены в: Там же. С. 218–220.

немцев Поволжья, были неосновательными, а меры, принятые в отношении их – неоправданными;

в) поскольку вопрос о возвращении немцев к прежнему месту жительства решить положительно повидимому не представится возможным, следовало бы поставить вопрос об оказании помощи немецкому населению в национально-культурном и хозяйственно-экономическом строительстве со стороны правительств и других государственных органов тех союзных республик, где это население в настоящее время проживает.

ГАРФ. Ф. 7923. Оп. 83. Д. 1136. Л. 49–51. Копия. Машинопись.

Приложение 2.

Информация Красноярского крайкома партии в ЦК КПСС «Об активизации деятельности отдельных лиц немецкой национальности, ходатайствующих о восстановлении немецкой автономии на Волге»

18 сентября 1965

№ 276

В краевой комитет партии поступают материалы об активизации деятельности отдельных лиц немецкой национальности, ходатайствующих о восстановлении немецкой автономии на Волге.

В последних числах мая этого года группа немцев в количестве 30 человек, которая именует себя инициативной, выезжала в город Москву, чтобы посетить ЦК КПСС и Президиум Верховного Совета СССР по вопросу о восстановлении немецкой автономии.

5 июня члены «делегации» провели собрание, избрали рабочую комиссию под председательством Шесслера Ф.Г., которая должна была просить приема у первого секретаря ЦК КПСС или председателя Президиума Верховного Совета.

15 июня упомянутая «делегация» была принята ответственными работниками ЦК КПСС. Состоявшуюся беседу стенографировал один из немцев (копия стенограммы прилагается).

После того, как эта группа была принята в ЦК КПСС, большинство ее членов из-за недостатка денежных средств разъехалась по домам, оставив в Москве так называемый «комитет» под председательством Шесслера Ф.Г., который должен был находиться в Москве до «разрешения немецкого вопроса».

Этот «комитет» по рассказам немцев 7 июля был принят Председателем Президиума Верховного Совета СССР.

По существу беседы в Президиуме Верховного Совета СССР Шесслер информировал своих единомышленников письмами. В письме из Москвы в адрес своей жены, например, он писал: «... Пускай духом не падают, наша борьба только начинается...».

Вскоре после этого в адрес Председателя Президиума Верховного Совета СССР (в копии – т. Пейве Я.В.³) было направлено пространное письмо, текст которого распространяется его авторами среди немцев (копия письма прилагается).

Это письмо подписали:

Шесслер Фридрих Георгиевич, житель гор. Абакана,

Вормсбехер Гуго Густавович, проживающий в г. Алма-Ате,

Кайзер Генрих Филиппович, пенсионер, житель гор. Черногорска в Хакасии,

Фогель Мария Иосифовна, сотрудница газеты *Neues Leben*,⁴ живет в Москве,

Вельц Карл Давыдович, проживающий в гор. Целинограде,

Варкентин Иван Абрамович, преподаватель немецкого языка в АН Казахской ССР в г. Алма-Ате,

Храмова Терезия Христиановна, гор. Фрунзе.⁵

Отдельные члены «инициативной группы» выступили с предложением, «если откажутся восстановить Немецкую республику и снять ограничения, требовать отправку граждан немецкой национальности в Федеративную Республику Германии». Некто Борнеман Константин Карлович (Волгоградская область) заявил в связи с этим, что они, как старые члены КПСС, запретили делать это, но «... если ничего не поможет, придется ставить этот вопрос...». Требования отправки советских немцев в Западную Германию придерживается, в частности, Кайзер Генрих Филиппович из гор. Черногорска.

Другие члены «инициативной группы» стремятся внушить немцам мысль о том, что они будут обращаться по этому вопросу «во все инстанции вплоть до Организации Объединенных Наций».

Наибольшую активность в разжигании среди немцев нездоровых стремлений проявляет проживающий в гор. Абакане Шесслер Фридрих Георгиевич, 1902 г.р., член КПСС, инвалид 1-й группы, до 1941 г. проживал в АССР немцев Поволжья и работал на технической работе в различных районных организациях, в 1941 г. был выслен в Сибирь, с 1942 по 1945 г. находился в трудармии, с 1945 по 1955 г.г. находился в заключении, в 1956 г. реабилитирован и Красноярским крайкомом КПСС восстановлен в членах КПСС, получает пенсию.

³ Пейве Ян Вольдемарович (1906–1976), академик АН СССР. Депутат Верховного Совета СССР 4–7-го созывов. Председатель Совета Национальностей Верховного Совета СССР (1958–1966).

⁴ В тексте оригинала название газеты дописано авторучкой.

⁵ Правильно: *Храмова Тереза*.

Возвратившись 31 июля из Москвы, Шесслер высказывает намерение привлечь к «борьбе за автономию» большое число людей.

3 августа в г. Фрунзе Бруг Ивану Карловичу он написал:

«... Нам надо действовать более шире, более массово и упорнее... пока небольшая передышка, но работу среди наших людей вести широким фронтом и охватить рабочих колхозов, совхозов и заводов. Готовить людей для будущей поездки в Москву и подготовить для них материальную базу. Наше дело еще не пропало – оно впереди...».

4 августа в город Алма-Ату Вормсбехеру Гуго Густавовичу Шесслер писал:

«... Оружие складывать не следует, но нужно действовать упорно и осторожно... Наша основная задача состоит теперь в том, чтобы получить поддержку основной массы нашего народа, как в городах, но еще больше в селах. Только это может дать толчок к решению вопроса о восстановлении АССР Немцев Поволжья. Наш актив в Абакане по этому поводу 15 и 22 августа разъедется по селам и районам для разъяснения материалов делегации и подготовки массовых обращений в ЦК КПСС по этому вопросу, начиная с 1 сентября с.г. ...».

Давая аналогичное наставление Вельцу Карлу Давыдовичу, проживающему в гор. Целинограде, Шесслер писал:

«... В общем так, нам надо развернуть нашу работу в сто раз шире...».

А в документе от 7 августа т.г. в Карагандинскую область Шлотгауэру Давыду Адамовичу Шесслер указывает:

«... Если на этот раз нам не удалось достичь цели, то это не значит, что борьба окончена, теперь надо еще больше, еще шире развернуть эту работу среди нашего народа...».

В этот же адрес Шесслер о себе пишет, что в 1922–26 гг. воевал в Казахстане и Средней Азии с басмачами, был командиром взвода. И далее пишет:

«... Теперь я опять включился в другую борьбу, за оправдание нашего невинного народа, который пострадал от культа Сталина и врага Берия и до сих пор страдает под гнетом неравноправия и дискриминации...».

В Москве проживают некие Гурвич⁶ и Дашевская, которые подогревают автономистские действия Шесслера. 3 августа т[екущего]. г[ода]. Шесслер рассказал Бругу И.К.:

«... Гурвич и Дашевская посвятили меня в некоторые детали, о которых мы ничего не знали и о чем я вам напишу после...».

Ганштейну Владимиру Фридриховичу в г. Караганду 7 августа с.г. Шесслер сообщил:

«... Гурвич прямо заявил, что наше дело сделало большой шум и оставить без дальнейших действий было бы гибелью всего начатого. Он мне сказал об

⁶ Лев Исаевич Гурвич в конце 1950-х – 60-е гг. занимал пост заместителя главного редактора газеты «Нойес Лебен». Мария Аровна Дашевская была много лет заведующей редакцией этой же газеты.

этом с условием, чтобы его нигде не упоминать, что я ему и обещал. Поэтому и к тебе такая просьба...».

В другом документе:

«... Не выдавай Гурвича, он мне в последний день сказал многое, что нам в пользу. Он признает, что наше дело не пропало, а последнее письмо наделало много шума в ЦК. Он уверен, что Пленум ЦК, который должен был состояться в августе и перенесен на сентябрь, кое-что изменит в нашем вопросе, а поэтому он предложил, чтобы я в начале октября вернулся в Москву с тем, чтобы снова развернуть нашу работу. То же самое подтвердила Дашевская...».

Главенство Шесслера Ф.Г. в среде «автономистов» подтверждает его письмо к Бругу И.К. Отвечая на вопрос о целесообразности создания в г. Фрунзе второго «комитета», Шесслер пишет:

«... Вопрос о создании второго комитета во Фрунзе считаю совершенно неправильным и излишним...».

И далее объясняет, что в результате создания второго комитета может возникнуть «разноголосица» и не будет нужной оперативности и целостности.

Шесслер, критикуя алмаатинцев за бытующее там мнение обратиться к участникам предстоящего Пленума ЦК КПСС выступить по вопросу автономии, говорит:

«... Это предложение я ему (Вормсбехеру Г.Г.) вернул и отклонил, как глупое мероприятие. Ставлю Вас всех об этом в известность. Пусть Иван Карлович (Бруг), как член комитета, учтет это и в случае необходимости даст отпор...».

Шесслер высказывает опасение, что если отдельные участники Пленума выступают по их вопросу, то автономии могут создать не на Волге, а на Алтае или в Казахстане. В настоящее время Шесслер пытается наладить сбор данных о возможных случаях неправильного отношения местных органов власти к гражданам немецкой национальности. С этой просьбой он обратился, в частности, к жителю Волгоградской области Борнеману Константину Карловичу:

«... Если есть такие примеры, то пиши о них подробно. О всех этих делах я потом от имени делегации составлю письмо, разошлю для подписи членам комитета и отправим Складову...» (Приемная Председателя Президиума Верховного Совета СССР).

Об этом же Шесслер просит и Берш Адольфа Яковлевича, проживающего на ст. Палласовка Волгоградской области:

«... Скоро я Вам на имя редакции, пишет Шесслер в адрес сотрудницы газеты "Нойес Лебен" Фогель М.И., – пришлю письмо об издевательствах над нашими людьми и даже над одним членом КПСС с 1919 года. Уши вянут, когда слышишь такие вещи и не от кого-нибудь, а от начальника облплана. Такие шедевры не были при Николае II. Не хочу пока много писать, голова все еще оловянная от всех штук, но и хочется кричать, чтобы слышала вся вселенная голос вопиющих в пустыне...».

В течение 5 дней моя квартира была в виде проходного двора. Люди приходили без конца, а из районов и теперь еще едут. Я ожидал, что будет так, но что это будет в таком широком масштабе – этого я не ожидал. Трудно Вам описать с каким чувством эти люди ловят каждое слово, ожидая, что какое-то избавление от гнета неравенства и издевательства должно наступить. И как жалко их, когда они уезжают с поникшими головами, со слезами на глазах. Об этом на душе становится гадко, а иногда просто не хочется видеть всю эту грязь, в которую когда-то верил, преклонялся и читил как святыню. Ну что ж, духом падать не будем. Продолжим наше начатое дело в надежде на лучшее...».

В настоящее время среди немцев проводится работа по созданию денежного фонда для финансирования деятельности инициаторов восстановления немецкой автономии.

СЕКРЕТАРЬ КРАЙКОМА КПСС

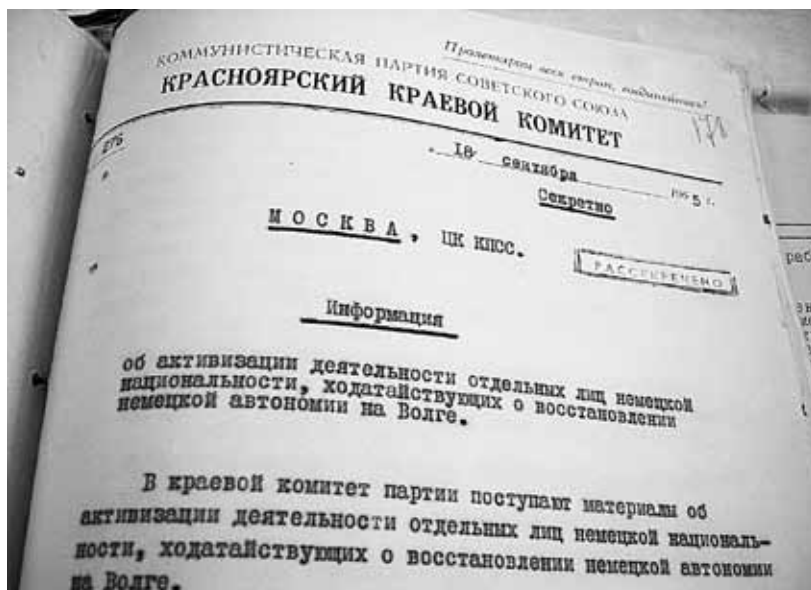
(А. КОКОРЕВ⁷)

*Центр хранения и изучения документов новейшей истории
Красноярского края (ЦХИДНИ КК). Ф. 26. Оп. 36. Д. 1. Л. 178–182.*

СОДЕРЖАНИЕ.	
1. Письмо членов Первой делегации товарищам Приказу Л.Н. и Ишхану А.Н. от 9 января 1965 года -	стр. 3-4
2. Справка по истории освободных инициатив	стр. 4-8
3. Сохраненная запись беседы в ЦК, состоявшаяся 15 июня 1965 г. на приеме Второй делегации товарищем Сиводюхиным Л.Д.	стр. 9-12
4. Сохраненная запись беседы, состоявшаяся 9 июля 1965 г. на приеме Второй делегации товарищем Ишхановым А.Н.	стр. 13-18
5. Письмо членов Второй делегации от 9 июля 1965 г. товарищу Ишхану А.Н.	стр. 19-21
ПРИЛОЖЕНИЕ.	
1. Декрет о создании области немцев Поволжья	стр. 22
2. Указ от 26 августа 1941 года	стр. 23
3. Указ от 26 ноября 1948 года	стр. 24
4. Указ от 18 декабря 1955 года	стр. 25
5. Указ от 17 августа 1964 года	стр. 26
6. В.И. Ленин о национальном вопросе /цитаты/	стр. 27-28
7. Списки участников 1 и 2 делегаций	стр. 29

Содержание самиздатовской брошюры, 1965 г.

⁷ Кокорев Александр Акимович (1909–1991), 1-й секретарь Красноярского крайкома КПСС в 1958–1969 гг.

Титульный лист информации секретаря Красноярского крайкома партии в ЦК КПСС о деятельности автономистов на территории края, 1965 г.

Обложка гектографической брошюры с материалами 2-й делегации российских немцев, июнь–июль 1965. Для маскировки выбран патриотический сюжет – атомный ледокол «Ленин». Находится в моем личном архиве

Члены 2-й делегации, бывшие наркомы Фридрих Фритцлер и Генрих Вормсбехер, Москва 1965 г. Из архива Гуго Вормсбехера

Члены 2-й делегации российских немцев в Москве, июль 1965. В первом ряду 1-й, 2-я, 3-й и 6-я слева соответственно Генрих Вормсбехер, Мария Штейнбах, Константин Борнеман и Минна Гельфенбейн, 8-й слева (или 2-й справа, на костылях) Фридрих Шесслер. Во втором ряду 1-м, 2-м и 4-й справа стоят Генрих Кайзер, Карл Вельц и Мария Фогель. В третьем ряду 1-м справа, за Кайзером находится Адольф Берш, а 5-й справа, за М. Фогель стоит Терезия Хромова (Шильке). Самый крайний справа и 3-й по счету снизу – Гуго Вормсбехер. Фотография из частного архива Минны Гельфенбейн, проживающей в г. Bietigheim-Bissingen, Германия

«Реабилитация» государственности репрессированных народов: правомерность, особенности, реалии

Принятие Концепции государственной национальной политики Российской Федерации в середине 1990-х годов позволило сделать совершенно новый шаг в исторической российской науке. Благодаря демократизации процессов многонационального российского сообщества, стали возможными обращение к столь актуальной проблеме как иные, нетитульные этнические общности, к которым, несомненно, в современной России принадлежат и советские (российские) немцы, одна из многочисленных этнических общностей с ее сложной историей в эволюции развития российской государственности на разных срезах исторического процесса.

За прошедшие двадцать лет учеными проведена огромного масштаба работа по изучению такой сложной темы исторической науки как депортация этнических общностей в Союзе ССР и ее последствий. Благодаря этому выяснены многие обстоятельства этого социального явления как в Союзе ССР, России⁸, так и применительно международной составляющей².

⁸ Де Ионг Л. Немецкая пятая колонна во второй мировой войне. М., 1958; *Исаков К.* 1941: другие немцы. Была ли в Поволжье "пятая колонна"? // Новое время. № 17. М., 1990; *Кичихин А.Н.* Советские немцы: откуда, куда, почему? // Военно-исторический журнал. № 8. 1990; *Лайгер М.* История советских немцев в годы Великой Отечественной войны и первого послевоенного десятилетия (на материалах Казахстана) // Советские немцы: история и современность. М., 1990; *Шенталин А.А.* Немцы в Удмуртии. Историко-демографические очерки. Ижевск, 1993; *Бугай Н.Ф.* 40-е годы: депортированные и мобилизованные немцы на Дальнем Востоке // Проблемы Дальнего Востока. 1993. № 2; *Фукс В.* Роковые дороги поволжских немцев (1763–1993). Красноярск, 1993; *Герман А.А.* Немецкая автономия на Волге. Саратов, 1994; *Герберт В.Э.* Мечта и грешная земля. Пермь, 1994; *Савченко И.А., Дубинин С.И.* Российские немцы в Самарском крае. Самара, 1994; Немецкий российский этнос: веки истории. М., 1994; *Пасат В.И.* Депортация народов с территории Молдавии. М., 1995; Российские немцы на Дону, Кавказе, Волге. М., 1995; *Малиновский А.* Немцы в России и на Алтае. Барнаул: «Алтай», 1995; *Щербакова И.Л.* Наказанный народ. Репрессии против российских немцев. М., 1995; *Ерина Е.И.* Очерки истории культуры немецкой автономии на Волге. Саратов, 1995; *Ремпель П.Б.* Депортация немцев с Европейской части СССР и трудовая армия по «совершенно секретно» документам НКВД СССР. 1941–1944 гг. // Российские немцы. Проблемы истории языка и современное положение. М., 1996; Немцы в республике Коми (страницы истории репрессивной политики). Сыктывкар, 1998; Немцы и развитие образования в России. СПб., 1998; Немцы в России: Петербургские немцы. СПб., 1999; *Бруль В.* Сравнительный анализ причин и последствий депортаций российских немцев, поляков, калмыков, литовцев, эстонцев, латышей в Сибирь (1935–1965 гг.) // Немцы России в контексте отечественной истории: общие проблемы и региональные особенности. М., 1999; *Чернова Т.* Проблема политических репрессий в отношении немецкого населения в СССР (обзор отечественной литературы) // Репрессии против советских немцев. Наказанный народ. М., 1999; *Дизендорф В.* Прощальный взлет. Судьбы российских немцев и наше национальное движение. М., 1997; *Гонов А.М.*

Мы в большей мере, а в данном случае имеется в виду ученый мир, придавали значение человеческому фактору, и это верно. Рассмотрены отношение людей к столь позорной и в конечном итоге деструктивной проводимой политике, показаны страдания и переживания тех, кто был незаслуженно подвергнут таким истязаниям, раскрыт формы и методы работы правоохранительных и силовых ведомств в годы войны по отношению к депортированным народам, отношение самого населения, показаны трудности существования в условиях депортации этнических общностей, использования труда спецпереселенцев, условия и возможности выживания подвергшихся переселениям, правовая сторона этих процессов. При этом перечисленные факторы рассматривались как применительно всей территории Союза ССР, так и его составных частей.

Второе направление, по моему мнению, более богатое и в данном случае сделано правильно, так как раскрытие этого процесса в составных частях СССР позволяет более глубоко представить обобщающий процесс и сделать соответствующие выводы. Главный вывод очевиден, ученые провели объемную работу во имя того, чтобы такого рода события никогда больше не повторялось.

И главной задачей национальной политики в многонациональном государстве должны быть не принудительные переселения народов полностью и групп населения, а создание условий, чтобы всем населяющим государство народам жилось бы удобно, и в меру комфортно. Вот, по моему мнению, и вся национальная идея, которая, как известно, не может включать только мате-

Проблемы депортации и реабилитации репрессированных народов Северного Кавказа. 20–90-е годы XX века. Ростов-на-Дону, 1998; *Кичихин А.* Как депортировались российские немцы // Народы России: проблемы депортации и реабилитации. Майкоп, 1998; Миграционные процессы среди российских немцев. Исторический аспект. М., 1998; Репрессии против российских немцев. Наказанный народ. М., 1999; *Кириллов В.* Советские немцы в Тагиллаге // Репрессии против советских немцев. Наказанный народ. М., 1999; Бугай Н.Ф. Автономия немцев Поволжья: проблемы деструктурирования и социальной натурализации // Репрессии против советских немцев. Наказанный народ. М., 1999; Шадт А.А. Спецпоселение российских немцев в Сибири (1941–1945 гг.). Новосибирск, 2000; *Бугай Н.Ф.* Злая память // Родина. 2000. №1–2; Книга для учителя. История политических репрессий и сопротивление не-свободе в СССР. М., 2002; *Обердирфер Л.И.* Депортированные немцы в Западной Сибири (1941–1944 гг.). Действительность и правовой статус // Сибирь в XVII в. – XX веках. Проблемы политической и социальной истории: Бахрушинские чтения. 1999–2000. Новосибирск, 2000; *Ефимова М.А.* Немцы и русский Север. Сб. статей. М., 2003; *Белковец Л.П.* Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении. 1941–1955 гг. Историко-правовое исследование. Новосибирск, 2003; *Белюсов С.С.* Миграции немецкого населения в Калмыкии в 1990-е годы XX – начале XXI вв. // Взаимодействие народов и культур на Юге России: история и современность. Ростов-на-Дону, 2008 и др.

¹ Krisenherd Kaukasus. Baden-Baden, 1995; Deportation. Sondersiedlung. Arbeitsarmee. Deutsche in der Sowjetunion 1941–1956. Köln, 1996; Lebens – und Konfliktraum Kaukasien. Edmon Barkau, 1996 и др.

риальные блага, т.е. материальную сторону, она предусматривает и духовные ценности, духовное развитие общества. Этой составляющей, как правило, должны обладать и мир, и та или иная общность, и личность. Она делает эту личность духовно богаче, а труд ее для общества полезным, его можно использовать в нужных целях.

Спустя столь продолжительное время, уже можно анализировать труды ученых по рассматриваемой теме, и комментировать, что в них удалось, а что нет. На мой взгляд, главное, чтобы само исследование процессов соответствовало исторической действительности. Их изучение базировались на документальной основе и тогда устраиваемые шоу в государственном масштабе, а также показательные кампании с клеветой на русских профессоров МГУ им. М.В. Ломоносова и других будут просто излишними. Утверждения оппонентов ни стоят и ломаного гроша, так как они по своему содержанию представляют вымысел от начала до конца.

Чтобы подвести черту в оценке депортаций в Союзе ССР можно обратиться к объяснению процессов, связанным с депортациями этнических общностей, представленным чешским историком, специалистом по национализму Эрнестом Геллнером. Его заключение мне больше импонирует. Оно помогает в определенной мере познавать и сущность проводимых мер.

Автор замечает, необходимо учитывать тот факт, что в условиях войны моральные стандарты оказывались заниженными (борьба страстей, негодование, военная секретность, экстремальная ситуация) требовали, по признанию и Э. Геллнера, «чтобы компактные этнические группы вписывались в определенную территориально-политическую структуру»², а для осуществления этого требовались жесткие меры. На ассимиляцию надежды не было, «использовались или массовые убийства или насильственные переселения целых народов». Все это соответствовало и практике, применяемой сталинским режимом власти.

По мнению Э. Геллнера, проводилась своеобразная политика ирредентизма, преследующая создание территорий с одной культурой, одним народом, а добиться этого можно было, в том числе и путем выселения в какое-то другое место (независимо от того занято это место или нет, и готовы ли члены существующего там социально-политического общества принять переселенцев). Будущая культурно-политическая организация освобождаемой территории формировалась откровенно принудительным способом, путем вывоза людей³. Повторялась политика, имевшая широкое применение в Европе в начале XIX века. Удовлетворение интересов одних вело к открытому ущемлению интересов других.

² Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса // Нации и национализм. М.: Практикс, 2002. С. 162.

³ См. там же. С. 167.

В сообщении мне хотелось бы заострить внимание несколько на другой проблеме – «реабилитации» государственных национальных образований на территории СССР после возвращения спецпереселенцев. О том, как протекал именно этот процесс, и попытаться поискать ответ на вопрос, а было ли все здесь поступательным и понятным.

Несомненно, настоящий вопрос уже можно рассматривать с учетом тех реалий, которые сформировались в условиях современной российской действительности, по образному выражению Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла, в «многонациональном объединении»⁴.

Наверное, было бы позитивным ответить на вопрос, почему вызывает интерес этот вопрос? Вероятно, потому, чтобы разобраться в том, каким же образом сочетались национально-государственное строительство, которому так строго следовали в 1920 и в 1950–1960-е годы в ходе восстановления государственности репрессированных этнических общностей. И был ли верным этот путь в новых условиях России в 1990-е годы. Вопрос по своей направленности, несомненно, сложный, но тем не менее заслуживает внимание.

В нынешнее время можно со всей уверенностью заключить, что все те репрессированные этнические общности, государственность которых не была восстановлена, после возвращения в места своего проживания, находятся в более выгодном положении, по сравнению с теми, которые восстановили свою государственность. В современной политической обстановке в Федерации национальные государственные образования, которые, строились еще в условиях существовавшего Союза ССР, главным образом на основе национально-административного принципа, претерпевают определенные трудности и в экономическом, и в политическом отношении, а также и во взаимоотношениях с другими этническими общностями. «Вы имеете свою государственность, вот и живите там, не нарушая обычаи и правила нашей территории». Эта формула стала распространенной в условиях современного функционирования этнических общностей России. Однако, она сама по себе в корне не пригодна для применения в многонациональном государстве. Оно должно быть единым, а права всех граждан, и русских также, равны. К сожалению, этого в период 1990-х годов и далее не наблюдается.

Рыночные отношения привели к тому, что самим этническим общностям необходимо изыскивать возможности приложения своего труда, средств к существованию, организации обучения детей, здравоохранения, однако, не всегда имеются для этого возможности. В том числе и по этой причине обострились отношения как внутри самих национальных образований, так и с соседними субъектами. В последующем, как известно, дело дошло в отношениях между

⁴ Кирилл, Святейший Патриарх Московской и всея Руси. Жить в мире с собой и миром // Стратегия России. 2010. № 11 (83). С. 3–12.

республиками и федеральным центром до вооруженного столкновения. Примером чему является Чечено-Ингушская АССР (до 1993 г.).

В 1990-е годы применительно к Чеченской, да и Ингушской республикам, все заканчивалось в очередной раз поиском нового «врага». И на сей раз, им снова были русские и Россия. В данном случае следует напомнить, что этот период в истории чеченской республики был самым трудным. Об этом свидетельствуют итоговые данные работы «Национальной общественной комиссии по расследованию правонарушений и соблюдению прав человека на Северном Кавказе» в 2000 году. Похищение людей, обращение их в рабство, умышленные убийства, грабежи, разбой, расправами над людьми прямо на улицах, захват пассажирских автобусов, принуждение, уничтожение казаков, реанимирование традиций – существование за счет добычи – все эти акции применялись в отношении невайнахского населения.

В сфере идеологии – разжигание чувства национальной обиды по отношению к России и русским (к тем поколениям, которые никакого отношения ни к 1944 г., ни к последующим событиям не имели), был взят курс на осуществление политики дискриминации невайнахского населения – русских и русскоговорящих граждан. Именно по этой причине в республике издавался в 1991 г. указ об обязательной перерегистрации всех граждан⁵. По отношению к гражданам русским и русскоязычным эти меры еще более ужесточились и особенно с появлением июньского приказа Масхадова (2000 г.) о широкомасштабных операциях против мирного гражданского населения, ориентированного на российское гражданство, сотрудничавшего с российскими органами государственной власти.

Одним словом, все эти лица (работавшие в создаваемых российскими властями местных районных и республиканских органах власти, в школах, в вузах, больницах и т.д.) объявлялись вне закона, планомерно осуществлялась политика по вытеснению русских из Чеченской Республики. Авторы упоминавшегося годового доклада, отмечают при этом, что «как российские, так и западные правозащитники не уделяли должного внимания проблемам нарушения прав русскоязычного населения Чеченской Республики в довоенный период»⁶. Кстати, не уделили внимания этому вопросу правозащитники и начиная с середины 1990-х годов, и в последующее время. Их работа в этом плане носила чисто вербальный характер.

На мой взгляд, формирование государства на базе административно-национального (этнического) принципа было большой политической ошибкой. России как государству никогда не был приемлемым принцип формирования государственности на этническом принципе. Последствия таковы,

⁵ См. подробнее: Ситуация в Чечне и пути выхода из кризиса. Итоговый доклад за 2000 год. М., 2001.

⁶ Там же. С. 46.

что остаются вопросы неурегулированных границ, претензии на территории (Республика Ингушетия, Калмыцкая Республика, Грузия и др.). До сих пор ни политологи, ни историки не могут дать ответ, так, кто же является в России государствообразующей нацией. Хотя, если исходить из существующих международных стандартов состава государственности и ее идентичности, то этот вопрос вообще не подлежит обсуждению, как и такой, надуманный вопрос о необходимости выяснения, кто же такие русские. В этом же ряду и уже реализованный на практике вопрос об отмене названия национальной принадлежности в паспорте – главном документе гражданина России, что, несомненно, наносит вред учету интересов самих этнических общностей в государстве.

Историческая наука располагает возможностью для того, чтобы представить, как трактуется этот сложный вопрос в российской историографии. Это важно и для того, что понять природу самой проблемы, выяснить ее конститутивные начала и возможные последствия.

Против федерации по этническому признаку выступал известный историк С.П. Мельгунов, и был сторонником принципа широкого самоуправления и федеративного устройства страны. Федерация по национальному признаку им категорически отвергалась, как замечает Ю.Н. Емельянов, он определял ее словами «всероссийская катавасия». Украинский историк М.П. Драгоманов – сторонник концепции национально-культурной автономии Украины в строительстве российского государства придерживался принципа «областной федерации» и С.П. Мельгунов также поддерживал этот принцип, иначе не мысля видеть Россию только единой⁷.

Касаясь вопросов формирования Русской государственности, член-корреспондент РАН, советник Президента РАН А.Н. Сахаров констатирует о том, что этнической составляющей в Руси никогда не придавалось главенствующей роли. Не на этнической основе строилось Русское централизованное государство в XVI–XVII вв. Не на этнической основе строилось государство и в последующем, а на универсально-государственной основе XVI–XVII веков. В XVIII–XIX вв. многоэтничный состав объединялся понятием «подданных империи». Этот посыл отразился и в советский период истории в виде Союза ССР, как и в современной России (россияне). В связи с этим А.Н. Сахаров пишет, что создание унитарного государства, прикрытого лишь флёром национальной самостоятельности советских республик, воплощало в себе все территориальные контуры старой империи, сопровождалось тяжкими репрессиями национально-ориентированных лидеров советских республик, депортациями народов как в 1930-х, так и в 1940-х годах.

Можно было спокойно возвратиться к тому периоду, когда до 1925 г., по мнению Г.С. Гуревича, «юридические формы автономных областей ничем не отличались от юридических форм любой советской губернии», когда

⁷ Цит. по: Емельянов Ю.Н. С.П. Мельгунов: в России и эмиграции. М., 1998, С. 95.

«областям этим... в разговорном обиходе иногда присваивается выразительное наименование «национальных губерний». Правда, Г.С. Гуревич в последующем заметил, что подобное утверждение «принять можно с определенными оговорками»⁸. Такая оценка появилась после принятия Конституции РСФСР 1925 года. На мой взгляд, в современных условиях, в новом формате России, это более бы отражало истинное историческое существование российской государственности, и снимало существующую постоянно острую проблему неравноправия субъектов Российской Федерации и населяющих их народов.

Имелись и точки зрения, носившие половинчатый характер и включавшие разные компоненты и особенности формирования государственности на территории Союза ССР. Такой подход, по моему мнению, характерен для историка Н.С. Тимашева (1886–1970). Размышляя о национально-государственном устройстве России как многонационального государства, он рекомендовал в основу формирования территорий закладывать этнографический принцип. По его мнению, территория должна образовываться на основе традиций исторического и экономического развития. В связи с этим, по заключению Н.С. Тимашева, на практике особую ценность приобретал бы принцип национального представительства в общегосударственных учреждениях.

Если это так, то, по нашему мнению, это можно было практиковать и применительно государственных учреждений, учитывая специфику российской государственности. Так, например, русских в государственных органах власти должно составлять не менее 80%, остальные – с учетом процентного состава населения и профессиональных способностей⁹. Немаловажным фактором, по мнению Н. Тимашева, должно быть на уровне культурное развитие граждан, проживающих на той или иной территории. «Новая Россия строится, – заме-

⁸ См. *Гуревич Г.С.* Основы советской конституции. М., – Л. 1929. С. 187. Подробный анализ см. также Хлынина Т. П. Советская национальная государственность... С. 33 и др. Автор дополняет анализ еще и проблемой разраставшейся компетенции автономных государственных образований со стороны центральной власти.

⁹ В ряде субъектов такая пропорция соблюдалась, однако, это относилось в большей части к субъектам с преобладавшим русским составом населения. Для сравнения состав государственных органов власти по двум субъектам Северного Кавказа Российской Федерации, по имеющимся данным, выглядел следующим образом. Так, в Ставропольском крае в 1990-е годы губернатор был русским, в 26 министерствах были заняты русские – 80,7%, украинцев – 19,4%, осетин – 3,8%, в Государственной Думе Ставропольского края, состоявшей из 24 депутатов: 22 русские (91,6%), 1 украинец (4,16%), 1 грек (4,16%); председателем Государственной Думы был русский. В Республике Адыгея: президент республики – адыгеец, председатель правительства республики – адыгеец, правительство республики состояло из 50 членов: 22 адыгейца (44%), 27 русских (54%), 1 татарин (2%). В Государственном Совете – Хасэ работало 8 комитетов, руководителями которых были 4 адыгейца (44,44%), 3 русских (33,33%), 2 белоруса (22,22%), председателем Госсовета Хасэ – русский. В государственном органе Кабардино-Балкарской Республики: кабардинцев – 55,6%, балкарцев – 16,7%, русских – 22%, в Совете представительство: кабардинцев – 55,6%, балкарцев – 22,2%, русских – 22,2%, т.е. соблюдено пропорциональное представительство и т.д.

чал в связи с этим Тимашев, – на базе национальной культуры и сохранения государственного единства»¹⁰. Национальное государственное устройство в России он расценивал как несовершенное, зависимость его, то от отсталости (до революции), то от диктатуры партии, отсутствия учета национальных интересов, наличия широких гражданских прав и т.д.

В реалиях Советского Союза получилось нечто другое. Профессор А.Н. Сахаров в интервью журналу «Экономическая стратегия», давая общую оценку проводившейся работы в этом направлении, в 2008 г. замечал: «Ленин и Сталин легко решали национальный вопрос: создавали новые республики, наделяли их правами, проводили границы. В условиях унитарного коммунистического государства все это не имело никакого значения...»

В России 1990–2010-х гг. на поверхности отчетливо прослеживается необходимость новой «модели» нациестроительства в рыночных условиях. Требуется создание административных единиц без республик, что можно было бы сделать в начале 1990-х годов, однако, такой момент в угаре демократических преобразований, отмечавшейся высокой этнической мобильности был упущен. К сожалению, это не состоялось в первую очередь по причине отсутствия политической воли у тех, кто был призван вершить государственную власть.

Необходимо было уравнивать в правах все субъекты, уйти от нагромождения вновь республиканских образований¹¹, а в них еще и учреждения института президентства (однако проблема с институтом президентства в 2010–2011 гг. благополучно разрешена).

В связи с этим надо признать, что С.М. Шахрай был прав, утверждая, что государственно-территориальное деление России «балансирует между двумя крайностями – "республиканизацией" и "губернизацией"».

Проблема «как губернизации, так и республиканизации областей» поставлена и политологом М. Фадеичевой. Не случайно она акцентировала внимание именно на том, что «умалчивается отход от этнического принципа в административно-территориальных образованиях»¹². В конкретном случае с автором необходимо солидаризироваться.

Все это создает ситуацию, когда на первый план выдвигаются прежде всего интересы республиканских элит, которые до последнего будут защищать эти интересы и, конечно, свое положение. С учетом этого, разумеется, важно «не перекраивать карту», не изменять статус существующих республик». Сложившиеся стереотипы в сознании играют свою отрицательную роль. Этнический фактор, заложенный в создание национальной государственно-

¹⁰ Цитир.: по Вандаковская М.Г. Возрождение России в трудах Н.С. Тимашева Российская государственность в лицах и судьбе ее созидателей: IX–XXI в. Материалы международной конференции. 27–28 ноября 2009. Липецк, 2010. С. 244–246.

¹¹ См. подробнее: Сахаров А.Н. Русь на путях к «Третьему Риму». М., 2010. С. 72–81.

¹² Фадеичева М. // Вестник Российской нации. 2008. № 3. С. 186.

сти на территории Советского Союза, России, приобрел негативный оттенок в условиях современной России, в консолидации ее как многонационального сообщества.

Очевиден тот факт, что пока эта «модель» государственности будет существовать, россиянам не избежать межэтнических конфликтов, неприязненного отношения друг к другу, дележа общего «пирога», наличие определенной зависти и т.д. Исходя из того, что основой государственности выступает многонациональный российский народ, вряд ли следует называть такую «модель», как крайне радикальной. Практика функционирования Российской Федерации, построенной на принципе договорных отношений, не продвинула общество вперед. Не появилась даже возможность привести в качестве примера, где были бы четко отработанными и результативными новые социальные системы регулирования процессами в обществе, в том числе и в сфере межнациональных отношений. Возможно, к этому более близко находится Республика Татарстан.

Продвижение в институционализации федеративного строительства привело создание в 1990-е годы федеральных территориальных округов. В этой системе Южный федеральный округ и созданный в 2010 г. Северокавказский федеральный округ. Они имеют статус неконституционных территориальных образований, слабо наделены и полномочиями власти со стороны центра. Во многом их деятельность находится в прямой зависимости от персонифицированного фактора в политике. Сложно обобщить опыт их работы, вклад в развитие государственности, укрепление федеративных отношений.

В условиях слабого развития экономического сектора в государстве создавалась диспропорция между субъектами Российской Федерации, что ставит и территориальные округа не в одинаковое положение. Одни из них остаются донорами (незначительное число), другие – держатся исключительно на дотациях. В таком состоянии находятся почти все субъекты (национальные республики) вновь образованного в декабре 2009 г. Северокавказского территориального округа с центром в Пятигорске.

Судя по всему, этот вопрос беспокоил в начале 1990-х годов и Президента России и Правительство Российской Федерации. Об этом свидетельствует дискуссия, развернувшаяся на заседании Правительства Российской Федерации 30 июля 1992 г., под председательством Б.Н. Ельцина. Она представляет несомненный интерес в плане нациестроительства России, путей реализации этих мер, возможностей перехода России на путь административно территориального обустройства и полного отхода создания частей ее составляющих на основе этнического принципа. Как показали итоги дискуссии, у правящей элиты не хватило политической воли для перехода к намеченному пути. Все осталось по-старому.

Активное обсуждение первого варианта проекта самой Концепции государственной национальной политики Российской Федерации протекало главным

образом в форме дискуссии между Президентом России Б.Н. Ельциным и председателем Госкомнаца России В.А. Тишковым на заседании Правительства Российской Федерации 30 июля 1992 г., а также другими участниками известного заседания.

Тогда было крайне важным определиться в приоритетных направлениях и позициях. Это был конститутивный момент появления идеи о Государственной Концепции национальной политики, на проект которого, активно откликнулись 19 министерств и ведомств. Конечно, цель такого документа в тех условиях России была очевидной – достижение стабильности в российском государстве, уравнивание на правовой основе противоречий, предпосылок для возникновения межнациональных конфликтов при строгом сочетании этих общественных процессов с состоянием развития экономического сектора в государстве. Все это было еще и связано с крайне слабым экономическим состоянием государственности. Кстати, проект предварительно обсуждался в республиках и даже был опубликован в Республике Калмыкия.

Рассматривая положение дел в Калмыкии, национальный состав этого государственного образования, В. Тишков признавал, что «гражданами Калмыкии могут быть только те, кто принадлежит к коренной национальности, а также те, которые не имеют своей государственности на территории России, то есть русские и украинцы. Одним словом, признавался факт отсутствия у русских своей государственности»¹³.

Б.Н. Ельцин, оценив вопрос, как важный и принципиальный, в то же время предостерег постановкой очередного вопроса: «Не навредим ли, вот в чем вопрос?» Заставить сегодня о переходе от национально-территориального устройства к административно-территориальному с учетом функционирования 20 республик на территории России, не сможет ли это сразу «всколыхнуть»?

Особую осторожность в этом вопросе проявил и В.А. Тишков, признавая «политическую реальность», и призывал правительства российских национальных республик проводить последовательную политику в отношении к этническим общностям, проживавшим на территориях этих республик, доведения защиты их прав до уровня защиты прав титульных наций. И в связи с этим констатировал: «Иначе русские будут требовать себе национальной государственности. И это вызовет наиболее лавину противоречий между основным народом (русским. – Н.Б.) и всеми остальными» Одним словом, наблюдался уклон в сторону уравнивания в правах республик и остальных субъектов Российской Федерации.

Проблемы русского народа Б.Н. Ельцин рассматривал органично с казачеством России, проходившим процесс становления в условиях новой России, по образному определению Президента, становившимся «реальной силой» В этой ситуации вопрос, поставленный Президентом: «Как быть с казачеством?»

¹³ Из материалов заседания Правительства Российской Федерации 30 июня 1992 г. С. 4.

явился поворотным пунктом дискуссии, расширив круг проблем: русские и казачество, русские в ближнем зарубежье, система организации регулирования процессами жизнеобустройства русских и другие, от чего зависело национальное возрождений самой России.

Государственные органы власти должны были определиться в стратегических задачах, направленных на эффективное регулирование процессами в сфере национальных отношений, базирующихся в первую очередь на единой стартовой основе. Такой площадкой, по нашему мнению, могла бы быть реализация комплекса мер формирования правового государства, создания системы воспитания культуры межнационального общения, которую представляла бы Концепция государственной политики воспитания культуры межнационального общения в Российской Федерации.

Проводимая в субъектах национальная политика по отношению к русским и казачеству, малоэффективная и далека от политики, построенной на принципах этнической солидарности, толерантности, взаимоуважения. Такая ситуация наталкивает местное население на другие мысли. «Русские и казацкие общины Дагестана все более убеждаются в необходимости строительства русского национального государства – единственного условия раскрытия потенциальных возможностей каждого народа»¹⁴, – пишет член Правления Терского казачьего войска В.С. Пархоменко.

Пока это требование еще не находит поддержки в массовом сознании, однако не исключена вероятность роста числа таких сторонников¹⁵. Сама идея, естественно, повышает статус русских в России. Однако надо предвидеть и то, что создание Русской республики может привести к фактическому изменению Российской Федерации, дезинтеграции России¹⁶. Значит, необходим поиск более совершенных форм выстраивания межнациональных отношений в новом формате России.

Таким образом, можно сделать вывод на перспективу: развитие государственности народов России можно свести к двум позициям:

– вместе со всеми с изменением статуса субъектов Российской Федерации (республик, автономных областей, национальных округов), принципов регулирования межнациональными отношениями в новых условиях существования самой России;

¹⁴ Пархоменко В.С. От перемены мест... К уходу в отставку главы дагестанской автономии // Русский вестник. № 23. 2006.

¹⁵ В частности, по данным, полученным ВЦИОМ, Среди опрошенных респондентов 16% считает, что Россия должна стать государством исключительно для русских. 33% москвичей и петербуржцев выразили недовольство тем, что мигранты, в первую очередь представители народов Северного Кавказа и Закавказья, не желают принимать нормы общественных отношений, действующие в России. 22% – видят в мигрантах конкурентов на рынке труда.

¹⁶ См.: Этническое и расовое неравенство // <http://kref.ru/infopsikologijasotsiologija/134398/16.html>

– создание государственности для русских (не с центром в Москве, в противном случае эта государственность будет просто «проглочена»), со всеми соответствующими символами русской государственности.

Несомненно, дальнейшее развитие и совершенствование российской государственности потребует обращения к этим важным вопросам практики нациестроительства и российской государственности.

Каков же вывод? Вероятно, прежде чем ставить вопрос о создании или восстановлении национальной государственности в новом формате России, истеблишмент этнической общности должен продуманно и взвешенно подойти к вопросу, а надо ли решение этой задачи в едином государстве, какой видится Россия в перспективе, какой она была с самого зарождения. Ведь в многонациональной России есть все возможности для применения своих творческих и духовных способностей. Это в полной мере относится и к российским немцам, отличающимся и трудолюбием, и законопослушанием, и большой ответственностью за ту политику, в которой они являются непосредственными вершителями, направленной, на создание российской государственности целой и неделимой, главной задачей которой должно выступать создание условий для удобного проживания народов.

Депортации не было?

Межгосударственный диалог о проблемах российских немцев после войны начался не сразу и отражал внутриполитические стратегии СССР и Западной Германии. Длительное время правительственные делегации вели диалог «мимо друг друга»: каждая из них оперировала понятиями, которые не употреблял партнер, пыталась вносить в повестку дня проблемы, вырывавшие стойкое неприятие у противоположной стороны. До сих пор многие явления и процессы, ясно и просто обрисованные на уровне простого человека, гражданского общества, науки, либо определяются на уровне межгосударственных отношений иными понятиями, либо «не существуют» вообще.

Так, до сих пор официально ни в одном документе не закреплено понятие «депортация» применительно к репрессиям по этническому признаку в отношении групп населения. Это понятие ни в годы войны, ни теперь в законах и подзаконных актах СССР, Российской Федерации или Федеративной Республики Германия ни разу не было связано с российскими немцами, как и другими народами СССР, пострадавшими в советское время.

Вчитаемся в текст Указа Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» от 28 августа 1941 г. Там говорилось: «...Для предупреждения серьезных кровопролитий Президиум Верховного Совета СССР признал необходимым переселить все немецкое население, проживающее в районах Поволжья, в другие районы с тем, чтобы переселяемые были наделены землей и чтобы им была оказана государственная помощь по устройству в новых районах»¹⁷.

То есть речь шла о переселении. А «переселение» – термин не репрессивный, имевший позитивное эмоциональное и юридическое значение, не связанный с последовавшими затем десятилетиями государственного насилия.

Более того, этот же подход был применен и во всех прочих случаях депортаций. Известный исследователь насильственных переселений в СССР П. Полян пишет, что «предполагающие депортации нормативные акты датируются уже самыми первыми месяцами и годами правления большевиков, когда еще вовсю полыхала – или дотлевала – гражданская война»¹⁸. Но на самом деле, ни в одном из изученных им документов ни разу не употреблено слово «депортация». П. Полян провел классификацию всех подобных акций, выявил, что в СССР было проведено, «по меньшей мере, 53 сквозных депортационных кам-

¹⁷ См.: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» // История российских немцев в документах (1763–1992 гг.) / Сост. к.и.н. В.А. Ауман и д.и.н. В.Г. Чеботарева.М., 1993. С. 159–160.

¹⁸ <http://demoscope.ru/weekly/2004/0147/analit01.php>

пании и около 130 операций»¹. Но в документах, легших в основу депортации казаков из Притеречья (1920) или кулаков-казаков из Семиречья (1921), как и всех остальных акций, не найти термина «депортация».

В.Ф. Дизендорф, исследуя тему депортаций российских немцев, выделяет их особенности по отношению к депортации других народов. Он указывает, в первую очередь, на то, что «депортация осуществлялась на основе разного рода правовых актов (если можно использовать этот термин в отношении документов, носивших вопиюще противоправный характер): Постановления Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) № 2056-933 от 26.08.1941 г. "О переселении немцев из Республики немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей" (подписано лично И. Сталиным), Указа Президиума Верховного Совета СССР № 21-160 от 28.08.1941 г. "О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья", постановлений Государственного Комитета Оборона СССР, распоряжений Совнаркома СССР, приказов Военных советов соответствующих фронтов. Не считая вышеупомянутого Указа Президиума ВС СССР, все эти документы были строго секретными и не публиковались вплоть до 1990-х годов»².

Но ни в одном из указанных им документов нет и речи о депортации, этот термин не употребляется. А что значит, «термин не употребляется»? Это значит, что не было события, явления, процесса, который этот термин в международной практике означает.

Депортация (от латинского *deportatio* – изгнание, высылка) – это принудительная высылка лица или целой категории лиц в другое государство или другую местность, обычно – под конвоем. «Википедия» указывает, что термин «депортация» возник в уголовном законодательстве Франции в XVIII–XIX веках для обозначения особых видов ссылки³.

Может быть, после войны этот термин стал в СССР правовым? Применительно к народам, подвергшихся переселениям, нет, не стал.

Даже когда начался процесс десталинизации советского общества, истина не была восстановлена – вещи не были названы своими именами. Тон в развенчании культа личность «вождя всех народов» задал Н.С.Хрущев в своем докладе XX съезду КПСС. В нем, как известно, речь шла о национальной политике вождя. Приведем эту длинную цитату еще раз:

«Советский Союз по праву считается образцом многонационального государства, ибо у нас на деле обеспечены равноправие и дружба всех народов, населяющих нашу великую Родину.

Тем более вопиющими являются действия, инициатором которых был Сталин и которые представляют собой грубое попрание основных ленинских

¹ Там же.

² *Дизендорф В.Ф.* Депортация российских немцев в 1941–1942 гг.: причины, особенности, последствия // <http://wolgadeutsche.ru/diesendorf/deportation.htm>

³ <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D0%B5%D0%BF%D0%BE%D1%80%D1%82%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F>

принципов национальной политики Советского государства. Речь идет о массовом выселении со своих родных мест целых народов, в том числе всех коммунистов и комсомольцев без каких бы то ни было исключений. Причем такого рода выселение никак не диктовалось военными соображениями. Так, уже в конце 1943 года, когда на фронтах Великой Отечественной войны определился прочный перелом в ходе войны в пользу Советского Союза, принято было и осуществлено решение о выселении с занимаемой территории всех карачаевцев. В этот же период, в конце декабря 1943 года, точно такая же участь постигла все население Калмыцкой автономной республики. В марте 1944 года выселены были со своих родных мест все чеченцы и ингуши, а Чечено-Ингушская автономная республика ликвидирована. В апреле 1944 года с территории Кабардино-Балкарской автономной республики выселены были в отдаленные места все балкарцы, а сама республика переименована в Кабардинскую автономную республику. Украинцы избежали этой участи потому, что их слишком много и некуда было выслать. А то он бы и их выселил. *(Смех, оживление в зале.)* В сознании не только марксиста-ленинца, но и всякого здравомыслящего человека не укладывается такое положение – как можно возлагать ответственность за враждебные действия отдельных лиц или групп на целые народы, включая женщин, детей, стариков, коммунистов и комсомольцев, и подвергать их массовым репрессиям, лишениям и страданиям⁴.

Как видим, было сказано слово «реабилитация», но не было произнесено этого слова «депортация». Речь шла только о выселении. То есть сталинский термин, не отражавший существа дела, затушевывавший то, что случилось на самом деле, вдруг благодаря Хрущеву был вновь пущен в оборот, скрыл преступление, совершенное против граждан страны.

Ясно, что в годы застоя о депортации не могло быть и речи в осмыслении исторических процессов. Но удивительно то, что и перестройка никак не обновила понятийный ряд тех, кто хотел социализма «с человеческим лицом». В Законе Российской Федерации от 26 апреля 1991 года № 1107-1 «О реабилитации репрессированных народов» в статье 2 говорилось:

«Репрессированными признаются народы (нации, народности или этнические группы и иные исторически сложившиеся культурно-этнические общности людей, например казачество), в отношении которых по признакам национальной или иной принадлежности проводилась на государственном уровне политика клеветы и геноцида, сопровождавшаяся их насильственным переселением, упразднением национально – государственных образований, перекраиванием национально – территориальных границ, установлением режима террора и насилия в местах спецпоселения».

Соответственно, реабилитация репрессированных народов (статья 3) «означает признание и осуществление их права на восстановление

⁴ http://www.coldwar.ru/hrushev/cult_of_personality.php

территориальной целостности, существовавшей до антиконституционной политики насильственного перекраивания границ, на восстановление национально-государственных образований, сложившихся до их упразднения, а также на возмещение ущерба, причиненного государством.

Реабилитация предусматривает возвращение народов, не имевших своих национально-государственных образований, согласно их волеизъявлению, в места традиционного проживания на территории РСФСР.

В процессе реабилитации репрессированных народов не должны ущемляться права и законные интересы граждан, проживающих в настоящее время на территориях репрессированных народов».

То есть, признавалось, что некоторые народы даже подверглись геноциду, но вот депортация так и не была введена в законодательное поле. «Насильственные переселения», «насильственное перекраивание границ» – но не депортация.

А вот в законах современной России мы находим этот термин. Но совершенно не в том значении, в каком используют его исследователи истории репрессированных народов, в каком понимают и чувствуют его сами жертвы депортаций. В Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 года № 95-ФЗ есть статья 3.10 «Административное выдворение иностранного гражданина или лица без гражданства». В Федеральном законе от 25 июля 2002 года № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» содержится статья 34 «Порядок административного выдворения иностранного гражданина за пределы Российской Федерации». Есть даже разъясняющее это положение Постановление Правительства Российской Федерации от 24 октября 2002 года № 769 «Об утверждении Правил расходования средств на мероприятия по депортации либо административному выдворению иностранных граждан и лиц без гражданства за пределы Российской Федерации при невозможности установления приглашающей стороны». А самым первым законодательным закреплением термина «депортация» была статья 13 «Выдворение (депортация) лица за пределы территории Российской Федерации» в Законе Российской Федерации от 19 февраля 1993 года № 4528-1 «О беженцах». Смысл термина в исполнении этих актов: депортация – перемещение за границу лиц, которые незаконно находились на территории России. Депортация стала, таким образом, относиться к миграционной политике (внешней миграции), приобрела характер отношений с иностранцами.

А что с терминами в Германии? Там также нет ни одного закона, где бы в отношении российских немцев говорилось о депортации.

После войны в Западной Германии было создано министерство по делам изгнанных, военнопленных и пострадавших в войну. Понятие «изгнанные» (Vertriebene) включало в себя разные категории людей – как насильственно переселенных, так и в страхе, но по своей воле бежавших в Вюртемберг или Вестфалию из мест своего жительства при приближении Советской армии.

Если посмотреть материалы бундестага, когда там обсуждались эти проблемы, то можно заметить, что основными терминами в отношении зарубежных немцев было только три: «беженцы», «изгнанные», «возвращающиеся на родину». Позже речь стала идти также о «переселенцах» («поздних переселенцах»). Это, конечно, отражалось и на практической политике: никакого возвращения российских немцев на Волгу там как задачу для своей дипломатии не ставили. Все переговоры послевоенного времени с СССР Западная Германия вела с намерением обеспечить немцам свободу выезда из СССР⁵. Выезд – вот как понималась в ФРГ реабилитация.

Поскольку о депортации ни в СССР, ни в ФРГ никто на официальном уровне не вел и речи, то и в межгосударственных переговорах она не упоминалась. В Договоре о добрососедстве, партнерстве и сотрудничестве между Союзом Советских Социалистических Республик и Федеративной Республикой Германией от 9 ноября 1990 года говорилось о российских немцах, но вот в каком контексте (статья 15):

«Советским гражданам немецкой национальности и гражданам, выходцам из Союза Советских Социалистических Республик и постоянно проживающим в Федеративной Республике Германии, которые хотят сохранить свой язык, культуру или традиции, будет предоставлена возможность развивать их национальную, языковую и культурную самобытность. В соответствии с этим Стороны в рамках действующих законов будут обеспечивать возможность и облегчать другой Стороне оказание содействия таким лицам или их организациям».

10 июля 1992 года был подписан Протокол о сотрудничестве между Правительством Российской Федерации и Правительством Федеративной Республики Германия с целью поэтапного восстановления государственности российских немцев⁶, на основе этого протокола стала действовать Межправительственная Российско-Германская комиссия по проблемам российских немцев, которая проводит свои заседания, как минимум, два раза в год попеременно то в России, то в Германии. В этом протоколе объявлялись новые цели России и Германии в отношении российских немцев: «...Руководствуясь целью сохранения родины как можно большему числу российских немцев и их потомкам и возвращения им возможности развивать свою национальную самобытность в сфере культуры, языка и религии в России, не ущемляя при этом их права на выезд...».

Но и в Протоколе нет речи о депортации – только о поэтапном восстановлении государственности российских немцев, а также о «беспрепятственной возможности создания культурных, социальных, учебных заведений и других форм совместной организации, которые усиливали бы у немцев чувство

⁵ Иларионова Т.С. Российские немцы в советско-западногерманских отношениях: 1945–1961 гг. М.: ООО «МИРОС», 2010.

⁶ <http://www.zakonprost.ru/content/base/29539/>

общности и способствовали сосуществованию жителей немецкой и других национальностей».

Именно об этом и шла речь на заседаниях Межправкомиссии на протяжении всех этих лет⁷.

Так что же? Депортации не было?

Этот вывод, наверное, пришлось бы сделать, если бы не наш Уголовный кодекс. Он создавался под влиянием международных актов, выбрал многие нормы, по которым живут сегодня в мире. Уголовный кодекс Российской Федерации содержит статью 356 «Применение запрещенных средств и методов ведения войны»⁸. В первом пункте этой статьи говорится: «Жестокое обращение с военнопленными или гражданским населением, депортация гражданского населения, разграбление национального имущества на оккупированной территории, применение в вооруженном конфликте средств и методов, запрещенных международным договором Российской Федерации, – наказываются лишением свободы на срок до двадцати лет».

И все становится ясно: в наших законах нет слова «депортация» только потому, что тогда пришлось бы наказать (не уповав на «суд истории») тех, кто задумывал, осуществлял и потом всячески замалчивал депортацию. До двадцати лет лишения свободы.

В нашей стране не то что двадцати лет – двух минут никто не сидел за преступления советского времени. Российская пресса и официальные власти с возмущением оценивают процессы над организаторами депортаций народов Прибалтики в ныне независимых Латвии или Эстонии. Перед нами и другой наглядный пример: Турция, которая упорно отказывается признать осуществленный почти век назад на ее территории геноцид армян. Само слово «геноцид» не принимается – потому что есть международные санкции за это преступление. А российское общественное мнение – на чьей оно стороне: армян или турок?

У России сегодня полным-полно проблем. С экономикой и социальной сферой далеко не все благополучно. Мы потерялись среди простых истин и не понимаем, где добро, а где зло. Но, может быть, многие наши беды от того, что мы не разобрались со своим прошлым? Жертвы и палачи по-прежнему рядом. Только жертвы – политических репрессий, этнических чисток, техногенных катастроф – вынуждены бегать по инстанциям, что-то доказывать, просить, чтобы восстановить свои права, поправить здоровье.

А репрессивные органы вообще не получили никакого урока. Преступники и палачи спокойно живут дальше...

⁷ <http://rusdeutsch.ru/?menu00=4&menu=25&level2=&z=1>

⁸ <http://www.ukru.ru/code/12/356/index.htm>

Пусть будет нам урок: к проблеме адекватности исторической интерпретации депортации этнических немцев в условиях Великой Отечественной войны

Если систематизировать историографические достижения и результаты изучения темы депортации, то выясняется, что сегодня проблема принудительного перемещения населения в целом, и российских немцев в частности имеет обширную библиографию. Знакомство с ней убеждает, что с началом исследования темы депортации западные историки немного опередили советских исследователей. Но стоит уточнить, что одним из первых о проблеме депортации заговорил исследователь, имевший советские корни – бывший крупный партийный функционер, перешедший линию фронта в 1942 году и оставшийся на Западе Абдурахман Авторханов. Его книга «Убийство чечено-ингушского народа: Народоубийство в СССР» была издана в Мюнхене в 1952 году⁹. А затем появилась работа Роберта Конквиста «Советские депортации народов» (1960)¹⁰. Авторханов А.Г. высказал мнение, что выселение стало следствием реализации сталинской национальной политики¹¹, а Р. Конквист рассматривал этнические депортации военного времени в СССР как естественное продолжение колониальной политики царской России, облегченное компактной конфигурацией и «сухопутностью» Российской империи¹².

Третий зарубежный автор был тоже из числа «бывших» – Александр Некрич, который публично признал в роли «первопроходцев темы» и своих предшественников советских историков, по большей части реализовавших свой исследовательский потенциал в области истории КПСС. Это были Х.И. Хутуев (писавший о балкарцах), а также Ч.С. Кулаев (о карачаевцах), С.Н. Джугурьянц (о чеченцах и ингушах)¹³. Названные А. Некричем исследователи преподносили выселение как акт сталинской национальной политики. В книгах, кандидатских диссертациях, в коллективных очерках партийных организаций

⁹ Уралов А. (Авторханов А.Г.) Убийство чечено-ингушского народа: Народоубийство в СССР. М.: СП «Вся Москва», 1991.

¹⁰ *Conquest R. Soviet deportations of nationalities.* London: McMillan and Co Ltd; New York: St Martin's Press, 1960.

¹¹ Уралов А. (Авторханов А.Г.) Народоубийство в СССР. М.: СП «Вся Москва», 1991., 5–6.

¹² *Conquest R. Soviet deportations of nationalities.* London: McMillan and Co Ltd; New York: St Martin's Press, 1960, p. 94.

¹³ Хутуев Х.И. Балкарский народ в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период (восстановление автономии балкарского народа): дис. ... канд. ист. наук. – Ростов н/Д, 1965; Кулаев Ч.С. Партийные организации Карачая и Черкесии в период Великой Отечественной войны Советского Союза (1941–1945 гг.): дис. ... канд. ист. наук. – Воронеж, 1968; Джугурьянц С.Н. Осуществление ленинской национальной политики в Чечено-Ингушетии на основе решений XX съезда КПСС Грозный. 1965.

и истории краев и областей, написанных во второй половине 1960-х – 1970-е годы, появлялись упоминания о выселении и давались объяснения типа: «К сожалению, в условиях культа личности антисоветские действия националистического отребья были приписаны целым народностям... в результате чего... они были лишены национальной автономии и выселены из родных мест»¹. Т.е. приводимые факты интерпретировались в полном соответствии с идеологическими требованиями режима: отмечались «нарушение национальной политики», давались заверения, что «никакие извращения не могли изменить природы социалистического строя, поколебать социально-экономическую основу нашей страны, разрушить дружбу народов», приводились многочисленные примеры трудового героизма высланных, которые «на новых местах жительства» добивались высоких урожаев в сельском хозяйстве, научившись выращивать новые для них сельскохозяйственные культуры (сахарную свеклу, хлопок и др.), упорно трудились в промышленности, строительстве, на транспорте»².

Никто из названных советских авторов не рассматривал тему депортации как самостоятельную исследовательскую линию в отечественной историографии или как составляющую темы репрессий. Определение проблематики «наказанных народов» как самостоятельной научной задачи стало заслугой А. Некрича³. И еще одна особенность историографии депортации этого периода – о депортации немцев по-прежнему работ не было. Корректнее было бы говорить, что в тот период немецкая депортация не стала предметом отдельного самостоятельного исследования, а была вкраплением или в тему выселения как такового или тему немецкое население в годы Второй мировой войны, например, в монографии Л. де Йонга «Немецкая пятая колонна во Второй мировой войне»⁴ (1956 г.) или монографии Б.Пинкуса и И.Фляйшхауэр «Немцы в Советском Союзе» (1986–87)⁵. Эти авторы, предприняв попытку охарактеризовать географию расселения немцев, оценивали депортацию как противоправный акт репрессивного характера, ущемлявший их политико-правовой статус.

Несмотря на существенные отличия в авторских концепциях и различия методологий первых исследователей темы депортации, было нечто общее, что объединяло работы тех, кто уже заявил о теме депортации – это недоступность архивов. Все авторы основывались на чрезвычайно скудных источниках: энциклопедические материалы, административные карты, материалы

¹ Кулаев Ч.С. Партийные организации Карачая и Черкесии в период Великой Отечественной войны Советского Союза (1941–1945 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1968. С. 11.

² Джугурьянц С.Н. Осуществление ленинской национальной политики в Чечено-Ингушетии на основе решений XX съезда КПСС Грозный 1965. С. 36.

³ См.: Некрич А. Наказанные народы. Нью-Йорк: Хроника, 1978.

⁴ Йонг Л. Немецкая пятая колонна во Второй мировой войне. М., 1958. С. 213.

⁵ Fleischhauer I., Pinkus B. Die Deutschen in der Sowjetunion. Baden-Baden, 1987. S.48.

переписей разных лет, воспоминания репатриированных военнопленных, информация советского перебежчика, подполковника Бурлицкого, участника всех операций по депортациям, и из «секретного» доклада Хрущева XX съезду КПСС (в котором, кстати, остались не упомянутыми советские немцы и крымские татары). Определенным подспорьем для них были нарративы типа немногочисленных советских и зарубежных публикаций по истории Второй мировой войны, а также работы по истории партийного строительства в национальных окраинах СССР в годы войны и в послевоенное время, подчас содержавшие «крупницы» сведений, ценных для проблематики «наказанных народов», а также устные свидетельства представителей самих репрессированных народов. Архивные материалы о выселении оставались недоступными даже для большинства историков-партийцев⁶.

Постепенное открытие соответствующих фондов в центральных и региональных архивах России и других стран СНГ привело к всплеску интереса к этой проблематике и многочисленным публикациям начала 1990-х годов, подготовленным историками, архивистами, этнографами, географами, журналистами, а также самими депортированными немцами. Особенно выделились многочисленные публикации и статьи Николая Федоровича Бугая о депортированных этносах, сделавших за короткое время достоянием гласности сотни важнейших документов⁷. Еще в первой половине 1990-х годов появились первые сборники документов о депортациях, подготовленные на солидном археографическом уровне. Они были тематическими, региональными или регионально-тематическими. Материалы о депортации и ходе реабилитации советских немцев были изданы в двухтомном собрании, подготовленном Владимиром Андреевичем Ауманом и Валентиной Георгиевной Чеботаревой⁸, появились тематические сборники статей⁹.

⁶ Полян П.М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М.: ОГИ – Мемориал, 2001. С. 14–15.

⁷ Бугай Н.Ф. Операция Улусы. Элиста: Калмыцкое кн. изд-во, 1991; Он же (сост.) Иосиф Сталин – Лаврентий Берия: Их надо депортировать... Документы, факты, комментарии. М.: Дружба народов, 1992; Он же. По сведениям НКВД, были переселены... Киев, 1992; Он же. Турки из Месхетии: долгий путь к реабилитации (1944–1994). М.: Изд. дом РОСС, 1994; Он же. Л. Берия – И. Сталину: Согласно Вашему указанию... М.: АИРО-XX, 1995; Он же. Мобилизовать немцев в рабочие колонны. И. Сталин: Сборник документов (1940-е годы). М.: Готика, 1998; Он же. Социальная натурализация и этническая мобилизация (опыт корейцев в России) / Под ред. М.Н. Губогло. М.: Центр по изучению межнациональных отношений Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 1998; Он же. Российские корейцы: новый поворот истории. 90-е годы. М.: Торгово-издательский дом Русское слово, 2000; Бугай Н.Ф., Броев Т.М., Броев Р.М. Советские курды: время перемен. М.: Капъ, 1993; Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Кавказ: народы в эшелонах (20-е – 60-е годы). М.: Инсан, 1998.

⁸ История российских немцев в документах. Том I (1763–1992 гг.) / В.А. Ауман, В.Г. Чеботарева (сост.). М.: Международный институт гуманитарных программ, 1993.

⁹ Спецпереселенцы в Западной Сибири: 1930 – весна 1931 года / С.А. Красильников, В.Л. Кузнецова, Т.Н. Осташко, Т.Ф. Павлова, Л.С. Пашенко, Р.К. Суханова (сост.). Новосибирск: Экор, 1992.; Спецпереселенцы в Западной Сибири: весна 1931 – начало

Десятилетний период с середины 1990-х до середины нулевых можно определить как наиболее результативный и благоприятный в исследовании темы депортации немцев. В это время завершает свой многолетний труд Аркадий Адольфович Герман¹⁰. Ведут свои исследования Виктор Иванович Бруль, Лариса Прокопьевна Белковец, Александр Александрович Шадт, Людмила Александровна Бургарт и многие другие¹¹. И в этот период проявились непримиримость двух противоположных мнений о легальности депортации и неизбежности нравственной ответственности за нею, несовпадение оценок в необходимости этой акции, что не только не устранило задачу дальнейших исследований темы, но стало новым импульсом для размышления о статусе и назначении истории, а еще и страстного желания знать: кто же прав, кто объективнее. Стало ясно и то, что тема депортации, являясь достаточно сложной, требует от исследователя сочетания нравственной зрелости и гражданской смелости с высоким уровнем методологического мастерства и глубоким осмыслением теории истории.

Великий Леопольд фон Ранке, провозгласив свое знаменитое «wie es eigentlich gewesen» (показать, как действительно происходили события) и, по свидетельствам современников, стремившийся сохранить безучастность к описываемым им событиям, в своих исследованиях всегда основывался на архивном материале. В поисках материала для своих исследований Ранке объезжал Европу и привозил его отовсюду. Именно о нем говорят как об авторе абсолютизации архивного источника для исторического исследования¹².

1933 года. / С.А. Красильников, В.Л. Кузнецова, Т.Н. Осташко, Т.Ф. Павлова, Л.С. Пашенко, Р.К. Суханова (сост.). Новосибирск: Экспресс, 1993; Спецпереселенцы в Западной Сибири: 1933–1938 / С.А. Красильников, В.Л. Кузнецова, Т.Н. Осташко, Т.Ф. Павлова, Л.С. Пашенко, Р.К. Суханова (сост.). Новосибирск: Экспресс, 1994; Нарымская хроника / В.Н. Макшеев (сост.). М.: Русский путь, 1997.

¹⁰ Герман А.А. Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. Ч.2.: Автономная республика. 1924–1941. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1994; Он же. The Deportation of the German Population from the City of Saratov and Saratov and Stalingrad Oblasts // Journal of the American Historical Society of Germans from Russia. 2000. Vol. 23, № 3. P. 15–18.

¹¹ Бруль В.И. Немцы в Западной Сибири. (в 2-х частях). Топчиха, 1995; Депортированные народы в Сибири (1935–1965 гг.): сравнительный анализ // Наказанный народ: репрессии против российских немцев. М.: Звенья, 1999. – С.95–117; Белковец Л.П. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941–1945 гг.: Историко-правовое исследование. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003; Шадт А.А. Спецпоселение российских немцев в Сибири (1941–1955) / Автореферат дисс. ... на соиск. канд. ист наук: 07.00.02. Новосибирск, 2000; Депортация российских немцев как метод разрешения государственных проблем тоталитарного режима в СССР (1940-е гг.) // Германия и Россия в XX веке: две тоталитарные диктатуры, два пути к демократии. Кемерово, 2001. С. 162–177; Бургарт Л.А. Немцы в Восточном Казахстане в 1941–1956 гг.: депортация и положение в условиях режима спецпоселения. Усть-Каменогорск, 1997.

¹² Вайнштейн О.Л. Леопольд фон Ранке и современная буржуазная историография // К критике новейшей буржуазной историографии, М. – Л., 1961. С. 115.

Так как метод Ранке работы с историческим источником нигде им самим не был изложен, то многие, не только из числа непосвященных, т.е. «неисториков», но подчас и некоторые из историков наивно полагали и полагают, что историческое исследование есть ничто иное как добросовестное извлечение из архивохранилища как можно большего объема документов и отстраненно-холодная (объективная!) систематизация с учетом их хронологической последовательности.

Но Ранке, основываясь в своих исследованиях на архивном материале, требовал от себя и от своих учеников критического отношения к источникам. Он напоминал им, что, приступая к изучению того или другого повествования (прежде всего, текста архивного документа), они должны помнить, что последнее передаёт не самый факт, а лишь впечатление, произведенное им на повествователя, т.е. субъективность имманентна тексту, по прошествии времени становящему историческим. Чтобы отделить субъективный элемент того или другого сообщения, необходимо принять в расчёт индивидуальную природу сообщающего, взвесить обстоятельства, среди которых он жил¹³.

Да, случилось так, что сам Ранке не предложил развернутой интерпретации своего исторического изречения «*wie es eigentlich gewesen*», которое, по сути, было методом исторического исследования, а не принципом. Но в конце XIX – начале XX века и в Германии (В. Дильтей) и в России (Н.И. Кареев) докажут, что исторический факт – сложное образование, который «как предмет изучения, нельзя уподобить материальному предмету, точно ограниченному от других предметов в пространстве», а важнейшей операцией всех гуманитарных наук является интерпретация¹⁴. Согласно Дильтею, новое институциональное измерение гуманитарных наук должно было состоять из всех тех дисциплин, основной задачей которых является акт понимания. Истолкование текстов и произведений искусства должна возвращать к изначальному моменту переживания («*Erlebnis*»), легшего в их основу, а герменевтика как философская рефлексия условий интерпретации должна обеспечивать принцип интеллектуальной связности, когерентности¹⁵.

Таким образом, приступая к изучению любого исторического сюжета, мы, как и прежде, отправляемся в архив. Но так важно для конечного результата наших трудов, чтобы шли мы туда с иной установкой. Мы должны идти с пониманием того, что не можем за время рутинного процесса извлечения разбросанных по разным фондам материалов, представить как это было. Увы! – это

¹³ Вайнштейн О.Л. Леопольд фон Ранке и современная буржуазная историография // К критике новейшей буржуазной историографии, М. – Л., 1961. С. 115.

¹⁴ Дильтей В. Введение в науки о духе. // Зарубежная эстетика и теория литературы. Тракаты, статьи, эссе. М., Изд-во МГУ, 1987.

¹⁵ Гумбрехт Х.-У. Ледяные объятия «научности», или Почему гуманитарным наукам предпочтительнее быть «Humanities and Arts» // <http://magazines.russ.ru/nlo/2006/81/gu1.html>

всего лишь начало пути. Среди прочих установок, необходимых исследователю для обеспечения продуктивности его пребывания в архиве, должна быть установка на то, что любое из затеянных исследований есть проверка научности истории, дающая ответы на вопросы: зачем нужна история, что такое историческая справедливость и достижима ли она?

Выбрав темой исследования депортацию российских (советских) немцев, и получив, благодаря работе в архивохранилищах страны, достаточно подтверждений того, что немцы не сами погрузились в вагоны и отправились в места весьма отдаленные от тех, кои они привыкли считать своей родиной, историкам предстояло выяснить за что с ними поступили так, что выпало на их долю и какие последствия имела эта акция как для самих немцев и для общества, так и для государства. И сделать это можно только на основе документа, помня о том, что **архивный документ не является матричным воспроизводством свершившегося события**. Он – всегда результат одной из возможных интерпретаций прошлой реальности¹⁶. Это обстоятельство есть следствие того, что люди, являясь современниками или участниками событий, создавая документ, всегда предлагают в нем свою интерпретацию происшедшего в силу своей жизненной позиции или же должностного положения.

Документы, создаваемые в 1940-х годах силовыми ведомствами (НКВД–МВД–КГБ), не просто прошли через неизбежную субъективность, они отягощены ею. Но эти тексты, искажающие информацию о теперь уже прошлой действительности, не перестали быть историческим источником. Они проявили культурно-историческую специфику того времени. Документы ведомственных архивов силовых структур советского государства специфичны в силу особенностей функционирования этих органов. Отличны и форма и содержание этих документов. Их внутренняя в рамках ведомства классификация достаточно разветвленная. Нормативная и отчетная документация, а в какой-то мере и аналитическая, позволит интерпретировать, в первую очередь, деятельность самой организации. А такие материалы в фондах, как личные дела спецпоселенцев (МВД) или личные дела арестованных, включающие не только анкету, но протоколы допросов (ФСБ), позволяют проследить жизненный путь отдельно взятого индивида и интерпретировать образ общности.

Приведем пример. В фондах Государственного архива новейшей истории Ставропольского края был выявлен подлинник докладной записки «О немецком населении Орджоникидзевского края», поданной секретарю Орджоникидзевского крайкома ВКП(б) за 5 дней до официально назначенной даты выселения немцев из края¹⁷. Содержание записки основано на анализе следственных дел немцев и меннонитов, попавших под репрессии с начала

¹⁶ Барт Р. Критика истины; Введение в структурный анализ повествовательных текстов // Зарубежная эстетика и теория литературы. Тракаты, статьи, эссе. М., Изд-во МГУ, 1987.

¹⁷ ГАНИСК. Ф.1. Оп. 85. Д. 13. Л. 16–29.

1930-х годов. Всем им инкриминировалась подрывная контрреволюционная деятельность и участие в «шпионско-диверсионных националистических антисоветских группах». Никто из упомянутых в записке на момент ее составления не был освобожден, а некоторые, как выяснилось позднее, уже были расстреляны.

Цель этой записки вполне прозрачна: начальник краевого управления НКВД предложил: «В целях предупреждения подрывной деятельности контрреволюционного элемента из числа немецкого населения в особенности в наиболее уязвимых местах (районы Кавмингруппы, Невинномысска, Георгиевска и др.) и нанесения ущерба государству в этот напряженный период отечественной войны возникает необходимость разрешения вопроса о возможности переселения немецкого населения из указанных выше районов в другие места нашего края или за его пределы»¹⁸.

При наличии этого документа у исследователя есть, по меньшей мере, два варианта организации своей работы с ним. Во-первых, он может отдать предпочтение позитивистской традиции, то есть отнестись к этому документу и ряду других как пертинентному комплексу достаточной информационной плотности. Результатом станет признание им адекватности интерпретации события или сюжета, предложенной служащим данного ведомства в силу его должностного положения. И тогда в исследованиях автора российские немцы, превращенные в истории в маргинальную группу, в очередной раз предстанут в образе «внутреннего врага». Репрессивные меры против них и депортация будут ещё раз определены как легитимные и оправданные. А также найдет подтверждение обоснованность мифологемы «немец – значит фашист» и окрепнет уверенность в том, что депортация есть способ борьбы с «пятой колонной» в годы Великой Отечественной войны.

Во-вторых, исследователь может сделать выбор в пользу герменевтической традиции, соглашаясь с тем, что история есть результат интерпретации, а не отражения реальности в документах того времени. От него потребуется не просто систематизация выявленных материалов, позволяющих восстановить все «как это было». Прежде всего, историк объяснит причины **такой, а не иной** интерпретации прошлой реальности составителем документа. Однозначно, он будет «задавать» другие вопросы прошлому из своего настоящего. Важно, чтобы эти вопросы позволили «изобрести» альтернативные пути понимания и объяснения прошлой реальности.

В результате реализации первого варианта организации исследования появилась работа Павла Смирнова, кандидата исторических наук, полковника, которая так и была названа «Депортация как способ борьбы с "пятой колонной" в годы Великой Отечественной войны». Полковник Смирнов подытожил: «Использование войск и органов НКВД, НКГБ СССР для депортации

¹⁸ ГАНИСК. Ф.1. Оп. 85. Д. 13. Лл. 29.

некоторых народов в целях предотвращения или борьбы с "пятой колонной", как основной составляющей сил и средств, вполне **закономерно и оправданно**. Историки, которые изучали некоторые документы, касающихся специальных операций, отмечают их продуманность и высочайшую организацию»¹⁹.

Немного раньше приверженность этому способу организации исследования продемонстрировала и Лариса Прокопьевна Белковец, высказавшая мнение о том, что «... принуждение, применявшееся в СССР, в том числе и при помощи охранительных органов государства, должно рассматриваться как средство охраны **своеобразного правопорядка**, как метод государственной деятельности. Оно осуществлялось посредством юрисдикционных, правоприменительных актов. Юридические нормы советского права регулировали, какие меры, при каких условиях, в каком порядке и кем они могут применяться»²⁰.

Эта отдельно взятая цитата из историко-правового исследования Белковец Л.П. «Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении (1941–1955 гг.)» не вызывает возражений. Они появляются тогда, когда автор не дав объяснения, в чем заключалось это своеобразие правопорядка, безапелляционно заявляет: «Следует признать также, что **в угоду политической конъюнктуры, не владея полноценной информацией о реалиях прошлого**, российские правоведы стали характеризовать "высылки целых народов" и историю деятельности ВЧК–ОГПУ–НКВД–КГБ как своеобразную цепь злоупотреблений властных структур, как проявления некомпетентности, халатности должностных лиц и, в конечном счете, как административный произвол»²¹.

К сожалению, это не единственный упрек со стороны Л.П. Белковец. Столь же не аргументированные, а основанные на эмоциональном раздражении упреки были высказаны ею и в адрес Н.Ф. Бугая, В.И. Бруля. Первый, по ее мнению, «ввел в оборот известный уже из зарубежной литературы термин "депортация", применение которого в отношении народов, не переселявшихся за пределы государства, следует признать не совсем корректным. Он рассматривал депортации как противоправное, экономически неэффективное мероприятие, повлекшее за собой масштабные демографические и культурные потери». А второй не сумел «...избавиться от некоего обвинительного тона, в котором он продолжает разрабатывать проблему депортации и спецпоселения, что неизбежно ведет к передержкам и голословным утверждениям»²².

¹⁹ Смирнов П. Депортация как способ борьбы с «пятой колонной» в годы Великой Отечественной войны. <http://www.chekist.ru/article/1558>

²⁰ Белковец Л.П. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941–1945 гг.: Историко-правовое исследование. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. – С. 7–8.

²¹ Там же.

²² Там же. С.10–11.

В случае выбора иного варианта (т.е. того, который был бы основан на герменевтической традиции) организации исследования темы депортации вряд ли вообще возникла проблема полноценности информации, потому как этот вариант для тех, кто помнит, что любой исторический документ субъективен и показывает любое событие под определенным углом или из определенной точки. Составляя комплекс или корпус документов, историк проявляет не только свой профессионализм, но еще и политическую, нравственную, мировоззренческую позиции, образно говоря, выдает себя с головой. И, конечно высказывая упреки в политической конъюнктуры, нужно было все-таки привести доказательства, что в этом случае попытки отдельных исследователей определить характер режима и дать оценку его правовой системе с точки зрения прав человека есть понимание данными авторами политической конъюнктуры.

Состояние понятийного аппарата исследуемой темы не может не волновать историка, так как язык – важный компонент познания. Для историка, как и для всякого гуманитария, он не только средство передачи информации и выражения эмоций, но средство измерения жизни и ее форма. Важнейшим требованием к нему является высокая степень адекватности понятий реальности: содержание и границы дефиниций должны как можно точнее передавать сущность обозначаемого процесса или явления. Поэтому рано или поздно происходит доработка дефиниции того или иного термина, например, дефиниции термина «депортация», что весьма скрупулезно прослеживает и объясняет А.А. Шадт²³ и констатирует в своих текстах Н.Ф. Бугай²⁴.

Тем исследователям, кто соприкасался с темой принудительного выселения, вряд ли удалось избежать сопереживания депортированным. Еще сложнее было тем историкам, на чью долю депортация выпала как участь, как факт личной или семейной биографии. Данное уточнение необходимо, во-первых, для осознанности влияния личного эмоционального восприятия депортации на уровень адекватности исторической интерпретации этой государственной акции; во-вторых, для того, чтобы упредить упреки оппонентов в неконтролируемой предвзятости и субъективности; в-третьих, обратить внимание и тех, кто не может справиться с эмоциональным отношением к теме, и тех, кто раздражается по этому поводу. Многие из теоретиков и философов истории считают, что сопереживание и эмоциональное восприятие – это выражение специфического потенциала гуманитарных наук в целом, и истории в частности, он обусловлен несовпадением статуса знания в **гуманитарных науках** и в других дисциплинах. Четче и лаконичнее других об этом сказал Гумбрехт:

²³ Шадт А.А. Материалы о немцах-спецпереселенцах в Государственном архиве Новосибирской области // Российские немцы. Историография и источниковедение. М.: «Готика», 1997. С. 118–126.

²⁴ Бугай Н.Ф. Депортация немцев с юга России в 40-е годы: причины, ход, последствия // Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге. М.: «Готика», 1995. – С. 43–44.

«Если в науке (science) высшей целью является производство и постоянный пересмотр конкретных областей знания, а мышление служит для этого производства лишь инструментом, то в гуманитарных науках (Humanities) знание должно быть необходимым условием достижения главной цели – **мышления, идущего навстречу интуиции**. Цель гуманитарных наук – интенсивное мышление, оно же инструмент; а инструмент, позволяющий достичь этой цели, – знание, оно же и цель»²⁵.

Из всего многочисленного комплекса вопросов, выдвинутых проведением исследований депортации, наиболее трудные для адекватных ответов: для чего и почему? каковы последствия? Чтобы корректно ответить на них, несомненно, следует говорить о природе власти, которая признала возможной такую акцию. В этом пункте консенсус в историческом сообществе вроде бы достигнут. Тоталитарный характер сталинского периода советского государства признан всеми – наличие вождя, подчинение ему законности и порядка, контроль за моралью и личной жизнью, мобилизация населения на решение поставленных правительством задач. Следовательно, признаны и все присущие ему черты, среди которых насилие как основной метод управления и совершенствование технологий уничтожения как способа реализации насилия, признание за насилием особой роли ускорителя развития экономики. Но вот имманентность депортации сталинскому режиму не признается единодушно.

Как считает доктор исторических наук В.Г. Шнайдер, акт депортации имел вполне очевидные социокультурные основания, такие как субъективизация трактовок социальных, политических, экономических и других процессов; модель экономики с неограниченным экстенсивным ростом средств производства и «производства ради производства» с тотальной мобилизацией в фонд накопления огромных трудовых и природных ресурсов²⁶. Вряд ли с ним может согласиться П. Смирнов, который предложил «...взглянуть несколько иначе... через призму замыслов врага, его спецслужб. Решение о депортации тех или иных народов обуславливалось возможностью их активного вовлечения на свою сторону, использования в своих замыслах. Этим планам вполне отвечали различные антисоветские организации, политические центры, которые создавались в недрах Абвера, РСХА, прежде всего, имевших сугубо выраженную прогерманскую ориентацию». Полковник Смирнов посчитал «...абсурдным обвинение И.В.Сталина в ошибках на этот счёт. Он нашёл выход из тяжелейшего положения. Остается лишь сожалеть, что правду об этих событиях вначале замалчивали, потом стали искажать, показывать обратную,

²⁵ Гумбрехт Х.-У. Ледяные объятия «научности», или Почему гуманитарным наукам предпочтительнее быть «Humanities and Arts» // <http://magazines.russ.ru/nlo/2006/81/gu1.html>

²⁶ Шнайдер В.Г. Социокультурные основания акта депортации ряда народов Северного Кавказа в 1943–1944 гг. // Вестн. Армавир. ин-та соц. Образования (филиала) МГСУ: Науч. и учебно-методическ. ежегодник. 2003. № 1. С. 195–196.

малопривлекательную сторону, изображать, убирая из поля зрения то, ради чего это все проводилось»²⁷.

В своей монографии «Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении (1941–1955 гг.): историко-правовое исследование» Л.П. Белковец констатировала важность следования для историка-исследователя правилу «быть верным истине, беспристрастным и скромным». Увы! Тема депортации значительно затрудняет его практическую реализацию или же подтверждает невозможность а) сохранять полную беспристрастность в историческом исследовании; б) достижения истины. Этот урок нам еще предстоит усвоить ради восстановления исторической справедливости и уж точно «воздерживаться...и...не писать ничего такого, что принесет бесчестие ... народу у других народов».

²⁷ Смирнов П. Депортация как способ борьбы с «пятой колонной» в годы Великой Отечественной войны. <http://www.chekist.ru/article/1558>

Этнические депортации в СССР периода Великой Отечественной войны: краткий обзор оценок в историографии.

Исследователи, обращающиеся к теме этнических депортаций военного времени, не могут не затронуть проблему оценки данной противоправной акции советского государства.

Согласно точки зрения Н.Ф. Бугая, высказанной в 1989 г. следует, что в результате этнических депортаций в СССР «... прежде всего, был нанесен заметный удар дружбе народов, интернационализму, завоеваниям Великого Октября. В 1940–е гг. политика Сталина и его приспешников нанесла удар по интернационализму. Переселение, приведшее к огромным человеческим, моральным, политическим потерям, противоречило всем принципам ленинской национальной политики. Заметный урон понесла культура народов, возникли сложности в советском и партийном строительстве, падал авторитет Советов как органов государственной власти, были деформированы принципы национально–государственного строительства, попоран суверенитет республик и автономных областей, нарушены права народов на их свободное развитие»²⁸.

По мнению Н.Э. Вашкау, эксперимент, проведенный с несколькими народами в нашей стране, стал реализацией идеи манкуртизма, был разрушен немецкий этнос, народ лишился родины, земли. Насильственно была разрушена структура социально–экономического и культурного развития Немецкой республики и других регионов компактного проживания немцев, произошло фактическое уничтожение народа. Немецкое население оказалось разбросанным по территории всей страны, что повлияло на утрату родного языка, национальной культуры, вероисповедания²⁹.

Аналогичного взгляда придерживается и О.Е. Скучаева «... депортация немцев Поволжья привела к обезлюдению территории бывшей Республики немцев Поволжья, разделенной между Саратовской и Сталинградской областями и получившей название "новых районов". Непоправимый ущерб был нанесен экономике, особенно сельскому хозяйству. Погибла значительная часть урожая, скот, не удалось сохранить в целости значительную часть оставленного немцами имущества. Самой острой проблемой стала нехватка рабочих рук. В результате депортации немцев и заселения "новых районов" гражданами ряда республик и областей, имевших различные национальные, региональные

²⁸ Бугай Н.Ф. К вопросу о депортации народов СССР в 30–40–х годах // История СССР. 1989. № 6. С. 142.

²⁹ Вашкау Н.Э. Немцы в России: история и судьба. Учебное пособие. Волгоград, 1994. С. 54.

особенности и традиции, образовался глубокий разрыв социальной памяти, социокультурных традиций региона, произошло коренное изменение этнического и социального облика населения. Фактически на территории "новых районов" в годы войны и первое послевоенное десятилетие начал формироваться новый социум, не имевший устоявшихся умений и навыков хозяйствования в условиях Поволжья, общих социальных и культурных традиций. Все происшедшее стало заметным шагом назад в цивилизационном развитии рассматриваемой территории. Потребовались многие послевоенные годы, чтобы трудом старожилов и новоселов вернуть "новые районы" к их довоенному уровню развития. При этом тот факт, что развитие региона осуществлялось с уровня, достигнутого трудом немецкого населения все больше забывалось. Этому способствовал фактор умолчания о советских немцах, ставший элементом официальной национальной политики после войны. Вложив свой труд в развитие региона, прожив на территории бывшей АССР немцев Поволжья многие годы и десятилетия, бывшие переселенцы вполне обоснованно стали считать ее своей малой Родиной»¹.

Н. Смольникова, на основе привлечения материалов экспедиционного этнологического исследования, проведенного среди немцев Волгоградской области в 1994–1997 гг., показала, что трагические события, связанные с депортацией, прочно сохранились в памяти людей. По воспоминаниям респондентов, выселение проводилось в спешке, часто не хватало транспорта, немецким семьям позволяли брать с собой минимум вещей². Далее Н. Смольникова отметила: «Репрессии против поволжской диаспоры в период Великой Отечественной войны явились продолжением курса, проводившегося еще в Российской империи. Как известно, подобная политика в отношении российских немцев, в том числе поволжской группы, осуществлялась во время Первой мировой войны. Тогда в условиях шовинистической кампании был запрещен немецкий язык в школах и церквях, прекратился выпуск газет на этом языке. Сложившаяся в период Первой мировой войны практика репрессий против немецкого национального меньшинства была продолжена во время Великой Отечественной войны. Проведенные тогда депортация немцев из Поволжья и ликвидация их автономии нарушили естественный ход этнических процессов... В военный период условия сохранения этнической самобытности поволжской диаспоры были разрушены и произошло резкое ускорение темпов ассимиляции. В то же время ассимиляции способствовали и общие для большинства советских народов факторы этнонационального развития послевоенного периода: увеличение доли смешанных браков, пере-

¹ Скуцаева О.Е. «Немецкий вопрос» в Поволжье (1941–1993 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2008. С. 18–19.

² Смольникова Н. Национальные репрессии и их влияние на современные этнополитические проблемы немцев Поволжья // URL:<http://www.memo.ru/history/nem/index.htm> (дата обращения: 23.11.2009).

мещение из сел в города, усиление миграционной подвижности, быстрое распространение стандартных форм культуры. Именно ассимиляция стала доминирующей в этнических процессах, протекающих в поволжской диаспоре. Это выражается в утрате элементов традиционной культуры и языка немцев и восприятии культурно-языкового комплекса иноэтнического окружения, главным образом русских»³.

А.В. Бакунин полагал, что депортации народов явились чудовищным преступлением сталинского тоталитаризма: «Во-первых, это была абсолютно незаконная акция, когда без официального обвинения, суда и следствия переселялись с родных мест в новые малообжитые районы целые народы. Во-вторых, эти народы лишались национальной государственности. У них отняли родной язык, обычаи, культуру, образование. В-третьих, депортированные народы оказались в экстремальной обстановке, неблагоприятных климатических условиях, без жилья и нормального материального обеспечения, будучи социально незащищенными, под надзором НКВД, без права выезда. В-четвертых, невзирая на возраст, ограниченные возможности спецпереселенцы в своем большинстве были направлены на тяжелые физические работы: в шахты и рудники, на лесоповал, на строительство и освоение новых земель в сельском хозяйстве. В-пятых, спецпереселенцы оказались в условиях социально-психологической блокады со стороны партийных и советских органов, воспитывавших окружающее население в классовой ненависти к депортированным как "врагам народа"»⁴.

В целом А.В. Бакунин считает, что депортация народов явилась вопиющим преступлением тоталитарного режима, поскольку без официального обвинения, суда и следствия, по одному лишь приказу диктатора, оформленному задним числом каким-нибудь решением Совнаркома, лишались своих родных мест и оказались в ссылке миллионы людей⁵.

Наиболее радикальная оценка получила отражение в выводах В.Г. Чеботаревой: «Советская репрессивная политика в отношении российских немцев является геноцидом (искусственное создание таких жизненных условий, при которых народ обречен на ассимиляцию, на утрату исторической памяти, самобытной духовной и бытовой культуры)»⁶. Также Ч.С. Кулаев квалифицирует политику депортации северокавказских народов во время войны (карачаевцы, балкарцы, чеченцы, ингуши, калмыки) исключительно как политику геноцида⁷.

³ Там же.

⁴ Бакунин А.В. История Советского тоталитаризма. Екатеринбург, 1997. Кн. 2. Апогей. С. 126–137.

⁵ Там же. С. 13.

⁶ Чеботарева В.Г. Государственная политика в Республике Немцев Поволжья. 1918–1941 гг. М., 1999. С. 413.

⁷ Кулаев Ч.С. Правовое положение репрессированных народов Северного Кавказа в условиях депортации // Репрессированные народы: история и современность.

Не согласен с такой постановкой вопроса А.А. Герман, который полагает, что «... депортация и последовавшие за ней "трудармия" и спецпоселение, несомненно, причинили немцам СССР тяжелый урон, нанесли глубочайшую моральную травму. Однако эти явления нельзя назвать геноцидом. Немецкие граждане Советского Союза стали жертвами перестраховки, принявшей присущую сталинскому режиму грубую форму в условиях суровой и жестокой войны. Вспомним, что депортации, наряду с немцами, в годы войны подверглись десятки народов, что использование принудительного труда в СССР приняло практически всеобщий характер. В "трудармии" отбывали повинность даже "непровинившиеся" народы, в частности, казахи, узбеки, киргизы и др., не говоря о десятках миллионов политзаключенных»⁸. А.А. Герман также подчеркнул, что депортация есть типичная для сталинского режима перестраховочная мера, казавшаяся оправданной с точки зрения стратегических интересов государства и власти. При этом негативные последствия для судеб тысяч конкретных людей – жертвы этой акции, в расчет не принимались⁹.

«По всем признакам, – пишет В.Н. Земсков, – И.В. Сталина и его окружение раздражала национальная пестрота государства, которым они управляли. Депортация ряда малых народов явно служила цели ускорения ассимиляционных процессов в советском обществе. Это была целенаправленная политика ликвидации в перспективе малых народов за счет ассимиляции их в более крупных этнических массивах, а выселение их с исторической Родины должно было ускорить этот процесс»¹⁰.

Как и другие исследователи, обращающиеся к данной предметной области, Л.П. Саганова, касаясь последствий репрессий для немецкого народа, заметила: «Проживание в режиме спецпоселения не могло не отразиться на численности, национальном самосознании народа, повлекло за собой утрату, в первую очередь, языка и культурного наследия, был нанесен ущерб генофонду. В этих условиях этническая идентификация немцев подверглась существенному изменению, что привело одних к окончательной потере своих этнических корней, других – к их сохранению без владения основами национальной культуры»¹¹.

Материалы республиканской научной конференции / отв. ред. М.Н. Кубанова. Казачаевск, 2003. С. 58.

⁸ Герман А.А. Репрессии как неотъемлемый элемент политики большевистского режима по отношению к российским немцам // Наказанный народ: По материалам конференции «Репрессии против российских немцев в Советском Союзе в контексте советской национальной политики», 18–20 ноября 1998 г. / под ред. А.Б. Рогинского. М., 1999. С. 23–24.

⁹ Герман А.А. Депортация советских немцев из Европейской части СССР // История и этнография немцев Сибири / науч. ред. П.П. Вие. Омск, 2009. С. 404.

¹⁰ Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2005. С. 107.

¹¹ Саганова Л.П. Спецпереселенцы-немцы в Бурятии (1941–1956 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2001. С. 23.

По мнению казахстанского историка Н.А. Абуова, депортированные народы сыграли значительную роль в хозяйственном освоении территории Северного Казахстана, способствовали созданию поселков и в целом развитию сельского хозяйства и местной промышленности. Часть депортированного населения своим самоотверженным трудом доказала обоснованность предъявленных им обвинений. Их самоотверженный труд был продиктован двумя полярными посылами. Одна часть депортированного населения продолжала проявлять свою преданность Советскому государству, считая акт депортации частной несправедливостью. Другая часть трудилась самоотверженно из-за естественного инстинкта самосохранения, понимая, что это единственный способ доказать свою лояльность властям. Депортация народов в Казахстан стала политикой, направленной на искоренение национальной самобытности. Одним из методов проведения данной политики была дисперсия народов на огромной территории. Казахстану отводилась роль той территории, где история этих народов должна была начинаться с чистого листа в условиях спецпоселенчества. Созданная система спецпоселения была инструментом в осуществлении советской национальной политики¹².

А.А. Шадт считает, что «... этническая ссылка привела к необратимым последствиям в менталитете депортированных этносов, вызвала разрушение национальных самобытных культур, оказалась мощным механизмом деструктивного воздействия на национальное самосознание этносов... Экстремальные условия войны разрушили один из самых труднопреодолимых национальных барьеров – этнокультурный. Сибирь в результате Великой Отечественной войны в вопросах межэтнического воздействия оказалась одним из самых толерантных регионов СССР. Это сделало Сибирь привлекательным местом для многих этнических мигрантов всего последующего периода российской истории»¹³.

Л.В. Зандановой и С.А. Метлиным была рассмотрена проблема депортации немцев Поволжья и Ленинграда в Приангарье¹⁴. Проанализировав проблему преимущественно на материалах региональных архивов исследователи пришли к следующему выводу: «Насильственные переселения, осуществленные в начальный период Великой Отечественной войны, в корне изменили положение немцев Поволжья и Ленинграда. Народ лишился всех гражданских прав,

¹² Абуов Н.А. Депортации народов в Казахстан в 1936–1957 гг. (на материалах Северо-Казахстанской и Кокчетавской областей): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Караганда, 2008. С. 12–13.

¹³ Шадт А.А. Национальная политика в Сибири в годы Великой Отечественной войны // Западная Сибирь в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.) / отв. ред. В.А. Исупов. Новосибирск, 2004. С. 217–218.

¹⁴ Занданова Л.В., Метлин С.А. Спецпереселение немцев Поволжья и Ленинграда в Приангарье: депортационная политика, переселенческие и адаптационные процессы (1941–1945 гг.) // Сибирская ссылка: сборник научных статей. Иркутск, 2009. Вып. 5(17). С. 504–518.

имущества. Для немцев из г. Ленинграда процесс эвакуации был спасительным моментом, они избежали голодной смерти и страданий в блокадном городе, а на Ангаре старожилы деревень помогали им адаптироваться в новых условиях. Депортация повлекла за собой формирование мест компактного проживания этнических меньшинств там, где они исторически не проживали – на Нижней Ангаре. На прежнем месте жительства у советских немцев существовали иные методы ведения хозяйства, свои экономические традиции. В результате насильственной миграции прежняя структура социальной, экономической, культурной организации повседневной жизни немцев была разрушена, сформировались иные практики и стратегии выживания, происходил процесс вынужденной адаптации к новым социокультурным условиям. Но самое главное, что немцы, несмотря на все тяготы, сумели выжить и сохранить свой нравственный статус»¹⁵.

Более сдержанная оценка депортации российских немцев была дана Л.П. Белковец: «Депортация немцев Поволжья была акция насильственная, носила принудительный и противоправный характер. Но можно смело утверждать, что организована она была профессионально, в целом переселение было проведено в сравнительно короткие сроки. Большинство эшелонов прибыло в пункты назначения в сентябре, еще при достаточно теплой погоде. Запломбированных вагонов не было, переселенцы выходили на станциях...»¹⁶. Л.П. Белковец пишет, что, несмотря на строгие формулировки указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. и последовавших за ним нормативных актов, подвергшиеся переселению немцы, конечно же, не считались уголовными преступниками. Но подчинение их НКВД быстро лишило иллюзии называться эвакуированными¹⁷.

Исследовательница подытоживает, что актом неправового характера следует признать ликвидацию АССР немцев Поволжья как самостоятельного национально-территориального образования в составе РСФСР и упразднение республиканских органов власти: «Этим актом была проигнорирована не только Конституция Республики Немцев Поволжья, статья 15, которой предусматривала возможность изменения территориальной целостности только при получении согласия на то ее высших органов, но и Конституции РСФСР 1937 г., статья 16, которой не разрешала изменять территорию СССР без ее согласия... Противоправным явилось лишение граждан СССР немецкой национальности права личной собственности. Большая часть имущества, сданного немцами на местах выселения не была возвращена, и потеря его списана на войну»¹⁸.

¹⁵ Там же. С. 516.

¹⁶ Белковец Л.П. Административно- правовое положение российских немцев на спец-поселении 1941–1955 гг.: историко-правовое исследование. М., 2008. С. 54.

¹⁷ Там же. С. 173.

¹⁸ Там же. С. 174–175.

Современный германский историк В. Кригер по поводу депортации российских немцев в августе 1941 г. заметил следующее: «Ликвидация автономии Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. и последовавшая на его основе тотальная депортация немецкого населения из городов и сел европейской части страны многими "простыми немцами" воспринималась как еще одно звено в бесконечной цепи произвола и преступлений безбожной коммунистической власти. Они без сопротивления снесли очередную экспроприацию их домов, хозяйств, личного имущества. Однако для номенклатурных работников и значительной части новой интеллигенции эти меры означали настоящую катастрофу: потеря работы, крушение всех карьерных надежд, дискредитация тех идей, которым многие служили и за страх, и за совесть»¹⁹.

Касательно последствий депортации В. Кригер отметил, что ссылка привела к духовному разрыву значительной части немецкого населения с советской моралью и образом жизни. Традиции протестантских общин, их автономность и самодостаточность в обрядовых и вероисповедальных вопросах, масса самостоятельных проповедников и толкователей Библии, помноженные на активную миссионерскую деятельность, объясняют высокую степень религиозности немцев. Отторжение всего «советского» как синонима «аморального» распространялось и на советскую школу с ее идеологическими атрибутами²⁰.

Однако, несмотря на то, что большинство исследователей негативно оценивают проведенные в период войны этнические депортации в СССР, в современной историографии можно выделить и противоположную точку зрения.

Так, О.А. Платонов категорично заявляет, что «военная необходимость вынуждала И.В. Сталина и советское государство, принять решение о насильственном переселении в отдаленные места страны некоторых народов СССР, значительная часть представителей которых активно сотрудничала с оккупантами, а также участвовала в актах массовой резни русских людей на оккупированных территориях. На территории автономной республики немцев Поволжья германскими разведслужбами были завербованы десятки тысяч человек, готовых активно бороться против России на стороне Германии. В Калмыкии, Чечено-Ингушетии, Карачаеве, Балкарии и на других российских территориях, оказавшихся в оккупации, германские власти сумели склонить в свою пользу и привлечь к сотрудничеству значительную часть населения»²¹.

Касаясь проблемы этнических депортаций на завершающем этапе войны, А.Б. Мартиросян сделал вывод в рамках классической «сталинской концепции»: «основой для столь сурового решения о выселении и переселении некоторых малых народов СССР в конце войны послужило массовое

¹⁹ Кригер В. Рейн – Волга – Иртыш: из истории немцев Центральной Азии. Алматы, 2006. С. 114.

²⁰ Там же. С. 119.

²¹ Платонов О.А. Тайная история России. XX век. Эпоха Сталина. М., 1997. С. 231.

дезертирство их представителей из Красной Армии, их сотрудничество с врагом, их массовый переход на сторону врага, их служба в рядах вооруженных сил врага, осуществление ими многочисленных актов вооруженного насилия (включая и диверсионные действия) в тылу собственной страны, в том числе против тылов воюющей Красной Армии, раненых красноармейцев, вплоть до их массового вырезания. Речь идет о крымских татарах, крымских армянах, крымских греках, а также чеченцах, ингушах, калмыках»²².

В целом, подводя итоги проведенного историографического обзора необходимо отметить следующее. Наиболее востребованной у современных российских исследователей стала проблема этнических депортаций. В доминирующей своей части современными историками даны оценки этнических депортаций периода Великой Отечественной войны как противоправных акций со стороны действовавшей тогда власти. Кроме того, ряд публикаций, в которых рассматривается данная проблематика можно отнести к неосталинистскому направлению современной российской историографии. По нашему мнению, такого рода попытки реанимации «сталинской концепции» понимания сущности этнических депортаций, без критического прочтения доступных на настоящий момент исторических источников, не могут рассматриваться в качестве достоверного исторического знания.

²² Мартыросян А.Б. Сталин после войны. 1945–1953 годы. М., 2007. С. 39–40.

Депортации немецкого населения СССР в польской историографии

Россия – это многонациональное государство с дифференцированной языковой, культурной и религиозной структурой. Этническая мозаика Российской империи и Советского союза была эффектом многовековой политической и военной экспансии российского государства и сопутствующих ей колонизационных процессов²³. Одним из главных национальных меньшинств, проживающих на территории царской России и позже СССР, были немцы, число которых по данным переписи 1897 года составляло около 1,8 млн. человек.

Значительным был вклад немецкой нации в развитие российской государственности. Немецкие следы можно найти во многих областях русской культурной, социально-политической и хозяйственной жизни. Немцы сыграли фундаментальную роль в создании российской науки и просвещения²⁴. Они заняли почётное место в истории российской государственной администрации. На службе у царя было большое количество немецких министров, дипломатов и губернаторов²⁵. Звучащие по-немецки фамилии можно найти среди представителей российского офицерского корпуса и генералитета²⁶. Наконец, немецкая нация внесла вклад в развитие российской промышленности, примером чего является, в частности, фигура Карла фон Сименса (младшего брата Вернера фон Сименса), который в 1855 году открыл в Петербурге представительство немецкого концерна – дочернюю фирму «*Siemens & Halske*»²⁷. Кроме того, среди российских немцев было много ремесленников и купцов, которые в некоторых городах доминировали в отдельных отраслях торговли, производства и услуг²⁸.

²³ Подробнее на эту тему см.: Канпелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение, история, распад, Москва, 2000.

²⁴ См. Немцы и развитие образования в России, СПб, 1998.

²⁵ См. Немцы в государственности России, СПб, 2004; A. Szwarc, P. Wiczorkiewicz, *O roli tzw. Bałtów w dziejach Rosji XIX i XX w.*, «Kwartalnik Historyczny» 1981, z. 4.

²⁶ См. Безотосный В. М. Национальный состав российского генералитета 1812 года // Вопросы истории. 1999. № 7; Меленберг А.А., Немцы в российской армии накануне первой мировой войны // Вопросы истории. 1998. № 10.

²⁷ См. Бобыкин В.И. (ред.), Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России: очерки, Москва, 1997; Knothe T., Kapitał zagraniczny w rozwoju rosyjskiego kapitalizmu monopolistycznego. Dyskusje w historiografii radzieckiej, «Studia z dziejów ZSRR i Europy Środkowej» 1985, t. XXI; Геллер К. Отечественное и иностранное предпринимательство в России XIX – начала XX века // Отечественная история. 1998. № 4; Иванова И.И. Немецкие предприниматели в Санкт-Петербурге (XVIII–XX вв.), СПб, 2002.

²⁸ Так было, к примеру, в Петербурге, где типично немецкими профессиями были часовое дело, столярское дело, производство колбас и пивоварение. В первой половине XIX века петербургские немцы практически монополизировали одну из

Правовые основы для немецких поселений создала Екатерина II. На основании царских манифестов в Россию были приглашены немецкие колонисты, которые в обмен на поселение и принятие российского подданства получили многочисленные привилегии¹. Немцы, живущие в России уже три–четыре поколения, многократно подтверждали свою лояльность по отношению к государству. Однако парадоксально, что в переломные исторические моменты, какими были две мировые войны, царские, а потом советские власти каждый раз отворачивались от немецкого населения, как бы сомневаясь в правдивости их намерений и патриотизме². Самым же трагическим периодом в истории советских немцев было нападение гитлеровской Германии на СССР в 1941 г. Именно оно начало «длинный реестр репрессий» по отношению к немецкой нации, принципиальным элементом которого были беспрецедентные массовые депортации населения.

Проблематика немецкого населения в царской России и СССР имеет внушительную литературу. Это, естественно, по большей части работы немецких и российских учёных³. В польской историографии до 1989 года

отраслей пищевой промышленности, которой было хлебопечение. Больше всего немцев было также среди петербургских кузнецов, слесарей, портных и столяров. См. подробнее: *Репина А.В.* Немецкие булочники в Санкт-Петербурге// Немцы в России. Петербургские немцы, СПб, 1999. С. 197; *Юхнева Н.В.* Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга. Вторая половина XIX века – начало XX века. Ленинград, 1984. С. 34–80.

¹ Это были, в частности: свобода вероисповедания, налоговые льготы, освобождение от военной повинности.

² Первая мировая война принесла дискриминацию немецкого населения и антинемецкое законодательство. Менялись звучащие по-немецки названия, закрывались немецкие магазины и издания. На страницах черносотенной прессы разгорелась антинемецкая травля, насыщенная шовинизмом и ненавистью. Немецкую нацию повсеместно обвиняли в измене и мнимой пропаганде идеи пангерманизма. После октябрьской революции демографическая и социальная структура российских немцев изменилась. В 1924 г. была создана Автономная Республика немцев Поволжья со столицей в Энгельсе. Были созданы также многочисленные немецкие национальные области и сельские советы. Советские немцы, согласно провозглашённой на XII Съезде РКП(б) т.наз. *коренизации*, могли развивать свою национальную культуру, однако в строгих идеологических рамках. Состояние относительной либерализации длилось до первой половины 30-х гг. Тогда советские власти резко оборвали прежнюю национальную политику. Началась дискриминация представителей национальных меньшинств, пик которой пришёлся на годы «великого террора» и зловещий 1937 год.

³ Совокупность работ, как научного, так и публицистического характера, касающихся истории, культуры, этнологии и социологии немецкой диаспоры в России и СССР можно найти во многих библиографических публикациях. См. Чернова Т.Н., Российские немцы. Отечественная библиография 1991–2000 гг., Москва, 2001; *D. Brandes, M. Busch, K. Pavlovic*, Bibliographie zur Geschichte Und Kultur der Russlanddeutschen. Bd. 1: Von der Einwanderung bis 1917. München: Oldenburg Verlag, 1994. (Schriften des Bundesinstituts für Ostdeutsche Kultur Und Geschichte; Bd. 4); *Brandes, Detlef, Dönninghaus, Victor*. Bibliographie... Bd. 2: Von 1917 bis 1998, München 1999, (Schriften des Bundesinstituts für Ostdeutsche Kultur Und Geschichte; Bd.13. По понятным причинам основным источником информации на тему судеб немецкого населения

проблема советских депортаций населения, в том числе немцев, а также история российских и советских немцев практически не существовали. Этот факт не удивляет. Похожая ситуация была и в остальных государствах просоветского блока и СССР. Политические ограничения и идеологические барьеры, цензура и закрытые архивы делали невозможным проведение добросовестных исследований. И только горбачёвская *перестройка* изменила положение вещей.

До 1989 года в Польше не появилась ни одна монография, касающаяся интересующего нас вопроса. Первая информация по национальному вопросу в СССР и российским немцам появилась в работах Анджея Марьянского⁴. Однако она имела чисто статистический характер. Статистический характер имеет также работа Петра Эберхардта⁵.

В 90-х гг XX века в польской историографии появилось несколько небольших работ общего характера, касающихся судеб немецкой диаспоры в России и СССР. Одной из них была статья Магдалены М. Опальской⁶, в которой автор упоминает об актуальной ситуации немцев в странах СНГ. Следующая статья подобного характера авторства Станислава Цесельского⁷ показывает проблему депортации советских немцев и других переселяемых народов – поляков, крымских татар, чеченцев и др. Автор затронул также вопрос процесса реабилитации «наказанных» народов в период десталинизации и «оттепели» 50-х и 60-х гг. Вопросом переселения гражданского населения занимался также познаньский историк, связанный с Университетом им. Адама Мицкевича, Артур Кияс⁸ и связанный с Университетом Казимира Великого в г. Быдгощ, Анджей Топий⁹. Синтетический характер имеет также публикация Тадеуша Лебёды, в которой автор хронологически описал судьбы немецких поселенцев в России со времён Ивана Грозного до распада СССР¹⁰.

России и СССР являются немецко- и русскоязычные работы. Немецкой источниковой основой являются, в частности, официальные материалы и правительственные бюллетени Министерства внутренних дел ФРГ, а также немецкая литература предмета, особенно, работы немецких историков, в частности, Д. Брандеса, Д. Нойтатца, А. Айсфельда и др. В советской историографии крупномасштабные исследования были начаты только в 1991 г. Среди пионеров исследований немецкого меньшинства следует вспомнить, в частности, Л. Малиновского, А. Германа, И. Плева и др.

⁴ A. Maryański, Stan i rozmieszczenie ludności niemieckiej w ZSRR, «Przegląd stosunków międzynarodowych» 1978, Nr 2; ero же, Geografia ekonomiczna Związku Radzieckiego, Warszawa 1987, s. 63; ero же., Przemiany ludnościowe w ZSRR, Warszawa, 1995.

⁵ P. Eberhardt, Geografia ludności Rosji, Warszawa, 2002.

⁶ M.M. Opalska, Między emigracją a autonomią: mniejszość niemiecka w byłym ZSRR, «Sprawy Narodowościowe – seria nowa» 1994, z. 2 (5).

⁷ S. Ciesielski, Destalinizacja a losy deportowanych narodów ZSRR, «Obóz» 1996, Nr 30.

⁸ A. Kijas, Deportacje ludności cywilnej w czasie II wojny światowej, w: A. Czubiński (red.), II wojna światowa i jej następstwa, Poznań 1996.

⁹ A. Topij, Przesiedlenia ludności niemieckiej w ZSRR (1941–1942), «Studia z dziejów Rosji i Europy Środkowo – Wschodniej» 2001, t. XXXVI.

¹⁰ T. Lebioda, Niemcy rosyjscy, «Przegląd Zachodni» 1997, Nr 1.

Более подробно проблемой советских депортаций сталинского периода в совместной работе занялись историки Вроцлавского университета: упомянутый выше С. Цесельски, Гжегож Хрычук и Александр Сребраковский¹¹. Эта книга – единственная полная польская монография, касающаяся всей совокупности массовых переселений в СССР. Авторы охарактеризовали правовую основу депортации, их порядок, количество и размещение сосланных, а также категории ссылок. Они оговорили все фазы советских депортаций, до 1952 года включительно.

Известным польским исследователем, специализирующимся в вопросах немецкого меньшинства в Центральной и Восточной Европе, и автором многих ценных статей является Мирослав Цыганьский¹². Российские немцы не имели однородной структуры, ни с религиозной, ни с культурной точки зрения. Что больше, отдельные группы отличались также по месту географического происхождения, разным был также момент прибытия в Россию. Цыганьский, что важно, был одним из первых польских исследователей, который, применяя в качестве главного критерия географический, выделил конкретные группы немецкого населения¹³.

Однако переломом в польской историографии, касающейся проблемы немецкой диаспоры в России и СССР, являются последние монографии Тадеуша Лебёды¹⁴ и Якуба Коралевского¹⁵. Обе работы заполняют заметный пробел в польской литературе предмета, показывая всю совокупность судеб (советских) немцев на протяжении истории.

Лебёда в своей книге, насчитывающей около 600 страниц, описывает исторический путь немецких поселенцев, от колонизации времён Екатерины II через период сталинизма вплоть до эмиграции в ФРГ. Он подробно

¹¹ S. Ciesielski, G. Hryciuk, A. Srebrakowski, *Masowe deportacje ludności w Związku Radzieckim*, Toruń 2004; а также S. Ciesielski, G. Hryciuk, A. Srebrakowski, *Masowe deportacje radzieckie w okresie II wojny światowej*, Wrocław, 1994.

¹² M. Cygański, *Niemieckie mniejszości narodowe w państwach Europy Środkowo-Wschodniej po II wojnie światowej*, «Przegląd stosunków międzynarodowych» 1978, Nr 2; его же, *Niemieckie grupy etniczno-narodowościowe w państwach Europy Środkowo-Wschodniej w latach 1945–1988*, Opole, 1989; его же, *Niemcy rosyjscy i ukraińscy w XX wieku*, «Sprawy Narodowościowe – seria nowa» 1993, z. 2; его же, *Niemcy z krajów Europy Środkowo-Wschodniej w polityce wschodniej Republiki Federalnej Niemiec w latach 1949–1993*, Opole 1994; M. Cygański, T. Dubicki, *Niemcy wschodniobałtyccy w Estonii, na Łotwie i Litwie*, Łódź 2004.

¹³ По М. Цыганьскому, немецкое национальное меньшинство в России включало следующие группы: немцев, проживающих в Прибалтике, приволжских немцев, черноморских немцев, две группы кавказских немцев, немцев петербургского региона, немцев-колонистов, осевших на севере Сибири и в Средней Азии в 1902–1913 гг, немецкое население в городах России, немцев Царства Польского, волынских немцев. См. M. Cygański, *Niemcy rosyjscy i ukraińscy...*, с. 77 и др.

¹⁴ T. Lebioda, *Niemcy rosyjscy w polityce RFN na tle ich znaczenia w Rosji i relacjach niemiecko – rosyjskich 1763–2003*, Wrocław, 2004.

¹⁵ J. Koralewski, *Radzieccy Niemcy. Między deportacją a masową emigracją (1941–1991)*, Poznań, 2010.

показывает характер немецкого поселенчества, его причины, ход и последствия. Он характеризует отдельные колонии и повседневные трудности поселенцев, а также вопросы религии и вероисповедания диаспор, расколы на религиозной основе. Благодаря автору мы узнаём многочисленные подробности культурной жизни немецких диаспор, образования и специфики социально-экономической жизни. В следующих разделах Лебёда анализирует ситуацию немецкого населения России во время I мировой войны и революции, появление Республики немцев Поволжья и автономных районов, показывает читателю трагизм сталинских немецких репрессий, а также ход и последствия массовых депортаций. В остальных частях работы автор осуществил подробный анализ политики ФРГ по отношению к советским гражданам немецкой национальности в 1989–2003 гг. и углубился в проблемы репатриации немцев на родину, а также представил общую ситуацию российских немцев после 1991 года.

Отправной точкой монографии Я. Коралевского является начало немецко-советской войны в 1941 году. Автор не касался рассуждений исторической природы и перешёл к рассмотрению проблемы реабилитации советских немцев, взаимоотношений СССР–ФРГ в 1948–1955 и 1955–1985 гг. и положения немецкой нации в СССР. В последнем разделе под названием «Автономия или массовая эмиграция (1985–1991)?» Коралевски описал ситуацию советских немцев в последние годы существования Советского союза, путь российских немцев к массовой эмиграции, а также дилеммы и проблемы, какие сопутствовали этому процессу.

Проблематика массовых депортаций немецкой нации в СССР и судеб российских и советских немцев никогда не находилась в основном русле польской историографии. Тем не менее, в последние годы появилось более десятка ценных публикации и книг, в том числе три монографии, которые существенным образом обогатили польские исследования. На данный момент, во многих польских научных центрах можно заметить положительную тенденцию, заключающуюся в динамическом росте интереса к истории России, в том числе и к национальному вопросу.

Влияние депортации на развитие российской немецкой литературы в послевоенное время

1. Периодизация истории российской немецкой литературы

В истории литературы российских немцев литературоведы, как правило, выделяют три периода¹⁶, Фрешле¹⁷. Первый период начинается со времени их переселения в Россию по Манифесту Екатерины II и продолжается до Октябрьской революции 1917 года. В это время литература российских немцев была представлена главным образом произведениями пасторов Самуила Келлера, Фридриха Дзирне, Иоганнеса Куфельда и др., а также произведениями малой формы, такими как шванки, песни, календарные истории которые печатались в немецких газетах и календарях или в устной форме передавались от человека к человеку. Как известно, в первые сто лет проживания немцев в России российские немцы не имели своей прессы, поэтому литературные произведения немецким писателям печатать было негде.

Накануне Октябрьской революции к 150-летию основания первых немецких колоний в Поволжье (1914) появляются первые значительные литературные произведения писателей из среды колонистов. Прежде всего, это эпос в стихотворной форме Давида Куфельда *Песнь о кюстере Дайсе* (Саратов, 1914)¹⁸, историческая драма Готлиба фон Гёбеля (А. Бератца) и Александра Хунгера о киргизском Михеле и прекрасной Ами из Пфанненштиля *Fest und treu oder der Kirgisen-Michel und die schöne Ammi aus Pfannenstiel* (Саратов, 1914), рассказы из немецких колоний Августа Лонзингера, а также романы Фердинанда фон Вальберга.

Второй период российской немецкой литературы начинается с победы Октябрьской революции и продолжается до депортации российских немцев на Урал, в Сибирь и Казахстан в 1941 году. В этот период российские немцы имели свою территориальную, политическую и культурную автономию на Волге, в которой были организованы свои школы, высшие учебные заведения, свой союз писателей, а также несколько журналов и газет, выходивших на немецком языке: центральная газета *Nachrichten*, литературные журналы: *Maistube*, *Der Kämpfer* *Wolgadeutsches Schulblatt* и др. Данные институты

¹⁶ Риттеп: Ritter, A. Patriotische Akklamation als nationale Existenzbeschreibung. In: Ders. Deutsche Minderheitenliteraturen. Verlag Südostdeutsches Kulturwerk, München 2001. SS. 165–180. S. 166.

¹⁷ Fröschle, H. Der Kampf um eine Wolgadeutsche Literatur. In: Jasyk i kultura rossijskich nemzew. Bd. 3. Saratow, 2004 S. 75–84.

¹⁸ Minor, A. «Das Lied vom Küster Dies» von David Kufeld als Dokumentation der Lebensweise der Wolgadeutschen im 19. Jahrhundert.// Jahrbuch für internationale Germanistik. Jg. XXXVI – Heft 2. Verlag Petr Lang. Bern, Berlin, Bruxelles, Frankfurt am Main, New York, Oxford, Wien. 2004.

просуществовали до 1941 года, хотя в других районах СССР автономия немцев в форме национальных районов, а также преподавание в школах на немецком языке были запрещены уже в 1937 году, когда началось систематическое уничтожение различных культурно-политических и религиозных структур российских немцев. Последние церкви были отняты у верующих, священники были арестованы и либо сосланы, либо расстреляны, началась русификация обучения в школах, ликвидация национальных районов. Следует, однако, заметить, что в эти короткие 20 с лишним лет российскими немецкими писателями было создано много интересных литературных произведений. Ко второму периоду относятся также годы вынужденного молчания немецких писателей в СССР 1941–1956¹. Некоторое представление о литературных произведениях, прежде всего, стихах этих лет, дает сборник стихов *Подземные колокола* (Die Glocken in der Erde), изданный Г. Вормсбехером в 1997 году.

Третий период истории российской немецкой литературы начинается со времени Хрущевской оттепели в 1956 году и продолжается до перестройки.

Творчество немецких писателей данного периода А. Риттер² определяет как «литературу народа, не имеющего компактного места проживания, и не признанного в качестве национального меньшинства». Х. Фрешле³ характеризует данный период как «период робкого, неуверенного начала, затем к 1970-м годам более уверенного, достигшего к началу перестройки довольно уверенного развития». Следует заметить, что после данного периода Фрешле различает еще один период – начало 1990-х годов, время постсоветской России. Причем здесь он отмечает возникновение еще одной ветви на древе российской немецкой литературы – литературу писателей, эмигрировавших в Германию [там же].

Вероятно, в литературе каждого национального меньшинства возникает проблема сбора, хранения и распространения художественной литературы, написанной ее представителями, так как они, как правило, не имеют общей территории, у них нет возможности опубликовать свои произведения и донести их до широкого круга читателей. Их произведения печатаются в разных местах, зачастую в газетах или журналах с малым тиражом, которые в свою очередь и живут недолго. Такие издания не всегда поступают в архивы, а те которые туда попадают, не всегда долго хранятся. Особенно актуальна данная проблема для литературы российских немцев в связи с политической ситуацией сначала в дореволюционной России, затем в период коммунистического

¹ Minor, A. Die verschwiegene Poesie der Russlanddeutschen. // Heimatbuch der Deutschen aus Russland. 2007/2008. S. 204–212.

² Ritter, A. Patriotische Akklamation als nationale Existenzbeschreibung. In: Ders. Deutsche Minderheitenliteraturen. Verlag Südostdeutsches Kulturwerk, München 2001. SS. 165–180. S. 166

³ Fröschle, H. Der Kampf um eine Wolgadeutsche Literatur. In: Jasyk i kultura rosyjskich nemców. Bd. 3. Saratow, 2004. S. 75–84.

режима в СССР. В царской России на развитие немецкой литературы большое негативное влияние оказала политика русификации, провозглашенная Александром 2 и германофобия в период до и после начала Первой мировой войны. Оба явления сказались как на численности немцев в России (большие потоки эмигрантов в Америку), так и на возможностях публикации художественных произведений в средствах массовой информации и литературных журналах.

В коммунистической России на тематику художественных произведений немецких авторов большое влияние оказали идеологические ограничения. В подобных условиях писатель должен был либо подчиниться коммунистическим догмам, либо складывать свои произведения «в стол», в ожидании лучших времен. Особенную остроту данная проблема приобрела в конце 20-х – конце 30-х годов 20 века. В этот период появляются первые произведения, которые писатели не решались опубликовать, так как они могли бы стоить им не только свободы, но и жизни.

Основаниями для отказа в публикациях имели, прежде всего, идеологическую основу. Сначала о писателе просто переставали говорить и писать, затем следовало его физическое уничтожение в тюрьме или Гулаге. Эта судьба постигла многих поволжских немецких писателей. Назовем хотя бы имена Франца Баха (1885–1942), Герхарда Завацкого (1901–1944), Георга Люфта (1882–1937). Следует заметить, что это были представители духовной элиты поволжских немцев. Ф. Баха, известного на Волге пролетарского поэта, арестовали в 1937 году, он умер в 1942 году в лагере в Шории на севере Хакасии. Адам Эмих, учитель и инспектор в Комиссариате по просвещению, талантливый поэт, был арестован уже в 1930 году на три года за критические высказывания о насильственной коллективизации. В 1935 году он был арестован повторно и сослан в Уфу, где в ноябре 1937 года был расстрелян в тюрьме. Герхард Завацкий, председатель Союза немецких писателей был арестован в 1938 году и умер в лагере в Соликамске в 1944 году.

2. Литература российских немцев в период существования немецкой автономии на Волге

Однако, несмотря на идеологические запреты и политическое давление в период существования АССРНП писатели и поэты имели несравненно больше возможностей публиковать свои произведения, чем когда-либо раньше. В данный период начинают свою литературную деятельность такие молодые писатели, как Андреас Закс, Эрнст Кончак, Эвальд Катценштайн, Генрих Кэмпф, Райнхард Кёльн, Виктор Клейн и многие другие. Их творчество по известным причинам смогло полностью развиться лишь после периода молчания, то есть после 1956 года.

Обзор произведений поволжских немецких писателей дают три антологии, вышедшие в Энгельсе: *Erzählungen wolgadeutscher proletarischer Schriftsteller*, том 1 и 2. (Engels 1933) и *Kampflieder wolgadeutscher Sowjetdichter* (Engels

1934). Составитель сборника И. Зиннер указывает в качестве источников данных произведений газеты *Der Kolonist*, *Bauernzeitung*, *Nachrichten*, *Unsere Wirtschaft*, *Wolgadeutsches Schulblatt*, *Rote Jugend*. Все произведения звучат, как и полагалось в духе сталинского времени, как заверения в преданности линии партии.

Основным литературным жанром периода АССРНП были рассказы, шванки, поэзия, которые публиковались в местных литературных журналах и газетах. Первым крупным романом того времени стал роман «*Wir selbst*» Герхарда Завацкого. Правда, тираж этого романа так и не поступил в книжные магазины, он был ликвидирован в типографии. Жене Г. Завадски удалось сохранить рукопись, и в альманахе «*Heimatliche Weiten*» роман увидел свет в 1984–1988 гг. В романе речь идет о социалистических преобразованиях в области немцев Поволжья. Центральными фигурами являются два молодых человека, которые представлены в их развитии. Это Генрих Кемпель, образцовый колхозник, ставший позднее инженером на ткацкой фабрике, и такая же образцовая, красивая работница фабрики Элли Краус. Огромные различия в изображении реальной жизни в романе и действительности объясняются тем, что основной доктриной советской литературы с 1932 года являлся социалистический реализм. Это понятие было официально введено в апреле 1932 года решением ЦК КПСС (Лит. Газета от 23 мая). В августе 1934 года на первом всесоюзном съезде писателей соцреализм был объявлен как обязательной художественный «метод литературы и искусства, представляющий собой эстетическое выражение социалистически осознанной концепции мира и человека, обусловленной эпохой борьбы за установление и созидание социалистического общества»⁴. По методу социалистического реализма жизнь должна была изображаться в свете идеалов социализма, герои должны быть положительными борцами за идеалы социализма, они должны быть гармонично развитыми людьми, образцом человека нового социалистического общества.

Роман Г. Завацкого полностью отвечает требованиям данного метода изображения действительности. В нем почти на 900 страницах присутствуют молодые образцовые люди, которые постоянно совершенствуются, осваивают новые знания и умения. Среднее поколение также изображено как люди полностью уверенные в успехе социалистического строительства. Но в романе есть и обязательный для произведений соцреализма тех лет враги нового строя и вредители социалистической собственности, с которыми образцовые герои успешно справляются. Через все содержание романа, как впрочем и через произведения других советских писателей того времени, проводится мотив возможности перевоспитания простого человека, рабочего, бедняка-крестьянина, и невозможности перевоспитания кулака. Эта идея оправдывает высылку кулаков, арест и уничтожения так называемых вредителей

⁴ Большая Советская Энциклопедия. Изд. 4-е. Т. 24. Кн. 1. С. 693.

социалистической собственности. При чтении романа виден разительный контраст между изображением действительности в романе и реальной действительностью того времени. Однако мы должны быть далеки от мысли, что Завацкий не видел реального положения дел. Очевидно, он сделал выбор между подчинением существующей доктрине и возможностью писать и остаться в живых. Однако даже такой «правильный», оптимистический роман, написанный в духе соцреализма, до читателя не дошел.

Кроме Завацкого, на Волге до 1941 года больше ни один писатель, к сожалению, не создал большого литературного произведения. Данный факт объясняется, скорее всего, тем, что новая плеяда немецких писателей была еще довольно молода и пробовала свое перо в малых литературных формах. Среди начинающих писателей уже в те годы заявили о себе Фридрих Больгер (Friedrich Bolger, 1915), Вольдемар Эккерт (Woldemar Ekkert, 1910), Доминик Гольман (Dominik Hollmann, 1899), Райнгольд Кайль (Reinhold Keil, 1908), Генрих Кемпф (1920), Давид Буш (David Busch, 1908), Эрнст Гуммель (Ernst Hummel, 1914), Роза Пфлуг (Rosa Pflug, 1919), Александр Бреттманн (Alexander Brettmann, 1918), Александр Бек (Alexander Beck 1926), Эдмунд Гюнтер (Edmund Günther, 1922), Александр Хассельбах (Alexander Hasselbach 1912), Герберт Хенке (Herbert Henke, 1913), Герман Арнольд (Hermann Arnhold, 1921) Андреас Закс (Andreas Saks, 1903), Виктор Клейн (Viktor Klein, 1908), Вольдемар Гердт (Woldemar Herdt, 1916), Андреас Крамер (Andreas Kramer, 1920), Давид Вагнер (David Wagner, 1914), Вильгельм Брунгардт (Wilhelm Brungardt, 1908), Александр Генниг (Alexander Henning, 1892), Клара Оберт (Klara Obert 1896), Вольдемар Шпар (Woldemar Spaar, 1923), Карл Вельц (Karl Welz, 1911)⁵. Все названные писатели были депортированы и отправлены в систему ГУЛАГ, в трудовую.

Депортированные писатели вынуждены были до конца войны, (если они вообще выживали), а иногда и еще дольше выполнять самые тяжелые работы в трудовых отрядах. И еще долгие годы им пришлось жить в условиях запрета на профессию. В лучшем случае им удавалось стать учителями или мелкими служащими. Некоторые писатели смогли закончить заочно местные вузы и даже защитить кандидатскую диссертацию. Так, Герман Арнольд в 1978 году защитил диссертацию в Алма-Ате и преподавал в Караганде до 1986 года. В. Эккерт преподавал с 1965 по 1975 в институте цветных металлов имени Калинина в Красноярске, Р. Кайль был несколько лет руководителем отделением иностранных языков в институте усовершенствования учителей в Кокчетаве, В.Клейн с 1960 года был доцентом немецкого языка и литературы в педагогическом институте в Новосибирске. Р. Лейс преподавал с 1976 года на кафедре литературы и методики в Кокчетавском педагогическом институте. А. Прахт в 1978 году стал заведующим кафедрой иностранных языков в Хмельницком университете.

⁵ Бельгер Г. Российские немецкие писатели. Алматы, Издательский дом «Жибек жолы», 1996.

Научная карьера многих других писателей была прервана. Так, Д. Гольману, который до войны был деканом факультета немецкого языка и литературы Саратовского педагогического института, с трудом удалось устроиться преподавателем немецкого языка в Красноярском технологическом институте в 1956 году. Р. Кёльн, закончивший Университет западных языков, был арестован как враг народа и сослан на Колыму уже в 1937 года и только в 1955 году реабилитирован. Доцент немецкого языка и литературы Саратовского университета Август Лонзингер из ссылки не вернулся. Талантливая исследовательница немецких диалектов Клара Оберт, защитившая еще до войны диссертацию «Пословицы и образные речения поволжских немцев» под научным руководством Георга Дингеса и Андреаса Дульзона, в годы войны в трудармии работала в сельском хозяйстве, уборщицей, вязальщицей. И только в 1949 году она смогла устроиться учителем в одну из школ Новосибирской области.

Таким образом, из истории развития литературы российских немцев были вычеркнуты почти 16 лет. В данный период немецкие писатели и поэты продолжали создавать свои произведения, прежде всего поэзию на наиболее болезненные темы, такие как боль за судьбу родного языка, утраченная родина, закованная муза, непонимание причин их депортации и заключения в тюрьмы и лагеря. Естественно, авторы этих стихов понимали, что их произведения, возможно, никогда не увидят свет. Тематика поэзии, которая не могла быть опубликована в годы молчания, рассматривается в статье А.Минора «Die verschwiegene Poesie der Russlanddeutschen»⁶.

3. Возрождение литературного творчества российских немцев

С принятием Указа Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1955 года время вынужденного молчания закончилось. Уже в этом году на Алтае была основана газета с программным названием «Arbeit», на смену которой в 1957 году пришла «Rote Fahne», а в Москве с мая 1957 года в редакции газеты «Правда» стала выходить центральная газета для советских немцев «Neues Leben». В 1960 году в Целинограде была основана немецкая газета «Freundschaft». Эти издания вновь дали немецким писателям России возможность публиковать свои произведения. Еще одну возможность печататься давали с 1960 года различные российско-немецкие антологии. По имеющимся данным они выходили по одной антологии в год. Этого было, естественно, недостаточно, но, тем не менее, был открыт путь немецких писателей России для контакта со своим народом.

Среди первых антологий немецкой литературы в Советском Союзе следует назвать *Hand in Hand*. Стихи и рассказы советских немецких авторов. (Москва 1960); *Hand in Hand* том 2 (Москва 1965); *Schwänke von einst und jetzt* (Москва 1967); *Immer in der Furche*. Рассказы и стихи советских немецких писателей

⁶ Minor, A. Die verschwiegene Poesie der Russlanddeutschen// Heimatbuch der Deutschen aus Russland. 2007/2008, S. 204–212.

(Москва 1967); *Leben, Lieben, Leiden, Lachen. Поэзия советских немцев* (Москва 1968); *Auf der Klubbühne. Сборник веселых театральных постановок* (Алма-Ата 1968); *Wir selbst. Сборник произведений советских немецких авторов* (Москва 1968) и другие.

Естественно, в Советском Союзе по-прежнему действовал единственно разрешенный метод художественного представления действительности, предписанный партией в 1932 году – метод социалистического реализма. Кроме того, немецкие писатели не имели права писать на темы, затрагивающие проблемы российских немцев, сохранения языка и культуры, восстановления их ликвидированной автономии, участия немцев в трудовых лагерях, так называемой трудармии.

Первым художественным произведением крупного формата, в котором очень деликатно поднималась проблема утраченной родины была повесть Виктора Клейна *Die erkämpfte Scholle*, в которой он, тщательно избегая острых углов, тематизирует ностальгию поволжских немцев по их малой родине на Волге.

В годы перестройки сборники произведений российских немецких писателей стали выходить и в Германии. Так, в Берлине вышел сборник немецких писателей Казахстана *Barfuß liefen meine Kinderträume. Deutsche Stimmen aus Kasachstan* (Berlin, Bonn 1993); *Texte der russlanddeutschen Autorentage I* (Stuttgart 1991); *Alma-Ata, im Juni 1992; Texte der Russlanddeutschen Autorentage II* (Stuttgart 1992) и другие. Аннелоре Энгель-Брауншмидт подготовила и выпустила сборник *Siedlernot und Dorfidyll. Kanonische Texte der Russlanddeutschen* (Berlin, Bonn 1993), в котором без купюр представлены *Das Einwandererlied* Б.Л. фон Платена, *Schön Ammi von Mariental und der Kirgisen-Michel* Фридриха Дзирне, *Das Lied vom Küster Deis* Давида Куфельда, а также фольклорный материал Эммы Дингес, рассказ А. Лонзингера и его стихотворение о прощании со своей любимой родиной на Волге.

Было бы неправильным при рассмотрении судеб немецких писателей России остановиться лишь на описании внешних рамок их творчества, на количественной стороне истории немецкой литературы. Художественное творчество предполагает также эстетический компонент как составную часть такого творчества. О художественном достоинстве российской литературы неоднократно писал В. Эккерт в своих обзорных критических статьях, опубликованных в «*Neues Leben*» и «*Heimatliche Weiten*».

В своей критической статье «*Sowjetdeutsche Prosa '80*» Эккерт считает, что язык, стиль и образность выражения писателей все еще оставляют желать лучшего. Кажется даже, пишет он, что некоторые авторы стали еще менее требовательными к своему языку. Он находит, что в текстах немецких писателей по-прежнему встречаются клише и избитые фразы. Автор приводит в пример В.Распутина, В. Астафьева, Ф. Абрамова, которые широко пользуются средствами народного языка, используют в своих произведениях диалектизмы и другие образные народные выразительные средства. Еще одним недостатком

стиля писателей он считает неумение соблюдать требование к жанру и стилю произведения⁷.

Необходимость использовать в художественных произведениях язык народа, крестьян всегда подчеркивал и Виктор Клейн. Говоря о языке поволжских немецких крестьян, он восхищается их сочными, выразительными рассказами о прошлом. Воспоминания крестьян о пребывании на фронте, об их борьбе с верховыми пожарами, о ветрах в поволжских степях притягивали его как магнит. Феномен поволжского ландшафта, степь, крестьянское хозяйство и определили всю его суть и оставили в нем неизгладимые впечатления⁸. Необходимо заметить, что В. Клейн в своих художественных произведениях стремился говорить именно на языке своего народа, вкладывая в уста своих героев многочисленные пословицы и поговорки, диалектные слова, а также используя иногда и крепкие выражения.

Причинами весьма неуверенного владения писательским мастерством были, естественно, депортация и жестокие будни в трудовых лагерях, борьба за выживание, издевательства тюремного начальства и, прежде всего, отсутствие возможности оттачивать свое литературное мастерство в условиях, когда немецкий язык был практически под запретом. Потребовалось еще десять послевоенных лет и отмена комендантского надзора 13 декабря 1955 года, чтобы российские немецкие писатели смогли получить право на открытую публикацию своих произведений на немецком языке, чтобы они вообще могли свободно продвигаться по стране и организовывать встречи, в том числе и со своим читателями. В. Клейн сказал однажды, отвечая на вопросы одного студента по поводу причин отсутствия в рассказах российских немецких писателей правды о трагической судьбе немцев в России, что мы не должны молчать, «... мы и так были вынуждены очень долго молчать. Да мы можем и должны писать такие вещи, которые не можем пока опубликовать. Но мы должны и публиковаться. Именно сейчас и никак не позже. Даже, если это будет полуправда. Даже, если наши произведения не совсем реально отражают действительность. Даже сам факт употребления немецкого языка важен для наших читателей. Молчание будет предательством нашего народа. Мы ни в коем случае не должны молчать. Мы должны сказать людям, что мы есть, мы существуем, что нас нельзя замолчать»⁹. В этой цитате В. Клейн, по сути, определил основную линию поведения российско-немецких писателей в государстве, основной доктриной которого был тоталитаризм.

⁷ Ekkert, W. Sowjetdeutsche Prosa '80. // Родные просторы. I.- М., Правда, 1981, – с. 213–233.

⁸ Meine Muse blickt mit offenen Augen ins Leben... Zeitgenossen über Victor Klein. Leben und Werk. Auswahl und Gestaltung: Nina Paulsen. Slawgorod: Zeitung für Dich. 2000.

⁹ Meine Muse blickt mit offenen Augen ins Leben... Zeitgenossen über Victor Klein. Leben und Werk. Auswahl und Gestaltung: Nina Paulsen. Slawgorod: Zeitung für Dich. 2000.

4. Резюме

Подводя итоги сказанному, следует констатировать, что депортация стала тем перерывом, который лишил российскую немецкую литературу многих талантливых писателей, а вместе с ними и многих литературных произведений, которые либо не были написаны, либо исчезли навсегда.

Депортация принесла с собой многочисленные жертвы и среди читателей, так как многие из них не вернулись из лагерей. В плане читательской аудитории также возникли новые проблемы, прежде всего, связь с читателями, знакомство с их мнением, так как отсутствие единой территории поставило немецкую литературу на позиции регионально разбросанной литературы народа, не имеющего своей государственности в многонациональном государстве, устроенном в административном отношении по национальному принципу.

Данная пауза в развитии немецкой литературы привела и к снижению качества литературных произведений, оскудению жанров, особенно на начальном этапе возрождения немецкой литературы. Кроме того, отсутствовали возможности воспитания новой смены, молодых литераторов, так как еще долгое время после реабилитации немцы подвергались притеснениям по национальному принципу. В частности они не могли поступить на учебу по многим специальностям, поэтому многие писатели нового поколения, как правило, выпускники педагогических вузов.

Строжайшая регламентация тематики художественного творчества привела к тому, что тема депортации, ностальгии по ликвидированной республике, тема несправедливых обвинений российских немцев как народа, якобы сотрудничавшего с фашистами, не могли стать предметом художественной рефлексии в возрождающейся российской немецкой литературе.

В заключение хотелось бы привести слова Г. Вормсбехера, давшего совершенно точное определение миссии российской немецкой литературы «Наша литература сознательно избрала себе путь служения своему народу и правильно определила свои задачи. Потому что если не будет условий для сохранения народа, то не будет и народа, а значит, не будет и его литературы. И то, что наша послевоенная литература успела сделать, не пропало даром: ее дела сохранились на газетных страницах, в книжках альманахов, в массовом национальном движении российских немцев, в знании родного языка у части наших детей и внуков, в истории нашего народа, в истории самой литературы. Свой долг перед своим народом наша литература выполнила как никакая другая национальная литература. Низкий ей за это поклон»¹⁰.

¹⁰ Вормсбехер Г. Хайматлихе вайтен» и послевоенная литература российских немцев. http://wolgadeutsche.ru/wormsbecher/int_HW.htm.2005.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ДЕПОРТАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ И ЕЁ ПОСЛЕДСТВИЯ

БЕЛАРУСЬ

В.П. Пичуков (Гомель)

Депортация и выселки немецкого населения белорусского Восточного Полесья советской властью в 1940-е годы

Для тоталитарных режимов характерны такие политические методы как массовые репрессии и депортации населения. Период 20–30-х гг. XX в. в истории СССР – время нарастания политических репрессий, достигших своего апогея в 1937 г. В 30-е – начале 50-х гг. в Советском Союзе депортации подверглись более 40 социальных групп и тотальной депортации от 10 до 15 народов¹¹. В числе «наказанных народов» были и советские немцы. Изучение трагедии белорусского анклава немцев СССР в период политических репрессий и депортации в связи с началом Великой Отечественной войны только начинается¹².

Община этнических немцев в белорусском Восточном Полесье явилась следствием экономической колонизации немцев-мигрантов, выходцев преимущественно из соседней украинской Волыни, в начале XX в. купившими землю у местных землевладельцев А. Шоманского и А. Ансельма.

По официальным данным на январь 1905 г. в имении Шоманского «Клесин» (Дерновичская волость Речицкого уезда (в настоящее время – Наровлянский район) проживало в «качестве арендаторов около 200 семейств немцев-колонистов». В январе 1911 г. в районе имения уже насчитывалось около 700 семейств колонистов – покупателей земли, в основном, немцев. Превращение

¹¹ Так это было: Национальные репрессии в СССР. 1919–1952 годы. В 3-х томах. Том 1. М., 1993. С.13; *Бугай Н.Ф.* Л.Берия – И.Сталину: «Согласно Вашему указанию...». М., 1995. С.5; *Полян П.* Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001. С. 46.

¹² *Пичуков В.П.* Аресты и депортации немецкого населения Гомельщины советской властью в 40-е годы XX в. // Гомельщина ў Вялікай Айчыннай вайне. Да 60-годдзя Вялікай Перамогі. Матэрыялы навукова-практычнай канф. Гомель, 2005. С. 199–211; *Его же.* Немецкое население белорусского Восточного Полесья в начале Великой Отечественной войны: устная история // Гомельщина в 1941 году. Материалы научно-практ. конф. Гомель, 2006. С. 173–177; *Его же.* Политические репрессии и насильственная депортация в отношении этнических немцев белорусского Восточного Полесья в 30–40-е гг. XX в. // Репрессивная политика советской власти в Беларуси. Сборник научных работ. Выпуск третий. Мн., 2007. С. 186–206.

их статуса из арендаторов в собственников земли было обусловлено «усмотрением» местного начальства¹.

Немецкая колония, сформированная в регионе имения Ансельма, получила название Ансельмовка (в настоящее время – д. Роза Люксембург Ельского района). Рядом находилась колония Наймановка. По соседству – в теперешнем Наровлянском районе были немецкие колонии Березовка, Антоновка, Майдан, Осиповка, Красиловка. За счет немецких колонистов с Волыни увеличивалось население смешанной украинско-немецкой деревни Хатки. В теперешнем Лельчицком районе немцы жили на хуторах Средние Печи, Дубницкое, Дубравки, Ветвица, Млынок Немецкий. В Речицком районе – на хуторах Заходы. В соседнем Калинковичском районе – в д. Хатыни.

Такие топонимы, как Березовка, Майдан, Наймановка (Неймановка), Млынок и особенно Антоновка, были распространены на Волыни в конце XIX – начале XX в.² и, скорее всего, были принесены немцами-мигрантами.

Поступательное развитие местной немецкой общины было прервано Первой мировой войной.

Немцы белорусского Полесья, как и немцы соседней Волыни, подпали под реализацию антинемецкого законодательства, в особенности законов от 2 февраля и 13 декабря 1915 г. Немецкие крестьяне, первоначально нероссийского подданства, а затем и «русские подданные из германских, австрийских выходцев», должны были в конкретный срок «отчудить» (продать и т.п.) свое недвижимое имущество в сельской местности. В первую очередь подразумевалась, конечно, земля³.

При несоблюдении условий законодательства отмеченное имущество продавалось «с молотка». Известные нам документы свидетельствуют, что списки подлежащих отчуждению и продаже имуществ местных немцев возобновлялись в Минской губернии до конца февраля 1917 г.⁴

Практически одновременно с ограничением немецкого землевладения властями проводилась кампания по массовой насильственной депортации немцев из прифронтовой зоны, в которую входила и Минская губерния. «Особое совещание о мерах при очищении войсками некоторых местностей Северо-Западного и Юго-Западного фронтов» при штабе Верховного глав-

¹ Национальный исторический архив Беларуси (далее – НИАБ). Ф. 299. Оп. 2. Д. 14580. Л. 16–16об., 18–18об., 21, 33–34об.

² Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край, снаряженной Императорским Русским географическим обществом. Юго-Западный отдел. Материалы и исследования, собранные д. чл. П.П.Чубинским. Том седьмой. Спб., 1872. С. 299, 304–306, 308; *Бармак М.* Німецьке, чеське та єврейське населення Волинської губернії (1796–1914 рр.). Тернопіль, 1999. С. 188, 192; *Костюк М.* Німецькі колонії на Волині (XIX – початок XX ст.). Тернопіль, 2003. С. 312–328.

³ Немцы в истории России: Документы высших органов власти и военного командования. 1652–1917 / Сост. В.Ф. Дизендорф. М., 2006. С. 562–572, 576–585.

⁴ НИАБ. Ф. 299. Оп. 2. Д. 16544. Л. 55–55об., 124, 242, 251.

нокомандующего 23 июня 1915 г. постановило, что все немцы-колонисты, за редким исключением, «подлежат обязательному выселению за собственный счет в местности вне театра войны». Их недвижимое имущество секвестировалось. На «добровольный» выезд предоставлялось 5 дней, в противном случае следовала отправка по этапу⁵.

На основании информации, данной немцами Речицкого района, арестованными в 1930-е гг., имеется возможность выстроить достаточно представительную географическую картину их выселения. Рихард Мительштейн (в 1915–1917 гг. семья находилась в Сибири), Фридрих Ионас (в 1914 г. семью выслали в Вятскую губернию), Густав Найман (в 1914 г. семья эвакуирована в Омскую губернию), Густав Мительштейн (в 1916 г. всех немцев эвакуировали в Сибирь), Густав Гертус (с начала войны семья находилась в Астраханской губернии, в связи с массовым переселением немцев вглубь России), Иоганн Метнер (в 1915 г. вся семья была выселена в Нижегородскую губернию)⁶.

Насильственная депортация немцев охватила весь регион Полесья. Семья Гамарник из Ансельмовки была выслана в Астраханскую губернию, семья Циприк из хутора Средние Печи – в Сибирь⁷.

В конечном итоге, чиновники, проводившие обследование «факта землевладения подданными воюющих с Россией держав, а также австрийскими, венгерскими и германскими выходцами», в 1915–1916 гг. констатировали, что все немцы-колонисты из Минской губернии высланы⁸.

После Первой мировой войны, политических коллизий 1918–1920 гг. (революционные потрясения, кайзеровская оккупация Беларуси в 1918 г., советско-польская война 1919–1920 гг.) ситуация в регионе нормализуется в мирном русле, немецкая община постепенно восстанавливается.

По данным Всесоюзной переписи населения 1926 г. из 7075 немцев, проживавших в БССР, 3356 человек приходилось на Мозырщину (белорусское Восточное Полесье). При этом здесь насчитывалось 69,2% всех сельских немцев Республики. Основной анклав местных немцев составляла территория Наровлянского района: колонии (деревни) Березовка, Антоновка, Красиловка, Майдан, Осиповка, Хатки, Дубровская; Каролинского (Ельского) района: Ансельмовка (в 1929 г. переименована в Роза Люксембург), Алеское, Наймановка; Лельчицкого района: Дубницкая, Средние Печи, Дубровка; Житковичского района, Калинковичского – д. Хатыни. Кроме Мозырщины немцы компактно

⁵ Немцы в истории России... С. 573; *Нелипович С.Г.* Генерал от инфантерии Н.Н. Янушкевич: «Немецкую пакость уволить, и без нежностей...». Депортации в России 1914–1918 гг. // Военно-исторический журнал. 1997. №1. С. 49.

⁶ Архив Управления КГБ Республики Беларусь по Гомельской области (далее – АУК-ГБРБГО). Д. 10097-с, 17703-с, 16568-с, 18401-с, 7751-с.

⁷ АУК-ГБРБГО. Д. 18319-с, 7760-с.

⁸ НИАБ. Ф. 299. Оп. 2. Д. 16443. Л. 1.

проживали и в Речицком районе – хутора Заходы (некоторое время Заходы находились в составе Василевичского района)⁹.

По официальной статистике на 17 января 1939 г. в БССР насчитывалось 8448 чел. немецкого населения. Всего же немцев в СССР в это время было 1427232 чел.¹⁰

Отношения между властью и местными немцами в межвоенный период развивались в обстановке усиления силовых методов руководства формирующейся тоталитарной системы при все большем отсутствии диалога. Крестьяне-немцы пытались отстоять свою хозяйственную самостоятельность, противостояли brutальному атеизму.

1930-е гг. были временем нараставших политических репрессий в отношении немецкого населения¹¹. Они проводились в связи с коллективизацией, попыткой немцев массово эмигрировать, усилением гонений на религию и церковь, преследованием активистов кампании обращения за гуманитарной помощью в Германию во время голода начала 30-х гг.¹² и т.д.

Для власти немцы все больше становились «криминальным этносом» в политическом отношении. Не случайно так называемые «национальные операции» НКВД, аресты по «национальной линии» в 1937–1938 гг. не обошли стороной и местных немцев. Показательна в этом плане историческая память, сохраненная в устной традиции. По информации Н.М. Скоростецкой¹³ в 1937 г. в д. Роза Люксембург был арестован 141 человек (немцы, поляки, чехи, белорусы). Из немцев вернулись только два: Карл Гоппе и Эмиль Элерт. На вопрос, «Почему в 30-е годы спецорганы арестовывали местных немцев?»,

⁹ Пичуков В.П. Статистика немецкого населения Восточного Полесья в 1920-е гг. // Традиції матеріальної і духовної культури Усхідного Полісся. Мат. Міжн.-і навук. канфер. У 2-х частинах. Частина I. Гомель, 2004. С. 116–119.

¹⁰ «Мобилизовать немцев в рабочие колонны... И. Сталин». Сборник документов (1940-е годы). М., 1998. С. 16, 18.

¹¹ Пичуков В. Политические репрессии и насильственная депортация...

¹² Пичуков В.П. К вопросу о политических репрессиях в БССР в 1930-е гг. в связи с немецкой благотворительной помощью // Германский и славянский миры: взаимовлияние, конфликты, диалог культур. Матер. междунар. научно-теорет. конф. Витебск, 2001. С. 103–105; *Его же*. Миграции немецкого населения белорусского Восточного Полесья в 20–30-е годы XX в. // История и культура Европы в контексте становления и развития региональных цивилизаций и культур: Актуальные проблемы из исторического прошлого и современности. Мат. междунар. научно-теорет. конф. Витебск, 2003. С. 167–168; *Его же*. Немецкое население Мозырского Полесья в условиях голода 1932–34 гг.: экологический и социальный аспекты // Гомельщина: Экологические проблемы региона и пути их решения. Мат. Гомельской обл. научно-практ. конф. Гомель, 2004. С. 79–84; *Его же*. Лютеране и «сектанты»: сельские немцы белорусского Восточного Полесья в 1920–30-е гг. // Канфесіі на Беларусі: гісторыя, сучаснасць // Зборнік матэр. міжн. навукова-практ. канф. Брэст, 2005. С. 207–211; *Его же*. Немецкое население БССР и коллективизация сельского хозяйства // Актуальные проблемы германской истории, политики, экономики, культуры // Мат. III междунар. научной конф. Брест, 2007. С. 75–80.

¹³ Информант: Скоростецкая Нина Михайловна, 1924 г.р., уроженка д. Роза Люксембург Ельского р-на. 2000 г.

А.Ф. Рихтер¹⁴ отвечает, что считали их «врагами народа», *«ведь это ж немцы»* (выделено мной. – В.П.).

С середины 30-х гг. над местными немцами нависла угроза насильственного переселения – депортации. Имелся прецедент: в течение 20 февраля – 10 марта 1935 г. из приграничных Киевской и Винницкой областей было выселено (на восток Украины или в Сибирь?) около 2 тыс. немецких семей – зачистка территории от неблагонадежного для властей этноса. И уже 18 марта 1935 г. в специальной записке Наровлянского райотдела НКВД «О массовых выездах немецкого населения из Березовского национального немецкого сельсовета» наряду с констатацией массового стремления немцев выехать на Кавказ («масса хозяйств распродала уже свое имущество и собираются выехать») отмечаются «слухи о массовом выселении немцев из Украины». Житель колонии Майдан Самуил Брандт после прочтения письма от братьев с Украины обратился к односельчанам: «Немцы в СССР являются пасынками, их высылают уже второй раз, первый раз их выслали в 1915 году, ... русских почему-то не выселяют, а нас выселяют». В «Записке» указывается, что в ожидании высылки из БССР всех немцев «многие из немцев на сегодняшний день режут коров, свиней, сушат сухари и ждут выселения»¹⁵.

По постановлению СНК СССР от 28 апреля 1936 г. из УССР необходимо было выселить в Казахстан 15 тыс. польских и немецких хозяйств как «политически неблагонадежных». Начиная с 1937 г. депортировалось группами немецкое население из отдельных областей Восточной Украины¹⁶.

С началом войны подозрительность советской власти в отношении немецкого населения СССР, сомнения в его политической благонадежности резко возрастают. Усиливаются меры «профилактического» характера.

В самом начале Великой Отечественной войны, 23 июня 1941 г., в Роза Люксембургском сельсовете были арестованы 7 немцев-мужчин: Грасс Август, Грасс Райнгольд, Фаль Густав, Турек Райнгольд, Кукук Рудольф, Гоппе Эвальд, Найман Герберт и одна немка – Найман Герта. В вину им вменялось то, что «будучи враждебно настроенными по отношению к Советской власти и сойдясь между собой на почве антисоветских взглядов, систематически проводили антисоветскую агитацию, используя в этих целях религиозные предрассудки наиболее отсталой части населения, устраивали контрреволюционные сборища». В действительности же означенные «сборища» представляли собой чтение религиозных книг, пение религиозных текстов, в том числе и у постели больных. Но – религиозных! Да еще – на немецком

¹⁴ Информант: Рихтер Альберт Филиппович, 1928 г.р., уроженец д. Средние Печи Лельчицкого р-на. 2002 г. и 2004 г.

¹⁵ Полян П. Не по своей воле... С. 87; Государственный архив общественных объединений Гомельской области. Ф. 4286. Оп. 2а. Д. 57. Л. 153–154.

¹⁶ Бугай Н.Ф. Л.Берия – И.Сталину ... С. 9, 17.

языке! А здесь – начало войны с Германией. К тому же, Грасс Август и Найман Герберт арестовывались в 1938 г. по обвинению в принадлежности к «шпионско-повстанческой деятельности», но были освобождены из-под ареста в 1939 г. (в период некоторого смягчения репрессивной системы) «за отсутствием достаточных материалов для привлечения к судебной ответственности».

Арестованные были вывезены в Новосибирск. По приговору от 28 мая 1942 г. немцы-мужчины были приговорены к расстрелу, а Найман Герта – к 10 годам ИТЛ¹⁷.

Были проведены аресты и в среде городских немцев. Так, 27 июня 1941 г. в г. Гомеле были арестованы Адольф Барбас, Павел Грининг¹⁸.

В 1941–1942 гг. в СССР проводились тотальные превентивные депортации советских немцев, т.к. их национальность совпадала с титульной нацией врага. Они были отнесены к потенциальным коллаборантам¹⁹.

Принудительное выселение полесских немцев было осуществлено в 1941 г. – буквально перед немецко-фашистской оккупацией территории Восточного Полесья. Их выселили вглубь России, затем, в связи с продвижением немецких войск, в основном в Казахстан. Власти боялись возможного сотрудничества местных немцев с германским оккупационным режимом. Ю.В. Саковец отмечает, что их выслали отсюда, «так як яны немцы»²⁰. Я.Я. Бурим: «их выслали, вернее, эвакуировали, як немецкую семью»²¹ (выделено мной. – В.П.). «Наше правительство, наше начальство думало, что мы пойдем за Гитлером»²².

Факт высылки вспоминают и другие очевидцы – местные жители²³. Депортации избежали лишь некоторые, как правило, отсутствовавшие немцы. «Местных немцев советская власть с началом войны вывезла в Ельск, затем в Россию (Тамбов). Кто хитрее, вернулся, сбежал. Бомбили эшелоны и немцы тоже возвращались». «Местная власть относилась настороженно к немцам. Перед войной и во время войны многие были сосланы в Сибирь, но по дороге туда из-за бомбежек возвращались назад». «С началом войны немцев выслали (например, на Тамбовщину, в район г. Русеева, д. Крандевка?).» «Или

¹⁷ АУКГРБГО. Д. 6507-с, 11249-с.

¹⁸ Памяць: Гісторыка-дакументальная хроніка Гомеля. У 2 кн. Кн. 1-я. Мн., 1998. С. 487, 489.

¹⁹ Полян П. Не по своей воле... С. 103–104.

²⁰ Информант: Саковец Юрий Викторович, житель д. Глушковичи Лельничского р-на. 2004 г.

²¹ Информант: Бурим Яким Яковлевич, 1923 г.р., уроженец д. Глушковичи Лельничского р-на. 2004 г.

²² Информант: Мертин Адольф Вильгельмович, 1934 г.р., уроженец д. Майдан Наровлянского р-на. 2006 г.

²³ Информанты: Кротова Мария Леонтьевна, 1923 г.р., уроженка д. Замостье Речицкого р-на. 2001 г.; Зборовский Бронислав Владимирович, 1929 г.р., уроженец д. Хатыни Калинковичского р-на. 2005 г.

перед войной, или с ее началом выслали почти всех немцев (на Тамбовщину, в Казахстан)»²⁴.

Устная память дает возможность представить общую картину депортации местных немцев в 1941 г. «Когда началась война, нас с Белоруссии сразу выслали. И где только мы не были. Какое-то время мы задержались в Курске. Там было много народу. Нас везли обозом, на телегах. Сколько мы там пробыли, не знаю. Молодежь, которые были уже подростки, забирали в лес на заготовку леса. Потом нас так быстро собрали и повезли дальше. Вот тогда многие и потеряли своих детей»²⁵.

«Когда началась война, вышел Указ о переселении немцев в районы, удаленные от военных действий, и семью нашего отца вместе с другими немецкими семьями обязали в срочном порядке в течение 24 часов собраться для переселения. И мать с девятью детьми, будучи беременной десятым ребенком, стала собираться. Мать всю ночь топила сало и солила мясо, чтобы взять с собой. Вола запрягли в телегу и взяли с собой корову. Всё остальное хозяйство осталось. Куда их повезут, им не говорили. Их посадили сначала на телеги, запряженные волами, и везли несколько недель. Затем их пересадили в товарные поезда и повезли дальше, видимо хотели повезти в Казахстан, но они попали в зону военных действий в районе г. Курска и их эшелон разбомбили. Оставшиеся в живых бросились бежать – кто куда, некоторые попытались вернуться назад, другие спрятались в лесу. Так, старшие сестры Альма и Вера хотели вернуться назад и убежали. Затем часть семей захватили немцы и повезли дальше в Польшу, а затем в Германию. Среди них оказалась и семья моего отца»²⁶.

Адольф Мертин отметил два этапа высылки немцев из Наровлянского района. Первый – на третий день войны. Свозили немцев на Хойники, потом – в Казахстан. Второй – 10 июля 1941 г. Свозили в Ельск, потом в Курск, впоследствии в Тамбовскую область. «10 июля 1941 г. нас выслали. Нас сразу вывезли в Ельск. Из Ельска – железной дорогой. Я хорошо помню, эшелон длинный был. Налетели немецкие самолеты и бомбили. Нас везли с Ельска до Курска целый месяц, от станции до станции»²⁷.

Пока нам не удалось установить точную дату депортации немцев Беларуси в 1941 г., как и соответствующий руководящий документ, по которому она проводилась. В изученных нами около сотни личных дел немцев, находив-

²⁴ Информанты: Фендач Анастасия Станиславовна, 1931 г.р., уроженка д. Березовка Наровлянского р-на. 2003 г.; Рихтер Альберт Филиппович; Верман Берта Карловна, 1931 г.р., уроженка д. Роза Люксембург Ельского р-на. 2000 г.; Скоростецкая Нина Михайловна.

²⁵ Информант: Лангес (Турик) Берта Рейнгольдовна, 1938 г.р., уроженка д. Алеское Ельского р-на. 2008 г.

²⁶ Информанты: Ябс Зигмунд Александрович, 1936 г.р., Карпова (Ябс) Тереза Александровна, 1932 г.р., уроженцы д. Берёзовка, Наровлянского р-на. 2010 г.

²⁷ Информант: Мертин Адольф Вильгельмович.

шихся на спецпоселении, данная информация отсутствует. Сами дела состоят из анкет, заводившихся на спецпоселенца по достижении им 16-ти летнего возраста спецкомендатурами МВД СССР по категории учета «Немцы. 1941 г.», автобиографий, протоколов допросов и других документов.

В общем плане время и причина выселения немцев определены следующей официальной формулировкой: «1941 г. – высланы в административном порядке по национальным мотивам (немцы)»²⁸. В одном случае в качестве основания для депортации немцев из д. Осиповка Наровлянского района «как лиц немецкой национальности» ошибочно отмечено постановление Государственного Комитета Оборона СССР от 21 сентября 1941 г., в другом случае – постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 12 сентября 1941 г.²⁹

Более конкретны во временном смысле и достоверны следующие записи показаний немцев-спецпоселенцев: «После начала войны, в июле, я со своей семьей и другими немцами была эвакуирована, не доезжая Днепра, были захвачены немецкими войсками и отправлены назад», «Выслан в 1941 г., прибыл на с/поселение 5.01.1942 г.», «В 1941 г., когда фашисты напали на нашу Родину, нас выслали в Казахстан», «с августа 1941 г. – на с/поселении», «с началом Великой Отечественной войны переселили в Курскую область, с приближением фронта – в Казахстан», «в июле 1941 г. эвакуировали в Тамбовскую область», «с августа 1941 г. по 1 мая 1942 г. проживал в г. Курске на спецпоселении»³⁰. Один документ фиксирует точную дату депортации: «1.VIII.1941 г. по эвакуации в Воронежскую область»³¹.

Адольф Мертин делится воспоминаниями своего детства, совпавшего с выселением. «В Курске поселили в колхоз, работали в колхозе. Были пустые дома, ну и заселяли – по две семьи в одном доме, смотря сколько детей. У нас было 11 детей, поселили отдельно. В Курске мы были 9 месяцев. Затем нас привезли в Тамбовскую область, где Котовск. Там степь, топили печь кизяком, бурьяном. Когда нас привезли, мать пошла в райком, сказала: "Я не умею таким палить, у нас дома дрова были". Так нам выделяли на каждую зиму немного дров.

В Тамбовскую область нас привезли в марте месяце. 8 км от Тамбова, д. Бойкино [?]. Сосед был, фамилия Хренов, старик. У него сын был, с 1927 г. Он нас водил по деревне. Старик сказал: "Это не стыд". Кушать было нечего, семья большая. "Идите, просите, кто даст картошки, кто – кусочек хлеба". Он водил нас, деревня большая, чтобы не заблудились. Там люди очень хорошие. Никто ни один раз не назвал ни "немцем", ни "фрицем". Нас только называли "эвакуированные". Дед Хренов дал лодку, а у него внук был, мой ровесник,

²⁸ Архив Управления внутренних дел Гомельского облисполкома (далее – АУВДГО). Д. 180.

²⁹ Там же. Д. 88, 165.

³⁰ Там же. Д. 72, 95, 131, 156, 175, 184, 189.

³¹ Там же. Д. 140.

мы на лодке собирали рыбу, которую глушили солдаты из учебного лагеря в Котовске. Дед Хренов подсачки нам сделал. Хороший старик был. Когда река открылась, уже было легче жить»³².

Анастасия Фендач: «Наши немцы (из д. Березовка. – В.П.) войну прожили в Тамбове. Много умирало. Зима, хоронили покойников. Местные (русские) вкладывали штабелями гробы со своими покойниками в немецкие могилы. Весной перезахоранивали»³³.

Таким образом, вполне достоверно можно считать, что депортация местных немцев была осуществлена до конца августа 1941 г., когда немецко-фашистскими войсками были захвачены Мозырь (22.VIII.1941 г.), Ельск (23. VIII.1941 г.), Наровля (27.VIII.1941 г.)³⁴. В частности, уже 22 июня 1941 г. первый секретарь Лельчицкого РК КП(б)Б поставил задачу выселить немецкое население из д. Дубницкое в течение 24-х часов³⁵. В связи с этим в уточнении нуждается точка зрения известного специалиста в области изучения принудительных миграций в СССР П. Поляна. Первыми депортированными в 1941 г. советскими немцами были не крымские, высланные в конце августа, как отмечает он³⁶, а немцы белорусского Восточного Полесья. Другое дело, что здесь имеется безусловная разница в масштабах депортации, в количестве высленного немецкого населения.

В целом же в связи с началом войны и в ее ходе перемещению было подвергнуто около 1,2 млн. из приблизительно 1,5 млн. советских немцев – из России (862,5 тыс. чел.), Украины (392,7 тыс.), Крыма (51,3 тыс.), Азербайджана, Грузии, Краснодарского края и других местностей СССР. Только с территории АССР Немцев Поволжья по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» было выслано 366,7 тыс. чел. К 25 октября 1941 г. из 873578 немцев СССР, подлежащих выселению по «государственному заданию», было депортировано 856168 или 98%. К началу 1942 г. на спецпоселении числилось 1031,3 тыс. немцев, из них 800 тыс. составляли те, кого депортировали из Европейской части СССР³⁷.

Изученные нами архивные дела представляют местную географию принудительного выселения немцев в 1941 г. – из Ельского района (д. Роза Люксембург, д. Наймановка, д. Добрынь), из Наровлянского района (д. Березовка, д. Осиповка, д. Хатки), из Василевичского района (д. Заходы), из Паричского района.

³² Информант: Мертин Адольф Вильгельмович.

³³ Информант: Фендач Анастасия Станиславовна.

³⁴ Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне 1941–1945. Энцыклапедыя. Мн., 1990. С. 206, 322, 378.

³⁵ Памяць: Гісторыка-дакументальная хроніка Лельчыцкага раёна. Мн., 2002. С. 190.

³⁶ Полян П. Не по своей воле... С. 111.

³⁷ Там же. С. 104, 113; История российских немцев в документах (1763–1992 гг.). М., 1993. С. 159.

В конечном счете большинство полесских немцев оказались в Казахстане (Акмолинская, Актюбинская, Алма-Атинская, Восточно-Казахстанская, Талды-Курганская области). В основном это были женщины, дети, старики. Военнообязанные мужчины с началом войны были призваны в армию. Однако специальным приказом от 8 сентября 1941 г. военнослужащие немецкой национальности были «изъяты из Красной Армии» и «мобилизованы» в так называемую «трудовую армию» с казарменным положением и лагерным режимом³⁸. Проживая в концлагерных условиях, они работали на стройках, в шахтах и т.п.

Эта участь постигла и полесских немцев. Так, Герберт Дребант служил в Красной Армии с 24 июля по октябрь 1941 г., затем был «мобилизован в промышленность» (шахта №3 треста «Молотовуголь», Узловский район Московской области). Его отец, Эмиль Дребанд, 24 июня 1941 г. был «взят в трудовую армию» и там умер в 1943 г. Эрих Решке служил в РККА с 11 июля по 5 октября 1941 г., затем был «мобилизован в промышленность». В 1944 г. переведен на положение выселенца, Райнгольд Рангнау находился в армии до ноября 1941 г., затем был отправлен в Талды-Курганскую область Казахстана. Рейнгольд Гердт в 1941 г. «призван в трудовую армию. Умер в 1945 г.». В 1941 г. Густава Панкраца «призвали в трудовую армию», в 50-е годы у его родственников не было никакой информации о его дальнейшей судьбе. Лидия Гайн была «мобилизована в промышленность в 1943 г., в 1944 г. переведена на положение спецпоселенца». Александра Маца забрали в трудовую армию в 1943 г., работал в шахтах Караганды, стал инвалидом, «меня освободили и я вернулся в Казахстан»³⁹. «Когда началась война, отца – Ябса Александра Эдуардовича мобилизовали в Красную Армию, а потом по Указу Сталина, по национальным признакам, вместе с его братьями отправили в трудовую армию»⁴⁰.

По окончании войны выселялись советские немцы с территорий, освобожденных Красной Армией, и немцы-репатрианты, прибывавшие из-за рубежа. По приказу МВД СССР №1-2120 от 7 февраля 1945 г. немцы выселялись из пограничных районов Прибалтики, Беларуси, Украины и Молдавии. 1 августа 1945 г. НКВД СССР было дано указание о переселении немцев (граждан СССР), репатриированных из-за границы. 22 августа 1945 г. была издана директива НКВД СССР №140 «О направлении прибывших с фронта представителей переселенных народов на места проживания основной группы». Директивой этого же ведомства за №181 от 11 октября 1945 г. все немцы, возвращающиеся по репатриации в прежние места проживания, переселялись в восточные районы СССР. Принудительные переселения активизировались в 1947 г. и заметно усилились в 1948 г.⁴¹

³⁸ Полян П. Не по своей воле... С. 114, 255.

³⁹ АУВДГО. Д. 129, 151, 162, 90, 191, 194, 197.

⁴⁰ Информанты: Ябс Зигмунд Александрович, Карпова (Ябс) Тереза Александровна.

⁴¹ Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину... С. 46–48; Полян П. Не по своей воле... С. 137, 261.

Архивные документы свидетельствуют, что белорусские немцы также испытывали на себе воздействие очередного, послевоенного, витка насильственной депортации.

Так, в 1945 г. многие немцы-репатрианты, уроженцы и бывшие жители Польши, направлялись сразу же на спецпоселение из-за границы. Генрих Редман из Германии в Алма-Атинскую область, Альвина Брандт, Эльза Энш из Германии в КомиАССР, Мейта Шмидт из Германии в Алтайский край, Елена Рихтер из Германии в Актюбинскую область, Фридрих Крон из Австрии в Актюбинскую область, Сусана Крон из Польши в Карагандинскую область, Артур Дазе из Польши в Акмолинскую область, Гульда Янке из Польши в Свердловскую область, Александр Ланге из Чехословакии в Талды-Курганскую область⁴².

Документальные материалы дают возможность восстановить картину механизма депортации немцев, вернувшихся на родину из-за границы.

Эрих Везнер, 1925 г.р., уроженец д. Анзельмовка, в 1942 г. был вывезен в Германию. В 1945 г. после прохождения проверки в проверочно-фильтрационном лагере НКВД вернулся на родину. Ельская районная фильтрационная комиссия при райотделе МВД, рассмотрев 9 августа 1946 г. учетно-фильтрационное дело на репатрианта, советского гражданина Везнера Э.А., с учетом мнения райотдела МГБ и 1 Спецотдела НКВД БССР, постановила – считать его проверенным, взять на учет, а дело сдать в архив Управления МВД БССР по Полесской области. А 13 ноября 1948 г. Э.Везнер постановлением УМВД Полесской области, согласно директивы МВД БССР №1/2-1113 от 24 июля 1948 г., подлежал «выселению в отдаленные места СССР»⁴³.

В анкете учетно-фильтрационного дела репатриантки Иды Цыльке – уроженки д. Анзельмовка, переправлявшейся в 1945 г. через польскую границу в СССР, отмечено: «В 1941 г. в июле была советским командованием эвакуирована в Курскую область, где находилась до вступления немецких войск. Из Курской области была эвакуирована немецким командованием в июле 1942 г. в Польшу ввиду приближения фронта. В 1942–1944 гг. находилась в лагере г. Холм (Польша), работала уборщицей. В 1944– мае 1945 г. – в лагере г. Берген (Германия), работала уборщицей. 6 мая была освобождена Советской армией и после фильтрации выехала в СССР». Вернувшись на родину, в д. Роза Люксембург, репатриантка работала в местном колхозе им. Тельмана, как и до войны. А 17 августа 1948 г. Управление МВД Полесской области составило «Заключение о выселении», гласившее: «Руководствуясь директивой МВД СССР №239 от 12 октября 1946 г., Цыльке Иду «направить на спецпоселение в Новосибирскую область»⁴⁴.

Марта Шульженко в 1945 г. прибыла по репатриации из Германии в Полесскую область, откуда в декабре 1948 г. была выселена в Кабанский район

⁴² АУВДГО. Д. 72, 75, 79, 80, 122, 123, 130, 132, 137.

⁴³ АУКГБРБГО. Д. 24336.

⁴⁴ Там же. Д. 26697.

Бурят-Монгольской АССР и поставлена на учет спецпоселения⁴⁵. Ольга Грасс, находившаяся в 1943–1945 гг. в Польше, была выслана в 1945 г. из Ельского района в Алтайский край⁴⁶.

Это – характерные примеры массового явления. К началу 1949 г. в СССР на спецпоселении находились 120,2 тыс. немцев-репатриантов⁴⁷. В это число входили и полесские немцы.

Безусловно, что в послевоенное время различным политическим репрессиям, в том числе и высылкам, и уголовным наказаниям подлежали местные жители, сотрудничавшие в разных формах с фашистским оккупационным режимом. Например, в июне 1946 г. Рудольф Видман, 1925 г.р., уроженец и житель д. Роза Люксембург, в связи с тем, что в 1942–1943 гг. служил «полицейским в Мозырской полиции», был переведен на «положение спецпереселенца сроком на 6 лет» и выслан в Карело-Финскую республику. Основанием для выселения явились постановление Государственного Комитета Обороны СССР №9871-с от 18 августа 1945 г. и директива МВД СССР №97 от 20 апреля 1946 г. Последняя имела отношение к бывшим полицейским, власовцам⁴⁸.

Неоднократно выселялись местные немцы, избежавшие депортации в 1941 г. и добровольно или принудительно не переселенные в Польшу или Германию в период оккупации.

Так, в 1946 г. Даниил Зис был «взят на учет по месту жительства» и выслан в Талды-Курганскую область. Аналогично – Раиса Бобельц, Игнат Дайн. Зигмунд Клан был «взят на учет с/поселения по месту жительства в 1945 г.» и выслан в Актюбинскую область, так же, как в 1946 г. из этого же Наровлянского района туда же были высланы Адольф Найман, Ольга Каминская. Семья Байтлеров (4 человека) в 1946 г. была выслана из д. Березовка в Актюбинскую область на основании директивы НКВД СССР от 4 сентября 1945 г.⁴⁹

3 декабря 1948 г. Управление МВД Полесской области составило документ – «Список семей и одиночек немцев (граждан СССР), направляемых на спецпоселение из Полесской области БССР, на основании директивы МВД СССР №239 от 12 октября 1946 года». В списке – 116 чел. Мужчины, женщины, дети. Самая старшая – Кароля Адамовна Шульц, 1875 г.р. Самые младшие – Людмила Андреевна Финке и Валентина Ивановна Тишковская, обе 1948 г.р. Эти люди были из разных мест Полесской области. Из Наровлянского района – 18 чел. (д. Антоновка – 7, д. Осиповка – 2, д. Александровка – 2, д. Березовка – 4, г.п. Наровля – 3). Из Ельского района – 53 чел. (д. Роза Люксембург – 50, д. Млинок – 3). Из Туровского района – 10 (д. Хлупин (Лупин) – 4, д. Переров – 5, г.п. Туров – 1). Из Житковичского района – 35 чел. (д. Логвище – 10, д. Посто-

⁴⁵ Там же. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1.

⁴⁶ АУВДГО. Д. 147.

⁴⁷ Полян П. Не по своей воле... С. 150.

⁴⁸ АУКГРБГО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1.

⁴⁹ АУВДГО. Д. 138, 126, 125, 90, 91, 92, 121, 81, 82, 83, 84.

лы – 4, д. Буда – 12, д. Селько (Солько) – 4, д. Березовка – 3, д. Сукочи – 1, д. Дедовка – 1). Высылаемые были этапированы в г. Оршу, где их принял конвой сопровождения до ст. Тюмлюнь Восточно-Сибирской ж/д⁵⁰.

Выселялись немцы, прибывшие в родные места из других регионов СССР, и местные немцы, находившиеся в военное лихолетье на не оккупированной территории СССР. Так, Отилия Лопарт, проживавшая до войны в д. Майдан, в 1944 г. возвратилась домой из Тамбова. В 1947 г. была выслана в Казахстан. Уроженки д. Майдан, Мелита Найман и Эмма Мальцева, были высланы в 1945 г. из Тамбовской области в Актюбинскую область. Уроженка д. Роза Люксембург, Альмида Вицке, 1937 г.р., с 1941 по 1950 г. воспитывавшаяся в детском доме (Тамбовская область), в 1951 г. была отправлена к отцу в Талды-Курганскую область, где по достижении 16-летнего возраста была взята на учет как спецпоселенка⁵¹.

Как отмечают местные жители, «после войны немцы возвращались. В 1947–1949 гг. высылали уже вернувшихся», «В 1947–1949 гг. некоторых немцев снова высылали, например, к Байкалу»⁵². По информации А.Фендач, «Которые немцы вернулись, их сразу после войны, там, через год или сколько, всех забрали и выслали. Всех чисто выслали, буквально всех»⁵³. В данном случае имеются в виду местные немцы, избежавшие депортации 1941 г. и пережившие войну, находясь в Украине.

На 1 октября 1949 г. в СССР на спецпоселении находились 2 134 188 чел., из них немцев – 1 099 758 чел.⁵⁴. Депортированное немецкое население получило административный статус «немцев-спецпоселенцев», наряду с такими категориями спецпоселенцев, как «кулаки», «поляки», «власовцы», депортированные «народы Северного Кавказа»⁵⁵.

Статус спецпоселенцев регламентировался рядом нормативных документов, в частности, постановлением СНК СССР от 8 января 1945 г. «О правовом положении спецпереселенцев». 28 июля 1945 г. вышло постановление «О льготах спецпереселенцам», затрагивающее, в основном, сферу сельскохозяйственного налогового обложения. Данное постановление имело непосредственное отношение к немцам, высланным из белорусского полесского региона, т.к. они в основном были заняты в сельском хозяйстве, работали в колхозах.

В Указе Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. «Об уголовной ответственности за побег с мест обязательного и постоянного поселения лиц, высланных в отдаленные районы Советского Союза в период

⁵⁰ АУКГБРБГО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1.

⁵¹ АУВДГО. Д. 163, 92, 120, 144.

⁵² Информанты: Верман Берта Карловна, Скоростецкая Нина Михайловна.

⁵³ Информант: Фендач Анастасия Станиславовна.

⁵⁴ Так это было: Национальные репрессии в СССР ... С. 146.

⁵⁵ АУВДГО. Д. 128.

Отечественной войны» отмечалось, что они «переселены в предоставленные районы навечно и что выезд их с мест поселения без особого разрешения органов МВД карается каторжными работами до 20 лет». До этого за «самовольную отлучку» предусматривалось наказание в виде 8-ми лет тюрьмы. Распоряжением Министра Внутренних Дел и Генерального прокурора СССР от 22 декабря 1948 г. подчеркивалась необходимость неукоснительного соблюдения вышеназванного Указа и постановлялось, что «выселенцы, уклоняющиеся в местах их поселений от общественно-полезного труда», подлежат наказанию в виде «замены высылки заключением в исправительно-трудовых лагерях сроком на 8 лет»⁵⁶.

Все нормативные документы объявлялись спецпоселенцам под расписку. Они должны были ежемесячно отмечаться в спецкомендатуре. Трудовые книжки на них стали заводиться только с 1947 г. До 1955 г. спецпоселенцы жили без паспортов⁵⁷. Селения, в которых проживали выселенцы, были разбиты на «десятидворки» с назначением «старшего десятидворки»⁵⁸, несшего административную ответственность за его подопечных в рамках данной «территориально-административной» единицы.

Тоталитарная система не только жестко регламентировала образ жизни спецпоселенцев, но и контролировала умонастроения людей. Так, в 1950 г. осведомитель доносил в спецкомендатуру о недовольстве Гульды Янке, работавшей в одном химлесхозах в Свердловской области, плохими жилищными условиями. В агентурном донесении агента «Павлова» коменданту лагеря «Башлыково» (лесопункт в КомиАССР) в 1954 г. отмечалось: «Зашел разговор о недостатке селедки в магазине. Энш Эльза (спецпоселенка. – В.П.): "Их недостаточно потому, что их все поедают в Кремле". Агенту "Павлову" было дано задание: "Выяснить политические и антисоветские настроения Энш"»⁵⁹.

О жизни своей семьи, репатриированной в 1945 г. из немецкого города Литцманнштадта, вспоминают Зигмунд и Тереза Ябс.

«Когда война кончилась и русские войска вступили в город, нас стали обратно отправлять в Россию. Куда именно мы попадем, никто нам не говорил. Я (Тереза Ябс. – В.П.) помню, что нас пропускали через большие ворота, и русские военные забрали чемодан с немецкими документами. Так у нас не осталось ни одного документа. Обрато везли нас очень долго, то на повозках, то на поезде, то пешком шли. Около месяца мы были в Нойбранденбурге,

⁵⁶ Так это было: Национальные репрессии в СССР... С. 244, 294–296; Полян П. Не по своей воле... С. 115, 144–145.

⁵⁷ Кириллов В. Советские немцы в Тагиллаге // Наказанный народ. Репрессии против немцев. Материалы конференции «Репрессии против российских немцев в Советском Союзе в контексте советской национальной политики». М., 1999. С. 148.

⁵⁸ АУВДГО. Д. 145.

⁵⁹ Там же. Д. 80, 79.

потом в Гродно некоторое время. Из Германии нас вывезли, было еще лето, а когда привезли в Вологду, была уже поздняя осень, примерно ноябрь месяц, судя по тому, что уже снег лежал. На спецпоселении мы проживали в Вологодской области, Тотемский район, поселок Винница (или Воиница?), Никольский сельсовет. Ранее там была зона для заключенных. Там был такой голод... Кто в Вологде не жила, тот голода не видал! Во время проживания на спецпоселении в 1947 г. умерла сестра нашего папы Ябс Ольга в возрасте 10 лет. В школу детей не пустили, а заставили работать в колхозе. Так, я (Зигмунд Ябс. – В.П.) с 9-ти до 19-ти лет работал в колхозе пастухом. Деньги не давали, расплачивались зерном, мукой. Нас куча детей у матери, с голоду пухли. Одежду, обувь не на что было купить. Помню, работал я пастухом, пас колхозное стадо, обуви не было, босиком ходил, а уже холодно было, так я вот как приспособился: корова ходит в туалет, я прыг в лепёшку! Ноги грею, потом в другую лепешку, теплую. Так и выживал»⁶⁰.

Система спецпоселения, репрессивная по своей сущности, соответствующим образом законодательно оформленная, развивалась, поглощая все новые и новые «контингенты» людей. В силу буквы и духа законов, относящихся к немецкому населению, и сформировавшейся практики их применения, в категорию спецпоселенцев попадали люди, формально к ней не имевшие отношения. Можно констатировать, что власти «творчески» применяли законы, расширяя объект их воздействия.

Так, Устин Дайн, немец, уроженец д. Роза Люксембург, в 1934–1937 гг. служил в РККА. В июне 1941 г. был мобилизован, воевал, в связи с ранением был демобилизован. Приехав в Казахстан, подпал под категорию спецпоселенца. В просьбе о снятии несправедливого ограничения гражданских прав ему в 1949 г. было отказано⁶¹.

Аналогичная ситуация произошла с Эдуардом Германом, 1913 г.р., уроженцем д. Сукачи Житковичского района. До Великой Отечественной войны отслужил в Красной Армии, с ее началом был мобилизован в армию, воевал, в звании лейтенанта командовал ротой, был ранен, награжден орденом Красной Звезды. Демобилизованный по состоянию здоровья (инвалид войны II группы) из армии, в 1942 г. приехал в с. Ванновка Южно-Казахстанской области, где в сентябре 1949 г. был взят на спецучет. 1 октября и 1 ноября 1949 г. Герман пишет заявления (жалобы) Председателю Президиума Верховного Совета и Министру Внутренних Дел СССР. Он отмечает, что до сентября 1949 г. проживал в Ванновке «как гражданин СССР, не имея никаких ограничений. Взяли на учет, т.к. я по национальности немец». Просит разобраться и снять со спецучета. В связи с этим в справке Управления МВД по Южно-Казахстанской области разъяснялось, что Герман подпал под действие Указа МВД КазССР 1949 г. о

⁶⁰ Информанты: Ябс Зигмунд Александрович, Карпова (Ябс) Тереза Александровна.

⁶¹ АУВДГО. Д. 125.

взятии на учет спецпоселения всех офицеров запаса, «принадлежащих к немецкой национальности». В просьбе Герману было отказано⁶².

Любовь Польшевская, немка, уроженка Житковичского района в 1949 г. по вызову сына приехала вместе с дочерью к нему в Акмолинскую область, где была поставлена на спецучет⁶³.

После смерти Сталина в 1954–1955 гг. издается ряд нормативных документов, облегчающих положение спецпоселенцев. С учета спецпоселения были сняты дети граждан немецкой национальности, их стали призывать на военную службу, регулярность явки для регистрации в органы МВД ограничилась 1 разом в год⁶⁴.

13 декабря 1955 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении». С выселенных немцев снимался учет спецпоселения, они освобождались от административного надзора органов МВД. Однако отмечалось, что «они не имеют права возвращаться в места, откуда они были выселены», конфискованное при выселении имущество не возвращалось.

В Указе Президиума Верховного Совета СССР от 29 августа 1964 г. констатировалось, что обвинения и выселение немцев Поволжья по Указу от 28 августа 1941 г. «были неосновательными и явились проявлением произвола в условиях культа личности Сталина». Фактически, это была политическая реабилитация всего необоснованно депортированного немецкого населения СССР в 1940-е гг. Тем не менее, лишь в 1972 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 3 ноября с немцев были сняты ограничения в выборе места жительства⁶⁵.

Обобщая вышесказанное, отметим, что Трагедия этнических немцев Восточного Полесья Беларуси в 30–40-е гг. XX в. была обусловлена реалиями сталинского социализма. Депортация 1941 г. и последующие высылки местного немецкого населения значительно подорвали местную немецкую общину.

⁶² Там же. Д. 199.

⁶³ Там же. Д. 77.

⁶⁴ Полян П. Не по своей воле... С. 146; Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину ... С. 260.

⁶⁵ Так это было: Национальные репрессии в СССР... С. 245, 246–248.

В. В. Солодова (Одесса)

Выселение немцев из Одесского региона (июнь–август 1941 г.): проблема поиска источников

Депортация немецкого населения достаточно долгое время оставалась запретной темой, и до начала 1990-х гг. не была объектом специального исследования. Только в последние десятилетия, благодаря опубликованным официальным документам, стали известны факты дискриминации по национальной принадлежности по многим регионам России и стран СНГ⁶⁶, в том числе и Украины. Это прежде всего Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 31 августа 1941 г. «О немцах, проживающих на территории Украинской ССР» и Постановление ГКО от 22 сентября 1941 г. «О переселении немцев из Запорожской, Сталинской и Ворошиловградской областей»⁶⁷. Однако среди перечисленных в документах областей, отсутствуют сведения об организованном и массовом переселении немцев из Одесского региона, который на 1941 г. включал в себя Одесскую и Измаильскую области.

Передо мной стояла задача попытаться выяснить причину отсутствия таких документов, которое выглядит нелогичным в связи с тем, что регион являлся одним из крупнейших мест в Украине компактного проживания немцев еще со времен их переселения в Российскую империю. Это был район, находившийся вблизи государственной границы с Румынией.

Специальные исследования, на эту тему мною не обнаружены, удалось лишь в опубликованном официальном документе найти информацию о количестве выселенных немцев из Одесской области вместе с данными по другим областям⁶⁸.

Возможно, ответ на поставленный вопрос связан с недоступностью таких документов. При официальном обращении в архив УМВД Одесской области мною был получен отказ. Оставался один путь – поиски материалов в рассекреченных документах военного периода в фонде «Управления службы безопасности Украины в Одесской области» Госархива Одесской области. Для выяснения боевых действий Красной армии, на рассматриваемой территории, в начальный период

⁶⁶ История российских немцев в документах (1763–1992 гг.) / Сост. В.А. Ауман, В.Г. Чеботарева. М., 1993. С. 159–168; *Герман А.А., Курочкин А.Н.* Немцы СССР в «трудовой армии» (1941–1945). М., 1998. С. 29–31; *Герман А.А., Иларионова Т.С., Плева И.Р.* История немцев России. М., 2005. С. 432–433.

⁶⁷ <http://www.alexanderyakovlev.org/> (17.01.2011)

⁶⁸ Иосиф Сталин – Лаврентию Берию: «Их надо депортировать» // Сост. Н.Ф.Бугай. М., 1992. С. 59.

войны, обратилась к материалам сайта <http://bdsa.ru/> и материалам, хранящимся в фондах Одесского историко-краеведческого музея, а также к опубликованным документам, среди которых Донесение командования Южного фронта № 28/оп И.В. Сталину и С.М. Буденному об обстреле немецким населением отступающих войск Красной Армии 3 августа 1941 г. Вот его содержание:

«Ставка Верховного Командования тов. Сталину

Главком тов. Буденному

1. Военные действия на Днестре показали, что немецкое население стреляло из окон и огородов по отходящим нашим войскам.

Установлено также, что вступающие фашистско-немецкие войска в немецкой деревне 1.8.41 г. встречались хлебом, солью.

На территории фронта имеется масса населенных пунктов с немецким населением.

2. Просим дать указания местным органам власти о немедленном выселении неблагонадежных элементов.

Тюленев
Запорожец
Романов»¹.

При всей атрактивности документа, мы оказались ограничены датами, авторитетными именами, географическими названиями и национальной принадлежностью. К моменту появления этого документа части Южного фронта имели большие потери и были измучены непрерывными 40-дневными боями, а обстановка на кировоградском и первомайском направлениях создавала прямую угрозу Одессе, Николаеву и Кривому Рогу. 9-й армии, входившей в состав фронта, противостояли части 11-й немецкой, 3-й и 4-й румынских армий, из группы армий «Юг»². Поэтому в тот же день – 3 августа 1941 г. – в ставку ВГК было направлено еще одно обращение командующего Южным фронтом И.В. Тюленева, о принятии срочных мер по усилению войск Южного фронта.

С 20 июля 1941 г. 9-я армия, сдерживая противника действиями арьергардов во взаимодействии с авиацией, приступила к планомерному отходу на восточный берег Днестра через молдавские, болгарские, русские, украинские села и бывшие немецкие колонии. В военных донесениях это не только Исерлия, Иванешти-Ноуи Чобручи, Фараоновка, Куружейка, Юрьевка, Граденица, Маяки, Каролино Бугаз но и, Лейпциг, Кульма, Березино, Тарутино, Арциз, Якобсталь, Гнаденсфельд, и др.

Через эти населенные пункты проходили 25-я и 51-я стрелковые дивизии 14 стрелкового корпуса 9-й армии, отражая попытки разведгрупп противника,

¹ Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне: Сборник документов. Т.1. Кн. 2. Начало. 22 июня – 31 августа 1941 г. М., 2000. С. 447–448.

² Боевое донесение командующего войсками Южного фронта № 0026/оп в Ставку Верховного Командования о боевых действиях войск фронта (3 августа 1941 г.) // <http://bdsa.ru.> (9.01.2011).

пытающихся проникнуть на восточный берег Днестра, а к 27 июля они заняли оборону по восточному берегу р. Днестр на участке Тирасполь – Граденица – Каролино Бугаз. К 29 июля было завершено сосредоточение в районе Кучур-гана, где войска с подходом 95-й стрелковой дивизии 14 стрелкового корпуса продержались до 7 августа 1941 г.³ А 8 августа 1941 г. Приказом начальника гарнизона Одессы Г.В. Жукова город уже с окрестностями был объявлен на осадном положении⁴.

С 29 июля по 2 августа 1941 г. части 95-й стрелковой дивизии 14 стрелкового корпуса, 30-й гвардейской стрелковой дивизии и 95-й стрелковой дивизии 35 стрелкового корпуса сдерживая противника, который развивал наступление в направлении Глиное, Караманово, хутор Гартоп, вели ожесточенные бои на участке Дубоссары, Григориополь. Противник овладел Глиным к 16.00 30 июля, но бои продолжались. Чтобы не допустить расширения, захваченного врагом плацдарма в районе Григориополь, командующим 9-й армии генерал-полковником Я.Т. Черевиченко была поставлена задача для «95-й стрелковой дивизии в составе 90 стрелкового полка, 241 стрелкового полка, 256 стрелкового полка, 369 стрелкового полка и приданных отрядов восстановить положение в районе Шибка, Павловка, Глиное, имея в виду в дальнейшем нанести удар своим левым флангом в направлении Дороцкое с целью совместно с частями 51-й стрелковой дивизии уничтожить противника в районе Дубоссары, Григориополь, не допуская его отхода на западный берег р. Днестр»⁵. На остальном фронте 9-й армии боевых действий в это время не было. 3 августа на своем правом фланге 95-я стрелковая дивизия 14 стрелкового корпуса вела бои на рубеже Шибка, Колосово. Противник всячески пытался переправиться на восточный берег р. Днестр⁶.

Бои продолжавшиеся несколько дней проходили на территории бывшего Глюкстальского колониетского округа, основанного в 1805 г. на левом берегу Днестра, к северу от Тирасполя. Округ включал немецкие села: Бергдорф(BERG DORF, на 1941 г. Колосово), Глюксталь (GLUCKSTAL, на 1941 г. Глиное), Кассель(KASSEL), Нейдорф (NEUDORF, на 1941 г. Караманово) и др. Центр – с. Глюксталь. Села Карманово, Колосово, Глиное в советское время относились к АМССР, МССР, Кассель – УССР (современное название Велико-комаровка, находится на территории Одесской области).

Таким образом, оперативные донесения 9-й армии позволили определить расположение советских войск на момент появления донесения 3 августа 1941 г. Это район села Глиного, бывшей немецкой колонии, расположенной в 13 километрах от районного центра Григориополь, ныне – территория Молдовы.

³ <http://bdsa.ru>. (9.01.2011).

⁴ Одесса в Великой Отечественной войне Советского Союза: Сборник документов и материалов. Одесса, 1947. С. 28.

⁵ <http://bdsa.ru/documents/html/donesaugust41/410801.html> (12.01.2011).

⁶ Там же.

В донесении командования Южного фронта №28/оп И. В. Сталину и С. М. Буденному речь шла о двух фактах: 1. Обстрел местным немецким населением отступающих войск Красной Армии; 2. Встреча хлебом с солью фашистско-немецких солдат в немецкой деревне.⁷

Было это или не было – однозначно ответить нельзя.

Примерно в то же время, с 30 июля по 1 августа 1941 г., несколько южнее Григориополя у молдавского села Калфа, румынские солдаты, которых немецкое командование бросало впереди своих частей, предпринимали очередную попытку переправиться на восточный берег Днестра. И это им не удавалось из-за охватившего их панического ужаса, страха смерти, гибели. И не только от «русской артиллерии», но и от местных жителей. Они открывали огонь по «румынским офицерам, которые пытались произвести исследование и зондирование реки, переодевшись в гражданские костюмы». Это описано в дневнике румынского юнкера М. Олтяну, убитого 23 августа на подступах к Одессе, выдержки из которого были опубликованы в газете «Красная звезда»⁸. Если уж затрагивать проблему коллаборационизма, то следует отметить, что село Калфа до 1940 г. находилось на территории Румынии, а не на советской стороне, где «хлебом с солью» встречали немецкую армию. В то же время документальные источники подтверждают участие этнических немцев в борьбе с гитлеровским оккупационным режимом, в том числе и на Юге Украины⁹.

Запреты и ограничения в использовании архивных материалов для реальной оценки происходивших событий летом 1941 г. в Одесской области, в отношении немецкого населения будут и впредь создавать возможность искажения правды в угоду той или иной политической конъюнктуре в любом государстве.

Важнее знать, какой была обстановка в Одесской и Измаильской областях, начиная с 22 июня 1941 г.

С первого дня Великой Отечественной войны был политический настрой на непримиримую борьбу с врагами, шпионами, диверсантами. Ежедневно на имя Первого секретаря Одесского обкома партии, члена Военного совета 9-й армии А.Г. Колыбанова и Первого секретаря Измаильского обкома КП(б)У М.Г. Кузнецова поступала информация о «морально-политическом состоянии» каждого района.

Обычным явлением стали политинформации, митинги во всех населенных пунктах, предприятиях и учреждениях о защите советских границ, о помощи «непобедимой Красной Армии»¹⁰, с обязательным разъяснением выступления

⁷ Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне: Сборник документов. Т.1. Кн. 2. Начало. 22 июня – 31 августа 1941 г. М., 2000. С. 447–448.

⁸ Симонов К. Записки румынского юнкера // Красная звезда. 1941. 3 сентября.

⁹ Герман А., Шульга И. «Не бывать фашистской свинье в нашем советском огороде» // Родина. 2010. №5. С. 28–31; Солодова В. Этнические немцы и подпольно-партизанское движение на временно оккупированной территории Юга Украины (1941–1944) // Вісник Одеського історико-краєзнавчого музею. 2010. № 9. С. 40–44.

¹⁰ Государственный архив Одесской области (далее – ГАОО). Ф. Р-4980. Оп. 1. Д. 24. Л. 2.

Народного комиссара иностранных дел СССР В.М. Молотова по радио 22 июня 1941 г., а также поездки «политуполномоченных» по селам для выполнения заданий по мобилизации¹¹. Во время поездок «ответственные работники» районов контролировали выступления, настроения призывников, жителей сел (на уровне соседей, разговоров в магазине, на базаре и т.д.), но вынуждены были констатировать, что «на периферии нашей области» имеют место факты открытой антисоветской пораженческой агитации¹². Беспокойство вызывали высказывания жителей Бессарабии не немецкого происхождения на бытовом уровне: «Большевики долго не продержатся, немец скоро придет заберет всю Россию»; «Советский Союз занимает невыгодную позицию в нынешней войне, весь народ Бессарабии против Советской власти, так как она нас преследует»; «Мне жилось лучше при румынах»; «Наших мужей забрали в армию, мы своих хат не имеем, нас оставили в бывших немецких хатах, нам нужно из бывших немецких колоний уезжать на прежнее местожительство» и т.д.¹³ За этим шло проведение агентурно-следственных мероприятий и аресты¹⁴.

Отчеты «политуполномоченных» фиксировали поимку немецкого парашютиста колхозниками с. Гнаденфельд, задержание неизвестного, оказавшимся местным немцем из с. Розенфельд, трактористом Байрамчанской МТС (на 26.06.41)¹⁵. К выявлению шпионов привлекались и школьники, начиная с младших классов: «Дети с. Каиры 8–9 лет ловили немецких шпионов и были премированы райисполкомом».¹⁶ Тенденциозность в подаче информации можно увидеть в отчетных документах Первого секретаря Овидиопольского РК КП(б)У Одесской области И.Г. Илюхина. Он описывает, что «в первый день войны немецкие самолеты при бомбежке Овидиополя сбросили на здание Райсовета несколько десятков авиазажигательных бомб. В момент спасения здания от пожара на чердаке был обнаружен местный житель немец, который подавал сигналы через слуховое окно здания, сигнализировал немецкой авиации, был пойман и передан военным властям и впоследствии расстрелян»¹⁷. Отношение к немецкому населению со стороны не только местных властей, но и командиров воинских частей, дислоцировавшихся на территории Одесской области, было неоднозначным. Интерес представляют воспоминания Л.М. Миляева, который на 1941 г. был командиром 19-й роты курсантов Одесского пехотного училища, чей летний лагерь находился под Одессой в бывшей колонии Петерсталь. Там их и застало известие о начале войны. Была получена информация о высадке десанта по захвату полигона для последующего посадочного десанта. И отряд в

¹¹ Там же. Л. 10.

¹² Там же. Л. 22–24.

¹³ Там же. Л. 3, 10, 22.

¹⁴ Там же. Л. 22–24.

¹⁵ Там же. Л. 11.

¹⁶ Там же. Л. 10.

¹⁷ ГАОО. Ф. П-92. Оп. 1. Д. 240. Л. 5.

100 человек под командованием Л.М. Миляева выдвинулся на его уничтожение. Командир вспоминал, что когда они «проходили через немецкую колонию, то все население вышло нас "встречать или провожать". Все немцы были одеты в праздничные одежды, с плясками и гармошками. Признаться нам было даже приятно, что нас так провожают, т.е. поднимают нам дух. Но на второй день было известно, что эти немцы были настроены против советского народа и они веселились в честь военных действий Германии»¹⁸.

В июне–июле 1941 г. были созданы истребительные батальоны Овидиопольского и Одесского Пригородного районов из колхозников, рабочих совхозов, которые являлись сельскими активистами, депутатами районных советов и сельсоветов. Бойцы батальонов занимались строительством оборонительных укреплений (противотанковые рвы, траншеи, ходы сообщения, волчьи ямы и отдельные доты), вылавливанием диверсантов, задержанием отставших бойцов Красной Армии от своих частей и т.д.¹⁹

На бойцов батальонов возлагалась и ликвидация любых очагов диверсий, особенно в немецких населенных пунктах Овидиопольского района, в селах Большая Аккаржа, Малая Аккаржа, Францфельд, Мариенталь, Петерсталь и др.²⁰ Именно от руководства Овидиопольского истребительного батальона поступала информация о «случаях обстрела из укрытий», об отравленной воде в колодцах, о «мелком толченном стекле в еде», которой кормили бойцов батальонов в немецких селах, в период строительных работ по укреплению оборонительных рубежей²¹. 1-я рота истребительного батальона в Одесском Пригородном районе была размещена в колхозах им. Тельмана и Розы Люксембург в с. Гильдендорф. Она занималась «вылавливанием шпионов и диверсантов засылаемых в наш город через наш Пригородный район фашистской Германией». Бойцами роты был задержан 21 шпион²².

С началом войны была развернута агитационная кампания, направленная на выявления внутреннего врага. Истоки кампании по Одесскому региону уходят в 1930-е гг., когда, используя как предлог пограничное положение Одессы, сосредоточение важной оборонной промышленности, советские власти стали рассматривать местное немецкое население, как потенциальную «питательную силу и актив для подрывной деятельности» разных диверсионных организаций²³. Еще в 1937 г. первый секретарь Одесского обкома КП(б)У Н.И. Кондаков согласовывал с секретарем ЦК КП(б)У С.В. Косиором план выселения из не-

¹⁸ Одесский историко-краеведческий музей. Инв. № Д-14959.

¹⁹ ГАОО. Ф. П-92. Оп. 2. Д. 74. Л. 111, 113об.

²⁰ ГАОО. Ф. П-92. Оп. 1. Д. 240. Л. 5.

²¹ Там же. Л. 15.

²² ГАОО. Ф. П-92. Оп. 2. Д. 74. Л. 111, 113об.

²³ Плесская Э. Г. Подготовка национальных педагогических кадров для немецких школ Украины (1924–1938 гг.) // Немцы Одессы и Одесского региона Одесса, 2003. С. 302–303.).

мецких районов до 5 тыс. семей (из Зельцкого – 1800 семей, Спартаковского – 1800, Карл-Либнехтовского – 1400)²⁴. Получается, что к 1941 г. идеологическая почва для выселения уже была подготовлена, а начало военных действий только оправдывало такое намерение местных властей. В «Краткой справке о работе и деятельности Овидиопольской партийной организации Одесской области по мобилизации партийной, комсомольской организаций, трудящихся Овидиопольского района для борьбы с румыно-немецкими оккупантами в период Великой Отечественной войны», составленной бывшим Первым секретарем Овидиопольского РК КП(б)У И.Г. Илюхиным, находим упоминание о выселении из района (с. Б. Аккаржа, М. Аккаржа, Францфельд, Мариенталь, Петерсталь и др.) более 800 немецких семей в конце июля начале августа 1941 г., с «целью ликвидации любых очагов диверсий».²⁵ Местные власти, еще до выхода директивных документов по депортации, реализовывали идею выселения по своей инициативе. Эти семьи, по всей вероятности, попали в статистические данные Отдела спецпереселений НКВД СССР на 1 октября 1941 г. о переселении немцев из Украинской ССР и вошли в число тех 6 тысяч человек, о которых упоминается в современных исследованиях²⁶.

Было ли это выселение массовым? Некоторые авторы объясняют репрессивную политику по отношению к немецкому населению, неудачами и потерями в первые месяцы войны²⁷. Но архивные документы наглядно подтверждают, что аресты проводились с самого начала Великой Отечественной войны – с 22 июня, а массовый характер они приобрели уже на следующий день – 23 июня 1941 г. Военным властям предоставлялось право признавать лиц «социально опасными» на территориях, где объявлялось военное положение²⁸. Такую информацию удалось получить из документальных материалов фонда «Управление Службы безопасности Украины в Одесской области» (Р-8065). Государственного архива Одесской области. Он включает в себя 13 390 дел, прекращенных из-за недостаточности собранных доказательств. Впоследствии, все лица, которые упоминаются в материалах этого фонда, были реабилитированы – за отсутствием состава преступления. Но даже существование фонда не дает возможности определить наличие документов по выселению немцев.

Существующая опись была создана по именному принципу. Оставался один выход – просмотр дел, начинавшихся в 1941 г. Было *отобрано* 549 дел. 549

²⁴ ГАОО. Ф. П-11. Оп. 1. Д. 878. Л.1.

²⁵ ГАОО. Ф. П-92. Оп. 1. Д. 240. Л. 5.

²⁶ Иосиф Сталин – Лаврентию Берию: «Их надо депортировать» // Сост. Н.Ф.Бугай. М., 1992. С. 59; Дынзес А. Немцы Украины жертвы сталинских репрессий. 1929–1955 гг.: Сборник документов. Донецк, 2002. С. 35; Чебыкина Т., Депортация немецкого населения из европейской части СССР в Западную Сибирь (1941–1945 гг.) // <http://hghltd.yandex.net/yandbtr?mode=inject&url=http://www.bronexod.com>. (8.02.2011).

²⁷ Дизендорф В. Депортация российских немцев в 1941–1942 гг.: причины, особенности, последствия // <http://wolgadeutsche.ru/diesendorf/deportation.htm> (9.02.2011).

²⁸ Айсфельд А., Бруль В. Депортация // Немцы России. Энциклопедия. М., 1999. С. 698.

дел – это 584 человека, представителей разных национальностей, подвергшихся репрессиям. Среди этих дел удалось обнаружить 11,13%(65 чел.) немцев, от общего числа репрессированных, наряду с болгарами – 29,45% (172), евреями – 6,68% (39) и остальными (русские, украинцы, чехи, поляки, венгры, эстонцы, армяне) – 52,% (308).

Половина рассмотренных дел касалась людей, арестованных в Одессе. Аресты проходили и по районам Одесской области – Беляевском, Яновском, Коминтерновском, Овидиопольском, Фрунзовском. Лидировал Овидиопольский район и особенно с. Кляйн Либенталь, затем Спартак, Петерсталь, Александергильф, Йозефсталь. Это можно объяснить их близким расположением к Одессе. Самый поздний арест был произведен 22 июля 1941 г.

Арестовывали немцев, относящихся к разным социальным слоям, уровню образования, местожительства и работы – колхозников, рабочих, преподавателей школ и вузов.

Характер репрессий сохранился с 1930-х гг., как и тогда, в 1941 г. преобладали групповые обвинения. Так, колхозники К.Г. Вальц, В.А. Мерклингер, Г.А. Нидер, П.И. Грец, Л.А. Кирхкеснер; Л.К. Гейзер, Н.Г. Гейзер²⁹ обвинялись в организованном проведении контрреволюционной пропаганды среди жителей Кляйн-Либенталья(Овидиопольский район Одесской области), восхвалении фашистского строя Германии и ее армии³⁰. Кучеры гужевого обоза Одесского порта И.И. Дергайм, Я.Л. Ротенберг, М.Я. Швинд были арестованы за дискредитацию мероприятий партии и правительства за распространение контрреволюционных измышлений³¹. Группе жителей Одессы – Э.И. Штефан, Ж.И. Мюллер, И.Я. Мюллер, О.Р. Рик, Г.Г. Преше инкриминировались «высказывания недовольства существующим строем СССР и восхваления фашизма»³², участие в контрреволюционной организации и проведение антисоветской агитации.³³

Арестам подвергались и жители Измаильской области, которая была создана после присоединения Бессарабии. Это были немцы, которые по разным причинам не выехали в Германию в 1940 г., среди них – дети от смешанных браков, члены семьи не немецкого происхождения. Они, оставшись на территории УССР, попадали под подозрение органов НКВД, как вероятные шпионы. Арестованные в Бриенах, Тарутино, Сарате, Килие, находились сначала в Аккерманской, а потом Одесской тюрьме, дальше их «эвакуировали для содержания под стражей в Новосибирскую тюрьму №1»³⁴ или Вологду. Так, 28 июня 1941 г. в Бриенах (Арцизский район Измаильской области) была арестована Иоганна Штурм (1886 г.р.), ее обвинили в распространении анти-

²⁹ ГАОО. Ф.Р-8065. Оп. 2. Д. 2116.

³⁰ Там же. Л.161.

³¹ Там же. Д. 9036. Л. 58об.

³² Там же. Д. 1038. Л. 214.

³³ Там же. Л. 105.

³⁴ Там же. 12079.

советских слухов о войне. Но все допросы с ней велись через переводчика, т.к. она не знала русского языка. «Доказательством вины служат признания самой обвиняемой»³⁵. Она получила 8 лет ИТЛ.

По мнению органов советской власти, жители Бессарабии проводили вражескую деятельность против СССР в пользу Германии, могли группировать вокруг себя оставшихся немцев и антисоветски настроенных лиц. То, что эти люди не выехали вызывало подозрение со стороны органов НКВД, поэтому в обвинительных документах сохранялась формулировка – «подозрительный по немецкому шпионажу»³⁶.

Как свидетельствуют справки из сельских советов, датировка протоколов допросов, в том числе допросов свидетелей (свидетелями были, в основном те, кто и доносил), следствия проводились до конца июля, однако в Одессе не было вынесено ни одного приговора.

Приговоры выносили уже в Новосибирске или Вологде, основываясь на материалах дел полученных из Одесской, Аккерманской тюрем. Если дело утрачивалось в пути следования, выносилось постановление о возобновлении следственного дела на того или иного заключенного. Свидетелями выступали уже сокамерники, которые подтверждали антисоветские высказывания в камере. Большая часть приговоров была вынесена в январе 1942 г. мае–июне 1942 г., более поздние в декабре 1942 г., и как исключение – июнь 1943 г.

Формулировка была одна – обвинение в совершении преступления предусмотренного ст.ст. 54-10 ч.1 и 54-11 УК УССР или ст.ст. 58-10 ч.1, 58-11 УК РСФСР.

Как известно, некоторые заключенные не доживали до конца срока следствия, или вынесения приговора. Наказание отбывали в Томско-Асинском (Томасинлаг), Сибирском (Сиблаг), Карагандинском (Карлаг), Красноярском (Краслаг), Ухтоижемском исправительно-трудовых лагерях НКВД.

В поисках врагов-немцев, арестовывали людей других национальностей: эстонцев, поляков, евреев, исходя из фамилий. Так, 6 августа 1941 г. в Одессе был арестован еврей Элияш Данилович Штерншус (1884 г.р.) электрик завода «Красный профинтерн». В постановлении на его арест было указано, что он «немец»³⁷. Настоящая национальность выяснилась при первом допросе³⁸. Тем не менее, 25 сентября Штерншусу было предъявлено обвинение, что он является агентом германской разведки³⁹. 13 октября 1941 г. он был расстрелян⁴⁰.

Безосновательным репрессиям подвергались те, кто был ранее исключен из партии, ранее судим, чьи родственники находились под следствием, иногда для этого было достаточно доноса соседей.

³⁵ Там же. 2658.

³⁶ Там же. 13033.

³⁷ Там же. Д. 11740. Л. 1.

³⁸ Там же. Л. 5.

³⁹ Там же. Л. 112.

⁴⁰ Там же. Л. 129.

В обвинительных заключениях, наряду с контрреволюционной и антисоветской деятельностью, наиболее часто встречаемые формулировки: «арестован (а) в период Отечественной войны СССР с фашистской Германией», «эвакуирован из прифронтовой полосы в Новосибирскую тюрьму №1»⁴¹, «особо опасны в виду военных действий».

Всё описанное выше позволяет нам сделать некоторые выводы.

Ни одна из депортаций, даже выселения первых дней войны в Одесском регионе, не имели стихийного характера. Существовал подготовительный период, следом за ним принимались решения высших органов государственной власти и управления, составлялись планы, выделялись средства, обеспечивалась секретность проводимых мероприятий, что отражено в документах. Отсутствие официальных документов по Одесскому региону не находит объяснения на сегодняшний день, тем более что аресты начались с 22 июня 1941 г. Удалось найти упоминание только о 800 семьях, которых выселили из Овидиопольского района. К сожалению, до сих пор нет объяснения, откуда взялось число «6 тыс. человек из Одесской области», встречающееся в исследованиях.

Большинству арестованным в июне–августе 1941 г. было предъявлено обвинение в совершении преступлений по статьям УК УССР и РСФСР. И только в некоторых документах присутствуют формулировки, связанные с их выселением. Вопрос о выселении «неблагонадежных элементов», ставится в Донесении от 3 августа 1941 г., командованием Южного фронта.⁴² Это означает, что на то время, еще не было издано никаких директивных документов, касающихся депортации из Одесского региона.

Сам документ вызывает споры у исследователей. Нами установлено, что указанные события происходили в районе немецких колоний бывшего Глюкстальского округа. Но, на основе просмотренных источников, документальных материалов, опубликованных исследований, трудно сделать вывод относительно адекватности Донесения командования Южного фронта №28/оп И.В. Сталину и С. М. Буденному реальному состоянию дел.

И все-таки, вне зависимости от того, существовала ли директива, как это было в отношении немцев Поволжья и др., или не существовала, как в отношении немцев Одесского региона, выселение было следствием политики, проводимой Сталиным по отношению к разным народам.

⁴¹ Там же. Д. 12098.

⁴² Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне: Сборник документов. Т.1. Кн.2. Начало. 22 июня – 31 августа 1941 г. М., 2000. С. 447–448.

Немцы в Украине: к вопросу о репрессиях и принудительном переселении

Характеристику репрессий и принудительного переселения немцев, проживавших на территории Украинской ССР, считаем нужным предварить лапидарным освещением политического и социального-экономического состояния немецкого этнокомпонента.

В 1931 г. в УССР существовало 7 немецких районов (Пулинский⁴³ – в Волинском округе, Молочанский – в Мелитопольском, Карл-Либкнехтовский – в Николаевском, Спартакровский и Зельцкий – в Одесском, Люксембургский – в Мариупольском, Высокопольский⁴⁴ – в Херсонском), 2 поселковых совета и 252 сельсоветов, 84 из которых находились в составе немецких национальных районов, 9 – в составе Молдавской АССР, 151 – в составе украинских районов, 8 – в национальных (польском, еврейском, греческом, болгарском) районах. В Крымской АССР в 1930 г. был образован Биюк-Онларский (позже – Тельманский) национальный район, а также 36 немецких сельсоветов⁴⁵. В частности, сельские советы существовали в Симферопольском (9), Джанкойском (8), Евпаторийском (4), Феодосийском (3), Керченском, Карасубазарском и Судакском (по 1) районах⁴⁶.

Немцы имели свои школы (в 1924 г. – 566, в 1925/26 уч. году – 625, в которых обучалось более 60 тыс. детей, тогда же в Крыму в 135 немецких школах первой и второй ступени насчитывалось 3726 учеников⁴⁷), педагогический

⁴³ Район был образован Постановлением ВУЦИК 3 июня 1930 г. (Шпак В. Крої і викройки з Полісся // Урядовий кур'єр (Киев). 2007. 27 вересня. С. 16).

⁴⁴ Создан в апреле 1926 г. В том же году из 36 населённых пунктов района 30 были немецкими (в том числе 4 хутора; немцы составляли 67,5% населения района (9375 чел.). Ликвидирован в конце апреля 1939 г. (Энциклопедия «Немцы России». Методические материалы. Вып. 6. М., 2000. С. 64–67).

⁴⁵ Гурбова Л. Тельмановский немецкий район Крымской АССР // Немцы Украины. Материалы к энциклопедии «Немцы России». Вып. 7. М., 2002. С. 198–199; Государственный архив Автономной Республики Крым (далее ГААРК). Ф. Р-157, оп. 5, д. 5; ф. Р-219, оп. 1, д. 156. По состоянию на 1 января 1930 г. в Крыму проживали 46055 немцев (Крым многонациональный. – Симферополь: Таврия, 1988 (Вопросы – ответы; Вып. 1). – С. 278). По состоянию на 14 марта того же года жителями Симферопольского района были 12543 немцев, Бахчисарайского – 167, Джанкойского – 11732, Евпаторийского – 7382, Карасубазарского – 880, Керченского – 1089, Феодосийского – 5121, Судакского – 464, г. Севастополь – 43, г. Ялта – 73 (ГААРК. Ф. Р-663. Оп. 2. Д. 550. Л. 53).

⁴⁶ Крым многонациональный. – Симферополь: Таврия, 1988 (Вопросы – ответы; Вып. 1). С. 66; Крымская АССР (1921–1945). Симферополь: Таврия, 1990. (Вопросы – ответы; Вып. 3). С. 22, 23.

⁴⁷ Панчук М., Польовий Л. Під пресом тоталітарного режиму. Німці України у радянський період // Політика і час. 1992. № 9–10. С. 62; Живи и помни... История меннонитских колоний Екатеринославщины. Днепропетровск, 2006. С. 47; Крым

институт в Одессе и педагогический техникум в Фрейдентале (Крымская АССР)¹.

В 1929 г. в некоторых округах, в том числе в Запорожском, 100% немецких детей посещали учебные заведения².

В области профессионального образования также были достигнуты позитивные результаты. Касалось это, прежде всего, учительских кадров, подготовка которых возобновилась в 1924 г. как через систему педагогических курсов, так и путем создания специальных отделений при государственных институтах народного образования. Тогда же была начата подготовка специалистов для народного хозяйства, причем меннониты одними из первых восстановили профессионально-технические учебные заведения³.

Росло число культурно-просветительных учреждений. В частности, на протяжении 1927–30 гг. количество клубов увеличилось с 77 до 200, избитачитален – с 199 до 255. Количество общеобразовательных школ в 1930 г. составляло 6299⁴.

Проблемы национально-культурного развития немецкого населения изучал немецкий отдел образованного в 1929 г. при этнографической комиссии Всеукраинской АН Кабинета национальных меньшинств. Исследовались фольклор, специфика языковых диалектов и культура немецкого населения, деятельность католических и менонитских общин. Изучались история немецкой и менонитской колонизации украинских земель, особенности экономического развития колоний и т.п.⁵

многонациональный. – Симферополь:Таврия,1988 (Вопросы – ответы; Вып. 1). – С. 274, 275.

¹ Фрейденталь (Окречь) находился в Ичкинском (Феодосийском) районе. Техникум, обучение в котором осуществлялось на русском, немецком языках и на идиш, назывался «Феодосийский интернациональный педагогический техникум». Там же находился и Крымский техникум механизации сельского хозяйства, преподавание в котором осуществлялось на немецком и русском языках. В 1935 г. немцев в этих учебных заведениях обучалось, соответственно, 112 (33,5% всех учащихся) и 82 (26,5%) чел. (Крымская АССР (1921–1945). Симферополь:Таврия,1990. (Вопросы – ответы; Вып. 3). С. 12, 206, 309, 310; Немецкие населенные пункты в СССР до 1941 г.: География и население. Справочник. М.:Общественная академия наук российских немцев,2002. С. 88).

² Живи и помни... История меннонитских колоний Екатеринославщины. Днепрпетровск,2006. С. 47.

³ Ibid.

⁴ Ibid. Незначительное возрастание количества школ объясняется тем, что ещё до 1925 г. почти в каждой немецкой колонии существовала школа. А посему не было надобности создавать новые (Дмитрієнко М., Табачник Д., Чирко Б. Німці в Україні: історія і сучасність // Віче. 1992. № 5. С. 145).

⁵ Безносов А.И. Социально-экономическое и общественно-политическое развитие немецких поселений Юга Украины в начале XX века // Вопросы германской истории. – Днепрпетровск,2000. – С. 117–127; Безносов А.И. Меннониты Юга Украины в годы «Великого перелома» (1928–1933 гг.) // Ibid. С. 75–88; Живи и помни... История меннонитских колоний Екатеринославщины. Днепрпетровск,2006. С. 47.

Немцы имели судебные и следственные камеры (в 1928 г. – соответственно 10 и 2), издательство (в 1927 г. было осуществлено 47 изданий на немецком языке общим тиражом 239 500 экземпляров). На рубеже 1920-х – 1930-х гг. на немецком языке издавались около 20 газет и журналов⁶, в частности, «Das neue Dorf» («Новое село»)⁷, «Die neue Zeit» («Новое время»)⁸, «Die Saat» («Засев»)⁹, «Die Trompete» («Горн»)¹⁰, «Hammer und Pflug» («Молот и плуг»)¹¹, «Der Rote Stern» («Красная звезда»)¹², «Der Rote Helfer» («Красный помощник»)¹³, «Die Rote Steppe» («Красная степь»)¹⁴, «Sozialistischer Umbau» («Социалистическая перестройка»).

На рубеже 1920–30-х гг. эта «идиллия» канула в лету. Значительно пострадали немцы во время так наз. коллективизации (когда большинство из них были зачислены в «кулаки»), и голода 1932–33 гг. 20 марта 1929 г. ЦК КП(б)У принял постановление «Об экономической, культурной, советской и партийной работе в немецких селах Украины», которая ориентировала партийный аппарат на «решительное наступление на капиталистический элемент». Предусматривалось в месячный срок разработать план коллективизации в немецких селах, «очистить» от «враждебных элементов» советские органы и культурно-образовательные заведения. Постановление ЦК КП (б) от 27 марта 1929 г. «О выселении немцев из Николаевской округа» положило начало политике

⁶ Живи и помни... История меннонитских колоний Екатеринославщины. – Днепропетровск, 2006. – С. 47. В 1927–28 гг. Крымским государственным издательством было издано 88750 листов литературы на немецком языке (Крым многонациональный. – Симферополь: Таврия, 1988 (Вопросы – ответы; Вып. 1). С. 67). В 1927–36 гг. на Западной Волыни издавался еженедельник «Wolhynischer Bote» («Волынский вестник»), в 1935–38 гг. – сборник «Wolhynischer Volkskalender» («Волынский народный календарь») (Вітренко В. Проблеми класифікації і періодизації літератури волинських німців // Вісник Інституту досліджень діаспори. 2005. Ч. 1 (11). – С. 21).

⁷ Издавался в Харькове с 1926 г. (Энциклопедия «Российские немцы». Методические материалы. Вып. 3. Алфавитный словник. Москва, 1997. С. 120).

⁸ Издавалась в Харькове в 1922 г. (Энциклопедия «Российские немцы». Методические материалы. Вып. 3. Алфавитный словник. Москва, 1997. С. 120).

⁹ Журнал для молодёжи; издавался в Харькове раз в две недели тиражом 2000 экз. (Центральный государственный архив общественных объединений Украины (далее ЦГАОО). Ф. 1. Оп. 20. Д. 2019. Л. 13).

¹⁰ Издавалась в Киеве и Харькове в 1927–37 гг. (Энциклопедия «Российские немцы». Методические материалы. Вып. 3. Алфавитный словник. Москва, 1997. С. 154).

¹¹ Еженедельник, издавался в Одессе и Симферополе в 1921–22 и 1925–25 гг. (Энциклопедия «Российские немцы». Методические материалы. Вып. 3. Алфавитный словник. Москва, 1997. С. 165; ЦГАОО. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2019. Л. 13).

¹² Издавалась в Екатеринославе и Мелитополе в 1924–25 гг. тиражом 2000 экз. (Энциклопедия «Российские немцы». Методические материалы. Вып. 3. Алфавитный словник. – Москва, 1997. С. 143; ЦГАОО. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2019. Л. 13).

¹³ В 1933 г. издавалась в Карл-Либкнехтовском районе (Энциклопедия «Российские немцы». Методические материалы. Вып. 3. Алфавитный словник. Москва, 1997. РН. С. 143).

¹⁴ Издавалась в 1930 г. в Одессе (Энциклопедия «Российские немцы». Методические материалы. Вып. 3. Алфавитный словник. Москва, 1997. РН. С. 143).

депортации народов. Выселялись, однако, не все немцы: оставались те, кто «добровольно» расставались со своими хозяйствами и вступали в колхозы¹⁵. По неполным данным, весной и летом 1931 г. было «раскулачено» 23,5 тыс. немецких и меннонитских семей (всего около 150 тыс. человек)¹⁶. Большую часть их переселяли в так наз. выселки; наиболее «злостные элементы» выселялись в северные районы СССР и в Сибирь.

Уже зимой 1932 г. голод стал типичным явлением в республике. В немецких национальных районах первые признаки голода проявились позже – летом. Урожай 1931 г. был достаточно высок, но его почти весь вывезли из колоний, компенсируя недоимки из соседних сел. Осенью 1932 г. только 75% колхозов смогли выполнить план хлебозаготовок. До конца года в поселениях исчерпались запасы мяса и огородных культур. В некоторых селах были зафиксированы случаи каннибализма (например, в с.Морозово Хортицкого района)¹⁷.

В Германии в то время были созданы общества и комитеты по оказанию помощи голодающим («Братья в нужде», «Фаст и Бриллиант», «Комиссия по пересылке пакетов в СССР», «Центральный комитет немцев Черноморья» и др.). Размер пособия украинский немцам за период с апреля 1933 г. по апрель 1934 г. составил 487 821 рубль золотом, в том числе по областям: Одесской – 132 231 руб. золотом, Днепропетровской – 203 тыс. рублей, Киевской – 90 тыс. рублей, Донецкой – 60 тыс. рублей, Молдавской АССР – 2 500 рублей¹⁸. За получение помощи от государственных и благотворительных организаций Германии, США и Ватикана немцы-колонисты обвинялись властями в профашистских взглядах и создании «контрреволюционных организаций». Только в Хортицких и Заградовских колониях на протяжении 1929–41 гг. были репрессированы 1904 чел. Пик репрессий пришелся на 1937–38 гг.¹⁹ В частности, только в Днепропетровский области среди 30 тыс. лиц, репрессированных в течение 1 октября 1936 г. – 1 июля 1938 г., было 7857 немцев (26,2%)²⁰.

Одновременно уничтожалась немецкая церковная жизнь, культовые сооружения использовались преимущественно в хозяйственных целях. Принятый в апреле 1929 г. закон о религиозных культах и инструкции по его реализации сделали почти невозможной открытую деятельность меннонитской церк-

¹⁵ Панчук М., Польовий Л. Під пресом тоталітарного режиму. Німці України у радянський період // Політика і час. 1992. № 9–10. С. 63.

¹⁶ Живи и помни... История меннонитских колоний Екатеринославщины. Днепропетровск, 2006. С. 50.

¹⁷ Ibid. С. 51.

¹⁸ Панчук М., Польовий Л. Під пресом тоталітарного режиму. Німці України у радянський період // Політика і час. 1992. № 9–10. С. 64.

¹⁹ Архієрейський Д., Ченців В. Репресії проти німців в Україні в 20–30 роки // Діалог. Історія, політика, економіка. 2000. № 1. С. 122–124; Живи и помни... История меннонитских колоний Екатеринославщины. Днепропетровск, 2006. С. 51.

²⁰ Ченцов В.В. Трагические судьбы. Политические репрессии против немецкого населения Украины в 1920-е – 1930-е годы. М.: Готика, 1998. С. 113.

ви. В 1930-х гг. были закрыты все молитвенные дома, запрещено проведение богослужебных собраний, работу всех религиозных обществ и т.п. Многие меннонитские проповедники и рядовые члены общин были арестованы и высланы в лагеря. Только в Молочной из 150 проповедников были репрессированы свыше 110 чел.²¹

В резолюции ноябрьского (1933 г.) Пленума ЦК КПУ указывалась на необходимость борьбы с «засорением» партийных организаций, колхозов, школ, клубов, институтов и т.д. немецкими «фашистскими элементами». Одним из следствий этого решения (а также выполнения Постановления Политбюро ЦК КПУ от 10 апреля 1938 «О реорганизации национальных школ») стало, в частности, закрытие немецких учебных заведений²².

Одновременно с ликвидацией национальных учебных заведений проводилась реорганизация национальных административно-территориальных единиц. Первым (на основании Постановления Политбюро ЦК КПУ от 17 августа 1935 г.) был расформирован Пулинского немецкий район, затем – другие. Основанием для этого послужили Постановления Политбюро ЦК КПУ от 16 февраля 1938 («О реорганизации национальных районов и сельсоветов УССР в обычные районы и сельсоветы») и 7 августа 1938 р.²³ Согласно первой ликвидации подлежали: Спартаковский, Карл-Либкнехтисвский, Зельцкий, Люксембургский, Молочанский, Рот-Фронтковский, Фриц-Геккертовский немецкие районы, а также другие национальные административно-территориальные единицы²⁴.

1936–38 гг. обозначены истреблением большого количества представителей немецкой интеллигенции: священников, учителей, врачей и др. Вместе с тем всё больше немцев переселялись в города.

Западноукраинские земли в 1930-х гг. имели тесные связи с Германией. На Волини немцы периодически сотрудничали с украинцами, входя вместе с ними в блок национальных меньшинств при выборах в сейм и сенат в 1922 и 1928 гг. На Буковине немцы сотрудничали с правящими румынскими партиями, приобретая с их помощью представительство в парламенте.

28 апреля 1936 р. СНК СССР утвердил Постановление № 776-120сс «О высылении из УССР и хозяйственное обустройство в Карагандинской области Казахской АССР 15 тысяч польских и немецких хозяйств». По состоянию на

²¹ Живи и помни... История меннонитских колоний Екатеринославщины. Днепропетровск, 2006. С. 49.

²² История немцев Украины в годы Великой Отечественной войны: Сб. док. и материалов. Донецк: ТОВ «Апекс», 2005. С. 4.

²³ Ibid.

²⁴ Основанием для ликвидации немецких национальных районов стало Постановление Политбюро ЦК КП(б)У от 5 марта 1939 г. «О ликвидации и перестройке искусственно созданных национальных районов и сельских Советов» (Панчук М., Польовий Л. Під пресом тоталітарного режиму. Німці України у радянський період // Політика і час. 1992. № 9–10. С. 65–66).

11 октября того же года переселение «плановых» 33 473 лиц немецкой национальности было закончено²⁵.

В 1937 в УССР проживало 401880 немцев (1,4% всего населения), в Крымской АССР – 50576 (5,1%)²⁶.

Согласно результатам переписи населения, проведенной 17 января 1939 г., на территории советской Украины проживали 392458 лиц немецкой национальности, в том числе в Винницкой области – 2 010 чел., Ворошиловградской – 17 516, Днепропетровской – 26 159, Житомирской – 36 356, Запорожской – 89 389, Каменец-Подольской – 2 065, Киевской – 7 645, Кировоградской – 2 327, Николаевской – 41 682, Одесской – 91 462, Полтавской – 1 751, Сталинской – 47 154, Харьковской – 8000, Сумской 1 176, Черниговской – 5 819, в Молдавской АССР – 11 947 чел.²⁷; в Крымской АССР – 51 299 чел.

После раздела Польши между СССР и Германией (1939 г.) и занятия Красной Армией Буковины и Бессарабии (1940 г.) немцев, проживавших на этих территориях, на основании советско-германских соглашений от 18 сентября 1939 г. и 5 сентября 1940 г., репатриировали в Германию. Всего с присоединенных тогда в УССР территорий было выселено свыше 260 тыс. чел.

Начало депортации немцев во время советско-немецкой войны 1941–45 гг. был положено выселением их из Крыма, осуществленного в соответствии с Постановлением Совета по эвакуации № СЕ-75С от 15 августа 1941 г. В течение 17–20 августа того же года 50 тысяч человек немецкой национальности были депортированы в Орджоникидзевский (ныне Ставропольской) край, еще около 3000 – в Ростовскую область²⁸. Согласно Постановлению ГКО № ГКО-636сс от 6 сентября 1941 немцев из Ростовской области предписывалось «переселить» в Казахскую ССР, а именно в Карагандинскую, Джамбульскую, Кызыл-Ординскую и Южно-Казахстанскую области²⁹.

Из других областей Украины подлежали переселению 111 778 немцев (38 639 семей), в том числе из Запорожской области – 53 566 чел., из Сталинской – 36 205, из Ворошиловградской – 12 807, из Одесской – 6 000, из

²⁵ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 32. Л. 10; Д. 3. Л. 8.

²⁶ Всесоюзная перепись населения 1937 г. Краткие итоги. М., 1991. С. 89, 94.

²⁷ Депортация народов СССР (1930–1950-е годы). Ч. 2. Депортация немцев. М., 1995. С. 92–93.

²⁸ Брошеван В., Форманчук А.А. Депортации народов из Крыма в годы Великой Отечественной войны // Проблемы истории Крыма. Тез. докл. науч. конф. (22–28 сентября 1991 г., Симферополь). Вып. второй. Симферополь, 1991. С. 65; Крымская АССР (1921–1945). Симферополь: Таврия, 1990. (Вопросы – ответы; Вып. 3). С. 214; «Мобилизовать немцев в рабочие колонны... И. Сталин»: Сб. док. (1940-е годы). М.: Готика, 1998. С. 30. С учётом смешанных браков количество выселенных сосотавило 61 184 чел. (Немцы в Крыму. Очерки истории и культуры. Симферополь: Таврия-Плюс, 2000. С. 5).

²⁹ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 644. Оп. 1. Д. 8. Л. 171.

Днепропетровской – 3 200³⁰. К середине 1942 г. всё немецкое население, проживавшее на территории УССР и Крымской АССР, было переселено в восточные районы СССР³¹. Всего с территории УССР были депортированы 84 тыс. немцев³².

Во время оккупации немецкая власть предоставила украинская немцам статус т.н. фольксдойче. Они имели более привилегированное положение по сравнению с украинским населением, их привлекали к службе в полицейских и полувоенных формированиях, сделав, таким образом, соисполнителями оккупационного режима³³.

Тогда же было открыто много церквей, вновь стали проводиться молитвенные собрания.

В 1941–44 гг. губернатором дистрикта Галиция был О. Вехтер (1901–49), который по сравнению с другими представителями немецких официальных кругов, занимал относительно украинцев благосклонную позицию. Он же отвечал – с немецкой стороны – за создание дивизии «Галичина»³⁴.

Уроженец Одесской области К. Штумп (1896–1982) во время войны возглавлял подразделение немецкой армии, которое собирало информацию о состоянии немецких колоний в Украине³⁵.

При отступлении немецких войск из Украины в 1943 г. немецкие власти переселили 350 тыс. немцев вначале в Западную Польшу, в так наз. Вартегау³⁶, а позже – в Германию. После занятия части Германии советскими войсками те «украинские» немцы, которых «освободители» успели схватить (около 250 тыс. чел.), были вывезены в СССР, но не на Украину, а на север – в Коми АССР (на работы в лесах и рудниках уголь) и в Среднюю Азию³⁷.

³⁰ «Мобилизовать немцев в рабочие колонны... И. Сталин»: Сб. док. (1940-е годы). М.: Готика, 1998. С. 34.

³¹ Бугай Н.Ф. Депортації населення України (30–50-і роки) // УІЖ. 1990. № 10. С. 37.

³² Немцы России: Энциклопедия. Т. 1: А – И. – М.: ЭРН, 1999. С. 865.

³³ Енциклопедія українознавства. Словникова частина (далее ЕУ). С. 1774; Боляновський А. Фольксдойче // Довідник з історії України. Т. 3. (Р-Я). К.: Генеза, 1999. С. 507–508.

³⁴ ЕУ. С. 239; <http://galiciadivision.org.ua/personalities/> (14.06.2007); www.liveinternet.ru/photo/1938515/post10720778 (18.07.2008); www.otechestvo.org.ua/main/20077/1707.htm (18.07.2008); www.oppozicia.com/index.php?land=1&part_id=29&forum_id=5&theme_id=10 (18.07.2008)

³⁵ Іваньков І. Німецькі колонії Півдня України та голод 1932–1933 років (за матеріалами Міністерства східних окупованих територій гітлерівської Німеччини) // Етнічна історія народів Європи. Вип. 16. Німці в етнокультурному просторі України. К.: Унісерв, 2004. С. 60.

³⁶ Территория польских округов Познань, Инновроцлав и Лодзь, которая после оккупации Польши в сентябре 1939 г. была присоединена к Германской империи как «Имперский край Вартегав» (Reichsgau Wartheland). Предназначалась для «германизации», т.е. удаления польского, еврейского и др. населения и заселения «арийским» населением (Энциклопедия «Немцы России». Методические материалы. Вып. 6. 2000. С. 56–57).

³⁷ ЕУ. С. 1774.

Те же немцы Крыма, которые избежали депортации в 1941 г., подверглись принудительному переселению в 1944 г. В частности, в ночь с 27 на 28 июня 1944 г. было выселено 1121 семью (4717 чел.) ромов, немцев и австрийцев³⁸. Впоследствии эту категорию лиц сняли со «спецпоселения без права возвращения на жительство в места, откуда они были выселены, и без возврата конфискованного при выселении имущества»³⁹.

Согласно распоряжению НКВД СССР № 1034 от 15.01.1946 г. в том же году из Закарпатской области были выселены в Тюменскую область 1969 чел. (441 семья) из «числа лиц немецкой национальности, отступивших с немецкими войсками, а после войны вернувшихся в Закарпатье. Среди выселенных ... 928 детей до 16 лет»⁴⁰. Всего после войны из Закарпатья в Сибирь и Казахстан были депортированы более 3 тыс. немцев, многие отправлены в концлагеря⁴¹.

Изложенное – не более, чем хронология событий. За которой – боль и страдания, исковерканные судьбы, трагические исходы тысяч и тысяч тех, в графе «национальность» которых значилось: «немец».

Чтобы подобное не повторилось в будущем, знать и помнить его – долг не только историков, а всего народа. С 2003 г. Институт исследований диаспоры (Киев) реализует гуманитарный проект «Места памяти на карте Украины», одной из главных задач которого является «содействие воспитанию широкой общественности, прежде всего молодого поколения, в гуманном, почтительном отношении к своим предкам и их наследию, формированию у неё высокого уровня межнационального взаимоуважения». В частности, в марте 2011 г. ИДД обратился к Совету немцев Украины, Ассоциации немцев Украины, Обществу немцев Украины «Видергебурт» с предложением направить соответствующее ходатайство высшим органам власти Украины для того, чтобы в этом году на государственном уровне были проведены мероприятия по поводу 70-летия массовых депортаций немцев с территории Украины. В этом же обращении Институт задекларировал готовность предоставить всю имеющуюся у него по этой проблематике информацию.

³⁸ Отраслевой государственный архив Министерства внутренних дел Украины. Ф. 15. Оп. 1. Д. 142. Л. 175, 176.

³⁹ Ibid. Л. 177–179.

⁴⁰ Ibid. Ф. 15. Оп. 1. Д. 117. Л. 103.

⁴¹ В частности, из с.Синяк было депортировано 181 чел., из с.Шенборн – 133 чел., из с.Нижняя Грабовница – 128 чел., из с.Дубы – 109 чел., из с.Драчино – 86 чел., из с.Немецкая Кучава – 78 чел. (Куля Ф., Петрище П. Закарпатське обласне товариство німців «Відродження» // Етнічна історія народів Європи. Вип. 16. Німці в етнокультурному просторі України. К.: Унісерв, 2004. С. 80).

Международно-правовая основа выселения немецкого населения с территории Украины в 1939–1940 гг.

Одним из геополитических последствий начального периода Второй мировой войны стало изменение границ в Европе. В результате расчленения Польши в сентябре 1939 г. и удовлетворения ультимативных требований со стороны Румынии в июне 1940 г. СССР значительно расширил свои границы. Особенно масштабными стали территориальные приобретения Украинской ССР, в состав которой вошли территории Западной Украины, Бессарабия и Северная Буковина. Наличие большого количества немецкого населения в этих регионах вынудило политическое руководство СССР и Германии как можно быстрее решить его судьбу. Немецкая сторона приняла решение эвакуировать лиц немецкой национальности на свою территорию. СССР не возражал.

С тем, чтобы провести акцию эвакуации большого количества населения быстро и организовано, а также цивилизованно решить его имущественные вопросы, нужно было создать необходимое международно-правовое поле. Так как решение спорных двухсторонних вопросов между СССР и Германией за условиями Договора о ненападении от 23 августа 1939 г. предусматривалось решать «исключительно мирным путём», а «в нужных случаях путем создания комиссий»⁴², то именно такой вариант был избран для организации и проведения акции переселения немецкого населения из вышеназванных регионов Украины на территорию Германии.

В октябре 1939 г. была создана смешанная германо-советская Комиссия по делам эвакуации. Именно она и занималась как подготовкой необходимых двусторонних соглашений о переселении, так и осуществлением самой эвакуации с территорий Западной Украины зимой 1939–40 гг. и с территории Бессарабии и Северной Буковины осенью 1940 г. Учитывая тот факт, что в современной украинской и российской историографии советско-германские договора о переселении немецкого населения с территории Украины в 1939–40 гг. известны далеко не в полном объёме, попытаемся хотя бы сжато представить их содержание.

16 ноября 1939 г. в результате быстротечных советско-германских переговоров, проводившихся в Москве, состоялось подписание межправительственного договора под официальным названием *«Соглашение между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Германии об эвакуации украинского и белорусского населения с территорий бывшей Польши, отошедших в зону государственных интересов Германии, и*

⁴² См. Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом // http://www.istorik.ru/library/documents/molotov_ribbentrop/text.htm

немецкого населения с территорий, отошедших в зону государственных интересов Союза ССР»¹. Как видно из названия, этот договор предусматривал двухсторонний обмен населением, хотя, как показал ход самой акции, советская сторона не проявляла особой активности и заинтересованности в переселении значительного числа украинцев и белорусов с оккупированных Германией польских территорий. Следует заметить, что активность украинского и белорусского населения в этом плане, по сравнению с немецким, была довольно невысокой.

Текст соглашения отпечатан на немецком и русском языках, состоит из трёх частей и двадцати трёх статей. Первая часть «Общие положения» включает пять статей (ст. 1–5). Именно в первой из них идёт речь о переселении *«граждан немецкой национальности, проживающих на территориях бывшей Польши, ныне находящихся в границах государственных интересов Союза ССР»*². Здесь же указывалось на добровольности эвакуации и подчёркивалось, что принуждение не может применяться ни в какой форме. Право эвакуации распространялось и на лиц, находящихся в заключении, а также на лиц, преследовавшихся со стороны бывших польских властей.

Вторая статья определяла сроки проведения акции переселения: со дня подписания соглашения 16 ноября 1939 г. и до 1 марта 1940 г. Следует заметить, что определённый срок приходился на зимнюю пору, что уже предвидело для людей довольно сложные погодные условия переселения, и был достаточно сжатым, хотя переселить предстояло десятки тысяч людей с обеих сторон границы.

Третья статья была самой объёмной: она определяла конкретные правила, касающиеся права на вывоз личного имущества. В частности, тем, кто переселялся по железной дороге или автомобильным транспортом разрешалось брать с собой личного багажа (кроме ручного) весом не более 50 кг для главы семьи и одиноких плюс 25 кг на каждого члена семьи. При эвакуации гужевым транспортом разрешалось вывозить личного имущества в объёме не более одной пароконной упряжки на одно хозяйство. Кроме того, выезжающие собственным конным транспортом имели право вывезти и часть домашнего скота и птицы. Лицам специальных профессий (ремесленникам, медикам, художникам и т.п.) разрешалось взять сверх установленных норм багажа ещё и предметы, необходимые для их профессиональной деятельности. Разрешалось также вывозить документы и акты личного характера и разного рода общественных организаций и объединений (артелей, кооперативов и т.п.)³.

¹ См. Соглашение между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Германии об эвакуации украинского и белорусского населения с территорий бывшей Польши, отошедших в зону государственных интересов Германии, и немецкого населения с территорий, отошедших в зону государственных интересов Союза ССР // Politische Archiv des Auswärtiges Amts. R 100633. D.141; D.142. S. 1–10.

² См. Ibid. D.142. S. 1.

³ См. Ibid. S. 1–2.

Довольно значительным был перечень ценностей, запрещённых к вывозу. В него попали наличные бумажные, золотые и серебряные деньги всех видов, за исключением польских бумажных злотых в размере не более 50 на одного человека, золото и платина, изделия из серебра весом не более 500 граммов на одного человека, изделия из драгоценных камней и жемчуга весом не более одного карата на одно лицо, драгоценные камни в неотделанном виде, а также золотые и серебряные часы с цепочками, обручальные кольца, серебряные портсигары – не более одной штуки на лицо, достигшее 18-летнего возраста, предметы искусства и старины в том случае, если они составляют коллекции, а также разные процентные, дивидендные и облигационные бумаги, векселя, транспортные квитанции, варрантные свидетельства, страховые полисы и другие документы, имущественного характера. В список запрещённых для вывоза вещей попали также автомобили и мотоциклы, швейные машины (более одной на семью), печатные издания и фотографии (за исключением личных), оружие и предметы военного снаряжения, мануфактура, готовая одежда, металлы, металлические и кожаные изделия, галантерея и другие предметы товарного характера в объёмах, выходящих за потребности семьи, и даже почтовые голуби⁴.

Что же касается имущества, которое переселенцы оставляли, то на него составлялись соответственной формы описи. В статье указывалось, что составлять их будут Уполномоченные и Представители обеих сторон, обязательно учитывая количество имущества и его качество. Оставляемое имущество бралось под государственную охрану и переходило в распоряжение стороны, на территории которой оно оставалось. Окончательная ликвидация взаимных имущественных претензий планировалось провести на основе взаимного зачёта в глобальных суммах оставленного имущества. При этом в имущественные претензии обеих сторон предполагалось включать только те имущества, которые по законам территорий, на которых они находятся, могли составлять собственность частных лиц. Подчёркивалось также, что советская сторона не будет включать в свои имущественные претензии те предприятия и имущества, стоимость которых выходит за пределы стоимости предприятий и имуществ, которыми могут владеть частные лица на её территории. Относительно земли, бывшей в пользовании эвакуирующихся, то в соглашении указывалось, что она *«будет исключена из взаимных расчётов, и потому не подлежит включению в имущественные описи»*⁵.

Четвёртая статья первой части констатировала, что выезжающие лица и вывозимый ими багаж освобождаются от каких-либо обложений и пошлин, связанных с отъездом. И последняя, пятая статья обуславливала взаимные обязанности сторон по обеспечению переселенцев и их багажа

⁴ См. Ibid. S. 2.

⁵ См. Ibid. S. 2–3.

на своих территориях железнодорожным и автомобильным транспортом. Предусматривалось, что с целью ускорения эвакуации каждая из сторон может направить на территорию другой автоколонны, численностью до 100 машин. В таких случаях принимающая сторона обязана была обеспечить авто-транспорт горюче-смазочными материалами⁶.

Вторая часть соглашения именовалась «Смешанная комиссия и Уполномоченные» и состояла из пяти статей (ст. 6–10). Она определяла должностных лиц и органы, которые реально отвечали за осуществление самого процесса переселения, а также их полномочия.

Начиналась эта часть шестой статьёй, в которой указывалось, что наблюдение и содействие выполнению принятого соглашения, а также защита интересов переселяющихся лиц и помощь им возлагаются на Правительственные Делегации обеих стран, составляющих совместную Советско-Германскую Смешанную Комиссию, и Главных Уполномоченных с обеих сторон. Статья седьмая однозначно указывала, что практическое осуществление эвакуации проводится Главными Уполномоченными. Причём, каждая из сторон на территории своего партнёра назначала своих Главных Уполномоченных, а другая сторона в тех же пунктах назначала своих Главных Представителей. Главные Уполномоченные и Главные Представители имели право на двух Заместителей, а также право назначать Районных Уполномоченных и Районных Представителей. Эти должностные лица от обеих сторон наделялись широкими возможностями для беспрепятственной связи, как со своими правительствами, так и между собой. Восьмая статья конкретно формулировала перечень вопросов, которыми ведали Делегации сторон, Смешанная Комиссия и Главные Уполномоченные:

- а) выяснение численности, местонахождения и национальности лиц, подлежащих эвакуации, а также наблюдение за их регистрацией;
- б) наблюдение и контроль за правильным выполнением подписанного соглашения;
- в) содействие правильности и организации и планомерному ходу эвакуации, наблюдение за ней, а также разработка необходимых для её осуществления технических и организационных мероприятий⁷.

В девятой статье обе договаривающиеся стороны обязывались предоставить в распоряжение Смешанной Комиссии и Уполномоченных все необходимые материалы и средства, содействующие выполнению возложенных на них задач. Декларировалось содействие со стороны государственных и общественных учреждений, а также органов самоуправления обеих сторон. В последней, десятой статье второй части соглашения обе стороны ещё раз гарантировали членам Правительственных Делегаций, Смешанной Комиссии и Главным Уполномоченным право постоянных и беспрепятственных контактов

⁶ См. Ibid. S. 3.

⁷ См. Ibid. S. 3–4.

со своими правительствами радиотелеграфной, почтовой и дипломатическо-курьерской связью. Официальным и личным помещениям, архивам перечисленных выше лиц во время осуществления возложенных на них функций и обязанностей гарантировался статус экстерриториальности и иммунитета. Кроме того, Территориальные Уполномоченные пользовались льготами, как служащие дипломатических ведомств. Здесь же обуславливалась процедура получения соответствующими чиновниками эвакуационного аппарата официальных удостоверений⁸.

Что же касается самого механизма проведения акции переселения, то он был прописан в третьей части соглашения, которая называлась «*Организация эвакуации*» и включала тринадцать статей (ст. 11–23). Одиннадцатая и двенадцатая статьи касались регистрации лиц, изъявивших желание переселиться, подготовки списков и необходимого перечня данных в них о каждом человеке. Содержание этих статей предусматривало и два способа предстоящей эвакуации: железной дорогой и гужевым транспортом.

Самой большой по содержанию была тринадцатая статья, в деталях прописывавшая перечень, места дислокации и количество специально назначенных для проведения эвакуации чиновников, а также сам процесс выявления желающих переселиться и составление их списков. В частности, в ней указывалось, что каждая из двух Делегаций в Советско-Германской Смешанной Комиссии назначает в определённых населённых пунктах другой стороны своих Главных Уполномоченных с двумя Заместителями и не более чем с 17-ю лицами вспомогательного персонала от каждой стороны. Пунктами пребывания Главных Уполномоченных были определены следующие: на стороне Союза ССР – город Луцк, на стороне Германии – Холм и Ярослав. Что же касается Районных Уполномоченных, то им предусматривался один Заместитель и не более 8-ми лиц вспомогательного персонала. Пунктами пребывания Районных Уполномоченных немецкой стороны на советской территории были определены: Бельск Подлясский, Луцк, Станиславов, Костополь, Владимир-Волынский, Львов и Стрый.

На германской территории советские Уполномоченные находились в городах: Бяла, Холм, Грубешов, Ярослав, Белгорай, Санок, Лиско, Новый Сонч, Варшава и Лодзь. В районах компактного расселения потенциальных переселенцев назначались ещё и Территориальные Уполномоченные и Представители от обеих сторон, имевшие право иметь по одному Заместителю и не более двух лиц вспомогательного персонала⁹.

Далее в этой статье были прописаны конкретные мероприятия Уполномоченных по организации переселения. В первую очередь, они должны были сделать публикацию соответственного содержания объявлений в местных

⁸ См. Ibid. S. 4–5.

⁹ См. Ibid. S. 5–6.

органах прессы и отдельными оттисками, и таким образом довести до ведома населения информацию о предстоящей эвакуации и порядке её проведения. Вторым шагом Уполномоченных и Представителей обеих сторон должен был стать приём заявлений от желающих переселиться в письменной либо устной форме на протяжении трёх месяцев со дня публикации объявлений. Причём, выражалось пожелание подавать заявления *«по возможности с документами о национальности»*. На третьем этапе Уполномоченные на основании лично поданных заявлений в десятидневный срок должны были составить списки желающих переселиться и направить их вышестоящим Уполномоченным и Представителям. Утверждение этих списков Районными Уполномоченными одной стороны и Представителями другой должно было стать достаточным условием для эвакуации лиц, внесённых в списки. В отдельных, сложных случаях, утверждать списки могли Главные Уполномоченные и Главные Представители сторон. По условиям соглашения четвёртым этапом подготовительной работы Главных и Районных Уполномоченных должно было стать утверждение в кратчайшие сроки списков и разработка конкретных планов эвакуации с указанными в них маршрутами, пропускными пунктами, эшелонами и сроками. На основании таких планов на места отдавались соответственные директивы¹⁰.

В четырнадцатой статье обуславливался порядок выезда семьями. Подчёркивалось, что переселение семей возможно лишь на основании желания, выраженного всеми без исключения их членами. Причём, за детьми с 14-летнего возраста признавалось право лично решать вопрос о выезде. Указывался и круг людей, считавшихся членами семьи: жена, дети, мать, отец, внуки, питомцы и воспитанники, а также другие домочадцы, ведущие общее хозяйство с эвакуирующимися.

Пятнадцатая статья предусматривала, по возможности, первоочерёдность во время переселения нетрудоспособных, больных, инвалидов, стариков, одиноких женщин и детей, лиц, состоящих на государственном призрении, а также лиц, члены семей которых находились на территории другой стороны.

В шестнадцатой статье стороны соглашались, что проверка вывозимого имущества на контрольно-пропускных пунктах будет осуществляться выборочным методом, и лишь в отдельных случаях сплошной проверкой. Перечень контрольно-пропускных пунктов приводился в семнадцатой статье. Ими стали следующие населённые пункты: Новогруд, Снядово, Чижов, Семятыче, Брест-Литовск, Ягодин, Устилуг, Любыча, Перемышль, Ольховце.

В статье восемнадцатой определялся порядок и формы доставки людей и грузов. Указывалось, что доставка переселенцев к пунктам отправки эшелонов производится, в зависимости от местных условий, как группами, так и в одиночном порядке. А вот отправка через контрольно-пропускные пункты

¹⁰ См. Ibid. S. 6–7.

должна была производиться только эшелонами или отдельными вагонами. Расходы по перевозке людей и багажа в пределах своих территорий каждая из сторон должна была делать за свой счёт, при этом предоставлять эвакуирующимся необходимое санитарное обслуживание.

Бытовые условия для переселенцев предусматривались в девятнадцатой статье. Учитывая, что перевозка должна была производиться зимой, то стороны обязывались обеспечить людей тёплыми вагонами, а больных и слабых, по возможности, санитарными поездами.

Двадцатая статья прописывала процедуру передачи транспортов с переселенцами. Представитель государства, которое отправляло, обязан был вручить под расписку представителю принимающей стороны список лиц, находившихся в транспорте. Кроме этого, каждая из сторон должна была одновременно сообщать своим пограничным службам о прохождении таких транспортов¹¹.

Последние три статьи соглашения (ст. 21–23) касались формальностей, являвшихся неотъемлемой стороной дипломатических документов. В них, в частности, указывалось, что подписанное соглашение обеими сторонами будет доведена до всеобщего сведения в виде особого коммюнике, а также, что составлено оно на русском и немецком языках в двух экземплярах, причём, при толковании его оба текста считаются аутентичными. Вступало в действие соглашение со дня его подписания, то есть с 16 ноября 1939 года. Удостоверялось оно собственноручными подписями Уполномоченных обеих сторон. От советской стороны им был Председатель Правительственной Советской Делегации в Советско-Германской Смешанной Комиссии по эвакуации Максим Литвинов. От немецкой – Председатель Правительственной Германской Делегации в Германско-Советской Смешанной Комиссии по эвакуации Курт фон Кампгёвенер (Kurt von Kamphoevener)¹².

Составной частью Соглашения был ещё и дополнительный протокол, в котором дополнялось, конкретизировалось или же уточнялось содержание отдельных её статей. Большинство этих дополнений не носили существенного характера и содержания, изложенных в основной части соглашения статей, не изменяли. Внимания заслуживают разве что два из них.

Первое к статье третьей и касалось имущественных вопросов. В нём, в частности, указывалось, что с целью облегчения работы Смешанной Комиссии по установлению стоимости той части имущества, которая оставалась, стороны дадут указания своим Уполномоченным и Представителям производить на местах предварительную оценку того имущества, которое выселенцы оставляли, но без участия его владельцев. Появление этого дополнения следует, очевидно, объяснить, не столько целью облегчить работу Смешанной

¹¹ См. Ibid. S. 7–8.

¹² См. Ibid. S. 8.

Комиссии, сколько обезопасить себя от возможного затягивания и даже конфликтов во время рассмотрения вопросов по оценке имущества, если бы оно проводилось в присутствии его владельцев. Очевидно, что дипломаты заранее предвидели неудовлетворённость и несогласие большинства хозяев теми суммами оценки их имущества, которые им могли предложить представители эвакуационного аппарата, и поэтому решили лишить их участия в этом процессе¹³.

Второе существенное дополнение было к статье восемнадцатой и касалось оно тех местных органов, в административно-территориальных границах полномочий которых пролегали маршруты гужевого транспорта переселенцев. Они обязаны были, по возможности, содействовать им в вопросах организации размещения на ночлег и питания¹⁴. Если принять к вниманию тот факт, что эвакуация проходила в условиях довольно суровой зимы 1939–40 гг., то вопросы ночлега и питания для тех, кто ехал повозками или санями, были далеко не второстепенными. Здесь без содействия и помощи местных органов власти обойтись было невозможно. Для тех же переселенцев, которые ехали по железной дороге, эти проблемы не были такими острыми и решались они проще железнодорожной администрацией.

И завершалось соглашение четырьмя приложениями, также составленными на двух языках. В первом из них имелись две формы описи имущества. В трёх следующих приложениях были образцы удостоверений для членов Правительственных Делегаций, Главных и Районных Уполномоченных, их Заместителей и сотрудников аппарата, и для Территориальных Уполномоченных¹⁵.

После завершения Бессарабско-Буковинской военной операции (28 июня – 3 июля 1940 г.) по присоединению Бессарабии и Северной Буковины к СССР советское и германское дипломатические ведомства начали переговоры по вопросу о переселении из этих регионов немецкого населения. Опыт взаимного решения подобной проблемы уже был накоплен в ходе переселения немцев из Западной Украины зимой 1939–40 гг. В конце июля возобновила свою деятельность Смешанная Советско-Германская Комиссия. Результатом подготовительных работ стало подписание 5 сентября 1940 г. в Москве очередного советско-германского договора под названием *«Соглашение между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Германии об эвакуации лиц немецкой национальности с территорий Бессарабии и Северной Буковины на территорию Германии»*¹⁶.

¹³ См. Ibid. S. 9.

¹⁴ См. Ibid. S. 10.

¹⁵ См. Ibid. S. 11–20.

¹⁶ См. Соглашение между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Германии об эвакуации лиц немецкой национальности с территорий Бессарабии и Северной Буковины на территорию Германии // Politisches Archiv des Auswärtigen Amts. R 100633. D.144. S. 1–43.

Оно стало международно-правовой основой очередной масштабной акции по переселению немцев с территории Украины на территорию Германии.

Анализ содержания нового советско-германского договора даёт все основания утверждать, что в его основу был положен текст предыдущего соглашения от 16 ноября 1939 г. Правда, речь в нём шла уже не о взаимном обмене населением, а об одностороннем переселении немцев Бессарабии и Северной Буковины. Содержание нового договора указывало и на то, что в нём был учтён опыт предыдущей акции эвакуации немцев из Западной Украины. Поэтому он имел ряд отличий от предыдущего, на которых хотелось бы остановиться более подробно.

Текст нового соглашения также был составлен на русском и немецком языках, но обращает на себя внимание значительно больший его объём в целом и несколько изменённая структура. Основная часть договора по объёму изменилась очень мало, но по структуре теперь состояла из краткой преамбулы, четырёх частей и двадцати одной статьи. Значительно больше был объём дополнительного протокола и приложений. Кроме того, в новом соглашении добавился ещё протокол заключительного заседания Смешанной Советско-Германской Комиссии по эвакуации, чего не было в договоре от 16 ноября 1939 г.

Основная часть договора начиналась краткой преамбулой, в которой говорилось, что правительства СССР и Германии, руководствуясь желанием разрешить все вопросы, связанные с переселением лиц немецкой национальности с территорий Бессарабии и Северной Буковины, назначили с этой целью своих Уполномоченных. От советской стороны им стал Помощник Генерального Секретаря Народного Комиссариата Иностранных Дел Афанасий Павлович Васюков, а от германской – Генеральный Консул 1-го класса в Министерстве Иностранных Дел Вильгельм Нельдеке¹⁷.

Дальше шла первая часть соглашения. По названию «Общие положения», количеству статей (ст. 1–5) и их содержанию она во многом повторяла первую часть предыдущего договора. Но, были и изменения. В частности, в статье первой не было упоминания о возможности эвакуации для лиц, находящихся в местах лишения свободы. Во второй статье были определены сроки акции по переселению с 5 сентября по 15 ноября 1940 г. Они были на месяц короче, чем по Западной Украине, хотя количество предполагаемых переселенцев меньшим не было. Ряд существенных дополнений разрешающего характера касались вывоза имущества и наличных денег переселенцев. Так, в перечне предметов багажа, разрешённых к вывозу, было добавлено продовольствие. Был предвиден дополнительный вариант вывоза имущества в форме специальных грузовых отправок. Лицам, следующим грузовиками, разрешался вывоз скота (за исключением лошадей и волов) по тем же нормам, что и лицам,

¹⁷ См. Ibid. S. 1.

следовавшим гужевым транспортом. Оговаривалось и то, что вывоз скота по нормам разрешался лишь в том случае, если он был куплен до 23 июля 1940 г. или же после указанной даты, но только когда его приобрели взамен утраченного вследствие падежа или реквизиции румынскими властями. При вывозе скота и птицы должны были выполняться действующие в регионе ветеринарные правила. Размер сельскохозяйственной продукции для вывоза был определён в 250 кг на одно крестьянское хозяйство, в том числе не более 10 кг табака.

Что касается разрешённых к вывозу наличных денег, то такими были определены румынские леи в количестве две тысячи на одно лицо, а также выручка в леях от продажи своего имущества, подтверждённая документами и вывоз которой не ограничивался. Соответственно, переселенцам разрешалась свободная продажа, до момента их выезда, находящегося в их распоряжении имущества, за исключением национализированного. Расширился и перечень предметов, запрещённых к вывозу, но незначительно. В него попали теперь ещё моторы, станки и другие машины на паровой или электрической тяге, а также черенки, посадочный материал, семена высококультурных и специальных растений¹⁸.

Ряд дополнений касался составления описей имущества, оставляемого на местах проживания. При их заполнении считалось несущественным обстоятельством, находится ли имущество эвакуируемого на месте его жительства или нет. Подчёркивалось необходимость учёта и оценки как количественного, так и качественного состояния отдельных имущественных объектов. Не в пользу немцев было положение о том, что не включались в описи те имущества, которые по советским законам не могли составлять собственность частных лиц. В целом описи и оценки подлежали не национализированные дома и надворные постройки, а также имущества, вывоз которых был запрещён или же ограничен данным соглашением. Включалась в имущественные описи и, оставляемая немцами, иностранная валюта по курсу Государственного Банка на день подписания соглашения. Что касается суммы стоимости оставляемого переселенцами имущества, подлежащего описи и оценке, то она исчислялась по ценам на 1 июля 1940 г. в леях, с переводом в рубли (по курсу 1 рубль = 40 леям). Общая сумма включалась во взаиморасчёты между СССР и Германией, в соответствии с Соглашением о торговом и платёжном обороте от 31 декабря 1939 г., с рассрочкой платежа за это имущество на 10 лет.

И, наконец, изменения в первой части соглашения касались того, что по сравнению с эвакуацией из Западной Украины, предвиделась новая её форма – морским путём. Поэтому договором предусматривался допуск германских пароходов в порты Рени, Килия, а в случае необходимости – и в Бугаз. Что касается использования автомобильного транспорта, то советская сторона не

¹⁸ См. Ibid. S. 1–2.

возражала против увеличения численности германской автоколонны до 250 машин с необходимым персоналом¹⁹.

Вторая часть соглашения носила изменённое название «Комиссия по эвакуации», но, как и в предыдущем договоре, состояла из пяти статей (ст. 6–10). Изменения и дополнения к ним были минимальными и существенных изменений в содержание не привносили. Указать можно лишь то, что теперь с советской стороны были лишь Представители, а с немецкой – только Уполномоченные. Статья восьмая дополнялась положением о том, что выяснение немецкого происхождения переселенцев проводилось германскими Уполномоченными с участием советских Представителей. И в десятой статье было дополнение о порядке выдачи удостоверений руководящим работникам и некоторым служащим эвакуационного аппарата обеих сторон. Причём удостоверения таких руководителей и служащих с немецкой стороны должны были подтверждены Полпредством СССР в Берлине²⁰.

Третья часть соглашения «Организация Эвакуации» по названию повторяла ту же часть соглашения по Западной Украине и насчитывала девять статей (ст. 11–19), что было на одну меньше, чем в предыдущем договоре. Изменения и дополнения к ним были минимальны. В частности, в статье одиннадцатой чётко указывалось количество сотрудников эвакуационного аппарата разных уровней. Советский Главный Представитель и германский Главный Уполномоченный имели право на двух Заместителей и не более чем по 28 лиц вспомогательного персонала. Пунктом пребывания их штабов был определён город Тарутино в Бессарабии. Кроме того, обе стороны назначали по пять Районных Представителей и Уполномоченных. Каждый из них имел право на одного заместителя и не более 21 человека вспомогательного персонала. Их штабы находились в следующих населённых пунктах: Альбота, Березина, Мансбург и Кишинев на территории Бессарабии и Черновицы – в Северной Буковине. Предельное количество германских Территориальных Представителей в районах расселения лиц немецкой национальности устанавливалось не более 50 человек. Они имели право на одного Заместителя и не более двух человек вспомогательного персонала. Двенадцатая статья не обязывала Территориальных Представителей составлять списки эвакуирующихся в 10-дневный срок, не требовалось также их утверждение Районными Представителями, кроме исключительных случаев. Дополнение к статье четырнадцатой вносило в перечень эвакуирующихся в первую очередь и лиц, члены семей которых находились вне территории, с которой производится переселение. Конечно же, в новом соглашении были указаны другие контрольно-пропускные пункты на границах, перечень которых подан в шестнадцатой статье. Для тех, кто следовал железной дорогой из Северной Буковины и Северной Бессарабии

¹⁹ См. Ibid. S. 3–4.

²⁰ См. Ibid. S. 5–6.

в западном (польском) направлении их было два: Ольховец – Новый Загуш (основной) и советский Перемышль – польский Перемышль (вспомогательный). Для выезжавших в южном (румынском) направлении пропускными пунктами для железнодорожных и гужевых транспортов были определены: Вахранешти, а также речные переправы: Унгени и Рени. Для следующих морским транспортом ими были гавани Рении, Килия и Бугаз (вспомогательный). И наиболее объёмное дополнение было дано в статье девятнадцатой. Оно требовало от советских Представителей и германских Уполномоченных составления транспортных списков для каждого транспорта, обязательно на двух языках и в достаточном количестве экземпляров. Они должны были содержать определённые сведения о каждом переселенце и утверждены Территориальными Представителями и Уполномоченными. Именно в таком виде списки служили основанием для перехода границы. За 2–3 дня до отправки очередной партии служащие эвакуационного аппарата обязаны были уведомить соответствующие пограничные посты на границе о прибытии транспортов²¹.

Последняя, четвёртая часть соглашения называлась «Заключительные положения». Состояла она всего из двух (ст. 20, 21) статей, по содержанию идентичных с последними двумя статьями (ст. 22 и 23) договора по Западной Украине. Она отсутствовала в предыдущем договоре, поэтому целесообразность её сомнительна и непонятна²².

Наибольшее количество дополнений и расширенных толкований целого ряда статей основной части соглашения содержал дополнительный протокол²³. Причём, большинство из них были новыми и в предыдущем договоре от 16 ноября 1939 г. отсутствовали. Их появление было результатом практического опыта, накопленного сторонами в ходе обмена населением зимой 1939–40 гг. В частности, дополнения к статье второй давало возможность лицам немецкой национальности, которые, по независящим от них причинам, не успели эвакуироваться до 15 ноября 1940 г., ещё в течение трёх месяцев обратиться в германское посольство в Москве с просьбой об эвакуации. После установления германской национальности таких лиц их просьба должна была удовлетворяться. Но опись и оценка оставляемого ими имущества в таких случаях не проводилась.

В первом дополнении к третьей статье советская делегация соглашалась на единовременный вывоз германской стороной с Северной Буковины 100 голов большого рогатого скота и 50 лошадей, взамен отказа от вывоза всех видов скота каким-либо другим путём. Следующие дополнения касались разного рода сбережений, денежных вкладов и ценных бумаг переселенцев. Так,

²¹ См. Ibid. S. 6–9.

²² См. Ibid. S. 9.

²³ См. Ibid. S. 10–15.

валюта и советские рубли подлежали описи и сдавались совместно советским Представителем и германским Уполномоченным в финансовые и кредитные заведения по специальной форме описи. Подобной процедуре подлежали и румынские леи, превышавшие суммы, разрешённые к вывозу. После завершения эвакуации эти леи предполагалось вернуть немецкой стороне натурой.

Что же касается ценных бумаг и платёжных документов, требования которых относились к частным лицам, могли вывозиться немцами свободно. А вот аналогичные ценные бумаги, требования которых относились к национализированным объектам, вывозить запрещалось. Они подлежали сдаче советским Представителям, а в описи и расчёты между сторонами не включались. Ещё одно дополнение касалось ценных бумаг и платёжных документов, требования которых относились к иностранным государствам или имуществам, находящимся на их территории. Эти документы также следовало сдать Представителям и Уполномоченным, которые были обязаны совместно провести их регистрацию по специальной описи и передать на хранение в советские финансовые учреждения. После окончания эвакуации эти бумаги предвиделось вернуть натурой или же компенсировать в другой форме, определённой на итоговых заседаниях Смешанной Комиссии. На этих же заседаниях планировалось решить и вопросы о вкладах, текущих счетах и задолженностях переселенцев в кредитных учреждениях. Ещё одно дополнение, которого не было в соглашении по Западной Украине, касалось вывоза документов церковных приходов. Предусматривалось снимать с них копии, желательно в ускоренном порядке и в форме, определённой совместно Главным Представителем и Главным Уполномоченным. Подобным образом могли сниматься копии и с других документов²⁴.

Дополнение к статье пятой предусматривало право германской стороны за установленную плату пользоваться авторемонтными мастерскими и гаражами на советской территории, при наличии таковых, а также право Главных Представителей и Уполномоченных решать вопросы в случаях отсутствия горючего в портах для снабжения автомобилей.

Дополнениями к шестой статье советская сторона принимала к сведению заявления германской Делегации о том, что в месте пребывания Германского Главного Уполномоченного будет находиться и представитель германского Министерства Иностранных дел, на что было согласие Наркома Иностранных Дел СССР, а также о том, что функции Председателя германской Делегации на время эвакуации будут возложены на германского Главного Уполномоченного, о чём германское посольство в Москве специально уведомит правительство СССР²⁵.

В дополнении к статье десятой советская Делегация соглашалась, чтобы телеграммы, отправляемые высшими должностными лицами германской стороны,

²⁴ См. Ibid. S. 10–11.

²⁵ См. Ibid. S. 11.

рассматривались как срочные и служебные. Здесь же давалось согласие и на то, чтобы германские Уполномоченные могли использовать в качестве дополнительного персонала определённое количество лиц из числа переселенцев.

Довольно важными, объёмными и детализированными были дополнения к одиннадцатой статье. Здесь был прописан состав немецкой Правительственной делегации в Смешанной Советско-Германской Комиссии по эвакуации, штабов Главного, Районных и Территориальных Уполномоченных и штабов германских Уполномоченных по водному транспорту. Чётко указывалось количество штабных работников и их должности: члены Делегации, заместители, эксперты, секретари, переводчики, курьеры, врачи, санитары, связисты, водители, грузчики и другие. Здесь же было дополнение, касающееся немецкой автоколонны, действовавшей в эвакуации. В её составе предусматривалось 250 автомобилей, включая и те, которые предназначались для штабов всех уровней Уполномоченных. Их распределение предполагалось следующее: легковых – 60 (или 68), грузовых – 175 (или 167), санитарных – 15. Автоколонна допускалась вместе с обслуживающим персоналом в количестве 300 человек, включая водителей. 68 из них входили в аппарат штабов Уполномоченных. Весь же личный состав эвакуационного аппарата германской стороны не мог превышать 599 человек²⁶.

Следующие дополнения к этой статье определяли конкретные пункты местонахождения штабов германских Территориальных Уполномоченных. Всего их было 48. В районе Мансбурга – 11, в районе Березина – 10, Альботы – 7, Кишинева – 9 и в районе Черновиц – 11. Советская сторона извещала германскую о том, что во всех пунктах пребывания германских Уполномоченных будут назначены советские представители с необходимым персоналом, что должно было обеспечить совместную работу обеих сторон по подготовке и проведению эвакуации. Советская сторона соглашалась также предоставить германскому эвакуационному аппарату необходимые жилые и служебные помещения, а также обеспечить его личный состав продовольствием по существующим на местах ценам.

Стороны условились также, что в случаях необходимости на местах, по соглашению Главных Представителя и Уполномоченного, исходя из особенностей административного деления районов и других условий, могут проводиться изменения в определении размеров и территориальной структуры тех или иных районов или же территориальных участков деятельности эвакуационного аппарата, а также вноситься изменения в дислокацию Районных Уполномоченных и Представителей²⁷.

Дополнение к статье пятнадцатой толковало понятие «выборочного метода» проверки имущества, вывозимого немцами. Под ним понималась проверка определённого количества вагонов или мест из состава эшелона, повозок

²⁶ См. Ibid. S. 12.

²⁷ См. Ibid. S. 13–14.

и гужевых партий. Дополнение к шестнадцатой статье касалось состояния железнодорожной переправы Рени – Галац, разрушенной у румынского берега. Советская сторона не возражала против её восстановления с целью перехода эвакуируемыми, но привлекать для этого свои силы и средства не намеревалась. И, наконец, кратким дополнением к статье семнадцатой о возможности в отдельных случаях ставить в известность Главного советского Представителя о подготовке перевозочных средств за четыре дня до момента отправки очередной партии переселенцев заканчивался дополнительный протокол соглашения²⁸.

Протокол заключительного заседания был небольшим за объёмом и большинство его дополнений и разъяснений касались опять же отдельных статей основной части соглашения и в большинстве своём отсутствовали в соглашении по Западной Украине. В частности, дополнение к первой статье определяло порядок эвакуации немцев, находящихся на государственной и другой службе. Они могли выезжать, но обязаны были уведомить о своём намерении заранее. К статье третьей было ещё четыре дополнения. Первые два касались вопросов ветеринарного обслуживания эвакуации. Советская сторона соглашалась выделить для этой цели достаточное количество необходимого персонала, а также дать инструкции местным органам относительно того, чтобы ветеринарные сертификаты на скот, у которого не обнаружено заболеваний, выдавать на целые его группы или партии. Третье дополнение уточняло, что имущественные описи германским Уполномоченным составлялось на немецком языке, а советским Представителем – на русском. И в четвёртом дополнении к этой статье подчёркивалось, что Территориальные Уполномоченные и Представители обязаны делать объективную оценку оставляемого немцами имущества и внесённого в имущественные описи. В случаях возможных резких расхождений в этом плане масштабом оценки имущества предлагалось использовать имущественные оценки обязательного государственного страхования. При этом обязательно учитывалось состояние имущества на момент его оценки. В дополнении к пятой статье советская сторона гарантировала к началу эвакуации доставить в предусмотренные дунайские гавани достаточные средства оборудования для посадки переселенцев и погрузки их багажа на пароходы. В дополнении к статье седьмой советская сторона соглашалась с тем, что германский Главный Уполномоченный будет поддерживать связь с германским посольством в Бухаресте и германскими консульствами в Румынии, поскольку речь шла о той части переселенцев, которую планировалось переселять через территорию Румынии²⁹.

Два дополнения было и к статье десятой. В первой советская сторона обязывалась обеспечить для германской Правительственной Делегации радиосвязь

²⁸ См. Ibid. S. 14–15.

²⁹ См. Ibid. S. 16.

через свои радиоустановки. Во втором она давала согласие на ежедневное курсирование германского парохода между Галацем и Рени, но при условии, что на берег будут сходить лишь лица, имеющие многократные визы. В остальном пароход должен был подчиняться портовым правилам, но освобождался от портовых сборов и других обложений. Краткое дополнение к двенадцатой статье в исключительных случаях и с согласия Главного Представителя делало возможным приём заявлений об эвакуации до 10 ноября 1940 г.

И, наконец, последние дополнения были к семнадцатой статье соглашения. В первом из них советская сторона соглашалась, с целью обеспечения питания для переселенцев, доставить в гавани германской стороны 15 походных кухонь, но без обслуживающего персонала. Кроме этого, германскую сторону предупреждали, что обеспечения германских пароходов углём в советских гаванях не будет. Третье и четвёртое дополнение касалось особенностей передвижения гужевых партий. Они предусматривали, что, в случаях необходимости, на маршруты передвижения гужевых партий из числа сотрудников германских Уполномоченных и советских Представителей могут заблаговременно направляться служащие, которые будут заниматься закупкой продовольствия и фуража, а также обеспечивать для переселенцев ночлег в пунктах предполагаемых остановок. Советская сторона обязывалась дать указания местным органам власти и торгующим организациям обеспечить подвоз продовольствия и фуража и реализацию его по действующим ценам³⁰.

Протокол заключительного заседания содержал и два коротких дополнения к статье одиннадцатой дополнительного протокола. В них советская сторона принимала во внимание, что сотрудники германского эвакуационного аппарата будут носить служебную форму такого же образца, как и во время переселения из Западной Украины зимой 1939–40 гг., а также не возражала против проведения фото- и киносъёмки отдельных моментов эвакуации, но только в присутствии советских Представителей и в порядке, определённом Главным Представителем³¹.

Неотъемлемой и завершающей частью соглашения были приложения. Всего их было одиннадцать, что значительно превышало количество приложений к договору по Западной Украине. Все они были на двух языках и разными по содержанию: это образцы удостоверений для руководящего состава разных уровней и сотрудников аппарата Правительственных Делегаций от двух стран и Советско-Германской Смешанной Комиссии по эвакуации, формы списков переселенцев, транспортных списков и отчётов о приёме денег и ценных бумаг, формуляры для регистрации архивных объектов, оставляемых переселенцами в Советском Союзе после выселения, две формы описей имущества, а также две инструкции. Одна из них содержала правила перевозки по желез-

³⁰ См. Ibid. S. 17.

³¹ См. Ibid

ной дороге, а вторая регламентировала проведение санитарных мероприятий во время акции переселения³².

В целом же оба соглашения достаточно чётко оговаривали практически все стороны акции переселения немецких колонистов из Западной Украины, Бессарабии и Северной Буковины на территорию оккупированной Германией Польши. Они стали международно-правовым основанием для её практического осуществления. Более того, содержание этих соглашений и опыт их практической реализации были положено в основу ряда последующих международных договоров о переселении лиц немецкой национальности не только из прибалтийских республик, вошедших в состав СССР в 1941 г., но и с других стран Европы в ходе Второй мировой войны.

³² См. Ibid. S. 18–43.

Депортации этнических немцев с территории Украины в 1941–1942 гг.

Политика репрессий и депортаций со стороны советской власти в отношении немецкого населения Украины в годы Второй мировой войны в современной украинской историографии по-прежнему практически не исследована и сводится зачастую лишь к общим цифрам.

Накануне войны с Германией этнические немцы являлись одним из самых многочисленных национальных меньшинств, что проживали в то время на территории УССР. По мнению украинских исследователей М. Коваля и П. Медведка с учетом новоприсоединенных западных областей в 1939 г. их общее количество составило примерно 600 тыс. человек³³.

Политика сталинского руководства в отношении представителей различных этносов зависела от степени их лояльности. Критериями для определения последней выступал комплекс социальных, политических и этнических факторов³⁴. Поэтому уже в первые летние месяцы войны с Германией под влиянием резкого ухудшения военно-стратегической обстановки на фронте сталинское руководство решило прибегнуть к более жестким и радикальным действиям в отношении немецкого населения, как к представителям титульной нации главного противника. 3 августа 1941 г. на имя Сталина поступило донесение № 28 от штаба Южного фронта, в котором говорилось: «1. Военные действия на Днестре показали, что немецкое население стреляло из окон и огородов по отходящим нашим войскам. Установлено также, что немецко-фашистские в немецкой деревне 1.8.41 г. встречались хлебом, солью. На территории фронта имеется масса населенных пунктов с немецким населением. 2. Просим дать указания местным органам власти о немедленном выселении неблагонадежных элементов»³⁵. Однако вряд ли стоит серьезно воспринимать текст этого документа. Во-первых, кажется довольно странным то, что военные, которые уже имели к тому времени полномочия самостоятельно издавать приказы о выселении «неблагонадежных» элементов, вдруг стали просить вышестоящее руководство дать на это разрешение. Во-вторых, в тексте не было упомянуто название населенного пункта, что является также не типичным для военных

³³ Коваль М.В., Медведок П.В. Фольксдойче в Україні (1941–1944 рр.) // Український історичний журнал, 1992. № 5. С. 16.

³⁴ Гриневич В. Сталінська національна політика щодо національних меншин у роки Другої світової війни 1939–1945 рр. // Друга світова війна і доля народів України. Всеукраїнська наукова конференція (Київ, 23–24 червня 2005 р.). К.: Вид-во «Сфера», 2005. С. 184.

³⁵ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Том 2. Начало. Книга первая (22 июня – 31 августа 1941 года). М.: «Издательство "Русь"», 2000. С. 447–448.

документов. Также вызывает сомнение и та беспомощность военных перед немецкими колонистами, которые вдруг так дерзко осмелились открыть огонь по отступавшим красноармейцам. Вполне возможно, что данный документ появился не без прямой инициативы со стороны НКВД для формального обоснования целесообразности дальнейших репрессивных действий и массовых депортаций в отношении представителей немецкой национальности. Под текстом донесения № 28 И.Сталин поставил свою резолюцию следующего содержания: «Надо выселить с треском»¹.

Первые массовые принудительные выселения немцев по этническому признаку начались на территории Крыма. Так, 15 августа 1941 г. вышла директива Ставки Верховного Главного Командования № 00931 «О формировании и задачах 51-й Отдельной армии», где в частности говорилось, что следует «очистить немедленно территорию полуострова от местных жителей – немцев и других антисоветских элементов»². В результате с 15 августа 1941 по 11 сентября 1941 г. из Крыма было выселено свыше 60 тыс. представителей немецкой национальности³. Всех крымских высленцев разместили на территории Орджоникидзевского края и Ростовской области.

В середине августа 1941 г. происходила также и депортация немцев с Правобережья Днепра. К сожалению, сейчас пока неизвестно, какой именно нормативный документ послужил основанием для этого. Однако об этом выселении говорится во многих воспоминаниях меннонитов, которые являлись непосредственными свидетелями и участниками тех драматических событий. Так, например, 16 августа 1941 г. сотрудники НКВД приказали жителям хортицких колоний немедленно собраться и подготовиться к немедленной эвакуации. Некоторые из меннонитов предпочли временно скрыться, благодаря чему им удалось избежать выселения. Хортицким колонистам в количестве 1281 человека предстояло перейти на левый берег Днепра бок о бок с десятками тысяч беженцев, а также отступавшими советскими войсками⁴. Местами, по которым осуществлялась переправа, являлись плотина Днепрогэса, а также двухъярусный мост. 18 августа 1941 г. немецкие войска подошли к Запорожью. Если верить тем же воспоминаниям, то в этот момент многие из числа хортицких колонистов, опасаясь за свою судьбу, желали оказаться под немецкой оккупацией, а потому сознательно пытались двигаться как можно медленнее⁵. С целью осложнить дальнейшее наступление противника, советскими подрывниками 18 августа сначала был взорван мост. Затем, вечером

¹ Там же. С. 447.

² Реабилитированные историей: Автономная республика Крым. / Ред. кол.: Антипенко В.П., Омельчук Д.В., Акулов М.Р. и др. Симферополь, 2006. Кн. 2. С. 8.

³ Там же.

⁴ Fast G. Mennonites of the Ukraine under Stalin and Hitler // *Mennonite Life*, No.2, April, 1947. P. 20.

⁵ Epp M. *Women without Men. Mennonite Refugees of the Second World War*. Toronto: University of Toronto Press, 2000. P. 27.

этого же дня, по приказу НКВД без всякого оповещения населения была взорвана также и плотина ДнепроГЭСа, по которой все еще продолжалось движение колонн беженцев и военных. Это привело к масштабной трагедии, о которой пока еще очень мало говорят и не любят вспоминать. В образовавшуюся в плотине гигантскую брешь мгновенно хлынула вода. Огромная волна накрыла колонны беженцев и военных, а также мирных жителей в прибрежной зоне. Примерно 450 человек из оставшихся в живых меннонитов, воспользовавшись всеобщей паникой и неразберихой, смогли вернуться назад в свои колонии⁶. Менее драматично происходило и выселение меннонитов с правобережной части Днепропетровской области. 16 августа около 2500 жителей шести немецких колоний на своих обозах отправились на восток в сопровождении вооруженной охраны. Но в ночь с 17 на 18 августа сотрудники НКВД неожиданно сели на грузовики и уехали. Напоследок кто-то из них будто бы пригрозил, что когда вернется, то перестреляет всех «фашистов». На следующий день одно из подразделений немецкой армии настигло колонну меннонитов. Им всем тут же было приказано вернуться назад. Таким образом, вследствие быстрого наступления войск противника, а также паники и дезорганизации органы НКВД не смогли успешно выполнить депортацию немецкого населения с Правобережья Днепра⁷.

На основании приказа Военного Совета Южного фронта от 26 августа 1941 г., произошла депортация немецкого населения с территории Крыма и Днепропетровской области⁸. 3200 жителей Днепропетровщины отправили в Алтайский край⁹. Немного позже сюда доставили и около 6000 немцев Одесской области¹⁰. В августе 1941 г. также вышел приказ Военного Совета Юго-Западного фронта о выселении немцев из Харьковской области. К сожалению, конкретная дата и текст документа нам пока неизвестны, впрочем, как и сами подробности его выполнения¹¹. Но определенным подтверждением наличия данного приказа являются воспоминания одного из бывших жителей колонии Лачиново Барвенковского района Харьковской области К. Менцера, который писал, что его вместе с остальными немцами в августе 1941 г. отправили в Акмолинскую область Казахской ССР¹².

⁶ Fast G. Mennonites of the Ukraine under Stalin and Hitler // *Mennonite Life*, No.2, April, 1947. P. 20.

⁷ Epp K. George. Mennonite Immigration to Canada after World War II // *Journal of Mennonite Studies*, Vol. 5 (1987) P. 112.

⁸ Бердинских В.А. Спецпоселенцы: Политическая ссылка народов Советской России. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 151.

⁹ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Р-9479. Оп. 1. Д. 86. Л. 221.

¹⁰ Там же.

¹¹ Бердинских В.А. Спецпоселенцы: Политическая ссылка народов Советской России. М.: Новое литературное обозрение. 2005. С. 151.

¹² Судьба российских немцев. Коллективная исповедь в письмах / Сост., общ. ред. и введение Т.С. Иларионовой. М.: Нойес лебен, 1993. С. 68.

В конце августа 1941 г. немецкие войска были вынуждены временно остановить свое наступление. На протяжении месяца вдоль линии Днепра шли бои.

А тем временем, 31 августа 1941 г. Политбюро ЦК ВКП (б) приняло постановление «О немцах, проживающих на территории Украинской ССР», в соответствии с которым предполагалось на территории Ворошиловградской, Днепропетровской, Запорожской, Киевской, Полтавской, Сталинской, Сумской, Харьковской и Черниговской областей: «1. немцев, состоящих на учете как антисоветский элемент, арестовать; 2. остальную часть трудоспособного мужского населения в возрасте от 16 до 60 лет НКВД мобилизовать в строительные батальоны и передать НКВД для использования в восточных областях СССР»¹³. Вероятно, что таким образом советское руководство, небезосновательно опасавшееся оккупации всей территории Украины, намеревалось лишить противника возможности использовать немцев-мужчин в качестве потенциальных союзников. Л.Берия в своем сообщении от 22 сентября 1941 г., отметил, что на территории Запорожской, Сталинской и Ворошиловградской областей «в период с 2 по 5 сентября среди этих лиц арестовано антисоветского элемента в количестве 7091 человек. Кроме того, мужская часть немецкого населения этих областей в количестве 13484 человека мобилизована и под конвоем направлена на стройки ГУЛАГа НКВД СССР»¹⁴. Сегодня более-менее достоверно можно утверждать, что подавляющее большинство мобилизованных немцев из Украины доставили в несколько лагерей НКВД, а именно: Ивдельлаг, Соликамбумбуд, Богословлаг на Урале и Кимперсайлаг в Актюбинской области Казахстана¹⁵. Среди этого контингента попадались и представители других национальностей. Например, среди мобилизованных в одном из строительных батальонов оказался житель с. Токмак Запорожской области В. Вакин, русский по национальности, лишь на том основании, что его женой была немка¹⁶.

Судьба многих арестованных в соответствии с упомянутым постановлением оказалась печальной. Известно, что 20 октября 1941 г. несколько сотен немцев, осуждённых во внесудебном порядке за «контрреволюционную деятельность» прибыли из Ворошиловградской тюрьмы в Вятлаг. Подавляющее большинство из них были простыми шахтерами и колхозниками. Получив

¹³ Лубянка. Сталин и НКВД–НКГБ–ГУКР «Смерш», 1939 – март 1946: [архив Сталина, документы высших органов партийной и государственной власти] / Кол.авт. Межгосударственный фонд «Демократия»; Сост. Хаустов В.Н., Наумов В.П., Плотникова Н.С. М.: Материк, 2006. С. 314.

¹⁴ Сталинские депортации, 1928–1953 / сост.: Н.Л. Поболь, П.М. Полян. М.: Материк, 2005. С. 348.

¹⁵ Герман А.А. Советские немцы в лагерях НКВД в годы Великой Отечественной войны: вклад в Победу // Военно-исторические исследования в Поволжье: Сб. науч. трудов. Саратов: Изд-во «Научная книга», 2006. Вып. 7. С. 282.

¹⁶ ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 306. Л. 603.

статус «подследственных», они в течение года ждали своих приговоров. Но к тому времени более половины немцев этого контингента погибла от голода, холода и болезней зимой 1941–1942 гг.¹⁷

Вслед за мобилизациями сталинское руководство решило осуществить уже планомерную депортацию немецкого населения с территории Левобережной Украины. 22 сентября 1941 г. Л. Берия предоставил в Государственный Комитет Обороны проект постановления «О выселении немцев из Запорожской, Сталинской и Ворошиловградской областей». В докладной записке, говоря о целесообразности запланированной операции, нарком подчеркнул: «В целях предотвращения антисоветской работы со стороны проживающих немцев в Запорожской, Сталинской и Ворошиловградской областях Украинской ССР НКВД СССР считает целесообразным их переселить в Казахскую ССР общей численностью 109 487 человек»¹⁸. В тот же день И. Сталин как председатель комитета утвердил постановление № 702сс, состоявшее из 11 пунктов, согласно которому планировалось осуществить переселение немцев Запорожской области в количестве 63 000 человек, Сталинской – 41 000 человек и Ворошиловградской – 5 487 человек на территорию Казахской ССР¹⁹.

23 сентября 1941 г. Л.Берия утвердил приказ № 001354 «О мероприятиях по проведению операции по переселению немцев из Запорожской, Сталинской и Ворошиловградской областей», где говорилось об общих организационных моментах намеченной депортации для работников НКВД. В частности было отмечено, что с целью обеспечения порядка необходимо отправить: в Запорожскую область – 300 сотрудников НКВД, 1500 работников милиции; в Сталинскую область – 250 сотрудников НКВД, 1000 работников милиции; в Ворошиловградскую область – 50 сотрудников НКВД, 200 работников милиции. Кроме этого, во время операции планировалось задействовать и контингент войск НКВД в следующем количестве: в Запорожской области – 2500 красноармейцев, в Сталинской области – 2000 красноармейцев, в Ворошиловградской области – 300 красноармейцев. Начать операцию планировалось 25 сентября, а полностью завершить в Запорожской области следовало уже до 2 октября, в Сталинской и Ворошиловградской до 10 октября.²⁰ Существуют отдельные свидетельства, которые указывают на то, что депортировать немцев из упомянутых областей УССР начали еще до подписания соответствующего постановления Государственного Комитета Обороны. Например, уроженец колонии Розовка Ясиноватского района Сталинской области В. Клаус позднее вспоминал, как уже 10 сентября семьи немцев отвезли на станцию Фенольная, где в течение нескольких дней они были вынуждены жить на привокзальной

¹⁷ Бердинских В.А. История одного лагеря (Вятлаг). М.: «Аграф», 2001. С. 212.

¹⁸ Сталинские депортации, 1928–1953 / сост.: Н.Л. Поболь, П.М. Полян. С. 348.

¹⁹ Там же. С. 349.

²⁰ Там же. С. 351.

площади в ожидании своего эшелона²¹. На выполнение этой масштабной операции руководство Государственного Комитета Оборона сначала предполагало выделить 15 миллионов рублей из резервного фонда Совнаркома СССР²². Но потом соответствующую сумму решили сократить почти на треть²³.

Особые проблемы для сотрудников НКВД при проведении депортации возникли на территории Запорожской области, прежде всего из-за ее географической близости к линии фронта. В этом регионе значительный процент немецкого населения проживал в молочанских колониях. 2 октября 1941 г. всем жителям указанной местности объявили об эвакуации. На сборы немецким семьям отвели всего лишь два часа. За это время некоторые из них даже пытались успеть продать часть своего имущества или же обменять его на теплую одежду. Затем представители войск НКВД заходили в опустевшие дома колонистов с целью их проверки на тот случай, чтобы никто не вздумал скрыться²⁴. Отpravку немцев на территории Запорожской области планировалось произвести с пяти железнодорожных станций: Молочанск, Лихтенау, Токмак, Стульнево и Нельговка. Так, в частности на станцию Стульнево прибыло около 6–8 тыс. человек²⁵. Подавляющее большинство из них составляли женщины, дети и пожилые люди. Всем семьям сразу же сообщили, что им следует ожидать свой эшелон. Прошло несколько дней. Эшелон так и не появился. На четвертый день немецкие самолеты полностью разрушили станцию и серьезно повредили железнодорожное полотно. Затем начался артиллерийский обстрел. В условиях всеобщей паники сотрудники НКВД приняли решение срочно покинуть станцию и срочно эвакуироваться вместе с частями Красной Армии. В этой ситуации немцам, которые оказались в самом эпицентре боя, ничего другого не оставалось, как вернуться назад домой²⁶. Не состоялась также и отправка эшелонов со станций Молочанск и Токмак. В итоге, органы НКВД из взятых на учет 53566 немцев Запорожской области смогли депортировать лишь 32032 человека²⁷. Большинство из них отправили в Актюбинскую, Джамбульскую, Карагандинскую, Кызыл-Ордынскую, Кустанайскую и Семипалатинскую областей Казахской ССР. 8357 человек из этого контингента вывезли в Новосибирскую область²⁸. Около 600 немцев

²¹ История немцев Украины в годы Великой Отечественной войны: Сб. док. и материалов / [Авт.-сост.: А.А. Дынгес] Донецк: Апекс, 2005. С. 102.

²² Сталинские депортации, 1928–1953 / Сост.: Н.Л. Поболь, П.М. Полян. С. 349.

²³ ГАРФ. Р-9479. Оп. 1. Д. 86. Л. 63.

²⁴ Helmut T. Huebert. Events and people: events in Russian Mennonite history and the people that made them happen. Publisher: Winnipeg : Springfield, 1999. P. 218.

²⁵ Epp M. Women without Men. Mennonite Refugees of the Second World War. Toronto: University of Toronto Press, 2000. P. 28.

²⁶ Helmut T. Huebert. Events and people: events in Russian Mennonite history and the people that made them happen. Publisher: Winnipeg : Springfield, 1999. P. 219.

²⁷ ГАРФ. Р-9479. Оп. 1. Д. 83. Л. 47.

²⁸ Там же. Л. 41.

также отправили на строительство шоссейной дороги в Астрахань²⁹. Среди причин неудач при проведении операции следует назвать как быструю оккупацию территории Запорожской области войсками противника, так и нехватку эшелонов.

На проведение операции по выселению представителей немецкого населения из Сталинской и Ворошиловградской областей органы НКВД имели немного больше времени. В соответствии с составленным планом, на территории Сталинской области предполагалось начать депортацию, прежде всего из тех районов, которые географически были ближе расположены к линии фронта, а именно: Володарского, Буденовского, Старо-Керменчического, Волноваховского, Ольчинского и Мангушского. Общая численность немцев на указанных территориях, по подсчетам НКВД, составила 4983 человека. Их намеревались отправить 29 сентября 1941 г. двумя эшелонами со станций Мариуполь и Волноваха. Общий же план проведения операции предусматривал осуществить отправку всех «немецких» эшелонов в три очереди: первая очередь – 4 эшелона 30 сентября, вторая очередь – 5 эшелонов 1 октября; третья очередь – 5 эшелонов 2 октября³⁰. В конце концов, из Сталинской области, из взятых на учет 36380 немцев, было вывезено в Алма-Атинскую, Акмолинскую, Восточно-Казахстанскую, Павлодарскую и Семипалатинскую области 35 477 человек. В Ворошиловградской области органы НКВД из запланированных 13 тыс. немцев успели осуществить депортацию 9 858 человек в Семипалатинскую и Северо-Казахстанскую области. Однако дальнейшее проведение этой операции все же пришлось остановить из-за наступления немецких войск³¹.

Весной 1942 г., во время неудачных контрнаступательных операций Красной Армии, органы НКВД на временно освобожденных территориях УССР проводили репрессии и массовые выселения лиц, сотрудничавших с немецкими оккупационными властями. Среди последних оказались и этнические немцы некоторых восточных областей Украины. Так, заместитель наркома внутренних дел УССР майор Г. Крутов в своей записке от 20 мая 1942 г. доложил вышестоящему руководству в Москву следующее: «Военные Советы 6, 38, 57 Армий требуют выселения из фронтовых районов Харьковской области граждан немецкой национальности. Таких семей учтено: Лозовском районе – 51, Близнецовском – 81, Шевченковском – 49, Двуречанском – 119, Купянском – 32, Барвенковском – 90 – всего 422 семьи с числом членов до 1550 человек, из них: женщин – 500 человек, детей до 16 лет – 770, мужчин, главным образом стариков – 180»³². Российский исследователь М. Бугай утверждает, что

²⁹ Бугай М.Ф. Депортації населення з України (30-50-ті роки) // Український історичний журнал, 1990. № 10. С. 37.

³⁰ Там же. Д. 86. Л. 151.

³¹ Там же. Д. 83. Л. 47.

³² Галузевий державний архів Служби безпеки України. Ф. 42. Спр. 49. Арк. 67.

депортация этнических немцев из Харьковской области в количестве 1 500 человек происходила на основе постановления Советов фронтов и приказа НКВД СССР № 010714 от 20 марта 1942 г. Их всех вывезли в Кустанайскую область Казахской ССР. Отдел спецпереселений НКВД СССР сообщал, что на проведение этой операции получил 205 тысяч рублей³³.

24 июня 1942 г. Л. Корниец, который на тот момент времени возглавлял Совнарком УССР и по совместительству являлся членом Военного совета Южного фронта, сообщил непосредственно Л. Берии, что после депортации осенью 1941 г., на территории Ворошиловградской области осталось 1027 немецких семей в количестве 3701 человек и попросил дать указание об их выселении. На следующий день нарком поручил своим подчиненным срочно заняться этим делом, поскольку ситуация на фронте стремительно ухудшалась³⁴. Уже 3 июля 1942 г. в Кустанайскую область прибыло 2 748 немцев из Ворошиловградской области³⁵. В этот раз НКВД также не успел в полном объеме выполнить свой план из-за стремительного контрнаступления войск противника. Однако следует отметить также, что несколько тысяч этнических немцев смогли избежать весной–летом 1942 г. депортации, так как были эвакуированы оккупационными властями из прифронтовой территории.

Бурные и трагические события Второй мировой войны привели к значительным изменениям в этнодемографической структуре населения Украины. Трагизм судьбы этнических немцев в СССР заключался, прежде всего в том, что в глазах сталинского руководства они являлись «неблагонадежной нацией». Массовые депортации лета–осени 1941 г. и весны–лета 1942 г. стали первым этапом в общем процессе, результатом которого стало почти полное исчезновение одного из самых многочисленных национальных меньшинств с территории Украины.

³³ Бугай Н.Ф. Л.Берия – И.Сталину: «Согласно Вашему указанию...»: М. 1995. С. 45.

³⁴ ГАРФ. Р-9479. Оп. 1. Д. 86. Л. 212.

³⁵ Там же. Л. 32.

Принудительные миграции немцев Украины в годы Великой Отечественной войны: общее и особенное

28 августа 1941 г. стало трагической датой в истории российских немцев, что связано с решением руководства СССР о выселении немцев из Поволжья. С этого момента начинается волна депортаций немцев из различных регионов Советского Союза. Сам термин «депортация» (с лат. *deportatio* – изгнание, ссылка) подразумевает принудительную высылку лица либо целой категории лиц в другое государство или другую местность, при этом чаще всего – под конвоем³⁶.

Есть и более точное и конкретное определение, которое дает Гуманитарный словарь: «Депортация – высылка как отдельных лиц, так и целых народов, признанных официальной властью социально опасными, из мест постоянного проживания»³⁷.

В любом случае депортация – это прежде всего принудительное переселение. Но в годы Великой Отечественной войны немцы СССР подвергались принудительному переселению не только в 1941 г., а практически на протяжении всей войны. Правда, другие переселения носили другие названия: эвакуация (в 1943–1944 гг.) и репатриация (в 1945–1946 гг.). Но можно ли считать эти процессы разными? Для начала стоит остановиться на выяснении значения данных терминов.

Итак, под эвакуацией (позднелат. *evacuatio*, от лат. *evacuare* – опоражнивать) подразумевается «1) вывоз из районов боевых действий в тыл раненых, больных, пленных, а также неисправного и излишнего имущества, трофеев и других материальных средств; 2) вывод войск из ранее занимавшихся ими районов по военным и политическим причинам, а также на основании заключенных соглашений и договоров; 3) вывоз гражданского населения, предприятий, учреждений, художественных и других ценностей, имущества из местностей, находящихся под угрозой нападения противника или подвергшихся стихийному бедствию»³⁸.

Репатриации (от лат. *re* – вновь, *patrio* – отечество, т.е. возвращение на родину) же дается различное толкование, но эти толкования отличаются в большей степени только набором слов, не меняя содержание этого термина.

³⁶ См.: Советский энциклопедический словарь / Ред. кол.: А.М. Прохоров (гл. ред.) и др. 4-е изд. М., 1987. С. 377; Современная украинская энциклопедия: в 16 т. Харьков, 2004. Т. 4. С. 257; Большой юридический словарь ОНЛАЙН. Доступно из: <http://law-enc.net/word>.

³⁷ Российский гуманитарный энциклопедический словарь: в 3 т. М., 2002. Доступно из: <http://slovari.yandex.ru/~книги/Гуманитарный%20словарь/Депортация>.

³⁸ Большая советская энциклопедия. – Доступно из: <http://slovari.yandex.ru/~книги/БСЭ/Эвакуация>.

Этот процесс можно определить, как возвращение на родину военнопленных и гражданских лиц, оказавшихся в силу различных обстоятельств (в том числе вследствие войны) на территории другого государства, а также эмигрантов¹.

Как видно, только один из указанных процессов предполагает насильственное переселение. Но так ли обстояло дело с российскими немцами в годы войны. Были ли существенные отличия в названных процессах и было ли что-либо у них общего? Попытка дать ответ на данные вопросы и будет предпринята в настоящей статье.

Уже в первый день войны, 22 июня 1941 г., начала закладываться правовая база под последующие принудительные переселения. В этот день был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР, который предоставлял право военным властям выселять с территорий, где объявлялось военное положение, лиц, признанных «социально опасными». Под эту категорию сразу же попали лица немецкой национальности, имевшие как германское, так и советское гражданство².

Места своего постоянного проживания отдельные группы немцев начали покидать еще до начала акций по массовому переселению. Это были представители партийного, советского актива, лица, выделенные для перегонки скота, техники, перевозки в тыл разнообразного инвентаря. И хотя данное переселение нельзя назвать принудительным в полном смысле этого слова, но судьба первых переселенцев не отличалась от судьбы депортированных позже. Все они оказались в восточных районах страны и потом в «трудармии».

Первыми принудительному выселению подверглись немцы Крыма. Правда этот процесс рассматривался как эвакуация. Решение об эвакуации крымских немцев было оформлено постановлением № 75сс Совета по эвакуации от 15 августа 1941 г. и приказом Военного Совета Южного фронта³. В воспоминаниях депортированных немцев даже присутствует убежденность о временном характере выселения. Например, бывший житель г. Симферополь Э.П. Папс говорит: «К нам пришли и сказали, не объяснив причины, что нас выселяют из города месяца на три, до окончания военных действий, квартиры будут опечатаны»⁴. Данная точка зрения присутствует во многих исследованиях. Например, один из крупнейших исследователей проблемы принудительных миграций П.М. Полян пишет, что «чисто юридически эта депортация, веро-

¹ См.: Советский энциклопедический словарь. С. 1120; Большой юридический словарь ОНЛАЙН; Большая советская энциклопедия. Доступно из: <http://slovari.yandex.ru/~книги/БСЭ/Репатриация>; Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н.Ушакова. М., 1935–1940. Доступно из: <http://slovari.yandex.ru/~книги/Толковый%20словарь%20Ушакова/Репатриация>.

² Айсфельд А. Депортация // Немцы России: энциклопедия: в 3 т. / В.Карев (пред-ль редколлегии) и др. М., 1999. Т. 1: А–И. С. 698.

³ Там же.

⁴ Брошеван В. Боль и память крымских немцев (1941–2001 гг.) (Историко-документальная книга). Симферополь, 2002. С. 123.

ятно, имела видимость эвакуации, но несколько необычной эвакуации – по этническому признаку⁵. Хотя, на наш взгляд, «необычной» эта «эвакуация» была и по характеру ее проведения, который ничем не отличался от последующих депортаций и не только немцев. В Директиве Ставки Верховного Главнокомандующего №00931 «О формировании и задачах 51-й Отдельной армии» от 14 августа 1941 г. говорилось: «Очистить немедленно территорию полуострова от местных жителей – немцев и других антисоветских элементов»⁶. Т.е. речь не идет ни о каком спасении гражданского населения, а о вывозе «антисоветских элементов». Именно как принудительное воспринимали данное выселение и сами немцы, о чем свидетельствует их восприятие данного мероприятия с непониманием, недовольством, а иногда и с возмущением и желанием отомстить. В документах НКВД приводятся следующие факты: «Первоначальная весть об эвакуации взбудоражила немецкое население, имели место факты отказа, панические и провокационные разговоры...

...Комендант совхоза "Молодая гвардия" – Гертер, будучи уже на вокзале, заявил: "Пусть скажет спасибо секретарь парторганизации, что меня высылают, в случае чего я бы их первых стрелял бы в спину"...

...Колхозник колхоза им. "Путь Ленина" Колайского р-на Риде Яков Оскарович заявил: "Надо сопротивляться эвакуации, так как нас повезут и выбросят в море".

Жительница дер. Берди-Булат Перекопского р-на – Дауб Мария Иосифовна, муж которой репрессирован за к-р деятельность, по агитационным данным призывала немцев сжигать оставшееся имущество.

Колхозница колхоза им. "Розы Люксембург" – Браун Пиада Бернгардовна, заявила: "Нас везут в Сиваш и там потопят. Гитлер потребовал нас всех к себе, вот не понимаю, попадем ли теперь в Германию, или останемся в Сиваше".

Бывшая работница Джурчинского раймага – Гауфлер Мария заявила: "Пусть отправляют нас подальше, они думают, что Гитлер туда не придет. Все равно рано или поздно придет тот час, когда мы начнем с ними расправляться". Житель дер. Киябак Биюк-Онларского р-на – Юнг Давид Карлович заявил трем русским колхозницам: "Мы уедем, а вас здесь немцы с землей перемесят".

Немец Колтайс Иван Иванович, ранее арестовывался органами НКВД, заявил: "Нас выселяют, ну и хорошо, если мы попадем на линию фронта германцев, тогда возьмем оружие и выступим против Советской власти".

⁵ Полян П.М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001. С. 111.

⁶ Директива Ставки ВГК №00931 Главнокомандующему войсками Юго-западного направления, Командующему войсками Южного фронта, Народному комиссару Военно-Морского флота, Командующему 51-й отдельной армии, командиру 9-го Отдельного стрелкового корпуса «О формировании и задачах 51-й Отдельной армии». 14 августа 1941 г. // Брошеван В. Боль и память крымских немцев... С. 116.

Немка Вебер Елена Яковлевна, 1919 г.р., из дер. Кара-Куи Ленинского р-на, выезжая из дер., заявила: "Высылайте, гады чертовы, все равно вас разобьет Гитлер".

Бухгалтер 1-й Карасубазарской МТС – Гафнер в пути следования на вокзал заявил: "Эвакуация немцев есть ни что иное, как вредительство, направленное на усиление вражды между людьми разной национальности".

Завскладом Карасубазарского торго – Майер высказался: "23 года прожили и работали, считались хорошими работниками, а теперь стали врагами из-за какого-то сумасшедшего Гитлера, куда нас повезут, не знаю, но предстоит много мучений".

В дер. Чеголтай Ак-Мечетского р-на была попытка со стороны уезжающих немцев уничтожить баштан. Немка этой дер. Гафнер на своей усадьбе уничтожила неспелый виноград.

Немец Гиберт Генрих из дер. Чеголтай при переноске вещей заявил: "Довольно издеваться над нами, недалеко то время, когда мы с вами расправимся".

Второй немец Мартенс Борис Генрихович высказался: "Нам говорят, чтобы мы в панику не бросались, а сами посадят нас в поезд и разбомбят из самолетов"...

...Среди немцев коммунистов и комсомольцев отмечены следующие проявления:

Председатель Караминского сельсовета Колайского р-на, член ВКП(б) Мольтке, когда ему объявили о необходимости эвакуироваться, заявил: "На кой же черт тогда давали мне партбилет, если теперь не доверяют".

Председатель колхоза Валендер, член ВКП(б), член ревизионной комиссии Лариндорфского РК ВКП(б), заявил: "Русские даже петлюровцев оставляют, а немцев даже коммунистов эвакуируют".

Пред. колхоза "III Интернационала" Биюк-Онларского р-на, член ВКП(б) – Мальте Адольф Георгиевич, 1931 г.рожд. (так в документе, хотя дата рождения сомнительна. – В.К.), за день до эвакуации организовал в колхозе поголовную пьянку и среди колхозников вел разговоры: "Меня удерживает партбилет, если бы его у меня не было, я пошел бы в лес".

Председатель колхоза "XVII Партсъезда", член ВКП(б) Майер Андрей Иванович, 1902 г.р., заявил: "Как только выеду за пределы Крыма, партбилет выброшу"⁷.

В итоге, эта принудительная «эвакуация», которая началась 15 августа, в основном к 22 августа 1941 г. закончилась. Крымских немцев выселили в Орджоникидзевский край, откуда уже позже, в конце сентября того же 1941 г., они были депортированы в восточные районы страны (в Казахскую ССР).

⁷ Секретарю Крымского обкома ВКП(б) тов. Булатову. Докладная записка об эвакуации немецкого населения из Крымской АССР. 1 сентября 1941 г. // Реабилитированные истории. Автономная республика Крым / В.П.Антипенко (пред-ль ред. кол.) и др. К.; Симферополь, 2006. Кн. вторая. С. 48, 49–51.

Численность выселенных в разных исследованиях колеблется от 50 до 53 тыс. Если учесть, что, по данным Всесоюзной переписи 1939 г., немцев в Крыму насчитывалось 51299 человек⁸, то первая цифра выглядит более объективной. Отличается цифра и выселенных немцев вместе с членами семей – представителями других национальностей. В уже упоминаемом исследовании Б.Брошевана и В.Ренпенинга, коллективном исследовании «Крымские репатрианты: депортация, возвращение и обустройство» называется цифра 61184 человека⁹. В Докладной же записке об эвакуации немцев из Крыма называется цифра 59744 человека¹⁰.

Следующим шагом в депортационном процессе стали решения, касающиеся поволжских немцев: Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 26 августа и Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. Несмотря на то, что данные документы касались только одного региона, их положения отразились на судьбе всего немецкого населения Советского Союза. Почти сразу же, 31 августа 1941 г. Политбюро ЦК ВКП(б) рассмотрело вопрос «О немцах, проживающих на территории Украинской ССР», в результате чего было принято постановление, предписывающее в 9 областях (Днепропетровской, Ворошиловградской, Запорожской, Киевской, Полтавской, Сталинской, Сумской, Харьковской, Черниговской) весь «антисоветский элемент» среди немецкого населения арестовать, а всех немцев-мужчин в возрасте от 16 до 60 лет мобилизовать в строительные батальоны. В короткие сроки было сформировано 13 строительных батальонов общей численностью 18600 человек, но использовались они уже на объектах НКВД на востоке страны – в Ивдельлаге, Соликамбумстрое, Богословстрое и Кимперсайлаге¹¹.

Об этих событиях известный впоследствии советский тяжелоатлет Р. Плюкфельдер, которому тогда было 14 лет, вспоминает следующее: «В начале сентября 1941 г. отца забрали прямо с конного двора. И не только его, людей забирали по специальному списку. Недалеко от колхозной конторы, за кукурузным полем, уже стояли наготове полуторки... А вечером через несколько

⁸ Справка о количестве немцев по переписи на 17 января 1939 г. // Депортации народов СССР (1930-е – 1950-е годы) / Сост. О.Л.Милова. М., 1995. Часть 2. Депортация немцев (сентябрь 1941 – февраль 1942 гг.). (Материалы к серии «Народы и культуры»). С. 22; Справка о количестве немцев по переписи на 17 января 1939 г. // «Мобилизовать немцев в рабочие колонны... И.Сталин»: Сб. документов (1940-е годы) / Сост., предисл., коммент. д-ра ист. наук, проф. Н.Ф.Бугая. 2-е изд. М., 2000. С. 17.

⁹ Брошеван В. Боль и память крымских немцев... С. 124; Крымские репатрианты: депортация, возвращение и обустройство / Под общ. ред. О.А.Габриеляна, В.П.Петрова. Симферополь, 1998. С. 54.

¹⁰ Секретарю Крымского обкома ВКП(б) тов. Булатову. Докладная записка об эвакуации немецкого населения из Крымской АССР. 1 сентября 1941 г. С. 48.

¹¹ Герман А.А. История немцев России: Учебное пособие. М., 2005. С. 423; Герман А.А. «Если останусь жив...»: Жизнь и удивительные изломы судьбы российского немца Эдвина Гриба. М., 2007. С. 16–18.

дней прямо с поля взяли моего брата Владимира. Ему исполнилось 18 лет... Отца и брата я не видел больше никогда»¹².

С сентября 1941 г. процесс депортации приобретает уже массовый характер: 6 сентября принимается постановление ГКО «О переселении немцев из Москвы и Московской области и Ростовской области», 21 сентября – постановление ГКО «О переселении немцев из Краснодарского, Орджоникидзевского краев, Тульской области, Кабардино-Балкарской и Северо-Осетинской АССР» (теперь уже немцы Крыма депортировались, а не эвакуировались) и т.д.

А 22 сентября 1941 г. было принято постановление ГКО №ГКО–702сс «О переселении немцев из Запорожской, Сталинской и Ворошиловградской областей»¹³. Можно считать, что этот документ подводил черту под депортацией с территории Украины. Речь в нем идет о переселении с восточных областей Украины, к этому времени оккупировано было все правобережье, сражения шли на левом берегу Днепра. В результате, согласно справке от дела спецпереселений НКВД СССР от 25 декабря 1941 г. было переселено из Запорожской области 32032 человека (было учтено для переселения 53566 человек), из Ворошиловградской – 9858 человек (учтено – 13000), из Сталинской – 35477 человек (учтено – 36380), из г.Днепропетровска – 3250 человек¹⁴. Немецкая исследовательница И.Фляйшхауэр считает, что переселение осуществлялось по спискам, составленным по распоряжению ЦК ВКП(б) еще осенью 1934 г.¹⁵ План депортации не был выполнен в связи с тем, что в условиях быстрого наступления немецких войск просто не удалось организовать вывоз населения полностью. К моменту принятия решения оккупированы уже были многие территории, на которых проживало немецкое население. В результате вывезти смогли только в основном население, проживающее на левом берегу Днепра, на правом же берегу почти все немцы остались по месту жительства. Да и на левобережье позже стали возвращаться те немцы, которым удалось как-то скрыться в ходе выселения. Например, в Николаевской области до начала войны проживало около 30 тыс. немцев¹⁶, столько же их было и в период оккупации. В с. Колоно-Николаевка (Эттингерфельд) Васильковского р-на Днепропетровской области к началу 1942 г. вернулось 17 человек, из которых 11 были уроженцами этого же села¹⁷. Один из них позже стал старостой села.

¹² Плюкфельдер Р.В. Чужой среди своих. М., 2008. Книга I. Невыездной. С. 33, 34.

¹³ История российских немцев в документах (1763–1992 гг.) / Сост. В.А.Ауман, В.Г.Чеботарева. М., 1993. С. 165; «Мобилизовать немцев в рабочие колонны... И.Сталин»... С. 32–33.

¹⁴ Герман А.А. и др. История немцев России: Хрестоматия. М., 2005. С. 269, 271.

¹⁵ Fleischhauer I. Das Dritte Reich und die Deutschen in der Sowjetunion / I.Fleischhauer. Stuttgart, 1983. S. 104.

¹⁶ Німці Півдня України: Історія і сучасність. Миколаїв, 2009. С. 373, 375.

¹⁷ Государственный архив Днепропетровской области (далее – ГАДО). Ф. 2311. Оп. 1. Д. 24. Л. 52.

Всего же с Украины была депортирована приблизительно четвертая часть проживавших в республике немцев. Так, по данным предвоенных переписей, в Украине проживало около 400 тыс. немцев (по данным переписи 1937 г. 401880 человек¹⁸, по данным переписи 1939 г. – 392458 человек¹⁹). После оккупации Украины немецкими войсками на территории рейхскомиссариата «Украина» насчитывалось 163. тыс. этнических немцев (в том числе в Житомирском генерал-комиссариате – 42 тыс., в Киевском – 9 тыс., в Волынском – 5 тыс., в Днепропетровском – 70 тыс., в Николаевском – 30 тыс., в Мелитополь – 7 тыс.)²⁰. Кроме того, более 130 тыс. этнических немцев проживало на территории Транснистрии, в которую входила Одесская, часть Николаевской и часть Винницкой областей Украины²¹.

В период оккупации немецкими властями была организовано еще одно насильственное переселение. В сентябре 1942 г. Г. Гиммлер в своей речи перед главнокомандующими СС и полиции высказал идею о создании вдоль дороги Житомир–Бердичев группы немецких поселений (около 100 сел) под общим названием Хегевальд. Эти поселения должны были быть заполнены волыньскими немцами. Всего предполагалось переселить около 30 тыс. этнических немцев. 10 октября 1942 г. началась акция переселения. Первыми были более 6 тыс. немцев из северных районов Житомирской области. Закончился процесс переселения в марте 1943 г. Всего в Хегевальде оказалось 10178 этнических немцев. По утверждению УЛауэр переселение осуществлялось принудительно под охраной полиции²². В целом же создать «заповедник» немецких поселений создать не удалось. В условиях войны поселения страдали от нехватки самого необходимого для существования. К тому же в 1943 г. меняется ситуация на фронте, что заставляло немецкие власти решать совершенно другие задачи.

Кстати, была еще и идея создания в Крыму и на нижнем течении Днепра Готенгау («готской области»). На карте видно, что в эту область входило практически все Приднепровье. Она простиралась почти до Киева, включая в себя такие города, как Днепропетровск, Херсон, Кривой Рог, Кременчуг²³.

В 1943 г. в условиях отступления вермахта с территории Украины начинается эвакуация немецкого населения на запад. Один из участников

¹⁸ Всесоюзная перепись населения 1937 года: Общие итоги: Сб. документов и материалов. М., 2007. С. 87.

¹⁹ История российских немцев в документах (1763–1992 гг.). С. 156; «Мобилизовать немцев в рабочие колонны... И.Сталин»... С. 17; Депортация народов СССР. Часть 2. Депортация немцев (сентябрь 1941 – февраль 1942 гг.). С. 22.

²⁰ Айсфельд А. Великая Отечественная война 1941–1945 // Немцы России: энциклопедия. Т. 1: А–И. С. 338.

²¹ Німці Півдня України: Історія і сучасність. С. 375.

²² Лауер В. Творення нацистської імперії та Голокост в Україні / Венді Лауер; наук. ред. М.Тяглий; літ. ред. Я.Карпюк; пер. з англ. С.Коломійця, Є.Ровного. К., 2010. С. 207.

²³ Родионов В. Расовые мифы нацизма. Врага надо знать! М., 2010. (Секретные материалы III Рейха). С. 28–29.

событий назвал данный процесс «второй эвакуацией» местных немцев (под первой он, наверное, подразумевал депортацию 1941 г.)²⁴. Причины данной акции объясняются легко. Во-первых, еще в программе НСДАП, принятой в 1920 г. в первом пункте говорилось о требовании «объединения всех немцев в великую Германию на основе права народов на самоопределение»²⁵. И данное переселение должно было способствовать такому объединению. Но более важным было то, что и нацистское руководство, и немецкое население Украины помнили о событиях 1941 г. (аресты немцев, депортация) и знали о дальнейшей судьбе депортированных немцев. Понятно, что они опасались, что после двух лет войны их судьба в лучшем случае будет похожей, т.е. высылка в восточные районы страны, принудительный труд в лагерях НКВД, а возможно даже и высшая мера наказания. Кроме того, в условиях оккупации они пользовались некоторыми льготами, что ставило их в привилегированное положение по сравнению с другими жителями оккупированных территорий. Хотя и не везде, и не всегда, но местное население негативно относилось к представителям немецкого населения, что могло закончиться и самосудами, оговорами и в конечном счете опять-таки арестами и высылкой.

Кстати, о подобной перспективе немецкого населения в начале 1945 г. писал Й. Геббельс в своем дневнике. В записи от 21 марта 1945 г. он писал: «Советы... самым жестким образом депортируют в другие районы целые народности из разных частей Советского Союза или с оккупированных территорий. Они не церемонятся со своими собственными народностями. Так, например, они преспокойно заявляют, что народности, жившие в областях, которые были заняты нами, будут депортированы в Восточную Россию, поскольку они явно слишком поддались влиянию национал-социалистской пропаганды. Чего бы только не натворили эти Советы с немецким населением, если бы оно попало в их руки!»²⁶

Подавляющее большинство немецкого населения было эвакуировано осенью–зимой 1943–1944 гг. Так, по данным фильтрационных дел репатриированных немцев – жителей Днепропетровской области из 915 человек 541 (59,1%) указал временем эвакуации октябрь 1943 г., 121 (13,2%) преимущественно с левого берега и прибрежных сел на правом берегу – сентябрь 1943 г., кроме того 199 человек (21,7%) указали 1943 г., без конкретизации месяца (есть основания предполагать, что они также были эвакуированы в октябре). В то же время за весь 1944 г. было эвакуировано 35 человек (3,8%)²⁷.

²⁴ Спогади Гельмута Рейнгольдовича Генцеля (м. Ольсберг, Німеччина). 17 квітня 1993 р. // Куйбишевський та Розівський райони в роки Великої Вітчизняної війни: збірник документів. Куйбишеве, 1996. С. 15.

²⁵ Гейден К. Путь НСДАП. Фюрер и его партия. М., 2004. С. 29.

²⁶ Геббельс Й. Последние записи / Вступ. слово и общ. ред. А.А.Галкина. Смоленск, 1998. С. 63.

²⁷ ГАДО. Ф. 6478. Оп. 1.

В других регионах, например, в Николаевской, Одесской областях, эвакуация приобретала более массовый характер с начала 1944 г. Т.е. сроки эвакуации зависели от обстановки на фронте, и она начиналась по мере приближения советских войск.

Оккупационные власти старались сделать вид, что эвакуация немецкого населения никак не связана с наступлением Красной армии. Например, в прессе в Николаеве в марте 1944 г., незадолго до освобождения города Красной армией, писалось: «Определенные круги города Николаева в связи с отъездом из города части граждан немецкого происхождения (фольксдойче) делают ошибочный вывод, будто бы немецкое командование предполагает оставить Николаев или город рискует попасть непосредственно в зону боевых действий. Эти вредные слухи не отвечают действительности. На самом деле эвакуация части немецких граждан (фольксдойче) проходит по заранее составленному плану, в соответствии с которым лица немецкого происхождения, проживающие в восточных областях, должны быть переселены в новые места поселения в непосредственной близости от границ Рейха»²⁸.

Сам процесс эвакуации мало чем отличался от депортации 1941 г. На сборы населению давали от одного до трех дней. Взять с собой можно было только самое необходимое. В результате эвакуируемые брали с собой только продукты питания и самое необходимое в дороге имущество. Например, уроженка с. Нижняя Хортица Запорожской области Поливода (урожденная Леткеман) Фрида Давидовна, вспоминая об эвакуации, говорит: «В 1943 г. нас вывезли в Германию: меня, мужа и детей, у нас их тогда двое было. Дали машину, мы взяли с собой, что успели, в основном продукты: арбузный мед, семечки, закололи поросенка»²⁹. Хотя в некоторых населенных пунктах немцы смогли взять с собой почти все свое имущество. Например, в с. Новослободка Запорожской области по свидетельству очевидцев после выезда немцев «в домах ничего не осталось»³⁰. А кое-где немцы сами уничтожали оставшееся имущество, чтобы оно никому не досталось. Например, по воспоминаниям старожилов в Павловке (Ной-Остервик) Запорожской области два немца (Рупель и Класс) перед уходом взорвали свои дома³¹. Почти полностью было уничтожено с. Карла Либкнехта (Людвигсталь) Куйбышевского р-на Запорожской области. Как говорится в документе, «при отступлении немецкой армии все местные немцы эвакуировались и сожгли все свое имущество и дома»³². Хотя гораздо чаще отмечаются случаи, когда немцы, уходя, оставляли часть своего имуще-

²⁸ Цит. по: Німці Півдня України: Історія і сучасність. С. 385.

²⁹ Живи и помни... История меннонитских колоний Екатеринославщины / С.И.Бобылева, А.И.Безносков, О.В.Безносова, Н.В.Венгер, О.Н.Каковкина, В.К.Клец, И.В.Толстых, Т.Л.Петрова; под ред. С.И.Бобылевой. Днепропетровск, 2006. С. 159.

³⁰ Там же. С. 184.

³¹ Там же. С. 193.

³² Куйбышевський та Розівський райони в роки Великої Вітчизняної війни... С. 54.

ства или даже все имущество своим соседям. И в этом отношении ситуация напоминала процесс депортации в 1941 г., когда многие немцы также оставляли свое имущество соседям.

Позже у многих возникла проблема с нехваткой продуктов, так как изначально не было известно, как долго продолжится переселение, а, например, на станции Канцеровка немцы, собранные из близлежащих к Запорожью поселений, продавали отправления 3 суток³³. А ведь дальше предстоял еще длинный путь.

Правда, были и такие, кто смог хорошо себя обеспечить для длинной дороги. В основном это были представители власти, местных администраций. Например, в справке Ново-Марьевского сельсовета бывшего Сталиндорфского р-на Днепропетровской области об оккупации села от 20 мая 1945 г. сообщается о бывшем члене ВКП(б), в период оккупации старосте Ново-Марьевской земельной общины, уроженце соседней колонии Александрополь П.И. Донгаузере, который «при отступлении немцев из села... ушел с немцами, взяв колхозных денег 375 000 руб., гарбу погрузил продуктами, жирами, винами, фруктами и проч. И 4 шт. лучших лошадей»³⁴.

Практически во всех исследованных фильтрационных делах немцы-репатрианты отмечают, что они были «насилено вывезены» в Германию³⁵. Хотя, понятно, что в условиях пребывания в фильтрационном лагере, находясь на допросе, сомнительными бы были ответы о добровольной эвакуации в Германию. В то же время о насильственном характере эвакуации говорят и очевидцы описываемых событий. Об этом сообщали старожилы с. Ручаевка (Шенхорст) Запорожской области³⁶. Интересны в данном отношении следующие свидетельства. Бывший житель с.Малашевка (Нойенбург) Запорожской области Г.Т. Луценко вспоминал: «Хозяйка приходила к нам (бывшая хозяйка матери Г.Т. Луценко. – В.К.), плакала – что делать дальше? Мама моя звала Лизу (имя хозяйки. – В.К.) с хлопцами перебыть у нас, пока наши придут, а потом вернуться. Но Лиза отказалась. Потом она предложила взять что-нибудь в их доме из мебели, отвезти в Лукашево (соседнее село, в котором к тому времени жила семья Луценко. – В.К.). Но мы не могли так поступить. Ее сын дал мне голубей с клетками. И картину они мне подарили»³⁷. Жительница с.Николайполе (Николайфельд) Запорожской области Л.А. Третьяк была замужем за местным немцем Шварцем. В начале войны муж угонял на восток технику, откуда попал потом в «трудармию». Л.А. Третьяк осталась в оккупации

³³ Живи и помни... История меннонитских колоний Екатеринославщины. С. 273, 306.

³⁴ Окупаційний режим на Дніпропетровщині в хронологічних довідках місцевих органів влади: збірник документів / Автори-упорядники О.В.Касьянов і Н.В.Киструська. Дніпропетровськ, 2010. С. 270–271.

³⁵ ГАДО. Ф. 6478. Оп. 1.

³⁶ Живи и помни... История меннонитских колоний Екатеринославщины. С. 221.

³⁷ Там же. С. 142.

с детьми. Она вспоминает: «В 1943 г. нас в Германию вывезли. Предупредили, что немцев отправляют будут, а я к свекрови пошла посоветоваться: мы уедем, а муж-то на севере, потеряемся. Она сказала, чтобы я к старосте (старостой был немец Брунн. – В.К.) сходилa. Я пришла и говорю, что не поеду в Германию. А он отвечает, что есть бумага, чтобы все немецкие семьи в Германию отправили. Фамилию спросил. Говорю: "Шварц". Спросил про детей. Отвечаю: "Шестеро их у меня. Старшему 13 лет, а младшему – 3 года". Он и говорит: "Вы как хотите, а детей мы отправим". Пришлось ехать»³⁸.

Уроженка с.Карла Либкнехта (Людвигсталь) Запорожской области Э.И. Каштанова в своих воспоминаниях пишет: «Фашисты начали нас эвакуировать – нашего согласия не спрашивали: если не хочешь ехать – расстрел»³⁹. А жительница Днепропетровска М.М. Айгензеер после войны сообщала: «Немцы вывозили насильно, а кто не хотел – их били прикладами и все равно садили в вагоны и везли»⁴⁰.

Таким образом, данные факты свидетельствуют о том, что эвакуация не всегда носила добровольный характер, очень часто немецкое население вынуждало покидать места своего проживания.

Эвакуация проводилась под руководством Volksdeutsche Mittelstelle. Для охраны колонн создавались «отряды самообороны».

В эвакуации основная масса этнических немцев с Украины поначалу оказались на территории Польши (Вартегау). По данным немецкого исследователя А. Айсфельда к 17 июля 1944 г. там находилось около 240 тыс. немцев из Причерноморья, Восточной Волыни и Транснистрии⁴¹. Хотя документы свидетельствуют о том, что некоторая часть эвакуированных оказалась на территории Австрии, Чехословакии, Румынии, Италии, Югославии. Некоторая часть эвакуированных так и не смогла покинуть пределы Украины. Житель с. Владимировское (Кронсвайде) Запорожской области И.И. Лефтеров, мать которого была немкой (Аганетта Яковлевна, урожденная Кетлер) рассказал, что «мать рассказывала, что фашисты нас пытались вывезти на Запад. Довезли до Каменец-Подольского, а дальше – не получилось. Когда наши подошли, мы домой вернулись»⁴². Кстати, в западных областях Украины (в районе Каменец-Подольского, Проскурова, Ровно) предполагалось поселить около 90 тыс. эвакуированных. Часть колонн эвакуированных была настигнута Красной армией в районе Шепетовки⁴³.

³⁸ Там же. С. 312.

³⁹ Спогади Ерні Іванівни Каштанової (м. Нова Леґія Сverdлoвської області). 5 лютого 1992 р. // Куйбишевський та Розівський райони в роки Великої Вітчизняної війни. С. 17.

⁴⁰ ГАДО. Ф. 6478. Оп. 1. Д. 8733. Л. 3.

⁴¹ Айсфельд А. Административные переселенцы // Немцы России: энциклопедия. Т.1: А–И. С. 31.

⁴² Живи и помни... История меннонитских колоний Екатеринославщины. С. 125.

⁴³ Айсфельд А. Административные переселенцы. С. 30.

С начала 1945 г. начинается повторная эвакуация – теперь уже из Вартегау вглубь Германии. В результате этого переселения эвакуированные оказались в различных регионах Германии: Саксонии, Баварии, Шлезвиг-Гольштейне и т.д.

Преимущественным занятием эвакуированных была работа у помещиков в их хозяйствах. Немалое их число было занято также в промышленности. Было также немало и неработавших, в основном это были женщины, лица преклонного возраста и дети. Были и такие, кто учился, работали на железной дороге, в больницах, учителями и пр. Многие молодые люди оказались в немецкой армии, причем это касается как немцев, так и меннонитов. В основном призывались они, уже пребывая на территории Германии. Служили они как в обслуживающих частях, так и боевых, и даже в частях СС.

Многие немцы в условиях эвакуации смогли получить немецкое гражданство. Гораздо проще это было сделать служившим в немецкой армии. Например, бывший житель Николаева Иван Гернер, служивший в конце 1944 г. в армии, описывал эту процедуру следующим образом: «После недолгого собеседования двух представителей миграционных служб и офицера моей части, мне торжественно вручен паспорт гражданина Рейха, и пожелание быть достойным звания арийца»⁴⁴. Но позже данные факты для немцев, получивших гражданство Рейха, стали одними из главных пунктов обвинения в предательстве.

В целом, можно сказать, что легкой жизнь немцев в эвакуации назвать сложно. У некоторых была возможность учиться, к ним хорошо относились их хозяева. Например, уже упоминавшаяся уроженка с.Нижняя Хортица Запорожской области Поливода (Леткеман) Фрида Давидовна вспоминает: «Жили неплохо. В конце войны наш хозяин предлагал остаться у него, домик отдавал в наше распоряжение»⁴⁵. Но были и другие случаи. Как показывала уроженка Днепропетровска Айгензеер Мария Михайловна, «жизнь в Германии была тяжелая. Работали у хозяина с утра до поздней ночи»⁴⁶.

Хоть они и были немцами, но все равно оставались чужими, а в условиях отступления немецкой армии и связанным с этим перемещением огромных масс населения по стране, они выглядели своеобразной обузой. Да и руководство рейха к ним не очень-то благоволило. Например в записи от 8 марта 1945 г. о поездке к Г. Гиммлеру Й. Геббельс пишет: «Поездка по Берлину потрясает меня... По пути мы встречаем обоз за обозом с беженцами, прежде всего немцами из причерноморских районов. Прямо падает настроение: что за люди переселяются в рейх под маркой немцев!»⁴⁷

Следующим этапом своеобразного «большого пути» для немцев стала репатриация. В целом процесс репатриации начался летом 1944 г., после принятия 18 августа 1944 г. постановления ГКО СССР «Об организации приема

⁴⁴ Цит. по: Німці Півдня України: Історія і сучасність. С. 386.

⁴⁵ Живи и помни... История меннонитских колоний Екатеринославщины. С. 159.

⁴⁶ ГАДО. Ф. 6478. Оп. 1. Д. 8733. Л. 2.

⁴⁷ Геббельс Й. Последние записи. С. 32.

возвращающихся на родину советских граждан, насильно угнанных немцами, а также по разным причинам оказавшихся за пограничной линией между СССР и Польшей⁴⁸.

Отдельные лица смогли избежать этой участи, укрывшись в западных зонах оккупации Германии, а затем перебравшись в другие страны. Например, из 382 эвакуированных жителей с. Долиновка (Адельсгейм) Запорожской области 188 впоследствии были репатриированы в СССР и оказались в Сибири, а остальные в большинстве своем перебрались в Канаду⁴⁹.

Как вспоминал уроженец с. Карла Либкнехта (Людвигсталь) Запорожской области Г.Р. Генцель, «американцы предлагали уехать в Канаду или Бразилию, но мы отказались – мы хотели возвратиться на родину»⁵⁰. Некоторые пытались просто скрыться от советских властей, боясь расправы. Например, уроженец с. Суханово Апостоловского р-на Днепропетровской области Густав Фридрихович Шлехт, который в 1944–45 гг. служил в немецкой армии и воевал на восточном фронте, в 1946 г. указывал, что «не хотел выезжать на советскую территорию, потому что боялся своих преступлений»⁵¹.

А.Айсфельд описывает процедуру сбора немцев на германской территории следующим образом: «По сообщениям очевидцев, репатриационные команды через бургомистров призывали советских граждан к возвращению на родину. Назначался день, в который все подлежащие репатриации должны были собраться в определенные места для отправки. Нередко бургомистрами и соседями оказывалось давление на российских немцев, чтобы они явились для отправки. Имели место также случаи, когда их остерегали от возвращения, помогали найти надежное укрытие, скрыть свое происхождение. Выручить в таких случаях могло записанное в документах место рождения – Мюнхен, Шпейер, Кандель и т.д. Такие названия имели немецкие города, а также немецкие колонии на Юге Украины»⁵².

В результате основная масса немцев оказалась в фильтрационных лагерях.

Всего для проверки репатриированного населения было создано около 200 проверочно-фильтрационных пунктов и проверочно-фильтрационных лагерей⁵³. На оккупированных территориях основная масса лагерей была

⁴⁸ Герман А. Репатриация советских граждан немецкой национальности: характер проведения и результаты // Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие 1941–1955 гг.: Материалы 7-й междунар. науч. конф. Москва, 19–22 октября 2000 г. М., 2001. С. 257; Герман А. Репатриация немцев в СССР в 1945–48 // Немцы России: энциклопедия: в 3 т. / Ред. кол.: О.Кубицкая (пред-ль) и др. М., 2006. Т. 3: П–Я. С. 264.

⁴⁹ Живи и помни... История меннонитских колоний Екатеринославщины. С. 277.

⁵⁰ Спогади Гельмута Рейнгольдовича Генцеля... С. 15.

⁵¹ ГАДО. Ф. 6478. Оп. 1. Д. 82547. Л. 3.

⁵² Айсфельд А. Репатриация на чужбину... (репатриация советских немцев 1946–1947 гг.) // 3 архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ: Науковий і документальний журнал. 2007. № 2 (29). С. 105.

⁵³ Герман А. Репатриация немцев в СССР в 1945–48. С. 264.

расположена на территории современных земель Саксония, Саксония-Ангальт, Тюрингия, Мекленбург-Предпомерания и Бранденбург, т.е. в тех землях, которые потом вошли в состав советской зоны оккупации. Некоторые лагеря были расположены в других странах: в Чехословакии (лагеря № 80 в Маланках, № 100 в Моравской Остраве, № 121 в Бенешове, № 156 в Бехине, № 290 во Влашине, № 292 в Ческе-Будеевице, № 296 в Тржебболе, № 297 в Хинове), Румынии (лагерь №304 в Сигете), Австрии (лагеря № 81 в Кренсдорфе, № 198 в Бруке, № 298 в Мельке, № 300 в Сан-Валентине), Венгрии (лагеря № 99 в Целлдемелке, № 122 в Будапеште, № 307 в Будароке).

Наибольшее число репатриированных, судя по документам немцев из Днепр-пропетровской области, было сконцентрировано в лагерях № 361 в Битерфельде, №251 в Лукенвальде, № 282 в Торгау, № 272 в Мейсене, № 357 в Галле, № 359 в Деличе, № 365 в Витенберге.

По утверждению А.Айсфельда часть фильтрационных лагерей и пунктов создавалась в бывших немецких лагерях для пленных⁵⁴.

Мужчины призывного возраста, которые во время проверки были уличены в службе в немецкой армии или полиции, отправлялись на шесть лет на поселение в спецпоселениях НКВД. Все остальные направлялись на спецпоселение в районы лесозаготовок, на стройки, в горную и нефтяную промышленность⁵⁵.

Можно выделить еще две группы репатриированных, которых в конечном счете постигла та же судьба.

Так, небольшая часть немцев по различным причинам не была эвакуирована в 1943–1944 гг. и оставалась на советской территории. 7 января 1944 г. Л.Берией был подписан приказ об организации в Красноярском крае специального лагеря НКВД для фольксдойче, обнаруженных на территории освобожденных областей Украины. Их направляли в этот лагерь, а затем в Новосибирскую область на пять лет. Всего к данной категории по состоянию на май 1949 г. причислено было 1663 семьи, в которых насчитывалось 3122 человека. По-видимому, это были межнациональные семьи, так как среди данного числа немцев было только 1654 человека⁵⁶, т.е. чуть больше половины. По свидетельству крымского историка Ю.Лаптева, в том же 1944 г. 2,2 тыс. немцев были выселены и из Крыма⁵⁷.

К еще одной группе можно отнести малую часть немцев, которые все же сначала оказались у себя на родине. Хотя и немного, но такие были. На вопрос, оказались ли они на родине случайно, по причине чьей-то недоработки или невнимания, или, как утверждает А. Айсфельд, им было разрешено

⁵⁴ Айсфельд А. Репатриация на чужбину... (репатриация советских немцев 1946–1947 гг.). С. 102.

⁵⁵ Там же. С. 109.

⁵⁶ Там же. С. 117.

⁵⁷ Брошеван В. Боль и память крымских немцев... С. 130.

остаться на родине⁵⁸, дать однозначный ответ не представляется возможным. А. Айсфельд в своей работе приводит следующие подобные примеры: «Марта Тиц из Рыбальска объяснила это тем, что она, например, назвала себя украинкой, и поэтому ей было разрешено с детьми остаться в Днепропетровске. Но в ее фильтрационном деле, которое завели в СПП № 100 в Моравской Острове, есть документ, в котором она значится немкой. Там же сохранились и ее немецкие документы. В фильтрационном деле Рудольфа Метцгера из Рыбальска, который был отправлен из сборного лагеря № 260 в Котбусе и с 24 августа по 10 сентября 1945 г. проходил фильтрацию в Брестском ПФП, сохранился немецкий документ, проливающий свет на его идентичность. В этом деле, как и в других..., сохранилось лишь очень мало документов, и они не дают объяснений, почему этим людям было позволено остаться в своей родной области»⁵⁹.

Со временем и этих людей отправляли на восток, но есть документы, которые свидетельствуют, что не все они были высланы. Например, уроженка и жительница Рыбальского Днепропетровской области (сейчас в черте города) Фрида Ивановна Шерер в октябре 1948 г., судя по протоколу допроса, еще находилась в Днепропетровске⁶⁰, о дальнейшей ее судьбе ничего не известно. Уроженец с. Марьяновка Сталиндорфского р-на Днепропетровской области Павел Иванович Донгаузер в июне 1946 г. работал на Черноморском флоте в Крыму⁶¹, уроженка Днепропетровска Айгензеер Лидия Михайловна в декабре 1947 г. работала в Днепропетровске, куда вернулась в 1945 г.⁶²

Изученные фильтрационные дела репатриантов – уроженцев Днепропетровской области свидетельствуют о том, что отправка из лагеря по месту жительства была не таким уж редким явлением. В приведенной ниже таблице приводится количество отправленных домой из различных проверочных пунктов (речь идет только о тех проверочных пунктах, в которых были отмечены подобные случаи)⁶³:

Номер проверочного пункта и его место расположения	Кол-во немцев, прошедших проверку	Кол-во (%) немцев, отправленных по месту жительства	Кол-во оказавшихся по месту жительства по документам 1946–1948 гг.
ПФЛ 80 Маланки	1	1 (100)	

⁵⁸ Айсфельд А. Репатриация на чужбину... (репатриация советских немцев 1946–1947 гг.). С. 110.

⁵⁹ Там же. С. 110–111.

⁶⁰ ГАДО. Ф. 6478. Оп. 1. Д. 1907. Л. 5.

⁶¹ Там же. Д. 8277. Л. 3.

⁶² Там же. Д. 47422. Л. 1–2.

⁶³ Там же. Ф. 6478. Оп. 1.

СПП 84 Нойбранденбург	7	2 (28,6)	
СПП 100 Моравска Острава	1	1 (100)	
СПП 120 Эльс	1	1 (100)	
СПП 121 Бенешов	2	1 (50)	1
ПФЛ 144 Вангерин	5	5 (100)	2
СПП 146 Полцик	3	3 (100)	
ПФЛ 198 Брук	2	1 (50)	
ПФЛ 204 Эльстерверда	4	2 (50)	
ПФЛ 212	1	1 (100)	
ПФЛ 218 Мальхин	3	3 (100)	1
ПФЛ 220 Нойштерлейц	3	1 (33,3)	1
ПФЛ 222 Фюрстенберг	17	2 (11,8)	
ПФЛ 230 Ораниенбург	3	3 (100)	
ПФЛ 231	2	2 (100)	
ПФЛ 232 Франкфурт на Одере	25	4 (16)	2
ПФЛ 249 Клитц	17	1 (5,9)	1
ПФЛ 256 Ошатц	32	1 (3,1)	1
ПФЛ 257 Гроссенхайм	4	2 (50)	1
ПФЛ 262	1	1 (100)	
ПФЛ 264 Зоммерфельд	4	4 (100)	
ПФЛ 265 Герлиц	1	1 (100)	
ПФЛ 273 Бунцлау	1	1 (100)	

ПФЛ 275 Лигнау	4	4 (100)	
ПФЛ 279 Эльс	10	3 (30)	1
ПФЛ 281 Оппельк	1	1 (100)	
ПФЛ 285 Моравска Острава	7	7 (100)	1
ПФЛ 290 Влашим	2	2 (100)	1
ПФЛ 296 Тржеболль	2	1 (50)	
ПФЛ 298 Мельк	1	1 (100)	1
ПФЛ 304 Сигет	9	1 (11,1)	
ПФЛ 364 Квитлембург	1	1 (100)	
Всего	177	65 (36,7)	14

Больше всего повезло жителям Днепропетровска (8 человек направлены по месту жительства из 28, проходивших проверку), с. Веселое Синельниковского р-на (8 из 20), Ямбург Днепропетровского р-на (8 из 69), г. Кривой Рог (7 из 16), с. Кильмансталь Синельниковского р-на (5 из 25), г. Никополь (4 из 19), с. Рыбальское Днепропетровского р-на (4 из 33), г. Синельниково (3 из 7)⁶⁴.

Тем не менее, к концу 1945 г. репатриация этнических немцев была практически завершена. Всего было возвращено на территорию СССР около 150 тыс. немцев. И данное перемещение также носило насильственный характер. Основная масса немцев на вопрос, куда бы они хотели направиться, отвечали: по месту жительства, но отправлялись они в восточные районы страны, туда, где уже находились те, кто был депортирован в предшествующие годы, обретая статус спецпереселенцев. В основном это были Урал (Молотовская, Свердловская, Челябинская области, Удмуртская АССР), европейский север РСФСР (Архангельская, Вологодская области, Коми АССР), Западная Сибирь (Алтайский край, Новосибирская, Томская, Кемеровская области), Казахстан, Таджикистан⁶⁵.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Герман А. Репатриация советских граждан немецкой национальности: характер проведения и результаты. С. 266; Герман А. Репатриация немцев в СССР в 1945–48. С. 268; Айсфельд А. Репатриация на чужбину... (репатриация советских немцев 1946–1947 гг.). С. 113–114.

В целом же можно сказать, что в годы Великой Отечественной войны немцы, оставшиеся на оккупированной территории оказались в состоянии постоянного передвижения. Их затронули и депортация 1941 г., и эвакуация 1943–1944 гг., и репатриация 1945–1946 гг. Несмотря на то, что эти операции осуществлялись разными властями, разными странами, они имели очень много общего. Прежде всего это касается принудительного характера всех названных переселений. Практически во всех случаях немцы оказывались в чужой для них среде, в тяжелых условиях для жизни, их использовали на наиболее тяжелых работах, по сравнению с окружающим населением они не пользовались всеми правами (в некоторой степени это не касается только периода эвакуации в Германии). И тем не менее им приходилось выживать и они старались это сделать. Хотелось бы привести высказывание специалиста-психолога, который пытается дать объяснение этому феномену. Оно в чем-то спорное, но в то же время, в нем есть и некое рациональное зерно: «У немцев нет страстной привязанности к родине, и они легко переселяются в другие места. В чужих землях немцы превращаются в переселенцев, которые под началом властей при спокойном, справедливом управлении отличаются от других народов прилежанием, чистоплотностью и бережливостью»⁶⁶.

⁶⁶ Крысько В.Г. Этническая психология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М., 2002. С. 113–114.

Судьбы немцев Украины, выселенных в 1939–1941 гг.

История Европы в первой половине XX – это история непрерывного изменения границ государств, передела территорий, двух мировых войн. В результате частой смены режимов, появления новых идеологий, иного взгляда политических лидеров на действительность страдало, в первую очередь, население данных государств, вынужденное подчиняться призывам (нередко и приказам) властей. В большей степени это относится к Германии, государству, оказавшему огромное влияние на ход не только европейской, но и мировой истории. Бесспорно, самый страшный период испытаний и лишений населения Германии приходится на 12 лет правления нацистов. «Расовая политика», призвавшая всех немцев Европы объединиться в рамках одного государства, «тысячелетнего рейха», дала толчок переселенческой политике, которая сорвала со своих мест сотни тысяч человек. В итоге, по прихоти нацистов, «фольксдойче» (Volksdeutsche) – (обозначение представителей национальной группы немецкого происхождения, которые стали подданными иностранных государств вследствие смены места жительства или переселения или в результате более ранней иммиграции в другие страны, но сохранили при этом свою «германскую общность»⁶⁷), проживавшие на территории практически всей Восточной Европы, переселялись на территорию «рейха». Далеко не всегда переселение носило полностью добровольный характер, но при этом были семьи кровно заинтересованные в переселении (зачастую речь идет о лицах, не являвшихся, или являвшихся отчасти, «фольксдойче» по мнению немецких властей. – Н.К.), так как отнесение к «фольксдойче» давало немало выгод. Переселение «этнических немцев» с территории Галиции и Волыни стало одним из важнейших эпизодов «национальной политики» нацистов, и продемонстрировало на практике все стороны «расовой политики», ее методы и средства, впоследствии – все ужасы и испытания, через которые прошли «фольксдойче» Восточной Европы в целом и Западной Украины в частности.

Общеизвестно, что в своем главном труде «Майн кампф» Гитлер неоднократно касался вопросов расы. Рассуждая об арийской расе, с отступлениями в область природы и биологии, Гитлер переносил естественно-биологические законы природы на общество⁶⁸. Таким образом он хотел доказать якобы естественное неравенство человеческих рас. Гитлер определял в качестве главного, решающего критерия принадлежности к арийской расе чистую немецкую кровь. Идеолог нацизма, автор «Мифа XX столетия», Альфред Розенберг

⁶⁷ Volkslexikon. Drittes Reich. Die Jahre 1933–1945 in Wort und Bild. Tübingen, 1998. S. 844.

⁶⁸ Мазер В.А. Гитлер. Легенда, миф, действительность. М., 2002. С. 161–162.

отмечал превосходство германской (арийской) расы над всеми остальными, ее культурную и созидательную значимость для человечества. «Раса – это подобие души, весь расовый материал – это ценность сама по себе...»¹ – рассуждал Розенберг. После прихода нацистов к власти в 1933 году их идеи активно начали внедряться в жизнь.

Основное ядро в теоретическом обосновании «национальной политики» составляет программа нацистской партии – «25 пунктов». Она была принята и публично объявлена 24 февраля 1924 года в Мюнхене. Хотя время от времени параграфы этой программы добавляли те или иные разъяснения, по существу она оставалась неизменной вплоть до низвержения национал-социализма². На наш взгляд, представляется совершенно необходимым поближе познакомиться с некоторыми пунктами документа, чтобы лучше понять сущность «национальной политики». В пункте № 4 говорится: «Не может быть гражданином страны не сын нашего народа. Сыном народа считается лишь тот, в чьих жилах течет немецкая кровь – вне зависимости от исповедуемой им религии...»³ Согласно ей, только люди, в чьих жилах течет германская кровь, могут причисляться к гражданам страны. Они, следовательно, образуют «расу господ». Параграф № 6 гласил: «Только гражданин имеет право участвовать в решении вопросов, связанных с управлением страной и ее законами. Мы требуем, чтобы только граждане страны пользовались исключительным правом занимать общественные, государственные, муниципальные должности». Седьмой пункт призывал государство заботиться исключительно о «германской нации» и даже призывал «...выслать из империи представителей других наций». Наиболее интересным для нас является пункт № 8, он дополняет предыдущий: «Необходимо воспрепятствовать всякой дальнейшей иммиграции лиц ненемецкого происхождения». И далее: «Мы требуем, чтобы всех лиц ненемецкого происхождения, поселившихся в Германии со 2 августа 1914 года, немедленно заставили покинуть страну»⁴. Логично предположить, что освободившиеся жилища, и земельные наделы могли быть переданы в недалеком будущем, возвратившимся в рейх «этническим немцам», которые, таким образом, возвращались бы на историческую родину.

В начале октября 1939 года Гитлер заявил о создании «нового порядка взаимоотношений между народами» посредством переселения народов, которое должно было явиться главной задачей после победы над Польшей. «Цели..., которые обнаруживаются в результате разрушения польского государства, таковы... 5) [создать] новый порядок этнографических отношений, то есть осуществить переселение народов так, чтобы по завершении перестроения

¹ Розенберг А. Миф XX столетия. Таллин, 1998. С. 11.

² Фест И. Гитлер. Биография. Т. 1. М., 2006. С. 118.

³ Нюрнбергский процесс. Т. 2. М., 1988. С. 181.

⁴ Там же. С. 182.

образовались более четкие, чем сейчас, демаркационные линии⁵ – заявил Гитлер в своей речи в Рейхстаге шестого октября 1939 года. Еще в июне 1939 года Берлин и Рим подписали соглашение о переселении «фольксдойче» (немцы по происхождению, которые заносились в «фолькслисты» – специальный документ, выдававшийся властями третьего рейха «этническим немцам», прошедшим процесс натурализации, – так как не являлись подданными «третьего рейха») из итальянского Южного Тироля. Новым «жизненным пространством» для переселенцев в годы войны должны были стать, прежде всего, новые области «Великой Германии»⁶. Речь шла, в первую очередь, об областях, захваченных Германией у Польши. 9 октября 1939 года было основано «управление по связям с этническими немцами» (VoMi) – служба НСДАП, созданная с целью попечения над этническими немцами, проживающими за пределами Германии. Во главе ведомства был поставлен Вернер Лоренц, обергруппенфюрер СС⁷. Присоединенные к Рейху области охватывали «Гданьское Поморье», «Великую Польшу» (район Позена) и польскую часть Верхней Силезии. Также сюда входили область Лодзи и Сувалки, северная часть Мазовии и западная часть воеводства Краков (в общей сложности территория составила 90 тыс. км квадратных, с населением в десять миллионов человек). Правящий режим хотел использовать «этнических немцев» в целях «германизации» западных регионов оккупированной Польши. Большинство из этих людей должны были поселиться как крестьяне в Западной Пруссии и «Вартегау»⁸ (район Лодзи. – Н.К.)

После начала оккупации стран восточной Европы войсками Германии, немецкая сторона, а именно – «управление по делам этнических немцев», организовала центральное регистрационное бюро, названное «Реестр немецкой национальности»⁹ (нем. «Deutsche Volksliste», сокр. DVL), где они регистрировали немцев с гражданством оккупированных стран как «фольксдойче». Местное «неарийское население» было крайне заинтересовано в попадании в этот список, так как тем, кто числился в данном списке, были положены определенные льготы и особый правовой статус. «Фолькслисты» подразделяли «фольксдойче» на 4 категории:

- 1) Категория – личность германского происхождения, предложившая свои услуги «рейху» до 1939 года.
- 2) Категория – личность германского происхождения, оставшаяся пассивной.

⁵ Der großdeutsche Freiheitskampf. Reden Adolf Hitlers. Bd. 1. München, 1943. S. 82.

⁶ Zwangsumsiedlung, Flucht und Vertreibung 1939–1959. Atlas zur Geschichte Ostmitteleuropas. Bonn, 2009. S. 160.

⁷ Longerich, P. Heinrich Himmler: Biographie. – 1 Aufl. München, 2010. S. 403.

⁸ Zwangsumsiedlung, Flucht und Vertreibung 1939–1959. Atlas zur Geschichte Ostmitteleuropas. S. 160–161.

⁹ Энциклопедия третьего рейха. М., 2000. С. 475.

3) Категория – личность германского происхождения, этнически частично смешавшаяся с местным населением.

4) Категория – личность германского происхождения, чьи предки были едины культурно с местным населением, но поддерживающая «германизацию»¹⁰.

Каждому натурализовавшемуся немцу властями «рейха» выдавался специальный документ, «фолькслист», игравший роль паспорта и удостоверения о «чистоте происхождения», что было необходимо на случай возникновения подозрений у местных властей.

Осенью 1939 года между нацистской Германией и Советским союзом, а также между Германией и странами Прибалтики (Латвия и Литва) было подписано соглашение о переселении немецкого населения в «рейх». В случае СССР речь шла, в первую очередь, о Галиции и Волыни¹¹. Статьи соглашения (его полное название звучит так – «Соглашение между Правительством СССР и Правительством Германии об эвакуации украинского и белорусского населения с территории бывшей Польши, отошедших в зону государственных интересов Германии, и немецкого населения с территории бывшей Польши, отошедших в зону государственных интересов Союза ССР») подробно оговаривали условия переселения так называемых «фольксдойче», регламентировали имущественную и финансовую стороны вопроса, порядок работы Уполномоченных по делам переселения и др. Статьи 3–5 «Соглашения» затрагивали, наверное, одну из самых сложных, и в то же время одну из определяющих проблем – проблему имущества и компенсаций, которые должны были получить перемещенные на территорию «рейха» немцы. Ни для кого не является секретом, что от успешного решения данного вопроса зависело желание, или, напротив, нежелание «фольксдойче» покидать обжитые места и отправляться на историческую родину, повинаясь призыву «фюрера германского народа». Согласно статьям, всё недвижимое имущество «фольксдойче» «поступало под государственную охрану и в распоряжение Стороны, на территории которой оно было оставлено» (ст. 3, § – 9)¹². Его оценка проводилась представителями советской стороны, в свою очередь германская сторона оценивала имущество на территории, отошедшей к ней. «Договаривающиеся Стороны предусматривали окончательную ликвидацию взаимных имущественных претензий на основе взаимного зачета в глобальных суммах стоимости оставленного имущества» (ст. 3, § – 10). В этой же статье речь идет о строгом ограничении в вывозе личного имущества, которое составляло «...50 кг [багажа] для глав семей и одиноких и 25 кг для каждого члена семьи». В то же время «при эвакуации гужевым путем разрешается вывозить личное имущество в объеме

¹⁰ См.: Bundesarchiv. R-59, Bl. 292–304.

¹¹ Гловинский Т. Новый европейский порядок. Эволюция гитлеровской политической пропаганды в отношении поляков в Генерал-губернаторстве 1939–1945. Вроцлав, 2000. С. 13–18.

¹² Bundesarchiv. R-59, Bl. 295.

не более одной пароконной упряжки на хозяйство» (ст. 3, § – 2). К вывозу не допускались деньги (исключение составили только злоты, но не более 50 на одного человека), изделия из драгоценных металлов весом более 500 г, предметы искусства, оружие и др. (ст. 3, § – 6)¹³. Самым тщательным образом был проработан вопрос о создании важной структуры – Уполномоченных по делам переселения (районных и территориальных), оговорены действия Смешанных советско-германских Комиссий, которые были призваны решать на местах возникшие проблемы (ст. 6 – 10).

Можно с уверенностью утверждать, что судьбы местного населения, речь, в первую очередь, идет о поляках, мало интересовали сотрудников «управления по делам этнических немцев». Их права постоянно нарушались, они могли быть лишены своего имущества, своего жилища, а иногда становились жертвами бесчеловечной «расовой политики». Во время Второй мировой войны польские граждане немецкого происхождения, часто искренне отождествлявшие себя с польской государственностью и нацией, столкнулись со сложной дилеммой выбора отчизны – подписание «фолькслиста» или сохранение ущербного гражданства оккупированной страны с ущемлением в некоторых правах. Эта категория включала в себя и немецкие семьи, предки которых жили в Польше веками. Согласно установившейся в СССР практике, подписание «фолькслиста» квалифицировалось как измена родине, и подписавшие его фольксдойче из числа бывших советских граждан, оказавшиеся в зоне действия советской администрации, как правило, арестовывались органами госбезопасности и привлекались к суду¹⁴.

В «третьем рейхе» была создана сеть «временных лагерей», где «фольксдойче» находили свое первое место расквартирования. Метод проверки перед получением германского гражданства, также как и распределение новых жилищ проходили неспешно, и переселенцы вынуждены были ждать обещанные блага какое-то время. Вообще, реакция на переселение потенциальных «зарубежных немцев» была различной. Она сильно зависела от их материального положения, политических взглядов обхождения органов власти и от прежних соседей по месту проживания¹⁵. Некоторые из них были тесно связаны с немецким языком и немецкой культурой, часть из них признавала национал-социализм. Однако это не значило, что они желали покинуть тотчас свое обустроенное жилье, отказаться от своей родины и забыть наследие поколений. В отошедших Советскому Союзу областях огромное влияние на принятие решения «фольксдойче» о переселении оказывали отношения к

¹³ Zwangsumsiedlung, Flucht und Vertreibung 1939–1959. Atlas zur Geschichte Ostmitteleuropas. Bonn, 2009. S. 160.

¹⁴ См. подробнее: Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы. М., 2000.

¹⁵ Aly, G. Bevölkerungspolitische Selektion als Mittel der sozialen «Neuordnung». // Der nationalsozialistische Krieg / Aly G. (Hrsg.). – Frankfurt am Main, 1990. S. 137–145.

советской коммунистической системе и страх перед репрессиями со стороны советских властей.

Само переселение было организовано очень профессионально. Личные вещи и часть имущества, как было сказано выше, разрешалось взять с собой. Оставшееся имущество регистрировалось, при этом устанавливалась его стоимость. В обмен переселенцы должны были получить дома и хозяйственные дворы поляков. Деньги за оставленные жилища на территории СССР поступали в Имперский банк, который выделял польское имущество для нужд «фольксдойче», при этом получая значительные финансовые выгоды. На высшем уровне организовывалась и перевозка самих «фольксдойче», а также транспортировка их имущества. Заранее определялись пункты пребывания Районных Уполномоченных и пункты сбора¹⁶.

Переселившиеся в 1939–1940 гг. с территории Западной Украины немцы подлежали воинской повинности, что, разумеется, затрудняло ведение хозяйства. Дефицит рабочей силы компенсировался за счет распределения по хозяйствам людей, работавших по принуждению. Многие из переселившихся на территорию центральной и западной Польши «фольксдойче» жили в постоянном страхе перед польскими соседями. В течение нескольких лет из разных регионов Восточной и Юго-Восточной Европы было переселено свыше восьмисот тысяч немцев (в том числе с территории Галиции и Волыни не менее 125 тысяч человек¹⁷). Большинство из них (630–720 тысяч «фольксдойче») прибывали на территорию бывшей Польши. Апогей переселения в Польшу приходится на 1941–1942 год. Важно отметить, что большую часть переселенцев составляли бывшие подданные второй польской республики, которые в большинстве своем были родом из Волыни и Восточной Галиции. Вслед за ними немного позднее прибыли переселенцы из Бессарабии, Буковины и стран Балтии. Свыше полумиллиона «фольксдойче» размещались на территории так называемой «Великой Польши», из которых, по меньшей мере, половина еще не получила германское гражданство (речь шла, в первую очередь, о советских «фольксдойче»¹⁸). Национал-социалистические управляющие «Восточных Провинций» часто высказывали свое недовольство по поводу «качества» переселенных к тому моменту немцев, которые выросли и воспитывались в других условиях и не отвечали «высоким стандартам»¹⁹.

На присоединенные к «рейху» территории параллельно переправлялись приблизительно четыреста тысяч человек из так называемой «старой империи» для работы в области управления, торговли и ремесла. Одним из главных

¹⁶ Bundesarchiv. R-59, Bl. 296–298.

¹⁷ Ibid. Bl. 301.

¹⁸ Ibid. Bl. 304–306.

¹⁹ Hoensch J.K.: Hitlers «Neue Ordnung Europas». Grenzveränderungen, Staatsneugründungen, nationale Diskriminierung. In: Der nationalsozialistische Krieg / Hoensch J.K. (Hrsg.). Frankfurt am Main, 1990. S. 239–251.

элементов политики в области размещения «фольксдойче» была концепция «германского вала» в восточной части генерал-губернаторств. Вал, по задумке руководства Германии, должен был возникнуть в районе Замостья (город в Люблинском уезде – Н.К.), куда после расселения планировалось отправить примерно сто тысяч польских крестьян в 1942–1943 гг. и других колонистов из Бессарабии. Там они находились в постоянной опасности, подвергались нападениям польских партизан. Ведение хозяйства на новом месте жительства продолжалось недолго, не более четырех лет. Ее завершением была эвакуация на запад из-под ударов приближавшегося фронта²⁰.

В январе 1944 года в аннексированной части Западной Польши проживало 353 тыс. «этнических немцев» и 370 тыс. немцев из Рейха. Вследствие немецкого отступления с территорий Советского Союза еще 250 тыс. «переселенцев из России» были до конца 1944 г. транспортированы в Вартегау – прежде всего в ходе организованной СС массовой эвакуации²¹. Часть переселенцев пала жертвами насилия со стороны солдат наступающей Красной Армии. Вследствие проигранной войны национал-социалистические переселенческие акции потерпели полный крах. Они привели к разложению и явному ослаблению районов размещения немецкого населения, которое столетиями было элементом этнической мозаики Юго-Восточной Европы. Грубость и бесцеремонность, с которыми создавались районы проживания «фольксдойче», усиливали ненависть по отношению к немцам со стороны притесняемых ранее народов.

Эвакуация немцев (как имперских, так и «фольксдойче») из польских областей западнее Буга проводилась в два этапа. Сначала они были отправлены в области между Бугом и Вислой (лето–осень 1944). Во второй половине января 1945 года эвакуация превратилась в хаотическое бегство от наступающей армии противника. Эвакуация охватывала значительную часть (во многих областях проживания немецкого большинства) населения бывшей восточной Германии. Большинство «фольксдойче» покинули места проживания сразу же после окончания войны и победы СССР и стран союзников. Этот процесс, в силу его массовости и значительного влияния на этническую картину Европы был выделен в отдельное понятие, которое получило название «исход немцев из стран Восточной Европы». Мероприятия, которые, по мнению нацистов, должны были консолидировать «германский элемент», привели в действительности к довольно длительному и болезненному для немцев процессу – их планомерному вытеснению не только из областей

²⁰ «Volksdeutsche» Zwangsumgesiedelte unter deutscher Besatzung im Zweiten Weltkrieg. In: Enzyklopädie Migration in Europa. Vom 17. Jahrhundert bis zur Gegenwart. Hrsg. von Klaus J. Bade, Pieter C. Emmer, Leo Lucassen und Jochen Oltmer. Paderborn u. a. 2007. S. 1081–1087.

²¹ Zwangsumsiedlung, Flucht und Vertreibung 1939–1959. Atlas zur Geschichte Ostmitteleuropas. S. 171–173.

Восточной Европы, но также и с территорий, принадлежавших германскому государству²².

Судьбы «фольксдойче» Украины по сей день являются страшным напоминанием последствий нацистского безумства и произвола. Многие тысячи немцев пережили потерю родины дважды – сначала по прихоти властей «третьего рейха», а после свержения нацизма они изгонялись из Восточной Европы населением национальных государств. В результате они так и не стали «своими» ни в Германии, ни в какой-либо из стран Восточной и Юго-Восточной Европы. По большому счету, переселенческая политика принесла им только бесконечные страдания и ненависть со стороны угнетаемых нацистами народов Европы. В данный момент существует так называемый «Союз Изгнанных» (Der Bund der Vertriebenen, сокр. BdV), некоммерческая общественная организация Германии, созданная для представления и защиты интересов немцев, оставивших свои прежние места проживания и/или изгнанных в период Второй мировой войны и её локальных конфликтов. В терминологии данной организации используется слово «фольксдойче».

²² Ibid. S. 173.

Война: трагедия народная (воспоминания украинских немцев)

Сейчас много можно спорить о причинах, результатах, значимости ряда событий Великой Отечественной войны. Однозначно одно: это была трагедия для всех народов, которых война так или иначе коснулась. Фашизм проклинают очевидцы и их потомки по обеим сторонам от линии фронта. В человеческой мясорубке страдали и погибали ни в чем не повинные люди, единственно, что они хотели – это жить, иметь свою родину, сохранить свою нацию и ее культуру. Еще живы очевидцы военных действий, узники лагерей, жители оккупированных территорий. Живы и те, кому пришлось трудиться в трудармии в качестве «депортированных элементов», испытывая порой на себе всю тяжесть не только физического труда, но и морального давления со стороны воюющего государства и его бюрократической машины. Им пришлось взвалить на себя долю ответственности завоевателей, ведь в глазах сражающихся народов они были этнически едиными с «фрицами». Несколько лет назад мне удалось познакомиться с селянами д. Спирино Ордынского района Новосибирской области, немцами по происхождению, предки которых несколько столетий назад стали россиянами, связав, таким образом, свою судьбу с Россией. Поразили рассказы этих людей о военном детстве, изложенные без каких-либо эмоциональных окрасок. Скупые фразы воспоминаний показывают события тех лет еще с одной стороны. Память долго молчавших людей сохранила факты и даты: такое не забывается.

Немецких семей в д. Спирино насчитывается не более десяти. Среди них проживают здесь Александр Карлович Блаз и его жена Инна Карловна Кейль²³. И.К. Кейль хорошо знает немецкий, в свое время окончила шесть классов немецкой школы. При разговоре у нее ощущается небольшой акцент. А.К. Блаз знает немецкий плохо, хотя мама, по его мнению, чисто говорила и по-немецки, и по-русски.

А.К. Блаз родился в 1936 г. на Украине, в Запорожье. Пяти лет был вывезен оттуда в ходе депортации. И.К. Кейль родилась и выросла тоже на Украине. Там же родились и ее деды. Она помнит слова своей бабушки о том, что ее бабушка приехала в Россию из Вюртемберга, причина переезда уже забылась. Проживали они в Николаевской области.

Когда я спросила, хорошо ли А.К. Блаз помнит трудные годы войны, он ответил: «О-о-о, все помню, как будто это было только вчера! Мы жили прямо у Днепра. Неожиданно начались бомбежки. Мать заходила по грудь в реку,

²³ Интервью с А.К. Блазом и И.К. Кейль было записано во время этнографической экспедиции 1999 г. в д. Спирино Ордынского района Новосибирской области и хранится в архиве автора. Кн. 25. Лл. 1–10. Стиль и содержание интервью сохранены полностью.

чтобы набрать чистой воды. От берега была сплошная человеческая кровь. Поначалу немец по выходным не воевал – выходной. А раненых сколько, убитых! От нас дорога шла к «первой помощи», с передовой везли. Шел забор из досок метров сто длиной и высотой более двух и штабелями лежали убитые, накрывали брезентом. Я бегал в больницу в Запорожье, кому водички, кому что. Это я хорошо помню – каску они на меня наденут. Больница была забита. Помню одного раненого везли на двуколке. Сестра сидит, его держит, а у него все горло выдрано, просит пить... А ночами матери собирались с нами, выходили из домов. Убьет – чтобы всех сразу. Прятаться некуда. Два здания кирпичных стояли, а там подвалы, в них и прятались. В небе воздушные бои...

Лучше разбомбили бы там нас! А здесь мы какую кару приняли. В восемь сказали: «Собирайтесь!». Мы не ожидали, что нас эвакуируют. Машина подошла, так кое-что из вещей взяли. Что могла мать взять? Мне было пять лет, брату 2 года 7 месяцев. И что было все в доме осталось. У нас был двухквартирный дом, в одной половине дед жил, в другой мы. Отца забрали еще раньше. Тетя оставалась там. Когда немец город занял, кто-то сказал, что ее русский муж коммунист и его тут же вывели и расстреляли. А где тетя до сих пор не знаем. Привезли в Сибирь, поселили в Алеусе у одной женщины. Звали Самойлова Евгения. И с тех пор у нас все пошло... Мать взяла с собой покрывало и еще котелок картошки. Все это быстро ушло. А потом пошли по миру милостыню собирать. В августе 1942 г. мать пошла в колхоз работать разнорабочей. А потом ее забрали на завод в Новосибирск. А нас от этой женщины переселили к другой на квартиру. Ее фамилию не знаю, звали Устьей. Давали нам с колхоза по восемь килограммов муки, хлеба по полбулки. Только мы этого ничего не видали. Нас эта хозяйка обижала, не кормила ничем. Жаловаться некому было. Мы на печке так и были с братом. Если она куда уйдет, я по быстрому намешиваю муки, кусок теста сделаю. Кусок пополам – и съедим с братом. И у брата открылся страшный понос, наверное, с этого теста. Она не спускала нас с печи. А если выйдем на улицу во двор, она возьмет зимой на крючок дверь закроет. Кричим, кричим, она дверь открывает. Так жили менее года. Потом одна женщина услышала, прибежала, видит мы стоим. Давай стучать, лупить: «Ты чё же издеваешься над детьми?». Потом мать сбежала с завода, знала, что мы тут... Через восемь месяцев ее арестовали и стали судить в сельсовете. «Как сбежала с военного завода во время войны?». А там была председателем женщина, фамилии не знаю, знаю только, что звали ее Мария Степановна. Она мать отстояла. Жалела нас, каждый день давала рубль на хлеб, своим детям не добавала... Из Верх-Алеуса нас увезли в бараки в пяти километрах от Шайдурово. Там много немцев было. Мать летом собирала смолу с сосны в деревянное большое ведро. Норма была у каждого своя, на каждом участке стояли хранилища в землянках. Мы с братом ходили в Шайдурово по миру. Пройду пять километров по льду к помойкам, там стройбат стоял. Кожурок картофельных наберу, принесу. Мы их намоем,

печку затопим и на плиту. Поедим, соли-то не было. А потом уже невыносимо стало в Лесохиме... И в Чингисах у одной женщины Саломахиной жили. Потом она тоже отказала от квартиры, и отказала-то к зиме, когда уже все стало замерзать. А на той стороне дом-землянка стоял без окон, без дверей... Мать костер разожгла и мы около костра. Две ночи так ночевали. Потом она что-то смилостивилась: видит, что погибаем. Вошли в колхоз «Земледелец», на бригаде жили в 5 километрах от Спирино. Мать в первый год заработала 27 килограмм ржи. И этот мешок у нас украли. Мать знала, какая это женщина, она и сейчас живая, но никому не говорила. Но председатель Киселев был хороший человек, стали искать эту рожь и под амбаром нашли. Раньше своя мельница была в Спирино. Намололи эту муку – и весь заработок. Осенью в школу ходил пока тепло, как только начинался первый заморозок, все, моя учеба кончалась. Босиком куда пойдешь? Где деньги, чтоб купить? Так на бригаде жили и там же питались. Что мать зарабатывала, тут же проедали.

Потом нас перевезли на другую бригаду около совхоза «Чкаловский». Там работать стал сначала прицепщиком, потом трактористом. Дальше учиться не пришлось. Работали за трудовни, за палочки... Маленько жить стали с 1954 г. Я получил тогда 57 центнеров пшеницы. Пришлось этот хлеб почти весь продать: обуваться надо было, одеваться. Себе, конечно, немного оставили. Оделись с братом, а то доходило до того, что одни шаровары на двоих. Когда на прицепе работал, были одни штаны, они же выходные. Одни заплатки, а тело как смолёное. Врагу не пожелаю, что мы пережили.

Далее об отце: «Отца забрали в трудармию еще с места, в Запорожье. И он к нам сюда приезжал. Он ломал руку и его отпустили. Сколько там с нами пожил, и его снова забрали в трудармию – лес в Антоново валили. Года через два захотел нас провести в Верх-Алеусе и что-то там отпросился у начальника. В бане помылся, мать затопила. Тут председатель пришел, говорил: "Давай кузнецом к нам иди". Отец был на все руки мастер. Спрашивал: "А как же с трудармией?". Тот: "Ничего, в случае чего я за тебя слово скажу". Отец проработал в колхозе месяцев восемь. И приехали отца арестовали, что трудармию бросил, еще война была. Председателю отца отстоять не удалось и с тех пор мы его не видели. Один из немцев, кто сидел, рассказывал, что видел отца. Писали в комендатуру в Новосибирск на Коммунистическую 49, им ответили, что выбыл, а местонахождение неизвестно. А дедушка так и жил в Запорожье, после смерти бабушки он женился на хохлушке. Когда нас стали сюда эвакуировать, она увезла его в свою деревню в с. Балабино Запорожской области. И одна женщина приезжала сюда и рассказывала, что видела деда на базаре: он торговал фруктами. Горевал о нас, но так и не встретились... С Инной Карловной познакомился в 1958 г., свадьбы не играли, просто родители благословили. Мы все были лютеране».

Приведем рассказ Инны Карловны Кейль: «В Николаевской волости много немцев проживало в деревнях Рорбах, Ландау, Шпейер, Вормс, Катериненталь,

Иоганнесталь. В 1941 г. немец колхозы поразогнал. Нас взяли из деревни, где жили в оккупации. Потом погнал немец в Германию. Гнали через Болгарию, Румынию, Чехословакию. Бабки на тележках еще сидели, а мы все больше пешком. Там нас посадили на поезд и привезли в Польшу. В плену была в 1941–1946 гг. Там тоже жили немцы, у них свое хозяйство было. Мы на них работали как батраки, как рабы. Это было в Вайсенштадт. Мы на них работали до Нового Года. И снова погнали нас в Берлинхен (сейчас по-польски называется, а Гитлер переименовал). Пришли русские, собрали коров, лошадей, телят до кучи. Мы кормили их, доили. Потом в 1945 г. нас всех переписали русские. Нас с сестрой собрали, а родителей и маленького братишку не взяли. С 18 мая погнали эти коровы в Калужскую область до 25 августа. Гнали много гуртов: 7 гуртов в Калужскую область, 14 – в Подмосковскую. Но мы в Калужскую область не попали. Нас посадили в поезд и в Удмуртскую ССР увезли. Работали, жили два года и не знали, где наши родители в Германии или в СССР, живы ли... Писали по всем областям и так родителей нашли. Оказалось, они жили здесь в каком-то секторе. Отец сразу оформил нам вызов в комендатуру и отправил нашему коменданту. Он нас вызвал и говорит: "Какие были у вас родители?". Мы сказали. Он: "Хорошо, будет вам вызов". Пошли домой и плачем... Ну и правда два года жили порознь с родителями. Так с родителями объединились. Я проклинаю Гитлера, из-за него мы приняли такие муки.

Приведенные рассказы депортированных из Украины немцев дополняют картину общей трагедии народов. Вопрос в другом. Можно сколько угодно изучать историю: смогут ли будущие поколения извлечь из этого урок?

Репрессивная политика советской власти в отношении немцев Крыма в 20–30-е гг.

Сегодня современные украинские ученые в первую очередь акцентируют свое внимание на процессах связанных с индустриализацией, коллективизацией и голодомором, а также репрессивной политикой государства в отношении «классовых врагов». На сегодняшний день украинское общество жестко осудило эпоху сталинизма. К сожалению, при этом часть общественности продолжает находиться под влиянием штампов воспитанных советской идеологической машиной, среди которых остается ассоциирование немцев Украины с фашистами или их пособниками, что само по себе возмутительно. Данное исследование должно показать трагедию, которую пережили немцы, и стать очередным напоминанием современному поколению о ней.

Немецкое население компактно проживало не только на территории материковой Украины, но и в Крыму. После установления советской власти на полуострове в 1921 г. была проведена перепись населения. Ее данные показали, что в Крыму проживало 42350 тыс. немцев¹. По уездам эта цифра составляла: Симферопольский – 10 000 тыс., Джанкойский – 11 000 тыс., Евпаторийский – 8 000 тыс., Феодосийский – 7 500 тыс. и Керченский – 2500 тыс. человек. Социальный состав немецкого населения был следующим: батраки – 3%, малоземельные крестьяне – 26%, середняки – 40% и кулаки – 26%². Указанные данные наглядно свидетельствуют о социальном и экономическом положении немцев на полуострове. Общеизвестным является тот факт, что приход большевиков к власти был связан с проведением ими политики ущемления ряда прав по социальному и профессиональному критерию. В частности, в ст. 65 Конституции 1918 г. закреплялась норма о лишении избирательных прав. Она применялась по отношению к тем, кто использовал наемный труд с целью получения прибыли, имел нетрудовые доходы в виде процента с капитала, доходы с предприятия, а также к частным торговцам. Эта норма Конституции впервые была применена во время первой открытой избирательной компании 1925–1926 гг.³ и продолжала действовать вплоть до принятия Сталинской Конституции 1936 г.⁴

Лишение права голоса стало рассматриваться как показатель политической неблагонадежности со всеми вытекающими отсюда последствиями. Исключе-

¹ Крим в етнополітичному вимірі / Ред. Колегія Курас І.Ф., Панчук М.І., Котигоренко В.О. та ін. К.: Світгляд, 2005. – 568 с. С. 203.

² ГААРК. Ф. П-1. Оп.1. Д. 106 б. Л. 72.

³ *Вакатова Л.П.* Лишение избирательных прав // Немцы в Крыму. Очерки истории и культуры / Сост. Ю.Н. Лаптев. Симферополь: Таврия-Плюс, 2000. С. 88.

⁴ *Омельчук Д.В., Акулов М.Р., Вакатова Л.П., Шевцова Н.Н., Юрченко С.В.* Политические репрессии в Крыму (1920–1940 годы). Симферополь: Таврида, 2003. 208 с. С. 32.

ние из списков избирателей пугало не отказом в праве опускать бюллетень в урну, а ущемлением прав человека в самых разных сферах. Лишение избирательных прав могло стать причиной увольнения с государственного предприятия, вело к изъятию хлебных и кооперативных книжек, снятию с учета на бирже труда, выселению в течение 48 часов с государственной жилой площади, прекращению оформления и выплаты пенсий.

Страдали и члены семей лишенцев. Они теряли право на бесплатное образование и лечение, исключались из рядов ВЛКСМ и ВКП (б), пионерских организаций. Служба в Красной Армии для них заменялась тыловым ополчением в Сибири. Преследование членов семьи лишенцев породило такое уродливое явление, как отказничество¹.

Особенно норма о лишении избирательных прав коснулась немцев Крыма, так как немалая часть представителей этой этнической группы были середняками и кулаками. Кроме того, большим авторитетом пользовались представители духовенства, в которых большевики видели своих ярко выраженных противников. Именно зажиточные крестьяне и церковнослужители первыми попали под действие тоталитарной репрессивной машины. В подавляющем большинстве немцы лишались избирательных прав за применение наемного труда с целью получения прибыли².

Вторым направлением репрессивной политики советского государства в 20-е гг. стало раскулачивание и выселение из Крыма богатых немецких землевладельцев. Основанием для таких действий местных властей послужило постановление ЦИК и СНК СССР от 20 марта 1925 г. «О лишении бывших помещиков права на землепользование и проживание, в принадлежащих им до Октябрьской революции хозяйств» и Закона Крымской АССР от 20 марта 1925 г. «О выселении помещиков из Крыма». Уже в начале апреля репрессивная машина заработала. Например, 14 апреля 1925 г. на заседании президиума Джанкойского райисполкома было постановлено «Ходатайствовать о выселении из пределов Крыма бывших помещиков с их семьями. Под этот документ власти решили выселить семью Рапа (3475 дес. земли), семью Ротта (1933 дес.) и семью Майера Д. А. (1091 дес.)³. Всего в период с 1926 по 1933 год из 8237 немецких хозяйств Крыма было раскулачено 60%⁴.

Одной из форм протеста немцев, а особенно меннонитов, на проводимую большевиками политику, стало жесткое выступление против существующих порядков на конференциях, партсобраниях, путем молчаливого саботажа.

¹ Омельчук Д.В., Акулов М.Р., Вакатова Л.П., Шевцова Н.Н., Юрченко С.В. Политические репрессии в Крыму (1920–1940 годы). С. 32–33.

² Вакатова Л.П. Лишение избирательных прав // Немцы в Крыму. Очерки истории и культуры / Сост. Ю.Н. Лаптев. Симферополь: Таврия-Плюс, 2000. С. 89.

³ Брошеван В., Ренпенинг В. Боль и память крымских немцев (1941–2001): историко-документальная книга. Симферополь: Изд. «Тарпан», 2002. – 160 с. С. 74–76.

⁴ Там же. С. 89.

Например, немцы, принимая участие в прениях по различным докладам коммунистов в которых интересовались «...Если религию нельзя преподавать в школе – придется согласиться, а почему должно быть антирелигиозное воспитание. Почему сажают людей в тюрьму. Если нужно отобрать все ну отберите, а почему не оставляете дома...»⁵. От слов немцы, а особенно меннониты в 1929 г. перешли к действиям, которые воплотились в эмиграции. При помощи уговоров, разъяснений, а также определенных уступок в виде создания Биюк-Онларского национального немецкого района в 1930 г. это движение удалось остановить.

Тем не менее, продолжавшаяся на полуострове политика коллективизации привела к дальнейшему преследованию кулачества и инакомыслящих. Многие дела 1930–1933 гг., по которым проходили немцы были связаны именно с земельной политикой большевиков. В частности, немцев наиболее часто обвиняли в агитации против коллективизации, за единоличное хозяйство, в антисоветской агитации по срыву мероприятий советской власти, а также в агитации в пользу эмиграции из СССР⁶. Все эти действия попадали под ст. 58-10 УК РСФСР и наказанием, как правило, было либо заключение в исправительно-трудовые лагеря от 3 до 10 лет или же, высылка за пределы Крыма вместе с семьей, чаще всего на Урал и в северные регионы страны⁷.

Таким образом, репрессивная политика 20-х начала 30-х гг. XX в. не имела ярко выраженной национальной окраски. Власти, фактически, вели борьбу с той частью населения, которая была в оппозиции по отношению к ней. Если на территории УССР, с целью обеспечения успешного проведения коллективизации был избран голодомор, то в КАССР в это время борьба велась лишь при помощи осуждения и высылки «антисоветских элементов» в северные районы страны.

К сожалению, после окончания проведения коллективизации политика репрессий продолжалась. Особенно она активизировалась после прихода к власти в Германии А. Гитлера. Для советских немцев это имело трагические последствия: их стали рассматривать в качестве внутренних врагов. Позже появится термин «пятая колонна». Действия чекистов отражали установку руководства страны, сразу почувствовавшего появление опасности для себя от нового руководства Германии⁸.

В 1934 г. намечается увеличение количества подвергшихся репрессиям немцев.

В 1934 г. органы НКВД проводили активную деятельность по выявлению контрреволюционных элементов среди немцев. Аресту подверглось 45 человек. В

⁵ ГААРК. Ф. П-1. Оп.1. Д. 1033. Л. 13.

⁶ Реабилитированные историей. Автономная республика Крым: Книга вторая. Симферополь: Изд. «АнтиквА», 2006. – 392 с. С. 108–382.

⁷ Там же. С. 107–112.

⁸ *Омельчук Д.В., Акулов М.Р., Вакутова Л.П., Шевцова Н.Н., Юрченко С.В.* Политические репрессии в Крыму (1920–1940 годы). С. 114.

качестве обвинения выступала «переписка с фашистскими организациями и получение от них материальной помощи» (Я. Берг, Г. Бреймеер, М. Пенпер и др.), пропаганда фашизма и восхваление А. Гитлера (А. Руофф, И. Юнkind и др.). Жителям отдельных колоний ставилось обвинение в массовом сотрудничестве с Германией. Например, немцам деревни Борангра предъявлялось обвинение в том, что в ноябре 1934 г. из 48 хозяйств от фашистских организаций Германии денежные переводы и посылки получало 23 хозяйства, то есть 50%⁹.

Другой пример репрессивной политики власти произошел в деревне Немецкий-Аблеш Ичкинского района. Двое немцев и один русский во время выпивки вспоминали времена Первой мировой войны и утверждали, что немцы могут хорошо воевать. За подобные высказывания суд приговорил их к 10 годам лишения свободы за пьянство и «пораженческую фашистскую агитацию»¹⁰.

За период с 15 октября 1934 г. по 15 февраля 1935 г. органами НКВД на полуострове ликвидировано 48 контрреволюционных фашистских групп. К ответственности привлекли 192 лица, арестовали 173 (духовенство, учителя, врачи – 26 лиц; кулаков – 142). Действия арестованных были квалифицированы по ст. 58 ч.4 УК РСФСР. По решению судов к 6 лицам применили высшую меру наказания, 14 человек к 10 годам строгой изоляции, а остальные получили от 3 до 8 лет лишения свободы. Кроме того, 8 судебных процессов провели открытыми в колхозах, откуда были сами подсудимые. Указанные выше факты позволяют рассматривать подобную деятельность большевиков по отношению к немцам как форму запугивания, ликвидации инакомыслия. Также обращает на себя внимания всплеск активности органов НКВД в борьбе с антисоветскими элементами в 1934 – в начале 1935 гг.

К концу 1934 года власти рассмотрели вопрос о проделанной работе среди немецкого населения. В частности, руководство региона на протяжении года проводило собрания немцев-колхозников, на которых проводилась разъяснительная работа. Советские агитаторы акцентировали внимание слушателей на том, что власть не допустит антисоветских действий и не остановится перед репрессиями лиц проводивших контрреволюционную деятельность. Об эффективности таких собраний свидетельствуют принятые решения. Например, немцы колхоза «им. лейтенанта Шмидта» Джанкойского района единогласно приняли следующую резолюцию: «Мы осуждаем гнусную гитлеровскую провокацию фашистской помощи. Несмотря на то, что нам пришлось преодолеть некоторые трудности в период строительства, на что мы пошли сознательно, сейчас мы их уже преодолели. С каждым днем наша жизнь становится лучшей и радостней, и в провокационной фашистской помощи не нуждаемся...»¹¹.

⁹ ГААРК. Ф. П-1. Оп.1. Д. 1446. Л. 10–13.

¹⁰ Омельчук Д.В., Акулов М.Р., Вакатова Л.П., Шевцова Н.Н., Юрченко С.В. Политические репрессии в Крыму (1920–1940 годы). С. 114.

¹¹ ГААРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1422. Л. 23–32.

Прикрываясь обвинениями в фашизме большевики также пытались расправиться со священниками. Служащие НКВД ставили перед собою задачи выявить контрреволюционные организации, которые проповедовали фашизм. Например, такая организация была выявлена в колхозе «Ландвирт» дер. Борангра. Ее «главарем» считался бывший проповедник этой деревни гражданин Иван Петрович Вибе. Он организовал вокруг себя две группы: одну в количестве 14 человек из стариков, а вторую – 12 человек из молодежи. Участники этой организации, как говорилось в «Информационном письме о работе среди немецкого населения Тельманского района» «прикрываясь своей религиозностью проводил фашистскую пропаганду в колхозе». В частности, И.П. Вибе и его сторонникам приписывали такие слова, что «Коммунисты ведут народ к гибели, так как они против религии, бога и частной собственности, а единственная страна, которая имеет перспективы в будущем это Германия». В результате, «контрреволюционной работы молодежь оторвалась от клуба и общественной жизни, организует на дому религиозные беседы, пение религиозных песен и хождение хора с пением религиозных песен по деревне». На содержание проведения контрреволюционной работы данная группа систематически получала от заграничной организации «Свет на Востоке» денежную помощь и литературу¹².

С целью запугивания активистов, большевики проводили показательные судебные процессы. Так, например, было и с И.П. Вибе и его так называемой «группой». По решению суда несколько участников приговорили к расстрелу, а остальных к 5 годам лишения свободы¹³ [10, л. 12–13].

Обвиняя немцев в проведении фашистской работы, большевики приравнивали к этой деятельности элементарное стремление людей к духовному развитию, к свободной реализации своего права на вероисповедание. Естественно, что это желание граждан СССР шло в разрез с официальной политикой властей. Приведенный выше пример, красочно свидетельствует о том, что большевики в лице церкви видели оппозицию. Тем более что среди немцев, а особенно меннонитов вопрос религии играл очень важную роль. Поэтому большевики понимали, что, уничтожив церковь, они смогут установить более жесткий контроль над немецкой этической группой. Для достижения этой цели была избрана тактика террора, выявления различных групп, блоков и организаций к которым были причастны проповедники. И именно их в первую очередь обвиняли в пособничестве фашизму и распространении этих идей среди населения полуострова.

Репрессивная политика большевиков особенно активизировалась в 1937–1938 гг. Именно в это время отмечается третий всплеск преследования немецкого населения КАССР. Немцев обвиняли в том, что они якобы были

¹² ГААРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1446 Л. 9–10; Д. 9. Л. 5–6.

¹³ ГААРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1446. Л. 12–13.

членами или же организаторами контрреволюционных кулацких группировок, немецких шпионско-диверсионных повстанческих и фашистских организаций и т.д.¹⁴ Показательным примером может служить дело Ивана Карловича Гагина, который в 1938 г. был расстрелян с конфискацией имущества за нелегальное отправление религиозных обрядов¹⁵.

Как и в предыдущие годы, органы НКВД пытались выявлять целые группы. Например, в сентябре 1938 г. Сакским районным отделом НКВД была арестована группа немцев, состоящая из 20 лиц. Их обвиняли в участии в «контрреволюционной немецко-фашистской, повстанческой, диверсионно-вредительской разведывательной организации», которая якобы была создана еще в период 1930–1933 гг. Это дело получило название «дело Веселя». По нему сам Весель и еще пятеро человек не признали себя виновными, еще троих по сути обвинения не допрашивали. А те, кто признал вину, давали сведения с такими противоречиями, что сами свидетельства не могли рассматриваться как реальные. Несмотря на это все были осуждены к различным срокам заключения¹⁶.

Результатом большевистской репрессивной политики 1937–1938 гг. по отношению к немецкому населению КАССР стало то, что на это время приходится примерно 57% всех из числа пострадавших за 1920–1941 гг. [12, с. 97]. Одновременно анализ дел 1937–1938 гг. позволяет отметить усиление строгости приговоров. В основном это либо заключение на срок 10 лет или же смертная казнь¹⁷.

Апофеоз политики террора касательно немцев Крыма, да и всего СССР, наступил после нападения фашистской Германии. 15 августа 1941 г. в КАССР начала проводиться работа по эвакуации (депортации) немецкого населения с полуострова в Орджоникидзовский край. Эта операция в основном была завершена к 22 августа.

Всего было депортировано немцев и лиц, родственно связанных с немцами других национальностей (русские, поляки, татары – женаты на немках и наоборот) – 59744 чел., в числе их члены и кандидаты ВКП (б) и члены ВЛКСМ¹⁸.

Таким образом, установление советской власти в Крыму привело к значительным экономическим, политическим и культурным изменениям. Боль-

¹⁴ Реабилитированные историей. Автономная республика Крым: Книга вторая. – Симферополь: Изд. «АнтикВА», 2006. – 392 с. С. 120–128.

¹⁵ Там же. С. 114.

¹⁶ *Омельчук Д.* Політичний терор проти національних меншин в Криму // Крим в етнополітичному вимірі / Ред. Колегія Курас І.Ф., Панчук М.І., Котигоренко В.О. та ін. К.: Світосгляд, 2005. С. 221–225.

¹⁷ *Омельчук Д.В.* Политический террор и немецкое население Крыма (1930-е гг.) // Немцы в Крыму. Очерки истории и культуры / Сост. Ю.Н. Лаптев. – Симферополь: Таврия-Плюс, 2000. С. 98.

¹⁸ Реабилитированные историей. Автономная республика Крым: Книга вторая. Симферополь: Изд. «АнтикВА», 2006. – 392 с. С. 48–51.

шевики приложили максимум усилий, чтобы уничтожить или подавить всех своих оппонентов. Среди последних оказался немалый процент и немецкого населения, которое отличалось своей зажиточностью и религиозностью. Для борьбы с ними была избрана тактика террора. Также, следует отметить, что в репрессивной политике выделяется несколько этапов. Первый охватывает 1925–1934 гг. и характеризуется преследованием и ущемлением прав всех социально неблагонадежных элементов, к которым были зачислены в первую очередь кулаки и священнослужители. Вторым 1934–1939 гг. приходится на время установления в Германии власти А. Гитлера и конфронтации в отношениях между СССР и Германией. Если на первом этапе репрессиям подверглись все без исключения национальности, то второй период был для немцев особенно сложным в силу того, что на них смотрели как на пособников фашистов. Третий этап охватывает 1941–1989 гг. и связан с депортацией и жизнью в трудовой армии, а затем на спецпоселениях и со штампом врага-фашиста. Осуществляемая в 20–30-е гг. большевиками политика имела античеловеческий характер. Преследованиям подверглись миллионы граждан бывшего СССР. Виной этих людей, в том числе и немцев, было лишь то, что они желали жить в условиях рыночной экономики и реализовывать свое право на свободу вероисповедания.

Немцы Крыма в современной истории Украины

26 ноября 1948 г. Президиум Верховного Совета СССР принял Указ, который устанавливал, что переселение в отдаленные районы Советского Союза указанных выше лиц (немцев и других народов) проведено навечно, без права возврата их к прежним местам жительства, за самовольный выезд (побег) из мест обязательного поселения устанавливалось наказание – 20 лет каторжных работ. Лицам, виновным в укрывательстве бежавших выселенцев или способствующих побегу определялась мера наказания 5 лет.

Этот указ был отменен только через шесть лет, 13 июня 1954 г. указом Президиума Верховного Совета СССР. Это постановление, как и ряд последующих, в открытой печати не опубликовалось и фактически осталось неизвестным тем, кого касалось. До выхода постановления 1954 года немцы-спецпоселенцы, взрослые и дети старше 16 лет должны были ежемесячно отмечаться в комендатуре. Человек либо жил в том же селе, либо приезжал в определенный день в сельсовет, куда должны были являться и под роспись удостоверять свое присутствие на месте поселения все спецпоселенцы. Ни болезнь, ни иные уважительные причины неявки не принимались во внимание. Явиться обязан был каждый лично.

В сентябре 1955 г. в Советский Союз состоялся визит канцлера ФРГ Конрада Аденауэра, восстановлены дипломатические отношения между Москвой и Бонном. После этих исторических событий был издан Указ Верховного Совета СССР от 13 декабря 1955 г. «О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении». С бывших спецпоселенцев были взяты расписки о том, что они не претендуют на возвращение имущества, оставленного при выселении, и что им запрещено возвращаться в места, откуда они были выселены.

Вскоре была упразднена позорная комендатура, но запрет на возвращение в родные места оставался в силе. В 50–60-е гг. на полуостров удавалось вернуться и оставаться здесь единицам немцев. Как правило, это были женщины, носившие фамилию мужей и скрывавшие свою национальность.

В 1964 г., в период так называемой «оттепели», 29 сентября Президиум Верховного Совета принял решение «Об отмене Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года "О переселении немцев Поволжья"», частично снимавший с советских немцев позорное пятно измены: «... огульные обвинения в отношении немецкого населения, проживающего в районах Поволжья, отменить». После этого Указа началось движение за восстановление немецкой автономии, но все попытки были безрезультатны. Немцы продолжали жить в местах ссылки. Дальнейшая политическая реабилитация поволжских немцев воспринимались немцами как реабилитация всех немцев в Советском Союзе.

3 ноября 1972 г. увидел свет Указ Президиума Верховного Совета СССР «О снятии ограничения в выборе места жительства, предусмотренного в прошлом для отдельных категорий граждан», которым отменялась пресловутая статья в выборе места жительства. В реальной жизни, на местах, все исполнялось либо с проволочками, либо неполностью, либо не исполнялось совсем. Большую роль в возможности выбора нового места жительства играл человеческий фактор – лояльное отношение со стороны местных руководителей.

Первые компактные места проживания немцев в Крыму образовались в с. Янтарное и с. Новопокровка Красногвардейского района. В с. Янтарное немцы приехали в 1973–1974 гг. из Омской области, а в с. Новопокровка в 1980 г. из Казахстана. В конце 80-х гг. XX в. в Новопокровке проживало около 40 семей, 36 из которых приехали из одного места – Казахстан, Акмолинская область (более 80 человек), в с. Янтарное проживало более 50 человек, а в с. Мускатное (Красногвардейский район) проживало более 70 человек. В данных населенных пунктах проживали люди, депортированные из других регионов СССР, но находились они в центральной части Крыма – традиционные места расселения немцев до 1941 г. и жители этих сел не скрывали своей национальности.

По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. в Крымской области проживало 2356 немцев (0,1% от общего числа населения Крыма – 2458600 человек).

С середины 80-х гг. XX в. в обществе начался процесс, связанный с активацией интереса широких масс различных народов к изучению своей истории, культуры, быта, традиций с повышенным интересом к возрождению в различных формах своей самобытности, а у ряда ранее депортированных народов и политической реабилитации. Особенно активно процессы этнического возрождения национальной культуры происходили в среде российских немцев. Значительную роль в этом принадлежала общественно-политическому и культурно-просветительскому обществу российских немцев «Возрождение» («Видергебурт»), официально созданного на учредительской конференции в Москве (29–31 марта 1989 г.) под названием Всесоюзное общество советских немцев (ВОСН). В работе I Всесоюзной учредительской конференции принимал участие и представитель Крыма, известный архитектор, художник Шауфлер Гуго Вильгельмович, вошедший в состав руководящего органа ВОСН – Координационного центра (1989–1990 гг.), реорганизованного в 1990–1993 гг. в Совет.

После 4-й конференции, 10–12 мая 1991 г., организация стала использовать немецкое название «Видергебурт». В период наибольшего подъема социальной активности российских немцев, накануне массовой эмиграции (1990–1991 гг.), в ней состояли десятки тысяч членов. В 1990–1991 гг. стали активно возникать республиканские организации в союзных республиках, где проживало

наибольшее число российских немцев – в Казахстане, РСФСР, Киргизии, Украине. После распада СССР эти структуры преобразованы в самостоятельные общества. В Украине в разные годы «Видергебурт» возглавляли Н. Айрих, В. Ганнерт, В. Шмидт, Г. Гроут, А. Фукс. В настоящее время председатель общества – В. Пиньковский, избранный 8 декабря 2007 г.

1 марта 1993 г. представители обществ «Ведергебурт» Казахстана, Узбекистана, Таджикистана, Белоруссии подписали в Москве договор об образовании Международного союза общественных объединений немцев бывшего СССР (МОН) «Видергебурт», правопреемника ВОСН, и провели учредительную конференцию МОН. 6 декабря 1998 г. в Бишкеке МОН преобразован в Международную ассоциацию общественных объединений немцев (МАООН) «Видергебурт». В январе 1991 г. в Крыму было организовано Общественное объединение советских немцев «Возрождение» (зарегистрировано 18 марта 1991 г.), которое в 1993 г. перерегистрировано как Республиканское общество немцев Крыма «Видергебурт». У истоков формирования и регистрации стояли В.И. Кельбах, А.И. Кремер, В.А. Ленинг, Л.С. Симакова, В.К. Ренпенинг, Г.В. Шауфлер и др. Первым председателем общества «Возрождение» был избран Гуго Вильгельмович Шауфлер.

В 1991 – 1994 гг. были открыты городские и районные организации «Видергебурт»: Бахчисарайский район – председатель Любовь Антипенко¹, Алушта – Карл Вернергольд, Джанкойский район – Екатерина Кёниг, Симферополь – Эльза Герко, Феодосия – Анатолий Герман, Раздольное – Федор Гинтер, Красноперекопск – Виктор Горст, Севастополь – Амалия Кремер, Красногвардейский район – Данил Найман, Ялта – Лариса Симакова, Кировское – Виталий Тизенгаузен, Судак – Геннадий Фрайер, Первомайское – Игорь Франк, Ленино – Рейнгольд Шнайдер, Черноморское – Юрий Штенберг, Керчь – Иван Гинтер, Армянск – Эдуард Мюллер, Евпатория – Иван Рюгер.

22 марта 1991 г. Верховный Совет Крымской АССР принял постановление «О пополнении состава Верховного Совета Крымской АССР», которое позволило дополнительно избрать одиннадцать депутатов от депортированных народов, в т. ч. одного депутата от немцев. В апреле им был избран заместитель председателя общества «Возрождение» Владимир Ренпенинг, получивший доверие и на выборах в Верховный Совет Крыма II созыва по немецкому национальному одномандатному округу в марте 1994 г.

С 1991 г. активисты немецкого общества развернули деятельность по организации возвращения немцев на Крымскую землю. Гуго Шауфлер обращал внимание на то, что «не решается вопрос возвращения крымских немцев и других народов в Крым, предоставления им земли (территорий) для строительства ферм, поселков, культурных центров и т. д., нет никаких попыток восстановления «немецкой культуры в Крыму...»

¹ Указаны первые председатели обществ.

Армянское, болгарское, греческое, немецкое общества обращаются в государственные органы с предложением о создании структур, которые бы на государственном уровне направляли процесс возвращения, способствовали разработке программы возвращения не только для крымских татар, но и для других депортированных народов. Значительную роль в формировании мнения депутатов Верховного Совета играли избранные депутаты из числа представителей депортированных народов Крыма.

Начальный этап массового возвращения в Крым депортированных граждан относится к 1989–1991 гг. В это время начинается разработка концепции возвращения и обустройства крымскотатарского народа, мер по ее финансовому и материально-техническому обеспечению. Предполагались три формы добровольного возвращения: индивидуальная (без государственного обеспечения жильем), групповая (на основе организации различных кооперативов, семейной аренды и т. д.) и государственно-организованная в соответствии с разработанным графиком с 1991 по 1996 гг. Дальнейшие события показали, что процесс возвращения в организованные и регулируемые формы ввести не удалось, как не удалось и завершить его намеченные сроки.

22 ноября 1991 г. Верховный Совет Крымской АССР принял постановление «О практических мерах по организованному возвращению депортированных армян, болгар, греков и немцев в Крымскую АССР», инициируемое общественными организациями.

Инициатива национальных общественных организаций была встречена с пониманием. С 15 июня 1992 г. при Совете Министров Крыма создано Управление по делам депортированных армян, болгар, греков и немцев для решения всех вопросов, связанных с их организованным возвращением, расселением и обустройством. Это Управление также осуществляло практическую работу по отводу земли для репатриантов, использованию выделяемых из бюджетных средств капиталовложений. Первым начальником Управления был назначен Кнелъзен Владимир Андреевич, возглавлявший его полтора года и являвшийся одним из разработчиков программы их организованного возвращения в Крым до 2001 г. Управление представило на рассмотрение Совета министров Крыма схему-прогноз расселения возвращающихся из числа ранее депортированных граждан с полуострова. Документ, утвержденный 21 июля 1992 г. постановлением Совета Министров Крыма, предусматривал расселение армян, болгар, греков, немцев на 1992–2000 гг. Программой предусматривалось возвращение в Крым 45700 немцев (14280 семей), которых предполагалось поселить в сельской местности 3070 человек (9624 семьи), в городах – 14920 человек (4656 семей). До 2000 г. планировалось построить 9624 дома в сельской местности: по 2–3 тысячи человек в поселке, в городах – 900 индивидуальных домов и 3756 квартир. Возвращение немцев должно было осуществляться только организовано, поэтапно, по мере готовности жилья и создания необходимой инфраструктуры.

Практическая реализация программы возвращения и обустройства началась в 1993 г. Управление по делам депортированных и руководство национальных обществ проводили работу по учету депортированных, желающих вернуться в Крым. К середине 1995 г. на учете состояло 1466 семей немцев, подавших заявление о возвращении в Крым. Началось проектирование первых поселков или мест компактного проживания немцев, для их расселения было выделено 2500 га земли для строительства 7 национальных компактных поселений: в с. Марьяновка Красногвардейского района, в с. Алсфельд Сакского района, в с. Пионерское Симферопольского района и пгт Первомайском, на окраине г. Джанкой, в Симферополе, а также в с. Новопокровка Красногвардейского района. В середине 90-х гг. разрабатывался проект на строительство в с. Ярком Ленинского района 50 домов, магазина, детского сада и кирхи для немцев-переселенцев из Казахстана. Предполагалось установить и заселить 51 блок-контейнер в двух временных жилых городках. По прогнозу, разработанному в Киеве, ожидалось возвращение в Крым 15000 человек: I этап – 9000 человек в 1992–1996 гг. и II этап – 6000 человек в 1997–2000 гг.

На фоне общего ухудшения в экономике и социальной сфере Украины в середине 90-х гг. XX в. – длительная полемика между Симферополем и Киевом по поводу источников финансирования программы возвращения и обустройства депортированных граждан завершилась дальнейшим сокращением бюджетных ассигнований о финансировании социально-культурных мероприятий из крымского бюджета. К этому следует добавить и скандал вокруг созданного в 1992 г. и ликвидированного Указом Президента Украины в 1996 г. Украинско-немецкого фонда. В настоящее время в Крыму построен лишь один микрорайон (поселок) компактного проживания немцев в селе Марьяновка Красногвардейского района. Здесь удалось построить 26 квартир усадебного типа. Большая заслуга в этом Г.В. Шауфлера, В.К. Ренпенинга, И.М. Аведикиди, Ш.Г. Хубларяна и В.П. Кузменко.

В ноябре 1991 г. вновь создана (после массового закрытия лютеранских общин в 30-е гг. XX в.) евангелическо-лютеранская община в Ялте. Решающая роль в ее создании принадлежала председателю общины Ларисе Симановой (Линдерс), являющейся членом президиума Синода евангелическо-лютеранской церкви Украины. Религиозной общине было передано здание кирхи Святой Марии, где после 1945 г. находились фонды Ялтинского историко-литературного музея. Первые богослужения проводил пастор В. Лесной.

23 ноября 1992 г. зарегистрирована и лютеранская община в Симферополе, первым председателем была Нелли Радалова. Началась кропотливая ежедневная работа по возвращению здания. Возрождались общины и в других городах – Алушта, Судак, Севастополь. Зарегистрированы и начали работать первые немецкие культурные центры в Симферополе и Ялте.

Значительным крупным событием 1993 г. стал первый Фестиваль немецкой культуры, прошедший в Симферополе 20 июня. Голубой зал Крымского краеведческого музея с трудом вместил всех гостей, несмотря на поставленные дополнительно кресла. В фойе работали выставки. После чтения молитвы и официальной части был дан концерт, в котором выступил ансамбль немецкой народной песни и танца общества «Видергебурт» (созданный в 1992 г. по инициативе общества культурного сотрудничества «Ялта-Мюнхен», руководитель – Карл Вернергольд), музыкальные коллективы лютеранских общин Ялты, Симферополя, немецкой гимназии.

В августе 1993 г. председателем общества немцев Крыма «Видергебурт» был избран депутат Верховного Совета Крыма Владимир Ренпенинг. Должность председателя Владимир Карлович занимал по декабрь 1998 г. Начался новый этап становления общества. Одним из важных направлений работы было избрано развитие национальных средств массовой информации. В ноябре 1993 г. издан первый номер газеты общества немцев Крыма «Hoffnung» («Надежда»), главный редактор – В. Ренпенинг (1993–1998 гг.), редактор – Н.А. Каменецкая. С кадровыми трудностями организовывалась работа немецкой национальной редакции в телерадиокомпании «Крым». В ноябре 1993 г. в телеэфир вышло несколько пробных программ. Выходом первой настоящей передачи немецкой редакции «Hoffnung» можно считать 4 марта 1994 г. Программа проводилась на двух языках, редакторы и ведущие – Владимир Ижболдин и Марина Гусарова (Шмидт), оператор немецкой редакции – Андрей Радалов.

15 ноября 1994 г. в крымском эфире прозвучала первая радиопрограмма «Возрождение» немецкой радиоредакции. Бессменным редактором более 10 лет являлась Валентина Комисарова (Шлее). В немецкой радиокomпании работали специалисты, превосходно владевшие немецким языком: Руслан Деремедведь и Николай Заиченко. Появление еженедельных программ о жизни немцев, освещение истории и культуры крымских немцев стало важным событием.

Начиная с 1993 г. в составе РОНК «Видергебурт» активно работала молодежная организация под руководством Елены Шефер.

12 декабря 1993 осталось памятным днем в истории немцев-лютеран Крыма – зажжены свечи алтаря восстановленной немецкой кирхи (несколько комнат бывшей немецкой духовной школы). Оформление интерьера было выполнено в духе лютеранской церкви. Витражи на окнах, картины на стенах, скамьи, алтарь – все выдержано в едином стиле и помогало ощутить себя в духовном храме. В кирхе появился и дар баварских братьев и сестер в вере – деревянный крест с распятием.

Торжественное богослужение начал пастор Симферопольской евангелическо-лютеранской церкви Альберт Пфюллер, который активно участвовал в реставрации кирхи, приезжая из Змиевки Херсонской области – компактного проживания шведов в Украине. Освещение провел главный

советник евангелическо-лютеранской церкви земли Бавария Клаус Рёпке и суперинтендант немецкой евангелическо-лютеранской церкви в Украине Виктор Гриффенштейн.

Заметным явлением стала работа культурных немецких центров «Дойчеклуб» Симферополя (председатель правления А. Новикова) и Красноперекопска.

1993 года ознаменовался выходом РОНК «Видергебурт» на международную арену. Установлены связи и подписан договор о сотрудничестве с Международным фондом помощи Карла Коха в г. Брюсселе (Бельгия) и правительством земли Северный Рейн-Вестфалия в г. Дюссельдорф (Германия).

В 1994 г. РОНК «Видергебурт» имело 20 региональных и городских организаций, насчитывающих более 1000 членов. Работало три культурных центра, пять немецких общин, в их распоряжении находилось три кирхи, было зарегистрировано 10 воскресных школ, имелась специальная немецкая группа на факультете романо-германской филологии Симферопольского государственного университета, активно формировалась коллекция по материальной и духовной культуре немцев в Крымском этнографическом музее. Благодаря деятельности педагогов-энтузиастов в национальных обществах активно изучался родной немецкий язык, готовились и проводились национальные праздники. Проведение Рождества, Пасхи, праздник сбора урожая становятся традиционными, как и траурные ежегодные мероприятия 18 августа.

23 мая 1994 г. в Симферопольском университете состоялась конференция, посвященная 200-летию со дня рождения и 130-летию со дня смерти академика Петра Ивановича Кёппена.

Значительным культурным событием в жизни Крыма в 1994 г. стало проведение Фестиваля немецкой культуры, который проходил под девизом «Немцы должны оставаться немцами» с 29 сентября по 3 октября в г. Ялта. Фестиваль был организован правительством Республики Крым и «Видергебуртом». Всего на фестиваль прибыло 29 делегаций – 820 человек, среди гостей – председатель Международного союза российских немцев В. Ульянов, председатель Союза немцев Украины Н. Айрих, Посол Германии в Украине Александр Арно и др. В фестивале участвовало 16 художественных коллективов, представляющих немецкие общины Тульской области, Киева, Херсона, Севастополя, Красноперекопска, Донецка, Симферополя, Бахчисарая, Феодосии, Москвы. Три дня на концертных площадках Ялты выступали профессиональные и самодеятельные художественные коллективы. Участникам фестиваля особенно запомнилось выступление Камерного ансамбля российских немцев из Москвы под руководством Н. Дика-Ференбаха и духового оркестра из г. Новомосковска Тульской области. Гости фестиваля смогли также ознакомиться с выставкой «Колония Нейзац...» из фондов Крымского этнографического музея, материалами Государственного архива Крыма, творчеством различных художников, среди которых выделялся известный художник-архитектор Гуго Шауфлер, представивший и архитектурные проекты будущих немецких сел.

На многочисленных встречах во время фестиваля стоял вопрос о консолидации крымских немцев в виде создания Землячества немцев Крыма с его высшим органом Фолькстаг, избираемым всем немецким населением Крыма прямым тайным голосованием, а также о создании различных обществ, способствующих возвращению и обустройству немцев в Крыму. 22 сентября 1994 г. зарегистрирован Крымский благотворительный фонд «Путь развития», президентом которого был избран В. Э. Гречман, в настоящее время фондом руководит А. К. Нусбаум.

1995 год ознаменовался созданием новой организации – Республиканского общества «Землячество депортированных немцев Крыма» – «Ландсманшафт», начавшее свою работу с апреля. С момента создания «Землячество» возглавляли Ю. Миллер, И. М. Сергеев, А. Терехов и в настоящее время Е. Нейзман.

18 августа в краеведческом музее состоялся вечер, посвященный 54-й годовщине памяти жертв депортации немцев из Крыма, организованный Республиканским культурным центром «Дойчклуб» (руководитель – Н. И. Шмидт) и Симферопольским обществом немцев.

14–15 октября в Евпатории состоялся Фестиваль немецкой культуры, собравший около трехсот участников, 12 немецких коллективов художественной самодеятельности, активистов немецкого движения. Все регионы Крыма достойно представили работу своих культурных центров. Значительный вклад в организацию праздника внес коллектив «Нахтигаль» Республиканского культурного центра (художественный руководитель – В. Эйсмонт). Настоящей изюминкой праздника стал шуточный розыгрыш немецкой свадьбы. Фестиваль организован при финансовой поддержке Бюро VDA и Посольства Германии в Украине.

В 1995 году в Феодосийском регионе создана лютеранская община. Поддержку многочисленным начинаниям в сфере образования и культуры немцы находили в сотрудничестве с организациями из Германии, работающими в Украине – VDA (общество поддержки немцев за рубежом), GTZ (немецкое общество по техническому сотрудничеству) и Гёте-институт в г. Киев. Помощь вышеупомянутых организаций распространялась прежде всего на возрождение родного языка, обеспечение учебными пособиями, апробация новых методических рекомендаций, возрождение традиций, нравов и обычаев немцев, а также техническое обеспечение воскресных школ, центров встреч и культурных центров. К этому времени в немецких региональных организациях активно начали развиваться языковые курсы. Работа стала налаживаться с момента, когда работу по языковым курсам стала координировать куратор-консультант по Украине от Федеральной службы Германии по делам школьного образования за рубежом Эвелин Ульрих. Вскоре языковые курсы при культурных центрах стали посещать не только немцы, но и желающие других национальностей. Уже несколько лет подряд для немцев СНГ и Прибалтики успешно работал образовательный и информационный центр общества

помощи немцам за границей BIZ VDA в Подмоскowie в гостеприимной усадьбе Мамонтовка. Здесь проходили языковое и профессиональное обучение сотрудники немецкоязычных средств массовой информации, директора культурных центров, специалисты, работающие с трудармейцами, культурные работники, молодежь. Развивалось сотрудничество с одним из больших в Украине национально-культурных центров – Баварский дом, Одесса, основанный в 1993 г. по инициативе Министерства труда, социального обеспечения, семьи, материнства и охраны здоровья Федеральной земли Баварии совместно с Баварской евангелическо-лютеранской церковью.

18 августа 1996 г. немецкая общественность широко отметила юбилейный День Памяти – 55 годовщину депортации. Республиканские мероприятия прошли в лютеранской кирхе г. Симферополя. В этот день произошло еще несколько знаменательных событий. Завершилось строительство фасада церкви и прихожане получили прекрасный подарок – обновленный храм. Во дворе кирхи установили крест на месте будущего памятного знака немцам-жертвам депортации из Крыма, который стал напоминанием и предостережением, символом скорби и памяти немецкого народа. К собравшимся обратились депутат ВС Крыма по немецкому национальному округу, председатель РОНК Владимир Ренпенинг, заместитель председателя Госкомнаца Крыма Олег Габриелян, председатель Симферопольской лютеранской общины Эльза Герко. Церемонию открытия провел епископский визитатор немецкой евангелическо-лютеранской церкви Украины Вальтер Клиггер. Скорбная дата 55-летия депортации отмечалась в региональных отделениях «Видергебурт» и Землячества.

Важное значение в немецкой среде отводилось съезду немцев Украины и Крыма, призванному консолидировать немцев и создать на базе региональных общественных немецких организаций в Украине Центральный орган с полномочиями представлять немецкую общественность в отношениях с органами государственной власти Украины и Германии. 12 июля 1996 г. Кабинет Министров Украины издал соответствующее Распоряжение, а 12 сентября было подготовлено Распоряжение Правительства Автономной Республики Крым. Для подготовки съезда был создан Республиканский оргкомитет во главе с депутатом Верховного Совета Ренпенингом В.К. В работе Республиканского оргкомитета активно принимали участие Александр Экштейн, Жанна Сидоренко, Константин Загореев, Александра Юхник, Неонила Шмидт, Нелли Автомонова, Валентина Скрипниченко, Екатерина Кенинг, Владимир Шульц и Алексей Нусбаум.

5 сентября 1996 г. принято Положение о выборах делегатов на I съезд немцев в Крыму, выбрано 108 делегатов, избранных по 22 территориальным округам, пропорционально численности немецкого населения в округе. К работе по подготовке съезда приглашались и члены правления Землячества, введенные в состав оргкомитета – Миллер Ю.В., Шауфлер Г.В., Кузнецов М.А.,

но впоследствии исключенные из работы организационного комитета. Основными задачами Съезда было: обсуждение законодательства о реабилитации немцев Крыма и Украины, рассмотрение моделей самоорганизации, утверждение комплексной программы становления и развития сообщества немцев Крыма и Украины, консолидация усилий всех общественных организаций вокруг основной цели – сохранения российских немцев как этноса, координация усилий в решении проблем немцев в странах СНГ и другое.

6–8 ноября в Симферополе состоялся I Съезд немцев Крыма. Итогом работы Фолькстага (съезда немцев Крыма) стало избрание Фолькспарламента (председатель – Владимир Ренпенинг) и его исполнительного органа – Форштанда (президиума), избрание делегатов на съезд в Киев. В рамках Съезда прошел Фестиваль немецкой культуры.

21–23 ноября состоялся I съезд немцев Украины, на котором избран Фольксрат (представительный организационно-координирующий орган немцев Украины) и утверждена концепция программы этносоциального возрождения и развития немецкого меньшинства в Украине.

9 апреля 1997 г. вышло Постановление Верховного Совета ВРК «О признании представительных и организационных полномочий народного Совета (Фолькспарламента) немцев Крыма». Однако в сентябре 1998 г. новый состав депутатов крымской автономии отменил решение своих предшественников.

1997 г. был отмечен активизацией немецкого движения практически во всех регионах Крыма, чему в большей мере способствовал съезд немцев. Своей работой выделялись организации немцев Красноперекопска, Джанкоя, Евпатории, Красногвардейского, Сакского районов, активно работал восточный регион – Феодосия, Керчь, Судак. В Красногвардейской районной организации, членами ее было 560 немцев, открыта воскресная школа на 360 слушателей, люди порой добирались на курсы не только на машинах, но и на запряженных лошадьми телегах. Работал районный культурный центр «Фройндшафт». Работой Красногвардейской районной организации занимался энергичный Юрий Гемпель.

Одним из важнейших направлений работы Фолькспарламента было образование. В городах и районах работало 25 воскресных школ, где более тысячи детей и взрослых изучали немецкий язык как родной. В 1997 г. около 40 студентов обучались в различных крымских вузах, обучение 37-ми из них оплачивал Республиканский комитет по делам национальностей и депортированных граждан, миграции населения. В том же году подготовлено к печати методическое пособие «Как можно без труда запомнить 1000 немецких слов и выражений», активно начало свою работу ООО «Немецкий издательский дом», которым руководил заместитель председателя Фолькспарламента по экономике Владимир Шульц.

В культурной сфере в городах и районах работало 14 культурных центров, при которых организованы художественные коллективы. Особую немецкую

самобытность привносил симферопольский коллектив «Нахтигаль» (руководитель – Н. Шмидт) и красноперекоский «Глюк» (руководитель – И. Камалов). Заметный прогресс наблюдался в творчестве коллективов Ялты, Красногвардейска, Джанкоя, Феодосии, Евпатории, Саки.

Важнейшей сферой деятельности Фолькспарламента было решение социальных вопросов и оказание гуманитарной помощи регионам. В течение года была оказана адресная материальная помощь 64-м депортированным немцам, 20-ти человекам оказано содействие в приобретении медикаментов и лечении, а 30 трудармейцев получили возможность поправить здоровье в одном из санаториев г. Саки. В работе с трудармейцами, репрессированными своей активностью выделялась Берта Фридриховна Венниг. 50 детей побывало в детском оздоровительном лагере.

Немецкая тема постоянно освещалась корреспондентами в средствах массовой информации: ТВ – главный редактор Владимир Ижболдин, редактор радио – Валентина Комисарова, редактор газеты «Хоффнунг» – Наталья Каменецкая.

Актуальным оставался квартирный вопрос. В 1997 г. на обустройство депортированных было выделено в 7 раз меньше средств, чем 1995 г., когда было получено 13 квартир, построено 7 домов. В 1997 г. по программе обустройства реализовано 2 квартиры.

К концу 1997 г. на полуострове было зарегистрировано 36 немецких общественных организаций. В июне того же года в Крыму побывал Посол Федеративной Республики Германия в Украине Эбергард Хайкен. Цель визита – знакомство с местной немецкой диаспорой. Встреча проходила в кирхе г. Симферополя. Поднимались вопросы отъезда в Германию на ПМЖ, оформления документов и выдачи виз. Говорили о помощи в возрождении языка, культуры, традиций. Доктор Хайкен проинформировал собравшихся о работе посольства Германии в Украине с немецкой диаспорой, о помощи в изучении родного языка, возрождении культуры. 18 августа во дворе евангелическо-лютеранской кирхи по инициативе В. Ренпенинга установлен памятный знак жертвам депортации, заменивший скромный крест, поставленный в церковном дворе в прошлом году.

Кирха и церковный двор становятся местом ежегодного проведения траурных августовских мероприятий. Традиционно памятные мероприятия проходят 18 августа и на Симферопольском железнодорожном вокзале с участием депутатов Верховного Совета Крыма, членов Правительства, руководства немецких организаций, немцев и представителей национально-культурных общества Крыма.

3–5 октября в Феодосии прошли Дни немецкой культуры, координатором которых выступила председатель Феодосийской организации В. Скрипниченко. Гостям фестиваля и жителям Феодосии были представлены выставки документов из Государственного архива, а также «Немцы Крыма» из фондов

Крымского этнографического музея. Для участия в фестивале были приглашены, в основном, крымские коллективы. Выступление ряда коллективов ни в чем не уступало профессионалам. Ансамблю «Нахтигаль» оказались по плечу не только искрометные народные композиции, но и сложные классические произведения. Порадовал зрителей ялтинский коллектив «Швальбеннест», хорошо известный не только в Крыму, но и в Германии. А танцевальный ансамбль «Глюк» из Красноперекопска продемонстрировал филигранное владение техникой танца и незаурядный артистизм. На прошедшем круглом столе были обсуждены вопросы национальной политики, некоторые аспекты деятельности Республиканского комитета по делам национальностей, проблемы финансирования немецкой программы, получения гражданства Украины, выезда в Германию, работы по возвращению культовых зданий. Фестиваль был организован Народным Советом немцев Крыма, Министерством культуры Крыма и феодосийской городской администрацией.

В Крыму к этому времени зарегистрировано 6 евангелическо-лютеранских общин. Один из острых вопросов – возвращение культурных зданий. В начале 90-х гг. верующим возвращена кирха Св. Марии в Ялте (после войны в здании находились фонды Ялтинского музея), незначительное время проводились богослужения в бывшей кирхе в Судаке (в настоящее время в ней находится выставочный зал Музея «Судакская крепость»). В сентябре 1993 г. решением Симферопольского горисполкома выделено несколько помещений (172 м²) бывшего лютеранского училища в Симферополе. Судьба церковных сооружений после закрытия в 30-е гг. XX в. была одинакова – здания использовались не по назначению, теряли свой архитектурный облик, а впоследствии перестраивались до неузнаваемости или полностью сносились (как здание кирхи в с. Красногорье Белогорского района – бывшее с. Нейзац). Ряд лютеранских кирх и католических храмов из-за отсутствия религиозных общин в 90-е гг. XX в. передавались в управление православной церкви: католический храм в с. Ароматное Белогорского района (бывшее с. Розенталь), кирхи в с. Золотое Поле Кировского района (бывшее с. Цюрихталь), с. Кольчугино Симферопольского района (бывшее с. Кроненталь), с. Пруды Советского района (бывшее с. Аблеш Немецкий, перестроено в 80-е гг. XX в.), а в с. Ленинское Красногвардейского района (бывшее с. Бютень) в сохранившемся лютеранском комплексе располагается военно-медицинский склад.

Печальна судьба лютеранской кирхи в г. Керчь. Здание являлось одним из лучших евангелическо-лютеранских храмов на полуострове. В 1924 г. кирха была закрыта, в 1931 г. сбит шпиль. После реконструкции в 1932 г. в здании был открыт кинотеатр «Новая заря». В годы Второй мировой войны в церковном дворе перед кирхой проводились захоронения немецких летчиков и моряков. После войны открыли кинотеатр «Родина, захоронения были заброшены. В начале 90-х гг. кинотеатр закрыли, здание передали на баланс городскому роддому. В апреле 1995 г. здание передано в аренду Керченскому

обществу РОНК «Видергебурт». В середине 90-х гг. состоялось перезахоронение немецких солдат и офицеров. Из-за отсутствия средств здание не реставрировалось. Начиная с 1996 г. его систематически стали разбирать местные жители. В настоящее время остался только фундамент.

Другое старейшее лютеранское здание – кирха в Симферополе, построенная в 1840 г. Под предлогом того, что здание подвергалось перестройке и якобы не может считаться культовым, в мае 1996 г. передается Симферопольским горисполкомом в аренду на 25 лет спортивному объединению. И все это произошло после неоднократного обращения (с 1992 г.) немецкой евангелическо-лютеранской общины г. Симферополя к городским властям. Впоследствии в здании церкви открыт спортивный клуб.

Проблема возвращения церковных зданий и поныне остается сложной, а порой после возврата религиозным общинам остро встает вопрос их жизнедеятельности. Немцев-католиков в Крыму очень мало. Известно несколько примеров возврата католическим общинам храмов, связанных с историей немцев. В 90-е гг. в с. Александровка Красногвардейского района храм был возвращен чешской общине (чехи проживали в этом селе с 1863 г. вместе с немцами). Несколько лет назад возвращен храм в с. Кольчугино Симферопольского района, начата его реконструкция.

31 января 1998 г. состоялась I Молодежная конференция, основным итогом которой стало создание Объединения немецкой молодежи «Jugend». Возглавить образованный орган конференция доверила члену Фолькспарламента Елене Горькой.

В течение года реализованы проекты, поддержанные Международным фондом «Возрождение», по изданию учебно-методического пособия по немецкому языку и по развитию воскресных школ в Красногвардейском районе. Летом 1998 г. КБФ «Путь развития» организовал поездку детей крымских немцев из г.г. Симферополь, Феодосия, Алушта, пгт Красногвардейское по городам Германии с изучением традиционного быта и ремесла немцев, побывавших с экскурсиями в Праге и Варшаве.

На 1 января 1998 г. по данным Главного управления МВД в АР Крым в автономии проживало 2593 немца. Несмотря на приток репатриантов в 1990–1999 гг. имеет место и миграционный отток ранее прибывших немцев. Начиная с 1991 и по 1998 г. наблюдается постоянное преобладание убывающих над прибывающими гражданами немецкой национальности. В целом, за отмеченный период прибыло немцев 1678 человек, убыло – 2389.

Годы	Прибыло	Убыло	Прирост
1990	272	185	87
1991	206	208	–2
1992	193	252	–59
1993	242	292	–50

1994	205	346	-141
1995	206	315	-109
1996	140	275	-135
1997	119	220	-101
1998	95	200	-105
1999	–	96	–96

В декабре 1998 г. председателем РОНК «Видергебурт» был избран Виктор Парфиров (Райзер).

1999 г. отмечен структурным ростом культурных организаций в немецкой среде. Активно работают 5 центров встреч в городах Симферополе, Севастополе, Ялте, Евпатория и пгт Красногвардейское, финансируемые напрямую Немецким обществом по техническому содействию немцам за рубежом GTZ, а также 10 центров немецкой культуры. Проводятся различные мероприятия в области немецкой культуры, работают курсы по изучению родного языка.

В апреле 1999 г. в здании Крымского этнографического музея (г. Симферополь) открылась экспозиция «Мозаика культур Крыма», рассказывающая о культуре 13 народов, населяющих крымский полуостров, в том числе представлен комплекс о немцах. Ценность данной экспозиции заключалась в том, что впервые после депортации 1941 г. культура крымских немцев представлена не в отрыве от других народов, а вместе с ними. Формированию коллекции, которая составляла более 200 экспонатов способствовало активное сотрудничество музея и РОНК «Видергебурт» в 1993–1995 гг.

10 июля 1999 г. на VI внеочередной конференции РОНК «Видергебурт» был избран новый председатель организации – Юрий Константинович Гемпель, занимающий должность по настоящее время. В августе того же года прошел фестиваль немецкой культуры в пгт Красногвардейское.

В 1999 г. создано юридическое управление РОНК «Видергебурт», руководитель Г.Ю. Гемпель. В 2000 г. между управлением и адвокатской коллегией г. Франкфурт-на-Майне заключено сотрудничество. Это сотрудничество позволило немцам Крыма решать многие проблемы гражданско-правового характера возникающие между гражданами Украины и Германии.

Важным событием для немцев Крыма было создание в 2000 году в Симферополе Центра немецкого языка и культуры им. Гёте, руководитель Ю.К. Гемпель, который стал местом проведения конференций, круглых столов, методических семинаров и других культурных мероприятий. В центре действовали языковые курсы разных уровней, включая интенсивные и спецкурсы. Преподавателями из ФРГ обучалось 18 групп.

В этом же году увидели свет два издания по истории и культуре немцев Крыма. Реализован проект Этнографического музея и РОНК «Видергебурт», поддержанный в 1998 г. международным фондом «Возрождение» – издание книги «Немцы в Крыму. Очерки истории и культуры», составитель Ю.Н. Лаптев.

Второй проект – «Немецкое население Таврической губернии. Том 1. Аннотированный тематический перечень дел. Канцелярия Таврического губернатора. 1803–1917 гг. Таврическое губернское правление». Это издание стало плодом многолетнего международного сотрудничества Крымского архива и исследовательского института в Германии. В 1995 г. общество «Видергебурт» обратилось в архив подготовить доклад на международную научную конференцию, в которой приняла участие сотрудник архива Кравцова Л.П. К этому времени разработка информационных аспектов, создание базы данных по истории национальных групп входили в планы научно-исследовательской работы государственных архивов в Днепропетровской, Одесской и Херсонской областей совместно с Институтом Германских и Восточноевропейских исследований (Геттинген, Германия). В 1996 г. между Институтом, в лице исполнительного директора доктора А. Айсфельда, и Государственным архивом Крыма, в лице директора Л. В. Гурбовой, было заключено долгосрочное соглашение о творческом сотрудничестве. Архивисты Л. П. Кравцова и Е. В. Каркач начали кропотливый труд по выявлению необходимых документов фонда 26 – «Канцелярия Таврического губернатора» и фонда 27 – «Таврическое губернское правление». После выхода первого тома заключен договор о продлении работы с Институтом культуры и истории немцев Северо-Восточной Европы (Люнебург – Геттинген) и в 2005 г. вышел второй том. В это издание включены дела из фондов 27 – «Таврическое губернское правление» и 71 – «Таврическое отделение Крестьянского поземельного банка», касающиеся применения законов правительства Российской империи о ликвидации землевладения к германским и российским подданным немецкого происхождения в Таврической губернии в период первой мировой и гражданской войн (1914–1920 гг.).

По данным Всеукраинской переписи населения 2001 г. в Крыму с Севастопольским регионом проживало 2790 немцев.

25–26 мая 2001 г. в Киеве состоялся II Съезд немцев Украины, был избран председатель Фольксрата – Г. Г. Гроут, который одновременно являлся лидером Международной общественной организацией «Видергебурт». Делегаты съезда приняли программу этносоциального развития немцев на следующие 4 года.

18 августа 2001 г. немецкие общественные организации отметили 60-летие депортации немцев из Крыма. В Крымском этнографическом музее открылась фотовыставка по истории и культуре немцев Крыма. РОНК «Видергебурт» участвует в разработке законопроектов «О реабилитации депортированных по национальному признаку» юридическое управление РОНК ведет в этом направлении постоянную работу, подготовлен и отправлен в ВР Украины ряд предложений. Управление оказывает содействие немцами Крыма в розыске родственников потерявшихся в годы репрессий, в розыске необходимых документов в архивах Украины, Германии и СНГ. Содействует получению квартир вернувшимся из мест депортации, устройству на работу, поступлению в

ВУЗы Крыма. При поддержке донорских организаций ежегодно оказывается гуманитарная помощь немцам, организуются оздоровительные лагеря для детей и пенсионеров.

С 6 по 10 декабря 2001 г. в Крыму состоялись Дни немецкой культуры, в которых приняли участие творческие коллективы из регионов автономии, а также гости и делегации от национально-культурных объединений Крыма и Украины.

7 декабря в Симферополе состоялось торжественное собрание и концерт художественных немецких коллективов, посвященное 10-летию Общества немцев г. Симферополь, председатель – И.В. Лейсле. Итогом 2001 г. стало решение общества «Видергебурт» начать комплексную подготовку к праздничным мероприятиям, посвященным 200-летию переселения немцев в Крым. РОНК «Видергебурт» является членом Ассоциации национально-культурных объединений Украины.

12 апреля 2002 г. Президиум Фольксрата немцев Украины и Форштант международной общественной организации «Общество немцев "Видергебурт"» учредил знак отличия «Почетный знак МОО "Видергебурт"» 1 и 2 степени, которым награждаются члены общества за особые заслуги по организации системы общественной самоорганизации немецкой диаспоры Украины и защите ее этносоциальных интересов, работу по вопросу полной реабилитации немцев Украины, защиты прав и свобод, чести и национального достоинства, возрождения и развития родного языка, культуры и религии. Среди награжденных немало и крымчан – В.К. Ренпенинг, Ю.К. Гемпель, В.Э. Гречман, А.К. Нусбаум, В.Д. Скрипченко, Г.В. Дробязго, П.Ф. Ильчин, В.А. Кнелъзен, В.А. Шайер, А.А. Цанг, В.Г. Дюкова, Р.Г. Шнайдер, А.Г. Сытник, Р.Я. Берг, Н.А. Прищепа, Г. Руф, Н.В. Никель, Г.П. Бушковский, Г.Ю. Гемпель, Я.Г. Бушковский, В.Д. Деренг, В.Л. Гельмут, В.В. Комисарова-Шлее и В.А. Печковский.

Федеральной национально-культурной автономией российских немцев учреждена награда – Екатерининская медаль, которой в Крыму награжден в 2003 г. главный редактор газеты «Хоффнунг», председатель РОНК «Видергебурт» Ю. Гемпель за выдающийся вклад в дело реабилитации и возрождение немецкой диаспоры в СНГ.

30 августа в Берлине состоялся I учредительный съезд общественных организаций российских немцев Германии, России и Украины. Создана новая форма общественной самоорганизации «российско-немецкого народа» – Международный Конвент российских немцев. В работе Съезда приняли участие 8 общественных объединений в т. ч. 5 из Германии, от России – Федеральная национально-культурная автономия, от Украины – Фольксрат и общество «Видергебурт», от СНГ – Международная Ассоциация ответственных объединений немцев (МА ООН) «Видергебурт». Конвент принял Положение о своей деятельности, Программу и избрал руководящие, исполнительные и контролирующие органы. Отличительной чертой Конвента от множества

других общественных организаций российских немцев стали заявленные в его Уставе и Программе задачи по защите интересов немцев, приехавших на постоянное место жительства в Германию, их обустройство, отстаивание интересов немцев в России, Германии, Украине, Казахстане, Киргизии и т. д. К тому времени в Украине действовало уже несколько объединений, организаций, отстаивающих интересы немцев и развивающих их культуру, имеющих организации в регионах – «Видергебурт», «Землячество», Ассоциация немцев Украины и центры встреч (центры немецкой культуры).

Содействие обустройству, адаптации и интеграции в украинское общество депортированным немцам оказывает Республиканский комитет по делам межнациональных отношений и депортированных граждан Совета министров Автономной Республики Крым. Официальным партнером Правительства Крыма в реализации программы «Обустройство депортированных граждан» является РОНК «Видергебурт», председатель которого состоит членом коллегии Рескомнаца.

12–14 сентября 2002 г. в Верховной Раде АРК проходил круглый стол на тему «Диалог культур: проблемы интеграции в крымском сообществе», организованный Центром этно-социальных исследований при поддержке Посольства ФРГ в Украине, Институтом им. Гёте (г. Киев) и содействии Верховной Рады АРК. В его работе принимали участие общественные немецкие организации.

В 2000–2002 гг. Международным фондом «Возрождение» в рамках Программы «Интеграция в украинское общество крымскотатарского народа, армян, болгар, греков, немцев, подвергшихся депортации» было поддержано развитие 14 этноцентров. По инициативе Игоря Сергеева и Эдуарда Минайкина в с. Кольчугино Симферопольского района был открыт немецкий культурно-этнографический центр – кафе-клуб «Кроненталь».

Вышла книга В. Брошевана и В. Ренпенинга «Боль и память крымских немцев (1941–2001 гг.)».

2003 год ознаменовался активностью региональных подразделений «Видергебурт» и центров немецкой культуры, которые принимали участие во всех культурных мероприятиях, проводимые как в регионе, так и в Крыму. При обществах действуют воскресные школы. Феодосийское немецкое общество «Айнхайт» и культурный центр «Фройндшафт» проводят большую работу среди немцев региона: идет обучение немецкому языку (3 группы), работает воскресная школа, музыкально хоровой ансамбль «Фройндшафт», клуб «Сеньоров». В этом же году свое 10-летие отметило севастопольское городское общество немцев «Возрождение», председатель – В. Деринг. При обществе работает Культурный центр «Немецкий дом – Юг», в структуре которого успешно развивается вокальный коллектив «Heimatsweisen», руководитель – Т. Быстрицкая. Издаётся информационный листок «Немецкий дом – Юг».

18 мая 2003 г. в с. Ароматное (бывшее Розенталь) Белогорского района при активном содействии заместителя главы Белогорской райгосадминистрации

Акима Чолохаева открылся небольшой памятник «Памяти жертв депортации 1941–1944 гг.».

По инициативе РОНК «Видергебурт» 4 сентября Президиум Верховного Совета АРК принял решение «О мероприятиях, связанных с 200-летием поселения немцев в Крыму», утвержден состав республиканского организационного комитета по подготовке и проведению мероприятий.

13 декабря в Крымском центре немецкого языка и культуры им. Гете состоялось заседание Совета председателей региональных обществ МОО «Видергебурт». Принято решение провести основное культурное мероприятие немцев Украины III Всеукраинский фестиваль в 2004 г. в Крыму, приурочив его к 200-летию переселения немцев на полуостров. Немецкие организации, входившие в различные общественные объединения, начали подготовку к проведению мероприятий 200-летия, прошедших в Автономии на протяжении 2004 г. 10 февраля 2004 г. Совет министров АР Крым принял Постановление «О проведении в 2004 г. мероприятий, связанных с поселения немцев в Крыму». 19 февраля в Верховном Совете состоялось совещание членов оргкомитета, в котором приняли участие представители Германии – первый секретарь Посольства ФРГ в Украине Арно Кирххоф, генеральный директор БФ «Общество развития» (г. Одесса) Клаус Фич и референт проектов языкового отдела Гёте-Института (г. Киев) Каспар Хоппе. Собравшиеся обсудили ход подготовки мероприятий, развитие дальнейших взаимоотношений между государствами, состояние культуры в немецкой диаспоре, а также утвердили дату торжественного открытия мероприятий.

В 2004–2005 гг. состоялось более 100 мероприятий – международных, республиканских, городских, районных – посвященных 200-летию поселения немцев на полуострове. Все они проходили под девизом «200 лет вместе с Крымом». Разноплановые мероприятия были подготовлены и проведены на высоком уровне.

19–21 февраля в г. Симферополе на базе школы № 24 Министерства образования АР Крым был проведен всеукраинский конкурс «Учитель года 2004», номинация «Немецкий язык». 6 марта по инициативе БФ «Немцы Крыма» в Симферополе состоялась дружественная встреча немецких творческих коллективов городов Симферополя и Севастополя. Во встрече приняли участие 5 коллективов. 15 апреля в Симферополе в Зеленом театре по инициативе РОНК «Видергебурт», прошел конкурс «Немецкая красавица Крыма 2004». В рамках мероприятия были проведены конкурсы на лучший современный, национальный и вечерний наряд. Девушки рассказывали о немецких традициях. Первое место заняла 22-летняя Елена Кнелъзен из Симферополя.

5 июня в Симферопольском «Хайдельберг-центре» – круга друзей Симферополь – Хайдельберг состоялась встреча Посла ФРГ в Украине Д. Штюдемманна с руководителями немецких общественных организаций Крыма – РОНК «Видергебурт» (председатель Ю. Гемпель), ЗДНК «Ландсманншафт» (председатель

А. Терехов), Объединение немецкой молодежи Крыма «Югенд» (председатель В. Лейсле), КБФ «Путь развития» (директор А. Нусбаум), КРБФ «Немцы Крыма» (председатель правления И. Лейсле), а также директором Симферопольского ЦНК Н. Шмидт и ветеранами трудармейцами. В этот же день в Крымском академическом русском драматическом театре им. М. Горького (г. Симферополь) прошло официальное открытие мероприятий, связанных с 200-летием поселения немцев в Крыму. В зале театра собрались представители и руководители крымских и всеукраинских немецких общественных организаций. С приветственным словом к участникам обратились Председатель Верховного Совета АРК Борис Дейч и посол ФРГ в Украине Д. Штюдеманн. С ответным словом выступил председатель РОНК «Видергербурт» Ю. Гемпель. Торжественную часть продолжили коллективы немецких организаций, порадовав зрителей великолепным выступлением. Изюминкой программы стало выступление известной немецкой певицы Украины Марины Кехтер. В адрес оргкомитета пришли поздравления от немецких общественных организаций Казахстана, России, Литвы, Киргизии, Германии.

С 6 по 10 июня 2004 г. в Судаке проходила международная научная конференция «История немецкой колонизации в Крыму и на юге Украины, XIX–XX вв.». В конференции приняли участие ученые из Германии, России, Польши, Эстонии и Украины, значительное представительство имели и ученые из Крыма. Торжественному открытию конференции (6 июня) предшествовала презентация выставки из фондов Крымского этнографического музея и материалов Государственного архива Крыма. После экспонирования в этнографическом музее (г. Симферополь, 6 июня – 14 июля) выставка экспонировалась по 6 октября в выставочном зале музея «Судакская крепость» (отдел Национального заповедника «София Киевская» (г. Судак). Реализованный выставочный проект был поддержан Гёте-Институтом (г. Киев), а также Институтом культуры и истории немцев Северо-Восточной Европы (Люнебург/Геттинген, Германия), поддержавшим экспедицию Крымского этнографического музея в 2001–2003 гг.

После торжественного открытия конференции состоялось открытие мемориальной доски на бывшем здании лютеранской кирхи в присутствии головы г. Судака Л. Шремфа. Во всех мероприятиях активное участие принимал Посол ФРГ Д. Штюдеманн. Итогом научного форума стал выход в 2007 г. материалов конференции (составитель Ю. Н. Лаптев), выпущенных на средства Республиканского комитета Автономной Республики Крым по делам межнациональных отношений и депортированных граждан.

Открытию доски в Судак предшествовала презентация 20 мая мемориальной доски в Керчи в честь Федора Гросса – художника, археолога и педагога, который с 1862 по 1891 гг. был директором Керченского музея древностей. В 2005 г. на аллее, ведущей к Алупкинскому дворцу-музею была открыта еще одна доска – Карлу Кебаху – садовнику Алупкинського парка, внесшему

весомый вклад в его развитие. Традиция установления мемориальных досок в Крыму будет продолжена и в будущем.

18 августа в Симферополе прошли траурные мероприятия, посвященные 63 годовщине депортации немцев Крыма в 1941 г. По традиции во дворе кирпичи собрались ветераны-трудармейцы. После богослужения и возложения цветков к памяtnому знаку, присутствующие направились на железнодорожный вокзал, где возле памятного знака жертвам депортации прошел траурный митинг. В этот же день в с. Марьяновка Красногвардейского района состоялось открытие памятного знака, посвященного 200-летию поселения немцев, установленного при поддержке А. В. Гунченко и Ш. Г. Хубларяна. Участниками мероприятия заложен сквер «Дружбы».

8 сентября в рамках республиканских мероприятий Совет немцев Крыма РОНК «Видергебурт» приняли участие в празднике немецкой культуры городов Старый Крым и Феодосия. В ходе праздника состоялось награждение активистов общества знаком отличия немцев Крыма «Памятная медаль в честь 200-летия начала переселения немцев из Германии в Крым», учрежденную Советом немцев Крыма. Почетный знак разработали Ю. Гемпель, А. Нусбаум и А. Альберх. Среди награжденных в тот день была и крымчанка, уроженка села Цюрихталь, трудармейка, учительница немецкого языка Ирма Тарусова-Илле. К настоящему времени памятной медалью награждено более 130 человек за особые заслуги перед немецкой диаспорой Крыма, возрождение и развитие немецкого языка, культуры и религии.

С июля по сентябрь 2004 г. в органном зале «Ливадия» (г. Ялта) проходил I Международный фестиваль органной музыки. Завершились мероприятия, посвященные 200-летию переселения немцев в Крым 8–9 октября проведением I Международного (III Всеукраинского) фестиваля немецкой культуры, в рамках которого проводился детский и молодежный фестиваль. Благодаря поддержке Правительства Автономной Республики Крым и БФ «Общество развития» (г. Одесса) на фестивале собрались более 650 представителей немецкого меньшинства из всех областей Украины и стран СНГ. Большую часть участников составляли коллективы Крыма. Своими выступлениями особенно запомнились – народный коллектив «Зинден дер херцен» (г. Симферополь, руководитель Н. Прищепа); народный коллектив «Нахтигаль» (г. Симферополь, руководитель Н. Шмидт); народный молодежный коллектив «Югенд» (г. Симферополь, руководитель Н. Баландина); народный коллектив «Глюк» (г. Красноперекопск, руководитель И. Камалов); народный коллектив «Фройндшафт» (г. Феодосия, руководитель А. Новоселов); ансамбль «Моргенрете» (г. Ялта, руководитель В. Эмрих); народный коллектив «Эдельштайн» (г. Феодосия, руководитель Отрешко); народный коллектив «Хайматвайзе» (г. Севастополь, руководитель Т. Быстрицкая).

9 октября в Крымском украинском театре драмы и музыкальной комедии (г. Симферополь) прошел заключительный гала-концерт участников фестивалей.

Приветствовали собравшихся Заместитель Председателя Верховного Совета АР Крым Ильми Умеров, Посол ФРГ в Украине Дитмар Штюдемманн, Председатель Госкомнаца Украины Геннадий Москаль и другие официальные лица. В течение двух часов на сцене театра сменяли друг друга замечательные коллективы немецких общественных организаций, в концерте приняли участие 37 коллективов и исполнителей. В заключение вечера всем участникам в торжественной обстановке были вручены дипломы участников фестиваля и призы от спонсоров. 10 октября в Зеленем театре г. Симферополе состоялось подведение итогов основных мероприятий прошедших в рамках празднования 200-летия. Лучшие коллективы были удостоены дипломов, наиболее активные члены немецких объединений награждены медалями в честь 200-летия переселения немцев в Крым. Концерт последовавший за торжественной частью перерос в народное гулянье, с которого иногородние коллективы с самыми теплыми воспоминаниями уезжали из Крыма.

Проведение мероприятий, посвященных 200-летию, способствовало поддержке многих проектов по развитию немецкой культуры: гастроль Оркестра юных аккордеонистов из Баварии, выставка «Вильгельм Кизеветтер. Художник и этнограф», факсимильные репродукции 37 картин художника прибыли на полуостров из собрания Берлинского музея европейской культуры, выделение комплекта техники для немецкой редакции ГТРК «Крым», поддержка съемки фильма «Немцы Крыма. Вчера, сегодня, завтра» (автор В. Ижболдин), издание газеты «"Фокус": Германия–Крым». Международный фонд «Возрождение» поддержал реализацию издательского проекта «В крымском доме. Немцы», авторы Е. Куценко, Ю. Лаптев, Т. Салистая-Григорян, поддержанный РОНК «Видергебурт». Альбом включил в себя очерк по истории крымских немцев, описание праздников, пословицы; издан на трех языках: немецком, русском и украинском, что сделало его доступным для всех.

Надо отметить, что Крым в 2003–2004 гг. представляет центр развития немецких этнических средств массовой информации: обществом «Видергебурт» издается газета «Hoffnung», Землячеством с периодичностью выпускается газета «Landmannschaft», в Симферополе находятся редакции газет немцев Украины «Deutschen немецкий KANAL», с июня 2002 г. – редакция всеукраинской немецкой молодежной газеты «Jugendwelt», а также веб-дизайн группа, обслуживающая информационный портал немецкой молодежи Украины. В структуре ГТРК «Крым» успешно работают немецкая ТВ редакция и радио. В 2004–2005 гг. при поддержке Гёте-Института и ООО «Немецкая строительная компания» КРБФ «Немцы Крыма» издавалась общественно-политическая газета «"Фокус": Германия–Крым», которая впоследствии приобрела формат цветного журнала.

23–24 октября Объединение немецкой молодежи Крыма «Югенд» провела I Крымскую конференцию, посвященную вопросам дальнейшего развития немецкого молодежного движения. Объединение имело 15 филиалов в городах

и районах автономии и входило в состав объединения «Немецкая молодежь в Украине».

2005 г. также ознаменовался проведением ряда культурных акций, традиционных мероприятий. Вышла книга уроженки Крыма, проживающей с 1995 г. в Германии, члена «Исторического научно-исследовательского общества немцев из России» Гильды Рисс «Крым – наша Родина. Депортация немцев в 1941, 1944 гг.»

17 августа 2005 г. в Ливадийском дворце состоялся круглый стол на тему «Государственная этнонациональная политика Украины. Крымское измерение». В круглом столе приняли участие представители Совета министров и Верховного Совета АР Крым, ученые, политики, политологи и председатели национально-культурных обществ Крыма и Украины. Председатель республиканского общества немцев Крыма Юрий Гемпель напомнил о необходимости защиты интересов немцев, депортированных с других территорий и проживающих сегодня в Крыму. 18 августа РОНК «Видергебурт» провел в с. Кольчугино Симферопольского района траурные мероприятия по случаю годовщины депортации. В центре села на личные средства членов общества был открыт памятный знак депортированным немцам (макет Ю. Гемпель, А. Нусбаум).

10 сентября в Ялте евангелическо-лютеранская община отметила 120 лет кирхе Святой Марии. С 11 по 17 сентября обществом культурного сотрудничества «Ялта – Мюнхен» в Ялте проведен Фестиваль «Мы вместе», в котором приняли участие немецкие коллективы.

17 сентября в с. Золотое Поле (бывшее Цюрихталь) прошел международный праздник, посвященный 200-летию основания села. История села интересна. Оно было основано в 1805 г. швейцарскими переселенцами, выходцами из немецкоязычной Швейцарии, в большинстве своем из кантона Цюрих. Две деревни в Украине – Цюрихталь и Шабо в Бессарабии – и по сегодняшний день являются немymi свидетелями истории переселения швейцарцев в Российскую империю. Инициатором проведения праздника выступило Посольство Швейцарии в Украине, координатор от Посольства – журналист Норберт Рюче. В ходе подготовки и проведения праздника на средства Швейцарии в Золотом Поле открылась мемориальная доска на здании бывшей кирхи, в школе отремонтировано и оснащено два класса. Открыт единственный в Украине музей «Цюрихталь. История и культура швейцарцев в Крыму», руководитель проекта Ю.Н. Лаптев, художник Е.А. Мельниченко, экспозиционная группа: Е.А. Прокофьева, В.И. Паращук и Норберт Рюче (проект реализован Крымским этнографическим музеем и Государственным архивом при поддержке Посольства Швейцарии в Украине). Завершился праздник концертом на сельской площади. В празднике участвовали гости из Швейцарии, делегация возглавлял Посол Швейцарии в Украине Кристиан Фесслер.

В июне 2006 г. в Крымском этнографическом музее состоялось открытие новой экспозиции «Мозаика культур Крыма». На площади более 500 м² можно

познакомиться с хозяйственной деятельностью, материальной и духовной культурой, праздниками, традициями и обрядами девятнадцати народов Крыма, в том числе немцев и швейцарцев.

18–19 августа крымские немцы отметили 65-летие депортации из Крыма. В Симферополе прошел митинг памяти и скорби у мемориала жертв депортации в парке «Салгирка», возложение цветов к памятному знаку на перроне железнодорожного вокзала и памятному знаку в с. Кольчугино. Днем позже митинг памяти прошел в Феодосии. На фасаде городского железнодорожного вокзала установлен памятный знак.

Летом состоялось два товарищеских матча по футболу со сборной армян Крыма и Совета министров АР Крым.

2007 и 2008 годы ознаменовались проведением на полуострове нескольких запоминающихся культурных мероприятий. С 14 по 16 сентября 2007 г. в Евпатории прошел Всеукраинский фестиваль немецкой культуры «Зонненштраль-2007» («Солнечный луч»), организованный Ассоциацией немцев Украины при поддержке БФ «Общество развития», Посольства Германии, Гете-института и Украинско-немецкого форума. В дни фестиваля состоялось выступление коллективов из всех областей Украины. Апофеозом праздника стал гала-концерт и красочное шествие участников праздника в национальных костюмах.

В ноябре 2007 г. в Симферополе РОНК «Видергебурт» провел фестиваль немецкой культуры при поддержке Государственного комитета Украины по делам межнациональных отношений и религии и Республиканского комитета АР Крым по делам межнациональных отношений и депортированных граждан. Гала-концерт состоялся на сцене Русского театра. Его изюминкой стал конкурс «Немецкая красавица-2007», в котором приняли участие очаровательные юные крымчанки, в сердцах которых живет немецкая культура. Учрежден нагрудный знак за активное участие в работе общества «Знак признательности».

20–21 сентября 2008 г. в Ялте прошел Всеукраинский фестиваль немецкой культуры «Фройндшафтфест-2008» («Фестиваль дружбы»), организованный Советом немцев Украины при поддержке БФ «Общество развития», Министерства культуры и туризма Украины, а также Государственного комитета Украины по делам национальностей и религии. Фестиваль открылся концертом на центральной площади города, на набережной Ялты состоялось шествие участников, а гала-концерт прошел в знаменитом концертном зале «Юбилейный».

В ноябре–декабре в Симферополе состоялся Фестиваль немецкой культуры, организованный РОНК «Видергебурт». В рамках фестиваля прошло несколько важных мероприятий: круглый стол «Проблемы и перспективы развития немецкой этнической группы Крыма» и гала-концерт.

За многолетние годы работы члены общества «Видергебурт» отмечены государственными почетными знаками, знаками отличия Автономной

Республики Крым, благодарностями и грамотами. Почетными знаками Государственного комитета Украины по делам национальностей и религии награждены Ю.К. Гемпель, В.А. Кнельзен, звание Заслуженный работник культуры Украины присвоено Ю.К. Гемпель, Заслуженный работник Агропромышленного комплекса Украины имеет Г.П. Бушковский, Заслуженный работник культуры АР Крым Н.А. Прищепа, Заслуженный художник АР Крым А.А. Цанг. Почетная грамота Президиума Верховного Совета АР Крыма вручены Г.Ю. Гемпель и М.В. Кехтер, грамотами Совета министров АР Крым награждены А.К. Нусбаум, В.Д. Скрипниченко и В.В. Комисарова-Шлее. Лауреатом ряда премий Совета министров Крыма является член Союза архитекторов России и Украины, член Союза художников России, первый председатель общества «Возрождение» – Г.В. Шауфлер.

В настоящее время интересами немцев Украины, популяризацией и возрождением культуры занимаются несколько всеукраинских общественных организаций: МОО Общество немцев «Видергебурт», Ассоциация немцев Украины, Совет немцев Украины и молодежное объединение немцев. Впереди большая работа в деле объединения и самоорганизации немцев, реабилитация всех немцев, живущих в Украине, сохранение и популяризация культуры.

А.А. Герман (Саратов)

Депортация немцев Поволжья осенью 1941 г.

В 2011 г. исполняется 70 лет событию, оставившему глубокую незаживающую рану в судьбе этнических немцев России. Речь идет о депортации, которая, наряду с последующей мобилизацией в «Трудовую армию» и введением режима спецпоселения неузнаваемо изменила жизнь подавляющего большинства немецкого населения, положило начало долгим годам их национальной дискриминации.

О причинах депортации. 31 июля 1941 г., когда война уже второй месяц шла по территории СССР, в столице АССР немцев Поволжья г. Энгельсе происходил судебный процесс, во всех отношениях необычный. Рассматривалось дело заведующего овцетоварной фермой колхоза им. Куйбышева Старо-Полтавского кантона И. Белоусова, которому вменялся в вину «шовинистический выпад против немцев, живущих в СССР». Суть дела состояла в том, что И. Белоусов в пьяном виде оскорбил своих сослуживцев-немцев, назвав их фашистами. Верховный Суд АССР НП приговорил И. Белоусова к шести годам лишения свободы с последующим «поражением в правах» на 2 года².

Судебный процесс получил широкую огласку, и приговор был, несомненно, суров. Разумеется, в условиях войны в тоталитарном государстве ни сам процесс, ни столь суровый приговор обвиняемому не могли бы состояться без санкции высшего руководства страны.

В данном случае преследовались вполне определённые политические цели. Не только в СССР, но и за рубежом, прежде всего в Германии, люди должны были знать, что в советском социалистическом государстве немецкий фашизм и простых тружеников – немцев не отождествляют, что, несмотря на войну с Германией, советские немцы защищены законом, что интернационализм по-прежнему является важнейшим атрибутом советского образа жизни. То есть судебный процесс, по замыслу его организаторов, должен был внести свою лепту в широкую и массированную контрпропагандистскую кампанию, направленную советским руководством на Германию и её вооружённые силы в первые два месяца войны³. В этой кампании советские немцы и Республика немцев Поволжья играли роль козырной карты.

² Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 4807 г. Л. 384–385.

³ Подробнее см.: «Поверните ваше оружие...» (Использование поволжских немцев в контрпропаганде на население и вооружённые силы Германии летом 1941 г. / Публикация документов А. А. Германа // Военно-исторические исследования

Шли дни и недели. «Трудящихся» Германии почему-то не прельщала «счастливая, радостная и зажиточная жизнь немцев Поволжья», они не спешили свергать у себя «фашистское иго», как к тому призывали многочисленные воззвания «граждан Немреспублики», штамповавшиеся в партийных органах. В течение июля и августа германская армия продолжала мощное наступление, захватывая всё больше и больше советских территорий. Постепенно фронт приближался к Волге. Стало ясно, что контрпропагандистская кампания провалилась. Примитивные приемы сталинских идеологов не сработали, в том числе и использование немецкой автономии на Волге в качестве «витрины социализма».

Вместе с тем в донесениях партийных и специальных органов, поступавших из АССР НП лично И. Сталину и Л. Берии, нет-нет да и проскальзывала информация об «антисоветских», «пораженческих», «фашистских» высказываниях отдельных граждан. Это вызывало сильнейшее раздражение советских руководителей.

Быстро припомнилась общая нелояльность этнических немцев к большевистской власти, довольно заметно проявлявшаяся в предшествующие годы существования большевистского режима. Сопротивление немцев режиму закрепило за ними у советского руководства стойкий имидж нелояльного социализму и власти народа. Вряд ли стоит сомневаться, что это сыграло не последнюю роль при принятии решения о депортации немцев из Поволжья в 1941 г.

С началом войны и особенно после первых серьезных поражений, повлекших за собой потерю огромных территорий, в сознании советского руководства и лично И. В. Сталина все более реальным и грозным стал представляться образ немецкой «пятой колонны» в СССР.

В ходе боёв и последующей оккупации Причерноморья и некоторых других регионов отдельные факты поддержки этническими немцами оккупантов, их сотрудничества с оккупационными властями в установлении «нового порядка» имели место¹, о них информировалось и советское руководство².

в Поволжье. Выпуск 2. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1997. С. 274–294; Герман А.А. Большевистская власть и немецкая автономия на Волге. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2004. С. 345–347.

¹ Как правило, на сотрудничество с оккупантами шли люди, жестоко пострадавшие от советской власти в годы коллективизации и массовых репрессий 1930-х гг. См.: Семиряга М. И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявление в годы Второй мировой войны. М., 2000. С. 98, 99, 390; Соловйов О.В. Діяльність Гітлерюгенду серед українських фольксдойче // Вопросы германской истории: Сб. науч. тр. / Ред. кол.: С.И. Бобылева (отв. ред.) и др. Днепропетровск, 2002. С. 120; Gerlach H. Die Rußlandmennoniten. Ein Volk unterwegs.– Kirchheimbolanden, 1992. S. 94 и др.

² См., например: Донесение командования Южного фронта Верховному главнокомандующему И.В. Сталину и Главному Южного направления С.М. Будённому от 3 августа 1941 г. // Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне: Сборник документов. Т. 1. Кн. 2. Начало. 22 июня – 31 августа 1941 г. М.: «Русь»,

В конце концов весь комплекс негативной информации о «своих» немцах подвиг советское руководство на практическое осуществление депортации немцев. Это была характерная для сталинского режима перестраховочная мера, казавшаяся оправданной с точки зрения стратегических интересов государства и власти. При этом неизбежные негативные последствия для судеб тысяч конкретных людей – жертв этой акции, в расчет не принимались. Так большевистская власть многократно поступала и раньше³, однако на этот раз масштабы проводимой акции оказались беспрецедентными.

Подготовка к депортации. Депортационное законотворчество власти. Длительное время из-за отсутствия доступа к закрытым архивным фондам считалось, что единственным документом, на основании которого было осуществлено выселение немцев Поволжья, является Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». Однако любой специалист, хорошо знакомый с большевистско-советской системой законотворчества, знает, что первоначальные решения по любому вопросу жизнедеятельности государства и общества принимали партийные органы и лишь затем они «оформлялись в советском порядке», то есть им придавался характер государственного решения. Следовательно, такое важное решение как депортация сотен тысяч людей из Поволжья первоначально должен был принимать высший партийный орган, осуществлявший в то время реальное управление страной – Политбюро ЦК ВКП(б). Так оно и оказалось. Разновидностью отмеченной выше системы законотворчества были совместные партийно-советские постановления. Именно в таком виде оформлялось решение о выселении немцев Поволжья.

В 1991 г. профессор Н.Ф. Бугай в одной из своих публикаций назвал в качестве документа, положившего начало подготовки и проведения депортации постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) № 2060 сс от 12 августа 1941 г., заметив, что оно пока не найдено⁴. К сожалению, другие исследователи де-

2000. С. 447–448. Примечательна резолюция И.В. Сталина на этом документе (бланке шифротелеграммы): «Товарищу Берия. Надо выселить с треском. И.Ст.». Ясно, что такое эмоционально-жесткое указание вождя и руководителя государства в отношении немецкого населения в условиях чрезвычайной ситуации не могло быть не исполнено.

³ В 1918 г. по инициативе С. Орджоникидзе из станиц Сунженской линии были выселены терские казаки, а их земля передана ингушам и чеченцам; в 1920-е годы из Средней Азии были выселены многие русские семьи, а их земля передана местному населению; в начале 1930-х гг. в отдаленные районы СССР были переселены многие тысячи раскулаченных крестьянских семей; в 1936 г. из западных приграничных регионов в Казахстан было переселено 15 тыс. польских и немецких семей; в конце 1930-х гг. из приграничных регионов Дальнего Востока в Казахстан были переселены этнические корейцы и т.д.

⁴ См.: Бугай Н. Ф. 40-е годы: «автономию немцев Поволжья ликвидировать...» // Истории СССР. 1991. № 2. С. 173.

портации поволжских немцев приняли это утверждение за аксиому. Это отнесито и к автору настоящей статьи⁵. Однако, проведенное нами позднее фронтальное обследование протоколов заседаний Политбюро ЦК ВКП(б) и Особых папок Политбюро за 1941 г. позволяет уверенно утверждать, что постановления от 12 августа 1941 г. о немцах Поволжья не существовало, и вообще, в этот день, накануне и позднее, вплоть до 26 августа, вопрос о депортации поволжских немцев на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) не рассматривался.

Постановление под номером, указанным Н.Ф. Бугаевым существует, но оно от 12 сентября 1941 г. и называется «О расселении немцев Поволжья в Казахстане»⁶. О нём речь еще будет идти ниже. Таким образом, ошибка в месяце принятия указанного выше постановления и незнание его содержания внесли существенную путаницу в представления о механизме подготовки и проведения депортации.

Первым документом, поставившим крест на судьбе Республики немцев Поволжья стало Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 26 августа 1941 г. «О переселении немцев из республики немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей в другие края и области»⁷.

Некоторые историки утверждают (к сожалению, без ссылки на документы), что принятию решения о депортации немцев из Поволжья предшествовали визиты в Немреспублику в июле 1941 г. Л. Берии и В. Молотова и встреча их с партийным руководством автономии, в результате которых и был якобы сделан вывод о необходимости депортации немцев Поволжья⁸. Автору настоящей статьи не удалось найти документального подтверждения этим фактам. Более того, тщательный анализ документов ЦК ВКП(б), обкома ВКП(б) АССР НП периода июля–сентября 1941 г., как и документов 4-го спецотдела МВД СССР, ведавшего вопросами спецпереселений, позволяет выразить серьезные сомнения относительно того, что такой факт (визит Л. Берии и В. Молотова в АССР НП) вообще имел место.

Несомненно, что в высшем руководстве страны идея депортации немцев из Поволжья созрела раньше 26 августа, однако местным органом власти, в том числе и управлением НКВД до середины последней декады августа никакой информации об этом не сообщалось. Это видно хотя бы из того, что 14 августа 1941 г. Нарком внутренних дел АССР НП майор госбезопасности

⁵ См.: *Герман А.А. Немецкая автономия на Волге...* Часть 2... С. 283.

⁶ См.: Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 1042. Л. 20.

⁷ См.: Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 9479. Оп. 1. Д. 85. Л. 1–6. Постановление опубликовано. См.: Герман А. А. История Республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. М., 1996. С. 229–233.

⁸ См.: *Бугай Н. Ф.* 40-е годы: «автономию немцев Поволжья ликвидировать...». С. 173; Кичихин А. Советские немцы: откуда, куда и почему? // Военно-исторический журнал. 1990. № 9. С. 33.

В. Губин представил на утверждение бюро обкома ВКП(б) Немреспублики список сотрудников, рекомендовавшихся им на должности начальников кантональных отделов милиции, которые одновременно становились заместителями начальников НКВД (в связи с объединением НКВД–НКГБ). Из 19 кандидатур – 11 являлись немцами. Следовательно, 14 августа майор В. Губин ещё и не подозревал о существовании в верхах решения о депортации немцев из Поволжья⁹. В этой связи вызывают сомнения воспоминания некоторых переселенцев о том, что о предстоящем переселении им было известно за несколько месяцев до опубликования Указа от 28 августа¹⁰.

Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 26 августа 1941 г. весьма пространно (на шести листах) и, вместе с тем, предельно конкретно. В первом же пункте без всяких предисловий и объяснений указано:

«1. Переселить всех немцев из Республики немцев Поволжья и из областей Саратовской и Сталинградской в следующие края и области:

Красноярский край	– 70000 чел.
Алтайский край	– 91000 чел.
Омская обл.	– 80000 чел.
Новосибирская обл.	– 92000 чел.
К(азахская) ССР	– 100000 чел.,

в том числе:

Семипалатинская обл.	– 10000 чел.
Акмолинская обл.	– 20000 чел.
Северо-Казахстанская обл.	– 20000 чел.
Кустанайская обл.	– 16000 чел.
Павлодарская обл.	– 18000 чел.
Восточно-Казахстанская обл.	– 16000 чел.

Переселению подлежат все без исключения немцы, как жители городов, так и сельских местностей»¹¹.

Во втором пункте постановления руководство переселением немцев возлагалось на НКВД СССР, ему предоставлялось право «привлекать к работе по переселению» другие наркоматы: Земледелия, Совхозов, а также Переселенческое Управление при Совнаркоме СССР.

Далее в постановлении определялся механизм переселения, порядок организации и проведения его основных этапов, задачи наркоматов, их отделов и ведомств, местных органов власти по осуществлению депортации немцев Поволжья.

Переселение на новые места надлежало осуществлять как путём «довселения целых колхозов в существующие колхозы и совхозы, так и путём

⁹ См.: ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4807 г. Л. 276; Д. 5034. Л. 15–19.

¹⁰ См.: Иосиф Сталин – Лаврентию Берию: «Их надо депортировать»: документы, факты, комментарии / Вступ. ст., сост., послесл. Н. Бугай. М.: Дружба народов, 1992. С. 7, 40.

¹¹ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 85. Л. 1.

отдельного расселения переселяемого колхоза». Для этого предписывалось использовать все пустующие дома в сельских местностях, при необходимости «уплотнять» живущих там людей. Предлагалось также производить строительство новых домов силами самих переселенцев. Городских жителей можно было поселять в районных центрах и всех городах, за исключением областных.

Переселяемым разрешалось брать с собой личное имущество, мелкий сельскохозяйственный и бытовой инвентарь, продовольствие, всего весом до одной тонны на семью. Принадлежавшие же им постройки, сельхозорудия, скот и зернофураж должны были оставаться на месте и сдаваться по оценочному акту специальным комиссиям. Оставленное недвижимое имущество, продовольствие и скот (кроме лошадей) подлежало «восстановлению» колхозу, колхозникам и единоличникам на новом месте по специальным обменным квитанциям, «за вычетом полного покрытия обязательств по государственным поставкам за 1941 г. и недоимок прошлых лет».

Народный комиссариат заготовок должен был принять от выселяемых хозяйств зерно, фураж и другие продовольственные культуры и компенсировать их путём выдачи «натурой» на новых местах поселения такой же сельхозпродукции, но не более трёх центнеров на человека. Народным комиссариатам земледелия, молочной и мясной промышленности надлежало организовать приём и временное содержание оставляемого переселенцами скота, при этом разрешалось для ухода за скотом привлекать студентов сельскохозяйственных вузов и техникумов, учащихся школ, а также, в порядке трудовой повинности, колхозников близлежащих немемецких колхозов. Эти же наркоматы в местах вселения в течение 1941–1942 гг. должны были обеспечить переселяемых колхозников и колхозы скотом. Разрешалось взамен взрослого скота выдавать переселяемым молодняк с денежной компенсацией за разницу стоимости взрослого скота и молодняка.

На партийных и советских руководителей Казахстана и всех упоминавшихся в п. 1 постановления краёв и областей, куда должны были переселяться немцы, возлагалась задача организации приема переселенцев на станциях разгрузки, перевозки их до места расселения и обустройства их в городах и селах. При этом разрешалось мобилизовывать нужное количество авто- и гужевого транспорта для перевозки переселенцев.

Питание и медицинское обслуживание переселяемых в пути возлагалось соответственно на Наркомторг и Наркомздрав СССР. На проведение всей операции НКВД СССР получал аванс – 20 млн. руб. из резервного фонда Совнаркома СССР.

Пункт 17 постановления гласил: «К переселению приступить с 3 сентября 1941 г. и закончить 20 сентября 1941 г. НКВД СССР к 1 сентября представить в СНК СССР и ЦК ВКП(б) план переселения, предложения о материально-

техническом обеспечении жилищного и хозяйственного строительства для переселяемых колхозов»¹².

Следующий пункт постановления определял: «перевозку переселяемых из Республики немцев Поволжья и Саратовской области произвести по железной дороге, а из Сталинградской области – водным путём через Гурьев». Соответственно, народные комиссариаты путей сообщения, морского флота и речного транспорта получили задачу произвести перевозку всех переселяемых в срок с 1 сентября по 16 октября, организовав подачу вагонов и паромов по графику, составленному совместно с НКВД¹³.

В заключение постановления Совнарком РСФСР и Переселенческое управление при Совнаркоме СССР обязывались в трёхдневный срок представить в Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) предложения о порядке использования остающегося после переселения немцев из Поволжья имущества «в целях расселения колхозников, эвакуируемых из фронтовой полосы»¹⁴.

В качестве приложения к постановлению Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 26 августа ведомством Л. Берии были разработаны и утверждены высшими партийным и советским исполнительными органами «Инструкция по проведению переселения немцев, проживающих в АССР немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областях»¹⁵ и «План переселения жителей немецкой национальности из Республики немцев Поволжья, Сталинградской и Саратовской областей»¹⁶. Эти документы, во многом повторяя постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б), в ряде моментов уточняли и конкретизировали его.

Инструкция, в частности, определяла:

непосредственное проведение операции по переселению возлагается на оперативные группы сотрудников НКВД и милиции, подчинённые ответственному руководителю операции по району (представитель НКВД СССР). К оперативным группам придаются специальные войсковые подразделения. Руководитель операции по району создаёт из выделенных ему сотрудников оперативные группы соответственно количеству колхозов и населения в районе;

оперативные группы приступают к подготовительной работе по переселению (составлению списков переселяемых, сбору и упаковке вещей, приёму имущества, остающегося на хранение представителям местных советов трудящихся) одновременно – 30 августа 1941 г.;

начальники оперативных групп районов за три дня до отправки переселяемых передают представителям местных органов власти, привлекаемым к

¹² ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 85. Л. 6.

¹³ См.: Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ См.: Там же. Л. 7–11. Инструкция опубликована. См.: Герман А. А. История Республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. С. 233–236.

¹⁶ См.: Там же. Л. 12–16.

проведению операции, списки лиц, подлежащих переселению, для объявления переселяемым под расписку и предупреждение о подготовке к отправке. Извещение об этом должно быть произведено каждой переселяемой семье в отдельности. Сбор всякого рода собраний и коллективное обсуждение вопросов, связанных с переселением, жителям, подлежащим переселению, не разрешается;

члены семей, не являющиеся по национальности немцами, переселению не подлежат, но могут по их согласию следовать с остальными членами семьи;

если отдельные члены семей, подлежащие переселению, в момент отправки отсутствуют (находятся в командировке, на излечении и т. п.), по возвращении они направляются к месту нового жительства семьи;

члены семей военнослужащих Красной Армии рядового состава подлежат переселению на общих основаниях. Им должно быть предоставлено в местах расселения преимущество в первоочередном хозяйственном и бытовом устройстве;

в отношении сотрудников НКВД – немцев по национальности вопрос должен разрешаться персонально в НКВД СССР по представлению местных управлений НКВД;

переселяемым должен быть предоставлен определённый до отправки срок для сбора, упаковки и реализации имущества и других дел, связанных с переселением;

начальники оперативных групп НКВД в районах должны составить чёткий план вывоза переселяемых к месту погрузки, увязав его с графиком подачи эшелонов и водного транспорта, при этом должны быть исключены простои подвижного состава;

для перевозки женщин и детей переселяемых, а также для доставки вещей необходимо использовать колхозный транспорт (автомашины, лошадей);

все личные вещи, принадлежащие переселяемым и отправляемые в выделенных багажных вагонах, должны быть маркированы. Для приёма и выдачи багажа следует выделить специальных ответственных лиц из числа переселяемых;

списки подлежащих переселению составляются начальниками оперативных групп НКВД района в 3-х экземплярах: для начальника эшелона, местного исполкома Советов трудящихся и представителю НКВД;

начальники областных управлений НКВД назначают из числа оперативного состава НКВД начальника эшелона и заместителя – среднего командира конвойных войск НКВД, в качестве оперативного резерва на каждый эшелон назначается по 22 бойца конвойных войск;

в местах погрузки на железнодорожных станциях и пристанях должно быть организовано размещение и обслуживание переселяемых до прибытия подвижного состава либо водного транспорта;

в указанных выше местах назначаются начальники погрузочных пунктов из состава сотрудников транспортных органов НКВД, которые несут ответственность за своевременную подачу эшелонов, погрузку людей, имущества и отправление эшелонов по установленному графику;

переселяемые должны быть предупреждены, что им следует брать с собой запас продовольствия из расчёта на 20 дней. Питание переселяемых в пути следования производится в специально установленных пунктах в железнодорожных и водных буфетах. Горячая пища выдаётся один раз в сутки и кипятки – два раза в день – бесплатно. Оплату за питание производит начальник эшелона;

УНКВД выдают начальникам эшелонов аванс на расходы по питанию переселяемых и другие нужды (телеграфные и т. п.), исходя из продолжительности нахождения эшелона в пути;

каждый эшелон должен сопровождаться медперсоналом в составе: врача, двух медсестёр в специально отведённом санизоляторе. Медикаменты и необходимый инструментариий выделяется органами Наркомздрава;

при проведении операции по переселению в городах, кроме указанных выше мероприятий, необходимо: тщательно установить адреса лиц, подлежащих переселению, составить порайонный план вызова, увязав его с графиком подачи подвижного состава или водного транспорта, оформить опечатывание квартир переселяемых, а также передачу остающегося нереализованного имущества под ответственность домоуправлений;

для создания централизованного учёта переселяемых организовать в местах отправления (в областных и республиканских центрах), а также в местах расселения – справочные картотеки¹⁷.

План переселения жителей немецкой национальности Поволжья, повторяя постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 26 августа, определял какое количество людей, откуда и куда переселить, правила приема и хранения оставляемого имущества, график перевозки в эшелонах и водным транспортом, порядок встречи эшелонов и распределения переселяемых в новых местах жительства. В нём содержались и некоторые конкретные данные. В частности, указывалось:

для руководства операцией по переселению немцев в Республику немцев Поволжья, Саратовскую и Сталинградскую области направлена оперативная группа НКВД во главе с заместителем Народного комиссара внутренних дел СССР И. Серовым;

для проведения операции по переселению командированы: в Республику немцев Поволжья 1200 сотрудников НКВД, 2000 работников милиции; в Сталинградскую область – 100 сотрудников НКВД, 250 работников милиции; в Саратовскую область – 250 сотрудников НКВД, 1000 работников милиции;

¹⁷ См.: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 85. С. 7–11.

для войскового обеспечения операции по переселению немцев в Немреспублику, Саратовскую и Сталинградскую области направлены войска НКВД в количестве: в АССР НП – 7250 красноармейцев, в Саратовскую область – 2300 красноармейцев, в Сталинградскую область – 2000 красноармейцев;

переселенцы будут перевозиться в 198 эшелонах, в каждом эшелоне 65 вагонов по 40 человек в вагоне. Общее количество вагонов для перевозки составляет – 12 875. Из Сталинградской области 24700 человек будут перевозиться водным транспортом до Астрахани, от Астрахани пароходом до Гурьева и далее по железной дороге к местам расселения¹⁸.

Следует особо отметить, что в тот же день, 26 августа, в Немреспублику и соседние с ней области, откуда надлежало выселять немцев, были направлены части войск НКВД:

в г. Энгельс – 32-й полк оперативных войск (1500 чел.), 174-й и 175-й отдельные батальоны оперативных войск (соответственно 400 и 500 чел.), резервная группа войск (1 тыс. чел.), 226-й и 240-й полки конвойных войск (по 1500 чел. каждый), 60-й полк внутренних войск (600 чел.) и батальон от 29-й бригады внутренних войск (500 чел.);

в Саратов – 238-й полк конвойных войск (1000 чел.) и курсанты местного военного училища НКВД (1300 чел.);

в Сталинград – 33-й полк оперативных войск (1500 чел.) и 230-й полк конвойных войск (1000 чел.). Таким образом, к участию в операции по переселению немцев из Поволжья привлекалось 12 350 человек личного состава различных частей и подразделений войск НКВД¹⁹. Никаких танков и артиллерии при выселении не использовалось, как об этом пишут в своих воспоминаниях некоторые выселенцы²⁰.

Начальниками войсковых групп были назначены: в Энгельс – комбриг Кривенко, в Саратов – полковник Воробейков, в Сталинград – комбриг Сладкевич. Общее руководство частями войск НКВД, задействованными на обеспечении операции по переселению немцев из Поволжья, возлагалось на генерал-майора Ачкасова, который поступал в непосредственное подчинение заместителю Наркома внутренних дел И. Серову.

О том, что войска направлены в Энгельс, Саратов и Сталинград именно 26 августа, доложил Наркому внутренних дел СССР Л. Берии исполнявший обязанности начальника войск НКВД СССР генерал-майор Аполлонов²¹. То есть отправка войск в районы выселения немцев была осуществлена до официального введения в действие постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 26 августа или по крайней мере одновременно с ним. Таким образом, с

¹⁸ См.: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 85. Л. 12–16.

¹⁹ См.: Там же. Л. 17.

²⁰ См.: Deportation aus Bangerdt, kanton Kukkus // Heimatbuch der deutschen aus Rußland. 1973–1981. Stuttgart, 1981.– S. 37.

²¹ См.: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 85. Л. 17.

высокой степенью точности можно заключить, что подготовка к операции по выселению немцев из Поволжья органами НКВД начала проводиться ещё до 26 августа. Очевидно, они разработали и предложили этот проект И. Сталину, а потому начали его реализовывать еще предварительно, на основе конкретных распоряжений Л. Берии.

27 августа 1941 г. постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 26 августа было уже доведено до партийных и советских руководителей АССР НП, Саратовской и Сталинградской областей. Получив постановление, они провели 27 августа экстренные заседания и приняли постановления, как две капли воды похожие друг на друга. Разными были только фамилии конкретных исполнителей, которым надлежало заниматься депортацией немцев²².

В первом пункте постановлений обкомов выражалось полное одобрение решения Центра о депортации немцев и объявлялось о принятии его к неуклонному исполнению. Далее по сути дела шёл пересказ постановления от 26 августа с небольшими добавлениями, касавшимися конкретных мер по его исполнению. Партийным организациям всех уровней предписывалось «подключиться» к мероприятиям для оказания «активной помощи» органам НКВД.

Партийным руководством АССР НП было разработано специальное приложение к постановлению бюро обкома, в котором подробно расписывалось, какое количество немецкого «трудового контингента» из каких кантонов (районов) и в какие покидавшиеся немцами сёла следовало направить для ухода за скотом. Всего туда планировалось направить 17250 человек, из них: переместить внутри кантонов из русских сел в немецкие 4560 чел., из г. Энгельса – 4580 чел., из соседних районов Саратовской области – 5 тыс. чел. Остальные работники перемещались из русских кантонов в бывшие немецкие кантоны²³.

В тот же день, 27 августа, Нарком внутренних дел СССР, он же Генеральный комиссар государственной безопасности СССР Л. Берия издал приказ № 001158 «О мероприятиях по проведению операции по переселению немцев из Республики немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей»²⁴, в котором повторялись пункты «Плана переселения...», касающиеся главных руководителей операции и количество привлекавшихся для ее осуществления сил. Далее Нарком внутренних дел требовал:

на основании агентурно-оперативных материалов местных органов НКВД учесть «антисоветский элемент» и перед операцией арестовать его, а семьи переселить в общем порядке;

²² См.: ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1а. Особая папка. Д. 5. Л. 7–9; Ф. 594. Особая папка. Оп. 1. Д. 4. Л. 364–367.

²³ См.: Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4836. Л. 23.

²⁴ Полностью документ см.: Иосиф Сталин – Лаврентию Берии: «Их надо депортировать». С. 41–43.

перед началом операции совместно с советско-партийным активом провести разъяснительную работу и предупредить переселяемых, что в случае перехода на нелегальное положение отдельные члены семьи они будут наказаны в уголовном порядке, а остальные члены семей будут репрессированы;

в случае отказа отдельных членов семейств, подлежащих переселению, выехать к месту расселения, таких лиц арестовать и перевезти на место расселения в принудительном порядке;

предупредить «весь оперативно-чекистский состав», что при операции он «должен действовать без шума и паники. В случае возникновения волынок, антисоветских выступлений или вооружённых столкновений принимать решительные меры к их ликвидации».

Для координации всей работы по переселению, перевозке и расселению приказом Л. Берии создавалась специальная группа во главе с ещё одним заместителем Наркома внутренних дел – В. Чернышевым. Ответственному за проведение операции в местах выселения – заместителю Наркома И. Серову предписывалось о подготовке и проведении операции ежесуточно, начиная с 1 сентября, информировать Наркома²⁵.

Таким образом, ещё до 28 августа 1941 г. операция по депортации немцев из Поволжья была спланирована, исполнители на всех уровнях подобраны, назначены и подробно проинструктированы, проработано материальное обеспечение операции (транспорт, питание в пути, жильё на новом месте и т. п.), а весь партийно-советский, административный и полицейский аппарат на местах был готов к осуществлению выселения немцев. Однако необходимо было придать готовившемуся гигантскому по масштабам репрессивному мероприятию против целого народа хоть в какой-то степени «законный» характер. Именно поэтому, как представляется, и появился уже задним числом известный Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья»²⁶, на котором стоит остановиться подробнее.

Проект этого указа был рассмотрен и утверждён на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 28 августа 1941 г.²⁷ Если учесть что этот вопрос в повестке заседания Политбюро в тот день значился далеко не первым, а само заседание началось поздно вечером, почти ночью, то указ обсуждался и утверждался высшим партийным органом, скорее всего, уже в первые часы 29 августа. Между тем, дата принятия Указа Президиумом Верховного Совета СССР также значится 28 августа. Отсюда представляется весьма сомнительным, чтобы имел место сам факт заседания Президиума Верховного Совета СССР по во-

²⁵ Иосиф Сталин – Лаврентию Берии: «Их надо депортировать». С. 41–43.

²⁶ См.: Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» от 28 августа 1941 г. // История СССР. 1991. № 1. С. 144–145.

²⁷ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1042. Л. 3, 112.

просу о депортации, тем более 28 августа. По всей видимости, после утверждения указа на Политбюро, он был подписан М. Калининым и А. Горкиным, и на этом вся процедура принятия документа завершилась. Подобная практика работы высшего советского руководства в годы войны была обычным явлением. Таким образом, можно утверждать, что недоброй памяти указ от 28 августа 1941 г. не только попирает Конституции СССР, РСФСР и АССР НП своим содержанием, но и сама процедура его подготовки и принятия произошла с грубым нарушением конституционных норм.

Первые два абзаца Указа «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» дают идеологическое и политическое обоснование решения о депортации. Для любого профессионала того времени: партийного, советского работника, представителя карательного аппарата, военного специалиста – был вполне ясен бредовый характер заявления о том, что среди 400-тысячного немецкого населения, проживающего в районах Поволжья, *«имеются тысячи и десятки тысяч»* (выделено нами. – А. Г.) диверсантов и шпионов, которые по сигналу, данному из Германии, должны произвести взрывы в районах, заселённых немцами Поволжья». В партийно-полицейском государстве с его гипертрофированными органами политического сыска и беспрельодно раздутым карательным аппаратом, где каждый человек находился «под колпаком», где существовала разветвленная система тайных осведомителей, где поголовно всё население из года в год натаскивалось на поиске «врагов народа», такое (чтобы едва ли не каждый десятый немец, включая грудных младенцев, был шпионом или диверсантом) было просто невозможно. Вот почему вполне уверенно можно заявить, что первые абзацы указа были обращены прежде всего к советскому обывателю и рассчитаны на разжигание ненависти к немцам Поволжья и других регионов. Это наглядно подтверждает второй абзац указа, где поволжским немцам прямо предъявляется обвинение в измене: «О наличии такого большого количества диверсантов и шпионов среди немцев Поволжья никто из немцев, проживающих в районах Поволжья, советским властям не сообщал, следовательно, немецкое население районов Поволжья скрывает в своей среде врагов советского народа и Советской власти».

Итак, немцы Поволжья – изменники Родины, шпионы и диверсанты. Но несмотря на это, Советское руководство проявляет трогательную заботу о них, что видно из третьего и четвёртого абзацев Указа: «В случае, если произойдут диверсионные акты... случится кровопролитие и Советское правительство по законам военного времени будет вынуждено принять карательные меры против всего немецкого населения Поволжья. Во избежание таких нежелательных явлений и для предупреждения серьёзных кровопролитий Президиум Верховного Совета СССР признал необходимым переселить всё немецкое население, проживающее в районах Поволжья, в другие районы...». Переселяемым обещали государственную помощь по устройству в новых районах, «изобилующих пахотной землей».

Распоряжением прибывшего в Саратов и Энгельс для руководства операцией по депортации И. Серова (получившего личное указание Л. Берии) республиканские газеты «Нахрихтен» и «Большевик» опубликовали Указ 30 августа²⁸, и сразу же глубокий разлом отчуждения пролёг между немцами и другими народами Немреспублики. Резко изменилась и официальная политика в отношении немцев.

2 сентября 1941 г. первый секретарь обкома ВКП(б) АССР НП С. Малов направил специальную докладную записку Сталину, в которой охарактеризовал политическую обстановку в Немреспублике после обнародования Указа от 28 августа. По словам С. Малова, «подавляющее большинство трудящихся русской и других (кроме немецкой) национальностей встретили Указ с большим одобрением, рассматривая его как одну из серьёзных мер по укреплению тыла...»²⁹. В качестве подтверждения вышесказанному в докладной записке приводятся «высказывания трудящихся» откровенно шовинистического характера, грубо оскорблявшие немецкое население Поволжья. В частности, «один рабочий» заявил: «Да, вот теперь они (т. е. немцы. – А. Г.) запоют не так. Пусть и туда поедут так же дружно, как они старались втирать свою немчуру вокруг! Теперь я спокойно могу пойти на фронт, зная, что моя семья будет вне опасности от внутреннего врага»³⁰.

Лиц, допускавших подобные высказывания, ещё месяц назад привлекали к уголовной ответственности (вспомним дело Белоусова), теперь же эти люди объявлялись патриотами.

«Со стороны значительной части немецкого населения, – продолжает С. Малов, – опубликование Указа вызвало враждебное отношение, всячески подогреваемое контрреволюционными и профашистскими элементами. Высказывания по поводу Указа со стороны немцев сводятся, главным образом, к попыткам опровергнуть утверждение о том, что немецкое население скрывает в своей среде врагов Советского народа, Советской власти»³¹.

Далее первый секретарь Немобкома сообщает, что после опубликования Указа от 28 августа «заметна активизация контрреволюционных элементов и усиление антисоветской и профашистской пропаганды. Активизация контрреволюционных элементов идёт по линии высказываний пораженческого характера, попыток насаждения паники и распространения провокационных слухов, а также по линии призыва к диверсиям и сопротивлению переселению»³².

Из множества примеров, приводимых С. Маловым в подтверждение сказанного, выберем несколько наиболее типичных. Служащий Кобер заявил: «Этого

²⁸ См.: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 85. Л. 24.

²⁹ ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5031. Л. 5.

³⁰ Там же.

³¹ ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5031. Л. 6.

³² Там же. Л. 6–7.

нужно было ожидать, так как Гитлер крепко зажимает русских в свои руки. В скором времени германские войска подойдут к Сталинграду, а от Сталинграда недалеко до города Энгельса. Вот почему нас, немцев, и переселяют». Служащий Беймлер высказал такую мысль: «Да, о чём мечтал царизм? О переселении немцев в Сибирь. Теперь это осуществляется»³³. Приведённые выше «пораженческие и антисоветские» высказывания представляются вполне нормальной реакцией на Указ, попыткой осмыслить создавшуюся ситуацию.

С. Маловым приводятся и более резкие высказывания, свидетельствующие об озлобленности некоторой части жителей Немреспублики, вызванной решением о переселении. Так, жительница с. Мариенфельд Анна-Мария Флеер «в присутствии большого числа граждан села около сельского магазина» в сердцах заявила: «Хоть бы всё сгорело и всё погубило скорее, События на фронте развиваются очень медленно. Нужно было бы скорее покончить с советской властью. Нужно, чтобы немцы и сюда прилетели бомбить, чтобы всё здесь сгорело»³⁴.

Партийный секретарь приводит также высказывания людей, желавших поражения Красной Армии и быстрее прихода на Волгу германских войск.

Вместе с тем в докладной записке не приводится ни одного примера патриотического труда поволжских немцев на благо победы над фашистами, хотя до 28 августа в каждом из периодически отправлявшихся в Центр донесений таких примеров был не один десяток, а тот же С. Малов всего за несколько дней до того в подобной же докладной записке писал, что «политическое настроение трудящихся Республики немцев Поволжья здоровое. Рабочие, колхозники и интеллигенция, перестраивая работу на военный лад, стремятся всё подчинить интересам фронта и задачам организации разгрома врага»³⁵.

Нарисованную С. Маловым картину положения дел в АССР немцев Поволжья после опубликования Указа от 28 августа дополняет И. Серов своими донесениями в адрес Л. Берии. В частности, он отмечает, что после выхода местных газет с текстом Указа «имели место заявления о разводе со стороны русских женщин, состоящих замужем за немцами, с целью избежать переселения. Мною дано указание включить их в списки на переселение»³⁶. За 29–30 августа было арестовано: по АССР НП – 23, по Саратовской области – 23 и по Сталинградской области – 35 человек, планировалось продолжение арестов «антисоветских» и «фашистских» элементов.

С 29 августа на местах участковыми оперативными группами началось спешное составление учётных карточек на выселявшиеся немецкие семьи. В тот

³³ Там же. Л. 7.

³⁴ Там же. Л. 8.

³⁵ ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5031. Л. 32.

³⁶ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 85. Л. 25.

же день войска НКВД, прибывшие в Немреспублику, завершили дислокацию в указанных населённых пунктах³⁷.

Изгнание немецкого населения из Поволжья. Операция по выселению немцев из Поволжья началась в день опубликования в местных газетах Указа от 28 августа и проводилась очень жёстко и энергично. Об этом можно судить из донесений на имя Наркома внутренних дел Л. Берии, которые ежедневно направлялись в Москву оперативной группой НКВД, осуществлявшей выселение.

В особенно тяжёлые условия были поставлены люди, отправлявшиеся в первых эшелонах. Им пришлось в страшной спешке сдавать имущество и собираться в путь буквально за одни сутки – 31 августа. Это были в основном жители Покровска, Красного Кута, Гмелинки, Палласовки и других населённых пунктов, где имелись железнодорожные станции, а также жители близлежащих сёл.

Погрузка в эшелоны началась 1 сентября. В дальнейшем (так было спланировано) последовательность погрузки в эшелоны определялась расстоянием сёл до станций погрузки. Жители более близких к станции сёл вывозились в первую очередь. Передвижение к станциям погрузки осуществлялось, как правило, на автомобилях и гужевым транспортом. Очень часто из-за нехватки транспорта мужчинам приходилось идти пешком. В ряде случаев, когда расстояния до станций были большими, задействовался и водный транспорт. Например, жители ряда сёл Добринского и Бальцерского кантонов доставлялись к пристаням Нижняя Добринка, Русская Шербаковка, Ахмат и оттуда на пароходах и баржах транспортировались на станцию Увек (пригород Саратова), где грузились в эшелоны. Аналогично доставлялись к станции Покровск (г. Энгельс) некоторые жители Маркштадта, Маркштадтского, Унтервальденского, Зельманского кантонов³⁸.

3 сентября с десяти станций были отправлены в соответствии с графиком первые 10 эшелонов. При погрузке не делалось никаких исключений ни для кого. Бывшие партийно-советские руководящие работники немецкой национальности всех рангов ехали на общих основаниях в одних вагонах с рядовыми гражданами. К примеру, среди пассажиров первого эшелона, отправившегося со станции Гмелинская 3 сентября (эшелон № 822), находился бывший председатель Гмелинского кантисполкома Д. Унгефуг³⁹. Всего же из Гмелинского кантона немцы были вывезены в 5 эшелонах, причём последний эшелон из Гмелинки ушёл 8 сентября⁴⁰. Казалось бы, кому, как не председателю кантисполкома с его опытом работы и знанием обстановки, организовывать и проводить все мероприятия по передаче имущества колхозов, пере-

³⁷ См.: Там же. Л. 26.

³⁸ По воспоминаниям переселенцев (личный архив автора).

³⁹ См.: Личный архив автора.

⁴⁰ См.: Приложение 1.

движению и погрузке. Однако в его услугах уже не нуждались. Аналогичная ситуация складывалась по всей Немреспублике.

Все руководящие работники немецкой национальности практически на следующий день после опубликования Указа о переселении в местных газетах, то есть с 31 августа, были негласно отстранены от исполнения своих служебных обязанностей. Многие это сделали демонстративно-добровольно. В частности, И. Серов в донесении от 30 августа проинформировал Л. Берию, что в тот же день, сразу после выхода газет с текстом указа, к первому секретарю обкома ВКП(б) Немреспублики С. Малову явился председатель Совнаркома АССР НП А. Гекман и «поставил вопрос о своём освобождении, так как его дальнейшие распоряжения не будут авторитетными». Просьба была удовлетворена⁴¹. Официально же в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. все должностные лица немецкой национальности были освобождены от исполнения своих обязанностей 5 сентября постановлением бюро обкома ВКП(б), среди них – тот же А. Гекман, а также К. Гофман – председатель Президиума Верховного Совета АССР НП, Г. Корбмахер – 3-й секретарь Немобкома и другие⁴².

Говоря о высших руководителях Немреспублики – немцах, следует отметить, что для них в нравственном плане пережить произошедшее падение с вершин власти вниз оказалось делом непростым. У некоторых, очевидно, наступило прозрение, а может быть их дальнейшие поступки определяла просто обида. Как бы там ни было, 16 сентября 1941 г. решением бюро Энгельсского горкома ВКП(б), теперь уже Саратовской области, были заочно (после выселения) исключены из рядов ВКП(б) А. Гекман и Г. Корбмахер за действия, «имеющие характер антисоветской демонстрации, направленные на дискредитацию Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа...»⁴³.

Что касается рядовых граждан немецкой национальности, то они, несмотря на обиду, возмущение, «антисоветские», «пораженческие» и «повстанческие» разговоры, в целом покорились судьбе. По данным органов НКВД, по всей Немреспублике не оказалось ни одной семьи, которая отказалась бы переселяться. В Сталинградской области «уклонялись» от переселения 2–3 семьи, в Саратовской области отказывались переселяться 3 семьи, да и то, как потом выяснилось, они лишь «ходатайствовали об оставлении»⁴⁴.

С каждым днём нарастало число эшелонов с переселенцами, отправлявшимися из Немреспублики, увеличивалось число станций погрузки. Всего для погрузки немцев использовалась 31 станция, в том числе 16 – за пределами Немреспублики (Саратов, Увек, Камышин, Медведица, Неткачёво и др.). Нагрузка на станции была распределена неравномерно. Наибольшее число

⁴¹ См.: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 85. Л. 24.

⁴² См.: ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4807 г. Л. 398–399.

⁴³ ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5031. Л. 277–278.

⁴⁴ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 83. Л. 65, 67.

эшелонов – 46 (108,8 тыс. чел.) – было загружено и отправлено со станции Покровск. В отдельные дни (8, 16, 17 сентября и др.) со станции отправлялось по 5 и более эшелонов с переселенцами. Значительную нагрузку испытывала станция Увек. С неё был отправлен 21 эшелон (48,7 тыс. чел.). Особенно интенсивно погрузочные работы начали проводиться здесь с 14 сентября, когда стали подходить колонны переселенцев Бальцерского кантона, многим из них пришлось пройти пешком по 60–80 км. Из Саратова было отправлено 13 эшелонов, из Медведицы – 10. Со всех других станций было отправлено меньшее число эшелонов – от 1 до 9⁴⁵.

В ходе операции по выселению имели место отдельные сбои. В частности, из-за прошедших дождей часть переселенцев прибыла на станции погрузки с опозданием, поэтому несколько эшелонов отправились в путь позже назначенного срока. Имели место срывы в своевременной подаче эшелонов под погрузку. Особенно грешило этим Управление Пензенской железной дороги (станции Медведица, Лапшинская и другие). Через 3–4 дня после начала операции по выселению на железных дорогах Саратовской области и АССР НП образовались пробки. Так, 8 сентября из 61 эшелона, отправленного с 3 сентября, 31 эшелон всё ещё находился недалеко от станций погрузки. Пробки были ликвидированы жёсткими мерами органов НКВД⁴⁶.

6 сентября 1941 г. Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) издали постановление, а 7 сентября Президиум Верховного Совета СССР – аналогичный Указ – «Об административном устройстве территорий бывшей Республики немцев Поволжья»⁴⁷. В соответствии с этими документами территория Немреспублики была разделена между Саратовской и Сталинградской областями. В состав Саратовской области вошли г. Энгельс, пос. Красный Текстильщик и 15 кантонов (Терновский, Маркштадский, Красноярский, Унтервальденский, Мариентальский, Гнаденфлюрский, Фёдоровский, Экгеймский, Краснокутский, Лизандергейский, Зельманский, Кукуусский, Бальцерский, Золотовский, Каменский), в состав Сталинградской области – 7 кантонов (Франкский, Эрленбахский, Добринский, Палласовский, Гмелинский, Старо-Полтавский, Иловатский).

После ликвидации республиканской администрации и перехода бывших кантонов, а теперь районов, в подчинение Саратовской и Сталинградской областей, после замены немцев в кантональных администрациях отношение к переселяемым немцам стало еще хуже, проведение самой операции – еще жестче. Характерный пример: не успел Саратовский обком ВКП(б) получить под свою власть бывшие немецкие кантоны, как тут же отдал распоряжение

⁴⁵ См.: Приложение 1.

⁴⁶ См.: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 85. Л. 34.

⁴⁷ См.: ГАНИСО. Ф. 594. Особая папка. Оп. 1. Д. 4. Л. 421; Сборник Законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР: В 4-х т. Т. 1: 1938–1975. М.: Известия, 1975. С. 81.

снять весь рабочий скот (лошадей, волов) с перевозки к станциям погрузки и отправить его на сельхозработы. Особенно больно это решение ударило по Бальцерскому кантону, где, как уже отмечалось, выселяемым приходилось преодолевать большие расстояния до станций погрузки. После снятия скота с перевозок в этом кантоне на вывозе немецкого населения осталось лишь 7 автомобилей. Потребовалось вмешательство органов НКВД с напоминанием о «необходимости выполнения решения правительства о переселении немцев в точно установленные сроки», чтобы Саратовский обком направил в кантон дополнительное количество машин⁴⁸. Однако и после этого транспорта не хватало, и значительной части переселенцев, включая женщин и детей, пришлось преодолевать десятки километров пешком.

13 сентября 1941 г. И. Серов доложил Л. Берии, что в связи с предстоящим окончанием операции им разработана директива для управлений НКВД Саратовской и Сталинградской областей «о порядке дальнейшего выявления и направления к местам расселения лиц немецкой национальности». Выявление немцев надлежало проводить путём проверки документов на железнодорожных станциях, водных пристанях, пунктах переселения беженцев, в паспортных столах при прописке и т. п. «Выявленным лицам немецкой национальности, – указывал И. Серов, – органы милиции объявляют, что они обязаны выехать в Казахскую ССР, и в паспорте записывают, что владелец паспорта имеет право на жительство только в областях, перечисленных приказом НКВД СССР. Таким образом, немцы будут вынуждены ехать в указанные места, так как с такой записью в паспорте его нигде в другом городе не пропишут»⁴⁹. Замечательное изобретение Серова! Как оно облегчало жизнь государственного и полицейского аппарата, сколько средств сэкономило! Советские немцы, точно волки, обложенные красными флажками, сами вынуждены были направляться туда, где бы их хотело видеть советское руководство.

Завершилась операция по выселению немцев 20 сентября. В этот день были загружены и отправлены из Покровска и Увека последние 3 эшелона. Причём один из них (эшелон № 815) несколько задержался и отправился со станции Увек уже после 24.00 20 сентября. Однако во всех сводках, направленных в Центр, об этом не сообщалось⁵⁰.

В ходе проведения операции были потери. На станциях погрузки из-за антисанитарных условий заболело и умерло три ребёнка, не смог дойти до станции и умер в пути больной туберкулёзом. В это же время родилось трое детей. В целях «профилактики» органами НКВД по АССР НП, Саратовской и Сталинградской областям было арестовано 349 человек, признанных «антисоветскими элементами»⁵¹.

⁴⁸ См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2338. Л. 20, 21.

⁴⁹ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 85. Л. 39–40.

⁵⁰ См.: Там же. Л. 106, 107, 108, 109, 110.

⁵¹ См.: Там же. Л. 43, 44.

Общее количество погруженных в эшелоны и направленных в Сибирь и Казахстан немцев из АССР НП, Саратовской и Сталинградской области точно назвать невозможно, поскольку в разных документах НКВД сведения о переселенцах имеют расхождения в пределах нескольких тысяч, а иногда и десятков тысяч людей. Этот разноречивый нашёл своё отражение и в публикациях различных авторов⁵².

Проанализировав документы 4-го спецотдела НКВД, касающиеся депортации немцев из Поволжья, автор настоящей статьи подготовил списки всех 188 эшелонов, осуществлявших перевозку немцев из Поволжья с указанием численности каждого из эшелонов как в момент убытия из Поволжья, так и в момент прибытия в пункт назначения. (Приложения 1 и 2). Согласно этим данным всего из Поволжья в Сибирь и Казахстан было отправлено 451986 человек, прибыло к месту назначения – 440238 человек.

Среднее арифметическое двух этих чисел даёт нам величину – 446112 человек. Она практически совпадает с официальными данными НКВД о переселённых из Поволжья немцах, доложенными в Политбюро ЦК ВКП(б) – 446480 человек. Разница – 368 чел. Если разделить её на количество эшелонов – 188, величина погрешности составляет всего 1,9 чел. на эшелон. Это мизер, если учесть, что эшелоны перевозили по несколько тыс. человек. Отмеченное совпадение позволяет предположить, каким образом в НКВД было получено общее число переселенных немцев. Согласно тем же официальным данным из АССР немцев переселили 373 529 чел., из Саратовской области – 46 706 чел., из Сталинградской области – 26 245 чел.⁵³

Как уже отмечалось, подавляющее большинство немецкого населения Поволжья было вывезено к местам назначения эшелонами по железной дороге. Однако часть его (немцы Сталинградской области и прилежащих к ней сёл АССР НП) прежде чем сесть в эшелон, значительное расстояние преодолели водным путём. Этих людей сначала собирали к волжским пристаням и водным транспортом отправляли до Астрахани, оттуда по Каспийскому морю – на пароходах и баржах – до Гурьева и лишь затем железнодорожным транспортом к местам расселения.

У большинства переселенцев, никогда не видевших моря, оно вызывало страх. Начали распространяться слухи о том, что немцев вывозят в море для того, чтобы утопить. В связи с этим 7 сентября на барже № 063, стоявшей на астраханском причале в ожидании отправки, поднялась паника. Применяв суровые меры, охрана навела порядок⁵⁴. Отголоском этих событий спустя почти пятьдесят лет стали некоторые публикации в советской немецкоязыч-

⁵² См.: *Кичихин А.* Указ. соч. С. 36; Бугай Н. Ф. 40-е годы: «автономия немцев Поволжья ликвидировать...» С. 173; Иосиф Сталин – Лаврентий Берии: «Их надо депортировать». С. 75.

⁵³ См.: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 114. Л. 139.

⁵⁴ См.: Там же. Д. 85. Л. 34–35.

ной прессе о том, что якобы существовал план массового утопления немцев в Каспийском море.

Можно понять чувства людей, не по своей воле покидавших родные края. А. Я. Герр вспоминал: «Наш эшелон № 842 ушёл с товарной станции Саратова около трёх часов ночи 11 сентября 1941 года... Когда эшелон отправлялся со станции, слёз не было. Но когда проехали Увек и въехали на мост, рыдал весь вагон: взрослые и дети, мужчины и женщины. Волга! Наша одиннадцатилетняя дочь, окончившая учебный год с похвальной грамотой, в своём дневнике записала:

"Волга, Волга, мать родная!

Ты, любимая моя...

Я уеду поневоле,

В сердце увезу тебя!"»⁵⁵

Несмотря на официальные обвинения, выдвинутые против поволжских немцев, жесткое, а временами жестокое отношение местных властей к высяеляемым, большинство жителей Поволжья сохраняли к своим согражданам немецкой национальности теплые чувства, человеческое отношение. Об этом до сих пор хорошо помнят многие ныне пожилые немцы-волжане. Чаще всего вспоминают они участливые слова соседей, слёзы русских женщин, расстававшихся со своими немецкими подругами.

В фонде Саратовского обкома ВКП(б) сохранились уникальные документы, подтверждающие отмеченное выше. В частности, «спецсообщение» № 124 сс от 13 сентября 1941 г. «О выражении сожаления и организации подарков для переселяемых немцев в столовой-ресторане № 7, в облпотребсоюзе, в дорпрофсоже РУЖД и 43 средней школе»⁵⁶. Как видим, даже в условиях угрозы репрессий находилось немало людей, в том числе ответственных работников, которые вопреки официальным установкам проявляли свои лучшие человеческие качества по отношению к коллегам и друзьям, столь неожиданно покидавшим их и уезжавшим навстречу неизвестности.

Порядок и условия перевозки немцев Поволжья на восток. В то время как Немреспублику покидали последние эшелоны, первые уже прибыли к месту назначения. Чтобы не загружать основные железнодорожные трассы, по которым шли к фронту воинские эшелоны, передвижение составов с поволжскими немцами в Сибирь и Казахстан осуществлялось, главным образом, кружным путём: через Саратовское Заволжье – в Казахстан (Уральск, Актюбинск и далее на юг до Алма-Аты), оттуда по Туркестано-Сибирской магистрали на север до Барнаула и Новосибирска, от Новосибирска на запад (в

⁵⁵ Личный архив автора.

⁵⁶ См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2752. Л. 25.

Омскую область и Северный Казахстан) и на восток (в Красноярский край). В зависимости от конкретных станций погрузки и пунктов назначения общее время нахождения эшелонов в пути колебалось от 9 до 16 суток. В то же время, некоторые эшелоны (перевозившие немцев в ближайшие от Поволжья места депортации – Омскую и Кустанайскую области) следовали, очевидно, прямым путём, поскольку их время в пути составляло всего 5–6 дней.

Условия жизни переселенцев в пути были очень тяжёлыми. Люди перевозились в крытых товарных вагонах. В каждый вагон набивали по 40 и более человек с их имуществом. Спали на нарах, а то и просто на полу, подстелив солому. Из-за сбоев в графике движения горячее питание на станциях осуществлялось нерегулярно. Постоянные проблемы были с водой, особенно когда эшелоны шли по центральным и южным областям Казахстана. По воспоминаниям многих переселенцев, пожалуй, наиболее болезненным в физическом и нравственном плане в пути стал вопрос отправления естественных надобностей, который оказался совершенно не продуманным и потому для людей превращался, по существу, в массовую и постоянную пытку, особенно когда эшелоны по много часов шли не останавливаясь.

Из-за некачественной воды и антисанитарных условий во многих эшелонах имели место вспышки инфекционных желудочно-кишечных заболеваний, жертвами которых становились прежде всего дети. По имеющимся у нас данным, только в 44 эшелонах, перевозивших граждан бывшей Республики немцев Поволжья на восток, умерло 159 человек (Приложение 2). По остальным 144 эшелонам сведений об умерших обнаружить не удалось, однако, прибегнув к соответствующей математической интерполяции, можно предположить, что во время депортации умерло не менее 600–700 человек. Умирали в подавляющем большинстве дети, заболевшие дизентерией и другими инфекционными болезнями. Взрослые умирали, в основном, по тем же причинам. Например, в эшелоне № 869 умерло от дизентерии 12 детей и один взрослый⁵⁷. Начальник управления НКВД по Красноярскому краю Семёнов докладывал своему руководству в Центр: «Личной проверкой выявлены: необорудованность санитарных вагонов и необеспеченность в должном количестве медикаментами. В пути следования было 8 родов, которые происходили на полу вагона в антисанитарных условиях»⁵⁸.

В дороге не обошлось без происшествий. Наиболее частым и типичным происшествием стало отставание людей от своих эшелонов. Это происходило из-за плохой информированности людей о времени стоянки эшелонов и несогласованности действий начальников станций и начальников эшелонов. Так, в Уральске начальник станции отправил эшелон № 868 в то время, когда 202 его пассажира принимали горячую пищу в буфете станции. Пришлось снаря-

⁵⁷ См.: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 83. Л. 112.

⁵⁸ Там же. Л. 90.

жать дополнительный состав из четырех вагонов и отправлять его вдогонку за ушедшим эшелоном. Лишь на вторые сутки отставшие догнали свой эшелон, в котором за это время поднялась серьёзная паника⁵⁹. В большинстве других случаев отставшим не удавалось догнать свои эшелоны и их пристраивали в эшелоны, идущие следом, что в дальнейшем порождало серьёзную проблему воссоединения семей, ведь эшелоны шли в разные места. Среди отставших от эшелона № 821 была молодая кормящая мать. Её трёхмесячного ребёнка взяла себе другая женщина, также имевшая младенца. Только в 44 уже отмечавшихся нами эшелонах отстали и не смогли их догнать 287 человек. Всего же число отставших перевалило за тысячу.

На местах остановки эшелонов, и особенно на станциях разгрузки, имели место побеги. В основном пытались бежать молодые мужчины. Почти все бежавшие были пойманы и понесли суровое наказание.

На запрос начальника Омского УНКВД, какие меры репрессий применять к пойманым беглецам, заместитель Наркома НКВД Чернышев наложил резолюцию: «... дела беглецов оформлять через Особое совещание НКВД»⁶⁰. Сегодня хорошо известно, какие жесточайшие приговоры выносили эти совещания: как правило, 10 и более лет заключения в лагерях. Однако был, по крайней мере, один случай бегства, оставшийся безнаказанным. Из эшелона № 761 «совершила побег женщина с тремя детьми, которая, увидев на станции Алейск своего брата с семьей, разгружавшегося с другого эшелона, незаметно выгрузилась и осталась с братом». В сводке происшествий тот же Чернышев сделал пометку: «По-моему, нужно и оставить её с братом»⁶¹.

В двух эшелонах произошли несчастные случаи. Попали под поезд и остались без ног взрослый мужчина и мальчик пяти лет. Они были оставлены на излечение в местных больницах. Еще несколько человек были сняты в пути с эшелонов по болезни. Имелись и арестованные, однако их оказалось немного, около десятка. Главным образом это были беглецы, оказавшие при задержании сопротивление, а также лица, совершившие уголовные преступления и хулиганские выходки.

В пути следования эшелонов НКВД не злоупотреблял арестами. С помощью тайных осведомителей, которые, как явствует из документов, имелись и среди переселяемых практически в каждом эшелоне, шёл процесс накопления компрометирующего материала, выявление «антисоветского» и «профашистского» «элемента». Аресты были произведены позже, по прибытии к месту назначения. Кстати, как оказалось впоследствии, не все чекисты, сопровождавшие эшелоны, добросовестно выполняли свои обязанности. Как отмечал в своём донесении заместителям Л, Берии Меркулову и Чернышеву начальник отдела

⁵⁹ См.: Там же. Л. 102.

⁶⁰ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 83. Л. 120.

⁶¹ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 83. Л. 136.

спецпереселений НКВД Иванов, «из личной беседы оперсостава с агентурой установлено, что в большинстве своем агентура с места отправки и в дороге проинструктирована не была»⁶². Начальник Алтайского УНКВД Волошенко сообщил в Центр, что оперативный работник, сопровождавший эшелон № 836, «в пути следования агентуры не принимал», а оперативник, ехавший в эшелоне № 869, на требование начальника районного отдела НКВД по месту расселения о передаче ему имеющихся компрометирующих материалов на переселенцев заявил, что «материалы передать не может, так как у него все перепутано»⁶³.

В оперативных сводках НКВД отмечен один факт предотвращения «диверсионного акта», который якобы пытались совершить немцы-переселенцы. 24 сентября на станции Джамбул в шпильке рельса одного из путей была обнаружена тормозная колодка, что могло привести к аварии. Подозрение сразу же пало на пассажиров стоявшего в это время на станции эшелона № 809 с немцами-переселенцами. Стрелочница показала, что видела «на месте происшествия» двух немцев. Однако поиски «диверсантов» успеха не принесли. Эшелон вскоре убыл⁶⁴.

В целом все же перевозка депортированных в 188 эшелонах была проведена в установленные сроки и без каких-либо серьезных эксцессов. Поволжские немцы в основной своей массе оказались послушны, дисциплинированы, исполнительны и, несмотря на обиду, горечь и возмущение за надругательство над собою, без сопротивления переехали к новым местам жительства, где, как оказалось, их уже ожидали новые испытания.

Приведем некоторые данные по заключительному этапу переселения

Таблица 1.

Распределение эшелонов и переселенцев из Поволжья по краям и областям⁶⁵

Край, область	Количество прибывших		Количество станций разгрузки
	Эшелонов	Переселенцев, тыс.	
Красноярский	34	79,5	18
Алтайский	34	80,4	14

⁶² Там же. Л. 172.

⁶³ Там же. Л. 138.

⁶⁴ См.: Там же. Л. 147.

⁶⁵ Подсчёт сделан автором на основе анализа архивных данных: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 83. Л. 208–218; Д. 85. Л. 106–110, 178; Д. 114. Л. 3, 8, 10, 14, 37, 51, 52, 89, 242–244.

Омская	32	82,9	15
Новосибирская	37	88,7	28
Кустанайская	7	16,2	6
Павлодарская	9	21,2	6
Акмолинская	12	28,1	7
Северо-Казахстанская	10	23,2	5
Семипалатинская	9	20,1	5
Восточно-Казахстанская	4	8,9	3
Казахская ССР	51	117,7	32
Всего	188	440,2	107

Выше уже отмечалось, что по данным НКВД количество людей, вывезенных из Поволжья и количество прибывших в места расселения существенно разнятся. Разница составляет примерно 11,7 тыс. чел., в среднем по 62 человека на эшелон. Она образовалась за счет умерших, отставших и т. п., но главным образом за счет погрешностей в счете при загрузке и выгрузке.

Из данных таблицы следуют некоторые выводы: 73% (то есть почти три четверти) немецкого населения бывшей АССР НП было переселено в Сибирь (в 2 края и 2 области) и лишь 27% (чуть больше четверти) – в Казахстан (в 6 областей).

Переселенцы, попавшие в Казахстан, были размещены в северной, восточной и юго-восточной частях республики, то есть в районах, сравнительно благоприятных для жизни. В этом плане им относительно повезло, в сравнении, к примеру, с немцами из Москвы и Московской области, которые в конце сентября были переселены в Кызыл-Ординскую область с её крайне неблагоприятными для жизни человека условиями (пустынная местность, нехватка питьевой воды и т. п.). В дальнейшем Казахстан стал основной территорией для размещения советских немцев, переселявшихся из различных регионов европейской части СССР, а затем и для других народов, подвергшихся депортации.

В Красноярский край и Павлодарскую область последние эшелоны пришли в первых числах октября, в Алтайский край и другие области – раньше, ещё до начала октября. Переселенцы из Поволжья начали жизнь в новых, не знакомых большинству из них раньше, условиях.

Подготовку к приему переселенцев руководители соответствующих краев и областей начали после того, как в конце второй – начале третьей

декады августа получили от Наркома внутренних дел Л. Берии циркулярную телеграмму, в которой доводилось решение ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР о переселении немцев из Поволжья. В телеграмме указывалось, какое количество семей должны были принять каждый край и область, и ставилась задача подготовить для них жилье. Нарком внутренних дел потребовал не позднее утра 31 августа сообщить в НКВД СССР названия станций разгрузки эшелонов с указанием наименований железных дорог. Л. Берия информировал, что эшелоны начнут отправляться с 3 сентября⁶⁶.

В дальнейшем, начиная с 1 сентября, то есть с началом операции по выселению немцев Поволжья, управления НКВД краев и областей, куда должны были переселяться немцы, ежедневно докладывали о проделанной работе по подготовке к приему переселенцев. К моменту прибытия первых эшелонов из Поволжья все они доложили в центральный аппарат НКВД о том, что к приему переселенцев готовы, то есть подготовили жилье, транспорт для перевозки от станций разгрузки к местам поселений.

Территория, на которой размещались переселенцы-немцы в Сибири и Казахстане, оказалась намного обширнее территории Немреспублики, а следовательно, и расстояние от станций выгрузки до мест заселения – протяженнее.

Значительная часть переселенцев, прибыв в конечную точку железнодорожного маршрута, перегружалась на пароходы и баржи и направлялась по Енисею, Оби и Иртышу на многие десятки и даже сотни километров на север и на юг от станций выгрузки. Затем им приходилось ещё на повозках тащить-ся по таёжным и степным дорогам в далекую глубинку.

Если в Немреспублике, имевшей общую площадь 28,2 тыс. кв. км, немцы проживали в 22 крошечных кантонах, то на новых местах они заселялись в 224 района, многие из которых по своей территории в несколько раз превышали площадь всей бывшей АССР НП; Часто эшелоны расселялись не в один, а в два и даже три района.

С самого начала депортации стало ясно, что заложенный в постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 26 августа 1941 г. принцип поколхозного расселения переселённых немцев реализовать невозможно, главным образом по причине материальных трудностей. Первыми об этом сообщили в ЦК ВКП(б) власти Казахстана. Поэтому уже 12 сентября 1941 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) было утверждено постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) № 2060-935сс «О расселении немцев Поволжья в Казахстане». В нём Центральному Комитету Коммунистической партии Казахстана давалось разрешение расселять немцев Поволжья не целыми колхозами, как предписывалось в постановлении от 26 августа, а группами семей⁶⁷. Вскоре явочным порядком это постановление было распространено и на немцев, депортировавшихся в Сибирь.

⁶⁶ См.: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 116. Л. 43.

⁶⁷ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1042. Л. 20.

В последующем, когда осуществлялась депортация немцев из других районов СССР (Северного Кавказа, Закавказья, Центра России и др.), в соответствующих постановлениях Государственного Комитета Обороны СССР имелся пункт 3, который всюду был одинаков и гласил: «Переселение и расселение немцев в Казахской ССР произвести в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР за от 12.VIII.41 г. – «О расселении немцев Поволжья в Казахстане»⁶⁸.

Таким образом, расселение депортированных немцев проводилось посемейно. В каждый район направлялось определенное число семей, которое, в свою очередь, далее дробилось ещё по селам и колхозам. В итоге в каждое село, колхоз, совхоз, МТС и т. д. попадало всего по несколько семей. К примеру, в Акмолинской области 28 тыс. переселенцев принял 371 колхоз⁶⁹.

Заключение. Важнейшим итогом депортации стало одномоментное лишение целого народа своей «малой родины», распыление немецкого населения Поволжья и, в частности, АССР НП (в прошлом одного из самых значительных мест компактного проживания немцев в России и СССР) на новой, незнакомой громадной территории в 2,5–3 млн. кв. км. Именно с того времени и начал развиваться особенно быстрыми темпами процесс ассимиляции немцев с окружающей русскоязычной средой.

Следствием депортации, а также последовавшими вслед за ней мобилизации немцев в «трудовую армию», введения режима спецпоселения, стали большие физические жертвы, глубокая моральная травма народа, многочисленные послевоенные проблемы, связанные с борьбой немцев за восстановление справедливости, сохранение своей идентичности, что в конце концов вылилось в мощное эмиграционное движение в Германию.

70 лет – срок в истории достаточно большой. Однако он не смог ни стереть из народной памяти события депортации, ни приглушить эмоции, связанные с этим трагическим событием. А раз существует эмоционально окрашенная память, значит немецкий народ в России не исчез. Он вспоминает свое прошлое во имя будущего. И это вселяет оптимизм.

⁶⁸ См.: Там же. Ф. 644. Оп. 1. Д. 11. Л. 195, 196; Д. 12. Л. 176.

⁶⁹ См.: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 86. Л. 297.

**Указ Президиума Верховного Совета СССР
от 28 августа 1941 г. – превентивная мера обеспечения
государственной безопасности или политическая
провокация?**

Защита СССР от вражеского нашествия во Второй мировой войне была отягощена новым, по сравнению с Первой мировой войной, общественно-политическим явлением – коллаборационизмом.

Советская, российская историография долгое время не касались этой проблемы из-за недоступности архивов НКВД–МВД СССР. На протяжении многих лет история предательства, ее этнические характеристики оставалась закрытой темой. Первые исследования, созданные на основе массивной архивной документации, увидели свет в начале 2000 гг. М.И. Семиряга, О.С. Смыслов, Ю. Емельянов, Б.Н. Ковалев, О.В. Романенко раскрыли идейно-теоретические аспекты коллаборационизма, его типологию⁷⁰. М.Ю. Литвинов, Н.И. Журавлев, В.В. Помогаев посвятили работы националистическим движениям на юге России, Украине и в Прибалтике⁷¹. Н.Т. Паисо, И.А. Гилязов, С.И. Линец исследовали коллаборационистское движение среди тюрко-мусульманских военнопленных, историю формирования восточных легионов в составе вооруженных сил фашистской Германии⁷².

⁷⁰ Семиряга М.И. Коллаборационизм: природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000; Смыслов О.С. Проклятые легионы: изменники родины на службе Гитлера. М. 2207; Емельянов Ю. 10 мифов о Великой Отечественной войне. М., 2009; Ковалев Б.Н. Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг.: типы и формы. Великий Новгород, 2009; Романенко О.В. Советские легионы Гитлера: граждане СССР в рядах Вермахта и СС. М., 2010.

⁷¹ Литвинов М.Ю. Шпионы и диверсанты: борьба с прибалтийскими шпионами и националистическими бандформированиями на Северо-Западе России. Псков, 2005; Журавлев Н.И. Коллаборационизм в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах юга России) // 55 лет Великой победы: история и современность: Сб. науч. тр. Всерос. науч. конф. Ростов н/Д., 2000; Его же. Гражданский коллаборационизм на юге России в годы Великой Отечественной войны // Российская история, 2009, № 6; Помогаев В.В. Украинский национализм после II Мировой войны. Тамбов, 2000; Армстронг Дж. Украинский национализм. М., 2009. См. также сб. док.: НКВД–МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939–1959). Сб. док. М., 2008.

⁷² Паисо Н.Т. Восточные легионы вермахта: концепция, мотивация вступления, фронтовая история // Великая победа. 55 лет. Итоги и уроки: Материалы Всерос. науч. конф. 12 мая 2000 г. СПб., 2000; Гилязов И.А. Коллаборационистское движение среди тюрко-мусульманских военнопленных и эмигрантов в годы Второй мировой войны. Казань, 2000; Его же. Легион «Идель Урал». М., 2009; Линец С.И. Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942 – октябрь 1943 гг.). Пятигорск, 2009; Чеченцы // Российская энциклопедия, М., 2010 г.

Обратимся к проблеме коллаборационизма применительно к истории немецких диаспор. В Европе после оккупации вермахтом Австрии и Чехословакии (1938 г.) возник синдром недоверия по отношению к немецким национальным меньшинствам – в каждом из них видели потенциальную «пятую колонну». Во Франции и других странах в силу вступают законы об интернировании и депортации немцев. В СССР закрываются германские консульства и представительства, высылаются немецкие специалисты, в том числе политические эмигранты, бежавшие в 1930-х гг. из фашистской Германии в Советскую Россию. В немецких поселениях Поволжья, в АССР Немцев Поволжья спецслужбы ведут интенсивные поиски националистических повстанческих групп, которые были ничем иным, как мифом, рожденным в горячечном бреде массовой кампании «бдительности».

Недоверие к немецким национальным меньшинствам имело серьезные основания: готовясь к войне с СССР, руководство вермахта создает в Европе сеть разведывательных и диверсионных групп. В пропаганде используются все формы информационно-психологического обеспечения войны. Печать и радио муссируют тезис: фашистская Германия получит всемерную поддержку немецкой диаспоры в любой стране мира. Пропаганда имела успех: после оккупации вермахтом этнические немцы Бельгии, Нидерландов, Италии и других стран с энтузиазмом откликнулись на возможность поддержать «историческую родину». В сотрудничестве с фашистскими оккупантами на добровольной основе были вовлечены сотни тысяч людей. Немецкие диаспоры Европы стали основной базой вербовки шпионов и диверсантов для агрессора¹.

Формирование в Европе политической, а затем и военной пятой колонны гитлеровской Германии имело международное значение, поскольку задевало проблемы государственной безопасности многих стран. *Для политического и военного руководства Союза ССР сотрудничество немецких диаспор Европы с фашистским рейхом приобрело значение исторического прецедента.*

К августу 1941 г. уже были известны факты торжественных встреч, оказанных оккупантами жителями немецких поселений Западной и Правобережной Украины, Северной Буковины. Перед советскими властными структурами встает гипотетический вопрос о «возможном коллаборационизме советских немцев»².

Наступило время жестких решений. В Политбюро ЦК ВКП(б) разрабатывается проект о депортации всех немцев Союза из мест традиционного проживания. 26 августа 1941 г. Политбюро совместно с СНК СССР утверждает

¹ Емельянов Ю. 10 мифов о Великой Отечественной войне. М., 2009, С. 181.

² Ю. Емельянов считает, что торжественные встречи, оказанные фашистским оккупантам в указанных районах послужили основанием для принятия 28 августа 1941 г. Указа Президиума В С СССР о депортации немецкого населения // Емельянов Ю. 10 мифов о Великой отечественной войне. С. 178–179.

постановление «О переселении немцев из Республики Немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей»³. Чтобы придать какое-то подобие легитимности депортации, 28 августа Председатель Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калинин подписывает Указ «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья»⁴. С 3 по 20 сентября 1941 г. из АССР НП депортируется в Сибирь, Казахстан, Узбекистан и Таджикистан все немецкое население – 376,7 тыс. человек. 19 мая 1942 г. публикуется Указ Президиума Верховного Совета РСФСР о переименовании немецких населенных пунктов в Поволжье. Аббревиатура «АССР НП» навсегда исчезает с географической карты России⁵.

Представляет интерес сличение двух документов – постановления Политбюро ЦК и Указа Президиума Верховного Совета о выселении немцев. Если в неопубликованном постановлении Политбюро и СНК ни слова не говорится о причинах депортации, лишь в предельно краткой форме содержится директива – «выселить», то в Указе Президиума Верховного Совета сообщается о *«десятках тысяч диверсантов и шпионов»*, затаившихся в Поволжье. На этом основании Президиум Верховного Совета все немецкое население региона обвиняет в государственной измене: «О наличии такого большого количества диверсантов и шпионов среди немцев Поволжья никто из немцев... советским властям не сообщал, следовательно, немецкое население районов Поволжья скрывает в своей среде врагов советского народа и Советской власти»⁶. Таким образом, в сознание населения страны внедряется «простенькая мысль»: воюем с Германией – исторической родиной советских немцев, следовательно, немцы Поволжья – враги народа и Советской власти.

Оценивая Указ Президиума Верховного Совета СССР о депортации с высоты современности, нельзя не сказать, что этот документ, создавался по накатанной стезе: по методу, посредством которого в НКВД фабриковались ложные обвинительные заключения против партийных и советских работников Немецкой республики в 1935–1939 гг.⁷

Было бы ошибкой полагать, что у авторов этого фальшивого по своей сущности документа, иссякла фантазия после сочинения многочисленных обвинительных приговоров. Несомненно, его авторы опирались на исторический

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 990. Л. 50–51.

⁴ История российских немцев в документах (1763–1992 гг.) / Сост.: В.А. Ауман, В.Г. Чеботарева. М., 1993. С. 159.

⁵ Вслед за постановлением о высылке немцев Поволжья Политбюро ЦК ВКП(б) принимает постановления: 31 августа 1941 г. – «О немцах, проживающих на территории Украинской ССР»; 12 сентября 1941 г. совместно с СНК СССР – «О расселении немцев Поволжья в Казахстане» // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 990. Л. 84, 95; Д. 993. Л. 2; Д. 1001. Л. 40, 94.

⁶ История российских немцев в документах (1763–1992). С. 178.

⁷ Немцы Союза ССР. Драма великих потрясений. 1922–1939. Архивные документы и комментарии / Автор-сост. В.Г.Чеботарева. М., 2009. С. 436–530.

опыт России, а именно – на события Первой мировой войны (1914–1918 гг.), когда официальные власти империи инициировали широкомасштабную антинемецкую истерию. В годы военного лихолетья заголовки газетных статей вопили об антигосударственной деятельности немцев-предпринимателей, выявлении шпионов среди немцев-офицеров русской армии, о тлетворном влиянии немецкой культуры на духовные основы жизни православных христиан. Сенат, в благородном стремлении покончить с «немецким засильем» в экономике и культуре империи, принял ряд известных постановлений. Все это делалось для того, чтобы оправдать в глазах народа катастрофическое положение на фронтах, гибель не подготовленной к войне русской армии. В 1941 г. драматические сюжеты Первой мировой войны были извлечены из анналов истории и в той, или иной форме поставлены на службу современности.

Не было никакой необходимости заведомо обвинять немцев в предательстве для того, чтобы выселить их из региона, который имел важное стратегическое значение. Депортация немцев в условиях войны с Германией не противоречила законам международного права, она находилась в полном соответствии с международным законодательством, что и продемонстрировали правительства европейских стран. Сразу после начала блицкрига в Западной Европе в ходе шпиономании, охватившей Польшу, Нидерланды, Бельгию, Францию и другие европейские страны, начались аресты иностранцев, представителей этнических меньшинств. В Англии десятки тысяч граждан, заподозренных властями в подрывной деятельности, по решению правительства У. Черчилля были арестованы и вывезены в Канаду. В США после начала войны с Японией в феврале 1942 г. 120 тысяч американцев японского происхождения по обвинению в шпионаже были выселены из Калифорнии и других местностей и на несколько лет брошены в концентрационные лагеря северных штатов⁸.

С вторжением вермахта на советскую территорию в пятую колонну фашистской Германии вовлекаются этнические группы приграничных районов Союза ССР. С этого времени в распоряжение штабов немецких армий направляются, сопровождаемые немецкими офицерами, группы агентов из коренного населения – русских, украинцев, поляков, финнов, эстонцев. Используя трофейное советское обмундирование, военные грузовики и мотоциклы, они продвигались перед фронтом наступающих немецких армий, проникали в советский тыл, сообщали по радио сведения о состоянии железных дорог и прочих коммуникаций, захватывали мосты, туннели и военные склады⁹.

Через три недели после нападения на СССР Гитлер приказал службе связи с немецкими национальными меньшинствами принять срочные меры для учета

⁸ Емельянов Ю. 10 мифов о Великой отечественной войне. С. 181.

⁹ Там же. С. 178.

в оккупированной части Советского Союза «лиц немецкой национальности» для последующего выдвижения надежных из них на руководящую работу в местные органы немецкого государственного аппарата.

В селах Западной и Правобережной Украины, на Волыни и в районах, прилегающих к Черному морю, аннексированных в 1941 г. Румынией, оккупационные власти создали подобие местной администрации. Из мужчин, способных носить оружие, сформировали отряды самообороны для защиты немецких поселений от партизан. Вскоре после прибытия румынских войск местные немецкие фермеры вывесили над своими жилищами флаги со свастикой. Как видно, подчеркивает Л. Ионг, положение при новой власти нравилось этим людям больше, чем при старой¹⁰. Но массового энтузиазма проявлено не было. Источники не сообщают каких-либо фактов о связях местных немцев с органами третьего рейха.

В октябре 1941 г. в Берлин направляется официальный доклад: местные немцы, даже если они не являются коммунистами, «имеют совершенно неправильные представления о взаимоотношениях внутри рейха, а также о национал-социалистских лидерах. Представителям интеллигенции непонятно чувство дискриминации... Показательным является тот факт, что после вступления немецких войск местные немцы не принимали совершенно никаких мер против евреев; более того, они считали евреев безобидными людьми, не внушающими никаких опасений»¹¹.

Планируя нападение на СССР, командование вермахта, несомненно, надеялось на вербовку прогерманских агентов в среде немцев Украины, Крыма, Северного Кавказа. Но фашистские теоретики просчитались. В сентябре–октябре 1941 г. немецкие национальные меньшинства решением Советского правительства депортируются в глубинные районы России¹². Расчеты фашистских теоретиков на использование советских немцев в качестве фашистской агентуры рухнули. Луи де Ионг пишет в связи с этим: дело было не только в том, что германской разведке невозможно было наладить связь с немцами, оказавшимися в глубоком тылу, а в том, что «некоторые немцы, особенно молодежь, сочувствовали коммунизму»¹³. Ионг утверждает: с немецким национальным меньшинством, проживавшим в Советском Союзе, гитлеровцам никакого контакта установить не удалось. С Ионгом солидарен Ю.В. Емельянов: немецкие национальные меньшинства, депортированные из Украины, Крыма, Северного Кавказа и Закавказья *без всякого основания* были

¹⁰ Луи де Ионг. Пятая колонна в Западной Европе. Загадки третьего рейха. М., 2004. С. 271.

¹¹ Луи де Ионг. Пятая колонна в Западной Европе... С. 270.

¹² «По решению Правительства Союза ССР...» / Авторы-сост.: Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Нальчик, 2003; Репрессии против советских немцев. Наказанный народ. М., 1999; Белковец Л.П. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении. 1941–1955 гг. Историко-правовое исследование. М., 2008.

¹³ Луи де Ионг. Пятая колонна в Западной Европе... С. 270.

признаны в политическом отношении неблагонадежными и обвинены в пособничестве врагу¹⁴.

В областях Сибири, в республиках Центральной Азии создаются так называемые трудовые армии. По данным С. Бобылевой на 1 января 1944 г. их контингент составляли 225 тыс. немцев¹⁵. Проводимая по отношению к немцам трудармейцам дискриминационная политика, получила отражение в исследованиях ученых России и Украины¹⁶, в документальных сборниках¹⁷.

По мере того как в ходе военных действий росло число советских военнопленных, германское военное руководство создавало политические органы и военизированные формирования из числа уроженцев национальных районов СССР. Ю. Емельянов отметил характерную особенность: для народов, имевших свои автономные образования – чеченцев, калмыков, крымских татар, балкарцев, карачаевцев – гитлеровские политологи заранее создавали в Берлине суррогатные «представительные органы», в том числе – «Северокавказский национальный комитет». Одновременно шло формирование военных частей. К середине 1943 г. на фронтах Великой Отечественной войны на стороне фашистских захватчиков действовали: 90 батальонов из уроженцев Кавказа и Средней Азии; около 90 «русских», «украинских» и «казачьих» батальонов; 14-я дивизия СС «Галичина», 29-я и 30-я «русские» дивизии СС. В составе Северокавказского легиона и чечено-ингушского пехотного полка на стороне фашистской армии воевали выходцы из Чечено-Ингушетии. В советских солдатах стреляли предатели, входившие в состав 13-й мусульманской дивизии СС «Ханшар», 15-й и 19-й латышских дивизий СС, 20-й эстонской дивизии. К концу войны, в январе 1945 г. в составе гитлеровских войск числилось: латышей – 104 тыс., литовцев – 36,3 тыс., азербайджанцев – 36,5 тыс., грузин – 19 тыс., представителей народов Северного Кавказа – 15 тыс., татар (Татарстан) – 12,5

¹⁴ Емельянов Ю. 10 мифов о Великой отечественной войне. С. 178.

¹⁵ Материалы к энциклопедии «Немцы России». Вып. 7. Немцы Украины. Пилотный сб. Сост. С. Бобылева. М., 2002. С. 44–45.

¹⁶ Чередник Е.И. Немцы в изгнании // Вопросы германской истории. Немцы на Украине. Материалы украинско-германской науч. конф. Днепропетровск, 26–29 сентября 1995 г. Днепропетровск, 1996; Вашкау Н.Э. Российские немцы в трудармии // Вторая мировая война и преодоление тоталитаризма: Рос-герм. конф. историков в Волгограде. Май 1995 г. М., 1997; Герман А.А., Куручкин А.Н. Немцы СССР в «трудовой армии» (1941–1945). М., 1998; Гончаров Г.А. Трудовая армия на Урале в годы Великой Отечественной войны. Челябинск, 2006.

¹⁷ История российских немцев в документах / Сост.: Ауман В.А., Чеботарева В.Г. М., 1993; Депортация народов СССР (1930–1950 гг.). Ч. 2: Депортация немцев (сент. 1941 – февр. 1942) гг. / Сост. О.Л. Милова (Материалы к серии «Народы и культуры»). М., 1995; Бугай Н.Ф. «Мобилизовать немцев в рабочие колонны...» – И. Сталин. Сб. док. (1940-е годы) М., 1998; Gedenkbuch. Книга памяти немцев-трудармейцев Усольлага НКВД / МВД СССР. 1942–1947. Сост. Э.А. Гриб. М., 2005; Немцы в Прикамье. XX век. Т. I – II. Архивные документы. Публицистика. Авторы-сост.: О.Л. Лейбович, А.С. Кирмерлинг, Г.Ф. Станковская и др. Пермь, 2006; Gedenkbuch. Книга памяти немцев-трудармейцев Богословлага. 1941–1946. Авторы-сост.: В.М.Кириллов, П.М.Кузьмина, Н.М. Пазглз и др.

тыс., крымских татар – 10 тыс., эстонцев – 10 тыс., армян – 7 тыс., калмыков – 5 тыс., русских – 53 тыс.¹⁸

Фактор предательства вызывал законное возмущение многонационального советского народа. Уже в военное время требования общественности о возмездии за преступления, совершенные гитлеровцами, распространялись и на коллаборационистов. Советские воины, уцелевшие жертвы массовых экзекуций, обвиняли целые этнические группы в зверствах. К концу 1943 г. сложилось, несомненно, преувеличенное представление о массовом сотрудничестве отдельных этносов с оккупантами.

Нет сомнения в том, что подозрения и сопутствующие обвинения в пособничестве врагу, не подтвержденные документально, следует расценивать как неизбежное трагическое следствие войны, в которой все народы Советского Союза принесли многочисленные жертвы. Солидарна с мнением Ю. Емельянова: подобные обвинения в измене игнорируют важное обстоятельство: наряду с предателями в составе «репрессированных» народов преобладали граждане, которые в районах депортации самоотверженно трудились на оборону СССР, тысячи представителей национальных меньшинств были награждены орденами и медалями. Но это не предотвратило принятия жестких мер на правительственном уровне: обвинения в предательстве отдельных личностей привели к ликвидации или реорганизации ряда автономных республик и автономных областей, к высылке в конце 1943 – первой половине 1944 гг. калмыков, чеченцев, ингушей, балкарцев, карачаевцев, татар Крыма¹⁹.

При наличии широкого круга свидетельств о проявлениях коллаборационизма в период Великой Отечественной войны со стороны отдельных граждан этнического происхождения, возникает гипотетический вопрос: *существовали ли какие-либо предпосылки для предательства в среде немцев Поволжья?* Рассмотрим этот вопрос в диалектическом взаимодействии политических и социально-экономических факторов на двух этапах истории: в 1920-х и 1930-х гг.

В конце 1920-х гг. в немецких селениях Поволжья, Сибири сложилась напряженная обстановка. Насильственно проводимая коллективизация вызвала бурную реакцию крестьян: на собраниях общин звучали яростные протесты против колхозов, раскулачивания; «безбожную власть» клеймили за закрытие церквей и конфессиональных школ. В ряде колоний крестьяне распустили колхозы, разогнали сельсоветы, партийные ячейки, освободили арестованных кулаков, оказав вооруженное сопротивление милиции. В 30 селениях Немецкой республики вспыхнули крестьянские восстания. Массовые протесты

¹⁸ Фролов М.И. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. в немецкой историографии. СПб, 2008. С. 109; Емельянов Ю. 10 мифов о Великой отечественной войне. С. 179; Романенко О.В. Советский легион Гитлера. Граждане СССР в рядах вермахта и СС. М., 2000.

¹⁹ Емельянов Ю. 10 мифов о Великой отечественной войне. С. 181.

имели следствием эмиграцию значительной части населения. Это был *период своего рода гражданского неповиновения, конфронтации немецкой сельской общины и государственных властных структур*.

1930-е годы – качественно новый этап немецкой истории России. В центре национальной политики, проводимой по отношению к советским немцам, становится АССР Немцев Поволжья. Сначала в Политбюро ЦК ВКП(б) возникает эфемерная идея использовать республику в советско-германских отношениях с далеко идущими политическими целями; затем новый проект: путем мощных финансовых вливаний превратить АССР НП с ее аграрной специализацией в индустриально-аграрную республику, сделать образцово-показательной для всех автономий Советского Союза. После продовольственного кризиса середины 1930-х гг. в Центральном Комитете партии и Президиуме ВЦИК Республику Немцев Поволжья рассматривали уже как важнейшее звено в народно-хозяйственном комплексе страны – как житницу союзного значения. Национальная политика по отношению к Немецкой республике проводилась под пристальным контролем ЦК ВКП(б), Президиума ВЦИК и осуществлялась по следующим направлениям.

Национально-государственное строительство. В 1928 г. в связи с проведением районирования чрезвычайно остро встал вопрос о национальном суверенитете автономии. В июне 1928 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило решение Оргбюро ЦК об условиях вхождения Немецкой республики в состав Нижневолжского края²⁰. Согласно этому постановлению немецкая партийная организация подчинялась (в соответствии с принципами партийного строительства) общему руководству крайкома; распределение работников-националов сохранялось за обкомом АССР НП; в тех случаях, когда проведение директив крайкома по вопросам бюджета и назначения работников могло привести к ограничению, или сужению прав автономии, обком автономной республики, не проводя их в жизнь, переносил на обсуждение ЦК ВКП(б).

Условия вхождения Немецкой республики в состав края предусматривали: принцип добровольности с обязательным постановлением съезда Советов; право выхода из края; перспективы культурно-хозяйственного роста и национального развития; единство руководства автономной республикой и краем на основе общего плана социально-экономического развития; разрешение разногласий между партийной организацией автономной республики и крайкомом в Президиуме ВЦИК и СНК РСФСР. В июне 1928 г. Чрезвычайный съезд Советов АССР НП утвердил постановление, в котором был четко обозначен принцип незыблемости автономных прав Немецкой республики: в составе

²⁰ Нижневолжский край (1928–1934 гг.) Образован из Астраханской, Саратовской, Сталинградской и части Самарской губернии. В его состав выходили АССР НП и Калмыцкая АО. В 1934 г. разделен на Саратовский и Сталинградский края (1934–1936 гг.).

края сохраняются основные положения Конституции АССР НП, определяющие ее автономные права как государственного образования и как *федеративной части РСФСР*. Таким образом, *суверенитету автономной республики были приданы конституционные гарантии*.

Развитие производительных сил. В целях достижения поставленной цели – преобразования АССР НП в индустриально-аграрную республику – Совнарком РСФСР принял меры для подъема промышленности: в 1931–1932 гг. в индустриальные отрасли было вложено 7 млн. руб.; возводились мясной и консервный комбинаты, текстильные фабрики, осуществлялось техническое перевооружение ряда предприятий; целенаправленно формировался национальный рабочий класс – удельный вес рабочих немецкой национальности увеличился до 65%²¹.

Во второй половине 1930-х гг. ЦК ВКП(б) и СНК СССР принимают серию постановлений, направленных на укрепление экономических основ автономных республик и областей. 29 декабря 1936 г. Председатель СНК СССР В. Молотов и секретарь ЦК ВКП(б) И. Сталин подписали постановление Политбюро «О дополнительных работах по Башкирской и Чувашской АССР, АССР НП, Челябинской и Саратовской областям». В части, касающейся Немецкой республики, предусматривалась реализация проектов: ирригационного и лесомелиоративного строительства, сооружение Энгельсской ирригационной системы на площади 9,7 тыс. га; орошение 50 тыс. га, насаждение поlezазщитных полос; закладка питомников. Для этих работ Сельхозбанк выдал колхозам Республики Немцев Поволжья только на 1937 г., 22,4 млн. руб. Наркомзем – оказал техническую помощь колхозам при проведении оросительных работ, (определив сверх установленного на 1937 г. объем капитальных работ стоимостью в 8,9 млн. руб.). Развернулось дорожное строительство, причем, объем капитальных вложений был увеличен на 8 млн. руб.

Со стороны союзного правительства особое внимание уделялось зерновому направлению сельскохозяйственной отрасли. Во второй половине 30-х гг. Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли серию постановлений по финансированию и списанию задолженности с колхозов и машинно-тракторных станций АССР НП: 22 мая 1932 г. (совместно с СНК СССР) – постановление об орошении Заволжья общей площадью в 4,3 млн. га, с целью создания массива по производству 300 млн. пуд. зерна; 14 июля 1937 г. – о списании с колхозов недоимок по натуроплате, задолженности по зерновым ссудам прежних лет. В начале сентября 1937 г. в распоряжение обкома и СНК АССР НП передается фонд в 50 тыс. пуд. зерна для скидок по зернопоставкам отдельным колхозам, с перечислением скидок в недоимку из урожая 1938 г. 23 сентября

²¹ Трудовая правда. (Орган Обкома ВКП(б) и Совнаркома АССР НП. г. Энгельс). 1932, 17 февраля.

1937 г. Политбюро утверждает совместное с СНК СССР постановление «О финансовых льготах АССР НП». Аналогичные постановления по финансово-хозяйственным вопросам принимались и в 1938, и в 1939 гг.²²

Народное просвещение. В начале 1930-х гг. в Немецкой республике были достигнуты существенные успехи в деле народного просвещения: власти практически покончили с наследием империалистической и гражданской войн – с неграмотностью взрослых и подростков. В 1930 г. вводится всеобщее обязательное обучение в объеме четырех классов (58,3 тыс. детей); в 1931 г. – всеобщее семилетнее обучение (11 тыс. подростков). Если в 1920-х гг. строительство школ проводилось в основном за счет национальных общин, то с 1930 г. оно обеспечивалось средствами государственного бюджета.

Подготовка кадров с высшим и средним специальным образованием. В 1920-х гг. в Немецкой республике не было ни одного высшего учебного заведения, действовало лишь 5 техникумов (0,5 тыс. учащихся). С 1932 г. функционировали педагогический и сельскохозяйственный институты, советско-партийная школа с общим контингентом в 25 тыс. человек; в 19-и техникумах осваивали различные профессии 28 тыс. юношей и девушек; на рабфаках знаниями за среднюю школу овладевали 15,5 тыс. человек²³. Следует заметить, что аттестат рабфака открывал двери в высшие и средние учебные заведения.

По решению союзного правительства в университетах и советско-партийных школах были созданы национальные отделения в соответствии с языковой принадлежностью учащихся. Для немцев были организованы сектора (факультеты) в Коммунистическом университете национальных меньшинств Запада, в Одесской губернской партийной школе, в советско-партийной школе г. Омска. Центром подготовки немецких партийных кадров для АССР НП, Самарской, Саратовской областей и Юго-Восточного края стала советско-партийная школа в г. Марскштадт. Молодые немцы, успешно окончившие среднюю школу, ежегодно направлялись в центральные вузы страны по командировкам обкома партии.

1930-е гг. – время низкого уровня благосостояния населения, в ряде случаев студенты были вынуждены покидать вуз из-за материальных трудностей. В целях сохранения немецкого студенческого контингента в советско-партийных школах СНК РСФСР предоставил Немецкой республике право включать стипендиальный фонд в местный бюджет. Многие вопросы, связанные с проблемой подготовки национальных кадров решало в Москве Представительство АССР НП при Президиуме ВЦИК. Его работники занимались обеспечением квот для молодых немцев в вузах и техникумах Москвы, Ленинграда, Харькова,

²² См. подробнее: Немцы Союза ССР. Драма великих потрясений. 1922–1939 гг. Архивные документы. Комментарии. С. 246–250, 252, 259–260.

²³ Трудовая правда. 1932. 5 сентября.

обеспечением студентов одеждой, питанием, медицинским обслуживанием, санаторным лечением и т.д.

В Немецкой республике были созданы все условия для повышения квалификации работников через курсовую систему. В 1929 г. власти организовали курсы по подготовке 2-х тыс. председателей сельсоветов; в трех кантонах действовали курсы для рядовых членов сельсоветов, лекции прослушали 105 выходцев из бедняцких семей. Весной 1930 г. 280 председателей и 60 секретарей сельсоветов обучались на двухнедельных курсах²⁴. Особое внимание уделялось повышению квалификации партийных кадров: в 1937 г. на 15 курсах разного профиля обучалось 1200 секретарей канткомов, инструкторов Немобкома и канткомов ВКП(б); переподготовку прошли 200 секретарей парткомов предприятий, партторгов колхозов и совхозов²⁵. При формировании групп курсантов строго учитывалась национальная принадлежность, естественно, немцы пользовались в этом случае особым приоритетом.

Кадровая политика. Национализация аппарата. Одно из важных направлений национальной политики в АССР НП – коренизация аппарата партийных, советских, хозяйственных организаций, обязательное изучение немецкого языка работниками администрации. В феврале–марте 1930 г. в республике работала комиссия ВЦИК по контролю за осуществлением основных принципов государственной национальной политики. Комиссия установила, что в административных органах немцы представлены в соответствии с удельным весом в составе населения республики. Аппарат ЦИК АССР НП состоял из 79 человек, в том числе: 53 немца, 13 русских, 10 украинцев и татар, 3 эстонца; в Совнаркоме работали 13 человек: 10 немцев, 2 русских, 1 украинец. Контингент кантональных исполкомов насчитывал 237 человек, из них: 161 немец, 49 русских, 24 украинца, 3 – других национальностей. В президиумах кантональных комитетов числилось 90 человек, в том числе: 64 немца, 15 русских, 12 украинцев.

Вместе с тем Комиссия ВЦИК выявила парадоксальную ситуацию – в составе первых секретарей канткомов преобладали русские. Это не прошло мимо внимания Генерального секретаря ЦК И.В. Сталина. На февральско-мартовском (1937 г.) Пленуме ЦК он обратился к первому секретарю Саратовского обкома партии А.И. Криницкому с вопросом: «Почему у вас в немецких районах нет немецких секретарей? Немцев не стало?»

В ответ А.И. Криницкий занялся самокритикой, в соответствии с партийной этикой: одной из основных наших ошибок, сказал он, являются «грубейшие нарушения национальной политики»: из 22 секретарей кантональных парткомов только 4 – немцы, газеты в двух кантонах с чисто немецким населением выходят на русском языке.

²⁴ ГАРФ. Ф.1235. Оп. 125. Д. 24. Л. 201.

²⁵ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 28. Д. 51. Л. 33.

Немецкому языку в республике было придано значение государственного языка. Делопроизводство велось на языках местного населения: в шести немецких кантонах – на немецком, в трех смешанных и трех русско-украинских – на русском. В специальном постановлении ЦИК АССР НП содержались рекомендации, касающиеся делопроизводства: в кантонах с русским и немецким населением печати и штампы должны быть на русском и немецком языках; с населением русским и украинским – на русском и украинском; постановления правительства, инструкции издавать на немецком и русском языках; с учреждениями, которые находятся за пределами Немреспублики, переписку вести на русском языке; в школах с немецким контингентом преподавание вести на немецком языке; в русских и украинских школах немецкий язык преподается как предмет обучения; государственными языками на собраниях и съездах являются немецкий, русский и украинский языки.

Проводя национализацию аппарата, ЦИК АССР НП уделил внимание проблеме, которая особенно задевала национальные чувства немцев. В период Первой мировой войны названия немецких колоний, как известно, были изменены на русские. ЦИК АССР НП восстановил традиционные наименования, «изъятые в силу русификаторской политики прежнего правительства».

Итак, мы рассмотрели политические и социально-экономические условия, при которых протекала жизнь советских немцев в довоенный период. На основании выше изложенного можно придти к следующему заключению.

Республика Немцев Поволжья до 1941 г. сохраняла национальный суверенитет, о чем, в частности, говорят протоколы Нижневолжского и Саратовского крайкомов: эти структуры очень редко вмешивались в дела АССР НП, а если и принимались какие-то решения, то в строгом соответствии с интересами автономии. В Москве интересы республики также находились под защитой. Архивы сохранили многочисленные свидетельства того, как на сессиях и заседаниях Президиума ВЦИК представителями АССР НП отстаивались суверенные права автономии при решении социально-экономических и культурных проблем. Немецкая республика не только не ущемлялась в правах, когда правительства РСФСР и СССР, Политбюро ЦК ВКП(б) принимали постановления, направленные на перспективное развитие экономики, но напротив, пользовалась некоторыми преимуществами по сравнению с другими автономными образованиями.

Общественно-политическая ситуация в АССР НП при всех негативах (острых коллизиях коллективизации, репрессиях в партийно-советской среде, насаждении атеизма, притеснении религии)²⁶, развивалась для основной массы народа в основном в положительном ключе. Сельские жители были вовлечены в колхозы, постепенно адаптировались к новым хозяйственным условиям, и как

²⁶ См. подробнее: *Герман А.А. Немецкая автономия на Волге. 1918–1941 гг. 2-е изд., исправл. и дополн. М., 2007.*

показывают архивные документы, практически все имели земельные участки для собственного хозяйства, причем, иногда крупного размера²⁷.

в 1930-х гг. в республике существенно изменилась демографическая ситуация: сформировалось новое поколение потомков немецких колонистов. Юноши и девушки, родившиеся приблизительно в 1910–1912 гг., в начале 1920-х прошли советскую школу с ее мировоззренческими установками. Впервые в истории перед сыновьями и дочерьми бывших немецких колонистов открылись двери средних и высших учебных заведений, и немецкая молодежь с ее традиционалистским образом жизни оказалась под воздействием широкого мира научных знаний и профессиональных увлечений. В результате изменилось мировосприятие, было покончено с узким мирком общинных, протестантских интересов. Немецкая учащаяся молодежь, молодые специалисты были полны энтузиазма. Особую гордость для немецких юношей составляло сознание, что они имеют возможность получить военное образование. Выходцы из колоний охотно приобщились к «немецкой традиции» в России – к военной службе: из немецких колоний в офицерский корпус Красной Армии пришли молодые танкисты, летчики, военные инженеры. Из молодых немцев формировались партийные и советские кадры, причем, очень часто Оргбюро ЦК не оставлял немцев-выпускников советско-партийных школ в АССР НП, а направлял их на руководящие должности в другие союзные и автономные республики. Среди молодого немецкого поколения, признательного советской власти за широкие жизненные перспективы, предателей Родины органически не могло быть. Любопытные свидетельства преданности немецких студентов стране, в которой создавался фундамент социализма, содержатся в архивах Немецкого отделения Коммунистического университета молодежи Запада. В этом учебном заведении не утихала конфронтация на идейно-политической почве между студентами, выходцами из Поволжья и юношами, прибывшими на учебу из капиталистического мира – Германии и Австрии²⁸.

Великая Отечественная война была временем жестоких испытаний для немцев СССР, но, ни сейчас, ни в 1950–1980-х гг. не оказалось никого из политиков или публицистов, историков и политологов которые бросили бы камень в немецкий народ России. Здесь уместно привести мнение авторитетного в науке Луи де Ионга: «... нет данных, которые показывали бы, что местные немцы, будь то на Украине или на Волге, совершали нападения в тылу русских армий или же занимались тайной подготовкой подобных ударов. До сих пор не опубликовано никаких документов, подтверждающих выдвигаемые против немцев Поволжья обвинения, будто среди них имелись "тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов"». Среди опубликованных в Германии архивных

²⁷ См. стенограмму V пленума Немецкого обкома от 7–9 июня 1939 г. и др. документы в книге: Немцы Союза СССР. Драма великих потрясений... С. 263–277.

²⁸ Подробности в монографии: Чеботарева В.Г. Национальная политика Российской Федерации. 1925–1938 гг. М., 2008. С. 757–775.

документов, пишет Ионг, нет ни одного, который позволял бы сделать вывод о том, что между третьим рейхом и немцами, проживавшими на Днестре, у Черного моря, на Дону или в Поволжье, существовали какие-либо заговорщические связи²⁹. Документы российских архивов подтверждают эту непреложную истину.

Ныне с сожалением приходится констатировать: принятая в 1950-х гг. Президиумом Верховного Совета СССР серия дискриминационных актов по отношению к советским немцам, привела к катастрофическим последствиям: утрате национальной государственности, разрушению этнических основ культуры, языка, религии. С незаконной ликвидацией немецкой автономии планы советского руководства о превращении АССР НП в «образцовую советскую республику» перешли в разряд мифов советской истории.

Готовясь к конференции, я задалась вопросом: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. был превентивной мерой обеспечения государственной безопасности, или политической провокацией? Нет необходимости доказывать, что меры по обеспечению безопасности были жизненно необходимы. Но Указ, изданный под эгидой высшего органа государственной власти СССР, явился политической провокацией всеобъемлющей разрушительной силы: развязал руки служащим преступного НКВД, побудил их поставить не только немцев Поволжья, но и весь немецкий народ страны вне закона, превратить около 1 миллиона граждан в изгоев, загнать их в резервации и обречь на унижительное существование в атмосфере враждебного отчуждения. В результате проведения Указа в жизнь рухнула в небытие немецкая национальная государственность, разорвались семейные связи, погибла традиционная немецкая этничность, развивавшаяся в России со времен Екатерины II.

Превентивные меры по обеспечению безопасности страны в условиях фашистской агрессии были необходимы, но бездоказательное обвинение целого народа в предательстве воспринимается как вопиющая несправедливость. Нет никакого сомнения в том, что к началу войны не существовало ни политических, ни социально-экономических предпосылок для принятия Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. Сегодня мы знаем: *навет «о десятках тысяч диверсантов и шпионов» в Поволжье никогда не был подтвержден ни в реальной жизни, ни документально.*

²⁹ Луи де Ионг. Пятая колонна в Западной Европе... С. 274

Депортация российских немцев с территории Сталинградской области. Новые источники

В многочисленных публикациях по истории депортации исследователи в основном используют материалы фонда 9479 (отдел спецпереселений НКВД СССР), хранящийся в ГАРФ. В период подготовки IV Международной научной конференции «Российские немцы. Женские судьбы. 1941–1955 гг.» и книги «Сарепта. Страницы истории российских немцев» мне удалось при поддержке Управления внутренних дел Волгоградской области получить возможность изучения комплекса уникальных источников. Речь идет о подробных списках депортированных немцев с территорий бывшей Республики немцев Поволжья, отошедших к Сталинградской области. Данные документы хранятся в Информационном Центре УВД Волгоградской области. Что касается бывшей колонии Сарепта, мы имеем список подлежащих выселению жителей поселка, напечатанный на машинке. В других случаях – это списки карандашом, чернилами. В архивных папках в качестве сопроводительных встречаются акты передачи выселяемых людей, рапорты о погрузке на баржи или в вагоны, телеграммы о формировании составов поездов, маршруты следования и сосредоточения на начальных и промежуточных станциях. О том, как проходила депортация, какие правовые нормы нарушались, я рассказала в двух книгах, опубликованных в 2006 и 2008 гг.³⁰

Как происходила подготовка к переселению? Тексты телефонограмм, направляемые в районы³¹, датированные 31 августа, предписывали создание областного штаба по переселению. Затем формировались участковые комиссии от оперативных групп районов, входящих в участки.

В соответствии с инструкцией³², утвержденной Л.П. Берия 27 августа 1941 г., для проведения «ответственного оперативного задания» 1 сентября были образованы оперативные тройки в составе уполномоченных НКВД (начальника районного отдела НКВД), районных комитетов партии и начальника милиции³³. Участковые тройки комплектовали оперативные группы в составе опера-

³⁰ Вашкау Н.Э. Страницы истории российских немцев. Волгоград, 2006; её же: Сарепта. Территория памяти. Волгоград, 2008.

³¹ В соответствии с текстом телефонограммы в Котельниковский РО НКВД в оперативную участковую комиссию входили представитель штаба УНКВД, начальник РО НКВД, секретарь РК ВКП (б) // Информационный Центр УВД Волгоградской области (далее – ИЦ УВД). Ф.42. Д.47. Л.23.

³² Текст инструкции «По проведению переселения немцев, проживающих в АССР Немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областях» был впервые опубликован в 1995 г. См.: Депортация народов СССР (1930-е – 1950-е годы). Часть 2. Депортация немцев (сентябрь 1941 – февраль 1942 гг.). М., 1995. С. 74–79.

³³ ИЦ УВД Волгоградской области. Ф.42. Д.34. Л.5.

тивного работника, работника милиции, бойца войск НКВД, представителя райкома партии или райисполкома и лиц, ответственных за опись и приемку имущества. С тем, чтобы не допустить волнений и неповиновения, была задействована агентурная сеть, о чем есть упоминания в архивных документах, например, по Котельниковскому РО НКВД. Отметим, что данные с указанием фамилии осведомителя и его псевдонима заполнены на типографском бланке, на обороте указан тираж – 150 экз.

Для сопровождения к узловым станциям, пристаням в распоряжение уполномоченных НКВД по районам были командированы войска НКВД. Уже 2 сентября, например, по Эльтонскому участку, предписывалось прибыть группе вооруженных бойцов войск НКВД в количестве 6 человек¹, по Николаевскому району – 300 чел.² Документы совершенно секретно отправлены для ознакомления на места еще 30 августа 1941 г. Подготовлены на типографских бланках, количество бойцов вписано ручкой.

На каждую семью заполнялись учетные карточки, все село переписывалось оперативными тройками. Списки напечатаны на типографских бланках на пишущей машинке, часть списков сделана от руки. Составляли их оперативные группы, выезжавшие в районные центры, колхозы, поселки. Списки, а также учетные карточки на семью составлялись в трех экземплярах. Указывалось количество семей, общее число жителей, отдельно выделены мужчины, женщины, дети. С правой стороны списка те же данные с указанием, сколько человек погружено в вагон. Иногда эти цифры не совпадали. Но объяснений в сопроводительных документах не зафиксировано. Слева стояла фамилия уполномоченного НКВД, подготовившего список. Здесь же указана дата, что очень важно для определения времени отъезда, так как в воспоминаниях депортированных даты разнятся на 2–3 дня или даются указания «семья выехала в начале сентября». Сегодня мы можем восстановить абсолютно точно дату выезда жителей каждого немецкого селения или конкретной семьи.

Насколько четко работали оперативные тройки, показывает план проведения операции по переселению немцев по Котельниковскому, Ворошиловскому и Верхне-Курмоярскому районам (они входили в Котельниковский участок), направленный 2 сентября на утверждение в областной оперативный штаб уполномоченным НКВД по Котельниковскому участку Бурыкиным. Поскольку всего переселялось 48 семей (142 чел.), они были распределены между конкретными опергруппами (всего сопровождало 30 (!) бойцов НКВД и милиции), был выделен транспорт из ближайших колхозов, МТС для подвоза на ж/д станцию Котельниково.

В архиве сохранились несколько поэшелонных списков. Они показывают, жители каких деревень концентрировались на определенных узловых

¹ ИЦ УВД. Ф. 42. Д. 62. Л. 1. Дата получения документа 6 сентября 1941 г.

² ИЦ УВД. Ф. 42. Д. 53. Л. 141.

станциях железной дороги, сколько вагонов составляли эшелоны, сколько человек размещалось в одном вагоне. Так, эшелон №709 со станции Камышин 14 сентября 1941 г. направлен до станции Вагай Омской железной дороги с жителями из 5 сел – Гебель, Шербаковка, Мюльберг, Гольштейн, Гильдман. Вагонов было подано 67. Из села Гебель всего было отправлено 1443 человека (33 вагона), Гильдман – 524 (12 вагонов), село Гольштейн – 755 чел (18 вагонов)³. Одно село могло быть разделено по двум и более эшелонам (жители села Щербаковка выезжали в эшелоне № 709, 707)⁴.

Села были достаточно большими. Так, село Семеновка Добринского кантона имело 581 семью, всего 2594 жителей, из них 1316 детей. Отправлены эшелоном № 710 на станцию Омск 14 сентября⁵. Кантональный центр Добринка был еще больше – здесь выселялось 718 семей, (2741 чел., из них детей – 1363)⁶.

Часть жителей селений, располагавшихся вдоль Волги, отправлялась пароходами, баржами. В списках фигурируют названия пароходов. Например, из Камышина 162 семьи (696 чел.) были погружены на пароход «М. Лядов» 10 сентября⁷. Из Ольховки семьи были отправлены на пароходах «М. Урицкий» и «А. Грибоедов», о чем свидетельствует приводимый ниже рапорт⁸:

Сов.секретно

Областному оперативному штабу НКВД СССР

г. Сталинграда

начальника Ольховского оперучастка мллейтенанта Сафонова

Рапорт

1. По Ольховскому оперучастку учтено переселенческого контингента 342 семьи (1576). Одиночек из них 21.

2. Согласно указа областного штаба 6/IX-41 нами проведена операция по переселению. С места жительства поднято и доставлено на пункт погрузки – пристань Балыклей 342 (1565 ч.), которые 10/IXс.г. доставлены на перевалочный пункт пристань Астрахань в 2 пароходах (Урицкий и Грибоедов) и сданы по акту начальнику эшелона ст. лейтенанту Корчину с 1 экземпляром списков и карточек.

Переселяемый контингент на пристани Астрахань был погружен на 2 парохода (рейдовых) и одну морскую баржу, откуда 10/IX –41 г. отплыл в Гурьев.

³ ИЦ УВД. Ф. 42. Д. 4. Л. 1, 1об.

⁴ ИЦ УВД. Ф. 42. Д. 5Л. 1.

⁵ ИЦ УВД. Ф. 42. Д. 8. Л. 1. Списки составлены карандашом.

⁶ Мы специально акцентируем внимание на количестве детей, так как их судьба на спецпереселении заслуживает отдельного исследования. См.: Вашкау Н.Э. Сарепта. Страницы истории российских немцев. Волгоград, 2006. С.104–114, 132–208.

⁷ ИЦ УВД. Ф. 42. Д. 45. Л. 1.

⁸ ИЦ УВД. Ф. 42. Д. 57. Л. 1.

3. Оставлено по болезни «...»
4. Скрывшихся нет
5. Арестованных нет
6. Происшествий нет.

13/IX – 41

Сафонов

В списках указывались старшие вагонов (не везде), которые были назначены из немцев, что соответствовало инструкции по переселению.

Списки по Сталинграду и его районам позволяют судить о количестве немцев, живших в городе. По Ворошиловскому оперучастку Сталинграда переселение проведено 3 сентября. 315 семей (976 человек) доставлены на Баррикадный спуск на берегу Волги. Красноречивым документом является рапорт начальника Ворошиловского оперучастка Буценко, Он подан на машинописном бланке, где в пропущенные графы вносились статистические данные. Обратим внимание на формулировку вопросов, предусмотревших самые различные формы протеста. Из этого документа видно, что руководство было готово к протестным действиям населения. В то же время в рапорте отмечено, что никаких инцидентов не произошло.

Приведем документ полностью:

Сов.секретно⁹

Областному оперативному штабу НКВД

Гор. Сталинград

От начальника Ворошиловского оперучастка Буценко

Рапорт

1). По Ворошиловскому оперучастку учтено переселяемого контингента 315 семей, 976 чел. Из них одиночек 60 чел.

2). Согласно указания обл.оперштаба 3 сентября 41 г. нами проведена операция по переселению. С места жительства поднято и доставлено на пункт погрузки Баррикадный спуск 315 семей 976 чел., которые (станция, пристань)

« » сентября доставлены на перевалочный пункт _____ в « » вагонах (пароходах, баржах), и сданы под расписку начальнику погрузочного пункта тов. Козлову с одним экземпляром списков и учетных карточек. Второй экземпляр списков и учетных карточек при сем прилагаю.

3. Не поднято из числа учтенных « » семей, « » чел. по причинам _____, которые начальником _____ (указать, кто откуда и почему не поднят), райотдела НКВД _____ тов. _____ взяты на учет и будут переселены дополнительно.

⁹ ИЦ УВД. Ф. 42. Д. 34. Л. 1.

4. Скрылось от переселения « » чел., « » семей. Список скрывшихся, их местожительство и мероприятия по розыску при сем прилагаю.

5. До начала операции было арестовано к/р элемента из числа подлежащих переселению « » чел. Во время операции арестовано « » чел. Списки арестованных, с указанием состава преступления при сем прилагаю.

6. При арестах изъято _____
оружие, листовки, к/р литература и т.д. Указать количество

7. При переселении изъято _____
(указать, что изъято и сколько – оружие, листовки, к/р литература и пр.

8. При проведении операции имели место след.происшествия не было.
Подпись.

8 сентября 1941 г.

Необходимо отметить, что списки из селений содержат графы фамилия, имя, отчество, возраст, родственные отношения. Список жителей Сарепты включает еще и полный адрес. Список по Сталинграду имеет указание на профессию и место работы высылаемого лица. Только из Сталинграда было отправлено 3979 немцев. Из Сарепты – 2320. Без происшествий и неповиновения...

В Сталинградской области выселение обеспечивали 33-й полк оперативных войск, 230-й полк конвойных войск (2 тыс. чел.), НКВД (100 чел.), милиция – 250 чел. Руководил опергруппой войск комбриг Сладкевич. В период выселения по области было арестовано 35 немцев.

Всего переселено из Сталинградской области 26245 чел.¹⁰

Списки российских немцев являются неопровержимым свидетельством массовой запланированной и четко проведенной операции НКВД по депортации тысяч людей без каких-либо разъяснений, материального обеспечения и гуманного отношения к людям. Необходимым дополнением для реконструкции процесса депортации российских немцев являются воспоминания людей, переживших трагедию выселения и передвижения вглубь страны.

Сегодня российские немцы остро нуждаются в возможности включить свой жизненный опыт в непрерывную ткань исторической памяти. Причем, сделать это не только в рамках семейной памяти, а получить общественную трибуну и возможность рассказывать как можно большему кругу людей о тех событиях, свидетелями и жертвами которых они были. Рассекречивание списков депортированных российских немцев официальной комиссией УВД

¹⁰ Депортация народов СССР (1930–1950-е гг. Ч.2. М., 1995. С. 40.

Проявление гражданской идентичности немцев Поволжья в период их депортации (по оценкам сотрудников НКВД, проводивших депортацию)

Как известно, термин «депортация» вошел в русский язык от латинского «deportatio» – «изгнание», «ссылка». В периодической печати, а порой и в научных публикациях бытует мнение, что депортация, как социальное явление, стало порождением социализма. С этим нельзя согласиться, поскольку еще в эпоху Средневековья из Англии выселялись цыгане, из Франции – арабы и евреи. Из Греции и Болгарии в 1924 году были выселены турки. В 1942 году Президент Соединенных Штатов Америки Ф.Рузвельт подписал указ о выселении из западных в центральные штаты 120 тысяч американцев японского происхождения и размещении их в специальных охраняемых лагерях.

Историческая правда состоит в том, что руководители СССР «творчески» использовали предшествующий опыт, и возвели его в ранг государственной национальной политики. На протяжении 30-х – 50-х годов XX столетия в СССР по политическому, социальному и этническому признаку депортации было подвергнуто свыше 1 миллиона 800 тысяч человек¹¹.

Процессы демократизации в России, начавшиеся в последние десятилетия прошлого века, сделали достоянием гласности многие, ранее закрытые для исследования документы и материалы советского периода.

К ним относятся и события августа–сентября 1941 года, связанные с переселением немцев Поволжья. В этой операции принимали участие и войска НКВД¹².

Депортация осуществлялась на основании постановления Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 26 августа 1941 года¹³ и Указа президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года. В качестве приложения к постановлению Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б), комиссариатом внутренних дел были разработаны, а высшими партийным и советским исполнительными органами утверждены, рабочие документы. Один из них – «Инструкция по проведению переселения немцев, проживающих в АССР немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областях»¹⁴.

¹¹ Марченко Г. «Депортация: взгляд спустя десятилетия» // На Боевом посту. № 2. 2007. С. 47.

¹² Войска НКВД являлись составной частью Наркомата внутренних дел, его структурным элементом и военной силой.

¹³ Полный текст постановления см.: Герман А. А. История Республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. С. 229–233.

¹⁴ Инструкция опубликована. См.: Герман А. А. История Республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. С. 233–236.

Для руководства операций по переселению была создана оперативная группа НКВД во главе с заместителем Народного комиссара внутренних дел СССР И.А. Серовым. В её распоряжение выделялись: 1550 сотрудников НКВД и 3250 работников милиции. Для войскового обеспечения операции по переселению немцев, 26 августа в Немреспублику и соседние с ней области, откуда надлежало выселять немцев, были направлены части войск НКВД:

- в Энгельс – 32-й полк оперативных войск (1500 чел.). 174-й и 175-й отдельные батальоны оперативных войск (соответственно 400 и 500 чел.). Резервная группа войск (1 тыс. чел.). 226-й и 240-й полки конвойных войск (по 1500 чел. каждый), 60-й полк внутренних войск (600 чел.) и батальон от 29-й бригады внутренних войск (500 чел.);

- в Саратов – 238-й полк конвойных войск (1000 чел.), а также задействовались курсанты местного военного училища НКВД (1300 чел.);

- в Сталинград – 33-й полк оперативных войск (1500 чел.) и 230-й полк конвойных войск (1000 чел.).

Начальниками войсковых групп были назначены: в Энгельс – комбриг Кривенко, в Саратов – полковник Воробейков, в Сталинград – комбриг Сладкевич. Общее руководство частями войск НКВД, задействованными на обеспечении операции по переселению немцев из Поволжья, возлагалось на генерал-майора Ачкасова, который поступал в непосредственное подчинение заместителю Наркома внутренних дел И.А. Серову.

О направлении указанных выше частей и подразделений в Энгельс, Саратов и Сталинград доложил Наркому внутренних дел СССР Л. Берии исполнявший обязанности начальника войск НКВД СССР генерал-майор А.Н. Аполлонов¹.

Таким образом, к участию в операции по переселению немцев из Поволжья привлекалось 12 350 человек личного состава различных частей и подразделений войск НКВД, в том числе командиры и курсанты Саратовского военного училища НКВД.

В современной публицистике, в отдельных научных исследованиях существенно искажена роль войск НКВД и особенно методы их действий. Согласимся, что при тоталитарном режиме эти войска неоднократно использовались при проведении силовых или карательных операций. Не исключены и случаи необоснованно жестоких действий отдельных военнослужащих рядового и командного состава, но в этой связи следует подчеркнуть два момента. Первый – войска действовали не по своей воле, а выполняли решения соответствующих органов государства. Второй – действия войск осуществлялись в рамках их правового статуса. И если допускались нарушения, то они носили личностный характер.

Подтверждением тому служит анализ архивных документов об участии в операции офицеров и курсантов Саратовского военного училища.

¹ См.: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 85. Л. 17

К выполнению этого задания, в период с 23 августа по 19 октября 1941 года личный состав училища привлекался на основании телеграфного распоряжения Начальника Управления Оперативных войск².

Из числа командно-начальствующего и курсантского состава были сформированы 6 оперативных групп по 150 человек. Группам были поставлены задачи:

- выдвинуться в назначенный район и взять под охрану жизненно важные объекты (правления колхозов и совхозов, молочно-товарные фермы, машинно-тракторные станции, нефтебазы, электростанции и др.);

- организовать патрулирование, дозорную службу и заслоны с целью предупреждения побегов лиц, подлежащих переселению. Не допустить расхищения государственной и личной собственности, пресекать возможные грабежи и мародерство.

- сопровождать обозы переселяемых немцев до станции погрузки и обеспечивать на этих пунктах общественный порядок.

Были обозначены районы для проведения операции: Аркадакский, Ершовский, Вольский, Базарно-Карабулакский, Вязовский, и Ней-Вальтерский.

По информации местных органов НКВД оперативная и политико-экономическая обстановка в районах операции существенно не различалась и была достаточно спокойной.

Вот как характеризует её начальник опергруппы Аркадакского района: «Район является одним из передовых в Саратовской области. Обязательства перед государством выполняются полностью. Настроение населения здоровое, за исключением одиночных фактов антисоветской агитации на почве некоторых материальных затруднений. Трудовая дисциплина хорошая. Район заселен немцами в 1910–1911 годах. Среди них было значительное количество зажиточных (кулацких) хозяйств. Многие имели по 50 десятин земли, 8–10 лошадей и использовали наёмный труд. В среде немцев присутствовали эмиграционные настроения. Как результат, в 1927–1929 годах, имели место выезды в Америку. Особенно эмиграционное настроение проявлялось в период установления Советской власти в Латвии, Литве и Эстонии, в связи с обменом на германских граждан. Имели место и факты шпионажа, своевременно вскрытые и ликвидированные районными НКВД. Часть немецкого населения подвержена пораженческим настроениям в пользу фашистской Германии, хотя свои настроения вуалируют лояльностью к Советской власти...³».

Подобные донесения в адрес начальника училища были присланы и другими руководителями оперативных групп. По спискам составленным «тройкой» руководителей районов и отделениями НКВД и МГБ переселению подлежало 18 747 человек.

² Там же.

³ Центральный архив внутренних войск МВД России (далее – ЦАВВ). Ф. 240. Оп. 1. Д. 23. Л. 129.

Масштабы предстоящей операции можно проследить из таблицы 1.

Таблица 1.

Основные параметры спецоперации, проводившейся личным составом Саратовского военного училища НКВД⁴

Объект операции, район	Количество переселенцев, чел.	Состав оперативной группы, чел.	Станция отправки
Аркадакский	1922	153	Ст. Аркадак
Базарно-Карабулакский	1301	150	Ст. Бурассы
Вольский	2100	151	Ст. Вольск
Вязовский	7100	150	Ст. Курдюм
Ершовский	2700	150	Ст. Ершово
Ней-Вальтерский	3624	150	Ст. Баланда

Решение на проведение операции принималось руководителями оперативного участка. Как правило, это были начальники РО НКВД. На основании данного решения командиры войсковых оперативных групп производили расстановку личного состава, исходя из численности переселенцев и особенностей предстоящих действий.

С момента прибытия и до начала операции личный состав взял под охрану жизненно-важные объекты, на которых допускалась вероятность диверсий. Такими объектами, например, в Вольском районе стали два цементных завода: «Комсомолец» и «Красный Октябрь», а также нефтяная база.

Во всех населенных пунктах, из которых предстояло переселение, круглосуточно выставлялись дозоры, патрульные группы, секреты и заслоны. Задача состояла в том, чтобы не допустить диверсий по отношению к местному населению, отравлению воды, поджогов и т.д.

Такие меры предосторожности были обоснованными. Так, 4 сентября поступили данные, что в районе совхоза имени Нансена к сторожике подходили двое неизвестных и спрашивали место расположения нефтебазы. В разговоре сторожика уловила немецкий акцент. В тот же день в совхозе «Динамо» Базарно-Карабулакского района был убит председатель Кашимирского сельпо. 9 сентября в 14 часов в пункте Аркадак загорелась пристройка к одному из домов в которой находился скот, а в тот же день и на следующий в одном из колхозов Базарно-Карабулакского района пало 20 овец. В селе Н. Скатовка Вязовского района был зафиксирован случай тяжелого отравления девяти колхозниц. Однако, при расследовании выяснилось, что виновниками отравления были сами пострадавшие, употребляя в пищу вместо соли селитру.

⁴ ЦАБВ. Ф. 240. Оп. 1. Д. 23. Л. 6, 10, 13, 59, 80, 129.

В Аркадакском районе 8-го сентября в 22 часа в отдел НКВД поступила информация о том, что днем недалеко от районного центра появились две женщины. Одна из них выглядела беременной. Женщины спрашивали у прохожего рабочего дорогу на Кистендей. Вечером этот же рабочий увидел их в подсолнухах. Женщины переодевались в мужскую одежду, а на одной из них «на месте беременности» висела полевая сумка.

Кроме того, органам НКВД стало известно, что в ряде сел, население которых подлежало выселению, начался забой скота, продажа зерна, мяса и других продуктов. В селе Ягодная Поляна курсанты задержали трех мужчин, вывозивших из села закупленную и краденую пшеницу. Задержанные пытались дать взятку, но были арестованы и доставлены в милицию. Подобные факты имели место и в других районах.

Операция по переселению носила поэтапный характер. Это было связано, прежде всего, с графиком подачи эшелонов на станции погрузки.

В Ершовском и Вязовском районе она началась – 2-го, в Вольском – 10-го, в Аркадакском – 13-го, а в Ней-Вальтерском и Базарно-Карбулакском 14-го сентября.

В эти дни изменился и характер службы войсковых нарядов. Основные силы были сосредоточены на станциях погрузки. Там выставлялось плотное оцепление для предотвращения возможных побегов или уклонения от переселения иными способами. Значительная часть военнослужащих была задействована на сопровождение из домов до места погрузки в вагоны. Вся операция длилась несколько дней. Дольше других она продолжалась в Вязовском районе, где переселению подлежало 1519 семей общей численностью 7100 человек. Отправка производилась со станции Курдюм в три этапа: 5, 7 и 8 сентября. В других районах операция была завершена за 1–3 дня.

Столь сжатые сроки операции регламентировались соответствующими приказами и директивами Наркомата внутренних дел. Это требовало от военнослужащих действовать решительно и категорично, пресекая любые факты затягивания времени, отведенного переселенцам для сбора имущества, или уклонения от выполнения.

В нормативных документах определялись и способы действия войсковых нарядов. Так, пункт 10 приказа НКВД СССР № 00347 гласил: «...в случаях отказа отдельных членов семейства, подлежащих выселению, таких лиц арестовывать и перевозить на место расселения в принудительном порядке⁵».

По документам ГАРФ, в АССР немцев Поволжья было арестовано 287 человек⁶. Однако в донесениях начальников оперативных групп Саратовского военного училища НКВД такой факт упоминается лишь один раз⁷.

⁵ ГАРФ Ф. 9479. Оп. 1. Д. 84. Л. 143.

⁶ Там же. Д. 83. Л. 41.

⁷ ЦАВВ. Ф. 240. Оп. 1. Д. 23. Л. 10.

Характеризуя поведение немецкого населения, руководитель оперативной группы войск НКВД определяет его как «дисциплинированное, терпеливое и законопослушное». Несмотря на слухи о предстоящем переселении, абсолютное большинство немцев, до объявления Указа выходило на работу и выполняло все распоряжения.

Такой факт подтверждается и количеством военнослужащих направляемых для обеспечения выселения, доставки переселенцев к станциям погрузки. Это видно из таблицы 2.

Таблица 2.

**Соотношение численности выселяемых и военнослужащих,
участвовавших в выселении**

Наименование населенного пункта	Количество выселяемых, чел.	Состав войскового наряда, чел.	Соотношение численности выселяемых и военнослужащих
Аркадакский район			
Аркадак	141	7	20:1
Пос. Трудовой	97	13	7:1
Пос. Коммунистический	188	14	13:1
Пос. Октябрьский	286	16	17:1
Пос. Пролетарский	260	14	18:1
Пос. Красный	264	15	17:1
Пос. Крестьянский	184	10	18:1
Пос. Рабочий	232	8	29:1
Вязовский район			
Ягодная Поляна	4820	60	80:1
Пос. Малая Скатовка	701	24	29:1
Пос. Нижний	1318	22	60:1
С. Вязовка	224	29	8:1
Ершовский район			
С. Антоновка	625	25	25:1
С. Каменка	377	15	25:1
С. Рефлектор	346	10	35:1
Совхоз Кушуйский	136	7	20:1
Ней-Вальтерский район	3624	150	24:1

Данные таблицы свидетельствуют, что соотношение сопровождающих и переселяемых в среднем составляло 1:30. Тогда как в подобных операциях, проводимых в других регионах Советского Союза, оно было 1:8, 1:10⁸.

Законопослушное поведение выселяемого немецкого населения влекло за собой и адекватное поведение военнослужащих войск НКВД. В документах того времени (служебных записках, докладах, донесениях, отзывах руководителей местной власти) не содержится ни одного факта грубости или жестокости по отношению к переселяемым гражданам. Напротив, в докладе начальника оперативной группы, действовавшей в Аркадакском районе, приводятся факт, когда курсант публично высказал сожаление о том, что Правительством СССР принят Указ о переселении немцев, что среди них есть преданные нашей Родине люди. Разумеется, такое настроение было оценено как нездоровое политико-моральное состояние, составлено внеочередное политдонесение, а сам курсант был подвергнут общественному и дисциплинарному взысканию.

В некоторых документах отмечаются неоднократные случаи оказания помощи переселенцам в погрузке имущества и других тяжелых работах. Во время следования на станцию погрузки все пожилые люди и женщины с детьми были посажены на телеги. Отношение личного состава к населению было вежливое и тактичное⁹.

Одним из самых сложных этапов операции была охрана места погрузки в эшелоны. Задача состояла в том, чтобы не допустить побегов переселенцев, контактов с другими жителями, а также в поддержании общественного порядка и соблюдение санитарных норм. Дело в том, что график подачи эшелонов в большинстве случаев не выдерживался. На некоторых железнодорожных станциях переселенцы в ожидании состава находились два и даже три дня. Их охрана осуществлялась способом оцепления в две смены по 12 часов каждая.

После завершения операции и отправки эшелонов оперативные группы были возвращены в опустевшие села, поскольку там остались значительные материальные ценности. Войсковые наряды взяли под охрану оставленное имущество и осуществляли её до передачи представителям местной власти.

1 октября начальником училища был подписан приказ, подводивший итоги участия офицеров и курсантов в проведенной операции. К этому времени поступили отзывы от старших оперативных начальников с районов переселения.

Характеризуя действия личного состава училища, руководители районов и начальники районных отделов НКВД отмечали, что курсанты «вели себя дисциплинированно, не допустили никаких аморальных проступков, показали себя исключительно с положительной стороны, были требовательны по

⁸ ЦАБВ. Ф. 240. Оп. 1. Д. 23. Л. 134.

⁹ ЦАБВ. Ф. 240. Оп. 1. Д. 23. Л. 8.

службе, пунктуальны в выполнении распоряжений, прекрасно подготовлены физически, хорошо воспитаны¹⁰».

Анализ архивных документов показывает, что официальная позиция правительственных органов, объяснявшая причину выселения немцев Поволжья, мягко говоря, не состоятельна. Можно согласиться с тем, что государство в период Великой Отечественной войны обязано было обеспечить стабильность положения и создать необходимые условия для проживания населения. Однако нельзя отрицать и то, что следовавшие одна за другой карательные акции в других регионах носили ярко выраженный противоправный характер, превращаясь, по сути, в механизм реализации сталинской национальной политики силовым методом.

¹⁰ Там же. Л. 4, 9, 55, 72.

Документы Государственного исторического архива немцев Поволжья о депортации по Указу от 28 августа 1941 года

В год трагической даты – 70-летия со дня депортации поволжских немцев по Указу Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» от 28 августа 1941 г., подписанного председателем Президиума М.И. Калининым, впервые была поставлена задача выявить документальные свидетельства по данной теме, хранящиеся в фондах Государственного исторического архива немцев Поволжья, бывшего Центрального государственного архива АССР НП (1923–1941 г.г.)

Столь позднее обращение к документам госархива было вызвано несколькими причинами.

Во-первых, операцией по выселению народа, предки которого прибыли в Россию еще по Манифестам императрицы Екатерины II от 1762 и 1763 годов и считали эту страну своей родиной, занимались оперативные группы сотрудников НКВД, милиции и специальные войсковые подразделения. В г. Энгельс 26 августа были отправлены 7550 человек во главе с командиром бригады Кривенко¹¹. Весь пласт документов по проведению депортации поступил на хранение в архивы этих органов – ФСБ, Информационные центры УВД и в бывшие партийные архивы. В государственные архивы из местных исполкомов советов депутатов трудящихся должны были поступить в соответствии с Инструкцией по проведению переселения немцев, проживающих в АССР Немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областях, списки переселяемых, но то ли они не были составлены в трех экземплярах, как того требовала Инструкция, по другой ли причине, но таких списков в архиве не было обнаружено¹².

Во-вторых, тема депортации российских немцев довольно хорошо разработана. Особенно это касается законодательной базы депортации, рассекреченных статистических данных о количестве выселенных лиц немецкой национальности из пределов АССР НП, Саратовской, Сталинградской и других областей, регионов бывшего СССР. В этом плане наибольший интерес представляют работы Н.Ф.Бугая и А.А.Германа. А.А.Герман самым тщательным образом изучил документы высших партийных и советских органов власти, весь ход подготовительной работы сталинского руководства к выселению, проанализировал постановления по данному вопросу, сделал подробный

¹¹ Герман А.А. История республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. М., Готика, 2000. С. 237.

¹² Там же. С. 235.

анализ происходивших событий, скрупулезно исследовал материалы Немобкома ВКП(б), хранящиеся в Государственном архиве новейшей истории Саратовской области. Работы А.А.Германа, как нам казалось, не нацеливали на изучение документов, хранящихся в Государственном историческом архиве немцев Поволжья в г. Энгельсе, т.к. не могли дать каких-то новых открытий.

Мы решили обратиться к данной теме, надеясь на то, что документы регионального архива помогут «увидеть» жизнь немецкого населения в годы военного времени до издания Указа и после него, почувствовать как претворялись в жизнь драконовские законы партийной и советской власти против собственного народа огульно обвиненного в массе своей в измене и предательстве.

Изучение документов ГИАИП, многие из которых не были засекречены, так как они касались увольнения граждан и относились к документам по личному составу, возможно, позволит дополнить уже созданную А.А.Германом довольно полную и объективную картину депортации и её последствий для каждого отдельно взятого человека, гражданина своей страны.

С этой целью нами были проанализированы 293 описи 190 архивных фондов, полистано просмотрено свыше 200 дел за июнь 1941 – февраль 1942 годов.

Не подвергались изучению и анализу описи тех архивных фондов, документы которых оканчивались 1940-м годом. О них мы лишь скажем, что причина отсутствия документальных материалов за 1941 г. кроется в спешке, с которой проводилась депортация, когда не все руководители сумели оправиться от удара, не все смогли сориентироваться, не все своевременно оформили документы об увольнении и, главное, не все сдали документы в Центральный Государственный архив немецкой республики как того требовал специальный приказ НКВД АССР НП «Об обеспечении сохранности документальных материалов учреждений, организаций и предприятий АССР НП». Необходимо отметить, что приказ был подготовлен постфактум, 6 сентября 1941 г., когда большая часть лиц немецкой национальности была уволена, а часть выселена. Но если бы приказ не был издан, мы бы не досчитались еще большего количества документов. В преамбуле приказа говорилось, что в связи с выселением из АССР немцев Поволжья немецкого населения, из организаций республики выбыло большинство руководящих работников. В целях предупреждения расхищения и уничтожения документов, приказ потребовал «концентрацию всех документальных материалов в Государственный архив республики закончить к 1 ноября 1941 г.».¹

Исследование материалов Государственного исторического архива немцев Поволжья позволило определить виды документов, касающиеся жизни немецкого населения с начала войны и периода депортации.

¹ Государственный исторический архив немцев Поволжья (далее – ГИАИП). Ф. Р-761. Оп. 1. Д. 112. Л. 30.

Самый большой пласт документов – это приказы по основной деятельности и личному составу. Их анализ позволил констатировать, что в первые месяцы войны работники немецкой национальности не были ущемлены в своих правах, они не увольнялись с работы по национальному признаку, вплоть до 31 августа назначались, перемещались по должности. Они работали руководителями, специалистами, рабочими и т.д. в Президиуме Верховного Совета, Совнаркоме, Наркоматах, подведомственной сети – школах, больницах, на предприятиях, в организациях, в колхозах, совхозах... Успешно трудилась в горисполкоме заведующей городским собесом А.С. Карл, мать известного деятеля общественного немецкого движения А.Г. Карла, который вместе с семьей после депортации испытал немало лишений.

Члены Энгельсского горисполкома А.Г. Шесслер и Х.А. Мейзер после увольнения, до проведения новых выборов в 1942 году, упоминались в числе отсутствующих на заседаниях по уважительной причине со ссылкой на Указ от 28 августа 1941 г.²

Всех лиц немецкой национальности, как и других трудящихся страны, отозвали из отпусков с началом войны по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 г.³

Все граждане, независимо от национальности, участвовали в сборе средств в Фонд обороны страны. Художники Немреспублики, большая часть из которых были немцы, работали над созданием эскизов и макетов на оборонную тему в товариществе «Художник»⁴.

Работникам-немцам доверялись любые должности, связанные с призывом в армию, с работой по защите населения от нападения с воздуха.

В июле, когда враг быстро продвигался вглубь страны и потребовалась защита граждан от воздушных налетов, при всех предприятиях, организациях были образованы группы самозащиты. Лица немецкой национальности входили во все их звенья: охраны порядка, пожарные, санитарные, аварийно-восстановительные, связи и противохимические⁵. Входили они также в кружки противовоздушной и противохимической обороны. Руководителем кружком ПВХО в ансамбле «Песни и танца» был Г.Г.Шмидер⁶. 24 июня управляющий отделением Росснабсбыта Эбель был привлечен для работы по мобилизации в горвоенкомат⁷. 13 августа 1941 г. начальником штаба МПВО в г. Энгельсе был назначен Ф.Ф.Шрайнер, такая должность в столице республики в августе 1941 г. не могла быть доверена ни предателю, ни шпиону, как говорилось

² Там же. Ф. Р-863. Оп. 1. Д. 118. Л. 50, 114.

³ Там же. Ф.Р-1274. Оп. 1. л/с. Д. 87. Л. 125.

⁴ Там же. Ф. Р-993. Оп. 1. Д. 4. Л. 19.

⁵ Там же. Ф.Р-790. Оп. 1. л/с. Д. 31. Л. 222, 224.

⁶ Там же. Ф.Р-1044 Оп. 1. л/с. Д. 18. Л. 133об.

⁷ Там же. Ф.Р-1138. Оп. 1. Д. 207. Л. 21, 34.

в Указе от 28 августа⁸. Студент Немецкого сельскохозяйственного института Шефер Рейнгольд Фридрихович до 3 июля, т.е. до закрытия Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, работал переводчиком.

Таким образом, можно утверждать, что даже руководители высокого ранга не знали об Указе до конца августа.

Приказы по основной деятельности и личному составу позволили нам выяснить, как проходило выселение граждан подлежащих депортации после опубликования 30 августа 1941 г. Указа в газетах Немреспублики «Большевик» и «Nachrichten» («Известия»).

Казалось бы, приказы об увольнении данных работников в соответствии с Указом, должны быть фактически идентичны. В них должны были меняться лишь фамилии, имена, отчества и должности выселенных лиц. Но анализ не подтвердил данного предположения.

Основная масса работников была уволена в период с 1 по 6 сентября. Но были организации, которые «постарались» и объявили воскресенье 31 августа рабочим днем и тем же числом уволили своих сотрудников немцев по национальности. К примеру, Республиканская контора Немволбанка специальным служебным распоряжением управляющего Каменева от 30 августа объявила 31 августа обычным рабочим днем, обязав всех работников явиться «...на занятия в обычное время, т.е. к 9 час. 30 мин утра», и этим же числом Каменев уволил всех работников – немцев последним пунктом приказа единым списком⁹.

Видимо, не оправившись от шока, не дожидаясь приказа свыше, народный комиссар земледелия АССР НП Фрицлер 30 августа издал приказ следующего содержания: «...на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа, сего числа сдал Наркомзем АССР НП своему заместителю тов. Ковалеву Павлу Корнеевичу»¹⁰. И многие другие руководители, также, не дожидаясь решения вышестоящей организации, сами на себя писали приказы об увольнении. Так, начальник управления автомобильного транспорта при СНК АССР НП А. Гольдт 1 сентября издал приказ, который гласил: «Ввиду перемены места жительства освобождаюсь с сего числа от занимаемой должности начальника... Руководство управлением передаю временно назначенному начальнику управления...» В основание приказа он вынес Указ от 28 августа 1941 г.¹¹

Приказ по аппарату Верховного Совета АССР НП о выселении начинался с фамилии председателя Конрада Генриховича Гофмана и им же был подписан.¹² Но даже в этом приказе содержался ряд недостатков: в преамбуле не было

⁸ Там же. Ф. Р-863. Оп. 1. Д. 118. Л. 61.

⁹ Там же. Ф.Р-790. Оп. 1. л/с. Д. 31. Л. 281.

¹⁰ Там же. Ф.Р-1002. Оп. 1. л/с. Д. 332. Л. 67.

¹¹ Там же. Ф.Р-1274. оп. 1. Д. 3. Л.8.

¹² Там же. Ф.Р-976. Оп. 1. л/с. Д. 19. Л.30.

дано полное название Указа от 28 августа 1941 г., не были записаны должности работников, не содержалось указания бухгалтерии на оплату отпускных и выдаче двухнедельного выходного пособия, предлагалось лишь произвести расчет по 1 сентября.

Приказы об освобождении от работы сотрудников Управления делами Совнаркома АССР НП в соответствии с Указом также не отвечали всем требованиям: были даны только фамилии и инициалы работников, не предусматривалась выдача двухнедельного выходного пособия. По первому приказу от 30 августа 1941 г. были уволены только рядовые сотрудники. Следующим приказом – от 31 августа – были уволены руководители Совнаркома: председатель – А.И. Гекман, его заместитель Я.И. Вейлерт и др. Подписал эти приказы управляющий делами Совнаркома В.И. Гааг. Третий приказ, также от 31 августа, касался уже увольнения самого Гаага и отличался он только датой увольнения – не с 31 августа, а с 1 сентября¹³.

Некоторые наркомы издавали приказы, которые фактически не упоминали о необходимости произвести расчет с увольняемыми, чем ущемляли права переселяемых. Так, приказом Наркомздрава от 1 сентября 1941 г. доктор Шпомер А.З. был освобожден от заведования Энгельсской поликлиникой с 1 сентября 1941 г., а далее «озаботились» лишь судьбой Шеппер-Уфланд, поставленной на его место.¹⁴

Практически, нам не удалось обнаружить безупречного приказа о выселении: то в преамбуле или в основании не давалась ссылка на Указ и его полное название, то не указывались должности работников, их имена и отчества, иногда даже – инициалы, чаще всего не давалось указание бухгалтерии выплатить депортированным зарплату за проработанный период, произвести оплату отпускных и выдать двухнедельное выходное пособие. Трест коммунально-бытовых предприятий освобождал от работы своих сотрудников на основании Указа, но при этом не давал указания бухгалтерии на необходимость расчета, а лишь озаботился приемом-передачей дел вновь назначенным лицам...¹⁵ Некоторые руководители обращались в Совнарком АССР НП с просьбой разъяснить порядок расчета с выселяемыми по Указу работниками. Так, Управление Кинофикации обратилось за разъяснением по данному вопросу в Совнарком АССР НП 2 сентября 1941 г.¹⁶ Ответа, к сожалению, нам не удалось найти. Только 6 сентября Совнарком АССР НП вынес постановление «О распределении ссуд райисполкомам». В нем говорилось: «Для производства расчетов с увольняемыми по проводимому на основе Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. переселению немецкого населения выдать из средств Республиканского бюджета Республики

¹³ Там же. Ф.Р-998. Оп. 2. Д. 260. Л. 82-83.

¹⁴ Там же. Ф.Р-975. Оп. 1. л/с. Д. 168. Л. 137.

¹⁵ Там же. Ф.Р-610. Оп. 1. Д. 7. Л. 71.

¹⁶ Там же. Ф.Р-998. Оп. 2. Д. 256. Л. 174.

краткосрочные ссуды. Далее были перечислены 13 кантонов и указана сумма ссуды по каждому кантону»¹⁷.

В целом ряде организаций вместо ссылки на Указ называлась причина увольнения «в связи с переменной места жительства» или «в связи с выездом из Энгельса».

Были обнаружены приказы буквально казусного характера. Так, приказом 178 (§2) от 9 августа 1941 г. был принят на работу пожарным на Урбахский мельзавод А.А. Дейнинг. Вместо увольнения работника по Указу в сентябре 1941 г. приказ № 178 (§2) был отменен лишь в части его назначения...

Правильность написания приказов, видимо, зависела и от грамотности лиц, ответственных за кадры. Приказом от 31 августа был уволен директор туберкулезного санатория Наркомздрава Папст Ал. Мих. с 1 сентября 1941 г. на основании приказа Народного комиссариата здравоохранения и назначен на его место Соловьев. Следующим приказом, также от 31 августа, со ссылкой на Указ и с необходимостью выплаты выходного пособия и двухнедельной компенсации были уволены все работники немецкой национальности¹⁸. Такая небольшая организация как столовая Горречтранспорта при увольнении уборщицы Миттельштейн 1 сентября обязала бухгалтерию произвести полный расчет с выдачей двухнедельного выходного пособия.¹⁹

Экгеймское отделение Немволбанка также предложило бухгалтерии полностью рассчитаться с переселяемыми²⁰. Энгельсский горстройтрест не только обязался выплатить все причитающиеся средства своим работникам, но и пошел навстречу старшему прорабу Герману Якову Кондратьевичу, уволившемуся по собственному желанию 25 августа, изменив статью на «выселение по Указу Президиума Верховного Совета от 28 августа 1941 г.»²¹ То есть, даже в таких экстремальных условиях, нельзя было сбрасывать со счетов человеческий фактор.

Некоторые организации не взяли на себя ответственность и не уволили своих работников, пока не получили приказы вышестоящей организации. Так поступила дирекция радио-трансляционной сети Управления связи АССР НП. Приказом от 2 сентября они уволили всех сотрудников и обслуживающий персонал сети, вплоть до сторожа, единым приказом со ссылкой на вышестоящий приказ и Указ, но без указания бухгалтерии произвести расчет и соответствующие выплаты²².

В организациях, к примеру, таких как горono, где не были обнаружены приказы по личному составу, была сделана попытка проанализировать

¹⁷ Там же. Ф. Р-998. Оп. 1. о/д. Д. 820. Л. 30.

¹⁸ Там же. Ф. Р-1234. Оп. 1. Д. 7. Л. 33.

¹⁹ Там же. Ф.Р-1644. Оп. 1. Д. 1. Л. 41об.

²⁰ Там же. Ф. Р-790. оп. 1. л/с. Д. 25а. Л. 68.

²¹ Там же. Ф.Р-1524. Оп. 1. л/с. Д. 24. Л. 45.

²² Там же. Ф.Р-1583. Оп. 1. Д. 3. Л. 17.

все сохранившиеся за заявленный период документы. Изучив протоколы педагогических советов средней школы №13 г. Энгельса были найдены косвенные подтверждения увольнения депортированных лиц. Если заседание педсовета, проходившего в августе, вел директор школы Шпади, а среди присутствующих были преподаватели Вагнер, Мейзингер, Кремер, Боргер, Ганзен, Виншу, Зоря-Штрек и другие, то на заседании 6 сентября председательствовал уже новый директор школы – Жарая, среди присутствующих учителей не было названных выше лиц немецкой национальности, кроме Зоря-Штрек, и Виншу, у которых мужья, видимо, был русскими. Такого же рода сведения мы почерпнули из протоколов заседаний педагогического совета семилетней женской школы №4.²³

Сведения о выселенных обнаружены в разных документах. Так в списке врачей по г. Энгельсу и республиканским лечебным учреждениям, составленным 9 сентября 1941 г. Наркомздравом указаны фамилии и инициалы, год рождения и окончания института, место работы и специальность. Немецкие фамилии в нем были вычеркнуты.²⁴

В ряде фондов были обнаружены акты приема-передачи дел при смене руководителей: 7–9 сентября 1941 г. директор Васильевской МТС Отт Генрих Генрихович, гл. бухгалтер Грефенштейн и другие ответственные лица передали имущество станции вновь назначенным работникам²⁵.

Ни в одном из просмотренных документов не было обнаружено указаний из Центра относительно судьбы смешанных семей, в которых муж или жена были немцами. В приказах от 1 сентября среди уволенных работниц были лица с русскими фамилиями, и только косвенно удалось установить, что они были немками. Видимо, они были уволены и в некоторых случаях даже высланы из-за отсутствия информации, которая поступила позднее. Так была уволена жена Полянского Льва Николаевича Эрна Андреевна, которая в 1941 году закончила Саратовский медицинский институт. Более того, ей не позволили работать в эвакогоспитале и это при том, что муж её был не только начальником эвакогоспиталя, но и депутатом Верховного Совета СССР. Позднее она была принята в городскую поликлинику. И таких примеров немало. Из чего и был сделан вывод, что до населения не была доведена уже названная выше Инструкция, где пункт 8 разъяснял, что члены семей, не являющиеся по национальности немцами, переселению не подлежат, но могут, по их согласованию, следовать с остальными членами семьи²⁶.

Как показали документы, пострадали при выселении из Поволжья не только немцы и их родные разных национальностей. Некоторые семьи, где фами-

²³ Там же. Ф.Р-1420. Оп. 1. о/д. Д. 50. Л. 33, 35об, 37; Д. 49. Л. 51об, 52.

²⁴ Там же. Ф.Р-975. Оп. 1. л/с. Д. 168. Л. 149–150.

²⁵ Там же. Ф. Р-1620. Оп. 1. Д. 6. Л. 69.

²⁶ Герман А.А. История республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. М., Готика, 2000. С. 234.

лия могла быть определена как немецкая, тоже подверглись депортации. Так была выслана из города Энгельса семья Грунер. Где они провели эти годы еще предстоит установить. 19 марта 1945 г. в Энгельсский горисполком обратилась Грунер Мария Михайловна с просьбой о возврате ей дома по ул. Анисовской 3. В преамбуле к положительному решению данного вопроса говорилось, что дом остался бесхозным, т.к. Грунер Мария Михайловна и её муж Евстафий Витольдович были ошибочно переселены из города...²⁷

Внезапность опубликования Указа, срочность в проведении депортации весьма негативно сказалась на работе оставшихся без кадров предприятий и организаций Немецкой республики, на экономике региона. Опустели села, некому было убирать богатый урожай, по деревням бродили недоенные коровы, голодный скот, птица... Об этом имеется немало свидетельств очевидцев, тех, кого направляли в села после выселения коренных жителей-немцев²⁸. Это утверждение зиждется не только на воспоминаниях. Оно также подтверждается документально. Управление делами Совнаркома при увольнении работников 30 и 31 августа издало приказ в виде таблицы: фамилия, имя отчество увольняемого, должность, за какое время и из какого расчета компенсировать очередной отпуск и кому передать дела по работе. Из 12 работников, вошедших в приказ от 30 августа, замена была определена только 7. Из 13, внесенных в приказе от 31 августа, замена была найдена лишь 3: председателю Совнаркома Гекману А.И., завобщей частью Фельде А.А. и конюху Дамер Л.И.²⁹. 3 сентября Мельзавод № 17 по причине «недостатка рабочей силы» вынужден был пересмотреть график работы и перейти на двухсменную работу³⁰. Директор Тарной базы Немзаготзерно в преамбуле к приказу от 24 сентября 1941 г. записал: «В связи с Указом... о переселении немцев Поволжья (так в тексте – Е.Е.) уволенные работники ст. бухгалтер Зитне, зав. складом Гольм (далее перечисляются все уволенные) ... своих дел никому не передавали из-за отсутствия работников для приема». По причине отсутствия кадров 4-го октября организация перестала существовать³¹.

Косвенные документы также вскрыли данную проблему. По списку лиц, работающих в Эгкеймском отделении Немволбанка на конец 1940 года 13 из 18 внесенных в него были немцами³². И все они подлежали выселению. Отделения Немволбанка были бы вообще закрыты в кантонах, если бы не начали прибывать с мест, занятых врагом, отделения госбанка, которые были дислоцированы в них³³.

²⁷ ГИАНП Ф. Р-863. Оп. 1. о/д. Д. 139. Л. 103.

²⁸ Там же. Ф. Р-1844. Оп. 1. Д. 42.

²⁹ Там же. Ф. Р-998. Оп. 2 Д. 260. Л. 82–83.

³⁰ Там же. Ф. Р-1363. Оп. 1. Д. 15. Л. 13об.

³¹ Там же. Ф. Р-121.6 Оп. 1. Д. 6. Л. 17, 18.

³² Там же. Ф. Р-790. Оп. 1. Д. 25а. Л. 72.

³³ Там же. Ф. Р-790. Оп. 1. Д. 291.

Актуальность проблемы с кадрами подтверждается и следующим фактом. Несмотря на страшное потрясение, вызванное Указом, 31 августа 1941 года исполняющий обязанности председателя Совнаркома Г. Брант издал Постановление «О посылке рабочей силы в хозяйства, из которых проводится переселение» и утвердил соответствующий график.

Весьма интересна статистика, представленная в этом графике. Число колхозов по 22 кантонам составляло 499, из них немецких – 345, число дворов – 70257, из них немецких – 52208. Общее число населения в колхозах – 299268 человек, из них трудоспособных – 133467. Здесь не указано количество выселенных немцев, но их легко вычислить... На место депортированных решено было направить в эти колхозы 17250 человек, 5000 из них из Саратова, остальные – за счет перемещения кадров внутри кантонов. Вся эта работа возлагалась на парторганизации³⁴.

В какой-то степени этот кадровый голод был временно приостановлен прибытием эвакуированных с мест занятых врагом. Они дислоцировались на станции Покровск и в дальнейшем направлялись в районы (кантоны) бывшей АССР НП на работу в колхозы³⁵.

7 сентября 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР издал Указ «Об административном устройстве территории бывшей Республики немцев Поволжья». На основании его 15 кантонов были отнесены к Саратовской, 7 – к Сталинградской областям. Так началось прямое уничтожение бывшей Республики. Для этого потребовалось «убрать» из обихода и все немецкие названия.

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 19 мая 1942 г. были переименованы некоторые районы и города Саратовской области. 5 июня того же года последовал новый Указ о переименовании населенных пунктов и сельских советов Саратовской области, но и в него не был включен ещё ряд населенных пунктов. И тогда последовал третий Указ от 2 июля 1942 г. о переименовании.

Во исполнении этих Указов было принято два решения исполкома Саратовского областного Совета депутатов трудящихся от 22 июня и 17 июля 1942 г. под одним и тем же названием «О переименовании некоторых населенных пунктов и сельских Советов Саратовской области». Этими решениями облисполком довел до сведения исполкомов всех уровней и населения о переименовании и обязал руководителей внести соответствующие изменения в наименования возглавляемых ими единиц, изготовить печати, штампы и вывески...

Такое же решение принял Сталинградский областной Совет депутатов трудящихся, только оно было гораздо позднее – 31 марта 1944 г.³⁶

³⁴ Там же. Ф. Р-998. Оп. 2. Д. 256. Л. 101, 102.

³⁵ Там же. Ф. Р-863. Оп. 1. Д. 121. Л. 110.

³⁶ Там же. Ф. Р-1829. Оп. 1. Д. 258а.

В столице республики, в г. Энгельс, ряд улиц также носили немецкие названия. 28 октября 1941 г. улице 15-летия Немреспублики решением горисполкома было возвращено исконное название – Телеграфная. 7 января 1943 г. на заседании горисполкома рассматривался вопрос о переименовании улиц и переулков, носящих немецкие названия. Среди них вновь была указана улица 15-летия Немреспублики...³⁷ Так в бывшей столице АССР НП не осталось ни одной улицы, связанной с этим периодом. И только в энгельсском краеведческом музее сохранилась табличка с надписями на двух языках.

Изучая документы горисполкома за 1945 г., автор этих строк обнаружила еще одно «упоминание» о бывшей Республике немцев Поволжья. При проверке правильности выдачи хлебо-продуктовых карточек на апрель месяц 1945 г. проверяющими было выявлено немало нарушений. Одно из них процитируем дословно: «Использование отдельными учреждениями и предприятиями старых печатей (быв. Немреспублики) с немецким шрифтом». В решающей части было поручено начальнику ГО НКВД принять меры к немедленному изъятию недействительных печатей...³⁸

После выселения немцев из г. Энгельса не было выполнено еще одно требование уже названной ранее Инструкции в части «опечатывания квартир переселяемых» и в «передаче остающегося нереализованного имущества под ответственность домоуправлений»³⁹.

Только 27 февраля 1942 г. горисполком обратился к данному вопросу. Он констатировал, что «за счет переселенных» оставшиеся бесхозные дома горисполком вынужден был принять в государственный жилищный фонд. Если ранее он составлял 853 дома общей площадью в 51 тысячу кв. м., то после сентября 1941 г. фонд увеличился до 1663 домов, жилая площадь которых составила 65,5 тысяч кв. метров. В связи с этим горисполком разрешил Горжилуправлению организовать с 1 марта 1942 г. четыре домоуправления и рассмотрел вопрос о мерах по сохранению жилого фонда от расхищения, т.к. «такие случаи были не единичными, более того, они носили систематический характер»⁴⁰.

К декабрю, видимо, такая работа была уже проведена и Горжилуправление обратилось в горисполком с просьбой снять недоимки с граждан, не уплативших налог на недвижимость. 30 декабря 1942 г. он рассмотрел вопрос «О сложении недоимок по налоговым платежам». В преамбуле к решению было записано: «В связи с тем, что граждане, указанные в прилагаемом списке из г. Энгельс выбыли по Указу Президиума Верховного Совета Союза ССР от 28.08.1941 г. и в результате принятых мер их новые места жительства не

³⁷ Там же. Ф.Р-863. Оп. 1. о/д. Д. 125. Л. 7об.

³⁸ Там же Ф.Р-863. Оп. 1 о/д. Д. 170. Л. 193об.

³⁹ Герман А.А. История республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. М., Готика, 2000. С. 236.

⁴⁰ ГИАНП. Ф. Р-863. Оп. 1. о/д. Д. 121. Л. 93.

установлены, исполком Энгельсского горсовета решил снять недоимки... И далее следуют списки бывших домовладельцев. В них внесено 305 человек. Что особенно ценно, у 85 домовладельцев указаны адреса проживания. Эти списки позволят сравнить их с карточками на депортированные семьи, хранящимися в Информационном центре УВД Саратовской области и надеемся, существенно дополнят новой информацией⁴¹.

Так государство стремилось уничтожить память о Республике немцев Поволжья – АССР НП и её безвинно пострадавших жителях, которые немало сделали для своей родины. И об этом говорят архивные документы.

Долгие годы история, связанная с немцами России, была под запретом. Ученым, начиная с конца 1990-х годов удалось немало сделать для её восстановления.

Данное исследование, надеемся, пополнит наши знания о происходивших событиях.

⁴¹ Там же. Ф. Р-863. Оп. 1. Д. 122. Л. 301–308.

Заселение территории бывшей Республики немцев Поволжья в послевоенное время (1940е–1960е гг.)

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года и последовавшая за ним депортация, лишили сотни тысяч советских граждан немецкой национальности малой Родины, свободы, конституционных прав, имущества, работы и многих других необходимых атрибутов жизнедеятельности и обрекли на долгие годы жалкого существования в местах поселения.

Выселение немцев привело к обезлюдению территории бывшей АССР НП, разделенной между Саратовской и Сталинградской областями и получившей название «новых районов». Непоправимый ущерб был нанесен экономике, особенно сельскому хозяйству. Погибла значительная часть урожая, скот, не удалось сохранить и большую часть оставленного немцами имущества. Самой острой проблемой стала нехватка рабочих рук.

Переселение людского «контингента» происходило главным образом из прифронтовой полосы, из соседних областей, а также за счет внутриобластного переселения жителей Саратовской и Сталинградской областей. «Новые районы» пополнялись также за счет эвакуированных и беженцев. Как и депортация, процесс переселения носил принудительный характер и осуществлялся по тем же правилам. Переселенным в «новые районы» жителям, как и немцам, пришлось испытать много трудностей и лишений.

Политика принуждения к сельскому труду городских жителей, особенно эвакуированных и беженцев, вызывала неустойчивость социального положения заселявшихся территорий вплоть до конца войны. После её окончания массовых принудительных переселений в «новые районы» Саратовской и Сталинградской областей не проводилось за исключением лишь одного случая. В 1947 году, в связи с образованием государственного полигона Капустин Яр, сотни семей из Эльтонского района Сталинградской области принудительно были переселены в пустующие села бывшего Франкского кантона Республики немцев Поволжья (ныне – Жирновский район Сталинградской области). Этот факт был установлен в результате обследования населения бывших немецких сел в Жирновском районе, проводившегося научно-этнографической экспедицией в 1997 г.⁴²

В первое послевоенное десятилетие на рост населения в «новых районах» оказывали влияние такие факторы, как демобилизация из армии, некоторое увеличение естественного прироста, организованный набор рабочих в совхозы. Тем не менее, острая нехватка трудовых ресурсов в сельской местности этих районов сохранялась еще долгие годы.

⁴² Научный архив Саратовского областного музея краеведения (далее – НА СОМК). Оп. 1. Д. 1456.

Многие, пришедшие с фронта и сохранившие работоспособность мужчины, делали все возможное, чтобы не возвращаться в колхозы и совхозы, влачившие нищенское существование. К примеру, на 1 июля 1947 года в Энгельсском районе из 755 демобилизованных из армии было трудоустроено в колхозах лишь 376 человек¹. 389 – предпочли работу в промышленности и в МТС. К тому же, поволжская послевоенная деревня стала постоянным источником кадрового пополнения промышленности и населения городов. Глубокая неудовлетворенность людей устройством жизни колхозной деревни, потери интереса к крестьянскому труду, вследствие низкого прожиточного минимума, не позволявшего семьям колхозников сводить концы с концами, были сильнейшим стимулом для переезда в город и изменения социального статуса.

Основная масса сельчан, покидавших деревню, уходила в город самостоятельно, минуя организованные формы, и составляла более 50% от общей убыли трудоспособного населения колхозов². Государство в этом вопросе занимало двойственную позицию. С одной стороны до 1956 года оставались в силе меры, ограничивающие гражданские права колхозников, в том числе и право свободного выбора места жительства. Поскольку сельские жители не имели паспортов, руководители промышленных предприятий не имели права принимать их на работу без трудовых книжек и справок об отпуске из колхозов. С другой стороны, на практике эти правила не соблюдались, но ни один руководитель не понес за нарушение законодательства никакого наказания.

Сокращение численности населения, поставило сельское хозяйство региона в чрезвычайно сложное положение. Основной рабочей силой в селах по-прежнему оставались женщины, подростки и престарелые. По расчетам, выполненным А.И. Репинецким, в 1947 году половина всех крестьянских дворов Саратовской области не имела в своем составе ни одного трудоспособного мужчины, а в Сталинградской области в каждом десятом дворе отсутствовали и трудоспособные женщины³.

В 1950 году в Поволжье количество посевных площадей, приходившихся на одного крестьянина, возросло по сравнению с 1946 годом на 20%. Особенно тяжелое положение было у колхозников Саратовской и Сталинградской областей. На одного трудоспособного колхозника Саратовской области приходилось 8–10 га посевных площадей, в то время как этот показатель по России составлял 4,1 га. 31,6% колхозников Сталинградской области имел нагрузку более 20 га, а средняя нагрузка по области составляла 18 га⁴.

¹ Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 3193. Оп. 6. Д. 1. Л. 38.

² Репинецкий А.И. Демографический состав работников промышленности Поволжья. 1945–1965 гг. Самара. Изд-во Сам.ГПУ. 1996. С. 76.

³ Там же. С. 74.

⁴ Там же. С.78.

Приведенные факты красноречиво свидетельствуют о том, что проблема нехватки трудовых ресурсов на территории бывшей Республики немцев Поволжья оставалась очень острой, в связи с чем, продолжалась и политика привлечения на эти земли новых переселенцев. Основной формой заселения этой территории, как уже отмечалось, являлись плановые задания областям по переселению их жителей. Эти меры, проводили в жизнь, созданные в структуре Советов Министров СССР и РСФСР, Главные управления переселения и организованного набора рабочих.

Для переселенцев была введена определенная система льгот и поощрений. В частности, в соответствии с распоряжением Советов Министров

СССР от 20 февраля 1948 года дома стоимостью до 5 тысяч рублей представлялись им бесплатно, а по истечении пяти лет работы на новом месте эти дома переходили в личную собственность переселенцев. За переданные переселенцам дома, оценивавшиеся свыше 5 тысяч рублей, последним разрешалось производить оплату с рассрочкой на несколько лет⁵.

В сложившейся ситуации одной из самых важных задач партийных и советских органов стало привлечением в регион населения из более благополучных районов Саратовской и Сталинградской областей и других районов страны. Откликались, прежде всего, те, кто в силу каких-либо причин не сумел достичь благополучия на прежнем месте проживания. Известный писатель, публицист, депутат Верховного Совета СССР от г. Энгельса и Энгельсского района И. Эренбург писал в начале 1950-х годов: «В городе (Энгельс. – О. С.), в деревнях жили почти исключительно новоселы. Люди не успели приспособиться к новой обстановке; украинцы мерзли зимой, русские проклинали суховея»⁶. Сложные погодные условия, проблемы с предоставлением жилья, бытовые трудности и еще целый ряд негативных факторов приводили к тому, что значительная часть переселенцев возвращалась на прежние места жительства.

Таким образом, к середине 1950-х гг. на территории, когда-то принадлежавшей Республике немцев Поволжья, продолжал сохраняться острый дефицит населения, вызванный депортацией. Он был препятствием, серьезно осложнявшим нормальное развитие «новых районов».

К концу 1950-х гг. социально-демографическая ситуация в Саратовском Поволжье заметно изменилась к лучшему. К этому времени, у местных колхозов и совхозов, несколько наладивших свою экономику, появилась возможность предоставлять переселенцам ряд льгот. С этой целью в подавляющем большинстве этих хозяйств были созданы фонды помощи переселенцам, а в начале 1960-х годов появились «Общественные Советы содействия хозяйственному

⁵ См.: Энгельсский краеведческий музей (далее – ЭКМ). Документальная коллекция. № 3874.

⁶ Эренбург И. Люди, годы, жизнь // Собр.соч. Т.9. М.: Художественная литература, 1967. С. 678.

устройству переселенцев»⁷. Денежные средства фондов расходовались на покрытие разницы между фактической стоимостью домов, построенных для новоселов, и суммой кредита, выделяемого одной семье. Существенная часть продуктов, которую получали переселенцы, выдавалась бесплатно. Колхозы и совхозы оказывали им помощь в обзаведении птицей и мелким скотом, а при наличии обменных квитанций от хозяйств и крупным рогатым скотом.

В то же время само государство пыталось заинтересовать колхозы и совхозы в принятии переселенческих семей, для чего им также предоставлялись льготы. Постановление Совета Министров СССР от 13 марта 1959 года существенно уменьшило сумму подоходного налога для таких хозяйств. Так, в 1964 году, предоставленные 21 колхозу Саратовской области льготы, в денежном выражении составляли 124879 рублей⁸.

В результате всех этих мероприятий в середине 1960-х годов население Заволжских районов Саратовской области увеличилось за счет внутриобластного переселения, переселения из Курской, Брянской, Ростовской и других областей, а также в связи с освоением целинных и залежных земель.

Газета «Заветы Ильича» (Энгельсский район) писала, что осенью 1965 года в ответ на призыв колхозов и совхозов Саратовского края в Энгельсский район прибыло 48 семей хлеборобов из Курской области. Они влились в колхозы «Ленинский путь» и «Заветы Ильича», совхоз «Безымянский». Отмечалось, что среди прибывших были механизаторы, шоферы, животноводы. Переселенцам была оказана помощь продуктами, предоставлено жильё⁹. Но принятые меры все же не дали ожидаемого результата – не все переселенцы приживались на новом месте. В отдельные годы Саратовскую область покидало до 100 и более семей¹⁰. К примеру, в 1965 году из Энгельсского района выехало 7 из 29 семей прибывших ранее переселенцев¹¹.

Не спасало положение и направление в регион выпускников средних и высших учебных заведений. Так, в первые послевоенные годы 75% квалифицированных специалистов, направленных на работу в сельскую местность, либо уезжали в другие регионы, либо переходили на предприятия и в учреждения, не связанные с сельским хозяйством¹².

Таким образом, к середине 1950-х гг. на территории, когда-то принадлежавшей Республике немцев Поволжья, продолжал сохраняться острый дефицит населения, вызванный депортацией. Он был препятствием, серьез-

⁷ См.: Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. 3465. Оп. 2. Д. 66. Л. 13.

⁸ См.: Там же. Л. 12.

⁹ См.: Заветы Ильича (Энгельсский район). 1965. №116(574).

¹⁰ См.: ГАСО. Ф. 3465. Оп. 2. Д. 66. Л. 13.

¹¹ См.: Заветы Ильича (Энгельсский район). 1966. №156(770).

¹² См.: Государственный архив Волгоградской области (далее – ГАВО). Ф. 2801. Оп. 27. Д. 21. Л. 28–39.

но осложнявшим нормальное развитие «новых районов». Принимавшиеся меры переселения в «новые районы» после войны также не принесли ожидаемого результата. Колоссальный дефицит трудовых ресурсов ощущался и в 1955 г.

Административные и идеологические меры, а также материальные стимулы, использовавшиеся партийными и советскими органами с целью закрепления кадров на селе, также не приводили к желаемым результатам.

Стимулировала миграцию из сельской местности и проводимая государством кампания по ликвидации «неперспективных» деревень. По расчетам, утвержденным Волгоградским облисполкомом в ноябре 1963 года, из почти 4 тысяч сельских населенных пунктов перспективу на дальнейшее развитие имели лишь 1853¹³. И без того малозаселенные районы, особенно в Заволжье, продолжали лишаться своего населения. Наличие в Саратовской и Сталинградской (Волгоградской) областях в 1945–1965 годах больших встречных потоков мигрантов свидетельствовало о недостаточно высокой степени приживаемости новоселов, в связи с возникающими на новом месте проблемами адаптационного, психологического, профессионального и бытового характера. В регионе происходило столь характерное для данного периода неуклонное сокращение общей численности сельского населения.

В общем потоке миграции второй половины 1950-х годов в двух поволжских областях заметно выделяется доля немецких переселенцев из восточных районов страны. Несмотря на запрет возвращаться в места довоенного проживания среди поволжских немцев нашлось немало желающих рискнуть, которые сразу, после объявления им Указа 1955 года отправлялись в места додепортационного проживания.

С начала 1956 года, начался процесс полулегального перемещения на малую Родину, в Поволжье, первых немецких семей. Этот процесс не остался незамеченным. По данным МВД на 1 сентября 1956 г. в места прежнего жительства возвратились в Сталинградскую область – 1500 человек, в Саратовскую область – 102¹⁴.

О реакции Саратовских и Волгоградских руководителей на переезд немцев в Поволжье пишет А.П. Мякшев: «Саратовское руководство с момента реабилитации депортированных народов стало понимать, что «ограничительные меры в отношении немцев себя изжили и должны быть отменены», но опасалось, что массовое переселение немцев в родные места «вызовет постановку вопроса о создании автономии». Такое мнение в начале 1960-х гг. высказывали секретари Саратовского обкома КПСС А.И. Шибаетов, В.Я. Герасимов, председатель Саратовского облисполкома А.П. Бочкарев, секретарь

¹³ Там же. Ф. 2115. Оп. 11. Д. 590. Л. 12.

¹⁴ См.: Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 9479. Оп. 1. Д. 896. Л. 200.

Волгоградского обкома КПСС А. М. Школьников и др. В последующие годы ситуация изменилась мало»¹⁵.

Ввиду отсутствия в архивах материалов о несанкционированном переезде на Волгу немцев, важнейшим источником для изучения этого процесса являются материалы историко-этнографических экспедиций в села бывшей Республики немцев Поволжья, проводившихся в 1990-е годы (автору настоящего исследования довелось быть их участником).

Возвратившихся в 1956 году немцев прописывали во многих селах Сталинградской области. Решающим фактором в это время стало наличие у приезжих рабочей специальности или большого опыта в сельском хозяйстве. Часть чиновников, следуя букве закона, отказывалось прописывать немцев. Однако острая нехватка рабочих рук толкала некоторых колхозно-совхозных и районных руководителей, свободных от идеологических предубеждений, на нарушение запрета. В обход закона нелегальными методами они прописывали немцев и оставляли их в своих хозяйствах.

И.И. Гайт из села Семеновка рассказывал: «В 1956 году возвратилось сразу много семеновских. Директор совхоза сам пригласил немцев приехать, он сам собрал паспорта и прописал их»¹⁶.

Многие респонденты подчеркивают, что их сразу прописали, трудоустроили и выделили жилье¹⁷. Некоторым удалось не только возвратиться в родное село, но и поселиться в родительском доме.

В селах Жирновского района имелось немало случаев прописки за взятку в 25–50 рублей.

Жители Верхней Кулалинки, Водно-Буерачного, Верхней Добринки, Бутковки (Шваб) утверждали, что к 1957 году эти села стали многолюдными в связи с переездом немцев.

К.А.Штип из села Усть-Грязнуха вспомнил: «Приехал в Иловлю в ноябре в 1956; лютеране возвратились почти все, а католики боялись ехать»¹⁸.

В то же время, местное население отмечало, что в 1950–1960 годы желающих, переехать в Поволжье было значительно больше, чем осталось на житье. Удручающий вид некогда процветавших сел, отсутствие жилья, трудности с пропиской – все это существенно влияло на выбор. Предпочтение отдавалось местности, где имелись более благоприятные условия для жизни. К примеру, А.Ф. Гудшмидт приехал в родное село Каменку посмотреть, можно ли сюда вернуться, но, увидев разруху и запустение, решил остаться в Сибири¹⁹.

¹⁵ Мякшев А.П. «Немецкая проблема в период перестройки: альтернативы, поиски, решения // Российские немцы в интонациональном окружении: проблемы адаптации, взаимовлияния, толерантности. М.: МСНК-пресс, 2005. С. 91.

¹⁶ НА СОМК. Оп. 1. Д. 1417. Л. 3(об).

¹⁷ Там же. Д. 1370. Л. 31, 40, 66.

¹⁸ Там же. Л. 124.

¹⁹ Там же. Л. 54.

Видимо, значительное увеличение в крае немецкого населения повлияло на ограничение прописки. В конце 1950-х годов основной массе прибывших в Сталинградскую область отказывали в оформлении паспортов. Лишь некоторым немцам, после длительных проволочек, удавалось прописаться.

Следующая волна миграционного движения немцев в Поволжье началась в первой половине 1960-х годов. Как отмечают жители Камышинского района Волгоградской области, местные власти в этот период «стали больше принимать немцев и прописывать».

Самое большое количество немцев приняли села Медведицкое (Франк) и Линево (Гуссенбах)²⁰. По подсчетам Н.А. Маловой из 148 респондентов-немцев, опрошенных в ходе трехлетней работы историко-этнографических экспедиций, 70% приехало в села Сталинградской области в конце 1950-х годов, из них треть опрошенных поселились в местах рождения²¹.

В Саратовской области ситуация складывалась по-другому. Важная в стратегическом отношении, насыщенная воинскими частями, закрытая для иностранцев, область, несмотря на недостаток рабочих рук в сельском хозяйстве, практически не принимала немецких переселенцев. Здесь местные власти строже придерживались предписаний и статей Закона. Тем не менее, и в этой области имеется целый ряд примеров возвращения немцев в места довоенного проживания. В 1959 году, вернувшегося из г. Канска Л.С. Шнейдера, приняли на должность главного инженера Дорожного Управления № 467 г. Энгельса. В 1961 году его семье предоставили новый дом²².

В 1959 году в г. Энгельсе была разрешена прописка А.Г. Карлу²³. В начале 1960-х годов в этот город приехала семья А. Лаух²⁴. В 1959 году в г. Красноармейск на постоянное место жительства остался с семьей А.Ф. Гудшмидт²⁵. В селах Энгельсского района в конце 1950-х годов были прописаны семьи А.К. Ганшу (село Терновка) и А.А. Губерт (село Красный Яр).

Факты, приведенные выше, скорее исключение, чем правило. Основную массу приезжавших на жительство немцев в Саратовской области не прописывали. Так, например, в 1960-е годы в село Норка, оказавшееся в Красноармейском районе приезжало немало депортированных отсюда немецких семей. Не получив прописки они селились на станции Петров Вал (начала функционировать в 1942 г.) в соседней Волгоградской области, где сохранялась острая нехватка населения и рабочих рук²⁶.

²⁰ Там же, Д. 1417. Л. 12, 25.

²¹ Малова Н.А. Возвращение поволжских немцев на Волгу в конце 1950-х годов (по материалам историко-этнографических экспедиций) // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект. М.: Готика, 1998. С. 363.

²² Интервью с Л.С. Шнейдером. 1998. Личный архив автора.

²³ См.: Галушка В.А. Энгельсский миротворец. М.: МСНК-пресс, 2007. С. 19.

²⁴ См.: Интервью с А. Лаух. Личный архив автора.

²⁵ См.: НА СОМК, Оп. 1. Д. 1370. Л. 133.

²⁶ См.: Там же. Оп. 1 Д. 1332. Л. 61.

Материалы экспедиций свидетельствуют об увеличении интенсивности миграционного процесса немецких переселенцев в 1970–1980-х годах.

Принятие Президиумом Верховного Совета СССР Указа 1972 года, разрешившего немцам возвращение в Поволжье, воспринималась немцами, как возможность свободного возвращения на родину, на территорию бывшей немецкой республики. В этот период отмечается повышение их миграционной активности. Меняется отношение к вопросу о возвращении немецких семей у местных властей как Волгоградской, так и Саратовской областей. О масштабах переселения немецкого населения свидетельствуют переписи населения 1979 и 1989 годов.

Так, в 1979 году в Саратовской области проживало 11 тыс., в Волгоградской – 19 тыс. немцев²⁷. В 1989 году их число увеличилось в Саратовской области до 17 тыс., в Волгоградской – до 28 тыс. человек. На территории бывшей Республики немцев Поволжья в обеих областях проживало 12,9 тыс. немцев²⁸.

Депортация немцев из Поволжья негативно отразилась на экономическом и социальном развитии региона. В результате заселения «новых районов» гражданами ряда республик и областей, имевших различные национальные, региональные особенности и традиции, образовался глубокий разрыв социальной памяти, социокультурных традиций региона, произошло коренное изменение этнического и социального облика населения. На территории «новых районов» в годы войны и первое послевоенное десятилетие начал формироваться новый социум, не имевший устоявшихся умений и навыков хозяйствования в условиях Поволжья, общих социальных и культурных традиций. Потребовались многие послевоенные годы, чтобы трудом старожил и новоселов вернуть «новые районы» к их довоенному уровню развития. При этом факт, что развитие региона осуществлялось с уровня, достигнутого трудом немецкого населения, все больше забывался. Этому способствовал фактор умолчания о советских немцах, ставший элементом официальной национальной политики после войны. Вложив свой труд в развитие региона, прожив на территории бывшей АССР немцев Поволжья многие годы и десятилетия, бывшие переселенцы вполне обоснованно стали считать ее своей малой Родиной.

²⁷ См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 47. Д. 96. Л. 14.

²⁸ Национальный состав населения РСФСР: По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990. С. 120–122.

Краеведческая работа как важнейший фактор формирования национальной терпимости и уважения (из опыта сотрудничества с депортированными немцами с. Мариенталь)

Трудно переоценить важность краеведческой работы в общем процессе воспитания подрастающего поколения. Значимость ее обусловлена целым рядом причин:

- изучение истории родного края является важнейшей точкой опоры в формировании у учащихся гражданских чувств, патриотизма, ведь Родина начинается с родного уголка, с родной деревни, с уважения к ее прошлому, ее культуре, традициям;
- в связи с экспансией в духовную жизнь нашего общества чужих культур, религиозных верований и ценностей, насаждением пренебрежительного отношения к исконным традициям краеведению отводится роль мощной преграды перед лицом этого негативного процесса;
- краеведческая работа способствует формированию взаимопонимания и уважения людей разных национальностей, проживающих в границах одного территориального образования.

Советское муниципальное образование функционирует в границах бывшего Мариентальского кантона. Общая численность населения села Советское (в прошлом Мариенталь) составляет 3340 человек (на начало депортации число приближалось к отметке 10 тысяч). Общая структура населения на сегодняшний момент достаточно пестрая: славяне – 60%, турки (татары, казахи) – 15%, немцы – 15%, выходцы из Кавказа – 5%, другие народы – 5%. Славянское население в основном представлено потомками переселенных в период войны жителей Брянской, Смоленской, Курской, Харьковской, Ленинградской областей да семьями беженцев из Ближнего зарубежья. В селе функционирует мусульманская мечеть, достраивается православный храм, разрушена (сгорела) католическая церковь.

Изучение уникального содружества людей разных национальностей и религий, обращение к исторической памяти представляет безусловный научный интерес, так как значительно дополняет общие представления об отечественной истории.

Несмотря на появление в последнее десятилетие серьезных исследований об истории Немецкого Поволжья²⁹, массовому сознанию нескольких поколений жителей история своего села оставалась неизвестной, что не способствовало

²⁹ См.: Герман А.А. Большеви́стская власть и Немецкая автономия на Волге (1918–1941). Саратов, 2004; Плеве И.Р. Немецкие колонии на Волге. Москва, 2008. и др.

взаимоуважению и взаимопониманию. О том, что в селе когда-то жили немцы, жителям напоминала единственная оставшаяся в селе после зловещего Указа немецкая семья, красавица-церковь да большое немецкое кладбище за околицей. Отсюда первый шаг нашего краеведческого поиска – восполнить и помочь осознать обществу недостающие страницы его истории.

Инициатором краеведческого поиска стала школа: небольшая группа инициативных ребят разных национальностей, возглавляемых мною. Толчком к началу поиска, как это часто бывает, послужил случай. Летом 2006 года село посетил Президент Пенсионного фонда Германии Герберт Рише. По приезду открылась и причина его визита: он родился в Мариентале, был вывезен из села в очень раннем возрасте. Его визит сопровождался большим количеством официальных лиц. Необходим был рассказ о его родине, но где его взять?. На счастье, в архивах одной строительной организации села был обнаружен альбом, составленный и присланный в 1979 году мариентальцами, переселенными в Красноярский край: А. Бокслером, Э. Вейгелем и И. Госнитцем. В предисловии к альбому они писали, что адресуют его комсомолу с тем, чтобы помочь молодежи «изучать славное прошлое их земляков, бывших мариентальцев». Альбом содержал сведения об истории заселения, летопись и трактовки произошедших в селе событий, описывал семейные кланы мариентальцев.

Вслед за президентом Г. Рише в тот же год в село стали приезжать и другие мариентальцы. Особую роль сыграл приезд Фриды Дерхо (Герман). Человек яркий и талантливый, большой патриот, она сознательно поставила перед собой цель: найти путь к сердцам сельчан, чтобы оставить в них память об основателях села, об их большом вкладе в историю России. Фрида Александровна оставила в школе Золотую книгу посетителей, в которую занесла 63 фамилии первых переселенцев, описала основные вехи истории Мариенталья.

Именно из этих материалов ребята поисковой группы почерпнули свои первые впечатления и эмоции, оказавшиеся такими необходимыми для дальнейшего поиска. Именно из ее записей мы впервые узнали, что село наше было основано 16 июня 1766 года и что «наплыв» в 2006 году в село немцев был неслучаен: селу исполнилось 240 лет.

Фрида Дерхо оказалась не простой землячкой – она является Председателем одной из земляческих групп российских немцев в Нижней Саксонии. Мы установили с ней прямую переписку и через этот канал скоро стали обладателями уникальных материалов, раскрывающих прошлое нашей малой Родины. В основном это были материалы, опубликованные нашими земляками в немецких изданиях: И. Германа, П. Германа, И. Госнитца, А. Обгольца, Э. Рише, А. Стремяковой-Шнайдер.

Присылались нам также копии документов, фотографий, информационные немецкие журналы («Volk auf dem Weg»), немецко-русская газета. Попутно ребята вместе со мной записали воспоминания и ныне проживающих

старожилов-немцев: К.Я. Герстнер-Золотаревой, Н.И. Мотрохова, Р.Я. Рязановой-Логачевой.

Обработав и систематизировав эти материалы, мы получили возможность их самостоятельного научного обобщения. Общая стратегия поиска планировалась, но какой-либо четкой и жесткой схемы мы не придерживались: материал сам повел нас. Первая работа «Немецкие страницы истории села Советское» была основополагающей. В дальнейшем ниточки судеб конкретных людей вели нас к обобщениям. А обобщения в свою очередь диктовали нам частный поиск. Ребята в прямом смысле этого слова сами писали историю своего села. Написанные работы оформлялись и представлялись на региональные и республиканские конкурсы. Вот названия этих работ, отмеченных Дипломами и Почетными грамотами: «Немецкие страницы истории села Советское»; «Мариентальцы в годы Великой Отечественной войны»; «Франц Шиллер – учитель и ученый из Мариенталья»; «Два Шиллера или куда ведет мариентальская тропа?»; «Топонимика населенных пунктов Советского района»; «Мариентальский храм и его служители».

Всего за четыре года поисковой работы ребята получили девять дипломов.

Работа над материалами подарила нам радость настоящих открытий. Вот одно из таких. Изучая историю жизни нашего земляка, крупнейшего специалиста по западноевропейской литературе, доктора филологических наук, заведующего отделом западноевропейской литературы Института мировой литературы им. А.М.Горького АН СССР Франца Шиллера, мы не могли не обратить внимания на удивительное сходство его лица и фамилии с лицом и фамилией великого немецкого поэта-романтика Фридриха Шиллера. Имеющийся в нашем распоряжении материал позволил нам сделать настоящее открытие о кровном родстве этих двух гениев.

Среди первых переселенцев в Мариенталь был кровный родственник великого немецкого поэта, приехавший из Марбаха. Работа о двух Шиллерах была представлена в рамках общероссийского конкурса научных работ, где была отмечена особым Дипломом.

Осуществленная группой поисковая работа позволила оформить в школьном музее Немецкий уголок с представлением целостной программы «Мариенталь – Советское – наша общая Родина». Программа состоит из следующих блоков:

Лекция «Немецкое прошлое села Советское»;

Представление экспозиции копий архивных материалов;

Беседы у экспозиций по темам: «Старые топонимы Советского района», «Первые переселенцы», «Они прославили Мариенталь», «Мариентальцы в годы Великой отечественной войны», «Немецкая школа и ее учительство».

Представление программы строится с таким расчетом, чтобы задействовать в ней всех участников поисковой группы. Программа представляется как самостоятельная в рамках внеклассной работы, так и в связи с изучением курса

краеведения, экологии, немецкого языка. В орбиту поисков оказались втянутыми и родители учащихся, легко откликающиеся на наши просьбы.

Итоги поисковой работы представлялись на страницах районной газеты «Заря», которая всегда охотно публиковала наши статьи. Всякий раз, опубликованные в «Заре», они пересылались на память и на радость нашим землякам в Германию. Итоги нашего совместного поиска и сотрудничества были представлены 29 мая 2010 года на форуме мариентальских немцев в Германии в городе Оснабрюке (Нижняя Саксония), а также освещались в немецкой прессе. На этом форуме мариентальцы приняли решение написать книгу о своей Родине. Ее предполагаемое название «Мариенталь – сердце Поволжья». Материалы к ней собираются не только в Германии, но и в России. В этом поиске мне помогают и мои коллеги, и мои родственники, и даже соседи. Потому что понимают, что такое сердце.

Наше сотрудничество с мариентальскими немцами носит и непосредственный характер. 18 сентября 2009 года в Немецком уголке школьного музея состоялась прямая встреча ребят с делегацией из Нижней Саксонии. Школа тепло встретила своих гостей. На встрече присутствовали учителя, старожилы села. Встреча была поддержана главой администрации Советского муниципального образования Н.Н. Пасечником. С большим энтузиазмом и заинтересованностью ребята рассказывали о своей работе, задавали вопросы, приготовили для гостей концерт. Завершившаяся прогулкой по старым улицам, она оставила такой неизгладимый след в сердцах ее участников, что наши земляки пожелали посетить нас осенью этого года. Среди гостей оказалась и коренная жительница Германии Моника Родер. Она с таким восторгом пережила эту встречу, что по возвращении домой вместе со своим мужем Гельмутом организовали посылку мариентальским ребятам футбольных мячей и двух комплектов экипировки для футбольных команд. Так что можно сказать, что проделанная работа напрямую послужила укреплению российско-германских отношений. Посещали наш Немецкий уголок и мариентальцы из Америки, Канады. Летом этого года целый автобус правнуков мариентальцев, депортированных в Барнаульскую область, прибыл на свою историческую родину поклониться могилам своих предков.

Наш опыт невелик. Положительная роль краеведческой работы налицо. Ребята, лично приобщенные к поиску, через собственные души пропустили прошлую трагически-прекрасную историю села. Увидели, какую громадную роль сыграли в ней несколько поколений переселенцев с немецких земель, составляя общий венок славы России. Осмысление результатов поиска, живого общения способствует выработке таких качеств, как взаимоуважение и взаимопонимание. Меняется само понимание исторического процесса. История – это не просто учебный предмет, а каждый из нас в своей судьбе является ее проводником и творцом. Осмысляя исторический факт, исторический опыт, дети невольно соотносят его с личным опытом, опытом своих

родителей, своих знакомых. А постижение отечественной истории сквозь призму личного интереса формирует активных и думающих граждан, в каких нуждается Россия.

*Nie kommt mir aus dem
Sinn die ferne Gegend
Im trauten wolgablauen Steppenraum,
Dort steht mein Vaterhaus
Nicht weit vom Wege,
Und vor dem Haus grünt
Immer noch ein Baum.*

Пусть никогда перед нашим домом не увянет дерево, посаженное нашим предком!

И.В. Черказьянова (Санкт-Петербург)

Военная судьба немцев Ленинграда и Ленинградской области (1941–1945)

История депортации и репатриации немцев Ленинграда и Ленинградской области не стала предметом специального исследования ученых. Как правило, проблема немцев рассматривается как составная часть этнических репрессий и перемещений на Северо-западе¹. В 2010 г. была предпринята попытка исследовать историю отдельно взятой колонии – Стрельнинской, включая военные события². В сборниках документов, опубликованных в последние два десятилетия, имеется ряд документов, касающихся немцев Ленинграда и немецких поселений в годы войны³. Кроме того, из печати вышли воспоминания жителей Ленинграда немецкой национальности и колонистов, живших под Ленинградом в это время⁴.

Особенности военной истории Ленинграда и области определяют хронологическое и тематическое дробление истории немецкого населения в этот период. Выделяются доблокадный период (июнь–сентябрь 1941), период блокады и оккупации (сентябрь 1941 – январь 1944) и послевоенный период. После депортации немцев из зоны блокады и угона населения

¹ Иванов В.А. Миссия Ордена. Механизм массовых репрессий в Советской России в конце 20-х – 40-х гг. (на материалах Северо-запада РСФСР). СПб., 1997; Ломагин Н.А. Неизвестная блокада. Кн. 1–2. М., 2002; 2-е изд. СПб., 2004; Мусаев В.И. Этнос и война. Национальные перемещения на Северо-западе СССР во время Второй мировой войны. 1941–1945 гг. // Нестор. № 6: Человек и война. Источники, исследования, рецензии. СПб., 2003. С. 412–421.

² Стрельнинская немецкая колония под Санкт-Петербургом (200-летию основания посвящается): Каталог образовательной выставки / Сост., ред. д.и.н. И.В. Черказьянова. СПб., 2010.

³ Ленинград в осаде: Сб. документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. 1941–1944. – СПб., 1995; Блокада Ленинграда в документах рассекретенных архивов / Под ред. Н.Л. Волковского. М.; СПб., 2005; Сталинские депортации. 1928–1953 / Под общ. ред. акад. А.Н. Яковлева; Сост. Н.Л. Поболь, П.М. Полян. М., 2005; Из районов области сообщают... Свободные от оккупации районы Ленинградской области в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: Сб. документов / Отв. ред. А.Р. Дзенисевич. СПб., 2006.

⁴ Мы дети российских немцев (воспоминания и документы). Вып. 1 / Сост., ред. В. Видерт. СПб., 1995; Мы это пережили: Сб. воспоминаний детей блокады немецкого происхождения / Сост. В.А. Коробова. – СПб., 2003; Впечатления нашей жизни = Unsere Lebenseindrücke / Сост. В.А. Коробова, Э.И. Супруненко. СПб., 2007; Немецкая колония в Новосаратовке под Санкт-Петербургом. Страницы истории XIX–XX веков / Сост. С.А. Шмидт. СПб., 2008; Немецкая колония в Стрельне под Санкт-Петербургом. Страницы истории XIX–XX веков / Сост. М.В. Левицкая. 2-е изд. СПб., 2010.

оккупированной территории в Германию в 1942 г. практически заканчивается военная история немцев Ленинграда и области, поэтому мы не выделяем период «после снятия блокады до окончания войны». Послевоенный период связан с попытками возвращения немцев в родные места со спецпоселения сразу по окончании войны (1945 г.) и репатриацией немцев с территории Германии.

Немецкое население Петербурга и его пригородов имеет глубокие корни, история его начинается вместе с рождением города и появлением первых колоний близ столицы. Дореволюционное население формировалось за счет прибалтийских немцев, иностранцев и колонистов. От первых колонистов, появившихся близ столицы в XVIII в., ведут свое начало городские роды Аман, Бутц, Бреннер, Вальтер, Гевейлер, Киблер, Краубнер, Кун, Лефлер, Лорер, Шеффер и др. Безземелье выталкивало колонистов в город, поэтому многие жители города и пригородов состояли в родстве. Со временем в городе появились, видимо, и выходцы из других колоний, об этом косвенно свидетельствуют некоторые фамилии, которые традиционно считаются меннонитскими (Дик, Классен, Реймер, Тиссен, Фризен, Янцен). Гонения на немцев в годы Первой мировой войны привели к резкому сокращению их численности в Петрограде и окрестностях: с 46 931 человек в 1910 г. до 11 167 человек в 1920 г.¹

До Великой Отечественной войны немецкая диаспора города продолжала пополняться за счет колонистов, находивших работу на городских предприятиях, таких как Завод пишущих машинок (Пишмаш), Кировский завод и другие. В период голода в начале 1920-х годов из Поволжья в Петроград и в ближайшие колонии прибыли выходцы из немецких поселений на Волге. По данным переписи 1926 г., в Ленинграде проживало 16,9 тыс. немцев, из них 65,1% считали немецкий язык родным. В 1939 г. в городе насчитывалось уже около 20 тыс. немцев.

1 января 1927 г. была создана Ленинградская область, охватившая современные территории Ленинградской, Новгородской и Псковской областей. С 1927 по 1938 г. в состав области входил и Мурманский округ. По сведениям на январь 1927 г., немецкое население Ленинградской области составляло 7384 человек². Крупнейшими сельскими советами с немецким и смешанным населением были: Гражданский (252 немцев, 19,6% от общего числа жителей сельсовета), Заводский (537 чел., 59,3%), Кипенский (265 чел., 15,6%), Колпинский (976 чел., 99,5%), Новосаратовский (1547 чел., 89,3%), Овцынский (529 чел., 49,3%), Парголовский-1 (336 чел., 18,7%), Порховский (276 чел., 67,8%),

¹ Статистический сборник по Петрограду и Петроградской губернии. 1922 г. Пг., 1922. С. 11.

² *Дмитриев С.В.* Материалы партархива Института марксизма-ленинизма при Ленинградском обкоме КПСС о немцах (1920-е годы) // *Немцы Сибири: история и культура: Материалы Всерос. науч.-практ. конф.* Омск, 1993. С. 63.

Среднерогатский (1021 чел., 89,6%), Стрельнинский (199 чел., 35,2%), Янинский (289 чел., 95,6%)³.

На 1 января 1928 г. на территории Ленинградского округа (без Ленинграда) проживало 10 634 немца (1,4% населения округа), в т.ч. в городах – 2720, в пригородах – 2632, в сельской местности – 5282 человек⁴. По итогам переписи 17 января 1939 г., в Ленинградской области (без Ленинграда) проживало 12 766 немцев⁵.

В 1941 г. в пригородных районах (Всеволожском, Парголовском, Слущком, Красносельском) работали колхозы и совхозы с преобладающим немецким населением. Во Всеволожском районе в колхозе «Ударник» (дер. Ковалево, Красногорского сельсовета) насчитывалось 66 семей (194 чел.), в т.ч. 27 немецких семей (84 чел.), 27 финских (60), 10 русских (42) и 2 эстонских семьи (8 чел.). В колхозе «1 мая» (немецкая колония Янино, Красногвардейского сельсовета) было 39 немецких семей (134 чел.), кроме того 23 русских семьи (80 чел.). Всего 62 семьи (214 чел.). Колхоз «Красный механизатор» объединял часть немецкого населения Новосаратовской колонии, Новосаратовского сельсовета и 3 семьи из места Утиная Заводь. Подавляющее большинство составляли немцы (149 семей, 568 чел.), русских было всего 20 чел. (5 семей). Колхоз «Рот фронт» был небольшим (17 семей, 67 чел.), в нем работали 53 немца (13 семей) и 14 русских (4 семьи)⁶. В Слущком районе самым крупным немецким колхозом был колхоз им. Тельмана (213 семей, 975 чел.), в Красносельском районе – колхоз «Роте Фане» в Стрельнинской колонии (125 семей, 396 чел.) и им. МОПРа (83 семьи, 238 чел.). Немцы составляли значительную часть среди рабочих в совхозах Слущкого района: «Средняя Рогатка» (17 семей, 56 чел.), «Шушары» (25 семей, 130 чел.), им. Бадаева (30 семей, 89 чел.), «Большевик» (22 семьи, 100 чел.). В колонии Овцыно проживало 130 немецких семей (342 чел.)⁷.

На новгородской земле крупнейшими немецкими поселениями были Новониколаевская и Александровская колонии, возникшие в 1830-е годы в результате отселения части жителей из петербургских колоний. Поэтому среди новгородских немцев мы встречаем те же фамилии, которые имели и ленинградские немцы (Бендер, Бутц, Гевейлер, Киблер, Шеффер и др.). Некоторые немецкие семьи проживали в Новгороде, Малой Вишере, Чудово и других населенных пунктах. В Пскове также еще с дореволюционных пор существовала многочисленная этническая группа немцев.

³ Абсолютные цифры взяты из указанной статьи С.В. Дмитриева, подсчет в процентах сделан нами.

⁴ Районы Ленинградского округа. Статистико-экономическое описание. Л., 1928. С. 14.

⁵ «Мобилизовать немцев в рабочие колонны... И. Сталин»: Сб. документов (1940-е годы) / Сост. д-р. ист. наук, проф. Н.Ф. Бугай. М., 1998. С. 16.

⁶ Ломагин Н.А. Неизвестная блокада. Кн. 2: Документы, приложения. С. 27.

⁷ Там же. С. 28.

Проблему депортации ленинградских немцев необходимо начать с вопроса о выселении немецкого населения из приграничных областей Северо-запада в 1940 г. Мурманская область к тому времени уже не входила в состав Ленинградской области, но на ее территории проживали раскулаченные немцы из-под Ленинграда.

Немецкое население в Мурманской области появилось в 1930-е годы в ходе массовой коллективизации и организации колхозов. Кольский полуостров был местом ссылки, это был мало заселенный край, где в то время плотность населения составляла менее одного человека на квадратный километр. Бывшие кулаки участвовали в строительстве новых городов – Хибиногорска (с 1934 г. – Кировск) и Мончегорска. Из Стрельнинской колонии, например, сюда выслали 9 домохозяев с семьями.

Выселение проходило согласно приказу народного комиссара внутренних дел СССР № 00761 «О переселении из гор. Мурманска и Мурманской области граждан инонациональностей» от 23 июня 1940 г.⁸ В тот же день появилась инструкция наркома НКВД Л.П. Берии «О порядке переселения граждан иностранных национальностей из гор. Мурманска и Мурманской области»⁹. Выселению подлежали 3215 хозяйств или 8617 человек. Немцев, поляков, китайцев, греков, корейцев (675 семей, 1743 чел.) направляли в Алтайский край, представителей прибалтийских народов, а также шведов и финнов поселяли в Карело-Финской ССР.

Операцию начали 5 июля 1940 г. Предполагалось завершить ее в течение шести дней, к 10 июля. Для переселения немцев предназначались Локтевский (326 хозяйств), Змеиногорский (150) и Курынский (199) районы на Алтае. Среди высланных был Браун Карл Михайлович (1892–1943), раскулаченный в 1930 г. житель Стрельнинской колонии. Он жил и работал в Кировске агентом по снабжению на комбинате «Апатиты», в 1934 г. вызвал к себе жену и сына. Впоследствии его семья оказалась на Алтае.

С первых дней войны Ленинградская область стала прифронтовой, а после захвата городов Остров (6 июля) и Псков (9 июля) военные действия разворачивались уже на территории области. В 1941 г. из 72 районов области полностью были заняты 51 район и 12 районов частично, среди последних – пригородные районы Красносельский и Слуцкий. Вражескими войсками были оккупированы города: Выборг (10 июля), Порхов (11 июля), Гдов (19 июля), Старая Русса (9 августа), Кингисепп (16 августа), Новгород (19 августа), Чудово (20 августа), Луга (24 августа), Красное Село (12 сентября), Красногвардейск (Гатчина, 13 сентября), Слуцк (Павловск, 16 сентября), Пушкин (17 сентября).

⁸ История российских немцев в документах (1763–1992 гг.) / Сост. В.А. Ауман, В.Г. Чеботарева. М., 1993. С. 158–159.

⁹ Сталинские депортации. С. 185–186.

8 сентября, после захвата Шлиссельбурга, вокруг Ленинграда замкнулось блокадное кольцо. С юга блокаду осуществляла немецкая 18-я армия под командованием генерала-фельдмаршала Г. Кюхлера, с севера стояли финские войска. 16 сентября фашисты прорвались к Финскому заливу в районе между Стрельной и Урицком (Лигово), что привело к образованию Ораниенбаумского плацдарма. Линия фронта этого пятачка проходила на востоке между Старым и Новым Петергофом, на западе – по берегу реки Воронка.

В блокадном кольце вместе с жителями городов Ленинграда, Кронштадта и Сестрорецка оказались немцы Всеволожского и Парголового районов (Новосаратовка, Янино, Веселый Поселок, Овцыно, Средняя Рогатка, Ижоры (Колпино), Гражданка). За блокадным кольцом, в зоне оккупации остались колонии Стрельнинская, Кипень, Порховская, Этюп, Ямбург. Кронштадтская колония и Мартышкино находились на Ораниенбаумском пятачке.

Судьба немецких поселений сложилась по-разному, в большинстве они были разрушены. Колпинская и Среднерогатская колонии были полностью уничтожены. Через Среднюю Рогатку проходил передний край обороны Ленинграда. У места, где сейчас расположена площадь Победы, близ колонии был создан мощный узел сопротивления с дотами, железнодорожными надолбами, противотанковым рвом и минными полями. Это была третья полоса внешней обороны города, начинавшаяся у Финского залива и тянувшаяся через Среднюю Рогатку до села Рыбацкого. Вероятно, население колонии было эвакуировано в город. Об этом можно судить по документам германской 18-й армии. По сведениям военной разведки к 31 октября 1941 г., руководством Ленинграда была проведена крупномасштабная эвакуация населения из южной части города, а именно из Кировского района до Нарвских ворот и Московского района вдоль Московского шоссе от Средней Рогатки почти до завода «Электросила». Большая часть населения из этих районов была эвакуирована на Васильевский остров¹⁰.

В ходе боев 14–15 сентября фашистами была захвачена Стрельнинская колония. С приближением фронта со стороны Красного Села, жители стали рыть укрытия. Вскоре начался артобстрел, на поселок обрушился минометный огонь, летели артиллерийские снаряды. Фашисты заняли Нижнюю колонию – правый берег Стрелки, а красноармейцы стояли на левом. На какое-то время окопы советской армии и укрытия местного населения оказались рядом. В ходе боев сгорели все дома вдоль левого берега, не всем мирным жителям удалось выжить. Разоренная колония представляла страшную картину.

Во время проведения Любанской операции зимой–весной 1942 г. была полностью сожжена и сравнена с землей Александровская колония Селищской волости на Волхове¹¹.

¹⁰ Документ № 23 «Сообщение о Петербурге № 6» // Ломагин Н.А. Неизвестная блокада. Кн. 2. С. 145.

¹¹ Об этом имеется запись от 26 мая 1942 г. в военном дневнике командира взвода связи П.П. Лопатина, участника сражения. См.: Лопатин П.П. Из военного дневника

К зиме 1941 г. две трети Ленинградской области находились в руках оккупантов, а Ленинград стал городом-фронтом. Часть немецкого населения оказалась на захваченной территории, другая – в блокадном кольце, одни были в руках представителей Вермахта, другие – в руках НКВД.

Немецкое население в первые месяцы войны (до установления блокады и оккупации). С приближением фронта к Ленинграду в город хлынули беженцы. Сюда гнали и скот для забоя, чтобы обеспечить население питанием. До последнего дня, пока территория не была захвачена противником, многие жители пригородов, включая Стрельнинскую немецкую колонию, продолжали ездить в город на работу по специальным пропускам. Никто не мог поверить, что враг так близко подойдет к стенам города, тем не менее, население пригородов оставалось на распутье – оставаться у себя дома либо бежать в город. Многие отвезли к городским родственникам детей, зимние вещи, продукты.

Одновременно из Ленинграда шла эвакуация населения, предприятий, культурных ценностей. После оккупации противником Пскова и выхода к реке Луге, 11 июля 1941 г. ГКО принял решение о массовой эвакуации предприятий и населения из Ленинграда.

О хаосе, который царил в то время, вспоминает житель Новосаратовки А.А. Шмидт. Как он пишет, «в конце июля – начале августа» был отдан приказ об эвакуации скота и техники из Всеволожского района¹². «Эвакуация скота началась через Неву по мосту в районе п. Отрадное и на станцию Мга. Переправа представляла собой ужасающее зрелище. Не успели еще полностью перегнать скотину и технику, как нам навстречу со станции Мга хлынул поток беженцев и отступающие отряды красноармейцев. Повсюду слышны крики: "Куда гоните? Там уже немцы!" Страх предстоящего плена, мы в замешательстве. Обратно мы уже пробирались через заградительные отряды войск. Шум, мычание, гвалт – сушая неразбериха!»¹³ В итоге и техника, и скот были брошены и достались противнику.

С первого дня войны в Ленинграде было введено военное положение в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР «О военном положении», один из параграфов которого закреплял полномочия военных на выселение лиц, признанных социально опасными. Одновременно с этим активизировалась работа НКВД по выявлению «антисоветских элементов». Директивой НКВД СССР №152 от 28 июня 1941 г. наркомам союзных и автономных республик, а также начальникам УНКВД краев и областей пред-

// Трагедия Мясного бора: Сб. воспоминаний участников и очевидцев Любанской операции. СПб., 2010. С. 170.

¹² Постановление Леноблисполкома и бюро Ленинградского обкома ВКП(б) об эвакуации высокопродуктивного и племенного скота, тракторов и ценного имущества МТС, совхозов и колхозов было принято 15 августа 1941 г. См.: Из районов области сообщают... – С. 55–56.

¹³ Немецкая колония в Новосаратове под Санкт-Петербургом. – С. 65.

писывалось пресекать распространение провокационных слухов, которые могли посеять панику среди населения. Органам безопасности предлагалось, выявлять и привлекать к ответственности «злостных распространителей слухов» и объявлять об этом в печати. 21 августа 1941 г. появился приказ командующего Северным фронтом и начальника УНКВД Ленинградской области № 0055/20262 «О выселении из Ленинграда и области социально опасных лиц». К числу «социально опасных лиц» были отнесены наряду с другими немцы и финны. Таким образом, комплекс мер, принятых в первые дни войны, свидетельствовал об усилении политического контроля в городе и об ужесточении репрессивного механизма.

Большая операция по депортации немцев и финнов готовилась на основании секретного постановления Военного совета Ленинградского фронта № 196/сс «Об обязательной эвакуации немецкого и финского населения из пригородных районов гор. Ленинграда» от 26 августа 1941 г.¹⁴ Обязательному выселению подлежали немцы и финны из Ораниенбаумского, Красносельского, Служского, Красногвардейского, Тосненского, Мгинского, Всеволожского и Парголово-вского районов. Место для выселения было определено в Коми АССР и Котласе Архангельской области. Операцию предполагалось провести с 27 августа по 7 сентября 1941 г. Для осуществления операции необходимо было организовать ежесуточный вывоз людей на 20 баржах, а также поезд-вертушку от станции Мга до станции Погра Подпорожского района.

Решение военных властей было «усилено» телеграммой уполномоченных ГКО В.М. Молотова, Г.М. Маленкова и А.Н. Косыгина и секретаря Ленинградского обкома ВКП(б) А.А. Жданова на имя Сталина о выселении из пригородов Ленинграда населения немецкой и финской национальностей. Телеграмма была передана в Москву 29 августа в 10 часов утра. Сталину сообщалось: «<...> нами принято решение о немедленном переселении из пригородов Ленинграда немецкого и финского населения в количестве 96 000 человек. Предлагаем переселение произвести в Казахстан – 15.000 человек, в Красноярский край – 24 000, в Новосибирскую область – 24 000, в Алтайский край – 12 000 и в Омскую область – 21 000. Организацию переселения возложить на НКВД. Просим утвердить это решение»¹⁵.

28 августа появился план мероприятий, направленных на выполнение постановления Военного Совета Ленинградского фронта от 26 августа 1941 г. «Об обязательной эвакуации немецкого и финского населения из пригородных районов Ленинградской области»¹⁶. Выселению подлежали 88 700 финнов и 6 700 немцев, проживающих в 8-ми районах области (Ораниенбаумском, Красносельском, Служском, Красногвардейском, Тосненском, Мгинском, Всево-

¹⁴ Текст постановления см.: Сталинские депортации. С. 326–327; Из районов области сообщают... С. 63.

¹⁵ История российских немцев в документах. С. 160.

¹⁶ Ломажин Н.А. Неизвестная блокада. Кн. 2. С. 23–26.

ложском и Парголовском). Выполнение плана возлагалось на Ленинградское управление НКВД, которое в соответствии с законом «О военном положении» обязано было исполнять решения Военного совета. Для проведения эвакуации создавалась оперативная тройка в составе начальника УНКВД ЛО П.Н. Кубаткина, зам. начальника Секретно-политического отдела НКВД П.Г. Дроздецкого и зам. начальника УНКВД области А.Д. Макарова. Ленинградский обком ВКП(б) и исполком Ленинградского областного совета должны были оказывать всемерное содействие в проведении эвакуации.

На местах создавались районные оперативные тройки, которые и проводили эвакуацию. Состав троек по районам был следующим: Ораниенбаумский район (зам. нач. Транспортного отдела УНКВД ЛО Барков, пред. РИКа Кузнецов, нач. райотдела НКВД Шванев), Красносельский район (зам. нач. СПО УНКВД ЛО Якушев, пред. РИКа Чернат, нач. РО НКВД Никитин), Слуцкий район (нач. Дзержинского РО НКВД ЛО Михайлов, пред. РИКа Коровичев, нач. РО НКВД Перевозчиков), Красногвардейский район (нач. Контрольно-оперативного отделения УНКВД ЛО Сократилин, пред. РИКа Линкевич, врид. нач. РО НКВД Михайлов), Тосненский район (зам. нач. Управления милиции Ленинграда Аверкиев, пред. РИКа Тарынин, нач. РО НКВД Нестеров), Всеволожский район (зам. нач. КРО УНКВД ЛО Устинов, пред. РИКа Яковлев, нач. РО НКВД Малиновский), Парголовский район (зам. нач. СПО УНКВД ЛО Фалин, пред. РИКа Великомборский, нач. РО НКВД Решетов), Мгинский район (зам. нач. 3-го Спецотдела УНКВД ЛО Кривцов, пред. РИКа Салмакасов, нач. РО НКВД Марушков). В помощь каждому райотделу НКВД выделялось по 5 оперативных работников УНКВД ЛО и по 2 оперработника милиции.

Районные тройки составляли списки колхозов и населенных пунктов, подлежащих обязательной эвакуации с указанием наименования колхоза или населенного пункта, количества населения, подлежащего эвакуации, а также назначили лицо, ответственное за эвакуацию из числа работников НКВД или милиции. Ответственный за эвакуацию обеспечивал доставку населения к месту посадки на баржи или в поезд. Из числа эвакуируемых назначался свой ответственный, это мог быть председатель колхоза либо кто-то иной.

Населению должны были дать разъяснение, какие вещи они могут захватить с собой. Это – продукты питания (до 200 кг на семью), постельные принадлежности, белье, обувь, зимняя одежда, мелкая домашняя утварь (посуда, ведра, ножи, вилки и пр.), мелкий сельскохозяйственный инвентарь (пила, топор, лопата и пр.). Общий вес багажа (включая продовольствие) не должен был превышать 600 кг.

Конторы Заготскот и Заготзерно принимали от эвакуируемого населения под расписки крупный рогатый скот, а также излишки зерна. Председатели РИКов обязаны были выдать главе семьи эвакуационное удостоверение, в котором указывалось, что семья эвакуируется из такой-то области, и перечислялись ее члены.

Эвакуация была принудительной, поэтому в случае сопротивления или отказа от выезда, зачинщиков следовало арестовывать. Для обеспечения порядка в районах эвакуации туда направлялись военные отряды. Эвакуацию следовало закончить к 7 сентября.

30 августа зам. наркома НКВД В.Н. Меркулов направил наркому НКВД Л.П. Берии специальное сообщение с кратким изложением плана мероприятий по эвакуации немцев и финнов¹⁷. В частности, речь шла о необходимом транспорте. Требовалось 190 барж из расчета по 500 чел. на каждую или 1800 вагонов (по 50 чел. на вагон). Меркулов ссылаясь на указание Молотова о том, чтобы при посадке в вагоны финнам и немцам отдавалось предпочтение. В документе говорилось, что имеются порожние вагоны, а их количество зависит от числа прибывающих в Ленинград поездов. Отмечалось, что движение по железной дороге осуществляется через единственную линию связи у ст. Мга, которую немцы систематически бомбят, что затрудняет проход поездов. Для придания большей убедительности предлагаемым планам в документе специально указывалось, что в связи с близостью фронта финское и немецкое население области частично уходило в леса, ожидая прихода немцев, в то время как русское население стекалось в Ленинград.

В тот же день Берия издал секретный приказ № 001175 «О мероприятиях по проведению операции по переселению немцев и финнов из пригорода Ленинграда в Казахскую ССР»¹⁸. Обращает на себя внимание название документа, который ограничивал географию депортации территорией Казахстана, хотя в предыдущих документах речь шла сначала о Коми АССР и Архангельской области, затем о Восточной и Западной Сибири, Алтае и Казахстане.

В соответствии с приказом, руководство операцией возлагалось на заместителя наркома НКВД Меркулова и начальника УНКВД ЛО Кубаткина. Планировалось вывезти по железной дороге – 96 тыс. чел., водным путем от Ленинграда до Череповца – 36 тыс. чел. Для обеспечения пересадки с водного транспорта на железнодорожный в Череповце начальник УНКВД по Вологодской области Л.Ф. Галкин должен был командировать в Череповец оперативную группу во главе с заместителем начальника УНКВД капитаном госбезопасности А.П. Свиридовым. В Череповец направлялся начальник 3-го отдела Транспортного управления НКВД СССР И.С. Белов, в обязанности которого входило руководство перегрузкой и организация отправки людей по железной дороге. На каждый эшелон планировалось выделить начальника эшелона из числа начсостава конвойных войск НКВД и необходимое количество красноармейцев, а также по одному оперативному работнику. Нарком внутренних дел Казахской ССР А.Н. Бабкин обязан был обеспечить организацию в Карагандинской, Кзыл-Ординской, Южно-Казахстанской и

¹⁷ Сталинские депортации. С. 328–329.

¹⁸ Там же. – С. 329–330.

Джамбульской областях прием и расселение людей в тех местах, которые определит СНК Казахской ССР. На заместителя наркома внутренних дел В.В. Чернышова, начальника КРУ П.В. Федотова и начальника Транспортного управления Н.И. Синегубова возлагалось обеспечение своевременной подачи эшелонов, их продвижение в пути следования и наблюдение за расселением в Казахской ССР.

Профессор А.А. Герман пишет, что выселение немцев из Ленинградской области проходило без решения ГКО, а лишь на основании постановления Военного совета Ленинградского фронта от 26 августа¹⁹. В той же статье ошибочно сообщается, что этому решению предшествовало появление телеграммы за подписью Молотова, Маленкова, Косыгина и Жданова, о которой уже шла речь. Хотелось бы возразить автору. С учетом того, что телеграмму подписали три представителя ГКО, а текст утверждал сам Сталин, видимо, этот документ и следует считать решением Государственного Комитета Обороны. В противном случае, должен существовать какой-то специальный документ ГКО, иначе не ясно, почему приказ Берии от 30 августа о выселении немцев и финнов начинается словами: «Во исполнение постановления Государственного Комитета Обороны СССР о переселении из пригорода Ленинграда в Казахскую ССР немцев и финнов...»²⁰.

При сопоставлении хроники военных событий, развивающихся на подступах к Ленинграду, с датами появления документов об эвакуации немцев и финнов, возникают вопросы. Уже 29 августа противник захватил станцию Мга, и с 14 часов полностью прервалась железнодорожная связь Ленинграда со страной. Берия и Меркулов не могли не знать этого, тем не менее, и сообщение Меркулова и приказ Берии появляются 30 августа, а операцию по выселению наметили начать 31 августа и закончить к 7 сентября. Более того, Меркулов в сообщении пишет, что «сегодня станцию особенно бомбили»,²¹ т.е. нет сомнения, что он был в курсе событий. Тогда остается одно – правительство либо недооценивало значение событий на станции Мга, либо не имело полной информации.

Прежде чем прервалась железнодорожная связь Ленинграда со страной, на «большую землю» успели вывезти около 28 тыс. немцев и финнов, основная часть их была размещена в Вологодской области (около 22 900 чел.), 350 чел. попали в Кировскую область²². Это говорит о том, что подготовка к депортации началась еще до выхода постановления Военного совета, а исполнение постановления началось до появления приказа Берии. Иначе сложно представить, что за два дня, с 26 августа до полудня 29-го, можно было

¹⁹ Герман А. Депортация советских немцев из Европейской части СССР осенью 1941 года // Немцы Сибири: Культура: Инф.-метод. бюл. Омск, 2006. № 11. С. 36.

²⁰ Сталинские депортации. С. 329.

²¹ Там же.

²² Мусаев В.И. Этнос и война. С. 414, 416.

подготовить и вывезти такое количество людей, при том что продолжалась масштабная эвакуация предприятий и населений.

8 сентября Ленинград был полностью блокирован. Единственный путь к «большой земле» теперь пролегал через Ладогу. К этому времени советско-германский фронт значительно продвинулся на восток и проходил по территории современной Новгородской области. После захвата Тихвина 8 ноября и успешного контрнаступления советских войск 12 ноября – 28 декабря ситуация на Волховском фронте стабилизировалась. Линия фронта проходила в основном по реке Волхову.

Представление о депортации немцев с территории современной Новгородской области мы смогли получить на основе анализа сведений, помещенных в «Книге памяти жертв политических репрессий Новгородской области»²³. Выявлено было 158 немцев (в записях указана национальность), проживавших в Новгороде, Новгородском (97), Чудовском (17) и других районах. С учетом того, что детей высылали «с родителями», «с матерью», «в составе семьи», можно говорить о том, что реальное число депортированных значительно больше, чем выявленных имен. Основную часть составили жители немецких колоний Новониколаевской (85 чел., 53,8%) и Александровской (8) и городов Новгород (19) и Малая Вишера (11). Сведения о депортации, как правило, ограничиваются годом высылки (чаще всего указан 1941 год), изредка называется месяц (август, сентябрь, октябрь 1941 г.). Часто датой высылки называется время мобилизации в трудовую (1942) или время отправки на спецпоселение после репатриации (1945–1950). В трех случаях указывается причина высылки. Магдалина Михайловна Шеффер (1887 г.р.), жительница Новониколаевской колонии, была выслана в августе 1941 г. по решению Военного совета Ленинградского фронта. Жители Мошенского района Анна Генриховна Альт (1910 г.р.) с мужем и дочерью, а также Генриетта Францевна Лаюс (1872 г.р.) были высланы 14 августа 1942 г. как политически неблагонадежные. География последующего расселения пестрая. Преобладают указания на Казахстан (Джамбульская, Кустанайская, Северо-Казахстанская области), Кемеровскую область и Коми АССР.

На основании выявленных фактов можно попытаться реконструировать цельную картину. Поскольку основная часть немцев, живших близ Новгорода, оказалась на советской территории, то их депортировали на основании решения Военного совета Ленинградского фронта от 26 августа 1941 г. Поэтому они попали в Коми АССР, как и указывалось в постановлении. Отдельные семьи высылались после повторного постановления Военного совета Ленинградского фронта от 20 марта 1942 г., о чем речь пойдет дальше. Остается неясным, как высылали немцев из Новгорода, если он был оккупирован

²³ Книга памяти жертв политических репрессий Новгородской области. Т. 1–10. Новгород, 1993–2006.

19 августа, а постановление вышло 26 августа. Например, как могли быть высланы 21 ноября 1941 г. дети Паль Анна Ивановна (1933 г.р.) и Шефер Федор Яковлевич (1936 г.р.) с их родителями, если в справке говорится, что они проживали в Новгороде? Вероятно, на момент депортации они все же не жили в Новгороде. Жители Чудова и других оккупированных территорий оказались в Германии и после войны репатриированы.

События по депортации немцев из различных регионов страны развивались синхронно. 26 августа СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли секретное постановление «О переселении немцев из Республики немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей». 28 августа был издан Указ Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья», опубликованный 30 августа. Эти документы положили начало массовой депортации немцев не только из Поволжья, но и из других районов. А в это время уже шло полным ходом выселение немцев из Крыма, начавшееся 15 августа. 60 тысяч крымских немцев направили в Орджоникидзевский край и Ростовскую область.

Немецкое население блокадного Ленинграда. В блокадном Ленинграде, кроме коренных немцев, оказались и некоторые жители из немецких колоний, например, из Стрельнинской. Одни уже постоянно жили и работали в городе, другие, спасаясь от наступающей армии противника, остановились у родственников. Поэтому часть семей оказались разорванными – одни оказались в оккупации, другие – в блокадном кольце. В их числе были, например, семьи стрельнинцев Екатерины Федоровны Лефлер, Августы Петровны Аман.

Оставшиеся в городе немцы испытали все тяжести первой блокадной зимы наравне с другими ленинградцами. С декабря, особенно в январе–феврале 1942 г., шло массовое вымирание населения. В феврале в среднем в сутки гибли от голода 3200–3400 человек, а в первую декаду марта 2700–2800 человек в сутки. Умирал каждый третий житель города.

Среди погибших в этот период было немало немцев. Нами были выбраны с сайта «Возвращенные имена. Блокада»²⁴ имена погибших людей – носителей традиционных немецких фамилий, всего около тысячи имен. Основанием для выборки чаще всего были немецкие фамилии и «немецкие» имена и отчества при немецких фамилиях. Иногда в данных встречаются прямые указания на то, что человек похоронен на Смоленском лютеранском кладбище, в других случаях о принадлежности к немцам можно было судить по месту рождения и жительства (немецкие колонии). «Чистота эксперимента», разумеется, достойна критики, ведь по имеющимся данным сложно было определить этническую идентичность людей. Например, среди Бергов, Майеров, Шмидтов были и немцы, и евреи, и обрусевшие потомки немцев. Но важно было проследить общую тенденцию в развитии смертности среди немцев, хотя бы

²⁴ <http://visz.nlr.ru>

таким способом выявленных. Среди жертв голода были семьи: Аман – 20 чел., Бендер – 21, Бок – 32, Бреннер – 10, Бутц – 9, Менг – 7, Паль – 15, Реймер – 3, Ульрих – 9, Штейнмиллер – 6, Штрейс – 6, Штро – 14, Эйдемиллер – 47, Янцен – 2 и многие другие.

В марте 1942 г. возобновилось выселение немцев из блокированных Ленинграда и пригородов на основании двух постановлений Военного совета Ленинградского фронта, от 9 и 20 марта 1942 г.

9 марта издано постановление № 00713 «О выселении из Ленинграда в административном порядке социально опасного элемента». Таким «элементом» вновь оказались и люди, принадлежащие к национальным меньшинствам – немцам, финнам, полякам. 29 марта начальник УНКВД Ленинградской области сообщал в Москву о реализации постановления. 17 и 18 марта из города было отправлено 5 эшелонов, общим количеством 9 785 человек, в т.ч. финнов и немцев 6 888, административно высланных – 2897. Людей отправили поездами до станции Борисова Грива, затем на машинах через Ладогу до станций Кобона, Жихарево, Лаврово. На этих станциях шло формирование составов – 2 эшелона в Омскую область и 3 эшелона – в Красноярский край. Высланные получили деньги на питание из расчета 6 рублей в сутки²⁵.

20 марта вышло повторное постановление Военного совета № 00714а «Об обязательной эвакуации финского и немецкого населения из пригородных районов области и города Ленинграда».

Эвакуация была возложена на облисполком (В.Д. Семин), обком партии (В.В. Никитин) и Управление НКВД (И.И. Иванов). В районах ответственность за подготовку населения к эвакуации ложилась на первых секретарей райкомов ВКП(б), председателей исполкомов районных советов и начальников районных отделений НКВД. Были намечены конкретные сроки депортации населения пригородных районов: в течение 26 и 27 марта 1942 г. отправлять по 7,5 тысяч ежедневно. Всю подготовительную работу к эвакуации следовало закончить к 25 марта. Начальник тыла Ленинградского фронта генерал-майор Лагунов должен был обеспечить перевозку автотранспортом эвакуируемого населения через Ладожское озеро, а из Ораниенбаумского района – через Финский залив до станции Лисий Нос. Для эвакуации выделялось в распоряжение облисполкома 25 автомашин. Городская эвакуационная комиссия по заявке УНКВД ЛО обязана была предоставлять необходимое количество питательных талонов для эвакуируемых немцев и финнов. В документе установлены нормы питания: хлеба – 150 грамм, мяса – 30 (в обед из одного блюда на человека), крупы – 35, подболточной муки – 20. Кроме того, на эвакуационных пунктах планировалось выдавать каждому эвакуируемому одновременно на двое суток вперед 800 граммов хлеба.

²⁵ Документ № 8 // Ломажин Н.А. Неизвестная блокада. Кн. 2. С. 35.

С 24 марта началась эвакуация финнов и немцев. Высылке подлежало 24 600 чел. Из них на 28 марта через Ладогу было перевезено и направлено в Иркутскую область 3 эшелона (6788 чел.). Был погружен и ждал отправки в Иркутскую область четвертый эшелон (2570 чел.). На ст. Борисова Грива ожидали отправки в Красноярский край 3 эшелона (7800 чел.). Два эшелона еще формировались в пригородных районах, а самые последние два эшелона должны были грузиться 29 марта. Каждый состав сопровождался спецконвоем войск НКВД в количестве 24 человек во главе с начальником эшелона и оперработником НКВД²⁶.

После установления блокады эвакуация из Ленинграда возобновилась в сентябре через Ладогу («Дорога жизни»), сначала водным путем, а с ноября – по льду. В первую блокадную зиму переправа действовала с 22 ноября 1941 г. по 24 апреля 1942 г., вторая навигация началась в конце мая 1942 г. Перевозки по Ладожскому озеру весной–осенью 1942 г. осуществлялись по двум трассам – короткой и длинной. Малая трасса, протяженностью 29 км, проходила от Кобоны до мыса Осиновец; большая, длиной 150 км, шла из Новой Ладоги до Осиновца. Транспорты шли обычно в вечернее и ночное время, чтобы избежать вражеских бомбардировок.

«Дорога жизни» стала и дорогой на спецпоселение для сотен и тысяч ленинградских немцев и финнов. После высадки в Кобоно-Кареджском порту эвакуируемых перевозили железнодорожным транспортом в Вологду, Ярославль и Иваново, откуда они уже следовали в пункты назначения. Для обслуживания ленинградцев в пути на Финляндском вокзале, в Борисовой Гриве, Кобоне, Лаврове, Волховстрое работали эвакуопункты. Кроме того, за пределами Ленинградского фронта эвакуопункты были созданы на станциях Тихвин, Вологда, Череповец, Бабаево.

Особенностью высылки городских немцев в этот период был «индивидуальный подход». Хотя основная масса была вывезена в марте 1942 г., отдельные семьи выселялись на протяжении еще нескольких месяцев. Людей выявляли в разное время, им вручали индивидуальные повестки, поэтому и высылка проходила «индивидуально». Реальные сроки высылки растянулись до глубокой осени 1942 г.

Софье Аман объявили 15 июня 1942 г. о необходимости покинуть город в течение 72 часов, прописку из паспорта вычеркнули. Целый месяц тянулась ее дорога до Омска, а потом по Иртышу дальше на север.

Роберт Робертович Шейде (1926 г.р.) вспоминает, что его с матерью выслали из Ленинграда осенью 1942 г. в Красноярский край, они жили в с. Моторск Каратузского района, затем перебрались в районный центр Каратуз²⁷.

²⁶ Там же.

²⁷ Шейде Р.Р. Вспоминаю блокадные дни ... // Мы это пережили. С. 18.

Эрна Александровна Лазаренко (Бон, 1931 г.р.) с родителями, двумя бабушками и тетей были высланы в июле 1942 г. Отец Эрны работал инженером-конструктором на заводе «Вулкан». На сборы им было отпущено 24 часа. Семья добралась до Кокорева на Ладоге, на катере выехала в Кобону. Им посчастливилось добраться живыми, а катера, шедшие впереди и сзади, потонули при бомбежке. Добросердечные жители «большой земли» встречали эвакуированных ленинградцев с горячей едой и даже колотым шоколадом. Испытание едой для истощенных блокадников было самым тяжелым – люди умирали сытыми. 23 июля обе бабушки Эрны оказались в госпитале в Вологде, через день скончалась одна, а через 15 дней – другая²⁸. Погибших ленинградцев на территории Вологодской области было так много, что в Вологде установлен мемориал в память о жертвах блокады во время эвакуации. По официальным данным, людские потери в пути составляли 10%.

В сентябре 1942 г. из города выдворили Регину Карловну Герлеман с трехлетней дочерью Мариной, они были направлены в Барабинск. В июне 1946 г. по вызову мужа – участника войны мать с дочерью вернулись в Ленинград.

Матильда Федоровна Мышенская (дев. Лефлер), жена фронтовика, с трехлетней удочеренной племянницей Эммой Лефлер была выслана из Ленинграда в Горно-Алтайск. У Эммы Николаевны сохранился снимок, сделанный 26 декабря 1943 г. на Алтае. Она, тетя-мать и кукла Нина. Фото было отправлено в армию Н.И. Мышенскому. Надпись на обороте гласит: «Держи при себе – пусть мы будем твоим талисманом против фашистов. Матильда, Эмма, Ниночка»²⁹. Семья Мышенского также смогла вернуться в Ленинград вскоре после войны.

Отец Ольги Берггольц, Федор Христофорович (1885–1948), латыш, уроженец Риги, военный врач-хирург, был ошибочно причислен органами НКВД к немцам. Первое предписание о немедленном выезде из города он получил 2 сентября 1941 г., на сборы давали шесть часов, но кольцо блокады сжималось, поэтому выселить его не удалось. В паспорте была поставлена отметка о статье 39 «Положения о паспортах», которая означала негласный запрет на проживание в больших городах. В течение зимы его неоднократно вызывали в НКВД. Принудительное выселение на основании 39-й статьи состоялось 17 марта 1942 г. Путь лежал через Вологду в Красноярский край. Телеграмма из Вологды в Ленинград была отправлена им 26 марта. 3 апреля он пишет дочери из Глазова: «Родные мои, обратитесь к кому угодно (к Берия и т.д.), но освободите меня отсюда». Сообщается о том, что их кормят один раз в день, да и то не каждый день. В вагоне уже умерло 6 человек и еще несколько на очереди. В середине апреля они прибыли в Минусинск, и Федор Христофо-

²⁸ Лазаренко Э.А. Воспоминания о некоторых днях, прожитых в период Ленинградской блокады // Мы это пережили. С. 41.

²⁹ Стрельнинская немецкая колония под Санкт-Петербургом. С. 67.

рович сразу попал в больницу. После выписки выехал в с. Идра, где устроился работать сельским врачом. Оскорбленного несправедливостью отца одолевала навязчивая идея об оставленном имуществе. Ольга Федоровна с горечью пишет: «<...> у тебя нет бывшего угла, нет обстановки и всего лишь кое-что из белья и одежды!..»³⁰

Возникает закономерный вопрос, почему депортация возобновилась лишь в марте 1942 г. Если бы это произошло раньше, город был бы разгружен от лишнего населения, а столь необходимые продукты сохранились бы для остающихся блокадников. Если следовать логике сотрудников НКВД, за время с начала блокады этот «социально опасный», «политически неблагонадежный контингент» мог вести подрывную работу, «плодить шпионов» в своих рядах, т.е. создавать еще большую политическую нестабильность в городе. На деле, многие мероприятия НКВД были лишь идеологическим прикрытием других, иногда скрытых от глаз мероприятий, иными словами, политические репрессии были теснейшим образом связаны с системой принудительного труда в СССР.

По мнению петербургского историка В.И. Мусаева, депортация немцев в марте связана с развитием рыбных промыслов на севере и необходимостью обеспечить их рабочей силой³¹. Точка зрения заслуживает особого внимания. Действительно, 6 января 1942 г. вышло постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и Дальнего Востока», а 12 марта Л.П. Берия утвердил план, согласно которому около 50 тыс. человек из числа эвакуированных из прифронтовых районов должны были направляться в Красноярский край, Омскую и Иркутскую области. Именно в эти области и направляли ленинградцев в 1942 г., хотя раньше предполагались Коми АССР и Казахстан, как основные места для поселения.

Все ли немцы были высланы из Ленинграда, сколько осталось – ответить трудно. А если кто-то и остался, то, по каким причинам? Все эти вопросы остаются для дальнейшего исследования. Сейчас лишь можно констатировать, что среди тех, кто умер в блокадном Ленинграде в 1943 г., были и носители немецких фамилий: Аман Александра Семеновна, Аман Павел Леонтьевич, Гевейлер Михаил Николаевич, Кун Матильда Симоновна, Лорер Георгий Георгиевич, Менг Тамара Федоровна, Паль Михаил Федорович и другие.

Об отношении ленинградцев к высылке из города финнов и немцев пишет Н.А. Ломагин: «Архивные материалы не дают возможности привести статистические данные о реакции ленинградцев на это мероприятие – органы НКВД сообщали о "понимании" подавляющим большинством горожан принимаемых мер. Однако на деле речь шла, скорее, о безучастном отношении

³⁰ Подробнее см.: Ольга. Запретный дневник: Дневники, письма, проза, избранные стихотворения и поэмы Ольги Берггольц. СПб., 2010. С. 245–253.

³¹ Мусаев В.И. Указ. соч. С. 415.

к происходившей высылке потенциально нелояльных. В ряде же случаев высылка немцев и финнов объяснялась с антисемитских позиций – "это проделки евреев с целью завладеть лучшими квартирами". Таким же образом трактовалось и появление критических замечаний со стороны рабочих о "нарушении национальной политики и национального равенства", а также "несправедливости" в отношении тех, чьи мужья и сыновья были призваны в РККА. Таким образом, продолжала работать "мина замедленного действия" – декларативные заявления самой демократичной в мире Конституции давали основания для критики подавляющего большинства проводившихся властью политических мероприятий»³².

Депортация немцев с территории блокадного кольца. Пригородные районы Ленинграда выполняли большую нагрузку по обеспечению армии и населения блокадного города продуктами. В то же время, среди жителей значительную часть составляли национальные меньшинства, в первую очередь, финны и немцы, которых причислили к неблагонадежным категориям. Но обстоятельства сложились так, что более полугодя подозреваемый в шпионаже «контингент» бок о бок жил и трудился наравне с другими, вносил свой вклад для отпора противнику.

Попытки оградить военные объекты от «враждебно настроенных» немцев и финнов путем их внутреннего переселения предпринимались во Всеволожском районе еще в начале сентября 1941 г., поскольку 9 сентября в 16 км от Ленинграда близ поселка Ковалево началось строительство военного аэродрома (позже аэропорт Ржевка). В районе строительной площадки находилась Смольнинская колония, в которой проживало 27 немецких и 27 финских семей. Командование ВВС Ленинградского фронта обратилось к председателю Ленсовета П.С. Попкову с просьбой ускорить выселение жителей колонии, поскольку она «кишит шпионами», которые днем и ночью оповещают противника ракетами. Несмотря на принятое 5 сентября решение Всеволожского райсовета о выселении, жители колонии продолжают оставаться на своих местах.³³

Депортация жителей из немецких пригородных поселений началась на основании уже упоминавшегося постановления от 20 марта 1942 г.

Расхождения в датах депортации, которые встречаются в воспоминаниях и документах, связаны отчасти с тем, что в них зафиксированы разные этапы высылки – выезд из поселка, прибытие на станцию Борисова Грива, посадка в эшелон на другом берегу Ладоги. Но некоторые факты, все же, свидетельствуют о том, что реальное выселение началось до принятия постановления Военного совета фронта. По воспоминаниям А.А. Шмидта, из Новосаратовки депортация прошла 18 марта 1942 г.³⁴ Эту дату подтверждает и историк

³² Ломагин Н.А. Неизвестная блокада. Кн. 1. С. 296–297.

³³ Блокада Ленинграда в документах... С. 205.

³⁴ Немецкая колония в Новосаратовке под Санкт-Петербургом... С. 81.

В.А. Иванов. По его сведениям, 17–18 марта с Финляндского вокзала в сторону ст. Борисова Грива были вывезены 10 474 финна и немца³⁵. Данные, опубликованные на сайте «Жертвы политического террора в СССР»³⁶, свидетельствуют о другом дне выселения новосаратовцев. По крайней мере, 24 марта выслали А.А. Ульриха, С.П. Эйдемиллера, А.А. Роо, Р.А. Роо, Т.А. Роо.

20 марта выслали жительниц Колпино: Екатерину Егоровну Гевейлер (1905 г.р.), Елену Ивановну Гевейлер (1930 г.р.), Софью Ивановну Гевейлер (1937 г.р.); 25 марта – жительницу Янино Эйдемиллер Доротею Адамовну (1925 г.р.); 19 апреля – жителей Средней Рогатки Александра Федоровича Амана (1898 г.р.), Екатерину Адамовну Аман (1898 г.р.) и Екатерину Александровну Аман (1926 г.р.); 28 июня из Колпино – Аман Нину Николаевну. 28 июля выселили Петра Петровича Амана и Софью Петровну Аман, уроженцев Средней Рогатки, проживавших в Ленинграде. Как уже отмечалось, высылка немцев, живших в городе или попавших в город в качестве беженцев, затянулась.

Всего из Всеволожского района, к которому относилась Новосаратовка, предстояло депортировать 839 немцев (по состоянию на 23 августа 1941 г.), однако реальное количество высланных в марте отличалось от планового, т.к. часть населения погибла от голода.

Условия жизни в Новосаратовке были не намного лучше блокированного города. Люди также страдали от голода и бомбежек, немецкая молодежь участвовала в санитарной очистке городских домов (вывозили трупы), заготавливали дрова в Невском лесопарке для крематория, действовавшем на кирпичном заводе «Красная заря». На трудодни колхозники ничего не получали, а картошку с приусадебного участка сдали в фонд фронта, вскоре туда же была передана и вся живность.

Новосаратовцам дали на сборы 24 часа. На дворе стояли наготове подводы, которые доставили людей на станцию Нева (Веселый поселок). Восприятие смерти притупилось – она была на каждом шагу – поэтому у жителей, готовых к эвакуации, не возникло чувство протеста, когда было приказано свалить в скотный сарай все незахороненные трупы, временно хранившиеся в скотном дворе и на кладбище. Живых отправляли в Сибирь, а покойников сожгли вместе с постройками. Шмидт вспоминает: «За день и в день эвакуации "похоронили" – отвезли на скотный двор колхоза сестру отца и свекровь старшей сестры»³⁷. Затем жителей повезли в вагонах к Ладожскому озеру и там погрузили в автомобили. В семье Шмидта высылке подлежали 10 человек, в т.ч. сестры с детьми: Эрна с трехлетним сыном и Тереза с дочерью 5-ти лет и грудным ребенком. Дома и оставшееся имущество передавалось жителям поселка, которые не были немцами и которые не подлежали эвакуации. При по-

³⁵ Иванов В.А. Миссия Ордена. – С. 259.

³⁶ <http://lists.memo.ru/index.htm>

³⁷ Немецкая колония в Новосаратовке под Санкт-Петербургом... – С. 82.

садке в вагон выяснилось, что младенец Терезы умер. На похороны времени не было – ребенка закопали в снег, отметив место еловой веткой. Рядом уже выселись два таких же сугроба – похоронили двух стариков. При посадке впервые за долгие месяцы люди получили горячую еду, был настоящий хлеб и каша. На той стороне Ладоги каждому выдали по буханке хлеба, в вагон поставили печурку³⁸.

Выселение немцев и финнов из Всеволожского района создавало большие экономические проблемы. До войны на территории района существовало 53 колхоза. Из них в сентябре 9 колхозов были эвакуированы из фронтовых сельсоветов, поэтому к началу посевной кампании действовало 44 колхоза. Проблема заключалась в том, что 41 колхоз полностью состоял из немцев и финнов, а 2 колхоза – частично. Чисто русским был один единственный колхоз. Остающийся рогатый скот передавался совхозам «Халтуринец» и Щегловскому, в которых имелось лишь 100 голов скота. Семенной фонд, сданный осенью 1941 г. государству на хранение, был истрачен. Поэтому запасы картофеля и зерна выселяемых немцев и финнов обращались в семенной фонд. Оставшиеся трактора в Колтушинской МТС (35 машин) некому было обслуживать, т.к. штат трактористов состоял исключительно из финнов³⁹.

Записка председателя Парголовского райисполкома Великодворского, представленная в Леноблисполком, дает представление о ходе депортации немцев и финнов из Парголовского района⁴⁰. В подготовительный период был разработан план по поселениям и эшелонам. К работе были привлечены 173 человека из числа партийно-советского актива, сотрудников НКВД и милиции. Население было оповещено за 24 часа, в отдельных случаях за 6–8 часов до погрузки в эшелоны. К месту отправки люди были доставлены вовремя, однако из-за опоздания эшелонов на 10–12 часов создалась огромная скученность. Имущество, оставленное немцами, было сразу же взято на учет с составлением акта-описи. Руководитель отмечает, что все ценные вещи (велосипеды, швейные машинки) были оставлены в непригодном состоянии (отсутствуют запчасти, в машинках нет челноков). Под сохранную записку был оставлен скот: 599 коров, 2 козы, 23 лошади. Семенных и фуражных фондов в колхозах не было. У населения изъяли 15 т сена и 250 кг картофеля. Все личное имущество было оценено, часть вещей передана в детские дома и больницы, а часть пущена на реализацию через потребкооперацию. За три дня (26–28 марта) было эвакуировано 13 875 немцев и финнов. Из-за отсутствия в районе в момент высылки, а также по болезни на территории осталось примерно 200 чел.

³⁸ Там же. С. 83–84.

³⁹ Докладная записка Всеволожского районного отдела НКВД начальнику УНКВД ЛО П.Н. Кубаткину о подготовке к весенней посевной кампании в районе. 23 марта 1942 г. // Из районов области сообщают... С. 159.

⁴⁰ Из районов области сообщают... С. 161–162.

Если сопоставить количество высылаемого населения (почти 14 тыс. чел.) и количество оставленного продовольствия и скота, при полном отсутствии фуража и семенного фонда, то становится ясным, что население сильно страдало от голода и дальнейшее пребывание в колхозах грозило большими человеческими потерями. Но даже в этих условиях колхозники продолжали работать и снабжать блокадный Ленинград и армию продовольствием.

Опубликованы сведения о количестве и составе эвакуированных из Ораниенбаумского района, из которого выселили 4485 финнов, 166 немцев и 124 человека «по специальному списку»⁴¹.

Истощенные от голода, находясь на грани смерти, люди радовались депортации. В тот момент она для них означала лишь избавление от мук блокады. В.И. Мусаев приводит факты, которые он называет неожиданными для себя, о том, что в Ораниенбаумском районе «почти во всех сельсоветах зарегистрированы многочисленные факты, когда отдельные лица из русского населения просили включить их в список подлежащих обязательной эвакуации и выражали недовольство тем, что им в этом отказывали»⁴². Если Н.А. Ломагин пишет о равнодушии горожан к выселению немцев и финнов, то В.И. Мусаев свидетельствует о заинтересованности части русского сельского населения выехать вместе с немцами и финнами. Различия можно объяснить условиями проживания людей в городе и селе. Люди в замерзающем и вымирающем Ленинграде, в котором всякая активность населения сокращалась по мере усугубления ситуации с продовольствием, были разъединены больше, чем это было в сельской местности, где традиционно жизнь соседей была на виду и «общинность» проявлялась в большей мере. Перед угрозой смерти люди забывали о своей национальной принадлежности и политических взглядах, поэтому готовность выехать с «предателями» свидетельствует о том, что на первом плане стоял вопрос сохранения жизни. К весне 1942 г. изменилось отношение к эвакуации и среди жителей города. Если летом–осенью многие отказывались уезжать из-за страха покинуть насиженное место и в надежде, что война быстро закончится, то после блокадной зимы вопрос уже так не стоял.

К апрелю 1942 г. операция по выселению финнов и немцев была в основном завершена. Начальник УНКВД ЛО Кубаткин сообщал наркому Берии 4 апреля,⁴³ что по решению Военного совета фронта было выселено из города и пригородов 39 075 чел., в т.ч. эвакуированных в обязательном порядке немцев и финнов 35 162 чел. Весь контингент был направлен: в Красноярский край – 26 283 чел., в Иркутскую область – 9 488 чел., в Омскую область – 3 304 чел. Учитывая исключительное значение Кронштадта, из города были удалены антисоветские (67 чел.) и социально опасные (289 чел.) элементы, немцы и

⁴¹ Мусаев В.И. Указ. соч. С. 415.

⁴² Там же.

⁴³ Документ № 9 // Ломагин Н.А. Неизвестная блокада. Кн. 2. С. 37.

финны (75 чел.). Выселенные из сельской местности немцы и финны сдали 1020 коров, 134 лошади, 92 головы мелкого скота, 7540 жилых построек.

К 1 октября 1942 г. из Ленинграда и пригородных районов области было выселено 58 210 немцев и финнов⁴⁴. По подсчетам В.Н. Земскова, во время войны из города и области всего было выселено 11 тысяч немцев⁴⁵.

Судьба немецкого населения Ленинградской области в оккупации.

Оккупация Ленинградской области отличалась рядом особенностей от других оккупированных территорий СССР, на которых гитлеровцы ввели свое административно-территориальное управление (рейхскомиссариаты «Украина» и «Остланд»). Как и на другой оккупированной территории РСФСР, здесь не существовало единой гражданской власти, в городах создавались управы, в сельских районах – комендатуры. В Ленинградской области, как ни в одном другом месте, длительный срок (29 месяцев) существовала военная администрация. Нигде не было такой продолжительной пропагандистской обработки населения. В области имелись примеры краткосрочного нахождения населения под оккупацией (район Тихвина). Население неоднократно подвергалось фильтрации с целью выявления коммунистов, евреев и пособников партизан, в несколько этапов людей отправляли на принудительные работы. Например, жителей Пушкина эвакуировали несколько раз: в октябре–ноябре 1941 г., феврале и в конце лета 1942 г. Людей сначала направляли в Гатчину, в пересыльный лагерь в Красных казармах, располагавшийся при въезде в город. Из Гатчины эвакуировали в Эстонию, Латвию, Литву, Польшу и Германию.

Голод на оккупированных территориях, особенно в городах, приобретал колоссальные размеры, поэтому росла смертность, увеличивалась опасность развития эпидемий. Жители Стрельнинской колонии, оказавшись без жилья, без огородов и без скотины (забрали оккупанты), начали голодать уже осенью 1941 г. Ели все, что только можно было найти – кочерыжки, капустные листья, замерзшие в поле овощи, олифу, падаль. Дети становились «добытками», т.к. осмеливались попрошайничать у оккупантов, разместившихся в здании бывшей богадельни «Вифезда».

Особенности оккупации Ленинградской области, более лояльное отношение местного населения к оккупантам создавали сложности для развития партизанского движения. Тем не менее, партизаны действовали. Известны факты участия жителей Стрельнинской колонии в партизанской борьбе. Связь с партизанами осуществляли комсорг Андрей Штейнмиллер и Румянцев. Однако вскоре молодые люди были схвачены и повешены в селе. Под Володаркой героически погиб Яков Аман, воевавший в партизанском отряде, под Тулой погиб его сын, находившийся в действующей армии⁴⁶. Команди-

⁴⁴ Блокада Ленинграда в документах ... С. 697.

⁴⁵ Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. М., 2005. С. 94.

⁴⁶ См.: Немецкая колония в Стрельне под Санкт-Петербургом. С. 49.

ром партизанского отряда в Кингисеппе был Паль Яков Адамович, уроженец немецкой колонии Ямбург. Он был выдан оккупантам и казнен⁴⁷.

Этнические вопросы в целом и положение этнических немцев в блокадном Ленинграде и на оккупированной территории постоянно находились в поле зрения командования германской 18-й армии. Так, в сводке от 9 октября 1941 г. информируется о количестве немцев в Ленинграде⁴⁸. 19 октября сообщается об общем количестве населения в городе, количестве евреев и немцев, об эвакуации жителей из прифронтовой полосы⁴⁹. 8 февраля 1942 г. говорится о том, что «большое количество местных немцев живет в условиях стражайшей изоляции в маленьком поселке Петровская Славянка. Существует секретный приказ, согласно которому лица немецкого происхождения не могут быть отправлены на фронт, как, впрочем, и мужчины, чьи семьи находятся на занятой территории»⁵⁰. В период с 6 по 20 ноября 1941 г. по желанию командования 18-й армией отряды полиции безопасности участвовали в учете этнических немцев. Это происходило в форме перепроверки населения полицией безопасности⁵¹.

7 января 1942 г. на Волховском фронте с целью деблокаживания Ленинграда началась Любанская операция, трагически завершившаяся гибелью 2-й ударной армии и пленением командующего армией генерала А.А. Власова, в значительной мере повлиявшая на судьбу ленинградских немцев. По приказу командующего 18-й армией 25 января 1942 г. началось выселение немцев из окрестностей Ленинграда, поскольку к этому времени считался возможным прорыв блокады и последующее наступление Советской армии.

По сообщению Айнзатцгруппы А, располагавшейся в Гатчине, от 2 января 1942 г., еще до начала операции по особому пожеланию командования 18-й армии проводился учет этнических немцев, находящихся в прифронтовой полосе, а также в тылу армии. «Учет в целом завершен. Принимая во внимание надвигающийся голод, а также угрозу этническим немцам со стороны противника, представляется необходимым поторопиться с транспортом для их вывоза. В тесном сотрудничестве с командованием 18-й армии, проявляющим большой интерес ко всем этническим вопросам, в будущем необходимо приступить к учету проживающих в Ингерманландии эстонцев и финнов. К проведению этого учета привлекаются эстонские офицеры и помощники из числа финского населения»⁵². В сводке от 8 апреля 1942 г. говорилось, что

⁴⁷ Имя Якова Паля высечено на памятнике погибшим партизанам в Кингисеппе.

⁴⁸ Документ № 16 «Сообщение о Петербурге № 4» // Ломагин Н.А. Неизвестная блокада. Кн. 2. С. 131.

⁴⁹ Документ № 47 «Сообщения из занятых Восточных территорий № 25» // Там же. С. 212–213.

⁵⁰ Документ № 39 «Сводка о событиях в СССР № 170» // Там же. С. 192.

⁵¹ Документ № 34 «Сводка о событиях в СССР № 140» // Там же. С. 177.

⁵² Документ № 36 «Сводка о событиях в СССР № 150» // Там же. С. 182.

«регистрация эстонцев и финнов в компетенции 18-й армии закончилась. В общей сложности было зарегистрировано 11415 эстонцев и 64800 финнов. Изменение этой цифры возможно лишь в наименьшей степени и связано лишь с тем, что за пределами собственно зоны боев, где был запрет на переселение, все еще существовала некоторая миграция»⁵³.

Выселение немцев на запад не было одноразовой акцией. Об этом имеются различные свидетельства.

Семья Филиппа Филипповича Гевейлера из Стрельнинской колонии точно помнит дату отправки в Германию – 12 февраля 1942 г. Жителей Стрельны вначале собрали в Красном Селе, а затем по железной дороге отправили на запад. До лагеря Конитц ехали месяц, в дороге людей сносно кормили, на границе с Латвией провели санобработку.

По детским воспоминаниям жителя поселка Стрельна Ю.П. Крылова, расположенная по соседству Стрельнинская немецкая колония опустела еще осенью. В ней располагилась местная комендатура. Колонистская школа, сложенная из кирпича, была сожжена наполовину. «Говорили, что колонисты убралась в свой Vaterland. Нам было как-то все равно: выехали и выехали, я так, например, даже не заметил – когда. И даже хорошо, что выехали. У нас появилась возможность пошарить в их хорамах, убедиться – не по слухам, а воочию, как они у нас столько лет жили-поживали. Ходил слушок, что сами-то колонисты выехали, а то, что у них было в погребках, им пришлось оставить – на нужды оккупационного гарнизона. Разумеется, появляться нашему брату было строжайше запрещено. <...> На погребках, у входа, рассказывали, красовались убийственные аншлаги: "Halt – Mienen!" и прочее в том же духе. <...> Ежедневно в полдень из конца в конец деревни ходил местный комендант»⁵⁴. Мальчик дважды побывал в колонии в поисках хоть какой-то еды, при этом каждый раз он пишет, что улицы стояли заснеженные, был мороз, людей не видно. Автор мог ошибиться в определении сроков выезда немцев из колонии, ведь ему в то время было лет 10, а воспоминания он написал в преклонном возрасте. К тому же он сам говорит, что не заметил, когда немцы покинули поселок. Возможно, речь идет лишь об освобождении Верхней колонии, южной части поселка.

По свидетельству Лидии Осиповой, жительницы г. Пушкина в период оккупации, автора дневника, российских немцев из Пушкина стали вывозить в конце февраля⁵⁵.

«22 февраля... В городе объявлена эвакуация фольксдойчей. Всех. Кто хочет, записывают в фольксдойчи и отправляют. По-видимому, командование решило под этим предлогом разгрузить город. Ивановы, Петровы, Немипуренки идут за фольксдойчей... Идти надо в СД к какому-то Райхелю...

⁵³ Документ № 42 «Сводка о событиях в СССР № 190» // Там же. С. 205.

⁵⁴ Крылов Ю.П. Путиловский двор. СПб., 2007. С. 284.

⁵⁵ Цыпин В.М. Город Пушкин в годы войны. СПб., 2010. С. 119.

25 февраля. Уехали с фольксдойчами и Давыдовы⁵⁶. Единственный человек, который нам все-таки как-то помогал. Иванова-Разумника⁵⁷ вели на машину под руки... Как он доедет?»

В трудовой лагерь в Германии попали немцы из Пушкина – художники О.Ю. Клевер и С.Л. Голлербах. Среди выселенных жителей была Светлана Беляева, дочь погибшего от голода писателя-фантаста А.Р. Беляева. Семья проходила по списку лиц нерусского происхождения, т.к. бабушка Светланы была шведкой. Беляевы были вывезены в Польшу, в мае 1945 г. освобождены частями Советской Армии, а после фильтрации отправлены в Алтайский край.

В феврале же началась эвакуация этнических немцев из Шлиссельбурга.

Германский штаб по размещению вывезенного населения распорядился, чтобы немцы из района Ленинграда, Шлиссельбурга и Луги были размещены «концентрировано» и определил для этого Конитц в Западной Пруссии. До конца марта 1942 г. 3441 человек прибыли в сборный лагерь Конитц, в котором к этому времени еще находились немцы, переселенные на основании советско-германских договоров 1939–1940 гг. из Волини, Буковины и Бессарабии, и 335 человек – в лагерь Нойштадт (под Данцигом)⁵⁸.

Новые жители лагеря были крайне истощены. Штаб сообщал, что обычный вес взрослых женщин составлял от 80 до 90 фунтов (40–45 кг)⁵⁹. Причиной этого были катастрофические условия питания у себя на родине. Из числа ленинградских немцев к октябрю 1942 г. около 500 семей (2104 чел.) были временно расселены в районе Люблина, остальные к весне 1943 г. переведены на территорию Польши, включенную в состав Германского Рейха (Reichsgau Wartheland, имперский край Вартегау).

Судьба псковских немцев, также оказавшихся в оккупации, требует более детального изучения. Известны лишь отдельные факты. Так, по воспоминаниям евангелического священника Вильгельма Штритар, служившего в качестве сапера в Пскове в 1941 г., 30 ноября, в первый Адвент во время службы в специально сооруженном молитвенном доме присутствовали и «русские немцы»⁶⁰.

Первая волна отправки гражданского населения из Пскова в Германию началась в октябре 1943 г., а с 17 февраля 1944 г. начался массовый угон

⁵⁶ Давыдов из числа этнических немцев, работал переводчиком в службе СД.

⁵⁷ Иванов Разумник Васильевич (псевдоним – Иванов-Разумник), литературовед, критик, публицист, из дворянской семьи, русский. Выехал из Пушкина как имеющий родных в Литве. Скончался в 1946 г. в Мюнхене.

⁵⁸ См.: Айсфельд А. Административные переселенцы // Немцы России: Энцикл. Т. 1. М., 1999. С. 29–31.

⁵⁹ Информацию сообщил д-р А. Айсфельд (Гёттинген) со ссылкой на книгу *M. Leniger «Nationalsozialistische Volkstumarbeit und Umsiedlungspolitik 1933–1945»*.

⁶⁰ Бах Д., Смирнов В. Немецкие следы в одном русском городе. Псков: от Тевтонского ордена к современному партнерству. [Псков, 1997]. С. 101.

псковичей на запад. Можно предположить, что среди них были и жители немецкой национальности. О судьбе монаха Мирожского монастыря Иоанна рассказала газета «Благовест»⁶¹. Малолетним ребенком он вместе с матерью Галиной Рудольфовной Лединой, которая была фольксдойче из Пскова, оказался на территории Польши в лагере Грудзенц. Его отец находился на фронте. По окончании войны женщина с восьмилетним сыном вернулась в Псков. А.Н. Семенова (урожд. Ваншейд), жившая в оккупированном Пскове, опубликовала свои короткие воспоминания о школьной учебе в лагере для немцев-переселенцев⁶².

К 12 июля 1944 г. в Вартегау находилось около 240 тысяч этнических немцев из СССР. Из них 180 тысяч выполняли различные работы. На территории Вартегау располагалась сеть пропускных пунктов и лагерей для временного размещения. Лагеря были обнесены колючей проволокой и охранялись войсками СС. В лагерях Иммиграционного ведомства этнические немцы проходили проверку на этническую принадлежность. После успешного прохождения процедуры лица, включенные в категорию 1-ю и 2-ю, получали германское гражданство, включенные в 3-ю категорию получали германское гражданство временно сроком на 10 лет. После предоставления гражданства мужское население становилось военнообязанным и призывалось в Вермахт, полицию и другие военные формирования. Из числа переселенцев создавали также охранные и строительные отряды. В результате широкомасштабного наступления Советской армии, начавшегося 12 января 1945 г., около 200 тысяч административных переселенцев из СССР не смогли покинуть Вартегау и оказались на территории, занятой советскими войсками⁶³.

География расселения, статус, условия жизни административных переселенцев в Германии, Австрии и Польше еще недостаточно исследованы. Важно провести сравнение этой категории переселенцев с остарбайтерами. Так, жители рядом расположенных поселений Ленинградской области оказались в Германии в разном статусе. Немцы из Стрельнинской колонии были выселены как фольксдойче, а жители Новополя – как остарбайтеры. При этом некоторые семьи русских и немцев были связаны родственными узами. О жизни остарбайтера в своих военных дневниках пишет В.П. Фролова, у которой брат был женат на Маргарите Эйдемиллер из Стрельны. Обе стороны общались друг с другом, находясь в Германии⁶⁴.

⁶¹ Жоголев А. Мирожский урок // Благовест: православная газета. 2008. 14 нояб. // <http://www.cofe.ru/blagovest/article.asp?heading=27&article=12974>

⁶² Семенова А.Н. Мой долгий тернистый путь к немецкому языку // Впечатления нашей жизни. С. 23–25.

⁶³ См.: Айсфельд А. Вартегау // Немцы России: Энцикл. Т. 1. С. 321–322.

⁶⁴ Подробнее см.: Фролова В.П. Ищи меня в России: Роман. Дневники остарбайтера. 1942–1945 гг. СПб., 2005. – 832 с., ил., порт.

Филипп Филиппович Гевейлер с женой Амалией и сыновьями Виктором и Гербертом прошли через лагеря Конигц (Konitz), Штагарт (Stargart), Шенлаге (Schönlage), Бергенриген (Bergentrigen), Штезен (Stesen), округ Науенбург (Kreis Nauenburg). Мария и Елизавета Ульрих в 1945 г. умерли от туберкулеза в лагере в Австрии. Бывший стахановец из колхоза «Роте Фане» (Стрельнинская колония), коммунист Петр Адамович Эйдемиллер, как и многие другие односельчане, в годы войны оказался в Германии, работал у фермера. Он решительно отказался от предложения местного немца остаться в Германии, получить землю, жилье. Война закончилась, и он рвался домой, на родину. Однако родина сурово встречала тех, кто по разным причинам оказался в Германии. Семья Эйдемиллера была направлена на спецпоселение и с 1945 по 1981 г. проживала на ст. Юрга в Кемеровской области, там же Петр Адамович и похоронен.

Наступавшая Советская армия и армия союзников освобождали людей из лагерей. В зависимости от того, в чьей зоне оккупации оказывалось угнанное население, во многом складывалась дальнейшая судьба людей. В «западной» зоне оккупации было больше шансов остаться в Европе.

Проблема возвращения ленинградских немцев на родину. В течение 1945–1948 гг. подавляющее большинство советских немцев были репатриированы в СССР. Все возвращавшиеся лица проходили проверку в проверочно-фильтрационных пунктах (ПФП) и проверочно-фильтрационных лагерях (ПФЛ). После прохождения контроля немцы направлялись в лагеря НКВД и на спецпоселение. Не всех немцев, покинувших СССР в годы войны, удалось возвратить, примерно половина их осталась на Западе.

В.Н Земсков отмечает, что в контингент репатриированных немцев были включены и немцы, выселенные в 1945–1948 гг. из западных регионов СССР. По данным на 1 января 1953 г., на учете спецпоселений состояло 208 388 репатриированных немцев. Из них 42 850 чел. – в Казахстане, 18 023 – Таджикистане, 17 831 – Молотовской области, 13 841 – Алтайском крае, 13 262 – Новосибирской области, 12 076 – Свердловской, 10 976 – Архангельской, 10 131 – Коми АССР, 9462 – Вологодской области, 7580 – Удмуртской АССР, 6342 – Костромской области, 5735 – Кировской, 4888 – Кемеровской, 4418 – Иркутской, 4264 – Челябинской, 3200 – Красноярском крае и 23 509 – в других регионах⁶⁵.

Возвращение немцев в родные места из восточных районов страны, где они оказались в ходе депортации или репатриации, было непростым, оно затянулось на долгие годы.

Возвращение ограничивалось или вообще было запрещено целым рядом законодательных актов, главным из которых был Указ Президиума

⁶⁵ Земсков В. Репатриация перемещённых советских граждан // Скепсис: научно-просветительский журнал. Свобода начинается с сомнения (http://scepsis.ru/library/id_1234.html#a25).

Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны» от 26 ноября 1948 г. Кроме того, имелся ряд документов, регулировавших возвращение людей в Ленинград и область. 11 августа 1944 г. распоряжением СНК СССР разрешалась реэвакуация в Ленинградскую область. Но чтобы предотвратить возвращение выселенных финнов и немцев, 29 декабря 1944 г. появился приказ НКВД о постановке эвакуированных финнов и немцев на учет по линии спецотдела комиссариата. Появление приказа инициировал председатель Ленинградского облисполкома Н.В. Соловьев, который писал В.М. Молотову 21 ноября 1944 г.: «Учитывая, что возвращение населения финского и немецкого происхождения в пригородные районы Ленинградской области нецелесообразно и что эти <...> районы должны быть заселены русским населением, исполком Ленинградского областного Совета депутатов трудящихся просит Вас разрешить не проводить реэвакуацию к местам прежнего жительства населения финского и немецкого происхождения <...>, оставив это население в тыловых областях Союза на постоянное место жительства»⁶⁶.

19 сентября 1945 г. Совнарком разрешил возвращение лишь отдельным категориям населения, поэтому упоминавшиеся немки Герлеман и Мышенская, жены военнослужащих, вновь оказались в Ленинграде. Самовольное возвращение пресекалось. На этот счет действовало письмо заместителя председателя Ленсовета М. Сафонова от 19 марта 1946 г. «Об участвовавших случаях самовольного возвращения жителей Ленинградской области финской и немецкой национальности к месту прежнего жительства» и письмо Переселенческого управления при Совете министров РСФСР от 18 июля 1946 г. № 39 «Эвакуированным из Ленобласти гражданам немецкой и финской национальности в порядке паспортного режима не разрешается возвращаться в Ленобласть, хотя они не проживали на спецпоселении».

* * *

Депортация немцев из Ленинграда и Ленинградской области имела свои особенности, связанные с ходом военных действий (блокада, оккупация значительной части территории). Выселение растянулось на два года, первый этап прошел в августе 1941 г., до установления блокады Ленинграда, второй начался в марте 1942 г. Решающее слово при депортации немцев принадлежало военным. Вывоз людей с территории блокадного города проходил в тяжелейших условиях, сопряженных с опасностью для жизни. Часть немецкого населения была депортирована на восток, а другая угнана на

⁶⁶ Цит. по: Мусаев В.И. Этнос и война... С. 416.

принудительные работы на запад. Одним из последствий депортации стало исчезновение не только самих немецких поселений под Ленинградом, но и памяти о них.

По итогам переписи 12 января 1989 г., в Ленинграде проживало 3 600 немцев, для 19,4% немецкий был родным языком⁶⁷. По переписи 2002 г., в Санкт-Петербурге насчитывалось 3868 чел., в Ленинградской области – 2372 чел.

⁶⁷ Многонациональный Петербург. История. Религии. Народы. СПб., 2002. С. 147.

Депортация немцев из Москвы и Московской области

После 1914 г. немецкое население Москвы существенно сократилось. Если до начала первой мировой войны немцев в Москве насчитывалось около 20 тыс. человек⁶⁸, они были вторым по численности этносом в городе, играя важную роль в хозяйственной и культурной жизни, то по переписи 1926 г. в городе насчитывалось всего 8,6 тыс человек⁶⁹.

Как пишет В. Деннингхаус, такое существенное уменьшение численности немцев было связано с огромными потрясениями, вызванными Первой мировой войной, двумя революциями, Гражданской войной⁷⁰. Решающее воздействие на снижение численности немецкой колонии Москвы оказала эмиграция 1918–1920 гг., затронувшая прежде всего те слои населения, которым грозили репрессии за их «непролетарское» происхождение или которые не могли принять новую власть по своим убеждениям (дворяне, бывшие чиновники, военные, предприниматели, научная и культурная интеллигенция). Большую долю московских немецких эмигрантов составили выходцы из Прибалтики, получившие возможность официально выехать в провозглашенные независимыми государствами Латвию и Эстонию⁷¹.

В Деннингхаус отмечает, что дополнительными факторами снижения численности немцев-москвичей послужили разруха, массовая безработица, голод, волна эпидемий, заставившие часть немцев перебраться в сельскую местность, а также организованное выселение «бывших господ»⁷².

Все эти факторы способствовали коренному изменению социального облика немецкой диаспоры, основную её часть стали составлять рабочие.

В 1930-х гг. московские немцы стали одним из объектов общей репрессивной политики режима. Только в ходе «Немецкой операции» НКВД в 1937–1938 гг. было арестовано 2368 человек, примерно две трети из которых являлись немцами⁷³. Из этого числа было осуждено 1220 человек, в том числе к высшей мере наказания – 863⁷⁴.

По переписи 1939 г. В Москве проживало 8,3 тыс., В Московской области – 6,6 тыс. немцев⁷⁵. Всего – 14,9 тыс. человек. Однако хорошо известно,

⁶⁸ См.: Деннингхаус В. Немцы в общественной жизни Москвы: симбиоз и конфликт (1494–1941). М.: РОССПЭН, 2004. С. 433.

⁶⁹ См.: Там же.

⁷⁰ См.: Там же.

⁷¹ См.: Нелипович С.Г. Репрессии против подданных «центральных держав»: Депортации в России 1914–1918 гг. // Военно-исторический журнал 1997. № 6. С. 42.

⁷² См.: Деннингхаус В. Указ. соч. С. 433.

⁷³ См.: Военно-исторический архив. 2003. № 6. С. 60.

⁷⁴ См.: Наказанный народ: Репрессии против российских немцев. М.: «Звенья», 1999. С. 65.

⁷⁵ См.: История российских немцев в документах. М., 1993. С. 156.

что показатели этой переписи были сфальсифицированы в большую сторону, поэтому реальная численность немцев в Москве и Московской области представляется меньшей.

После того как в августе 1941 г. советским руководством было принято принципиальное решение о высылке немецкого населения из европейской части СССР, депортация немцев из такого стратегически важного региона как Москва и Московская область оставалась лишь делом времени, тем более что именно на Москву нацеливался главный удар германских войск.

Решение о переселении немцев из Москвы, Московской и Ростовской областей было принято на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 5 сентября 1941 г. и оформлено в виде Постановления Государственного комитета обороны (ГКО) СССР № 636 сс от 6 сентября 1941 г.¹ На основании постановления ГКО был издан приказ Наркома внутренних дел, разработана и утверждена Л. Берией Инструкция по проведению переселения немцев, проживающих в Москве и Московской области². Эти документы, за небольшим исключением (определённой конкретики, связанной с численностью, размещением немцев, возможностями органов НКВД и т.п.), повторяют основные положения, изложенные в аналогичных предыдущих приказе и инструкции по переселению немцев из Поволжья.

Накануне депортации органы НКВД провели учёт немецкого населения в Москве и Московской области и получили данные, которыми в дальнейшем и оперировали организаторы переселения: 11 567 человек³. Из этого количества немцев было намечено к аресту, а затем и арестовано 1142 человека «антисоветского элемента», т.е. – почти десятая часть⁴. Это очень высокий показатель. Например при переселении немцев из Республики немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей было арестовано всего 349 человек, 0,08% от числа выселенных⁵. Очевидно массовость арестов обуславливалась статусом столицы и столичного региона, а также близостью фронта.

Интересна социальная характеристика оставшейся после ареста части немецкого населения. Она приводится в подготовительных к депортации документах НКВД и содержится в таблице 1.

¹ См.: История российских немцев в документах. С. 161–162.

² См.: Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 9479. Оп. 1. Д. 86. Л. 158–162.

³ См.: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 83. Л. 46. Здесь и далее ко всем конкретным данным о численности депортируемых, приводимым в документах НКВД, следует относиться осторожно, т.к. в различных документах они существенно разнятся. О неточности и ошибках в некоторых подсчётах признаются и сами работники этого ведомства. См.: Там же.

⁴ Там же.

⁵ См.: Герман А.А. Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. М.: «МСНК-пресс», 2007. С. 436.

Таблица 1.

**Социальная характеристика населения Москвы и Московской области,
намеченной к переселению⁶**

Социальный состав населения (по классификации НКВД)	Москва	Московская область	Всего
Рабочие	1749	2475	4224
Служащие	2833	862	3695
Лица, не участвующие в общественной жизни и не имеющие определённых занятий	918	609	1527
Всего	5500	4925	10425

Последняя социальная группа, выделенная НКВД весьма условна, сюда по логике авторов из НКВД можно отнести, не только людей, промышлявших «подпольным» индивидуальным трудом, торговлей, священников и т.п., но и, например, людей некоторых творческих профессий, пенсионеров, инвалидов.

В ходе подготовки к депортации органами НКВД по согласованию с ГКО было принято решение оставить в Москве 1620 немцев, в их числе:

- лиц из смешанных семей, в которых глава семьи не являлся немцем – 912;
- лиц престарелого возраста со слабым здоровьем – 264;
- членов семей красноармейцев – 100;
- лиц, оставляемых по оперативным соображениям – 97;
- высококвалифицированных специалистов – 147⁷.

Если из 10425 немцев, оставшихся после ареста вычесть оставленных 1620 человек, то получается число 8805 человек. Однако в постановлении ГКО от 6 сентября 1941 г. фигурирует число – 8617 немцев. Видимо в дальнейшем, перед депортацией, было произведено дополнительное уточнение числа выселяемых.

Постановление предписывало проведение депортации из Москвы и Московской области в период с 10 по 15 сентября, то есть на подготовку к депортации органам НКВД отводилось всего 3 дня, следовательно ещё меньше времени оставалось у депортируемых, многие из которых даже не подозревали о том, какое испытание готовит им судьба. Всё это впоследствии не могло не сказаться на морально-психологическом состоянии московских немцев.

В отличие от других регионов в Москве после доведения до немцев постановления о депортации были зафиксированы далеко не единичные случаи самоубийства, носивших как индивидуальный, так и групповой характер. В

⁶ См.: Deportation, Sondersiedlung, Arbeitsarmee: Deutsche in der Sowjetunion 1941 bis 1956 /Hrsg von A.Eisfeld und V.Herd. Koeln: Verl. Wiss. Und Politik, 1996. S. 85.

⁷ См.: Там же.

частности, в одном из донесений отмечается групповое самоубийство пожилой семейной пары дворянского происхождения⁸. В. Ямпольский в своей статье приводит факт самоубийства по причине депортации 12 сентября 1941 г. 48-летнего москвича Адольфа Иосифовича Эрдмана⁹.

Выселение началось 14 сентября (ушли первые 2 эшелона) и завершилось 18 сентября (ушёл последний 4-й эшелон). Общее представление о процессе депортации московских немцев даёт таблица 2.

Таблица 2.

Депортация немцев из Москвы и Московской области в Казахстан¹⁰

Номер эшелона	Убытие из Москвы	Станция назначения	Численность эшелона при отправке (чел.)	Дата прибытия	Станция прибытия	Численность эшелона по прибытию (чел.)	Районы и области размещения депортированных в Казахстане
1070	14.09. 1941	Казалинск	2363	26.09. 1941	Нурина́я Карага́динска́я ж.д.	2366	Тельманский и Ворошиловский районы Карагандинской области Казахской ССР
1072	14.09. 1941	Казалинск	2631	27.09. 1941	Сыр-Дарьинская Ташкентская ж.д.	2769	Кировский район Ташкентской области Узбекской ССР
1073	15.09. 1941	Нурина́я	2196	28.09. 1941	Разъезд 96 км Оренбургской ж.д.	2205	Казалинский район Кызыл-Ординской области Казахской ССР
1071	18.09. 1941	Нурина́я	1094	30.09. 1941	Казалинск Оренбургской ж.д.	2199	Казалинский район Кызыл-Ординской области
4 эшелона	14–18. 09.1941		8 284	26–30 09.1941		9539	

⁸ См.: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 85. Л. 129.

⁹ Ямпольский В. «Надо выселить с треском» // Новое Время. 1994. № 23. С. 37.

¹⁰ Таблица составлена автором на основании архивных данных и ряда крупномасштабных карт Казахской и Узбекской ССР. См.: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 84. Л. 48, 217, 218.

Анализ данных, приведенных в таблице позволяет сделать несколько интересных заключений. Всего немцев Москвы и Московской области вывезли четырьмя эшелонами. В силу каких-то обстоятельств, которые пока выяснить не удалось, ни один эшелон не попал на станцию своего первоначального назначения.

Первым из Москвы отправился эшелон № 1070. Станцией назначения ему определялся Казалинск (в устье Сыр-Дарьи, недалеко от восточного побережья Аральского моря), однако реально он прибыл на станцию Нурина (чуть севернее Караганды). А его пассажиры были расселены в восточной части Карагандинской области.

Вторым из Москвы в тот же день, 14 сентября вышел эшелон № 1072. Ему также предназначалось прибыть в Казалинск. Однако он проследовал через эту станцию, проехав на юг в Узбекистан до Ташкента и дальше и выгрузил своих пассажиров на станции Сыр-Дарьинской – в 80 км к юго-западу от Ташкента. Немецкие семьи из этого эшелона были расселены на севере Ташкентской области около границы с Казахстаном.

Третий эшелон – № 1073 – вышел из Москвы на следующий день – 15 сентября и должен был следовать до станции Нурина, однако оказался и был разгружен на разъезде 96-й км (несколько километров южнее Казалинска). Его пассажиры были расселены в Казалинском районе Сыр-Дарьинской области.

Четвёртый (последний) эшелон вышел лишь 18 октября, на два дня позже определённого постановлением ГКО СССР срока. Невыполнение постановления в те тревожные дни и недели было чревато серьёзными последствиями для нарушителей и скорее всего было вызвано объективными обстоятельствами, например возникшими сложностями в поиске и сборе лиц, подлежащих депортации. В пользу нашего предположения говорит тот факт, что численность этого эшелона оказалась намного (в 2 и более) раз меньше численности предыдущих эшелонов. Всего в четырёх эшелонах было вывезено 8 284 человека¹¹, т.е. на 333 человека меньше, чем требовалось в постановлении ГКО СССР от 6 сентября.

Очевидно исполнители операции по переселению московских немцев получили за невыполнение постановления ГКО серьёзный нагоняй, поскольку были приняты дополнительные меры по поиску лиц подлежащих депортации, удалось собрать 356 человек. Этих людей отправили 22 сентября поездом до Тулы¹², где их посадили на эшелон вывозивший немцев Тульской области.

Тульский эшелон убыл 3 октября 1941 г. в его вагонах перевозилось 3058 человек (включая 356 московских немцев). Пассажиры эшелона были выгружены и расселены в Карагандинской области¹³.

¹¹ См.: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 83. Л. 46.

¹² См.: Deportation, Sondersiedlung, Arbeitsarmee: Deutsche in der Sowjetunion 1941 bis 1956. S. 86.

¹³ См.: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 83. Л. 46.

Таким образом из Москвы и Московской области было вывезено всего 8640 немцев, т.е. установленное ГКО СССР количество подлежащих депортации (8617 чел.) было превышено на 23 человека. Вместе с тем, как отмечается в документах, 10 человекам, подлежащим депортации, удалось скрыться. Их так и не удалось обнаружить¹⁴.

Интересен ещё один факт. Практически все эшелоны, вывозившие немцев из Москвы и Московской области за время пути увеличили численность своих пассажиров: первый – на 3; второй – на 138; третий – на 9; а четвертый – на 1105 человек, т.е. увеличил численность своих пассажиров более, чем в 2 раза. Очевидно, что такое значительное увеличение численности 4-го эшелона может быть объяснено лишь специально организованной подсадкой пассажиров. Остальные три эшелона, скорее всего, подбирали отставших, снятых с предыдущих эшелонов по болезни и т.п. Такое предположение вполне обоснованно, поскольку в Казахстане эшелоны с московскими немцами в основном шли по тем же маршрутам, что и эшелоны с немцами из Поволжья и Ростовской области.

К сожалению, в дальнейшем следы московских немцев теряются, в Казахстане они смешиваются с другими группами немцев-переселенцев. В дальнейшем в документах, связанных с положением депортированных немцев в Казахстане, лишь косвенно можно определить присутствие московских немцев, поскольку разделение депортированных по месту их исхода практически не проводилось.

Московские немцы составили основную часть категории депортированных «городские жители», о них, в частности из переписки сотрудников НКВД Казахстана известно следующее: «Среди этого контингента многие имеют высокие квалификации: инженеры, доценты кафедр, капитаны пароходов, профессора, бухгалтеры, машинисты паровозов, рабочие различных заводов и т.д.

Естественно, что в условиях района применить свои квалификации они не могут, физическую же работу многие из них выполнять не хотят, в связи с чем буквально осаждают органы НКВД, партийные и советские организации, посылают много заявлений и делегаций в областные центры, самостоятельно направляются на промышленные предприятия, пытаются договориться о работе и т.п.

В связи с невозможностью удовлетворить многочисленные обращения и ходатайства специалистов о предоставлении им работы, создаётся обстановка, при которой возможны массовые попытки к бегству, эксцессы и активные контрреволюционные выступления.

В частности, специалисты высших квалификаций резко выражают недовольство тем, что их не используют по специальностям...

Положение городских переселенцев усугубляется ещё и тем, что значительная часть из них при увольнении с работы не получила зарплату и полного

¹⁴ Там же.

расчёта. Многие переселенцы, размещённые в колхозах, особенно из рабочих и городского населения остро нуждаются в средствах и повседневном продовольственном снабжении, но сколько-нибудь достаточно их запросы колхозами и торгующими организациями не удовлетворяются. Авансирование их колхозами не налажено, откладывается до конца хозяйственного года.

Этот вопрос приобретает серьёзное значение и определяет настроение переселенцев»¹⁵.

Дальнейшая судьба депортированных московских немцев – предмет отдельного исследования.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 84. Л. 83–84.

Т. Чернова-Дёке (Берлин)

Депортация немецкого населения с Кавказа: часть судьбы народа

Память о миллионах советских граждан, павших в годы Великой Отечественной войны ради Победы над фашизмом, неизменно свята в наших сердцах. Но осталось глубокой раной в жизни ряда народов СССР продолжение политики репрессий, которую нельзя оправдать никакой логикой законов военного времени. 1941 год стал серьезным испытанием для немецкого этноса, в частности для немцев на Кавказе, имевших здесь более чем вековую историю¹⁶.

Депортация вырвала с корнем из привычной мирной жизни тысячи ни в чем не повинных людей, лишила их крова, хозяйства, родных. Этот вопрос затронут в ряде серьезных работ российских ученых в контексте изложения регионального среза проблемы – принудительного выселения коренных народов Кавказа, либо фрагментарно на фоне рассмотрения темы в масштабе страны¹⁷. Предпосылки и причины, характер, ход и другие аспекты депортации продолжают волновать и сегодня. Задача историков – дать комплексное освещение процесса переселения с Кавказа городского и сельского немецкого населения и беспристрастную оценку его последствий – остается востребованной временем.

Фундаментальной основой воплощения в жизнь научного интереса к ранее закрытой тематике стала обширная документальная база. Вышел в свет целый ряд публикаций документов, что явилось заметным вкладом в разработку проблемы, определило новые подходы в ее изучении. В частности, подборка документов ГАРФ воссоздает картину депортации немцев с Кавказа¹⁸.

¹⁶ См. Чернова-Дёке Т.Н. Немецкие поселения на периферии Российской Империи. Кавказ: взгляд сквозь столетие (1818–1917). (К 190-летию основания немецких колоний). М.: АОО «МСНК», 2008. – 209 с., ил.

¹⁷ Хунагов А.С. Депортация народов с территории Краснодарского края и Ставрополя (20-е – 50-е годы). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М, 1998; Гонов А.М. Проблемы депортации и реабилитации репрессированных народов Северного Кавказа: 20–90-е годы XX века. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Ростов н/Д., 1998; Бугай Н.Ф., Гонов А.М. В Казахстан и Киргизию из Приэльбрусья... (20–50-е годы). Нальчик, 1997; их же. Кавказ: народы в эшелонах (20–60-е годы) М.: Инсан, 1998; Ремпель П.Б. Депортация немцев из Европейской части СССР и трудармия по «совершенно секретным» документам НКВД СССР 1941–1944 гг. // Российские немцы. Проблемы истории, языка и современного положения М., 1996; Полян П. «Не по своей воле...» История и география принудительных миграций в СССР М., 2001; Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930–1969. М.: Наука, 2003 и др.

¹⁸ Бугай Н.Ф. Иосиф Сталин – Лаврентий Берии: «Их надо депортировать». Документы, факты, комментарии М, 1992; его же. Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему

В новейших исследованиях широко привлечены материалы и документы региональных архивов. Тема «Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны» активно рассматривалась на всем постсоветском пространстве. Определенную лепту в ее освещение внесли участники 7-й международной научной конференции в Москве (октябрь 2000 г.) Однако вопрос о депортации немецкого населения из закавказских республик остается недосказанным в российской историографии¹. И не затронут вниманием важный первоисточник – региональная пресса военных лет.

Положение этнических немцев на Кавказе в ходе Второй мировой войны определялось как международной обстановкой, так и условиями военного времени в стране. С началом войны в Европе позиция НКВД СССР в отношении немецкого населения характеризуется проявлением шпиономании, особой бдительности против эмиграционных настроений. Пакт о ненападении между Германией и Советским Союзом от 23 августа 1939 г. был опубликован (ратифицирован 31 августа), но надолго сохранялся в тайне секретный Дополнительный протокол – Соглашение о разделе сфер влияния и разграничении интересов. 1 сентября Германия начала военные действия против Польши, а уже 17 сентября СССР ввел свои войска, по официальной версии, «для освобождения Западной Украины и Западной Белоруссии».

Советско-германская граница была закреплена договором от 28 сентября 1939 г. По дополнительному к нему секретному соглашению – Доверительный договор (за подписью Молотова и Риббентропа) – советское правительство обязалось не препятствовать переселению по желанию в Германию проживавшим в зоне ее интересов гражданам рейха или «другим личностям немецкого происхождения». (Соответствующее обязательство в отношении выезда в СССР украинцев и белоруссов из зоны интересов рейха брало на себя его правительство)². Задолго до этого в фашистской Германии открыто, в русле политики «германизации», велась поддержка немцев за рубежом («фолькс-

указанию...». М., 1995; Депортации народов СССР (1930-е – 1950-е годы). Часть 2. Депортация немцев (сентябрь 1941 – февраль 1942 гг.) / Сост. О.Л. Милова. М., 1995 (РАН. Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Материалы к серии «Народы и культуры»); «По решению правительства Союза ССР...» Сб. док. / Сост. Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Нальчик: Изд. центр «Эль-фа», 2003; Сталинские депортации. 1928–1953 / Под общ. ред. А.Н. Яковлева. Сост. Н.Л. Поболь, П.М. Полян. М.: МФД: Материк, 2005 и др.

¹ Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие 1941–1955 г. Матер. 7-й межд. науч. конф. Москва, 19–22 октября 2000 г. М.: АОО «МСНК», 2001; См. также: Чернова Т.Н. Проблема политических репрессий в отношении немецкого населения в СССР (обзор отечественной историографии) // Наказанный народ. По материалам конференции «Репрессии против российских немцев в Советском Союзе...» Москва, 16–20 ноября 1998 г. М.: «Звенья», 1999 С. 261–278. К сожалению, исследование в России аспекта депортации немецкого населения с Южного Кавказа не продвинулось за последующее десятилетие.

² Osteuropa. Zeitschrift für Gegenwartsfragen des Ostens. Sonderdruck. Deutscher Verlags-Anstalt. Stuttgart, 1989. S. 446.

дойче») и пропаганда о возвращении их на историческую родину, что вызвало неоднозначную реакцию в Москве. Массовые переселения немцев из Прибалтики, Волыни и Полесья, Галиции и ряда польских провинций в 1939 – начале 1940 гг., капитуляция Франции (22.06.1940) и эволюция международных отношений позволили СССР решение «бессарабского вопроса» в ультимативной форме. Требование Союза ССР к Румынии от 26.06.1940 «возвратить Бессарабию... и передать Северную Буковину» не встретило препятствий, поскольку Германию интересовала лишь судьба свыше 100 тыс. проживавших здесь немцев и решение вопроса об их переселении. По двустороннему договору от 5 сентября 1940 г. о «репатриации» (в духе соглашения о переселении немцев с Волыни) в Германию выехало 93,5 тыс. этнических немцев из Бессарабии и 43,5 тыс. чел. из Северной Буковины³.

Исход немецкого населения с присоединенных к СССР территорий находил отклик среди немецкого этноса на юге страны. Сообщения о массовых переселениях, радиопередачи из Берлина, письма от родственников из Германии, боль и обида, особенно пострадавших от репрессий семей, страх перед большевистской диктатурой и нежелание жить по советским принципам будоражили сознание о возможном выезде. НКВД СССР беспокоили пропаганда и проявления кампании по организации переселения. Эмиграционные настроения вызывали пристальное внимание Наркома внутренних дел Л.П. Берии, который поставил задачу повсеместно усилить контроль и работу чекистов в данном направлении и доложить о ее результатах к 1 января 1941 г.

Так по распоряжению из Москвы деятельность органов НКВД СССР была направлена после массовых репрессий на выявление антисоветских элементов, организаторов эмиграционного движения. Изучение вопроса на материалах АССР НП показало, что проблема эта скорее нагнеталась «сверху». НКВД Республики немцев Поволжья сообщал на запрос из Центра, что «о вражеской работе по организации переселения» ему «ничего не известно» (хотя продолжались аресты за антисоветскую агитацию). По оценке Центра, это свидетельствовало «о слабой агентурно-оперативной работе»⁴.

Подобный принцип лежал в отношениях Центра и НКВД Грузии и Азербайджана. Бакинский историк М. Джафарли одним из первых рассмотрел проблему политических репрессий в АЗССР. Он отмечал, что на развитие переселенческого движения «оказывало влияние отсутствие реакции советских властей». Так, на поступившие в октябре 1939 г. сигналы о переселенческих настроениях

³ Июнь 1940-го. Бессарабия и Северная Буковина в составе СССР: Матер. межд. науч.-практ. конф. Тирасполь, 24–27 июня 2010 М.: изд. Степаненко, 2010 С. 35–37, 107. См., также: *Айсфельд А.* Немецкие этнические меньшинства в странах средневосточной и восточной Европы накануне и в первые месяцы Второй мировой войны в политике Третьего рейха // *Немцы СССР...* С. 24, 29–39.

⁴ *Плеве И.* Проверка на лояльность: Деятельность органов НКВД АССР НП в августе 1940 г. – августе 1941 г. // *Немцы СССР...* С. 52.

среди немцев Ханларский районный отдел НКВД отправил сообщение в Баку лишь 31 декабря, на что руководство республиканского НКВД не проявило никакой реакции. Также на запрос из Ханлара (б. колония Еленендорф) в январе 1940 г. о санкции на арест двух активных агитаторов не последовало ответа. К началу 1940 г., по данным НКВД, «в общей массе немецкого населения прочно внедрилась уверенность в возможность переселения немцев в Германию»⁵. Это утверждение представляется отчасти преувеличенным. Отмечалось, что немецкое население Азербайджана и Грузии связано «тесными родственными отношениями», личными наездами, перепиской с близкими в Германии. Такое переплетение связей немцев Закавказья «содействует быстрому распространению всякого рода провокационных слухов и согласованным действиям антисоветского элемента в их среде». В таком ключе рапортовали сотрудники НКВД, в частности, в спецсообщении «О переселенческих настроениях в немецких колониях в Азербайджане». О практической организации немецкого населения к выезду в Третий рейх, ведущий в Европе войну, сказано: «В колониях начинается усиленная подготовка к предстоящему выезду в Германию. Многие семьи закупают в Баку и Гяндже чемоданы, занимаются распродажей излишнего имущества» и т.д.⁶ Вполне возможно и понятно, что реально были отдельные акции, слухи и разговоры среди немцев, что некоторые искали связи с немецким посольством в Тбилиси (которое было переведено в Батуми). Но вызывает сомнение показанный размах движения, вопрос о массовом характере подготовки немцев к эмиграции в фашистскую Германию является весьма спорным. (Достаточно вспомнить, как фабриковались обвинительные «дела» и приговоры. К примеру, дело германской земельной концессии ДРУ-ЗАГ на Северном Кавказе: выявление и разгром антисоветской повстанческой группы и ликвидация концессии.)

Обратимся к официальным документам. В докладной записке зам. Наркома внутренних дел АзССР майора ГБ Маркаряна (сентябрь 1940 г., гриф «сс») говорилось: «Указанная выше контрреволюционная агитация оказала влияние на ряд неустойчивых элементов немецких колоний, начавших усиленную подготовку к предстоящему выезду в Германию: закупка чемоданов, распродажа излишнего имущества и т.п.»⁷ Итак, «ряд неустойчивых элементов» начал

⁵ См.: *Джафарли Мамед*. Политический террор и судьбы азербайджанских немцев Баку, 1998 С. 95–97. Автор документирует факты посещения жителем Ханлара Г. Вухером немецкого посольства в Москве, отправления им из Кировабада (Гянджи) письма послу в Москве фон Шуленбургу, с просьбой сообщить, как обстоит дело с переселением. «Мы швабы, живущие в Закавказье, интересуемся этим вопросом и хотели бы знать, относится ли это переселение к нам... Мы готовы выехать на любых условиях...» (30 ноября 1940 г. Г. Вухер был арестован, сослан в Печерлаг).

⁶ *Джафарли М.* Политический террор... С. 72–73, 82, 93–94; его же. Депортация немецкого населения из Южного Кавказа в 1941 г. (по документам НКВД Азербайджанской ССР) // Немцы СССР... С. 128.

⁷ Сравни: *Джафарли М.* Политический террор... С. 94.

усиленную подготовку к отъезду, что не равнозначно массовому движению среди немцев. Как часто в рапортах и др. документах сгущались краски для оправдания последующих действий карательных органов – арестов и т.д. Именно этот метод лег в основу обвинений в шпионаже десятков тысяч немцев Немреспублики! Без критического подхода к первоисточнику – о чем приходится говорить по факту коллегиальной «доверчивости» – лишь тиражируется трактовка недоисследованного вопроса («трудно сказать, охватило ли это движение большинство немецкого населения?») Так, В. Хердт принимает на веру и утверждает, что «в Азербайджане немцы в большинстве своем желали выехать в Германию», поскольку об этом «хорошо написал» М. Джафарли (по документам НКВД)⁸.

В директиве от 30 ноября 1940 г. (под грифом «совершенно секретно») зам. Наркома внутренних дел СССР комиссара Меркулова на имя Наркома внутренних дел АзССР ст. майора ГБ Емельянова сказано: «Среди немецкого населения Азербайджана, под антисоветскими националистическими лозунгами, развернута работа по организации переселенческого движения в Германию. В результате в ряде районов многие немцы уже практически готовятся к выезду... прекратили работу в колхозах и занялись распродажей своего имущества». И далее, что в германское посольство в Москве отправляются провокационные и антисоветские по содержанию письма, в которых отправители «от имени немцев выражают свое желание скорее выехать из СССР». Заметим, что это было послание «сверху!» ориентировка из Москвы, а не наоборот, докладная записка в Центр. Следовательно, органы НКВД из Баку подробно «освещали» положение дел (Именно эти факты из их рапортов были приведены в описании движения.) В директиве, которая имела существенное воздействие на реальные события, дана оценка: «НКВД АзССР необходимых оперативных мер для решительного пресечения подрывной работы не принял». (Напоминает вывод о слабой агентурно-оперативной работе НКВД Немреспублики.) Далее в документе ставятся следующие задачи перед карательными органами: 1) создающих переселенческие настроения активистов-антисоветчиков – арестовать; 2) особое внимание уделить бывшим участникам «меннонитских»⁹ групп, бывшим членам Закавказского немецкого совета, Лютеранского Синода и «Конкордии» (винодельческий кооператив был упразднен в 1935 г. – Т.Ч.), лицам, имеющим связь с германским посольством и с границей, и т.п.; 3) о настроениях немецкого населения и о фактах вражеской работы среди него своевременно информировать ЦК КПА(б)¹⁰.

⁸ Хердт В. Российские немцы накануне Второй мировой войны // Немцы СССР... С. 44–45. Хердт указал в сноске на М. Джафарли только одну с. 100, где нет никаких данных об эмиграционном движении немцев-колонистов (беседа с управляющим домом германского посольства в Тбилиси).

⁹ Ошибочно швабы-лютеране относятся в документе к меннонитам.

¹⁰ Джафарли М. Политический террор... С. 72–73.

О результатах исполнения установки требовалось известить НКВД к 1 января 1941 г. Для реализации этих задач в Баку командировался из центрального аппарата НКВД ст. оперуполномоченный лейтенант ГБ Доленчук. События и действия НКВД в Грузии не отличались по своей сути, т.к. все шло по единому сценарию (в Немреспублику также были посланы из Москвы два оперуполномоченных).

В декабре «началась усиленная работа по немцам». Утвержденный 7-го декабря оперативным совещанием НКВД АзССР «план по немцам» предусматривал серию арестов. 14 декабря в немецких селениях Ханларе, Аннино (б. Анненфельд) и др. был арестован 21 человек. Прошли аресты в Акстафе, Кировабаде и Баку. Ударная «работа по немцам» согласовывалась с КПА(б). Так, к пленуму ЦК, на который приглашались секретари районов, где проживали немцы, согласно резолюции Емельянова, было «надо к 16 декабря представить в ЦК спец. сообщение о настроениях немцев». Заметим, что эмиграционные настроения расценивались властями как «антисоветская деятельность и пособничество Германии».

9 января 1941 г. в Москву Федотову (3-й отдел ГУГБ НКВД) был отправлен отчет о работе, за подписью куратора по немецкой линии, зам. наркома Маркаряна. Сообщалось, что с середины декабря, на основе директивы НКВД СССР от 30.11.1940 за № 5215/б, «в целях пресечения дальнейшего распространения переселенческих слухов... произведено изъятие наиболее злостного антисоветского элемента... В ближайшее время будут проведены дополнительные аресты». О них рапортовалось в последующие месяцы¹¹. Таковой была реальная обстановка и положение немцев накануне войны, в условиях тотального государственного надзора всех сторон жизни и жесточайшего контроля НКВД.

В опубликованных сегодня воспоминаниях «кавказских немцев» даны подробности ночных арестов, но фактически почти нет упоминаний об эмиграционных устремлениях (в одном случае отмечается: «некоторые люди пытались выехать в Германию, напрасно»)¹². Преобладает боль утраты в 1941 году родного очага и родины – Кавказа. Видимо, определенную роль играл менталитет «советских» немцев, их привязанность к дому и краю, где вырос. Скорее можно говорить о неприятии этническими немцами фашистской идеологии, чем о «заговорщических целях» и «пособничестве». Поэтому в годы Отечественной войны, несмотря на демобилизацию из Красной Армии, отдельные немцы продолжали воевать за Родину под чужими фамилиями и партизанили, получали боевые

¹¹ Там же. С. 73–76.

¹² *Edgar Reitenbach*. (Hrsg.) *Vom Kaukasus nach Kasachstan. Deutsche Dörfer und Schicksale in Erinnerungen und Bilder*. Bd. 1. Duisburg, 2004 S. 119. В другом случае, воспоминание И. Ордубаевой (ур. Кисс), упоминается, что пожилая женщина думала в поезде, что едет в Германию, а сын уточнил: «Мама, ты едешь в Казахстан».

награды. Так, Пауль Шмидт взял имя своего азербайджанского друга Али Ахметова¹³.

С началом войны с Германией немецкий этнос, как потенциальный противник, одним из первых в стране подвергся недоверию и гонению по национальному признаку. Первый удар был нанесен 28 августа 1941 г. по немцам в районах Поволжья – указ Президиума Верховного Совета СССР о переселении их (операция с 3 по 20 сентября) и последующий антиконституционный акт ликвидации АССР НП. (Огульное обвинение, что «по достоверным данным» среди немецкого населения «имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов».) Эта и последующие акции депортации немцев были возложены на органы НКВД СССР.

На Кавказе выселение немцев происходило поэтапно, начиная с Северного региона. Согласно постановлению Государственного Комитета Оборона (ГКО) за № 698-сс от 21 сентября, сроки депортации немцев из Краснодарского и Орджоникидзевского краев и двух АССР были определены с 25 сентября по 10 октября. Последовавший 22-го сентября за № 001347 приказ Берии о мероприятиях по организации операции гласил: командировать из Москвы на места для руководства персонально ответственных оперативных работников НКВД, которые организуют «участковые тройки»; п. 5 – для проведения акции направить в Орджоникидзевский край 250 сотрудников НКВД и 1 тыс. работников милиции, в Краснодарский край – 100 чел. от НКВД и 250 от милиции, в Кабардино-Балкарскую и Северо-Осетинскую АССР – 70 от НКВД и 300 милиционеров и, соответственно, – 2300, 2000 и 400 красноармейцев; п. 8 – на основании агентурно-оперативных материалов «учесть антисоветский элемент и перед операцией арестовать»; п. 10 – в случае отказа «таких лиц арестовать и перевезти на место расселения в принудительном порядке». Особенно обращает на себя внимание п. 11 – оперативно-чекистский состав должен «действовать без шума и паники. В случае возникновения волынок, антисоветских выступлений или вооруженных столкновений принимать решительные меры к их ликвидации»¹⁴. Итак, принудительное переселение имело свое лицо под грифом «сс».

Имелось также своеобразное «оправдание» необходимости этого шага. Докладная записка секретарю Орджоникидзевского крайкома ВКП(б) Суслову, подготовленная начальником УНКВД (незадолго до распоряжения о выселении), проливает свет на мотивацию и обоснование превентивных мер в отношении 45,5 тыс. проживавших в крае немцев, из них 4 тыс. город-

¹³ Герман А.А., Шульга И.И. «Не бывать фашистской свинье в нашем советском огороде» (Советские немцы на фронте и в тылу врага) // Родина. 2010. № 5 С. 29–30. См., также: Белан П.С. Малоизвестные страницы истории советских немцев в годы Великой Отечественной войны // История немцев Центральной Азии – Алматы, 1998 С. 104–112.

¹⁴ Депортации народов СССР... Часть 2. Депортация немцев... С. 23, 45, 82–83.

ских жителей. Упоминались сопротивление их в годы Гражданской войны и коллективизации, неприятие советской власти, враждебный настрой пасторов и лютеранских общин, родственные связи с ушедшими нелегально за кордон. В силу этого – шпионаж их в пользу германской разведки, диверсионная деятельность, связи антисоветского фашистского подполья с аналогичными группами в Закавказье и Среднеазиатских республиках, с немцами в Иране. Фактически эти обвинения служили доводом к репрессиям 1937–1938 гг. (было ликвидировано 7 «фашистских формирований» – 76 чел. по ряду районов, в Пятигорске арестовано «гнездо профессоров» в бальнеологическом институте за вредительство в курортном хозяйстве и т.д.) и их продолжению. Так, в городах Мин-Воды и Невинномыск были ликвидированы в 1940–1941 гг. «шпионско-диверсионные немецкие националистические группы». Шли аресты профашистски настроенных лиц, за «широкую глубоко законспирированную контрреволюционную работу», направленную против мероприятий партии, на подрыв советской власти, на организацию переселенческого движения в Германию и т.п. В документе отмечалось, что «антисоветский элемент из числа немцев в связи с военным нападением германских фашистов на СССР обоктивил (подчеркнуто нами. – Т.Ч.) свою контрреволюционную деятельность». По данным оперативного учета, «по краю разрабатывается резко враждебно настроенных к СССР 1065 немцев». На этом основании был сделан вывод о том, что «имеется большая база для германской разведки» и опасность вредительства в условиях военной обстановки (ж.-д. узел, аэропорт, аэродромы, госпитали, оборонные предприятия). «В целях предупреждения подрывной деятельности контрреволюционного элемента из числа немецкого населения в особенности в наиболее уязвимых местах (районы Кавмингруппы, Невинномыска, Георгиевска и др.) и нанесения ущерба государству в этот напряженный период отечественной войны возникает необходимость разрешения вопроса о возможности переселения немецкого населения из указанных выше районов в другие места нашего края или за его пределы»¹⁵. Как видим, озабоченность НКВД в масштабе края и предлагаемый метод разрешения проблемы полностью совпали с последовавшим 21 сентября решением ГКО (за подписью И. Сталина).

Но вопрос о переселении немцев стал здесь актуальным несколько раньше в связи с эвакуацией в Орджоникидзевский (Ставропольский) край немецкого населения из Крыма, в соответствии с постановлением Совета по эвакуации № СЭ-75с от 15.VIII-41 г. Согласно сообщению УНКВД Орджоникидзевского края (т. Шапиро), в 17 районов края из Крымской АССР прибыло граждан немецкой национальности 50 тыс. человек. (Это число подтверждает пометка М. Конрадова на справке. Кроме того, 3 тыс. чел. прибыло в Ростовскую

¹⁵ Немецкое население Северного Кавказа: социально-экономическая, политическая и религиозная жизнь (последняя четверть XVIII – середина XX в.): Сб. док. / Сост. Т. Плохотнюк. Ставрополь: Изд. СГУ, 2002. С. 169–175, 183–184.

область.) Ответственность за проведение этой первой в стране акции по переселению этнических немцев лежала на нарком внутренних дел Крымской АССР т. Каранадзе и УНКВД края. Процесс эвакуации из Крыма в КазССР был не продуман, допускалась ненужная спешка, без начальников эшелонов, без пояснений, куда и как долго их везут, что «создало безответственность и внесло сумятицу в работу дежурных по станциям» (из письма зам. нач. 12-го отд. ОК НКВД СССР Гусева от 31 авг.)¹⁶. Все это привнесло в организацию депортации немцев с Северного Кавказа как своеобразие, так и дополнительные сложности. Вопрос о временном пребывании здесь крымских немцев, которые фактически дважды подверглись депортации, долго оставался «белым пятном» в историографии, якобы за недоступностью архивов. Как влияла их остановка «на перевалочном пункте» в Ставрополье на дальнейший ход выселения местных немцев, анализирует Т.В. Мухортова. Стремясь избежать неправильных представлений о нем, выявив неточности в публикациях, она ставит задачей уточнить количество дисперсно проживавших в крае немцев, которые оказались «наказаны» фактически первыми среди народов на территории обширного региона. Автор приходит к выводу, что УНКВД и власти Орджоникидзевского края приступили к практической реализации депортационных мероприятий в отношении немцев раньше, чем началось их выселение из Республики немцев Поволжья¹⁷.

По переписи 17 января 1939 г. в Орджоникидзевском крае числилось 45 689 немцев, Краснодарском крае – 34 287 чел., в Кабардино-Балкарской АССР – 5 327 чел., в Северо-Осетинской – около 3 тыс. немцев. Эти цифры были взяты за основу в постановлении ГКО за № 698-сс об их переселении (без уточнения на 1941 г.). Во исполнение данного решения уже 23 сентября нарком КазССР Бабкин сообщил из г. Алма-Ата по «ВЧ» разнарядку: переселяемых с Северного Кавказа (и Тульской обл.) в Акмолинскую, Северо-Казахстанскую, Кустанайскую области принять по 20 тыс., в Алма-Атинскую, Восточно-Казахстанскую, Джамбульскую, Карагандинскую, Павлодарскую и Семипалатинскую – по 10 тыс. чел. и в Южно-Казахстанскую – 22 тыс. немцев. (По распоряжению зам. наркома Союза ССР Чернышова изменено: в Алма-Атинскую – 9500 чел., а в Карагандинскую – 2900.) Свыше 7 тыс. немцев из Краснодарского края были направлены в Новосибирскую область. Из обеих автономных республик немцы попали в Алма-Атинскую область¹⁸.

Итак, переселению подлежало 34 287 немцев из Краснодарского края и 95 489 – из Орджоникидзевского, с учетом крымских немцев, из Кабардино-

¹⁶ Бугай Н.Ф. Депортация народов Крыма. Документы, факты, комментарии. М.: ИНСАН, 2002. С. 79–80.

¹⁷ Мухортова Т.В. Депортация и восстановление гражданских прав российских немцев: 1941–1955 (на примере Нижнего Поволжья и Северного Кавказа). Авторефер. дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2006. С. 25–26.

¹⁸ Депортации народов СССР... Часть 2. Депортация немцев... С. 112–114.

Балкарии – 5 327, из Северной Осетии – 2 929 чел. Местных следовало переселять вместе с эвакуированными немцами (итого: свыше 138 тыс. чел. в 16-дневный срок!). Однако, по состоянию на 14 октября из Краснодарского края было вывезено 38 136 чел. и оставалось к вывозу 2 500 чел.; из Орджоникидзевского – только 74 570 чел. Погрузка и отправка эшелонов в Казахстан продолжались, т.е. установленный срок до 10 октября не был выдержан. По сведениям наркома Северной Осетии т. Зоделава: было выявлено 3 006 немцев; к погрузке 2–3 октября на ст. Орджоникидзе (Владикавказ) подготовлено 2 эшелона, 135 вагонов. На каждого человека допускалось 200 кг груза, но не более 1 тонны на семью. Согласно справке отдела Спецпереселений НКВД СССР, на 28 ноября 1941 г. было выселено из Краснодарского края – 40 630 немцев, из Орджоникидзевского – 95 489 (полное соответствие с планом!), из Кабардино-Балкарской АССР – 3 543, из Северо-Осетинской – 2 415 чел.¹⁹

Налицо расхождение в цифрах о проживавших, выявленных и подлежащих переселению и реально отправленных. Следует заметить, что для выяснения подлинной численности депортированных из региона нач. отдела Спецпереселений НКВД СССР майор ГБ Иванов (г. Чкалов) запросил 28 ноября своего заместителя Конрадова уточнить сведения «как о наличии лиц немецкой национальности, так и о количестве переселенных на 1 декабря 1941 г.», а также сообщить, «почему в этих краях остался еще большой процент непереселенных немцев». В ответном рапорте Конрадова отмечалось, согласно данным ТУ НКВД, что на 25/XII-41 г. в места вселения было отправлено всего 856 168 немцев, из них 98 903 из Орджоникидзевского края и 37 300 чел. (а не 38 136) из Краснодарского (учтено здесь было 40 636 чел.). Из Северо-Осетинской АССР, по сводкам Транспортного управления, был отправлен всего один эшелон – 2 415 чел.; из Кабардино-Балкарии – три эшелона – 5 803 чел. (Дано примечание: 3 538 чел. указаны были в справке ошибочно, т.к. не был учтен отправленный эшелон № 459 – 2 230 чел.)²⁰. Таким образом, определенную «путаницу» вносили сами справки НКВД. (Следует добавить, что с 6 сентября из Ростовской обл. было отправлено 16 эшелонов – 38 288 чел.; в октябре – 7 306 немцев из Дагестанской и Чечено-Ингушской АССР. Из Калмыцкой АССР, по распоряжению Совнаркома СССР № 84-кс от 2.11.1941, было вывезено с 3 по 10 ноября 6 тыс. немцев.) Эти данные разнятся, однако, с приведенными в справке Народного комиссариата внутренних дел Союза ССР о выселении на 1 января 1942 г. Так, по Орджоникидзевскому краю дана цифра 99.900 немцев, по Северо-Осетинской автономии – 5 843 чел.²¹ (Значит, был учтен и второй эшелон!) Сведения шли то в полном соответствии «с планом», то заметно

¹⁹ Там же. С. 115; «По решению правительства Союза ССР...». С. 262 (ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 73. Л. 4) и с. 264–267 (ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 83. Л. 39, 43).

²⁰ «По решению правительства Союза ССР...» С. 269.

²¹ Там же. С. 266–267, 271; Депортации народов СССР... Часть 2. Депортация немцев... С. 65–67.

отставали от него и выбившихся из графика отправления эшелонов. Явно одно, что НКВД не успел выявить и отправить всех, хотя отчасти в силу ряда объективных трудностей (дисперсное проживание, поселение в 17 районах Ставрополя крымских немцев, потоки эшелонов с ранеными краноармейцами в санатории-госпитали на Кавминводы и др.).

Заметим, что по Северному Кавказу слабо исследованы аспекты коллаборационизма во время оккупации (например, район Кавминвод или в Краснодарском крае) и так называемой «вторичной депортации» немцев после освобождения региона в январе–феврале 1943 г., за сотрудничество «фольксдойче» с оккупантами.

Директивные указания из НКВД закавказских республик также уже в сентябре 1941 г. ориентировали районные отделы НКВД на выявление проживавших немцев, усиленное наблюдение за ними и составление списков. По переписи 1939 г., в Азербайджане числилось 23 133, в Грузии – 20 527, в Армении – 433 граждан немецкой национальности. (Это составляло немногим более 3% от проживавших в СССР 1 427 232 немцев.) Имеющие место расхождение в статистике (и в публикациях) документирует «Сличительная ведомость о наличии граждан немецкой национальности в областях, краях, республиках» (составлена не ранее октября 1941 г.). Сведения НКВД/УНКВД совпадают с приведенными выше данными ЦСУ Госплана (перепись) по Азербайджану, но дают разрыв +4465 чел. по Грузии (24989 чел.) и –180 чел. по Армении (253 чел.)²². Данные переписи 1939 г. и количество планируемых к выселению и реально выявленных и отправленных немцев, естественно, отличаются, поскольку сказались неточности переписи, влияние арестов в 1940–1941 гг.; на местах оставляли женщин с детьми, бывших замужем не за немцами; затрудняло исчисление временное проживание немцев в городах – студентов и лиц без прописки – либо отсутствие в момент отправки. В некоторых районах немцы проживали «в разброс».

В докладной записке наркома Союза ССР Берии в ГКО тов. Сталину (от 8 октября за № 2716/б) названа цифра 48 375 немцев, проживавших в закавказских республиках, в том числе 29 609 сельских жителей: членов и кандидатов ВКП(б) – 372 чел., членов ВЛКСМ – 1 077 чел. На оперативном учете НКВД «как антисоветский и сомнительный элемент» состояли 1 842 чел. (больше, чем коммунистов и комсомольцев вместе взятых! и чем бывших на учете в регионе Северный Кавказ. – Т.Ч.). «В целях предотвращения антисоветской работы» со стороны немцев НКВД считал «целесообразным» арестовать лиц, состоявших на оперативном учете, а остальную часть немецкого населения, 46 533 человека, переселить в Казахскую ССР. Представив при этом соответствующий проект постановления ГКО, Берия запросил Сталина о решении²³. Оно последовало явно незамедлительно.

²² Депортации народов СССР... Часть 2. Депортация немцев... С. 45–46.

²³ «По решению правительства Союза ССР...» С. 262.

Постановлением ГКО от 8 октября 1941 г., за № 744-сс, следовало: переселить из Грузинской ССР – 23 580 чел., из Азербайджанской ССР – 22 741 чел. и из Армянской ССР – 212 чел. немецкой национальности в КазССР. Расселение их провести в соответствии с Постановлением Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) за № 2060-935-сс от 12.09.1941 г. «О расселении немцев Поволжья в Казахстане» и с Инструкцией о порядке приема имущества переселенцев, утвержденной СНК СССР 30.08.1941. Переселение осуществить в сроки с 15 по 30 октября с.г., возложив руководство на НКВД СССР. Пункты 4–8, 11 постановления предусматривали условия переселения (перевозка, питание в пути, медицинское обслуживание, возможность кредита). На прием и расселение следовало отпустить СНК КазССР из резервного фонда СНК СССР 3 млн. руб.; организация приема, расселения и хозяйственное устройство переселяемых возлагались (пп. 9–10) на председателя СНК КазССР Ундасынова и секретаря КП(б)К Скворцова²⁴. Заметим, что в документах не употребляется дефиниция «депортация» (дискуссионный вопрос, поскольку переселяемые оставались в стране).

Остановимся подробнее на ходе переселения, осветив новые нюансы. Уже 11 октября последовал приказ № 00144877, за подписью Берии, о мероприятиях по переселению немцев из закавказских республик, во исполнение решения ГКО. Из Москвы для оказания практической помощи были направлены в НКВД Грузии – зам. нач. 3-го Управления НКВД СССР капитан ГБ Дроздецкий, а в НКВД Азербайджана – нач. отдела ЭКУ майор ГБ Ткаченко. Руководство по проведению акции в республиках возлагалось на Наркомов внутренних дел: комиссара ГБ 3-го ранга Рапава (ГрССР), ст. майора ГБ Якубова (АзССР) и майора ГБ Мартиросова (Арм.ССР). Руководством к действию служила прилагаемая к приказу инструкция. В основе организации и проведения операции лежали общие принципы: создание на местах участковых оперативных троек; выделение войск НКВД – соответственно заявкам наркомов. При аресте состоявших на оперативном учете, семьи их следовало переселить в общем порядке. В случае отказа выехать к месту расселения надлежало переселять в принудительном порядке. Совместно с советско-партийным активом на местах следовало провести разъяснительную работу и предупредить переселяемых, что «в случае перехода на нелегальное положение отдельных членов семейств, ответственность за них будет нести глава семьи». Для обеспечения погрузки людей и груза на пароходы в Бакинском порту и порядка следования морем до Красноводска (Туркменская ССР) предписывалось Якубову выделить группу оперативных работников НКВД. О ходе операции наркомам следовало оперативно докладывать в Москву²⁵.

Одновременно с этим приказом Наркомам внутренних дел республик были направлены директивы, с грифом «сс». В них сообщалось о численности

²⁴ Там же. С. 263–264.

²⁵ Депортации народов СССР... Часть 2. Депортация немцев... С. 88–89.

подлежащего переселению немецкого населения, о проведении операции в указанные сроки на основании инструкции НКВД СССР; о переводе средств на соответствующие расходы. Подробный инструктаж «сс», за подписью зам. наркома внутренних дел Союза ССР Колубова, был послан в Ереван – Мартиросову. Переселению подлежали 212 немцев, в том числе члены ВКП(б) и ВЛКСМ. В случае отсутствия в день отправки (нахождения в больнице, командировке и т.п.) следовало брать эти лица на учет для последующего отправления. Срок операции здесь был сокращен: с 15 по 22 октября (что объяснимо небольшим числом депортированных. – Т.Ч.) Маршрут следования: «до Баку жел. дор. и далее морем до Красноводска». На оплату расходов по проведению операции и в пути следования «из расчета 6 руб. на человека в сутки... 10/Х ФО НКВД СССР переводит 25 тыс. руб.» Переселяемым разрешалось брать до 500 кг багажа (запрет на громоздкие вещи)²⁶.

13 октября зам. начальника отдела Спецпереселений НКВД СССР Конрадов передает Якубову и Рапаве записки о порядке обеспечения переселяемых в пути (указано 8 направлений следования поездов из Красноводска) горячим питанием – 2 раза в сутки (оплату производит начальник эшелона в ж.д. буфетах наличными, 3 руб. на человека)²⁷. Казалось бы, хотя и наспех, организация была продумана, но она постоянно давала сбои. В условиях продвижения фашистских орд и одновременной эвакуации населения, раненых, предприятий и их работников на восток в тыл, эти поспешные решения потребовали корректуры или часть их просто «осталась на бумаге».

Одновременно к акции переселения с Южного Кавказа готовились органы власти в Казахстане. 10 октября из НКВД КазССР (Бабкин) была сообщена по «ВЧ» зам. Наркома внутренних дел Чернышову разнарядка о расселении: по 5 тыс. немцев в 9 областей (Акмолинская, Алма-Атинская, Джамбульская, Кустанайская, Карагандинская, Павлодарская, Семипалатинская, Северо- и Южно-Казахстанская) и, как исключение, 2 тыс. человек – в Восточно-Казахстанскую. По запросу, на следующий же день в дополнение к этой разнарядке № 1040, от зам. Наркома КазССР Богданова последовало сообщение Чернышову о станциях назначения эшелонов (от Чернышова сведения поступали Конрадову)²⁸. 13 октября Совнарком КазССР и ЦК КП(б)К принимают постановление (за подписями Ундасынова и Шаяхметова): О мероприятиях по реализации постановления ГКО от 8 октября 1941 г. за № 744сс «О переселении немцев из Грузинской, Азербайджанской и Армянской ССР»²⁹. В нем были указаны 10 запланированных областей поселения; *предусматривалось* обеспечение питанием и медицинское обслуживание в пути и на местах выгрузки. Тре-

²⁶ Там же. С. 127–129, 132–138.

²⁷ Там же. С. 132, 135.

²⁸ Там же. С. 129–131.

²⁹ Из истории немцев Казахстана (1921–1975). Сб. док.: Архив Президента Республики Казахстан / Отв. ред. П. Карпыкова. Алматы-Москва: Готика, 1997. С. 105–106 и 99.

бывалось закончить переселение к 30 октября, действуя в полном соответствии с постановлением от 12 сентября «О расселении немцев Поволжья в Казахстане», инструкцией от 30 августа о порядке приема имущества переселяемых колхозников и постановлением СНК КазССР и ЦК КП(б)К от 1 сентября по этому вопросу. Руководство и контроль за исполнением возлагались на НКВД, с привлечением к работе Наркомзема, Наркомсовхозов и др. организаций республики. Следовало обязать председателей исполкомов облсоветов депутатов трудящихся и секретарей обкомов КП(б)К «в двухдневный срок разработать практические мероприятия по хозяйственному устройству переселенцев в точном соответствии с указанными постановлениями». (Решением от 30.09.1941 Совнарком КазССР постановил разассигновать выделенные СНК Союза ССР 17 млн. руб. на операционные расходы по приему и расселению немцев из всех регионов страны³⁰. Как видно из датирования этих документов, подготовка шла спешно.

К началу операции в Закавказье у местных органов власти явно отсутствовали списки и точные сведения о реально проживавших немцах и приходилось параллельно вести работу по их выявлению. Так, в Азербайджане к началу выселения числилось 15 521 чел. (в районах, по сельским зонам – 10298 чел., в Баку и пригородах – 5223 чел.). По докладу в НКВД СССР, на 16 октября была учтена 4 861 семья, 15 835 подлежащих переселению немцев, а на 22 октября – уже 6 040 семей, 20 907 чел. Для реализации акции в Баку был создан оперативный штаб НКВД и 17 районных оперативных участков по организации дела, задействованы городские и районные аппараты милиции и привлечены пограничные войска НКВД Азербайджанского округа – 1 240 офицеров и красноармейцев, в соответствии с планом «войскового обеспечения операции»³¹. (По всей вероятности, в Грузии был подобный сценарий.)

Был разработан план «перевозки переселяемых к пункту погрузки», т.е. в порт г. Баку. Отсюда прибывающих немцев по Каспийскому морю переправляли в Красноводск; большие корабли «Туркестан», «Дагестан», «Казахстан» вмещали по 2 эшелона. Маршрут доставки поездом: Тбилиси–Сандар – Акстафа – Кировабад – Баку и затем из Красноводска по 8 направлениям жд. линий. До Баку всех (также из Армении) отправляли в переполненных пассажирских поездах; а из Красноводска – только в товарных поездах, по 60–70 человек в вагонах-«теплушках» (по инструкции полагалось до 40 чел.), длинными эшелонами.

Депортация не затронула лишь немногие семьи. Подробности этой горькой Одиссеи освещены в опубликованных в 3-х томах воспоминаниях очевидцев³². Свыше 90 немцев-переселенцев в Германии откликнулись на идею

³⁰ Там же. С. 99.

³¹ Джафарли М. Депортация немецкого населения из Южного... С. 129–130, 134.

³² Reitenbach, Edgar (Hrsg.) Vom Kaukasus nach Kasachstan. Deutsche Dörfer und Schicksale in Erinnerungen und Bilder. Bd. 1–3 – Duisburg, 2004, 2006, 2007.

Э. Райтенбаха (который сам малым ребенком оказался с семьей в Казахстане). Воспоминания переживших трагедию «кавказских немцев», как они себя называют, помогают воссоздать ход операции в поселениях и маршруты следования, дополняют подробностями сухие отчеты, рапорты, цифры. Хотя многое с годами стирается из памяти, публикации (и уникальная фотолетопись жизни бывших колоний и семейных историй) являются интересным дополнительным материалом в изучении темы и выявлении подлинной картины событий.

Первыми были доставлены в Баку немцы из Грузии. Уже 15 октября жителям Люксембурга (б. Катариненфельд), колхоз им. Кирова, было объявлено о выселении, на сборы давалось 3 дня. По воспоминаниям очевидцев, сообщение обрушилось неожиданно, хотя в душе немцы ждали беды (ведь с Северного Кавказа с конца сентября уже шла депортация немцев). Отпущенные из школы дети радостно бежали домой: «Ура, едем туда, где тепло и яблоки!» Родители вздыхали в день отъезда, со слезами на глазах отец сказал: «Das war einmal unsere Heimat». Разрешалось брать багаж по 50 кг на человека и ручную кладь до 15 кг, в которой следовало везти съестные припасы в дорогу (забивали свиней, резали гусей и кур, заготавливали жареное мясо, по 2–3 ведра, заливая смальцем). Ранним утром 18 октября селение было окружено войсками, чтобы перекрыть возможность побегов. Началась погрузка на машины и телеги, ехали 35 км до ст. Сандар (сегодня Марнеули). Доставленные в Баку в двух поездах (один был из Тбилиси) были переправлены морем за 20 час. Отбыв 22 октября и преодолев 4 тыс. км, через Туркменистан и Узбекистан, немцы прибыли 1 ноября в Семипалатинск. Далее по реке Иртышу на баржах. Затем людей развозили на телегах, запряженных быками, и расселяли посемейно и группами в разные колхозы. Многие семьи из Люксембурга («катариненфельдцы») попали в дер. Глуховка или Белокаменка, на берегу Иртыша³³.

Некоторые исследователи отмечают, что идея переселения колхозами не сработала. Но это не совсем корректно. Уже в постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 12 сентября речь шла о том, чтобы разрешить ЦК КП(б) Казахстана немцев Поволжья «вселять в существующие колхозы не целыми колхозами, а группами хозяйств от 10 и выше»³⁴. И поскольку переселение с Кавказа шло в соответствии с данным решением (см. п. 3 Постановления ГКО от 8.10.1941), этот принцип лежал в основе.

Из Розенфельда (б. Мариенфельд) отправка немцев была позже. 22-го октября машины повезли их к вокзалу Сагареджо. Интересно, что жители соседнего грузинского села блокировали пути и долго не пускали поезд на Тбилиси, пока милиция-НКВД насильно не согнала их! Спонтанно запели песню «Прощай, ты моя любимая Родина» («Nun Ade, du mein lieb Heimatland»). Поездом

³³ Ebenda. Т. 1. С. 94–96, 109, 119, 123, 146–147. (По воспоминаниям Е. Кисс, Н. Пальмер, И. Ордубаевой).

³⁴ См. «По решению правительства...» – С. 260.

через Тбилиси всех немцев отправили в Баку, далее обычным долгим маршрутом, до ст. Шемонаиха, Восточно-Казахстанской области. Оттуда 6 ноября оказались в дер. Пругарово (к-з им. К. Либкнехта), пограничной на западе с Семипалатинской областью. Многие попали в немецкие села – Хановка, Фриденсталь, Нойдорф и др., в дома и семьи раскулаченных и сосланных с Волги немцев³⁵.

В Асурети (б. Елизаветталь), колхоз им. Бери, уже 16 октября было объявлено о предстоящем через три дня выселении. Но организация давала сбой, лишь 24-го прибыли красноармейцы. Немцев отвезли до ст. Сандар. Поезд прибыл с большим опозданием. Почти одновременно транспортировали немцев из соседних высокогорных селений Якобли (Блюменфельд) и Розенберг (б. Александерсгильф), из сел. Вальдхайм, Грюнталь и Гофнунгсталь. Все они попали в Кустанайскую область. Согласно документу из архива МВД Грузии, из РО НКВД в областной были отправлены учетные карточки выселяемых из района Тетрицкаро и поименный список: всего на 1666 лиц немецкой национальности³⁶. Одновременно отправляли немцев из Тбилиси и Либкнехтсдорфа (б. Александерсдорф).

В Азербайджане также шло выселение сельских и городских немцев. 18 октября о переселении было объявлено в Шамхоре (б. Еленино). 22-го октября людей отправили на ст. Дольяр и поездом – в Баку. На корабль «Дагестан» погрузили свыше 1 тыс. немцев. Из Красноводска долгий путь в Восточно-Казахстанскую область продолжался в «товарняке» до 7 ноября. Ехавших другим маршрутом доставили 13 ноября на ст. Колутон, Акмолинской области. Далее на 2-х паромах 300 км по Иртышу – до деревни Камышенка, отсюда на санях развозили в 30-градусный мороз в села Мариновку, Журавлевку, Славянку.

Немцев Ханлара (б. Еленендорф) выселяли в два этапа: 23-го октября первая половина (раздел по улицам) и 24-го – вторая, всего 3 500 чел. населения. Хозяйственные швабы укладывали в тюки персидские ковры, матрасы, посуду, инвентарь. В автомашинах или телегах всех отвезли на ст. Кировабад, отсюда поездом – в Баку. Лишь 25 октября вечером корабль «Дагестан» доставил людей через море, а 26-го «товарняк» повез их через Ташкент, Джамбул, Новосибирск, Кокчетав, Акмолинск – до ст. Колутон. Оттуда на телегах семьи развозили в разные села и колхозы. Многие попали в Буденовку и Мариновку, район Атбассар Акмолинской области (в колхоз «Безбожник!»).

Подобная картина при отправке немцев из Ленинфельда (б. Георгсфельд). Отъезд состоялся 22-го октября на ст. Дольяр. На перроне пришлось ждать ночь из-за задержки поезда. В нем оказались еще немцы из местечка Талыш

³⁵ Reitenbach E. Vom Kaukasus nach Kasachstan... Т. 2, 2006. С. 10–11.

³⁶ Udsulaschwili E. Die deutschen Kolonisten in Georgien (Elisabeththal-Asureti 1818–1941) Tbilisi, 2006. S. 38, 51.

(севернее Шамхора), куда поволжские немцы переселились в голодные 1921–1922 гг. На корабле все пели: «Und drum Ade, du mein lieb Heimatland!» 24-го октября эшелоны отбыли из Красноводска – через Семипалатинск, Барнаул, Новосибирск. Добрались до ст. Колутон в начале ноября. Оттуда встречающие развозили на санях в сильный мороз. Многие попали в р-н Атбассар в дер. Мариновка, Ягодное, Вишневка, Ковыленка и др.³⁷

Из Траубенфельда (Тауз), колхоз «Советская звезда», отъезд был задержан. 24 октября отправили 150 семей, 604 человека, на ж.-д. ст. Тауз (Товуз), где пришлось переночевать на перроне в ожидании поезда из Акстафы. Из Баку – на корабле «Туркменистан», затем в «теплушках» через Оренбург и Орск добрались 7 ноября в Тобол – таким «веселым» был праздник для депортированных немцев. Все попали в Кустанайскую область, в Тарановский район (где с 1907 г. проживали поволжские немцы) – в деревни Азенкритовка, Лысаковка, Карасорка, Придорожное, Нелюбинка, Елизаветинка и др. В Акмолинской и др. областях также были немецкие деревни³⁸.

Для предотвращения побегов при выселении небольшие населенные пункты брались в кольцевое окружение на время посадки и отправки людей. Из Кировки (б. Розенталь, с 1910 г. Алексеевка) и соседней Акстафы (б. Гринфельд), Эйгенфельда (б. Иримашли), Марксовки (б. Елизаветинка) и др. селений часть семей была доставлена в Восточно-Казахстанскую область. Немцы из Азербайджана попали в основном в Акмолинскую, Карагандинскую, Кустанайскую, Северо- и Восточно-Казахстанскую области; из Грузии в большинстве своем – в Джамбульскую, Алма-Атинскую, Павлодарскую, Семипалатинскую и Южно-Казахстанскую области; из Армении все были направлены в Павлодарскую область.

Картина переселения немцев с Кавказа, как и с Волги, из Украины или других регионов, имеет общие черты и окрас. Везде появление военных, объявление о переселении, малый срок на сборы вызывали стресс. Люди не подозревали, что уезжают навсегда. Условия переселения, согласно инструкции НКВД, были одинаковы: требовалось сдать опечатанные дома, хозяйство, скот. Хорошо, если удавалось продать корову (по весу, получали до 500 руб., в то время как рыночная цена доходила в Закавказье до 2 тыс. руб.); если забивали часть скота и птицу, брали запас продуктов в дорогу. Типичны были психологическое состояние людей и картина отъезда: плач, рев оставленной скотины и недоенных коров, лай собак, бежавших порой до изнеможения за уезжавшим хозяином. «Наказанный народ», немцы оказались первыми в череде репрессий по национальному признаку, но в целом схожи судьбы их и других «народов в эшелонах», отправленных в

³⁷ Reitenbach E. Vom Kaukasus nach Kasachstan... Т. 1, 2004 – S. 157, 166–167, 184–185, 258, 295, 311 и Т. 3, 2007. S. 180–183, 360–361, 388. (Воспоминания Э. Гурр, Фр. Андريس, К. Мюллер, Е.Р. и Е.-М. Келлер и Фр. Ёстерле, Ф. Мельхер, Р. Краус, Э. Блейш и др.).

³⁸ Ebenda, Т. 2. S. 400–403 (воспоминания П. Бергмана).

годы войны с Кавказа вглубь страны. Особенностью можно назвать факт, что швабы брали много вещей: плотно свернутые дорогие персидские ковры, одеяла и матрацы, постельное белье, летнюю и зимнюю одежду, обувь, посуду и утварь, хозяйственные инструменты, мебель. Некоторые везли швейные машинки «Зингер» (многим они помогли выжить). Ход акции выселения облегчали предоставление автомашин и телег до жд. станций, организация в порту погрузки тяжелых тюков на корабли. Поскольку прибывающие из Грузии немцы брали багаж, значительно превышавший масштабы разрешенного (везли кровати, стулья, кушетки, бочонки вина), из Баку в НКВД Тбилиси шли телефонограммы – «запретить погрузку громоздких вещей» или – «багажа по-прежнему много»; требовали организовать переселение в соответствии с инструкцией³⁹.

29 октября нарком Якубов сообщил из Баку в Москву Кобулову, что переселение из южнокавказских республик было закончено 28 октября. Это напоминает традицию выполнения плана по привычке «досрочно»! Однако за этим рвением и деянием стояли свыше 46 тысяч поломанных судеб... По обеим справкам НКВД о переселении граждан немецкой национальности, от 28 октября и 13 декабря 1941 г., (за подписью Конрадова) из Грузинской, Азербайджанской и Армянской республик были депортированы соответственно 23 580 чел., 22 841 чел. и 212 чел. (25 эшелонов). Интересно, что в справках от 13 и 14 декабря «о наличии проживающих (оставшихся) немцев в республиках, краях и областях» закавказские республики не фигурируют (по данным НКВД/УНКВД)⁴⁰.

Обращает на себя внимание, что в отчетах были даны неизменно одинаковые цифры, соответствовавшие заданным в постановлении ГКО от 8 октября. Свет на факт первоначально явно формального учета со стороны НКВД проливает упомянутый выше запрос нач. отдела Спецпереселений НКВД Иванова, от 28 ноября, Конрадову в Куйбышев – п. 3: «Одновременно сообщите последние цифровые данные о фактическом переселении немцев из Грузинской, Азербайджанской и Армянской ССР...» Он упрекает Конрадова в том, что его справка зам. Наркома внутренних дел Меркулову составлена «не из фактических данных отправленных эшелонов, т.е. данных Транспортного управления... а из предположительных». Лишь после запроса сведения были уточнены. По справке Конрадова от 25 декабря, из Грузии было отправлено немцев меньше запланированного, согласно сообщению НКВД ГрССР (без

³⁹ Джафарли М. Депортация немецкого населения из Южного... С.134.

⁴⁰ Депортации народов СССР... Часть 2. Депортация немцев... С. 51, 55–57, 61, 172. Приведенные выше данные расходятся с указанными М. Джафарли: было отправлено на 29 пароходах, 21 эшелон, всего 10647 семей – 39760 немцев. Из них по АзССР – 20 070 чел. (6 170 семей), по ГрузССР – 19 353 чел. (4 349 семей) и по АрмССР – 337 чел. (128 семей). См.: Джафарли М. Депортация немецкого населения из Южного Кавказа... С. 133.

объяснения причин). Изменились цифры и по Азербайджану. По данным НКВД, на 1 января 1942 г. были переселены из Грузии – 20 423 чел., из Азербайджана – 23 593 чел., из Армении – 212 чел.⁴¹ Получается всего – 44 228 немцев, что можно взять за основу. Итак, план Берии переселить 46 533 чел. остался невыполненным. Оказалось, «недобор» составил 2 305 чел.! Заметим, что в срок с 25 по 30 октября шло переселение немцев из Дагестанской АССР – 4 тыс. чел. и из Чечено-Ингушской АССР – 574 чел. (согласно постановлению ГКО № 827-сс от 22 октября). Одновременная акция – прибытие пароходов по Каспию из порта Махачкала в Баку и подача вагонов – могла затруднять отчетность, но главное было в сугубо формальном подходе к ней. Из отправленных на 25 декабря 856 168 немцев (по справке Конрадова), закавказские немцы, по нашим подсчетам, составили 5,15%.

Но и после рапорта Якубова от 29 октября продолжалась депортация «вновь выявленных». В донесении в Москву уточнялось: «Оставшиеся по различным причинам одиночки и демобилизуемые из Красной Армии будут направляться группами в сопровождении оперработников». В ходе операции также продолжались аресты проходивших «по оперативным материалам» (так, в Азербайджане, по отчетам республиканского НКВД, на 25 октября – 105 человек)⁴². Они были месяцами позже этапированы в распоряжение НКВД КазССР.

Судя по изученным на сегодня докладным запискам в НКВД СССР, внутренней переписке между сотрудниками НКВД Азербайджана и Грузии, их рапортам, в ходе осуществления операции проявилось много упущений в ее организации (отчасти жизнь внесла коррективы в планы). По приему эшелонов в Баку: неразбериха в документации, «повагонные списки составлены небрежно», иногда отсутствовали учетные карточки, сопровождающим оперработникам и начальникам эшелонов не всегда было известно количество едущих в поезде. Выявлялись случаи, что Наркомы здравоохранения не обеспечили отправляемых с эшелонами врачей деньгами и медикаментами. Порой не было точного адреса конечных остановок либо просто изменяли направление движения эшелонов и место выгрузки пассажиров (что могло быть и в силу объективных причин: шла эвакуация населения и промышленности). Не останавливаясь подробно на условиях переезда, отметим, что в общем он был труден и длился до месяца, в холодных переполненных вагонах. Отсутствие туалетов, трудности с малыми детьми и стариками, нехватка продовольствия, воды и т.д. вызывали болезни и смерти в пути. Хотя, по воспоминаниям очевидцев, добывали кипяток и еду, ближе к ночи на остановках получали горячую пищу, приносимую из ж.д. буфетов.

⁴¹ «По решению правительства...» С. 268–269, 271; Депортации народов СССР (1930-е – 1950-е годы). Часть 2. Депортация немцев... С. 67–69.

⁴² Джафарли М. Депортация немецкого населения из Южного... С. 133.

Изначально в Казахстане не успевали вести учет и контроль прибывших; порой в облысполкоме не знали точно, сколько и в каком районе проживает немцев (к тому же их доставляли с Волги и других регионов и областей). В основном определяли на работу в колхозы. Расселяли посемейно в дома местных жителей: русских и казахов, мужья, братья, сыновья которых были на фронте, или немцев. Жили в тесноте, не было ни запаса дров для печи, ни водопровода, ни электричества. Отношения с местными жителями в те непростые военные годы складывались по-разному, но не всегда проявлялась враждебность. Были и добро, и сострадание, и помощь. К сожалению, этот аспект мало изучен и не нашел достойного освещения в исследованиях. О нем можно судить лишь через призму опубликованных воспоминаний, которые проясняют ситуацию на бытовом уровне. Сосуществование в прямом смысле слова «бок о бок» с немцами в сложнейших для страны условиях военного 1941 г. (эвакуация, сводки с фронта о наступлении противника, потери) и отношение местных властей – эти вопросы требуют особого внимания и объективной оценки, в сопоставлении документов с впечатлениями очевидцев. Важно выявить отражение и восприятие происходившего в сознании принудительно выселенных по национальному признаку «советских» граждан, их менталитет. Также важно понять поведенческий мотив местного населения. Вот привозят немцев: ожидали чудовищ с рогами... а оказалось, это – люди: женщины, старики и дети. (Образ был навеян из предвоенного фильма «Александр Невский»: немецкие рыцари в шлемах «с рогами».) По целому ряду воспоминаний переселенцев, местные встречали по-доброму, хотя были и неприятие, и срывы. Ведь родные были на фронте, а в дома шли «похоронки»... Тонкий анализ писем и воспоминаний мог бы положить начало изучению этого важного психологического аспекта проблемы.

Другое дело – влияние партустановок, настрой и действия советско-партийных представителей власти на местах, требования бдительности. Показателен в этом плане отрывок «Из директивного письма ЦК КП(б)К партийным органам республики от 4 октября 1941 г.» (за подписью секр. ЦК Скворцова). Обосновывая необходимость и правильность решения о переселении немцев, ЦК КП(б)К упреждал, что в Казахстане среди переселенцев окажутся недовольные и враждебные к советской власти. Уже «отмечено оживление антисоветских настроений... пораженческая агитация». Более того: «В некоторых областях республики вскрыты организационно оформленные фашистские диверсионные группы», которые ставили ближайшей задачей распространять к.(онтр) р.(еволюционную) литературу, разлагать трудовую дисциплину в колхозах, заниматься вредительством, прививать у кохозников ненависть к советской власти, готовить их для восстания в тылу...» Враждебное влияние, отмечалось в письме, «будет там, где мы плохо работаем», «необходимо принять меры к недопущению распространения влияния этих

элементов на местное население». ЦК партии обязывал все парторганизации к изучению настроений и повседневной политработе среди немцев, повышению бдительности, «сохранению государственной и военной тайны»; призывал активнее вести массово-политическую и агитационную работу, особенно в колхозах, куда прибывают немцы-переселенцы на работу... О ходе выполнения установки следовало информировать ЦК⁴³. Этот документ весьма красноречив и показателен.

Но позиции властимущих были разными. Так, Зыряновский райком КП(б)К информировал письмом от 13 октября 1941 г. ЦК партии и секретаря Восточно-Казахстанской области «о враждебных действиях немцев-переселенцев», ведущих «контрреволюционную пораженческую агитацию». Райком обеспокоен, что немцы «самовольно переселяются из мест вселения... чего допускать нельзя». Напротив, в письме от 11 ноября секретаря Южно-Казахстанского обкома Нечаева в ЦК КП(б)К, отмечалось «исключительно тяжелое положение» немцев, поскольку без соответствующего оформления документов (без печати и квитанций) о сдаче государству домов, скота, хлеба и т.д., они порой ничего не могут получить на местах. Имеются заявления о голоде, «появляется на почве истощения большая смертность... особенно среди детей» (так, по Фрунзенскому сельсовету Кировского района – 84 человека). Резюме: «Отсюда создается чрезвычайно неблагоприятная политическая обстановка среди немцев-переселенцев, которая распространяется на окружающие колхозы». Для того, чтобы «разрядить обстановку», мыслящий секретарь Обкома просит поддержки и решения выдать им кредит для устройства и отпустить «хотя бы минимальную продовольственную ссуду на пропитание до урожая 1942 г.», занять их на земляных работах за счет бюджета⁴⁴. Иным по характеру было письмо от 20 ноября в ЦК КП(б)К от секретаря Карагандинского обкома партии. Стереотипное сообщение, что в Тельманском районе из числа работающих в колхозах и других организациях немцев «начали активизироваться контрреволюционные группы фашистской агентуры, целью которых ставилось убийство ответственных партийных, советских работников, захват секретных документов, организация диверсий в промышленности и саботаж в колхозах». Поскольку ряд семей колхозов им. Кирова и им. Калинина (свыше 900 немцев) «имеет связь с заключенными, находящимися в Карлаге НКВД... враждебно настроены к советской власти... оставлять такое население считаем невозможным». Обком предлагает эти колхозы целиком переселить на земли госфонда Каркаралинского района в декабре, «будут строиться», либо объединить эти колхозы с соседними. Резолюция Н. Скворцова от 28.11.1941 гласила: «Лучше бы слить колхозы, чем переселять

⁴³ Из истории немцев Казахстана... С. 103–104.

⁴⁴ Там же. С. 107–110.

их за 300 км в зимних условиях»⁴⁵. До сих пор поражают масштабы шпионмании того времени и явно чекистская риторика о «контрреволюционной» деятельности переселенцев.

И хотя было достаточно наглядных примеров бездушного подхода, не всем была безразлична судьба переселенцев. По воспоминаниям немцев, иные председатели колхозов выдавали хоть захудалую корову или участок земли под огород, чем помогли семьям с детьми просто выжить. Многие немецкие женщины самоотверженно трудились в колхозах, и некоторые, например, дорянки Э. Штарк и Э. Миллер, даже были заслуженно награждены в 1947–1948 гг. медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне»⁴⁶.

Мобилизация немцев с 1942 г. в «трудовую армию» – это отдельная большая, довольно изученная и требующая специального рассмотрения тема. Заметим лишь, что характерной чертой жизни немцев-переселенцев стала «разорванность» семей. Дети без родителей попали в детские дома или оставались в колхозах на попечении родных, не все могли посещать школу. В сравнении с другими депортированными народами, такая судьба фактически досталась только этническим немцам. Лишь после войны семьи смогли съезжаться (зачастую по вызову мужа).

Мало исследованным остается вопрос о политике и практике заселения оставленных немцами жилищ. Переселение эвакуированных и местных жителей в районы и колхозы после насильственного выдворения немецкого населения наблюдалось на Кавказе, как и повсеместно. В покинутые дома спешно вселяли по решению местных советско-партийных органов. Так, в Азербайджане уже 19 октября, в ходе акции выселения, было утверждено постановление Совнаркома и ЦК АКП(б) «О вселении в колхозы, освобождаемые от немецкого населения». Указано было: вселить в пятидневный срок 4360 человек трудоспособного колхозного населения, со всеми членами семей и хозяйствами»⁴⁷. Подобным образом действовал Орджоникидзевский крайком ВКП(б). Секретарь крайкома Суслов обратился к секретарю ЦК ВКП(б) Андрееву А.А. с просьбой разрешить использовать имущество и земли колхозов, из которых были переселены колхозники-немцы: это 53 колхоза и 101,4 тыс. га земли. Он считал, что имущество и земли 38 колхозов (74,2 тыс га земли) «необходимо передать смежным с ними колхозам», а остальных 15 колхозов – различным совхозам по краю. Фактически земли уже передавались и проводилось внутрирайонное переселение колхозов и

⁴⁵ Там же. С. 110–112. Распоряжением СНК СССР Минюсту СССР от 6 января 1942 г. разрешалось СНК КазССР переселить немцев из с/х артелей им. Калинина и им. Кирова в Ворошиловский р-н Карагандинской обл. и трудоустроить их. См. . «По решению правительства...». С. 277.

⁴⁶ *Reitenbach E. Vom Kaukasus nach Kasachstan...* Т. 2 С. 13 и Т. 3 С. 15. (воспоминания Р. Штарка и Р. Мюллер).

⁴⁷ *Джафарли М. Депортация немецкого населения из Южного...* С. 138.

колхозников, т.к. остался скот и имущество, требовавшие ухода. Сельхозотдел ЦК ВКП(б) – письмо зам. завед. отделом Гриценко Андрееву от 7 января 1942 г. (секретно) – поддержал мероприятия крайкома и счел необходимым утвердить их. Так 23 января 1942 г. последовало распоряжение № 1111-рс разрешить («узаконить» задним числом!) передать имущество и земли 53-х колхозов и провести внутрирайонное переселение с согласия колхозников на условиях, изложенных в постановлении СНК СССР от 3 сентября 1941 г. № 2030-922с (по Поволжью)⁴⁸.

Эта политика и практика и правомерность решений советских властей требуют, наконец, глубокого исследования и правовой оценки.

Одним из последствий депортации на местах стало очередное изменение немецкой топонимики. Ряд переименованных при советской власти селений в Закавказье имел заметно идеологизированные имена: Люксембург, Либкнехтдорф, Ленинфельд, Энгельсфельд (Эйгенфельд), Марксовка, Кировиси (Вальдхайм) и др. С выселением немцев Люксембург был сразу переименован в Болниси, Ленинфельд – в Чинарли, Траубенберг – в Тамарис, Грюнталь – в Руисболо, Траубенфельд объединен с Товуз и т.д. В 1941 г. немецкие топонимы фактически окончательно исчезают с карты Кавказа.

Депортация немцев нанесла серьезный удар по экономическому и культурному потенциалу многих районов Кавказа. Произошла непоправимая утрата трудолюбивого, успешного сельского и городского населения. Мало немцев оставалось или вернулось сюда, хотя многие сохранили духовную связь с Родиной-Кавказом.

В заключение. Судьбы бывают разными. Судьбы этнических немцев зависели от тоталитарной власти, ее репрессивной машины, от действий партаппаратчиков и чиновников на местах и имеют много общего. Большинство немцев-переселенцев с Кавказа переехало из Казахстана в Германию. Они регулярно проводят встречи родственников и близких, односельчан, друзей, одноклассников. И что интересно, собираются не только как жители бывших колоний и сел, но и немецких селений в Казахстане, например, дер. Белокаменка или Мариновка, где была прожита часть жизни, где родились и выросли их дети. Некоторые пишут свои семейные истории, хроники, историю колоний, просто о пережитом. Их объединяет общность судеб, которые имеют так много схожего, поскольку все они – российские немцы.

На сегодня в суверенных государствах Азербайджане и Грузии имеются небольшие евангелическо-лютеранские общины. В Баку немцам-евангелистам

⁴⁸ «По решению правительства...» С. 278–279. По плану СНК СССР от 3 сентября 1941 г. о заселении районов бывшей АССР НП было предусмотрено вселить до 60 тыс. хозяйств, в Саратовскую обл. – 44 744 и в Сталинградскую – 15 050 хозяйств. План выполнялся с трудом. На 1 января 1942 г. в районы бывшей республики было переселено 39 093 колхозных хозяйств. См.: Там же. С. 271, 274.

удалось вернуть себе здание Кирхи. В Тбилиси, благодаря усилиям епископа Гердта Гумеля и при поддержке германской стороны, была построена и освящена Церковь Примирия. (2005 г.). Как символ единения здесь была создана общественная организация немцев «Айнунг».

И сегодня, 70 лет спустя после депортации, эта трагедия остается в сердцах людей, вызывает к исторической памяти, в частности, о потомках «кавказских» немцев-колонистов. Она напоминает об ответственности тоталитарной власти за содеянное.

В.А. Бердинских (Киров)

Российские немцы в Вятлаге

Великая Отечественная война – это время тяжелых испытаний всего населения нашей страны. Но 1941 год – это и начало трагедии целого народа Советского Союза – российских немцев. Ещё при Екатерине II их предки приехали в Россию, ставшую для них новой Родиной. В 1918 году создана была первая автономная республика Советской России – Немцев Поволжья. 1941 год для всех российских немцев стал ударом по личной судьбе. Даже в труднейших условиях войны сталинский режим продолжал политику насилия над собственным народом.

Прологом трагедии послужил известный Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года «О переселении немцев, проживающих в районе Поволжья». За ним последовала целая серия такого же рода «актов», круто, с бесцеремонной и совершенно немотивированной жестокостью преломивших судьбу почти полуторамиллионного немецкого населения, проживавшего в течение без малого двух столетий в самых различных регионах страны – от Прибалтики до Дальнего Востока, от Мурманска до Ашхабада...

На севере Кировской области располагался один из 10 лесных лагерей ГУЛАГа – Вятлаг НКВД СССР. В лагерном архиве отложились документы о горестной судьбе российских немцев в военные годы. Первый «немецкий этап» пришел в Вятлаг 20 октября 1941 года – с ним были доставлены из Ворошиловградской тюрьмы (Украина, нынешний город Луганск) несколько сот «лиц немецкой национальности» (в основном – рядовых шахтеров и колхозников), репрессированных в начале сентября того же 1941-го года во внесудебном порядке за «контрреволюционную деятельность» и получивших в «зоне» статус «подследственных». «Суд» оказался на удивление «нескорым» – приговоры последовали только через год. Но многие (более половины) из «луганских этапников-немцев» этого «не дождались» – погибли от голода, холода и болезней в страшную зиму 1941–1942 годов⁴⁹.

В соответствии с упомянутым Указом ПВС СССР в сентябре 1941 года было ликвидировано «под корень» национальное административно-территориальное образование – АССР немцев Поволжья, где компактно проживало около четверти всей внутрисоветской немецкой общины. Десятки тысяч немецких семей в «самые сжатые сроки» (за считанные сутки) подвер-

⁴⁹ Архив Учреждения К-231 (пос. Лесной Кировской обл.). Фонд личных дел мобилизованных немцев и общая картотека.

лись принудительному выселению в отдаленные и малообжитые районы Западной Сибири и Казахстана. Вскоре к ним «присоединились» соплеменники из других мест (Причерноморья, Кавказа, Украины и т.д.).

Как мы знаем из предыдущего повествования, к началу 1942 года «владения» ГУЛАГа заметно «обезлюдели» – возникла острая нехватка «рабочей силы». И тогда на самом высоком кремлевском уровне решили «снять» эту проблему за счет выселенных отечественных немцев: их объявили «трудмобилизованными», призвали через военкоматы в «трудармию» (мужчин – в январе–марте, женщин – в конце 1942 года), вновь посадили в эшелоны – «краснухи» – и пошли «фрицы» (этап за этапом) в лесные лагеря, в том числе и в Вятлаг...

Как все это происходило в реальности? Воздержимся от комментариев и обратимся к документальным свидетельствам той поры.

В адресованном 26 сентября 1942 года Центру спецдонесения начальника УНКВД по Кировской области капитана госбезопасности Шустина сообщается: «...По информации начальника оперчекистского отдела Вятлага НКВД известно, что в начале февраля 1942 года из Барнаула и Красноярска в распоряжение Вятлага будут поступать строительные колонны из немцев в количестве 7 000 человек. Лагерь для приема указанного количества немцев не подготовлен. Помещение для размещения колонн в лагере имеется, но совершенно нет постельной принадлежности, обмундирования и не имеется никаких запасов продуктов питания. Изыскать все это на месте возможностей нет... Руководству Вятлага совершенно не известен режим содержания немцев, охраны и трудового использования...»¹.

Как видим, к приему «трудмобилизованных» в Вятлаге, мягко говоря, «не были готовы». Кроме того, зима 1942 года – это время самого лютого голода в истории лагеря, когда, по некоторым данным, погибло более трети находившихся здесь заключенных. И вот изнуренные тяжким, почти месячной продолжительности этапом вновь прибывшие немцы оказываются в положении «лишних ртов», для которых в местах их «трудоиспользования» не имеется ни сколько-нибудь «подходящего» жилья, ни продовольствия, ни одежды...

Расплывчатым и неясным (вплоть до конца войны) оставалось и правовое положение «трудармейцев»: их нельзя было содержать как заключенных, поскольку (официально) они не были осуждены в персональном порядке – ни суды, ни трибуналы, ни «особые совещания», ни какие-либо другие «уполномоченные» органы не рассматривали их «дела», не предъявляли обвинений и т.п., – да для этого попросту не существовало юридических оснований. Вся «правовая база» для изоляции и принудительного «трудоиспользования» этих людей основывалась на нескольких параноидально-волюнтаристских Указах и постановлениях, априори (по единственному критерию – принадлежности к немецкой национальности) обвинивших целый народ в «предполагаемо-

¹ Бердинских В.А. Вятлаг. Киров, 1998. С. 144–145.

возможных» его «преступных намерениях». По сути это был вопиющий факт геноцида – и, как известно, далеко не единственный в советской истории...

После недолгих колебаний в ГУЛАГе избрали по отношению к «контингенту немцев» самое «простое» решение: формально не считать их заключенными, а фактически «приравнять» (по организации режима и внутреннего распорядка) к остальному лагнаселению. В реальности же положение немцев (сразу после доставки их в лесные лагеря) – по условиям содержания, жизни, быта, работы – было даже значительно хуже, чем у заключенных. Это отчетливо прослеживается по более высоким, чем в среднем по лагерю, статистическим показателям смертности и заболеваемости, а также численности инвалидов среди «трудмобилизованных» в Вятском ИТЛ периода 1942–1945 годов.

В вятлаговском архиве тоненькие серо-голубые «папочки» с личными делами умерших немцев-«трудармейцев» (коих около двух тысяч) размещены на отдельном, самом удаленном стеллаже. В подавляющем большинстве таких «дел» – лишь несколько страничек. Как правило, это – личная анкета, медкарта, характеристика, какие-то заявления и справки, акты о смерти и погребении – и все...

Между тем, по данным политотдела Вятлага (отнюдь не исчерпывающим), с февраля 1942-го по 1 июля 1944 года в лагерь «поступили» 8 207 немцев-«трудармейцев». За это же время убыли 5 283 человека, в том числе: умерли – 1 428, осуждены – 365, этапированы в другие ИТЛ – 823, демобилизованы (в основном – по болезни с «безнадежным» диагнозом) – 1.581, бежали – 7, направляются в «отпуске» (для лечения или по семейным обстоятельствам) – 1 079 человек. Из общего числа немцев (3 891 человек на 1 января 1944 года): мужчин – 2 944, женщин – 947. Основная часть «трудмобилизованных» содержалась компактно, большими группами: на 1-м лагпункте 6-го ОЛПа – 1 167 человек (самый значительный среди других вятлаговских подразделений «контингент» этой категории), на 13-м ОЛПе, совхозе N 2, а также на 12-м и 14-м ЛЗО. На 1 июля 1944 года численность немцев в лагере сократилась до 2 924 человек (без учета «отпускников»). Состояние здоровья подавляющего большинства из них (и это вынуждены признать даже лагерные медики) – ужасающее: основная масса поражена такими болезнями, как воспаление легких, туберкулез, алиментарная дистрофия...

У многих из этих ни в чем не повинных перед своей истинной Родиной людей при выселении из отчих мест, многотысячекилометровом этапировании, принудительной «трудмобилизации» поломали личную жизнь, раскололи, разбросали семьи. Их родные и близкие (глубокие старики-родители, малолетние дети и инвалиды, которые по возрасту или состоянию здоровья не могли быть использованы на тяжелых лагерных работах) остались в Сибири и Казахстане – причем нередко без всяких средств к существованию, не имея специальности, не владея в достаточной степени русским языком... Нельзя без волнения читать многочисленные слезные письма (как самих

«вятлаговских» немцев, так и их «сибирско-казахстанских» родственников) с просьбами, ходатайствами, униженно умоляющими о разрешении вернуться к своим родителям, супругам, детям, «воссоединиться» или хотя бы «повидаться» с ними...

Приведем (из множества подобных) один такой человеческий документ: заявление вятлаговского медфельдшера Александра Карловича Шефера, где кратко изложена трагическая история – «путь крестный» – лишь одной рядовой немецкой семьи.

Вчитаемся в эти строки (Документ № 34, приводится по оригиналу, без каких-либо исправлений):

Депутату Президиума Верховного
Совета – Прокурору СССР
тов.Горошенину
от мобилизованного Шефер Ал-др
Карлович

Заявление.

Прошу Вашего распоряжения о демобилизации мне к семье в Красноярский край, Идринский р-н.

Я родился в 1923 г. в село Беттингер, Саратовская область, по национальности немец. Родители были колхозники. Окончил семилетку в селе. Потом поступил в Маркштадтский медтехникум. В 1941 г. окончил техникум. В этом же году всех немцев выселили по указу Верховного Совета. Мы попали в Красноярский край, семья в составе: отец, мать, я и сестра. Брат был в действующей армии под Смоленском. Потом демобилизовался и сейчас находится в г. Копейск, в труд. армии. В январе 1942 г. я и отец были мобилизованы в труд.армию – Вятлаг М.В.Д., где я работал медфельдшером. В конце 1945 г. отец демобилизовался по возрасту (55 лет) и болезни. Приехал он к семье в Красноярский край и через два месяца умер. Я работал в Вятлаге до июня 1946 г. Потом меня направили в совхоз № 4 Вятлага М.В.Д., который находится 300 км от Вятлага, ст. Фаленки Кировской области, в качестве начальника санчасти, где я и работаю в настоящее время. Дома у меня осталась мать и сестра. Мать сейчас тяжело больная – болеет туберкулезом легких и ей 54 года. Сестра – инвалид – паралич ноги. Обе не работоспособные и нуждаются в физической и материальной помощи, а мне отсюда им помочь нет возможности. В том, что это действительно так, приложу копии справок, полученных мною от матери.

Поэтому я очень прошу Ваше вмешательство отпустить меня к семье для помощи, меня воспитали, а я им помочь не могу. Уже шестой год от них. Прошу в моей просьбе не отказать.

Адрес мой: Кировская обл. станция Фаленки совхоз № 4 Вятлага М.В.Д. Шефер Александру Карловичу.

25/II 47 г.

Судя по всему, на свое заявление Александр Карлович положительно-го ответа не получил: был оставлен на спецпоселении в Вятлаг, работал медфельдшером на 2-ом ОЛПе (поселок Сорда), «освобожден» (снят с учета спецпоселения) на «общих основаниях» – в 1955 году, без права выезда к прежнему (до выселения) месту жительства...²

Надо сказать, что после войны правовое положение немцев в лагерях стало более определенным: их официально перевели в категорию «спецпоселенцев», передали в ведение так называемых «спецкомендатур», находившихся в подчинении территориальных управленческих структур МВД. Но и в это время (вплоть до конца 1955 года) этнические немцы в основной массе оставались юридически «неполноценными» гражданами родной страны, существенно ограниченными в своих личных и политических правах. Высшей и непрекращаемой властью для них являлся местный «комендант УМВД», который вел учет спецпоселенцев, ежемесячно регистрировал («отмечал») их – при обязательной личной явке к нему, давал (при удостоверенной необходимости) разрешение на выезд «за пределы территории поселения», творил «суд и расправу» – «карал и миловал».

Кстати говоря, неподалеку от Вятлага в ту пору находились на территории бывшего Кайского района еще несколько «спецпоселений»: в селе Ожмегово, где жили бывшие «раскулаченные», в поселке Рудничном, куда были «прикреплены» татары, немцы, «раскулаченные», а также бывшие заключенные, лишенные после освобождения из лагеря права выезда в родные места и в центральные районы страны. Немало было в этих местах и ссыльных...

Особая (и пока совершенно закрытая для исследования – по причине «таинственного» исчезновения документов) тема – военнопленные в Вятлаг. Между тем здесь их содержалось (по данным на 1-е марта 1947 года, то есть накануне «перевода» в другие, еще более «отдаленные» места):

всего – 1 841 человек, в том числе немцев – 1 393, румын – 222, венгров – 142, австрийцев – 64. На четырех вятлаговских таежных погостах (по сведениям международной организации «Военные мемориалы») захоронены 809 военнопленных, из них граждан Германии – 544, Румынии – 114, Венгрии – 97, Австрии – 39, Италии – 15³.

Но вернемся к повествованию о судьбе немцев в Вятлаг. Советскую действительность можно понять, лишь применяя к ней категории оруэлловских антиутопий. Одним из подтверждений тому может служить хотя бы следующий факт: среди интернированных отечественных немцев сохранялись и активно действовали... партийная и комсомольская организации (!).

² Архив Учреждения К-231. Д. 785. Л. 17.

³ Веремьев В.И. Иностранцы в Вятлаг // Из истории российских спецслужб. Киров, 2004. С. 47–48.

«Благодаря» этому, за 1942 год парторганизация Вятлага количественно выросла в 2,5 раза: на 1-е января на учете в политотделе Вятского ИТЛ состояли 122 члена ВКП(б) и 113 кандидатов, а во вновь прибывших в начале 1942 года «немецких» этапах «оказалось» 228 членов партии и 110 кандидатов. Впрочем, прием «лиц немецкой национальности» в кандидаты, а также из кандидатов в члены партии был (по указанию «сверху») в годы войны прекращен, поэтому все немцы-кандидаты в «партийцы» имели к 1943 году просроченный «испытательный» стаж. Не наблюдалось и «роста партийной прослойки» среди «трудармейцев».

Некоторые из немцев-коммунистов пытались скрыть свою партийную принадлежность, не вставали на учет в Вятлаге, прятали партбилеты и учетные карточки. Но с мест прежнего пребывания поступала «соответствующая информация» в парткомиссию политотдела – и тогда следовала тягостная процедура «партийного разбирательства»...

На 1-е января 1944 года среди 446 комсомольцев Вятлага – 182 «лучших представителя немецкой молодежи». Из 16-ти первичных комсомольских организаций лагеря – 4 состоят только из молодых немцев-«трудармейцев».

Разумеется, политотдел «развертывает» среди «трудооблизованных» привычно-формальную «партполитработу»: регулярно проводятся партийные и комсомольские собрания, заседания бюро и комитетов, где «клеят позором» отстающих и хвалят передовиков производства, изучают «исторические речи и труды товарища Сталина» и «героическую жизнь Зои Космодемьянской», принимают «повышенные сообразательства», исключают из партии и комсомола за «аморальное поведение» и «контрреволюционные настроения»... Кстати, протоколы многих партсобраний сохранились в архиве политотдела Вятлага.

В октябре 1942 года «в целях проведения массовой культработы среди мобилизованных трудармейцев и поднятия производительности приказом начальника Управления 10 наиболее «благонадежных» немцев-партийцев назначены «инструкторами по политработе» на 8-ом, 9-ом, 12-ом, 13-ом и 14-ом ЛЗО с окладом по 400 рублей в месяц каждому.

Следует подчеркнуть, что и без всей этой «идеологической обработки» в подавляющем большинстве своем немцы-«трудармейцы» (естественно, те из них, кто физически был способен трудиться, у кого еще оставались на это силы) работали не за страх, а за совесть. И очень многие после освобождения получили возможность профессионального роста, заслуженного восхождения по ступеням служебной лестницы в Вятлаге.

Большим уважением, например, пользовался в лагере Александр Адамович Кисснер – начальник железнодорожного отделения, кандидат технических наук, блестящий профессионал и умелый организатор. Длительное время успешно руководил отделом главного механика Управления Михаил Тевлевич Вуль. А музыкального руководителя Дома культуры поселка

Лесного – Константина Андреевича Кунстмана и его супругу Дору Андреевну Кунстман – хорошо помнит не одно поколение местных жителей.

Вместе с тем лагерные условия жизни, быта, производства разлагающе действовали и на определенную часть немцев. Среди них формировалась прослойка «льготников»: мастера, бригадиры, партактивисты. Именно среди этих лиц чаще всего наблюдались проявления противоправного и безнравственного поведения, бесчеловечного отношения к своим товарищам по несчастью.

За 1946 год из партии исключены 23 немца-«спецпоселенца»: часть из них – за «антисоветскую агитацию» (термин весьма «расплывчатый», под который можно было «подогнать» любой откровенный разговор о тогдашней реальной жизни), часть – за утерю партдокументов, а некоторые – за действительно серьезные проступки: хищение продуктов, «очковтирательство» (приписки невыполненных работ).

Так, в ноябре 1946 года из партии исключен Д.Ф. Финк, который (здесь и далее мы цитируем материалы парткомиссии политотдела Вятлага) «работая бригадиром-десятиком, затем мастером 12 ЛЗО, в течение 2 лет использовал свое служебное положение в личных корыстных целях: брал у трудармейцев деньги, продукты, обещая им за это легкую работу, запугивая их тем, что, если они не будут выполнять его требования, он переведет их в лесоповальную бригаду, заставлял трудармейцев готовить себе обед, чистить его одежду и обувь. Избивал трудармейцев, если они его ослушивались. Кроме того, Финк, имея в Красноярском крае жену и детей, никакой помощи жене не оказывал, вел себя недостойно в быту.»

Когда же этого негодяя исключили из партии, он «запугивал трудармейцев, заставлял их писать в парткомиссию письма, опровергающие факты обвинения и сам лично написал заявление такого содержания от имени одного из членов партии...»⁴.

Отметим: ничего «экстраординарного» в данном конкретном случае нет: такова «норма поведения» бригадира в «зоне», и Финк просто «хорошо вписался» в существующую поведенческую модель для лиц его «лагерного ранга».

В конце 1943 года из партии исключили двух немцев-бригадиров: за то, что они «систематически занимались припиской непроведенных работ, в результате чего при инвентаризации по этой подкомандировке оказалась недостача древесины около 27 тысяч фестметров...» Хотя все знали, что без приписок в то голодное время изнуренным лагерникам и «трудармейцам» «вытянуть норму» на производстве было физически невозможно. Но для «зарядки туфты» необходимы специфический опыт и умение «прятать концы в воду», а такими «навыками» эти двое, очевидно, овладеть не смогли.

⁴ Государственный архив социально-политической истории Кировской области. Фонд политотдела Вятского ИТЛ МВД СССР. Ф. 5991. Оп. 1. Д. 13.

Впрочем, основная масса полученных «трудармейцами» партвызысканий следует за «прегрешения» обычные и, по лагерным стандартам, просто заурядные. Так, Карлу Генриховичу Арнгольду (1907 года рождения) вынесен выговор за то, что он «ночью ушел с работы и спрятался в конюшню». «Обвиняемый» пояснил, что он «был болен, но врач его от работы не освободил» (добавим: онный «казус» имел место в мае 1942 года – в период повальных болезней и дистрофии в лагере, а недужному «партийцу Арнгольду» инкриминировалось, наряду с прочим, еще и то, что он «нормы выполняет лишь на 20–25 процентов...»).

«За спекуляцию хлебом» исключен из «кандидатов ВКП(б)» Эвальд Эмильевич Пенно. Допущенный им «криминал» состоял в том, что он «продал одну пайку хлеба весом 1 килограмм 50 граммов за 100 тысяч рублей». Сам Пенно «это подтверждает и просит оставить его в рядах партии...» Просьбу, как видим, оставили без удовлетворения...

Непростой вопрос – отношение этнических немцев к нацистскому нашествию, к ходу военных действий на советско-германском фронте. Вполне вероятно, что некоторые из «трудармейцев» (как и определенная часть заключенных) видели в победе Германии возможность своего освобождения от унижительного лагерного состояния. Даже в 1944–1945 годах имелись случаи исключения из партии нескольких «трудмобилизованных» за «пораженческую антисоветскую агитацию», за «саботаж» и «призывы плохо работать».

Но есть все основания полагать, что далее разговоров (обычных по тому времени) дело все-таки не шло. А учитывая крайне тяжелое положение этих людей, можно лишь удивляться тому (документально удостоверенному) обстоятельству, что их «отсев» из «партийных рядов» был столь незначителен: за три года (1942-й – начало 1945-го) из партии исключены 49 немцев (32 члена ВКП/б/ и 17 кандидатов). Несмотря на все перенесенные страдания и унижения, доверие «советских немцев» к своей «социалистической Родине» полностью не истощилось. Однако лагерные чекисты и их агентура «не дремали», ухитряясь «сплести дело» из самого заурядного «бытового треп».

4 марта 1945 года начальник политотдела Вятлага старший лейтенант госбезопасности Суворов на III партконференции лагеря возглашал: «...Среди партийных организаций мобилизованных трудармейцев немцев вскрыта контрреволюционная фашистская организация, которая ставила своей целью распространение клеветнических ложных сведений на жизнь нашей страны...» Конечно же, и сам Суворов, и большинство тех, кто ему внимал, знали и понимали, что все это – не более чем трескучая демагогия, пустая болтовня, предназначенная для ушей вышестоящего гулаговского начальства – в качестве «весомого доказательства» «неусыпного бдения» вятлаговских чекистов и руководства Управления лагерем.

Действительно достоверным можно признать лишь один-единственный случай активного целенаправленного «антисоветского» противодействия, да

и он являлся чисто индивидуальным актом: член ВКП(б) Роммих, заведующий инструментальной мастерской 13-го ОЛПа, «систематически сознательно производил порчу лучковых пил», делая это «нелегально посредством сжигания их (пил) в печи хлебопекарни, после чего пилы были очень мягкие и на производстве быстро тупели...» Таким «методом» Роммих испортил около 200 «лучков», а в результате «лесорубы не выполняли производственные задания...» Но, повторим, это был единственный и уникальный в своем роде факт среди всей многотысячной массы отечественных немцев, прошедших за годы войны через вятлаговские узилища...

По всей видимости, не существовало «национальных проблем» и во взаимоотношениях «трудмобилизованных» немцев с другими лагерниками. Условия сосуществования – жизни, быта, труда – «сплавливали», «синтезировали» разнородную и «разношерстную» (по многим параметрам – национальным, социальным, интеллектуальным) «рабсилу» ГУЛАГа в единую человеческую массу – людское лагерное сообщество. Вполне естественно полагать, что в нем проявлялись и настоящая мужская дружба, и любовь... Но эти самые чистые и нормальные человеческие проявления очень часто наталкивались на жестоко антигуманную реальность сталинских лагерей.

Так, 11 июля 1944 года на очередном комсомольском собрании немок (подкомандировка «Юрта») с юношеским максимализмом обсуждалось «персональное дело члена ВЛКСМ Эйрих Эльзы Карловны, 1917 года рождения, служащей, немки, с неполным средним образованием...» Секретарь доложила собранию, что «товарищ Эйрих, как всем известно, нарушила комсомольскую дисциплину в связи с тем, что она имела сожительство с заключенным Ивановым Иваном Александровичем, осужденным по статье 58-10 (за «антисоветскую агитацию». – В.Б.). Несмотря на неоднократные предупреждения, товарищ Эйрих продолжает сожительство. Таким людям нет места в рядах ВЛКСМ...» По гулаговским «уставам», интимная связь комсомолки с заключенным – вещь совершенно недопустимая, а сожительство с «контрреволюционером» – предосудительно вдвойне, поскольку такое «дело» приобретает уже «политическую окраску»... Впрочем, сама «обвиняемая» ничего и не отрицала, никак не защищалась, но и в «грехе» своем не раскаялась, а посему была «благополучно» исключена из «рядов ленинского комсомола»⁵.

После «освобождения» («снятия с учета спецпоселения») в 1955–1956 годах многие немцы вынужденно «осели» в вятлаговских таежных пристанищах (возвращаться им было некуда – путь на «малую родину» перекрыл тот же самый «освободительный» Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1955 года). Наиболее многочисленная «немецкая колония» образовалась в поселке Созимском. Здесь прежние «трудоармейцы» работали (уже в качестве

⁵ Более подробно см.: Бердинских В.А. Спецпоселенцы: политическая ссылка народов Советской России. М.: НЛО, 2005. С. 430.

вольнонаемных) в основном на железной дороге и на Кайском целлюлозном заводе (бывшей «особой стройке НКВД № 4»). И совсем не случайно ту часть поселка, в которой они обосновались (по-немецки обстоятельно, добротнo, «умеренно и аккуратно»), называли «Малым Берлином».

Итак, лишь в 1956 году с немцев сняли ограничения в свободном передвижении (в границах страны), но паспорта им выдали еще позже, и только в 1972 году «милостиво разрешили» вернуться на жительство в родные места, откуда они были с бесцеремонной жестокостью выселены в военные годы...

Достоверная история отечественных немцев – этнической общности, целого народа, безжалостно раскиданного по лагерям, диким степям, безбрежной тундре и глухим таежным лесам, – еще не написана. Права (в полном их объеме) и государственность этнических немцев не восстановлены до сих пор...

Архангельская область в 1940-е годы, как регион по использованию принудительного труда поляков, эстонцев, карело-финнов, немцев

Архангельская область – окраинная провинция России, северная часть ее омывается морями Северного Ледовитого океана Белого, Баренцева и Карского, где острова Колгуев, Вайгач, Новая Земля, Земля Франца Иосифа. Область мало заселена, отдалена от столицы бездорожьем, территория – 587,4 тыс. квадратных километров. В годы индустриализации в лесную индустрию требовалось, как можно больше рабочих, но добровольцев жить на краю земли в суровых полярных условиях нашлось немного. Сталинское руководство решало проблему кадров волевыми методами. Так, в 1940-е годы в Архангельской области в качестве дешевой рабсилы на производстве и лесоповале использовался принудительный труд «неблагонадежных» народов. Их насильно завозили в неосвоенные районы, откуда не выбраться в любое время года: бесконечная тайга с гнусом и бескрайние болота при развитой системе рек и озер, или долгая зима с непроходимыми снегами и единственная железная дорога к Москве. Для проведения кампаний против поляков, эстонцев, карело-финнов и немцев область стала «идеальным» регионом: здесь сложился особый режим изоляции, и экономические задачи (выполнение хозяйственных планов, особенно в войну) решались наряду с политическими (идеологическое перевоспитание в духе советского времени).

Депортация польских граждан в феврале и июле 1940 года. В 1939 году Вторая мировая война началась 1 сентября с захвата фашистскими войсками части Польского государства. Войска красной армии (по сговору Гитлера и Сталина) 17 сентября вступили на земли Польши, предназначенные СССР, 4 декабря здесь образовано одиннадцать областей в составе УССР и БССР. Из этих областей решением Политбюро ЦК ВКП(б) предстояло до 15 февраля 1940 года выселить 21 тыс. семей осадников. Постановление СНК СССР о депортации осадников принято 5 декабря 1939 года⁶, а 29 декабря утверждено «Положение о спецпоселениях и трудовом устройстве осадников, высленных из западных областей УССР и БССР».

По инструкции, выселение проводилось одновременно в назначенный НКВД день. Все движимое имущество, сельхозинвентарь и домашний скот по акту принималось местными управлениями. Разрешалось взять одежду, белье, обувь, постельные принадлежности, посуду столовую (ложки, ножи, вилки), чайную и кухонную, продовольствие из расчета месячного запаса на семью,

⁶ Бугай Н.Ф. Депортации населения с Украины 1930–1950 гг. // Украинский исторический журнал. 1990. № 10. С. 34.

мелкий хозяйственный и бытовой инструмент (топор, пилу, лопату, молоток, косу, грабли и пр.), деньги (не ограничено), ценности (кольца, часы, серьги, браслеты, портсигары), сундук или ящик для вещей. Общий вес на семью – не более пятисот килограммов¹. На практике времени на сборы не было, в вагоны загоняли лишь с ручной кладью, а багаж разворован в дороге.

Так, в ходе операции в ночь на 10 февраля 1940 года насильственно вывезено вглубь СССР 139–141 тыс. осадников и лесников (с семьями)². Это в большинстве поляки, также украинцы и белорусы (польские граждане). Осадники – зажиточные крестьяне, демобилизованные военнослужащие польской армии, получившие осады (земельные наделы пятнадцать–тридцать гектаров) на восточных территориях польского государства (по решению парламента Польши за заслуги в войне 1920 года). По оценке польских историков, осадами наделено 9 тыс. военных осадников. Были и гражданские осадники, выкупившие у государства заброшенные земли на льготных условиях. К ним причислены также местные крестьяне, арендовавшие или купившие землю у «настоящих» осадников. Лесники (и лесничие) – наемные работники для охраны лесов и в целом осад. Постановлением Политбюро и Совнаркома СССР от 21–22 декабря 1939 года к выселяемым причислены государственные служащие сторожевой охраны лесов. По советским меркам осадники – кулаки (вместе с лесниками, лесничими и служащими охраны), подлежащие трудовому перевоспитанию в отдаленных спецпоселках. Они были выселены в двадцать одну область СССР: Вологодскую – 7887 человек, Коми АССР – 10819, Свердловскую – 27500 и др. Архангельская область «лидировала» с большим перевесом – 41497 человек или 8084 семьи³.

В Архангельской области польские граждане содержались в двадцати трех районах, их распределили по трестам, леспромхозам, лесопунктам, лесоучасткам. Служебные документы (с грифом «секретно», «совершенно секретно», «не подлежит оглашению») рассекречены в Государственном областном архиве (ГАО) в 1993–1994 годах. Так стало известно об организации спецпоселков, подготовке лесосек и инвентаря, водворении, размещении, бытовых

¹ Инструкция (в копии) из экспозиции выставки «Даешь социализм!» АОКМ (Архангельский областной краеведческий музей). См.: Митин В. Боевая операция в масштабах страны // Правда Севера, 1995. 10 март. По воспоминаниям Збигнева Недзведского, его матери удалось кое-что из имущества сдать в багаж, за которым потом она вместе с другими ехала по реке до станции Котлас 120 километров, но их вагон оказался вскрытым и обворованным, никто ничего не нашел. (Из письма З. Недзведского, личный архив Т. Мельник.)

² Гурьянов А.Э. Польские спецпереселенцы в СССР в 1940–1941 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. Выпуск 1. М., Звенья, 1997. С. 115.

³ Васильченко Т.Е. Польские осадники и лесники в ссылке на Русском Севере в годы Второй мировой войны // Каторга и ссылка на Севере России. Том 3. Воспоминания поляков. Архангельск, ПГУ, 2008. С. 202. Со ссылкой на ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 9479. Оп. 1. Д. 61. Л. 34–38.

условиях, трудовом использовании, снабжении, медицинском обслуживании, «закреплении на производстве» посредством кредитов на приобретение скота и строительства частных домов и многое др.

В связи с повышенной секретностью ссылки польским гражданам присвоили вторую категорию спецпереселенцев (первая – трудпереселенцы 1930-х годов). Но доступ к секретной работе имели единицы, поэтому на местах не знали, как «правильно» работать с контингентом. Из докладной записки управляющего трестом Онеголес от 22 февраля 1941 года: «В предприятия нашего треста завезены новые рабочие-спецпереселенцы для трудового использования. Но руководство подменяется комендантами, так как мастера леса, где на участках работают только эти рабочие, не знают содержания заключенного договора от 20 февраля 1940 года между Гулагом НКВД и Наркомлесом СССР. Считал бы необходимым довести договор до мастеров, но, так как он совершенно секретный, ознакомить недопущенных к секретной работе не могу»⁴. Администрация лесных предприятий не была в состоянии расселить, трудоустроить и снабдить всем необходимым такую «армию» рабочих. Из докладной записки управляющего трестом Двинолес: «На 7 июля 1940 года принято рабочих второй категории – 1184 семьи (5842 человек), из них трудоспособных – 2480 человек вместе с женщинами, имеющих грудных и малолетних детей (424 ребенка). Из нетрудоспособных – 2509 детей. Все расселены в местах лесозаготовок, не отвечающих требованиям для нормальной жизни: в наспех перегородженных старых бараках в комнатах десять–пятнадцать квадратных метров на семью, по два квадратных метра на человека. В столовых на лесных участках на обед подается рабочим на первое суп-болтушка мучная, а на второе – каша притирка (сечка). Ясно, что при таком питании рабочий вынужден жить на одном только хлебе, который отпускается по норме 0,6–1 килограмм на работника, и 200–300–500 граммов на члена семьи. Прошу вопрос о снабжении лесных рабочих поставить на коллегии Наркомата. Школ нет, трест на постройку школ денег не имеет, а Главк их не дает. Обеспечение нетрудоспособных Собезом не проводится»⁵.

Условия польской ссылки были таковы, что все трудоспособные от шестнадцати лет (а на практике – с четырнадцати) в принудительном порядке должны были работать в лесу: на заготовке, трелевке, вывозке, подвозке, навалке, свалке, окорке, сплотке, сплаве, выкатке, отводе лесосек, прорубке лесовозных дорог, сжигании прорубочных остатков, чистке рек после молевого сплава и многое др. При этом производственные нормы были в разы

⁴ Государственный архив Архангельской области (далее – ГАО). Ф. 1486. Оп. 2. Д. 188. Л. 45. От Боброва, адресовано начальнику УНКВД АО. (Дано в сокращении.)

⁵ ГАО. Ф. 2333. Оп. 2. Д. 21. Л. 119–121. О выполнении приказа 85 Наркомлеса. Адресовано начальнику Главсевлеса, от 5 июля 1940 г. Срочно. Совершенно секретно. (Дано в сокращении.)

завышены, а расценки труда – занижены, зарплату платили от случая к случаю и не в полном объеме, полки магазинов были пусты. При потере работника кормильца иждивенцы оставались без средств к существованию⁶.

Летом 1940 года число польских спецпереселенцев в СССР резко увеличилось за счет третьей категории. Так, 29 июня из БССР и УССР депортировано 78–79 тыс. польских беженцев, это – евреи, цыгане и польская интеллигенция. Вторая мировая война застала их в западной части Польши. Как «кровные враги арийцев», спасая свои жизни, они бежали на восток, то есть в зону советской оккупации. В Архангельскую область выслано около 15 тыс. польских беженцев. Эти семьи по составу были неравномерными (сравните: цыганский табор с четой интеллигентов). Еще чаще – неполными, ведь при переходе границы с большой долей риска они действовали скрытно и маленькими группами. Таким образом учет семьями, как это было принято в Наркомлесе, по отношению к беженцам стал «жестоким» просчетом.

Из докладной записки управляющего трестом Двинолес от 5 июля 1940 года: «Начинают прибывать семьи рабочих третьей категории. По числу людей эти семьи значительно меньше, чем второй категории, из 515 семей прибывших по три – три с половиной человека в семье. Расселить их будет легче, но по работоспособности состав значительно хуже. В числе прибывших много цыган, остальные – польская интеллигенция. Трест дал указания расселить цыган по несколько семей на разных участках, не помещая их в одно место, а также расселить в глубинных лесоучастках подальше от деревень, чтобы не могли заниматься попрошайничеством, гаданием и просто воровством. Всего нами будет принято 1700 семей»⁷.

Но работать в лесу евреи не желали. Управляющий трестом Двинолес писал об этом так: «Личной проверкой Емцовского леспромхоза мною обнаружены факты сознательного нежелания работать и упорного стремления уклониться от работы в лесу рабочих третьей категории – евреев. Они заявляют: нас должны использовать по специальности, а не на работе в лесу. В нашей конституции сказано: от каждого по способности, каждому по труду. Если бы Ваш Сталин узнал, что нас так используют на работе, Вам бы всем попало. Среди этих рабочих-евреев также широко распространены такие настроения: надо упорнее сопротивляться работе в лесу, тогда нас скорее используют в другом месте и по специальности. Среди рабочих-евреев распространены контрреволюционные разговоры: мы сюда привезены только до осени. Нас завезли

⁶ Подробнее об условиях ссылки см.: *Мельник Т.Ф.* Польские осадники на Пинежье. Чернецкие в Пачихе // Каторга и ссылка на Севере России. Том 1. Польская ссылка. Сборник статей. С-Пб-Архангельск, 2004. С. 200–232; Польские спецпереселенцы в тресте Котласлес. 1940–1941 гг. // Двинская земля. Материалы Стефановских чтений. Котлас, 2002. С. 116–125.

⁷ ГААО. Ф. 2333. Оп. 2. Д. 21. Л. 119–121. Адресовано начальнику Главсевлеса. Совершенно секретно.

сюда по ошибке. Осенью мы поедem обратно в Польшу, а вы из Польши отзовете свою красную армию»⁸.

Евреи «искали справедливости» в Москве, жаловались в Наркомлес: «Обращаем Ваше внимание на антиконституционное ненормальное обращение с беженцами, сосланными без суда с западных областей Украины, которые работают при лесных бараках разъезда Тарза. Люди эти не привыкли к северному климату и вследствие этого часто болеют. Невзирая на болезни, их посылают на работу. Работают в неустановленной одежде, без сапог в болотных местах, кушанье плохое и вдобавок работают больше восьми часов в день, что воспрещено сталинской конституцией, зарплата очень низкая и еле хватит на сухой хлеб. Просим Вас заинтересоваться и восстановить там порядок, и дать людям возможность работать для блага своей новой родины и для строящегося коммунизма. Советские граждане»⁹.

Протест против системы выразился в том, что в 1940 году арестовано польских граждан – 151, из них за контрреволюционный саботаж – 10, антисоветскую агитацию – 32, побегі – 104 человека¹⁰. На 1 апреля 1941 года в Управлении МВД Архангельской области (АО) учтено второй и третьей категорий – 55 931 человек¹¹. Польская ссылка была бессрочной, но длилась не более полутора лет. В связи с начавшейся Великой Отечественной войной политика Сталина в отношении Польши изменилась, и в 1941 году 30 июля был заключен договор о взаимопомощи, а 12 августа – объявлена амнистия «всем польским гражданам, содержащимся ныне в заключении на советской территории в качестве ли военнопленных, или на других достаточных основаниях»¹². Так осадники, лесники и беженцы освобождались из ссылки¹³.

Вслед за амнистией подписано 14 августа 1941 года советско-польское соглашение об образовании польской армии в СССР. Командующий – генерал Владислав Андерс (освобожден из внутренней тюрьмы НКВД на Лубянке) в

⁸ ГААО. Ф. 2333. Оп. 2. Д. 21. Л. 231. От Сергеева, адресовано начальнику Управления НКВД АО, начальнику Главсевлеса, от 24 декабря 1940 г. Секретно. (Дано в сокращении.)

⁹ ГААО. Ф. 4538. Оп. 5. Д. 8. Л. 161. Копия (машинописный текст). Адресовано нарком лесной промышленности, без даты. Там же, л. 162 (препроводительная начальнику леспрохоза «Проверить факты и при подтверждении их принять необходимые меры»).

¹⁰ Сабурова Т. Поляки на Архангельском Севере // Правда Севера, 1999. 14 окт. (Автор – следственный прокурор, член комиссии АО по реабилитации).

¹¹ Радишевская В. Писали жалобы не чернилами, а слезами // Домашняя жизнь, 2006. 15 мая. Со ссылкой на ГААО. Отдел ДСПИ (документов социально-политической истории). Автор – главный специалист отдела.

¹² ГУИПП. Часть II. Сборник. Курск, 1999. С. 390. Указ о предоставлении амнистии польским гражданам...

¹³ Других категорий, «подпадавших» под амнистию, как членов семей репрессированных, военнопленных или ссылопоселенцев в Архангельской области не было, или неизвестно. По воспоминаниям тех, кто оказался в глубинке, они вообще ничего не знали ни про амнистию, ни про Андерса. – Т. М.

сентябре 1941 года начал формировать армию под Саратовом в Татищеве и в Тощке. В Управлении МВД АО на момент амнистии учтено – 50 050 польских граждан. Но для 1312-и человек (из них до шестнадцати лет – 466 человек) выдачу документов задержали по причине «компрометирующих материалов в отношении членов семьи», судьба еще 362-х человек решалась в НКВД¹⁴. В лагерях амнистию применяли только к подсудственным, всего в области освободили поляков – 132, польских евреев – 21, белорусов – 2¹⁵.

Поляки призывного возраста, пройдя медкомиссию, уезжали в пункты формирования воинских частей. Генерал добился увеличения армии до 77 тыс. человек, и в начале 1942 года, когда англичане перекинули часть своих сил со Среднего Востока в Индию для войны с японцами, это место занял 2-й польский корпус¹⁶. Из Красноводска на советских судах поляков переправили в иранский порт Пехлеви. Корпус нес службу в Иране, Ираке, Палестине, Египте, штурмовал Монте-Кассино в Италии. Всюду на его пути оставались польские кладбища, так как никакие лекарства, или еда были не в силах спасти истощенных и ослабленных ссылкой людей. Обоз был невероятно большой – 37272 гражданских лиц, в том числе более 7 тыс. детей¹⁷.

Те, кто не подлежал призыву, в условиях войны не могли вернуться домой, но и оставаться в местах ссылки не желали. Из Облисполкома и Обкома просили местное руководство разъяснять полякам указ об амнистии и «помогать органам НКВД в его реализации». Рекомендовали оказывать содействие польским гражданам в устройстве на работу, предоставлять жилплощадь (семьям военнослужащих в первую очередь), улучшать питание, особенно овощами (в глубинку завозить водным путем), ликвидировать скученность (строить новое жилье и ремонтировать старое), привести в полный порядок прачечные, сушилки для одежды, бани, чтобы каждый мог мыться не реже одного раза в неделю и др.¹⁸ Могли ли эти посулы удержать освобожденных, когда в удостоверении написано: «Амнистирован, как польский гражданин, имеет право свободного проживания на территории СССР за исключением пограничной полосы, запретных зон, местностей объявленных на особом положении и режимных городов

¹⁴ Радишевская В. Писали жалобы не чернилами, а слезами // Домашняя жизнь, 2006. 15 мая. Со ссылкой на справку из прокуратуры АО. Адресовано секретарю Обкома. О выполнении приказа об амнистии польских граждан, данные на 1 октября 1941 г.

¹⁵ Сабурова Т. Депортированные поляки на Архангельском Севере (по материалам следственных дел КГБ–ФСБ) // Каторга и ссылка на Севере России. Том 3. Архангельск, ПГУ, 2008. С. 195.

¹⁶ <http://katyn.ru/index.php?go=Pages&in=view&id=717> Правда о Катыни / интернет-сайт «Третий путь», 2006.

¹⁷ Всего – 114 462 человека. Сведения из польских источников (любезно сообщил Збигнев Недзведский).

¹⁸ ГААО. Отдел ДСПИ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 920. Л. 18–19. Постановление совместного бюро от 21 августа 1941 г., подписано секретарем Обкома Огородниковым, председателем Облисполкома Огарковым.

первой и второй категорий»¹⁹. В 1940 году польских граждан организованно водворяли и транспортировали, а сейчас намеренно затягивали выдачу документов до осенней распутицы, изо всех сил препятствуя отъезду: не начисляли денежного расчета, не обеспечивали продуктами на дорогу, не давали лошадей доехать до станции, запрещали рубить лес на плоты. Но польские граждане все равно большими партиями уезжали, а из таежной глубинки уплывали на плотах по притокам Северной Двины к железной дороге в Архангельске²⁰. Те, кто до наступления зимы не успел достичь цели, работали в райцентрах и колхозах области на правах вольнонаемных. Их дальнейшая судьба зависела от отношений СССР и эмиграционного Польши.

Дипломатические отношения между странами из-за отхода армии Андерса охладели и были прерваны 25 апреля 1943 года, когда немцы «обнаружили Катынь». Работа по амнистии остановлена, на оставшихся в СССР поляков началось давление: в ходе паспортизации их принуждали принимать гражданство СССР. В Архангельской области подвергнут – 731 человек, из них гражданами СССР стали – 303, остальные арестованы за проживание без паспорта или по другим статьям²¹. Весной 1944 года в СССР оформилась, наконец, Первая польская армия, был создан Союз Польских патриотов. Это коренным образом изменило судьбу оставшихся. Официально их называли эвакуополяками²², или «эвакуированными в тыловые районы СССР из Западных областей Украины и Белоруссии». В 1944 году 5 апреля в СНК СССР принято Постановление «О переселении поляков из неблагоприятных по климатическим условиям районов Архангельской области в южные районы СССР»²³. Процесс переселения назван реэвакуацией – «возвратом на старые базы эвакуированных предприятий, кадров, материальных средств».

В мае–июле 1944 года из Архангельской области отправлено пятью эшелонами и одним пассажирским поездом польских граждан – 6 091 (в том числе подопечные дома инвалидов и дети двух детских домов²⁴). Основную массу

¹⁹ Фонд АОКМ. Д. 1872. Удостоверение Невинской Марии Карловны (род. 1897) от 6 сентября 1941 г.

²⁰ Подробнее об отъезде см.: Mielnik T. Polacy w obwodzie Archangielskim po amnestii 12 sierpnia 1941 r. // *My, sybiryacy*. Łódź, Polska, 2008. № 19. С. 5–28.

²¹ Сабурова Т. Поляки на Архангельском Севере // *Правда Севера*. 1999. 14 окт.

²² Термин «эвакуополяки» (также: поляки, польские граждане, польское население) применим к советским гражданам польской национальности; к полякам, проживавшим в довоенной Польше; к польским гражданам других национальностей, проживавшим на территориях, оккупированных красной армией.

²³ ГААО. Ф. 1133. Оп. 2. Д. 6. Л. 9. Упомянуто в приложении к решению Облисполкома от 21 апр. 1944 г.

²⁴ Подробнее о детях см.: Мельник Т. Высланные на Север польские дети // *Независимое обозрение*, 2004. № 4–5; Рябовский детский дом в Тесовой // *Семантика и прагматика слова и текста. Поморский текст. Сборник научных статей*. Архангельск, ПГУ Северодвинский филиал, 2010. С. 56–62.

увезли на Украину в совхозы наркомата пищевой промышленности и один эшелон от 2 июня 1944 года отправлен в Саратовскую область – 985 человек. Хотя планировалось – 1 290 человек, но более трехсот человек из «глухих» лесопунктов из-за весеннего разлива рек опоздали к поезду²⁵.

Планируемое количество для отправки возросло «значительно», за счет освобождаемых польских граждан «других контингентов» – заключенных из лагерей и мобилизованных из трудовых строительных батальонов. Но они – те же самые бывшие рабочие второй и третьей категорий, которые в лагерях оказались во время ссылки, а в батальонах – после амнистии. Батальоны сформировали из тех, кто при мобилизации признан «неблагонадежным элементом». Из Архангельского военного округа (АрхВО) «польские» батальоны на определенных условиях были переданы в лесные предприятия области для трудового использования. По справке от 11 мая 1944 года известно, что «бывшие польские граждане, находящиеся в Архангельской области, в том числе призванные военкоматами в стройбатальоны, подлежат переселению в Саратовскую область»²⁶. Видимо туда их и вывезли, но сколько – неизвестно. Так из Архангельской области были отправлены «все» польские граждане, кроме пятидесяти-шестидесяти человек, которые «сами лично категорически» отказались от выезда и остались работать на прежних местах²⁷. Оказывается, были и такие. Больше полутора лет поляки работали в «освобожденных районах СССР, восстанавливая разрушенное войной хозяйство». В начале 1946 года их репатриировали в Польшу.

Репатриация – возвращение на родину военнопленных и гражданских лиц, оказавшихся за ее пределами вследствие войны. Расформировали и армию Андерса, но многие остались на чужбине: в странах Западной Европы, Австралии. А те, кто вернулись, не возрадовались. Так, в апреле 1951 года в родную Беларусь по репатриации из Англии вернулись солдаты польского происхождения – 4520 человек. Их насильственно лишили имущества еще раз и вместе с семьями выслали на спецпоселение в Казахстан, Сибирь и другие отдаленные районы. Заставили дать расписку в том, что решением Совета Министров СССР «оставлены на спецпоселении навечно». Попытка бегства каралась двадцатью годами каторжных работ. В 1957 году в период «оттепели» им разрешили вернуться на родину, но конфискованную и разворованную собственность никто не вернул до сих пор²⁸.

²⁵ Подробнее о реэвакуации см.: Мельник Т.Ф. Поляки в тайге // Двина. № 4. 2002. С. 20–26.

²⁶ ГАО. Ф. 1132. Оп. 2. Д. 6. Л. 10. От начальника ОТСП НКВД СССР полковника госбезопасности Кузнецова. Адресовано начальнику управления НКВД АО от 11 мая 1944 г.

²⁷ ГАО. Ф. 1133. Оп. 2. Д. 6. Л. 25–26. По сведениям Облисполкома из отчета Кузнецова.

²⁸ <http://katyn.ru/index.php?go=Pages&in=view&id=717> Правда о Катыни / интернет-сайт «Третий путь», 2006.

В Архангельской области для осадников, лесников и беженцев действовал 131 польский спецпоселок, большинства из которых на картах даже не обозначено, а сейчас уже стерто с лица земли. Вместе с поселками исчезают и польские кладбища: ограждения сгнили, кресты упали, холмики сравнялись с землей – все «поглощает» северная тайга²⁹. В местах ссылки в непривычном климате поляки умирали от голода, холода, болезней, эпидемий. Сколько их похоронено в северной земле – неизвестно.

Мобилизация эстонцев в августе 1941 года. В 1940 года 21 июля в Эстонии установлена советская власть, 6 августа – провозглашена Эстонская союзная республика в составе СССР. Этот факт оценен мировым сообществом, как аннексия со стороны СССР. Советская граница на запад была расширена после тайных сговоров Сталина и Гитлера. Сначала эстонцев принудили разместить на своей территории советские гарнизоны и заключить договор о взаимопомощи, потом заставили сменить руководство и ввели дополнительный контингент советских войск. В стране началась повсеместная советизация, проводимая жестокими репрессивными мерами: насильственной коллективизацией, ускоренной национализацией, разгромом интеллигенции. Как следствие такой политики – острая ненависть эстонцев по отношению к СССР, компартии, советской власти и народу. В связи с начавшейся Великой Отечественной войной 26 июня 1941 года в Эстонской ССР объявлен призыв в рабоче-крестьянскую красную армию (РККА) мужского населения 1907–1918 годов рождения. Мобилизация велась спешно, в начале июля 1941 года немецко-фашистские войска уже вторглись в Эстонию, вся ее материковая часть к 5 сентября была уже оккупирована³⁰.

Призыв в РККА эстонцы «саботировали», десятки и сотни фактов разбоев, открытых нападений на воинский комсостав, должностных лиц, представителей НКВД³¹. «Реакционно-настроенный элемент» не заслуживал политического доверия, поэтому был направлен не на огневые рубежи, а в глубокий тыл. За десять дней призыва успели мобилизовать и вывезти за пределы республики на восток около 40 тыс. человек³². Физически здоровым рослым эстонцам в расцвете сил нашли применение в качестве рабсилы. Так вместо армии действующей они оказались в армии трудовой.

Из эстонских красноармейцев (бойцов) сформировали воинские части, распределили их по военным округам наркомата обороны СССР. Трудовая армия подразделялась на многие части: батальоны (рабочие, строительные, строительные рабочие, отдельные строительные, отдельные строительные рабочие)

²⁹ Подробнее об экспедициях автора на места захоронений в Пинежском, Устьянском районах см.: Мельник Т. О польских захоронениях в Архангельской области // Rodaku (Хакасия), 2010. № 50. С. 28–29.

³⁰ Великая Отечественная война. Энциклопедия. М., 1985. С. 819.

³¹ ГААО. Ф. 5219. Оп. 1. Д. 33. Л. 50.

³² Мельник Т.Ф. Эстонские рабочие колонны // Карта (Рязань). 2003. № 36–37. С. 136.

и колонны (строительные рабочие, отдельные рабочие, отдельные строительные рабочие). С 6 октября 1941 года эстонские части переведены на полный хозрасчет, понятие «батальон» упразднено, введено единое название – рабочие колонны (РК). Рабочая колонна – это воинская часть в подчинении командующего военного округа, во главе – начальник колонны комсостава РККА. Лимит: бойцов – 1000, офицеров – 9, сержантов – 24, вольнонаемных – 38. В колонне несколько отрядов (по 100–120 человек) под командованием комиссаров и политруков. В отряде – взводы и отделения под командованием младшего комсостава РККА³³. Положение бойцов казарменное, покинуть расположение части без увольнительной записки комиссара нельзя, смена части по разрешению начальника колонны. Из военных округов эстонские части на договорной основе переданы на строительство аэродромов и дорог при СНК СССР и в систему Наркомата Леса в Главлесосбыт и Главсевлес. При этом заработная плата предусмотрена по единым сдельным расценкам, за вычетом стоимости котлового довольствия и налогов, как для граждан СССР, не состоящих на действительной военной службе.

В «Списках эстонцев, мобилизованных летом 1940 года в трудовую армию и направленных в рабочие колонны в Архангельскую область»³⁴ есть данные на 4 586 человек: фамилия, имя, дата и место рождения, дата и район мобилизации в РККА, номер батальона или колонны и место дислокации, воинская специальность и служба в Эстонском корпусе. Данные собраны эстонской общественной организацией ветеранов «Мemento» (2007 год), при этом официальные именные списки, как «мобилизационных» в Эстонии, или «повагонных» при транспортировке, или бойцов АрхВО – не выявлены.

По «мементовским» данным известна подробная дислокация и место службы (работы) более 4,5 тыс. эстонцев. Дислокация зависела от важности объекта в условиях военного времени. Так, эстонцы находились в половине районов Архангельской области, но крупные партии были сосредоточены в морском торговом порту (Архангельск, Молотовск), на ремонте судов и выпуске оборонной продукции (завод Красная кузница в Архангельске, машиностроительный завод в Лименде Котласского района, завод-402 в Молотовске), на строительстве автодороги для охраны беломорского побережья (Пинежский и Мезенский районы), на заготовке и сплаве леса (Вельский, Виноградовский, Котласский, Ленский районы и др.), на строительстве площадок под аэродромы, комбинаты (Байка, Черняги и Коряжма Котласского района). В военное время в тылу производственные планы, несмотря на нехватку кадров («все

³³ Монахова С.Л. Трудармия периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: эффективность ее использования // Поморский летописец. Архангельск, ПГУ, 2009. Выпуск 2. С. 293. За отсутствием младшего состава РККА – владеющие русским языком прапорщики, капралы или унтеры бывшей эстонской армии.

³⁴ ГАО. Отдел ДСПИ. Ф. 8660. Оп. 6. Д. 96. Списки (147 листов, на эст. яз.) переданы Татьяне Мельник из организации ветеранов в 2008 году, сданы в архив.

ушли на фронт»), не снижены, а наоборот, повышены (под призывом «всё для фронта»). Так что прибытие в Архангельскую область тысяч единиц «здоровой мужской рабсилы стало «спасением» для поддержания работы и лесной отрасли, и промышленности.

На оборонном строительстве в четырех районах области (Котласский, Сольвычегодский, Пинежский, Мезенский) на 10 сентября 1941 года занято около 9 тыс. эстонцев отдельных строительных батальонов. Но положение здесь сложилось, явно, «ненормальное»: обмундирования нет, личная легкая одежда изнашивалась и непригодна для земляных работ (бойцы полураздеты, босы, простужены), питание не организовано (бойцы голодны и больны дизентерией). В то же время политработники и командиры пьянствовали, «совершая уголовные преступления». Они вообще не пользовались у бойцов авторитетом: не обеспечены армейской формой, не снабжены оружием. В батальонах слабела дисциплина, и росло недовольство. На 10 сентября 1940 в бегах находилось около ста человек. Но в нужном направлении невозможно уйти, не зная русского языка, без теплой одежды и продуктов питания. Задержанные оправдывались на допросах тем, что «все равно пропадать и замерзать, а если убежишь, есть надежда пробраться домой и спасти жизнь». Для «усиления чекистского наблюдения» в эстонские батальоны прибыли особы НКВД. Для выявления «явно враждебных элементов» создана тройка из членов Военного Совета, Политуправления и Особого отдела НКВД АрхВО. За «контрреволюционную террористическую» деятельность в арестовано четырнадцать эстонцев. Командиры батальонов наказаны. Приняты меры по улучшению питания, снабжению одеждой и обувью³⁵.

В Архангельском торговом порту для приема грузов союзных конвоев было необходимо реконструировать и оснастить все участки порта, причем, в то время, когда основная масса кадровых портовиков (семьдесят процентов) была мобилизована на фронт. Распоряжением наркома обороны СССР с ноября 1941 года из АрхВО в порт начали поступать эстонские колонны: на участок Бакарица (по решению ГКО СССР от 9 ноября 1941 года) РК-1154 – 970 человек, РК-1155 – 978 человек, РК-1310 – 996 человек; на Бакарицу и Экономия для строительных работ (по решению наркома обороны СССР от 23 января 1942 года) РК-1110 – около 1 тыс. человек; на вновь созданный участок в Молотовск (по решению ГКО СССР от 12 марта 1942 года) РК-2290 – 1001 человек и РК-2291 – 210 человек; в Исакогорку (в феврале 1942 года) РК-857 – более 700 человек. Основной вид работ – переработка грузов. В феврале 1942 года работало в порту механизаторов,

³⁵ ГААО. Отдел ДСПИ. Ф. 296 «Докладные записки в ЦК ВКП (б) и СНК СССР по вопросам деятельности». Оп. 1. Д. 889. Л. 35–40 «О положении в строительных батальонах, сформированных из эстонцев». Адресовано Шамбенргу в ЦК ВКП (б), от 15 сент. 1941 г. Совершенно секретно.

грузчиков, плотников, шоферов, монтажников – 7135 эстонцев, в хозяйственной службе – 593³⁶.

В Котласские лесозаготовительные и лесосплавные предприятия Наркомлеса передано из АрхВО более 4 тыс. эстонцев. На 1 января 1942 года в Спецкотласстрое Главлесосбыта занято: на стройплощадке Черняги РК-109 – 304 человека, на стройплощадке Байка и Коряжма РК-110 – 885; в Котласлесе Главсевлеса: в Красноборском леспромхозе РК-111 – 1558, в Нюбском мехлеспункте РК-112 – 579, в Удимском мехлеспункте – 704³⁷. Но не факт, что все работали. На лесоповале, например, бойцы саботировали, «портили» одежду, обувь, инструменты. Производительность труда была крайне низкой с первых дней (полкубометра на человека в день), заработка не хватало даже на питание. По результатам октября управляющий опасался, что бойцы, не дадут продукции государству, но «съедят все фонды треста». Отборный состав рабочих он называл «весьма ненадежным элементом», а создавшееся положение – странным, даже «диким». Ведь в Котласлесе работало еще две тысячи эвакуированных, и они обеспечивали питанием и одеждой себя, и свои семьи в три-пять человек³⁸.

Осенью 1941 года эстонские красноармейцы, вооруженные лопатами и топорами, были «брошены» на стратегически важный объект – строительство автодороги для обеспечения охраны беломорского побережья. Передвигались по тайболе (тайга-болото, поморское название местности) вслед за дорогой, останавливаясь на ночлег в деревенских избах, церквях или прямо в тайге.

В Пинежском районе дислоцировалась РК-858 – более 800 человек. Разрушенные временем следы их пребывания видны в Игнашино на реке Олме: три барака с рядами двухъярусных нар, пекарня, кухня-столовая с окошечком для раздачи пищи, баня по-черному, обвалившиеся землянки, хозяйственные постройки и упавшая сторожевая вышка. На участках Вёшкома-Пинега и Кулой-Олма эстонцы поработали качественно: вдоль дороги проложены кюветы, через речки переброшены мосты. В Пинеге «эстонский» деревянный мост обветшал, но все еще эксплуатируется³⁹. В Мезенском районе эстонцы провели изыскательные работы, выбрали для дороги места посуше и повыше, сделали лежневку, построили мосты. Дорога «сработана» грамотна, ею пользуются до сих пор и называют «эстонской». Старожилы из Кимжи рассказывали, что когда дорога дошла до их деревни, эстонцев разместили в церкви и развели по всем избам, человек по десять, ночевали даже в одной комнате с хозяевами. Местные жители смотрели на них с интересом: высокие, крупные,

³⁶ Монахова С.Л. Рабочие колонны и Архангельский торговый порт в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. // Флот и победа. Архангельск, 2004. С. 117.

³⁷ ГААО. Ф. 5219. Оп. 1. Д. 32. Л. 212; Д. 33. Л. 36, 41.

³⁸ Мельник Т.Ф. Рабочие колонны эстонцев в тресте Котласлес (октябрь 1941 – май 1942 гг.) // Двинская земля. Котлас, 2002. Выпуск 1. С. 127.

³⁹ Данилова Г.А. Пинега. Архангельск, Правда Севера, 2009. С. 393–398.

в шерстяных пиджаках и жилетках, ботинки на высоких каблуках с застежками. Немногие в армейских фуфайках, но форма была им мала, гимнастерки «до локтей». Да и обувь тесна, кое-кому одолжили кимженские бахилы (поморская обувь)⁴⁰.

Несмотря на добрую память об эстонских дорожниках положение трудармейцев в Архангельской области повсюду оказалось критическим: скученное расселение (до дебаркадеров), необеспеченность питанием и обмундированием, неоказание медицинской помощи и др. Бедственное положение в колоннах сложилось не только из-за повального дефицита в условиях войны, но и по причине конфликта между командованием АрхВО и руководством Наркомлесом, которые перекладывали ответственность друг на друга. В результате саботаж, игнорирование работ, голод, эпидемии и смертность. Несостоятельность идеи использовать труд неблагонадежных в тылу «привела» к поэтапному расформированию эстонских рабочих колонн.

В январе 1942 года распоряжением командующего штабом РККА колонны расформированы. Это был момент, когда велось «укомплектование» воинских частей для проведения операций по окружению и разгрому главных сил вражеских групп армий «Центр», освобождению Донбасса и Крыма, прорыва блокады Ленинграда и др.⁴¹ Из рабочих колонн приказано изъять весь начальствующий состав и благонадежных рядовых до сорока пяти лет годных к строевой службе. Негодных по состоянию здоровья и политико-моральным причинам – демобилизовать и отправить по месту жительства. В области медицинские комиссии работали в усиленном режиме, к концу января 1942 года отобрано для Эстонской дивизии – 2290 человек и начаты отправки к новому месту службы. Большая часть эстонцев вскоре убыла из области, но «забракованных» отправлять было некуда – Прибалтика оккупирована фашистами. Поэтому их не демобилизовали, а еще раз свели на местах в колонны. Так, в Котласлесе на 10 марта 1942 года в трех рабочих колоннах (РК-111, РК-112, РК-113) – 620 человек, причем, не выходило на работы – 592. По словам управляющего трестом, половина из них «морально разложившихся», только состоят на снабжении и занимают помещения⁴².

Постановлением ГКО СССР от 10 апреля 1942 года предписано в целях «комплектования войсковых строевых частей» изъять из рабочих колонн весь старший, средний и младший начальствующий состав (за исключением колонн в системе НКВД) и рядовой состав, годный к строевой службе до сорока

⁴⁰ Доморощенин С.Н. Эстонская дорога // Неоконченный спор. Мезень-Архангельск, 1995. С. 52–54.

⁴¹ Великая Отечественная война Советского Союза. Краткая история. М., Воениздат, 1984. С. 125.

⁴² Мельник Т.Ф. Эстонские рабочие колонны (октябрь 1941 – май 1942) // Карта. 2003. № 36–37. С. 139.

пяти лет⁴³. С 10 апреля 1942 года приказом командующего АрхВО прекращено формирование и передача колонн гражданским наркоматам⁴⁴.

Так в апреле 1942 года еще часть эстонцев была отправлена на фронт. Остались негодные к службе по политико-моральному состоянию, но годные к труду. Эту категорию приказом наркома обороны СССР от 5 апреля 1942 года перевели на персональный воинский учет, и на период войны «закрепили» за предприятиями на условиях действующего трудового законодательства. В райвоенкомате по Котласлесу в трех колоннах учтено – 1234 человека, по актам и именованным спискам их передали назад в Котласлес. Больше половины «контингента» состояло на особом учете НКВД, как «судившиеся по ст. 58 за контрреволюцию» или возвращенные по разным мотивам из действующей армии. В апреле 1942 года за Котласлесом в трех колоннах «закреплено» – 634 эстонца⁴⁵.

Нет официальных сведений общего числа эстонцев, мобилизованных в Архангельскую область (не менее 17 тыс. человек), отправленных на фронт, демобилизованных, умерших. Не выяснена судьба оставшихся. Неизвестны места захоронений. Формально эстонцы не были репрессированы, оговорено в документах, что на мобилизованных в рабочие колонны распространяется действие «всего комплекса» советского трудового, гражданского и уголовного законодательства. Это далеко не так. Эстонцы были лишены свободы передвижения (отлучки из мест дислокации приравнялись к дезертирству с поля боя с вытекающими правовыми последствиями), у них были отображены паспорта и военные билеты (на случай побегов). Условия содержания, быта, необеспеченность, неорганизованность работ, отношение командного состава к бойцам – все напоминает характер и режим сталинских ссылок и лагерей, через которые они прошли. Многим это стоило жизни. У эстонцев не было трудового настроя и моральных стимулов к труду. Повинны в этом и командиры, которые скомпрометировали себя диктатом, пьянством, рвачеством. А за саботаж и дезертирство эстонцы «ответили» по всей строгости советских законов (аресты и лагеря). Политика советского правительства в отношении эстонского народа оказалась губительной, и кроме разлуки с близкими, принесла страдания, болезни, смерть. Многие после войны, опасаясь преследования со стороны советских властей, не вернулись домой, эмигрировали, предпочтя просоветской родине страны Западной Европы, США, Канаду, Австралию (по «ментовским» данным). Тема эстонских рабо-

⁴³ ГААО. Ф. 5219. Оп. 1. Д. 33. Л. 88.

⁴⁴ На основании Постановления ГКО СССР от 21 марта 1942 г. и приказа Наркома Обороны СССР от 5 апреля 1942 г. См.: Монахова С. Л. Трудармия периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: эффективность ее использования // Поморский летописец. Архангельск, ПГУ, 2009. Выпуск 2. С. 294. Обеспечение рабочей силой отныне возложено на местные исполкомы.

⁴⁵ Мельник Т.Ф. Эстонские рабочие колонны (октябрь 1941 – май 1942) // Карта. 2003. № 36–37. С. 139.

чих колонн долгое время была под негласным запретом, архивные документы засекречены. До сих пор историография отсутствует или неизвестна. В 1990-е годы режим секретности снят, у эстонцев появилась возможность узнать о судьбе своих пропавших родных через ведомственные архивы, приехать в Архангельскую область, чтобы создать документальный фильм (про РК-113 в Котласском районе, канадское телевидение, 2004 год), почтить память соотечественников (Пинега-Мезень-Кимжа, 2008 год).

Эвакуация карело-финнов в 1942 году. В 1939 году 23 августа Сталин и Гитлер заключили мирный договор, «поделив» всю Европу сверху вниз по меридиану на зоны влияния и сферы интересов: в СССР – половину Польши и Бессарабию, Эстонию, Латвию, Литву. (Все, что западнее – сфера Гитлера.) Но Сталину, чтобы отодвинуть границу от Ленинграда, была нужна еще Финляндия. Так, в 1939 году 30 ноября войска красной армии пересекли границу. Население всей Финляндии меньше, чем жителей Ленинграда, но «финская кампания» оказалась для СССР очень кровопролитной – 150 тыс. погибших (по официальным данным убитых – 50 тыс. человек, раненых – 160 тыс.)⁴⁶. Сталин 12 марта 1940 года, неожиданно для всех, заключил с Финляндией поспешный мир. По условиям мирного договора стороны обменялись военнопленными. В Финляндию передано финских военнослужащих – 986 человек, а в СССР – около 25 тыс. красноармейцев. Сразу после обмена в апреле 1940 года всех советских пленных, как изменников родины, погрузили в вагоны и отправили в лагеря на Крайний Север. Есть сведения, что в Архангельской области содержалось – 10 тыс. человек, мало кто из них выжил. Семьи военнопленных, как ЧСИР (член семьи изменника родины), в том же году оперативно высланы из крупных городов на поселения в отдаленные районы⁴⁷.

В 1940 году Карело-Финская Социалистическая республика стала шестнадцатой республикой СССР (до 1956 года, когда введена в состав РСФСР, как Карельская Автономная ССР). В начале Великой Отечественной войны 26 августа 1941 года Военным Советом Ленинградского фронта принято Постановление об эвакуации финского населения вглубь СССР. Но переселить всех сразу не удалось, поэтому в марте 1942 года принято второе решение о высылке оставшихся финнов в Иркутскую область, Якутскую АССР, Красноярский край⁴⁸. Архангельская область нигде не обозначена и исследований по данной теме нет. Но документы в областном архиве есть.

Так, в марте 1942 года на принудительной работе в тресте Севтранлес содержались трудпоселенцы, «эвакуированные из Карело-Финской АССР». Об этом известно из архивных материалов обследования пяти спецпоселков

⁴⁶ Завернин А., Солков А. Эхо «зимней войны» // Архангельск, 2000, 14 янв.

⁴⁷ Грачев С. Советско-финская война 1939–1940 гг. // Вестник, 1999. 16 февр. № 4.

⁴⁸ Горунович А.Н. Репрессированные финны в Коми АССР // Политические репрессии и сопротивление несвободе. Материалы научной конференции. Сыктывкар, 2009. С. 55. Со ссылкой на статью Бугая Н. Ф.

Плесецкого лестрансхоза: Березовое, Глубоковский, Ижошка, Перекоп и 71-й квартал. В этих поселках находилось, как минимум, пятьсот карело-финнов (западные карелы). Так, в поселке Березовое – 113 человек, из них рабочих – 82, не выходят на работу из-за отсутствия одежды и обуви – 38. Технические нормы выполняют на тридцать процентов, средний заработок – восемьдесят рублей в месяц. Жилая площадь полтора–два квадратных метра на человека, в комнате по три–четыре семьи. Нет колодца и водоема – «таят снег». Нет помойных ям около домов, помои выливают около бараков, ящики с мусором переполнены. Нет хозяйственного инвентаря: столов, табуреток, ковшей, умывальников, ведер, набивочных материалов. Нет керосина, комнаты освещают лучиной или сидят в темноте. Через стены помещений в некоторых местах виден свет на улицу. Продукты питания получают в общественных столовых, но там готовят «один мучной суп». В Глубоковском «закладка» на одну порцию супа – 24 грамма муки. В магазине нет соли, спичек, керосина, мыла – ничего, кроме хлеба. Одежда не выдается, рукавиц и портянок в продаже нет. Нет фондов продуктов для детей. Дети не посещают школу, так как не имеют одежды и обуви. Дети и взрослые истощенные и опухшие. Все эти эвакуировавшиеся часто болеют, много смертных случаев. В течение двух месяцев «смертность достигает пяти процентов». Изолировать больных нет возможности, так как в лесопункте нет изолятора и стационара. В больнице Ижошки двадцать пять коек, изолятора нет, отдельного помещения для амбулатории нет. И нет «трупного покоя», из-за чего трупы складываются, где попало. На стационарном лечении – 21 человек, продукты для них Леспродторг не отпускает, не снабжает даже хлебом. В Перекопе нет дров, поэтому баня не работает по две–три недели, вшивость. На лесопункте 71-го квартала люди не обеспечены водой⁴⁹. Начальник лестрансхоза оправдывался тем, что «эвакуированные не хотят наводить чистоту и порядок в своих квартирах, а коменданты трудпоселков с них этого не требуют. Безусловно, если сами хозяева квартир не наведут порядок, то и квартиры будут плохие»⁵⁰. Содержать семьи с детьми в условиях, приводящих к смерти – это преступление.

Тяжелое положение карело-финн обсуждали на заседаниях Плесецкого райисполкома. Решили, что необходимо: 1) Каждую эвакуированную семью обеспечить отдельными квартирами, постельными принадлежностями, водоснабжением, бесплатным топливом, улучшенным питанием (за счет подсобных хозяйств предприятий и наличия продуктов в колхозах, дать возможность приобретать молоко у колхозников и с молочно-товарных ферм, если у них

⁴⁹ ГААО. Ф. 4931. Оп. 1. Д. 6 «Переписка с трестом по трудиспользованию и бытовому обслуживанию спецпереселенцев». Л. 3. От Фомичева. Адресовано Боричеву в Отдел трудовых использований Управления НКВД АО и Михееву в Управление по эвакуированным АО, от 16 марта 1942 г. (Дано почти дословно).

⁵⁰ ГААО. Ф. 4931. Оп. 1. Д. 6 Л. 5. Боричеву от Фомина от 22 мая 1942 г. (из ежеквартальных сведений о трудпереселенцах).

выполнены обязательства перед государством). 2) Временно бесплатно поместить детей в детские учреждения, где их нет – организовать и обеспечить необходимый уход за детьми. 3) Организовать массово-политическую работу среди эвакуированного населения, подобрав из его среды актив, особо обратить внимание на работу с карело-финнами, слабо владеющими русским языком. Обеспечить на этой основе активное их вовлечение в производственную и общественную жизнь. 4) Обеспечить охват и посещение школ всеми детьми школьного возраста, организовать подвоз в школу проживающих отдаленно детей за счет средств предприятий и колхозов. 5) Особо нуждающимся семьям эвакуированных выдавать за счет предприятий единовременное денежное пособие в размере до ста рублей на семью, в колхозах организовать эту помощь в порядке финансирования. 6) Производить в столовых отпуск обедов в «пределах потребности», а не одной порцией на семью, как в столовой Плесецкого лесозавода. 7) Обеспечить продажу для удовлетворения потребности в обуви, одежде, особо для детей⁵¹.

Об эвакуации карело-финнов в Архангельскую область информация скудная, неизвестно: как, когда, сколько. При этом слово «эвакуированные» во все небезобидное (сравните: эвакуоляки, реэвакуация). Учитывая условия содержания карело-финнов на спецпоселении вполне допустимо, что эта эвакуация была проведена насильственными действиями. В то же время есть сведения, что в 1941–1942 годах в связи с военными действиями на территории Карело-Финской ССР большая часть трудпоселенцев (свыше 25 тыс. человек) эвакуирована в тыловые области СССР, преимущественно в Архангельскую область – около 8 тыс. человек⁵². Подробности неизвестны.

Мобилизация этнических немцев в 1943 году, интернирование немецких граждан весной 1945 года, ссылка репатриантов-«фольксдойче» в декабре 1945 года. На основании целого ряда постановлений советского руководства осенью 1941 г. была произведена депортация этнических немцев с территорий европейской части СССР (Поволжья, Крыма, Украины, Северного Кавказа, Закавказья и др.) в Сибирь, Казахстан и Среднюю Азию. Всего с сентября 1941 г. по 1 января 1942 г. 344 эшелонами было перевезено 856,2 тыс. немцев⁵³.

⁵¹ Ермолин А. «Война – жесточе нету слова!» // Плесецкие новости, 2005. 29 март. Из протоколов заседаний Плесецкого райисполкома по документам Плесецкого архива, без даты. (Дано близко к тексту.)

⁵² Вавулинская Л.И. Спецпереселенцы (бывшие кулаки) в Карелии в 1944–1947 гг. // Политические репрессии и сопротивление несвободе. Сыктывкар, 2009. С. 33. В марте 1944 г. в ходе реорганизации НКВД образован отдел спецпоселений НКВД СССР вне системы ГУЛАГа НКВД, все-таки, несмотря на ограничения, спецпереселенцы не были заключенными, и распространение на них режима исправительно-трудовых лагерей оказалось нецелесообразным. В том же году проведены массовые национальные депортации. Термин *трудпоселенцы* упразднен, высланные стали *спецпереселенцами* (спецпоселенцами).

⁵³ См.: Герман А.А., Курочкин А.Н. Немцы СССР в «трудовой армии» (1941–1945 гг.). М.: Готика, 1998. С. 37.

В 1942–1943 гг. в результате нескольких массовых мобилизаций, почти все трудоспособные советские немцы обоих полов оказались в трудовой армии, причём больше половины из них – на объектах ГУЛАГа⁵⁴.

Так, 29 мая в поселок Ворошиловский Архангельской области (ныне город Новодвинск) из Кустанайской области доставлено – 630 мобилизованных немцев, в июне–июле – еще две группы из Павлодарской и Семипалатинской областей (нет данных)⁵⁵, но всего учтено в июле 1943 года – 744, в январе 1945 года – 373 человека⁵⁶. В 1946 году всех (около 850 немцев) перевели в разряд спецпереселенцев и переселили из лагерных бараков в общежития поселка, но без права выезда за его пределы. Женщины смирились со своим положением, и со временем обзавелись семьями⁵⁷. Принудительный труд мобилизованных использовался на Архангельском целлюлозно-бумажном комбинате. В 1939 году под его строительство был организован исправительно-трудовой лагерь НКВД Архбумстрой (с числом заключенных – 7900 человек), действовал по ноябрь 1944 года⁵⁸. Характер производственной деятельности: подсобные работы на строительстве комбината, сульфатно-спиртового завода, завода пороховой целлюлозы и др.

В Архангельской области труд мобилизованных немцев использовался и в лесных трестах. Так, управляющему Котласлесом сообщалось письмом: «В соответствии с указаниями Наркомлеса СССР ежемесячно с 15 декабря 1943 года представлять в местные органы НКВД сведения о численности и движении контингента мобилизованных немцев, немцев, работающих на предприятиях, копию направлять в Главсевлес. По каждому факту дезертирства мобилизованных в день его совершения, специально доносить местным органам НКВД с указанием полных установленных данных о бежавшем, его местожительства до мобилизации»⁵⁹. Меры принимались в целях предупреждения побегов. Количество мобилизованных в тресте не установлено. Видимо и сами управляющие не знали, сколько у них рабочих, так как запрашивали данные в каждом пункте. Из Сендугского мехлеспункта ответили: «Мобилизованных немцев и немцев не имеется, а имеются немцы привоза 1930 и 1934 годов, если нужны сведения на них, сообщите»⁶⁰.

⁵⁴ См.: Там же. С. 45–69.

⁵⁵ Петухова С.В., Аксеновская В.В. Из истории переселения российских немцев (новодвинские немцы) // Поморский летописец. Архангельск, ПГУ, 2009. Выпуск 2. С. 253.

⁵⁶ См.: Герман А.А., Курочкин А.Н. Немцы СССР в «трудовой армии». С. 165.

⁵⁷ Петухова С.В., Аксеновская В.В. Из истории переселения российских немцев (новодвинские немцы) / Поморский летописец. Архангельск, ПГУ, 2009. Выпуск 2. С. 255.

⁵⁸ Упадышев Н.В. ГУЛАГ на Архангельском Севере: 1919–1953 гг. Монография. Архангельск, ПГУ, 2004. С. 175. Со ссылкой на ГАРФ. В феврале 1942 года Архбумлаг ликвидирован и в декабре 1942 г. организован вновь. Но фактически в промежуточный период контингент лагеря сохранялся, учтен по Ягринскому ИТЛ, как 2-й строительный район. На 1 января 1943 г. в Архбумлаге – 2282 заключенных (см. там же. С. 136–137).

⁵⁹ ГАО. Ф. 5219. Оп. 1. Д. 34. Л. 6.

⁶⁰ ГАО. Ф. 5219. Оп. 1. Д. 34. Л. 12. От 22 декабря 1943 г. (здесь потребуется еще одно исследование).

В Декларации Вооруженных Сил СССР от 14 ноября 1989 года акты против народов СССР, подвергшихся насильственному переселению, признаны незаконными преступными и репрессивными. Президент СССР Михаил Горбачев признал, что граждане СССР из числа немцев и других народов, мобилизованные в рабочие колонны, своим добросовестным трудом внесли вклад в достижение Победы в войне. В 1991 году 21 июня президент, руководствуясь Декларацией, и на основании п. 12 ст. 127-3 Конституции СССР постановил: «Граждан СССР, мобилизованных в рабочие колонны, наградить медалью "За доблестный труд в Великой Отечественной войне"».

Интернированные – это граждане одного воюющего государства, принудительно задержанные другим воюющим государством. В 1944 году по постановлению ГКО СССР от 16 декабря более 208 тыс. немецких граждан семнадцати–пятидесяти лет, годных к физическому труду, способных носить оружие, интернировано и вывезено на принудительные работы в СССР из Румынии, Югославии, Венгрии, Болгарии, Чехословакии. Данный режим регулировался женеvскими конвенциями «о защите гражданского населения во время войны» от 1949 года, 5-й и 13-й гаагскими конвенциями о правах и обязанностях нейтральных держав в случае войны⁶¹. В Советском Союзе труд интернированных использовался для восстановления разрушенного войной хозяйства. Контингент находился в ведении специального отдела Главного Управления по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ) в системе НКВД–МВД. В его компетенции были вопросы приема, материально-бытового обеспечения, трудового использования и др. Там же вели учет смертности (так, в Саратовской области на девяти кладбищах захоронено 1090 военнопленных и интернированных⁶²). В Архангельской области интернированные немцы содержались в девяти пунктах (не менее), в них захоронено – 315 человек. В том числе (по данным кладбищенских книг) в Архангельске – 2 (первое отделение 221-го лагеря), Новодвинске – 1 (второе отделение 221-го лагеря), станции Шангалы – 215 (224-й лагерь центральный лазарет), станции Реваж Котласского района – 33 (224-й лагерь первый лазарет), Вельске – 12 (224-й лагерь четвертый лазарет), станции Кизема – 34 (224-й лагерь 21-я колонна), Няндоме – 14 (спецгоспиталь 2515), станции Кулой Вельского района – 4 (рабочий батальон 1096)⁶³. О девятом пункте известно из косвенного источника – акта о погребении от 17 апреля 1945 года: «Мы, нижеподписавшиеся, помощник по труду второй колонны интернированных 225-го лагеря НКВД Павлова С.Г.,

⁶¹ Советский энциклопедический словарь. М., 1982. С. 238, 503.

⁶² Подробнее см.: Мельник Т.Ф. О защите жертв войны и увековечении их памяти / 1941–1945: уроки войны – уроки правды, мужества и патриотизма. Материалы конференции. Вологда, Русь, 2006. С. 124–130.

⁶³ Мельник Т. Захоронения военнопленных и интернированных в Архангельской области // Исправительные учреждения Европейского Севера России накануне и в годы ВО войны. Вологда, 2005. С. 59–63.

врач Пецгольд Е. Л., дежурный по колонне Логвиненко М. С., составили настоящий акт в том, что сего числа тело умершей Деринг Лины Фридриховны, 1897 года рождения, личное дело 674, погребено в полутора километрах от колонны, в деревянном гробу головой на восток. На Деринг надето платье и чулки»⁶⁴. Лина Деринг, 48 лет, поступила во вторую колонну 25 марта 1945 года, не проработала одного месяца. Дислокация 225-го лагеря установлена в Котласском районе близ станции Березовый (на стыке Архангельской области с Кировской и Вологодской). Во втором отделении две колонны: 1-я – военнопленных, 2-я – интернированных немцев, работали на строительстве железной дороги.

Репатрианты – возвращенные на родину военнопленные и гражданские лица, оказавшиеся за ее пределами вследствие войны. В начале войны многие немцы граждане СССР не успели эвакуироваться из приграничных районов и вынужденно оказались в оккупации. При отступлении фашистских войск в 1943–1944 годах, как «фольксдойче», их насильно вывезли в Германию, якобы, для воссоединения с немецким народом. На самом деле использовали в качестве бесплатной рабсилы у немецких помещиков или в концлагерях. Репатриантов, оказавшихся в зонах оккупации союзников (по условиям Потсдамской конференции 1945 года) вернули в СССР, где заключили в лагеря и сослали в отдаленные районы, как изменников родины. Так, более 8 тыс. немецких репатриантов оказалось на поселении в Архангельской области. Из них в Ворошиловском – 2310 человек, или 637 семей. В том числе: трудоспособных мужчин и женщин – 1051, старше пятидесяти пяти лет – 182, детей до шестнадцати лет – 1077. Прибыли в декабре 1945 года, размещены в бараках бывшего Архбумлага. В паспортах (по приказу НКВД СССР от 26 февраля 1944 года) отмечено, что проживание разрешено в пределах указанного района. Регулярную регистрацию вели коменданты. В 1947 году 5 февраля для детей репатриантов открыли школу на 250 мест. В 1948 году репатриантам объявлен Указ ВС СССР от 26 ноября 1948 года в том, что они выселены на спецпоселение «навечно без права возврата к месту прежнего жительства» (за самовольный выезд с места поселения – двадцать лет каторжных работ)⁶⁵. Изменения последовали лишь со смертью Сталина.

В 1954 году 5 июля принято постановление ЦК КПСС «О снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпереселенцев». По этому поводу первый секретарь Архангельского обкома КПСС И. С. Латунов сказал на бюро обкома, что «надо осудить и отрешиться от неправильного взгляда, что спецпоселенцы являются людьми второго сорта», принять меры по их вовлечению в активную жизнь, лучших избирать в советы депутатов, на руководящую

⁶⁴ Дубровина И. Историческая загадка и загадочная история // 30 октября (общество Мемориал). 2000. № 11.

⁶⁵ Петухова С.В., Аксеновская В.В. Из истории переселения российских немцев (новодвинские немцы) // Поморский летописец. Архангельск, ПГУ, 2009. Выпуск 2. С. 255–259.

работу в колхозы, промышленность, добившихся высоких производственных показателей представлять к правительственным наградам и разъяснить партийным организациям, что передовые люди из числа спецпоселенцев принимаются в партию на общих основаниях»⁶⁶.

Ограничения режима отменялись постепенно на основании ряда документов: в 1954 году 1) директива МВД и прокуратуры СССР 86 сс от 27 марта в отношении репатриированных, мобилизованных и местных немцев, 2) директива МВД СССР 44/4-19636 от 14 мая в отношении немцев бывших кулаков, 3) приказ МВД СССР 00597 от 16 июля в отношении детей до шестнадцати лет, 4) указ МВД СССР 300713 от 20 августа в отношении немцев, мобилизованных в промышленность; в 1955 году – приказ МВД 0580 от 2 декабря, приказ МВД 0601 от 16 декабря в отношении немцев, высланных в период Великой Отечественной войны⁶⁷. На 1 сентября 1955 года в Архангельской области спецпоселенцев – 10167, из них высланных и репатриированных немцев – 6991 человек⁶⁸ (около семидесяти процентов).

В 1960 году 27 января в Архангельском обкоме принято постановление «О снятии ограничений с некоторых категорий спецпоселенцев». Из под административного надзора органов МВД освобождены члены семей руководителей и участников националистического подполья и вооруженных националистических банд, бывшие торговцы, помещики, фабриканты, члены буржуазных правительств и политических партий, высланные из западных областей Украины, Литвы, Латвии, Эстонии и Псковской области. Это не давало им права на возвращение конфискованного имущества и возвращение в места прежнего жительства⁶⁹. Спецпоселенцев начали принимать в партию, комсомол. В Новодвинске колония немцев (около трехсот человек) есть и сейчас, создан Русско-немецкий центр встреч, где изучают немецкий язык, традиции, культуру, историю немецкого народа⁷⁰. В школьном музее среди экспонатов – макет барака, личные вещи немцев, фотографии выпускников.

⁶⁶ ГААО. Отдел ДСПИ. Ф. 296. Оп. 2. Д. 1994. Л. 193–194.

⁶⁷ Кириллов В.М., Разинков С.Л. Спецпоселение советских немцев в Свердловской области (1946–1956) // Политические репрессии и сопротивление несвободе. Сыктывкар, 2009. С. 115. Со ссылкой на архив ИЦ УВД СО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 6. Л. 337–338, справка отдела спецпоселений УМВД СО за 1956 г.

⁶⁸ ГААО. Отдел ДСПИ. Ф. 296. Оп. 2. Д. 2027. Л. 83–84. Также ОУНовцы – 3144, остальные – 32 человека.

⁶⁹ ГААО. Отдел ДСПИ. Ф. 296. Оп. 3. Д. 484. Л. 54–55. Постановление принято после того, как ЦК КПСС 30 декабря 1959 года одобрил проект Указа Президиума ВС СССР с одноименным названием.

⁷⁰ Петухова С.В., Аксеновская В.В. Из истории переселения российских немцев (новодвинские немцы) // Поморский летописец. Архангельск, ПГУ, 2009. Выпуск 2. С. 255–260.

Российские немки на архангельском севере

24 мая 1943 года⁷¹ на станцию Плесецкая Северной железной дороги пришел поезд. Станция была оцеплена военными. Эшелон состоял из старых деревянных вагонов для перевозки скота. Когда были сняты засовы с вагонов, из них стали выходить женщины – немки, привезенные сюда из Казахстана. Более пяти месяцев (с декабря 1942 года) добирались они до места назначения. Казахстан не был родиной большинству из них, депортированных еще осенью 1941-го из Поволжья, Украины, Крыма в Североказахстанскую область согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года, ряду постановлений Государственного комитета обороны СССР⁷².

В Казахстане женщины работали в поле: сеяли и убирали урожай. И жили часто под открытым небом, так как места у колхозников хватало не всем. Многим надолго помнился волчий вой по ночам (рассказывала моя мама. – Л.И.). И вот теперь север, Плесецк.

На вокзале женщин разделили на две группы, одних направили в Волошку на целлюлозный завод № 5, других в Пуксоозеро на целлюлозный завод №1. Погода не радовала приезжих. Весна не спешила, еще лежал снег. Многие женщины были в легких платьях. На севере они были впервые и не знали, что здесь в конце мая может быть так холодно. Одежду свою женщины в пути обменивали у конвоиров на хлеб и другие продукты питания. Многие сильно поизносились и остались без обуви. Так Мария Александровна Фрайнд, по её воспоминаниям, приехала босиком⁷³.

Не все доехали до места назначения. Многие умерли в дороге от болезней и голода, и похоронены были прямо вдоль железнодорожного полотна своими же попутчицами.

По прибытии в Пуксоозеро женщин вымыли в бане, выдали одежду и обувь совсем не того размера и поселили в бараке, где стояли железные кровати, застланные солдатскими одеялами. Утром все вышли на работу.

Комендантом у женщин – немок был Чураков Иван Поликарпович. Работали на целлюлозном заводе по 16 часов. Ежедневно отмечались в комендатуре. Никаких документов у женщин не было. Отлучки категорически запрещались. Проводились проверки сотрудниками НКВД, «считали по головам». Женщинам предлагалось следить друг за другом и докладывать о «неблагонадежных» коменданту. Некоторые соглашались на это, доносили на своих. Были

⁷¹ Из воспоминаний моей мамы Гемке Алисы Людвиговны. Записано 20.02.1994 г.

⁷² См.: Немцы в России и СНГ 1763–1997. Москва–Штутгарт, 1998.

⁷³ Из воспоминаний моей мамы Гемке Алисы Людвиговны. Записано 20.02.1994 г.

случаи арестов и осуждения немок. Их увозили из поселка, после чего след их терялся¹.

Труд женщин – немок использовался и в подсобном хозяйстве по выращиванию овощей, и по уходу за скотом, и на доставке камней из п. Карасово для строительства дороги, женщины служили домработницами у местных чиновников.

Директором завода был Леонтьев. Завод постоянно был среди передовых предприятий отрасли: и в 1943 и 1944 годах завод неоднократно награждался Красным Знаменем ВЦСПС и Наркомбумпрома, Красным Знаменем Госкомобороны². Выработка целлюлозы увеличилась в 1,5 раза по сравнению с 1940 годом³. А работали на заводе женщины – немки и другие политические заключенные.

В 1944 году в Пуксоозеро была построена столовая специально для немок, работали в ней они сами, а директором был русский фронтовик, комиссованный после ранения и ампутации ноги – Мальгин. Был открыт маленький магазинчик, где женщины отоваривали свои карточки, местные хлестко прозвали его «гестаповским». А в 1948 г. силами самих женщин был построен большой двухэтажный дом с названием «Берлин», где и поселили женщин – немок.

26 ноября 1948 года вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР о том, что все выселенные со своих мест лица немецкой, калмыцкой, чеченской, ингушской, балкарской, финской, латышской и других национальностей в предназначенные для них районы Советского Союза переселены навечно и не имеют права возврата к прежним местам жительства. За самовольный выезд из мест обязательного поселения без специального разрешения органов МВД определялась мера наказания в 20 лет каторжных работ⁴. У пуксоозерских немок местные власти НКВД взяли подписку о невыезде.

В 1950 году некоторые немки через органы НКВД нашли своих детей в Казахстане и их привезли в Пуксоозеро под охраной и поставили на учет как спецпереселенцев. Так воссоединились Мария Вирт с дочерью Магдаленой и Эмилией, Екатерина Цандер с сыном Фридрихом, Милита Гарр с дочерью Луцией, А Мария Франк и Маргарита Домерт так и не нашли своих сыновей.

И только в 1956 году немки получили паспорта и разрешение на выезд, но только по вызову родных и только в Казахстан или Сибирь. Назовём их имена: Кондрат Анна, Макус Зельма, ее дочери – Тамара и Надежда и её сестры Лилия и Мелита (живущие сейчас в городе Фрекен – Германия), Кренкер Альма и две её сестры (имена неизвестны), Мирау Анна, Мисура Ида, Бронш Мария, Цильке Зинаида, Шаумлефель Пейда, Вирт Раиса, Вирт Татьяна, Гейслер Магдалена, Эстер Гемке нашла своих детей только в 1957 году в Казахстане.

¹ Из воспоминаний моей мамы Гемке Алисы Людвиговны. Записано 20.02.1094 г.

² Макаров Н.А. Плесецкий край. Плесецк, 1999. С. 183.

³ Там же.

⁴ История российских немцев в документах. М.. 1993. С. 176.

Тогда многие уехали, но большая часть осталась: ехать было некуда, а здесь были новые семьи, дети. Семьи были смешанными, и дети писались русскими, а многие немецкие дети при получении паспорта записывались русскими.

С наступлением «оттепели» шестидесятых и для немцев, как тогда казалось, подул свежий ветер. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 августа 1964 года было снято позорное пятно клеветы об измене «...жизнь показала, что огульные обвинения были необоснованны и явились проявлением произвола в условиях культа личности»⁵. Однако, то малое, что было в указе от 1964 года на местах исполнялось либо с проволочками, либо не полностью, либо вовсе не исполнялось.

Так поселок Пуксоозеро был поселком МВД, «Карлаг». И немецкий вопрос интересовал кого бы то ни было меньше всего. А когда уже в 1972 году на бывшем немецком кладбище начали строить новую улицу (ул. имени Дзержинского) и рыли котлованы под фундамент, экскаваторы доставали ковшом останки захоронений. Их перезахоронили «без свидетелей».

Пуксоозерские немцы жили, трудились, выходили на заслуженный отдых, многие из них стали Ветеранами труда, награждены медалями. Многие покинули этот мир, так и не узнав о своей реабилитации: Адам и Алиса Гергерт (это мои родители), Фридрих Ланг, Елена и Анна Панкрац, Екатерина Цандер, Маргарита Ребенсдорф, Екатерина Шульц и Беада Штельбак, Найгум Фридрих Михайлович и многие другие женщины и мужчины – немцы.

Некоторые получили удостоверения только в 2004 году: Мария Фрайнд, Паулина и Лидия Кох, Линда и Лидия Матц, Эмилия и Магдалена Вирт.

Снова возвращаясь к материалам «Поморского мемориала» из которого мы узнали, что были осуждены по статье 58-10 части 1 и 2: Дик Эмми, Шейгер Елена, Неске Наталья, Лик Эмма, Гауш Марта, Апананская Фрида⁶.

Кукулис Екатерина была расстреляна в п. Пуксоозеро 5 марта 1945 года (статья 58-6, 58-10 часть 2)⁷.

Женщины – немки, расстрелянные в Онеголаге: Келембет Анна, Гейзер Дора, Мюллер Берта, Пфейфер Елена, Рапп Элла, Штыкель Иоганна⁸.

Эти женщины Онеголага были осуждены по статье 58 на 10 лет лишения свободы: Мильц Лидия, Нейгебауэр Екатерина, Нейгебауэр Тунильда, Нусс Елена, Вейцберг Христиана, Пробет Карла, Пробег Гильда, Рапп Розалия, Прейдигер Мария, Рубах Елена, Шильке Вера, Янцен Маргарита, Бепле Елизавета, Капги Элиза, Лик Эмма, Рейзвих Эмалия, Регер Мария, Юст Германа, Янке Марта, Герман Паулина, Бехтольц Елена, Заликман Анна, Барзут Олимпиада, Гольцман Гильда, Лифшиц Эсфира, Кучко Эмма, Коваль Эмма, Гауф Лидия, Вагнер Ольга,

⁵ История российских немцев в документах. С. 178.

⁶ Поморский мемориал. Книга памяти жертвам политических репрессий в Архангельской области. Архангельск, 2001. Т.1. С. 60, 266, 300; Т. 2. С. 39, 210. Т. 3. С. 365.

⁷ Там же. Т. 1. С. 692.

⁸ Там же. Т. 1. С. 267, 546; Т. 2. С. 187,462,474; Т. 3. С. 368.

Вагнер Лаура, Лахти Хильда, Кучко Елизавета, Красман София, Берле Элиза, Кульберг Маргарита, Сайбель Елизавета⁹.

Все эти женщины были реабилитированы в 1991 году. Многие посмертно. Вероятно, у них были семьи, дети, родители, которые до сих пор не знают о судьбе своих матерей, дочерей, сестёр.

Почти вся моя жизнь связана с п. Пуксоозеро. Во всех моих документах отмечена моя национальность – немка. Я там родилась, окончила школу, работала по окончании медицинского училища на скорой помощи. Я часто слышала «немка» за своей спиной...

Здесь на севере в городе Архангельске и районах области живут потомки тех репрессированных и даже, хоть и уже совсем немного, те самые репрессированные немцы – трудармейцы. Живут скромно и не очень любят рассказывать о своём прошлом. Боль и горечь унижений, выпавших на их долю, до сих пор жгут им сердца, а на глазах выступают слёзы при воспоминании о своей прожитой жизни, загубленной юности. Многие уже давно не говорят на своём языке и не поют свои песни, но всё ещё сохраняют некоторые обычаи, заложенные с детства – это блюда, которые обязательно готовятся к праздникам, атрибуты одежды, убранство квартир.

В Архангельске до сих пор сохранились здания бывшей немецкой слободы, лютеранская кирха Святой Екатерины, где собираются на богослужения местные немцы – лютеране. В Архангельске есть Архангельская региональная немецкая национальная культурная автономия «Нордлехт» – «Северное сияние», которая способствует сохранению связи поколений между немцами на Архангельском севере России и российскими немцами в России и Германии. В настоящее время она немногочисленна и существует на энтузиазме и частных вложениях ее членов.

Члены нашей автономии изучают немецкий язык, культуру и обычаи немецкого народа, отмечают национальные немецкие праздники, ухаживают за немецкими захоронениями на Вологодском кладбище, оказывают гуманитарную помощь престарелым и одиноким жителям немецкой национальности г. Архангельске и Архангельской области, собирают материалы для потомков немцев – трудармейцев, интересующихся судьбой своих предков, сохраняют связь поколений.

Любой народ имеет право на свою историю. У одних она насчитывает тысячелетия, у других – столетия.

Российский немецкий народ относительно молод. Его история насчитывает всего несколько веков. Некоторые известные политики и историки считают, что в современной России немецкий народ ассимилирует, исчезает, растворяется среди других национальностей...

⁹ Там же. Т. 1. С. 274, 292, 568, 714, 699, 650, 198, 266, 292, 468, 90, 122, 132, 215, 529, 392; Т. 2. С. 58, 138, 201, 202, 474, 484, 522, 19, 38, 39, 81, 24, 437, 444, 480; Т. 3. С. 14, 321, 348, 4.

Несмотря на все эти доводы, в России имеется большое количество общественных организаций российских немцев, деятельность которых направляет Федеральная национальная культурная автономия (ФНКА).

Основной вопрос, который поставлен на первое место в решении многих других немецких вопросов, это реабилитация российских немцев, как единого народа, в рамках действующего закона от 1991 года «О реабилитации жертв политических репрессий». Немецкий народ, как единое целое, а ни каждый немец в отдельности, остается единственным не реабилитированным народом России до сих пор, у него нет права на самоопределение, возрождение и самоорганизацию, которую имеют все другие национальности нашей страны.

Отдельной строкой в деятельности ФНКА прописан вопрос о трудармейцах, российских немцах, мобилизованных по приказу И.В.Сталина в рабочие колонны на все время войны, для использования на строительстве железных дорог, на шахтах, лесозаготовках и т.д.

Ведется кропотливая работа по сохранению памяти жертв нашего репрессированного народа.

Ежегодно 28 августа, в День Памяти и Скорби, в Москве и многих других городах России, где в настоящее время проживают российские немцы, проводятся, уже ставшие традиционными, шествия к могилам, встречи с молодежью, молебны и митинги памяти. Выпущено 4 тома энциклопедии «Немцы России», изданы книги памяти «Поморский мемориал», «Узники Тагиллага», «Узники Богословлага», муртирологи Карелии и Мурманска и т.д. При материальной поддержке германской стороны, печатаются газеты и журналы на русском и немецком языках, рассказывающие нам об истории российского народа, его прошлом и настоящем.

28 августа 2004 года в траурный день 63-ей годовщины ликвидации Республики немцев Поволжья на Вологодском кладбище в г. Архангельске на месте некрополя семьи Сурковых-Шергольд при поддержке общественной организации из города Нюрнберг – «Институт российских немцев в Германии», и лично господина Антона Боша, был открыт монумент памяти всем выходцам из Европы, волей исторической судьбы оказавшимся на архангельском севере и посвятившим свои жизни развитию Архангельской области в XVIII–XX веках. На монументе установлена мемориальная мраморная доска памяти немцам – трудармейцам архангельского севера.

Это уголок памяти и поклонения всем немцам-трудармейцам, погибшим здесь в годы репрессий. Вечная им память!

Приложение 1.

МВД РФ
Управление Внутренних Дел
Архангельской области

СПРАВКА N 18/И-14
о реабилитации.

Гражданка	ГЕМКЕ АЛИСА ЛЮДВИГОВНА
Год и место рождения	1920 г.р., С.НОВАЯ РУДНЯ НОВОГРАД - ВОЛЫНСКОГО Р-НА ЖИТОМИРСКОЙ ОБЛАСТИ
Место жительства до применения репрессий	ПО МЕСТУ РОЖДЕНИЯ
Где, когда и каким органом репрессирована	В 1941 ГОДУ ПО РЕШЕНИЮ ПРАВИТЕЛЬСТВА ВЫСЛАНА В КАЗАХСТАН, ОТКУДА В 1943 г. ОРГАНАМИ ВЛАСТИ КОКЧЕТАВСКОЙ ОБЛАСТИ МОБИЛИЗОВАНА В ТРУДАРМИЮ И НАПРАВЛЕНА В АРХАНГЕЛЬСКУЮ ОБЛАСТЬ, В 1948 г. ОСТАВЛЕНА НА СПЕЦПОСЕЛЕНИИ НАВЕЧНО, КАК ЛИЦО НЕМЕЦКОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ
Основание применения политической репрессии	УКАЗ ПВС СССР ОТ 21.08.1941 ГОДА, ПОСТАНОВЛЕНИЕ ГОКО №2383 СС ОТ 7.10.1942 ГОДА.
Находилась на спец- поселении	УКАЗ ПВС СССР ОТ 26.11.48 ГОДА В ПЛЕСЕЦКОМ РАЙОНЕ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ С 1943 ГОДА ПО 21 ЯНВАРЯ 1956 ГОДА
На основании п. «В» ст. 3 Закона Российской Федерации от 18 октября 1991 года № 1761 «О реабилитации жертв политических репрессий»	ГЕМКЕ АЛИСА ЛЮДВИГОВНА

Реабилитирована.

Начальник УВД Архангельской области полковник милиции В.П. Лобанов
12. 2003 г.

Немцы-спецпоселенцы в послевоенные годы (по материалам Архангельской области)

Репрессии по политическим мотивам, социальным и национальным признакам стали одним из основных структурных факторов сложившейся в СССР командно-административной системы. Во второй половине 1930-х гг. массовые политические репрессии приобретают все более ярко выраженный этнический характер. В политике принудительного переселения народов одним из наиболее многочисленных оказался контингент советских немцев. Решающую роль в этом сыграли и особые обстоятельства Второй мировой войны.

Положение немцев не изменилось и после окончания войны. Более того, именно на послевоенные годы приходится новая волна репрессий в отношении немцев. Окончание войны привело и к изменению географии их первоначального расселения (Западная Сибирь и Казахстан) и формированию новых ареалов проживания советских немцев на Дальнем Востоке, Урале, Европейском Севере (в том числе и в Архангельской области) и ряде других регионов страны. Отметим, что данные процессы были обусловлены как экономическими и политическими причинами, так и стремлением государства предотвратить малейшие возможности социальной напряженности в районах большого скопления немецких поселенцев.

Репрессированные немцы появились в Архангельской области еще в довоенный период. Первые семьи немецких поселенцев прибыли в Северный край с эшелонами раскулаченных в годы сплошной коллективизации. Другая группа выселенных немцев появилась в Архангельской области в годы Великой Отечественной войны. Речь идет о советских немцах, мобилизованных в трудовую армию и направленных для дальнейшего трудового использования в ведущие отрасли промышленности региона. На 1 сентября 1945 г. в Архангельской области было размещено 1 147 мобилизованных немцев (838 человек в спецпоселках г. Архангельска и его пригороде и 309 немцев в Няндомском районе)¹⁰.

Однако большая часть немцев поступила на учет Отдела спецпоселений МВД Архангельской области именно в послевоенные годы. Это были немцы, возвращенные на родину в порядке репатриации. Прибытие основной массы репатриантов в регион, в целом, соответствовало тем процессам, которые имели место в масштабах всей страны.

Первые группы репатриированных немцев были направлены в Архангельскую область еще в сентябре 1945 г. В дальнейшем динамика их численности выглядела следующим образом: на 1 октября 1945 г. на учете спецпоселения

¹⁰ Архив УВД Архангельской области. Ф. 33. Оп. 1. Д. 10. Л. 73.

состояло 1 852 репатриантов¹, на 1 ноября 1945 г. уже 3 146 немцев (без учета детей до 16 лет)², в четвертом квартале 1945 г. в спецпоселках области было размещено еще 6 352 человека³, (в том числе 2 489 немцев прибыли в г. Архангельск двумя эшелонами 17 и 19 декабря 1945 г. по маршруту следования: г. Брест-Литовск – г. Сегежа КФССР – г. Архангельск)⁴, в первом квартале 1946 г. прибыло 1 797 человек (в том числе 1 784 немцев с очередными эшелонами из других республик, краев и областей)⁵, во втором квартале 1946 г. – 2 479 человек (2 460 – из других республик, краев и областей)⁶. В дальнейшем поток репатриантов стал постепенно уменьшаться. В третьем квартала 1946 г. было размещено всего 535 человек (485 немцев – из других республик, краев и областей)⁷. В то же время отдельные группы репатриантов продолжали поступать на учет Отдела спецпоселений Архангельской области вплоть до конца 1940-х гг.

Следует заметить, что в послевоенные годы, в материалах статистической отчетности данные по контингенту «немцы» были представлены в целом. Начиная же с 1950 г., их учет велся уже по пяти отдельным категориям («выселенные», «мобилизованные», «репатриированные», «местные» и «другие»).

В рассматриваемый период в Архангельской области выделяются три категории немцев: «выселенные», «мобилизованные» и «репатриированные». На 1 июля 1950 г. на учете спецпоселения состояло 12 315 немцев (769 – «выселенных», 879 – «мобилизованных» и 10 667 – «репатриированных»)⁸.

Информация по другим категориям достаточно ограничена. Данные по категории «другие национальности в составе немецких семей» содержатся лишь в «Статистических сведениях о результатах переписи выселенцев – спецпоселенцев на территории Архангельской области». На 20 марта 1949 г. таковых насчитывалось 295 человек (31 – мужчина, 201 – женщина и 63 ребенка, не достигших 16-летнего возраста)⁹. Сведения по подконтингенту «местные» немцы в материалах статотчетности не обнаружены. Именно этим обстоятельством объясняется их исключение из настоящей статьи.

Кроме того, немцы были представлены и в составе других контингентов, например, «бывшие кулаки» и «власовцы». На 1 января 1949 г. на учете Архспецкомендатуры УМВД состояло 8 человек (7 семей) «бывших кулаков» по национальности немцев, все они прибыли одиночным порядком¹⁰. Пер-

¹ Там же. Ф. 33. Оп. 1. Д. 10. Л. 33.

² Там же. Ф. 33. Оп. 1. Д. 10. Л. 68.

³ Там же. Ф. 33. Оп. 1. Д. 10. Л. 39.

⁴ Там же. Ф. 33. Оп. 1. Д. 17. Л. 10–14.

⁵ Там же. Ф. 33. Оп. 1. Д. 11. Л. 4.

⁶ Там же. Ф. 33. Оп. 1. Д. 11. Л. 18.

⁷ Там же. Ф. 33. Оп. 1. Д. 11. Л. 57.

⁸ Там же. Ф. 33. Оп. 1. Д. 20. Л. 1; 6; 7; 8.

⁹ Там же. Ф. 33. Оп. 1. Д. 17. Л. 123–127.

¹⁰ Там же. Ф. 33. Оп. 1. Д. 17. Л. 10–14.

вые 478 «власовцев», по национальности немцы, поступили на учет Отдела спецпоселений МВД Архангельской области в первом квартале 1949 г.¹¹ Во втором квартале 1949 г. было доставлено еще 10 человек¹². В основном, это были лица, прибывшие из исправительно-трудовых лагерей ГУЛАГа. Сведения о немцах данной категории содержатся еще и в материалах статотчетности районных отделений МГБ СССР по высленцам и спецпоселенцам за второе полугодие 1950 г.¹³ Между тем, определить точное количество немцев в составе данных контингентов не представляется возможным. В материалах статистической отчетности их учет отдельно не велся, они входили в общее число «власовцев» и «бывших кулаков».

Отметим, что подавляющее большинство высленных немцев, размещенных в Архангельской области, относилось к категории «репатриированных немцев». На 1 января 1946 г. таковых насчитывалось 8 102 человека¹⁴, а на 1 января 1951 г. эта цифра достигла 10 431 человек¹⁵, что составило более 80% от общего количества немцев в регионе. Значительное преобладание репатриантов в общей структуре немецкого населения было обусловлено тем, что основная масса спецпоселенцев-немцев появилась в регионе после 1945 г. и именно репатрианты стали одной из основных категорий учета немецкого контингента в послевоенные годы.

В гистограмме 1 представлена динамика численности немцев Архангельской области в 1946–1955 гг.

Гистограмма 1.

Гистограмма составлена по материалам Архива УВД Архангельской области¹⁶.

¹¹ Там же. Ф. 33. Оп. 1. Д. 17. Л. 2.

¹² Там же. Ф. 33. Оп. 1. Д. 17. Л. 29–30.

¹³ Там же. Ф. 33. Оп. 1. Д. 22. Л. 1.

¹⁴ Там же. Ф.33. Оп. 1. Д. 10. Л.56.

¹⁵ Там же. Ф. 33. Оп. 1. Д. 22. Л. 8.

¹⁶ Там же. Ф.33. Оп. 1. Д. 10. Л. 56, 68; Д. 11. Л. 149, 158; Д. 14. Л. 82; Д. 16. Л. 152; Д. 17. Л. 92; Д. 22. Л. 1; Д. 25. Л. 91; Д. 26. Л. 195; Д. 27. Л. 45; Д. 28. Л. 330.

Данные гистограммы говорят о существенном росте числа немецких выселенцев. Только за 1946 г. количество последних возросло более чем на 30%. Между тем, демографические процессы среди немцев в этот период были обусловлены отнюдь не естественным приростом населения.

Можно выделить ряд факторов, которые оказали значительное влияние на динамику численности немецкого контингента.

Прежде всего, это окончание Второй Мировой войны и последовавшая вслед за этим репатриация советских граждан, в том числе и этнических немцев.

Кроме того, именно в послевоенные годы отмечается существенная активизация миграционных процессов среди немцев. В первую очередь, это было обусловлено демобилизацией из трудовой армии значительной части немцев и последовавшим вслед за этим процессом соединения разрозненных в годы войны немецких семей. Если в третьем квартале 1946 г. на территорию Архангельской области из других республик, краев, областей на соединение с семьями прибыло 34 человека, а убыло – 170 немцев¹⁷, то в третьем квартале 1947 г. эти цифры составили уже 48 и 252 человека соответственно¹⁸.

Всего же в результате внутрисоюзной миграции немцев с 1946 г. по 1950 г. в Архангельскую область прибыло 5 356 человек, а убыло – 2 783 немцев¹⁹. Причем наибольшее количество немцев прибыло в 1946 году (размещение в регионе основной массы репатриантов), а убыло в 1947 году.

Изменение численности немецких спецпоселенцев происходило и за счет побегов, выбытия немцев в инвалидные и детские дома, места лишения свободы и т.д. В материалах статистической отчетности читаем: «Всего за третий квартал 1946 г. бежало 19 немцев, возвращено из бегов – 14, убыло в места лишения свободы – 35 человек, 1 немец возвращен из мест лишения свободы»²⁰ или «на 1 января 1949 г. в инвалидных домах находилось 24 человека, числилось в бегах – 98 немцев, в местах лишения свободы находилось 502 человека»²¹.

Изменение численности выселенцев-немцев было обусловлено и экономическими причинами. В условиях восстановления разрушенного в годы войны народного хозяйства и дальнейшего индустриального развития страны в целом, особое значение приобретает хозяйственная колонизация экономически важных для государства территорий, в том числе и Архангельской области с ее богатыми природно-сырьевыми ресурсами. Основным инструментом такой

¹⁷ Там же. Ф. 33. Оп. 1. Д. 11. Л. 126.

¹⁸ Там же. Ф. 33. Оп. 1. Д. 14. Л. 70.

¹⁹ Там же. Ф. 33. Оп. 1. Д. 11. Л. 38, 96, 125, 158; Д. 14. Л. 19, 38, 69, 82; Д. 16. Л. 14, 47, 107, 152; Д. 17. Л. 2, 29, 65, 92.

²⁰ Там же. Ф. 33. Оп. 1. Д. 11. Л. 125.

²¹ Там же. Ф. 33. Оп. 1. Д. 16. Л. 152.

колонизации становится использование труда спецконтингентов, в том числе и поселенцев-немцев.

Таким образом, в послевоенные годы наблюдается существенная динамика численности немецкого контингента. Более того, можно говорить об устойчивой тенденции роста общего числа немцев во второй половине 1940-х гг. (исключение составил лишь 1947 г., в течение которого происходит незначительное сокращение численности выселенцев, обусловленное высоким уровнем смертности и миграционными процессами среди немцев). Значительное снижение численности немцев наблюдается лишь в 1952 г. и объясняется изменением системы учета выселенцев. Именно с этого времени в материалах статотчетности учитывается только взрослое население. Устойчивое сокращение количества немецких спецпоселенцев отмечается лишь в 1954 г. и связано с освобождением отдельных категорий выселенцев-немцев.

Важными особенностями демографических процессов среди немцев стало значительное преобладание женщин и детей в общей структуре немецкого населения и низкой доле мужчин (не более $\frac{1}{4}$ от общего числа выселенцев). Следует отметить и высокий уровень смертности, и низкий уровень рождаемости среди выселенцев, особенно в первые послевоенные годы. Если в первом квартале 1947 г. в спецпоселках Архангельской области родилось 18 немцев, а умерло 173 человека²², то в третьем квартале 1947 г. смертность превысила рождаемость уже в 13,8 раза²³. Во многом это объясняется тяжелыми условиями труда, проблемами социально-бытового обустройства и медицинского обслуживания выселенцев. В целом, изменения в демографической структуре немецкого населения в послевоенные годы стали результатом политики насильственных переселений, принудительной и тотальной мобилизации в трудовую армию значительной части советских немцев – мужчин, что способствовало искусственному разделению и многолетней разобщенности немецких семей наиболее репродуктивного возраста.

В соответствии с приказами МВД СССР в 1949 г. была проведена перепись выселенцев. Анализ ее результатов позволяет выделить основные характеристики немецких спецпоселенцев (состав, социальный статус, образовательный уровень, партийная принадлежность и пр.), размещенных в Архангельской области после 1945 г.

По состоянию на 20 марта 1949 г. на учете спецпоселения МВД Архангельской области состояло 11 275 немцев, в том числе 2 205 мужчин, 5 204 женщины и 3 866 детей до 16 лет. Среди них: «выселенные по решениям правительства» – 809 человек, «репатриированные» – 9 300 человек, «мобилизованные» – 835 немцев, «другие национальности в составе немецких семей» – 295

²² Там же. Ф. 33. Оп. 1. Д. 14. Л. 19.

²³ Рассчитано по материалам Архива УВД Архангельской области. Ф. 33. Оп. 1. Д. 14. Л. 69.

человек и «другие национальности, выселенные вместе с немцами, но не входящие в состав немецких семей» – 36 человек (по национальности литовцы, поляки, украинцы, белорусы, мазуры и чехи)²⁴. Из общего числа выселенцев (без учета детей до 16 лет) 99,9% немцев были гражданами СССР²⁵.

Анализ социального положения немцев позволяет сделать вывод о том, что большая часть выселенцев, а именно, 82,7% от общей численности взрослого немецкого населения – выходцы из рабочих и крестьян (колхозников), 1,7% – служащие, учащиеся, иждивенцы, домохозяйки и кустари составили немногим более 15,5%²⁶.

Распределение немцев по уровню образования выглядело следующим образом. Из 7 409 немцев (без учета детей до 16 лет) высшее образование имели лишь 20 человек, среднее – 170, низшее [начальное] – 6 668 человек и 551 человек был неграмотен. Интерес представляет и анализ этих данных по категориям учета. Высшее образование имело не более 0,3–0,4% репатриированных и мобилизованных. Доля лиц со средним образованием составила: 1,6% среди репатриантов, 3,4% – выселенных по решениям правительства и 4,8% – мобилизованных немцев. Начальное образование в объеме нескольких классов начальной и сельской школы имело подавляющее большинство выселенцев – 88–90%. Показатель неграмотности составил: 4,9% – среди мобилизованных немцев, 7,3% – репатриантов и 8,1% – выселенных по решениям правительства²⁷.

Информация по другим критериям учета выселенцев показывает, что на отчетный период из общего числа немецких спецпоселенцев трое человек – члены ВКП(б) («мобилизованные немцы»), четырнадцать членов ВЛКСМ, два офицера, двадцать один сержант и сто четырнадцать рядовых, семьдесят один человек находился в плену, шесть тысяч пятьдесят немцев – находились за границей и триста семь человек судимы²⁸.

Таким образом, анализ результатов переписи свидетельствует о том, что процессы, происходившее среди выселенцев – немцев в послевоенные годы, несли на себе отпечаток предшествующих событий и лет, и стали закономерным результатом политики массового принудительного переселения этнических немцев в отдаленные районы страны, предпринятой советским руководством в начале войны.

Наряду с другими категориями выселенцев немцы стали важным источником восполнения дефицита рабочей силы. Использование труда спецконтингента

²⁴ Там же. Ф. 33. Оп. 1. Д. 17. Л. 123–127.

²⁵ Там же. Ф. 33. Оп. 1. Д. 17. Л. 123–127.

²⁶ Рассчитано по материалам Архива УВД Архангельской области. Ф. 33. Оп. 1. Д. 17. Л. 123–127.

²⁷ Рассчитано по материалам Архива УВД Архангельской области. Ф. 33. Оп. 1. Д. 17. Л. 123–127.

²⁸ Там же. Ф. 33. Оп. 1. Д. 17. Л. 123–127.

приобретало особую значимость в условиях восстановления разрушенной в годы войны экономики страны, больших людских и материальных потерь.

В силу региональных особенностей аграрно-промышленного сектора и специфики сырьевых ресурсов Архангельской области, труд немцев использовался в лесной, целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности. В первом квартале 1947 г. в лесной промышленности было занято 46,7% от общего числа спецпоселенцев-немцев, переданных в систему министерств для трудового использования²⁹. Доля немцев, занятых в целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности, составила 18,8% соответственно³⁰. Вместе с тем, спецпоселенцы трудились и на предприятиях речного флота, министерств сельского хозяйства и путей сообщения, местной промышленности, в системе министерств внутренних дел, коммунального хозяйства, морского флота, министерств стройматериалов и здравоохранения.

В докладе о хозяйственно-трудовом использовании спецпереселенцев – репатриированных немцев в Виноградовском районе Архангельской области читаем: «Всего на территории района расселено 1 700 человек. Из общего числа спецпереселенцев, переданных для трудового использования и хозяйственного устройства, учтено трудоспособных 727 человек. Из общего числа спецпереселенцев занято на работах 760 человек (Березниковский ЛПХ – 207 немцев и Конецгорский ЛПХ – 553). Все спецпереселенцы работают в лесной промышленности на рубке и вывозке леса, нормы выработки выполняют в среднем на 75%, к труду относятся добросовестно, в соцсоревнованиях участвуют на 60%, в стахановском движении не участвуют»³¹.

В целом, использование труда спецпоселенцев, в том числе и немцев, позволило местным властям решить проблему дефицита рабочих рук и обеспечить наиболее важные промышленные объекты региона недостающей рабочей силой.

Выселенные немцы были размещены почти во всех районах Архангельской области (в 20 из 24 районов), где имелось лесопильное (включая целлюлозно-бумажное) и деревообрабатывающее производство, в котором, как уже было отмечено выше, в основном, и использовался их труд.

В таблице 1 представлена география расселения спецпоселенцев-немцев на территории Архангельской области. Для сравнения данные приведены как по отдельным категориям немцев, так и в динамике (по состоянию на 1 января 1946 г. – размещение основной массы немцев и на 1 января 1950 г. – период стабилизации хозяйственно-бытового положения выселенцев). Из таблицы 1

²⁹ Рассчитано по материалам Архива УВД Архангельской области. Ф. 33. Оп. 1. Д. 14. Л. 22.

³⁰ Рассчитано по материалам Архива УВД Архангельской области. Ф. 33. Оп. 1. Д. 14. Л. 22.

³¹ Там же. Ф. 33. Д. 51. Оп. 1 Л. 143.

видно, что больше всего немцев оказалось в Котласском, Плесецком, Онежском, Виноградовском районе, г. Архангельске и его пригородах.

Таблица 1.

География расселения спецпоселенцев – немцев в Архангельской области

Наименование районов расселения	Немцы, выселенные по решениям правительства		Репатриированные немцы		Мобилизованные немцы	
	01.01.1946	01.01.1950	01.01.1946	01.01.1950	01.01.1946	01.01.1950
г. Архангельск и пригороды	-	11	2336	2083	845	320
Вельский район	-	2	-	3	-	-
Верхне-Тоемский район	-	1	-	104	-	1
Вилегодский район	-	1	-	131	-	-
Виноградовский район	-	24	1729	1335	-	-
Емецкий район	-	6	885	765	-	-
Карпогорский район	-	-	-	8	-	-
Коношский район	-	52	-	-	-	126
Котласский район	-	144	125	1389	-	35
Красноборский район	-	2	-	-	-	-
Ленский район	-	171	-	284	-	-
Няндомский район	-	30	-	131	310	7
Онежский район	-	-	1560	1343	320	-
Пинежский район	-	-	-	88	-	7
Плесецкий район	-	204	1209	1587	246	198
Приозерный район	-	-	258	462	-	-
Сольвычегодский район	-	71	-	185	-	-
Устьянский район	-	2	-	-	-	-
Холмогорский район	-	38	-	68	-	69
Черевковский район	-	-	-	592	-	-
ВСЕГО	-	759	8102	10558	1721	763

*Таблица составлена по материалам Архива УВД Архангельской области³²

³² Там же. Ф. 33. Оп. 1 Д. 11. Л.5; Д.18. Л. 110–118.

Анализ архивных материалов свидетельствует о значительном расширении географии первоначального расселения немцев в Архангельской области и позволяет сделать ряд выводов.

Расселения спецпоселенцев – немцев по районам области, прежде всего, определялась потребностями народного хозяйства страны в послевоенные годы.

Из таблицы следует, что мобилизованные немцы были размещены достаточно компактно. Еще в годы Великой Отечественной войны в составе четырех рабочих колонн они были направлены на предприятия Главцеллюлозы Наркомбумпрома: Архбумкомбинат имени К.Ворошилова, заводы № 1, 2 и 5 (Плесецкого, Онежского и Няндомского районов соответственно) и после ликвидации трудовой армии были взяты на учет по месту пребывания. Миграционные процессы среди немцев, ужесточение режима спецпоселения, регламентация трудового использования мобилизованных немцев незначительно расширили географию их первоначального размещения в послевоенные годы.

Расселение в спецпоселках Архангельской области репатриированных немцев и немцев, высланных по решениям правительства, носило преимущественно дисперсный характер, и полностью отвечала потребностям социально-экономического развития региона.

Существенное влияние на дислокацию расселения высланных оказала и интенсивная внутриобластная миграция немцев, обусловленная эффективностью их трудового использования.

Размещение в Архангельской области в послевоенные годы значительной части спецпоселенцев сделало актуальным решение целого комплекса проблем жилищного строительства и хозяйственно-бытового устройства немцев на местах.

Архивные материалы содержат информацию об условиях жизни немцев в городах и районах Архангельской области в указанный период.

В поселке Икса Няндомского района проживало 300 немцев-репатриантов, часть из которых была занята в сельском хозяйстве и до 150 человек в артели системы «Промсоюз» на заготовке леса для безлесных районов. В документах указывается на исключительно тяжелое положение, сложившееся в результате невывозки леса, заготовленного зимой 1948–1949 гг. «... Артель живет без денег, рабочие вынуждены жить кое-как. На почве недоедания имеются случаи заболевания. Дети собирают грибы и другие растения, поедают их, в силу чего имеются случаи отравления со смертельным исходом»³³.

В поселке Ворошиловский репатриированные немцы были размещены в бараках бывшего лагеря НКВД, совершенно непригодных для проживания. В докладе на имя первого секретаря Архангельского облисполкома

³³ Государственный Архив общественно-политических движений и формирований Архангельской области. Д. 729. Л. 16.

указывается: «Для нормального расселения прибывших спецпереселенцев требуется переоборудовать бараки на коммунальную систему, с дополнительным устройством 10 печей. Наличная площадь позволяет расселить минимум 40% спецпереселенцев. В поселке подготовили три новых дома-общежития, но они не остеклены и не имеют котельной центрального отопления. Необходимо увеличить темпы строительства, обеспечив стройку необходимыми строительными материалами³⁴.

Из докладной записки начальника управления МВД по Архангельской области «О хозяйственно-бытовом и трудовом устройстве спецпереселенцев и репатриированных немцев, переданных для работы в систему треста «Двинолес»: «Проверкой установлены факты ущемления прав выселенцев, выраженные в создании недопустимых жилищно-бытовых условий и задержке выдаче зарплат... По Пинежскому леспромхозу треста «Двинолес» выдача заработной платы специалистам систематически задерживается, по состоянию на 15 июля 1949 г. последние имеют задолженность за леспромхозами в сумме 82 487 рублей... В результате невыдачи заработной платы в спецпоселке «Ежуга» выселенцы не могли выкупить в столовой еды. К созданию нормальных жилищно-бытовых условий выселенцев со стороны леспромхоза мероприятия не принимаются, в результате ряд семей проживает в общежитиях совместно с одиночками. Постельными принадлежностями одиночки обеспечены всего на 60%, остальные рабочие спят на голых нарах и укрываются своей одеждой»³⁵.

По состоянию на 1 апреля 1946 г. «Большинство из спецпереселенцев – репатриированных немцев, расселенных в спецпоселках Архангельской области, нуждаются в верхней теплой одежде и обуви. В спецпоселках Онежского района через торговую сеть «ОРС»а продано 170 пар валенок, 93 фуфайки, 96 ватированных брюк и 115 пар кожаной обуви. Из числа занятых на работах в лесу 656 человек спецпоселенцев, обеспеченность теплой одеждой и обувью составляет на 30%»³⁶.

Постепенное улучшение положения выселенных немцев отмечается лишь в конце 1940-х гг. и, в первую очередь, связано с выработкой централизованного механизма решения проблем жилищного и материально-бытового обустройства поселенцев на местах.

На июнь 1948 г. собственными домами было обеспечено 192 человека, в порядке уплотнения местного населения было расселено 8 702 немцев, в помещениях, непригодных для жилья проживало 320 человек. Из общего числа спецпоселенцев приусадебные участки имели 6 360 человек, крупный рогатый скот в личном пользовании лишь 24 человека, овец и коз – 2205 немцев³⁷.

³⁴ Там же. Ф. 2063. Оп. 9. Д. 107. Л. 62.

³⁵ Там же. Д. 729. Л. 17.

³⁶ Архив УВД Архангельской области. Ф.33. Д. 51. Оп. 1. Л. 134.

³⁷ Там же. Ф. 33. Оп. 1. Д. 16. Л. 56.

Наряду с проблемами жилищно-бытового обустройства, медицинского обслуживания и низкого материального уровня жизни особую остроту приобретали вопросы ущемления элементарных прав выселенцев.

Анализ сведений о движении жалоб и заявлений спецпоселенцев указывает на то, что в послевоенные годы для немцев наибольшую значимость имели проблемы освобождения из спецпоселения, розыск родственников и соединение с семьями, выезд в другие области и направление на учебу и целый ряд других вопросов.

В течение четвертого квартала 1949 года УМВД Архангельской области было рассмотрено 558 жалоб (с учетом 143 жалоб, оставленных без рассмотрения в прошлом квартале). Более 50% (243) жалоб поступило по вопросам соединения семей, из которых 171 жалоба, что составило 70% от общего количества поступивших заявлений, было удовлетворено. Напротив, из 15 жалоб, поступивших по вопросу освобождения из спецпоселения, 10 заявителям было отказано³⁸.

Таковы основные факты из истории немцев-спецпоселенцев, размещенных в городах и районах Архангельской области в послевоенные годы.

В целом, положение немцев в Архангельской области характеризовалось следующими особенностями: внутрисоюзная миграция и, как следствие, существенная динамика их численности, преобладание женщин и детей в общей структуре немецкого населения, низкая доля мужчин (не более 1/4), рост числа побегов и осужденных лиц, высокий уровень смертности и низкий уровень рождаемости (особенно в первые послевоенные годы), трудности жилищно-бытового обустройства и низкий материальный уровень жизни. Вышеперечисленные явления стали закономерным результатом репрессивной политики советского государства в отношении советских немцев.

³⁸ Там же. Ф. 33. Д. 18. Оп. 1. Л. 106.

Спецпереселенцы-немцы в Республике Коми в 1930–1950-е гг.: численность и размещение

Граждане, высланные в принудительном порядке в рамках репрессивной политики государства с мест постоянного проживания в отдаленные районы страны в 1930–1950-е годы, именовались спецпереселенцами. В Коми автономную область спецпереселенцы начали заселяться с 1930 г. в ходе массовой коллективизации и раскулачивания в центральных и южных районах страны. В 1930–31 гг. в Коми автономную область было переселено 40 325 человек³⁹. На Север раскулаченные были направлены из Украины, Нижневолжского и Средневолжского краев, Центрально-Черноземной области, Крыма, Белоруссии. Самую многочисленную группу из раскулаченных крестьян, завезенных на спецпоселения в Коми область в 1930-е гг., по национальному признаку составляли русские, второй по численности этнической группой были энесе немцы, выселенные из районов Поволжья. В численном отношении это выглядело следующим образом: из 38 902 человек в 1932 г. было учтено русских – 35 149 человек, немцев – 2 359, татар – 505, поляков – 31, чувашей – 265, представителей мордвы – 283, армян – 39, евреев – 9, киргизов – 143, чехов – 83.⁴⁰

Высланные немцы в основном располагались в Прилузском, Сысольском и Усть-Куломском районах. В Прилузском районе был даже организован спецпоселок Немецкий рядом с селом Ношуль. В 1931 г. там проживало 163 семьи (685 человек). В 1937 г. среди живущих в спецпоселках 17 тыс. спецпереселенцев немцы составляли 10,3%. В 1939 г. по переписи в Коми АССР было учтено 2 617 немцев, из которых 122 человека проживали в городе, а остальные в селах и поселках. С достаточной уверенностью можно утверждать, что под проживающими в селах немцами были учтены спецпереселенцы. То есть численность немцев с 1932 по 1939 гг. сильно не изменилась⁴¹.

Так как выслали спецпереселенцами семьями, в спецпоселках для обучения детей были организованы школы. В Коми АО в 1932 г. обучалось 4 614 детей спецпереселенцев, в том числе русских – 2 828 человек, украинцев – 400, немцев – 368, белоруссов – 44, татар – 81, также были учтены армяне, башкиры, киргизы, мордва, чехи, поляки, чуваш, коми, татары и др. Действовало две национальные школы, одна татарская в спецпоселке Одью Сторожевского района и одна немецкая в спецпоселке Вежа-ю Усть-Куломского района.⁴²

³⁹ Национальный архив Республики Коми (далее – НАРК. Хр. 1. Ф. 148. Оп. 1. Д. 576. Л. 121.

⁴⁰ НАРК. Хр. 2. Ф. 1. Оп. 2. Д. 911. Л. 3.

⁴¹ Немцы в Республике Коми (страницы репрессивной политики в первой половине XX в). Сыктывкар, 1997. С. 3–5.

⁴² НАРК. Хр. 1. Ф. 148. Оп. 1. Д. 638. Л. 83.

Таблица 1.

Национальный состав учащихся спецпоселковых школ в 1930-е гг.

Национальность	1933 год	1935 год
Русские	3754	1728
Украинцы	390	348
Немцы	367	423
Мордва	89	64
Белорусы	33	507
Татары	18	40
Чуваши	42	20
другие национальности	62	779
Всего	4755	3909

Подсчитано по: НАРК. Хр. 1. Ф. 148. Оп. 1. Д. 1019. Л. 17; Д. 732. Л. 7

Нередко при учете различных групп населения, в том числе немцев возникала путаница, которая вела к искажению данных. В частности во время очередной переписи 1937 г. от начальника УНХУ Коми АССР в управление народно-хозяйственного учета РСФСР (сектор учета населения и здравоохранения) на запрос № 13/2 от 21 мая 1937 г. из Москвы был отправлен следующий ответ: «В связи с Вашими замечаниями к годовой разработке естественного движения населения 1936 г., УНХУ Коми АССР сообщает, что в Коми АССР проживает значительное количество немцев, имеются также и ненцы. Ввиду этого карточки 1936 г. были вновь пересмотрены, в результате чего в карточках по сельской местности нашлись карточки, в которых отмечены национальность «ненцы», последние были включены к немцам». Письмо было сопровождено исправленной таблицей, с просьбой ранее высланные таблицы аннулировать¹.

С 1941 г. начинаются выселения советских немцев с мест постоянного проживания по национальному признаку (депортация), которые продолжались до 1948 гг. В официальных документах причина выселения формулировалась как «выселение за принадлежность к вражеской на период войны национальности». В 1939 г. в СССР насчитывалось 1 427 232 немца. Из них 366 685 проживали в АССР немцев Поволжья, 392 485 – на Украине, 51 299 – в Крымской АССР, 34 287 – в Краснодарском крае, 45 689 – в Орджоникидзевском крае, 23 133 – в Азербайджане, 20 527 – в Грузии и т. д.²

По указу Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. № 21–160 «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» была

¹ НАРК. Хр. 1. Ф. 140. Оп. 2. Д. 279. Л. 42.

² Немцы в Республике Коми... С. 3.

начата массовая депортация в Сибирь и Казахстан. Было переселено свыше 400 тыс. человек. По данным исследователя Н.Ф. Бугая – 438280 (или 447168) человек. Помимо Республики немцев Поволжья, выселение лиц немецкой национальности производилось из Тамбовской, Ивановской, Ярославской, Пензенской, Свердловской, Воронежской областей, Чувашской автономной области, Крымской автономной республики, а также с Дона и Северного Кавказа, Закавказья, других территорий европейской части СССР. Как указывает исследователь Н.Ф. Бугай по данным архива спецпоселений НКВД СССР, в 1941 г. – первой половине 1942 г. было доставлено на восток страны в 344 эшелонах 1 084 828 немцев, а всего в 1941–42 гг. было переселено 1 209 430 немцев³.

В начале войны немцы на спецпоселения в Коми АССР поступали в основном в составе эвакуированных из прифронтовых районов, как «лица враждебной на период войны национальности». В соответствии с распоряжением Совета по эвакуации от 27 августа 1941 г. за № 13682-СЭ на предприятиях Наркомлеса СССР предполагалось разместить 95 000 человек, в том числе в Коми АССР на предприятиях Комилеса, Вычегдалеса, Вычегдолесосплава, Лузтранслеса и НКлеса Коми АССР – 18 тысяч человек, вывезенных из Ленинграда и Ленинградской области⁴. На 1 октября 1941 г. в республику поступило 1 411 человек эвакуированных, в основном русские – 834 человека, финны – 221, коми – 180 и евреи – 106 человек, а также украинцы, белорусы, карелы и др.⁵ Среди них не было ни трудпереселенцев, ни немцев.

В конце 1941 г., 25 декабря, в Коми АССР было размещено эвакуированных – 8 147 человек, трудпереселенцев – 8 410, немцев – 2 949. Кроме того, в республику с момента объявления войны прибыло 2 540 спецэвакуированных таким образом всего прибыло в порядке эвакуации – 19 097 человек⁶. (См. Таблицу 2)

Таблица 2.

Размещение эвакуированных и трудпереселенцев в Коми АССР на 25 декабря 1941 г.

Районы	Эвакуированные	Трудпереселенцы	Немцы
г. Сыктывкар	1478	180	5
Сыктывдинский	681	826	-
Сысольский	78	1254	-
Прилузский	410	-	-

³ Бугай Н.Ф. 40-е годы. Автономия немцев Поволжья ликвидировать // История СССР. 1991. № 2. С. 173.

⁴ НАРК. Хр. 1. Ф. 144. Оп. 1. Д. 3244. Л. 69.

⁵ НАРК. Хр. 1. Ф. 605. Оп. 4. Д. 66. Л. 17.

⁶ НАРК. Хр. 2. Ф. 1. Оп. 3. Д. 775. Л. 72.

Летский	1261	-	-
Корткеросский	23	1103	386
Сторожевский	410	-	387
Усть-Куломский	500	755	755
Троицко-Печорский	-	832	832
Усть-Усинский	-	-	-
Усть-Цилемский	-	-	-
Кожвинский	391	1349	855
Ижемский	-	-	-
Ухтинский	167	-	-
Железнодорожный	1162	1135	-
Усть-Вымский	1586	976	29
Всего	8147	8410	2949
по Коми АССР			

Источники: НАРК. Хр. 2. Ф. 1. Оп. 3. Д. 775. Л. 72.

Основную массу эвакуированных трудпереселенцев составили раскулаченные и высланные в Карелию в 1930-е гг. крестьяне, а затем в 1941 г. высланные повторно уже из Карело-Финской ССР в Коми АССР. По данным ОТСП МВД СССР, составленным в 1946 г., в Коми АССР в 1941 г. были эвакуированы находившиеся в Карело-Финской ССР спецпереселенцы «бывшие кулаки», в числе которых было направлено в Коми АССР 635 семей – 2 507 человек «бывших кулаков» немецкой национальности⁷. По учетным документам подвергшиеся повторному выселению немцы были приписаны к трудпоселенцам, то есть к «бывшим кулакам».

По данным Отдела трудспецпоселений НКВД Коми АССР на 20 ноября 1941 г. в Коми АССР прибыло трудпоселенцев немецкой национальности из Беломоро-Балтийского комбината и УББЛАГ НКВД Карело-Финской ССР по эвакуации в августе месяце 1941 г. 710 семей – 2 529 человек, которые были расселены как видно из таблицы в четырех районах Коми АССР. (См. Таблицу 3)

Таблица 3.

Дислокация трудпоселенцев немецкой национальности в Коми АССР в августе 1941 г.

Район	Трудпоселок	Число семей	Число человек
Корткеросский	Певк	106	386

⁷ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 9479. Оп. 1 сч. Д. 265 Л. 52.

Усть-Куломский	5-й участок	49	204
	131 квартал	97	347
	6-й участок	64	204
Троицко-Печорский	Сев-Мылва	60	294
	Лыя-Ди	27	105
	Когиль	56	167
	Дутово	52	157
	Кодач	71	209
Кожвинский	Яран-Курья	60	241
	Сед-Шор	68	315
Всего		710	2529

Источники: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1 сч. Д. 71. Л. 176.

По учету немцев возникает масса вопросов, например, чем отличались эвакуированные трудпереселенцы от эвакуированных немцев, каким образом велся учет этих категорий. Например, как следует из таблицы, немцы в 1941 г. были расселены в Корткеросском районе в поселке Певк. По отчету ОТСП НКВД Коми АССР за 1942 г. следовало, что эвакуированные трудпереселенцы в середине 1942 г. в Корткеросском районе проживали уже в трех поселках Нам – 115 человек, Кия-ю – 208, Веж – 91. Всего 414 человек⁸.

По косвенным данным можно предположить, что немцев среди прибывших в порядке эвакуации было больше, чем 2 529 человек. В 1946 г. председатель Совета Министров Карело-Финской ССР т. (товарищ) Прокконен в обращении в Обком Коми АССР настаивал на возвращении «всего населения», высланного в 1941 г., то есть 7 290 человек⁹. Немцы не подлежали возврату. Прокконен указывал, что немцев среди высланных не было, по данным же МВД Коми АССР, из 7 290 человек «без лиц немецкой национальности» насчитывалось 1 398 человек.¹⁰ Значит, остальные 4892 человека были немцы. В итоге можно сказать, что в 1941 г. немцев-спецпереселенцев в Коми АССР было переселено 7 841 (2949 + 4892) человека.

С другой стороны МВД Коми АССР четко указывал, что трудпереселенцев в Коми АССР в 1941 г. насчитывалось 17 854 человек, с июля по октябрь прибыло из КФССР 7 424 человек (с июля по декабрь – 7 779 человек). В итоге на 1 января 1942 г. общая численность трудпереселенцев, в том числе немцев составляла 25 077 человек.¹¹ (См. Таблицу 4)

⁸ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1 сч. Д. 71. Л. 176.

⁹ Там же. Л. 73.

¹⁰ НАРК. Хр. 2. Ф. 1. Оп. 4. Д. 6. Л. 31–33.

¹¹ Архив МВД Коми АССР. Ф. 31. Оп. 1. Д. 44. Л. 93.

Таблица 4.

ОТЧЕТ
о наличии и движении трудпоселенцев расселенных в Коми АССР
за 1941–1942 гг.

Наименование показателей	Количество человек за второе полугодие 1941 г.	Количество человек за второе полугодие 1942 г.	Количество человек за первое полугодие 1943 г.	Количество человек за второе полугодие 1943 г.
Прибыло за отчетный период				
Родилось	204	205	122	66
Из других республик, краев и областей	7 425	322	115	17
Возвращено из бегов с задержанием	108	113	20	1
Возвратившихся из побегов добровольно		256		13
Освобожденных из мест заключения	27	67	79	63
Взято на учет ранее переданных в детские и инвалидные дома	15	-	-	-
Принятых из Воркутстроя НКВД СССР	-	-	1404	-
Прочие причины	-	-	-	101
Всего	7 779	963	2276	837
Убыло за отчетный период				
Освобождено по постановлению СНК СССР от 22 октября 1938 г. за № 1143-280с	90	838	954	123
В соответствии с постановлением СНК и ВКП(б) от 15 декабря 1935 г. за № 2663	39	-	-	-
По приказу НКВД СССР от 22 октября 1942 г. за № 002303	-	771	3484	496
Передано на иждивение	3	-	-	-
В другие республики края, области	76	108	23	-
Бежало		3	14	7

Осуждено	101	233	211	62
Умерло	247	452	407	251
Другие причины убийтия, в том числе РККА	-	2481	648	686
Всего убыло	556	4949	5741	1635
Количество человек на конец полугодия.	23 506	20 122	16 657	15 859

Составлено по: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1сч. Д. 74. Л. 207; Д. 106. Л.42; Д. 133. Л. 257.

К 1941 г. в Коми АССР было 63 трудпоселка, размещенных в 10 районах, из них 34 трудпоселка – «старые», то есть организованные в 1930–31 гг. В связи с эвакуацией трудпоселенцев из КФССР вновь организовано было 29 трудпоселков, которые в делопроизводственной документации обозначались как «новые поселки». По данным МВД Коми АССР в 1943 г. существовало 64 трудпоселка, в которых проживали трудпоселенцы, в том числе немецкой национальности.¹²

В первой половине 1940-х гг. при учете всех спецконтингентов велся особый учет категории «спецпереселенцы, в том числе немцы» (или трудссылка, трудпоселенцы, трудпереселенцы), наибольшее количество которых было учтено в 1942 г. – более 25 тыс. человек, после 1942 г. их численность снижается. (См. Таблицу 5)

Таблица 5.

**Количество трудпоселенцев, в том числе немцев в Коми АССР
в первой половине 1940-х гг.**

Дата	Число поселков	Количество трудпереселенцев
1 января 1941 г.	35	17 492
1 января 1942 г.	63	25 077
1 июля 1942 г.	-	23 506
1 января 1943 г.	64	20 122
1 мая 1944 г.	Нет сведений	15 179
1 января 1945 г.	Нет сведений	14 275
1 января 1946 г.	Нет сведений	12 323

Составлено по: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1сч. Д. 106. Л.42; Д. 74. Л. 207; Д. 62. Л. 116-117; Архив МВД РК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 44. Л. 111; Д. 57. Л. 2, 11.

На 1 мая 1944 г. всего было учтено 15 179 трудпереселенцев («бывшие кулаки» и немцы, высланные из Карело-Финской ССР), которые проживали в 11 районах республики и г. Сыктывкаре. Наибольшее количество трудпереселенцев,

¹² Архив МВД РК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 44. Л. 93.

2 436 человек, проживало в Железнодорожном районе. Из общего количества спецпереселенцев мужчин насчитывалось – 3 839, женщин – 6 144, детей до 16 лет – 5 196, то есть основную массу населения в трудпоселках составляли женщины и дети.¹³ Потребность в рабочих руках привела к заселению новых партий спецпереселенцев, в том числе немцев, выселенных в отдаленные районы страны для проживания в режиме спецпоселения в процессе репатриации.

Процесс репатриации-возвращения граждан СССР с оккупированных Германией во время войны территорий и с территории Германии начался в 1944 г. После проверки в проверочно-фильтрационных пунктах репатриированные частично возвращались свободными гражданами, частично в связи с определенной «неблагонадежностью» отправлялись на спецпоселение и в лагеря. В Коми АССР прибывали репатриированные всех категорий, как свободные, так и ограниченные в правах проживания. В том числе на спецпоселения направлялись «немцы» и «фольксдойче», «власовцы», ОУНовцы, а также высланные из Прибалтики и Молдавии.

Так как в Коми АССР одновременно стали прибывать репатриированные и в спецпоселки и в коми села, то возникала путаница. В течение 1945 г. выясняли, к какой категории относятся неучтенные по Сторожевскому району четыре человека репатриированных, к концу года список репатриированных уже включал 70 человек по району. Для прояснения ситуации НКВД Коми АССР в октябре 1945 г. было издано следующее разъяснение:

«В связи с запросами с мест, считать ли репатриированными военнослужащих, прибывших с территории Германии – разъясняется:

Военнослужащие, прибывшие из Германии через проверочно-фильтрационные пункты, считаются репатриированными и при прибытии к месту жительства они должны быть взяты на учет и проверяются в соответствии с приказами НКВД и НКГБ СССР №00865 1945 г.

Военнослужащие, прибывшие из Германии через воинские части, к числу репатриированных не относятся.

Одновременно прошу, своевременно представлять согласно данных приказов сведения: месячные – к 1-му числу следующего за отчетным месяца, декадные – к 1, 10 и 20 числу ежемесячно с приложением учетных карточек формы №1.»¹⁴

Немцы высланные с 1944 г. в учитывались в документах как отдельная категория – «спецпереселенцы-немцы». В первой половине 1945 г. спецпереселенцы-немцы расселялись только в трех районах, Сыктывдинском, Усть-Вымском, Корткеросском и в пригородах г. Сыктывкара. Во второй половине 1945 г. репатриированные немцы были расселены уже практически во всех районах Коми АССР. В третьем квартале 1945 г. наибольшее число данной категории высланных проживало в пригородах г. Сыктывкара (1 640 человек), а также

¹³ Архив МВД РК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 44. Л. 111.

¹⁴ Архив МВД РК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 59.

в Ухтинском (879 человек) и Кожвинском (624 человека) районах. Из общего количество высланных немцев большинство составляли женщины и дети, мужчин насчитывалось всего 11%, женщин – 45% и детей – 44%. (См. Таблицу 6)

Таблица 6.

Сведения о составе спецпереселенцев-немцев по районам Коми АССР

За первый квартал 1945 г.

	Район	Количество спецпереселенцев-немцев				
		Всего		В том числе		
		Семей	Человек	Мужчин	Женщин	Детей
1	Сыктывдинский	162	284	85	162	37
2	Корткеросский	134	230	35	145	50
3	г. Сыктывкар, спецпоселок Стройтрест	81	163	59	83	21
4	г. Сыктывкар, спецпоселок Лесозавод	67	207	67	110	30
5	Усть-Вымский	28	89	6	32	51
	Всего по Коми АССР	472	973	252	532	189

Источники: Архив МВД РК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 57. Л. 13 об.

За второй квартал 1945 г.

	Район	Количество спецпереселенцев-немцев				
		Всего		В том числе		
		Семей	Человек	Мужчин	Женщин	Детей
1	Сыктывдинский	153	265	75	153	37
2	Усть-Вымский	29	96	5	30	55
3	Корткеросский	126	214	27	138	49
4	г. Сыктывкар, Стройтрест и Лесозавод	364	1029	200	424	395
	Всего по Коми АССР	672	1598	317	745	536

Источники: Архив МВД РК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 57. Л. 15 об.

За третий квартал 1945 г.

	Район	Количество спецпереселенцев-немцев				
		Всего		В том числе		
		Семей	Человек	Мужчин	Женщин	Детей
1	Сыктывдинский	143	248	63	148	37
2	Усть-Вымский	29	86	5	30	51

3	Корткеросский	112	189	20	120	49
4	г.Сыктывкар	527	1640	243	685	712
5	Ухтинский	203	879	77	401	401
6	Кожвинский	186	624	30	275	319
7	Троицко-Печорский	91	397	18	172	207
8	Усть-Уса	119	316	15	157	144
9	Усть-Цилемский	37	107	17	38	52
	Всего по Коми АССР	1447	4486	488	2026	1972

Источники: Архив МВД РК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 57. Л. 16 об.

Самый массовый поток репатриированных немцев был направлен в Коми АССР в 1946 г. В январе 1946 г. на пересылочные пункты прибыло репатриированных немцев 9 405 человек: Айкино – 4 338 Жешарт – 1 162 Княжпогост – 2 955 Мураши – 650 Вогваздино – 300.¹⁵ Всего по СССР на спецпоселениях в 1946 г. (включая переселенных с 1941 г.) находилось более 1 млн. немцев. Среди переселенных в Коми АССР немцев преобладали уроженцы Одесской, Николаевской, Запорожской, Житомирской, Днепропетровской областей Украины. Наибольшее число репатриированных немцев было заселено в г. Сыктывкар и пригороды (2 821 человек), Усть-Вымский район (1 790), Сыктывдинский (1 301) и Железнодорожный (1 301). В целом по республике немцы были расселены в 171 населенном пункте¹⁶.

Наибольшая численность спецпереселенцев-немцев в Коми АССР приходится на середину 1946 г. (4 365 семей или 12 924 человека), в том числе мужчин 2 168, женщин 5 397, детей 5 341. В течение второй половины 1940-х гг. численность спецпереселенцев-немцев остается достаточно стабильной. (См. Таблицу 7)

Таблица 7.

Движение спецпереселенцев-немцев, расселенных в Коми АССР в 1945–50-е гг.

№ пп.	По состоянию на:	Количество спецпереселенцев				
		Всего		В том числе		
		Семей	Человек	Мужчин	Женщин	Детей
1.	1 января 1945 г.	160	310	68	176	66
2.	1 января 1946 г.	2325	7401	1064	3231	3106
3.	1 января 1947 г.	4146	12491	2117	5199	5175
4.	1 января 1950 г.	3810	11244	2476	4820	3948
5.	1 декабря 1950 г.	3869	11256	2423	4782	4051

Составлено по: Архив МВД РК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 66. Л. 19; Д. 167. Л. 11, 56; Д. 57. Л. 13, 18.

¹⁵ Подсчитано по: НАРК. Хр. 1. Ф. 144. Оп. 1. Д. 3425. Л. 1, 17.

¹⁶ Немцы в Республике Коми... С. 16, 20.

В отличие от многих других категорий спецпереселенцев, как, например, «бывших кулаков», до середины 1950-х гг. немцы не подлежали частичному освобождению, поэтому численность немцев на спецпереселениях практически не изменилась и в 1953 г. по Коми АССР составила 12 141 человек¹⁷. По данным на 1 января 1953 г. всего на учете спецпоселений в СССР состояло 208388 репатриированных немцев.¹⁸

Частичное освобождение немцев начинается с 1954 г. Постановлением Совета Министров СССР № 1439-649 от 5 июля 1954 г. с немцев-спецпоселенцев были сняты некоторые ограничения: они могли свободно передвигаться в пределах республик, краев, областей, выезжать в командировки, являться на отметку в органы МВД один раз в год. С учета спецпоселения были сняты дети немцев. На основе Указа Президиума Верховного Совета СССР от 13 дек. 1955 г. были сняты ограничения в правовом положении немцев и членов их семей, находившихся на спецпоселении. Однако право возвращения на места, откуда они были высланы, немцы по-прежнему были лишены. Лишь по прошествии почти десяти лет, в 1964 г., были сняты обвинения. Они освобождались из-под административного надзора. Но только в 1972 г. им было разрешено селиться в других районах страны и возвращаться в другие места. То есть их численность немцев на спецпоселениях за счет освобождения ни в 1950-е гг., ни даже в 1960-е гг. практически не уменьшалась. Резкое сокращение граждан немецкой национальности в местах спецпоселений произошло в 1970-е гг., когда они начали выезжать за пределы бывших спецпоселков, имевших в то время уже статус рабочих поселков.

¹⁷ Земсков В.Н. Заключенные, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные // История СССР. 1991. № 5. С. 155–157.

¹⁸ Земсков В.Н. Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба (1944–1956 гг.) // Социс, 1995. № 6. С. 11.

Российские немцы в Республике Коми мониторинг ситуации с окружающим миром

Цель статьи. Для каждого поколения российских немцев выявить особенности восприятия себя частью народа, подвергшегося депортации, а затем политическим репрессиям. Привести примеры (социологические интервью) представителей разных поколений, воспринимающих себя «я – немец, мой народ, мои ближайшие родственники были депортированы и подверглись политическим репрессиям, имеет ли это ко мне отношение сегодня?» Статья не претендует на политические или иные выводы. Главное – показать основные ценности российских немцев 2000-х гг., живущих и собирающихся и дальше жить в России.

Используемые методы: исторический, статистического и демографического анализа, социологический – анкетный опрос и интервью.

Группировка поколений по отношению к депортации. У каждого человека сохраняются воспоминания о своем детстве. Они могут быть позитивными или, наоборот, нести отголоски несправедливости, чего-то недополученного и безвозвратно потерянного. Исходя из этого, дается оценка той действительности, тому восприятию мира, той эпохе. Всех российских немцев, в зависимости от возраста, можно разбить на четыре большие возрастные группы (берем в расчет только ныне живущих).

Первая самая пострадавшая группа – родившиеся до начала войны. Тем, кто появился на свет в 1941 г., в текущем 2011 г. исполняется 70 лет. Родившимся в предвоенные 1930-е гг. далеко за 70, а наиболее жизнестойким – за 80 лет. Но таких людей – единицы. Это поколение на своих плечах выдержало все трудности депортации, понесло самые большие материальные, моральные и физические потери. Но как это ни странно, они меньше всего высказывают претензий к правящему в то время режиму.

Ко второй группе можно отнести тех, кто родился в период с 1941 по 1960 г. Это поколение вместе с родителями перенесло все претензии окружающих сообществ к лицам немецкой национальности. Они в полной мере узнали, что такое дискриминация по национальному признаку. Проявлялась она во всем: при поступлении в учебные заведения, на работу, на государственную службу, на службу в органы МВД или КГБ и т.д.

К третьей группе отнесем родившихся в 1960–1970-е гг. Это поколение российских немцев уже могло спокойно, без боязни говорить о своем происхождении, изучать немецкий язык и интересоваться немецкой культурой. В этот период времени на различных должностях начинают работать немцы и это становится обычной практикой.

И к последней четвертой группе отнесем всех тех, кто родился в 1980-е и последующие годы. Это поколение не только не скрывает своей национальной

принадлежности, но и, наоборот, гордится этим и старается получить максимум пользы от этого. Это проявляется при поступлении на совместные российско-немецкие предприятия, при получении визы для поездки в Германию или получения вида на постоянное место жительства.

Мы отдаем себе отчет, что это деление условно. Но используя такой подход, можно более обоснованно или более научно посмотреть на проблему «преодоления синдрома репрессированного народа». Поскольку для каждого поколения российских немцев оно имеет разное значение.

Расселение российских немцев. Проследить основные места вселения депортированных немцев можно при сравнении национального состава населения областей и союзных республик в 1939 и в 1959 гг. При всей ограниченности такого сравнения, более точной информации просто нет. Данные НКВД и других репрессивных органов дают информацию о местах предполагаемого вселения депортированных немцев, но сколько их доехало и осталось в живых в последующие годы попросту отсутствуют. Не было такой потребности или ресурсы труда были настолько дешевыми, что не имело смысла их особо учитывать.

Таблица 1.

Численность немцев в составе населения отдельных республик и областей СССР по данным переписей населения 1939 г. и 1959 г.¹

Республики и области	1939 г.			1959 г.		
	все население, человек	в т.ч.		все население, человек	в т.ч.	
		немцы	в % к итогу		немцы	в % к итогу
Все население СССР	170557093	1427232	0,8	208826650	1619655	0,8
РСФСР	109397463	862504	0,8	117534306	820091	0,7
Казахская ССР	6151102	92571	1,5	9294741	658698	7,1
Киргизская ССР	1458213	11741	0,8	2065837	39915	1,9
Таджикская ССР	1484440	2022	0,1	1980547	32588	1,6
Украинская ССР	30946218	392458	1,3	41869046	23243	0,1
Коми АССР	318996	2617	0,8	806199	19805	2,4
Алтайский край	2498597	33203	1,3	2683231	143074	5,3
Красноярский край	1960524	3962	0,2	2615098	66733	2,6
Новосибирская обл.	4050260	8394	0,2	2298481	78769	3,4
Омская обл.	2378410	59832	2,5	1645017	105728	6,4

¹ <http://demoscope.ru/>

Из приведенных данных хорошо видно, что в целом по Союзу ССР численность немцев увеличилась на 192 423 человека, в РСФСР она снизилась на 42 413 человек, Украинская ССР недосчиталась 36 9215 человек. В других областях и союзных республиках произошел рост численности немцев – это прямой результат депортации.

Результаты мониторинга. Специальных социологических исследований, посвященных депортации российских немцев и политическим репрессиям их и их детей нет (или мы с ними не знакомы). Возможно, не было такого политического заказа или «научной потребности». Однако есть ряд исследований, по которым можно оценить отношение российских немцев к той или иной проблеме российского общества, что косвенно позволяет оценить или замерить восприятие немцами окружающей действительности.

В нашем распоряжении имеются материалы трех мониторингов, посвященных межнациональным отношениям в Республике Коми. Все три мониторинга проводились по единой методике, в выборке были представлены три города: Сыктывкар (доля немцев – 1,4%), Ухта (0,8%) и Усинск (0,3%) и три района: Ижемский (0,0%), Княжпогостский (0,9%) и Усть-Куломский (0,5%)², объем выборки составлял примерно 600 человек ежегодно.

Приведем описание выборки за последний 2010 г.³ В выборке приняло участие 46,8% мужчин и 53,2% женщин. На молодежь в возрасте до 29 лет приходится 29,1%, от 30 до 39 лет – 22,7% и старше 40 лет – 48,2%. Более половины респондентов состоит в зарегистрированном браке – 53,7%, 22,1% – никогда не состояли в браке, 9,2% – состоит в незарегистрированном браке. В выборке все социальные слои общества представлены довольно равномерно: руководителей – 8,7%, специалистов – 23,1%, служащих – 16,7%, рабочих – 26,4%, неработающих пенсионеров – 8,8%, студентов – 8,7%, безработных – 3,7% и домохозяйек – 2,7%. Опрошенные респонденты имеют высокий образовательный уровень (%): высшее или незаконченное высшее, в т.ч. послевузовское – 38,9; среднее профессиональное – 24,3; начальное профессиональное – 13,6; полное среднее – 14,2; общее основное и начальное – 9,0.

В нашем случае особый интерес при характеристике выборочной совокупности имеет представительство в ней разных национальностей. Среди опрошенных 35,3% – коми, 47,1 – русские, 6,9 – украинцы, 3,7 – татары, 1,2 – чуваша, 1,0 – белорусы, 0,8 – немцы, 0,8% – молдаване и на другие национальности приходится 3,0%.

В ходе опроса респондентам был задан вопрос о национальности их супругов. Ответы на этот вопрос позволяют судить об ассимиляционных

² Сколько нас? Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. по Республике Коми: Стат. сборник / Комистат. – Сыктывкар, 2005. – С. 64.

³ Мониторинг ситуации в области межнациональных отношений в Республике Коми: информационный бюллетень / Отв. ред. проф. В.В. Фаузер. Сыктывкар, 2011. Вып. 3. – 76 с.

процессах и распространенности межнациональных браков. Так супругами опрошенных респондентов по национальности стали (%): русские – 48,1; коми – 36,9; украинцы – 7,6; татары – 2,3; белорусы – 1,3; чуваша – 1,3; немцы – 0,5; молдаване – 0,2; другой национальности – 1,8. Выше всего доля однонациональных браков среди русских – 70,0%; у коми она составляет 68,7%; у татар – 28,6%; у украинцев – 26,7%. Данные о распределении межнациональных браков среди немцев выглядят так: 2008 г. – супругами немцев по национальности стали (%): русские – 54,5, коми – 18,2, украинцы – 9,1, другой национальности – 18,2; 2009 г. – супругами немцев по национальности стали (%): русские – 66,7, коми – 33,3; 2010 г. – супругами немцев по национальности стали (%): русские – 40,0, коми – 40,0, другой национальности – 20,0 (табл. 2).

Таблица 2.

Распределение респондентов по национальности супруга (и), %

Национальность	Национальность супруга (и)						
	коми	русский (ая)	украинец (ка)	татарин (ка)	белорус (ка)	немец (ка)	другие
Коми	68,7	19,1	5,3	1,5	2,3	0,0	3,1
Русский (ая)	19,0	70,0	6,8	1,6	0,5	0,5	1,6
Украинец (ка)	26,7	43,3	26,7	0,0	0,0	0,0	3,3
Татарин (ка)	28,6	35,7	0,0	28,6	0,0	7,1	0,0
Белорус (ка)	0,0	50,0	25,0	0,0	25,0	0,0	0,0
Немец (ка)	40,0	40,0	0,0	0,0	0,0	0,0	20,0
Другие	30,0	50,0	0,0	0,0	0,0	0,0	20,0

Долгое проживание в многонациональной среде сформировало у населения республики позитивное отношение к межнациональным бракам. При выборе брачного партнера население руководствуется простым житейским принципом: «был бы человек хорошим». Только незначительная часть респондентов считала межнациональный брак нежелательным: 2008 г. – 6,3%, 2009 г. – 3,6%, 2010 г. – 8,0%. Однако события последнего 2010 г., когда начались громкие бракоразводные дела с «делением» детей между отцом и матерью разной национальности, при последующих опросах могут изменить отношение населения к заключению подобных браков.

Если посмотреть ответы респондентов по их отношению к межнациональным бракам в разрезе отдельных национальностей, то можно отметить

следующее. В 2010 г. уменьшилась доля коми, русских и немцев, считающих, что «национальность не имеет значения, главное личные качества человека» с 66,9% в 2008 г. до 55,8%; с 55,6% до 53,1% и с 69,2% до 50,0% соответственно; у других национальностей по этой позиции произошла позитивная динамика. К числу негативных моментов в 2010 г. следует отнести то, что у представителей всех национальностей увеличилась доля «считающих межнациональный брак нежелательным» и уменьшилась доля, «считающих такой брак желательным» (исключение татары, здесь доля увеличилась с 8,7% до 13,6%), тогда как в 2009 г. наблюдалась обратная картина по сравнению с 2008 г. В 2010 г. среди немцев не оказалось респондентов, кто бы считал межнациональный брак желательным, в то время как в 2008 г. таких было 7,7%. Также можно отметить, что если в 2008–2009 г. не было респондентов-немцев считающих межнациональный брак нежелательным, то в 2010 г. их стало – 16,7% (табл. 3).

Таблица 3.

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы относитесь к межнациональным бракам?» в зависимости от национальности, 2008–2010 гг., %

Национальность	Считают такой брак желательным	Лучше, когда сын или дочь нашли бы в спутники жизни человека нашей национальности, но против межнационального брака не возражали бы	Национальность не имеет значения, главное личные качества человека	Считают такой брак нежелательным	Затруднились ответить
2008 г.					
В целом по выборке	10,7	19,0	59,0	6,3	5,0
Коми	11,6	15,8	66,9	3,4	2,3
Русские	10,5	19,4	55,6	7,7	6,8
Украинцы	5,3	21,0	55,3	13,1	5,3
Татары	12,0	24,0	40,0	12,0	12,0
Немцы	7,7	23,1	69,2	0,0	0,0
2009 г.					

В целом по выборке	15,2	18,0	54,6	3,6	8,6
Коми	18,9	20,6	50,0	2,1	8,4
Русские	13,0	15,2	58,7	3,4	9,7
Украинцы	13,3	16,7	60,0	3,3	6,7
Татары	8,7	30,4	43,5	4,4	13,0
Немцы	20,0	40,0	40,0	0,0	0,0
2010 г.					
В целом по выборке	10,5	18,5	54,4	8,0	8,6
Коми	12,0	21,6	55,8	5,3	5,3
Русские	8,3	16,2	53,1	9,8	12,6
Украинцы	9,8	17,1	65,8	4,9	2,4
Татары	13,6	18,2	50,0	9,1	9,1
Немцы	0,0	16,7	50,0	16,7	16,6

В продолжение вышеизложенного материала респондентам был задан вопрос об идеальном брачном партнере по национальности. Для большинства респондентов (60,3%) национальность супруга не имеет значения. Респонденты-немцы на него ответили так (%): 80% – национальность супруга не имеет значения, 20% – желательно моей национальности, но не обязательно.

Представляют интерес ответы на вопросы относительно внешней среды, где живут немцы Республики Коми. В качестве основных для анализа возьмем 6 вопросов: (1) «Бывает ли так, что Вы лично испытываете (или не испытываете) раздражение или неприязнь по отношению к представителям той или иной национальности?»; (2) «Как Вы считаете, возможно ли в вашем населенном пункте возникновение конфликтов на национальной почве?»; (3) «Как Вы относитесь к тому, что на предприятиях Республики Коми все чаще можно встретить рабочих из ближнего и дальнего зарубежья?»; (4) «Как складываются отношения между коренным населением и приезжими?»; (5) «Для Вас предпочтительней было бы, чтобы Ваши дети учились среди детей какой национальности?»; (6) «Как Вы полагаете, нужно ли жителям республики знать культуру коми народа, среди которого они живут?»

Требуют взвешенной оценки ответы на первый вопрос: «Бывает ли так, что Вы лично испытываете (или не испытываете) раздражение или неприязнь по отношению к представителям той или иной национальности?». Материалы мониторинга показали, что в своем большинстве – 51,5% (2008 г. – 57,2%, 2009 г. – 55,6%) жители республики не испытывают раздражение или неприязнь по отношению к представителям иной национальности, но из года в год их доля уменьшается, более терпимы к лицам

другой национальности жители сел и деревень – 55,2% (2008 г. – 63,8%, 2009 г. – 63,1%). Однако следует обратить внимание, что около трети респондентов испытывает раздражение или неприязнь по отношению к представителям иной национальности и доля их заметно выросла с 26,9% в 2008 г. до 32,7% в 2010 г., более «агрессивно» городское население (34,3%). При этом доля тех, кто затрудняется с ответом, практически неизменна: 2008 г. – 15,9%, 2010 г. – 15,8%. Следовательно, за прошедшие три года выросла доля людей, столкнувшихся с межэтническими проблемами. Что касается немцев, то видно, что в 2010 г. среди испытывающих раздражение или неприязнь по отношению к представителям той или иной национальности она самая высокая, одновременно среди них и одна из самых низких доля тех, кто не испытывает раздражения и неприязни к лицам иной национальности (табл. 4).

Таблица 4.

Распределение ответов на вопрос: «Бывает ли так, что Вы лично испытываете или не испытываете раздражение или неприязнь по отношению к представителям той или иной национальности?» в зависимости от национальности, 2008–2010 гг., %

Националь- ность	Испытывают или не испытывают раздражение или непри- язнь к представителям другой национальности								
	испытывают			не испытывают			затруднились ответить		
	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.
Коми	24,2	19,4	31,1	58,7	62,0	53,9	17,1	18,6	15,0
Русские	31,0	33,8	37,3	54,0	48,0	46,7	15,0	18,2	16,0
Украинцы	21,0	36,6	24,4	55,3	56,7	56,1	23,7	6,7	19,5
Татары	34,0	40,9	13,6	56,0	50,0	77,3	20,0	9,1	9,1
Белорусы	26,7	10,0	16,7	60,0	80,0	66,6	13,3	10,0	16,7
Немцы	23,1	40,0	40,0	61,5	40,0	40,0	15,4	20,0	20,0
Чуваши	0,0	28,6	14,3	85,7	71,4	85,7	14,3	0,0	0,0
Молдаване	33,3	25,0	20,0	33,3	75,0	40,0	33,4	0,0	40,0
Другая	14,3	22,2	38,9	85,7	72,2	38,9	0,0	5,6	22,2

Наше исследование можно дополнить материалами социологических опросов, проведенных Всероссийским центром изучения общественного мнения в 2005–2010 гг., где конкретно был поставлен вопрос о том, представители каких народов вызывают наибольшую неприязнь (табл. 5).

Таблица 5.

**Назовите, пожалуйста, нации и народы, представители которых вызывают у Вас чувство раздражения, неприязни?
(открытый вопрос, любое количество ответов)⁴**

	2005 г.	2006 г.	2009 г.	2010 г.
Кавказцы (азербайджанцы, армяне, грузины, ингуши, дагестанцы, чеченцы и т.д.)	23	29	29	29
Народы Средней Азии (таджики, узбеки, казахи)	4	2	6	6
Евреи	2	1	2	3
Прибалты (латыши, литовцы, эстонцы)	3	2	3	1
Европейцы (англичане, немцы)	1	0	2	1
Молдаване	1	0	1	0
Таких народов нет	34	41	55	56
затрудняюсь ответить	30	20	8	9

Как видно из ответов ни англичане, ни немцы не вызывают у россиян чувство раздражения, неприязни.

В ходе опроса респондентам был задан вопрос: «Как Вы считаете, возможно ли в вашем населенном пункте возникновение конфликтов на национальной почве?». Были получены следующие ответы: 45,0% (2008 г. – 40,9%, 2009 г. – 46,4%) полагают, что нет, невозможно возникновение конфликтов на национальной почве в месте их проживания; 37,9% (2008 г. – 39,6%, 2009 г. – 30,1%) опрошенных считает, что такая возможность есть; 17,1% затруднились ответить. Следует обратить внимание, что 55,1% городских жителей считает возможным возникновение конфликтов на национальной почве в месте их проживания, на селе эта доля в 2,6 раза ниже – 21,4%.

Среди опрошенных немцев самая низкая доля тех, кто «полагает, что нет, невозможно возникновение конфликтов на национальной почве в месте их проживания» – 20,0% (2008 г. – 53,8%, 2009 г. – 80,0%). В 2010 г. 40,0% опрошенных считает, что такая возможность есть и столько же затруднились ответить (табл. 6).

⁴ <http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=13515>

Таблица 6.

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, возможно ли в Вашем населенном пункте возникновение конфликтов на национальной почве?» в зависимости от национальности, 2008–2010 гг., %

Националь- ность	Возможно ли в Вашем населенном пункте возникновение конфликтов на национальной почве								
	полагают, что нет, невозможно			такая возможность есть			затрудились ответить		
	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.
Коми	52,3	54,4	58,8	27,6	21,8	26,0	20,1	23,8	15,2
Русские	35,0	36,8	37,2	49,4	35,7	45,1	15,6	27,5	17,7
Украинцы	42,1	46,7	31,7	31,6	40,0	43,9	26,3	13,3	24,4
Татары	36,0	47,6	36,4	36,0	42,9	50,0	28,0	9,5	13,6
Белорусы	26,7	100,0	50,0	40,0	0,0	33,3	33,3	0,0	16,7
Немцы	53,8	80,0	20,0	23,1	20,0	40,0	23,1	0,0	40,0
Чуваши	42,9	28,6	57,1	14,2	42,8	14,3	42,9	28,6	28,6
Молдаване	0,0	75,0	60,0	66,7	25,0	20,0	33,3	0,0	20,0
Другая	14,3	50,0	44,4	57,1	38,9	50,0	28,6	11,1	5,6

В условиях экономического кризиса и нехватки рабочих мест, особенно в сельской местности, актуальными являются ответы на вопрос: «Как Вы относитесь к тому, что на предприятиях Республики Коми все чаще можно встретить рабочих из ближнего и дальнего зарубежья?». К привлечению иностранной рабочей силы 46,8% респондентов относятся «нейтрально»; 34,2% – «отрицательно» и только 11,8% – «положительно». Наиболее жесткую политику по отношению к иностранной рабочей силе занимают сельские жители, отрицательное отношение высказали 39,3% опрошенных респондентов. Негативное отношение к иностранной рабочей силе у селян вызвано тем, что на селе достаточно сложно найти работу, а тут еще приезжие (иностранцы) стали создавать конкуренцию на рынке труда. Доля отрицательно относящихся к представителям ближнего зарубежья (с которыми недавно жили в одном государстве) выросла всего за три года: с 26,5% в 2008 г. до 34,2% в 2010 г.

Здесь показательны ответы немцев. Приехавшие не по своей воле в республику, продолжая здесь жить и работать, в своем большинстве отрицательно относятся к привлечению иностранной рабочей силы – 60,0% – это самый высокий показатель среди всех опрошенных национальностей. Среди немцев уже два года нет ни одного человека, кто бы положительно высказался за привлечение иностранцев (табл. 7).

Таблица 7.

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы относитесь к тому, что на предприятиях Республики Коми все чаще можно встретить рабочих из ближнего и дальнего зарубежья?» в зависимости от национальности, 2008–2010 гг., %

Националь- ность	Относятся к тому, что на предприятиях Республики Коми все чаще можно встретить рабочих из стран ближнего и дальнего зарубежья								
	положительно			нейтрально			отрицательно		
	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.
Коми	12,5	10,1	5,9	46,8	38,0	43,1	34,6	44,3	42,7
Русские	10,3	7,8	10,9	55,4	54,7	47,5	24,9	27,0	34,4
Украинцы	31,6	30,0	29,3	39,5	53,4	51,2	13,1	13,3	17,1
Татары	8,0	18,2	14,3	52,0	59,1	66,7	16,0	9,1	9,5
Белорусы	20,0	30,0	16,7	66,7	50,0	33,3	13,3	10,0	50,0
Немцы	15,4	0,0	0,0	46,1	40,0	20,0	30,8	60,0	60,0
Чуваши	14,3	0,0	14,3	85,7	71,4	71,4	0,0	14,3	0,0
Молдаване	33,3	75,0	40,0	0,0	0,0	60,0	33,3	0,0	0,0
Другая	47,6	5,6	38,9	47,6	61,1	44,4	4,8	22,2	16,7

По результатам мониторинга следует отметить негативную ситуацию: доля респондентов, считающих, что между приезжими и коренным населением есть напряженность, превышает долю тех, кто считает, что такой напряженности нет (35,3% против 31,0%). Также обращает на себя внимание высокий процент затруднившихся ответить (33,7%, 2010 г.). При тщательном выяснении причин такого ответа часто выясняется, что люди просто еще не столкнулись непосредственно с этой проблемой, либо не могут выразить своего отношения, но не считают ситуацию беспроблемной и при изменении ситуации они могут изменить свою позицию. Ответы на этот вопрос в зависимости от национальности респондентов представлены в табл. 8.

Таблица 8.

Распределение ответов на вопрос: «Как складываются отношения между коренным населением и приезжими?» в зависимости от национальности, 2008–2010 гг., %

Национальность	Как складываются отношения между коренным населением и приезжими								
	отношения стабильны и бесппроблемны			характерна определенная степень напряженности			сильная напряженность, чреватая конфликтами		
	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.
Коми	33,7	32,6	28,4	26,7	24,9	29,9	3,5	3,4	4,4
Русские	26,0	28,2	31,5	36,1	30,5	32,3	5,5	2,6	4,7
Украинцы	40,6	50,0	42,5	21,6	33,3	17,5	16,2	0,0	7,5
Татары	44,0	40,9	19,0	24,0	22,7	42,9	0,0	0,0	4,8
Белорусы	21,4	70,0	33,3	42,9	10,0	33,3	0,0	0,0	0,0
Немцы	54,5	60,0	0,0	9,1	20,0	50,0	0,0	0,0	0,0
Чуваши	71,4	28,6	57,1	14,3	28,6	0,0	0,0	0,0	0,0
Молдаване	0,0	100,0	40,0	33,3	0,0	40,0	0,0	0,0	0,0
Другая	23,8	44,4	33,3	42,8	38,9	38,9	4,8	0,0	0,0

Среди опрошенных очень низкая (или отсутствует совсем) доля респондентов, кто считает, что в республике между коренным населением и приезжими сильная напряженность, чреватая конфликтами. По двум другим оценкам видно, что шло улучшение ситуации в период с 2008 по 2009 г., а затем ее ухудшение.

Респонденты-немцы по этому вопросу заняли своеобразную позицию. В 2010 г. не стало респондентов, кто бы оценил ситуацию между коренным населением и приезжими как стабильную и бесппроблемную (с 2008 по 2009 г. доля ответивших положительно увеличилась с 54,5 до 60,0%). Зато резко возросла доля тех, кто затруднился ответить: 2008 г. – 36,4%, 2009 г. – 20,0%, 2010 г. – 50,0%.

Сегодня много говорится и пишется о том, что приезжее население – выходцы из Кавказа и среднеазиатских республик не спешит интегрироваться в местные сообщества, а пытается жить своими этническими анклавами. Нет у них стремления не только учить русский язык, но и языки местных сообществ (коми, татар, чувашей и т.д.). Они стремятся создавать по этническому признаку школы, классы, музеи, микрорайоны проживания и пр.

Формально немцы так же, как и кавказцы и жители Средней Азии, не являются местным или коренным народом северных территорий. Следовательно, местные сообщества могут и к ним предъявить аналогичные требования по интеграции в местные сообщества. По ряду позиций мы выше уже изложили

ответы немцев. Остановимся еще на ряде сторон общественной жизни, раскрывающих или характеризующих немцев в интеграционных процессах.

Респондентам был задан вопрос: «В каком населенном пункте лучше всего жить человеку?» На него респонденты-немцы ответили так (%): там, где все или большинство жителей – люди нашей национальности – 20,0%, там, где население многонациональное и есть люди нашей национальности – 00,0%, национальный состав жителей не имеет значения – 80,0%, затруднились ответить – 0,0%.

Мониторинг показал, что среди опрошенных немцев знают свой родной язык хорошо – 20,0%, знают, но не очень хорошо – 40,0% и совсем не знают – 40,0%.

Немцы Республики Коми обычно общаются с друзьями и знакомыми на русском языке (60%), по 20% – больше на русском, чем на коми и на коми и на русском языках в равной степени. В семье 80% немцев общаются на русском языке и 20% – на коми и на русском языках в равной степени.

Периодически возникают дискуссии по вопросу – должны или нет пришлые люди знать местный язык. Для выяснения ситуации респондентам был задан вопрос: «Как Вы считаете, желательно или нежелательно, чтобы ваши дети или внуки владели коми языком?». На него респонденты немцы ответили так (%): да, желательно – 20,0%, нет, не желательно – 20,0%, затруднились ответить – 60,0%.

И еще респондентам был задан очень важный вопрос: «Для Вас предпочтительней было бы, чтобы ваши дети учились среди детей какой национальности?». Жителям республики в своем большинстве не существенно, среди детей какой национальности будут учиться их дети, так считает половина респондентов – 54,6% (2008 г. – 50,4%, 2009 г. – 52,5%). Только 21,2% опрошенных (2008 г. – 22,2%, 2009 г. – 21,0%) хотели бы, чтобы их дети обучались в классе, где все дети или их большинство – одной национальности. Для 18,0% опрошенных (2008 г. – 21,0%, 2009 г. – 17,3%) желательно, чтобы дети были разной национальности. Незначительная часть респондентов затруднилась ответить: от 6,4 до 9,2%. Ответы респондентов в зависимости от их национальности представлены в табл. 9.

Таблица 9.

Распределение ответов на вопрос: «Для Вас предпочтительней было бы, чтобы Ваши дети учились среди детей какой национальности?» в зависимости от национальности, 2008–2010 гг., %

Националь- ность	Предпочитают, чтобы их дети учились в классе, где								
	дети или их боль- шинство – одной национальности			дети разных национальностей			для меня это не существенно		
	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.
Коми	20,3	25,2	23,8	21,8	19,8	20,9	53,3	46,6	50,0
Русские	26,1	19,3	23,8	17,2	13,8	13,9	49,3	56,1	56,1
Украинцы	21,0	10,0	7,3	18,4	16,7	24,4	55,3	63,3	63,4
Татары	20,0	13,1	0,0	24,0	21,7	22,7	36,0	65,2	72,7
Белорусы	14,3	20,0	33,3	28,6	10,0	16,7	57,1	50,0	33,3
Немцы	15,4	20,0	20,0	23,1	20,0	0,0	53,8	60,0	60,0
Чуваши	14,3	14,3	0,0	57,1	0,0	14,3	28,6	71,4	71,4
Молдаване	0,0	25,0	20,0	66,7	50,0	40,0	0,0	25,0	20,0
Другая	4,8	16,7	16,7	47,6	38,9	27,8	47,6	38,9	55,5

Для респондентов немцев не существенно с детьми какой национальности будут учиться их дети или внуки – 60,0% (2009 и 2010 гг.). Каждый пятый предпочел бы однонациональный состав учеников, естественно своей национальности. Наиболее толерантны в этом вопросе татары и чуваша. Как это ни странно, но среди опрошенных респондентов наиболее консервативны к национальному составу одноклассников – белорусы.

И последний, по этому блоку, вопрос касается базовых ценностей – культуры. Респондентов спросили: «Как Вы полагаете, нужно ли жителям республики знать культуру коми народа, среди которого они живут?». Позитивным можно считать факт, что 50,8% опрошенных респондентов отмечает, что им и их окружению необходимо знать культуру коми народа; 29,3% считает, что также необходимо знать и культуру своего народа. Только 6,0% респондентов отметили, что достаточно знать культуру лишь своего народа (табл. 10).

Таблица 10.

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы полагаете, нужно ли жителям республики знать культуру коми народа, среди которого они живут?» в зависимости от национальности, 2008–2010 гг., %

Националь- ность	Нужно ли жителям республики знать культуру коми народа, среди которого они живут								
	да, это необходимо			да, но в первую очередь нужно знать культуру своего народа			нет, достаточно знать культуру своего народа		
	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.
Коми	70,8	71,0	72,0	20,8	16,8	19,3	2,3	4,2	1,9
Русские	33,3	36,8	40,6	35,3	33,1	35,9	15,1	12,3	9,0
Украинцы	34,2	20,0	29,3	28,9	36,7	39,0	13,2	30,0	2,4
Татары	24,0	21,7	36,4	36,0	39,1	31,8	12,0	26,1	4,5
Белорусы	26,7	30,0	50,0	20,0	30,0	16,7	20,0	10,0	0,0
Немцы	38,4	60,0	40,0	15,4	40,0	40,0	7,7	0,0	20,0
Чуваши	0,0	28,6	42,9	57,1	57,1	14,2	14,3	0,0	0,0
Молдаване	33,3	50,0	20,0	33,3	50,0	40,0	0,0	0,0	40,0
Другая	76,2	33,3	44,4	19,0	27,8	22,2	0,0	11,1	5,6

Ответы респондентов заставляют задуматься о базовых ценностях. Например, что важнее, – сохранить культуру своего народа или знать ту, где ты живешь в настоящее время. Среди респондентов немецкой национальности в ответах на этот вопрос за знание культуры коми народа больше позитива (40,0%), чем у молдаван (20,0%), украинцев (29,0%) и татар (36,4%). Также необходимо отметить, что приверженцев – знания только своей культуры, больше всего среди молдаван – 40,0% и немцев – 20,0%.

Отношение к депортации людей разных поколений. Наверное, это самая сложная часть статьи. Поскольку необходимо изложить воспоминания и переживания тех, кто непосредственно является «активным участником» проводимой конференции. Не было бы их, о чем тогда могла бы идти речь сегодня. Кроме того, при всем желании сохранить оригинальность изложения воспоминаний, им необходимо было придать общий стиль статьи, научность. Также необходимо учесть, что любое анамнестическое обследование имеет свой недостаток – неполноту или неточность ответов касающихся отдаленных во времени событий.

Воспоминание первое. Мне исполнился восемьдесят один год. Родом я с Херсонской области. У меня шестеро детей. Каждый из них получил хорошее образование и сегодня занимает уважаемое положение в обществе. Вспоминая прошлое, мне всегда хочется плакать. За что так с нами поступили.

До войны у нас была крепкая семья, свое хозяйство. У родителей нас было до войны трое: я и два брата, Владимир и Леонид. После войны появился третий брат – Рудик, он родился в поезде, в Германии, что дало ему впоследствии право стать гражданином Германии на льготных условиях. Правда он им толком так и не воспользовался. О том, как нас выселили из родного дома, я помню хорошо. За два дня до этого события, староста села предупредил нас, чтобы мы были готовы к непредвиденным обстоятельствам и собрали необходимые и ценные вещи. Но все оказалось по-другому. Первыми в село вошли немцы. Вначале все шло как и прежде. Но через какое-то время нас всех как неблагонадежных вывезли на работу в Польшу. По окончании войны мы надеялись вернуться к своему прежнему месту жительства. Но судьба распорядилась по-своему. Из Польши нас советские войска депортировали не на Украину, а в Сибирь – г. Томск. Затем судьба забросила в Коми АССР, в последствие были Таджикистан, Казахстан и вновь Коми АССР. Не будь депортации моя судьба и судьба моих близких сложилась бы совсем по-другому. Не хочу, чтобы моих детей и внуков постигла такая судьба.

Воспоминание второе. Мне недавно исполнилось 64 года. Родился я в Коми АССР, куда моих родителей депортировали сразу после окончания войны. Здесь они познакомились и сыграли свадьбу. До своего совершеннолетия я почти ничего не знал о своих родителях. У нас в семье тема прошлого была под негласным запретом. Родители старались не напоминать окружающим без лишней надобности, что они немцы. О национальной принадлежности родителей можно было судить лишь по их аккуратности и педантичности во всем. К тому же, в отличие от большинства селян, родители держали свое хозяйство (свиней, овец, кур, коз и прочую живность). Они выращивали картошку, сажали овощи, у них был парник, что помогало семье лучше других питаться, а на излишки продуктов выручать деньги и приобретать одежду и обувь. В 1990-е гг., когда страх за прошлое отступил, родители хотя и с неохотой, но стали вспоминать свое прошлое. Из разговоров выходило, что ту обиду и несправедливость, по отношению к ним, нельзя искупить никакими льготами. Обидно им было и за то, что никто перед ними не извинился, не признал не правоту тех действий. Родителей давно уже нет. А новому поколению российских немцев прошлое все реже о себе напоминает. Им сегодня надо решать другие задачи. И среди них главную – оставаться на исконной Родине или искать пути и возможности вернуться на этническую Родину. Многое здесь будет зависеть от проводимой политики российского правительства по отношению к немецкому меньшинству.

Мнение молодого поколения. Если честно, то о депортации народов Советского Союза, в том числе немцев, я практически ничего не знаю. Может это связано с тем, что отец у меня немец, а мама русская. Соответственно, среди дедушек и бабушек по два немца и по два русских. Хотя мы с братом много времени проводили с дедушкой по отцовской линии, он в своих рассказах

никогда не говорил о той печальной участи, что постигла немцев в предвоенные и послевоенные годы. Мы всегда думали, что родители отца приехали сюда по путевке осваивать Север. И гордились тем, что наш дедушка – одессит. А в жизни все оказалось иначе. Единственное, о чем всегда сожалели дедушка и бабушка по отцовской линии, что им не пришлось учиться и всю жизнь выполнять тяжелую физическую работу. Жалко, конечно, что наше поколение ничего не знает о той печальной судьбе депортированных народов и то, что до сих пор по отношению к ним не восстановлена справедливость.

На этом статью можно считать законченной, и если следовать логике воспоминаний, то можно резюмировать:

- за все несправедливости, что государство проявило по отношению к своим гражданам, оно должно просить прощение и возмещать материальные и моральные потери;

- государство должно приложить максимум усилий, чтобы подобных политических решений не было принято ни при каких условиях; надо из многонационального состава страны получать синергетический эффект, а не искать врагов среди своих.

В.М.Кириллов, Н.В.Матвеева. (Нижний Тагил)

Труدمобилизованные немцы на Урале: состояние и новые аспекты исследования проблемы

Наиболее полно историографическая ситуация в изучении проблемы трудовой мобилизации российских немцев анализировалась в работах А.Н.Курочкина, Г.А.Гончарова⁵. Поэтому мы не ставим своей задачей написание всеобъемлющего историографического очерка и ограничиваемся некоторыми выводами по истории изучения, а также определением перспектив исследования «трудармии». Историография депортации, трудовой мобилизации и спецпоселения российских немцев периода Великой Отечественной войны насчитывает около 20 лет. Уже в конце 80-х гг. XX в. появился ряд публикаций о депортации народов и формировании из их числа «трудовой армии». Наиболее крупный вклад в освещение проблемы внесли такие историки как А. Айсфельд, Л.П. Белковец, Р.С. Бикметов, Н.В. Бирбасова, В.И. Бруль, Н.Ф. Бугай, Н.Э. Вашкау, О.А. Гербер, А.А. Герман, Г.А. Гончаров, В.Ф. Дизендорф, К.А. Заболотская, В.Н. Земсков, В.М. Кириллов, Е.В. Конев, В. Кригер, А.Н. Курочкин, Г.Я. Маламуд, Н.П. Палецких, С.Л. Разинков, П.Б. Ремпель, А.Б. Суслов, в работах этих историков поставлены проблемы связи депортаций, спецпоселения и трудовой мобилизации, периодизации этих процессов, применительно к немцам СССР. Развернувшаяся дискуссия позволила определить содержание понятий «трудармеец», «трудовая армия», имевшие до этого «народное» происхождение.

Благодаря публикациям Н.Ф. Бугая, А.А. Германа, А.Н. Курочкина и других историков формирование и функционирование «трудовой армии» периода Великой Отечественной войны стало в немалой степени связываться с судьбой «труدمобилизованных немцев».

Исследователи до сих пор не пришли к согласию о составе труدمобилизованных и дискутируют по определению достаточно условного понятия «трудовая армия», которое не использовалось в официальных документах «высшего уровня» военного периода. Весьма приблизительно определен

⁵ Гончаров Г.А. «Трудовая армия» на Урале в годы Великой Отечественной войны. : Моногр. Челябинск: Челяб. Гос. ун-т, 2006. – 222 с.; Курочкин А.Н. «Трудармия»: историография и источники // Российские немцы. Историография и источниковедение. Материалы международной научной конференции. Анапа, 4–9 сентября 1996 г. М., 1997; Он же. Трудармейские формирования из граждан СССР немецкой национальности в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Автореферат дисс. канд. ист. наук. Саратов: СГУ, 1998. – 16 с.

статус различных категорий трудмобилизованных, за исключением российских немцев. В то же время исключение не устраняет дискуссию. Существуют противостоящие друг другу точки зрения. Одни исследователи, например, называют трудмобилизованных российских немцев «свободными гражданами Советского Союза» (Г.А. Гончаров), определяют их статус как вполне законный в правовых и конституционных рамках СССР, а депортацию расценивают как эвакуацию, осуществленную «вежливо и корректно» (Л.П. Белковец); или говорят об «элементах» несвободы, вызванных условиями военного времени (А.А. Герман А.Н. Курочкин); другие, наоборот, считают, что трудовая мобилизация – вид репрессий по национальному признаку, отмечая, что статус трудармейцев был ниже, чем у иностранных военнопленных (А.Б. Суслов), всю «трудовую армию» называют «государственным рабством» (Н.П. Палецких), сравнивают правовой статус депортированных и трудмобилизованных с правовым статусом уголовных преступников (А.А. Шадт)¹.

Как следует из анализа современной историографии, «трудовая армия» включает в себя различные категории населения СССР: трудмобилизованных из САО (Узбекистана, Туркмении, Казахстана, Киргизии, Казахстана), Чувашии, Мордовии, других регионов СССР, репрессированных советских немцев и других депортированных народов, советских граждан национальностей воюющих с СССР стран (финны, румыны, венгры, итальянцы), поляков, жителей Западной Украины, Белоруссии и Прибалтики, интернированных граждан Германии, лиц не годных по состоянию здоровья к строевой службе, демобилизованных из рядов армии, контингента ГУЛАГа, имевших родственников за границей, находившиеся в окружении и плену, хранивших германские пропуска на переход линии фронта, уничтоживших военные и партийные документы, имевших связи с дезертирами или пытавшиеся дезертировать, спецпоселенцев и репатриированных.

В работах В.Н. Земскова, Г.Я. Маламуда, Ю.А. Пажит, А.Б. Суслова и некоторых других профессиональных историков они подвергнуты изучению и как

¹ См.: Гончаров Г.А. «Трудовая армия» на Урале в годы Великой Отечественной войны: Моногр. Челябинск: Челяб. Гос. ун-т, 2006. – 222 с. С. 113; Герман А.А., Курочкин А.Н. Немцы СССР в «Трудовой армии» (1941–1945 гг.). М.: Готика, 1998. – 208 с. С. 7–8.; Белковец Л.П. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941–1955 гг. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), Фонд Первого Президента России Б.Н.Ельцина, 2008. – 359 с. С. 323; Суслов А.Б. К вопросу о механизмах принуждения к труду в годы Великой Отечественной войны (на примере треста «Молотовнефтьстрой») // Урал в прошлом и настоящем. Материалы научной конференции. Часть I. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1998. – 326 с. С. 501–503; Палецких Н.П. Социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны. Челябинск, Челябинский агроинженерный университет, 1995. – 184 с. С. 91; Шадт А.А. Правовой статус российских немцев в СССР (1940–1950-е гг.) // Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие 1941–1955 гг. Материалы 7-й международной научной конференции. Москва, 19–22 октября 2000 г. М.: АОО «Международный союз немецкой культуры», 2001. – 568 с. С. 293.

спецпоселенцы и как спецконтингент в целом. Описаны условия жизни и труда, производственная занятость, определено место в военной и гражданской экономике.

В начале нынешнего века начался новый этап в изучении проблем трудовой мобилизации. Во-первых, исследователи не только перешли на региональный уровень разработки темы (а это случилось уже в сер. 1990-х гг. в работах Л.И. Гвоздковой, В.М. Кириллова, Г.Я. Маламуда и др., чуть позже – А.Б. Суслова, Г.А. Гончарова, Р.С. Бикметова, К.А. Заболоцкой и др.), но и на уровень отдельных лагерей и наркоматов (В.М. Кириллов, Р.С. Бикметов и др.).

В историографическом разделе своей работы Г.А. Гончаров совершенно справедливо отмечает слабость определения «трудовой армии», данного в работе А.А. Германа и А.Н. Курочкина, сделавших упор на сочетании элементов военной организации, производственной сферы и лагерного режима содержания². Действительно, ведь при так называемой «мобилизации», главную роль играли отнюдь не военкоматы, а подразделения НКВД.

По нашему твердому убеждению, подкрепленному исследованиями истории «немцев-трудармейцев» в лагерях Урала, сами трудмобилизованные российские немцы не были свободными гражданами СССР, а репрессированными по национальному признаку людьми, размещенными на спецпоселении. Они являлись составной частью «спеконтингента», представлявшего маргинальную группу советского общества занятую принудительным трудом в условиях жесткого ограничения прав и свобод.

Изучение истории формирования, содержания и движения контингента «трудмобилизованных немцев» в конкретных лагерях позволяет ответить на многие проблемные вопросы. Ранее категория «трудмобилизованные немцы» была для нас единой и олицетворялась именно с российскими немцами. Нам был плохо известен национальный и социальный состав трудармии. По планам распределения рабочей силы ОУРЗ ГУЛАГа мы знали, сколько их должно было быть отправлено в лагеря и зоны предприятий наркоматов, сколько их там было на конкретный момент времени. Мы, лишь в общем, знали о режиме содержания и работы «трудармейцев», приводя единичные примеры из воспоминаний и немногочисленных документов. Мы знали географические и топонимические названия ИТЛ, ИТК, спецпоселений, с трудом находя их на географической карте СССР (или не находя совсем).

С появлением серии Книг памяти³ проекта «Gedenkbuch» стало возможным описать историю самого ИТЛ (Тагиллага, Богословлага, Бакаллага, частично

² Гончаров Г.А. «Трудовая армия» на Урале в годы Великой Отечественной войны. – С.38.

³ В отечественной исторической науке явно недооцененным жанром историографического источника являются Книги памяти, посвященные жертвам репрессий. Книги памяти, в том виде как они публикуются в России, являются, на наш взгляд, неким промежуточным жанром между сборником документов и научным исследованием.

Усолягла), реконструировать помесячное движение контингентов и узнать конкретное число заключенных и трудмобилизованных прошедших через ИТЛ за все время его существования; выяснить национальный и социальный состав трудармейцев, время, место рождения, место спецпоселения, сведения о мобилизовавшем РВК и т.п.; понять причины выбытия и узнать количество и имена умерших; узнать о местах дислокации лагерных подразделений и их перемещении во времени, о контингенте ЛУ и стройотрядов, их физическом состоянии, распределении по категорийности труда, производительности, формах стимуляции труда, нормативах питания спецконтингента; реконструировать географические карты размещения лагерей и спецпоселений; создать электронные базы по персоналиям репрессированных и их воспоминаниям.

Сравнительный анализ положения заключенных и трудармейцев, позволил установить отличия в системе их содержания (имеющей значительные расхождения с инструкциями ГУЛАГа) и причинах смертности, количестве умерших. Удалось разобраться в некоторых настойчивых утверждениях, содержащихся в воспоминаниях очевидцев событий. Одно из них – количество умерших в лагерях (по воспоминаниям – их гораздо больше, чем в реальности). Другое – положение трудармейцев в ИТЛ, условия жизни и труда гораздо, чем заключенных. Документально подтверждены более плохие условия содержания российских немцев в зонах некоторых ИТЛ, повлиявшие на высокий процент смертности среди них. Однако в целом процент смертности трудармейцев оказался сравним с процентом смертности заключенных, а порой значительно ниже.

Проведенные исследования по истории трудовой мобилизации российских немцев позволили (пока еще достаточно приблизительно) выявить ее численность и географическое размещение в пределах СССР и некоторых регионов.

Как следует из работ А.Н. Курочкина и А.А. Германа⁴ на первом этапе трудовой мобилизации (август–сентябрь 1941 г.) в «трудармию» попало 20,8 тыс. (на 01.01.1942 г.) российских немцев, которые в основном были распределены в Богословлаг, Ивдельлаг, Кимперсайлаг (затем Актюбинлаг) и Соликамлаг (Соликамбумстрой) НКВД. Часть из них передана другим наркоматам.

С одной стороны, это публикация биографических справок или именных списков репрессированных – реабилитированных (созданных на основе первоисточников из фондов карательных ведомств различных архивов), подборок документов и иллюстраций по репрессивной политике и реабилитации; с другой, – изложение концепции по проблеме «реабилитация – репрессии в годы советской власти» и научно-исследовательские статьи профессиональных историков. Та и другая часть Книг памяти представляют собой (в их лучших образцах), как правило, неразрывное целое.

⁴ Немцы России: энциклопедия. Т.3. М.: «ЭРН», 2006. – 896 с. С.571–580; Герман А.А., Курочкин А.Н. Немцы СССР в «Трудовой армии» (1941–1945 гг.)... С. 56, 61, 66, 67.

На втором этапе (январь–июнь 1942 г.) всего мобилизовано 138,4 тыс. немцев. Они были распределены между 14-ю ИТЛ Бакаллагом, Богословлагом, Ивдельлагом, Севураллагом, Вятлагом, Краслагом, Усольлагом и Усть-Вымлагом, Тагиллагом, Севжелдорлагом, Соликамлагом, Тавдинлагом, Умалытлагом, Вожлагом, на строительство железных дорог: Сталинск–Абакан, Магнитогорск–Сара, Сталинск–Барнаул, Акмолинск–Карталы, Акмолинск–Павлодар, Сосьва–Алапаевск, Орск–Кандагач, Свияжск–Ульяновск.

На третьем этапе (октябрь 1942 – август 1943) мобилизовано 153,5 тыс. немцев, распределенных между предприятиями Наркомугля и Наркомнефти, объектами ГУЛАГа, гражданскими ведомства (добыча золота, редких металлов, лесная и целлюлозно-бумажная промышленность, ремонт дорог и т.п.). В апреле 1943 г. немцы появились в Алтайлаге.

На четвертом этапе (январь 1944 – январь 1946 гг.) трудовая мобилизация шла за счет репатриированных немцев, освобожденных из ИТК и тюрем. По решению НКВД от 1 июля 1945 г. первых надо было направлять в Богословлаг и в Ухтинский комбинат НКВД Коми АССР, в Таджикскую ССР на ст.Сталинабад в распоряжение НКВД. Но много оказалось в Казахстане. Сложно сказать, сколько из них оказалось в трудовой армии, тем более что трудовая армия в апреле 1946 была ликвидирована.

Если на первых трех этапах было мобилизовано 312,7 тыс. человек, то к концу последнего этапа их насчитывалось свыше 316 тыс. Из этого количества свыше 182 тыс. составляли трудовой контингент НКВД, свыше 133 тыс., числились на предприятиях других наркоматов⁵.

Однако еще очень рано ставить точку в подсчете численности трудмобилизованных немцев и анализе распределения между гражданскими наркоматами и ГУЛАГом. Существуют альтернативные подсчеты численности трудмобилизованных. По данным отдела спецпоселений за годы войны мобилизовано и передано в промышленность 208250 немцев. По данным начальника ГУЛАГа В.Г.Наседкина, в течение 1942–1944 гг. мобилизовано 400 000 немцев, финнов, румын, из них 220 000 на строительства НКВД, 180 000 – на объекты других наркоматов⁶.

В докладной записке заместителя народного комиссара внутренних дел СССР Чернышова в ЦК ВКП (б) в апреле 1943 г. сообщалось, что 159 000 мужчин и 84 000 женщин (итого 243 тыс.) из числа спецпоселенцев-немцев были мобилизованы в рабочие колонны и направлены на работы в важнейшие оборонные строительства, угольную и нефтяную промышленность⁷.

По данным ОУРЗ ГУЛАГа, в 1943 г. немцы содержались в 21 ИТЛ: Бакалстрой-Челябметаллургстрой, Богословлаг, Волжлаг, Востураллаг,

⁵ Там же. С. 66–67.

⁶ Сулов А.Б. Спецконтингент в Пермской области (1929–1953 гг.): Моногр.– Екатеринбург–Пермь: Уральский гос. ун-т, Перм. Гос. педун-т, 2003. – 331 с. С. 41–42.

⁷ РГАСПИ Ф. 17. Оп. 121. Д. 241. Л. 60, 61.

Вятлаг, Воркутлаг, Джидастрой, Ивдельлаг, Интинский ИТЛ, Краслаг, Тагиллаг, Севжелдорлаг, Севураллаг, Соликамлаг, Севостлаг, Тавдинлаг, Умалытлаг, Унжлаг, Усольлаг, Ухтоижемлаг, Широлаг. Сюда следует добавить Понышлаг, в котором на конец 1943 г. было 273 немца (из них 269 женщин). В этих ИТЛ (кроме Понышлага) на 01.01.1943 г. немцев насчитывалось 121 053 чел.⁸

Разнобой в подсчете численности трудмобилизованных немцев и неточность данных по их распределению между наркоматами и ведомствами могут быть объяснены продолжающейся работой по анализу архивных материалов, которые освоены лишь в начальной степени.

Есть и другие объяснения. Во-первых, существует разница между планом и реальностью, т.е. между планируемым числом мобилизованных и их распределением и фактическим поступлением в ИТЛ и зоны наркоматов. Например, согласно планам размещения трудмобилизованных на объектах НКВД: в Бакалстрой должно было прибыть 11 722 чел., а реально, по картам движения контингентов ГУЛАГа, прибыло 11 741 чел.; в Ивдельлаг – 12 899 и 11344 чел.; Севураллаг – 8 441 и 9221 чел., Усольлаг – 4 940 и 4950 чел., Богословлаг – 6 900 и 4787 чел., Соликамстрой – 2 396 и 10 102 чел., Тагиллаг – 2870 и 2 928 чел.⁹

Размещение трудмобилизованных второго призыва также отличается от данных, приведенных в монографии А.Н.Курочкина и А.А.Германа: Бакалстрой – 14 758 и 17 741 чел, Богословлаг – 5411 и 6555 чел., Тагиллаг 501 и 621 чел.¹⁰

Во-вторых, в контингенте «трудмобилизованные немцы» оказались русские, украинцы, поляки, эстонцы, латыши, финны, итальянцы, венгры, румыны, болгары и лица других национальностей. В картотеках лагерей под одноименным названием «трудмобилизованные немцы» объединены все национальности. Выяснить сколько среди них было российских немцев можно только путем обработки именных учетных карточек и составления электронных баз данных, дающих возможность делать количественные выборки по отдельным лагерям. Например, в Тагиллаге из общего числа контингента трудармейцев в 7249 чел., немцев по национальности было 6511 чел. В ИТЛ Бакалстрой–Челябметаллургстрой, по предварительным подсчетам (буквы «А» – «И»), немцев оказалось 87%. В архивах «вышестоящих» инстанций таких сведений пока не обнаружено.

Обратимся к материалам трудовой мобилизации немцев в пределах Уральского региона. На первом этапе трудовой мобилизации российские немцы попали в 3 ИТЛ Урала: Богословлаг (на 15.08.1941 г. – 6243 чел., Ивдельлаг (на

⁸ Ф. 9414. Оп. 1а. Д. 402. Л. 1-1об.; Оп.1с. Д. 1215. Л. 15.

⁹ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1172; Д. 1172. Л. 2; Герман А.А., Курочкин А.Н.. Там же. С. 56.

¹⁰ Там же. С. 61; ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1172. Л. 2; ЭБД по Бакалстрою, Богословлагу и Тагиллагу лаборатории «Историческая информатика».

конец 1941 г. – 2308 чел.), Соликамлаг (на конец 1941 г. – 160 чел.) В зонах предприятий немцы работали: в Молотовской области – 748 чел., Удмуртской АССР – 1689 чел, Свердловске (стройколонна №1049 на заводе «Уралхим-маш»), Каменске-Уральском (батальон №687 на строительстве Уральского алюминиевого завода), Нижний Тагил (стройбатальон № 390 на заводе им. Сталина, примерной численностью 495 чел.), Талица (стройколонна № 1020 на спиртзаводе им. Микояна). Точное количество трудмобилизованных на Урал за 1941 г. пока не установлено¹¹.

В 1942 г. российские немцы были мобилизованы и размещены в 10 крупных ИТЛ Урала: Бакаллаг, Тагиллаг, Богословлаг, Ивдельлаг, Севураллаг, Усольлаг, Соликамлаг, Тавдинлаг, Севураллаг, Востураллаг. Кроме того, по Уралу насчитывалось около 60 зон, где содержался «немецкий спецконтингент». В предыдущих исследованиях были названы только цифры поступивших в ИТЛ на определенный период времени. По настоящее время мы не можем сказать, сколько трудармейцев прошло через ИТЛ и «зоны» предприятий в течение всего года. Благодаря исследованиям лаборатории «Историческая информатика» НТГСПА реконструирована численность трудмобилизованных в динамике по Тагиллагу (за 1942 г. прибыло 4217 чел. немцев по национальности) и Богословлагу (прибыло – 13193 немцев по национальности), частично, ИТЛ Бакалстрой–Челябметаллургстрой (прибыло – 34446, убыло – 6663 трудмобилизованных всех национальностей)¹².

По данным карточек движения «трудмобилизованных немцев» ОУРЗ ГУЛАГа можно проследить количество прибывших и выбывших за год без различия национальностей: Ивдельлаг – прибыло 15723 чел., убыло 3457 чел.); Севураллаг – прибыло 9330, убыло 5132 чел.; Усольлаг – прибыло 7094, убыло 1127 чел.; Соликамлаг (за первое полугодие)– прибыло 12801, убыло – 3232 чел. (за весь год, скорее всего. прибыль была незначительной, преобладало убытие – с 9821 чел. среднесписочного состава в январе до 9145 в декабре); Востураллаг (первое полугодие) – прибыло 4451 чел., убыло 4 чел., всего за год прибыло примерно 6000 чел.; Тавдинлаг – прибыло 2015, убыло 1551 чел.¹³

Всего в этих ИТЛ, по нашим расчетам, было размещено в течение 1942 г. – 104 919 чел. А с учетом прибывших в 1941 г. в Богословлаг (6247), Ивдельлаг (2308) и Соликамлаг (160) – 113 634 чел. Кроме того, в целом по Уралу в зонах

¹¹ Gedenkbuch: «Книга памяти немцев-трудармейцев Богословлага 1941–1946». Авт.-сост.: В.М. Кириллов, П.М. Кузьмина, Н.М. Паэгле, А.А. Пермяков, С.Л. Разинков. Т.1. М.: РНД, Нижний Тагил: НТГСПА, 2008. – 520с. С. 32; ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1172. Л.7, 13; Gedenkbuch: «Гордое терпенье. Книга памяти советских немцев – узников Тагиллага». Авт.-сост.: В.М. Кириллов, П.М. Кузьмина, С.Л. Разинков, А.Я. Цейзер. Екатеринбург, 2004. – 716 с. С.25.

¹² Gedenkbuch: Книга памяти немцев-трудармейцев ИТЛ Бакалстрой–Челябметаллургстрой. 1942–1946. / Авторы-составители: В.М.Кириллов, С.Л.Разинков, Е.П.Турова Т.1. М.: МСНК, Нижний Тагил: НТГСПА, 2011. – 676 с. С. 6, 65.

¹³ ГАРФ. Ф. 9414.Оп. 1. Д. 1172; Оп. 1 доп. Д. 386. Л. 13.

при промышленных предприятиях и на стройках работало 50645 чел.¹⁴ Таким образом, за 1942 г. трудмобилизованных прибавилось на 155564 чел. (с учетом 1941 г. – 164198 чел.). Это 52% от числа трудмобилизованных за всю войну, если исходить из минимального числа в 316 тыс. и около 41% от максимального числа в 400 тыс. Количество немцев в контингентах ИТЛ составило на сер. 1942 г. более 42%, а их число на крупных гражданских предприятиях доходило до 37% рабочей силы.

Общее количество немецкого контингента в 9 уральских лагерях с учетом убыли к концу 1942 г. составило 81425 чел. (без Понышлага и Широколага, которые созданы в конце ноября и численность немцев в них была незначительной). Таким образом, за год убыло из ИТЛ по разным причинам 32 209 чел. Убытие по ИТЛ выглядит следующим образом см.: Табл.1):

Табл. 1.
Смертность в ИТЛ Урала за 1942 год

ИТЛ	Выбыло : абс./%	Умерло (от числа выбывших): абс./%
Богословлаг	6811/35	2264/33,2
Бакаллаг	6663/19,3	2727/40,9
Ивдельлаг	3457/22,5	1796/52
Тагиллаг	536/12,6	209/39
Севераллаг	5132/54,6	89/5,3
Соликамлаг (1-е полуг.)	2320/23,4	824/35,5
Усольлаг	1127/15,9	781/69,3
Востураллаг (1-е полуг.)	1961/44	-?
Тавдинлаг	1551/77	83/5,3

Источник: ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1с. Д. 1172; Оп. 1а. Д. 386; Там же. Д. 402; Оп. 1с. Д. 1215

Исходя из вышеназванных цифр, выбыло: 30 238 чел. Разницу между двумя цифрами выбывших (1971 чел.) можно объяснить отсутствием данных прибытия по некоторым лагерям. Всего в ИТЛ умерло: 8773 чел., а с учетом неполных данных по Востураллагу и Соликамлагу, более 9000 чел. (8,6% от всего прибывшего за 1942 г. контингента, или 28% от числа всех выбывших).

По данным ОУРЗ ГУЛАГа, в 1943 г. немцы содержались на Урале в 12 ИТЛ (к 10 ИТЛ в конце 1942 г. добавились Широколаг и Понышлаг). За 1943 год в нашем распоряжении пока нет карточек движения трудмобилизованных, кроме

¹⁴ Гончаров Г.А. Там же. С. 117.

Бакаллага, Богословлага и Тагиллага. Картина движения контингента по трем ИТЛ выглядит следующим образом (см. Табл. 2):

Табл. 2.

Движение контингентов по ИТЛ Урала в 1943 г.

ИТЛ	Конт.-т на 01.01 ЭБД/ГАРФ	Конт.-т на 31.12 ЭБД/ГАРФ	Прибыло ЭБД/ГАРФ	Убыло ЭБД/ГАРФ абс./%	Умерло ЭБД/ГАРФ абс./%
Бакаллаг	/27783	/20648	/2487	/9622(31,8)	/2170 (22,5)
Богослов- лаг	12683/	9919/8921	/120	3694 (29)/ 3932	1222(33)/407!
Тагиллаг	/3709 с/сп.	/4825	/1914	/806 (14,3)	/244 (30,3)
Итого	44175	35392	4521	14122 (29)	3636 (25,7)

Источник: ЭБД лаборатории «Историческая информатика»; ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 402. Л. 1-10б.

С учетом вышеуказанных трех лагерей, на начало года в 10 (из 12, кроме Широколага, Понышлага) ИТЛ числилось 81 295 чел. (по другим данным 81425), а на конец года – 66031 чел. (по другим данным – 65 033 чел.) Отрицательный баланс составил 15264 чел.¹⁵

Как мы видим, пока можно только приблизительно проследить движение контингента по лагерям Урала. Однако мы располагаем цифрами движения по ГУЛАГу в целом. Согласно карточке учета движения мобилизованных немцев по всем ИТЛ ГУЛАГа, на 01.01. 43 г. в ИТЛ ГУЛАГа было 121 053 российских немцев, а на конец декабря – 105 012 чел. Всего за год прибыло – 45 995 чел. (из лагерей – 17400, из ИТК и тюрем – 28041, из прочих мест – 307, из бегов – 118, прочих – 129), убыло – 62 036 чел. (в ИТЛ – 13545, в ИТК и тюрьмы – 6580, освобождено – 22349, умерло – 11 561, бежало – 1045, прочие – 6 956). Отрицательный баланс составил 16 041 чел. (из них умерло – 11 561 чел.)¹⁶ Из сопоставления приведенных цифр мы видим, что основное движение контингентов происходило в ИТЛ Урала. В начале года численность трудармейцев здесь составила 67% от всех ИТЛ СССР, где содержались немцы; в конце года – 63%.

На 1 января 1944 г. на территории Уральского региона, по данным Г.Я. Маламуда, насчитывалось 119 358 мобилизованных советских немцев, в том числе в лагерях и на стройках НКВД – 68 713 чел. (по нашим данным, без Широколага – 65 033 чел. или около 62% от контингентов трудмобилизованных всех ИТЛ СССР), в зонах при промышленных предприятиях других наркоматов – 50 645¹⁷ (или, по нашим подсчетам, 42% от всех трудмобилизованных в

¹⁵ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1202; 1172.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 9 414. Оп. 1. Д. 402.

¹⁷ Маламуд Г.Я. Общие проблемы: Мобилизованные советские немцы в 1942–1948 гг.- Челябинск: ЧелГУ, 1993. С. 131, Табл. 1.

23 наркоматах по СССР на этот период времени – 120642 чел.). Это 37,7% от 316 тыс. трудмобилизованных российских немцев или 30% от 400 тыс.).

Движение контингентов трудармейцев по 10 ИТЛ Урала в 1944 г. выглядит следующим образом (см.: Табл.3):

Табл. 3.

Движение контингентов по ИТЛ Урала в 1944 г.

ИТЛ	Конт.-т на 01.01	Конт.-т на 31.12	Прибыло	Убыло абс./%	Умерло абс./%
ЧМС	20648	22509	4345	1806/7,2	402/22,3
Богословлаг	8921	8635	220	506/5,5	154/30,4
Тагиллаг	4825	4500	227	552/10,9	72/13
Ивдельлаг	5597	5181	201	617/10,6	87/14,1
Востураллаг	5232	4767	283	748/13,6	173/23,1
Соликамлаг	6245	4168	194	2271/35,3	133/5,9
Сеураллаг	4008	3554	72	526/12,9	79/15
Тавдинлаг	448	274	57	231/45,7	3/1,3
Усольлаг	8836	7930	155	1061/11,8	677/63,8
Понышлаг	273	17	2	258/93,8	1/0,4
Итого	65033	61535	5756	8576/12,1	1781/20,8

Источник: Ф.9414.Оп.1.Д.1215.

Отрицательный баланс между прибытием и убытием составил 2820 чел. На начало года в ИТЛ содержалось 65033 чел., на конец года – 61535 чел. Отрицательный баланс – 3498 чел. Таким образом, выявлено расхождение между двумя балансами – 678 чел., в то время как они должны быть одинаковы. Вероятно, перед нами одна из ошибок в расчетах ОУРЗ.

В настоящее время мы не располагаем статистикой движения контингентов трудармейцев за 1945 г. Можно предположить, что их общая численность превышала 150 тыс. чел. (из них в ИТЛ на начало года – 61535 чел.). Такая же ситуация складывается и с 1946 годом. По сведениям отдела спецпоселений МВД СССР от 13 августа 1946 г., на уральских предприятиях 16 министерств трудилось 57878 бывших трудмобилизованных, в МВД СССР (по всей стране) – 91135 чел., в лагерях и на стройках МВД СССР – 60396 чел.¹⁸

Мы можем проследить движение контингентов трудармейцев только по ИТЛ, по картотекам которых разработаны электронные базы данных.

¹⁸ «Мобилизовать немцев в рабочие колонны...И.Сталин» (1940-е гг.): Сб. док-ов/Сост. Н.Ф. Бугая. М.: Готика, 1998. – 352 с. С. 308–310.

В изданных нами Книгах памяти можно найти данные об источниках и динамике поступления немцев-трудармейцев в ИТЛ, причинах и количестве выбытия, в том числе о смертности, о распределении их по полу и возрасту, по уровню образования и т.п. Обратимся к данным по Тагиллагу (см.: табл. 4):

Табл. 4.

Контингенты Тагиллага. 1942–1945 гг.

Кон тин гент	Всего	Умерло абс./%	Демоб. по инвалид- ности	Демоб. без указ- причин	Арест.-но, осуждено	Нет данных
т/м	7249 –7% от конт. ИТЛ; (из них 6511 немцев)	695/10,7 немцев– 630/9,7	немцев – 547 (8,4%)	немцев – 193 (3%)	немцев – 333 (5,1%)	немцев –590 (9,1%)
з/к	95765 прибыло в 1942–1945 гг.	19101/20				

Источник: См.: ЭБД Тагиллаг; ГАРФ.Ф.9414.Оп.1.Д.381 Л.8-8об., Д.398. Л.8-8об, Оп.1 доп.Д.414 Л.6-6об., Д.432 Л.7-7об.

В Богословлаге побывало 20511 чел. трудармейцев (немцев – 99%), умерло 3734 (18,1%), демобилизовано 6163 (29,8%), арестовано 833 (4%), нет данных 157 (0,8%) чел. Контингент трудармейцев в ИТЛ составлял за период 1941–1945 гг. – 29% от численности всего лагеря (70 610 чел.). Показатели смертности в Богословлаге достигали пика зимой 1941–1942 гг. и 1942–1943 гг., причем у заключенных в абсолютном значении они были выше, чем у трудармейцев. Пик смертности заключенных пришелся на 1942 г. – 4319 чел. (8,6% от всех заключенных) и 1943 г. – 3381 (6,8%); большая часть трудармейцев погибла в 1942 г. – 2264 чел. (10,9% от числа всех трудармейцев) и в 1943 г. – 1122 чел. (5,4%). В процентном отношении смертность трудармейцев, как мы считали ранее, была значительно выше. Однако это верно, если считать от общего количества заключенных, прошедших через ИТЛ за 1941–1956 гг. – около 76 000 чел. Однако, если считать контингенты, прошедшие за 1941–1945 гг., а это 49899 чел. (графа «прибыли»), то абсолютная смертность среди заключенных составила 10 993 чел. (22%), среди трудармейцев за 1941–1945 гг. – 3 720 чел. (18%). Если сделать поправку на этапирование и обратное возвращение с сохранением одной учетной карточки, то процент смертности заключенных, по всей вероятности, увеличится¹⁹.

¹⁹ Gedenkbuch: «Книга памяти немцев-трудармейцев Богословлага 1941–1946». Авт.-сост.: В.М. Кириллов, П.М. Кузьмина, Н.М. Паэгле, А.А. Пермяков, С.Л. Разинков. Т.1.

Движение контингентов трудармейцев ИТЛ Бакаллаг–Челябметаллургстрой по данным ОУРЗ ГУЛАГа выглядит следующим образом: 1942–1946 гг. – всего прибыло 42 902, убыло 35 882, из них: умерло 6 288 чел., освобождено (как правило, из-за инвалидности) 8 921 чел., арестовано 2 481, передано РВК 922 (причина та же – инвалидность), бежало 1 033, этапировано 9 614, прочее 154 (т.е. 29 413 чел., без данных за 03, 08, 09 мес., умерших без 03–09 мес.). Осталось к концу 1946 г. – 7 020 чел.²⁰ Контингент трудармейцев в ИТЛ составлял за период 1941–1946 гг. – 47,8% от численности всего лагеря (89579 чел.). Однако с июля 1942 по май 1943 г. лагерь был почти исключительно трудармейским (в среднем на 99%). Если сравнить процент смертности за период 1941–1946 гг., то для заключенных он составляет – 5,15% (2403 чел.), трудмобилизованных – 14,6% (6288 чел.). Более высокий процент смертности трудармейцев здесь объясняется тем, что в самый тяжелый период существования ИТЛ заключенных в нем было значительно меньше, чем трудмобилизованных. Кроме того, следует учесть, что подсчитывать контингенты ИТЛ только по прибывшим неверно, т.к. многие заключенные и трудармейцы этапировались и вновь возвращались в лагерь. При этом в картотеке к старой карточке учета подшивалась новая. Поэтому на самом деле через ИТЛ прошло гораздо меньше людей. В ходе подготовки к изданию 1 тома Книги памяти, мы установили, что смертность трудармейцев на самом деле достигала 17%, а процент демобилизованных (как правило, по инвалидности) – 30,5%.

В тяжелейших условиях военного положения 1941–1942гг. вопрос о физическом состоянии и потерях немецкого контингента был одним из самых болезненных как в центре, так и на местах. Об этом свидетельствуют справки, инструкции ГУЛАГа НКВД. В справке Начальника ОУРЗ ГУЛАГа НКВД капитана госбезопасности Грановского от 31.08.1942 г. отмечается, что причинами высокой убыли мобилизованных немцев является ослабление рабочего фонда, доведение его до состояния инвалидности и непригодности к труду, в связи с чем, планировалось командировать работников ГУЛАГа, в первую очередь на Соликамстрой и Богословстрой²¹.

В директиве начальникам лагерей Начальника ГУЛАГа НКВД СССР старшего майора госбезопасности Наседкина и Начальника ОУРЗ ГУЛАГа НКВД капитана госбезопасности Грановского 1942 г., указывалось на то, что поступающие отстроек и лагерей НКВД акты приема рабочих колонн и команд из мобилизованных немцев составляются неверно, инструкции о порядке

М.: РНД, Нижний Тагил: НТГСПА, 2008. – 520 с. С. 27; ГАРФ. Ф. 9414. Оп.1. Д. 381. Л.6 об., Д. 398. Л. 6 об., Д. 414, Л. 4 об., Д. 436. Л. 5 об.

²⁰ Gedenkbuch: Книга памяти немцев-трудармейцев ИТЛ Бакалстрой–Челябметаллургстрой. 1942–1946. / Авторы-составители: В.М. Кириллов, С.Л. Разинков, Е.П. Турова Т.1. М.: МСНК, Нижний Тагил: НТГСПА, 2011. – 676 с. С. 665.

²¹ ГАРФ Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1157. Л. 149.

персонального учета не соблюдаются, физическое и санитарное состояние контингента не отражается. В перечне тех, кто не ведет должный учет, упоминаются практически все уральские лагеря: «В Ивдельлаге НКВД, вероятно в целях перестраховки, установился стандарт для определения санитарного состояния прибывших людей. Во всех без исключения актах указана одна фраза «состояние неудовлетворительное, вшивость столько-то процентов». Тавдинлаг, Богословлаг, Усольлаг акты приема высылают с большим опозданием. Севжелдорлаг, Умалыстрой, Тагилстрой и Краслаг не высылают их совершенно»²².

О высоком уровне потерь немецкого контингента в 1942 г.²³ свидетельствует раздел учетной карточки «Убыли», в котором фиксировалось помесечно как общее количество убывших из лагеря немцев, так и причины убыли. Из 113 634 немцев, прибывших в лагеря Урала за 1941–1942 гг., к концу года убыли 32 209 человек или 28,3%, т.е. четверть всего немецкого контингента.²⁴

Наибольшее количество убывших было в Тавдинлаге – 77% от общей численности немцев, в Севураллаге – 54,6%, в Богословлаге – 35%, в Ивдельлаге – 22,5%, Соликамлаге – 23,4%, Бакаллаге – 19,3%, Тагиллаге – 12,6%, в Усольлаге – 15,9%. Убыль контингента была настолько значительной, что в отдельные месяцы 1942 г. в ряде лагерей превышала количество прибывших.

В Ивдельлаге на протяжении всего второго квартала (апрель–июнь) и части третьего количество убывших превышало количество прибывших. За второй квартал 1942 г. в лагерь прибыло 30 немцев, убыло 565, в третьем квартале эта пропорция составила 156 и 1875, и лишь в четвертом – 2039 и 679 яел. Аналогичная картина сложилась в Соликамлаге, где во втором квартале прибыло 74 трудармейца, а убыло 2320 человек, в третьем квартале прибыло 8 трудармейцев, убыло 1051 человек²⁵.

Среди основных причин убыли немцев-трудармейцев были смертность, демобилизация, возврат РВК (районный военный комиссариат), арест ОЧО (оперативно-чекистский отдел), побеги.

Одной из самых острых проблем для всех лагерей стала высокая смертность и физическое истощение трудмобилизованных немцев, которые, были главными причинами убыли контингента. Данные убыли по причинам возврата РВК, освобождению по ряду лагерей выше показателей смертности. В Севураллаге возврат трудмобилизованных РВК составил 48% от общей численности прибывших немцев, а освобождено 0,07%, в Ивдельлаге – 3,4% и 3, 7%, Бакаллаге – 0,55% и 27,3%, Соликамлаге – 3,3% и 0,09%,

²² Там же. Л. 88.

²³ Для более подробного анализа нами было избрано семь крупных ИТЛ Урала, в которых концентрировался немецкий контингент: Бакаллаг–Челябметаллургстрой, Ивдельлаг, Севураллаг, Богословлаг, Тагиллаг, Усольлаг, Соликамлаг (прим. авт).

²⁴ Рассчитано: ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1172. Л. 1–16.

²⁵ Там же.

Тагиллаге – 0,14% и 2,89%, в Усольлаге было освобождено 3,3%, о возврате РВК данных нет.²⁶

Причинами возврата или освобождения было физическое состояние трудмобилизованных. В политдонесении начальника Политотдела Ивдельлага НКВД лейтенанта госбезопасности Буденкова говорится, что на решение о возврате немцев РВК повлияло то, что «при мобилизации райвоенкоматы мобилизованных не прокомиссовали, поэтому установить физическое состояние немцев мы не имели возможности с поступлениями их большими группами». В результате в лагере оказались люди полностью нетрудоспособные, либо в силу условий труда полностью обессиленные; только в апреле 1942 г. в Ивдельлаге было установлено амбулаторным путем более 100 человек инвалидов, сильно ослабевших 400 человек, в том числе, страдающих грыжей, эпиплексией, туберкулезом легких, хроническим ревматизмом, пороком сердца²⁷.

Аналогичное положение складывалось и в других лагерях. В телеграмме Начальнику ГУЛАГа НКВД СССР старшему майору госбезопасности Наседкину, Зам. Начальника управления строительства и Богословского лагеря НКВД от 19.09.1942 г. отмечалось, что в период с 10 июня по 1 августа 1942 г. было демобилизовано – 968 человек инвалидов на основании личного распоряжения самого Наседкина от 05.06.1942 г., побывавшего в Богословлаге НКВД²⁸.

Широкое распространение в ряде лагерей демобилизации немцев по инвалидности и непригодности к труду стало предметом озабоченности центральных органов НКВД. В справке Начальника ОУРЗ ГУЛАГа НКВД капитана госбезопасности Грановского от 31 июля 1942 г. отмечалось, что в период января–июля 1942 г. только в четырех лагерях НКВД – Ивдельлаге, Богословлаге, Соликамстрое, Севжелдорлаге – было демобилизовано 6 425 (18,5%) немцев, при общем списочном составе этих лагерей на 1 августа – 34 677 человек. В том числе, Богословлаг демобилизовал за шесть месяцев 4 107 человек, Соликамстрой за три месяца 1483 человека, Ивдельлаг в июне–августе – 174 человека²⁹.

В связи со сложившимся положением ГУЛАГ НКВД запиской от 14 апреля 1942 г. № 42/141221 запретил лагерям, где демобилизация приняла широкие размеры, проводить ее в дальнейшем без предварительной санкции ГУЛАГа НКВД³⁰. Однако, несмотря на распоряжение центра, демобилизации продолжались. Администрации лагерей было гораздо удобнее убрать едва передвигающихся людей, находящихся на грани смерти за пределы территории лагеря, чем увеличивать процент и без того очень высокой смертности.

²⁶ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1172.

²⁷ ЦДООСО. Ф.5248. Оп. 1. Д. 33. Л. 76.

²⁸ Рассчитано: ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1157. Л. 155.

²⁹ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1157. Л. 149.

³⁰ Там же.

Смертность немецкого контингента была высокой во всех лагерях, за исключением Севураллага (0,95%), администрация которого, по всей вероятности для снижения показателей, предпочла избавиться от умирающих людей с помощью возврата их РВК, неслучайно этот показатель по сравнению с другими лагерями самый высокий – 48%.

Наиболее высокий процент умерших немцев-трудармейцев зафиксирован в Богословлаге – 11,6%, Ивдельлаге – 11,4%, Усольлаге – 11%, Бакаллаге – 7,9%. В Тагиллаге смертность составила 4,9%, в Соликамлаге – 6,4% (за первое полугодие), в Тавдинлаге – 4,1%. Средний показатель смертности по всем рассматриваемым лагерям составил 8,9%. Таким образом, в течение 1942 г. умер каждый 12-й трудмобилизованный немец³¹.

Неуклонный рост количества умерших трудармейцев начинается с 1 квартала (январь–март) 1942 г. и достигает своего пика к апрелю–июню, после чего чуть снижается и продолжает держаться на высоком уровне до конца года. Этот вывод соотносится с данными о смертности в некоторых лагерях НКВД, приведенных в справке Начальника ОУРЗ ГУЛАГа НКВД капитана госбезопасности Грановского от 31 июля 1942 г. В этом документе отмечается, что в течение января–июля 1942 г., по неполным данным, только по пяти лагерям (Бакаллаг, Богословлаг, Ивдельлаг, Соликамстрой, Севжелдорлаг) с общим списочным составом на 1.08.1942 г. 43 856 человек мобилизованных немцев – умерло 5 181 человек. Особенно высокие показатели смертности отмечались на Соликамстрое, где «за семь месяцев умерло 1 687 человек, что составляло 17,6% к списочному составу на июль 1942 г. В Богословлаге за тот же период умерло 1 494 чел. или 12,6%, в Севжелдорлаге за три месяца умерло 677 чел. или 13,9% списочного состава на 1 августа»³².

Основными причинами смертности были тяжелый физический труд и непосильные нормы выработки, которые в условиях отсутствия нормального питания³³, материального обеспечения, медицинского обслуживания приводили к резкому ослаблению физического состояния контингента, доведению его до инвалидности и непригодности к труду. Например, в Ивдельлаге, как отмечается в Политдонесении за июль 1942 г., инвалиды и слабосильные использовались на тяжелых работах: лесозаготовке, погрузке леса, строительстве дорог. Непонимание специфики работы в лесу, плохая организация труда приводили к тому, что люди не выполняли нормы выработки, и, соответственно, не получали нормального питания, отсутствие которого приводило к истощению. В лагере были систематические перебои с продуктами питания,

³¹ Рассчитано: ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1172. Л. 1–16.

³² ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1157. Л. 149.

³³ Согласно нашим исследованиям, в 1941–1943 гг. трудармейцы получали питание по нормам иждивенцев «вольного» населения. Это означало, что оно было ниже 2000 килокалорий в сутки. Норма военного времени составляла 2500 ккал., мирного – 3275 ккал. (прим. авт.).

вследствие чего калорийность пищи была очень низкой, в то время как для занятых тяжелым физическим трудом она должна была составлять 4000 килокалорий, для среднего труда – 3000 килокалорий ежедневно³⁴.

Несмотря на это, управления снабжения ГУЛАГа четыре раза меняли в Ивдельлаге продовольственные фонды, которые окончательно были спущены только в марте 1942 г., до этого времени немецкий контингент кормили из лагерного фонда.

Из 13 500 немцев к весне 1942 г. только 5–6 тысяч были обеспечены обувью, остальные были вынуждены в теплую весеннюю погоду работать в валенках или босиком, многие не имели белья, верхней одежды, что приводило к росту заболеваемости, ухудшению физического состояния контингента, повышению смертности³⁵.

В Богословлаге, комиссия, проводившая проверку в ноябре 1942 г. констатировала антисанитарное состояние столовой, кухни, грязь и низкую температуру в бараках, низкую калорийность питания для тех, кто был занят тяжелым трудом, отсутствие нормального питания для больных трудармейцев, которые не обеспечивались никакими дополнительными пайками³⁶.

В результате физическое состояние трудмобилизованных немцев ухудшалось, ежемесячные сводки, как в рассматриваемых нами учетных карточках, так и отчетах Политотделов лагерей, фиксировали повышение уровня смертности и состава группы «В».

Резкая убыль немецкого контингента беспокоила и центральные органы НКВД, которые предписывали начальникам лагерей на местах срочно разработать меры, предотвращающие сокращение численности трудмобилизованных³⁷. Администрации лагерей не замедлили отрапортовать о проведенных мероприятиях. В стандартный набор применяемых мер входили: проведение комиссования и установление процентовки для правильного использования трудмобилизованных, согласно их физического состояния; организация в отрядах и колоннах оздоровительно – профилактических пунктов, усиление медицинского обслуживания; комплектование отрядов и колонн политработниками для улучшения производительности труда; проведение по всем этим основным вопросам совещаний, на которых даны указания по устранению недостатков³⁸. Вопросы нормализации питания, снабжения, норм выработки, как можно увидеть, в разработанные мероприятия не входили. В результате смертность среди немцев-трудармейцев не снижалась на протяжении 1942–1943 гг. и оставалась одной из основных причин убыли контингента.

³⁴ ЦДООСО. Ф. 5248. Оп. 1. Д. 28. Л. 19.

³⁵ ЦДООСО. Ф. 5248. Оп. 1. Д. 33. Л. 19, 70, 76.

³⁶ ЦДООСО. Ф. 5248. Оп. 1. Д. 28. Л. 19, 20.

³⁷ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1157. Л. 149.

³⁸ ЦДООСО. Ф. 5248. Оп. 1. Д. 33. Л. 102.

Другой причиной убыли трудмобилизованных немцев был арест ОЧО. Оперативно-чекистские отделы были структурным подразделением каждого лагеря НКВД и выполняли следующие функции: предотвращение и пресечение фактов отказов от работы, случаев саботажа на производстве, умышленного повреждения оборудования, антисоветской пропаганды, проведение отбора заключенных, выводимых на предприятия оборонной промышленности, с целью недопущения преступлений со стороны спецконтингента. Согласно данным учетных карточек, наибольшее количество арестованных ОЧО в 1942 г. наблюдалось в Севураллаге – 5,3%, Тагиллаге – 4,1%, Бакаллаге – 4,0%, Усольлаге – 3,3%, Ивдельлаге – 1,8%. В Соликамлаге количество арестов ОЧО не превышало 0,6% от общей численности контингента³⁹.

Об активной работе ОЧО свидетельствуют справки, отчеты, политдонесения Политотделов лагерей. В Богословлаге в период января–мая за саботаж производственных заданий и совершенные побеги было привлечено к уголовной ответственности 67 трудармейцев. В июле 1942 г. ОЧО было арестовано 14 немцев, из которых, 5 человек проводили пораженческую агитацию, 5 человек распространяли пораженческие слухи, 2 высказывали террористические настроения⁴⁰. В Ивдельлаге к 1 июля 1942 г. ОЧО было взято на учет 824 трудмобилизованных немца, из них привлечено к уголовной ответственности за 1 и 2 кварталы 1942 г. – 232 человека. Основными причинами осуждения были побеги и дезертирство – 92 человека, отказы от работы и саботаж – 63 человека, контрреволюционная агитация – 39 человек. К высшей мере наказания было приговорено – 24 человека, от 5 до 10 лет лишения свободы – 116 человек, до 5 лет – 10 человек⁴¹.

Особое внимание оперативные сотрудники обращали на пресечение побегов. Невыносимые условия лагерной жизни, моральная неудовлетворенность создавшимся положением, вынуждали часть советских немцев сделать попытку вырваться из-за колючей проволоки.

Показатель побегов немцев из уральских лагерей не превышал 1%. Самый высокий уровень побегов зафиксирован в Бакаллаге – 0,87%, Усольлаге – 0,83%, Ивдельлаге – 0,63%⁴². Была разработана целая система мер по предотвращению побегов, включавшая в себя создание сети осведомителей, ужесточение режима, запрещение общения с местным населением и вольнонаемным составом. Несмотря на это, побеги из лагерей не прекращались. В Ивдельлаге, по данным учетной карточки за 1942 г., зафиксировано 95 побегов, по данным же Политотдела, только за период января–июня – 92, в Бакаллаге – 404, Усольлаге – 365. По данным Политотдела Богословлага

³⁹ Рассчитано: ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1172. Л. 1–16.

⁴⁰ ЦДООСО. Ф. 1115. Оп. 1. Д. 11. Л. 69, 79.

⁴¹ ЦДООСО. Ф. 5248. Оп. 1. Д. 33. Л. 17.

⁴² Рассчитано: ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1172. Л. 1–16.

в период мая–декабря 1942 г. бежало 70 немцев-трудармейцев, пыталось бежать 39 человек⁴³.

В 1943 г. превышение убыли над прибылью в ИТЛ Урала сохранялось, разница составила 16 041 человек, причем смертность достигла 18,6% от общего количества убиавших. По количеству немецкого контингента на Урале в январе 1943 г. выделялись: ИТЛ ЧМС (Бакаллаг) – 27 783, Богословлаг – 12 683, Ивдельлаг – 9 237, Соликамлаг – 8 823 человек. В Тагиллаге списочный состав немецкого контингента составлял 3709, в Усольяге – 5750 человек⁴⁴. Из этого количества общий трудфонд 6 уральских лагерей составлял 65 110 человек. Из них в ИТЛ ЧМС – 25 904, Ивдельяге – 9237, Тагиллаге – 3705, Усольяге – 5683, Богословяге – 12 044, Соликамлаге – 8 537 человек⁴⁵.

Распределение немецкого контингента в январе 1943 г. в зависимости от степени трудоспособности по группам выглядело следующим образом: группа «А» (на производстве) – 64,5%, группа «Б» (на обслуге) – 5,8%, группа «В» (легкий труд) – 28%, группа – «Г» (не работало) – 1,7%⁴⁶. Большая часть немцев-трудармейцев была определена в группу «А», которая была основной производственной группой, занятой на строительстве предприятий и коммуникаций, лесозаготовках, где преобладал тяжелый физический труд.

Центральные органы НКВД, лагерное начальство на местах были заинтересованы в максимальной трудоспособности немецкого контингента. Сделать это в условиях высокой смертности и физического истощения было непросто. Для того чтобы сохранить и расширить состав группы «А» лагерные власти могли использовать несколько способов. Самый простой состоял в том, чтобы постоянно пополнять ряды этой группы за счет вновь прибывших трудармейцев. Однако к середине 1943 г., как следует из документов центральных органов НКВД и учетных карточек движения немецкого контингента, резервов уже не было. Поэтому приходилось либо сокращать численность трудармейцев в других группах, увеличивая группу «А» (за счет инвалидов, слабосильных, раздетых и разутых и т.д.), либо проводить оздоровительно-профилактические мероприятия.

Состав группы «А», в декабре 1943 г. по сравнению с началом года значительно увеличился и составил – 76,9% (+12,4%) В то же время состав других групп сократился. Группа «Б» составила 4,2% (– 1,6%), группа «В» – 6,9% (–21,1%), группа «Г» – 0,99% (–0,9%).

Во всех лагерях в январе 1943 г. основное количество немецкого контингента было сосредоточено в группах «А» и «В», причем группа «А» во всех лагерях превышала 50%. В ИТЛ ЧМС группу «А» составляли 58,1% немцев-

⁴³ ЦДООСО. Ф. 1115. Оп. 1. Д. 11. Л. 114.

⁴⁴ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1202.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

трудармейцев, в Ивдельлаге – 63,6%, Тагиллаге – 73,2%, Усольлаге – 54,3%, Богословлаге – 75,6%, Соликамлаге – 72,8%.

Состав группы «В» включал в себя четверть всех трудмобилизованных немцев. Самые высокие показатели численности группы «В» мы наблюдаем в Ивдельлаге – 35%, ИТЛ ЧМС – 33, 7%, Усольлаге – 29,2%. Фактически треть немецкого контингента в этих лагерях не могла выполнять тяжелые и средние работы на производстве, что свидетельствует о физическом истощении контингента. Численность группы «В» в Соликамлаге составила – 20,5%, Богословлаге – 18,5%, Тагиллаге – 18%.

В состав группы «В» входили в 1943 г. следующие категории контингента: освобожденные от работы согласно предписанию медиков, стационарно больные, команда слабосильных, беременные женщины, активированные инвалиды.

Категория «стационарно-больных» составляла большую часть группы «В»: в ИТЛ ЧМС – 63,7%, в Ивдельлаге – 66,9%, в Усольлаге – 66,4%; в Тагиллаге эта категория составляла 17,5%, Богословлаге – 36,5%, Соликамлаге – 42,9%. Категория – «команда слабосильных» составляла соответственно 8,1%, 8,4%, 14%. 61%, 23,7%, 42,5%. Количественная составляющая остальных категорий, входивших в группу «В», в карточках не представлена.

Приведенные данные позволяют сделать вывод об ухудшении состояния немецкого контингента в начале 1943 г. Это связано с ростом заболеваемости, физическим истощением, ставших следствием неудовлетворительных материально-бытовых, санитарных условий содержания, преобладанием тяжелого труда, отсутствием должного медицинского обслуживания. Подтверждением приведенных статистических данных служат отчеты Политделов лагерей Тагиллага, Ивдельлага, Богословлага⁴⁷.

К концу 1943 г. во всех лагерях продолжается рост группы «А» и довольно значительное снижение группы «В», которое происходит на фоне снижения общей численности немецкого контингента в ряде лагерей. Так, в ИТЛ ЧМС, в январе 1943 г. общий трудовой фонд немецкого контингента составлял 25 904, к концу года – 18823, в Ивдельлаге – 9237, к декабрю – 5689, в Богословлаге в январе – 12044, в декабре – 9105, в Соликамлаге – 8537, к концу года – 6077. В остальных лагерях происходило увеличение немецкого контингента. В Тагиллаге численность трудового фонда используемого немецкого контингента составила 4811 (+1106), в Усольлаге – 8627 (+2944).

В ИТЛ ЧМС группа «А» увеличилась до 91,4%, а группа «В» сократилась до 2,0%, в Тагиллаге численность группы «А» составила 77,9%, группа «В» уменьшилась до 4,4%; в Ивдельлаге это соотношение составило 85,9% и 13,5%, Богословлаге – 85,8% и 8,0, Соликамлаге – 71,8% и 19,9%, Усольлаге – 83,6% и 11,2%. Сокращение

⁴⁷ ЦДООСО. Ф. 1896. Оп. 1. Д. 40. Л. 5, Д. 10. Л. 15; Ф. 1115. Оп. 1. Д. 28. Л. 19, 20; Ф. 5248. Оп. 1. Д. 33. Л. 19, 70, 76

численности группы «В» было достигнуто за счет уменьшения численности категорий «освобожденные от работы амбулаторно», «стационарно-больные», «команда слабосильных». В Богословлаге категории «освобожденные от работы амбулаторно», «стационарно-больные», «команда слабосильных» составили 28,6%, 62,8%, 8,5%, Ивдельлаге – 32,9%, 21,8%, 45,2; Тагиллаге – 53,6%, 27,9%, 17,4%; Соликамлаге – 24,2%, 48,0%, 20,6%, Усольлаге – 34,6%, 47,0%, 18,3%.

Состав группы «Г» в лагерях НКВД включал следующие категории трудмобилизованного контингента: вновь прибывшие, штрафники и отказчики от работы, прибывшие в лагерь вследствие переброски, находящиеся на медкарантине, не вышедшие на работу из-за отсутствия одежды и обуви или по погодным условиям.

В январе 1943 г. численность немецкого контингента, входящего в эту группу, составляла 2,6%, к концу года – 1,8%. Самые высокие показатели состава группы «Г» наблюдались в Тагиллаге: январь 1943 г. – 3,3%, декабрь – 6,4%; в Усольлаге – соответственно 9,3% и 1,4%. В остальных лагерях состав группы колебался в диапазоне от 0,3 до 1,4%.

К декабрю 1943 г. практически во всех лагерях наблюдалось снижение количества трудармейцев, входивших в эту группу. Исключение составляли Тагиллаг, где основной причиной увеличения состава группы стал медкарантин – 70,9%, Соликамлаг, где количество находящихся под следствием без вывода составило 100%.

Значительное количество немцев концентрируется в категориях «следственные без вывода», «штрафные без вывода», «переброска». Переброски немецкого контингента наиболее часто в течение года наблюдались в ИТЛ ЧМС где в январе 1943 г. эта категория составила 40,3% от общей численности группы, а к декабрю увеличилась до 51,5%. В Ивдельлаге показатели этой категории составили 72,9% на начало года, 49,3% в декабре.

Во всех лагерях немецкий контингент в составе группы «Г» фигурирует в категории «следственные без вывода». ИТЛ ЧМС в январе 1943 г. в ней состояло 15,4% трудармейцев, в декабре – 20,3%, в Богословлаге эти показатели на начало и конец года составили 42,8%, 37,5%, в Тагиллаге – 5,3% и 19,6%, Соликамлаге – 96,6% и 100%, Усольлаге – 10,2% и 29%.

Численность категорий «раздетые и разутые» (в Усольлаге составила 20,9%), «невыведенные по атмосферным условиям» (53% в Усольлаге), еще раз подтверждает факт крайне низкого материального обеспечения немцев-трудармейцев в лагерях НКВД.

В 1944 г. немцы-трудармейцы оставались одним из наиболее многочисленных контингентов в лагерях НКВД. В соответствии с карточками учета движения немецкого контингента численный состав в лагерях Урала, по сравнению с 1942–1943 гг., к 1944 г. претерпел серьезные изменения⁴⁸.

⁴⁸ Рассчитано: ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 740. Л. 3, 9, 17, 19, 22, 23, 26.

Фактически во всех лагерях численность трудмобилизованных немцев в 1944 г., за исключением ИТЛ ЧМС (к концу 1944 г. численность немцев – трудармейцев увеличилась на 1861 человек)⁴⁹, продолжала снижаться. Наибольшие потери контингента наблюдаются в Соликамлаге, где количество трудмобилизованных немцев с 6 245 чел., сократился до 4 168 чел., ИТЛ ЧМС – 1806 чел., Усольлаге – 1061 чел.

Об определенной стабилизации положения трудмобилизованных немцев свидетельствуют результаты сравнения статистических данных убыли немецкого контингента за 1942 и 1944 гг. Во всех лагерях мы видим значительное снижение доли убывших среди трудмобилизованных немцев. В Ивдельлаге доля убывших составила в 1944 г. – 10,6% против 22,5% в 1942 г., в Усольлаге – 11,8% против 15,8%, в ИТЛ ЧМС – 7,4% против 19,3%, в Севураллаге 12,9% против 54,6%, в Богословлаге – 5,1% против 24,9%, в Соликамлаге 26,0% против 12,1%, в Тагиллаге 4,2% против 12,6%, Тавдинлаге – 45,6% и 76,9%, Востураллаге – 13,6% против 4,6%⁵⁰. Однако превышение количества убывших трудармейцев, над количеством прибывших немцев в лагерь Урала сохранялось.

Одной из основной причин убыли оставалась смертность. По сравнению с 1942 г. процент смертности среди трудмобилизованных в уральских лагерях в 1944 г. снизился. В Богословлаге смертность составила – 1,7%, в Ивдельлаге – 1,5%, Севураллаге – 1,9%, Тагиллаге – 1,4%, Усольлаге – 7,5%, Соликамлаге – 2,1%, ИТЛ ЧМС – 1,7%, Тавдинлаге – 0,6%, Востураллаге – 3,1% от общей численности контингента.

От числа убывших по лагерям процент смертности остается довольно высоким: в Усольлаге – 63,8%, Тагиллаге – 34,1%, Богословлаге – 33%, ИТЛ ЧМС – 22,3%. В Ивдельлаге процент смертности среди убывших трудармейцев составил 13,5%, в Севураллаге – 14,5%. Самый низкий показатель смертности среди убывших в Тавдинлаге – 1,3% и Соликамлаге – 5,8%⁵¹.

Основными причинами смертности было физическое истощение немецкого контингента, отсутствие нормального питания, высокие нормы выработки. В отчетах, докладных записках политотдела Богословлага, парторганизации строительства в 1944 г. неоднократно отмечалось, что питание трудармейцев неудовлетворительное, нет «ни в запасе, ни на подходе» необходимых продуктов питания, на тяжелые работы ставится слабый контингент, а на легкие сильный, в лагере ощущался недостаток дров для обогрева барачных корпусов и т.д.⁵²

⁴⁹ Gedenkbuch: Книга памяти немцев-трудармейцев ИТЛ Бакалстрой-Челяб-металлургстрой. 1942–1946. / Авторы-составители: В.М. Кириллов, С.Л. Разинков, Е.П. Турова Т.1. М.: МСНК, Нижний Тагил: НТГСПА, 2011. – 676 с. С. 659–665.

⁵⁰ Рассчитано: ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 740. Л. 3, 9, 17, 19, 22, 23, 26.

⁵¹ Там же.

⁵² ЦДООСО. Ф.1115. Оп. 1. Д. 28. Л. 113.; Д. 50. Л. 112.

В Ивдельлаге, по мнению администрации лагеря, физическое состояние контингентов, хотя и медленно, но из месяца в месяц улучшалось, но существовала опасность вспышки желудочно-кишечных заболеваний, вследствие замены продуктов питания сушеными грибами и ягодами, недостаточной санитарной обработки, отсутствия медикаментов и медицинского обслуживания⁵³.

В лагерях не прекращалась и практика демобилизации, которая помогала, на наш взгляд, предотвратить рост смертности в лагерях и избавиться от содержания ослабленного контингента. Высокие показатели демобилизованных трудармейцев сохранялись в 1944 г. в Севураллаге – 52,3%, Ивдельлаге – 35,8%, Тагиллаге – 36,7%, Бакаллаге – 31,2% Соликамлаге – 22,5% от общего количества убывших в этих лагерях. Низкие показатели демобилизации были в Усольлаге – 1,1%, Богословлаге – 8%.

Значительно выросла убыль немецкого контингента в лагерях по причине «осуждение к лишению свободы». В Ивдельлаге она составила 42,5% по сравнению с 7,8% в 1942 г., в ИТЛ ЧМС – 32,8% против 2,0%, в Богословлаге – 39,9%, Соликамлаге – соотношение составило 13,0% и 1,3%. Некоторое снижение количества осужденных произошло в Тагиллаге – 23,4% (в 1942 – 32,8%), и Усольлаге – 19,0% (21%)⁵⁴.

Рост количества осужденных, по нашему мнению, связан не только с активной работой оперативно-чекистских отделов, но и сознательным нарушением режима со стороны немцев-трудармейцев, которых невыносимые условия жизни в лагере заставляли подчас идти на преступление. Среди преступлений, зафиксированных в отчетной документации политотделов, фигурируют хищения продуктов, саботаж, порча оборудования.

Случаи дезертирства имели место, но, по сравнению с данными 1942 г., их количество, в целом, уменьшилось. Увеличение дезертирства наблюдалось только в Усольлаге – 2,9% от общей численности контингента (в 1942 г. – не более 0,83%). В остальных лагерях этот показатель в 1944 г. не превышал 0,3%⁵⁵.

В значительной степени на снижении побегов сказались изолированность лагерей, суровые климатические условия, отлаженная система контроля коммуникаций, сделавшая практически невозможным проезд беглецов железнодорожным или каким-либо иным транспортом. В условиях тотального контроля со стороны лагерной власти немцы продолжали трудиться на промышленных и строительных объектах.

Общий трудовой фонд немецкого контингента в рассматриваемых лагерях к началу 1944 г. составлял 58 534 человек. Количество трудармейцев в группе

⁵³ ЦДООСО. Ф. 5248. Оп. 1. Д. 80. Л. 31.

⁵⁴ Рассчитано: ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 740. Л. 3, 9, 17, 19, 22, 23, 26.

⁵⁵ Рассчитано: ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 740. Л. 3, 9, 17, 19, 22, 23, 26.

«А» составляло 49 131 человек, в группе «Б» – 2 787 , в группе «В» – 6 355, группе «Г» – 291 человек⁵⁶.

Немцы-трудармейцев на 83,9% составляли основную производственную группу (группа «А») и использовались на производстве и строительстве промышленных предприятий, где преобладал тяжелый и средний физический труд. Показательно, что немецкий контингент практически не использовался в качестве obsługi (группа «Б») – 4,6%. Количество неработающих по каким-либо причинам немцев в группах «В» и «Г» составляло 11,6%.

К концу 1944 г. общий трудовой фонд мобилизованных немцев уменьшился и составил 54 590 человек., но, несмотря на сокращение количества трудоспособной части немцев, количественный состав группы «А» увеличился и составил 87,8%. Группы «Б» и «В», наоборот, численно сократились, их доля в общем трудовом фонде составила 3,9% и 7,6% соответственно. Группа «Г» увеличилась до 486 человек и составила 0,8% от общего трудового фонда. Таким образом, увеличение численности группы «А» на фоне снижения численности общего трудового фонда происходило стандартным, уже не раз проверенным способом – за счет сокращения численности других групп и перевода их состава в основную производственную группу⁵⁷.

Каждый, из рассматриваемых нами лагерей, стремился максимально использовать трудовой потенциал немецкого контингента на основном промышленном производстве, при любой возможности увеличивая состав группы «А», которая составляла более 80% от численности трудфонда каждого лагеря.

Второй по численности группой в лагерях остается группа «В» (10–14% от общего количества трудфонда), в состав которой в 1944 г. входили те же категории, что и в 1942 г.: освобожденные от работы амбулаторно, стационарно-больные, команда слабосильных, беременные женщины, активированные инвалиды⁵⁸.

В большинстве лагерей немецкий контингент в группе «В» представлен в категориях «стационарно–больные» и «освобожденные от работы амбулаторно». В Богословлаге по категории «стационарно-больные» проходило 45% трудармейцев, по категории «освобожденные от работы амбулаторно» – 37,5%. Аналогичные показатели в Ивдельлаге, разница состоит в десятых долях процента – 45,2% и 37,1%. В Севураллаге, Тагиллаге наблюдается численное превосходство немецкого контингента в категории «освобожденные от работы амбулаторно», которая составила здесь 48,1% и 42,3% соответственно. Категория «стационарно-больные» в этих лагерях соста-

⁵⁶ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 216. Л. 3, 10, 15, 21, 23, 24, 27.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же.

вила 37,5% и 31,6%. Категория «команда слабосильных» в Богословлаге составила 10,7%, Ивдельлаге – 11%, Севураллаге – 14,3%. Все данные указывают на то, что в этих лагерях сохранялась угроза высокой заболеваемости контингента. Среди болезней преобладали желудочно-кишечные заболевания, пеллагра, цинга, сохранялась угроза эпидемии брюшного тифа, дизентерии.

В Усольлаге и Челябинметаллургстрое обращает на себя внимание не только довольно внушительный состав категорий «стационарно-больные» – 46,8% и 40,8% и «освобожденные от работы амбулаторно» (30,8% и 17,2%), но и высокие показатели категории «команда слабосильных» – 23,1% и 42,1%. Аналогичная тенденция наблюдается и в Тагиллаге – 26%.

Все эти показатели свидетельствуют не только о распространении заболеваемости, но и физическом истощении немецкого контингента, слабевшего в результате неудовлетворительного обслуживания и высоких норм выработки на производстве.

Несмотря на сохранение негативных тенденций, по сравнению с 1943 г., численность группы «В» во всех лагерях Урала снизилась в 2–3 раза⁵⁹. Причинами уменьшения контингента группы «В», на наш взгляд, было не только улучшение материально-бытовых условий, продовольственного снабжения лагерей, которое действительно к концу войны имело место, но и сознательное уменьшение лагерным начальством численности группы, перевод физически истощенного контингента и инвалидов в основные производственные группы, что неоднократно подтверждалось и в документации политотделов лагерей, и в выводах комиссий, проверявших состояние лагерного контингента и в воспоминаниях самих трудармейцев.

Группа «Г» составляла в январе 1944 г. 0,5% от общей численности трудового фонда в рассматриваемых семи уральских ИТЛ. В состав группы «Г» в уральских лагерях входили те же категории, что и в 1942 г.⁶⁰

Основной состав немецкого контингента группы «Г» сконцентрирован в группах «следственные без вывода» – 22%, «штрафные без вывода» – 5,2%, «переброска» – 14,4%. Обращает на себя внимание численность и состав группы «Г» в Усольлаге, которая составляет – 40% от общего количества группы по всем рассматриваемым лагерям. В шести из восьми представленных в карточке трудового учета категорий группы «Г», фигурируют данные по Усольлагу, которые в большинстве случаев отличаются высокими показателями по сравнению с другими лагерями. Из 116 трудармейцев, зарегистрированных в составе группы «Г» в Усольлаге, в январе 1944 г. 28, 4% не работали из-за отсутствия одежды и обуви, в то время как в остальных лагерях данная категория не представлена какими-либо данными. Са-

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же.

мые высокие показатели среди других лагерей в Усольяге: по категориям «следственные без вывода» – 20%, «отказчики от работы» – 14,6%, «переброска» – 18%. В остальных лагерях в состав группы «Г» входило от 20 до 40 немцев–трудармейцев.

К декабрю 1944 г. состав группы «Г» в уральских лагерях увеличился до 0,8% от общей численности трудового фонда и составил 444 человека, причем самое большое количество немецкого контингента данной группы было зарегистрировано в Усольяге. Из 238 трудмобилизованных немцев, зарегистрированных в группе «Г» Усольяга (53,6% от общей численности по уральским лагерям), 16,8% не работали из-за отсутствия одежды и обуви, 16,8 отказались от работы, 26,8% были вновь прибывшими, 22,6% переброшены с других объектов, 15,5% – следственные без вывода⁶¹.

Резко возрос в декабре 1944 г. состав группы «Г» в ИТЛ ЧМС с 32 до 101 человека (22,7% от общей численности группы), причем 84 человека (83,1%) числились в категории «следственные без вывода»⁶². Увеличение численности группы «Г» в этих лагерях можно связать как с тяжелыми материально-бытовыми условиями, так и с ростом побегов и других нарушений лагерного режима со стороны немцев–трудармейцев.

О тяжелых условиях труда и жизни в лагере также свидетельствует увеличение численности немецкого контингента в группе «инвалиды за балансом». В результате тяжелых условий труда и быта, а также несчастных случаев часть трудмобилизованных немцев становилась инвалидами, которых, чтобы не держать долго на довольствии отправляли умирать к выселенным семьям.

Анализ данных численности инвалидов за 1943–1944 гг. в лагерях Урала показывает, что их количество к концу 1944 г. снизилось незначительно. Исключение составлял ИТЛ ЧМС, где в декабре 1943 г. удельный вес группы инвалидов поднялся до уровня 9,2% от общей численности трудмобилизованных немцев, против 5,6 в январе 1943 г., к концу 1944 г. – 0,5%. Характерной чертой всех лагерей является увеличение численности инвалидов к концу года и ее снижение к началу следующего. Эти факты можно расценивать как свидетельство сознательного нарушения администрацией лагерей правил трудоустройства немецкого контингента, стремления поскорее избавиться от истощенных или покалеченных людей.

За время существования «трудармии», рабочие отряды и колонны из советских немцев построили на Урале металлургические, коксохимические заводы и комбинаты (Бакалстрой НКВД в Челябинской области, Тагиллаг НКВД в Свердловской области), алюминиевый завод (Богословлаг НКВД Свердловской области), целлюлозно-бумажные комбинаты (Соликамбумстрой НКВД в Молотовской области), железные дороги и автодороги, заготавливали лес

⁶¹ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 739. Л. 24.

⁶² Там же. Л. 27.

(Ивдельлаг, Тавдинлаг, Севураллаг, Востураллаг в Свердловской области, Усольлаг в Молотовской области).

К концу войны режим содержания мобилизованных немцев в лагерях стал понемногу смягчаться. В ряде лагерей, вследствие отсутствия повседневного контроля за поведением трудмобилизованных немцев, расширились контакты с вольнонаемным составом, имели место самовольные отлучки в город, ослабление учета. По донесениям политотдела Ивдельлага, проводились совместные вечера мобилизованных немцев с сотрудниками лагеря и членами их семей, были случаи сожительства немцев с вольнонаемными сотрудниками.⁶³

Начиная с 1945 г., в соответствии с директивой №28/ОК/ 2382 от 3 мая 1945 г., часть отобранных специалистов, из числа трудмобилизованных немцев, была направлена в качестве переводчиков, учетчиков, бригадиров в лагеря военнопленных. Судя по материалам политотделов, целью работы немцев-трудармейцев среди военнопленных стала не столько помощь в адаптации к новым условиям лагерной жизни, сколько задача добиться от пленных немцев такой же качественной и высокопроизводительной работы, которую выполняли на протяжении всей войны трудмобилизованные советские немцы. Каждый из работающих в отрядах и колоннах военнопленных трудармейцев нес ответственность за соблюдение правил режима, выполнение норм выработки, как в лагере, так и на производстве⁶⁴.

С мая 1945 г. начался процесс демобилизации советских немцев из трудармии, который осуществлялся, прежде всего, в отношении тех, кто был признан военно-экспертными комиссиями инвалидами. Все эти люди направлялись в Казахскую ССР, Якутскую АССР, Алтайский и Красноярский края, Кемеровскую, Новосибирскую, Томскую, Иркутскую, Омскую, Тюменскую области по месту проживания их семей. Впоследствии в этот список вошли области и республики Уральского региона, на территории которых находились трудмобилизованные немцы. В апреле 1946 г. трудармия была ликвидирована, немцев перевели на спецпоселение под административный надзор территориальных органов МВД.

Таким образом, анализ данных по некоторым лагерям Уральского региона, сделанный на основе карточек учета движения немецкого контингента, карточек трудового учета, документации политотделов лагерей в 1942–1944 гг., позволяет сделать вывод о том, что в ИТЛ НКВД немецкий контингент отличался многочисленностью и составлял основной трудовой фонд на производстве и строительстве промышленных объектов. Прибытие российских немцев в уральские лагеря происходило на протяжении 1942–1944 гг., самое большое количество немцев прибыло во 2 квартале 1942–начале 1943 гг., после чего

⁶³ ЦДООСО. Ф. 5248. Оп. 1. Д. 132. Л. 37.

⁶⁴ ЦДООСО. Ф. 1115. Оп. 1. Д. 71. Л. 111–112, 119–121.

доля немецкого контингента неуклонно снижалась, что подтверждает данные об отсутствии трудовых резервов среди немецкого населения страны к концу 1943 г. Отличительными особенностями использования немцев-трудармейцев от других контингентов лагерей НКВД было их промежуточное положение между вольнонаемным составом и заключенными, изолированность содержания, применение на объектах, где требовался тяжелый физический труд. В то же время есть все основания считать российских немцев одной из категорий спецконтингента.

Администрация лагерей сознательно прибегала к нарушению правил трудоустройства мобилизованных немцев, о чем свидетельствует сравнение численности немецкого контингента в группах «А», «В» и «Г», увеличение количества инвалидов в период 1942–1944 гг.

О больших потерях немецкого контингента в рассматриваемый период свидетельствует, прежде всего, сокращение его численности, представленное в карточках учета движения мобилизованных немцев 1942–1944 гг. в разделе «убыли». Эти данные подтверждает документация политотделов лагерей, центральных органов НКВД.

Пик сокращения численности мобилизованных немцев приходится на весну–лето 1942 г. – первую половину 1943 г. Причинами сокращения стал рост смертности, демобилизация вследствие физического истощения, арест оперативно-чекистским отделом лагеря. Как показал анализ документов политотделов лагерей, резкому ослаблению физического состояния контингента, доведению его до инвалидности и непригодности к труду, росту смертности способствовали тяжелый физический труд и непосильные нормы выработки на производстве, отсутствие нормального питания, материального обеспечения, медицинского обслуживания. В результате вопрос о сохранении немецкого контингента в работоспособном состоянии не терял своей остроты на протяжении всего периода существования трудармии.

Общие потери немецкого национального меньшинства в период 1941–1945 гг. оценить довольно сложно, так как на сегодняшний день исследователи не располагают точными данными о количестве депортированных и мобилизованных в трудармию немцев. Для того чтобы установить точное количество погибших, необходимо сопоставить данные учетной документации ГУЛАГа НКВД в центральных архивах с картотеками, которые хранятся в архивах лагерей (часть из которых является действующими).

Благодаря исследованиям ученых в рамках проекта «Gedenkbuch», удалось установить численность немецкого контингента и погибших трудармейцев в ряде лагерей. В Усольяге в 1942–47 гг. погибли от голода, болезней, каторжного труда на лесоповале и лесосплаве 3 508 немцев-трудармейцев. Через Тагиллаг прошло 6,5 тыс. советских немцев, из них умерло 630 человек,

через Богословлаг – 20 711 чел., умерло 3 734 человека. Ведется работа над Книгой памяти немцев-трудармейцев Бакаллага (в период 1942 – 1946 гг. прибыло 42 902 мобилизованных немцев, умерло – 6 288 человек).⁶⁵ Таким образом, только в 4-х ИТЛ Урала погибло 14 460 чел. По данным ОУРЗ, в 1943 г. по всем ИТЛ ГУЛАГа, где содержались немцы, умерло 11 561 трудармейцев. Огромное количество трудмобилизованных было «освобождено» по причине инвалидности (Тагиллаг – 11,4%, Богословлаг – 30%, ИТЛ ЧМС – 30,5% от всего контингента). Эти люди были в большинстве своем обречены на смерть «в пути», или в спецссылке. Однако, отсутствие, на сегодняшний день доступа к архивам лагерей, где находились трудмобилизованные немцы, затрудняет исследование проблемы, откладывает ее решение на неопределенный срок.

Определяя перспективы исследовательской работы по обозначенной теме можно назвать несколько возможных направлений ее развития. Во-первых, это продолжение освоения источниковой базы центральных архивов с целью выявления документов нормативной базы по «трудармии» и различным категориям трудмобилизованных; учетных документов по движению спецконтингента на уровне различных наркоматов, ИТЛ, ИТК, предприятий; документов по дислокации спецпоселенцев и трудмобилизованных и т.п. Во-вторых, продолжение углубленных исследований на региональном уровне. Важную роль в историографии призваны сыграть исследования не только по наиболее крупным ИТЛ, но и по предприятиям различных наркоматов. Весьма перспективен сравнительный анализ положения различных категорий спецконтингента, условий жизни и эффективности труда: заключенных, «трудмобилизованных немцев», трудмобилизованных СВО, репатриированных, военнопленных и т.п.. Только такой анализ может дать ответ на вопросы – можно ли относить трудармейцев по их положению к вольнонаемным, был ли процент их смертности выше, чем у заключенных и т.п. Даже беглое сравнение результативно (см. Табл 5).

⁶⁵ Gedenkbuch: Книга Памяти немцев-трудармейцев Усольлага НКВД/МВД СССР (1942–1947 гг.). Сост. Э.А. Гриб. Ред. В.Ф. Дизендорф. М.: ОАРН, 2005. – 416 с.; Gedenkbuch: «Гордое терпенье. Книга памяти советских немцев – узников Тагиллага». Авт.-сост.: В.М. Кириллов, П.М. Кузьмина, С.Л. Разинков, А.Я. Цейзер. Екатеринбург: ОАРН, НТГСПА, 2004. – 716 с.; Gedenkbuch: «Книга памяти немцев-трудармейцев Богословлага 1941–1946». Авт.-сост.: В.М. Кириллов, П.М. Кузьмина, Н.М. Паэгле, А.А. Пермяков, С.Л. Разинков. Т.1. – Москва: РНД, Нижний Тагил: НТГСПА, 2008. – 520 с.; Gedenkbuch: Книга памяти немцев-трудармейцев ИТЛ Бакалстрой-Челябметаллургстрой. 1942–1946. / Авторы-составители: В.М. Кириллов, С.Л. Разинков, Е.П. Турова Т.1. М.: МСНК, Нижний Тагил: НТГСПА, 2010. – 676 с. С.659–665

Табл. 5.

Движение контингентов заключенных и трудармейцев за 1943 год

Кон- тин- гент	На 01. 01	На 31.12	За год	При- было	Убы- ло	Умер- ло	Этап. в ИТЛ	В ИТК, тюрь- мы	Осво- бож- дено.	Бежа- ло
з/к	103 902	83 355	189484	86582	107189	19926	17019	15298	53636	602
%				45,7	56,5	10,5/ 18,6	15,9	14,3	50	0,5
т/м	121 053	105012	166 348	45995	62036	11561	13545	6580	22349	1045
%				27,6	37,3	6,9/ 18,6	21,8	10,6	36	1,7

Источник: ГАРФ. Ф. 9414. Оп 1а. Д. 398. Л. 1-1об.; Д. 402. Л.1-1об.

Как мы видим, процент смертности от количества убывших и у заключенных и у трудармейцев одинаков – 18,6% (вторая цифра), от всего контингента – у первых 10,5%, вторых 6,9%. Это говорит об аналогичных условиях содержания разных категорий спецконтингента. По количеству беглецов трудармейцы на 1,2% опережали заключенных.

Необходимо продолжить разработку картографических материалов с перспективой продвижения от регионального к всесоюзному уровню. Интересной задачей является создание интерактивной «Карты депортации, спецпоселения и трудовой мобилизации репрессированных народов». Продолжается работа по созданию электронного банка данных по персоналиям репрессированных, которая позволит создать их коллективный (просопографический) социальный портрет и увековечить в исторической памяти России.

Повседневная жизнь и стратегии выживания немцев-трудармейцев г. Нижнего Тагила в годы Великой Отечественной войны

История индустриальных городов Урала в период Великой Отечественной войны рассматривается как история трудового героизма. Обращение к материально-бытовым проблемам, повседневной жизни рабочих предприятий города происходило лишь в контексте изучения экономических и социальных процессов военного времени. В связи с этим, особую актуальность приобретает изучение материально-бытовой стороны повседневной жизни населения индустриального города во взаимосвязи с теми моделями поведения и стратегиями выживания, которыми люди пользовались в экстремальных условиях военной поры. Особый интерес для нас представляет изучение повседневной жизни советских немцев-трудармейцев, принимавших наряду с рядовыми горожанами активное участие в строительстве и работе ряда промышленных предприятий Нижнего Тагила.

Задача, которая стоит перед нами, заключается в необходимости изучения бытовых практик и стратегий выживания, присутствующих в повседневной жизни немцев-трудармейцев, а также в выявлении тех факторов, которые оказывали влияние на формирование общих повседневных практик в условиях военного времени.

Первые эшелоны с немцами-трудармейцами прибыли в Нижний Тагил уже в феврале 1942 г., через месяц после постановления ГКО № 1123сс от 10.01.42 г. о мобилизации в рабочие колонны на все время войны мужчин в возрасте от 17 до 50 лет из числа немцев-переселенцев. Условия содержания данной категории трудмобилизованных определялись приказом Л. Берии №0083 от 12.01.42 г., согласно которому немцы-переселенцы должны были размещаться в зонах Гулага в лагерные пункты, отдельно от заключенных, при этом режим содержания, нормы питания и промтоварного снабжения соответствовали требованиям, устанавливаемым для контингентов заключенных.

Первым, с чем пришлось столкнуться трудармейцам сразу после прибытия в Нижний Тагил, были ужасающие жилищно-бытовые условия. Отведенная для их размещения зона имела оградительные сооружения, вход и выход с которой осуществлялся в установленное время в строю под командой начальников колонн, хотя и без конвоя. А.А. Шмидт, мобилизованный в годы войны в отряд № 18–74, так описывал условия содержания советских немцев: «Поселили нас за колючей проволокой Тагиллага на территории старого кирпичного завода в наскоро сколоченный из сырых нестроганных досок сарай... В сарае холод, как на улице. Зимний ветер заносит в щели снег. Нары трехэтажные,

сплошные, из тех же досок, что и стены, без постельных принадлежностей. Спали одетыми, не умывались. Жили и работали за колючей проволокой, долбили мерзлую землю под фундамент, строили новый кирпичный завод»¹. Произведенным обследованием Нижнетагильского ИТЛ комиссией НКВД в мае 1942 г. было установлено, что прибывающие спецконтингенты размещались скученно, без создания необходимых бытовых условий. Из-за нехватки жилья, часть этапов оставалась по несколько дней в вагонах на станции Рудная без воды, дров и какой-либо медицинской помощи².

Основной причиной катастрофической нехватки жилья для размещения прибывающих стало отсутствие до войны в городе крупных лагерных образований, первые из которых появились лишь в конце 1941 – начале 1942 гг. В этих условиях средняя обеспеченность жилплощадью на одного человека составляла не более 1,4 кв.м.³ Незначительные изменения в лучшую сторону произошли лишь к концу 1943 г., когда в Тагиллаге была полностью ликвидирована система двух и трехъярусных нар. При этом, в бараках и землянках по-прежнему отсутствовали столы, табуреты, прикроватные тумбочки и полки. Оставалась низкой обеспеченность спецконтингента постельными принадлежностями: на 35% одеялами, на 55% наволочками подушечными и на 50% наволочками тюфячными. Размер жилплощади, приходящийся на одного заключенного, также оставался неизменным – 1,5 кв.м.⁴

Следует отметить, что с подобными же жилищно-бытовыми условиями, во многом схожими с условиями содержания заключенных, столкнулись не только немцы-трудармейцы, но и другие категории мобилизованных на тагильские предприятия рабочих, а также эвакуированные, прибывшие в Нижний Тагил из оккупированных районов. Уже в первые месяцы войны такие предприятия, как Нижнетагильский металлургический завод, танковый завод №183, завод авиационной промышленности №381 приняли на своей площади основную массу эвакуированных, которых необходимо было разместить в короткие сроки. Некоторые приезжие, проведя по нескольку дней на эвакуопункте, заселялись в дома, совершенно не оборудованные для жилья. Рабочие – одиночки селились в бараки, разделенные деревянными перегородками на отдельные комнаты, в каждую из которых заселялось по 15–20 человек. Из инвентаря в таких общежитиях, на момент заселения, присутствовали, как правило, только

¹ Шмидт А.А. Страшный февраль сорок второго // Книга памяти (посвящается тагильчанам – жертвам репрессий 1917–1980-х годов) / Сост. И вступ. Ст. В.М. Кириллова. Екатеринбург: УИФ «Наука», 1994. С. 248.

² Нижнетагильский государственный исторический архив (далее – НТГИА). Ф. 229. Оп. 1. Д. 343. Л. 51об.

³ НТГИА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 361. Л. 2.

⁴ История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7-ми томах / Т. 4. Население Гулага: Численность и условия содержания / Отв. Ред. А.Б. Безбородов, В.М. Хрусталева. Сост. И.В. Безбородова (отв. Сост.), В.М. Хрусталева. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. С. 230–231.

нары. При проверке жилья рабочих осенью 1941 г. и весной 1942 г. комиссия, созданная горисполкомом, отмечала отсутствие в помещениях тумбочек, табуретов, матрацев. В рабочих поселках заводов № 381 и № 183, высокая плотность заселения, достигавшая 1,5–1,8 кв. м на человека, при антисанитарных условиях проживания привела к вспышкам заболевания сыпным тифом среди работников этих предприятий весной 1942 г.⁵ Явный перевес приоритетов производственных вопросов над проблемами бытового устройства и обслуживания рабочих привел к тому, что к середине 1942 г. 90% тагильчан, являвшихся работниками промышленных предприятий, по оценке главного санитарного врача города, находились в тяжелых материально-бытовых условиях⁶.

Существенным отличием условий проживания немцев-трудармейцев от «вольных» категорий населения города, было наличие вышек, рва и колючей проволоки, огораживающих зону ИТЛ. Именно эти атрибуты лагерной жизни более всего первоначально поразили прибывших в Нижний Тагил немцев. Как отмечал в своих воспоминаниях И.И. Больд, первое, с чем обратились трудармейцы к начальнику колонны, был вопрос о причине их поселения в зону за колючую проволоку. Начальник при этом, уклоняясь от прямого ответа, сослался на необходимость предотвращения нападения на немцев со стороны спецпоселенцев, которые, по словам самого И.И. Больда, относились очень хорошо к трудармейцам⁷.

Основное недовольство мобилизованных немцев вызывало скудное питание. О том, что с организацией питания заключенных в первые же дни существования Тагиллага возникли огромные трудности, говорит приказ Рапопорта, начальника Тагилстроя – Тагиллага, от 21 февраля 1942, согласно которому работники отдела общего снабжения (ООС) должны были изымать по актам у прибывающих с этапами продукты и предметы хозяйственного обихода⁸.

Ситуация еще более усложнилась к весне 1942 г., когда ввиду ограниченных запасов мяса и рыбы были введены ограничения на закладку этих продуктов в котел для спецконтингента. В качестве компенсации калорийности пайка была введена замена рыбы в следующем эквиваленте: 100 гр. заменялось на 100 гр. пшеничной муки или 4 гр. растительного масла⁹. Нормы замены мяса на другие продукты не оговаривались, так как этот продукт фактически отсутствовал в рационе заключенных.

⁵ НТГИА. Ф. 70. Оп. 2. Д. 492. Л. 145; Д. 494. Л. 146, Д. 509. Л. 358.

⁶ НТГИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 8. Л. 14.

⁷ Больдт И.И. Открытая рана // GEDENKBUCH: «Гордое терпенье. Книга памяти советских немцев-узников Тагиллага» / Авторы-составители: В.М. Кириллов, П.М. Кузьмина, А.Я. Цейзер, С.Л. Разинков. Екатеринбург, 2004. С. 91.

⁸ НТГИА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 338. Л. 220.

⁹ НТГИА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 338. Л. 33.

Для спецконтингента, также как и для вольных городских жителей, были определены снабженческие категории. Причем, если для рабочих предприятий та или иная категория определялась в зависимости от того, к какому списку снабжения принадлежит предприятие и какой сложности работа им выполняется, то для спецконтингента помимо категории сложности работ, определяющее значение имел процент выполнения заключенным норм выработки. По сложившемуся мнению, такая система дифференцированных норм питания спецконтингентов, называемая «котловкой» играла роль реального материального стимула труда заключенных и мобилизованных немцев.

Приказом начальника Тагилстроя – Тагиллага от 5 мая 1943 г. были определены нормы выдачи хлеба и дополнительного питания для заключенных и административного персонала лагеря. «Вольным» работникам тагильских предприятий, выполняющим и перевыполняющим план производственных работ, повышался размер дополнительного пайка, что выражалось в выдаче завтраков, вторых горячих обедов и сухих пайков за счет децентрализованных фондов самих предприятий. Для спецконтингента, в том числе и трудмобилизованных немцев, в зависимости от процента выработки повышались или понижались лишь нормы выдачи хлеба, тогда как дополнительный паек оставался неизменным.

Для работающих трудмобилизованных немцев, вне зависимости от категории сложности работ и процента выработки, продуктовая пайка в месяц составляла всего 500 гр. мясорыбных продуктов, 500 гр. крупы и 300 гр. жиров, что соответствовало нормам снабжения по тем же продуктам для горожан, принадлежащих к категории иждивенцев¹⁰. Калорийность питания при этом составляла всего 780 кКл при норме военного времени в 2000–2500 кКл. В обстановке мирного времени суточная потребность одного человека составляла 3275 кКл.¹¹

Прямая зависимость размера пайка от процента выработки особо пагубно сказалась на физическом состоянии и уровне здоровья немцев, принадлежавших к числу интеллигенции и не способных к постоянным физическим нагрузкам. Постоянное невыполнение нормы выработки сопровождалось снижением хлебного пайка до 400–300 гр., что в условиях низкокалорийного питания приводило к полному истощению организма. «Доходяг» или «отходы», так сами немцы называли тех, кто от истощения уже не мог работать, направляли в отдел профилактической помощи (ОПП), где они использовались на самых легких работах с целью восстановления физических сил¹². Однако, в условиях сверхскудного питания, восстанавливались лишь единицы, из-

¹⁰ НТГИА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 343. Л. 149.

¹¹ НТГИА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 339. Л. 3.

¹² Кузьмина П.М. Тем, кого молния не убила, гром не страшен // GEDENKBUCH... С. 105.

за чего этот отдел в среде трудмобилизованных получил название «отряд предварительного погребения».

Таким образом, гугаговская система стимулирования трудовой активности спецконтингентов путем установления зависимости размера хлебного довольствия от процента выработки, приводила не столько к повышению производительности труда заключенных, сколько к серьезным людским потерям. Обследование Тагиллага комиссией НКВД в мае 1942 г. показало, что 50% заключенных находились в нерабочем состоянии, что явилось следствием высокой интенсивности труда в условиях скученного проживания, некачественного и однообразного питания¹³.

Как отмечает в своем исследовании С.Л. Разинков, единственным выходом для голодающих трудармейцев из сложившейся ситуации была кража продуктов с подсобного хозяйства Тагиллага и колхозных полей¹⁴. Такие случаи действительно были и попадались на них, как правило, не профессиональные воры, а совершенно отчаявшиеся люди. Бывший трудмобилизованный М.М. Керн так вспоминал один инцидент, свидетелем которого ему пришлось стать: «При разгрузке машины человек взял булку хлеба и убежал в гору. За ним погоня. В кабинете Бобылева, куда зашел и я, стоял очень худой человек, на столе остатки буханки. Бобылев медлит, закуривает, наконец, объявляет 10 суток карцера и добавляет, что это наглядно доказывает то, что немцы от природы воры. Я не выдержал и сказал, что немцы тут не причем, это голодный и больной человек».¹⁵

Кражи являлись небезопасным и далеко не единственным способом решения проблемы пропитания. Даже в условиях режимного содержания и нормированного снабжения были определенные возможности для улучшения своего положения и питания.

Единство принципов в использовании и содержании заключенных и трудмобилизованных контингентов Тагиллага, определяло не только внешнее сходство между этими лагподразделениями, но и способствовало проявлению «гугаговских» традиций в среде мобилизованных немцев. Следует отметить, что даже в условиях нормированного снабжения, складывалась внутренняя иерархия питания, как заключенных, так и трудмобилизованных. Особое положение занимали осведомители, сотрудничавшие с администрацией лагеря и негласно собиравшие информацию о настроениях в среде трудармейцев. Такие назначались на «престижные» работы в пекарни, столовые, грузчиками в снабжение и в службу по «самоуправлению», где гарантировалось достаточное питание, при этом не требовалось применения особых физических усилий. По словам П. Берга, все отрядовцы, имевшие

¹³ НТГИА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 343. Л. 52.

¹⁴ Разинков С.Л. Социальный портрет трудармейцев Тагиллага // GEDENKBUCH... С. 29.

¹⁵ Керн М.М. Мир тесен // GEDENKBUCH... С. 94.

отношение к продуктам питания и жившие практически сытыми, были объектами всеобщей зависти¹⁶.

Отдельное место в данной иерархии занимали инженеры, специалисты, квалифицированные рабочие из числа трудмобилизованных немцев, которые в условиях катастрофической нехватки инженерно-технических работников, могли рассчитывать на использование по назначению. Официально размер пайка при этом не увеличивался, однако, освобождение от тяжелых физических работ позволяло не допускать полного истощения организма. Как вспоминал Давид Вейде, работавший в годы войны каменщиком, его и еще 19 человек направили как лучших специалистов в своем деле на Огнеупорный завод для строительства гофмановской печи, где им выделили отдельный барак и обеспечили хороший паек¹⁷.

Кроме того, в отношении трудармейцев, занимавших должности инженеров, начальников цехов и т.д., допускались послабления режима содержания, что давало больше собственных возможностей для улучшения качества питания. Так, несмотря на то, что Временной инструкцией о режиме содержания заключенных в исправительно-трудовых лагерях НКВД СССР категорически запрещалось всем без исключения заключенным проживать за зоной на частных квартирах или в домах, принадлежащих лагерю, исключения из этого строгого правила все же допускались в отношении контингента Тагиллага. Лишь в начале 1944 г. под грифом «совершенно секретно» вышел приказ начальника Тагиллага М.М. Царевского, согласно которому начальники лагподразделений обязаны были пересмотреть и сократить до минимума количество расконвоированных заключенных, особенно по лагучасткам, расположенным в черте города, оставив только тех, кого невозможно было заменить вольнонаемными работниками и мобконтингентом (специалисты и т.д.)¹⁸.

В наихудшем положении оказались трудармейцы-переселенцы из республики немцев Поволжья, большая часть из которых являлась малообразованными крестьянами, плохо говорившими по-русски¹⁹. Отсутствие специальности и образования определяло их использование на тяжелых физических работах. В 1942–1943 гг. выработка 150–200% нормы давала возможность

¹⁶ Берг П. Из жизни стройотряда 18–74 (воспоминания) // Архив лаборатории исторической информатики.

¹⁷ Вейде Д.Г. Исповедь трудармейца // GEDENKBUCH... С. 80

¹⁸ НТГИА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 343. Л. 264.

¹⁹ Бернгард Э.Г. «Удивили меня Бухенвальдом! А у нас что – лучше было?!» (из воспоминаний Б.В. Раушенбаха) // GEDENKBUCH... С. 172. По подсчетам С.Л. Разинкова, к социальной группе крестьян принадлежали 58% немцев-трудармейцев Тагиллага. См.: Разинков С.Л., Социальный портрет и судьбы советских немцев – трудармейцев, мобилизованных в лагеря НКВД на территории Свердловской области в 1941–1946 гг. : опыт создания и применения электронной базы данных: дис.... канд. ист. наук. спец. 07.00.09. Екатеринбург, 2001. С. 135.

получения до 950 гр. хлеба и трехразового питания, тогда как выполнение плана работ на 100% сулило лишь 650 гр. хлеба и одно горячее питание. Лишь работа на грани возможностей человеческого организма давала таким узникам Тагиллага надежду на существование. Кроме того, важно было и не переусердствовать, так как стабильное перевыполнение плана работ влекло за собой не только постоянное питание по повышенным нормам, но и навсегда подрывало физические силы²⁰.

Таким образом, вопреки всеобщему мнению, «котловка» не могла играть роль реального материального стимула труда заключенных вплоть до второй половины 1944 г. Взаимосвязь между процентом выработки и количеством выдаваемого питания как основа стимулирования трудовой активности спецконтингентов Гулага, приоритет производственных вопросов над проблемами материально-бытового устройства заключенных стали причиной высокой смертности среди заключенных, которая в 1942 г. составила 32% от списочного состава Тагиллага.

Кроме того, реально получаемое трудармейцами количество пищи зачастую было ниже полагающихся им норм в зависимости от результатов выработки по причине злоупотреблений обслуживающего и административного персонала²¹. В воспоминаниях трудармейцев приводятся случаи, когда пайки распределялись не на основе списков с указанием процента выработки, а по личному усмотрению бригадиров²².

Следует отметить, что несоответствие между полагающимся заключенным количеством продуктов питания и реально ими получаемым, не являлось специфическим признаком лишь лагерных подразделений. Коррупцированность начальствующего состава и самоснабженчество за счет урезания основных и дополнительных норм питания «вольных» работников тагильских предприятий, было повсеместным явлением, причем в больших масштабах, нежели в Тагиллаге. Многочисленные комиссии, прибывавшие на тагильские предприятия с целью проверки правильности распределения продуктов, по итогам своей работы выявляли грубейшие недостатки и явные махинации должностных лиц, занятых в системе распределения продовольственных фондов предприятий города. Как правило, фамилии недобросовестных

²⁰ НТГИА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 384. Л. 223об.

²¹ Разинков С.Л. в своем исследовании также указывает, что реальные нормы снабжения трудармейцев нередко занижались из-за распространенной практики содержания на балансе лагеря большого количества посторонних лиц, питание которых осуществлялось за счет лагконтингента. См.: Разинков С.Л., Социальный портрет и судьбы советских немцев – трудармейцев, мобилизованных в лагеря НКВД на территории Свердловской области в 1941–1946 гг. : опыт создания и применения электронной базы данных: дис.... канд. ист. наук. спец. 07.00.09. Екатеринбург, 2001. С. 161.

²² Берг П. Из жизни стройотряда 18–74 (воспоминания) // Архив лаборатории исторической информатики.

работников ОРСов и столовых, фигурировавшие в одних отчетах, появлялись в том же контексте и в других.

Основная проблема, связанная с низким качеством и скудностью питания заключенных, заключалась не в том, что нормы пайка часто занижались по причине злоупотреблений обслуживающего персонала. Выявлялись случаи свидетельствующие и об обратном. Так, инспекцией по Нижнетагилстрою в марте 1944 г. были выявлены факты несанкционированного увеличения норм выдачи продуктов для питания заключенных лагерного участка железнодорожного района. Сверх норм ежедневно выписывалось от 50 до 300 гр. продуктов на лагучасток²³. В условиях налаженной регламентации продовольственного снабжения контингентов Тагиллага, при динамичном развитии его подсобных хозяйств, причина скудности питания заключенных крылась в пороках самой экономики принудительного труда, одним из которых, по справедливому замечанию А.Б. Сулова, являлось «незаинтересованное отношение руководства лагерей в эффективном использовании рабочей силы»²⁴.

В июле 1944 г. для трудмобилизованных, работающих в системе Тагилстроя – Тагиллага НКВД были определены отдельные нормы питания. Существенным отличием в питании данного контингента Тагиллага от заключенных, являлось то, что дневной лимит основного пайка был неизменным и не зависел от норм выработки. По месту жительства, т.е. в колонне или отряде трудмобилизованные получали завтрак, обед и 700 гр. хлеба. Дополнительное же питание, являясь мерой поощрения, выдавалось в зависимости от сложности работ и процента выработки, что приближало данную категорию спецконтингента по принципам продовольственного обеспечения к вольному населению города.

Сравнивая условия жизни трудмобилизованных с вольным населением индустриального города, следует обратить внимание и на некоторые устоявшиеся оценочные суждения, присутствующие в воспоминаниях трудармейцев. Так, урезание норм хлебного довольствия трудмобилизованных в 1943 г. создавало у некоторых немцев-трудармейцев ощущение целенаправленного геноцида. Кроме того, устанавливалась причинно-следственная связь между поражениями советской армии на фронтах и ухудшением качества питания мобилизованных²⁵. Сокращение норм выдачи хлеба и ухудшение качества питания всего населения уральских городов, а не отдельных его категорий, произошло осенью 1943 г., когда в связи с засухой были снижены нормы выдачи хлеба²⁶. Даже «вольным» категориям населения было весьма сложно выжить,

²³ НТГИА. Ф. 229. Оп. 1. 383. Л. 125.

²⁴ Сулов А.Б. Принудительный труд на Урале (конец 1920-х – начало 1950-х гг.): эффективность и производительность // ГУЛАГ: Экономика принудительного труда / Отв. ред. Л. И. Бородин, П. Грегори, О. В. Хлевнюк. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2008. С. 256.

²⁵ Болдыт И.И. Открытая рана // GEDENKBUCH... С. 92.

²⁶ Чернявский. Война и продовольствие. Снабжение городского населения в Великую Отечественную войну. М.: Наука, 1964. С. 112.

питаться только продуктами, получаемыми по карточкам, поэтому каждый искал свои пути решения продовольственной проблемы. Для большинства жителей Нижнего Тагила основным выходом из сложившейся ситуации стало выращивание овощей и картофеля на собственных огородах, земельные наделы под которые стали выдавать через профкомы предприятий уже осенью 1941 г.²⁷ За счет развития индивидуального огородничества и увеличения посевных площадей подсобных хозяйств предприятий планировалось покрыть 60% потребности жителей Н. Тагила в картофеле²⁸. Трудмобилизованные и заключенные Тагиллага, не имевшие подобных дополнительных источников питания, оставались в жесткой зависимости от централизованного снабжения, которое в условиях продовольственного дефицита, вызванного снижением урожайности зерновых и овощебахчевых, не могло покрыть потребности ни вольного, ни «подневольного» населения индустриального города.

Некоторые бывшие трудармейцы в своих воспоминаниях указывали, что питание мобилизованных немцев было организовано существенно хуже по сравнению с заключенными. Как отмечал Б.В. Раушенбах, «в списках на продовольствие сначала стояло начальство, потом сотрудники, потом обычные жители, потом заключенные, а потом – немцы»²⁹. Официально установленные нормы снабжения мобилизованных немцев соответствовали размерам продовольственного пайка заключенных вплоть до июля 1944 г., после чего были пересмотрены в сторону их увеличения. Случаи же несанкционированного занижения норм питания, как мы уже отмечали выше, были характерным явлением не только лагерных подразделений, но и всей системы нормированного снабжения городского населения. Проверкой, произведенной комиссией ВЦСПС в столовой мартеновского цеха Ново-Тагильского металлургического завода в августе 1942 г., было выявлено явное расхождение между нормами выдачи обедов по меню и реальным количеством продуктов, получаемых рабочими. Стахановцы и рекордисты цеха получали на обед питание наравне с рабочими, получившими дисциплинарное взыскание за прогулы – суп-лапшу или щи с капустой. При этом, одна порция супа-лапши состояла из 40 гр. муки и 5 гр. масла, а в щи закладывалось лишь 150 гр. капусты и 3 гр. соли³⁰.

Итак, в условиях режимного содержания, выбор стратегий выживания у узников Тагиллага был значительно ограничен по сравнению с вольным населением индустриального города, тем не менее, возможности для улучшения

²⁷ ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 31. Д. 20. Л. 1.

²⁸ По оценке известного экономиста У.Г. Чернявского в целом по стране продукция огородов покрывала примерно 1/4 всего потребления картофеля и 1/10 овощей. См.: Чернявский У.Г. Война и продовольствие ... С. 138.

²⁹ Бернгард Э.Г. «Удивили меня Бухенвальдом! А у нас что – лучше было?!» (из воспоминаний Б.В. Раушенбаха) // GEDENKBUCH... С. 166.

³⁰ ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 31. Д. 19. Л. 29; Д. 25. Л. 25об.

своего положения и питания все же были, особенно у немцев-трудармейцев, имеющих определенную специальность и владеющих русским языком. Основным путем было взаимодействие с лагерной администрацией, и как следствие, назначение на «престижные» работы в сфере обслуживания и продовольственного обеспечения, получение работы по специальности и выдвижение на руководящие должности.

Для основной же массы трудармейцев улучшение своего положения являлось достаточно сложной задачей, решение которой нередко зависело от случая. Так, трудармеец И.И. Браун, попавший из-за серьезного физического истощения в отряд «ослабевших», отмечает, что лишь случайное посещение начальником Тагиллага М.М. Царевским их барака во время проверки условий содержания заключенных на лагучастках, фактически спасло им жизнь. Увидев, в каком состоянии находятся еще совсем молодые мужчины, он лично распорядился увеличить размер хлебного пайка и котлового питания на целый месяц.³¹

По воспоминаниям Бориса Раушенбаха, в весенне-летний период трудармейцы нередко прибегали к собиранию различных трав, «варили из них какую-то бурду и пытались есть»³². Следует отметить, что эта практика была широко распространена и среди городского населения. Кроме того, подсобные предприятия города в качестве децентрализованных заготовок обязаны были организовывать сбор съедобных трав³³.

Те трудармейцы, родственники которых не подверглись мобилизации и остались в местах своего проживания (поселения), имели возможность получать помощь от близких. Так, по свидетельству все того же Б.В. Раушенбаха, большим подспорьем в годы войны были посылки, присылаемые сестрой с Алтая.³⁴ Жены, приезжавшие к мужьям в лагерь, привозили с собой хлеб, нередко выменивая его на свои вещи, помогали в обустройстве лагерного быта³⁵.

Кроме того, несмотря на первоначальный негативный образ трудмобилизованных немцев в сознании местного населения, нередкими были случаи, когда трудармейцам помогали «вольные» горожане. Как отмечал И.И. Браун, наряду с другими трудмобилизованными, «вольнонаемные люди хоть что-нибудь бросали за зону, и когда удавалось что-нибудь попросить, хоть немного, хоть листик, хоть морковку подавали»³⁶.

³¹ Кузьмина П.М. Тем, кого молния не убила, гром не страшен // GEDENKBUCH... С. 105.

³² Бернгард Э.Г. «Удивили меня Бухенвальдом! А у нас что – лучше было?!» (из воспоминаний Б.В. Раушенбаха) // GEDENKBUCH... С. 167.

³³ ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 31. Д. 20. Л. 7.

³⁴ Бернгард Э.Г. «Удивили меня Бухенвальдом! А у нас что – лучше было?!» (из воспоминаний Б.В. Раушенбаха) // GEDENKBUCH... С. 168.

³⁵ Там же.

³⁶ Кузьмина П.М. Тем, кого молния не убила, гром не страшен // GEDENKBUCH... С. 107.

На усиление негативного восприятия трудмобилизованными немцами своего положения повлиял ряд факторов, подрывающих моральный дух и снижающий сопротивляемость людей к экстремальным ситуациям.

Прежде всего, этому способствовали сами принципы осуществления трудовой мобилизации советских немцев. Призываясь через военкоматы, как военнообязанные граждане, немцы попадали не на боевой или трудовой фронт, а в лагерные зоны со всеми тюремными атрибутами. Как отмечал в своих воспоминаниях Г. Вольтер, «Это было кощунственно, унизительно, обидно! Всякий подвох могли ожидать для себя немцы, но только не тюрьму»³⁷. Ощущение жесточайшей несправедливости, чувство унижения человеческого достоинства породили тяжелый духовный кризис, что не могло не сказаться на общем негативном восприятии окружающей действительности. По словам Б.В. Раушенбаха, «в тех условиях, в каких мы оказались, не пасть духом мог только очень сильный и стойкий человек. Кроме того, голод, мысли о прошедшем переломе в нашей судьбе, всеобщая грубость неизбежно приводили к всеобщему оупению, от которого единственный шаг до апатии и отчаяния»³⁸.

Другим фактором, негативно повлиявшим на морально-психологическое состояние немцев, стало неоднозначное отношение к трудмобилизованным со стороны местного населения. Несмотря на наличие положительных примеров сочувственного и доброжелательного отношения к немцам со стороны «вольных» тагильчан, активная антифашистская пропаганда формировала в сознании людей образ врага, в котором слова «фашист» и «немец» оказались в едином смысловом поле.

Спешное расставание с семьей, с детьми, которых у трудмобилизованных женщин вырывали прямо из рук, разлучая порой навсегда родных людей, не могли не подорвать моральный дух немцев. Борис Раушенбах так описывал в письме своей сестре то душевное состояние, которое было характерно для трудармейцев, оказавшихся в условиях лагерной жизни: «Большинство здесь живет так, что мне жаль на них глядеть. Если не считать работы положенное количество часов на производстве, то остальное время (...) ничего не делают вообще, уподобляясь скотам вроде вашей "Катки" (условное обозначение свиньи – прим. Авт.). Ведь ни у кого из нас нет здесь ни семьи, ни связанных с этим забот»³⁹.

Трудмобилизованные Тагиллага в годы Великой Отечественной войны оказались в тяжелейших материально-бытовых условиях. В воспоминани-

³⁷ Вольтер Г.А. Зона полного покоя: Российские немцы в годы войны и после нее/ Свидетельства очевидцев/ Издание 2-е, дополненное и исправленное/ Под ред. В.Ф. Дизендорфа. М., 1998. С. 29.

³⁸ Бернгард Э.Г. «Удивили меня Бухенвальдом! А у нас что – лучше было?!» (из воспоминаний Б.В. Раушенбаха) // GEDENKBUCH... С. 172–173.

³⁹ Там же. С. 177.

ях трудармейцев тема ужасающих условий труда и повседневного быта занимает одно из центральных мест. Скудность проживания, отсутствие самых необходимых элементов благоустройства своего быта, низкая калорийность питания были характерными признаками повседневной жизни немцев-трудармейцев. Однако, с подобными же проблемами проживания и питания столкнулись и другие категории населения индустриального города, как заключенные, так и вольные работники предприятий, эвакуированные, трудмобилизованные из САВО.

Во многом схожие условия повседневной жизни населения индустриального центра, воспринимались и переносились немцами более тяжело под влиянием вышеперечисленных факторов, среди которых первенствует моральная (духовная) составляющая восприятия повседневной действительности. Это, в том числе, подтверждается и словами бывшей узницы Тагиллага Элеоноры Дистергефт: «Блокадники, даже тогда, когда норма уменьшилась до 125 граммов хлеба в день, работали, хотели выжить, боролись за жизнь. А в зоне при сравнительно больших нормах питания жить не хотели! Не хотели! Оклеветанные, измученные недоверием, несли на себе клеймо "фрицев", "фашистов", "врагов". Хотели – сужу по себе – забиться в угол, спрятаться, умереть...»⁴⁰.

⁴⁰ Дистергефт Э.П. Вспоминая пережитое // Книга памяти (посвящается тагильчанам – жертвам репрессий 1917–1980-х годов) / Сост. и вступ. ст. В.М. Кириллова. Екатеринбург: УИФ «Наука», 1994.С. 267.

Социальный портрет трудармейцев, мобилизованных в лагеря НКВД на Урале в 1941–1946 гг.

Мобилизация трудоспособного населения на производство и строительство предприятий оборонного значения чрезвычайно широко применялась советским правительством, столкнувшимся в годы Великой Отечественной войны с нарастающим дефицитом трудовых ресурсов. В этом процессе выделяются проводимые Наркоматом внутренних дел (НКВД) СССР мобилизации советских граждан немецкой национальности (так же, как и советских граждан – принадлежавших к национальностям других, воюющих с СССР, государств – румын, венгров, финнов, итальянцев), которые можно рассматривать в качестве формы репрессий по национальному признаку.

Учетные карточки трудармейцев крупных лагерей на территории Урала – Тагилага, Богословлага (хранятся в Муниципальном архиве социально-правовых документов г. Нижний Тагил) и ИТЛ Бакалстроя-Челябметаллургстроя (находятся в Объединенном государственном архиве Челябинской области) позволяют с максимальной достоверностью восстановить социальный портрет и судьбы мобилизованных советских немцев. С 2000 г. в лаборатории исторической информатики Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии под руководством д-ра ист. наук В.М. Кириллова ведется работа по созданию электронных баз данных (БД) на основе учетных карточек трудармейцев Тагиллага (6 704 записи), Богословлага (20 711 записей) и ИТЛ Бакалстроя-Челябметаллургстроя (к концу 2010 г. введены 11 353 записей из предполагаемых 38 000).

Кроме советских немцев в трудармейские формирования были мобилизованы представители многих других национальностей, что отразилось в карточках крупных лагерных образований Урала (Табл. 1). Если в трудармейских формированиях Тагилага и Богословлага немцы составляли подавляющее большинство, то Челябинский металлургский представлял собой своего рода «интернационал» из 34 национальностей.

Таблица 1.

Национальный состав трудармейцев Тагиллага, Богословлага и ИТЛ Бакалстроя-Челябметаллургстроя НКВД*

националь- ность	Тагилаг		Богословлаг		Бакалстрой- ЧМС**	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Немцы	6511	97,1	20493	98,9	9868	86,9
Русские	52	0,8	76	0,4	112	1,0
Финны	67	1,0	23	0,1	526	4,6

Украинцы	6	0,1	44	0,2	43	0,4
Поляки	26	0,4	9	0,0	10	0,1
Евреи	10	0,1	17	0,1	25	0,2
Эстонцы, литовцы, латыши	7	0,1	9	0,0	11	0,1
Австрийцы	5	0,1	10	0,0	13	0,1
Румыны и молдаване	5	0,1	5	0,0	321	2,8
Венгры	4	0,1	5	0,0	96	0,8
Чехи	1	0,0	6	0,0	4	0,0
Итальянцы	6	0,1	-	0,0	36	0,3
Болгары	2	0,0	3	0,0	168	1,5
Прочие	2	0,0	11	0,1	39	0,3
Нет данных	-	0,0	-	0,0	81	0,7
Всего	6704	100,0	20711	100,0	11353	100,0

*Источник: Сведения БД «Трудармейцы Тагиллага», «Трудармейцы Богословлага» и «Трудармейцы Челябинметаллургстроя».

** Данные о трудармейцах ЧМС получены на основе 30% выборки из картотеки лагеря

При анализе динамики поступления мобилизованных советских немцев в Богословлаг, впрочем, как и на остальные объекты НКВД, можно выделить несколько потоков по социально-профессиональному статусу и времени прибытия трудармейцев (см. табл. 2).

Таблица 2.

Источники и динамика поступления трудармейцев в Богословлаг (чел.)*

Годы Источники	1941	1942	1943	1944	1945	1946	Всего
По постановлению ГКО № 1123 сс от 10.01.42 (первый массовый призыв)	-	4787	-	-	-	-	4787
По постановлению ГКО № 1281 сс от 14.02.42 (второй массовый призыв)	-	6555	-	-	-	-	6555
Отозваны из РККА и переведены из внутренних строительных частей армии	6247	71	-	-	-	-	6318

Прибыли из мест заключения после отбытия срока наказания	-	39	23	48	129	7	244
Перевод с других объектов НКВД	-	1393	51	35	845	23	2347
Прочие	-	348	19	35	49	7	458
Итого	6247	13193	93	118	1023	37	20711

*Источник: Сведения БД «Трудармейцы Богословлага»

Первую волну граждан СССР немецкой национальности, фактически положившую начало процессу создания военизированных трудармейских формирований, составляли советские немцы, отозванные из РККА и/или мобилизованные во внутренние строительные части в 1941 г. На основании закрытого постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 31 августа 1941 г. «О немцах, проживающих на территории Украинской ССР», 18600 немцев-мужчин призывного возраста были мобилизованы в строительные батальоны и направлены на объекты НКВД (Ивдельлаг, Богословлаг, Соликамлаг и Кимперсайлаг)¹. Большинство из 6 247 трудармейцев Богословлага, принадлежащих к данной категории, были мобилизованы в начале сентября 1941 г. военкоматами Сталинской (59,3%) и Ворошиловградской (35,5%) областей УССР во внутренние строительные части, переброшенные в район г. Карпинск и некоторое время, вероятно, не находившиеся в подчинении НКВД, а затем в начале февраля 1941 г. переданные в Богословлаг.

Другой составляющей указанной категории являлись кадровые военнослужащие, в большинстве своем успевшие принять участие в военных действиях и даже получить боевые ранения. В июле–сентябре 1941 г. на основании ряда директив и приказов военного командования, в первую очередь директивы НКО СССР № 35105с от 8 сентября 1941 г.², военнослужащих рядового и начальствующего состава немецкой национальности предписывалось изъять «из частей, академий, военно-учебных заведений и учреждений Красной Армии как на фронте, так и в тылу» и направить во внутренние округа и строительные части. Вместе с советскими немцами из РККА отзывались также представители некоторых других неблагонадежных национальностей и категорий.

¹ Герман А.Л., Курочкин А.Н. Немцы СССР в «трудовой армии» (1941–1945). М.: Готика, 1998. С. 48–49.

² Подробнее об изъятии военнослужащих-немцев из РККА и законодательном обеспечении этого процесса см.: Шульга И.И. Изъятие из рядов Красной Армии военнослужащих-немцев в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Немцы России в контексте отечественной истории: общие проблемы и региональные особенности. М.: Готика, 1999. С. 349–355.

Во внутренних строительных частях сохранялись армейская иерархия званий и должностей, а также структура подразделений (отделение – взвод – рота). Офицеры принадлежали к младшему и среднему командному составу. Несмотря на неоднократные изменения статуса бывших военнослужащих, переведенных во внутренние строительные части, административный режим их содержания, по нашему мнению, был намного ближе к условиям, в которых находилось большинство категорий граждан СССР, мобилизованных в промышленность на время войны, чем к режиму содержания на объектах НКВД отрядов и колонн советских немцев-трудармейцев, что прослеживается как по воспоминаниям, так и косвенно по сведениям доступных нам массовых источников (уголовное преследование в случае самовольного оставления производства не по ст. 59-6 УК РСФСР, применяемой к трудармейцам и заключенным, а по указу Президиума Верховного Совета СССР от 26.06.1940 г., влекущего лишение свободы на срок 6 месяцев вместо 10 лет в предыдущем случае; документальное оформление процедуры вызова на допрос и т.д.)³.

В феврале–августе 1942 г. все «военнообязанные» советские немцы из внутренних строительных частей были переведены на объекты НКВД, в первую очередь в Тагиллаг, где слились с основным составом трудармейцев. Согласно воспоминаниям участников событий, «трудмобилизованные немцы, проживавшие в южных районах Украины, на Северном Кавказе и других районах страны, в одном эшелоне (около 3600 человек) были доставлены на "Базстрой НКВД" уже 21 сентября 1941 года...»⁴.

Первая массовая мобилизация, инициированная постановлением ГКО №1123сс от 10 января 1942 г., охватила немцев-мужчин в возрасте от 17 до 50 лет, «переселенных» из АССР немцев Поволжья в Сибирь и Среднюю Азию, которые рекрутировались «в рабочие колонны на все время войны»⁵, как было отмечено в разъяснении ОУРЗ ГУЛАГа, «независимо от звания в Красной Армии, состояния в запасе, партийной принадлежности, выборных партийных и советских должностей»⁶. От мобилизации могли освобождаться лица, забронированные для работы в сельском хозяйстве и промышленности, больные и не имевшие верхней одежды, а также специалисты с высшим образованием⁷, однако образовательный уровень и профессиональный состав

³ См.: *Берг П.А.* Воспоминания о давно прожитом // Жертвы репрессий. Нижний Тагил 1920–80-е годы. Екатеринбург, 1999. С.179; НТМАСПД. Ф. Личных дел заключенных Богословлага. Оп. 1944. Л.д. Шрейдер Эдуарда Эдуардовича (№ 3465). Приложение.

⁴ *Фрицлер А.Ф.* За колючей проволокой // Мы заводчане. К 60-летию выпуска первого алюминия. Екатеринбург, 2003. С. 37.

⁵ Текст постановления см.: История российских немцев в документах (1763–1992). М., 1993. Т.1. С. 168–169.

⁶ Цит. по: *Кригер В.Э.* Особенности кадровой политики государства в отношении российских немцев в советский период // Немцы Казахстана: история и современность. Алма-Ата, 1999. С. 78.

⁷ *Герман А.А., Курочкин А.Н.* Указ.соч. С. 54–55.

трудармейцев первой волны показывает, что это правило не было всеобщим. А.А. Герман и А.Н. Курочкин замечают, что среди призывников, так как им не объявляли о направлении в трудармию, «циркулировали различные слухи о причинах и целях мобилизации», однако, в действительности, в повестках указывалось, что их получатели мобилизуются в РККА⁸.

Обработка сведений электронных баз данных позволяет сделать вывод о четкой территориальной локализации трудармейцев по месту призыва: в Тагиллаге оказались немцы, мобилизованные из Павлодарской (65,5% от общего числа трудармейцев, направленных на данный объект по постановлению ГКО №1123сс), Семипалатинской (29,6%) и Кустанайской (3,9%) областей Казахской ССР, в Тавдинлаге – из Павлодарской (54,4%) и Северо-Казахстанской (45,6%) областей, в Богословлаге – из Омской области (100%).

Второй массовой мобилизацией в соответствии с постановлением ГКО №1281сс от 19 февраля 1942 г. были охвачены т.н. «местные немцы» – мужчины в возрасте от 17 до 50 лет, постоянно проживавшие в областях, краях, автономных и союзных республиках и не подвергавшиеся депортации в 1941 г.⁹ Анализ географического распределения трудармейцев второго массового призыва по месту мобилизации позволяет сделать вывод о том, что территории – источники и объекты-преемники мобилизуемых людских ресурсов располагались преимущественно в пределах одного региона (в нашем случае: Средний Урал – Западная Сибирь). Например, в Тагиллаге, в основном, оказались жители Свердловской (419 чел.; 67,1% от общего числа мобилизованных в Тагиллаг по постановлению №1281 ее), Омской (163 чел.; 26,1%), Тамбовской (27 чел.; 4,3%) и Челябинской (8 чел.; 1,3%) областей; в Богословлаге – только советские немцы, проживавшие в Омской области.

Третья, самая массовая, мобилизация советских немцев осенью 1942 г., по которой в рабочие колонны наряду с мужчинами 15–55 лет направлялись и женщины, имевшие детей старше 3-х лет, которых они должны были передать на воспитание ближайшим родственникам или органам советской власти, не затронула Богословлаг и Тагиллаг. Однако в сентябре 1943 г., вероятно по постановлению ГКО № 3860, в Тагиллаг прибыла большая группа женщин-немок и мужчин, повторно мобилизованных в трудовую армию, из Омской области и Красноярского края. Один из трудармейцев уже в Нижнем Тагиле так рассказывал своим товарищам по несчастью об этой мобилизации: «Нам прислали повестки и собрали в клуб, где мы переночевали, а на другой день нам объявили, что вы мобилизованы, от матерей отбирали детей силой, при погрузке в автомашины не желающих отдать детей работники милиции толкали»¹⁰.

При переводе трудармейцев с других объектов наглядно проявилась такая, по мнению А.А. Германа и А.Н. Курочкина, характерная, черта в деятельности

⁸ Там же. С.55.

⁹ См.: История российских немцев... Т. 1. С. 170; Герман А.А., Курочкин А. Н. Указ соч. С. 161–162.

¹⁰ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 29663. Л. 9 об.

рабочих колонн НКВД, по сравнению с остальными наркоматами, как «частое перераспределение мобилизованного контингента между... лагерями и стройками в зависимости от выполнения намеченных работ»¹¹. В качестве примера подобного перераспределения рабочей силы для Тагиллага можно привести перевод в сентябре 1942 г. пяти инженерно-технических работников из Новосибирской области, в июле 1943 г. восьми высококвалифицированных врачей из Волголага (Волжский железнодорожный ИТЛ), командировку в январе 1943 г. (51 чел.) и марте 1945 г. (15 чел.) рабочих из Бакалстро-Челябметаллургстро-а, а также отправление в пос. Кушва в 1945 г. 248 чел. после закрытия Тавдинлага. Еще более массовые переводы трудармейцев наблюдались в Богословлаге (впрочем, как и в Челябинметаллургстрое): например, в сентябре 1942 г. прибыли 992 чел. из Тавдинлага и в октябре–декабре 1945 г. 796 чел. из Чапаевского ИТЛ (Куйбышевская обл.).

Другой составляющей указанной категории являлся индивидуальный перевод мобилизованных немцев: по нарядам ГУЛАГа, с целью воссоединения родственников или осуществления следственных действий. Следует отметить, что численность данного контингента трудармейцев была относительно незначительной, а его географическое распределение – весьма неоднородным. Например, из 36 трудармейцев, переведенных в Богословлаг в 1944 г. 14 чел. прибыли из Тагиллага, 6 чел. – из Краслага, 5 чел. – из : Тавдинлага, по 2 чел. – из Широкага, Усоляга и г. Копейска, по 1 чел. – из Соликамлага, Ивдельлага, Понышстро-а, Джидлага и Вятлага.

В военизированные трудармейские формирования на основании директивы НКВД и прокуратуры №185 направлялись также и заключенные после отбытия срока наказания.

Помимо перечисленных потоков, можно выделить и такие незначительные по числу участников категории трудармейцев как, например, лица, достигшие 18-летнего возраста после окончания массовых мобилизаций (в 1944 г. в Богословлаге – 9 чел., в 1945 г. Тагиллаге – 35 чел.), или т.н. «репатриированные» советские немцы, оказавшиеся на оккупированной территории и направленные в трудармию из проверочно-фильтрационных пунктов (в 1945 г. в Богословлаге – 34 чел.). В этой связи в качестве специфической особенности Челябинметаллургстро-а можно выделить заметное количество (2,5% от общего количества трудармейцев, прошедших через лагерь) немцев-трудармейцев, мобилизованных в июле–августе 1944 г. полевыми военкоматами воинских частей I Белорусского и II Украинского фронта на освобожденных территориях Черновицкой и Одесской областей.

При реконструкции социального портрета мобилизованных советских немцев следует учитывать: во-первых, широту и разнообразие социального состава, вызванную тем обстоятельством, что призывом в трудармию были

¹¹ Герман А.А., Курочкин А.Н. Указ.соч. С. 66.

затронуты практически все слои и группы граждан СССР немецкой национальности, во-вторых, различиями внутри самой категории трудармейцев, вызванными их принадлежностью к определенному мобилизационному потоку и локализацией объекта НКВД. Тем не менее, анализ содержащихся в БД социально-демографических сведений позволяет выявить общие тенденции, характерные для социального портрета трудармейцев вообще.

Как указывалось выше, мобилизации на производство и строительство предприятий оборонного значения были подвергнуты советские немцы, принадлежащие к наиболее трудоспособным возрастам (мужчины 15–55 лет, женщины 16–45 лет). Однако при анализе половозрастного состава трудармейцев (см. табл. 3) следует учитывать следующие обстоятельства: во-первых, преимущественную мобилизацию женщин на объекты других наркоматов, приведшую к их меньшей по сравнению с мужчинами численности и неравномерности распределения в лагерях НКВД (так, доля мобилизованных немок в общем количестве трудармейцев в Тагиллаге составляла 15%, в ЧМС – 4,3%, а в Богословлаге – лишь 0,5%). Во-вторых, призывы в трудармию незначительного числа лиц, возраст которых явно выходил за пороговые значения (самому младшему из трудармейцев было 12 лет, самому старшему – 62 года), объясняющийся как организационной неразберихой при мобилизациях 1941 – февраля 1942 гг., так и стремлением мобилизованных избежать разделения семей; в-третьих, относительно низкая численность когорты 25–27-летних трудармейцев (родившихся в 1917, 1918 и 1919 гг.), связанная с общим падением рождаемости в годы гражданской войны. Следует отметить, что подобное половозрастное распределение было характерно не только для трудармейцев, но и в целом для всего населения СССР в возрасте 15–55 лет¹².

Таблица 3.

Распределение трудармейцев Тагиллага и Богословлага по полу и возрасту (на момент прибытия в лагерь), чел.*

Возраст, лет	Тагиллаг						Богословлаг	
	мужчины		женщины		всего		всего	
	чел	%	чел.	%	чел	%	Чел	%
до 15	10	0,2	5	0,5	15	0,2	7	0,0
15–18	849	14,9	350	34,7	1199	17,9	2259	10,9
19–22	832	14,6	141	14,0	973	14,5	2835	13,7
23–26	653	11,5	96	9,5	749	11,2	1797	8,7
27–30	779	13,7	101	10,0	880	13,1	3341	16,1

¹² См., например: Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е годы. Взгляд в неизвестное. М, 2001 С. 96–98; Население России в XX веке. В 3-х т. /Т. 1. С. 375.

31–34	729	12,8	117	11,6	846	12,6	3365	16,2
35–38	641	11,2	72	7,1	713	10,6	2678	12,9
39–42	494	8,7	54	5,4	548	8,2	1837	8,9
43–46	351	6,2	61	6,1	412	6,1	1308	6,3
47–50	296	5,2	7	0,7	303	4,5	819	4,0
51–54	48	0,8	2	0,2	50	0,7	228	1,1
свыше 54	9	0,2	2	0,2	11	0,2	215	1,0
нет данных	10	0,2	0	0,0	10	0,1	22	0,1
Итого	5701	100,0	1008	100,0	6709	100,0	20711	100,0

*Источник: Сведения БД «Трудармейцы Тагиллага» и «Трудармейцы Богословлага»

Анализ содержащихся в учетных карточках сведений о месте рождения трудармейцев позволяет локализовать основные районы проживания граждан СССР немецкой национальности, мобилизованных в Тагиллаг и Богословлаг. Несмотря на некоторые отличия в распределении по месту рождения между контингентами трудармейцев на отдельных объектах НКВД, вызванные неравномерностью различных мобилизационных потоков, уровень регионального представительства и соотношение отдельных локальных групп в целом соответствуют общей картине распределения немецкого этноса на территории СССР в первой трети XX в.

Таблица 4.

Распределение трудармейцев Тагиллага, Богословлага и Бакалстрой-ЧМС по месту рождения*

Регион	Тагиллаг		Богословлаг		Бакалстрой-ЧМС	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Дальний Восток и Восточная Сибирь	53	0,8	227	1,1	22	0,2
Западная Сибирь	128	1,9	1466	7,1	352	3,1
Урал	68	1	123	0,6	392	3,5
Поволжье	3600	53,7	9603	46,4	3160	27,8
Европейский Север и Северо-Запад	185	2,8	104	0,5	491	4,3
Белоруссия и Прибалтика	39	0,6	76	0,4	51	0,4

Северный Кавказ	515	7,7	603	2,9	1032	9,1
Закавказье	341	5,1	171	0,8	205	1,8
Центральный район	41	0,6	56	0,3	43	0,4
Центрально-Черноземный район	18	0,3	48	0,2	27	0,2
Волго-Вятский район	5	0,1	11	0,1	8	0,1
Казахстан	377	5,6	268	1,3	774	6,8
Средняя Азия	14	0,2	13	0,1	334	2,9
Украина	1033	15,4	7391	35,7	3759	33,1
За пределами СССР в границах 1941 г.	92	1,4	128	0,6	313	2,8
Нет данных	195	3	423	2	392	3,5
Всего	6704	100	20711	100	11353	100,0

*Источник: Сведения БД «Трудармейцы Тагиллага», «Трудармейцы Богословлага» и «Трудармейцы Челябинметаллургстроя»

При этом, как показывают данные табл. 5, подавляющее большинство граждан СССР немецкой национальности к моменту депортации 1941 г. проживали в тех же регионах, где и родились. При этом основные перемещения немецкого населения из районов компактного проживания были вызваны, в первую очередь, переселенческим движением в Сибирь и Казахстан в начале XX в., голодом начала 1920-х гг., индустриализацией и раскулачиванием, а также необходимостью получения высшего и специального образования.

Таблица 5.

Уровень миграционных процессов среди советских немцев, мобилизованных в военизированные трудармейские формирования с территории Украины в 1941 г.*

Локализация места рождения персоны относительно места жительства до мобилизации	Количество	
	чел.	%
в пределах населенного пункта или административного района	2196	45,2
в пределах области (или нет данных о районе)	707	14,5
в пределах региона (соседних областей)	888	18,3
в пределах соседних регионов	731	15,0
прибыли из отдаленных регионов	342	7,0
Итого	4864	100,0

*Источник: Сведения БД «Трудармейцы Богословлага»

Наряду со всеми трудоспособными гражданами СССР немецкой национальности практически поголовной мобилизации в трудовую армию были подвергнуты и представители этой национальной группы, служившие наиболее активными проводниками политики советского правительства в среде немецкого этноса: коммунисты, комсомольцы и члены иностранных компартий, нашедшие себе прибежище на территории «первого в мире государства победившего пролетариата» (см. табл. 6). Некоторые из них до депортации принадлежали к верхушке партийного и административно-хозяйственного аппарата республиканского или районного звена АССР НП. Так, трудармейцами Богословлага являлись: бывший председатель СНК АССР НП, депутат Верховного Совета СССР и РСФСР, заместитель Председателя Президиума Верховного Совета РСФСР А.И. Гекман; третий секретарь обкома ВКП(б) АССР НП Г.Г. Корбмакер, нарком земледелия РНП Ф.Ф. Фрицлер, нарком по финансам АССР НП И.И. Майер, председатель Президиума Верховного Совета АССР НП К.Г. Гофман; второй заместитель председателя СНК АССР НП Я.И. Вейлерт; секретарь Маркштадтского кантона В.А. Идт; председатель Добринского кантисполкома Д.Р. Беккер; зав. отделом народного образования Добринского кантона, кавалер медали «За трудовую доблесть» К.Г. Гофман и т.д.¹³ Следует отметить, что большинство трудармейцев – бывших партийных функционеров в период пребывания в трудовой армии были осуждены по фальсифицированным политическим обвинениям.

Таблица 6.

Распределение трудармейцев Богословлага, Тагиллага и Бакалстрой-ЧМС по признаку партийной принадлежности*

Партийность	Богословлаг		Тагиллаг		Бакалстрой-ЧМС	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
члены ВКП(б)	356	1,72	132	1,97	188	1,66
кандидаты в члены ВКП(б)	96	0,46	39	0,58	44	0,39
члены ВЛКСМ	786	3,79	273	4,07	520	4,58
члены иностранных компартий	4	0,02	9	0,13	3	0,03
Всего трудармейцев	20711	100	6704	100	11353	100,00

*Источник: Сведения БД «Трудармейцы Тагиллага», «Трудармейцы Богословлага» и «Трудармейцы Челябинского металлургского завода».

¹³ См.: Кругер В.Э. Процесс над членами последнего правительства АССР немцев Поволжья // Gedenkbuch: Книга памяти немцев-трудармейцев Богословлага. 1941–1946. М., 2008. С. 71–87; ГАООС. Ф. 1. Оп. 1. Д.43907; Картотека трудармейцев Богословлага.

Спектр занятий трудармейцев Тагиллага и Богословлага до мобилизации был весьма широк, однако основную массу среди мобилизованных немцев составляли рядовые колхозники и разнорабочие, а из представителей квалифицированных промышленных и сельскохозяйственных профессий – трактористы, деревообрабатчики, металлисты, учителя, комбайнеры и бухгалтеры, количество которых превышало средние показатели для немцев АССР НП по переписи 1939 г., что объясняется, вероятно, отсутствием сведений о значении указанного признака для более чем половины трудармейцев, а также недостаточно адекватной системой лагерного учета.

В этой связи следует отметить, что зачастую в учетных карточках, очевидно, исходя из потребностей лагеря фиксировалось занятие, отличающееся от основной профессии или последней занимаемой трудармейцем до мобилизации должности. Так, врач О.Г. Фишер был обозначен как шлифовальщик, которым он работал в 1931–1936 гг.; партийный функционер и глава правительства АССР НП А.И. Гекман – инженер-электрик; лейтенант Н.Н. Ламбрехт – термист, специальность которого он освоил в 1938 г. еще до поступления в военное училище и т.д. В результате реальное количество мобилизованных немцев, принадлежащих к категориям военнослужащих, учащихся и партийно-хозяйственных работников, было, несомненно, выше, но в учетных документах они причислялись к другим группам рабочих и служащих.

Таблица 7.

Состав трудармейцев Тагиллага, Богословлага и Бакалстроля–ЧМС по уровню образования*

Образователь- ный уровень	Тагиллаг						Богослов- лаг		Бакалстрой- ЧМС	
	мужчин		женщин		всего		чел.	%	чел	%
	чел.	%	чел.	%	чел.	%				
высшее	157	3	6	0,7	163	2,7	374	1,9	215	2,4
среднее законченное	1003	19, 1	167	20, 7	1170	19,3	3295	16,5	758	8,3
среднее незаконченное	847	16, 2	206	25,5	1053	17,4	2002	10	1047	11,5
низшее (начальное)	2314	44, 2	334	41,4	2648	43,8	9626	48,2	3991	43,7
малограмот- ный	605	11,5	38	4,7	643	10, 6	3447	17,2	2444	26,8
неграмотный	316	6	56	7	372	6,2	1237	6,2	670	7,3
итого	5242	100	807	100	6049	100	20002	100	9125	100
нет данных	459		201		660		732		2228	
всего	5701		1008		6709		20711		11353	

*Источник: Сведения БД «Трудармейцы Тагиллага», «Трудармейцы Богословлага» и «Трудармейцы Челябинсталлургстроя»

Следует отметить, что образовательный уровень трудармейцев Тагиллага был достаточно высок: так, среди них доля лиц, имевших высшее образование, в 1,5 раза превышала аналогичный показатель Богословлага (см. табл. 7) и была значительно выше, чем можно было бы ожидать, основываясь на материалах переписи 1939 года для немцев РСФСР 20–50-летнего возраста (см. табл. 8).¹⁴ Такое несоответствие можно попытаться объяснить спецификой состава трудармейцев Тагиллага, в который, в силу географической близости Нижнего Тагила к областному центру, было мобилизовано значительное количество кадровых офицеров из внутренних строительных частей, а также инженерно-технических и научных работников эвакуированных предприятий и научно-исследовательских учреждений.

Таблица 8.

**Количество лиц, имеющих высшее и среднее образование, на 1000 чел.
(по сведениям БД и данным переписи 1939 года)***

Уровень образования	Лица немецкой национальности 20–50 лет, проживавшие в РСФСР (по материалам переписи 1939 г.) ¹⁵			Трудармейцы Тагиллага немецкой национальности 20–50 лет (по материалам базы данных)		
	Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	Всего
высшее	15,7	6,0	11,0	34,0	10,6	31,3
среднее ¹⁶	123,4	89,9	105,3	156,0	132,7	153,3

*Источник: Сведения БД «Трудармейцы Тагиллага»¹⁵¹⁶

Обычно трудармейцы с высшим или средним техническим образованием могли рано или поздно рассчитывать на «работу по специальности». Например, В.А. Аллендорф – до мобилизации нач. лаборатории пластика и старший научный сотрудник НИИ фанеры, работал зав. столярной мастерской; зав. производственным бюро паросилового хоз-ва Ижорского з-да Ф.Г. Валенбурир – нормировщиком; канд. хим. наук А.Г. Стромберг – контрольным мастером по обжигу на кирпичном заводе; нач. строительной конторы треста «Азнефестрой» И.К. Баумгертнер – десятником и т. д. «Гуманитариям» везло меньше – если известный археолог О.Н. Бадер смог получить разрешение на проведение археологических исследований, сначала на Горбуновском

¹⁴ См.: Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. Россия. СПб, 1999. С. 12.

¹⁵ Подсчитано автором по: Всесоюзная перепись... Табл. 25.

¹⁶ В переписи 1939 года в число лиц со средним образованием включались лица не только с неполным высшим, но и с неполным средним (7 классов) образованием. См.: Всесоюзная перепись... С. 205.

торфянике близ Тагила, а в 1945 г. – уже на р. Чусовой, то не менее знаменитый ученый-востоковед А. К. Арендс, крупнейший исследователь средневековых персидских рукописей, владевший к тому же семью восточными и европейскими языками, до 1947 г. трудился разнорабочим и затем инструментом на карьере Шайтанка¹⁷.

Нередки были и случаи нецелевого использования квалифицированных рабочих «на черных работах». Так, в ноябре 1943 г. в рапорте на имя начальника политотдела Тагилстроя приводился пример, когда «электросварщик работает на земляных работах, газо- и электросварщик – подручным слесаря и т. д.»¹⁸.

Некоторые исследователи особо подчеркивают, основываясь, вероятно, на приказе Л. П. Берия № 0083 от 12.01.1942, тот факт, что мобилизованные немцы в 1942–1945 гг. из руководящих должностей могли рассчитывать только на посты бригадиров, и то лишь «в порядке исключения»¹⁹. Однако реальная действительность, заключающаяся в катастрофической нехватке инженерно-технических и административно-хозяйственных работников, не согласовывалась с намерениями ГУЛАГовского начальства, и поэтому трудармейцы занимали в Тагиллаге достаточно высокие руководящие должности. Например, в 1945 г. из 10 колонн стройотряда №1874 шесть возглавлялись мобилизованными немцами (что явно противоречило упомянутому приказу). На Кирпичном заводе трудармейцами были три нач. цеха, гл. механик, нач. пожарной охраны; на Зайгоре – комендант штрафной зоны; на Шайтанке – командир комендантского взвода; в стройотряде № 1875 – начальник культурно-бытовой части, зам. гл. бухгалтера, бухгалтер отдела общего снабжения, бухгалтер столовой, зав. магазином, зав. пекарней, зав. столовой и т.д.²⁰, не говоря о большом количестве мастеров, бригадиров, десятников.

Таким образом, анализ сведений учетных карточек трудармейцев показывает, что социальный облик советских немцев, мобилизованных в лагерь НКВД на территории Свердловской области, в своих основных социодемографических признаках (половозрастное распределение, районы расселения, социальное происхождение, образовательный уровень и профессиональный состав) повторяет социальную структуру немецкого этноса в СССР. При этом следует учитывать, что мобилизация наиболее трудоспособной части немецкого населения в трудармию и установление режима спецпоселения инициировали слом прежней структуры этноса, связанный с изменением практически всех указанных характеристик: демографической

¹⁷ Архив ОАО «Тагилстрой». Оп. 1–2 (служащие)

¹⁸ НТМАСПД. Ф. Тагиллага. Оп. Приказы по основной деятельности. Д. Секретные приказы за 1943 год. Т.2. Л. 116об.

¹⁹ Герман А.А., Курочкин А.Н. Указ.соч. С. 75.

²⁰ НТМАСПД. Ф. Тагиллага. Оп. Приказы по основной деятельности. Д. Секретные приказы за 1945 год. Л. 125.

картины (резкое увеличение количества смешанных браков, снижение рождаемости не только в период войны, но и в первые послевоенные годы), образовательного уровня (искусственное регулирование динамики поступления в высшие и среднетехнические учебные заведения), районов расселения (локализация в местах депортации и пребывания в трудармии) и профессиональной структуры (переориентация на неквалифицированные промышленные и строительные специальности).

Спецпоселение советских немцев на Урале: территориальное распределение, социально- демографическое состояние по данным МВД

Десятилетие 1945–1955 гг. стало временем, когда в отношении немцев и других репрессированных в 1930–1940-е гг. народов был установлен особый режим спецпоселения, главной целью которого стало удержать депортированные народы в местах их выселения. Законодательно статус спецпоселенцев за депортированными немцами был закреплён Постановлением СНК СССР «О правовом положении спецпереселенцев» № 35 от 8 января 1945 г.

Формирование системы спецпоселений в местах расселения депортированных немцев на Урале началось в период 1943–1945 гг. В течение 1945 г. немецкий контингент, находившийся в ведении наркоматов промышленных предприятий, был переведен на спецпоселение. Постановлениями ГОКО №9526с от 18 июля 1945 г. и СНК СССР № 30–41-907с от 7 декабря 1945 г. мобилизованные немцы, работавшие на предприятиях угольной и нефтяной промышленности, были закреплены за этими предприятиями²¹. Существовавшие в местах расселения мобилизованных в промышленность немцев зоны, согласно директивам НКВД СССР № 219/В-4299с от 22.10.1945 г., № 261/24-26 от 31.12.1945 г., № 259/5/5с от 31.12.1945 г. и 3/0-39 от 05.01.1946 г., были ликвидированы, охрана зон снята²².

Ряды немцев – спецпоселенцев, пополнились в апреле 1946 г. трудармейцами, демобилизованными из рабочих колонн, которые также были прикреплены к предприятиям нефтяной, угольной, бумажной промышленности, строительству Главпромстроя НКВД, переданным в гражданские строительные наркоматы. В соответствии с директивой МВД СССР № 68 от 24.03.1945 г. часть немцев была оставлена в районах лагерей и строек МВД. Администрация лагерей должна была под расписку объявить о переводе трудармейцев на спецпоселение, в соответствии с Постановлением №35 СНК СССР от 8.01.1945 г. Демобилизуемые немцы направлялись к месту поселения в соответствии с директивой ГУЛАГа и ОСП МВД СССР № 48/79512-52/8713 от 22 декабря 1945 г. Приказом НКВД СССР № 0170 от 16 августа 1944 г. в категорию спецпоселенцев были включены и репатриированные советские граждане немецкой национальности²³.

По данным Земскова В.Н., на 15 июля 1949 г. в СССР в условиях спецпоселения проживало 1 093 490 немцев, из них 286 311 мужчин, 435 413 женщин и 371 766 детей²⁴. На территории Уральского региона в 1949 г. находилось на

²¹ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 215. Л. 146.

²² ГАРФ. Ф. 9479 Оп. 1. Д. 215. Л. 167.

²³ Там же.

²⁴ Земсков В.Н. «Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960 гг.-М.: Наука, 2005. –306с.С. 167.

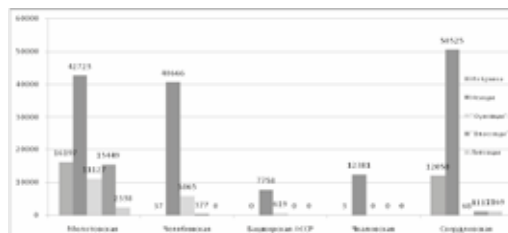
спецпоселении 162 017 немцев, в том числе в Свердловской области – 50 525, в Челябинской области – 38 440, в Молотовской области – 41 660, Чкаловской области – 11 341, Башкирской АССР – 12 218, Удмуртской АССР – 7 444, Курганской области – 389 человек¹.

Наиболее многочисленным контингент немцев – спецпоселенцев был в Свердловской, Челябинской, Молотовской областях, так как именно здесь концентрация промышленных предприятий и лагерей НКВД, на которых в годы Великой Отечественной войны работали трудмобилизованные немцы, была наиболее высокой. Анализ дислокации контингентов, находящихся на спецпоселении в областях и республиках Урала в 1949–1951 гг. показывает, что в среднем доля немецкого контингента в общем количестве находящихся на спецпоселении составляла 78,6%.

В 1950г. в Челябинской области численность немецкого контингента составила 88,6% от общей численности спецпоселенцев, в Молотовской области – 48,2%, Башкирской АССР – 66,8%, Чкаловской области – 99,9%, Удмуртской АССР – 92,6%, Свердловской области – 77,3%. Вместе с немцами на спецпоселении находились депортированные в 1943–1944 гг. народы Крыма, Прибалтики, а также такие контингенты, как власовцы, калмыки, оуновцы². Представителей народов Северного Кавказа, молдаван, поляков среди спецпоселенцев на Урале практически не было.

Диаграмма 1.

Распределение состава спецпоселенцев на Урале по контингентам и территориям проживания в 1950 г.3

Источник: ГАРФ. Ф. 9479. Оп.1. Д.509. Л.95–109, Л.150–156; Д.511. Л.180–184.

В 1950 г. во всех областях Урала немецкий контингент по-прежнему численно преобладал и в среднем составлял – 69,4%. Вторым по численности контингентом были народы, выселенные с Крымского полуострова, их доля составляла 14,6%. Оуновцев было 8%, власовцев – 7,2%, литовцев – 1,6%.⁴

¹ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 509. Л. 95–109, Л. 150–156; Д. 511. Л. 180–184.

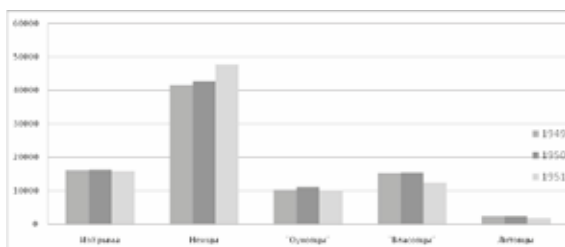
² ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 509. Л. 95–109, Л. 150–156; Д. 511. Л. 180–184.

³ Там же.

⁴ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 509. Л. 95–109, Л. 150–156; Д. 511. Л. 180–184.

Диаграмма 2.

Сравнительная диаграмма движения контингента спецпоселенцев (Молотовская область)⁵

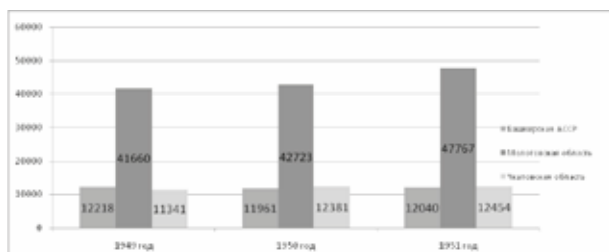

Источник: ГАРФ. Ф. 9479. Оп.1. Д.509. Л.95–109.

Численность всех представленных контингентов спецпоселенцев увеличивалась до 1950г., после чего начала сокращаться. Исключение составляли немцы-спецпоселенцы, которые не только оставались самым многочисленным контингентом, но и численно увеличили свое представительство в этой категории советских граждан. В Молотовской области процент численности немцев-спецпоселенцев в 1949 г. составлял 48,6% от общей численности находящихся на спецпоселении, в 1951 г. увеличился до 54%, в Чкаловской области это соотношение составило 89,9% и 98,8%. Небольшое снижение численности немцев – спецпоселенцев наблюдалось лишь в Башкирской АССР с 67% в 1949 г. до 45,8% в 1951 г.⁶

Диаграмма 3.

Численность немцев – спецпоселенцев в отдельных областях и республиках Урала⁷

Источник: ГАРФ. Ф. 9479. Оп.1. Д.509. Л.95–109, Л.150–156; Д.511. Л.180–184.

⁵ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 509. Л. 95–109.

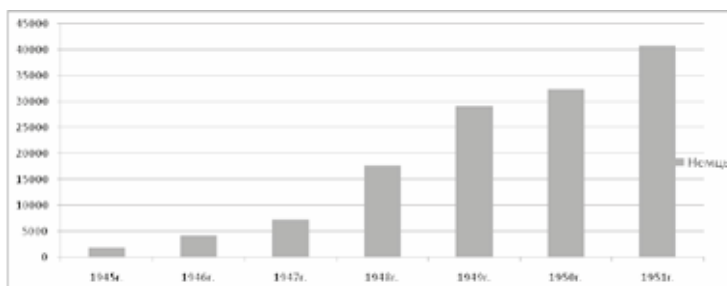
⁶ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 509. Л. 95–109, Л. 150–156.; Д. 511. Л. 180–184.

⁷ Там же.

Причинами увеличения численности немецкого контингента на Урале, на наш взгляд, были переселение на эти территории членов семей спецпоселенцев, возможная переброска немцев для работы в промышленности из других областей и республик СССР, переводение на режим спецпоселения немцев – местных жителей Урала, а также естественный прирост, связанный с компенсационным подъемом рождаемости в конце 1940-х – 1950-х годов.

Начиная с 1948 г., количество детей у немцев, рожденных в местах спецпоселения, неуклонно увеличивается.

Диаграмма 4.
**Количество детей спецпоселенцев,
родившихся в местах спецпоселений⁸**

Источник: ГАРФ. Ф. 9479. Оп.1. Д.642. Л.231–232.

Если в 1945 г. в местах спецпоселений на территории СССР в немецких семьях родилось 1914 детей, то в 1946 г. – 4 236, в 1948 – 17 769, в 1950 – 32 494, 1951 – 40 875. Всего за период 1945–1951гг. у немцев родилось 174 608 детей⁹. Данные, приведенные в исследовании Земскова В.Н., также подтверждают высокую динамику рождаемости в рассматриваемый период. Если в 1945 г. рождаемость у немцев была ниже смертности в 3,6 раза, в 1947 г. она впервые превысила отметку со знаком минус и составила 1,72, в 1948 г. рождаемость превысила смертность в 1,44 раза, в 1949 г. +2,92, в 1950 г. +3,14¹⁰. По количеству новорожденных к 1951 г. немцы опережали представителей всех контингентов, находящихся на спецпоселении.

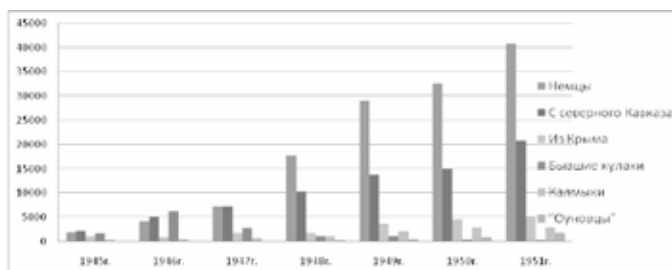
⁸ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 642. Л. 231–232.

⁹ Там же.

¹⁰ Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР 1930–1960. М.: Наука, 2005. –306 с. С. 197.

Диаграмма 5.

Количество детей спецпоселенцев,
родившихся в местах спецпоселений¹¹

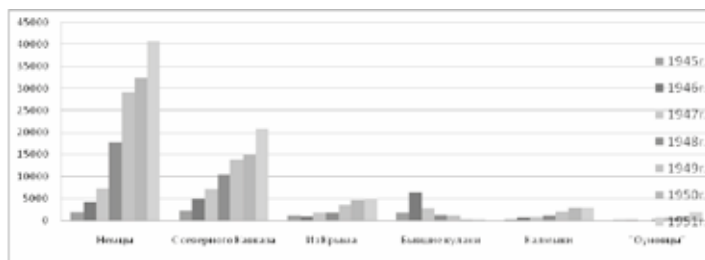

Источник: ГАРФ. Ф. 9479. Оп.1. Д.642. Л.231–232

Высокие показатели рождаемости были свойственны также для находившихся на спецпоселении представителей народов Северного Кавказа (чеченцев, ингушей). В целом, положительная динамика, связанная с увеличением численности новорожденных в местах спецпоселений, была характерна практически для всех контингентов спецпереселенцев.

Диаграмма 6.

Количество детей спецпоселенцев,
родившихся в местах спецпоселений¹²

Источник: ГАРФ. Ф. 9479. Оп.1. Д.642. Л.231–232

На увеличение рождаемости в местах спецпоселений безусловно повлияли такие факторы, как окончание войны, воссоединение семей, некоторая стабилизация материально-бытового положения.

¹¹ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 642. Л. 231–232.

¹² Там же.

Однако, говорить о спецпоселении, как о периоде начала восстановления демографического потенциала российских немцев нельзя. По данным, которые приводит в своей книге Д. Эдиев, к середине 50-х годов потери депортированных народов, в том числе и немцев, составили от трети их прогнозной численности. Индекс сверхсмертности (т.е. отношение числа фактических смертей к тому, каким оно могло бы быть в отсутствие депортаций) для немцев составил 2,12, а общие людские потери – не менее 21% от числа депортированных и находившихся на спецпоселении. При фактическом рождении детей в 1942–1952 гг., составившем 364,5 тыс., дефицит рождений, к прогнозируемому сценарию «без потерь» – 633,7 тыс., составил 269,3 тыс. детей, или 42,5% к прогнозу¹³.

Демографические потери немецкой этнической группы, понесенные в ходе депортации и мобилизации в трудовую армию, усугублялись материально-бытовой неустroенностью в местах спецпоселений, нарушением прав спецпереселенцев со стороны местных властей и администрации предприятий.

В ряде регионов действовал негласный запрет принимать немцев на руководящие должности, в особенности с доступом к секретной информации, ограничивалась возможность заниматься педагогической деятельностью и медицинской практикой¹⁴. На промышленных предприятиях Уральского региона, где в основном трудились немцы-спецпоселенцы, трудовой потенциал российских немцев, в большинстве случаев, использовался при выполнении работ, сопряженных с большими физическими затратами при минимальной оплате за их выполнение. Согласно директиве начальника управления НКГБ по Свердловской области комиссара госбезопасности Борщева, спецпереселенцы на промышленных предприятиях, особенно на оборонных заводах, могли быть использованы только на строительных и подсобных работах, а также в механических цехах предприятий, за исключением взрывоопасных участков производства. В каждом отдельном случае, власть решала вопрос о допуске спецпоселенцев на производство, исходя из «местных условий и обеспечивая за ними тщательное агентурное наблюдение»¹⁵.

Руководство многих промышленных предприятий, где работали немцы, практически не занималось вопросами материально-бытового обеспечения немецкого контингента. Главной проблемой для многих немцев-спецпоселенцев, работавших в разных отраслях промышленности Уральского региона, стало отсутствие жилья, непригодность помещений для проживания.

¹³ Эдиев Д.М. Демографические потери депортированных народов СССР. Ставрополь: Изд-во СтГАУ «АГРУС»; Ставропольсервисшкола, 2003. С. 272, 298, 300.

¹⁴ Белковец Л.П. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941–1955 гг.: Историко-правовое исследование. М.: РОСПЭН, 2008. – 359 с. С. 209.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 247. Л. 310.

В Челябинской области большая часть немцев были вынуждены селиться в землянках или искать частные квартиры.¹⁶ На предприятиях треста «Ижторф» Министерства вооружения в Удмуртской АССР немцы были расселены в недостроенных бараках и крестьянских домах, по 2–4 и 10 семей. В среднем на каждого проживающего приходилось не более 1 кв. метра жилой площади. В бараках спецпереселенцы проживали на 2–3-х ярусных нарах. Бараки не отапливались, были разбиты на комнаты досками, фанерой самими спецпереселенцами. *Согласно документу отдела спецпоселений*, – «Окна, двери неисправны, между косяками и переплетами рам сквозные щели, вторые рамы отсутствуют, потолки протекают, в силу чего в бараках стоит сырость». В бараках отсутствовали печи для приготовления пищи. Люди были вынуждены готовить себе обед на железных печках, которые одновременно служили для обогрева помещения¹⁷.

В Свердловской области репатриированные немцы, работавшие на комбинате «Березовскзолото», были размещены в 15 рубленых бараках комнатной системы. В среднем на каждого человека приходилось 1,5 – 2 кв. метра. Бараки требовали ремонта, не отапливались. Топливо к ним не подвозилось, «вследствие чего репатриированные немцы, возвращаясь с работы, вынуждены приносить с собой топливо, находящееся в 5–6 километрах от поселка»¹⁸.

В Дюртюлинском районе БАССР, немцы, работавшие в Бельском леспромхозе, ввиду отсутствия жилплощади у предприятия были размещены по частным домам местного населения, за счет уплотнения последних, с условием оплаты по 50 копеек за человека и обеспечения топливом за счет леспромхоза. Однако, вследствие невыполнения леспромхозом условий по оплате за квартиру и нерегулярного снабжения топливом, владельцы квартир «проявляют недовольство и требуют освобождения квартир от спецпереселенцев»¹⁹.

В Байкибашевском районе БАССР спецпоселенцы жили в разрушенных домах, амбарах, сараях, где отсутствовали двери, окна, крыши, печи²⁰. Большинство жилых помещений не было оборудовано необходимой мебелью, отсутствовали столы, табуретки, тумбочки, бачки для воды, умывальники, людям приходилось спать на полу.

Практически все спецпереселенцы остро нуждались в теплой одежде и обуви. Так из 562 немцев работавших на лесозаготовках в Бельском ЛПХ Дюртюлинского района БАССР смогли выйти на работу 432 человека, остальные 128 в силу отсутствия одежды и обуви были вынуждены оставаться дома²¹.

¹⁶ Там же, Л. 314.

¹⁷ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 215. Л. 125.

¹⁸ Там же, Л. 252.

¹⁹ Там же, Л. 140.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

Из 868 немцев-спецпоселенцев, которые составляли 39% трудоустроенных на комбинате «Березовскзолото» в Свердловской области, теплой одеждой были обеспечены 30%²².

В Удмуртскую АССР немцы также прибыли на поселение «без теплой одежды и обуви, не имея смены нижнего белья – верхнего платья, в результате значительная часть из них в зимний период не могла быть привлечена к работе»²³.

Практически на всех территориях особенно в период 1945–1950гг. наблюдались постоянные перебои с поставками продовольствия. Снабжение немцев было организовано неудовлетворительно. В Свердловской области довольно частыми были случаи, когда в магазин не завозился хлеб, а мыло, соль, спички совершенно исчезли с прилавков и не отоваривались даже по карточкам на протяжении долгого времени²⁴. В БАССР вследствие отсутствия в магазинах мяса и крупы в 1945–1946 гг. не были отоварены по карточкам даже те спецпереселенцы, которые являлись основными рабочими на предприятиях, а карточки иждивенцев по хлебу отоваривались только наполовину. Были случаи, когда на протяжении всего месяца немцы не имели возможности ни купить, ни получить по карточкам продукты питания²⁵. В этих случаях работающих спецпереселенцев спасало питание, которое они получали в столовых, либо незначительное количество продуктов, которое за наличный расчет отпускало предприятие.

Выделяемое питание работающим спецпоселенцам было малокалорийным и не отличалось разнообразием. Так обед и ужин, которые получали немцы-спецпоселенцы, работавшие на лесозаготовках Новолялинского леспромпхоза в Исовском районе Свердловской области через котлопункты, состоял из 200гр. муки, 320 гр. картофеля и 3 гр. жиров²⁶. Дети спецпоселенцев и иждивенцы не получали и этого минимума, их рацион часто ограничивался только получением хлеба. Особенно тяжелым было положение спецпереселенцев, размещенных в сельской местности, где иждивенцы получали только 200 граммов хлеба в сутки²⁷. В сложившейся ситуации, спасением для детей дошкольного возраста и их родителей могли стать детские сады и ясли, где ребенок мог рассчитывать на какой-то более разнообразный рацион, позволяющий минимально поддерживать ослабленный организм. Суточное меню детских садов, в которых находились дети немецких и крымских спецпоселенцев, работавших в Новолялинском леспромпхозе Исовского района Свердловской области в 1947 г. было следующим (см.: Табл.1).

²² Там же. Л. 253.

²³ Там же. Л. 126.

²⁴ Там же. Л. 155.

²⁵ Там же. Л. 141.

²⁶ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 43. Д. 241. Л. 34.

²⁷ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 247. Л. 241.

Таблица 1.

Суточное меню ребенка посещающего дошкольное учреждение
в 1947 г.²⁸

Наименование продуктов	Детсад в пос. Мурзинка	Детсад в пос. Байковка
Мука	60 гр.	-
Сахар	20 гр.	27 гр.
Масло сливоч.	20 гр.	43 гр.
Картофель	240 гр.	160 гр.
Мясо рыба	20 гр.	30 гр.
Сгущенное молоко	30 гр.	-
Лапша	36 гр.	27 гр.
Пряники	-	37 гр.
Манная крупа	-	26 гр.

Источник: ЦДООСО. Ф.4. Оп.43. Д.241. Л.34.

Безусловно, это количество продуктов обеспечивало лишь полугодное существование, но в условиях дефицита продовольствия было спасением для детей и их родителей. В целях оздоровления контингента в поселке Новая Ляля Свердловской области, где и находился леспромхоз, был открыт детский санаторий для ослабленных детей спецпоселенцев. Дети находились в санатории по 2 месяца и «выходили вполне здоровыми». Показателем здоровья для местных властей было то, что среди детей пребывавших в санатории не было смертельных случаев²⁹.

Однако проявление такой заботы со стороны предприятия было скорее исключением, чем правилом. В большинстве случаев, в местах поселения детские сады и ясли отсутствовали, дети школьного возраста не могли посещать занятия, так как не было ни одежды, ни обуви, ни школьных принадлежностей для продолжения учебы. Так среди немцев-спецпоселенцев в поселке Первомайский Березовского района Свердловской области в декабре 1945 г. было 480 детей школьного возраста, которые в силу указанных выше причин не посещали школу³⁰. В Удмуртской АССР и БАССР в большинстве спецпоселков, где проживали немцы, отсутствовали детские дошкольные учреждения, поэтому большинство женщин были вынуждены оставаться дома с детьми, а основная нагрузка по обеспечению семьи ложилась на плечи мужского населения³¹.

Недостаточное и малокалорийное питание, физическое истощение прибывших немецких спецпоселенцев, прошедших ужасы депортации и трудармии,

²⁸ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 43. Д. 241. Л. 34.²⁹ Там же.³⁰ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 215. Л. 253.³¹ Там же, Л. 126, 128, 141.

приводили к тому, что люди были не в силах выполнить нормы выработки на производстве. Производительность труда рабочих в среднем составляла 60%, поэтому большинство спецпоселенцев получали низкую заработную плату. Средний заработок немца-спецпоселенца на торфоразработках составлял 180–200 рублей, на строительстве 100–150 рублей в месяц³². В лесной промышленности были предприятия, на которых заработная плата составляла 7 руб. 78 коп., что было явно недостаточно для обеспечения семьи³³. Только в случае выполнения нормы до 400%, можно было рассчитывать на заработок свыше 1000 рублей, но такие случаи были единичными. При зареботке немцев-спецпоселенцев, который и так был ниже прожиточного минимума, на предприятиях довольно частыми были случаи ее задержки до 2–3 месяцев³⁴.

Выжить в таких условиях можно было только за счет дополнительно выделяемых государством фондов, либо за счет небольшого приусадебного хозяйства. В Исовском районе Новолялинского леспромхоза Свердловской области все немцы-спецпоселенцы были обеспечены огородными участками от 0,05 до 0,1 га. Почти все семьи имели дойных коз. Однако большая часть спецпоселенцев была вынуждена довольствоваться небольшими подачками, либо за счет фондов предприятий, либо за счет государства³⁵. Скуденность, отсутствие элементарных бытовых условий, недостаток питания приводили к многочисленным эпидемиям, физическому истощению, высокой смертности среди немцев. В Удмуртской АССР на торфоразработках предприятий треста «Ижторф» среди немцев-спецпоселенцев вспыхнула эпидемия тифа, было выявлено 174 случая заболевания, из которых 37 со смертельным исходом. Постоянное полуголодное существование привело к росту больных дистрофией³⁶. В поселке Первомайский Березовского района Свердловской области в декабре 1945 г. вследствие неудовлетворительных жилищно-бытовых условий среди репатриированных немцев выявлено большое количество заболевших чесоткой, 4 случая заболевания брюшным тифом, 22 случая обмороживания³⁷. Всего по неполным данным НКВД–МВД СССР в период 1942–1948гг. от эпидемий, голода, болезней, непосильного труда в стране умерло 45,3 тыс. немцев-спецпоселенцев³⁸.

Тяжелые условия труда и жизни, противоправные действия власти, которая лишила спецпоселенцев права свободного передвижения и права считать себя полноценными гражданами СССР, порождали волну глухого

³² ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 247. Л. 239; Д. 215. Л. 126.

³³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 43. Д. 241. Л. 33–34.

³⁴ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 247. Л. 239.

³⁵ ЦДООСО. Ф.4. Оп. 43. Д. 241. Л. 34.

³⁶ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 215. Л. 126.

³⁷ Там же, Л. 252.

³⁸ Немцы России: энциклопедия. Т.3: П-Я / Редкол.:О.Кубицкая (пред.редкол.) и др.-М.: «ЭРН», 2006. – 896 с. С. 463.

недовольства. Открытых массовых проявлений социального протеста среди немцев – спецпоселенцев, судя по документам, не было зафиксировано. Их недовольство выливалось в такие формы сопротивления, как побег с мест поселения, организация нелегальных религиозных групп, отказ от выхода на работу. Находясь под жестким контролем со стороны спецкомендатур, переселенцы вынуждены были смириться с утратой своего прежнего социального статуса и новым «неполноправным» положением. Согласно данным МВД СССР на 01.01.1953 г. в СССР было зарегистрировано 1 064 062 немцев – спецпоселенцев, из которых 855 674 были выселены по решениям правительства, 208 388 – репатриированные немцы. К июлю 1953 г. контингент немцев спецпоселенцев продолжал увеличиваться, о чем свидетельствуют следующие данные.

Таблица 2.

**Динамика численности немцев – спецпоселенцев в СССР
в течение 1953 г.³⁹**

	1 января 1953 г.		1 марта 1953 г.		1 июля 1953 г.	
	Состоит на учете	В том числе дети до 16 лет	Состоит на учете	В том числе дети до 16 лет	Состоит на учете	В том числе дети до 16 лет
Всего	1 064 062	356 020	1 224 931	413 244	1 240 724	413 244
Выселенные по решениям правительства	855 674	286 228	855 674	286 228	867 914	289 600
Репатриированные	208 388	69 792	208 388	69 792	210 228	69 559
Мобилизованные и местные	-	-	159 906	53 590	162 582	54 085

Источник: ГАРФ. Ф. 9479. Оп.1. Д.642. Л.144,163,203.

Увеличение численности немцев-спецпоселенцев происходило за счет бывших военнопленных, немцев депортированных с территории Западной Украины, Белоруссии, Прибалтики, колхозников, выселенных по Указу от 26 ноября 1948 г., роста рождаемости. Из общего количества немецких спецпоселенцев в 1953 г. – 29,6% – мужчины, 38,6% – женщины, 33,4% – дети до 16 лет⁴⁰. Следствием потерь понесенных в годы депортации и трудмобилизации, а также тяжелых условий спецпоселения стала огромная диспропорция

³⁹ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 642. Л. 144, 163, 203.

⁴⁰ Там же, Л. 293.

между полами. В среднем в СССР на 1000 мужчин приходилось 1448 женщин-немок⁴¹. Долгосрочные потери немецкого населения составили 10–20% от возможной численности в отсутствие катаклизмов 1940-х годов и постоянно увеличивались вплоть до середины 1950-х гг. Прямые людские потери немецкого населения в период 1941–1953 гг. составили 228,8 тыс. человек, или 19,2% от числа депортированных и высланных на спецпоселение⁴².

Только после освобождения немцев от режима спецпоселения прирост демографических потерь замедлился. Лишенные государственности, обманутые и униженные властью советские немцы, находились в условиях спецпоселения долгие 15 лет. По Указу Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1955 г., режим спецпоселения был снят, и немцы получили право переезжать в другие районы страны. Но в указе подчеркивалось, что речь не идет о возвращении немцам конфискованного при депортации имущества или об их возвращении в места, откуда они были выселены, – появляться там им вообще запрещалось. Кроме того, в указе были проигнорированы права немцев на сохранение своей культуры, языка, традиций, всего, что определяет этническое самосознание народа, его историческую память.

В результате анализа приведенных данных можно сделать следующие выводы. Режим спецпоселения, установленный в отношении российских немцев и других народов в годы Великой Отечественной войны и получивший распространение в 1946–1955 гг., стал для власти универсальным способом решения целого комплекса проблем. Прежде всего, закрепление немцев и других народов в местах спецпоселения помогло решить важнейшие задачи экономического характера. Контингент спецпоселенцев рассматривался властью как кадровый резерв промышленности на плохо освоенных территориях и в районах, где имелся дефицит рабочей силы, среди которых одно из ведущих мест занимал Урал. Начиная с 1942 г. и до начала 1950-х гг. доля спецконтингента в областях и республиках Уральского региона оставалась значительной и составляла в среднем 30%.

Немецкий контингент, находившийся на спецпоселении, был самым крупным, его доля на отдельных территориях превышала 90% и на протяжении всего периода существования режима продолжала увеличиваться. Во всех районах проживания российско-немецкого этноса его положение характеризовалось отсутствием материально-бытовых условий, которые бы обеспечили выживание людей в новых климатических условиях и их быстрое включение в производственный процесс, тотальным контролем власти за всеми сферами его деятельности. Наиболее действенным оказался постоянный контроль со стороны отделов спецпоселений за немцами-спецпоселенцами, ограничение

⁴¹ Там же.

⁴² Эдиев Д.М. Демографические потери депортированных народов СССР. Ставрополь, 2003. С. 272, 298, 300.

их в свободе передвижения. По отношению к советским немцам власть уверенно реализовывала идеологические установки по созданию внутреннего врага, на которого можно было списать вину за провалы своей политики, за невыносимые условия жизни всего населения страны. Российские немцы заплатили за эту насильно возложенную режимом роль тысячами погибших и исковерканных человеческих судеб.

Однако, решая социально-политические задачи по нейтрализации «неблагонадежного» контингента в районах их выселения, советское руководство фактически провоцировало появление новых проблем в местах депортации и спецпоселения. Длительная бытовая неустроенность тормозила социальную адаптацию переселенцев, обостряла у них чувство социальной незащищенности и несправедливости, а сами немцы, удаленные от своих очагов, не становились лояльнее к репрессировавшей их власти. Лишенные возможности компактного проживания, развития культуры, использования своего родного языка, российские немцы оказались перед реальной угрозой растворения в инонациональном окружении, потери этнического самосознания.

«Нас немцев не считают за людей...» (трудармейцы в Прикамье: малоизвестные страницы)

История политических репрессий, несмотря на большое количество публикаций, еще долго будет оставаться актуальной для исследователей. «Трудовая армия» – часть этой большой и болезненной темы. Истории трудармейцев в Молотовской (Пермской) области посвящен целый ряд публикаций. Прежде всего следует назвать работы Г.Я. Маламуда, А.Б. Суслова и др. исследователей⁴³. Огромное значение для исследования трудармии в Прикамье имел выход сборников документов⁴⁴. Одна глава в сборнике «Немцы в Прикамье» (Т.1, кн. 1) почти целиком состоит из материалов архивно-следственных дел трудармейцев, которые недоступны для исследователей (за исключением двух дел), а том 2-й составили воспоминания трудармейцев. Большую работу по сбору устной истории, увековечению памяти трудармейцев проводит общественная организация российских немцев «Возрождение» в городах Соликамске, Краснокамске и др. Тем не менее, говорить, что тема трудармейцев в Прикамье изучена полностью, нет оснований.

Во время Великой Отечественной войны советское руководство столкнулось с нарастающим дефицитом рабочей силы. Для решения этой острой проблемы изыскивались всё новые и новые источники. Особую категорию составляли мобилизованные по особому приказу наркома обороны в строительные рабочие колонны. К середине февраля 1942 г. в Молотовской области дислоцировалось 56 строительных рабочих колонн, в которых насчитывалось около 50 тыс. рядового и командно-политического состава⁴⁵. Рабочие колонны формировались, прежде всего, из представителей «ненадежных» национальностей, а также бывших заключенных и спецпереселенцев. Значительную часть бойцов этих колонн составляли военнослужащие, отозванные с фронта, в том числе и немцы. Выступая на совещании 16 февраля 1942 г. начальник стройколонны №15/72, направленной на лесозаготовки в Чермозский район, сообщил, что «колонна состоит из бойцов Ленинградского фронта, 80% были уже ранены, по составу большинство являются нацменами – финны, немцы, латыши»⁴⁶. Колонна прибыла в область со своими командирами, бойцы со-

⁴³ Маламуд Г. Мобилизованные советские немцы на Урале в 1942–1948 гг. // Репрессии против российских немцев. Наказанный народ. М., 1999; Суслов А.Б. Спецконтингент в Пермской области (1929–1953 гг.). Екатеринбург-Пермь, 2003.

⁴⁴ GEDENKBUCH: Книга памяти немцев-трудармейцев Усольлага НКВД/МВД СССР (1942–1947 гг.) М., 2005; Немцы в Прикамье. XX век: Сборник документов и материалов в 2-х томах. Пермь, 2006.

⁴⁵ Пермский государственный архив новейшей истории (далее – ПермГНИ). Ф. 105. Оп. 8. Д. 439. Л. 7–11.

⁴⁶ Там же. Л. 68.

хранили воинский вид, но моральное состояние было подавленным: обидя за то, что отправили с фронта на такую работу. Большинство бойцов колонны никогда не работали в лесу, поэтому сначала выполняли норму всего на 20%, но уже через месяц давали 80% нормы¹.

В рабочей колонне №46, занятой на Лысьвенском металлургическом заводе, из 990 человек 333 составляли немцы и эстонцы. Политико-моральное состояние бойцов тоже отмечалось как «неудовлетворительное». «3-й и 4-й отряды не выполняют производственные задания за счет немцев, которые упорно не хотят работать», и это несмотря на то, что продукты питания отпускались в зависимости от выполнения норм выработки². Там же в Лысьве в тресте Севуралтяжстрой трудились бойцы колонны № 759, укомплектованной военными запасами из западных областей Украины, немцами Поволжья и к ним добавили новое пополнение – трудпереселенцев³. Небольшое количество немцев было и в других строительных рабочих колоннах.

Положение бойцов строительных рабочих колонн почти не отличалось от положения трудармейцев. Различие было чисто формальным: у бойцов сохранялась военная форма одежды и они считались военными, в колонне насчитывалось до 1000 человек, она делилась на отряды, наряду с начальником колонны и комиссаром, имелся младший и средний начальствующий состав. В дальнейшем часть строительных рабочих колонн были расформированы, а бойцы, прежде всего из Прибалтики, были отправлены на фронт. Организация мобилизованных немцев-переселенцев была иной: отряды от 1500 до 2000 человек, отряд делился на колонны от 250 до 500 человек, и тот и другой возглавляли чекисты-лагерники, колонна делилась на бригады от 35 до 100 человек во главе с бригадиром, который мог назначаться из числа немцев⁴. У строительных рабочих колонн не было военизированной охраны, они располагались, как правило, при промышленных предприятиях, хотя были и колонны занятые лесозаготовками, и их обслуживала военная прокуратура войск НКВД, а не прокуратура соответствующего ИТЛ. Условия содержания и работы были практически идентичны. Тем не менее, по чисто формальным причинам, их вряд ли можно считать трудармейцами.

Представляется, что есть основания считать направление солдат с фронта в строительные рабочие колонны, как и призыв военных запасов формой репрессий по национальному признаку, поскольку туда, как правило, попадали советские граждане «враждебных национальностей», а также бывшие спецпереселенцы.

Мобилизованные в рабочие колонны немцы-переселенцы были более многочисленной категорией дешевой рабочей силы. 10 января 1942 г. ГКО принял

¹ ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 8. Д. 439. Л. 68.

² Там же. Л. 142–144.

³ Там же. Л. 139.

⁴ См.: ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960. М., 2000. С. 129.

постановление «О порядке использования немцев-переселенцев призывного возраста», в соответствии с которым все немцы-мужчины в возрасте от 17 до 50 лет должны быть мобилизованы в рабочие колонны на все время войны. В дальнейшем были расширены возрастные рамки для мужчин, предусматривалась мобилизация женщин.

Молотовская (Пермская) область являлась одним из регионов, где широко использовался труд мобилизованных немцев. Уже 12 января 1942 г. в Усольяге был создан отряд из мобилизованных немцев⁵. Рабочие колонны из мобилизованных немцев помимо Усольского ИТЛ широко использовались в Соликамском и Широковском ИТЛ, предприятиях Наркомнефти, Наркомугля и др. наркоматов. На 1 января 1944 г. в Молотовской области числилось 33 787 «мобилизованных немцев», из них 19 032 человека содержались в лагерях НКВД и 14 755 в зонах при промышленных предприятиях⁶.

Трудармейцы формально считались свободными гражданами, а не репрессированными и заключенными. Однако труд и жизнь трудармейцев регулировались не советскими законами, а различными директивами и инструкциями НКВД и наркоматов, использовавших труд мобилизованных. Так в «Положении о порядке содержания, дисциплине и трудовом использовании мобилизованных в рабочие колонны немцев-переселенцев» от 12 января 1942 г. предписывалось вокруг бараков с мобилизованными немцами устанавливать ограждение – зону, которая должна охраняться военизированной охраной ГУЛАГа. Каждый трудармеец обязан «отработать полную себестоимость его содержания в лагере и выполнять установленные производственные нормы. ... Питание производится по лагерной норме...»⁷.

Фактическое приравнивание к положению заключенных людей, не чувствовавших за собой какой-либо вины, вызывало непонимание и недовольство. У многих трудармейцев складывалось убеждение в бесперспективности положения, невозможности возврата к семьям, что советская власть проводит политику, направленную на физическое истребление лиц немецкой национальности, до войны проживавших в СССР. Все надежды на изменение судьбы похоронило разъяснение политотдела ГУЛАГа в ответ на просьбы трудмобилизованных немцев направить их в действующую армию: «По решению Правительства трудоспособное население немецкой национальности мобилизуется в трудовую армию, а в Красную Армию направляться не будет»⁸.

В докладной записке политотдела Усольяга о работе за 1944 г. приводятся характерные высказывания недовольных. Так, трудармеец Волькер говорил:

⁵ Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960: Справочник. М., 1998. С. 492.

⁶ Маламуд Г. Мобилизованные советские немцы на Урале в 1942–1948 гг. // Репрессии против российских немцев. Наказанный народ. М., 1999. С. 131.

⁷ ГУЛАГ: Главное управление лагерей... С. 129–131.

⁸ Немцы в Прикамье... С. 274.

«Нас немцев не считают за людей, советское правительство загнало нас в лес и заставляет работать, и все мы здесь останемся и после окончания войны, и никто уже больше своих семей не увидит». Другой трудармеец Вормсбахер считал, что «...немцы, специально мобилизованы советским правительством в трудармию, чтобы здесь в глухом лесу все подошли, ибо нас не считают за людей». Трудармеец Кнау предлагал: «Зачем нам работать и заготавливать лес, для кого? Если бы мы, немцы, были дружны и не один бы из нас не пошел на работу, то ничего бы с нами не сделали, а то так или иначе все равно мы все подохнем здесь в лесу»⁹. Подобные высказывания, а их было достаточно много, однозначно трактовались как антисоветские настроения и контрреволюционная агитация.

Другой формой проявления недовольства был отказ от работы, что однозначно трактовалось как «контрреволюционный саботаж», за который в условиях военного времени могли приговорить к расстрелу.

Согласно электронной базе данных ПермГАНИ за 1942 – начало 1950-х гг. в Молотовской области было репрессировано 412 немцев, из них 60% составляли трудармейцы, остальные были из числа репатриированных и заключенных. Практически все они обвинялись в антисоветской агитации (ст. 58–10 УК РСФСР) и саботаже (ст. 58–14). 10 человек из них были приговорены к высшей мере наказания (почти все в 1942 г.), остальные приговорены к заключению в ИТЛ на срок от 5 до 15 лет. Среди осужденных трудармейцев примерно 12% составляли женщины [*Подсчитано автором*].

Каждая судьба репрессированного по своему уникальна и архивно-следственные дела представляет огромный интерес.

21 февраля 1942 г. Оперативно-чекистским отделом Усоляга по обвинению в антисоветской агитации был арестован А.А. Маркс, (даже фамилия не остановила чекистов) член ВКП(б), бывший председатель ревизионной комиссии райкома партии в г. Маркштадт Саратовской области, имевший высшее образование. В апреле 1942 г. осужден на 10 лет ИТЛ.

Однако, из дел репрессированных трудармейцев, хранящихся в ПермГАНИ, доступны для исследователей только два. Одно из них дело Ф.И. Вебера, уроженца г. Бальцер АССР немцев Поволжья, члена ВЛКСМ. В 1932 г. он окончил педагогический техникум, а в 1939 г. завербовался в г. Кизел Пермской области, где работал учителем немецкого языка. 31 января 1942 г. его призвали в Красную армию, но вместо фронта направили в строительную рабочую колонну № 1651, работавшую на шахтах Кизеловского бассейна. После расформирования колонны в мае 1942 г. Ф.И. Вебер вернулся в Кизел и назначен временно исполняющим должность директора средней школы №1. В октябре 1942 г. мобилизован в трудармию и отправлен в Богословский ИТЛ (Базстрой) пос. Туринск Свердловской области. Сначала работал электромонтажником в

⁹ ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 11. Д. 163. Л. 47–48.

13 отряде в бригаде №33, затем заведовал производственными столовыми, на момент ареста – начальник части технического снабжения. В апреле 1943 г. Ф.И. Вебер был исключен из комсомола «за антипартийные разговоры среди трудармейцев, направленные к дезорганизации производственной работы отряда»¹⁰. 5 июня 1943 г. Ф.И. Вебер был арестован. Следствие пыталось доказать, что он являлся агентом германской разведки и вел активную шпионско-подрывную работу. Но частые и многочасовые допросы (например, допрос 28 июня продолжался с 12 часов дня до 3 часов 20 минут 29 июня) не сломили Ф.И. Вебера, он признавал себя виновным только в антисоветской агитации. В результате 31 октября 1943 г. обвинение было перекалвалифицировано со статьи 58-1 (измена родине) на ст. 58-10 и 58-11. 18 декабря 1943 г. судебная коллегия по уголовным делам Молотовского областного суда приговорила Вебера Ф.И. по ст. 58-10,11 к семи годам ИТЛ с поражением в правах на три года¹¹.

Другое дело на Приба А.Ф., уроженца Тельмановского района Крымской АССР. Окончил медицинский факультет Новороссийского университета, долгие годы работал врачом, главным врачом санатория в г. Евпатория. В августе 1941 эвакуирован в Новосибирскую область, работал главврачом районной больницы. 23 ноября 1942 г. Приб А.Ф. мобилизован в трудармию и направлен в Кизеловские угольные копи. В Кизеле он работал врачом на шахте №33 Капитальная. 1 февраля 1944 г. арестован по обвинению в проведении «контрреволюционной агитации клеветнического характера, высказывается против колхозного строя, восхваляя единоличное хозяйство, опровергает сообщения Совинформбюро». В частности, А.Ф. Прибу приписывали следующие высказывания: «Что такое партия. Партия это шайка людей, которая свои личные интересы строит на эксплуатации народа. Как фашистская партия эксплуатирует народ, так и у нас коммунистическая». «При сов. власти никакой самостоятельности, тобой командуют, что хотят, то и делают»¹².

А.Ф. Приб признал себя виновным частично: агитации не вел, а были лишь разговоры. 14 апреля 1944 г. судебная коллегия по уголовным делам Молотовского областного суда признала его виновным по ст. 58-10 и приговорила к восьми годам ИТЛ с поражением в правах на 4 года¹³. А.Ф. Приб в 1947 и 1957 гг. обращался с просьбой о пересмотре дела, но оба раза ему было отказано. Только в 1991 приговор был отменен и дело прекращено за отсутствием состава преступления¹⁴.

Крайней формой недовольства и сопротивления трудармейцы были побеги или дезертирство. Дезертирства было настолько серьезной пробле-

¹⁰ Перм ГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 23605. Л. 9, 13, 177а.

¹¹ ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 23605. Л. 40–41, 46, 228–229.

¹² Там же. Д. 23888. Л. 1,14.

¹³ ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 23888. Л. 65.

¹⁴ Там же. Л. 71–72.

мой, что 7 апреля 1943 г. начальник Оперативного отдела ГУЛАГа подписал специальный приказ, адресованный начальникам Оперативно-чекистских отделов и отделений ИТЛ НКВД, направленный на борьбу с этим явлением. В приказе отмечалась недостаточная работа «по предупреждению и своевременному пресечению дезертирства мобилизованных немцев из лагерей, имеет место непрекращающееся дезертирство»¹⁵. В 1942 г. было 160 случаев группового дезертирства, правда, сколько человек бежало в приказе не сообщалось, а говорилось лишь о 462 дезертирах-немцах, которых не удалось задержать в 1942 г. В качестве примера группового дезертирства приводился случай из Усольского ИТЛ, где в августе 1942 г. дезертировала группа мобилизованных немцев в количестве 4-х человек. Следствие установило, что подготовка к побегу велась в течение 6 месяцев. Были приобретены фиктивные документы, которыми были снабжены участники побега. Оперативно-чекистский отдел Усольского ИТЛ факт подготовки побега своевременно выявить не смог¹⁶.

Приказ предлагал «принять все меры к предотвращению дезертирства из лагерей мобилизованных немцев». Самым эффективным методом борьбы с этим явлением признавалось насаждение осведомителей. Отмечалось, в качестве недостатков, что Оперативно-чекистский отдел Соликамского ИТЛ «для обслуживания 9000 немцев завербовал лишь 50 осведомителей по предупреждению побегов»¹⁷, что считалось недопустимо мало. Приказ предписывал: «В соответствии с директивой НКВД СССР за №583 от 30 декабря 1942 г. насадить осведомителей по предупреждению дезертирства во всех без исключения рабочих колоннах и бригадах. Лиц, ведущих активную подготовку к дезертирству, арестовывать и дела о них представлять на рассмотрение Особого Совещания НКВД СССР»¹⁸.

Из 16467 немцев, прибывших в Молотовскую область по мобилизации с ноября 1942 по август 1943 г. дезертировало 928 человек (5,5%) и умерло 851 человек (5,1%). Главной причиной побегов и высокой смертности, по мнению начальника оперативного отдела УНКВД по Молотовской области, являлись неудовлетворительные жилищно-бытовые условия¹⁹. Несмотря на принимаемые меры, побегі не прекращались. Так, из Широковилухостроя НКВД СССР за 1943 г. дезертировало 70 человек из мобилизованных немцев, из них 62 были задержаны. Для сравнения: за этот же год бежал 61 заключенный, из коих задержано 53 человека²⁰. Но постепенно количество побегов

¹⁵ ГАРФ. Ф. 9401с. Оп. 1а. Д. 153. Л. 44.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 9401с. Оп. 1а. Д. 153. Л. 44.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. Л. 44–45.

¹⁹ См.: Сулов А.Б. Спецконтингент в Пермской области (1929–1953). – Екатеринбург-Пермь, 2003. С. 223.

²⁰ ПермГИАНИ. Ф. 105. Оп. 9. Д. 118. Л. 44.

сокращается в связи с некоторым улучшением жилищно-бытовых условий и успехами Красной армии на фронте.

В рабочих колоннах существовали партийные и комсомольские организации, проводились собрания, собирались членские взносы. Но, хотя это были уставные партийные организации, тем не менее, права их были ограничены: прием трудармейцев в партию и комсомол предлагалось рассматривать только после длительного срока их работы в трудколонне (в условиях лагеря); правом контроля над производственной деятельностью администрации парторганизации трудармейцев не пользовались; коммунисты и комсомольцы вольнонаемного состава, включенные в состав парторганизации трудколонн, оставались на учете в политотделе, а в партийных и комсомольских организациях трудколонн состояли только на списочном учете²¹. Коммунистов и комсомольцев из числа немцев не избирали делегатами на партийные конференции.

Оказавшись на положении зеков, многие коммунисты испытали настоящий шок. Отсюда и солидарность трудармейцев, неприятие доноительства. Общая беда и трудности сплотили их и оказались выше партийных и чекистских установок. Коммунисты и комсомольцы из числа мобилизованных немцев, как наиболее надежные, помогали ВОХР охранять своих товарищей, т.н. «самоохрана», правда, без оружия. Перед ними ставилась задача своевременно сигнализировать о нарушениях дисциплины, вредных разговорах и распространяемых слухах среди трудармейцев. Однако, как свидетельствовал политотдел Усольяга: «Несмотря на то, что среди коммунистов-мобилизованных немцев имеется много случаев аморальных поступков и нарушений дисциплины, все же сигналов от коммунистов т/армейцев ... совсем не поступало»²². Многие члены и кандидаты в члены ВКП(б) скрывали свою принадлежность к партии. Но после Сталинградской битвы и успехов Красной армии в 1943 г. часть из них подали заявления в первичные организации с просьбой принять от них членские взносы и восстановить в правах членов и кандидатов ВКП(б). За 1943 г. только в Широковлаге было исключено из партии 17 человек, из них 14 человек из мобилизованных немцев. В том числе 7 человек за сокрытие своей партийной принадлежности, 2 человека за несвоевременную уплату членских взносов, 2 человека за контрреволюционную деятельность (осужденные) и 3 человека за дезорганизацию работ²³.

Парторганизации из мобилизованных немцев-трудармейцев, судя по цифрам, составляли значительную часть коммунистов в ИТЛ. Так, в Широковлаге на 1 апреля 1943 г. из 21 парторганизации 13 были в рабочих колоннах и состояли преимущественно из мобилизованных немцев. Всего в парторга-

²¹ См.: Немцы в Прикамье ... С. 215.

²² ПермГАНИ. Ф. 4460. Оп. 6. Д. 59. Л. 25.

²³ ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 9. Д. 118. Л. 12.

низации насчитывалось 285 коммунистов и 108 кандидатов в члены партии, из них мобилизованных немцев было соответственно 125 и 47 человек. Комсомольская организация насчитывала 384 человека, из них 286 мобилизованных немцев. На 1 января 1944 г. общая численность членов и кандидатов в члены партии незначительно сократилась (280 и 103), но увеличилось число коммунистов-трудармейцев: 136 членов и 60 кандидатов в члены ВКП(б)²⁴.

По социальному составу среди коммунистов-трудармейцев 50% составляли рабочие, 32,5% служащие и 17,5% крестьяне. Достаточно высоким среди них был процент лиц с высшим и незаконченным высшим образованием – 15%²⁵.

Значительно ниже была доля коммунистов-трудармейцев в Усольлаге и Соликамском ИТЛ. Так на 1 января 1945 г. из 27 парторганизаций Усольлага только 9 были в рабочих колоннах. Из 539 членов и 257 кандидатов в члены ВКП(б) немцев-коммунистов было соответственно 200 и 72 человека. 196 немцев-коммунистов работали на лесозаготовках²⁶. В Соликамстрое из 227 коммунистов немцев-трудармейцев было 88 человек (65 членов и 24 кандидата)²⁷.

Нехватку рабочих рук, затягивание или ошибки в проектировании руководство Широкилухстройа стремилось решить за счет организации соревнований, особенно среди трудармейцев. Летом 1943 г. начали создаваться фронтовые бригады среди мобилизованных немцев. 18 августа состоялся слет стахановцев (из мобилизованных), в котором участвовало 450 человек. Многотиражная газета «Сталинская стройка» регулярно печатала материалы о немцах-коммунистах и комсомольцах, перевыполняющих нормы на 120–150% и более. В 1943 г. на Широкилухстрое было создано 16 комсомольско-молодежных бригад из трудармейцев²⁸. Подобная картина была и в других лагерях НКВД. Широко использовался и такой метод морального стимулирования, как помещение на стенд соцсоревнования, присуждение переходящего Красного знамени лучшим стройколоннам.

Оценивая состояние партийно-политической работы среди «мобилизованных немцев», политотдел ГУЛАГа в циркулярном письме начальникам политотделов лагерей отметил, что создание первичных комсомольских организаций в отрядах и колоннах себя оправдало, назвав в качестве положительных моментов их деятельности сбор средств на формирование танковых колонн и распространение среди спецконтингента облигаций военных займов.

К концу войны положение мобилизованных немцев несколько улучшилось, принимаются меры по «оздоровлению контингента», лечению истощенных и

²⁴ Там же. Л. 8, 32.

²⁵ ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 9. Д. 118. Л. 9.

²⁶ Там же. Оп. 11. Д. 163. Л. 36.

²⁷ Там же. Оп. 10. Д. 642. Л. 16–24.

²⁸ Там же. Оп. 9. Д. 118. Л. 21, 28, 36, 37, 44–50.

ослабленных. Это было связано, прежде всего, не с заботой о людях, а с необходимостью выполнения производственных планов, за невыполнение плановых заданий с начальников колонн и лагерей жестко спрашивали. Больной и ослабленный физически человек не в состоянии выполнить норму, а резервы рабочей силы в стране во многом были исчерпаны.

В 1946 г. трудмобилизованные немцы переводятся на положение спецпереселенцев и численность их в Молотовской области сокращается: в связи с завершением строительства Широковской ГЭС, часть из них была отправлена в Днепродзержинск и в Саратовскую область.

С помощью «Трудармии» в годы войны политическое руководство страны одновременно решало две задачи: обеспечение народного хозяйства дешевой рабочей силой и создание особого режима изоляции для потенциальной «пятой колонны». Нельзя не отметить вклад трудармии в общую победу над фашистской Германией. 220 человек из трудармейцев были представлены в 1946–1947 гг. к вручению медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» только по предприятиям «Краснокамскнефть» в Молотовской области²⁹.

²⁹ См.: *Немцы в Прикамье ...* С. 380–395.

Специфика государственной политики и правовое положение немецкого населения Оренбургской области в послевоенные десятилетия

В Чкаловской области по данным переписи населения 1939 г. проживало 18 594 граждан немецкой национальности³⁰, из них 1381 в городах и 17 213 в сельской местности. Процессы депортации не затронули непосредственно жителей Оренбургской (Чкаловской) области, проживавших на ее территории в довоенный период. Однако в годы войны в результате государственной политики перераспределения трудовых ресурсов на предприятия и стройки области были направлены тысячи ранее депортированных немцев-трудармейцев. В послевоенные десятилетия сохранялся особый политико-правовой статус советских немцев, что обусловило особое внимание со стороны советских и партийных органов к представителям этой этнической общности.

Ожидаемая после завершения войны демобилизация немцев-трудармейцев объявлена не была. В октябре 1945 г. несколько изменился режим содержания мобилизованных немцев. С зон была снята охрана, ликвидировалось ограждение, а жилищно-бытовые условия формально приравнивались к условиям жизни прочих рабочих предприятий. Приказом НКВД от 8 января 1946 г. немцы-трудармейцы были окончательно переведены на положение спецпереселенцев, зоны были ликвидированы, мобилизованные немцы получили право размещаться в общежитиях и могли вызвать к себе свои семьи. Однако бытовые условия жизни немцев оставались крайне тяжелыми. Так, рабочие 1-го участка треста №1 Главнефтестроя, располагавшегося в г. Орске, значительную часть которых составляли немцы, жили в непригодных помещениях, сараях, котельных, подвалах. Сараи были старыми, из-за прогнивших досок в одном из общежитий обвалилась крыша. Практически все помещения находились в аварийном состоянии. Но даже и такого жилья не хватало. На человека в среднем приходилось по 2 кв. м. жилой площади. Многие рабочие не имели матрацев и были вынуждены спать на голых досках. Отсутствовали условия для стирки белья, не хватало одеял, простыней, полотенец³¹.

Из 6736 мобилизованных немцев, занятых на работах в Чкаловской области к апрелю 1946 г. абсолютное большинство находилось в ведомстве министерства строительства топливных предприятий – 5112 человек. Еще 1076 немцев трудились на предприятиях министерства нефтяной промышленности. К министерству топливной промышленности относились 268

³⁰ Из истории оренбургских немцев: Сборник документов. (1817–1974 гг.). Оренбург; Москва: Готика, 2000. С. 215.

³¹ Центр документации новейшей истории Оренбургской области (далее – ЦДННАО). Ф. 2979. Оп. 1. Д. 50. Л. 7, 21.

мобилизованных и еще 280 немцев находились в подчинении министерства сельхозмашиностроения¹.

Но на этом отнюдь не закончилась история трудовой мобилизации. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. регламентировалось создание спецкомендатуры МВД курирующей работу со спецпереселенцами. Этот же указ закреплял, что переселение немцев «... проведено навечно, без права возврата их к прежним местам жительства»². К этому времени многие семьи немцев сумели воссоединиться. В соответствии с приказом МВД от 19 февраля 1949 г. «Об организации персонального учета выселенцев, спецпереселенцев по новой системе» был произведен переучет спецпереселенцев и все они были отнесены к категории «выселенцев». В целях упорядочения контроля за выселенцами вводился посемейный и персональный виды учета. В Чкаловской области было расселено 2512 семей немцев – выселенцев (всего 11879 человек, из них 3097 – мужчины, 6050 – женщины и 2732 – дети в возрасте до 16 лет).

Количество немцев в регионах Южного Урала постепенно увеличивалось, как за счет переводов из других территорий, так и в результате, пусть и незначительного, естественного прироста. К декабрю 1950 г. в Чкаловской области на учете стояли 12 813 спецпоселенца, при этом все они были немецкой национальности³. Несмотря на то, что формально трудармии не существовало, принудительный труд немцев продолжал использоваться достаточно активно. Об этом свидетельствует хотя бы факт того, что после принятия постановления Совета Министров от 24 марта 1952 г. об увеличении добычи нефти в Татарстане и Башкирской АССР спецпереселенцы-немцы, высвобождающиеся от работы в объединении «Бугурусланнефть», в виде исключения, были переведены на новые места работы.

В этот период все немцы спецпоселенцы делились на пять подконтингентов: «выселенные», «репатриированные», «местные», «мобилизованные» и «другие» (т.е. спецпоселенцы других национальностей, выселенные вместе с немцами). К началу 1953 г. в системе ГУЛАГа МВД СССР только в Чкаловской области находилось 13 359 немцев – спецпоселенцев, в их числе 8257 – выселенцев, 382 – местных, 2767 – мобилизованных и 1973 – репатриированных.

5 июля 1954 г. было принято постановление Совета Министров СССР «О снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпоселенцев», в соответствии с которым с учета снимались все дети спецпоселенцев в

¹ ГАРФ. Ф.Р-9478. Оп. 1. Д. 61. Л. 15.

² Цит по: Федорова А.В. «На работу в колонии НКВД» // Немцы Оренбуржья: прошлое, настоящее, будущее. Материалы научно-практической конференции. – Оренбург: «ДИМУР», 1997. С. 22.

³ Депортация народов СССР (1930-е – 1950-е годы). Материалы к серии «Народы и культуры». Выпуск XII. Документальные источники ЦГАОР СССР. Часть I. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1992. С. 136, 168, 178, 186.

возрасте до 16 лет. Немцы-спецпоселенцы старше 16-летнего возраста получили возможность свободно проживать и перемещаться в пределах республик, краев и областей, на территории которых они проживали⁴. К февралю 1955 г. в местах поселений по всему СССР находилось 718608 немцев, как российских, выселенных на спецпоселения в период Великой Отечественной войны, так и репатриантов из Германии, которые были вывезены в Советский Союз для работы уже после войны. В условиях острого дефицита кадров, спецпоселенцы были просто незаменимы на производстве. Начальник Орского строительного управления №8 В. Таранухин в феврале 1955 г. жаловался вышестоящему руководству на отсутствие квалифицированных и политически благонадежных работников, вследствие чего он был вынужден привлекать на руководящие должности «спецконтингент» из числа немцев, не внушающих политического доверия и не имеющих нужной квалификации. Низовой технический персонал строительного управления также состоял в основном из немцев-спецпоселенцев «используемых на технических должностях только потому, что нет лучших кандидатур»⁵.

Осознавая необходимость некоторого послабления отношения к спецпоселенцам, в интересах нормализации отношений между СССР и ФРГ, ЦК КПСС 29 июня 1955 г. принял постановление «О мерах по усилению массово-политической работы среди спецпоселенцев». Предоставление большей свободы для спецпоселенцев, по мнению партийных идеологов, должно было сопровождаться усилением агитационной работы. После визита в сентябре 1955 г. в Москву канцлера ФРГ К. Аденауэра было принято решение об отмене для немцев режима спецпоселения. 13 декабря 1955 г. Президиум Верховного Совета СССР принял указ «О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении», в соответствии с которым немцы-спецпоселенцы снимались с учета и освобождались из под административного надзора (что означало отмену унижительных ежемесячных посещений спецкомендатуры). Однако компенсация утерянного или конфискованного имущества не предусматривалась, немцам было также запрещено возвращаться в места своего прежнего проживания. С немцев даже брали расписки о том, что они не будут требовать возмещения имущества и пытаться вернуться на прежнее места проживания. С юридической же точки зрения, уже сам факт того, что советское руководство допускало возможность возмещения имущества, само по себе свидетельствует о признании своей вины со стороны государства. Уже даже это являлось, по нашему мнению, большим достижением.

В соответствии с директивами из Центра на местах развернулась активная работа с немецким населением. В развитие постановления ЦК КПСС от 29 июня

⁴ «Мобилизовать немцев в рабочие колонны... И. Сталин»; Сб. док. (1940-е годы) / Сост., предисл., коммент. д-ра ист. наук, проф. Н.Ф. Бугая. М.: Готика, 1998. С. 111, 325.

⁵ ЦДНИОО. Ф. 1664. Оп. 9. Д. 141. Л. 8.

1955 г. Оренбургским областным комитетом партии 21 мая 1957 г. было принято постановление «О состоянии и мерах улучшения массово-политической работы среди немцев». К этому времени на территории области, главным образом на территории Александровского, Белозерского, Люксембургского, Покровского и Переволоцкого районов, проживало порядка 12 тыс. немцев. В ходе проведенной проверки была выявлена масса недостатков в организации работы с немецким населением. Система массовой пропаганды в немецких селах практически отсутствовала. Лекции на политические и научные темы читались эпизодически. Лекторы, приезжая из райцентров, выступали в основном в центральных усадьбах колхозов и поэтому охват лекционной работой немецкого населения был крайне незначительным. Местная же интеллигенция, из немцев, к чтению докладов не привлекалась. Даже в таком крупном немецком селе как Кичкас Переволоцкого района, где проживало достаточно много учителей, медицинских работников, специалистов сельского хозяйства, лекторского объединения не было создано и ни один из местных интеллигентов, знающих немецкий язык, не являлся членом общества по распространению политических и научных знаний⁶. Бюро обкома отмечало усиление деятельности «сектантов-меннонитов» «...которые организуют сборища, ведут среди населения по существу антисоветскую работу, призывают немцев не ходить в клубы, кино, на лекции, собрания, не участвовать в общественно-политической жизни. Особое внимание меннониты обращают на привлечение в члены религиозных общин молодежи, детей. В Люксембургском районе меннониты организовали союз молодежи и воскресные религиозные школы для детей, которые противопоставляются комсомольским и пионерским организациям...»⁷.

Для устранения имеющихся недостатков в массово-политической работе, Бюро обкома постановило смелее выдвигать немцев на руководящую советскую и партийную работу, увеличить количество лекций и докладов на естественно-научные и антирелигиозные темы, организовать наглядную агитацию, призывы и лозунги на немецком языке. Отделу народного образования было поручено выяснить возможность перевода обучения детей в немецких школах на немецкий язык. Усиление агитационной деятельности, учет специфики немецкого населения, по-прежнему рассматривалось как одно из действенных средств по искоренению традиционных форм жизнедеятельности и религиозных «пережитков» в немецких колхозах.

Не лучше обстояло дело и с культурно-просветительской работой. Показ кинофильмов в немецких селах происходил не чаще раза в месяц, колхозные клубы зимой отапливались нерегулярно, кружки художественной

⁶ Там же. Ф. 371. Оп. 19. Д. 598. Л. 1–2.

⁷ Из истории оренбургских немцев: Сборник документов. (1817–1974 гг.). Оренбург; Москва: Готика, 2000. С. 241.

самодетельности при них созданы не были, культурные мероприятия практически не проводились. Концертные и театральные бригады из областного центра в немецкие села также не посылались. Фонды библиотек не пополнялись научно-популярной и антирелигиозной литературой.

Особенно обращалось в ходе проверки на состояние работы с молодежью. Комиссия констатировала запущенное состояние комсомольской работы. Так, комсомольская организация колхоза им. К.Маркса Покровского района, насчитывающая в своем составе 30 комсомольцев, в том числе – 12 немцев по национальности, в течение года провела всего четыре собрания. Молодежные вечера в колхозе не проводились, после двух занятий кружок текущей политики распался. В течение года в комсомол было принято только три новых члена и столько же выбыло из комсомольской организации по религиозным убеждениям.

В колхозе им.Буденного Белозерского района (немецкие села Ждановка, Романовка, Федоровка, Николаевка, Каменка) проживало более 500 молодых людей комсомольского возраста, из них в комсомольской организации состояло всего 38 человек. В течение двух лет, предшествовавших проверке, в комсомол был принят только один молодой колхозник, а вышло по религиозным мотивам – четыре. Партийная организация колхоза насчитывала всего 11 человек, в том числе 7 немцев. Столько же членов и кандидатов в члены партии было и в колхозе им. Жданова Александровского района (центр – с.Хортица), из них немцами по национальности были только два человека – председатель колхоза и радиотехник. В колхозе им. Тельмана этого же района (центр – с.Петровка) партийным был только один представитель немецкого населения. Один немец был в числе девяти членов партийной ячейки колхоза им. К.Маркса Покровского района. Также всего один немец числился в партийной ячейке колхоза им. К.Маркса Люксембургского района, состоящей из шести человек⁸.

В Кичкасской средней школе было всего 30 пионеров (из 130 учеников пионерского возраста) и 19 комсомольцев. В Петровской семилетней школе Александровского района ученической комсомольской организации не было вообще. В начальных школах сел Федоровка, Николаевка Белозерского района, с.Канцеровка Александровского района, с.Красиково Люксембургского района и целом ряде других школ пионерских организаций либо не было вообще, либо в них состояло всего 2–5 пионеров. В Ишальской начальной школе Люксембургского района из 26 учеников только 3 были пионерами. В Красииковской школе этого же района пионерами числились 6 учеников из 27. Здесь сказывалось влияние традиций меннонитов, которые отвергали всякие формы взаимодействия с государством. Так, пяти пионерам Преторийской средней школы родители запретили носить красные галстуки. Многих детей

⁸ ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 19. Д. 598. Л. 12, 16, 36–37.

родители не пускали на школьные вечера. Взамен этого, члены меннонитских общин устраивали для детей рождественские елки, в дни религиозных праздников обходили все дворы и делали детям подарки. Отмечалось посещение детьми и религиозных собраний. С одобрением меннониты относились к изучению детьми точных наук: математики, физики, химии, черчения, русского и иностранных языков. Литература и история объявлялись ложными науками. В школах немецких сел отмечался достаточно низкий образовательный уровень педагогических работников. Кроме того, сами учителя нередко были людьми религиозными. Например, учитель Степановской школы Переволоцкого района Нейфельд ушел из школы и стал проповедником. Учитель Сузановской школы Покровского района был замечен на религиозных собраниях меннонитов. И подобные факты не были единичными. За связь с меннонитской общиной был снят с должности и исключен из партии председатель колхоза им.Тельмана Александровского района А.П. Энс⁹.

Несколько лучше обстояли дела с работой с немецким населением в Покровском районе, где в селах колхоза им. К.Маркса (центр – с.Претория) проживало 1252 представителя немецкого населения. 8 из 15 депутатов Преторийского совета были немцами. Один представитель немецкого населения был депутатом районного совета. Еще в октябре 1955 г. районным комитетом партии был рассмотрен вопрос об усилении массово-политической и антирелигиозной пропаганды среди немецкого населения в колхозе им. К.Маркса. Для улучшения кинообслуживания немецкого населения было решено выделить новую киноустановку. Для заведывания Преторийским сельским клубом был подобран опытный культработник. Для чтения лекций, докладов и выступлений с концертными программами были организованы регулярные выезды в с.Претория студентов и преподавателей областной культпросветшколы. С учителями школ, воспитателями детского дома и работниками культпросветучреждений было проведено совещание по вопросам улучшения культурно-массовой и антирелигиозной работы. Летом 1956 г. в селах колхоза им. К. Маркса побывал чкаловский планетарий сотрудниками которого было прочитано 9 лекций.

В результате проверки членами комиссии был сделан вывод о том, что местные партийные органы, довольствуясь относительным благополучием в хозяйстве немецких колхозов, не обращали должного внимания на необходимость проведения политической и культурно-просветительской работы с немецким населением. Все это приводило к сохранению влияния религиозных организаций и меннонитских проповедников на немецкое население¹⁰.

После обсуждения на бюро обкома партии вопроса о политико-массовой работе среди немецкого населения Александровским и Люксембургским рай-

⁹ Там же. Л. 3–5, 16, 20.

¹⁰ Там же. Л. 8–12.

комами КПСС были разработаны планы мероприятий по усилению партийно-комсомольской, агитмассовой, культурно-просветительской и пионерской работы среди немецкого населения на второй квартал 1957 г. В этот период в немецких селах было прочитано 38 лекций на естественно-научные и атеистические темы, проведены 19 сеансов кинофильмов, проведены партийные и комсомольские собрания. После проверки специалистами обкома состояния работы с немецким населением в этих районах было предложено передать под культпросветучреждение здание расформированного детского дома в с.Подольское. При управлении культуры предлагалось организовать двухмесячные курсы руководителей художественной самодеятельности и культпросветработников из клубных учреждений немецких колхозов. В связи с тем, что ученики первых классов плохо владели русским языком предлагалось открыть при школах подготовительные классы, или укомплектовать детские сады соответствующими сотрудниками, которые прививали бы детям навыки разговорной речи на русском языке. Поднимался и вопрос о подготовке учительских кадров из немцев, которые могли бы общаться с учениками на родном для них языке. Для этого предлагалось принимать их в педагогический институт и педучилища вне конкурса¹¹.

Люксембургский райком партии предлагал направлять пропагандистские кадры непосредственно из немецкого населения на краткосрочные пропагандистские курсы, курсы подготовки руководителей музыкальных и технических кружков, а также в культпросветшколы области. В немецких колхозах предлагалось ввести штатную единицу секретаря партийной организации. Кроме того, планировалось улучшить снабжение немецких сел строительными материалами для строительства клубов, красных уголков и школ. Кабинеты партийного просвещения и отделения общества по распространению политических и научных знаний предполагалось снабдить дополнительной антирелигиозной литературой по меннонитскому течению. В дополнение к этому районная партийная организация просила чаще направлять в немецкие села областные театральные коллективы, концертные бригады, передвижные цирки.

В районы области с немецким населением было решено направить пропгруппы обкома партии для оказания помощи местным органам в организации массово-политической работы с немцами. В состав пропагандистских групп вошли работники обкома КПСС и ВЛКСМ, облоно, управления культуры, лекторы областного планетария, общества по распространению научных и политических знаний. Каждая пропгруппа имела кинопередвижку. С 12 по 30 июня 1957 г. она работала в Белозерском, Переволоцком, Покровском, Александровском, Соль-Илецком и Люксембургском районах. В немецких колхозах членами групп проводились совещания и семинары с агитаторами,

¹¹ Там же. Л. 37–38.

комсомольские собрания, было прочитано 79 лекций, в том числе 65 на научно-естественные темы, 8 – о международном положении, 4 – на молодежные темы и 2 – на сельскохозяйственные темы, было продемонстрировано 58 сеансов документальных и художественных кинофильмов.

Местным органам было рекомендовано обустроить в немецких селах спортивные площадки и стадионы, открыть колхозные и межколхозные пионерские лагеря¹².

Александровский райком пересмотрел состав агитаторов, в немецких селах, подобрав 10 человек, немцев по национальности, которые могли вести разъяснительную работу с населением на их родном языке. Руководителем агитколлектива был утвержден также немец – Рампель, который прошел в 1957 г. обучение на областных курсах пропагандистов. Лучших политически грамотных производственников – немцев, направил в агитколлективы Люксембургский райком. В этом же районе на должность второго секретаря райкома ВЛКСМ был избран активист из немцев – Нейфельд. В Люксембургской МТС был проведен семинар секретарей партийных организаций, председателей сельских советов по вопросам организации политической и культурно-просветительской работы среди немецкого населения. В этом же районе был организован трехдневный семинар для заведующих клубами, избами-читальнями и библиотеками немецких сел. В поселке Сузаново Покровского района была открыта библиотека, насчитывающая около 150 читателей. Для Преторийского клуба был приобретен баян и 10 пар лыж¹³.

Более благополучной с точки зрения культурно-массовой и пропагандистской работы среди немецкого населения была в Соль-Илецком районе. Здесь немцы трудились на сольруднике, кирпичном заводе, Перовской МТС, втором отделении совхоза «Маяк», колхозах «Прогресс» и «Аще-Бутак», в первой полеводческой бригаде колхоза им. Калинина.

В частности, из 559 рабочих сольрудника 159 человек были немцами по национальности. По свидетельству руководства рудника все они выполняли и перевыполняли нормы выработки. Например, бурильщик Берг выполнял норму на 124%, проходчик Гунн – на 127%, машинист Реш – на 124%. Немецкие рабочие были активными рационализаторами. По предложению рабочих Класена и Рейнера на сольруднике была внедрена система многопоточной подачи соли.

Культурно-массовая работа на сольруднике также была налажена. При клубе были организованы драматический, хоровой и музыкальный кружки, в которых занималось около 80 человек, в основном из немецкой молодежи.

Многие немцы занимали руководящие должности. В Перовской МТС 7 из 9 тракторных бригад возглавляли бригадиры немцы. Немец Вингердт возглавлял

¹² Там же. Л. 40, 44, 48.

¹³ Там же. Там же. Л. 62.

Соль-Илецкий механический завод, директором Красномаякской средней школы был также немец – Гильдебрант. Во всех немецких колхозах района действовали партийные и комсомольские организации. В течение 1956 и 1957 годов в партийные организации района было принято 18 немцев¹⁴.

Таким образом, можно констатировать, что только к концу 1950-х годов, во многом благодаря внешнеполитическим факторам, правовое положение немецкого населения было несколько выровнено, а советское и партийное руководство как в Центре, так и на местах, обратило самое пристальное внимание на необходимость активной пропагандистской работы с советскими немцами. Но до конца проблема в этот период так и не была решена, так как сохранялись ограничения в свободе передвижения для немецкого населения.

Лишь только Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 августа 1964 г. «О внесении изменений в Указ Президиума ВС СССР от 28 августа 1941 г. "О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья"» были частично отменены обвинения в пособничестве, а насильственное переселение немцев признавалось необоснованным. Однако вернуться в места, где немцы проживали до депортации или мобилизации позволено снова не было. Это мотивировалось тем, что немецкое население «...благодаря большой помощи Коммунистической партии и Советского государства» укоренилось по новому месту жительства. Республиканским органам власти предлагалось и впредь оказывать помощь и содействие немецкому населению в хозяйственном и культурном строительстве с учетом его национальных особенностей и интересов¹⁵. Ограничения в выборе места жительства были сняты только в 1972 г. ЦК КПСС 26 октября 1972 г. было принято постановление «Об отдельных категориях граждан, переселенных в прошлом из мест их проживания в другие районы СССР».

Вслед за этим документом, в 1974 г. было принято еще одно постановление ЦК КПСС «О мерах по улучшению работы среди граждан СССР немецкой национальности». В исполнение этого акта бюро Оренбургского обкома партии 23 июля 1974 г. приняло собственное постановление о выполнении решений ЦК партии в районах Оренбургской области с немецким населением. По итогам отчетов из городов и районов области можно сделать определенные выводы о положении немецкого населения в области.

В Александровском районе, в колхозах им.Жданова и «Прогресс» имелось семь населенных пунктов, в которых проживало 4630 граждан немецкой национальности. В их числе было 98 коммунистов и 415 комсомольцев.

¹⁴ Там же. Л. 58–60.

¹⁵ Бруль В. Сравнительный анализ причин и последствий депортаций российских немцев, поляков, калмыков, литовцев, эстонцев, латышей в Сибирь (1935–1965 гг.) // Немцы России в контексте отечественной истории: общие проблемы и региональные особенности. М.: Готика, 1999. С. 341.

Районные власти рапортовали о своей активной работе по привлечению лиц немецкой национальности в общественно-политическую, хозяйственную и культурную жизнь, выдвижению на руководящую работу. Немцами по национальности было 4 секретаря партийных организаций, инструктор райкома партии, 2 председателя исполкомов сельских советов, первый секретарь райкома ВЛКСМ, заведующий сельскохозяйственным отделом районной газеты «Звезда», председатель колхоза, 3 директора средних и 2 – восьмилетних школ, депутат областного совета, 7 депутатов районных и 45 – сельских советов. В школах немецких сел работало 128 учителей, 43 из них имели высшее образование. Немецкий язык преподавало 12 учителей, в том числе 8 – с высшим образованием. В вечерних и заочных школах сельской молодежи занималось 212 человек. Около 500 человек в немецких селах участвовало в художественной самодеятельности. Активно внедрялись новые обряды и традиции. Из 95 зарегистрированных в немецких селах в 1974 г. рождений детей, 48 произошли в торжественной обстановке. Также торжественно в сельсоветах отметили 24 из 37 бракосочетаний. Райком партии поставил перед собой задачу изучения социальных процессов среди немецкого населения района, улучшения работы по культурному развитию, интернациональному, патриотическому и атеистическому воспитанию советских немцев с учетом их традиций и интересов¹⁶.

В Беляевском районе, в основном в селах Старицкое, Блюменталь, Андреевка, Ключевка, входящих в колхоз им. Р. Люксембург, а также в с.Цветочное и на центральной усадьбе совхоза «Буртинский» проживало 1995 немцев. Местными властями отмечался рост численности немцев в составе партийных организаций, советских органов, на руководящих должностях. К 1974 г. в районной партийной организации числилось 72 члена немецкой национальности. Все управляющие отделениями колхоза им. Р. Люксембург и 10 бригадиров и специалистов этого колхоза были немцами. В совхозе «Буртинский» на руководящие должности были выдвинуты 6 немцев. В составе депутатов райсовета было 4 немца, и еще 21 представитель немецкого населения был депутатом сельских советов. В школах района работало 37 учителей немецкой национальности.

Только в 1973 г. государственными орденами и медалями было награждено 20 немцев, проживающих в Красногвардейском районе. В областной совет входили 2 представителя немецкого населения, проживающего в Красногвардейском районе, еще 16 депутатов входило в районные и 56 – в сельские советы. Главными специалистами колхозов и совхозов района работали 15 человек. 48 немцев являлись пропагандистами, агитаторами и политинформаторами¹⁷.

¹⁶ ЦДНИОО. Ф371. Оп. 48. Д. 100. Л. 5–7.

¹⁷ Там же. Л. 9–11, 21.

В Адамовском районе, в селах совхозов «Аниховский», «Комсомольский» и им. В.М. Комарова проживало 1544 немца. Среди них было 27 коммунистов и 163 комсомольца. В составе районного совета депутатов было 3 представителя немецкого населения. Еще 16 немцев были избраны в составы сельских и поселковых советов. Представлены были немцы и среди руководителей. Должность заведующего культотделом при райисполкоме занимал Г.Г. Клипенштейн. П.Я. Нейгум был заместителем директора по учебной работе Кумакской школы. Еще один немец, Г.Г. Гауф был председателем районного комитета общества «Красного креста и красного полумесяца». За период с 1971 по 1973 гг. шесть граждан немецкой национальности были награждены советскими орденами и медалями.

В Акбулакском районе немецкое население проживало в совхозе «Заря» и колхозе им. Ворошилова. 8 августа 1974 г. на заседании райкома партии был разработан план мероприятий по усилению работы с немецким населением. В районной партийной организации числилось 60 коммунистов и 160 комсомольцев немецкой национальности. 24 немца было избрано депутатами районного и сельских советов, 30 – выдвинуто на руководящие должности, 2 – избрано секретарями партийных организаций, 3 представителя немецкого населения были членами и кандидатами в члены райкома партии, и еще 5 – членами райкома ВЛКСМ.

В г. Бугуруслане и районе проживало 1252 советских немца. В их числе более 40 инженерно-технических работников и 30 работников народного образования, здравоохранения и культуры. В партийной и комсомольской организациях состояло на учете 58 коммунистов и 242 комсомольца немецкой национальности. В ходе отчетно-выборной кампании в состав парткомов и партбюро было избрано 14 представителей немецкого населения, еще 12 немцев были избраны секретарями цеховых партийных организаций и группаторгами, более 30 человек – в состав комсомольских комитетов, при этом 7 из них возглавили эти комитеты¹⁸.

В Гайском районе проживало 649 граждан немецкой национальности. Из них 33 человека являлись членами партии, 6 избраны депутатами районного, сельских и поселковых советов. Многие немцы занимали видные руководящие должности. Так, Э.М. Баймлер работал инструктором райкома партии, Р.А. Генкель – заведующим районным отделом образования, Г.А. Гюнтер – директором средней школы г. Гая, Э.К. Бальке – начальником передвижной мехколонны треста «Южуралтяжтрест».

В г. Новотроицке проживало всего 493 немца, при этом руководящие должности на предприятиях, в учреждениях и учебных заведениях занимали более 50 человек.

На территории Кваркенского района проживало 400 представителей немецкого населения. Среди них было 22 члена партии и 56 комсомольцев.

¹⁸ Там же. Л. 3–4, 13.

Депутатами районного, сельских и поселковых советов было избрано 8 немцев.

Рабочие немецкой национальности в Октябрьском районе г. Орска работали в основной своей массе на 3 промышленных предприятиях: в тресте «Орскпромстрой», на заводе им. Чкалова и в СУС-6 Центроспецстроя.

На заводе им. Чкалова работали 236 рабочих немецкой национальности, причем 80% из них трудилось в тарном цехе, возглавляемом депутатом горсовета К.К. Реклингом. В составы партийных бюро цехов были избраны 4 представителя немецких рабочих, в состав заводского и цеховых комитетов профсоюзов были избраны еще 20 немцев, 8 человек были избраны профгруппами, в выборные комсомольские организации были избраны 9 немцев.

В тресте «Орскпромстрой» им. 50-летия СССР трудилось 350 немецких рабочих, из них 50 человек являлись членами партии и 90 – членами ВЛКСМ, 10 – пропагандистами сети партийного просвещения, 45 – политинформаторами и агитаторами, 60 – активистами добровольных народных дружин. Кроме того, один немец входил в профком треста и два являлись председателями построечных комитетов.

В СУС-6 Центроспецстроя работало всего 32 немца, при этом 4 из них на должностях главных специалистов, 2 – пропагандистов, 13 – в комиссиях при постройкоме. Среди немецких специалистов, работающих в СУС-6 был депутат райсовета, секретарь комсомольской организации и руководитель школы экономики и управления.

Однако руководством Октябрьского района г.Орска отмечалось и сохранение некоторых пережитков, и прежде всего причастность некоторых немецких рабочих и пенсионеров к религиозным сектам. Так, рабочий тарного цеха завода им. Чкалова Г.И. Петерс возглавлял нелегально действующую религиозную организацию, в состав которой входило 64 человека (40 из них – пенсионеры). После того, как рабочим завода было предложено подписаться на периодические издания из ГДР, только 3 человека оформили подписки. Тем не менее, руководство завода решило не игнорировать интересы немецких рабочих и организовало в библиотеке выставку литературы из ГДР. Библиотекой им. Горького было закуплено полное собрание сочинений К.Маркса и Ф.Энгельса на немецком языке.

В школах города были созданы клубы интернациональной дружбы, проводились вечера на немецком языке. Активно немецкое население участвовало в работе кружков художественной самодеятельности.

На районном партийном собрании коммунистов – учителей были даны рекомендации учителям по общественным дисциплинам приводить примеры самоотверженного труда в первые годы пятилетки представителей всех национальностей, называть лиц немецкой национальности, награжденных правительственными наградами, воспитывать интернациональные чувства у учащихся. При комплектовании состава слушателей вечернего университета

марксизма-ленинизма, были привлечены и представители немецкого населения города¹⁹.

В г. Оренбурге проживало 1640 советских немцев. В состав городского и районных советов было избрано 8 депутатов немецкой национальности. Среди них депутаты горсовета В.Ф. Штейнбек, М.В. Крекер, Р.С. Штейнке и другие. 37 жителей города немецкой национальности являлись руководителями промышленных предприятий, главными специалистами, начальниками отделов, смен, мастерами, бригадирами. Например, главный инженер управления строительства «Оренбургэнергострой» Ю.Ф.Келлер, начальник мехколонны №121 Р.Н. Шауфлер, главный механик завода РТИ Г.Г. Фризен, генеральный директор Оренбургской фирмы «Радиатор», главный инженер треста «Оренбургспецстрой» И.П. Эверст, преподаватель педагогического училища № 1 В.Д. Моор. 18 представителей немецкого населения являлись пропагандистами сети партийного и экономического образования, 36 работали политинформаторами, агитаторами, более 100 немцев участвовали в художественной самодеятельности. На городскую доску почета была помещена фотография лучшего пропагандиста города Г.Г. Фризена. Руководитель народного вокально-инструментального ансамбля А.И. Кайзер был удостоен звания «Заслуженный деятель культуры РСФСР».

В городской партийной организации числилось 85 немцев, более 800 человек – в комсомольской организации города. Многотиражные и стенные газеты, местное радиовещание, освещали на своих страницах и в передачах различные аспекты участия советских немцев в общественной жизни, промышленном строительстве, постоянно публиковались материалы о крепнущей дружбе народов.

Особое внимание уделялось воспитанию интернационализма в детской и молодежной среде. В школах, ГПТУ и других учебных заведениях города работало более 90 клубов интернациональной дружбы. Городскими районными отделениями общества «Знание» были разработаны тематики лекций по интернационалистскому, патриотическому и атеистическому воспитанию. Только в 1974 г. на эти темы было прочитано более 8 тыс. лекций. В библиотеках города были составлены списки литературы, рекомендованной для чтения по вопросам национальной политики и межнациональных отношений²⁰.

Таким образом, немецкое население было объектом особого внимания советских и партийных органов. Столь пристальное внимание к советским немцам в послевоенные десятилетия во многом было обусловлено внешнеполитическим фактором, стремлением нормализовать отношения между СССР и ФРГ. Несомненно, также и то, что активное вовлечение немецкого населения в советское и партийное строительство, развитие системы

¹⁹ Там же. Л. 39–42.

²⁰ Там же. Л. 39–42.

культурно-массовой работы в местах компактного проживания немцев было обусловлено стремлением нивелировать последствия репрессивной политики государства в военные и послевоенные годы. Советское руководство признавало факт того, что подвергшиеся репрессиям народы в силу своего неполноценного политико-правового статуса были искусственно выведены из гражданской общности «советский народ» и неременным условием возвращения их в единый советский социум являлось усиление пропагандистской и культурно-массовой работы. О результативности этой работы, в некоторой степени свидетельствует тот факт, что в конце 1980-х – начале 1990-х годов из 47,5 тыс. немцев, проживающих на территории области около 40 тыс. предпочли переехать на свою историческую родину.

Их второй родиной стало Оренбуржье (к 70-летию депортации российских немцев)

Тема депортации российских немцев широко заявила о себе в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. и постепенно переходила от «публикации документов статистического характера» в трудах исследователя В.Н. Земскова²¹ к изучению «законодательно-распорядительной документации центральных органов власти»²² Н.Ф. Бугаем, П.М. Поляном, А.А. Германом и др.²³. Собранный материал стал базой диссертационных исследований Л.А. Бургарт, А.А. Шадт, В.Н. Земскова, Т.В. Мухортовой, Е.Л. Зберовской, Н.А. Абуова, О.В. Скучаевой²⁴. М.Ю. Привалова изучила судьбу особой группы депортированных граждан – немцев-репатриантов, насильственно угнанных в Польшу и Германию в годы Второй мировой войны, и возвращенных в СССР по решению советского правительства²⁵. Эта тема дополнялась мемуарами Г. Вольтера, В.Э. Гергерта, В.Г. Фукса, В.И. Бруля и др.²⁶ Н.Э. Вашка из Волгограда собрала воспоминания старшего поколения и выпустила их в 2007 г. отдельной книгой «Сарепта. Страницы истории российских немцев».

Организаторами изменения места жительства миллионов людей широко использовался опыт депортации немецкого населения из северо-западных губерний царской России на восток в Первую мировую войну, применения дешевого труда на оборонные нужды первого в мире советского государства

²¹ *Вашка Н.Э.* Сарепта. Страницы истории российских немцев. Волгоград, 2006. С. 5.

²² Там же. С. 6.

²³ *Бугай Н.Ф.* К вопросу о депортации народов СССР в 30–50-е годы // История СССР. 1989. № 6; *Полян П.М.* География принудительных миграций в СССР: Дис. ... докт. геогр. наук. М., 1998. *Герман А.А.* Репатриация граждан СССР немецкой национальности и отправка их на спецпоселение (1944–1946 гг.) // Военно-исторические исследования в Поволжье. Выпуск 4. Саратов, 2000.

²⁴ *Бургарт Л.А.* Немцы в Восточном Казахстане в 1941–1956 гг.: Депортация и жизнь в условиях спецпоселения. Усть-Каменогорск, 1997; *Шадт А.А.* Спецпоселение немцев в Сибири (1941–1955): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2000; *В.Н. Земсков В.* Спецпоселенцы в СССР (1930–1960-е гг.): автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 2005; *Мухортова Т.В.* Депортация и восстановление гражданских прав российских немцев: 1941–1955 гг. (на примере Нижнего Поволжья и Северного Кавказа). Пятигорск, 2006; *Зберовская Е.Л.* Спецпоселенцы в Красноярском крае (1940–1950 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук, Красноярск, 2006; *Абуов Н.А.* Депортации народов в Казахстан в 1936–1957 гг. (на материалах Северо-Казахстанской и Кокчетавской областей): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Караганда, 2008; *Скучаева О.Е.* Немецкий вопрос в Поволжье (1941–1993 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2008.

²⁵ *Привалова М.Ю.* Советские немцы-репатрианты в национальной политике СССР в 1940-е – 1970-е гг.: автореф. ... дис. канд. ист. наук. Саратов, 2008.

²⁶ *Вольтер Г.* Зона полного покоя. М., 1991; *Гергерт В.Э.* Мечта и грешная земля. Пермь, 1994; *Бруль В.И.* Немцы Западной Сибири. Топчиха, 1995. Ч.2.

и привлечения органов пропаганды в целях беспрекословного послушания и выполнения правительственных решений.

Первыми, испытавшими на себе выселение по постановлению Совета по эвакуации СЭ-75с от 15 августа 1941 г., были 60 тыс. немцев из Крыма¹. Эвакуация «прошла поспешно и непродуманно», вызвала крайнее недовольство у городских жителей, у которых через 2–3 дня дороги кончились запасы продуктов, и составлявшие большинство из переселенцев.

70 лет отделяют современное поколение немцев Поволжья от 28 августа 1941 г., когда третий месяц полыхала война. Этот день вошел в историю как «черный день календаря»², тогда началась небывалая в истории депортация целого народа. Республика немцев Поволжья прекратила существование 7 сентября 1941 г.³

Третья волна захватила г. Ленинград и Ленинградскую область в конце августа, в сентябре вышли Постановления о выселении немецких граждан из Краснодарского края, Запорожской и Воронежской областей, из республик Кавказа⁴.

Трудовое население тогда не знало, что «уже 30 июня 1941 г. при СНК СССР был образован Комитет по труду и распределению рабочей силы» в условиях военного времени, что «23 июля 1941 г. вышло постановление «О предоставлении Совнаркомом Республик и край(обл)исполкомам права переводить рабочих и служащих на другую работу»⁵, тогда продумывались места выселения – Казахская ССР, Красноярский край, Новосибирская и Омская области, Алтайский край⁶.

В Чкаловской (Оренбургской) области по «переписи 1939 г. проживало 18 594 немца»⁷, которых предстояло «переселить с 20 сентября по 10 октября 1941 г.»⁸. Оренбургские немцы, освоившие губернию до 1917 г., не подверглись депортации, поскольку область считалась местом ссылки этого народа из других регионов СССР и местом размещения контингента «трудовой армии». Из немецких граждан были созданы рабочие колонны и отправлены на промышленные объекты области и за пределы Южного

¹ Герман А.А., Иларионова Т.С., Плевне И.Р. История немцев России. М., 2005. С.432.

² Ауман В.А., Чеботарева В.Г. История российских немцев в документах (1763–1992 гг.). Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941. Москва, 1993. С. 159.

³ Там же. С. 163.

⁴ Там же. Постановления Государственного Комитета Обороны. С. 160, 164–165, 167–168.

⁵ Моргунов К.А. Трудмобилизованные из республик Средней Азии на предприятиях и стройках Южного Урала (1941–1944) // Великий подвиг советского народа в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.): материалы Междунар. науч. конф., г. Оренбург, 20 апр. 2010 г. Оренбург, 2010. С. 229

⁶ Ауман В.А., Чеботарева В.Г. Там же. С. 160.

⁷ Тюлюлюкин Е.Ф. Российские немцы в истории Оренбуржья (конец XIX–XX вв.). Оренбург, 2006. С. 134.

⁸ Там же. С. 141.

Урала. При распределении мест переселения и промышленных объектов для трудмобилизованных учитывалось пограничное положение Чкаловской области с Казахстаном, основным центром размещения депортируемых из западных областей СССР и Поволжья. Разными путями попадали переселенцы в Чкаловскую область – из Ленинграда и Ленинградской области, Крыма, Украины, Белоруссии, Поволжья, репатрианты 1945 г. из Польши и Германии.

Целью публикации является изложение воспоминаний жителей Оренбуржья на основе комментариев происходившего и намерение донести их до современного поколения людей, родившихся и живущих в условиях мира и толерантности. Воспоминания не имеют «оценки собственной роли в истории страны», являются личными и субъективными, «недоступными для использования и изучения», но «ценными с точки зрения воспроизведения деталей» минувших событий. Так отмечает значимость воспоминаний Н.Э. Вашкау из Волгограда⁹. Подтверждением тому служат приводимые ниже воспоминания ленинградцев В.В. Дорофеева и С.Ф. Штольц.

1. Почетный гражданин г. Оренбурга, участник блокады Ленинграда, известный краевед и в недалеком прошлом доцент педагогического университета, преподаватель английского языка Виктор Васильевич Дорофеев родился в городе на Неве в 1927 г. Отец был русским, а мать – немкой. Его в возрасте 14 лет вместе с матерью и бабушкой весной 1942 г. выслали в Йошкар-Олу, но из-за бомбежек состав направили в Сибирь. Прибыв в г. Свердловск в начале лета 1942 г., они добились разрешения ехать в г. Чкалов к родственникам Берблингер по линии бабушки, но через год НКВД изменило вид на жительство. Они переселились в райцентр Сакмарск Чкаловского района, там умерли бабушка Гедвига Адольфовна Зоргенфрей и мать Нора Оттовна Дорофеева¹⁰. В.В. Дорофеев прожил всю жизнь в Оренбурге, стал его Почетным гражданином, увлекается краеведением и рисованием.

2. Предки Софьи Федоровны Штольц (Шафф) выходцы из германского мелкого княжества еще при Екатерине II поселились под Санкт-Петербургом, где их одно поколение сменялось другим. В 1941 г. муж ушел на фронт, оставив жену с двумя сыновьями, старшего двух лет и двухмесячного младшего в окружении родителей с обеих сторон. Они пережили кое-как блокадную зиму г. Ленинграда 1941–1942 г., когда ежедневно выдавалось по карточкам 125 г. хлеба на иждивенца и 30 г. крупы на десять дней. С наступлением марта 1942 г. граждан СССР немецкой национальности начали «добровольно-принудительно» выселять из города и вывозить по Ладожскому озеру на «большую землю». Когда ехали по замершей Ладоге, попали под бомбежку,

⁹ *Вашкау Н.Э.* Там же. С. 11

¹⁰ *Бахарева О.Я.* Уроженец Питера – почетный гражданин Оренбурга, доцент, педагог, краевед В.В. Дорофеев // Немцы Санкт-Петербурга: наука, культура, образование. СПб., 2005. С. 533–542.

видели, как впереди идущая машина ушла под лед вместе с людьми. На берегу их пересадили в ожидавшие товарные вагоны, отобрали паспорта и куда-то везли около двух недель. Умерших людей не хоронили и не переносили в морг, которого не было в эшелоне, а во время остановок выбрасывали на снег. Так они приехали в г. Канск Красноярской области, потом пешим ходом добрались до сельской школы и по 20 семей разместились по классам. Вскоре их расселили по три семьи на одну квартиру. Соня с двумя детьми, родителями, братом и сестрой начали обживать на новом месте. Она устроилась работать санитаркой в госпиталь. Вскоре от гангрены умерла бабушка, потом младший сын. В декабре 1942 г. мужа-немца отозвали с фронта и отправили в Челябинск на угольную шахту, где он умер в марте 1943 г. Соню с матерью мобилизовали в шахтерский город Кемерово в октябре 1943 г. Четырехлетнего сына Виктора отправили в детдом. Женщины-углекопы жили в бывшем свинарнике, переоборудованном под рабочий барак. Больше года она ничего не знала о сыне. По разрешению начальника зоны ее матери удалось узнать адрес детдома внука, получить разрешение на выезд и забрать мальчика в Кемерово. Сын в детдоме не доедал, бродил по помойкам в поисках еды полураздетым, без обуви, в итоге заболел рахитом. Обе женщины окружили мальчугана заботой и душевным теплом, кормили досыта, отрывая еду от себя, а затем устроили в детский сад. Так встретили долгожданный день Победы. Отец Сони с родной сестрой попали в г. Бугуруслан Чкаловской области и остались там жить после войны. Они отыскивали мать и дочь с сыном, добились разрешения на переезд в Бугуруслан. Через год получили паспорта. Сын Владимир от второго брака перевез Софью Федоровну в Оренбург, первый сын Виктор умер в 62 года после травмы, полученной во время автомобильной аварии.

Хотелось бы дать краткий комментарий по поводу положения этнических немцев-военнослужащих в Красной Армии после начала войны. В изъятии немцев-мужчин из армейских рядов можно условно выделить три волны: 1. с 30 июня по 7 сентября 1941 г. на основании директивы № 002367 от 30 июня 1941 г.; 2. с 8 сентября и до конца 1941 г. на основании директивы Наркома Обороны СССР № 3510 с от 8 сентября 1941 г. ; с января 1942 г. по май 1945 г. Отозванных мужчин ссылали в трудармию¹¹.

На территории Чкаловской области зоны мобилизованных немцев размещались в Чкалове, Орске, Бугуруслане, Соль-Илецке, п. Светлом и с. Домбаровка Домбаровского района. В 1941 г. в Бугуруслан, где находился центр по добыче нефти, эвакуировали крупнейший на Кавказе «Азнефтегазстрой», работали тресты «Бугурусланнефть», «Кинельнефть», «Куйбышевнефестрой» Куйбышевского нефтекомбината, которые располагались на территории Бугурусланского района Чкаловской области и Похвистневского района

¹¹ Герман А.А., Иларионова Т.С., Плева И.Р. С. 429.

Куйбышевской области¹². Усиленными темпами шло строительство газопровода Бугуруслан – Куйбышев.

3. Рассказ С.Ф. Штольц дополняют воспоминания Александра Геринга, 1937 г. рождения в с. Бауэр Республики немцев Поволжья. В 1942 г. семью депортировали в с. Шалоболдино Курагинского района Красноярского края на лесоповал и лесозаготовки. От невыносимых условий там умерли все члены семьи за исключением трех несовершеннолетних детей. Отца Андрея Ивановича Геринга отделили от семьи и отправили в трудовую армию Бугуруслана. Узнав о смерти родных, он выхлопотал разрешение на поездку в Сибирь и привез оттуда трех своих детей и двух детей брата, сначала они жили в землянке, потом в бараке. В 1955 г. А.А. Геринг уехал из Бугуруслана, но через 40 лет, пенсионером вернулся в город детства и юности¹³.

Судьба трех следующих корреспондентов связана с Челябинской областью. Необходимо пояснить, что во время войны первое место в топливно-энергетическом комплексе страны занимали угольная, металлургическая и нефтяная промышленность. На Южном Урале это были Башкирская АССР, Молотовская (Пермская) и Челябинская области, в Западной Сибири г. Кемерово и в Казахстане г. Караганда. Предприятия комплекса подчинялись Наркомуглю, Наркомчермету и Наркомнефти, но с началом войны только Наркомату внутренних дел, который имел неограниченную власть и силу. Строительство Бакальского (Челябинского) металлургического завода было принято постановлением СНК и ЦК ВКП(б) в августе 1940 г.¹⁴ За десять дней до начала войны 12 июня стройка была прекращена, но 16 августа она перешла в разряд ударных и в декабре ее передали Управлению особого строительства НКВД СССР на подрядных началах с Наркомчерметом¹⁵. Гигант «Челябметаллургстрой» (ЧМС) включал основную стройплощадку в районе пос. Першино со строящимися объектами «Жилстрой», «Тэцстрой», «Доменстрой», кирпичный завод в пос. Потанино, лесозаготовительные участки в Верхнем Уфалее, Тургоякский известковый карьер и др. объекты, а также шахты 1 и 3 в Копейске, Коркино, подсобные хозяйства «Каштах», «Баландино», «Потанино»¹⁶. В начале 1942 г. здесь трудилось 16 отрядов трудмобилизованных, примерно 100 тыс. человек. «В 4-м квартале 1942 г. приказом Берия планировалось ввести в строй 5 электросталеплавильных печей, 2 прокатных стана №800 и №350, во 2 квартале 1943 г. – запустить №1 и №2 доменные печи»¹⁷.

¹² Тюлюлюкин Е.Ф. С. 147.

¹³ Блинова О.Э., Мусс Н.Н. Мы – дети войны // *Orenburger Zeitung*, 2004. №6 (105). С. 3.

¹⁴ Турова Е.П. Российские немцы на строительстве металлургического завода // *Русские и немцы: от противостояния к взаимодействию: материалы научно-практического семинара «Проблемы историографии и источниковедения истории российских немцев»*. Волгоград, 2007. Выпуск 6. С. 183.

¹⁵ Вольтер Г.А. М., 1991. С. 4.

¹⁶ Турова Е.П. Российские немцы на строительстве металлургического завода... С. 185.

¹⁷ Блянк Р. Дело № 299 // *Neues Leben*, 1997. № 32. 28 августа.

На строительство ЧМС дороги депортации привели Н. Сайдлера из Крыма, Лидию Шмаудэр из Ставропольского края, главу семьи Гейнца из Поволжья, чьи внуки сегодня носят фамилию Лозе.

4. Родители Владимира Николаевича Сайдлера жили до войны в Крыму, в г. Симферополе. В середине августа 1941 г. мать с двумя детьми, родившимися в 1938 г. и 1939 г., эвакуировали в г. Петропавловск (Казахстан). Отца мобилизовали в трудовую армию и вывезли в Челябинскую область на строительство завода, где он умер в конце войны. Матери удалось вернуться на малую родину – в село Малый Мамалык (Крым) после Победы в 1945 г.. Женщина с детьми на удивление всем сумела завести небольшое личное хозяйство, но оно вызвало недовольство у соседей, которые были крымскими татарами. Они разграбили имущество этой мужественной женщины, отобрали дом с хозяйством и вынудили немецкую семью покинуть крымскую землю. В конце 1946 г. семья переехала в Оренбургскую область и поселились в совхозе «Магнитострой» Ташлинского района.

5. Семья Гульды и Готлиба Шуманских до 1942 г. жила в белорусском колхозе Гигант Гомельской области, когда фашисты эвакуировали мать с дочерьми в Германию. Их старшего сына Романа Шуманского, рожденного в 1911 г., призвали в ряды Красной Армии и отправили на фронт, но вскоре его отозвали из Армии и направили в трудовую армию в Казахстан. Когда там открылись лагеря для немецких военнопленных, его обязали работать с ними в качестве переводчика. При замене документов в паспортном столе г. Актюбинска допустили грубейшую ошибку в записи фамилии, он стал Романом Шиманом. Свою будущую спутницу жизни Лидию встретил в г. Актюбинске. Семья Лидии, урожденной Шмаудэр, вынесла депортацию из Ставрополя в Челябинскую область в г. Коркино. Ее родная сестра Мария Эммануиловна с мужем и детьми осталась жить после 1946 г. на Южном Урале. Сама Лидия Эммануиловна Шмаудэр родилась в 1921 г. в селе Ротэ Фанэ Ипатьевского района Ставропольского края. После ликвидации трудармии переехала в Актюбинск, где вышла замуж за Романа Шиман, в 1954 г. родила дочь, которой дала имя – Лидия. Муж В.Г. Васильев перевез жену Лидию Романовну Шиман в село Сагарчин Акбулакского района Оренбургской области, где Л.Р. Васильева (Шиман) работала учителем технологии в средней школе до выхода на пенсию.

6. Родиной старинного крестьянского рода Лозе является земля Нижняя Саксония в Германии, откуда предки переехали в Россию по манифесту 1763 г. В Поволжье они жили в селе Боаро Саратовской губернии, занимались хлебопашеством, держали крупный рогатый скот. Семейство состояло из 25 человек, поскольку сыновья приводили жен в дом отца и совместно вели большое хозяйство при умелом распределении домашних обязанностей. После революции их материальное положение ухудшилось, а раскулачивание окончательно развалило эту крепкую зажиточную семью. Родителей с малолетними детьми сослали в Сибирь. В Боаро остались дальние бедные

родственники, но после 28 августа 1941 г. их сорвали с насиженных мест. Отца вернули из действующей армии и отправили сначала в шахты Кемеровской области, но в 1944 г. переправили в г. Копейск Челябинской области. Его жена с дочерью трудились на лесоповале в г. Ухта Коми АССР, сын попал на медные рудники в г. Джезказган (Казахстан). В военные годы там шло строительство Южно-Уральской железной дороги и работал горнорудный комбинат по переработке железных и марганцевых руд, руд цветных металлов, в Актобинске функционировал комбинат по переработке хромитов, никель-кобальтовой руды и фосфоритов. Только в 1946 г. семья вновь воссоединилась, потеряв младшего сына. По женской линии потеря в годы войны было значительно больше. Места ссылки были теми же – Восточный Казахстан и шахты Копейска. Этот город в 1946 г. соединил семью, инициатором поисков был отец. Там дочь Ида вышла замуж за сосланного немца, как и они. До 1956 г. семья отмечалась в местной комендатуре сначала один раз в неделю, потом раз в месяц. Когда разрешили возвращаться в родное Поволжье, они остались в Копейске, т.к. на прежней малой родине не осталось ни дома, ни родственников, ни знакомых. У отца после трудармии начались серьезные проблемы со здоровьем, и они переехали на жительство в Киргизию. Дочь, урожденная Гейнце, вышла замуж за парня по фамилии Лозе. В настоящее время семья проживает в селе Рыбкино Новосергиевского района. С историей своего рода познакомила Ольга Лозе, которая в 2010 г. окончила исторический факультет Оренбургского педагогического университета.

Труд женщин-немок часто использовался на лесоповалах и лесозаготовках в Архангельской, Горьковской, Костромской, Свердловской областей, в Красноярском крае. Они трудились в качестве вальщиков, грузчиков наравне с мужчинами. Нормы были рассчитаны на 12-часовой рабочий день. С ранней весны до глубокой осени, стоя по пояс в ледяной воде, они работали на лесосплавах, смертность была очень высокой. Например, в Краслаге НКВД имелось 20 отделений, одно из них, 7 отделение было прикреплено к г. Канску, мужчины-сплавщики находились в деревне Ильинка Ирбейского района¹⁸.

7. Семья Гербер дважды испытала депортацию, первый раз в годы Первой мировой войны, когда из западных губерний России депортировали в село Кичкасс Оренбургской губернии, второй раз в 1942 г. – из Поволжья в Сибирь. Дочь Ирма Готфридовна Гербер в 21 год попала на лесоразработки, работала по 16 часов в сутки, жила в холодных бараках, где ютилось от 15 до 20 девушек. Их всегда мучил голод, изнуряющий физический труд и невысохшая одежда зимой. В Сибири она вышла замуж за Богдана Генриховича Грицфельда. В 1955 г. сосланных немцев начали расселять в Казахстане. Ирма с тремя детьми и мужем поселилась в поселке Кумак Адамовского района

¹⁸ Шрейнер А. Краслаг НКВД, январь 42-го // Neues Leben. № 31. 21 августа, 1997.

Оренбургской области, где жили до 1998 г., тогда Ирма Грицфельд с семьей младшего сына Владимира эмигрировала в Германию, г. Аугсбург (Бавария), откуда когда-то вышли предки. Остальные дети живут в г. Ясном, дочь Инна уехала жить и работать в один из сибирских городов.

Чкаловская область в послевоенные годы была определена одним из мест ссылки немцев-репатриантов, особой группы этнических немцев, которая, образно выражаясь, находилась в годы войны между «молотом и наковальней». Какая-то часть из них, отбыв положенный срок заключения в лагерях, по собственному желанию переехала на жительство в Чкаловскую область. Здесь требуется дать справку по поводу этой группы немцев. В зону оккупации гитлеровской Германии (1941 г.) попали тысячи этнических немцев Левобережной Украины и Белоруссии: Харьковской, Днепропетровской, Крымской, Запорожской, Сталинской (Донецкой), Ворошиловградской (Луганской), Черниговской, Сумской областей¹⁹. Там возник Рейхскомиссариат «Украина» (гауляйтер Э. Кох), в Белоруссии – Рейхскомиссариат «Остланд». Когда в сентябре 1942 г. началось мощное контрнаступление Красной Армии под Харьковом, временные власти организовали насильственное переселение примерно 300 тыс. советских немцев в Восточную Германию и на прилегающие территории Польши – гг. Лодзь (Вартегау) и Познань²⁰. Управление по делам репатриации в СССР (1944–1953 гг.) вернуло в Советский Союз чуть более 200 тыс. украинских немцев, однако, около одной трети осталось на Западе, и кто-то из них переселился за океан в Канаду. В 1945 г. они были репатриированы в Советский Союз и разделили общую судьбу советских немцев. О немцах-репатриантах существуют специальные исследования многих ученых за последние годы (1989–20011 гг.): Ю.Н. Арзамаскин, Н.Ю. Арзамаскина, Н.Ф. Бугай, А.А. Герман, Земсков В.Н. и др.²¹ Наибольшее число репатриированных немцев проживало на Урале: в Молотовской обл. – 17831, Свердловской обл. – 12076, Удмуртской АССР – 7580, Челябинской обл. – 4264 и др. Их также расселили по следующим областям Союза – Архангельская, Вологодская, Новосибирская, Томская, Кемеровская, Костромская, Кировская, Ивановская, Горьковская, Коми АССР,

¹⁹ Мартыненко В.Л. Политика командования вермахта в отношении этнических немцев на территории военной зоны Украины (1941–1943 гг.) // Этнические немцы России: исторический феномен «народа в пути»: материалы 12-й междунар. науч. конф. Москва, 18–20 сент. 2008. М., 2009. С. 443.

²⁰ Привалова М.Ю. Саратов, 2008. С. 17.

²¹ Арзамаскин Ю.Н. Деятельность советских государственных и военных органов репатриации в 1944–1953 гг. Дис. ... докт. ист. наук. М., 2000; Арзамаскина Н.Ю. Репатриация советских и иностранных граждан из Германии в 1945–1950 гг.: Международно-правовой аспект // Право и обозрение. 2006. № 6; Бугай Н.Ф. Депортация народов с Украины: 30–50-е годы // Украинский исторический журнал. Киев, 1990. № 10–11. Герман А.А. Репатриация советских граждан немецкой национальности: характер проведения и результаты // Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие. 1941–1945 гг.; Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР 1930–1960: Дис. ... докт. ист. наук. М., 2005.

Алтайский край, Марийская АССР, Якутская АССР и др.²² Приводимые воспоминания Е.Ф. Эннс, Р.Я. Кандаловой (Реннер), Э.Г. Серотиной (Ригель), П. Классена показывают истинное положение репатриантов на территории Германии и на спецпоселении в СССР.

8. Елена Францевна Эннс родилась в 1938 г. в с. Никольское Высокопольского района Херсонской области. В 1942 г. немецкие семьи, проживавшие на Украине, были оккупированы фашистами и насильственно вывезены по приказу Гитлера в Польшу, «Вывозили всех, кто сопротивлялся, тех убивали», – вспоминает Е.Ф. Эннс. Ее мать с тремя детьми жила в г. Познань с 1943 по осень 1944 г. Потом внезапно, очень грубо сделав детям прививку от оспы, их переправили в Германию и расселили, где попало, лишь бы крыша была над головой: в подвалах, на чердаках, в сараях. В таких жутких условиях люди ютились до капитуляции фашистской Германии. Когда части Красной Армии вошли в восточную германскую зону, вышел указ о возвращении бывших советских граждан на Родину, но вместо Украины репатриантов сослали в Горьковскую (Нижегородскую) область в местечко Вахтан на лесоповал. После смерти матери детей с бабушкой отправили в село Муха Сявского сельсовета Хмельницкого района. От голода и болезней зимой 1947 г. скончалась родная бабушка, детей оформили в детский дом. Елену Францевну удочерила в 1950 г. бездетная семья Березиных, приемной дочери дали фамилию и отчество нового отца, оставили прежнюю дату рождения, но изменили место рождения. Так Елена Францевна Эннс стала Еленой Павловной Березиной, рожденной 12 декабря 1938 г. в г. Познань (Польша). Эта женщина долго и упорно искала брата и других родственников, но не нашла. В Оренбург переехала из-за мужа, создала семью, теперь воспитывает внуков и внучку Елену Чернову, которая рассказала про тяжелый жизненный путь бабушки.

9. Роза Яковлевна Кандалова (Реннер) из с. Ветлянка Соль-Илецкого района поделилась трудностями, выпавшими на долю ее родителей. До войны семья Реннер жила на Украине в г. Николаеве. В 1943 г. она была насильственно вывезена фашистами в Германию в товарных вагонах. Мать У.Т. Реннер работала уборщицей, отец Я.Т. Реннер – разнорабочим, сын, названный в честь деда Томасом, при переезде заболел и умер. Дочь Роза родилась 2 января 1945 г. на территории Германии в г. Гермсдорф Вальденбургского района. После окончания войны эти земли вошли в состав советской восточной зоны. Советские миграционные органы занялись возвращением граждан СССР немецкой национальности, насильно угнанных в фашистскую Германию. Вскоре их обвинили в пособничестве фашистской армии и сослали под надзор НКВД в Архангельскую область, Онежский район, село Падун на лесозаготовки. Край был богат лесом, поваленный лес зимой подвозили на подводах к реке и складывали в штабеля, весной после ледохода по большой воде его

²² Герман А.А., Иларионова Т.С., Плева И.Р. С. 476.

сплавляли до г. Онеги, где находились огромные лесоперерабатывающие заводы. Семья Реннер там жила до 1956 г., когда Роза уже закончила четвертый класс школы. Родители направляли ходатайства по вопросу освобождения от спецпоселения, когда они его получили, то переехали к брату отца в г. Соль-Илецк. Родители умерли в 1986 г.. Их дочь Р.Я. Реннер после средней школы поступила в Оренбургский педагогический институт и получила профессию учителя немецкого языка, на 2006 г. стаж работы составил 38 лет, является учителем 2 категории. Р.Я. Кандалова (Реннер) добилась через правоохранительные органы полной реабилитации своих родителей.

10. В поселке Шахтном Соль-Илецкого района живет вдова Эльза Генриховна Серотина, урожденная Ригель. Она родилась в большой трудолюбивой семье на Украине в селе Люксембург Запорожской области. До революции 1917 г. там построили небольшой завод по производству кирпича, где работали родители Эльзы. Ее дедушка Франц Ригель в годы революции и гражданской войны принял советскую власть, в годы продразверстки отдавал государству зерно до последнего мешка. В 30-е годы начались репрессии, его и многих двоюродных братьев арестовали как врагов народа и сослали на строительство Беломорканала, где он пропал без вести. Отца Эльзы арестовали в начале войны и отправили в Сибирь. Остальные члены семьи и она сама были насильно угнаны фашистами в Германию. В мае 1945 г. остатки их семьи репатриировали в Оренбургскую область Соль-Илецкий район поселок Шахтный. Они оказались без жилья, без каких-либо средств к существованию, но помогло местное население, кто, чем мог. Они поселились в вырытой наспех землянке и приступили к поиску отца. В 1958 г. получили официальную бумагу, в которой сообщалось, что их отец Генрих расстрелян под Актюбинском и посмертно реабилитирован. В годы репрессий в семье погибли все взрослые мужчины, только двум дядям Эльзы удалось своевременно эмигрировать в Канаду, где они проживают до сих пор. Старшая сестра Хельма взяла себе русское имя Елена, чтобы скрыть свое истинное происхождение, и после войны уехала в Воркуту, а Эльза Генриховна осталась жить в поселке Шахтном, имеет семью и внуков. Она не любит рассказывать о тяжелом прошлом, историю этой семьи поведала ее дочь.

11. От младшего Петра Классена из с. Федоровка Акбулакского района была услышана и записана их односельчанкой студенткой исторического факультета педуниверситета Наталией Шляхтиной история семьи Классен по линии его родителей – матери, урожденной Е.Д. Тиссен и отца П.П. Классен. Старшее поколение семьи Тиссен родилось и выросло на Украине, там они жили до начала войны, когда их село до фашистской оккупации успели депортировать в Казахстан. Родителей и детей разлучили в пути следования, первые были направлены в трудовые лагеря, а дочь 1936 г., будущая мать рассказчика П. Классена, с братом 1939 г. рождения, были взяты на воспитание незнакомой немецкой женщиной с ребенком. При посадке в товарные

вагоны перрон раскалывался от плача и слез, положение сельчан усугублялось плохим знанием русского языка. Вооруженные солдаты с овчарками не церемонились ни с детьми, ни со взрослыми. Д.Д. Тиссен, дедушка, провел депортацию в Казахстане в поселке Степь Мартоукского района, освобожден от трудармии в 1946 г. Спустя какое-то время к нему вернулась жена Е.И. Тиссен, отработавшая свой срок в трудармии. В п. Степь семья жила до 1981 г. Внук Петр плохо помнит деда Дитриха, умершего в 1971 г. Известно, что он был немногословным, работал на дизельной электростанции, слыл мастером на все руки, как по дереву, так и по железу, жители уважали его. Бабушка Е.И. Тиссен жила после смерти мужа с младшей дочерью, которая родилась в мирное время. Про прежнюю жизнь бабушка Тиссен никогда не рассказывала. Судьба родителей и родственников по линии отца П.П. Классена оказалась намного трагичнее, поскольку их село не успели эвакуировать в тыл СССР, и оно оказалось в оккупации. Отступая, фашисты забрали их в Германию, а главу семьи направили на строительство укреплений. В отсутствии мужа жена приняла подданство Германии. Когда советские войска освободили эту территорию Германии от фашистов, то мать Е.Ю. Классен с сыном Петром и дочерью, 1936 г. и 1938 г. рождения, были репатриированы в СССР в Костромскую область и направлены на лесозаготовки. Их отец и муж П.П. Классен, потеряв из виду жену и детей, остался в Германии, попал в плен к союзникам, но ему удалось перебраться в Канаду, где он впоследствии создал новую семью. К прежней довоенной семье в СССР он побоялся возвращаться. Об этом поступке отца стало известно лишь в 1971 г., когда две его родные тетки, выхлопотавшие разрешение на переезд в Германию, разыскали своего родственника в Канаде. Итак, мать Е.Ю. Классен с сыном Петром и дочерью работала на лесозаготовке, но средств на проживание не хватало, и сын Петр просил милостыню. Потом их отправили на спецпоселение на Урал и вновь на лесоповал. К тому времени сын подрос и мог зарабатывать деньги сам, а мать стала работать уборщицей. В 1959 г. они переезжают в Казахстан, поселок Целинный Мартоукского района. Здесь встретились Елена Тиссен и Петр Классен, поженились и создали семью.

В заключение необходимо назвать места пребывания оренбургских немцев в трудармии, которые вынужденно изменили место жительства и их можно считать условно-депортированными. Это – г. Воркута, Ивдельлаг в Свердловской области, Сиблаг, Карлаг в Красноярском крае. Всего с 1941 г. по 1945 гг. подверглось депортации 1 209 430 российских немцев²³.

Таким образом, депортация этнических немцев в Советском Союзе в годы Великой Отечественной войны носила невиданный размах с обширной географией переселения и использования дешевого физического труда в раз-

²³ Die Russlanddeutschen warten nicht immer auf ihre volle Rehabilitierung // Neues Leben. 2001. № 15 (5878). Август.

личных отраслях промышленности. Война породила такую группу переселенцев как репатрианты, которые дважды насильственно перенесли смену места жительства и отчасти гражданства. Состав немцев Оренбуржья изменился за счет притока немецкого населения из других регионов СССР. Среди них можно выделить три группы: эвакуированные в 1941–1942 гг. жители Ленинграда и Ленинградской области, трудармейцы из Поволжья и Крыма, репатрианты из Украины и Белоруссии, которые проделали сложный путь, чтобы, в конце концов, осесть в Оренбургской области.

Г.Н. Алишина (Томск)

Выселение немецких колонистов из прифронтовых районов в Сибирь в годы Первой мировой войны (на примере г. Колывань Томской губернии)

Военные действия, особенно если они ведутся на территории страны, неминуемо приводят к перемещениям населения. Одни люди движутся на встречу войне (речь, конечно же, об армии), а другие – в противоположном от нее направлении, становясь «вынужденными переселенцами». К этой категории «военных мигрантов», как правило, относят беженцев, военнопленных и депортированных. Первые меняют место проживания вынужденно, но сами, остальных переселяют насильно. Участие России в Первой мировой войне в этом смысле не стало исключением и привело к осуществлению в стране всех перечисленных вариантов вынужденной миграции.

В данной статье речь пойдет о выселении немецких колонистов как «неблагонадежных элементов» из прифронтовых районов Российской империи и размещении их на территории Сибири (на примере г. Колывань Томской губернии). Формально эта акция не санкционировалась правительством и проводилась военным командованием якобы явочным порядком под видом эвакуации. Однако, как справедливо полагают некоторые исследователи, масштабы и размах этой кампании позволяют утверждать, что это была определенная государственная политика, санкционированная на самом высшем уровне²⁴. Это утверждение позволяет использовать для обозначения рассматриваемого явления термин «депортация», хотя в источниках он, конечно, не фигурирует. Организаторы и свидетели депортации немецких колонистов обозначали этот процесс как «выселение»²⁵, а депортируемых немцев называли «выселенцами»²⁶.

Последовательное «выселение» немецких колонистов (в основном это были, так называемые, волынские немцы) с западных окраин страны началось в 1914 г. и продолжилось вплоть до 1916 г. Для осуществления этой операции МВД дало разрешение переселять немцев «куда угодно, кроме губерний, объявленных на военном положении»²⁷. Разумеется, одним из районов, куда направляли депортированных немецких колонистов, стала Сибирь. В силу своей

²⁴ Герман А.А., Илларионова Т.С., Плева И.Р. История немцев России: Учебное пособие. М., 2005. С. 228–229.

²⁵ Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф.3. Оп. 67. Д. 503. Л. 1.

²⁶ Сибирская жизнь. 1915. 17 сент.

²⁷ Герман А.А., Илларионова Т.С., Плева И.Р. Указ. соч. С. 229.

территориальной удаленности от боевых действий этот регион идеально подходил на роль места водворения «опасных элементов».

Взгляд на депортацию немцев в годы Первой мировой войны через призму судьбы двух партий «выселенцев», направленных в г. Колывань Томской губернии, оправдан в том смысле, что позволяет на конкретном примере увидеть, что из себя представляли депортируемые немцы, как было организовано их переселение и обустройство на новом месте проживания и к каким последствиям привело их насильственное перемещение за Урал.

В августе 1916 г. в составе двух групп с разницей в неделю в Томскую губернию прибыло 390 «выселенцев» из Волынской губернии. В первой партии было 320 человек¹, во второй – 70². Согласно документам, с первой партией прибыло 66 семей и 11 «одинок», в основном это были выходцы из различных уездов, волостей и колоний Волынской губернии (95,3%). Со второй партией прибыло 16 семей, и всего два человека были без родственников. Все 70 депортированных ранее проживали в Щуринской волости Луцкого уезда Волынской губернии³. Примечательно, что депортации подверглись не только мужчины призывного возраста, которые могли бы перейти на сторону воюющих с Россией держав и сражаться во вражеской армии, но и сравнительно безобидные в этом смысле категории населения – женщины, старики и дети.

Заслуживают внимания такие характеристики депортированных лиц, как «подданство», «вероисповедание» и «народность». Из 320 человек, прибывших первыми, 296 являлись подданными России и только 24 – Австрии. По вероисповеданию основная масса (270 человек) причисляла себя к лютеранам. Помимо них было 39 католиков, 6 евангелистов-христиан и 5 православных. В графе «Народность» у 286 человек было указано «немец», у 28 – «поляк» и у 6 – «русский»⁴. Во второй партии прибывших и на этот счет было удивительное единодушие: все 70 человек находились в российском подданстве, исповедовали лютеранство и принадлежали к немецкой народности⁵. Как видно из приведенных характеристик, власти подвергали депортации как подданных воюющих с Россией держав, так и лиц, находящихся в Российском подданстве, не делая между ними каких-либо принципиальных различий. Кроме того, показателен национальный состав депортированных: в число потенциально опасных лиц попадали не только немцы, но и представители других национальностей – поляки и даже русские.

По роду занятий среди депортированных можно выделить три основные профессиональные группы: во-первых, занимавшиеся хозяйством (40 человек из первой партии и 7 из второй); во-вторых, хлебопашцы или земледельцы

¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 67. Д. 503. Л. 15.

² Там же. Л. 18.

³ Там же. Л. 27–41, 75–79.

⁴ Там же. Л. 27–41.

⁵ Там же. Л. 75–79.

(22 и 7); и, в-третьих, чернорабочие (10 и 3). Кроме того, с первой партией прибыло по 2 кузнеца, швеи и плотника, а также мельник, кровельщик, повар, прачка, пекарь, слесарь и даже фабричная рабочая. Во второй партии оказался один сельский учитель⁶. Судя по роду занятий, в основном это были представители сельского населения, но именно им было труднее обустроиться на новом месте проживания в г. Колывань, поскольку неминуемо возникали сложности с поиском работы без наличия «городской» специальности.

Если говорить об имущественном положении депортированных, то в первой партии было 28 собственников земли, которые в совокупности владели в местах прежнего проживания 545,5 десятинами. 22 семьи числились арендаторами земельных наделов, в их временном пользовании находилось 192 десятины. 28 семей и отдельных лиц имущества не имели⁷. Информация о благосостоянии немецких колонистов из второй партии, к сожалению, отсутствует. Разумеется, в условиях военного времени никаких компенсаций за потерянное имущество не предполагалось, и «выселенцы» попали в г. Колывань с минимальными материальными ресурсами.

Если говорить об организации депортации, то можно отметить оперативность в работе чиновников Томской губернии. 3 июля 1916 г. Томскому губернатору из Петрограда была направлена телеграмма, в которой сообщалось о том, что Томская губерния «предназначена для водворения немцев-колонистов, высланных с юго-западного фронта распоряжением военных властей»⁸. О числе и времени отправления колонистов должны были сообщить дополнительно. Уже 7 июля Томский губернатор дал ответ, что первую партию до 600 человек он назначает к водворению в город Колывань и просит направить их на станцию Томской дороги «Обь» в распоряжение Ново-Николаевского Полицмейстера⁹, о чем и последний¹⁰, и Заведующий полицейской частью в г. Колывань¹¹ были в кратчайшие сроки предупреждены. При выборе места водворения губернские власти руководствовались, вероятно, тем, что город Колывань находится в стороне от Сибирской железной дороги, являвшейся в годы войны стратегически важным объектом.

Первая партия депортированных прибыла в Ново-Николаевск 14 августа¹² и была передана в Колывань 19 августа 1916 г.¹³, вторая партия 23¹⁴ и 28¹⁵ августа соответственно. Сразу же по прибытии «выселенцев» в Томскую губернию

⁶ Там же. Л. 27–41, 75–79.

⁷ Там же. Л. 27–41.

⁸ Там же. Л. 1.

⁹ Там же. Л. 5а.

¹⁰ Там же. Л. 6–6-об.

¹¹ Там же. Л. 7–8.

¹² Там же. Л. 15.

¹³ Там же. Л. 42.

¹⁴ Там же. Л. 18.

¹⁵ Там же. Л. 74.

местными чиновниками были составлены списки, в которых указывались: поименный состав семьи прибывших, возраст, место прописки, вероисповедание, подданство, род занятий, наличие и состав имеющихся при себе документов, сведения об имущественном положении и проч.¹⁶

Заведующий полицейской частью в г. Колывань, принявший на себя ответственность за размещение и обустройство депортированных, сообщал, что все они нуждаются «в пособии от казны»¹⁷. Первое время их содержали в Колывани «на общих установленных для неприятельских подданных основаниях, с отпуском им пищевого и квартирного довольствия»¹⁸. Управляющий Томской губернией даже направил в Департамент полиции просьбу о выдаче средств, необходимых для дальнейшего содержания 390 человек. По его мнению, на эти нужды требовалось 8560 руб.¹⁹ Однако в ответ на его запрос пришло разъяснение, что немцы-колонисты, как подданные России, не имеют права на подобную денежную помощь, так как она полагается только военнообязанным неприятельским подданным²⁰. В результате было дано четкое указание «немедленно прекратить выдачу пищевого и квартирного довольствия названным немцам-колонистам»²¹. Сейчас трудно судить, насколько серьезно отразилась эта утрата денежных пособий на жизни «выселенцев», но то, что они в этих пособиях нуждались, признавали даже местные чиновники.

Косвенным свидетельством трудного положения, в котором оказались депортированные колонисты, является уровень смертности в обеих партиях. Из сообщений Заведующего полицейской частью г. Колывань известно, что за год проживания первая партия колонистов потеряла 12 человек (3,75% от общего числа), а родилось 3. Во второй партии умерло 7 человек (10% от общего числа) и не родилось ни одного младенца. Всего в обеих партиях за год родилось 3 и умерло 19 человек, большинство из которых (68,4%) – это дети в возрасте от 4 месяцев до 15 лет. Причиной их столь раннего ухода из жизни становились болезни: оспа, корь, воспаление легких и проч., вызванные длительным переездом и условиями проживания на месте водворения.

В условиях событий 1917 г. у властей также не находилось средств для оказания помощи депортированным немецким колонистам. В марте 1918 г. был подписан Брестский мир, Первая мировая война для России окончилась. Однако это обстоятельство не повлекло за собой возвращения депортированных немцев в места прежнего проживания. Гражданская война и ее последствия, первые годы советской власти, сумятица и неразбериха в стране – все это предоставило депортированных немецких колонистов самим себе. О

¹⁶ Там же. Л. 27–41, 75–79.

¹⁷ Там же. Л. 42, 74.

¹⁸ Там же. Л. 23.

¹⁹ Там же. Л. 23-об.

²⁰ Там же. Л. 25-об.

²¹ Там же.

дальнейшей судьбе этих насильственно переселенных людей сведений пока не найдено.

Рассмотренный на конкретном примере процесс выселения немецких колонистов с западных окраин страны – первый опыт депортации немецкого населения в истории Российского государства. Его изучение интересно как само по себе, так и в сравнении с «рецидивом» в 1941 г. Как царская, так и социалистическая Россия прибегали к этому методу в условиях военного столкновения с Германией. Однако масштабы, сроки и организация депортации заметно отличались, что уже позволяет делать выводы о характере власти в имперский и советский периоды истории государства.

Этнические депортации в Томскую область: региональный контекст (1940–1953 гг.)

Бог создал рай, а черт – Нарымский край.

Изучение принудительных миграций (депортаций) 1930 – начала 1950 гг. – одной из форм политических репрессий в СССР, затронувшей миллионы людей, показывает парадоксальную приверженность советского строя преимущественно этническому (национальному), а не классовому критерию репрессий. Государство рабочих и крестьян, декларировавшее верность пролетарскому интернационализму и классовому подходу, постепенно эволюционировало в своей репрессивной политике от социально-классового принципа к этническому²². Уже в ходе «раскулачивания» социально-классовый принцип нередко подменялся этническим, а с середины 1930 гг. происходит уже очевидный переход от социально-классового к национальному принципу выселения. Особенно ярко этнический критерий проявился при депортациях из пограничных зон почти по всему периметру сухопутной границы СССР. В 1940 гг. насильственные этнические переселения вышли за рамки «зачисток в погранзонах», распространившись и на регионы, не являвшиеся пограничными (Северный Кавказ, Калмыкия, Поволжье)²³.

Причины этнических депортаций в СССР коренятся в самом существовании сталинского тоталитарного режима, придавшего массовым репрессиям статус важного средства решения комплекса проблем – политических, экономических, социальных. Использование в этих целях такой жестокой меры, как этнические депортации, рассматривалось и в качестве одного из самых эффективных способов стабилизации этнополитической ситуации в отдельных регионах страны, способного радикально устранить любую возможность конфликта между народами и властью.

В официальных документах термин «депортация» применительно к насильственным переселениям не использовался. Этот процесс обозначался словами «операция» и «спецпереселение». Если основанием для депортации послужил этнический фактор, то такая депортация называется этнической. Она могла быть как тотальной, так и частичной, когда насильственному переселению подвергался не весь этнос, а только его часть. Следует также различать этнические депортации, вызванные внешнеполитическими факторами,

²² Всего за годы советской власти число принудительных мигрантов составило около 12 млн чел., а с учетом компенсационных мигрантов – около 14,5 млн. (См.: Сталинские депортации. 1928–1953. М., 2005. С. 13).

²³ См.: Сталинские депортации... С. 8: Земсков В.Н. Спецпоселенцы. 1930–1960. М., 2003. С. 76–77.

и внутриполитические депортации, обусловленные внутриполитическими причинами. К контингентам, затронутым операциями первого вида, относятся как иностранцы, так и советские граждане – представители тех этносов, с титульными государствами которых СССР находился в состоянии войны или существовала возможность ее возникновения. Классические этнические контингенты этого вида – поляки, финны, немцы, румыны. К контингентам, затронутым депортациями второго вида, относятся «наказанные народы» – калмыки и народы Северного Кавказа. Тотальной депортации были подвергнуты десять народов, из них семь – немцы, карачаевцы, калмыки, ингуши, чеченцы, балкарцы и крымские татары – лишились при этом своих национальных автономий. Под определение тотальной депортации подпадают еще три народа – финны, корейцы и турки-месхетинцы. Исследователи выделяют 130 депортационных операций и 52 депортационные кампании, из них 38 (73%) – этнических¹.

Принудительные миграции по этническому принципу проводились в СССР с середины 1930 гг. Первой депортацией, которую можно квалифицировать как частичную этническую чистку, было выселение весной 1935 г. финского населения из погранполосы Ленинградской области и Карелии. В 1936 г. были выселены 49 тыс. поляков и 15 тыс. и немцев из пограничных с Польшей территорий Украины и Белоруссии². В 1937 г. в связи с постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР об учреждении специальных (запретных) пограничных зон, производилась «этническая чистка» приграничных районов на территории Армянской, Азербайджанской, Туркменской, Узбекской, Таджикской ССР, в ходе которой были депортированы курды и иранцы. В этом же году из приграничных территорий Дальнего Востока в Казахскую и Узбекскую ССР было выселено свыше 172 тысяч корейцев³.

Репрессии по отношению к «неблагонадежным» народам усилились с началом Второй мировой войны. С этого времени можно говорить о начале нового этапа в репрессивной политике советского государства, характеризующегося преимущественно этническими депортациями, имевшими массовый характер. Первым крупным контингентом стали «бывшие польские граждане». В 1940 г. из западных областей Украины и Белоруссии было депортировано около 140 тысяч спецпереселенцев-осадников, свыше 77 тысяч беженцев и членов их семей. В мае 1941 г. из Прибалтики, Западной Украины, Западной Белоруссии, Молдавии было выселено почти 86 тысяч спецпереселенцев. Самые масштабные депортации охватывают период с июня 1941 г. по май 1945 г., когда депортации подверглись немцы, калмыки, народы Прибалтики, Северного Кавказа, Крыма и др. В послевоенное время

¹ См.: Сталинские депортации... С. 6–8, 11, 13.

² Бердинских В. А. Спецпоселенцы: Политическая ссылка народов Советской России. М., 2005. С. 23.

³ См.: Сим Хон Ёнг. Депортации народов: международный аспект проблемы // Россия в XX веке. М., 1999. С. 380–384.

насиловственному переселению подверглись народы Прибалтики, Украины и Молдавии.

Подавляющее большинство депортированных направлялось на спецпоселение и относилось к категории спецпереселенцев (спецпоселенцев)⁴. Меньшая часть становилась ссыльными (отправленными в ссылку на сроки), ссыльнопоселенцами (отправленными в ссылку навечно) или административно-высланными. Спецпоселенцы формально сохраняли статус граждан СССР, но без права покидать установленное государством место поселения. В течение 1931–1959 гг. спецпоселенцы находились на учете одного и того же отдела, название и ведомственная принадлежность которого неоднократно менялись: 1931–1934 гг. – Отдел по спецпереселенцам ГУЛага в ОГПУ; 1934–1940 гг. – Отдел трудовых поселений ГУЛага в НКВД СССР; 1940–1941 гг. – Управление исправительно-трудовых колоний и трудовых поселений ГУЛага СССР, 1941–1944 гг. – Отдел трудовых и специальных поселений ГУЛага НКВД СССР, 1944–1950 гг. – Отдел спецпоселений НКВД–МВД СССР, 1950–1953 гг. – 9-е управление МГБ СССР, 1953–1954 гг. – Отдел «П» МВД СССР, а с октября 1954 г. – 4-й спецотдел МВД СССР. В марте 1959 г. этот отдел был ликвидирован, и большинство оставшихся на поселении лиц перешло в ведение Главного управления милиции МВД СССР⁵.

Более шестидесяти лет проблема депортаций была полностью закрыта для исследований. Историки были лишены доступа к архивным материалам, а сама тема табуизирована. Только с середины 1980 гг. появилась возможность обратиться к ее разработке. На сегодняшний день тема депортаций и депортационной политики Советского государства имеет обширную базу опубликованных документов⁶ и исследовательской литературы⁷. Однако это не

⁴ История спецпоселенчества берет начало в 1929 г., когда первые партии крестьян – «кулаков» и «подкулачников» – были отправлены на спецпоселение (трудопоселение). Термин «спецпереселенцы» начал употребляться с апреля–мая 1930 г. До 1934 г. отправленные в «кулацкую ссылку» крестьяне назывались спецпереселенцами, в 1934–1944 гг. – трудопоселенцами, с 1944 г. – спецпоселенцами. Эти три термина являются синонимами.

⁵ Земсков В.Н. Указ. соч. С. 13.

⁶ Депортации народов СССР (1930–1950-е годы) Ч. 1. М., 1992; Ч. 2. М., 1995; Иосиф Сталин – Лаврентий Берия: Их надо депортировать...» Документы, факты, комментарии / Сост. Н.Ф. Бугай. М., 1992; Мобилизовать немцев в рабочие колонны... И. Сталин: Сб. документов (1940-е годы) / Сост. Н.Ф. Бугай. М., 1998; Депортация народов Крыма: Документы, факты, комментарии / Сост. Н.Ф. Бугай. М., 2002; История российских немцев в документах. Т. 1.; 1763–1992 гг. / Сост. В.А. Ауман, В.Г. Чеботарева. М., 1993; История сталинского ГУЛАГа: в 6 т. Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. М., 2004; Сталинские депортации. 1928–1953. М., 2005; Ссылка калмыков; как это было: Сб. документов и материалов. М., 1997.

⁷ Назовем наиболее знаковые и крупные работы: Йонг Л. де. Немецкая пятая колонна во Второй мировой войне. М., 1958; Некрич А. Наказанные народы. Нью-Йорк, 1978; Бугай Н.Ф. Операция «Улусы». Элиста, 1991; Бугай Н.Ф. Турки из Месхетии: долгий путь к реабилитации (1944–1994). М., 1994; Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...» М., 1995; Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Кавказ: народы в

означает, что тема, которая совсем недавно была сплошным «белым пятном», полностью «закрыта». Осталось немало больших и малых «белых» и «черных» пятен, которые еще ждут своих исследований. Одним из них является региональный контекст этнических депортаций. Большинство исследований посвящено изучению темы этнических депортаций и спецпоселения в Сибири либо в общем контексте, либо касаются только одного народа. Наиболее исследованным (и количественно и качественно) этническим контингентом из всех, высланных в Сибирь, являются немцы⁸. Что же касается других депортированных народов, то они изучены в меньшей мере. Назрела также необходимость изучения принудительных миграций народов в сравнительном контексте. Одним из первых эту проблему поставил В.И. Бруль⁹. Проблеме изучения выселения и адаптации различных этнических контингентов спецпереселенцев в условиях спецпоселения в Западной Сибири посвящены работы В.В. Сарновой¹⁰.

В настоящей статье предпринимается попытка освещения этнических депортаций в региональном контексте, применительно к Томской области, принявшей в 1940 – начале 1950 гг. десятки тысяч депортированных различных

эшелонах (20–60-е годы) М., 1998; *Бугай Н.Ф., Коцонис А.Н.* «Обязать НКВД СССР... выселить греков». М., 1999; *Бугай Н.Ф.* Народы Украины в «Особой папке Сталина». М., 2006; *Белковец Л.П.* Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941–1945 гг.: Историко-правовое исследование. Новосибирск, 2003; *Бердинских В.А.* Указ. соч.; *Герман А.А., Курочкин А.Н.* Немцы СССР в Трудовой армии» (1941–1945). М., 1998 (2000 – 2-е изд.); *Гурьянов А.Э.* Польские спецпереселенцы в СССР в 1940–1941 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997; *Земсков В.Н.* Указ. соч.; *Пасат В.И.* Трудные страницы истории Молдовы: 1940–1950-е гг. М., 2004; *Полян П.М.* Не по своей воле. История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001; *Убушаев В.* Калмыки: Выселение и возвращение. 1943–1957. Элиста, 1991 и др.

⁸ *Бруль В.И.* Немцы в Западной Сибири. Ч. 2. Топчиха, 1995; *Бруль В.И.* Миграционные процессы среди немцев Сибири в 1940–1955 гг. // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект: Материалы Международной научной конференции. М., 1998; *Шадт А.А.* Прием и расселение спецпереселенцев-немцев в Западной Сибири (1941–1942) // Там же; *Шадт А.А.* Этническая ссылка советских немцев // Материалы. Новосибирск, 2010; *Обердорфер Л.* Демографические процессы в среде депортированных немцев Новосибирской области (1941–1949 гг.) // История российских немцев в документах. М., 2000; *Обердорфер Л. И.* Депортированные немцы в Западной Сибири (1941–1944 гг.): Действительность и правовой статус // Сибирь в XVII–XX веках: Проблемы политической и социальной истории: Бахрушинские чтения 1999–2000 гг. Новосибирск, 2002; *Чебыкина Т.В.* Депортация немецкого населения из европейской части СССР в Западную Сибирь (1941–1945 гг.) // Наказанный народ. М., 1999 и др.

⁹ *Бруль В.И.* Депортированные народы в Сибири (1935–1965 гг.) Сравнительный анализ // Наказанный народ. М., 1999.

¹⁰ *Сарнова В.В.* Принудительные миграции населения СССР в Западную Сибирь в период Второй мировой войны: автореф. дисс... канд. ист. наук. Новосибирск, 2005; *Сарнова В.В.* Адаптация этнических групп спецпереселенцев к условиям спецпоселения в Западной Сибири накануне и в годы Великой Отечественной войны // Адаптация населения в Сибири: этапы, механизмы, результаты. Новосибирск, 2003; *Сарнова В.В.* Этническая ссылка // Материалы. Новосибирск, 2010.

национальностей – поляков, евреев, латышей, эстонцев, литовцев, немцев, калмыков, турок-месхетинцев, украинцев и др. Имеющиеся на сегодняшний день исследования касаются преимущественно депортации и спецпоселения на территории области немцев¹¹. Специальных исследований, посвященных другим этническим контингентам, депортированным в область, за малым исключением¹², нет. В основу статьи положены материалы, отложившиеся в фондах архивов Новосибирской и Томской областей, большей частью вошедшие в подготовленный с участием автора сборник документов и материалов¹³. Материалы сборника раскрывают масштаб и технологию этнических депортаций, отражают общие черты и региональные особенности расселения депортированных контингентов, их трудового использования и материально-бытового устройства.

Томская область была образована по указу Президиума Верховного Совета СССР от 13 августа 1944 г., выделившись из состава Новосибирской области. В 1944 г. при областном управлении НКВД был создан отдел спецпоселений (ОСП), который обслуживал 21 район, из них большинство относилось к северным – 13 районов Нарыма (Александровский, Васюганский, Верхнекетский, Каргасокский, Колпашевский, Кривошеинский, Молчановский, Парабельский, Парбигский, Пудинский, Тегульдетский, Туганский, Чаинский). Именно эти районы приняли наибольшее число спецпоселенцев.

¹¹ Белковец Л.П. Нарымская эпопея немцев Поволжья в 1941–1945 гг. // Миграционные процессы среди российских немцев...; Чебыкина Т.В. Немцы-спецпереселенцы в Александровском районе. // Земля Александровская. Томск, 1999; Чебыкина Т.В. Документы и материалы архивов Томской области по истории депортации российских немцев и пребывании их на спецпоселении // Российские немцы / Научно-информационный бюллетень. М., 2000. № 2 (22); Нам И.В., Шульга Т.В. Некоторые особенности расселения, материально-бытового устройства, трудового использования и правового положения немцев-спецпереселенцев в Томской области // Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие. 1941–1955: Материалы 7-й Международной научной конференции. М. 2001; Шульга Т.В. Спецпоселенцы. // Сибирская Старина. Краеведческий альманах. Томск, 2006. № 25.

¹² Макшеев В.Н. Нарымская хроника М., 1997; Макшеев В.Н. Спеццы: Исследование // Избранные произведения. Т. 3. Томск, 2010; Шульга Т.В. Документы и материалы архивов Томской области как источник по изучению насильственных этномиграций в сталинский период // Документ в системе социальных коммуникаций: Сборник материалов III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Томск, 2008.

¹³ Невольные сибиряки. 1946–1956: Сборник документов и материалов / Сост. И.В. Нам, Н.И. Наумова, Б.П. Тренин. Томск, 2001 (Сборник включает большой массив документов, извлеченных из архивов Новосибирска и Томска: постановления, протоколы, решения, распоряжения бюро Новосибирского и Томского обкомов ВКП(б), Томского облисполкома, райисполкомов о приеме и расселении спецпереселенцев; инструкции, отчеты и справки УНКВД–УМВД–УМГБ по Новосибирской и Томской областям; докладные и служебные записки, ходатайства администраций предприятий, прежде всего треста «Томлес», отчеты райисполкомов, облздравотдела о работе со «спецконтингентом» и т. п.)

Первым большим контингентом, высланным на территорию Томской области, который можно отнести к этническим, были «польские осадники и беженцы» – второй после «кулацкой ссылки» большой отряд спецпоселенцев. Осадники – бывшие военнослужащие польской армии, за заслуги в польско-советской войне 1920 г. получившие землю в Западной Украине и Западной Белоруссии, где, как правило, выполняли полицейские функции в отношении местного населения. После того, как в 1939 г. эти территории вошли в состав СССР, осадники были объявлены «злейшими врагами трудового народа» и поголовно, вместе с семьями, высланы вглубь СССР. Фактически депортации подверглись не только осадники, но и другие лица, включая беженцев из оккупированной Германией Польши, среди которых доминировали евреи¹⁴.

Большинство депортированных направлялось на спецпоселение, в том числе в те районы Новосибирской области, которые в 1944 г. вошли в состав Томской области. На места были высланы директивные указания о мерах по приему осадников и определены точки их расселения. «Правовыми основаниями» для высылки были приняты в декабре 1939 г. инструкция «О порядке переселения польских осадников из западных областей УССР и БССР» и «Положение о спецпоселках и трудовом устройстве осадников»¹⁵.

Исследователи выделяют четыре депортации польских граждан: три – в 1940 г. (10 февраля, 13 апреля, июнь–июль) и одну – в июне–июле 1941 г.¹⁶ Четвертая операция охватила также Эстонию, Латвию и Молдавию.

В ходе первой волны высылке подверглись, наряду с осадниками¹⁷, служащие аппарата местного самоуправления. В Новосибирской области предполагалось расселить 800 семей осадников для работы на предприятиях «Запсибзолото» и «Томлес». Из них 200 семей (945 чел.) было размещено на лесозаготовительных участках Асиновского леспромхоза: Улу-Юльском (160 семей, 758 чел.) и Чичка-Юльском (40 семей, 184 чел.)¹⁸. После второй депортации, в ходе которой выслались зажиточные крестьяне, семьи репрессированных уже офицеров, служащих госаппарата и аппарата местного самоуправления, польские спецпереселенцы были размещены в спецпоселках, организованных в местах лесоразработок Тимирязевской государственной лесной дачи Томского района¹⁹. Особенно массовой была депортация лета 1940 г., когда были вы-

¹⁴ Земсков В.Н. Указ. соч. С. 84.

¹⁵ Сталинские депортации... С. 111–113.

¹⁶ Земсков В.Н. Указ. соч. С. 84; Сталинские депортации. 1928–1953. М., 2005. С. 108; Жаронь П. Депортация польского населения в Сибирь (1940–1941) и репатриация на родину (1945–1949) // Сибирь в истории и культуре польского народа. М., 2002. С. 378–379.

¹⁷ Официально контингент первой депортации назывался «спецпереселенцы-осадники и лесники». Лесники – работники польской сторожевой охраны лесов.

¹⁸ Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р-1020. Оп. 4. Д. 17. Л. 16.

¹⁹ Там же. Л. 19.

сланы беженцы, преимущественно евреи, из Центральной и Западной Польши. В июле в систему Томасинлага²⁰ поступило около 18,5 тыс. спецпереселенцев, размещенных в лагерях на территории Асиновского района – около 5,5 тыс. чел., Зырянского – 5,9 тыс., Тегульдетского – 6,5 тыс., Туганского – 1 тыс.²¹

Вот как, к примеру, выглядел, по сведениям Новосибирского облздравотдела, в июле 1940 г. лагерь Сосновка в Асиновском районе, в котором было сосредоточено около 5 тыс. спецпереселенцев. На сравнительно небольшой площадке располагались бараки, использовавшиеся ранее «под заключенных». Капитально оборудованных барачков было всего 9. Остальные бараки, около 10, облегченного типа, были абсолютно не благоустроены: «без потолка, без подсобных помещений, и люди располагались на деревянном настиле, служащем одновременно полом...». Но и эти бараки, едва защищавшие только от дождя, не вмещали всех спецпоселенцев. Около 1,5 тыс. чел. располагались «под открытым небом, соорудив импровизированные шалаши..., натянув одеяла, платки для защиты от дождя, подобрав бросовые доски и оборудовав из них нечто вроде топчанов или нар...». Из-за чрезмерной скученности территория лагеря была «заражена отбросами, фекалиями, мочой и т.п., так как приемники для нечистот (уборные, помойные ямы, мусорные ящики) оказались недостаточными для такого количества людей». Транспорт не справлялся с вывозкой нечистот, они переполняли приемники, выливались на поверхность и заражали территорию. «Несметное количество мух» разносило заразу. Столь неблагоприятная эпидемиологическая обстановка усугублялась тем, что система водоснабжения лагеря, осуществляемого через артезианские скважины, страдала «целым рядом пороков»: не хватало кипяtilьников, люди пили сырую воду. Эпидемиологические последствия столь ужасающей антисанитарии не заставили себя ждать: уже 4 июля было зафиксировано 9 случаев брюшного тифа²².

14–17 августа в Томасинлаге вспыхнули крупные волнения в форме «волынки». В знак протеста против невыносимых условий труда и быта спецпереселенцы-беженцы отказались работать, требуя возвращения в места высылки или направления в промышленные города. Специальная комиссия, посланная по распоряжению обкома ВКП (б), установила, что спецпереселенцам не было создано «хотя бы минимальных условий по налаживанию жилищ, быта, питания и по трудоустройству беженцев», «семьи беженцев были расселены в совершенно неподготовленных жилищах», а «все спецпоселки

²⁰ Томско-Асиновский ИТЛ (организован 16 августа 1937 г.) располагался в с. Асино Новосибирской (с августа 1944 г. – Томской) области и специализировался на лесозаготовках. Официально был закрыт в октябре 1940 г. Хозяйство лагеря было передано тресту «Томлес».

²¹ ГАО. Ф. Р-1020. Оп. 4. Д. 17. Л. 23.

²² ГАО. Ф. 1020. Оп. 4 а. Д. 17. Л. 23–24; Опубликовано: Невольные сибиряки... С. 41–43.

Томасинлага... до невозможности перенаселены». Несмотря на очевидное признание справедливости выдвинутых спецпереселенцами требований, 49 «зачинщиков» было арестовано. Во избежание повторения конфликта власти были вынуждены частично «разгрузить» переполненные спецпоселки Томасинлага, значительную часть беженцев переселить в другие районы – Кузбасс (100 семей) и для работы на предприятиях Наркомстроя в Свердловскую область (1200 семей)²³.

Четвертая волна депортации с территории Восточной Польши в июне 1941 г., когда примерно 280–300 тыс. чел., главным образом представителей интеллигенции, железнодорожников, деятелей левых партий, были вывезены на север и в восточные районы Сибири²⁴, территорию Западной Сибири обошла стороной. В итоге на 5 октября 1940 г. в Новосибирской области находилась 6091 семья (19569 чел.) «спецпереселенцев Запада»²⁵, из них в Зырянском районе 1260 семей (3439 чел.), Тегульдетском – 962 семьи (2968 чел.), Томском – 870 семей (3418 чел.), Асиновском – 864 семьи (2480 чел.), Пышкино-Троицком – 184 семьи (936 чел.), Туганском – 315 семей (691 чел.) и Кривошеинском – 50 семей (139 чел.)²⁶. Всего, таким образом, на территории, вошедшей позднее в состав Томской области, было расселено 4505 семей (13071 чел.) «польских осадников и беженцев».

Контингент спецпоселенцев «польские осадники и беженцы» был многонациональным по своему составу. Среди осадников преобладали поляки, заметной была доля украинцев и белорусов, а среди беженцев доминировали евреи: по данным на 1 апреля 1941 г., доля поляков среди осадников составляла 82,6%, среди беженцев – 11,4%, доля евреев – соответственно 0,17 и 84,4%, украинцев и белорусов – 15,7 и 2,3%²⁷.

Большинство спецпоселенцев – «польских осадников и беженцев» было размещено в спецпоселках, организованных в районах лесоразработок Наркомлеса СССР, в том числе, как установлено польскими исследователями, в Нарымском крае было размещено от 5 до 10 тыс. бывших польских граждан, депортированных из Восточной Польши. Из них примерно половину составляли поляки, остальную часть – евреи, украинцы, белорусы, литовцы²⁸.

²³ Сталинские депортации... С. 158; Сарнова В.В. Адаптация этнических групп... С. 91–93.

²⁴ Жаронь П. Указ. соч. С. 378.

²⁵ По другим данным, на ноябрь 1940 г. в Новосибирской области находилась 6092 семьи (19680 чел.) «польских осадников и беженцев». Как видим, те и другие данные не противоречат уже имеющимся в литературе (По данным В.Н. Земскова, на 1 апреля 1941 г. в Новосибирской области числилось 19628 поляков, преимущественно беженцев. См.: Социологические исследования. 1990. № 11. С.7).

²⁶ ГАНУ. Ф. 1020. Оп. 1. Д.17. Л. 25–26.

²⁷ Земсков В.Н. Указ. соч. С. 87.

²⁸ Базан Ч. Ссылные поляки в Нарымском округе во время Второй мировой войны // Сибирь в истории и культуре польского народа. М., 2002. С. 415.

12 августа 1941 г. появился Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии польских граждан», в соответствии с которым началось их освобождение из трудовых лагерей и мест заключения. Всего было освобождено около 390 тыс. чел. На их основе были сформированы польские армии под командованием В. Андерса и З. Берлинга. Но и после освобождения десятки тысяч поляков остались жить в местах высылки из-за невозможности возвращения в оккупированную Германией Польшу²⁹.

В ходе четвертой депортации в июне 1941 г. выселение «антисоветского элемента» проводилось не только из Белоруссии и Украины, но и из Прибалтики и Молдавии. Выселялись вместе с семьями бывшие помещики, фабриканты, торговцы, домовладельцы, чиновники, офицеры, активисты распушенных партий, депутаты сеймов и т.п. Так, М.Г. Юргенсон, оказавшаяся вместе с матерью и семнадцатилетним братом на спецпоселении в Каргасокском районе, была выслана из Эстонии как член семьи бывшего домовладельца, владевшего четырьмя домами и кондитерской³⁰. М.Я. Канд была выслана из города Раквере как жена арестованного члена «контрреволюционной» организации «Кайтцелит». Ее муж умер в лагере в Свердловской области, а сама она оказалась в Васюганском районе и была снята с учета спецпоселения только в 1956 г., когда ее муж был реабилитирован за недоказанностью состава преступления³¹.

Согласно инструкции по депортации говорилось: «В связи с тем, что большое количество депортируемых должно быть арестовано и помещено в специальные лагеря, а их семьи расселены в специальных пунктах в отдаленных районах, необходимо провести операцию депортации как членов семьи, так и самого депортируемого одновременно, не сообщая им об ожидающем их разделении...»³². Все высылаемые были поделены на две группы – «А» и «Б». В группу «А» включались «главы семей», в группу «Б» – «члены семей»³³. Главы семей направлялись в лагеря военнопленных НКВД, члены семей – на поселение в качестве ссыльнопоселенцев³⁴. По словам томского писателя В.Н. Макшеева, лично пережившего все, что он описывает, акция 14 июня 1941 г. «была наиболее изощренной и бесчеловечной: семьи разлучали. Мужчин конвоиры загоняли в вагоны одного железнодорожного состава, женщин и детей – в вагоны другого, стоявшего на соседнем пути. До Урала вагоны шли следом друг за другом, в Свердловске дороги разветвлялись – составы с мужчинами повернули на север, их семьи продолжили путь на восток. Мужчин – в концлагеря, женщин и детей – на спецпоселение в Сибирь»³⁵.

²⁹ Земсков В.Н. Указ. соч. С. 89–90.

³⁰ Архив УВД Томской области. Личное дело 4552. Л. 2, 8.

³¹ Там же. Личное дело 5728. Л. 2, 30–31.

³² Инструкция // Радуга. 1989. № 11. С. 50.

³³ Сарнова В.В. Этническая ссылка... 315.

³⁴ Там же. С. 315, 318.

³⁵ Макшеев В.Н. Спецы... С. 248.

При проведении этой акции национальный признак не обозначался, но на практике она имела черты частичной этнической чистки: подавляющее большинство выселенных из Литвы составляли литовцы, из Латвии – латыши, из Эстонии – эстонцы, из Молдавии – молдаване, из западных областей Украины и Белоруссии – украинцы и белорусы³⁶.

Как следует из решения Новосибирского облисполкома от 23 июня 1941 г., в области предполагалось расселить 3700 ссыльнопоселенцев из Латвии, 5000 из Белоруссии и 9115 из Эстонии, всего – 17815 чел.³⁷ По другим данным, на 5 июля 1941 г., размещению в Новосибирской области подлежало 21815 чел., из которых 16445 были уже расселены, причем на территории Томской области – чуть меньше половины – 7792 чел., из них в Колпашевском районе – 1500 чел., Парабельском – 1447, Васюганском – 1000, Каргасокском – 983, Томском – 675, Верхне-Кетском – 632, Александровском – 404, Чаинском – 378, Бакcharском – 323. Но и эти сведения не окончательные, так как в день составления справки, 5 июля, под разгрузку поступил очередной эшелон с 1326 литовцами³⁸.

Всего в июне–июле 1941 г. в Новосибирскую область было завезено для расселения 19362 ссыльнопоселенца, в том числе: из Латвии – 2580 чел., Литвы – 3507, Эстонии – 1616, Молдавии – 5787, Западной Украины – 3201, Западной Белоруссии – 2668³⁹. Взрослых (от 16 лет) – 12614 чел. (3640 мужчин и 8974 женщины), 6748 детей. Практически все они были расселены на территории будущей Томской области – 12 районах Нарымского округа и еще в двух северных районах – Пихтовском и Шегарском. Основные направления хозяйственной деятельности состояли в «расширении посевных площадей за счет раскорчевки и освоения лесной, рыбной промышленности и охоты». 80% вступили в трудпоселенческие колхозы и промартели, 20% были определены на предприятия лесной промышленности⁴⁰.

Положение загнанных в суровые климатические условия, непривычных к тяжелой физической работе (лесозаготовки, сельхозработы) людей, более половины которых составляли нетрудоспособные (старики, дети, инвалиды), было ужасающим. К тому же принимающие организации не были готовы к приему спецпереселенцев: не хватало жилья, медико-санитарное обслуживание было поставлено из рук вон плохо. «Жилищно-бытовые условия ссыльнопоселенцев крайне неудовлетворительны, – сообщал 10 сентября 1941 г. начальник УНКВД по Новосибирской области М.Ф. Ковшук-Бекман в докладной записке замнаркома НКВД В.В. Чернышову. ...вселение произведено

³⁶ Земсков В.Н. Указ. соч. С. 90.

³⁷ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 55 с. л. 80–84; д. 503 с. л. 74–79.

³⁸ Там же. Д. 503 а. л. 11–113.

³⁹ Сталинские депортации... С. 258.

⁴⁰ Сталинские депортации... С. 252.

без предварительного учета наличия свободной жилплощади и подготовки жилищ. Завезенные частично расселялись в квартиры трудпоселенцев порядком уплотнения без согласия на то квартирохозяев, в клубах, красных уголках и колхозных конторах, из которых сейчас постепенно переселяются в наспех изготовленные землянки, а часть расселена в бараках лесной промышленности...»⁴¹.

«Привезенные из западных республик во время войны, "не по нашему разговаривающие", "не по нашему одетые" – эти люди во всех отношениях были чужими. К концу войны те, что выжили, постепенно освоились, но в первые годы на их долю выпало самое тяжелое, самое жуткое. Не столь давно жившие в другом мире и в совсем других условиях, внезапно отлученные от прошлой жизни, не только чужие, но и отверженные. Немошные старики, матери, тщетно пытающиеся спасти от смерти своих детей... Самые ослабевшие начали умирать в первую же зиму. Тихо и неотвратно угасали в морозном безмолвии...»⁴². Среди них имелись массовые случаи опухания от голода, вспышек тифа, дифтерии, кори, скарлатины, дизентерии, часто – со смертельным исходом. К началу 1942 г. в Васюганском районе Нарымского округа был зафиксирован 81 случай смертности от дифтерии и дизентерии, 14 случаев смерти детей от кори⁴³.

В общей сложности из 1414 мужчин, женщин и детей, сосланных в 1941 г. в Васюганский район, умерли во время войны более пятисот. В находившемся в ста километрах от районного центра Медвежьем Чворе, куда привезли из Эстонии 79 человек, скончались от голода 43. «Некоторые семьи вымерли целиком: Лаанеметс – мать и трое детей, Куутмаа – мать и тоже три ребенка, Поросьевы – мать и оба сына... В семье Варью из пяти человек в живых остался шестилетний мальчик, в семье Смирновых из четырех человек – восьмилетняя девочка, в семье Майде – десятилетняя девочка, а мать, брат и сестренка скончались... То, что творилось в Медвежьем Чворе, происходило и в соседних поселках – Огневом Яре и Ершовке... В Красноярке первой военной зимой умерло двое ссыльных с Буковины. На вторую зиму скончались пятеро. Затем начался мор...»⁴⁴.

В годы Великой Отечественной войны этнический критерий становится преобладающим основанием для депортаций. Официальной версией применения к отдельным народам тотальных депортаций являлось или возмездие за совершенное ими «предательство» или предотвращение возможно, по мнению властей, «предательства». А, в сущности, превентивные депортации – это было даже наказание не за потенциальное предательство,

⁴¹ Сталинские депортации... С. 252.

⁴² *Макшеев В.Н.* Спецы... С. 266.

⁴³ *Пасат В.И.* Депортация антисоветских элементов» из Молдавской СССР в 1941 году // *Власть и общество в СССР: политика репрессий (20–40-е годы)* М., 1999. С. 322.

⁴⁴ *Макшеев В.Н.* Спецы... С. 282.

а за «принадлежность к национальности, с зарубежными соплеменниками которой ведется или может вестись война»⁴⁵. Первой насильственно выселенной этнической группой в этот период стали советские немцы, отнесенные к потенциальным «коллаборантам» в силу принадлежности к немецкой нации. По известному указу Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» были насильственно переселены практически все немцы, жившие в европейской части СССР. Поводом к депортации стали необоснованные обвинения в «пособничестве германским шпионам и диверсантам». Сразу же за указом от 28 августа власти приступили к выселению немцев из других регионов страны. Всего во время войны на спецпоселение поступило 949829 немцев⁴⁶, которые были расселены в Казахской ССР, на Урале и в Западной Сибири.

Основная масса немцев прибыла в Западную Сибирь в период с сентября 1941 по январь 1942 г. Это были жители бывшей АССР немцев Поволжья, Саратовской, Сталинградской, Ростовской областей. Краснодарского края и других мест. Всего к 20 ноября 1941 г. в Новосибирской области было размещено 120 тысяч немцев⁴⁷, из них в районах, отошедших в 1944 г. к Томской области (Томском и Кожевниковском), было первоначально расселено 5387 человек⁴⁸.

Северные районы Нарымского округа в силу удаленности и труднодоступности стали заселяться немцами лишь в ходе повторной депортации, вызванной постановлением СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и Дальнего Востока» от 6 января 1942 г. Распоряжением СНК от 20 июля 1942 г. разрешалось переселить в Нарымский округ 15 тыс. спецпереселенцев-немцев из центральных районов Новосибирской области⁴⁹. Завезли туда 4698 немецких семей, в общей сложности 16107 человек. Из них – 7067 трудоспособных, остальные – дети и старики. А в августе 1943 г. окружной комитет ВКП (б) принял решение о переселении немцев внутри округа, из районов, где не было рыбозаводов, решили переселять в районы, где таковые имелись. В Александровский район из Чаинского, Кривошеинского и Молчановского «перебросили» 250 семей, в Каргасокский – 100. В Васюганском районе устроили переселение «внутри-районное» – немцам, выселенным в 1930-х гг. с Алтая в верховье Васюгана, где они основали тогда поселок, названный Березовкой, было велено переселяться в Новый Васюган⁵⁰.

⁴⁵ Сталинские депортации... С. 275.

⁴⁶ Земсков В.Н. Указ. соч. С. 94.

⁴⁷ Белковец Л.П. Административно-правовое положение российских немцев... С. 64.

⁴⁸ Депортации народов СССР (1930–1950-е годы). Часть 2. С. 149–150.

⁴⁹ Сталинские депортации... С. 372.

⁵⁰ Макшеев В.Н. Спецы... С. 287.

К 1 января 1945 г. в Томской области насчитывалось 17807 немцев (18%), а на 1 января 1950 г. – 22839 (27,45%)⁵¹, т. е. почти треть всех спецпереселенцев⁵².

Еще один крупный контингент, оказавшийся на территории Томской области в годы войны, составляли калмыки. 27 декабря 1943 г. Политбюро ЦК ВКП утвердило указ Президиума ВС СССР «О ликвидации Калмыцкой АССР и образовании Астраханской области в составе РСФСР». На следующий день было принято постановление СНК СССР о выселении калмыков в Алтайский и Красноярский края, Омскую и Новосибирскую области. Но еще в середине октября 1943 г. появилось постановление СНК, которое предписывало крайисполкомам и облисполкомам указанных регионов в двухнедельный срок подготовиться к приему и расселению спецпереселенцев-калмыков.

В судьбе калмыцкого народа роковую роль сыграло ложное обвинение его в поголовном сотрудничестве с гитлеровцами и предательстве интересов Родины. Решение о депортации калмыков было ускорено сдачей в плен немцам 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии. Депортация калмыков рассматривалась в документах как мера наказания за якобы имевшее место всеобщее противодействие органам советской власти, борьбу против Красной Армии, как «средство урегулирования межнационального конфликта» (по определению Сталина), возникшего с калмыками. Был разработан предварительный план распределения калмыков на проживание по регионам: в Алтайском, Красноярском краях и Омской области – по 25 тысяч человек, в Новосибирской области – 20 тысяч человек. Депортации подверглись около 93 тысяч калмыков⁵³. Сама операция по депортации проводилась 28 и 29 декабря 1943 г. под кодовым названием «Улусы».

К февралю 1944 г. в Новосибирской области было расселено 5455 семей калмыков общим количеством 16 436 человек, из них в Томском районе – 509 семей (1288 чел.)⁵⁴. 9 апреля 1944 г. на станцию Черемошники Томской железной дороги прибыл эшелон калмыков, выселенных из Ростовской области⁵⁵. На 1 октября 1944 г. во вновь образованной Томской области состояло на учете 613 семей калмыков (1942 чел.)⁵⁶.

Труд калмыков использовался в сельском хозяйстве, на лесоповале, промышленном рыболовстве. Их многовековой опыт в области животноводства, в особенности отгонного, оказался невостребованным. Фактически

⁵¹ Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИТО). Ф. 607. Оп. 1. Д. 242. Л. 326–331; Д. 729. Л. 129–130, 257–258; Д. 948. Л. 52–59.

⁵² Подробно вопросы, связанные с расселением, материально-бытовым устройством, трудовым использованием и правовым положением немцев-спецпереселенцев в Томской области нами рассмотрены в указанной выше статье: *Нам И.В., Шульга Т.В.* Некоторые особенности расселения...

⁵³ *Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...»* М., 1995. С. 69–72.

⁵⁴ Невольные сибиряки... С. 198–199.

⁵⁵ Сталинские депортации... С. 431.

⁵⁶ Невольные сибиряки... С. 213.

сразу после вселения калмыков в ряде районов вспыхнули эпидемии тифа и других желудочно-кишечных заболеваний. В Новосибирской области с 20 по 30 марта 1944 г. умерло 20 спецпереселенцев-калмыков, с 1 по 10 апреля – 14 чел. Смертность составила в среднем 3,6% в год от общего числа 16380 человек, прибывших в область на начало марта 1944 г. На Тимирязевском мехлесопункте треста «Томлес» уровень смертности доходил до 7,6%⁵⁷.

Положение калмыков было настолько тяжелым, что это не могло укрыться от внимания властей. Обращая на это внимание, нарком НКВД Л.П. Берия в ноябре 1944 г. просил СНК оказать им помощь выделением хозяйственного мыла, плиточного чая, соли, шерсти и хлопчатобумажной ткани. В октябре 1945 г. последовало новое обращение Берии с просьбой об оказании спецпереселенцам-калмыкам «хотя бы минимальной помощи продовольствием, одеждой, обувью и лесом для строительства жилищ»⁵⁸.

После окончания войны, когда, казалось бы, утратили силу все причины и поводы, выдвигавшиеся для обоснования депортаций, принудительные миграции продолжались. С точки зрения внутренних депортаций первые полтора–два года после победы представляли своего рода передышку для этнических депортаций⁵⁹.

Но затем жесткая репрессивная политика, включая и внутренние этнические депортации, возобновляется. 26 ноября 1948 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «О применении уголовной ответственности к тем, кто совершает побег с мест обязательного поселения». Указ устанавливал, что выселенные во время войны переселенцы выселены навечно и что за выезд (побег) с места поселения им полагается наказание – 20 лет каторжных работ. Поскольку в этом Указе упоминались не все контингенты, находившиеся на спецпоселении, для комендантов спецкомендатур МВД была подготовлена специальная инструкция, вступившая в силу в июне 1949 г., где приводился перечень контингентов, выселенных «навечно, без права возврата к прежним местам жительства» – немцы, карачаевцы, чеченцы, ингуши, балкарцы, калмыки, крымские татары, крымские греки, крымские болгары и крымские армяне, турки, курды и хемшилы, выселенные из Прибалтики в 1949 г. латыши, литовцы и эстонцы. Эта группа называлась выселенцами. На остальные контингенты («оуновцы», «власовцы» и др.), названные «спецпоселенцами», Указ 26 ноября 1948 г. не распространялся⁶⁰.

⁵⁷ Сарнова В.В. Этническая ссылка... С. 322.

⁵⁸ Сталинские депортации... С. 432–434.

⁵⁹ На это время пришелся пик международных обменов. И если оптация и репатриация немецких военнопленных не относится к депортациям, то того же нельзя сказать о репатриации в СССР собственных граждан. Другое дело, что сама по себе репатриация не была этнической, за исключением фольксдойче и финнов-ингерманландцев (Сталинские депортации... С. 618).

⁶⁰ См.: Земсков В.Н. Указ. соч. С. 160–161.

По состоянию на 1 октября 1944 г. в области было расселено и состояло на учете 97066 чел. выселенцев-спецпоселенцев, из них бывших кулаков – 66431 чел., немцев – 17791, калмыков – 1492, административно-ссылных – 10412. К концу 1949 г. по разным причинам выбыло 50479 человек, в том числе бывших кулаков – 29227⁶¹. Одновременно в область прибывали все новые и новые спецпоселенцы. Основной поток депортированных шел из Западной Украины, Прибалтики, Правобережной Молдавии, Закавказья.

Выселение из Западной Украины происходило в течение 1944–1952 гг. Постановлением Совета Министров СССР от 6 октября 1948 г. выселялись кулаки из Измаильской области УССР, якобы с целью укрепления колхозов. В документе указывалось, что «среди оставшихся крестьянских хозяйств, еще не вступивших в колхозы, имеется часть крестьянских хозяйств, которые своим враждебным отношением к колхозному строю наносят вред колхозам и их укреплению». Прибывшие в Томскую область в ноябре 1948 г. «кулаки-измаильцы» (1100 человек 250 семей) приказом министра внутренних дел были направлены в Тегульдетский леспромхоз. В конце месяца министр внутренних дел Круглов в докладной записке на имя Сталина, Молотова, Берия и Маленкова сообщал: «Для осуществления режима и надзора в местах расселения кулаков созданы спецкомендатуры МВД. Каких-либо эксцессов во время проведения операций по выселению из Измаильской обл. кулаков не отмечено»⁶².

В 1944–1947 гг. на спецпоселение поступило 100 310 «оуновцев». К началу 1953 г. численность этого контингента превысила 175 тыс. человек⁶³. «Оуновцами» (от названия Организации украинских националистов – ОУН) именовались высланные вместе с семьями из Западной Украины сторонники формирований «бандеровцев», мельниковцев и т.п., по национальности украинцы. В Томскую область эшелон с выселенцами-«оуновцами», предназначенными для использования на предприятиях треста «Томлес», прибыл 16 апреля 1949 г. Но здесь их явно не ждали. Ко времени прибытия эшелона на станцию Асино не был подготовлен ни транспорт для их перевозки, ни жилье. И только 4 мая одна группа – 452 чел. – была отправлена в пос. Батурино в Лайский мехлесопункт, где их разместили в бараках, непригодных для жилья. Вторая группа – 449 человек, предназначенная для отправки в Ергайский мехлесопункт Кривошеинского района, оставалась в Асино вплоть до 16 мая, когда начальник Асиновского райотдела милиции майор Петров писал свою докладную записку начальнику областного отдела МВД с просьбой воздействовать на руководителей треста «Томлес»⁶⁴.

⁶¹ Невольные сибиряки... С. 213–214.

⁶² Цит. по: Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину.... С. 236.

⁶³ Земсков В.Н. Указ. соч. С. 154–155.

⁶⁴ Невольные сибиряки... С. 91–92.

Выселение из Прибалтики в 1945–1949 гг. проводилось на основании следующих директивных распоряжений: телеграфное распоряжение НКВД СССР от 16 июня 1945 г.; директива МВД СССР от 10 декабря 1946 г.; приказ МВД СССР от 10 декабря 1946 г. и приказ МВД СССР от 18 декабря 1946 г. о выселении из Литовской ССР членов семей главарей и активных участников банд; постановление Совета Министров СССР от 21 февраля 1948 г. о выселении из Литовской ССР членов семей бандитов и националистов, находящихся на нелегальном положении, убитых при вооруженных столкновениях и осужденных, а также пособников бандитов – кулаков с семьями; постановление Совета Министров СССР от 29 января 1949 г. о выселении из Литовской, Латвийской и Эстонской ССР кулаков с семьями, семей бандитов и националистов⁶⁵. Высылка прибалтов проводилась с согласия советов министров республик Прибалтики. Так, уступая давлению Москвы, первый секретарь ЦК КП(б) Эстонии Н. Каротамм 17 января 1949 г. направил И. Сталину письмо, в котором соглашался с необходимостью ликвидации кулачества как класса путем выселения кулаков за пределы республики еще до начала весеннего сева⁶⁶.

До начала 1949 г. на спецпоселение поступил 49331 человек, высланный в 1945–1948 гг. из Литвы⁶⁷. К 1 апреля 1948 г. в Томской области на учете состояло 686 семей (2463 чел.) контингента «литовцы», высланных из Литовской ССР, как члены семей бандитов и бандпособников⁶⁸. Наиболее крупная депортация из Прибалтики была осуществлена в марте 1949 г., коснувшись жителей всех трех республик. В ходе операции с романтическим названием «Прибой» было выселено с отправкой на спецпоселение 94 305 чел., из них 41 862 чел. – из Латвии, 31 908 – из Литвы, и 20 535 чел. – из Эстонии, а всего за 1945–1949 гг. – более 143,6 тыс. человек⁶⁹. Новый контингент поступил и в Томскую область. С 7 по 12 апреля 1949 г. в Томск прибыло 13 эшелонов из Латвии, в количестве 15430 человек выселенцев. В пути следования умерло 38 человек⁷⁰.

По постановлению Совета Министров СССР от 29 мая 1949 г. из Грузинской, Армянской, Азербайджанской ССР, Краснодарского края и с Черноморского побережья (Одесса и Крым) были выселены «дашнаки» (армяне), греки и турки. Греки выселялись в основном в Казахскую ССР, «дашнаки» – в Алтайский край, турки – в Томскую область⁷¹. Прибывшие на поселение в конце июня 1949 г. турки-выселенцы – 1391 семья (4606 чел.) – были направлены для трудоустройства в северные районы: Верхнекетский – 328 семей, 804 чел., Васюганский – 405 семей, 1281 человек, Парбигский – 264 семьи, 855

⁶⁵ Земсков В.Н. Указ. соч. С. 155.

⁶⁶ Кивимаа Э. Коллективизация в Прибалтике // Коммунист Эстонии. 1989. № 4. С. 59.

⁶⁷ Земсков В.Н. Указ. соч. С. 155.

⁶⁸ Невольные сибиряки... С. 202–203.

⁶⁹ Земсков В.Н. Указ. соч. С. 156.

⁷⁰ Невольные сибиряки... С. 95–99.

⁷¹ Земсков В.Н. Указ. соч. С. 166.

чел., Бакcharский – 394 семьи, 1666 чел.⁷² Для управления ими было создано 5 спецкомендатур, в поселках и десятидворках назначено 180 «старших»⁷³.

За пять лет, с 1944 по 1949 г., в область прибыло (в порядке вселения и по другим причинам) 45816 чел., в том числе: немцы – 13698 чел., латыши – 15502 чел., турки – 4612, «оуновцы» – 1011, сектанты – 231, литовцы – 2664, «власовцы» – 324, бывшие кулаки – 5621, кулаки-измаильцы – 1137, адмссильные – 453, калмыки – 542, крымские татары – 6, чеченцы – 3, эстонцы – 2⁷⁴.

Всего, по данным на 1 октября 1949 г., в Томской области значилось спецпоселенцев, высленцев, административно-высланных и ссыльнопоселенцев 87393 чел. – 14,7% населения области (из 592621 чел.):

Таблица 1.

Спецпоселенцы, высленцы, административно-высланные и ссыльнопоселенцы в Томской области (на 1 октября 1949 г.)

Контингент	В области					В том числе в Томске				
	Семей	Человек	Мужчин	Женщин	Детей	Семей	Человек	Мужчин	Женщин	Детей
Бывшие кулаки	13612	33638	8687	12373	12578	560	1204	450	402	352
Немцы	7777	22610	5480	9824	7306	2715	6894	1966	2807	2121
Калмыки	382	1063	329	407	327	209	645	182	262	201
Сектанты	165	470	81	257	132					
«Власовцы»	-	334	334	-	--	-	332	332		
Литовцы	704	2412	682	1059	671	174	623	185	266	172
Кулаки-измаильцы	249	1105	347	409	349					
Латыши	5070	15135	3875	7006	4254					
Турки	1414	4697	1655	1424	1518					
«Оуновцы»	336	983	226	477	280	1	1	1-	-	-
Эстонцы	2	2	1	1	-	2	2	1	1	-
Крымские татары	4	6	4	-	2	2	2	2	-	-
Чеченцы	-	3	3	-	-	-	2	2	-	-
Всего	29715	82358	21704	33237	27417	3997	9705	3121	3738	2846

Кроме того, в Томской области были расселены 4673 ссыльно-поселенца, высланные в 1941 г. из Молдавии и Прибалтики, а также 316 человек

⁷² Невольные сибиряки... С. 103, 106–108.

⁷³ Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину... С. 242.

⁷⁴ Невольные сибиряки... С. 214.

административно-ссылных, осужденных особыми совещания при МВД–МГБ СССР и по приговорам нарсудов сроком на 5 лет ссылки и 46 человек, высланных по приговорам нарсудов⁷⁵.

Выселенцы и спецпоселенцы были расселены преимущественно в сельской местности и трудоустроены в колхозах – 27616 чел., леспромхозах – 7114 чел.), производственных артелях лесной промышленности – 2139 чел., рыбной промышленности – 559 чел, речном флоте, – 736 – торговле – 1155, электропромышленности – 2270, просвещении – 212, угольной промышленности – 242, здравоохранении – 286, прочих – 10377⁷⁶.

В 1951 г. появился новый отряд депортированных – «кулаки из Литвы». Осенью 1951 г. в Томскую область поступило 1595 семей (6070 человек), из них: в Асиновский район – 317 семей (1184 чел.), Каргасокский – 281 семья (1102 чел.), Тегульдетский – 214 семей (823 чел.), Верхне-Кетский – 264 семьи (900 чел.), Чаинский – 248 чел. (975 чел.) и Парабельский – 271 семья (996 чел.)⁷⁷. А.И. Солженицын так писал о «литовском кулачестве»: «Наговорено было в Сибири, что везут к ним отъявленное кулачество. Но замученным и ободраным вываливали это кулачество из вагонов. На санитарном осмотре русские сестры удивлялись, как эти женщины худы и обтрепаны»⁷⁸.

Приехавших «литовцев» расселяли по колхозам области. Вот как вспоминал об этом житель села Новосельцева Парабельского района: «Тридцать литовских семей завезли к нам в колхоз. Все они были в домотканой одежде – значит, наш брат, крестьянин. Местное население отнеслось к ним дружески. Колхоз выделил каждой семье по корове, ну а трудолюбия литовцам не занимать». На вопрос, обращенный к одной из семей, за что их выслали, они отвечали, что жили на хуторе, имели шесть коров, а за это приходилось платить налог 30 тысяч, так что одежду покупать было не на что. И за то, что не захотели вступить в колхоз, отдать свой скот, у них все отобрали и выслали в Сибирь»⁷⁹.

Кроме того, из западных районов выселялись «сектантские элементы», в вероучении и пропаганде которых власти усматривали антисоветчину. Особенно активной разработке в 1947–1950 гг. подвергались члены секты «Свидетели Иеговы», не признававшие армию и большевистских институтов власти и, благодаря активной миссионерской политике, быстро распространявшие свое учение среди населения. В 1947–1950 гг. было арестовано более 1000 руководителей и активистов этой секты. Депортированные в начале апреля 1951 г. из Молдавии в ходе операции «Север» 723 семьи иеговистов (2617 чел.) были направлены на спецпоселение в Томскую область⁸⁰. Всего прибыло

⁷⁵ Невольные сибиряки... С. 208–210.

⁷⁶ Невольные сибиряки... С. 210.

⁷⁷ ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 949. Л. 181.

⁷⁸ Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ // Новый мир. 1989. № 11. С. 168.

⁷⁹ Народная трибуна. 1992. 28 января.

⁸⁰ Сталинские депортации... С. 624–625.

3094 чел.⁸¹, они были расселены в пяти районах области: Асиновском – 946 чел, Зырянском – 660, Томском – 193, Туганском – 649 и Пышкино-Троицком – 646 чел.⁸²

К 1 января 1953 г. на учете в Томской области состояло 80093 чел., из них: немцы – 26005 (выселенные – 19707, репатриированные – 5830, мобилизованные – 310, местные – 159); из Прибалтики – в 1945–1949 гг. – 16753 (латыши – 14324, литовцы – 2400, эстонцы – 29); «оуновцы» – 11679; кулаки из Литвы в 1951 г. – 7277; с «Черноморского побережья» – 4419 (турки – 1772, греки – 217, другие – 2430); из Прибалтики в 1940–1941 гг. – 3935; из Молдавии в 1940–1941 гг. – 3317; иеговисты – 3118; кулаки из Измайловской области в 1948 г. – 1156; калмыки – 1124; из западных областей УССР и БССР в 1940–1941 гг. – 775; ИПХ⁸³ – 448; власовцы – 54; из Крыма – 16 (греки – 7, татары – 6, армяне – 3); бывшие кулаки – 11; с Северного Кавказа – 3 (чеченцы); фольксдойчи и немецкие пособники – 2⁸⁴. Как видим, по своему составу это были, за редким исключением (власовцы, ИПХ), этнические контингенты.

Как сообщалось в справке начальника отдела «П» УМВД Томской области 10 сентября 1953 г. в обком ВКП (б), доля русских (после снятия со спецучета «бывших кулаков») в этой массе была несравнимо мала – 1460 чел. (2,5%). Самую большую этническую группу составляли немцы – 16914 чел. (29,2%), вторыми были латыши – 11278 чел. (19,4%), затем литовцы – 6922 (11,9%), молдаване – 3555 (6,1%), эстонцы – 1856 (3,2%), евреи – 1122 (1,9%), ассирийцы – 995 (1,7)⁸⁵, поляки – 962 (1,7%), турки – 883 (1,5%), калмыки – 770 (1,3%). Были также болгары – 494 чел, армяне – 402 чел., азербайджанцы – 325 чел., лазы – 217 чел., греки – 176 чел. и другие национальности⁸⁶.

Масштаб этнических депортаций невольно приводит к мысли, что И.В. Сталина и его соратников раздражала этническая пестрота населения СССР, создавая немалые трудности в управлении государством. Вряд ли правомерно объяснять причины этнических депортаций только следствием военных обстоятельств, на что, кстати, обратил внимание еще Н.С. Хрущев в своем секретном докладе на XX съезде КПСС, заметив, что «такого рода выселение никак не диктовалось военными соображениями»⁸⁷. Скорее, наоборот, обстоятельства военного времени были использованы для проведения ре-

⁸¹ В сообщении Начальника Управления МГБ по Томской области Великанова говорилось, что сектанты-иеговисты прибыли из Молдавской, Литовской, Эстонской и Латвийской республик.

⁸² Невольные сибиряки... С. 267.

⁸³ Члены семей репрессированных участников религиозной секты истинно-православных христиан (ИПХ) были высланы в 1944 г. из Воронежской, Орловской и Рязанской областей – 1502 чел.

⁸⁴ Земсков В.Н. Указ. соч. С. 215.

⁸⁵ Большая часть ассирийцев – 893 чел. – была размещена в Бакcharском районе.

⁸⁶ Невольные сибиряки... С. 254–257 (проценты подсчитаны автором).

⁸⁷ Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 151–152.

прессивной политики, направленной на форсированную ассимиляцию народов. «...Приписывание коллективной вины и применение коллективного наказания по признаку этнической принадлежности является серьезным и бесспорным преступлением против человечности...»⁸⁸.

Дисперсный характер расселения в местах высылки депортируемых, особый режим спецпоселения, ограничивающий свободу передвижения, тяжелейшие материально-бытовые условия выживания оставили неизгладимый след в исторической памяти народов, подвергшихся депортации, негативно повлияли на демографические и социокультурные процессы в их среде. Взлет национальных движений конца 1980 гг. в немалой степени был спровоцирован сталинской политикой этнических депортаций. Не менее сложным и противоречивым было влияние этнических депортаций на социально-экономическое, культурное развитие и демографическую структуру населения в местах ссылки.

⁸⁸ Сталинские депортации... С. 276.

**Особенности депортации советских немцев
на Дальнем Востоке в 1940–1950-е гг.**

Политика принудительных миграций по отношению к советским немцам на Дальнем Востоке имела свои особенности и может быть адекватно понята только с учетом общей репрессивной и региональной политики, которая видоизменялась на протяжении нескольких этапов. Одним из определяющих факторов этих изменений была геополитическая ситуация в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

На первом этапе – в 1930-е гг. – Дальневосточный край стал территорией активного и почти непрерывного применения т.н. социальных «чисток». Объяснялось это тем, что здесь общая для страны атмосфера подготовки к ожидавшейся войне с Западом обострялась агрессивной политикой милитаристской Японии, оккупировавшей соседние территории Кореи и Маньчжурии. Сталинское руководство из превентивных соображений считало необходимым применять специальные методы контроля над населением, используя режим запретных зон с выселением из них т.н. «неблагонадежных» и «социально-опасных» групп. Впервые такая масштабная акция была проведена во время кампании паспортизации населения в 1933–1934 гг. Хотя ее главной задачей ставилась «разгрузка» городов от хлынувшего туда крестьянства и разного рода маргиналов, на Дальнем Востоке не менее важной считалась «чистка» приграничья. Введенные тогда режимные зоны охватили территорию, где проживало 97% дальневосточников, нережимными оставались лишь глухие, труднодоступные районы края. В эту кампанию из-за отказа в получении паспорта с местной пропиской пределы ДВК вынуждены были покинуть 56 тыс. взрослых граждан, отнесенных к стигматизированным слоям, а с учетом детей таких выселенцев насчитывалось более 100 тыс. чел.⁸⁹

Во второй половине 1930-х гг., когда общая государственная репрессивная политика развивалась по аномальной восходящей, список «неблагонадежных» и «враждебных» элементов расширился, в том числе за счет включения в них ряда этнических групп. Главной целью принудительных миграций в СССР стала «очистка» приграничных территорий от тех категорий населения, которые могли, по представлениям власти, стать «пятой колонной». В преддверии надвигающейся войны сталинское руководство провело этнические депортации по всему сухопутному периметру страны, в том числе с территории ДВК в 1937 г. в Среднюю Азию были выселены все корейцы (более 170 тыс. чел.), в

⁸⁹ Подробнее см.: Чернолуцкая Е.Н. Паспортизация дальневосточного населения (1933–1934) // *Revue des Etudes Slaves*. Paris, 1999. LXXI/1. P. 17–33.

1938 г. на родину депортированы граждане Китая (около 8 тыс.), а китайцы, имевшие советское гражданство, переселены с семьями в глухие внутренние районы Дальнего Востока (около 2 тыс.) и Казахстан (1,4 тыс.)¹.

Не прекращались «зачистки» дальневосточного приграничья и вне этнического контекста. В их эскалации большую роль сыграло специальное постановление Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР по Дальнему Востоку «О запретной пограничной зоне и пограничном режиме», принятое 1 февраля 1938 г., которое поручало органам НКВД в числе прочих мероприятий представить план выселения из приграничья всего «антисоветского и неблагонадежного элемента»². При практической реализации этого и последовавших директивно-оперативных документов в 1939 г. из 100-километровой приграничной зоны во внутренние районы Хабаровского края и Амурской области были перемещены находившиеся там 13 тыс. спецпоселенцев (половина всех, состоявших на учете ОСП по Дальнему Востоку)³, а из Приморского края в районы Сибири – 14 тыс. формально свободных, но отнесенных к «неблагонадежным» категориям жителей⁴.

Если учесть семьи лиц, осужденных к расстрелу по ст. 58 УК, и некоторые другие группы, также подвергнутые выселению с Дальнего Востока, то в общей сложности в 1930-е гг. из региона было изгнано более 350 тыс. чел., что нанесло серьезный урон его демографическим и трудовым ресурсам (в 1932 г., по подсчетам крайУНХУ, всего здесь проживало 1 729,6 чел.⁵). Многие приграничные районы буквально обезлюдели, и местные власти предпринимали отчаянные и далеко не всегда успешные усилия по организации компенсаторного замещения убывших с помощью заселения этих территорий «более подходящими» категориями граждан – опорная ставка делалась на демобилизованных красноармейцев с семьями.

Какое же место в этой политике занимали немцы? Как известно, в годы сталинского террора они также попали в печально известный список «опасных национальностей» и по всей стране подвергались массовым репрессиям.

В 1939 г. при «зачистке» дальневосточного приграничья планировалось также и внутрирегиональное перемещение немецкого населения. Напомним, что в то время крупнейшая сельскохозяйственная немецкая колония на Дальнем

¹ Подробнее см.: Чернолуцкая Е.Н. Вытеснение китайцев с Дальнего Востока и депортация 1938 г. // Проблемы Дальнего Востока. М., 2008, №4. С. 133–145.

² РГАСПИ. Ф.17. Оп. 162. Д. 22. Л. 121–123.

³ Ткачева Г.А. Принудительный труд в экономике Дальнего Востока России в 20–40-е годы // Краевед. бюллетень. Южно-Сахалинск. 1996, № 1. С. 107.

⁴ Подробнее см.: Чернолуцкая Е.Н. «Очистка» Приморья от «неблагонадежного» населения в 1939 г. как элемент сталинской репрессивной политики // Вопросы социально-демографической истории Дальнего Востока в XX веке. Сб. науч. статей Владивосток: ДВО РАН, 1999. С. 95–112.

⁵ Государственный архив Хабаровского края (далее – ГАХК). Ф. 719. Оп.13. Д. 42. Л. 12.

Востоке располагалась в Тамбовском районе Амурской области, где в конце 1920-х гг. переселенцами из Западной Сибири и Украины были образованы восемь немецких колхозов. Все они находились на расстоянии 12–30 км от государственной границы и были очевидными «кандидатами на выбывание». Кроме того, что в 1930-е гг. сама принадлежность к немецкому народу расценивалась сталинским руководством как опасный фактор, тамбовская локальная группа имела еще одно «пятно» в своем недавнем историческом прошлом. Дело в том, что многие немецкие мигранты на рубеже 1920–1930-х гг. прибыли в Амурскую область с целью дальнейшей нелегальной эмиграции в Китай, и примерно двум тысячам из них действительно удалось это осуществить, в том числе целому колхозу «Арбейт» (202 немца-меннонита), декабрьской ночью 1930 г. перешедшему советско-китайскую границу. В связи с этими событиями секретариат Далькрайкома ВКП(б) 1 января 1931 г. рассматривал вопрос «О состоянии немецких колхозов» и одобрил мероприятия ПП ОГПУ о выселении «самовселившихся в 1929–1930 гг. эмиграционно настроенных немцев» за 100-км полосу⁶.

Что касается 1939 г., то 29 мая Бюро Хабаровского крайкома ВКП(б) приняло постановление, которым поручило начальнику краевого УНКВД Никишову подготовить и внести предложение о переселении немцев из Тамбовского района в нережимный Мазановский район Амурской области, туда же, куда годом ранее из Приморского края отправили китайцев, имевших советское гражданство. К этому времени семь оставшихся после эмиграции «Арбейта» немецких колхозов Тамбовского района объединяли 242 хозяйства, в которых насчитывалось 1 116 чел.⁷ После принятия партийного постановления началась подготовка к переселению. Об этом косвенно свидетельствует доклад начальника Тамбовского РО НКВД секретарю РК ВКП(б) «О состоянии немецких колхозов» на 20 июня 1939 г., в котором кроме прочей информации было перечислено все движимое и недвижимое имущество немецких колхозов с его оценочной стоимостью⁸. Однако переселение не состоялось: до конца 1941 г. немецкие колхозы продолжали существовать на прежнем месте. Мы предполагаем, что причиной тому была реально оцененная местными властями перспектива лишиться важного для области и уже довольно «потрепанного» предыдущими репрессиями сегмента сельскохозяйственного производства. Вполне возможно, что руководству области удалось «выторговать» отмену этой акции или перенос ее на более позднее время. К сожалению, никаких более подробных документов на этот счет выявить не удалось.

⁶ Подробнее см.: Чернолуцкая Е.Н. Миграции немецкого населения на Дальнем Востоке СССР в 1930-е гг.: версии, факты, заблуждения // Этнические немцы России: исторический феномен «народа в пути». Материалы XII науч. конф. / Под ред. А.А. Германа. М.: «МСНК-пресс», 2009. С. 337–348.

⁷ Государственный архив Амурской области (далее – ГААО). Ф. П-14. Оп. 1. Д. 192. Л. 1, 2; ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 12 а. Л. 24.

⁸ ГААО. Ф. П-14. Оп. 1. Д. 192. Л. 1–3.

Второй этап – период *Великой Отечественной войны* – внес свои коррективы в политику по отношению к немецкому населению на Дальнем Востоке. Как известно, в 1941 г. была проведена депортация советских немцев из европейских регионов страны за Урал. Основную их массу разместили в Казахстане, Алтайском крае и Сибири. На Дальнем Востоке их, как и всех других принудительных мигрантов, не расселяли по упомянутым выше стратегическим соображениям – в связи с угрозой возникновения войны с Японией. Более того, когда готовилось принятие постановлений ГОКО СССР о депортации немцев из западной части страны, то, как вариант, предлагалось одновременно выселить в полном составе и немцев из Приморского и Хабаровского краев, отправив их в Казахстан⁹, но вместо этого провели другую акцию (см. ниже).

В период войны немецкое население на Дальнем Востоке по-прежнему было представлено в основном местными жителями, которых по переписи 1939 г. насчитывалось 7 607 чел., в том числе 5 696 чел. в Хабаровском крае (включая районы краевого подчинения и области – Нижне-Амурскую, Амурскую, Камчатскую, Сахалинскую, Еврейскую автономную) и 1 911 чел. – в Приморском¹⁰. Правда, в ведомственных документах начального военного периода (1941–1942 гг.) эти показатели существенно снизились и составляли соответственно – 2 682, 2 096 и 586 чел.¹¹, что частично может быть объяснено мобилизацией в действующую армию в 1941 г. Однако позже оказалось, что немцев в регионе больше (см. ниже). Похоже, что власти попросту не владели точной оперативной информацией об этническом составе местного населения.

В начале войны немецкие жители на Дальнем Востоке подверглись принудительному перемещению внутри региона – из приграничных в глубинные районы Хабаровского края и Амурской области. Основанием для этого служили постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 12 сентября 1941 г. и 12 ноября 1941 г., бюро Хабаровского крайкома ВКП(б) и крайисполкома от 20 октября 1941 г., приказ УНКВД Хабаровского края № 00121 от 24 октября 1941 г. Как видим, депортационная операция на востоке страны по времени несколько отставала от запада, и это понятно: в европейской части уже «горел пожар» войны, а на Тихом океане она только «дымилась».

Для руководства переселением немцев в октябре 1941 г. были созданы Хабаровский краевой штаб во главе с зам. начальника краевого УНКВД И.И. Долгих и областные комиссии в Амурской, Сахалинской и Еврейской автономной областях, откуда проходило выселение¹². Аналогичных доку-

⁹ «Мобилизовать немцев в рабочие колонны... И. Сталин»: сб. документов (1940-е годы) / сост. Н.Ф. Бугай. 2-е изд. М.: Готика, 2000. С. 18, 24.

¹⁰ Там же. С. 36.

¹¹ ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 83. Л. 4.

¹² ОС ИЦ УВД Хабаровского края. Д. 2261-с. Л. 33; Дзюня Н.А. Дальлаг как составляющая карательной системы Советского государства на Дальнем Востоке // «Хотелось

ментов по Приморскому краю не выявлено, но факты показывают, что там велась такая же работа.

В связи с тем, что эта депортация вновь грозила «опустошить» пограничные районы Дальнего Востока, Хабаровский крайисполком, видимо, учитывая печальный опыт массовых принудительных выселений предвоенных лет, своим Постановлением от 30 октября 1941 г. «О заселении колхозов, из которых переселяется немецкое население», сразу же наметил возместить потери путем переселения в Тамбовский и Кагановичский районы Амурской области 320 семей «хозяйственно неустроенных колхозников-переселенцев» из других районов края, предусмотрев для них меры материальной поддержки – передачу жилых домов и надворных построек и оплату расходов по переезду семей. Во избежание излишних перевозок на крайпотребсоюз возлагалась обязанность в местах выезда принять от колхозников-переселенцев зерно, овощи, картофель, фураж и скот с выдачей квитанций, а в месте вселения обеспечить по этим квитанциям выдачу соответствующих продуктов и живности. Немецкое население также обязано было сдать областным властям зерно, картофель, фураж и скот, однако о компенсации им всего этого по месту вселения в постановлении ничего не говорилось¹³, дальнейшие события показали, что компенсации и не было. С завершением такого встречного переселения оставшиеся в Тамбовском районе колхозы, бывшие до этого немецкими, таковыми быть перестали, но сохранили немецкие названия. В районах же нового пребывания немцев колхозы не воссоздавались. Развивать там сельское хозяйство было сложно по климатическим условиям, производственная деятельность ограничивалась золотодобычей и лесозаготовками.

В соответствии с директивами центральных и краевых властей были составлены конкретные планы внутрирегиональной депортации по областям. Например, в Амурской области бюро обкома ВКП(б) и облисполком 8 ноября 1941 г. приняли совместное Постановление «О переселении немецкого населения из колхозов и городов области». В состав утвержденной комиссии по организации этой акции вошли секретарь обкома ВКП(б) Сапего, председатель облисполкома И.Д. Чижов, начальник ОУ НКВД И.М. Веселов. Комиссия приступала к работе с 15 ноября. В помощь ей выделялся партийный актив: 75 коммунистов из Благовещенска, 50 из Тамбовского района, по 15 чел. из Кагановичского и Бурейского районов и г. Куйбышевки-Восточной (совр. г. Белогорск).

Операция проводилась в городах Благовещенске, Куйбышевке-Восточной, Свободном и всех районах области (кроме района вселения) с возложением персональной ответственности на первых секретарей горкомов и райкомов партии, председателей гор- и райисполкомов, начальников РО НКВД. Из

бы всех поименно назвать...»: Книга-мемориал. Т. 6. Хабаровск, 2004. С. 44.

¹³ ГАО. Ф. 114. Оп. 2. Д. 156. Л. 25–26.

режимных районов Амурской области немцев отправляли в Селемджинский район этой же области в распоряжение треста «Амурзолото», который нес все расходы, связанные с переселением. Предполагалось, что тресту предстояло принять 2 300 чел., для их размещения готовились пос. Харга и Лукачек¹⁴. Но реально к началу 1942 г. в район прибыло 2 873 чел., т.е. на 573 больше, чем планировалось. Среди них было значительное число детей, престарелых и инвалидов¹⁵.

Из других областей и районов Хабаровского края, а также из Приморья, немцев переселяли в Верхне-Буреинский и Кур-Урмийский районы Хабаровского края, такие же глухие и труднодоступные, как и Селемджинский¹⁶, что выступало одним из гарантов удержания там принудительных переселенцев. В Приморье убытие немцев не компенсировалось другими миграционными потоками, поэтому там бывшие немецкие колхозы стали приходить в упадок¹⁷.

Общее число депортантов-немцев по Дальнему Востоку не известно, очевидно, оно превышало 3 тыс. чел. Судя по всему, и учитывая издержки советской статистики тех лет, эта депортация не была тотальной в региональном масштабе, а большей частью охватывала компактно проживавшие группы. Как минимум, она не затронула немцев, находившихся в Дальстрое (см. ниже).

Таким образом, если война с Германией (особенно неудачный для СССР ее начальный период) была главной причиной депортации советских немцев из европейской части страны за Урал, то на Дальнем Востоке она послужила лишь усугубляющим фактором для продолжения предвоенной «зачистки» приграничья, а скорее – для ее завершения, поскольку немцы оставались едва ли не последним «опасным» контингентом в регионе – остальные к тому времени были уже «вычищены». Других массовых принудительных переселений в годы войны здесь не проводилось.

Что касается методов проведения, то депортационные операции в отношении немцев на западе и востоке страны были в основном схожи в своей бесчеловечности. Дальневосточники разделили общую трагическую судьбу народа и митарства при обживании новых мест, испытав холод, голод, жизнь в убогих жилищах, тяжелый физический труд, гибель людей. По воспоминаниям очевидцев, само переселение осуществлялось в грубой форме под надзором НКВД. На сборы семьям дали всего несколько часов, на местах осталось все имущество, скотина, урожай. С собой можно было взять лишь некоторые

¹⁴ Там же. Л. 20–22.

¹⁵ Ткачева Г.А. Принудительный труд в экономике... С. 108.

¹⁶ Сутурин А. Немцы на Дальнем Востоке? // Дело краевого масштаба. Хабаровск: Хабаровск. кн. изд-во, 1991. С. 219 – 220; Дзюня Н.А. Дальлаг как составляющая карательной системы... С. 44.

¹⁷ Государственный архив Приморского края (далее – ГАПК). Ф. П-68. Оп. 34. Д. 934. Л. 48.

личные вещи и продукты питания, которые к тому же при перевозке у многих были похищены, что в дальнейшем повергло людей в чрезвычайно бедственное положение. К месту назначения переселенцев везли в «телячьих вагонах» и на грузовых машинах¹⁸. Особенно тяжело пришлось семьям, переселенным в Селемджинский район. Приисковое управление не было готово принять почти три тыс. чел., из-за чего их сложно было расселить и обеспечить работой. На Харгинском руднике и Мынском прииске началась эпидемия кори, унесшая жизни значительного числа детей¹⁹.

Схожим в судьбе «западных» и «восточных» советских немцев был и призыв в «трудармию», проводившийся по Постановлениям ГКО от 14 февраля и 7 октября 1942 г. во всех областях Дальнего Востока в общем для страны режиме. При этом мобилизационные планы, как правило, превышали реальные мобилизационные возможности районов и осуществлялись с максимальным «выжиманием» ресурсов.

Например, в Приморском крае в октябре 1942 г. требовалось набрать в «трудармию» для работы в Умалыстрое 90 немцев-мужчин, но к середине ноября удалось призвать 50 чел. Из запланированной мобилизации 450 немцев для лесоразработок в Кур-Урмийском районе к 7 декабря отправили только 81 чел. Большой «отсев» составили женщины, освобожденные от мобилизации как имевшие русских мужей, родных в РККА и по состоянию здоровья. Попытки «незаконного» уклонения от призыва или побеги были редки и карались по законам военного времени²⁰.

Протестные настроения немцев выражались в основном в форме глухого внутригруппового недовольства, более эмоционально проявлявшегося среди женщин. В том же Приморском крае в период осенней трудмобилизации 1942 г. спецорганы докладывали, что среди мужчин «каких-либо контрреволюционных проявлений» не было, но женщины позволяли себе «антисоветские высказывания», например: «...Нас вышлют куда-нибудь подальше и будут содержать, как заключенных или заложников, и даже в нужный момент могут уничтожить», «...Женщины, поверьте мне, нас повезут, чтобы мы там с голоду подошли, даже и думать не нужно, что нас кормить будут – подохнем мы, как собаки», «...Нас не мобилизуют, а ссылают, потому что мы – немцы, и эта национальность нам будет мешать и будущей работе. Мы голодные, разутые, раздетые. Мы не поедем никуда и не дадим над нами издеваться». В документе сообщалось, что одна из женщин «...сознательно пыталась посеять панику среди мобилизованных, призывала их к отказу выезжать к месту

¹⁸ Сутурин А.С. Дело краевого масштаба... С. 220–221; Бобков М.Ю. Очерки истории пенитенциарных учреждений в Амурской области (1923–1941 гг.). Кн. 2. Благовещенск, 2006. С. 355–356.

¹⁹ Романов В.В. «Германский заговор» в амурской деревне: По следам политических репрессий // Дальний Восток. Хабаровск, 2005. № 2. С. 137.

²⁰ ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 111. Л. 205–209.

работы...», она была арестована и привлечена к уголовной ответственности по ст. 58-10, ч.2 УК²¹.

«Трудармейцы», набранные во всех районах Дальнего Востока (за исключением территории Дальстроя), использовались в Хабаровском крае: мужчины – большей частью на работах по строительству и обслуживанию Умалытинского молибденового рудника (Бурейский район Амурской области), на ремонте сельскохозяйственных машин Куйбышевского моторо-ремонтного завода (г. Куйбышевка-Восточная Амурской области), частично – на заготовках леса, женщины – в основном на лесозаготовках в тресте «Амурзолото» и в леспромхозе Кур-Урмийского района Хабаровского края. К концу войны эта группа мобилизованных насчитывала 1,7 тыс. чел. (1,3 тыс. муж., 0,4 тыс. жен.)²².

Еще примерно тысяча немцев в 1943–1945 гг. работала на строительстве железной дороги Комсомольск – Советская Гавань (стройка № 500). Причем по распоряжению ГОКО они были мобилизованы в других регионах страны, что объяснялось особой стратегической важностью объекта и было редким исключением из действовавшей во время войны установки не посылать на Дальний Восток принудительных мигрантов извне²³.

Кроме того, в октябре 1942 г. была сформирована рабочая колонна в составе 236 немцев, мобилизованных на территории Дальстроя (совр. Магаданская область). Ее отправили на строительство Кулинской обогатительной фабрики Хениканджинского горнорудного комбината (центральный район Колымы)²⁴. В мае 1946 г. в этой колонне было уже 582 чел.²⁵

Третий этап – *середина 1940-х – 1950-е гг.* – определялся условиями послевоенного времени. В эти годы немцы на Дальнем Востоке прошли те же процессы дальнейшего правового закрепощения, что и в других регионах к востоку от Урала. Новым фактором для региона стала активизация миграций в направлении Дальнего Востока. В результате здесь появилось четыре группы спецпоселенцев-немцев.

Первыми из немцев-дальневосточников на положение спецпоселенцев были переведены трудмобилизованные. В 1946 г. их общее число в регионе

²¹ Там же.

²² «Мобилизовать немцев в рабочие колонны...»... С. 279.

²³ Ткачева Г.А. Принудительный труд... С. 137, 143; Еланцева О.П. Строительство № 500 НКВД СССР: железная дорога Комсомольск – Советская гавань (1930–40-е годы). Владивосток: Изд-во Дальневост ун-та, 1995. С. 56–60.

²⁴ Бацаев И.Д. Особенности промышленного освоения Северо-Востока России в период массовых политических репрессий (1932–1953). Дальстрой. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2002. С. 119; Бацаев И.Д., Козлов А.Г. Дальстрой и Севвостлаг в цифрах и документах: в 2 ч. Ч.2. (1941–1945). Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2002. С. 123, 398; Райзман Д.И. Иностранцы – невольники Дальстроя. Магадан: Ноосфера, 2009. С. 52–53.

²⁵ Бугай Н.Ф. 40-е годы: «Автономия немцев Поволжья ликвидировать...» // Отечественная история. 1991. № 2. С. 178.

по-прежнему составляло около 3 тыс. Лагерные зоны закрывались, людей переселяли в общежития. Как рабочая сила они закреплялись за стройками и предприятиями добывающей промышленности, многие – за теми же, где трудились в годы войны. Разрешалось вызвать к себе остальных членов семей, которые также становились спецпоселенцами. На 1 апреля 1953 г. на Дальнем Востоке по учетам ОСП общая численность «мобилизованных немцев» составляла 3 620 чел. (2 375 взрослых, 1 255 детей), в том числе в Хабаровском крае 2 189 (1 387, 802), Амурской области – 1 098 (652, 446), Дальстрое – 334 (331, 3), Сахалинской области – 7 (5, 2)²⁶.

Остальные жители региона немецкой национальности, считавшиеся юридически свободными гражданами, с 1946 г. также подлежали переводу в статус спецпоселенцев по учетной группе «местные немцы».

Как показано выше, большинство лиц этой категории, будучи принудительно переселенными в годы войны, находились в отдаленных районах Хабаровского края и Амурской области – Селемджинском, Мазановском, Верхне-Буреинском и Кур-Урмийском. Органам НКВД–МВД было несложно формализовать статус этой части немецкого населения, сконцентрированной на небольшой территории «на глазах» у власти. Однако задача силовых структур заключалась и в том, чтобы выявить немцев, проживавших в других районах и городах региона. К сожалению, подробных документов на этот счет выявить не удалось. Но анализ сведений, приведенный в «Книге Памяти жертв политических репрессий Амурской области», позволяет установить некоторые детали.

Ставя местных немцев на учет спецпоселений, их, как правило, переселяли в Селемджинский район. Очередность или логика этих действий не совсем ясна, поскольку разные лица были оформлены как спецпоселенцы в разные годы, начиная с 1945 по 1953 г. Создается впечатление, что их хватало по мере того, как они попадали в поле зрения соответствующих структур власти.

Например, в Селемджинский район были выселены в 1945 г. Э.Ф. Ваймер и М.Ф. Ваймер-Мут из с. Красная Речка Хабаровского края, А.Ф. Веймер – из г. Хабаровска, М.П. Берген-Хоменко – из с. Лугового Тамбовского района, в 1946 г. Р.Г. Клопп – из с. Рудницкого Кагановичского района, в 1947 г. П.И. Валл – со ст. Известковой Верхне-Буреинского района, в 1949 г. А.И. Беймерт-Нилова – из с. Ясная Поляна Амурской области, Л.Э. Беккер – из г. Сковородино, в 1951 г. Э.К. Барц – из Бикинского района²⁷, и тд.

Некоторых оставляли в других отдаленных местах края или выселяли туда. Так, в районах своего проживания были поставлены на учет как спецпоселенцы в 1946 г. М.А. Беккер (с. Колон-Поселок Мазановского района), в 1949 г.

²⁶ ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 641. Л. 76–78.

²⁷ Книга Памяти жертв политических репрессий Амурской области. Т. 5: Спецпоселение. 1920–50-е годы / сост. Л.М. Журавлев. Благовещенск: Приамурье, 2007. С. 73, 76, 77, 81, 101, 102, 191.

Е.Н. Аргунова-Гончарова (прииск Соловьевский Желтулакского района), П.И. Карлштрем (с. Овсянка Зейского района). К.Л. Карлштрем в 1949 г. был выселен со ст. Сиваки Тыгдинского района в Зейский район²⁸.

Единственная четкая линия прослеживается в отношении лиц, достигших 16 лет, что, скорее всего, объясняется оформлением ими паспортов. Многие немцы стали числиться спецпоселенцами именно с этого возраста: А.А. Аппель (1934 г.р.), проживавший в пос. Златоустовске Селемджинского района, оказался «выселенным» в Селемджинский же район в 1950 г., Ф.А. Аппель (1936 г.р.) из того же поселка в тот же район – в 1952 г., Л.А. Баумгард (1937 г.р.) из с. Мухино Свободненского района в Селемджинский район – в 1953 г., и т.д. Обнаруженные в других местах региона 16-летние немцы также выселялись в спецпоселки. Например, Е.Д. Нахтигал (1934 г.р.) в 1941 г. было только семь лет, когда ее семью вместе с другими немцами отправили в Селемджинский район, но ее саму родителям удалось оставить на прежнем месте в Тамбовском районе на попечении знакомых. В 1950 г., как только ей исполнилось 16 лет, она была выселена в Селемджинский район²⁹.

К началу 1950 г. 2 711 «местных немцев» получили статус спецпоселенцев. Правда, к 1 января 1953 г. это число уменьшилось до 1,6 тыс., в том числе в Хабаровском крае оно составляло соответственно – 1 108 и 705, Амурской области – 1 580 и 847, Сахалинской области – 23 и 54 чел.³⁰

И все же полного перевода дальневосточных немцев на спецпоселение не получилось, что было характерно и для других зауральских регионов. Согласно данным МВД СССР к октябрю 1949 г. охват немцев спецучетом составлял от 90% (Казахская и Киргизской ССР, Башкирская АССР, Челябинская область) до 2–3% (Омская, Чкаловская области, Алтайский край и др.). Хабаровский край относился к числу территорий, где этот показатель превысил 50% (по Приморью и Дальстрою данных нет)³¹. Можно предположить, что сами силовые структуры не проявляли особого рвения в этом деле по отношению к немцам, проживавшим дисперсно.

В послевоенный период кроме «мобилизованных» и «местных» в спецпоселках Дальнего Востока появились еще две группы немцев – «выселенные по решениям правительства в 1941 г.» и «репатрианты». В отличие от первых двух эти контингенты были завезены в регион извне, что отражало корректировку властью вектора принудительных миграций, связанного с изменением геополитической ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе. С окончанием Второй мировой войны и ликвидацией угрозы со стороны Японии функция социальной «зачистки» пограничных зон в региональной миграционной

²⁸ Там же. С. 70, 77, 184.

²⁹ Там же. С. 69, 74, 251.

³⁰ ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 551. Л. 175, 175 об., 183; Д. 641. Л. 40, 41, 42, 56, 57, 65, 66.

³¹ Бердинских В.А. Спецпоселенцы: Политическая ссылка народов Советской России. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 338.

политике отодвинулась на задний план, приоритетным стало обеспечение производства рабочими руками. На Дальний Восток «потекли потоки» спецконтингентов разных категорий («власовцы», оуновцы, калмыки, «особый контингент» строителей – атомщиков, ссыльнопоселенцы и др.). В результате их общая численность к началу 1952 г. достигла 110 тыс., что было абсолютным максимумом за весь советский период (для сравнения: в 1930-е гг. это число на пике составляло 51 тыс.). Расширилась и внутрирегиональная география их расселения: во второй половине 1940-х–1950-е гг. спецпоселенцы находились во всех краях и областях Дальнего Востока, за исключением Камчатской области (в 1930-е гг. – только в Хабаровском и Приморском краях)³².

Немцев-репатриантов стали завозить в регион весной 1947 г.: первые 910 чел. были размещены в Дальстрое (Колыма). В апреле 1949 г. там насчитывалось 1 001 чел. (992 муж., 8 жен., 1 ребенок.), в 1950–1953 гг. – от 837 до 882 чел., от 4 до 29 семей. В 1950–1953 гг. небольшие группы этого контингента были направлены также в Хабаровский край (17–116 чел., 1–8 семей), в 1952–1953 гг. – Амурскую область (39 чел. без семей) и Приморский край (14–16 чел.)³³. Как видим, их абсолютное большинство составляли мужчины, завезенные на Колыму.

Еще одна группа немцев-спецпоселенцев – «выселенные по решениям правительства в 1941 г.» – была отправлена на Дальний Восток из Сибири и других мест (куда они были депортированы во время войны) в рамках вторичного (и более кратного) переселения, имевшего целью перераспределение трудовых ресурсов. Так, на Сахалин они прибыли в 1948 г. из Тюменской области для работы в рыбной промышленности. Это были уроженцы и бывшие жители ликвидированной Республики немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей. В апреле 1949 г. их на острове насчитывалось 622 чел. (159 муж., 296 жен., 184 детей), в начале 1953 г. – 760 чел., 199 семей.³⁴

В 1950–1953 гг. «выселенные по решениям правительства» немцы находились во всех краях и областях Дальнего Востока общей численностью 2,2–3 тыс. чел. (256–466 семей). Наиболее крупную партию (1 360 чел., 25 семей) в 1949 г. завезли в Дальстрой, к 1953 г. она увеличилась до 1 505 чел. (164 семьи)³⁵.

³² Подробнее см.: Чернолуцкая Е.Н. Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в послевоенный период (1945–1950-е гг.) // Труды института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Серия: Отечественная история. Т.13. Дальний Восток России: проблемы социально-политического и культурного развития во второй половине XIX–XX. Владивосток: Дальнаука, 2006. С. 126–136.

³³ ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 364. Л. 97 об.; Д. 484. Л. 314 об.; Д. 551. Л. 197, 210 об.; Д. 641. Л. 76–78, 241, 242.

³⁴ Там же. Д. 484. Л. 157–158 об.; Д. 641. Л. 57.

³⁵ Там же. Д. 484. Л. 314 об.; Д. 641. Л. 65. Мы вынуждены сделать пояснение по поводу одной из наших предыдущих публикаций по этому сюжету (Чернолуцкая Е.Н. Принудительные переселения немцев на советский Дальний Восток в 1940-х – начале

Послевоенное положение немцев на Дальнем Востоке мало чем отличалось от других регионов их пребывания. Однако нельзя не выделить особенности половозрастного и семейного состава. В 1950-е гг. в регионе наибольшее число семейных с детьми приходилось на «местных» и «мобилизованных» немцев в Хабаровском крае и Амурской области, а также на «выселенных по решениям правительства» в Сахалинской области. Неестественно мало немцев («выселенных», «репатриантов» и «мобилизованных») проживало семьями на Колыме. Отличительной демографической характеристикой этой территории являлась резкая половозрастная диспропорция во всех группах как лагерного, так и «свободного» населения, не были исключением и немцы. В начале января 1950 г. среди них на 1 235 мужчин контингента «выселенные по решениям правительства» приходилось только 124 женщины и 1 ребенок (на Сахалине – 166, 295, 267), у «репатриированных», соответственно – 825, 4, 5, «мобилизованных» – 467, 38, 6³⁶. Все это объяснялось тем, что на горнодобывающих предприятиях Дальстроя требовались физически крепкие работники-мужчины, в результате вторичное переселение «выселенных» немцев и отправка репатриантов из ПФЛ на Колыму неизбежно сопровождалось разрывом семей, если они были, и отсутствием объективных возможностей для женитьбы у холостяков, как это происходило при мобилизации в «трудармию» в годы войны. Аналогичная ситуация была у «власовцев», но, по крайней мере, их срок пребывания на спецпоселении ограничивался шестью годами, в то время как немцы не имели и такой «привилегии». Таким образом, несмотря на выход страны из экстраординарных условий военного времени, почти половина спецпоселенцев-немцев на Дальнем Востоке была лишена главного условия полноценной жизни человека – жить семьей.

Что касается другой части немцев – «местных» и «мобилизованных», то их личная жизнь постепенно нормализовалась, чему способствовало возвращение «трудмобилизованных» из лагерных зон, налаживание быта, воссоединение разрозненных семей, начавшееся с 1945 г. В результате этого соотношение рождаемости и смертности этой категории населения на Дальнем Востоке изменилось в пользу первого показателя: например, в 1947 г. родилось 77 чел., умерло 37, в первом полугодии 1950 г. – 84 и 34 (полные данные по годам не выявлены)³⁷. Части немцев удалось добиться разрешения на прожи-

50-х гг. // Российское государство, общество и этнические немцы: основные этапы и характер взаимоотношений (XVIII–XXI вв.): Материалы 11-й межд. науч. конф. М.: «МСНК-пресс», 2007.). На стр. 375 этого издания приводится таблица, отражающая общую динамику численности немцев-спецпоселенцев категории «выселенные по решениям правительства» на Дальнем Востоке в 1950–1953 гг. Из-за технического сбоя в последних двух столбцах вместо четырехзначных чисел напечатаны трехзначные. Во всех строчках этих столбцов утеряна первая цифра – 1 тыс.

³⁶ ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 551. Л. 165 об., 210 об., 233 об.

³⁷ Подсчитано по: Там же. Д. 363. Л. 76 об.; Д. 364. Л. 84 об., 97 об.; Д. 365. Л. 85; Д. 366. Л. 144; Д. 551. Л. 244, 244 об., 253, 257 об.

вание с родственниками в других регионах. Так, с Сахалина около 270 немцев выехали в Казахскую ССР, Алтайский и Красноярский края, Новосибирскую, Омскую, Томскую, Тюменскую и другие области³⁸.

Следствием принудительных миграций послевоенного периода стало увеличение численности немецкого населения на Дальнем Востоке, особенно в Сахалинской области и Дальстрое (с 1953 г. – Магаданская область). Напомним, что по переписи 1939 г. всего по региону оно составляло 7 607, а по документам 1942 г. – только 2 682 чел. С прибытием на спецпоселение мигрантов из других регионов этот показатель стал неуклонно расти. Если в 1947 г. по учетам ОСП на Дальнем Востоке проходило 3,1 тыс. немцев, то в 1953 г. – 9,3 тыс., из них «пришлые» («репатрианты» и «выселенные») составили от 38 до 44%. На 01.01.1953 г. в Хабаровском крае находилось 3 529, Амурской области – 2 231, Дальстрое – 2 677, Сахалинской области – 818, Приморском крае – 25 немцев-спецпоселенцев³⁹.

В дальнейшем начался процесс их постепенного освобождения, который составляет *четвертый этап* политики принудительных миграций немцев на Дальнем Востоке. Он не имел ярко выраженной региональной специфики, поэтому мы опускаем его из нашего анализа.

К сожалению, сведений о том, сколько немцев выехало с Дальнего Востока после освобождения, у нас нет. Перепись населения 1959 г. показала, что общее число немцев в регионе в сравнении с учетными данными спецпоселенцев не только не уменьшилось, но и выросло, составив 10 458 чел., в том числе в Хабаровском и Приморском краях, соответственно – 4 090 и 3 132 чел. Однако в Амурской, Магаданской и Сахалинской областях оно сократилось (1 100, 1 579, 557)⁴⁰. В реальности немцев могло быть и больше, поскольку при переписи часть из них (особенно сменившие фамилию женщины), пережив коллективную травму сталинских репрессий, возможно, скрывала свое этническое происхождение. Это позволяет предположить, что основная масса бывших спецпоселенцев осталась в регионе, несколько переместившись внутри него в более благоприятные районы. Такое развитие событий тем более вероятно, что на родину им возвращаться было запрещено.

Но, скорее всего, определенный отток освобожденных спецпоселенцев-немцев с Дальнего Востока все же был. В пользу этого склоняют следующие аргументы: 1) не все лица немецкой национальности, проживавшие на Дальнем Востоке, состояли на учете спецпоселений, а значит, в целом немецкое

³⁸ Пашков А.М. Советские немцы-спецпереселенцы на Сахалине: политические и демографические аспекты // Архивы в панораме XXI века: материалы науч.-практ. конф., посвящ. 65-летию Государственного архива Сахалинской области. Южно-Сахалинск, 2004. С. 74.

³⁹ ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 641. Л. 40, 41, 42, 57, 65.

⁴⁰ Подсчитано по: Пересчеты таблиц (1959 г.) в границах переписи 1989 г. Национальный состав. (материалы были получены автором в 1990 г. в Текущем архиве Госкомстата РСФСР).

население в регионе превышало учетную численность ОСП в межпереписные годы; 2) во второй половине 1950-х гг. в регион могли приехать немцы – добровольные мигранты из других территорий страны, что объективно снижает число оставшихся на 1959 г.

Как бы там ни было, принудительные миграции, безусловно, повлияли на изменение этнического состава населения на Дальнем Востоке, а в более поздний период – на характер миграционного оттока из региона.

О советских немцах, немцах-спецпоселенцах в западносибирских лагерях НКВД–МВД СССР для военнопленных: 1943–1950 гг.

В годы Великой Отечественной войны и после ее окончания в лагерях для военнопленных НКВД–МВД СССР в западносибирском регионе применялся труд как вольнонаемных советских немцев, так и немцев спецпоселенцев, арестованных, либо находящихся под следствием. Во-первых, во многом это объяснялось нуждами производства и самих лагерей. Во-вторых, пользующийся доверием администрации обслуживающий персонал из числа вольнонаемных советских немцев использовался в качестве переводчиков при их постоянном дефиците. В-третьих, в условиях недокомплекта медицинских работников должности фельдшеров, медицинских сестер, а зачастую и врачей, занимал спецконтингент.

В течение 1946–1947 гг. численность медицинских кадров в лагерях ГУПВИ МВД СССР по стране составляла 5 700 чел., из них – 37% были советскими гражданами, 63% из числа военнопленных и немцев-спецпоселенцев. Среди 5 072 чел. среднего медицинского персонала соответственно – вольнонаемный состав равнялся 75%, из числа спецконтингента – 25%⁴¹.

При найме на работу служебную проверку проходил весь персонал. Предпочтение отдавалось лицам, отслужившим в армии, фронтовикам, имеющим стаж работы в НКВД–МВД. Ротация и наем вольнонаемных и медицинских кадров не всегда зависели от национальной принадлежности, а скорее – от личностных и деловых качеств.

Судя по спискам управленцев, в административный аппарат (с немецкими фамилиями) принимались кадры с образованием не ниже 7–9 классов, среди врачей – с высшим медицинским образованием, по воинскому званию – от рядовых до майора медицинской службы включительно. Возрастной состав был различен – от 25 до 50 лет, врачами работали лица и более старшего возраста. Например, в лагере № 525 (Кемеровская область) работал врач, окончивший университет в Италии. Должности начальников лагерных отделений, финансовых и снабженческих служб в 1945–1947 гг. занимали прошедшие фронт кадровые офицеры, в графе национальность указавших «немец». Но особенно широко практиковался наем в лагеря для военнопленных немцев в качестве переводчиков.

Так, например, пользовались доверием администрации, имели серьезный послужной список переводчики при оперативном отделе лагеря НКВД–МВД

⁴¹ Главное Управление по делам военнопленных и интернированных НКВД–МВД СССР. 1941–1952 гг.: Отчетно-информационные документы и материалы. Т. 4. / Сост. М.М. Загорулько, К.К. Миронова, Л.А. Пылова и др. Под ред. Проф. М.М. Загорулько. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2004. С. 256–257.

СССР № 93 в Тюмени Д.К. Шефер, Г.Я. Риккер, П.Я. Реймер, Е.К. Кнауб. Д.К. Шефер был кадровым служащим внутренних войск, начал службу в ОГПУ в 1929 г. в г. Марксе, затем возглавлял районный отдел ОГПУ Советского района, НКВД г. Красноармейска и Федоровского района Республики Немцев Поволжья. В 1937 г. он был командирован в распоряжение УМВД Омской области, где занимал различные должности, в том числе, недолго прослужил в особом отделе 362 стрелковой дивизии переводчиком. В начале 1943 г. ему было присвоено очередное воинское звание старшего лейтенанта госбезопасности и получено назначение на должность переводчика оперативного отдела 1 категории в лагерь для военнопленных № 93¹.

Драматична судьба Е.К. Кнауб, происходившей из семьи советских немцев, которая проработав несколько лет переводчицей, затем машинисткой-делопроизводителем, была обвинена в несанкционированных связях с военнопленными немцами и уволена из органов МВД². Проследить ее дальнейшую судьбу не удалось.

В основном немецкие военнопленные, знающие русский язык, были настроены антисоветски и поэтому не желали сотрудничать с оперативно-следственными органами и администрацией лагерей, большинство советских политработников не знали иностранных языков, а на протяжении всего периода существования лагеря в Западной Сибири испытывали острый недостаток переводчиков. В результате, судя по оперативно-отчетной документации Управлений лагерей, при приеме на работу преимущество отдавалось спецпоселенцам, профессионально владеющим немецким языком, ориентирующимся в его диалектах, с высоким уровнем образованности, с наличием коммуникативных и иных (выдержанность, требовательность, аккуратность, ответственность) личностных качеств, что, тем не менее, предполагало постоянный усиленный контроль за данной категорией со стороны оперативно-чекистских отделов.

В качестве примера приведем наиболее типичные характеристики из личных дел. Г.Я. Риккер попал в Сибирь в малолетнем возрасте вместе с родителями, его семья была выслана из Крыма. Вместе с раскулаченными родителями он прибыл в Березово, а после окончания школы попал на военное строительство в г. Омск. В мае 1945 г. А.П. Риккера назначили на должность главного бухгалтера, а затем начальника финансового отдела лагерного отделения № 2 лагеря НКВД СССР № 93, где он работал до конца 1947 г. В начале 1948 г. А.П. Риккер был отстранен от занимаемой должности по обвинению в финансовых хищениях³.

¹ Темплинг В.Я. Военнопленные Второй мировой войны в Тюмени // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея: 1999. Тюмень: Издательско-полиграфическое предприятие «Тюмень», 2000. С. 110.

² Информационный центр Главного управления внутренних дел Тюменской области (далее – ИЦ ГУВД ТО). Ф. 27. Оп. 20. Д. 6. Л. 34; РГВА. Ф. 1п. Оп. 9в. Д. 11. Л. 121.

³ ИЦ ГУВД ТО. Ф. 27. Оп. 20. Д. Р-7855. Л. 14–16.

П.Я. Реймера депортировали в Исетский район Омской области на основании Указа от 28 августа 1941 г. До 1945 г. вместе с семьей он находился на спецпоселении. В мае 1945 г. был мобилизован редактором лагерной корреспонденции в лаготделение № 8 лагеря НКВД СССР № 93 в Тюмени. Убежденный коммунист с 1946 г. и до расформирования лагеря в 1948 г. он работал политинструктором по антифашистской работе⁴.

По воспоминаниям Вершининой (Полле) Гульды Фридриховны, 1925 года рождения, лютеранки, депортированной в 1941 г. из Ростовской области, Колочинского района (с. Виктор-Фельд) и находившейся на спецпоселении в г. Сталинске (Новокузнецке): «В 1947 г. меня мобилизовали в переводчики в лагерь военнопленных. Нас увезли в Сталинск. Там мы работали в оперотделе. Нас жестко проверяли на знание немецкого и русского языков. Мы переводили письма военнопленных. Была строгая цензура. Прочитаешь письмо,ставишь печать, в том, что оно прочитано. Мы письма переводили и отдавали их главному переводчику, а он уже относил их начальству. Никто не смел плохо писать. Писали: "Вкусно не питаемся, но голодными не ходим" – такие письма еще пропускали, а если писали, что голодают, то письма сразу браковали. Писали обычные письма, как муж жене, матери: "Жив, здоров, работа тяжелая, но мы выдержим". Но мало кто выдерживал. Писали военнопленные на родину, шли письма и от их родных из Германии. Все письма проходили через наши руки. Были русские переводчицы и из Москвы, считали себя умнее нас, хотя не могли хорошо сделать перевод. Потом нас определили по лагерям, так как переводчиков не хватало. Месяца четыре я там пробыла. Я не знаю, почему нас отпустили, то ли военнопленных стали отпускать домой, то ли не нужны стали, то ли не подходили, не знаю. Нас просто вызвали к начальнику и сказали, что мы можем поехать домой. Но домой не отпустили, а отправили в шахту на Байдаевку, где я опять работала переводчицей. Семью мою оставили на поселении в поселке Абагур, и несколько лет ничего о них я не знала – режим был жесткий. Да и как немку подозревали в шпионаже. Однажды прямо на участке арестовали молодого парня из Ростова, за то, что заподозрили в неточном переводе»⁵.

Весь служебный персонал проходил постоянную проверку, лица немецкой национальности находились под постоянным оперативным наблюдением и контролем. Были вскрыты факты «преступного сговора» немцев-переводчиков оперативных отделов с военнопленными и интернированными. В частности, были вскрыты нарушения правил перлюстрации лагерной переписки. Например, проверка деятельности переводчиков оперативно-чекистских отделений (ОЧО) немцев Бауэра Г.И. и Боша П.Р. показала, что из 52 525 писем, отправ-

⁴ Там же. Д. 18399. Л. 6–7.

⁵ Воспоминания Вершининой (Полле) Гульды Фридриховны записаны Н.М. Маркдорф в 2005 г., публикуются в авторской редакции и с личного разрешения респондента.

ленных в Германию из лагеря № 526 (Кемеровская область), 1 463 подлежали изъятию, а в 225 содержались не подлежащие разглашению сведения⁶. Несанкционированной переписке в ряде случаев способствовал медицинский, хозяйственный лагерный персонал (чаще всего женщины), который в обход цензорских отделений отправлял письма военнопленных через городские почтовые отделения. Так, в период 1947–1950 гг. были уволены со службы 11 работников лагерей № 525 (Кемеровская область), № 511 (Алтайский край), № 93 (Тюмень) и спецгоспиталя № 1407 (Кемеровская область) за «способствование контингенту в запрещенной переписке с родственниками за границей»⁷, часть из них являлись вольнонаемными советскими и интернированными немцами.

Следствием деятельности оперотделов по пресечению материально-финансовых преступлений с декабря 1946 г. стала производившаяся постоянная ротация управленческих кадров (начальников санчастей, лазаретов, лагерных отделений, Управлений лагерей) с заведением следственных дел на руководящий состав. В 1946–1949 гг. из-за различного рода правонарушений практически весь управленческий состав западносибирских лагерей смещался неоднократно.

Например, результатом одной из операций оперативников лагерного отделения № 13/525 стало разоблачение «группы воров» под руководством коменданта санчасти Буша, на протяжении длительного времени незаконно реализовывавших имущество лазарета. При обыске у него обнаружили 65 пар белья, восемь простыней и другие материальные ценности, которые он продать не успел. Все участники группы получили срок в 10 лет ИТЛ со строгой изоляцией⁸.

В лагерях НКВД–МВД СССР в Западной Сибири, особенно в 1944–1946 гг., труд врачей из числа немцев-спецпоселенцев применялся достаточно широко. Причем, по рекомендации начальников Управлений лагерей после окончания войны в лагерях стал использоваться медицинский персонал из осужденных немцев, отбывавших срок в тюрьмах и колониях особого режима. Данная категория размещалась на территории лагерной зоны и могла достаточно свободно перемещаться внутри лагеря. Запрещалось покидать лагерь без разрешения, но данное правило нередко нарушалось. По долгу своих обязанностей медицинский персонал выезжал в город за медикаментами, следовательно, контактировал с местным гражданским населением. «Услугами» квалифицированных немцев пользовался не только военнопленные, лагерный персонал, но и местное население. Так, известны факты, когда

⁶ Информационный центр Главного управления внутренних дел Кемеровской области (далее ИЦ ГУВД КО). Ф. 11. П. 7. Д. 5. Л. 21.

⁷ ИЦ ГУВД КО. Ф. 11. П. 8. Д. 3. Л. 29–118 об.; ИЦ ГУВД ТО. Ф. 21. Оп. 3. Д. 17. Л. 11; ИЦ ГУВД АК. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3. Л. 179.

⁸ ИЦ ГУВД КО. Ф. 11. П. 1. Д. 9. Л. 189, 269–270.

в лагерных амбулаториях врачи вели прием гражданского населения, а врачи-хирурги участвовали в проведении операций наряду с советскими врачами⁹.

Так, в лазарете лагерного отделения № 2 лагеря для военнопленных НКВД–МВД СССР № 93 г. Тюмени в марте 1945 г. были приняты врачи Шнайдер и фельдшер Козьма. В январе 1946 г. вольнонаемный состав из числа советских немцев пополнили прикрепленные к оздоровительным командам (ОК) врачи Келлер и Коренее (лагерь № 93)¹⁰, в спецгоспитале № 1407 (1949–1950 гг.) медицинскую деятельность вели арестованные в 1946 г. и помещенные в лагерь для военнопленных № 525 врачи Шнайдер Вальтер, Мюллер Бернгард, Штекель Гергард, Бенинг Пауль и Штейкснер Вальтер¹¹. Об их высокой профессиональной квалификации, о доверии к ним администрации и персонала свидетельствовал тот факт, что врачам разрешался самостоятельный прием больных, ночные дежурства, ведений истории болезни на немецком языке, диагностика и рекомендации по лечению писались на латыни. Кроме того, немцы-врачи были постоянными донорами, как медики выполняли свой врачебный долг по отношению к пациентам¹². В своих мемуарах прошедший сибирские лагеря врач Хаггеман впоследствии вспоминал: «В первую зиму пребывания в лагере мы встретились с болезнями, о которых знали только по учебникам. На их диагностику и лечение потребовалось немало средств и усилий. Физическое и душевное состояние немцев характеризовалось исключительным равнодушием и апатией ко всему происходящему, именно с этим состоянием нам пришлось бороться в первую очередь... Нельзя оспаривать тот факт, что для наших пациентов мы делали все возможное, что было в наших силах, невзирая на то, кто были эти больные – немцы, румыны или японцы...»¹³.

Однако с 1947 г. недоверие к немцам-врачам усилилось. Так, заместитель начальника Первого Управления и начальник отдела трудового использования подполковник Денисов на оперативном совещании руководящих работников ГУПВИ МВД СССР, посвященном ухудшению физического состояния военнопленных одной из причин роста заболеваемости и смертности среди них указал следующее: «У нас есть врачи – немцы, лечащие румын, лечащие немцев и так далее. Где гарантия, что в их лечебной работе нет сознательно заложенного дефекта? Врачевание – это для нас, не медиков, тайна закрытых дверей, поди узнай, то ли делает, что надо немец-врач с больным венгром. Или, впрыскивая что-нибудь больному немцу, врач-румын не думает при этом: "Эх,

⁹ Кузнецова И.П. Зона милосердия. М.: Изд-во Сабашниковых, 2005. С. 71.

¹⁰ ИЦ ГУВД ТО. Ф. 27. Оп. 20. Д. 7. Л. 113, 118.

¹¹ ИЦ ГУВД КО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 17. Л. 1134–1137.

¹² Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 205. Т. 14. Л. 180–180 об.

¹³ Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 32п. Оп. 1. Д. 12. Л. 3, 3 об.

сволочь, из-за вас страдаю"...»¹⁴. В этой связи было предложено усилить разоблачительную работу по пресечению антисоветской и националистической пропаганды «реакционных элементов», укрепив контроль над врачебной практикой, прежде всего немцев. В результате, большую часть арестованных немцев, отбывавших срок за различные преступления в тюрьмах и в исправительно-трудовых колониях до работы в лагерях НКВД–МВД СССР, отстранили от медицинской практики и заменили на вольнонаемный персонал. Однако дефицит в медицинских кадрах преодолен не был, поэтому вплоть до окончательной репатриации в лагерях и спецгоспиталях труд военнопленных врачей и из спецконтингента применялся достаточно широко.

Приказы и инструкции НКВД–МВД требовали организации полной изоляции военнопленных от вольнонаемных лиц и гражданского населения на производстве. Однако, несмотря на серьезные ограничения и предпринимаемые меры со стороны органов НКВД и руководства лагерей МВД СССР для военнопленных, обеспечить их необходимую изоляцию на деле не всегда представлялось возможным. В рамках производственного процесса военнопленные постоянно контактировали с вольнонаемными рабочими и техническим персоналом, а также другими категориями спецконтингента, особенно немцами – спецпоселенцами и советскими заключенными. Практика выделения изолированных участков для труда различных категорий спецконтингента, как правило, успеха не имела. Кроме того, значительная часть военнопленных не владела русским языком, что значительно затрудняло производственные и личностные отношения.

С получением санкции заместителя Народного комиссара госбезопасности Круглова с целью «наладить» общение на должности инструкторов на производстве назначались местные немцы, трудовармейцы. Граждане «второго сорта» сами находились на положении заключенных в своей родной стране и «отрабатывали» срок на угольных и иных промышленных предприятиях сибирских областей.

В своих мемуарах бывшие немецкие военнопленные вспоминали, что в шахтах и на промышленных предприятиях работало много женщин и девушек – поволжских немок, а также депортированных в 1941 г. из Ростовской, Днепропетровской, Воронежской областей, интернированных из Германии и Польши, общение и взаимопонимание с которыми достаточно быстро удалось наладить. «...Однажды на стеклозавод, где мы работали, пригнали семьдесят интернированных немецких женщин. Выглядели они очень плохо, серые лица, очень худые и изможденные. Однако, работая рядом с нами, они улыбались, вскоре завязались первые знакомства, назначались свидания. Особенно мне понравилась одна из них – Анна Лизе Лерке. На следующий день я принес ей

¹⁴ Военнопленные в СССР. 1939 – 1956. Документы и материалы / Сост.: М.М. Загорулько, С.Г. Сидоров, Т.В. Царевская; Под ред. М.М. Загорулько. М.: Логос, 2000. С. 517–518.

цветок...»¹⁵. В центральных и региональных архивах сохранились обращения военнопленных к руководству лагерей о разрешении браков с интернированными немками и немками, находящимися на спецпоселении¹⁶. Ни одно из них в силу политических мотивов удовлетворено не было.

Вопрос о пребывании советских немцев, немцев-спецпоселенных, их производственных и межличностных отношениях остается одним из малоизученных в современной российской историографии. Насильственное переселение, осуществлявшееся в годы Великой Отечественной войны, тяжелый подневольный труд способствовали «сближению» рабочих разных национальностей, несмотря на то, что одни были вчерашними военными противниками, а другие «врагами народа». По воспоминаниям Штейнборна Ивана Васильевича: «В забое мы были дружны и делились куском хлеба. Иное дело – "наши", свои, русские, которые долгие годы считали нас фашистами...»¹⁷.

¹⁵ Heht G. *Sibirische Glocken: Glaube und Hoffnung*. – Gernrode, 2006. S. 59.

¹⁶ См., например, РГВА. Ф. 32п. Оп. 1. Д. 10. Л. 139–140.

¹⁷ Воспоминания Штейнборна И.В., 1925 года рождения, лютеранина по вероисповеданию, родившегося в Омской области, Исилькульском районе, в с. Надеждовка, записаны в 2006 г. в пос. Абагур-Лесной Кемеровской области Н.М. Маркдорф. Публикуются в авторской редакции и с личного разрешения респондента.

О диалоговом поле немцев в Арктической зоне Сибири во время Второй мировой войны и последующего десятилетия

В последнее время, в связи с 65-летием Победы и 70-летием начала Великой Отечественной войны появилось большое количество публикаций и телепередач, «сработанных» детьми, внуками и правнуками фронтовиков, но со стереотипами, пересёнными из 1940-х годов, например: «в войне с немцами победили русские»! Через научное освещение участия немцев в войне важно в массовое сознание внедрять иной взгляд, отринув антитезу «русские – немцы».

В рядах вермахта находились граждане Германии и стран-саттеллитов, а также немцы – уроженцы царской России («белогвардейцы») и подданные СССР. Но на стороне фашистов участвовали в боях и русские (в том числе 250 тысяч казаков), а 9 советских немцев за подвиги на фронте и во вражеском тылу были удостоены звания Героя Советского Союза. Ещё двое, в последнее десятилетие, за свои подвиги в годы войны были удостоены звания Героя России. Если же принять во внимание, что в воевавшем Севморпути (входил в зону ответственности Арктического фронта)¹⁸ работали на ответственных должностях Эрнест Кренкель и Отто Шмидт (ставшие Героями Советского Союза ещё в 1938 году), то число воевавших советских немцев, удостоенных высшего звания страны, вырастает до тринадцати. В Сибири лишь у «незначительной части немцев наблюдались прогерманские настроения, некоторые переселенцы отказывались вступать в колхозы. Но в целом такие присущие немцам качества, как трудолюбие, пунктуальность, добросовестность, способствовали тому, что они быстро включались в работу. Многие немецкие бригады стали передовыми, ежедневно перевыполняя норму, трудились вместе со всеми под лозунгом "Всё для фронта! Всё для победы!"»¹⁹.

Говоря об участии немцев в событиях в Арктической (заполярной) зоне Сибири в период войны и первого послевоенного десятилетия, следует принять во внимание, что север Тюменской области и Красно-

¹⁸ Северный морской путь стал единственной «дорогой жизни»: по нему шёл поток грузов ленд-лиза, снимая напряжение с Транссибирской железнодорожной магистрали; Норильский комбинат обеспечивался сырьём и поставлял готовую продукцию; северные регионы получали уголь, продовольствие и оборудование для станций слежения и метеонаблюдения.

¹⁹ Красноярье: пять веков истории. Учебное пособие по краеведению. Ч. II. Красноярск, 2006. С. 79.

ярского края в 1942–1944 годы оказался правым флангом Арктического фронта. Если по позднему признанию Дмитрия Папанина мало кто в руководстве СМП допускал возможность прихода в акваторию Карского моря кораблей *Kriegsmarine*, то случайным образом высланные по Указу Президиума Верховного Совета СССР «во избежание... нежелательных явлений и для предупреждения серьезных кровопролитий» из прифронтовой полосы на севере Сибири вновь оказались вблизи фронта: сюда заходил и пытался захватить штаб морских операций на острове Диксон крейсер «Адмирал Шеер», блуждали 11 подлодок *Kriegsmarine*, на побережье Карского моря для пополнения запасов воды и обмена продуктами с ненцами высаживались десанты гитлеровских подводников. Таким образом, в этой зоне оказались немецкие моряки *Kriegsmarine* и советские немцы спецконтингента. Были здесь и немцы – свободные граждане СССР (советская элита) такие, как Кренкель и Шмидт, не испытывавшие ограничений гражданских прав, однако и не стремившиеся обозначить своё происхождение.

Следует различать степень ассимиляции и аккультурации советских немцев по времени проживания в Сибири (местным уроженцам легче было переносить особенности климата), образовательному цензу, отрыву от «деревенских корней», где, очевидно, в большей степени сохранялись родной язык и традиционная культура, чем у сосланных сюда уроженцев Москвы и Ленинграда. При этом следует понимать, что после депортации в Сибирь, эти процессы протекали по иному «сценарию», а попадавшие сюда немцы Поволжья, Украины, Кавказа в абсолютной степени являлись представителями традиционного общества. Их происхождение, уклад жизни и незнание русского языка затрудняли инкорпорацию в среду сибиряков. Препятствовали тому и религиозные различия, хотя вера в Бога помогала выстоять и надеяться.

Каждая из названных групп выступала в той или иной форме, но участником *диалога культур*. Специфика его, даже в условиях идущей войны и ограничений послевоенного десятилетия, состояла в том, что в процессе взаимодействия рождались новые явления, обогащавшие, в конечном итоге, всех участвовавших (явно или косвенно) в диалоге сторон. Заметим, что понятие *диалог* не всегда трактуется правильно, так как слишком часто используют его применительно к любой ситуации. Между тем *диалог* предполагает наличие двух сторон, заинтересованных во взаимодействии, но если одна из сторон не может, не хочет, не рассчитывает на *диалог*, то любые рассуждения о нём бесполезны. Во время войны диалог происходил на уровне утилитарных потребностей, даже когда высаживавшиеся на побережье Карского моря подводники *Kriegsmarine* пытались в контактах с ненцами обменять сигареты и галеты на оленину и рыбу.

Из 82 000 немцев, высланных в Омскую область (в её состав входила и теперешняя Тюменская область), часть была направлена на рыбные промыслы Заполярья, для обеспечения потребностей Севморпути. Для этих же целей на Таймыр, в сентябре 1941 – сентябре 1942 годов были отправлены, в интернациональном составе, немцы-спецпоселенцы, хотя потребность в людских ресурсах была завышена там в 3–3,5 раза¹. Ещё восточнее – на Хатангу были отправлены летом 1943 года 140 человек, а выжившие лишь в 1957 году (!) узнали о своей реабилитации².

При этом обещанные по Указу, взамен утраченных в Поволжье, наделы земли в условиях Заполярья не представляли ценности, а «государственная помощь по устройству в новых районах» иногда ограничивалась высадкой депортированных на необустроенные берега северных рек, без учёта возможности их адаптации к новым природным и социальным условиям. Несколько больше повезло спецконтингенту, направленному на Салехардский, Дудинский, Ошмаринский и другие рыбзаводы, хотя они и размещались на чердаках, в наспех возводимых землянках, бараках и «оленьих конюшнях», а также в подсобных помещениях – за счёт уплотнения производств. Сам термин «уплотнение» стал символом тех лет. Уплотняли не только производство, но и людей, их квартиры, время, саму жизнь, независимо от статуса новых сибиряков. Самой тяжелой оказалась зима 1942/1943 годов, которую спецпоселенцы долго вспоминали как кошмарный сон «...трупы складывали в штабеля. Заледеневшие немцы, латыши, литовцы, финны, украинцы...»³

Инструкция по переселению предписывала: «Разрешить переселенцам брать с собой бытовое имущество, мелкий хозяйственный инвентарь и деньги (сумма не ограничивалась, ценности тоже). Общий вес всех вещей, одежды и инвентаря не должен был превышать одной тонны на семью», но, как вспоминали многие немцы старшего поколения, на самом деле разрешалось брать с собой не более 16 кг поклажи. Поэтому спецпоселенцы брали с собой только самое необходимое – одежду, постельные принадлежности, кухонную утварь, немного продуктов, а старшее поколение – и Библию. В первую холодную зиму почти всё это имущество было выменяно на продукты у местного населения. У него же обучались бывшие земледельцы и ремесленники из Поволжья навыкам арктического рыболовства, ведь они «не имели понятия о конструкции неводов и сетей»⁴. В рацион переселенцев вошли северные блюда (например, для предотвращения цинги – хвойный отвар), в одежду – малицы, торбаза, в речь – русские и аборигенные вкрапления, что так-

¹ Петри Л.О., Петри В.Т. Немцы Таймыра. М., 2006. С. 8, 37, 49.

² Там же. С. 68.

³ Там же. С. 54, 72.

⁴ Там же. С. 69.

же явилось частью *диалога культур*, так как через обмен предметами, навыками, словарными понятиями приходило понимание их функционального назначения. Совместное проживание иных вообще спасло: «в Потапово к умиравшей от голода женщине зашел местный оленевод эвенк Н. Куропатов. Увидев бедственное положение женщины, он предложил взять у неё дочку. Мать согласилась. Маленькой Марии повезло. Она выжила. Новый отец относился к ней с любовью и заботой»⁵.

Жизнь брала своё: умирали старики и больные, рождались новые семьи. Если раньше (в довоенное время) в семейно-брачных отношениях у советских немцев выдерживалась эндогамность и этническая специфика, то в «коктейле» военного и послевоенного времени стал увеличиваться процент браков, в которых супруги принадлежали к различным этнокультурным комплексам, но, как правило, из числа таких же ограниченных в правах спецпоселенцев: латышей, эстонцев, украинцев, поляков, турков.

Место уходящих на фронт занимали не только спецпоселенцы, но и заключённые исправительно-трудовых колоний, мобилизованные колхозники. Работая по 14 и более часов в сутки, засыпая от изнеможения, они производили для фронта рыбные консервы, работали на разгрузке судов. При этом нередко слушали в свой адрес унижающее: «Шевелитесь, фашисты, сгною вас всех в Нор-р-р-ильске!»⁶ Впрочем, нередкими были случаи уголовного преследования спецпоселенцев за вымышленные преступления, а попытки вырваться из «заколдованного круга: работа–спецкомендатура» через поступление на учебу, как правило, перекрывались⁷.

«И вот 9 мая 1945 года – ПОБЕДА. Радость была неопишуемой. Жены ждали своих мужей, матери – сыновей из уральских и сибирских концлагерей»⁸, но мало что изменилось в жизни сибирияков, а тем более спецпереселенцев. Партийные органы обязывали разяснять рабочим, что не все цеха должны переходить на 8-часовой рабочий день, а только те их них, которые полностью справлялись со своей работой и могли уложиться в отведенное время. Те цеха, которые не выполняли план, по-прежнему должны были работать по 11 часов в сутки в обход существующего законодательства. Однако в июле 1945 года вспомнили, что подростки-малолетки на одном из тюменских заводов работают по 8 часов, несмотря на их 13-летний возраст. Имелись случаи, когда ученики работали в ночной смене.

⁵ Там же. С. 55.

⁶ Там же. С. 15.

⁷ Там же. С. 29, 31.

⁸ Там же. С. 61.

После окончания войны спецпереселенцы оставались на «особом счету». Примером тому может служить факт, что в декабре 1945 года Тюменский горком ВКП(б) настоятельно подчеркивал необходимость усиления бдительности «в связи с выборами в Верховный Совет Союза ССР» в связи с возможностью попыток враждебных элементов (спецпереселенцев – кулаков, ссыльных немцев Поволжья и калмыков) подорвать доверие избирателей и опорочить кандидатов в депутаты. В то же время органы госбезопасности констатировали: «В то время, когда все силы нашего народа направлены на восстановление разрушенного немецкими захватчиками народного хозяйства, враждебные нашему строю реакционеры из числа спецконтингента будут всеми мерами и всеми средствами, путем диверсий, террора и других контрреволюционных провокаций намереваться опорочить великое торжество Советского народа. Это особенно нужно учитывать в условиях Тюменской области, насыщенной значительным количеством спецпоселенцев, власовцев, военнопленных»⁹. С целью предупреждения всевозможных антисоветских эксцессов в предпраздничные и праздничные дни, обеспечения государственной и общественной безопасности в приказах и постановлениях НКВД СССР рекомендовалось укреплять режим спецконтингента, проводить внезапные обыски и тщательный досмотр всех личных вещей, усилить контроль за перепиской¹⁰. И даже в 1951 году оставшимся в устье Енисея уполномоченный НКВД объявил, что все немцы высланы туда навечно: «Был плач матерей и молодежи. За что такое наказание? Этот вопрос волновал каждого. В чём наша вина? Ответ один – виновность в том, что мы немцы»¹¹.

Война показала уязвимость Арктического побережья, трудность его защиты при неразвитой инфраструктуре. В условиях начавшейся «холодной войны» это стало одной из сильнейших мотиваций при разработке проекта создания порта в Обской губе, для чего планировалось протянуть нитку от Печорской магистрали, а в апреле 1947 года принято решение о строительстве порта в районе мыса Каменный¹². Созданное Главное (Северное) управление лагерного железнодорожного строительства (ГУЛЖДС) и «Стройка № 501» были рассчитаны только на труд спецпоселенцев и заключенных ГУЛАГа, среди которых были немцы, власовцы, бывшие эмигранты, ложно обвиненные органами госбезопасности «предатели», военные преступники. Отбывавшие на поселениях в Арктике, выжившие после суровых испытаний, возвратившись на родину, оставили в изданных в ФРГ и Австрии воспоминаниях

⁹ См.: ИЦ ГУВД ТО. Ф. 27. Оп. 20. Д. 12. Л. 18–19.

¹⁰ См.: Там же. Л. 27.

¹¹ *Петри Л.О., Петри В.Т.* Немцы Таймыра. М., 2006. С. 63.

¹² См.: *Широкопад А.Б.* Битва за Русскую Арктику. М., 2008. С. 160.

свидетельства об условиях труда, а также природе, быте, традициях и контактах. Труд заключенных использовался на различных участках, тогда как немцы-спецпоселенцы работали только на лесоповале 501-й стройки на побережье р. Полуи.

Несколько облегчилось положение спецпоселенцев, работавших на рыбных промыслах. Когда выяснилось истощенность рыбных ресурсов на Енисее, спецпоселенцам разрешили по вербовке в 1948 году выехать на Дальний Восток.

В 1949 году выяснилось, что мыс Каменный не соответствует названию, а акватория непригодна для организации военно-морской базы. Как следствие, порт стали строить в Игарке, а развёрнутую «502-я стройку» ликвидировали. Однако прокладка Полярной железной дороги по линии Чум–Игарка длиной в 1 263 км оставалась по-прежнему актуальной. В ходе разукрупнения ГУЛЖДС в его составе стали действовать управления Исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ), строительства № 501 (приняло обязательство проложить западную часть трассы Чум – р. Пур в 900 км) и № 503 (обеспечивало строительство на восточном направлении – р. Пур – Игарка в 600 км)¹³.

К 1951 году все строители на данных спецобъектах были заключёнными и спецпоселенцами, 24 % из них – осуждёнными по статье 58 УК РСФСР, в том числе 18 % составляли женщины. Суровая природа, тяжёлая работа, неустроенный быт, издевательства уголовников и охраны, скудное питание вызывали протестные акции, хотя по преимуществу пассивные, т.е. невыходы на работы (однако в основном из-за отсутствия тёплой одежды и обуви), но были и членовредительство, намеренная порча инвентаря и оборудования, саботаж производственных заданий.

Продолжительность рабочего дня составляла 12 часов с обязательным условием выполнения предельно высоких норм выработки¹⁴. Как в годы войны, так и после ее окончания действовала жёсткая система принуждения: на основании Постановления СНК № 35 от января 1945 года «О правовом положении спецпоселенцев» за каждый случай отказа от работы без уважительной причины, недобросовестное отношение к труду, а также за нарушение режима (побеги), самовольный уход, виновные подлежали наказанию в судебном порядке на срок от 10 до 25 лет ИТЛ с поражением в гражданских правах и конфискацией имущества¹⁵. В «развитие сюжета» 15 июня 1945 года нарком внутренних дел СССР, генеральный комиссар госбезопасности Лаврентий Берия подписал приказ «О мерах по трудовому использованию военнопленных», где гово-

¹³ Ямал: энциклопедия: [в 3 т.]. Т. 2. Тюмень; Салехард, 2004.

¹⁴ См.: Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 1п. Оп. 37а. Д. 2. Л. 112–116.

¹⁵ См.: ИЦ ГУВД ТО. Ф. 21. Оп. 20. Д. 13. Л. 67–68.

рилось: «Для стимулирования и принуждения военнопленных к выполнению государственных норм выработки увеличить размер денежного вознаграждения от 100 до 200 руб. в месяц в зависимости от процента перевыполнения норм, и для высококвалифицированных специалистов, бригадиров, десятников, командиров взводов и рот – от 125 до 500 руб. в месяц; создать лучшие условия размещения и выдавать в первую очередь одежду, обувь, постельные принадлежности, дополнительное питание и хлеб хорошо работающим и перевыполняющим нормы. Спецконтингент, не выполняющий производственные задания, оставлять на сверхурочные работы. В отношении плохо работающих применять аресты с содержанием на гауптвахте, переводы в штрафные подразделения с особо тяжелым режимом работ и лишение дополнительных видов питания. Злостно уклоняющихся от работы и дезорганизаторов производства предавать суду Военного трибунала. Освободить из лагерей и спецгоспиталей и отправить на родину военнопленных рядового и сержантского состава, которые не могут быть использованы на работах. В списки подлежащих к вывозу на родину включать: инвалидов, больных туберкулезом, хронических больных с хирургическими заболеваниями, больных дистрофией 1 и 2 степени, а также всех являющихся длительно нетрудоспособными».

При систематических нарушениях виновные привлекались к уголовной ответственности на более высокие сроки. Денежное вознаграждение выплачивалось спецконтингенту, лишь в случае выполнения ими 100 % нормы выработки за месяц, в размерах 85% от суммы заработка и не должно было превышать 200 руб. Если норма выработки или сменное задание не выполнялись, заработная плата не выплачивалась¹⁶. Отсутствие стимулов переводило труд людей в Арктике в тяжёлую повинность, а отношение к природе формировало варварство.

Случаи побегов с поселения были отнюдь не редким явлением, особенно «власовцев», которые на поселение возвращались, получали дополнительные сроки, а также направлялись на участки работ с тяжелыми и вредными условиями труда, им устанавливалась предельно допустимая норма выработки¹⁷. Из материалов личных дел власовцев стало известно, что некоторые беглецы так и не были найдены, но вряд ли они рассчитывали на помощь в побеге от аборигенного населения, для которых любой человек из зоны строительства был «чужим». Между тем Арктика для «новых жителей» становилась «своей», поскольку семьями на спецпоселении и в ИТЛ находились там до 1955 года. Часть

¹⁶ См.: РГВА. Ф. 1п. Оп. 37 а. Д. 1. Л. 114об., 125об.

¹⁷ См.: Государственный архив Российской Федерации (далее ГА РФ). Ф.Р-9401. Оп. 1. Д. 737. Л. 180–214.

из них уже в ИТЛ за различные нарушения лагерного режима получили дополнительные сроки лишения свободы (от 10 до 25 лет ИТЛ).

Темпы работ снизились и по объективным причинам – из-за реорганизации летом 1952 года аппарат управления «503-й стройкой» был переброшен на новое место, а объединённое строительство было возложено на Управление ИТЛ и строительства № 501 ГУЛЖДС МВД СССР.

Смерть Иосифа Сталина внесла коррективы, в ноябре 1953 года строительство трассы Салехард – Игарка было прекращено. Спустя год МПС добилось ликвидации всех подразделений, кроме участка Чум – Лабытнанги, оконченного в 1955 году. Между тем на трассе Салехард – Игарка уже было уложено 848 км пути, построено 75 рабочих поселков, 35 станционных и 11 складских помещений. Самое удивительное, что осуществлялось движение поездов (хотя и по временной схеме) до Надыма – более 300 км, но и оно вскоре замерло – остались бараки и вышки бывших лагерей, заброшенные кладбища, разрушенные посёлки, просевшие в тундру паровозы. Выпущенные из мест заключения вернулись, за редким исключением, в места прежнего проживания. Так закончился один из самых дорогих (более 4 млрд. руб.) транспортных проектов, нанёсших ущерб и социокультурному облику территории, его населению.

Спустя полвека – с юга, от Транссиба пришла на Север железная дорога, став результатом обобщения опыта войны, который долгое время был не востребован. До сих пор в сознании жителей тундры зона «Мёртвой дороги» – «Мёртвая», вблизи которой нельзя пасти оленей, охотиться, разбирать постройки или жить вблизи. Заметим, что, напротив, известны случаи оседания в посёлках стройки бывших заключённых, для которых место каторги стало местом дальнейшей жизни.

Отметим, что отчуждение территории, в 1940–1950-х годах вызванное требованиями ГУЛЖДС МВД СССР, создало у аборигенного населения табуированное пространство «чужого», которое не может стать ресурсом и в перспективе. Это важно учесть при современном экономическом и социокультурном освоении Арктической зоны Сибири, предусматривая гарантированные законом зоны проживания и системы адаптации – для аборигенных жителей, переходы на традиционных путях движения – для животных.

Этнокультурная «пестрота» края благодаря притоку и немецкого населения (эвакуированных, депортированных, пленных) в тот период, с одной стороны, рождала массу проблем; с другой – создавала преимущество. В данном алогизме есть особенность развития культуры, которая полноценно живет и развивается только через *диалог*, то есть взаимодействие с *другими*, иногда диаметрально несхожими культурами. Иной путь, стремление к созданию «чистой» культуры возвращает

к *монологу*, своего рода цивилизационной автаркии, и последующей «смерти» культуры – исчерпанию ресурсного фонда её развития.

Именно советские немцы оказались активными участниками активного *диалога* в пространстве Сибири, не только что-то приобретая, но и неся при этом потери. Тем не менее, более половины немецкого населения Российской Федерации избрала для себя этот край местом постоянного проживания. Как следствием депортации – «вынужденной миграции» немцев следует отметить развитие межнациональных браков, но утрата родного языка при этом не является характеристикой этой дифференциации.

О временных и региональных особенностях положения различных контингентов спецпереселенцев-немцев в Западной Сибири (1941–1956 гг.): Постановка проблемы

Западная Сибирь стоит на втором месте после Казахстана по количеству насильственно переселенных туда советских граждан немецкого происхождения. Перемещение немецкого населения началось еще в период коллективизации, когда в Западную Сибирь была сослана часть так называемых немецких кулацких хозяйств¹. Позже, в 1941.1942 гг., в Новосибирскую и Омскую области а также в Алтайский край было депортировано более 300 000 человек немецкого населения из Европейской части СССР². Решения о принудительном переселении немцев, в том числе и в Западную Сибирь, были приняты советскими государственными органами различных уровней управления и партийно-политической иерархии. Переселения эти осуществлялись на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР 28 августа 1941 г., постановлений СНК СССР, шести (из семи по переселению немцев-граждан СССР) постановлений Государственного Комитета Оборона СССР, а также по решениям военных властей на основе Указа Президиума ВС СССР от 22 июня 1941 г., а также по указаниям НКВД СССР³.

Во время войны производилась мобилизация немцев и немцев на строительство объектов химической промышленности в Алтайском крае и на работу в угольных разрезах Новосибирской/Кемеровской областей⁴. В 1945–1946 гг. к немцам-переселенцам добавилась часть репатриированных из Германии бывших советских граждан немецкого происхождения⁵. Западная Сибирь, кроме того, еще со времен Столыпинской аграрной реформы являлась ареалом поселения немецких крестьян, выходцев из Южной России и Поволжья⁶. Нахождение в западносибирском регионе сталей различных групп немецкого населения

¹ См. *Bruhl, V.: Die Deutschen in Sibirien. Eine hundertjährige Geschichte von der Ansiedlung bis zur Auswanderung*, Bd. 2, Nürnberg u.a., S. 50.

² История сталинского Гулага. Конец 1920-х . первая половина 1950-х годов. Собрание документов в семи томах. Том 5: Спецпереселенцы в СССР, М., 2004. С. 377.

³ См. *Бердинских В.А.* Спецпереселенцы. Политическая ссылка народов Советской России. М., 2005. С. 330–335.

⁴ См. *Герман А.А., Курочкин А.Н.* Немцы СССР в трудовой армии (1941.1945). М., 1998. С. 165; Система исправительно-трудовых лагерей в СССР 1923–1960. Справочник. М., 1998. С. 141–142; *Eisfeld, A. / Herdt, V.: Deportation, Sondersiedlung, Arbeitsarmee. Deutsche in der Sowjetunion 1941 bis 1956.* Köln 1996, S. 148–150; 151, 256–258, 306, 338.

⁵ *Eisfeld, A. / Herdt, V.: Deportation, Sondersiedlung, Arbeitsarmee. Deutsche in der Sowjetunion 1941 bis 1956.* Köln 1996, S. 332–336.

⁶ См. *Вубе П.П.* Немцы в Сибири 1895–1917. Сборник документов и материалов по истории немцев в Сибири. Омск, 1999.

не могло не наложить отпечаток на их повседневную жизнь в наитяжелейшее военное и послевоенное время. Трагичность положения усугублялась фактором ведения войны с Германией, в пособничестве которой были обвинены поволжские немцы и «превентивно» переселялось остальное немецкое население европейской части СССР. Напомним, что местное немецкое население Западной Сибири также считалось не вполне лояльным к советской власти и еще с довоенных времен находилось под зорким и бдительным оком советских органов государственной безопасности.⁷ После начала войны НКВД и НКГБ составляли особые информационные сообщения и сводки о настроениях среди местного немецкого населения западно-сибирского региона⁸.

За прошедшие 10–15 лет появилось немало работ и сборников документов, посвященных положению немецкого населения, в том числе и в Западной Сибири, во время германо-советской войны и в первое послевоенное десятилетие. В некоторых из них непосредственно рассматривается вопрос о правовом положении немецкого населения в Западной Сибири. Особого внимания заслуживают работы Л.П. Белковец, А.А. Шадта из Новосибирска, Е.В. Конева из Новокузнецка⁹. Из работ посвященным спецпоселению в СССР и в граничащих с Западной Сибирью регионах необходимо отметить работы В.Н. Земскова, В.А. Бердинских, Л.А. Бургарт, а из документальных публикаций семитомный сборник документов «История сталинского Гулага» и сборник документов о сталинских депортациях конца 1920-х – начала 1950-х гг.¹⁰

При всей новизне и всем многообразии и объеме полученных в ходе исследований сведений о положении немецкого населения СССР в местах обязательного поселения в этих работах, на мой взгляд, недостаточно четко прослеживаются временные и локальные различия в положении отдельных

⁷ См. напр., *Белковец Л.П.* «Большой террор» и судьбы немецкой деревни в Сибири. Конец 1920-х–1930-е годы. М., 1995; *Brandes, D. / Savin, A.*: Die Sibiriendeutschen im Sowjetstaat 1919–1938. Essen 2001.

⁸ *Eisfeld, A. / Herdt, V.*: Deportation, Sondersiedlung, Arbeitsarmee. Deutsche in der Sowjetunion 1941 bis 1956. Köln 1996, S. 40–44.

⁹ *Белковец Л.П.* Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941–1955. Новосибирск, 2003.; *Шадт А.А.* Спецпоселение российских немцев в Сибири (1941–1955). Новосибирск, 2000; *Конов Е.В.* Немцы в Западной Сибири в 1940–1990-е гг. (по материалам Кемеровской, Новосибирской и Томской областей). Томск, 2002.; *Боркова Е.В.* Спецконтингент в Северо-Западной Сибири в 1930-е – начале 1950-х гг. Екатеринбург, 2005; *Сарнова В.В.* Принудительные миграции населения СССР в Западную Сибирь в период Второй мировой войны. Новосибирск, 2005; *Гизатуллина Л.Ф.* Депортация народов в Северо-Западную Сибирь в 1939–1956 гг. Омск, 2005.

¹⁰ *Земсков В.Н.* Спецпереселенцы в СССР 1930–1960. М., 2005; *Бердинских В.А.* Спецпереселенцы. Политическая ссылка народов Советской России. М., 2005; *Бургарт Л.А.* Немцы в Восточном Казахстане в 1941–1956 гг.: депортация и положение в условиях режима-спецпоселения. Усть-Каменогорск, 1997; *История сталинского Гулага. Конец 1920-х. первая половина 1950-х годов. Собрание документов в семи томах.* Москва, 2004–2005; *Поболь Н.Л./Полян П.М.* Сталинские депортации 1928–1953. Документы. Москва, 2005.

групп немецкого населения на спецпоселении. Более того, в отдельных источниках не преодолена терминологическая путаница в дефиниции отдельных групп немецкого населения, то и дело встречающейся в документах органов внутренних дел и государственной безопасности СССР. Это касается прежде всего так называемых немцев-выселенцев¹¹, мобилизованных немцев, в число которых включали, например, немцев из Германии, Венгрии и Румынии¹². Тот же случай мы имеем с «фольксдойче»¹³. Опубликованные документы, касающиеся различных немецких контингентов, остаются большей частью без соответствующих комментариев.

В более детальном освещении нуждается период от начала выселения немцев из Европейской части СССР в Сибирь и Казахстан – от 28 августа 1941 года, дня создания отдела спецпереселений НКВД СССР¹⁴, и до установления комендантурского режима в 1944 году¹⁵. В этом плане особого внимания заслуживают исследования Л.П. Белковец и А.А. Шадта¹⁶, в которых обозначены основные этапы оформления режима спецпоселения «докомендантурского» и «комендантурского» периода¹⁷. Самым тщательным образом рассмотрены в диссертации А.А. Шадта и конституционно-правовые аспекты депортации, спецпоселения и «трударии». Из-за региональных различий необходимы дальнейшие исследования.

Сам факт переселения или непереселения немцев делил это немецкое население на две неравные в правовом отношении категории. Так называемые «местные немцы», т.е. проживавшие и оставленные в Западной Сибири, в большинстве своем, находились до поры до времени в несколько «привилегированном» положении. Они, например, были подведомственны своим сельским советам, в то время как выселенным в Сибирь немцам приходилось общаться напрямую с органами внутренних дел, а с введением спецкомендатур, непосредственно с комендантами. Не раз приходилось слышать от людей

¹¹ Бердинских В.А. Спецпереселенцы... С. 338.

¹² См. напр. Поболь Н.Л./Полян П.М. Сталинские депортации 1928–1953. Документы. М., 2005. С. 592–603.

¹³ Eisfeld, A./Herdt, V.: Deportation, Sondersiedlung, Arbeitsarmee... S. 20.

¹⁴ См. Поболь Н.Л., Полян П.М. Сталинские депортации 1928–1953. С. 277; Белковец Л.П. Административно-правовое положение российских немцев... С. 175 и примечание 26 на с. 223. Текст положения об отделе спецпереселений см.: Лубянка. ВЧК–ОГПУ–НКВД–МГБ–МВД–КГБ 1917–1960. М., 1997. С. 270–271.

¹⁵ История сталинского ГУЛАга. Конец 1920-х. первая половина 1950-х годов. Собрание документов в семи томах. Том 5: Спецпереселенцы в СССР, М., 2004. С.754, прим. 177. Датой образования отдела спецпоселений значится 12 января 1944 г. В этом же сборнике документов на стр. 439 указана также другая дата – 17 августа 1944 г. По данным В.Н. Земска в марте 1944 отдел спецпоселений НКВД СССР был изъят из системы ГУЛАГа. См.: Земсков В.Н. «Кулацкая ссылка» накануне и в годы Великой Отечественной войны // Социологические исследования. 1992. № 2. С. 22.

¹⁶ Шадт А.А. Спецпоселение российских немцев в Сибири (1941–1955). С. 174–199.

¹⁷ Белковец Л.П. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941–1955. Новосибирск, 2003. С. 175–178.

старшего поколения, что этому факту они придавали огромное значение и чувствовали себя еще более ущемленными в своем и без того бесправном положении.

Местные немцы не подлежали первому большому призыву в рабочие колонны НКВД на основании постановления ГКО от 10 января 1942 года, в своем большинстве они не попали на протяжении всего периода военных действий между Германией и СССР под официальную опеку органов внутренних дел, а тех, кого взяли на учет спецпоселения, не подпадали под действие драконовского Указа ПВС СССР от 26 ноября 1948 года¹⁸ и, в итоге, несколько раньше были освобождены из-под комендантского надзора¹⁹. Открытым остается вопрос, почему, например, в Новосибирской области к «местным немцам» относились жестче, чем, скажем, в Омской области и в Алтайском крае, почему количество взятых на учет спецпоселения в процентном отношении ко всему «местному немецкому населению» по западно-сибирскому региону весьма вариировало, и, наконец, почему на большинство из них вплоть до конца 1940-х – начала 1950-х годов не был, в отличие от «местных немцев» Казахстана, Киргизии и Башкирской АССР, распространен режим спецпоселения²⁰. Впрочем, неясно, были ли поставлены на учет все без исключения немцы, местные жители Сибири, после известного решения 1951 года²¹. Статистические данные центральных органов внутренних дел на этот счет весьма противоречивы.

«Правовые» основания для переселений немецкого населения в Западную Сибирь, место в иерархической структуре советского государства авторов документов, а тем более наличие или отсутствие в этих основаниях прямых обвинений в «пособничестве врагу», несомненно, являлись не только мерилом для отношения не только местных властей различного уровня и местного населения к различным категориям немцев, оказавшихся в результате войны в западно-сибирском регионе, но и служили на протяжении длительного времени ключевым моментом для принятия тех или иных решений по отношению к различным группам немецкого населения в Западной Сибири.

Из всех депортированных из европейской части СССР в Западную Сибирь немцев прямые обвинения в пособничестве врагу были выдвинуты лишь против выселенных из АССР Немцев Поволжья, из Саратовской и Сталинградской областей и касались самой большой группы насильственно перемещенного немецкого населения. Они перечислены в печально известном Указе от 28 августа 1941 г. Эти обвинения, в некоторых местах, например в Казахстане, тиражировались директивными письмами высших партийных органов нижестоящим

¹⁸ См. *Земсков В.Н.* Спецпереселенцы в СССР... С. 168; *Бердинских В.А.* Спецпереселенцы... С. 342.

¹⁹ *Eisfeld, A./Herdt, V.* Deportation, Sondersiedlung, Arbeitsarmee... С. 447–449.

²⁰ *Бердинских В.А.* Спецпереселенцы... С. 333, 343.

²¹ См.: *Белковец Л.П.* Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении. С. 201–203.

и должны были служить ориентиром в работе с депортированными²². Хотя в исследованиях по западно-сибирскому региону нет прямых ссылок на такие директивы, можно предположить, что и там подобные указания имели место. Депортированных из Поволжья немцев раньше других затронуло ужесточение режима спецпоселения. По некоторым данным только на них распространялось распоряжение НКВД СССР от 10 января 1942 г. об ограничении их передвижения «пределами того района, на территории которого они были расселены»²³. Впрочем, трудно согласиться с мнением, что время до и после этой даты характеризуется массовым своевольным и бесконтрольным передвижением поволжских и других немцев из района в район, даже если это утверждают многие из имеющихся документов²⁴. Интересно отметить, что выселенные по Указу ПВС СССР от 22 июня 1941 года военными властями и частично попавшие в Западную Сибирь немцы в качестве «социально опасных элементов как по своей преступной деятельности, так и своими связями с преступной средой» (о чем они сами, всерьезно, и не догадывались), судя по выше указанным публикациям о спецпереселенцах в Сибири, все же не были представлены в глазах местного сибирского населения ни «преступниками», ни явными «пособниками врага». Всего было выселено по этому Указу 27 970 немцев²⁵.

В большинстве публикаций по спецпоселению немцев в Западной Сибири, впрочем, не прослеживается отдельно положение и тех немцев, в отношении которых не было выдвинуто никаких обвинений. Это касается немцев, первоначально фактически эвакуированных, например, части немцев из Крыма, у которых на самом деле были на руках удостоверения об их эвакуации в Ростовскую область, Краснодарский и Орджоникидзевский (Ставропольский) края²⁶. Невозможно получить четкие представления, например, о положении тех немцев, которые после излечения фронтовых ранений не были вновь отправлены в боевые части, а отправлены к местам поселения их высланных семей. Из опыта родственников знаю, что спецпереселенцами они не числились, а причисленные к рядовому составу, в отличие от офицерского, на воинский учет в сибирских военкоматах не были поставлены. Нет фактически сведений о том, имелись ли различия в отношении центральных и местных властей к тем

²² Из истории немцев Казахстана 1921.1975. Сборник документов. Алматы-Москва, 1997. С. 102–104.

²³ Белковец Л.П. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении. С. 176.

²⁴ См. напр. Eisfeld, A./Herdt, V.: Deportation, Sondersiedlung, Arbeitsarmee. S. 128–131, 172–176.

²⁵ Бердинских В.А.: Спецпереселенцы. С. 340. Сам Указ см.: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Начало. 22 июня – 31 августа 1941 г. Сборник документов. Москва, 2000. С. 6.

²⁶ Ремпель П.Б. Депортация немцев из европейской части СССР и трудармия по «совершенно секретным» документам НКВД СССР 1941–1944 гг. // Российские немцы. Проблемы истории, языка и современного положения. Материалы международной научной конференции. Анапа, 20–25 сентября 1995 г. М., 1996. С. 73.

немцам, что были выселены «превентивно» военными властями и тем, что были высланы также «превентивно», но по решениям ГКО СССР. Не вполне четко прослеживается судьба бывших кулаков немецкого происхождения, оставленные на спецпоселении в Западной Сибири по национальному признаку.

Хотя в документах советских и партийных органов западно-сибирского региона депортированные немцы иногда именовались эвакуированными²⁷, органы внутренних дел ставили тут же все на свое место и строго предписывали «*выселенных немцев к эвакуированному населению не причислять*»²⁸. Л.П. Белковец в рамках своего исследования лишь вскользь сравнила положение насильственно перемещенных в Западную Сибирь немцев и эвакуированного населения. Но даже на основе этого можно сделать вывод, что положение и обеспечение немцев в материальном отношении никак нельзя сравнивать с положением эвакуированных²⁹. Специальные исследования на эту тему более чем актуальны. Ведь нередко от научной дискуссии на эту тему уходят, ссылаясь на то, что всем тогда было трудно. На обыденном уровне такое утверждение еще как-то можно «понять», но в научном плане такая ссылка абсолютно несостоятельна.

Особенно заметно проявились различия и противоречия в отношении к различным категориям немцев в период «перестройки» всей системы спецпоселения с целью ее ужесточения и унификации в 1948–1949 гг. Примером может служить применение Указа ПВС СССР от 26 ноября 1948 года. По некоторым сведениям он первоначально распространялся не на все выселенное немецкое население, а только на выселенных немцев Поволжья³⁰. Причина для такого своеобразного исполнения Указа самими «органами», возможно, кроется и в том, что отдельных в архивных фондах НКВД/МВД текст его несколько отличается от обычно публикуемого документального источника. Начало первого предложения в разных версиях Указа гласят: «В целях укрепления режима поселения для **высланных** Верховным **Советом** (выделено мной. – В.Х.) СССР в период Отечественной войны чеченцев, карачаевцев, ингушей, балкарцев, калмыков, немцев, крымских татар и др...»³¹ и «В целях укрепле-

²⁷ Белковец Л.П. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении. С. 59.

²⁸ Там же. С. 176.

²⁹ Там же. С. 92.

³⁰ Бердинских В.А. Спецпереселенцы. С. 342; Земсков В. Н. Спецпереселенцы в СССР. С. 168.

³¹ См. напр. *Патиев Я.С.* (сост.): Ингуши. Депортация, возвращение, реабилитация. Магас, 2004. С. 211–212 (со ссылкой на ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 40. Д. 62. Л. 1.). К слову сказать, не всем депортациям перечисленных народов предшествовали соответствующие Указы ПВС СССР. Таковые имелись лишь в отношении немцев Поволжья (см. *Поболь Н.Л., Полян П.М.* Сталинские депортации 1928–1953. Документы. Москва, 2005. С. 299), карачаевцев (там же, с. 393), калмыков (там же, с. 413). В отношении чеченцев и ингушей соответствующий Указ с постановлением о переселении был издан сразу же после окончания операции по депортации и должен был фактически служить основанием для ликвидации Чечено-Ингушской АССР (см. там же, с. 458), то же самое происходило и в отношении балкарцев (см. там же, с. 489). В случае с крымскими татарами

ния режима поселения для **выселенных** Верховным **органом** (выделено мной, В. Х.) СССР в период Отечественной войны³². Если руководствовались версией, что ограничения должны касаться только «**высланных** Верховным **Советом** в период Отечественной войны национальностей, то не удивительно, применительно к немцам речь могла идти только о немцах Поволжья. Что же касается так называемого Верховного органа (очень уж своеобразное название), то им был во время войны Государственный Комитет Обороны СССР. Впрочем, подобное параллельное существование важнейших нормативных документов и, следовательно, разночтения с возможными соответствующими последствиями не исключение. В свое время мы уже указывали на расхождение в разных версиях Указа ПВС СССР от 28 августа 1941 "О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья"³³.

Указ ПВС СССР от 26 ноября 1948 года не распространялся вначале не только на местных, а также на мобилизованных в промышленность немцев, переведенных в свое время на режим спецпоселения, но и на репатриированных бывших советских граждан немецкого происхождения. Более того, вопрос о целесообразности содержания названных контингентов на спецпоселении рассматривался дважды – 15 ноября и 3 ноября 1951 г. по ходатайству Министерства государственной безопасности СССР в Политбюро ЦК ВКП (б)³⁴. Региональные сибирские исследования пока не дают ответа на вопрос, была ли эта инициатива «верхов» подготовлена «снизу» или родилась она в верхних этажах МГБ. Более того, они этот момент вообще как бы не заметили. С другой стороны имеются указание на то, что уже чуть раньше то же МГБ на основании Указа ПВС СССР от

переселение происходило по постановлению ГКО (см. там же, с. 497–499), а в соответствующем Указе ПВС СССР, вышедшем год с лишним после депортации, было лишь оформлено преобразование Крымской АССР в Крымскую область в составе РСФСР (см. там же, с. 521).

³² См. напр. *Земсков В.Н.* Спецпереселенцы в СССР. С. 160, 296 (со ссылкой на ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 207. Б/л.). Факсимиле этой же версии Указа см. в газете *Neues Leben* Nr. 33 от 14 августа 1991 г. С. 7.

³³ *Eisfeld, A./Herdt, V.*: Deportation, Sondersiedlung, Arbeitsarmee.... S. 54–55 и прим. 13 на с. 55. Ср. также факсимиле этого Указа в газете *Neues Leben* Nr. 33 от 14 августа 1991 г., где говорится лишь о вынужденности принятия карательных мер, в то время как уточнение «против всего немецкого населения Поволжья» появилось чуть позже, но уже в известном тексте в газетах *Nachrichten* и *Большевик*, а также во всех кантональных газетах.

³⁴ См. *Земсков В.Н.* Спецпереселенцы в СССР. С.168, прим. 19* (со ссылкой на ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 573. Л. 384). Эти данные нуждаются в перепроверке, т. к. формулировка «рассматривался вопрос о целесообразности содержания на спецпоселении» может истолковываться и как ходатайство об освобождении и как ходатайство о распространение режима спецпоселения на эти контингенты. По данным А. Айсфельда репатриированные с самого начала подпадали под действие Указа ПВС СССР от 26 ноября 1948. См. его статью «Repatriierung» in *die Fremde* // *Alfred Eisfeld (Hrsg.): Von der Autonomiegründung zur Verbannung und Entrechtung. Die Jahre 1918 und 1941 bis 1948 in der Geschichte der Deutschen.* Stuttgart 2008, S. 123–136, hier S. 132.

9 октября 1951 года закрепило для немцев и других национальностей, находящихся на спецпоселении, «вечное» там пребывание. Указ этот, видимо, до сих пор не опубликован и в исследованиях о спецпоселении для немцев он вообще не присутствует. Но на него имеется ссылка в приказе министра госбезопасности СССР № 0077624 от 24 октября 1951 года³⁵. Что же касается «репатриированных» немцев, то имеются документы, что как раз-то их впоследствии не хотели вообще снимать со спецучета или же снять позже других немецких контингентов, считая находившихся в «рейхе» наиболее неблагонадежными и опасными в идеологическом отношении контингентом³⁶ и что они вплоть до распада СССР официально находились под наблюдением советских органов госбезопасности³⁷.

Вообще вопрос о действии Указа ПВС СССР от 26 ноября самый, так сказать, неисследованный и противоречивый, как, впрочем, противоречива и статистика, касающаяся этого Указа. Начальник 9-го Управления МГБ СССР полковник Шиян 29 ноября 1951 пишет о том, что репатриированные немцы представляют социальную опасность и поэтому необходимо распространить действие этого Указа и на этот контингент. Подобного мнения он придерживался и в отношении выселенных по постановлениям ГКО и военных властей³⁸. Однако тот же Шиян в подписанной им 28 декабря 1948 г. в качестве заместителя начальника Отдела спецпоселений МВД СССР справке о действии этого указа объединил всех немцев, находящихся на спецпоселении в один контингент «выселенцы» и указал, что 1 012 754 немца подпадают под действие этого указа. Нетрудно путем подсчета установить, что включены были в это число как выселенные по постановлениям ГКО и СНК СССР, также по приказам военных властей, так и «репатриантов». В.Н. Земсков приводит в своей работе статистику на 1 января 1949 года и также пишет о том, что 1 035 701 немец, состоящие на учете спецпоселения, определены туда «навечно», т.е. подпадают под действие этого указа³⁹.

Коротко об Указе ПВС СССР от 13 июля 1954 года, также, видимо, неопубликованного и поэтому в имеющихся исследованиях в целом почти незамеченном. Ссылки на него есть лишь у А.А. Шадта и у Л.П. Белковец, но они, к сожалению, не сопровождаются примечаниями о месте хранения или публикации документа. Оба исследователя приписывают указу чисто символическое значение. Что от-

³⁵ *Патиев Я.С.* (сост.): Ингуши... С. 218. К сожалению, опубликованное извлечение из этого документа не снабжено примечанием о месте его хранения.

³⁶ Ср. История сталинского ГУлага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов. Собрание документов в семи томах. Том 5. С. 710; *Поболь Н.Л., Полян П.М.* Сталинские депортации 1928–1953. С. 771.

³⁷ Центр хранения специальной документации (Барнаул). Ф. Р-1705. Оп. 2с. Д. 57, л. 1–2 (информация д-ра Виктора Бруля из Геттингена, за что приношу ему искреннюю благодарность).

³⁸ *Бердинских В.А.* Спецпереселенцы. С. 342.

³⁹ См. *Земсков В.Н.* Спецпереселенцы в СССР. С. 168; *Бердинских В.А.* Спецпереселенцы. С. 164–165.

части верно, т.к. он отменял драконовский указ от 26 ноября 1948 лишь в части определения наказания за побеги с мест обязательного поселения. 20 лет каторжных работ были заменены на три года заключения, но, принимая во внимание, что 20 лет каторги являлись скорее мерой устрашения нежели наказания, в практике действительно мало что изменилось. Но с другой стороны указ этот не снимал (во всяком случае у авторов нет на то указаний) клеймо «вечного» спецпоселения⁴⁰. Поэтому приписывать ему чисто символическое значение никак нельзя, тем более, что вышел он сразу же вслед за известным постановлением Совмина от 5 июля того же года, первого о «снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпоселенцев» и подававшего некоторые надежды на снятие «вечности» спецпоселения⁴¹.

Исходя даже из краткого изложения проблематики напрашиваются следующие выводы:

Необходимо продолжить в первую очередь именно региональные исследования проблемы спецпоселения.

Все исследования по «немцам вообще» на практике окажутся малопродуктивными по сравнению с исследованиями, в которых немцы рассматривались бы по контингентам.

Более широкое привлечение документов по другим репрессированным народам, несомненно, обогатит наши представления о немецкой проблематике в системе спецпоселения.

На повестке дня остро стоит сравнительный анализ положения депортированного и эвакуированного населения.

И наконец самое главное: Без хроники важнейших событий в истории спецпоселения, в том числе по отдельным немецким контингентам, без хронологической таблицы центральных и местных указов, постановлений, директив итд., без тщательной и продуманной базисной документации, подобной той, что составил саратовский профессор Аркадий А. Герман для проблематики немецкой автономии на Волге⁴² мы не сможем быстро продвинуться вперед. Не удивительно, что проблематика спецпоселения в сравнении с «трудармейской» и особенно с депортационной проблематикой изучена не так хорошо. И связано это не в последнюю очередь с тем, что, например, по депортациям имеется подробная хроника, а опубликованные документы по рабочим колоннам из мобилизованных также тщательно сгруппированы по хронологическому принципу.

⁴⁰ Белковец Л.П. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении... С. 279; Шадт А.А. Спецпоселение российских немцев в Сибири. С. 196.

⁴¹ Текст постановления см.: Алиев С.И. (сост.). Реабилитация народов и граждан 1954–1994 годы. Документы. М., 1994. С. 21–22.

⁴² См. Герман А.А. История Республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. М., 1996.

Трудовая деятельность и социально-экономическая структура немцев Хакасии (по итогам переписи населения 1959 г.)

Общепризнанно, что сфера приложения, условия, характер и содержание труда в решающей степени определяют социальное положение людей, их ценностные стандарты и связанные с ними поступки, весь образ жизни. В трудовой деятельности человек проявляет себя, сфера труда по своей природе является сферой развития личности, а труд – одним из инструментов самовыражения человека. Соответственно, численность и уровень занятости в народном хозяйстве населения, его социально-экономические структуры выступают важнейшими показателями уровня его развития и качества.

Представляется актуальным оценить итоги депортации немецкого населения с точки зрения качества его трудового потенциала, причем в двух ракурсах. С одной стороны, через характеристику трудовой деятельности и социально-экономических структур посмотреть, с каким успехом немцы самореализовывались в этой важнейшей сфере своей жизни в условиях спецпоселения. С другой стороны, оценить количественный и качественный вклад немцев в хозяйственное освоение территории их проживания, их роль в формировании ее трудовых ресурсов. Известно, что проблему хозяйственного освоения восточных районов страны сталинское руководство пыталось решить форсировано с помощью методов депортации, и поэтому эффективному трудовому использованию спецконтингентов уделялось первостепенное значение.

Лучшим, а во многом единственным источником информации, необходимой для решения поставленной задачи, являются итоги переписи населения 1959 г. Они позволяют дать достаточно развернутую характеристику немцев, сравнить разные их группы, дифференцированные по территориям, месту жительства (город-деревня), по возрасту и полу и т.д. Но прежде важно оценить имеющиеся в архивах материалы переписи, поскольку при подведении ее итогов этот народ оказался на особом положении. Так, по хранящимся в Красноярском госархиве переписным материалам видно, что хотя немцы являлись третьим по численности этносом в крае, данные о них не разрабатывались по большинству показателей. В сводных таблицах, характеризующих население края в национальном разрезе по разным признакам, фигурируют многие народы, но немцы, как правило, отнесены вместе с малочисленными этносами в группу «прочих». Более подробно разработана информация о немцах, живших в Хакасской автономной области, Таймырском и Эвенкийском автономных округах, тогда входивших в

состав края, а по основной его территории имеется ограниченный набор показателей.

Поскольку развернутой информации обо всех немцах, живших в Красноярском крае, в архивах обнаружить не удалось, в настоящей работе рассматривается немецкое население Хакасии¹. Данные переписи об этой группе немцев весьма полновесны, представляют безусловный интерес и достаточно репрезентативны для того, чтобы по ним судить обо всех немцах, живших в Красноярском крае.

В Хакасии перепись 1959 г. зарегистрировала 10512 немцев, составлявших 15,8% их общей численности в крае (66733 чел.). Из них 3461чел. (32,9%) проживали в городских поселениях, остальные 7051чел. (67,1%) – в сельской местности. Удельный вес живших в городах немцев в Хакасии был выше, чем в целом по краю (26,1%), но все равно по уровню урбанизированности рассматриваемая этническая общность являлась «сельской» – и по доле горожан, и по характеру их расселения. Меньше половины «городских» немцев в Хакасии (47,1%) размещались в Абакане и Черногорске – небольших городах (людностью менее 100 тыс.чел.). А остальные были «разбросаны» по 14 поселкам городского типа, мало чем отличавшимся от деревень по характеру и образу жизни их обитателей.

Запрещая немцам покидать место спецпоселения в течение полутора десятков лет, государство искусственно затормозило их урбанизацию, вызвав отставание от русских в этом процессе примерно на четверть века, если судить по росту удельного веса городского населения. Перепись показала, что хотя Хакасия в 1940–1950-х гг. не отличалась высоким потенциалом городской жизни, немцы-горожане все же имели больше возможностей для культурного развития и самореализации. Большинство характеристик у них, начиная с демографических, отличались, хотя не принципиально, в лучшую сторону от аналогичных характеристик лиц, живших в сельской местности.

По соотношению полов немцы в городах и деревнях практически не различались. Оно было нарушено у тех и других в равной степени. Мужчины в городе составляли 45,5% от общей численности немецкого этноса, в деревне – 45,3%. Но в возрастных структурах различия были очень значительными (табл. 1). Однако показатели трудоспособности у рассматриваемых немцев в Хакасии, особенно в городах, были близки к среднерегиональным. В 1959 г. в рабочем возрасте находились 52,2% сельских и 62,2% городских жителей Восточной Сибири².

¹ Все цифры в тексте и таблицах приводятся по: Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. Р-1300. Оп. 7. Д. 8. Л. 1–57.

² Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. М., 1971. Т. 2. Ч. 1. С. 66.

Таблица 1.

**Распределение немцев по признаку трудоспособности
и уровню занятости в народном хозяйстве, %**

Возраст	Городское население			Сельское население		
	муж.	жен.	оба пола	муж.	жен.	оба пола
Моложе трудоспособного	30,7	24,3	27,3	40,2	33,5	36,5
Трудоспособный	64,2	60,4	62,1	56,5	55,1	55,7
Старше трудоспособного	5,1	15,3	10,6	3,3	11,4	7,8
Занятое население	58,3	33,6	44,9	55,0	32,0	42,6

Из-за больших потерь в годы депортации старших поколений немцы-мужчины были неестественно молодыми, особенно в деревне. В городе были учтены всего 81 чел. в пенсионном возрасте, в деревне – 105. Женщины были намного старше мужчин. В целом же сельское население было моложе городского, которое развивалось во всех отношениях быстрее. В демографической сфере это проявилось в более быстром старении его женской части.

Немцы в городах обладали более высоким трудовым потенциалом, чем в деревнях, – у них была выше доля лиц в рабочем возрасте. Но сельчане имели лучшие перспективы –удельный вес детей, которым предстояло вступать в рабочий возраст, у них был выше.

Возрастной состав во многом, но не всецело, определял уровень занятости немцев в народном хозяйстве. Перепись показала, что удельный вес работавших в общественном секторе народного хозяйства у них был намного ниже показателей удельного веса лиц в трудоспособном возрасте обоего пола. Обращает на себя внимание особенно низкий уровень занятости женщин. Это было общим явлением в России в конце 1950-х гг.

Уровни занятости мужчин и женщин существенно различались, особенно в деревне. Но это было присуще не только немцам, а всему населению региона. Так, в 1959 г. в общественном секторе народного хозяйства трудились 55,5% живших в сельской местности мужчин-немцев и 32,0% женщин, а в целом в восточносибирской деревне соответственно 52,2% лиц мужского пола и 34,7% женского. «Недостаточность» занятости женщин в общественном секторе народного хозяйства «компенсировало» личное подсобное хозяйство (ЛПХ). Оно давало основные средства существования и было главной сферой занятости для 13,3% всех сельских женщин региона и для 0,6% мужчин. В результате суммарная занятость тех и других была сопоставимой – свой источник средств существования имели 52,8% сельских мужчин и 48,5%

женщин³. В нашем распоряжении нет данных о занятости немцев в ЛПХ, но надо полагать, что у них была примерно такая же ситуация. В действительности уровень трудовой активности женщин, да и мужчин, был значительно выше, чем зафиксировала перепись, поскольку ведение домашнего и приусадебного хозяйства отнимало у них много дополнительного времени, которое не учитывала статистика. У немцев, переживших депортацию, которая разрушила самые основы их жизнеустройства и ничего не дала взамен, занятие домашним и приусадебным хозяйством играло особо важную роль, ибо они являлись той базой, на чем строилась стратегия выживания и повседневного существования этого народа.

В нашем распоряжении нет статистики трудовой активности немцев по возрастным когортам. Но данные по всему населению региона могут прояснить ситуацию. Если в городах возраст работающего в государственном секторе народного хозяйства еще как-то регулировался законом, то в деревне начало и окончание трудовой жизни людей выходили за рамки установленного «законного» возраста. Так, перепись «обнаружила», что в восточносибирских деревнях собственный источник средств существования имели 11,4% детей в возрасте 14 лет, а среди 15-летних – 28,1%⁴. Вряд ли немецкие дети имели другую трудовую биографию. Это же касается и окончания трудового периода в жизни. Его верхняя граница, особенно в деревне, была очень размытой.

Причин, из-за которых дети рано начинали, а пожилые поздно прекращали трудиться вне домашнего хозяйства, было много. К ним относились низкий уровень жизни семей и невозможность жить только на заработки старших ее членов из-за плохой оплаты труда, отсутствие или очень малые размеры у большинства населения социальных льгот (пенсий, пособий и т.д.) А характер труда, которым занималась основная часть населения, позволял рано идти на работу, поскольку не требовал высокого уровня образования и предварительной специальной подготовки.

Из основных характеристик экономической активности немцев, представленных переписью, можно сделать следующее заключение. Основные тенденции их развития в социально-экономическом отношении были общими со свободным населением. В послевоенный период они успешно восстанавливали свой трудовой потенциал. Население рабочего возраста пополняли многочисленные довоенные поколения, и трудоспособный контингент был не только относительно многочисленным, но и очень молодым по возрастному составу. Выравнивалась деформированная депортацией пропорция занятых в общественном секторе народного хозяйства мужчин и женщин. У немцев появилась возможность, хотя и ограниченная,

³ Рассчитано по: Российский государственный архив экономики (далее – РГЭЭ). Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1646. Л. 181–183; Д. 1649. Л. 229–230; Д. 1656. Л. 91–92; Д. 1657. Л. 120–121.

⁴ Рассчитано по тем же данным.

территориальных и межотраслевых трудовых перемещений. Наконец, и в городе, и в деревне оставался значительный контингент «незанятых» людей рабочего возраста, преимущественно женщин. В 1960–начале 70-х гг. они будут практически целиком вовлечены в общественное производство.

Все немцы, работавшие в общественном секторе народного хозяйства, как и остальное население, делились на занятых преимущественно умственным и преимущественно физическим трудом. Различия между этими двумя категориями людей относились к числу базовых социальных различий. Первая объединяла тех, кто официально назывался служащими, вторая – рабочих и колхозников.

Обе группы были внутренне дифференцированы по содержанию и характеру труда входивших в них работников. В этом делении проявлялась в обобщенном виде их социально-профессиональная структура. Она представляла собой систему профессиональных отрядов и групп, принадлежность к которым определялась не только профессиональной однотипностью работы людей, но также общностью существенных черт их социального облика: сходством условий, характера и социальных функций их труда, одинаковым положением в общественной организации труда, наличием специфических интересов, своеобразием быта, культуры, психологии и образа жизни.

Представление о профессиональном составе всего населения можно получить только из материалов переписи. Содержащаяся в них информация о распределении людей по занятиям, а внутри занятий – по образованию, позволяет реконструировать в общих чертах динамику социально-профессиональной и частично профессионально-квалификационной структуры немцев. Объединение конкретных видов занятий в социально-профессиональные группы представляет трудность, поскольку номенклатура занятий насчитывает тысячи названий. В материалах переписи перечень основных занятий содержит свыше 280 наименований, которые сведены в 48 разделов. На основании группировки занятий по таким признакам, как характер и содержание труда, уровень требуемой квалификации, нами была выделена 41 профессиональная группа, в том числе 24 группы физического и 17 – умственного труда, которые, при необходимости, объединялись в более крупные группы. Параметры предлагаемой ниже социально-профессиональной структуры немцев Хакасии были определены данными, извлеченными из Красноярского краевого госархива. Конечно, она не претендует на универсальность.

Расположенные ниже таблицы социально-экономических структур немцев выразительны сами по себе, и требуют не столько комментариев, сколько конкретизации, так как в выделенных в таблицах профессиональных группах объединены многочисленные родственные занятия и профессии, иногда по несколько десятков.

Между работниками умственного и физического труда не было резкой, раз и навсегда установленной границы. Существовали группы, которые занимали промежуточное положение и лишь формально относились к той или другой категории. Так, часть лаборантов считалась лицами умственного труда, а часть – физического. Деление не было стабильным. Методика распределения работников по характеру труда менялась, некоторые профессии получали иной «статус». и их обладателей официальная статистика перемещала в другую общественную группу.

Социально-профессиональный состав населения определялся многочисленными факторами – качеством структуры народного хозяйства, удельным весом в ней непроеизводственной сферы, состоянием технико-технологической базы отраслей экономики, «требовавшей» от работников определенных профессионально-квалификационных качеств. Численность профессиональных групп зависела также от хозяйственного механизма, тормозившего или стимулировавшего их рост. Немаловажное значение имел уровень образования населения. У немцев был еще один, чрезвычайный, фактор – их длительное пребывание в статусе депортированного народа. Первым результатом действия всего комплекса факторов была пропорция между лицами умственного и физического труда.

Получившие освобождение немцы – и мужчины, и женщины – в конце 1950-х гг., как и в начале депортации, в большинстве были заняты физической работой. В это время население Восточной Сибири и России также в основном занималось физическим трудом. Но у немцев этот показатель и в городе и, особенно, в деревне значительно превышал средний уровень. Лица умственного труда составляли среди всех работавших сельчан в Восточной Сибири 16,8%⁵, а у «сельских» немцев в Хакасии – 7,5%. В деревнях восточносибирского региона умственным трудом занимались 20,1% работавших женщин и 13,3% мужчин, среди рассматриваемых немцев – соответственно 9,6 и 6,1%. В этом проявлялась их явная дискриминация, поскольку старшие и средние поколения, получавшие образование до приезда в Сибирь, отличались намного более высоким его уровнем, чем русские и остальные этносы.

Сельчане традиционно отставали от горожан по уровню занятости умственным трудом. Немцы не являлись исключением. Эта категория работников составляла среди них 18,2% в городах и, как указывалось, лишь 7,5% в деревнях.

Среди немцев в городах умственным трудом больше занимались мужчины, в деревне – женщины, но их превосходство было незначительным, а удельный вес в общей массе служащих составлял лишь 52,5%.

⁵ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 2935. Л. 116–140; Д. 2936. Л. 252–274; Д. 2937. Л. 145–168.

Работники умственного труда. Категория занятых умственным трудом немцев была неоднородной настолько, насколько неоднородным был их труд. По признаку квалификационно-функциональных различий они делились в советский период на служащих-неспециалистов и специалистов (интеллигенцию), которые объективно являлись проводниками научно-технического прогресса, играли главную роль в подъеме культуры и образования, в преобразовании материально-технической базы народного хозяйства и, значит, в изменении характера и содержания труда всех немцев, транслировали новые стандарты образа жизни. Таким образом, численность интеллигенции и ее качество являлись показателем качества немцев как трудовых ресурсов и качества жизни народа в целом.

Определить точную численность интеллигенции (специалистов) невозможно из-за «размытости» границ, но ее отряды в переписи выделены четко. Немецкая интеллигенция, как вся советская, делилась по месту и содержанию труда на: а) руководящих работников, осуществлявших управленческие функции; б) производственную, или технико-экономическую, интеллигенцию, имевшую преимущественно организаторские функции; в) интеллигенцию, занятую в непроизводственной сфере (врачи, учителя, журналисты и др.), в деятельности которых преобладали творческие функции.

На основе более дробной дифференциации по содержанию труда интеллигенция делилась на: а) производственную, занятую в сфере материального производства; б) медицинскую, занятую в сфере охраны здоровья; в) педагогическую; г) культурно-просветительную; д) художественную; е) административную, сосредоточенную в аппарате управления, в юридических органах, в банковско-финансовой системе и т. д.; ж) научную. Различия между перечисленными отрядами интеллигенции имели социально-профессиональный характер, поскольку каждый из них, объединяя родственные профессии, отличался от других не только характером и условиями труда, его оплатой, но и особенностями социальной психологии и в целом образом жизни.

Структура лиц умственного труда в общих чертах отражена в таблице 2. Отчетливо видно, что немцы практически не допускались в круг управленцев. Ни одного из них не было среди руководителей органов государственного управления или их структурных подразделений, также как среди руководителей партийных, комсомольских, профсоюзных, кооперативных и других общественных организаций и их структур. Среди 557 руководителей предприятий Хакасии имелось лишь 8 немцев-мужчин – 3 в городах и 5 в деревнях, и еще 9 чел. работали начальниками цехов, участков, мастерами.

Таблица 2.

**Распределение немцев-работников умственного труда по занятиям
и видам трудовой деятельности (по переписи 1959 г.)**

Занятия	Занятое население, чел.			
	городское		сельское	
	муж.	жен.	муж.	жен.
Все занятое население, чел.	921	632	1757	1233
%	100,0	100,0	100,0	100,0
В том числе:				
Занятые умственным трудом, чел.	151	131	107	118
%	16,4	20,7	6,1	9,6
Из них:				
1. Руководители органов государственного управления и их структурных подразделений	-	-	-	-
2. Руководители общественных организаций и их структурных подразделений	-	-	-	-
3. Руководители государственных предприятий и колхозов и их подразделений	8	1	8	-
4. Инженерно-технические работники	39	19	32	4
5. Специалисты сельского хозяйства	5	1	10	2
6. Медицинские работники	3	17	2	10
7. Преподаватели, воспитатели, научные работники	23	24	8	20
8. Культпросветработники	2	4	3	2
9. Работники искусства	4	-	-	-
10. Работники охраны соц. собственности и общественного порядка	3	-	-	-
11. Работники связи	-	3	-	8
12. Работники торговли, общественного питания, заготовок, снабжения и сбыта	14	16	8	23
13. Работники планирования и учета	38	34	26	41
14. Работники канцелярий и делопроизводства	-	3	-	3
15. Работники службы быта и жилищно-коммунального хозяйства	5	3	3	-
16. Не указавшие занятия	7	1	4	5

Самую крупную группу среди специалистов составляли инженерно-технические работники (ИТР), занятые в неаграрных отраслях. Число мужчин среди ИТР в городе и деревне мало различалось. Но из женщин в группу входили почти одни горожанки.

Таблица 3.

Распределение инженерно-технических работников по занятиям и видам труда, чел.*

	Пол	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	Всего
Город	муж.	2	4	3	3	13	5	1	2	4	2	39
	жен.	-	2	-	6	1	1	5	-	2	2	19
Село	муж.	2	-	4	5	8	3	1	6	3	-	32
	жен.	-	-	-	-	1	-	3	-	-	-	4

*1 – главные специалисты, 2 – инженеры, 3 – механики, 4 – нормировщики, диспетчеры, 5 – мастера, производители работ, 6 – техники, 7 – лаборанты, 8 – киномеханики, 9 – десятники, 10 – прочие ИТР.

Инженерно-технические работники трудились во всех отраслях народного хозяйства, включая непроизводственную сферу. Эта группа была весьма «пестрой» по квалификационно-профессиональному составу. Ее костяк составляли не инженеры, которых было менее 10%, а представители среднего звена – мастера, техники, механики. По несколько человек работали диспетчерами, десятниками, лаборантами.

Специалистов сельского хозяйства среди немцев было очень мало: перепись учла 3 главных специалиста, 5 агрономов, 7 зоотехников, 1 ветврача и 1 ветфельдшера.

Крупную группу специалистов (139 чел.) составляли работники планирования и учета. Они трудились во всех отраслях народного хозяйства. В отличие от ИТР эта группа состояла преимущественно из женщин, что предопределялось профессиональным составом входивших в нее работников. Среди них находилось 12 экономистов и плановиков, в том числе несколько начальников экономических и плановых отделов предприятий и учреждений, но основную массу составляли бухгалтеры и счетоводы (106 чел.). Остальные работали ревизорами, контролерами и т.п. квалифицированными специалистами. Вместе с ними в группу входили счетоводы, кассиры, учетчики, табельщики и «прочие работники механического учета» – малоквалифицированные или совсем не имевшие квалификации лица умственного труда, которые являлись служащими-неспециалистами.

Делопроизводственный персонал (секретари, машинистки и т.п.) среди немцев представляли по 3 чел. в городах и деревнях. Редко кто из немцев работал в коммунально-бытовом обслуживании: таких было всего 11 чел., в том числе 3 парикмахера и 4 фотографа.

Непроизводственная немецкая интеллигенция была тоже малочисленной. Самым крупным являлся «сводный отряд» работников народного образования, абсолютное большинство которого составляли учителя. Учительская профессия традиционно относится к одной из самых феминизированных, но у немцев в городах число учителей разного пола было почти равным (20 и

22 чел.), в деревне же пропорция была обычной – 4 мужчины и 19 женщин. Кроме учителей было учтено 3 преподавателя вузов, но лишь 2 воспитательницы дошкольных учреждений.

Медицинская интеллигенция значительно уступала по численности педагогической. Врачей всех специальностей (включая главных) было немного: в городах – 8, в деревнях – 2. В основном эта группа состояла из работников среднего звена – фельдшеров, акушеров (10 чел.) и медсестер (11 чел.). Медработники уже стали одним из самых феминизированных отрядов интеллигенции. Доля женщин среди них составляла 85%, что во многом объясняется преобладанием работников среднего звена.

Немцев не допускали в сферу идеологии – перепись не зафиксировала ни одного работника литературы или органов печати (редакторов, журналистов, корректоров и других специалистов этого профиля). Также не было их в профессиональной группе «юридический персонал» (судьи, прокуроры, адвокаты, работники суда и прокуратуры), имелось лишь 3 работника милиции.

Художественная немецкая интеллигенция была представлена двумя артистами, музыкантом и художником. К ним примыкала группа работников культуры, также неоднородная и объединявшая лиц, трудившихся в домах культуры, клубах, кинотеатрах, библиотеках и т. п. учреждениях. В городах было учтено 6 культпросветработников – заведующих ДК, клубами и библиотеками, в деревнях – 5 чел.

В отраслях, где доля специалистов традиционно была низкой (торговля, общественное питание, заготовки, снабжение и сбыт), немцев было тоже мало. Работники торговли (61 чел.), тогда считавшейся сферой умственного труда, были представлены директорами магазинов (9 чел.), продавцами (31 чел.), завскладами (16 чел.), товароведом и т.п. специалистами.

Работники физического труда. Лица физического труда – рабочие и колхозники – составляли абсолютное большинство занятых в народном хозяйстве немцев (табл. 4). Чрезвычайно высокий удельный вес и качество их социально-профессиональной структуры ярко отражали низкий уровень профессионально-квалификационного развития немцев как работников и косвенно – низкий уровень развития территории их проживания. И в городе и в деревне среди них преобладали мужчины, но ненамного. Доля женщин в этой категории работников везде была примерно одинаковой – соответственно 39,4 и 40,3%.

Лица физического труда различались по профессии, степени сложности выполняемого труда и работали как в материальном производстве, так в непроизводственной сфере. Более дробная дифференциация выделяла в них три отличавшихся друг от друга социально–профессиональных отряда: работников индустриально-физического, аграрно-физического труда и физического труда в сфере обслуживания.

Таблица 4.

**Распределение немцев-работников физического труда по занятиям
и видам трудовой деятельности (по переписи 1959 г.)**

Занятия	Занятое население, чел.			
	городское		сельское	
	муж.	жен.	муж.	жен.
Занятые физическим трудом, чел.	770	501	1650	1115
%	83,6	79,3	93,9	90,4
Из них:				
1. На силовых установках	32	18	-	-
2. В горной промышленности	75	13	9	-
3. В металлургии, машиностроении, электропроизводстве	186	7	160	-
4. В химической промышленности	2	1	-	-
5. В производстве стройматериалов	-	8	-	-
6. В лесозаготовках	10	2	23	4
7. В деревообработке	56	9	64	9
8. Текстильщики, швейники, кожевники, обувщики	21	31	14	25
9. Пищевики	-	17	6	27
10. Строители	89	34	137	16
11. Занятые сельскохозяйственным трудом	72	54	880	688
12. Железнодорожники	11	6	5	7
13. Автотранспортники, прочие занятые на транспорте	142	31	162	29
14. Работники на подъемно-транспортных механизмах, такелажники	9	11	4	1
15. Почтальоны	-	6	-	2
16. Повара, официанты	-	13	-	28
17. Работники коммунального и хозяйственного обслуживания	26	135	41	142
18. Санитарки, няни, сиделки	-	28	-	28
19. Внеотраслевые занятия (машинистки, кладовщики, лаборанты, разнорабочие, вахтеры, сторожа)	35	71	111	105
20. Не указавшие специальности	4	6	34	4

Обращает на себя внимание однотипность структур горожан и сельчан также и среди лиц физического труда. Сельские немцы отличались от городских лишь величиной отряда сельскохозяйственных работников. Согласно

переписи, он был самым крупным из отрядов работников физического труда и объединял 42,0% лиц этой категории.

Аграрно-физический труд абсолютно преобладал в сельском хозяйстве страны и региона. В конце 50-х гг. им занимались четыре пятых колхозников и рабочих совхозов. Немцы не имели возможности по-иному трудиться в агросфере. Как у всех, профессиональная дифференциация лиц аграрно-физического труда у них была слабой (табл. 5). Большинство работали вручную. С техникой были связаны только трактористы, трактористы-машинисты и комбайнеры, составлявшие 25,1% отряда. Нужно, однако, подчеркнуть, что этот показатель у немцев был намного выше среднерегионального, не превышавшего в целом по селам региона 15%.

Таблица 5.

Распределение работников сельскохозяйственного труда по занятиям и видам трудовой деятельности, чел.*

	Пол	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	Всего
Город	муж.	1	6	23	3	5	16	4	-	-	-	14	72
	жен.	-	1	-	-	6	1	-	18	6	1	21	54
Село	муж.	1	34	339	61	75	57	101	2	1	-	209	880
	жен.	2	1	1	-	51	1	20	233	42	6	331	688

*1 – зав. фермами, 2 – бригадиры, 3 – трактористы, 4 – комбайнеры, 5 – скотники, телятницы, 6 – конюхи, 7 – пастухи, чабаны, 8 – доярки, 9 – свиноводы, 10 – птицеводы, 11 – без специальности.

Вторым по численности, а в городах самым крупным, был отряд работников индустриально-физического труда, доля которого в массе лиц физического труда составляла 37,1%. С индустриально-физическим трудом были связаны рабочие промышленности, строительства, транспорта и связи. Из таблицы 4 видно, что примерно половину этого отряда составляли рабочие с промышленными специальностями (19,6% лиц физического труда), треть (10,3%) – транспортники, остальные (6,8%) являлись строителями. Эти три профессионально-отраслевых группы, в свою очередь, включали более мелкие группы специальностей.

Специфика отраслевой структуры индустрии Восточной Сибири обусловила своеобразие состава группы лиц промышленных профессий. У немцев более-менее крупными были три профессиональные группы промышленных рабочих. На первом месте стояли машиностроители и металлисты. За ними шли рабочие лесной промышленности и деревообрабатчики. Третьей по численности группой являлись горняки, занимавшиеся добычей угля и руд цветных металлов. Пищевики, текстильщики, швейники, кожевники, обувщики, также как «занятые на силовых установках» (в основном кочегары, мотористы), были среди немцев редкими специалистами.

Объединенные в одну группу работники, занятые в металлургии, машиностроении и энергопроизводстве, составлявшие 8,7% лиц физического труда и имевшие примерно одинаковую численность в городах и деревне, в основном являлись мужчинами с самыми распространенными промышленными профессиями. Треть группы составляли слесари (-инструментальщики, -монтажники, -сборщики), четверть – кузнецы, десятую часть – наладчики оборудования, регулировщики аппаратуры и столько же – электромонтеры, а остальные профессии исчислялись единицами. Рабочие этих групп, как правило, имели достаточно высокую квалификацию и хорошее образование и трудились практически во всех отраслях.

Несмотря на то, что одной из главных отраслей экономики Восточной Сибири являлась лесная и лесоперерабатывающая промышленность, численность лесозаготовителей и деревообработчиков (в основном столяров и рамщиков) среди немцев была небольшой. Другие промышленные профессии, даже являвшиеся основными в ведущих в регионе отраслях промышленности – горной, металлургической, химической и т.п., среди немцев были тоже мало распространены.

Облик промышленных рабочих, занятых производством товаров народного потребления, определялся «второсортностью» отраслей легкой и пищевой промышленности. Численность профессиональных групп швейников, текстильщиков, обувщиков, кожевников и пищевиков в совокупности составляла 141 чел., а их доля в общей массе лиц физического труда колебалась около 3,5%. В большинстве эти профессии имели женщины, а само популярной из них была профессия швеи – мотористки или ручницы. Группа пищевиков (47 чел.) была представлена преимущественно пекарями и тоже почти целиком состояла из женщин.

Численность занятых на транспорте немцев была сравнительно большой (391 чел.). Их совсем не было на водном транспорте, на железной дороге работали всего 27 чел., а абсолютное большинство трудились в дорожном транспорте. Почти половину их (47,0%) составляли шоферы, а остальные были заняты на гужевом транспорте и погрузочно-разгрузочных работах. Немцев-шоферов автотранспорта в деревне было вдвое больше, чем в городах. Если верить статистике, эта профессия вообще была в тот период самой популярной в деревне среди лиц физического труда.

На автотранспорте работали в основном мужчины. Женщин среди них было 16,5%, и занимались они в основном обслуживающим малоквалифицированным трудом. Шоферы трудились на предприятиях и в учреждениях всех отраслей народного хозяйства, где на них был спрос.

Строительные занятия были умеренно распространены среди немцев. Часть их работала в строительных организациях, часть – на предприятиях других отраслей, в том числе в колхозах и совхозах. Характер, содержание и условия труда ограничивали занятие строительством женщин. И это

правило соблюдается во всех странах независимо от их общественного устройства. Однако, несмотря на низкую механизацию работ и очень суровый климат в Хакасии, у немцев женщины составляли в этой профессиональной группе 18,1%. Показателен ее состав. Больше половины ее (57,5%) являлись плотниками, а остальные трудились штукатурами, малярами, землекопами, каменщиками, дорожными рабочими, бетонщицами, печниками, подсобными рабочими. Труд практически всех занятых в строительстве базировался на простых ручных операциях, хотя специализированных и требовавших опыта и мастерства, а машинистов, экскаваторщиков и прочих работавших на машинах и механизмах насчитывалось лишь 23 чел.

Десятая часть лиц физического труда (11,1%) была занята обслуживанием населения (почтальоны, пекари, повара, работники коммунально-бытовых служб, санитарки, няни и т. п.). Многочисленная группа работников коммунального и хозяйственного обслуживания объединяла многие профессии, преимущественно мало- и неквалифицированные. Структура этой группы, на четыре пятых состоявшей из женщин, была «пестрой»: 40,5% ее составляли уборщицы, 32,5% – вахтеры и сторожа, остальные являлись банщиками, истопниками, домработницами и т.п. По характеру труда к ним были близки женщины, работавшие санитарками, сиделками и нянями в медицинских и детских дошкольных учреждениях.

Очень редкими среди немцев были профессии почтальона, повара, официанта, поскольку общественное питание в рассматриваемый период в городах было развито слабо, а в деревнях только начинало свое становление.

Объединявшиеся переписью в одну группу работники внеотраслевых профессий составляли в категории лиц физического труда 8,0%. Эта группа была весьма «разношерстной» и включала в основном мало- и неквалифицированных работников. В нее входили вахтеры и сторожа, разнорабочие, контролеры, счетчики, курьеры и т.п. С этим малообразованным большинством контрастировали включенные в группу машинистки, большая часть лаборантов, которые работали едва ли не во всех отраслях экономики и в социальной сфере, и, конечно, различались по характеру занятий и квалификации.

Группа «не указавших специальности» составляла 1,1% лиц физического труда. Логично предположить, что они в большинстве своем специальности не имели и были чем-то вроде разнорабочих.

Итак, анализ данных переписи позволяет сделать ряд выводов. Статистика подтвердила общность главных тенденций социально-профессионального развития немцев и жителей Восточной Сибири и России в целом. Основные параметры их профессиональных структур были в принципе однотипными, только доля лиц физического труда у немцев была значительно выше. Присутствие женщин в этой категории работников было чересчур большим,

особенно если учесть условия, в которых им приходилось трудиться. Видно, что основные качественные сдвиги в плане роста квалификации труда происходили больше в мужской половине этой категории работников. Женский же труд менялся мало, особенно в деревне. Большинство немцев занимались не просто физическим, а тяжелым ручным трудом. Однако, как известно, эта проблема имела общесоюзный характер.

Пропорция между занятыми умственным и физическим трудом в народном хозяйстве считается одним из обобщающих показателей интеллектуального потенциала общества. Судя по статистике, этот потенциал у немцев, как в целом у населения восточносибирского региона, не заслуживает высокой оценки. Удельный вес лиц умственного труда был очень низким, и к тому же значительную часть их составляли не интеллектуалы, а «конторские служащие», торговые работники и представители подобных профессий.

Соотношение между лицами умственного и физического труда, а внутри них между социально-профессиональными группами достаточно отчетливо свидетельствует о том, что у немцев социально-профессиональная структура не отвечала тенденциям научно-технического прогресса. Ее мобильность, судя по качеству составлявших ее профессий, была слабой, а профессиональные группы, которые генерируют и обеспечивают инновации в разных сферах, – немногочисленными. Совокупная рабочая сила немецкого населения не была способна интенсивно использовать достижения НТП.

Перепись показала, что среди немцев абсолютно преобладал доиндустриальный тип работника. Большинство лиц физического труда, сосредоточенных в материальном производстве, занимались либо ручным, либо слабо механизированным трудом. В еще меньшей степени был механизирован труд работников, занятых в отраслях обслуживания. Таким образом, абсолютное большинство работников было связано с профессиями простого и традиционного физического труда, не требовавшими серьезной подготовки до начала трудовой деятельности, и было мало тех, кто работал с машинами и механизмами и имел профессии более высокой сложности и квалификации.

Период депортации немцы закончили, имея неудовлетворительный по социально-экономическим характеристикам трудовой потенциал. Их как социальную общность определяли в подавляющем большинстве работники физического труда, не очень, по требованиям того времени, квалифицированные, и занятые в основном в отраслях народного хозяйства, весьма далеких от передовых рубежей научно-технического прогресса. Распределение немцев по характеру и сложности труда создавало конфигурацию, напоминающую классическую социально-профессиональную пирамиду, основание которой образуют многочисленные группы работников самых простых профессий, а вершину – относительно узкие слои, занятые сложным трудом.

Для немцев работа являлась источником средств существования, но, судя по характеру их занятий, проблемы их удовлетворенности трудом, развития их творческого потенциала были очень далеки от решения.

Оценивая степень вклада немцев в формирование трудового потенциала Хакасии в количественном плане, следует привести следующие цифры. В 1959 г. они составляли 2,7% занятого в народном хозяйстве этой автономной области населения, в том числе 1,7% в городе и 3,9% в деревне. Демографический ресурс экстенсивного развития экономики в Сибири в лице немцев был явно невелик. Они в незначительной степени позволяли удовлетворять имевшийся в сибирском регионе хронический дефицит трудовых ресурсов.

Влияние советской идеологии на бывших депортированных немцев в местах некомпактного проживания Западной Сибири в 60–80-е гг. XX в.

На протяжении последних двух десятилетий в отечественной историографии изучение истории немцев в Советском государстве является одной из самых интенсивно разрабатываемой проблематикой. Но исследование в основном затрагивается преимущественно в 1920–1930-е гг., во время Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие¹. По-прежнему малоисследованной остается история немецкого населения в местах бывшего спецпоселения в поздний хрущевский и брежневский периоды.

Основная часть немцев на территории Кемеровской, Новосибирской и Томской областей, а именно в местах некомпактного проживания Западной Сибири, появилась в 1940-е гг. в результате депортации и репатриации. С момента прибытия они были распределены по предприятиям, учреждениям. В течение длительного времени немецкое население находилось под контролем спецкомендатур. Только после указа Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1955 г. «О снятии с немцев ограничений в правовом положении, находящихся на спецпоселении»² начался процесс их освобождения и реабилитации. Однако в отличие от других депортированных народов (чеченцев, калмыков, карачаевцев и др.) автономная республика немцев Поволжья не была восстановлена, и большая их часть оставалась в местах ссылки.

Следует отметить, что, несмотря на проводившую реабилитацию репрессированных народов во второй половине 1950-х гг., советское правительство не смогло выйти за рамки утопического сознания и «сталинского социализма». Провозгласив «большой скачок» к коммунизму, партийное руководство стремилось в короткий срок ассимилировать малочисленные народы и национальные меньшинства и интегрировать их в советское общество. Неслучайно во второй половине XX века правительственные постановления по отношению к немцам и другим национальным меньшинствам касались «улучшения интернационального воспитания».

На бывших спецпоселенцев – немцев оказывалось идеологическое воздействие. Руководители, партактив предприятий, где они работали, разъясняли указ и призывали честно трудиться, не уезжать из Сибири. В докладах обкомам КПСС Западной Сибири горкомы и райкомы подчеркивали, что работа по закреплению немцев проводится в индивидуальном порядке³. С помощью

¹ См.: НИБ. Российские немцы. 1995–2011.

² История российских немцев в документах. 1763–1992 гг. Кн. 1. М., 1993. С. 177.

³ См., напр.: Государственный архив Кемеровской области (далее – ГАКО). Ф. П-75. Оп. 8. Д. 39. Л. 29–66; Государственный архив Новосибирской области (далее – ГАНО).

массово-политических и идеологических кампаний партийным властям после отмены режима спецпоселения в основном удалось оставить немецкое население в Сибири. Более того, немцев в местах ссылки во многом сдерживал паспортный режим. Система прописки позволяла властям регулировать миграционные потоки. Основная часть немцев до начала Великой Отечественной войны проживало в Автономной республике немцев Поволжья и в западных областях СССР. Поэтому вполне объяснимо было их желание возвратиться обратно. Между тем властными структурами и МВД предпринимались меры по нейтрализации автономистских проявлений немецкого населения. Несмотря на снятие немцев со спецучета, за ними по-прежнему следили органы МВД и КГБ. Под особым контролем спецслужб находились бывшие репатриированные немцы.

В период поздней хрущевской «оттепели» очень много представителей немецкой национальности из мест некомпактного проживания Западной Сибири выехало в Казахстан и Среднюю Азию. Немцы, оставшиеся в Сибири, поддерживали родственные связи с теми, кто переехал на постоянное место жительства в Казахскую ССР. Например, в конце 1960-х гг. из Кожевниково Томской области несколько семей выезжало к ранее переехавшим родственникам в Талды-Курганскую область, но остаться там не изъявило желание и вернулось обратно⁴. Немцы в послевоенные десятилетия в большей степени стремились воссоединить свои семьи, и они занимались поисками близких и дальних родственников, затерявшихся во время депортации и спецпоселения. Этим можно объяснить постоянные перемещения бывших спецпоселенцев в местах ссылки в 1950–1960-е гг. Кроме того, у некоторых немецких семей имелись даже родственники за границей, переехавшие туда ещё в конце XIX – начале XX вв.

С середины 1960-х гг. наблюдался новый рост эмиграционных и автономистских настроений среди немецкого населения. Основной причиной его явился указ Президиума Верховного Совета СССР от 29 августа 1964 г. «О внесении изменений в Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. "О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья"»⁵. В отношении немецкого населения отменялись огульные обвинения, но большинство его оставалось в местах ссылки. После издания этого указа развернулось движение немцев за восстановление автономии на Волге. Но довольно быстро оно и затухло. Партийные и советские органы по рекомендации Управления КГБ по отношению к тем представителям, которые активно выступали за возвращение немцев в Поволжье, а также за выезд из СССР, нередко применяли методы жесткого административного нажима.

Ф. П-4. Оп. 33. Д. 1642. Л. 10–11; Центр документации новейшей истории Томской области (далее ЦДНИТО). Ф. 607. Оп. 1. Д. 2267. Л. 109–133.

⁴ ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 4506. Л. 240.

⁵ История российских немцев в документах ... Кн. 1... С. 178–179.

И только в 1970-е гг., в результате разрядки международной напряженности, в целях снижения эмиграционных и автономистских проявлений советское правительство издало ряд постановлений, касавшихся немецкого вопроса. Толчком к этому явилось подписание 19 декабря 1966 г. международного пакта о гражданских и политических правах, права на свободный выезд и гарантии охраны национальных меньшинств. СССР ратифицировал пакт лишь 23 марта 1973 г.⁶ Следующим шагом стало подписание московского договора от 12 августа 1970 г. между СССР и ФРГ о взаимном отказе от применения насилия⁷. Главным его результатом явился указ Президиума Верховного Совета СССР от 3 ноября 1972 г. «О снятии ограничений в выборе места жительства, предусмотренного в прошлом для отдельных категорий граждан»⁸. Этот указ не был опубликован в советской печати. Несмотря на его издание, партийным и советским органам рекомендовалось принять все меры к тому, чтобы удерживать немцев в местах ссылки.

Советское правительство, начиная с этого времени, и вплоть до второй половины 1980-х гг. по отношению к немецкому населению проводило политику «улучшения работы». Так, ещё 26 октября 1972 г. было издано постановление ЦК КПСС «Об отдельных категориях граждан, переселенных в прошлом из мест их проживания в другие районы страны». Согласно ему партийные органы проводили работу по закреплению немецкого населения на новых местах жительства, привлечению к активному участию в общественно-политической жизни, в хозяйственном и культурном строительстве⁹. Одной из ведущей формой деятельности администрации по удержанию немцев являлась индивидуальная воспитательная работа.

Так, в Новосибирской области, раньше чем в других западносибирских регионах, 1 февраля 1974 г. местный обком рассмотрел вопрос «Об эмиграционных настроениях некоторой части граждан немецкой национальности»¹⁰. В нем отмечалось, что за последнее время значительно увеличилось количество ходатайств о выезде представителей немецкой национальности за границу. В 1970 г. в Новосибирске было возбуждено 137 ходатайств, в 1971 – 163, в 1972 – 360, а в 1973 уже 1 020. Среди них разрешено было выехать 912 гражданам (ФРГ – 847, ГДР – 52, Канада – 13)¹¹. Основными мотивами выезда немцев являлись наличие за границей родственников, желание объединить семью; отсутствие автономии и разбросанность их в различных

⁶ Айсфельд А. Российские немцы в послевоенных советско-германских отношениях // Отечественная история. 1996 № 3. С. 119.

⁷ Немцы в России и СНГ. 1763–1997. Москва – Штутгарт, 1998. Вып. 6. С. 63.

⁸ История российских немцев в документах ... Кн. 1... С. 179.

⁹ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 4224. Л. 10; ГАКО. Ф. П-75. Оп. 1. Д. 47. Л. 56; ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 4504. Л. 75.

¹⁰ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 4184. Л. 17–18.

¹¹ ГАНО. Ф. П-22. Оп. 26. Д. 41. Л. 47.

регионах страны; слабое представительство в выборных органах, общественных организациях, а также наличие отдельных случаев неприязненного отношения к немцам со стороны представителей других национальностей как наследие времен Великой Отечественной войны. В связи с этим Новосибирский обком обязал городские и районные партийные власти, областные комсомольские и профсоюзные организации, а также руководителей хозяйственных, научно-исследовательских и учебных заведений усилить работу по искоренению эмиграционных настроений среди граждан различных национальностей, улучшить идейно-воспитательную работу с ними. Основное внимание должно было быть направлено на воспитание немцев, как и других народов, в духе «советского социалистического патриотизма, интернационализма и дружбы народов». Местные областные, городские и районные газеты («Советская Сибирь», «Вечерний Новосибирск», «Молодость Сибири»), а также комитет по телевидению и радиовещанию в первой половине 1970-х гг. регулярно пропагандировали материалы о торжестве ленинской национальной политики, о дружбе народов, связанные с 50-летним юбилеем образования СССР.

Уже 11 марта 1974 г. Новосибирский горком принял постановление «Об усилении воспитательной работы среди граждан немецкой национальности»¹². В течение марта райкомы Новосибирска предоставили горкому справки о коммунистах-немцах. В конце этого же месяца горком направил обкому информацию «О состоянии работы с гражданами немецкой национальности». На основе ее выводов и предложений было указано, что горком КПСС совместно с УВД Новосибирского облисполкома должен отработать более четкую и оперативную систему информации руководителей предприятий и общественных организаций о лицах, подавших заявления с ходатайством о выезде за границу. Новосибирскому КГБ и уполномоченному Совета по делам религий предлагалось информировать о деятельности религиозных объединений, состоявших полностью или частично из немцев. Советским и профсоюзным органам было рекомендовано более тщательно подходить к распределению жилья, чтобы исключить возможность появления национальных жилых микрорайонов. Органы связи с марта 1974 г. вели учет количества писем и других сообщений, поступавших из ФРГ, и периодически информировали партийные комитеты. Облсовпроф и отделение «Интурист» более активно влияли на формирование групп для выезда за границу и приема иностранцев в городе с целью ограничения контактов и связи немецкого населения с туристами из ФРГ. На основе более полной информации партийных комитетов со стороны органов МВД, КГБ, связи, «Интуриста» и других ведомств предписывалось значительно улучшить индивидуальную воспитательную работу среди граждан немецкой национальности, привлекать их к более активной общественно-

¹² ГАО. Ф. П-22. Оп. 26. Д. 12. Л. 75.

политической деятельности, повысить роль трудовых коллективов в использовании общественных форм воздействия¹³.

26 июня 1974 г. секретариат ЦК КПСС принял постановление «О мерах по улучшению работы среди граждан СССР немецкой национальности». Можно предположить, что оно в какой-то мере явилось следствием вышеназванного постановления ЦК КПСС от 26 октября 1972 г. В постановлении «О мерах по улучшению работы...» указывалось, что многие партийные организации еще не в полной мере учитывали особенности работы среди лиц немецкой национальности, не всегда проявляли должную заботу о повышении их активности в хозяйственной, общественно-политической и культурной жизни. В городах и районах, имевших значительный удельный вес немецкого населения, местные власти не уделяли необходимого внимания вопросам роста и выдвижения кадров. В свою очередь, 9 июля Новосибирский, 16 июля Кемеровский, а 29 ноября 1974 г. Томский обкомы КПСС рассмотрели этот вопрос¹⁴. Областные комитеты предложили горкомам, райкомам, райгорисполкомам, первичным партийным организациям глубоко и всесторонне разобраться с состоянием работы среди граждан немецкой национальности. Горкомы и райкомы наметили планы работы с немецким населением. Так, уже 22 июля того же года на заседании бюро Новосибирского горкома КПСС были выработаны мероприятия по выполнению постановления ЦК КПСС от 26 июня 1974 г.¹⁵ Почти полгода спустя, 23 декабря городской отдел пропаганды и агитации Новосибирска направил районным и партийным комитетам записку «О борьбе с эмиграционными настроениями среди некоторой части немецкой национальности»¹⁶. В большей степени эта записка для органов власти содержала информацию в излишне приукрашенном виде. В ней обобщался «лучший опыт работы» партийных, профсоюзных и комсомольских организаций по искоренению эмиграционных настроений. По образцу записки Новосибирского горкома райкомы составляли справки о ходе выполнения постановления.

Следует отметить, что в течение августа–сентября 1974 г. специально созданные областными и районными партийными властями комиссии изучали структуру немецкого населения. Особое внимание уделялось районам со значительной численностью немецкого населения. В эти комиссии входили члены КПСС, сотрудники высших учебных заведений, хорошо знавшие немецкий язык. Например, в Александровский, Каргасокский, Кожевниковский, Колпашевский и Томский районы были направлены преподаватели кафедр научного коммунизма Томских инженерно-строительного, политехнического

¹³ ГАНО. Ф. П-22. Оп. 26. Д. 41. Л. 43–44.

¹⁴ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 4224. Л. 10–12; ГАКО. Ф. П-75. Оп. 1. Д. 47. Л. 56–58; ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 4504. Л. 75–77.

¹⁵ ГАНО. Ф. П-22. Оп. 26. Д. 18. Л. 36–38.

¹⁶ ГАНО. Ф. П-22. Оп. 26. Д. 20. Л. 94–96.

и педагогического институтов. На основе их изучения райкомы и горкомы партии предоставили статистические отчеты о проделанной работе среди немецкого населения. Местные органы власти учитывали партийный и социальный состав немецкого меньшинства, число работавших в партийных и советских органах, образовательный уровень, количество награждений медалями и орденами, политико-моральное состояние. В процессе работы комиссии анализировали взаимоотношения немцев с местным населением, эмиграционные и автономистские настроения.

Во многих местах Сибири в брежневскую эпоху ещё встречались конфликтные ситуации, как и отдельные случаи неблагоприятного отношения со стороны населения к немцам. Например, в 1972–1973 гг. председателем Новоникольского сельсовета Александровского района был избран коммунист, бывший спецпоселенец, П.П. Горн. Из-за этого возникли случаи недовольства жителей села связанных с «засильем немцев», так как на руководящих постах в этом районе кроме Горна находились В.Ф. Фишер – управляющий трестом Томсгазстрой, И.И. Мумбер – директор коопзверопромхоза, А.А. Фрицлер – зам. председателя Стрежевского поселкового совета. Александровский райком принял решение о перемещении Горна на должность директора местного совхоза. А в Кожевниковском и в Яшкинском районах соответственно Томской и Кемеровской областей, где большая часть немцев являлась выходцами из Поволжья, имели место высказывания о восстановлении автономии¹⁷.

В середине 1970-х гг. по-прежнему оставался низким образовательный уровень молодых представителей немецкой национальности. В основном из-за того, что немцы, родившиеся в 1940-е гг., после окончания неполной средней школы начинали трудовую деятельность на производстве. Затем молодые мужчины проходили срочную службу в рядах Вооруженных сил СССР и вновь возвращались на прежние места работы. В 1974 г. в Томской области проживало 15 257 немцев, и 983 в их числе в возрасте до 30 лет не имели среднего образования. В с. Вороново Кожевниковского района из 26 молодых немцев 22 закончили 8 классов, 3 – 9 и 1 – 6. А в самом райцентре, Кожевниково, в 1974 г. из 128 выпускников средней школы 7 являлись немцами, из которых 4 поступили в томские вузы и 1 – в техникум¹⁸. Аналогичная ситуация наблюдалась и в других сельских районах Томской, Кемеровской, Новосибирской областей (Томском, Колпашевском, Каргасокском, Яшкинском, Крапивинском, Юргинском, Болотнинском, Сузунском, Тоугинском).

В целях снижения эмиграционных и автономистских настроений немцев советские органы власти в середине 1970-х гг. усилили пропагандистскую работу. Сотрудники отделов пропаганды и агитации обкомов КПСС проводили идейно-воспитательную и атеистическую деятельность по месту работы,

¹⁷ ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 4506. Л. 183, 186, 240; ГАКО. Ф. П-75. Оп. 42. Д. 139. Л. 68.

¹⁸ ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 4506. Л. 120; 241.

учебы, жительства немецкого меньшинства. Партийные органы широко привлекали к этой деятельности коммунистов, передовиков производства из числа немцев. Среди трудящихся немецкой национальности, как и основного населения, проводились лекции, беседы, политинформации, тематические вечера патриотического и интернационального воспитания. Рабочие до 30 лет, не имевшие среднего образования, привлекались в школы рабочей молодежи. На крупных предприятиях, где работали представители немецкого национального меньшинства, первичные партийные организации начали активно выдвигать их на руководящие должности.

Итак, в результате принятия и реализации постановления ЦК КПСС отделы организационно-партийной работы и пропаганды и агитации обкомов КПСС, горкомы и райкомы партии, первичные партийные организации, советские, комсомольские, хозяйственные и общественные органы приняли меры по улучшению работы среди граждан СССР немецкой национальности. Выдвижение передовых рабочих на руководящие должности, награждение и поощрение их частично нейтрализовали эмиграционные и автономистские настроения.

Необходимо отметить, что в брежневский период, как и в предыдущие эпохи Советского государства, в средствах массовой информации сохранялась строжайшая цензура. В политической жизни безраздельно господствовала КПСС, организованная на началах строгого централизма. Идеология советского общества была построена на культе вождя, насаждении политизированного патриотизма, идеологизированной истории КПСС и СССР, а также упрощенных формах интернационализма и произвольном толковании наследия классиков марксизма-ленинизма и социализма. Неполнота и недостоверность информации позволяли успешно манипулировать общественным сознанием. Зачастую пропагандистская работа на заводах, фабриках, учебных заведениях проходила как длинный, скучный, назидательный монолог лекторов, а диалога с аудиторией не получалось. Большинство рабочих, сотрудников, в том числе и немцев, с полным равнодушием относилось к пропагандистам. Хотя почти у всех советских людей, особенно молодежи, накапливалось немало вопросов к партийному руководству.

Немцы СССР, как и основное население страны, были воспитаны на коммунистических идеалах, но в постдепортационный период они пересмотрели свои убеждения. Оказавшись обманутыми и униженными, немцы не могли положительно относиться к Советской власти. Тем не менее, они, проживая в Сибири, оставались лояльными и честными гражданами СССР. А во время правления Л.И. Брежнева большинство бывших депортированных немцев уже смирилось с господствующей в стране коммунистической идеологией. Однако люди старшего поколения были более замкнуты в общении и обижены тем, что после депортации и репатриации они не были возвращены к прежнему месту жительства. Молодые представители, у которых в меньшей

степени отразился в памяти режим спецпоселения, больше стремились сделать карьеру, и в связи с этим численность членов КПСС и ВЛКСМ среди немцев возрастала. При этом выдвинутые среди них на руководящие должности и принятые в ряды КПСС в брежневский период вынуждены были усвоить такие качества: политический конформизм («политическая зрелость»), личная преданность вышестоящему начальству, угодничество, отсутствие собственных принципов. Так, в крупнейшем городе Сибири, Новосибирске, проживало 18 047 немцев и из них в 1971 г. насчитывалось 404 коммуниста, в 1972 г. – 439, в 1973 г. – 454, в 1974 г. – 472. До издания постановления «О мерах по улучшению работы...» партийные органы ещё не в достаточной мере выдвигали представителей немецкой национальности в члены и кандидаты КПСС (см. табл.1). Кроме того, за 1973–1974 гг. 9 немцев-новосибирцев расстались с партийными билетами, 7 из них исключили из КПСС за нарушение дисциплины и 2 – за решение выехать на постоянное место жительства в ФРГ. А в рядах ВЛКСМ в это время находилось 2 679 молодых немцев, что составляло 1,5% от всей численности новосибирской комсомольской организации. И 14 по причине эмиграционных намерений вышли из ВЛКСМ¹⁹.

Таблица 1.

Количество немцев, принятых кандидатами в члены КПСС в Новосибирске в 1971–1973 гг.²⁰

Район	1971		1972		1973	
	Всего	немцев	Всего	немцев	Всего	немцев
Дзержинский	443	5	426	1	433	6
Железнодорожный	192	1	229	1	219	1
Заельцовский	230	1	235	2	215	3
Кировский	183	2	215	3	189	-
Ленинский	335	5	343	7	356	6
Октябрьский	157	3	166	4	164	3
Первомайский	84	1	86	-	101	-
Советский	185	2	201	1	226	1
Центральный	199	-	195	2	221	3
По городу	2 008	20	2 092	21	2 128	23

Только с середины 1970-х гг. в результате принятия мер областных партийных властей по улучшению работы с гражданами немецкой национальности значительно увеличивалось количество коммунистов. Так, если в Новосибирской

¹⁹ ГАНУ. Ф. П-22. Оп. 26. Д. 41. Л. 41, 45, 54–55.

²⁰ Там же. Л. 49.

области в 1965 г. насчитывалось 1 277 немцев-коммунистов, то в 1975 г. – уже 1 919, а в 1980 г. – 2 439. По удельному весу в Новосибирской областной партийной организации немцы-коммунисты уступали только русским и украинцам²¹. На территории Томской области в 1970 г. проживало 15 257 немцев, и 432 из них являлись членами и кандидатами в члены КПСС. В 1974 г., во время издания постановления, насчитывалось 508 немцев-коммунистов, их удельный вес в томской областной парторганизации составлял 1,1%. Из числа немцев-коммунистов 192 являлись депутатами местных Советов, 154 были избраны в партийные органы, 110 работало в партийных, советских аппаратах управления. Вместе с тем на предприятиях Кожевниковского района и г. Колпашево среди немцев не было ни одного коммуниста. На следующий 1975 г. в рядах КПСС Томской области состояло уже 525 немцев, а в 1987 г. – 966²². К началу перестройки в местах некомпактного проживания Западной Сибири сформировалась «новая» немецкая интеллигенция. В основном это представители конца 1940 – начала 1950-х гг. рождения. Они были выдвинуты на руководящие должности в низших и средних эшелонах власти благодаря трудолюбию, добросовестному отношению к делу, профессионализму и в 1980-е гг. уже входили в местную номенклатуру.

В анкетах и характеристиках на представителей немецкой национальности факт о депортации из Поволжья в Сибирь заменялся переселением, а рождение и проживание в бывшей автономной республике Саратовской области. Например, в заполненной автобиографии «старшего брата» кожевниковской евангелическо-лютеранской общины Г.К. Оккеля говорилось, что осенью 1941 г. из с. Борегардт Маркштадтского района Саратовской области он переехал в Кожевниково. Оккель являлся ещё участником гражданской войны, служившим в первой конной армии под командованием С.М. Буденного. А в характеристике томского пастора А.А. Миллера указывалось, что он родился в с. Бобровка Красноярского района Саратовской области. Перед самым началом Великой Отечественной войны, в 1940–1941 гг., Миллер находился на службе в Красной армии. Затем, очевидно был отозван из рядов Вооруженных сил, переселен в Томск. В анкетах Оккеля и Миллера отсутствовало время нахождения под контролем спецкомендатур²³. Таким образом, вплоть до эпохи гласности и перестройки в личных делах запрещалось упоминать и фиксировать автономную республику немцев Поволжья, депортацию, пребывание на режиме спецпоселения и в трудармии.

В 1976–1978 гг. специальная комиссия ЦК КПСС во главе с председателем КГБ Ю.В. Андроповым изучала документы и материалы, касавшиеся граждан СССР немецкой национальности. В августе 1978 г. она направила записку в

²¹ Новосибирская организация КПСС в цифрах. 1920–1980-е гг. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1981. С. 50–51.

²² ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 4506. Л. 133; Ф. 607. Оп. 31. Д. 552. Л. 5.

²³ Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф. Р-1786. Оп. 1. Д. 285. Л. 7; Д. 302. Л. 16.

Политбюро с проектом создания национально-территориальной государственности в составе Казахской ССР. И 31 мая 1979 г. Политбюро приняло постановление «Об образовании Немецкой автономной области»²⁴. В ответ на это летом 1979 г. в Казахстане прокатились антинемецкие демонстрации, и проект создания автономии провалился. И в дальнейшем значительно возросли эмиграционные настроения немцев, которые привели к их массовому выезду во второй половине 1980-х гг.

Одновременно в Западной Сибири партийные органы власти продолжили политику улучшения работы с немецким населением. Так, в августе 1977 г. и.о. начальника Управления КГБ при Совете Министров по Томской области А.Н. Татаркин направил записку первому секретарю Томского областного комитета Е.К. Лигачеву, в которой содержалась информация о профилактических мерах по снижению эмиграционных настроений и план дальнейшей работы. Согласно постановлению ЦК КПСС «О мерах по улучшению работы среди граждан СССР немецкой национальности», Томским обкомом КПСС по рекомендации Управления КГБ были приняты дополнительные меры по усилению воспитательной работы. В обкоме состоялись индивидуальные беседы с руководителями и секретарями партийных комитетов коллективов предприятий, на которых трудились немцы. На заводах Томска пятом государственном подшипниковом (ГПЗ-5), «Сибэлектромоторе» партийные комитеты проделали большую индивидуальную воспитательную работу с гражданами, желавшими эмигрировать²⁵. А 30 мая 1980 г. бюро Кемеровского обкома КПСС издало постановление «Об улучшении работы среди граждан СССР немецкой национальности, проживающих на территории области»²⁶. Горкомы и райкомы Кемеровской области, отделы пропаганды и агитации, как и в Томске, усилили «профилактические» мероприятия среди немецкого населения. И год спустя, согласно составленному областными властями рабочему плану, секретари горкомов и райкомов предоставили информации о ходе выполнения постановления. Однако политико-воспитательная работа среди немецкого населения не имела желаемого успеха для партийных и советских органов. Количество ходатайств о выезде из СССР не становилось меньше. Партийному руководству также не удалось окончательно заглушить движение представителей немецкой национальности за восстановление автономии. И только под воздействием жесткой идеологической кампании и «профилактических» действий властей многие немцы были вынуждены решительно отказаться от эмиграции в ФРГ, как и от переселения в Поволжье.

В начале 1980-х гг. обострилась ситуация на международной арене. Немцы СССР имели родственные связи из ФРГ, Канады и получали оттуда обширные

²⁴ История российских немцев в документах... Кн. 1... С. 190–195.

²⁵ ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 4506. Л. 125–129.

²⁶ ГАКО. Ф. П-75. Оп. 39. Д. 48. Л. 52–57.

сведения. С целью дальнейшей интеграции немцев в «советское социалистическое общество» Секретариат ЦК КПСС накануне перестройки, 28 декабря 1984 г., принял постановление «О мерах по противодействию пропагандистским кампаниям на Западе вокруг вопроса о положении граждан немецкой национальности в СССР»²⁷. В большей степени оно дополняло постановление от 26 июня 1974 г. «О мерах по улучшению работы среди граждан СССР немецкой национальности». Партийные и советские органы в середине 1980-х гг. развернули контрпропагандистскую работу. При идеологических комиссиях партийных комитетов были созданы секции, рабочие группы по контрпропаганде. Во многих областях СССР, например в Новосибирской, они стали проводить социологические исследования, анкетные опросы с целью изучения состояния и эффективности воспитательного процесса среди немецкого населения. К работе идеологических комиссий активно привлекались партийные рабочие и служащие из числа лиц немецкой национальности.

В августе 1985 г. Новосибирский горком предоставил обкому справку «О состоянии политической работы среди лиц немецкой национальности». В крупнейшем городе Сибири в это время проживало 19 253 немца, среди них 871 член КПСС и 2 863 комсомолец. Городские, районные власти, а также первичные партийные организации в идеологической и в массово-политической работе, как и в 1970-е гг., согласно составленному плану больше уделяли внимание «патриотическому и интернациональному воспитанию». Ведущей формой пропаганды по-прежнему оставалась лекционная работа. Многие немцы, работавшие на предприятиях и в учреждениях, принимали участие в составе идеологического актива. Так, в Ленинском районе Новосибирска 17 немцев работали пропагандистами политического просвещения, в Дзержинском – 18, Октябрьском – 42. А в Советском районе с лекциями выступали ученые: кандидат философских наук, доцент Новосибирского государственного университета Э.Р. Барбашина, доктор экономических наук К.К. Вальтух²⁸. Кроме того, в конце 1970-х – первой половине 1980-х гг. широко использовались печать, радиовещание, устная и наглядная агитация. В трудовых коллективах регулярно проходили торжественные собрания, посвященные событиям страны, рабочие собрания, вечера чествования передовиков производства. В каждом районе, например, ежегодно проводилась обширная пропаганда истории и уроков Великой Отечественной войны. 9 мая и 22 июня проходили массовые шествия и митинг у мемориала воинов, умерших в сибирских госпиталях. В аудиториях в присутствии немцев в докладах, лекциях, беседах пропагандистами специально не говорилось «война с немцами», а вводилось выражение «война с фашизмом», «гитлеровской Германией». Однако по-прежнему, как и в предыдущие десятилетия, вклад представителей немецкой национальности в

²⁷ История российских немцев в документах... Кн. 1... С. 199–200.

²⁸ ГАНО. Ф. П-22. Оп. 46. Д. 50. Л. 26–30, 31–32, 51–52.

Победу замалчивался. И вопросы, связанные с депортацией, спецпоселением, трудармией, не рассматривались.

Советы профсоюзов и общественности, культурно-просветительские и образовательные учреждения в 1970–1980-е гг. по указанию областных администраций в местах большого сосредоточения немцев регулярно стали проводить работу по «интернациональному и патриотическому воспитанию» молодежи. Так, в клубах, домах культуры организовывались тематические вечера, часто связанные с какой-либо годовщиной или юбилейной датой, например, посвященные международному дню солидарности молодежи, образованию ГДР. В кинотеатрах демонстрировались фильмы восточногерманской студии «ДЕФА». В учебных заведениях, дворцах и домах пионеров городов действовали Клубы интернациональной дружбы (КИД), где школьники и студенты вели переписку со сверстниками из Восточной Германии. Например, в 40 школах Ленинского района Новосибирска обучалось 132 учащихся немцев, и большая часть из них активно участвовала в работе КИДов. Во многих новосибирских вузах проходили смотры-конкурсы факультетов и кафедр на лучшую постановку работы с иностранными студентами и международному сотрудничеству. Ежегодно составлялся план совместных мероприятий комитета ВЛКСМ и молодежной организации студентов ГДР. Дружба народов пропагандировалась через тематические фотомонтажи, стенгазеты, стенды, оформлявшиеся в учебных корпусах и общежитиях²⁹. Представители молодого поколения Сибири и Восточной Германии с большим энтузиазмом проводили совместные конкурсы и организовывали встречи, но к коммунистической идеологии и «социалистическому» образу жизни относились с полным равнодушием.

В Новосибирске с начала 1960-х гг. работал немецкий клуб при Доме ученых СО АН СССР. Руководил им Совет клуба, председателем которого в 1980-е гг. была И.П. Березина с кафедры иностранных языков СО АН СССР. Целями и задачами клуба являлись укрепление дружбы между учеными СССР и Восточной Германии; обмен научной информацией; знакомство с общественно-политической жизнью, культурой, искусством и обычаями немецкоязычных стран; пропаганда советского образа жизни и совершенствование ученых в разговорном языке. Заседания немецкого клуба проводились два раза в месяц. Формы работы: выступления ученых СССР, ГДР и других немецкоязычных стран, дискуссии, беседы. В мероприятиях принимали участие и советские ученые, для которых немецкий язык был родным (И.И. Ерш, В.И. Фельдбуш, А.И. Гросс). У немецкого клуба установились контакты с учеными из ГДР. Например, в Новосибирском Академгородке с докладами выступали из Дрездена профессор К. Гроссман, из Берлина доктор Адлер³⁰. Сотрудничество научных школ СССР и ГДР во многом позволяло дополнять и обогащать культуру

²⁹ ГАНУ. Ф. П-22. Оп. 46. Д. 50. Л. 46–47.

³⁰ Там же. Л. 45, 53–54.

двух стран и более глубоко изучать немецкий язык. Неслучайно в Сибири во второй половине XX в. сформировались целые научно-исследовательские группы по немецкой диалектологии. А пропаганда советского образа жизни и преимущества социалистического пути развития стран Восточной и Центральной Европы особого интереса среди ученых немецкого клуба не вызвала.

Таким образом, большая часть немцев во второй половине XX века проживала в местах ссылки и находилась под контролем государственных и партийных органов. Немцы, как и основное население СССР, воспитывались в русле господствовавшей коммунистической идеологии. Однако большинство людей в брежневский период вступало в ряды КПСС не по убеждению, а с целью повысить социальный статус, сделать профессиональную карьеру. С помощью массово-политической и пропагандистской работы партийному руководству лишь частично удавалось сдерживать немецкое население от автономистских и эмиграционных намерений. На протяжении почти двух десятилетий постановление ЦК КПСС от 26 июня 1974 г. «О мерах по улучшению работы среди граждан СССР немецкой национальности» явилось основой национальной политики Советского государства по отношению к немцам. И местные власти согласно ему проводили политико-воспитательную работу, а также по рекомендации Управления КГБ «профилактические мероприятия». Но, несмотря на принятие ряда мер руководством страны, советские немцы так и не были до конца реабилитированы. В конечном итоге нерешенная немецкая проблема в СССР привела к массовой эмиграции в Германию.

Фактор депортации в динамике численности и расселения немцев в Сибири*

Численность немцев, проживающих в настоящее время на территории Сибири, равна 336 тыс. человек, что составляет 56,2% всего немецкого населения Российской Федерации¹. Во многих областях Сибири немцы находятся на втором месте по численности после русских. Хотя еще в начале XX в. численность немцев в Сибири была около пяти с половиной тыс. человек, что составляло 0,3% немецкого населения Российской Империи и 0,09% населения Сибири. Причины такого стремительного роста в регионе числа немцев, безусловно, заключаются в миграционных процессах. Ведущую роль в этих процессах играли вначале добровольные переселения, а затем – депортация, причем фактор депортации в формировании современного немецкого населения Сибири является определяющим. Об этом весьма убедительно свидетельствуют статистические источники, в частности, материалы переписей населения.

По данным Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. в областях за Уралом проживало 14298 немцев, из них в Сибири – 5424, в Средней Азии – 8874. городское немецкое население в Сибири составляло 37%, сельское – 63%. Аграрная колонизация Сибири немцами только началась, первые поселения были основаны здесь в 1893–1894 гг. выходцами из немецких колоний Поволжья. В числе учтенных переписью, в Тобольской губернии было зафиксировано 1120 немцев (714 душ мужского пола и 406 душ женского пола). В Томской губернии проживало 1430 немцев (872 душ мужского пола и 558 душ женского пола). В Енисейской губернии – 946 человек (697 мужчин и 249 женщин). В Иркутской губернии – 607 человек (434 мужчины и 173 женщины). В Омском уезде (входил в Акмолинскую область) зафиксировано 3315 немцев обоего пола, в том числе в г. Омске – 437 человек².

Все расчеты, произведенные по переписи 1897 г. показывают очень незначительную как абсолютную численность немцев в сибирском регионе,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Этнография современной диаспоры (на примере немцев Сибири)», проект № 11–31-00213а1.

¹ Рассчитано по: Всероссийская перепись населения 2002 г. Сайт. URL: http://www.perepis2002.ru/ct/doc/TOM_04_03.xls

² Первая всеобщая перепись Российской империи 1897 г. Т. LXXVIII. Томская губерния. СПб., 1904. С. 70; Т. LXXXI. Акмолинская область. СПб., 1904. С. 1; Т. XXVIII. Тобольская губерния. СПб., 1905. С. 76; Распределение населения по родному языку и уездам Российской Империи кроме губерний Европейской России // Демоскоп. Электронная версия бюллетеня «Население и общество». Приложения. URL: http://demoscope.ru/weekly/spp/emp_lan_97_uezd.php

так и крайне низкую их долю в составе общей численности населения, и в составе нерусских народов. Сельское немецкое население преобладало над городским, но незначительно. В начале XX в. переселенческий поток усиливается, но в отличие от предыдущего периода, в нем начинают преобладать выходцы из разных губерний европейской России, хотя в значительной мере сохраняется и традиционное направление миграций из Поволжья. Помимо поволжских немцев, в Сибирь переселяются волынские немцы и меннониты.

Большое количество немецких крестьян переселилось в Сибирь в годы столыпинской аграрной реформы. В этот период немцами были заселены обширные пространства в Славгородском и Омском уездах. Основными районами выхода были Поволжье и Украина. Общими для переселенцев были районы выхода и причины, по которым они ехали в Сибирь. Но соотношение переселенцев из этих регионов, их конфессиональный состав на Алтае и в районе Омска различались. Все исследователи признают, что среди переселенцев на Алтай преобладали выходцы из южнорусских губерний, меннониты по вероисповеданию, в Омском уезде было больше выходцев из Поволжья. Немецкое население Тарских урманов формировалось почти исключительно из крестьян Волынской губернии. В начале XX в. сформировались места компактного проживания немцев в Сибири, они располагались в основном вдоль Транссибирской железной дороги, от Петропавловска до Омска, и далее – до Барабинска, а также на Алтае.

Конец XIX в. – 1914 г. следует выделить как период массового добровольного переселения немцев в Сибирь. В 1914 г. началась первая мировая война, и это событие коренным образом изменило характер переселения немецких крестьян. Миграции в Сибирь перестают носить экономический характер. Добровольные миграции сменяются полосой депортаций и насильственных переселений. Несмотря на то, что события первой мировой войны не оказали сколько-нибудь значительного влияния на общую численность немцев в Сибири вследствие того, что большая часть перемещенных лиц смогла выехать из мест ссылки, роль этих событий была большой. Эти события были рубежом, который отделял период мирного и достаточно спокойного существования немцев в сибирских колониях, период их поступательного развития, сопровождавшегося стабильным ростом населения за счет естественных причин, от периода войн, революций и прочих потрясений, вызвавших многочисленные вынужденные миграции.

Всесоюзная перепись населения 1926 г. зафиксировала в СССР 1238549 немцев. В РСФСР проживало 806301 человек немецкой национальности³. В Сибири было зафиксировано 86469 немцев. Они составляли 1% населения и проживали в 16 округах на огромной территории от Тюмени до Иркутска. По результатам переписи 1926 г. были составлены списки населенных мест по

³ Всесоюзная перепись населения 1926 г. Национальный состав населения по республикам СССР // Демоскоп. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_26.php?reg=2

всем регионам СССР, в том числе и по Сибирскому краю. Особую ценность материалы переписи представляют в том плане, что она зафиксировала все населенные пункты накануне проведения массовой коллективизации, которая ликвидировала частные хозяйства, и, как следствие – хуторской тип поселения. Поскольку хутора были для немцев типичным, очень распространенным видом поселений, их ликвидация привела к уменьшению в несколько раз количества населенных пунктов, и, одновременно, к увеличению людности сохранившихся поселений.

В «Списках населенных мест» фиксировалась численно преобладающая национальность в каждом населенном пункте. Согласно этому источнику, в Западной Сибири в 1926 г. было зафиксировано 872 населенных пункта с преобладающим немецким населением. Из них 609 – в районе Омска, 223 – на Алтае и 40 – вблизи Новосибирска. Большая часть населенных пунктов вблизи Омска, особенно в северных районах, являлась хуторами. Так, например, в Тарском округе все 146 немецких населенных пунктов являлись хуторами. Из 277 немецких населенных пунктов Омского округа селами являлись 10, деревнями – 20, поселками – 39, хуторами – 182. (остальные 26 населенных пунктов обозначены как участки, кордоны, выселки)⁴. Процесс ликвидации хуторов и сселения привел к тому, что в населенных пунктах стали вместе проживать немцы, относящиеся к разным переселенческим группам, отличающиеся друг от друга языком, вероисповеданием и локальными особенностями культуры. Тем не менее, очаги компактного проживания немцев в сельских местностях Сибири продолжали сохраняться, они только стали более «смешанными» по составу населения.

Особый интерес представляют данные о численности немцев в Сибири накануне Великой Отечественной войны, поскольку ее начало было связано с массовой депортацией немецкого населения из европейской части Советского Союза в Сибирь и Казахстан, которая привела к кардинальному изменению расселения немцев, резкому росту их численности в Сибири и определила весь дальнейший ход этнического развития.

Официальные данные содержатся в материалах Всесоюзной переписи населения 1939 г. Общепринятым мнением в настоящее время является необходимость корректировки данных переписи населения 1939 г. в сторону уменьшения общей численности населения СССР, так как численность населения была заведомо преувеличена на 1–2 млн. человек⁵. Предыдущая же перепись населения 1937 г., результаты которой были признаны неудовлетворительными, напротив, недоучитывала население СССР в сумме на 700 тыс. человек⁶.

⁴ Рассчитано по: Список населенных мест Сибирского края. Новосибирск, 1928. С. 35–202.

⁵ Перепись населения СССР 1937 года. История и материалы. М.: Государственный комитет СССР по статистике, 1990. С. 49.

⁶ Андреев Е., Дарский Л., Харькова Т. Опыт оценки численности населения СССР 1926–1941 гг. (краткие результаты исследования) // Вестник статистики. 1990. № 7.

Результаты переписи 1937 г. признаются более достоверными, чем переписи 1939 г., но разработка этих материалов по регионам, к сожалению, невозможна. В целом же, перепись 1937 г. зафиксировала численность немцев в СССР – 1151602 человек, в РСФСР – 651429 человек⁷. Таким образом, разница между данными переписей 1937 и 1939 гг. при учете немецкого населения является очень большой – 275630 человек по СССР и 211075 человек по РСФСР. Если исходить из положения, что приписки численности населения, как и его недоучет, были равномерными по всем регионам, а также то, что доля немцев Сибири в общей численности немецкого населения РСФСР в 1937 г. составляла 12%, то мы получим их численность около 80 тыс. человек. Следует, однако, оговориться, что эта цифра, скорее всего, является не средней, а минимальной величиной, поскольку масштабы фальсификации результатов переписи 1939 г. были разными в разных регионах. Так, уровень искажения (приписка к итогам численности) в АССР НП составил 9,6%, что привело к значительному увеличению немцев в Поволжском регионе. В Киргизии к сентябрю 1941 г. было взято на учет НКВД 8,4 тыс. немцев, в то время, как перепись 1939 г. учла 11,7 тыс. немцев в республике, в Казахстане по данным НКВД проживало до войны 61,3 тыс. местных немцев, а переписью было учтено 92,5 тыс. немцев⁸. Учитывая столь масштабные приписки к численности немцев в других регионах СССР, можно надеяться на то, что искажения по сибирскому региону были не такими значительными.

В работе А. Айсфельда и В. Хердта указано, что накануне войны между СССР и Германией в Сибирском регионе проживало 106400 немцев⁹. Учитывая все приведенные выше данные, следует определить численность немцев в Сибири перед депортацией в 100 тыс. человек, оговорившись, что цифра эта приблизительная, но более точные подсчеты невозможны из-за характера и состояния источников. Следует также сказать, что при оценке фактора депортации, более принципиальным показателем по сравнению с абсолютной численностью, является доля немцев в общей численности населения отдельных регионов, а также доля немецкого населения регионов в общей численности немцев РСФСР и СССР. Сравнивая эти относительные показатели до депортации и в период после перемещения немцев в восточные районы страны, можно наглядно представить те глобальные изменения, которые произошли в численности и расселении в результате депортации. В этом случае официальные данные переписей населения можно считать репрезентативными.

С. 36.

⁷ Перепись населения СССР 1937 г. С. 86, 89.

⁸ Кригер В. Рейн–Волга–Иртыш: Из истории немцев Центральной Азии. Алматы: Издательство «Дайк-Пресс». С. 139.

⁹ Цит. по: Бруль В.И. Миграционные процессы среди немцев Сибири в 1940–1955 гг. // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект. М., 1998. С. 338 (Eisfeld A., Herdt V. Deportation, Sondersiedlung, Arbeitsarmee. Deutsche in der Sowjetunion 1941–1945. Köln, 1996. S. 45.).

Согласно данным Всесоюзной переписи населения 1939 г. в СССР проживало 1427232 немца, что составляло 0,84% от всего населения Советского Союза. Немцы находились на 20 месте по численности среди народов страны. В Российской Федерации проживало 862504 немца, что составляло 0,79% населения республики и 60,43% немецкого населения СССР¹⁰. В азиатской части РСФСР численность немцев составляла 117013 человек, в том числе в Западной Сибири – 101429 человек, а в целом в Сибири – 109158 человек (Табл. 1).

Таблица 1.

**Численность немцев в регионах азиатской части РСФСР
по данным переписи 1939 г.¹¹**

Регион	Численность немцев	Доля в численности немцев РСФСР, %	Доля в численности населения региона, %
Алтайский край	33203	3,85	1,33
Новосибирская область	8394	0,97	0,21
Омская область	59832	6,94	2,52
Итого: Западная Сибирь	101429	11,76	1,14
Красноярский край	3962	0,46	0,20
Иркутская область	2142	0,25	0,16
Читинская область	1205	0,14	0,10
Бурят-Монгольская АССР	420	0,05	0,08
Итого: Сибирь	109158	12,66	0,79
Приморский край	1911	0,22	0,21
Хабаровский край	5694	0,66	0,39
Якутская АССР	250	0,03	0,06
Итого: азиатская часть РСФСР	117013	13,57	0,80
РСФСР	862504	100	0,79

¹⁰ Всесоюзная перепись населения 1939 г. Национальный состав населения по республикам СССР // Демоскоп. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_26.php?reg=2

¹¹ Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1939 г. Национальный состав населения по регионам РСФСР // Демоскоп. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_26.php?reg=2 (Административно-территориальное деление в период проведения переписи отличалось от современного. В 1937 г. Западно-Сибирский край был упразднен с разделением на Алтайский край и Новосибирскую область. Численность немцев в Алтайском крае дана, включая Ойротскую автономную область, в которой по переписи 1939 г. проживало 25 немцев. Численность немцев в Омской области дана, включая Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий национальные округа, в которых насчитывалось соответственно 177 и 101 человек немецкой национальности).

Таким образом, немцы, проживающие на территории Сибири до депортации, составляли 12,66% немецкого населения РСФСР, а доля немцев в общей численности населения Сибири составляла 0,79% и не отличалась от среднего показателя по России.

Депортация немцев в Сибирь привела к многократному увеличению их численности в регионе. Из Поволжья в 1941 г. было выселено около 440 тыс. немцев, из них 331,5 тыс. – в Сибирь. В Казахскую ССР было депортировано 117,7 тыс. человек¹². То есть 73,8%, или почти три четверти немецкого населения АССР НП было переселено в Сибирь в 1941 г. В дальнейшем основной территорией, на которой позже размещались депортированные немцы, а затем и другие народы, стала Казахская ССР. Всего из европейской части России в Сибирь и Казахстан в 1941–1942 гг. было депортировано 805 тыс. немцев. Распределение по районам вселения было следующим (Табл. 2)¹³:

Таблица 2.

Численность расселенных депортированных немцев в 1941–1942 гг.

Регион	Численность	Доля расселенных в регионе немцев от общей численности депортированных, %
Алтайский край	100303	12,46
Омская	83906	10,42
Новосибирская	133684	16,61
Красноярский край	78050	9,69
Иркутская область	1169	0,15
Итого: Сибирь	397112	49,33
Казахская ССР	407931	50,67
Всего	805043	100

В Сибири оказалось 49,33% немцев, т.е. почти половина всех депортированных, из них – 317,9 тыс. – в Западной Сибири (почти 40% всех депортированных и 80% депортированных в Сибирь). Кроме немцев, депортированных из АССР НП, в Алтайском крае были расселены немцы из Саратовской, Сталинградской, Ростовской областей, в Омской области – из Саратовской, Сталинградской, Воронежской, Горьковской, Калининской, Ленинградской областей и Крымской АССР, в Новосибирской области – из Саратовской, Ростовской,

¹² Герман А.А. Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. М.: «МСНК-пресс», 2007. С. 441.

¹³ Рассчитано по: Ремпель П.Б. Депортация немцев из европейской части СССР и трудармия по «совершенно секретным» документам НКВД СССР 1941–1944 гг. // Российские немцы. Проблемы истории, языка и современного положения. М., 1996. С. 74.

Запорожской, Донецкой, Воронежской областей, Краснодарского края, Азербайджанской ССР, в Красноярском крае – из Саратовской и Ленинградской областей, Краснодарского края¹⁴. Внутри сибирского региона проводилось переселение депортированных, в основном в северные районы¹⁵.

Депортированные немцы размещались как в немецких селах, так и в русских, и в смешанных. Поэтому в результате депортации происходит увеличение числа немцев в тех местах, где немцы уже жили компактно. Но, наряду с этим, немцы расселялись и в других районах, поэтому в результате депортации произошло дисперсное расселение немцев на огромной территории, своеобразное «распыление» немецкого населения по территории Сибири.

Прием депортированных осуществляли местные районные власти, которым определялось количество людей, которых они должны принять и распределить по колхозам. Отказов практически не было, потому что, во-первых, это было распоряжение, которому нужно было подчиняться, а во-вторых, все колхозы испытывали острую нехватку рабочих рук в связи с начавшейся мобилизацией на фронт. Количество депортированных было огромным, поэтому в очень многих селах и практически во всех немецких поселениях в Сибири в 1941 г. появились депортированные немцы.

Так, в Исылкульском районе Омской области было размещено 2500 поволжских немцев. Несколько позже здесь были размещены депортированные калмыки и немцы с Украины. Депортированных размещали по домам местных жителей по 4–5 семей. Контакты между местными и депортированными немцами были слабыми, браков между собой они не заключали из-за значительных различий в языке и религии. Поволжские немцы были католиками, они не понимали платдойч, на котором говорили местные меннониты, кроме того, они различались и между собой, одни называли себя «луговыми», другие – «горными», так как они были выселены из разных районов Поволжья, с луговой и горной сторон¹⁶.

В некоторых поселках, небольших по численности, депортированные немцы стали составлять большинство жителей. Например, в д. Гофнунгсталь Исылкульского района, основанной в 1902 г. меннонитами из Таврической губернии, были размещены немцы, депортированные из Каменского района Саратовской области. Они стали численно преобладать над местным населением, и, поскольку они были католиками, местным немцам пришлось ходить на религиозные собрания в соседнее с. Маргенау, где была меннонитская община¹⁷.

Большая группа депортированных немцев была размещена на территории современного Горьковского района Омской области. До 1941 г. на этой тер-

¹⁴ Там же. С. 71–73.

¹⁵ Белковец Л.П. Нарымская эпопея немцев Поволжья в 1941–1945 гг. // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект. М., 1998. С. 284–313.

¹⁶ Музей археологии и этнографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (МАЭ ОмГУ). Ф. I. Д. 151-1. Л. 15.

¹⁷ Там же. Л. 1.

ритории существовало 12 населенных пунктов с преобладающим немецким населением. Большинство из них были более или менее однородными по составу: в Чучкино проживали поволжские немцы, лютеране по вероисповеданию, в Халдеевке – крымские меннониты. Одна деревня – Осиповка, была разделена на две части: основавшие поселение волынские немцы были лютеранами. Переселявшиеся позже, до середины 1930-х гг. украинские немцы из Екатеринославской губернии были католиками. Католиками были также депортированные в Осиповку поволжские немцы. Обе общины действовали вплоть до последнего времени, в Осиповке сохраняются два кладбища – католическое и лютеранское.

В 1941 г. в Горьковском районе была размещена большая (более тысячи человек) группа немцев, депортированных из Поволжья, в основном из Сталинградской области. Депортированных немцев размещали не только в немецких, но и в русских деревнях. Так, в с. Лежанка, основанном русскими в XIX в. на берегу Иртыша, в 1941 г. была размещена группа немцев, выселенных из д. Семеновка Сталинградской области. В период укрупнения колхозов и ликвидации неперспективных деревень в Лежанку были переселены жители таких деревень как Розановка, Крупянка, Ливенка, Ивановка, Березовка, Липатовка, Михайловка и Горький Лог – и русские, и немцы¹⁸. Таким образом, немецкое население в Лежанке было очень сложным, смешанным по составу.

В 1941 г. в маленькой русской деревне Октябрьское, состоявшей всего из нескольких дворов, были размещены немцы, депортированные из Сталинградской области. В отличие от других населенных пунктов, где депортированные размещались по семьям или в пустующих домах, здесь переселенцев разместили в бараках. В Октябрьское отбирали хороших специалистов: механиков, трактористов, кузнецов, так как, видимо, хотели организовать здесь какое-то производство. Но с января 1942 г. началась мобилизация в трудовую армию. После войны большинство оставшихся в живых вынуждено было жить в Октябрьском, потому что возвращаться в Поволжье было запрещено¹⁹.

Депортированные немцы размещались без всякого учета национальной принадлежности, их селили в тех поселках, где было хоть какое-то жилье: пустующие дома, казармы, сараи, фермы. Часто «уплотняли» местных жителей, иногда переселенцы рыли землянки. Так немцы оказались во многих русских деревнях. Поскольку расселены они были небольшими группами, по несколько семей, после войны они старались переехать в те поселки, где уже жили немцы, искали родственников, знакомых. Многим это удалось, но в то же время возникли места компактного расселения именно депортированных немцев. Из таких мест следует назвать, например, с. Новорождественка Исилькульского района Омской области. Изначально, местность эта заселя-

¹⁸ Там же. Д. 149-2. Л. 76.

¹⁹ Там же. Л. 75.

лась казаками и носила название «Озерки». В 1941 г. здесь были размещены немцы, депортированные из Франковского и Красноармейского районов Саратовской области (сел Нейвальтер, Шук, Каменка). Некоторые немцы попали в Новорождественку после трудармии (например, Анна Вольф, депортированная из с. Гримм Саратовской области). Несколько немецких семей переехало сюда из Новосибирской области и Казахстана в 1956 г. после отмены режима спецпоселения. Это семья Бауэр, депортированная из д. Гаврино Старобежевского района Волгоградской области в Алма-Атинскую область, семьи Эпп и Функ, депортированные в Новосибирскую область из с. Централь Новохоперского района Воронежской области, семья Гернер, депортированная в Кокчетавскую область из Крыма²⁰. Таким образом, все немецкое население Новорождественки – это депортированные немцы и их потомки.

Мобилизация в трудармию привела к перемещению части немецкого населения из Сибири на Урал, на Дальний Восток, европейский Север. После расформирования трудовой армии в 1946 г. происходило возвращение немцев на прежнее место жительства, но оно было не полным, часть бывших трудармейцев осталось в местах дислокации трудовых лагерей. Это, как и повышенная смертность в годы войны, привело к снижению численности немцев в Сибири.

Но в это же время в Сибири начинается размещение репатриированных немцев. Число репатриантов составило в Алтайском крае – 13841 человек, Красноярском крае – 4090, в Новосибирской области – 13262, в Омской – 1869, в Томской²¹ – 5830, в Кемеровской – 4888, в Иркутской – 4361, в Тюменской – 1785 человек²². Общее число этой последней волны вынужденных мигрантов составило почти 50 тыс. человек.

Поскольку перепись населения после войны не проводилась, о численности немцев можно судить по учету спецпоселенцев, оговорившись, что эти данные не являются полными. В 1948 г. численность немцев, как самостоятельного контингента спецпоселения, составляла 1012754 человека²³. Первоначально местные сибирские немцы не попали в число спецпоселенцев. Первыми на спецучет были поставлены местные немцы в Новосибирской области. В Алтайском крае и Омской области, режим спецпоселения был введен окончательно лишь в 1951 г.²⁴ В 1953 г. на спецпоселении находилось 1223968 немцев, из них 412518 проживали в сибирском регионе. Это составило 33,7% всех немцев-спецпоселенцев. Немцы составляли 2,2% всего

²⁰ Там же. Л. 13.

²¹ Указ об образовании Томской и Тюменской областей был принят в августе 1944 г.

²² Бруль В.И. Указ. соч. С. 345.

²³ Герман А.А., Иларионова Т.С., Плева И.Р. История немцев России. М.: Издательство «МСНК-пресс», 2005. С. 481.

²⁴ Белковец Л.П. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941–1945 гг.: Историко-правовое исследование. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. С. 203.

населения. Они жили практически во всех населенных пунктах Сибири, в Алтайском крае и в Омской области немцы были третьими по численности после русских и украинцев²⁵.

После отмены режима спецпоселения депортированные в Сибирь немцы вынуждены были оставаться в местах поселения еще очень длительное время. В 1950–1960-е гг. основной тенденцией этнического развития было смешивание разных групп немецкого населения в результате их совместного проживания. Это происходило потому, что продолжалось снижение числа поселений и увеличение в них численности населения. Как и в предвоенные годы, основной причиной этого процесса стали политические решения, на этот раз – решения об укрупнении колхозов и ликвидации неперспективных деревень. Поскольку хуторов к этому времени уже не существовало, укрупнению и ликвидации подвергались поселения с числом жителей менее 100 человек.

Кампания по укрупнению проводилась стремительными темпами. Например, в Алтайском крае с января по июль 1950 г. 4220 сельхозартелей были объединены в 1149, из которых организовано 485 колхозов²⁶. Директивы по укрупнению выполнялись и перевыполнялись, в результате число сельских поселений резко сократилось. Многие небольшие по количеству дворов поселения просто исчезли с лица земли. Например, в Алтайском крае число сельских населенных пунктов сократилось с 5800 в 1926 г. до 1624 в 1989 г.²⁷ Укрупнялись все поселения, разумеется, независимо от этнической принадлежности их жителей, поэтому резко сократилось и число немецких населенных пунктов. Немцы переселялись как в более крупные немецкие села, так и в села с русским или смешанным населением. То же самое происходило с украинскими, казахскими, латышскими, чувашскими и т.д. поселениями. Как результат – появление вместо большого количества малодворных поселений, более или менее однородных по этническому составу, поселений крупных, насчитывающих от нескольких сотен до нескольких тысяч человек. Процесс этот, происходивший в недавнем прошлом, в огромном количестве зафиксирован в материалах этнографических экспедиций. Большинство людей старшего поколения, в памяти которых живут события этих лет, крайне негативно оценивают происходившее. Чаще всего в процессе сселения в крупных поселениях образовывались улицы и кварталы, где отстраивались заново дома для переселяемых жителей, или они перевозили на выделенные участки свои дома.

Так, в Кулундинском районе Алтайского края, в село Ананьевка были переселены в 1952–1953 гг. жители соседних деревень Гришаевка и Марковка, они размещались на новой улице села – Восточной. В 1956 г. были переселены в с. Гришковку (Немецкий район) жители деревень Марковка и Хортицы – они

²⁵ Бруль В.И. Указ. соч. С. 348.

²⁶ Щеглова Т.К. Алтайская деревня в 1950–1970-е гг.: устная история безгласного большинства // История Алтайского края. XVIII–XX вв. Барнаул, 2004. С. 395.

²⁷ Там же. С. 393.

селились на улице, которая сейчас называется «50 лет Октября», из Степного – на улице Мира, из Каратала – на улице Новой. В 1950 г. в село Кусак (Немецкий район) переселили жителей Самсоновки и Желтенького, в 1957 г. – жителей из русской деревни Белгородка. По воспоминаниям местных жителей, русские стали после этого в массовом порядке уезжать в город, а для немцев это было невозможно²⁸.

В том же районе, в село Николаевка в 1958 г. были сселены жители из Камышей, Марьяновки, Архиповки, Евстафьевки, Павловки, Романовки. Жители Камышей и Марьяновки были поволжскими немцами, остальные – русскими, и сама Николаевка была русским селом. Немцы поселились на улице Центральной. В селе Протасово в 1953 г. были объединены жители Никольского, Красного Дола, Мирного и Чистого. В селе Редкая Дубрава, основанном меннонитами, в период укрупнения отдельной улицей поселились католики из деревни Либенталь. В д. Шумановка, основанную в 1911 г. меннонитами, кроме депортированных немцев, вселили жителей соседних сел Красное, Архиповка, Константиновка. Архиповка была русским селом, в Красном (Клифельде) жили немцы, тоже меннониты, но из другой материнской колонии, они поселились на улице Титова. Константиновка (Циммерталь) тоже была немецкой, но там жили католики с Украины²⁹.

Практически все поселения стали смешанными в этническом плане, в большей или меньшей степени, но практически все. Даже в тех поселениях, где большинство составляли немцы, само немецкое население являлось гетерогенным по составу: за редким исключением не осталось поселений, где проживали бы только поволжские, волынские, украинские, кавказские немцы или меннониты. Осталось довольно большое количество сел и деревень, в которых эти группы были преобладающими, но нигде – единственными, как это было раньше.

После принятия указа 1972 г. «О снятии ограничений в выборе места жительства, предусмотренного в прошлом для отдельных категорий граждан», массового выезда немцев из Сибири в европейскую часть России не произошло. Часть людей выехала раньше, несмотря на запреты властей. С момента депортации к этому времени прошло уже более 30 лет. Несколько поколений немцев родилось уже в Сибири и считало ее своей родиной. Тем, кто хотел вернуться, государство не оказывало никакой поддержки, не предоставляло ни работу, ни жилье, поэтому, те, кто все-таки решался на переезд, делали это на свой страх и риск. «Выездное движение» в ФРГ жестко контролировалось властями. В результате всех этих политических мер за Сибирью прочно закрепляется первое место среди регионов России по численности немцев.

²⁸ МАЭ ОмГУ. Ф. I. Д. 104-3. Л. 14–15.

²⁹ Там же. Л. 13.

Это очевидно по динамике численности по данным Всесоюзных переписей населения. В 1959 г. в Советском Союзе проживало 1619655 немцев, в 1970 г. – 1846317, в 1979 г. – 1936214, в 1989 г. – 2038603. Большая часть немцев проживала в РСФСР, а, соответственно, большая часть немцев РСФСР – в Сибири, в основном – в Западной Сибири (Табл. 3).

Таблица 3.

Численность немцев в СССР, РСФСР и регионах Сибири в 1959–1989 гг.³⁰

Регион	Годы			
	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.
Алтайский край	143074	127084	124745	127731
Кемеровская область	65041	52155	47040	47990
Новосибирская область	78769	67931	64895	61479
Омская область	105728	111807	120806	134199
Томская область	21152	15257	15027	15541
Тюменская область	24174	20969	23316	29569
Итого: Западная Сибирь	437938	395203	395829	416509
Красноярский край	66733	56650	54518	54254
Иркутская область	8051	6486	7511	7616
Читинская область	694	1304	1596	1986
Бурятская АССР	2032	1540	1648	2126
Тувинская АССР (авт. обл.)	61	173	298	260
Итого: Сибирь	515509	461356	461400	482751
РСФСР	820016	761888	790762	842295
СССР	1619655	1846317	1936214	2038603

По данным Всесоюзной переписи населения 1959 г. в РСФСР насчитывалось 820016 немцев. В РСФСР проживало 50,63% немцев СССР. Вторая по численности группа немцев проживала в Казахской ССР – 659751 человек (40,73%)³¹. В 1959 г. численность немецкого населения в Сибири достигала своего максимума – 515,5 тыс. человек. Почти пятикратное увеличение по сравнению с довоенным периодом, безусловно, связано с депортацией. Более 75% немцев

³⁰ Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. М.: Госстатиздат, 1963. С. 300; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. IV. Национальный состав населения СССР, союзных и автономных республик, краев, областей и национальных округов. М.: Статистика, 1973. С. 30–61; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. Т. IV. Национальный состав населения СССР. Ч. I. Кн. I. М.: Государственный комитет СССР по статистике, 1989. С. 48–348; Национальный состав населения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М.: Республиканский информационно-издательский центр, 1990. С. 134–139.

³¹ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. М.: Госстатиздат, 1963. С. 300.

Сибири в конце 1950-х гг. составляли депортированные и дети, родившиеся в семьях депортированных немцев.

В результате выезда из Сибири численность немецкого населения, хотя и незначительно, снижается. В 1970 г. по сравнению с 1959 г. численность снизилась на 54153 человека (10,5%). Сокращение численности немцев в период с 1959 по 1970 г. в Алтайском крае составило 11,18%, в Красноярском крае – 15,10%, в Кемеровской области – 19,81%, в Новосибирской области – 13,76%, в Тюменской области – 13,26% и в Томской области – 27,87%. Снижается на 6,8% и доля немцев Сибири в численности немцев СССР (с 31,83% до 24,99%) и их доля в численности немцев РСФСР – на 2,3% (с 62,87% до 60,55%). Устойчивый рост был характерен только для Омской области, в которой численность немцев выросла со 105728 до 111807 человек (5,75%). Помимо естественного прироста населения, этот рост был связан с процессом воссоединения семей, с «собираанием своих», как говорят сами немцы.

В дальнейшем наступает стабилизация численности немецкого населения в Сибири, эта стабильная ситуация сохранялась до конца 1980-х гг., когда началась массовая эмиграция в Германию. Одним из самых явных результатов внутренних миграций этого периода явилось резкое сокращение количества сельских населенных пунктов с преобладающим немецким населением. По материалам переписи 1989 г., количество населенных пунктов Западной Сибири, в которых немцы являлись большинством (более 80%), составляло 104. Из них, 60 – в Омской области, 41 – в Алтайском крае, и 3 – в Новосибирской области. Населенных пунктов с выраженной долей немецкого населения (более 20%) было 286. Из них, 129 – в Омской области, 91 – в Алтайском крае, 53 – в Новосибирской области, 8 – в Кемеровской области, 4 – в Томской области и 1 – в Тюменской области. Таким образом, в Западной Сибири в 1989 г. насчитывалось 390 сельских населенных пунктов, в которых немцы проживали компактными группами. Для сравнения, как уже указывалось выше, в 1926 г. населенных пунктов с преобладающим немецким населением было 872. В то же время, численность немцев в Западной Сибири в 1926 г. была 75250 человек, а в 1989 г. – 416509 человек. То есть, численность населения выросла в 5,5 раза, при том, что количество населенных пунктов, в которых проживали немцы, сократилось более чем в 2 раза, а количество населенных пунктов с преобладающим немецким населением – более чем в 8 раз. Это еще раз подтверждает тот факт, что в период с конца 1920-х по конец 1980-х гг. произошло значительное рассредоточение немецкого населения по территории Сибири и расселение немцев в смешанных населенных пунктах, где они часто не составляли большинства.

Сокращение количества поселений и увеличения их людности было общей тенденцией. Так же, как и другие народы, немцы стали в основном жителями крупных и средних сельских населенных пунктов. В результате укрупнения поселений резко интенсифицировались процессы стирания локальных

различий между разными группами немцев и процессы внутриэтнической консолидации. До войны можно было выделить районы с преобладающим немецким населением определенных групп: так, волынские немцы проживали более или менее компактно, кроме Тарского района, в Любинском и Горьковском районах Омской области, поволжские немцы – в южных районах Омской области и отдельными селениями на Алтае, меннониты – компактными группами в Алтайском крае и вдоль железной дороги от Исилюкля до Татарска. До 1941 г. эти районы выделялись достаточно четко, но депортация привела к тому, практически в каждом поселении появились новые группы немцев, мало связанные (а чаще – вообще никак не связанные) со старожильческим немецким населением. Немцами также заключалось большое количество национально-смешанных браков, например, по данным Омского архива загс уже в 1945 г. таких браков было 52,5%. И это – в Омской области, которая отличалась наибольшим числом компактных поселений по сравнению с другими регионами.

Депортация радикальным образом сказалась и на соотношении городского и сельского населения у немцев Сибири. Глобальные процессы массового перемещения населения из села в город, набиравшие темпы на протяжении всего XX в., были характерны для всех народов нашей страны. Так, если в 1926 г. в городах проживало 17,7% населения РСФСР, то в 1939 г. – уже 33,5%, в 1959 г. доля городского населения превысила половину и составила 52,2%, к 1970 г. доля горожан составляла 62%³². У немцев эти процессы также происходили, но гораздо более медленными темпами.

Препятствием на пути переселения из сельской местности в города была именно государственная политика по отношению к немцам и их особое положение среди народов Советского Союза. В период коллективизации и массового разорения деревни, большая часть немцев предпочитала не переезжать из сел в города, а вовсе бежать из страны. Немецкие крестьяне редко переезжали в города, а чаще пополняли ряды эмигрантов. Затем, к увеличению численности немцев именно в сельских районах Сибири привели депортация и режим спецпоселения.

Во время депортации немцы размещались почти исключительно в сельской местности. Эшелоны с депортированными разгружались на железнодорожных станциях и люди сразу расселялись по сельским районам. Так, немцев, привезенных в Барнаул, расселили в Каменском, Панкрушихинском, Залесовском, Думчевском, Сорокинском, Павловском районах; тех, кого привезли в Омск – в Тарском, Тевризском, Большереченском районах; в Новосибирск – в Сузунском, Кожевниковском, Новосибирском районах; в Томск – в Томском районе; в Тюмень – в Тюменском, Тобольском, Ярковском, Нижне-Тавдинском, Вилижанском

³² Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. М., 2002. Т. 1: Численность и размещение населения. С. 575.

районах³³. Чаще всего эшелоны разгружали, не доезжая до крупных городов, а на станциях, откуда подводы с депортированными сразу отправлялись по деревням. Например, на станции Куломзино в нескольких километрах от Омска, в сентябре–октябре 1941 г. было разгружено 10 эшелонов, в которых находилось 26058 человек, которые были расселены в Азовском, Таврическом, Черлакском, Дробышевском, Русско-Полянском, Молотовском, Саргатском, Дзержинском, Горьковском, Знаменском, Большеуковском, Усть-Ишимском, Седельниковском, Колосовском, Москаленском, Ульяновском, Любинском районах. Со станции Кулунда немцев отправляли в Завьяловский, Благовещенский. Волчихинский, Ключевский, Михайловский, Кулундинский, Родинский районы; со станции Карасук – в Карасукский и Красноозерский районы; со станции Бийск – в Смоленский, Алтайский, Солонешнинский, Морушкинский, Ельцовский районы. Станциями разгрузки эшелонов с депортированными в сентябре–октябре 1941 г. были также Овчинниково, Третьяково, Алейск, Рубцовск, Пospelиха, Тальменка, Топчиха, Алтайск, Славгород, Калманка, Марьяновская, Исиль-Куль, Ишим, Называевская, Омутинская, Голышманово, Ольгино, Ялуторовск, Заводоуковск, Калачинск, Маслянская, Чулымская, Черепаново, Ояш, Евсеево, Каргат, Кольчугино, Яшкино, Анжеро-Судженск, Каргат, Татарок, Топки, Чаны, Кажурла, Юрга, Купино, Чулым, Тяжин, Машково, Ижморская, Искитим, Убинское, Коченево, Тогучин, Каинск, Чистоозерная, Тяжин, Болотная, Каргат. С этих станций депортированные распределялись по близлежащим районам³⁴.

Депортированные немцы были расселены в 47 районах Алтайского края, 50 районах Омской области (включавшей тогда территорию современной Тюменской области) и 35 районах Новосибирской области (включавшей тогда территорию современных Томской и Кемеровской областей). Таким образом, депортация привела к многократному увеличению численности немцев именно в сельских районах Сибири.

После отмены спецпоселений, немцы могли переезжать из села в городские поселения внутри сибирского региона, но размеры и темпы этих миграций были крайне низкими. В результате в 1970 г. доля немцев – городских жителей составляла в среднем в СССР 45,42% (доля горожан в СССР в целом составляла 56,26%), в РСФСР – 47,09% (в РСФСР в целом – 62,26%), в Западной Сибири – 34,37% (в целом по региону – 61,37)³⁵.

Распределение городского и сельского населения по отдельным областям Сибири было неравномерным. Там, где до депортации существовали крупные очаги компактного расселения немецких крестьян, а именно в Омской области и в Алтайском крае, сельское население продолжало значительно преобладать

³³ Герман А.А. Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. С. 497–502.

³⁴ Там же.

³⁵ Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. С. 42, 61; Всесоюзная перепись населения 1970 г. Распределение населения регионов по полу и возрасту // Демоскоп. URL http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_age_70.php

над городским. В Алтайском крае в городских поселениях проживало всего 23,40% немцев, в Омской области – 26,22%. Также уступало по численности городское население в Новосибирской области (39,89%), в Тюменской области (33,70%), в Томской области соотношение горожан и сельских жителей в 1970 г. было примерно равным (51,69% горожан), и только в Кемеровской области немцы-горожане значительно преобладали над сельчанами (78,25%)³⁶. Такое значительное преобладание городских жителей в Кемеровской области объясняется даже не столько тем, что на этой территории до депортации отсутствовали компактные поселения немецких крестьян, а основная масса немцев появилась здесь в результате формирования трудовых колонн на шахтах Кузбасса, куда было мобилизовано немецкое население. Это объясняется, скорее, особенностями административно-территориальной структуры самой области: здесь имеется 20 городов (из которых наиболее крупными, насчитывающими более полумиллиона человек, являются Кемерово и Новокузнецк), в то время как в других областях Сибири имеется всего по 5–6 населенных пунктов, имеющих статус городов. Поэтому в целом в Кемеровской области доля городского населения является очень высокой (в 2002 г. она составила 86,68%)³⁷. Поэтому, за исключением Кемеровской области, немцы размещались в основном в сельской местности, оставаясь одним из самых низко урбанизированных народов в России.

После снятия всех ограничений в выборе места жительства, уже ничто не препятствовало росту численности городского немецкого населения. Поэтому в 1979 г. доля немцев, живущих в городах, составляет уже в СССР – 49,74%, в РСФСР – 51,03%, в Западной Сибири – 39,75%³⁸. Эта тенденция увеличения доли горожан продолжилась и в следующем десятилетии. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. доля немцев, живущих в городах, составляла в РСФСР – 53,52%, в Западной Сибири – 44,25%³⁹. Несмотря на рост численности немцев, проживающих в городах, темпы этого роста все же отставали от средних показателей по стране, согласно которым, доля горожан в СССР составляла 65,70%, в РСФСР – 73,43%, в Западной Сибири – 72,71%⁴⁰. Мигра-

³⁶ Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. С. 61.

³⁷ Рассчитано по: Численность населения России, субъектов РФ в составе федеральных округов, районов, городских поселений, сельских населенных пунктов – районных центров и сельских населенных пунктов с населением 3 тысячи и более человек // Всероссийская перепись населения 2002 г. Сайт. URL: http://perepis2002.ru/ct/doc/1_TOM_01_04.xls

³⁸ Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. Т. IV. Национальный состав населения СССР. Ч. I. Кн. I. М.: Гос. ком. СССР по статистике, 1989. С. 5, 83, 219, 288, 292, 348, 357.

³⁹ Рассчитано по: Национальный состав населения РСФСР, по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М.: Республиканский информационно-издательский центр, 1990. С. 8, 527, 541, 547, 553, 578.

⁴⁰ Рассчитано по: Всесоюзная перепись 1989 г. Распределение населения СССР и регионов по полу и возрасту // Демоскоп. URL: <http://demoscope.ru/weekly/ssp/>

ционное движение немцев из села в город имело разную интенсивность в разных областях сибирского региона. Как уже было отмечено выше, самая высокая доля немцев, проживающих в городах, была в Кемеровской области. В 1989 г. она составляла 81,24%. В Тюменской и Томской областях в городах немцев проживало уже больше, чем в сельской местности – 63,24% и 59,58% соответственно. В Новосибирской области соотношение было примерно равным – горожане составляли 49,28%. И лишь в двух местах – Омской области и Алтайском крае городское население по-прежнему уступало сельскому, причем довольно значительно – 36,19% и 30,15% соответственно. Следует отметить, что в абсолютном выражении численность городского населения выросла повсеместно. Например, в Алтайском крае, за период с 1979 по 1989 гг. численность немцев-горожан выросла на 4,4 тыс. человек, в Омской области – на 12,6 тыс. человек, в Тюменской области – на 10 тыс., в Кемеровской – на 1,3 тыс. человек⁴¹. Несмотря на увеличение немецкого городского населения, как абсолютное, так и относительное, можно констатировать, что депортация значительно замедлила этот процесс.

Подводя итоги, логично сравнить численность и долю немцев в этнической структуре населения регионов СССР до депортации и после проведения насильственных перемещений, то есть по данным переписей 1939 и 1959 гг. Расчеты, проведенные по материалам этих переписей, представлены ниже (Табл. 4).

Таблица 4.

**Численность немцев в регионах СССР
по данным переписей 1939 и 1959 гг.⁴²**

Регион	1939 г.		1959 г.	
	Численность немцев	Доля в численности немцев СССР, %	Численность немцев	Доля в численности немцев СССР, %
СССР	1427232	100	1619655	100
РСФСР	862504	60,43	820016	50,63
В т.ч. Сибирь	109158	7,65	515509	31,83
Украинская ССР	392458	27,50	23243	1,44

rus_age_89.php?reg=0

⁴¹ Рассчитано по: Национальный состав населения РСФСР, по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. С. 8, 527, 541, 547, 553, 578.

⁴² Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1939 года. Национальный состав населения по республикам СССР // Демоскоп. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_39.php; Всесоюзная перепись населения 1959 года. Национальный состав населения по республикам СССР // Там же. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_59.php?reg=0

Белорусская ССР	8448	0,59	1220	0,08
Молдавская ССР	-	-	3843	0,24
Эстонская ССР	-	-	670	0,04
Латвийская ССР	-	-	1609	0,10
Литовская ССР	-	-	11166	0,69
Грузинская ССР	20527	1,44	2259	0,14
Азербайджан- ская ССР	23133	1,62	1492	0,09
Армянская ССР	433	0,03	278	0,02
Туркменская ССР	3346	0,23	3647	0,23
Узбекская ССР	10049	0,70	17958	1,11
Таджикская ССР	2022	0,14	32588	2,01
Казахская ССР	92571	6,49	659751	40,73
Киргизская ССР	11741	0,82	39915	2,46

Очевидно, что произошли резкие изменения в численности немцев по республикам, снизилась их доля в Украине и России и резко выросла в азиатских республиках, особенно в Казахстане. Таким образом, депортация и последующие миграционные перемещения коренным образом изменили и численность, и размещение, и структуру немецкого населения всех немцев СССР, в том числе и на территории Сибири.

Последствия депортации немцев Поволжья в Сибирь и их жизнь там (1941–1967гг.)

Достаточно уже написано и сказано о депортации немцев Поволжья в 1941 г., нас в этом докладе интересует не сам факт или процесс депортации, а его более далекие последствия, свидетелем которых был в этом случае сам автор, приехавший на Алтай как раз в момент снятия с наших немцев ограничений и запретов в декабре 1955 г. Но, прежде всего, мы рассмотрим здесь те моменты и факторы, которые были характерны для предшествующего периода. До конца 1955 – начала 1956 гг. наши немцы, то ли они были выходцами из Поволжья, то ли репатриантами из Германии и Польши, то ли происходили из немецких районов Украины либо городов Европейской части СССР, не только подвергались постоянной регистрации и гласному надзору, но и были ограничены в передвижении, не только по стране, но и в пределах своей области ссылки. Этим ограничениям подвергались не только депортированные, но и сибирские немцы-старожилы, которые были закреплены в своих деревнях без права выезда даже в ближайший город или райцентр. Живой пример: председателями немецких колхозов на Алтае были большей частью русские или украинцы, потому что председатель-немец был ограничен в своем перемещении и не мог просто поехать в райцентр по производственной необходимости, на совещание и т.п. Точно так же немцы-механизаторы проходили обучение своей технике только по месту жительства, поступать в учебные заведения в городе они не могли. Были примеры поступления немцев в ВУЗы и до 1956 г., но это были только отдельные редкие случаи. Для девушек путь в ВУЗы был закрыт, они не могли поступить даже туда, куда им был прямой путь – на немецкое отделение факультета иностранных языков, где они могли бы подготовиться к преподаванию своего родного языка хотя бы русским учащимся. Естественно, что путь им был закрыт и на исторические и на журналистские факультеты, ни преподавать историю Германии, ни заниматься журналистикой, как об этом рассказывает Герольд Бельгер, им не позволялось, сам он был вынужден писать под псевдонимом и по-казахски.

Указ Верховного Совета СССР от 13.12.1955 снимал эти ограничения и позволял немецкой молодежи двигаться в город, поступать там на работу или в ВУЗы. Живым примером таких первых поступавших на факультет иностранных языков является до сих пор доцент нашей кафедры Н.К. Боргардт, поступившая в Барнаульский пединститут в 1957 г. Посторонний наблюдатель мог бы ожидать даже массового исхода этих ссыльных из мест «вечного» поселения в другие места, где жили их родственники или земляки и образования там новых немецких поселений по типу «дочерних колоний», массами образовавшихся в Сибири и в других местах еще во время сталинских реформ и даже еще

в XIX веке. Стремление к объединению семей было, безусловно, налицо, недаром в продолжение 30 лет центральная газета «Neues Leben» содержала на своих страницах постоянную рубрику «Wer gibt Auskunft?», где появлялись объявления по письмам читателей, которые разыскивали своих родственников, потерянных во время войны и депортации. Тысячи семей были объединены таким образом, однако искали не только потерянных жен и мужей, но и других родственников, племянников, сестер и т.п.

Однако такое воссоединение семей не привело к образованию новых поселений, единственный известный нам пример составил поселок Серебряные ключи в Тульской области, где до Отечественной войны никаких немцев не было, но и этот поселок образовался не на новом месте, а был результатом принудительного переселения трудармейцев (так в этой сплошь русской области все же появилось по переписи 1970 г. 8,8 тыс. немецкого населения)¹. Не образовалось новых поселений немцев Поволжья и на Алтае, где их были десятки тысяч, например в Сорокинском районе, где в с. Комариха было много немцев, да и в самом Сорокине тоже (ныне гор. Заринск).

Причины этого странного явления видятся нам в различных моментах:

1. Сибирь была для наших немцев регионом принудительного и временно-го пребывания.

2. Большинство ожидало восстановления Немреспублики и возвращения туда по примеру других народов, напр. калмыков.

3. Разрешение на свободное переселение по Союзу пришло слишком поздно, после окончания войны прошло уже более 10 лет, столько крестьянин не мог жить в деревне без дома, без скота и хозяйства, следовательно, он уже закрепился на новом месте, хотя бы во временном варианте.

4. Соединение в национальные колхозы было бы возможно только при финансовой помощи государства, которое было заинтересовано в закреплении немцев в Сибири, но не собиралось тратить на это ни копейки, даже на словах не было обещано никакой помощи для переселения на Волгу или в другие места того же Алтая.

Как сказано, закрепление на новых местах выражалось, прежде всего, в постройке домов и в приобретении или выращивании скота. Оба этих показателя благосостояния были очевидны, но оценить их научно и статистически было невозможно без специальных исследований, проводить которые (по примеру старых земских статистиков) никто в СССР не собирался. Только подъем социологии в годы хрущевской оттепели позволил нам хотя бы отчасти восполнить этот пробел.

В 1967 г. в новосибирском Академгородке под руководством акад. Т.И. Заславской (позднее основательницы знаменитого социологического агентства

¹ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. IV, Национальный состав населения. С. 121.

ВЦИОМ) было проведено обширное исследование на тему миграции населения Сибири из села в город. Изучались планы и намерения людей собиравшихся превратиться в горожан, но одновременно изучалось и состояние этих будущих или предполагаемых переселенцев на их тогдашнем месте проживания, без чего было невозможно выяснить, а почему же они собираются покинуть сельскую местность. В этой работе участвовало около 40 социологов, по специальной программе выборки они обследовали 14 районов области, собрав десятки тысяч подробных анкет.

Эти-то анкеты, лежавшие огромными пачками в отделе Заславской, и навели нас на мысль использовать этот материал для изучения положения российских немцев и других меньшинств Новосибирской области. С ее разрешения я выбрал со своими студентами те анкеты (в них везде указывалась национальность главы семьи), которые относились к группам нерусского населения, при наличии не менее трех семей в данном поселке (чтобы отсеять отдельные семьи, которые находились в полной изоляции от соплеменников и не были типичными для сельского населения в Сибири).

Таким образом, мы получили массив из семей национальных меньшинств в области, в том числе было семей немцев и 247 семей украинцев, что только подтверждает реальность нашей выборки – по переписи 1970 г. в сельской местности Новосибирской области жило около 41 тыс. немцев и 13 тыс. украинцев². Для нас были интересны, прежде всего, немцы и украинцы, которые жили примерно в тех же географических условиях, в степных районах области, а также были двумя наиболее крупными и сравнимыми общностями, которые, тем не менее, отличались друг от друга прежде всего по одному важнейшему обстоятельству их жизни: украинцы, в отличие от немцев, не подвергались депортации. Если отбросить прилегающие к Казахстану степные районы области, где еще сохранялись деревни немцев-переселенцев столыпинского времени, то около 80% опрошенных немецких семей относились к переселенцам 1941 г. Хотя в пяти приграничных районах области, где были расположены деревни столыпинских переселенцев, жило по переписи 1989 г. 19,2% немецкого сельского населения области³, это еще не говорит о том, что все эти люди были потомками столыпинских переселенцев, так что при всех оговорках более 80% немцев на селе были депортированными. Следовательно, по этой статистике мы могли вполне определить и показать влияние депортации на положение и благосостояние немецкого населения в Новосибирской области и во всей Сибири.

Результаты нашего исследования (все отобранные анкеты были вторично зашифрованы и обработаны на счетных машинах МСС Института экономики СОАН) были поразительными: влияние депортации и дискриминации 1945–56

² Там же, с. 107.

³ Население Новосибирской области, итоги переписи на 15.01.1959, Новосибирск, 1961, с. 88.

гг. на немецкое население были минимальными, все показатели благосостояния, важные для крестьянской жизни, оказались у немцев не хуже, а в некоторых случаях даже лучше, чем у украинцев. При этом мы обращали внимание, прежде всего, на такие показатели как качество жилья, наличие скота и факт приобретения предметов современного быта. При этом мы меньше внимания обращали на срок постройки дома, поскольку все немцы были вынуждены строить себе новые дома, старого жилья у них не было, а материал дома не был существенным показателем, потому что зависел, прежде всего, от места расселения – в степи дерева не было или оно стоило дорого, приходилось довольствоваться саманом или камышитом. Но вот материал крыши был очень показателен, его было легче привезти и купить в городе, были бы деньги. Вот как распределялись наши группы национального населения по материалу крыши:⁴

Табл. 1.

Тип кровли как показатель материального благосостояния различных национальных групп населения

Национальность	Материал для крыши в 1967 г. (%)					
	Шифер	Железо	Дерево */	Солома **/	Толь	Глина ***/
Украинцы	50,0	18,0	13,0	8,1	7,3	5,1
Немцы	50,5	11,2	22,5	4,5	6,5	5,8
Татары	29,0	22,0	7,6	0,7	6,9	25,0
Чуваши	32,0	5,3	35,0	2,7	8,7	2,7

*/ Тес и дранка

**/ В т.ч. камыш

***/ Плоские крыши без стропил

Мы видим здесь, что более состоятельные национальности преобладают по качеству крыш, т.е. по первым двум материалам (украинцы имели 68%, немцы – 61,3% лучших крыш), в то время как преобладание дерева у чувашей и глины у татар явно вызывалось не только бедностью, но и географическими особенностями места их проживания.

Заработная плата не определяла, в основном, материальное положение селянина, тем более что в 1967 г. еще не везде была внедрена денежная оплата труда. Наличие скота было бы важно, но сильно зависит от природных условий. Пришлось ограничиться только определением процента семей, которые не имели коров, что было показателем крайней бедности. Результат был таков: бескоровных

⁴ Эти данные были нами впервые опубликованы в нашей работе «Немцы в России и на Алтае» Барнаул, 1995. С. 163. Мм. также: Malinowskij L. Lebensniveau – statistisches Herangehen und volkskundliche Aspekte seiner Bestimmung bei den Russlanddeutschen. Wanderer und Wanderinnen zwischen zwei Welten? Zur kulturellen Integration der Russlanddeutschen. Freiburg, 1998. S. 20.

оказалось у немцев 15,1%, у украинцев 34,4%, у татар 18,3% и у чувашей 22,5%. Поэтому мы выбрали в качестве ведущего показателя благосостояния не численность скота, а наличие дорогих предметов современного быта:

Табл. 2.

Наличие бытовых приборов как показатель материального благосостояния различных национальных групп населения

Национальность	Украинцы	Немцы	Татары	Чуваши
Радиоприемник	57,9	66,5	60,9	47,4
Телевизор	14,2	22,3	3,3	3,2
Проигрыватель	10,9	8,9	9,7	3,2
Магнитофон	-	-	6,7	-
Мотоцикл	19,4	23,7	17,7	16,1
Велосипед	37,2	39,3	28,8	36,8
Гармонь и т.п.	19,1	14,5	12,7	12,2
Стиральная машина	32,9	42,2	13,7	16,1
Лодка	10,1	5,6	7,9	11,0

И последнее, что могли себе позволить жители деревни из современной по тому времени техники (в то время автомашин в деревне еще не было, мотоцикл был главным средством передвижения, а часто и перевозки грузов), для сельского жителя, как когда-то лошадь, он определял положение хозяйства). Для чувашей преобладающим предметом техники оказалась лодка, но тут опять сказывается география: зачем немцу или украинцу в сухой степи лодка, а вот для чуваша или татарина в восточных районах Новосибирской области это было важным жизненным моментом, там воды, рек и озер было на порядок больше.

Если отвлечься от климатических и географических моментов, то мы видим, что положение депортированных немцев было отнюдь не самым худшим на селе, но вот почему?

Причин этому было несколько, попробуем привести их в порядке важности, насколько это возможно:

1. Прирожденное трудолюбие и аккуратность в работе, которые было в России еще и подкреплены строгим надзором администрации колоний над «прилежанием и нравственностью» колонистов. Как писал Ницше, принуждение со временем становится привычкой, а потом и обычаем.

2. Закрепление молодежи на селе у немцев было крепче, чем у украинцев – немцам не давал переселяться в город или ехать на учебу и языковой барьер и запрет комендантов, больше молодежи оставалось в семьях (вопрос о многодетности немцев пока оставим в стороне, он требует специального рассмотрения).

3. Потери немецких семей при переселении и в Трудармии все же были меньше, чем потери украинского населения, которое призывалось в армию и отправлялось на фронт Отечественной войны без всяких ограничений.

4. Относительно более высокая грамотность немцев позволяла им в большей степени использовать сельскохозяйственную и научно-популярную литературу для улучшения своего хозяйства, в том числе частного.

Вот несколько примеров из личного опыта и наблюдений: доярка Мария Вильгельм из Зонального района Алтая славилась высокими надоями. Когда ее спросили, как она этого добивается, она ответила: «Я каждый день прихожу в 6 часов на ферму, дою и убираю свою группу, а потом смотрю, где еще коровы недоены. И этих дою и кормлю, а только потом отправляюсь домой». Аккуратность и прилежание – вот и весь ее секрет, при той же породе и тех же условиях кормления скота. Второй пример: крестьяне, как правило, сами забивали свиней на мясо, но в немецкой деревне (Немецкий нац. район Алтая) кое-где были общественные бойни – хозяйка загоняла свинью в клетку на санях и отправляла на бойню, откуда получала уже готовые мясопродукты, вплоть до колбасы, у многих немцев были в домах (на чердаке) или во дворах свои копильни. Третий пример: у совхозного рабочего-сварщика в хлеву не только все было чисто и светло, но и стоял доильный аппарат из старья, жена его руками не доила и свою собственную корову. Четвертый пример: в с. Гришковке Немецкого района (меннониты) механизаторы сами делали стиральные машины для своих жен (60е гг.), а в с. Шумановке того же района мы в 1997 г. видели, как колонист-католик перенял у меннонитов вращательную маслобойку и механизировал процесс – мотор от стиральной машины с понижающей передачей вращал эту маслобойку (для католиков были типичны более примитивные маслобойки с ручным «толкачом»).

Следует оговориться, что наше исследование 1967 г. было вторичным, с использованием собранного другими материала, поэтому мы получили общие данные по национальностям, не имея возможности разделить их по месту происхождения немцев-информантов или по их этноконфессиональной принадлежности, даже в точности по времени их проживания в Сибири. Но ведь преследованиям и дискриминации подвергались все немцы, даже те, которые не были депортированы, так что влияние войны и призыва в Трудармию относилось и к переселенцам столыпинского времени. И второе – мы не смогли изучить в данном случае динамику развития благосостояния наших информантов, поскольку повторение такого исследования с участием большой бригады социологов было невозможно. Но, с другой стороны, вторичное использование материала обеспечивало нам наибольшую объективность исследования, ведь участвовавшие в опросе социологи не могли даже предполагать, что их данные будут потом использованы для раздельного изучения национальных меньшинств.

Депортация и ее роль в разрушении этнической идентичности российских немцев (на примере немецких диалектов Сибири)

Результатом политики репрессий, проведенной депортации является дисперсное проживание немцев, вынужденный отказ ими от своей этнической и культурной идентичности, утрата знаний родного языка и культурных традиций. Рассмотрим данную ситуацию на примере сибирских немцев.

Большей частью на территории Красноярского края проживают немцы, депортированные сюда во время Великой Отечественной войны по печально знаменитому Указу Президиума Верховного Совета СССР от 28.08.1941 г. «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». История переселения немцев нашла свое отражение в материалах архивов Красноярского края – бывшего партархива Крайкома КПСС (ныне – Центра хранения и изучения документов новейшей истории – ЦХИДНИ) и Государственного архива Красноярского края (ГАКК). Фонды этих архивов хранят документы о прибытии, расселении, бытовых условиях, дальнейших передвижениях и работе немцев-спецпереселенцев, их заявления, жалобы и т.д.

В Красноярский край должно было прибыть из районов Поволжья 75 000 немцев-переселенцев. Фактически на 1 ноября 1941 г. в отчетах говорится о 17 307 семей в количестве 77 359 ч-к и расселены они были в 42 районах края¹. Контингент прибывших на 60 – 65% состоял из городского населения. В Тухтетский район, например, были депортированы ответственные работники, члены Президиума Верховного Совета Немецкой республики из наркоматов промышленности, финансов, юстиции и т.д. Вместе с ними прибыл и председатель Президиума Верховного Совета республики немцев Гофман². Несмотря на то, что большинство приехавших немцев было мало знакомо с сельским хозяйством и до выселения они работали в промышленности, тем не менее в крае немцы были в основном трудоустроены в колхозах и совхозах, лишь немногие смогли устроиться работать по специальности, в частности, преподавателями в школы (например, в г. Канске)³.

К сожалению, в документах приводятся разные цифры о прибывших немцах-спецпереселенцах, например, в отчетном докладе начальника Красноярского Переселенческого отдела Степанова в декабре 1941 г. упоминается цифра

¹ Центр хранения и использования документации новейшей истории Красноярского края (далее – ЦХИДНИ). Ф. 26. Оп. 4. Д. 22. Л. 5.

² ЦХИДНИ. Ф. 26. Оп. 3. Д. 105. Л. 2.

³ ЦХИДНИ. Ф. 26. Оп. 3. Д. 107. Л. 172.

75 623 ч-ка, как фактически прибывших, вместо запланированных 75 000,⁴ а Крайком КПСС докладывает о прибытии на 1 ноября 1941 г. 17 307 семей в количестве 77 359 ч-к⁵.

Весной 1942 г. немцы Красноярского края были вновь насильственно переселены, теперь – на Енисейский Север для работы на рыбных промыслах и на предприятиях лесной промышленности. По данным на 15 сентября 1942 г. было вывезено 22 640 спецпереселенцев (немцев, латышей, евреев, поляков, финнов)⁶.

Исходя из данных Всесоюзной переписи населения 1979 г., немцы в Красноярском крае занимали 4 место по численности после русских, украинцев, хакасов и составляли 54 518 ч-к. Городское немецкое население насчитывало 23 853 ч-ка, сельское – 30 665 ч-к⁷. По данным 2002 г. в Красноярском крае проживало 36 900 немцев⁸.

Принудительное переселение немцев, их дисперсное проживание, режим спецпоселений, дискриминация по национальному признаку привели к нивелировке национального самосознания российских немцев. Это повлияло и на сохранение языка: немецкий язык в форме устного диалекта сохранился только во внутрисемейном общении. Известно, что родной язык – это основа для любой этнической группы, а с началом репрессий немцам было запрещено пользоваться родным языком в процессе общения.

Факт почти полной потери национальной самоидентификации был еще раз подтвержден данными этносоциологического опроса российских немцев, проведенного нами летом 2009 г. по инициативе Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев и Международного союза немецкой культуры. Всего по Красноярскому краю было собрано 126 анкет, из них по городам 74 анкеты, по селу 52 анкеты.

Благодаря опросу, имеем конкретный материал для планирования и корректировки языковой и этнографической работы среди немецкого населения. Например, на вопрос: «К какой национальности Вы себя относите» были получены ответы – ощущаю себя и немцем и русским; россиянка, но не русская; молдаванин, немец, русский; русская; немка/немец. Интерес представляют и ответы на вопросы: 1) «Что в Вашей семье является главным при определении национальности ребенка» – национальность отца, национальность матери, родной язык, культура, религия, место проживания, желание ребенка, право на выезд в Германию, воспитание национальных традиций,

⁴ Государственный архив Красноярского края (далее – ГАКК). Ф. 2137. Оп. 1. Д. 85. Л. 26.

⁵ ЦХИДНИ. Ф. 26. Оп. 4. Д. 22. Л. 46.

⁶ ЦХИДНИ. Ф. 26. Оп. 3. Д. 463. Л. 107.

⁷ Численный состав населения СССР. По данным всесоюзной переписи населения 1979 года. М., 1984. С. 96–98.

⁸ Этноатлас Красноярского края. Управление общественных связей совета администрации Красноярского края. Красноярск: группа компании «Платина», 2006. С. 46.

затрудняюсь ответить; 2) «Если Ваше происхождение является смешанным, почему Вы считаете себя немцем (немкой)?» – немецкий язык и немецкая культура в семье в течение всей жизни; культура, вероисповедание, язык, история; потому что воспитан в немецкой культуре (обычаи, религия); считаю себя немцем по отцу; нравится стиль жизни немцев, традиции; папа, который меня родил и воспитывал, был чистокровным немцем, значит, эта кровь во мне преобладает и фамилия у меня немецкая от папы; не считаю, т.к. отец не немец; затрудняюсь ответить; считаю и все; не считаю; немецкая фамилия и отец немец, в детстве в играх всегда был немцем; мне это ближе; воспитание от матери. Очень печальными являются данные по общению на родном языке – на вопрос: «Как часто Вы используете немецкий язык» получены ответы – несколько раз в неделю, каждый день, несколько раз в год, несколько раз в месяц, никогда.

Как видим, одним из основных моментов разрушения этнической идентичности немцев служит отсутствие национальной среды обитания немцев, в которой язык выполнял бы свою функцию – функцию перманентного средства человеческого общения, носителя и передачи культурных ценностей.

Хотя еще в 80-е гг. в деревнях и селах края часто можно было наблюдать картину, когда дети до школы говорили в основном на немецком языке и не знали русского языка. Например, в с. Дзержинское Красноярского края (по воспоминаниям информантки 76 лет, родившейся на Волге в г. Марксштадт, учившейся до депортации в немецкой школе 3 года, хорошо говорящей на диалекте, но в настоящее время чаще использующей русский язык в общении):

Vitja hat erscht gspruch uf daitsch. Mir habn gwount bei die ruzhe. Die ruwe: Vitja, idi sjuda. Der steht unt versteht nichts. So bis drei jahr konnde er ni uf ruzhich spreye, uf daitsch alles. Dann hat er glernt, gong mit die khinr, die habn alles ruzhich gsacht, der hat uf daitsch, habn sie gspielt mit anre. Da kommt auch der Schurik. Der hat owerst glernt uf daitsch. Die grousmuttr hat gsacht: die mize ihre sprach kenne. Sie habe angfange gut zu spreye. Wie sie in die schul sint gang, dann habe sie anfang zu lerne gut ruzhich. Mit die Nina war anr. Die (die Jungen) ware schoun grou, die habe schoun glernt. Sie habe mit ihr gsproye russisch un daitsch. Da hat sie alles glernt uf aml.

Депортация активизировала появление этнически смешанных браков, а вместе с ними и распространение русского языка в качестве языка коммуникации. Но здесь наблюдаются следующие ситуации: если муж немец, а жена русская, то, как правило, жена старается выучить фразы на немецком языке и использует их, общаясь с мужем. Дети растут билингвами в такой семье, т.к. отец разговаривает на диалекте, а мать – на русском языке.

Таблица 1.

Выбор языка при общении в семье в этнически смешанных браках

Супруг/ супруга	М > Ж	Ж > М	С детьми	С родителями		С другими род- ственниками
				Со стороны матери	Со стороны отца	
СПМр+ СПЖн	р	р	М: р Ж: н / р	М: р Ж: н / р	Ж: р М: р	М: р Ж: н / р
СПМн+ СПЖр	н / р	р / н	М: н / р Ж: р / н	р	М: н / р Ж: р / н	М: н / р Ж: р / н
Мр + Жн	р	р	р	М: р Ж: р / н	р	М: р Ж: р / н
Мн + Жр	р / н	р	р	р	М: р / н Ж: р	М: р / н Ж: р

СП – старшее поколение, М – муж, Ж – жена, н – немецкий язык, р – русский язык

В семьях со смешанным диалектом в привилегированном положении находится диалект мужа, его родителей, а жена использует оба варианта. В настоящее время такая традиция нарушается, немцы все чаще переходят на общение на русском языке. Там, где в семье живут дедушки-бабушки, языком общения часто остается диалект, но среднее поколение между собой разговаривает на русском языке, дети говорят также преимущественно на русском языке, в лучшем случае только понимая диалект старшего поколения. Таким образом, выбор языка ориентирован на партнера коммуникативной ситуации.

В семьях, где муж и жена являются носителями различных немецких диалектов, происходит смешение диалектов, использование членами семьи слов то одного, то другого диалекта. Практически каждый случай применения той или иной лексемы имеет свою коммуникативную ситуацию. В этом случае трудно предопределить, какой элемент будет использован и почему, также сложно предположить, в каком направлении будет идти развитие языковой компетенции участника коммуникации.

Например, в с. Николаевка Краснотуранского района Красноярского края было проведено опрос (2006 г.) в 18 немецких семьях (в 11 семьях говорят на волынском диалекте, в 7 – на швабском). Но при этом речь не идет о немецком языке как языке семейного общения. К сожалению, даже в чисто немецких семьях языком общения становится русский язык. Интересно, что по с. Пришиб/Алексеевка в Башкирии приводятся данные о преимущественном использовании диалекта в 1993/1995 гг. в 72,3% опрошенных (561 ч-к) как языка общения⁹, в то время как в с. Николаевка в 2006 г. диалект использовался лишь 10% опрошенных.

⁹ *Asfandiarova, Dania*: Die deutsche Sprachinsel Prišib/Alekseevka in Baškortostan (Russische Föderation). Sprachgebrauch und Sprachmischung. Soziolinguistische und phonetische Aspekte. Stuttgart. 2003. S. 67.

Для определения языковой компетенции членов семьи целесообразно иногда рассмотреть несколько поколений в одной семье, например, следующим образом.

Пример А: родители (ПнН+МнН) родители (ПнВ + МнВ)

Семья А:

муж (нН)

4 детей (нрН)

жена (нН)

н – немецкий, р – русский, Н – Николаевка, В – Волга, П – папа, М – мама

Родители данной супружеской пары – немцы. Родители со стороны мужа родились в с. Николаевка в Сибири и здесь выросли. Они всегда говорили на диалекте (в семье, на улице, с друзьями, в школе на перемене, а иногда и на уроке, если учитель был немцем). Родители жены родились на Волге, в деревню попали в период депортации 1941 года. Супруги говорят на разных диалектах: муж называет свой диалект волынским, а жена свой диалект – швабским. Оба хорошо владеют диалектами, постоянно их используют, знают различия между диалектами, могут назвать их в качестве примера, комментируют, кто какой вариант использует.

Таблица 2.

Языковые различия на лексическом уровне в языке коммуникации в семье А

Литер.язык	Жена (швабский)	Муж (волынский)
Gurke	kummre/kummer	gurke
Pilze	schwemr	pilze
warten	luren	warten
dann	nort	dann
Vater	tade	vater
müde	maroude	miede
anrufen	rappeln	anrufen

Поскольку большинство жителей села использует волынский диалект, то и жена говорит на волынском в разговоре с мужем и его родственниками, но с детьми она преимущественно разговаривает на швабском. В деревне проживают депортированные во время войны немцы, в разговоре с которыми она переходит на швабский диалект. Можно сказать, что она использует оба диалекта параллельно. Дети в этой семье в детстве говорили на диалекте, а потом – на русском и немецком. Сейчас они предпочитают говорить на русском, хотя диалект понимают хорошо.

Пример Б: родители (ПnC+MnC) родители (ПнН + МpC)

Семья Б:

муж (nC) жена (нН)
2 детей (нрН)

н – немецкий; р – русский; Н – Николаевка; С – Сибирь; П – папа; М – мама.

Так как мама жены была русской, то в семье говорится либо на немецком (отец), либо на русском (мать). Жена понимает диалект, сама может немного говорить на немецком (употребляет простые предложения, некоторые выражения; этому ее научил муж). Дети могут тоже говорить на диалекте (в зависимости от партнера и коммуникативной ситуации), но чаще используют русский язык. Внуки понимают диалект, но говорят только на русском языке.

В подобных мультилингвальных коммуникативных ситуациях в язык общения часто вплетаются чуждые диалекту языковые формы (в данном случае речь идет как о другом диалекте, так и о русском языке). Эти элементы становятся постоянным компонентом речевого поведения информанта, его идиолекта.

Рассмотрим подобное явление на примере семьи А, т.е. речь идет о смешанном диалекте. В качестве образца для сравнения взяты предложения Венкера.

Таблица 3.

Примеры употребления смешанного диалекта в речевом поведении мужа и жены в семье А

Информанты	Предложения Венкера
	Tu Kohlen in den Ofen, dass die Milch bald zu kochen anfängt.
М – волынский диалект Ж – швабский диалект	Tu nox khoule in den ouwe, das die milch schneller (M) / krele (Ж) koxt.
Предложение Венкера	Es hört gleich auf zu schneien, dann wird das Wetter wieder besser.
М – волынский диалект Ж – швабский диалект	Schnei geit wech, nort (M) werd die Witrung wieder bezr.
Предложение Венкера	Wer hat mir meinen Korb mit Fleisch gestohlen?

М – волынский диалект Ж – швабский диалект	Wer hat main Kerbjen jestolen (M) mit Flaisch?
Предложение Венкера	Wem hat er die neue Geschichte erzählt?
М – волынский диалект Ж – швабский диалект	Wem hast du gesagt (M) die Naichkait?
Предложение Венкера	Er tat so, als hätten sie ihn zum Dreschen bestellt; sie haben es aber selbst getan.
М – волынский диалект Ж – швабский диалект	Er hat gemacht (M) wrode (рус.) ihn tsu Dreschn hat man onkstellt, die hen des selpst jemacht (M).
Предложение Венкера	Der gute alte Mann ist mit dem Pferde durchs Eis gebrochen und in das kalte Wasser gefallen.
М – волынский диалект Ж – швабский диалект	Altr Mann is mit'n Fert (M) in Ais durchjebroxn un is jefallen in kaltes Wazr.
Предложение Венкера	Er isst die Eier immer ohne Salz und Pfeffer.
М – волынский диалект Ж – швабский диалект	Er ist Aier ounich Salts un ounich Pefr (M).

Необходимо подчеркнуть, что все сибирские немцы сегодня – билингвы, поэтому развитие диалекта, его сегодняшнее состояние нужно рассматривать с точки зрения влияния русского языка. Следует также обратить внимание на то, что сами немцы не воспринимают изменения на уровне фонетики и морфологии/синтаксиса как чуждые диалекту элементы.

В послевоенное время усилились тенденции утраты национальной идентификации этнических немцев. Наряду с неудовлетворительным преподаванием немецкого языка как родного положение усугубляло увеличение доли городского населения. В деревнях, где немцы жили более компактно, диалект оставался языком общения. Кроме этого в сельской местности было легче сохранять народные традиции, отправлять религиозные обряды. В условиях города постепенно продолжалась нивелировка национального самосознания. Немецкий язык неуклонно вытеснялся русским и использовался только при общении в семейном кругу.

Однако это положение фактически нарушается, так как отсутствие социальных институтов, прежде всего школ с преподаванием немецкого языка как родного, привели к тому, что немцы лишены возможности изучать немецкий язык как родной.

Следует еще раз обратить внимание на то, что разрыв с родными корнями, языковая и национальная политика государства, не учитывающая интересы этнических меньшинств, привели к тому, что многие немцы слабо ассоциируют себя с немецким народом, а их дети считают себя русскими. Этому способствует и большая сопричастность немецкого населения к русской культуре. Сегодня жизненный уклад российских немцев во многом соответствует укладу русского народа. Доминирующую роль играет и влияние русского языка. Возросшие межэтнические

контакты, а также отсутствие возможности поддерживать и развивать родной язык привели к постепенному вытеснению немецкого языка русским.

Интересно отметить, что даже в тех семьях, в которых родители (младшая возрастная группа) хорошо владеют немецким языком (диалектом), дети говорят только по-русски. Это связано с тем, что основным языком общения (детские сады, школы, госучреждения и т.д.), а также языком неофициального общения (с соседями, друзьями) выступает русский язык. Диалект остается только языком внутрисемейного общения, а в профессиональной сфере немцы используют исключительно русский язык.

Российские диалектологи С.В. Смирницкая и М.А. Баротов указывают на неравные возможности изучения немецкого языка как родного у разных поколений: в полной мере они были предоставлены представителям старшего поколения, проживавшим в материнских и дочерних немецких колониях, где изучение и применение родного языка «обеспечивалось существованием немецкой государственности – Республики Немцев Поволжья». У среднего и младшего поколения «возможности изучения и применения родного языка были резко ограничены (практически сведены на нет)»¹⁰.

На современном этапе развития диалекты под влиянием возросших междиалектных и межъязыковых контактов испытывают тенденцию к разрушению и вполне справедливо можно говорить о том, что прежнего состояния диалектной речи больше не существует.

Языковые контакты неизменно ведут к смешению языков, что способствует, прежде всего, появлению и функционированию разноязычных дискурсов, тем самым выражая динамику языковых и коммуникативных процессов. В процессе коммуникации возникают интереснейшие языковые формы и выражения, которые К.Фельдеш называет контактной креативностью («*Kontaktkreativität*»)¹¹, а информантов причисляет к людям «с креативным мышлением». В качестве примеров можно отметить в диалектах оформление и спряжение заимствованных из русского языка глаголов по правилам немецкого языка: «шевелиться» *sich bewegen – sich schewelieren*; *ich scheweliere mich*; заимствования могут проявляться в виде гибридных образований сложных существительных: *Kukeltheater, Trudarmee*. Ярким примером проникновения морфологических формантов является заимствование словоизменительных морфем, в частности, глагольных флексий, например, *mir hun s festgestellt, mir hun s kapridilait*. Подобные формы становятся типичными для немецких диалектов Сибири. При этом, еще раз подчеркиваем, российские немцы не чувствуют «чужеродность» русского языка. Носители говоров широко используют русские слова в речи (переключение кода /

¹⁰ Смирницкая С.В., Баротов М.А. Немецкие говоры Северного Таджикистана. СПб. Изд. ИЛИ РАН, 1997. С. 37.

¹¹ Feldes, Csaba: *Kontaktdeutsch. Zur Theorie eines Varietätentyps unter transkulturellen Bedingungen von Mehrsprachigkeit*. Gunter Narr Verlag, Tübingen, 2005. S. 260.

Code-Switching) – *di wuste totschn den wech «sie wussten genau den Weg», kashe muste mr khoche «Grütze mussten wir kochen»; wolt se postupaie technikum «wollte sie das Technikum beziehen», des is sou obidne «das ist so beleidigend», geb mir chot zwaa la broutje bes sdatschi «gib mir nun zwei Laib Brot ohne (Geld)Rest», das pospei ich net «ich komme mit der Zeit nicht aus», gib mir dverka an petschka «gib mir das Türchen vom Ofen»; употребляют глагол-связку «sein» в сочетании с предлогом «bei» и личным местоимением в косвенном падеже: bei uns sind drei Kinder. Появление в речи русских числительных (особенно в контексте «в таком-то году, в таком-то месяце») практически всегда влечет за собой появление русских слов, а иногда предложений: war sie in mai mesjatz.*

Подобные явления характерны и для языка венгерских немцев. Кроме того, К.Фельдеш приводит аналогичные примеры и для современного немецкого языка, испытывающего сегодня сильное влияние английского языка (denglisch), например, как рекламный слоган для McDonald's – «Have you schon gefrühstückt?», «A good Frühstück ist verrückt wichtig for a good Tag», как результат высокой степени креативности языковых контактов, как выражение своеобразной / самобытной социокультурной идентичности «als Ausdruck einer eigenständigen sozialkulturellen Identität»¹².

При этом огромную роль играют факторы переключения кода немцев-билинггов: при обращении к лицу другой национальности; при смене адресата; при изменении состава общающихся; при изменении роли / статуса самого говорящего; при изменении регистра речи (при переходе к доверительному разговору, при выражении раздражения, смущения); при цитировании чужих высказываний; при случайном или ошибочном соскальзывании на второй, хорошо известный язык; при пояснении, объяснении сказанного; при подведении результата; при смене темы коммуникации / при переходе с одной темы на другую и т.д. Этот список можно еще продолжать. Например:

Речевая ситуация № 1: Муж (М) приходит с работы домой, жена (Ж) встречает его. Оба супруга хорошо владеют диалектом и русским языком. При обсуждении важной для них темы «Дрова» они используют диалект, но без русских слов не могут обойтись.

Ж: kak dela? Vsjo normal'no?

М: Ja, ja, vsjo normal'no.

Ж: Host du n brigadier gsehe? Gebt der uns holz?

М: Ne, ich hun n net gsehe, dr war hait in die brigade, alles morje.

Ж. Obidne, nu, setz dich, mr wolle esse.

Речевая ситуация № 2: Разговор между двумя подругами (П1, П2), происходит обмен воспоминаниями. Обе хорошо говорят на диалекте и на русском языке. Русский язык использован в конце фразы для экспрессивности. Переключение кода в данном случае усиливает эмоциональное состояние рассказчика.

¹² Там же. С. 261.

P1: Da sin ich fort uf die vierte ferma kihe melke dorthin gfare mit den kinr. War ich zwei johr. Hun ich dort gemolge. Marija war johr alt, Iwan zwei johr alt. Oi, gospodi, zhisnj proschla, choroscho ili plocho.

Речевая ситуация № 3: Телефонный разговор с подругой из другого поселка, обсуждают новости в семье. Информантка (И) употребляет русские выражения, т.к. забыла многие немецкие слова, для нее легче выразить свои мысли на русском языке, который она чаще использует в коммуникации.

(И): Nu, dr saun, dr hat operatija kriet, geit nin poka. Vatr schafft poka e bisje do in sowchos, holt wassr for die stolowaja, die tochr schafft in magazin in promptwarnjij. Sie hun grouse kinr. S' älste kind ist von hier gzouge e kakoi-to institut, lekarstwo mache, ja sabjila. Ja, ja, farmazevtitscheskij. Nu, v-obschtschem s'lewe geit's.

Учитывая особенности иноязычного влияния на немецкие диалекты, можно еще раз констатировать, что немецкие диалекты на современном этапе представляют собой одно из интереснейших явлений для германистики. С точки зрения языковых характеристик, данные диалекты представляют богатейший материал для исследования. По словам Н.С. Бабенко, «в нашей стране собран обширнейший и уникальный материал, малоизвестный как за рубежом, так и в России. Трудно переоценить то значение, которое архивные записи могут иметь для сравнительно-исторического языкознания в плане реконструкции архаичных языковых состояний. С другой стороны, работая с "живыми" диалектами вне исторической родины, мы имеем дело с динамичными языковыми процессами, которые скоротечны по времени, охватывают обширные пространства и образуют причудливые и неустойчивые сплетения гетерогенных элементов»¹³.

Как островные диалекты, немецкие говоры приобрели очень интересную структуру, т.е. контакты с другими языками привели к глубоким структурным преобразованиям. Но вместе с тем, нельзя забывать и о том, что существуют определенные внутренние тенденции развития. По мнению Н.С. Бабенко, «конвергентный характер языковых изменений, происходящих параллельно практически во всех островных немецких диалектах, их независимость от системного давления суперстрата позволяют предположить, что мы имеем дело с типологическими изменениями, обусловленными влиянием на саму структуру языка внутренними импульсами исторического развития – прогрессирующего разрушения грамматического строя как одной из ступеней утраты языка»¹⁴.

На типичность языковых изменений указывает и следующее высказывание. Говоря о синкретизме падежной системы немецких диалектов (редукция флексий, омонимия форм, сокращение числа падежей), немецкий диалектолог

¹³ Бабенко Н.С., Карпов В.И. Диалект в системе форм существования языка (к истории вопроса) // Актуальные проблемы немецкой островной диалектологии (памяти Г.Г. Едига): материалы Всероссийского научно-практического семинара, Красноярск, 2–4 июня 2008 г. / Отв. ред. В.А. Дятлова; ред.кол.; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2008. С. 10–27.

¹⁴ Там же. С. 20.

П. Розенберг приходит к выводу, что данное языковое явление не объясняется влиянием иноязычного окружения, речь идет скорее о типологических изменениях, коснувшихся всех немецких диалектных вариантов вне зависимости от географической локализации¹⁵. В этой связи хорошо было бы направить усилия диалектологов на систематизацию собранного языкового материала и рассмотреть немецкие диалекты с точки зрения типологических особенностей.

В свое время С.А. Миронов, занимавшийся проблемами смешения диалектов, отмечал, что в диалектах наблюдается более «последовательная и решительная», чем в письменной языковой норме, тенденция к анализу и отмиранию флексии. Это обусловлено, по его мнению, прежде всего «особенностями развития диалектов как живых народных говоров, не связанных с письменной традицией, заключающей языковой строй в малоподвижные нормативные рамки, не отражающие интенсивного хода развития *живой* устной речи»¹⁶. Особый упор делается ученым на факт самостоятельного развития диалектов независимо от литературного языка и его воздействия, отмечая, что диалект ушел значительно дальше литературного языка в более последовательном проведении анализа. При этом надо постоянно помнить еще об одной особенности развития диалектов – их иноязычном окружении и соответствующих языковых изменениях.

Ситуация в существовании немецких диалектов как в Сибири, так и в России в целом сегодня настолько стремительно меняется, что любое промедление в фиксации языковых явлений грозит исчезновением деталей, важных для восстановления целостной диалектной картины в отдельных регионах, поэтому главной целью на современном этапе является – системное лингвистическое описание с максимальным охватом диалектного материала. Институтом языкознания РАН разработана универсальная схема описания языка, включающая 3821 признак. Интересно было бы узнать, по мнению Н.С. Бабенко, насколько применима данная методика для создания отдельного тома энциклопедии, посвященного островным немецким диалектам в России и в бывших советских республиках¹⁷. А главным результатом полевых экспедиций должна стать документация языка: создание корпуса текстов, диалектного словаря.

¹⁵ Там же.

¹⁶ *Миронов С.А.* Общие тенденции развития грамматического строя немецких диалектов. // Ученые записки. Серия филологических наук. Вып. 5. Л., 1941. С. 293.

¹⁷ *Бабенко Н.С., Карпов В.И.* Диалект в системе форм существования языка (к истории вопроса) // Актуальные проблемы немецкой островной диалектологии (памяти Г.Г. Едига): материалы Всероссийского научно-практического семинара, Красноярск, 2–4 июня 2008 г. / Отв. ред. В.А. Дятлова; ред.кол.; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2008. С. 24.

Депортация народов СССР: изучение проблемы музейными средствами (из опыта Омского государственного историко-краеведческого музея)

Депортация народов СССР в 1930–40-е годы – одна из трагических страниц советской истории, имевшая не только серьезные последствия для самих депортированных народов, но и значительно изменившая этнодемографическую ситуацию в районах вселения. В последние годы эта тема привлекала к себе большое число исследователей. Не остались в стороне от данного процесса и российские музеи. Результатом их работы стало комплектование новых коллекций, выставки, научные публикации. При этом следует помнить, что музейное изучение исторических явлений и процессов имеет значительное своеобразие. К основным направлениям музейной деятельности относятся: научно-фондовая, экспозиционная, культурно-образовательная деятельность. В последние десятилетия в музеях активно развиваются информационные технологии. Рассмотрим их на примере работы Омского государственного историко-краеведческого (ОГИК) музея над темой «Депортация народов СССР».

Начало изучению темы «Депортация народов СССР» в ОГИК музее было положено в конце 1980-х годов в процессе работы над выставкой «О времени, о судьбах, о себе», посвященной «белым пятнам» советской истории. В связи с отсутствием необходимых источников авторский коллектив в составе А.П. Раковой – руководитель, И.В. Черказяновой, Р.А. Шаневой, Л.Н. Данилович, А.В. Цвейлих – вынужден был приступить к формированию, по сути дела, новой музейной коллекции. Первыми сборами по теме «Депортация народов СССР» стали фотографии и документы, переданные в музей Е.И. Мукабиновой, калмычкой, высланной в 1943 году вместе со своей семьей в Омскую область. Еще в период спецкомендатуры ей удалось заочно закончить Омский государственный педагогический институт. Затем она работала в Северной школе Шербакульского района Омской области. Материалы отражали уже сибирский период жизни Е. И. Мукабиновой. Несколько предметов рукоделия было передано в музей М.Х. Янцен – немкой, уроженкой с. Беловеж, Запорожской области, депортированной в Карагандинскую область республики Казахстан. В числе первых поступлений по теме стали также книги на немецком языке, переданные в музей специально для экспонирования на выставке «О времени, о судьбах, о себе» П.Я. Зеевальдом – руководителем общественного музея совхоза Екатеринославский Шербакульского района Омской области. Книги являлись частью библиотеки семьи Цильке, высланной из Автономной республики немцев Поволжья. Учебники были изданы еще в 1930-х годах, когда преподавание в немецких школах велось на родном языке.

Свое дальнейшее развитие тема «Депортация народов СССР» нашла в ходе комплектования музейной коллекции по истории немцев в Сибири. Начало регулярным экспедиционным сборам и формированию коллекции в ОГИК музее было положено в 1993 году П.П. Вибе и И.В. Черказьяновой в связи с подготовкой выставки «Немцы в Сибири», которая должна была стать одним из пунктов программы проводившегося в Омске Всероссийского фестиваля немецкой культуры. При подготовке этой выставки в период с ноября 1993 по май 1994 года была проведена большая собирательская работа более чем в 20 селах с немецким населением в 10 районах Омской области. За это время были заложены основы этнографической коллекции сибирских немцев, в которой нашла свое отражение и тема депортации. Собранные материалы широко представили различные аспекты истории немцев в Сибири, что позволило успешно подготовить и провести выставку летом–осенью 1994 года. Поскольку выставка носила комплексный характер, история немецкого населения в советский период была показана лишь отдельным комплексом, при этом, как отмечали сами авторы выставки, тема была лишь обозначена, ее полноценное раскрытие потребовало бы самостоятельной выставки¹.

В 1994–1996 годах в ОГИК музее велась уже планомерная работа по пополнению, изучению и экспонированию немецкой коллекции. Успех ее во многом был обусловлен сложившимся сотрудничеством между ОГИК музеем, с одной стороны, и Международным союзом немецкой культуры (Москва), а также Институтом германских и восточноевропейских исследований (Геттинген, Германия) – с другой.

В ходе первых экспозиционных сборов были собраны материалы по истории депортации российских немцев из АССР немцев Поволжья и других регионов СССР. Особой ценностью обладает сданная в это время в музей коллекция работ самодеятельного художника, учителя рисования, жителя с. Александровка Азовского района Омской области А.К. Вормсбехера. В своих работах он отразил все эпизоды трагедии немцев Поволжья. Переданные в музей графические работы А.К. Вормсбехера неоднократно использовались как иллюстрации в музейных выставках и публикациях.

Выставка «Немцы в Сибири» с успехом экспонировалась в Омске и многочисленных районах Омской области, Санкт-Петербурге, Новосибирске, Славгороде (Алтайский край).

Комплектование музейной коллекции по теме «Депортация народов СССР» продолжилось в связи с подготовкой выставки «Депортация», работа над которой велась по гранту ИОО (Фонд Сороса) в конце 2000 года. Опыт, полученный в ходе работы над выставкой «Немцы в Сибири», показал, что наибольшие результаты могут дать экспедиционные сборы. При разработке

¹ Вибе, П.П. Выставка «Немцы в Сибири» в Омском государственном историко-краеведческом музее/ П.П. Вибе, И.В. Черказьянова // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 1996. № 4. С. 97.

плана экспедиций во внимание были взяты, прежде всего, близлежащие районы компактного расселения бывших спецпереселенцев в Омской области и Северном Казахстане. Всего состоялось пять экспедиционных выездов в Тарский, Знаменский, Исилькульский, Полтавский и Шербакульский районы Омской области и Северо-Казахстанскую область республики Казахстан. Собранные в течение 2000 года сотрудниками музея П.П. Вибе, Т.М. Назарцевой, О.А.Пьяновой, С.В. Баах, А.В. Матвеевым, С.Ю. Первых коллекции позволили не только успешно решить выставочные задачи, но и расширить первоначальные замыслы экспозиционеров. Программа экспедиционных сборов определялась тематической структурой выставки и выбранным авторами проблемно-хронологическим подходом при освещении темы. Выставочные комплексы должны были раскрывать различные этапы трагедии, растянувшейся на долгие годы и затронувшей судьбы представителей разных народов.

Работа с бывшими депортированными и их потомками начиналась с выявления будущих информаторов в администрациях районов. Как правило, в связи с проводившимися в то время мероприятиями по реабилитации жертв политических репрессий, списки репрессированных были уже составлены. Затем сотрудники музея устанавливали личный контакт, записывали воспоминания, оформляли переданные в музей предметы. Сборы осуществлялись по следующим направлениям: жизнь на родине до выселения, процесс депортации, образ жизни и труда на новом месте, реабилитация, современное положение бывших репрессированных. Экспедиции позволили расширить тематику показа, конкретизировать первоначальные планы экспозиционеров. Большая часть современной коллекции по теме «Депортация народов СССР» была скомплектована в ОГИК музея именно в этот период.

На сегодняшний день музейная коллекция по этой теме насчитывает более пятисот единиц хранения основного и научно-вспомогательного фонда. Отдельный комплекс источников характеризует процесс депортации поляков, немцев и украинцев в 1936 году из приграничной зоны Украины в Казахстан. Согласно решению ЦК КП(б) и СНК Казахстана «О переселенцах с Украины» от 16 февраля 1936 года и постановлению СНК СССР №776-120 СС «О выселении из УкрССР и хозяйственном устройстве на севере КазССР 15000 польских и немецких хозяйств» от 28 апреля 1936 года переселению подлежали поляки и немцы (но главным образом поляки), проживавшие в 800-метровой полосе вдоль тогдашней государственной границы с Польшей, на территории полигонов или укрепрайонов. Контингент переселяемых составил 15 тысяч польских и немецких хозяйств из Винницкой и Киевской областей Украины, где преимущественно проживали поляки. Общая численность высланных только с Украины составила около 70 тысяч человек. Второй период депортации пришелся на 1939 год. В целом, по разным оценкам, из западного региона СССР в казахстанские степи было выслано около 190 тыс. человек. Этот этап депортации освещают материалы, собранные в ходе экспедиции в

городе Петропавловске, Тайыншинском (бывшем Красноармейском) районе Северо-Казахстанской области Республики Казахстан и отражающие жизнь и быт высланных на родине, процесс их адаптации на новом месте, жизнь после снятия с учета как спецпоселенцев в 1956 году. Материалы собирались в семьях Тушинских, Домбровских, Залевских, Сливинских, Кульских, Затворницких. В них отражены и особенности духовной жизни поляков – католиков по вероисповеданию. Состоявшийся уже после экспедиции музея, в 2001 году, визит в Казахстан Папы Иоанна Павла II дал новый мощный импульс укреплению католической Церкви. В столице, городах и некоторых крупных населенных пунктах Казахстана, где компактно проживают поляки, были построены костелы и соборы, в Астане регулярно проводятся съезды католиков стран Азии. Собранные в ходе экспедиции предметы культа, фотографии отражают восстановление католических приходов, их современную жизнь.

Депортация народов СССР в годы Великой Отечественной войны представлена в музейной коллекции историей депортации немцев и калмыков. Большая часть источников отражает депортацию немцев из АССР Немцев Поволжья и других регионов. По данным А.А. Германа, из Поволжья в Сибирь и Казахстан было отправлено 451 986 человек, прибыло к месту назначения – 449 023². Материалы о депортации немцев, а это фотографии и документы, отражающие историю семей до 28 августа 1941 года, отличаются многообразием и разноплановостью. Они позволяют осветить образ жизни, традиционные занятия, трудовую деятельность на предприятиях, быт немцев в Поволжье, содержат информацию об образовании и духовной культуре. Например, в ходе экспедиции в Знаменский район удалось познакомиться с семьей К.К. Абих (родился в 1929 г. в с. Гримм Каменского р-на Саратовской области). Он и его жена – В. В. Миллер (родилась в 1931 г. в с. Эрлинбах Каменского р-на Саратовской обл.) – в составе своих семей были депортированы в 1941 году. Музейным сотрудникам были переданы конфирмационные свидетельства, выданные в АССР НП, похвальные грамоты на русском и немецком языках с портретами И.В. Ленина, В.И. Сталина ученицы 1-го класса Миллер Вельмы.

В дневниковых записях экспедиций содержатся воспоминания депортированных о проведении мероприятий по высылке. Так, например, А.П. Пуль, житель д. Сэйвальд Франкского р-на Саратовской области, вспоминает: «Летом 1941 г. немцам в деревне объявили за месяц до депортации, что их будут выселять в Сибирь. Обещали, что можно будет брать с собой вещей и продуктов весом до 1 тонны. Из хозяйства взяли два коня, погрузили все на

² Герман, А.А. Депортация советских немцев из Европейской части СССР // История и этнография немцев в Сибири. Омск, 2009. С. 419. Имеются и другие сведения. По данным Н.Ф. Бугая, на восток было переселено 856 340 человек (560 112 взрослых). А всего в Новосибирской, Омской областях, Красноярском крае и Казахской ССР было расселено на принудительной основе 786 279 немцев. Бугай Н. Депортация народов // Война и общество, 1941–1945: Книга вторая. М.: Наука, 2004.

них и сами выехали на станцию. Всего на станции из нашей деревни было около 60 человек. Посадили нас в товарный вагон по 40 человек. Куда везут, мы не знали. По дороге состав даже заблудился. То есть, сначала привезли в одно место, долго стояли, а потом опять повезли. Раз в пути всех кормили горячим, давали и хлеб. Приехали в г. Омск. Там нас погрузили в баржи и в трюмах по Иртышу везли до села Знаменское, где нас уже ждали подводы. Нашу семью еще с 3-мя повезли в д. Котовщиков, где мы около недели жили в клубе, а потом определили в дом. В Котовщикуво жили с 1941 по 1943 год. Два брата умерли от голода. В 1942 году отца Петра Ивановича мобилизовали в трудовую армию».

Особый массив документов отражает историю трудовой армии. Это фотографии, воспоминания, письма трудовых армейцев. Музейным сотрудникам была передана фотография Ф.Г. Киммель, отправленная мужу в трудовую армию. Скромно и трогательно звучит надпись: «На вечную память от твоей жены Фриды». В материалах экспедиции содержатся воспоминания трудовых армейцев.

Жизнь в Сибири представлена предметами быта и рукоделия, образцами одежды, украшениями. Фотографии, в том числе и периода спецкомендатуры, отражают трудовые будни, дают много информации об особенностях быта, праздничных событиях, таких как свадьба. Например, свадебные портреты супругов Э. А. Левина Эдуарда Анисимовича и Шмидт Магдалены Вильгельмовны, Лехтер Ивана Петровича и Сусанны Яковлевны, Динер Давида Александровича и Кнауб Марии Петровны.

Немногочисленны, но присутствуют в музейной коллекции материалы по депортации калмыков. Как известно, 27 декабря 1943 года Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «О ликвидации Калмыцкой АССР и образовании Астраханской области в составе РСФСР». В соответствии с Постановлением Совета Народных Комиссаров СССР от 28 декабря 1943 года «О выселении калмыков, проживающих в Калмыцкой АССР», депортации подлежали около 95000 калмыков. К ним были добавлены калмыки из других районов СССР. В Омскую область за все время было выселено более 25 тысяч человек³. В коллекции представлены материалы семей Мукуленовых, Джимбиновых, Цегединовых. Так, Э.Я. Джимбинова – немка по национальности, в 1946 году вышла замуж за спецпоселенца-калмыка Джимбинова Эрнэ Цюльценовича 1922 года рождения. Семья матери мужа Джимбиновой Буглиной была депортирована в 1943 году в Кормиловский район Омской области. Эмма Яковлевна передала рассказ свекрови о тяжелых временах первого года после депортации, особенно ей запомнилась история о том, что Буглина обрезала своим дочерям красивые длинные косы, сделала из них веревки, в которые запрягала волов при сельскохозяйственных работах, так как надо было кормить семью. В пе-

³ Полян П. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР/ В. Полян. – М., 2001.

риод депортации Эрнэ Цюльценович служил в армии, воевал на Украинском фронте, но в 1943 году был демобилизован, переведен в тыловые части в Свердловск, затем, после травмы ноги, переехал к родным в Кормиловский район. После отмены спецкомендатуры работал бухгалтером в совхозе. В 1956–59 годах родственники мужа выехали на родину. Фотографии, переданные Э.Я. Джимбиновой в музей, отражают период жизни семьи до снятия режима спецкомендатуры.

Послевоенные события представлены принудительными переселениями украинцев, латышей. Это материалы, переданные в музей П.А. Клочаник, А.В.Миллер (Мига), И.Н. Палий, Н.М. Геник и др. Они жили в поселке Усть-Шиш и спецпоселке Омгортоп Тарского р-на Омской области – местах компактного поселения украинцев. Фотографии отражают работы на лесозаготовках, где наравне с мужчинами работали и женщины. В ходе экспедиции удалось зафиксировать в зоне тайги следы дорог-«ледянок», по которым вывозили лес на санях. Собранные материалы отражают тяжелый быт и редкие праздники спецпоселенцев. На фото зафиксированы свадьба, празднование Пасхи.

Материалы о послевоенных репрессиях против латышей представлены коллекциями семей Кибенс (с. Екатериновка Тарского района), Платоновых (с. Новотимофеевка Полтавского района Омской области), Вонда (с. Терпенье Полтавского р-на Омской области), Компус (г. Омск), Альтасар (с. Кормиловка Омской области). Так, семья С.М. и Г.М. Платоновых была выслана из Латвии, из с. Эдвордсталь Резеиненского района. До депортации они жили на хуторе, занимались сельским хозяйством. После отмены режима спецпоселения остались в Сибири. Семья Кибенс была выслана из с. Тазайти Лиепайского района Латвийской АССР. На фотографиях, переданных в музей, сохранились изображения хутора, портреты сестер Арии, Вельты и Дзидры.

Своеобразие музейного изучения темы состоит, как уже было замечено выше, в особенности музейных источников. Именно в музеях возможно соприкоснуться с прошлым через подлинные артефакты, отражающие жизненные условия во всем многообразии их проявлений.

Значительное место среди собранных экспонатов занимают фотографии: одиночные и групповые фотопортреты, сюжетные снимки, на которых запечатлены все основные моменты жизни, быта, условий труда репрессированных. Особенно интересны те, которые фиксируют трудовую деятельность, поскольку они ярко передают атмосферу тяжелых условий, непосильного человеческого напряжения. Несколько фотографий – это портреты, которые были посланы родным из трудармии, нередко они сопровождались письмами, рассказывающими о переживаниях разделенных семей.

Особое место в коллекции занимают материалы по истории изучения темы. Это прежде всего экспедиционные дневники. Учетные музейные документы не дают возможности подробно показать историю предмета, его место в конкретной семье. Этот недостаток восполняется дневниковыми записями,

в которых зафиксированы подробные биографические сведения о сдатчике, истории его семьи, содержат пояснения о предметах, документах, фотографиях. В ходе экспедиций также был собран видео- и фотоматериал, засняты места нахождения уже не существующих поселков спецпоселенцев, места работы. Так, история не существующего поселка Омгортоп представлена воспоминаниями репрессированных, фотографиями периода спецкомендатуры. Планы поселка, барака зафиксированы в дневниках. Сотрудникам музея удалось найти кладбище этого спецпоселка, где на могильных памятниках значились немецкие, украинские, русские фамилии.

Состав, информационная составляющая коллекции позволили решить первоначальную задачу – подготовку выставки, которая открылась в музее 14 декабря 2000 года. Тематически разделы выставки отражали все этапы трагедии. Выставка запомнилась посетителям и своим оригинальным художественным решением, разработанным С.А. Федоричевым – известным в городе театральным художником. Раскрытию темы помогало цветовое оформление в чернотелых тонах, единственными цветными пятнами были предметы национальной одежды, находившиеся в витринах и в зоне открытого доступа. Образы «вагона-товарняка», «лесоповала», обгорелого леса создавали своеобразную атмосферу, заряжая настроением пережитой трагедии. Движение по выставке осуществлялось по строго заданному маршруту, который был организован по узкому настилу из необструганных досок.

После создания выставки ее виртуальный вариант был представлен на сайте «Музеи Сибири». Для виртуального обзора доступна только небольшая часть материалов коллекции. Виртуальная выставка «Депортация: о судьбах народов, изгнанных из отчего дома в период сталинских репрессий» и сегодня доступна в интернете. В ее структуре присутствуют следующие разделы – «Историческая справка» о депортации, на отдельной странице представлены фотографии представителей народов, подвергшихся репрессиям – это странички «немцы», «калмыки», «прибалты», «украинцы». Отдельные страницы посвящены жизни в Сибири, трудармии. На виртуальной выставке можно также познакомиться с несколькими подлинными архивными документами. Работа над проектом представлена в разделах «Материалы экспедиций» и «Виды с выставки».

Процесс формирования коллекции и подготовка выставок постоянно освещались сотрудниками музея в их публикациях⁴. Эта работа продолжается в

⁴ *Вибе, П.П.* Полевые исследования ОГИК музея в немецких селах Омской области летом 1995 г. // Научно-информационный бюллетень Международного союза немецкой культуры. М., 1995. №3–4. С. 45–46. *Черказьянова, И.В.* Историко-этнографическая коллекция российских немцев в собрании Омского историко-краеведческого музея // Российский немец. Проблемы истории, языка и современного положения: Материалы международной научной конференции / Под ред. А. Германа. М., 1996. С. 392–396. *Вибе П.П.* История и культура немцев Сибири в глобальной сети Интернет. Научно-информационный бюллетень Международного союза немецкой

других формах музейной деятельности. Так, например, изучением истории депортации заинтересовались юные краеведы; доклады, освещающие различные аспекты темы неоднократно представлялись в рамках работы секции краеведения на ежегодной молодежной конференции «Омское Прииртышье: природа, история, культура» в ОГИК музее. Тема депортации включена в систему музейной коммуникации. Рассказ о событиях отражен в новой экспозиции музея, посвященной истории советского периода, подготовлены материалы для ее показа в экскурсии по данному разделу.

Собранные материалы позволили представить историю депортации в постоянной экспозиции ОГИК музея. Вместе с тем, вполне возможно дальнейшее пополнение коллекции и создание на ее основе каталога, новых выставок. Коллекция фотографий может быть широко использована исследователями для иллюстрации книжных изданий.

культуры. 1999. №4. С. 21–23. Баах, С.В. Формирование коллекции и создание выставки «Депортация» в Омском государственном историко-краеведческом музее // Немцы СССР в годы Великой отечественной войны и первое послевоенное десятилетие. 1941–1955 гг. / Под ред. А. Германа. М., 2001. С. 548–555. Виль, Ю.А. Сталинская депортация и этнические процессы народов Западной Сибири (по материалам экспедиций ОГИК музея последних лет) // Ученые записки Алтайского государственного института искусства и культуры / Под ред. О.Н. Труевцевой. Барнаул, 2002. Вып. 2. С. 74–78. Пьянова О.А. Комплектование и экспонирование коллекции ОГИК музея по репрессиям 1920–1950-ых гг. в Омском Прииртышье // Музейные фонды и экспозиции в научно-образовательном процессе: Материалы Всероссийской научной конференции / Отв. Ред. Э.И. Черняк. Томск, 2002. С. 262–268.

Н.А.Ефремова-Шершукова (Томск)

Депортация немцев на территорию Казахской ССР: причины и механизм проведения

Самым масштабным переселением в советской истории стала массовая депортация народов в начале 1940-х годов. Именно с этого времени кардинально изменилась география их расселения в СССР. Немцы России стали самым многочисленным этносом, ставшим жертвой депортационного процесса.

Исходя из того, что государственная власть в силу множественности ресурсов, имеющихся в ее распоряжении, как правило, выбирает более эффективные инструменты, позволяющие ей сохранить существующий строй, их выбор будет определен типом политического режима, который позволяет в разной степени учитывать (или не учитывать) конституционные права своих граждан. Таким образом, любой политический режим будет стремиться выбрать максимально эффективный инструмент воздействия на оппозиционно настроенных граждан. Тоталитарный политический режим, основанный на идее полной монополизации власти и бесконтрольном ее осуществлении, имел возможность для решения своих задач выбирать меры исключительно принудительного характера, к каковым относится и депортация.

Депортация, применительно к репрессивной политике советского государства, является специфической формой принуждения, направленной на решение целого комплекса задач:

- политических, под которыми понимается нейтрализация реальных и мнимых противников советского режима, складывание новой системы властных отношений;
- экономических, которые позволяли продолжить хозяйственную колонизацию восточных регионов страны, увеличить трудовые ресурсы страны в лице спецпоселенцев, трудопоселенцев;
- социальных, так как изменение социальной структуры, создание социальной базы режима было необходимым условием его сохранения;
- военно-политических, под которыми понимается устранение потенциальной угрозы обороноспособности страны в виде формирования реальной или мнимой «пятой колонны» в среде «неблагонадежных» этносов, проживающих в пограничных и прифронтовых районах или наказания народов за сотрудничество с врагом в период фашистской оккупации;
- идеологических, которые позволили бы идентифицировать индивида с государством, мифологизировать коллективное и индивидуальное сознание,

создавая зримый «образ врага» и демонстрируя гражданам усилия власти по искоренению врагов советского строя.

Первые акции по насильственному переселению больших масс людей начались в советском государстве практически сразу же после окончания Гражданской войны. Депортации 1920-х гг., связанные с начавшейся политикой коллективизации и раскулачивания, принесли значимый социально-политический результат, исключив из общественной жизни кулаков и часть середняков как политически враждебной советскому строю группы. В ходе этой акции власть приобрела опыт организации насильственного перемещения групп людей, который впоследствии был применен к этносам. В середине 1930-х гг. в процессе массовых депортаций начинается переход от социально-классового принципа выселения к национально-этническому. С началом Великой Отечественной войны началась беспрецедентная акция по массовой депортации народов и ликвидации их национальных образований. Насильственным депортациям в 1941–1942 гг. подверглись национальные меньшинства, проживающие в пограничных и прифронтовых районах и представляющих потенциальную угрозу обороноспособности страны. Крупнейшим из превентивно депортированных народов были советские немцы, большая часть которых была направлена на спецпоселение в Казахстан.

23 июня 1940 г. по приказу Народного комиссариата внутренних дел СССР из Мурманска и Мурманской области было переселено 3215 семей «граждан инонациональностей»¹, в числе которых были и немцы². Эта депортация не коснулась территории Казахстана, перемещение было произведено в Карело-Финскую ССР и Алтайский край. Показательно то, что переселение граждан «инонациональностей» проводилось даже без формального объяснения причин.

Начавшаяся 22 июня 1941 г. Великая Отечественная война перевела немецкое население в разряд врагов. Несмотря на активную подготовку поволжских немцев к участию в войне с фашистскими захватчиками, выражавшуюся в формировании отрядов народного ополчения, создании республиканских фондов обороны страны, подготовке к противовоздушной обороне, обращениях к германскому народу с призывом повернуть оружие против Гитлера³, в начале августа 1941 г. командование Южного фронта направляет председателю Совнаркома И. Сталину и главному войска Юго-Западного направления С. Буденному сообщение о том, что немецкое население Украины приветство-

¹ Имелись в виду граждане, родственные народы которых имели государственность за пределами СССР, т.е. дискриминация части советских граждан была обусловлена только тем, что места их этнического происхождения находились за пределами страны.

² Приказ Народного комиссариата внутренних дел СССР «О переселении из гор. Мурманска и Мурманской области граждан инонациональностей» от 23 июня 1940 г. // История российских немцев в документах. Ч. I. М., 1993. С. 158–159.

³ Герман А.А. История республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. М., 2000. С. 135–137.

вало наступавшие немецкие войска, стреляло по отходящим войскам Красной Армии. Решение Сталина было жестким. Наркому НКВД Л. Берии было дано поручение об организации депортации немецкого народа⁴.

Решение переселить немцев из приграничных районов в восточные регионы СССР сталинским правительством было отражено в ряде постановлений, однако появились они только через три недели после распоряжения Сталина о депортации. Очевидно, что свою роль сыграла и необходимость продумать организацию столь масштабного переселения и то, что в конце августа заканчивается сбор урожая зерновых. Власти хотели, чтобы немецкие колхозы закончили жатву. Поэтому и первый документ, регламентирующий депортацию немецкого населения с мест их жительства, появился лишь 26 августа 1941 г., когда СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О переселении немцев из Республики Немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей»⁵. Постановление предписывало переселить все немецкое население Поволжья в Сибирь и Казахстан. Обвинений в шпионаже или других нелояльных по отношению к государству действиях им предъявлено не было. Всего в Казахскую ССР планировалось выселить 100 тыс. человек, для размещения которых были определены 6 областей, расположенных на северо-востоке республики – Семипалатинская, Акмолинская, Северо-Казахстанская, Кустанайская, Павлодарская и Восточно-Казахстанская.

Почему же именно Казахстан стал местом ссылки наибольшего количества немцев, депортированных с европейской территории СССР? Связано это было с целым рядом причин. Очевидно, что не было большой разницы, кого ссылать в КазССР. Республика отчаянно нуждалась в рабочих руках. Проживавшее там коренное казахское население вело традиционно кочевой образ жизни и всячески противилось проводимой правительством политике насильственной коллективизации и оседания на местах. Выражалось это зачастую в откочевке казахов с территории Казахстана на сопредельные земли, принадлежащие Монголии, Афганистану, Ирану, Турции и Китаю. Кроме того, голод 1932–1933 гг., затронувший и территорию Казахстана, привел к тому, что количественно население республики значительно уменьшилось. Огромные площади, так необходимые стране, находившейся сначала в состоянии разрухи после окончания гражданской войны, затем вступившей в кровопролитную войну с фашистской Германией, нуждались в освоении. Именно потому наряду с малоосвоенными богатейшими территориями Сибири Казахстан стал регионом, где массово концентрировались спецпереселенцы.

Руководил переселением НКВД, привлекая по мере необходимости другие ведомства. Приступить к операции по депортации немецкого народа

⁴ Сталинские депортации: 1928–1953. М., 2005. С. 323.

⁵ Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О переселении немцев из Республики Немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей» от 26 августа 1941 г. // Сталинские депортации. М., 2005. С. 288–290.

предполагалось с 3 по 20 сентября 1941 г.⁶ Наряду с этим постановлением 26–27 августа появились и другие документы, которые регламентировали переселение. В частности, это был план переселения⁷, где с точностью до одного человека указывалось количество переселяемых из АССР немцев Поволжья (401 746 чел.), Сталинградской (23 720 чел.) и Саратовской (54 389 чел.) областей. 27 августа появляются еще два документа. Один из них – приказ наркома внутренних дел Л. Берии «О мероприятиях по проведению операции по переселению немцев из республики немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей»⁸, которым были назначены все ответственные за переселение с указанием сферы их действия и мероприятия по максимально четкому исполнению плана депортации. Второй – «Инструкция НКВД по проведению переселения немцев, проживающих в АССР немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областях»⁹, с детально расписанными аспектами этой депортации.

Одновременно, 26 августа 1941 г. появилось постановление Военного Совета Ленинградского фронта «Об обязательной эвакуации немецкого и финского населения из пригородных районов гор. Ленинграда»¹⁰. Но то, что военное командование назвало эвакуацией, на самом деле представляло собой не что иное как депортацию, насильственное переселение, что и было отражено в секретном донесении В. Молотова, Г. Маленкова, А. Косыгина и А. Жданова И. Сталину, датированном 29 августа 1941 г., о том, что ими принято решение о выселении немцев и финнов из пригородов Ленинграда¹¹. Одним из направлений был также назван Казахстан, куда планировалось переселить 15 тыс. чел., из которых 6,5 тыс. чел. были этническими немцами. Местом их поселения была определена Джамбульская область республики¹².

28 августа был подписан Указ Президиума ВС СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья»¹³, который превратил все немецкое население в диверсантов и шпионов, обвинив их в укрытии немецких агентов и подготовке ряда взрывов в местах своего проживания. Но данных, подтверж-

⁶ Сталинские депортации. С. 288.

⁷ Точной даты принятия плана нет, однако, судя по содержанию, принят к действию он был не ранее 26 августа (См.: Сталинские депортации. С. 291)

⁸ Приказ НКВД СССР «О мероприятиях по проведению операции по переселению немцев из республики немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей» от 27 августа 1941 г. // Сталинские депортации. С. 293–297.

⁹ «Инструкция НКВД по проведению переселения немцев, проживающих в АССР немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областях» от 27 августа 1941 г. // Сталинские депортации. С. 295–299.

¹⁰ Постановление Военного Совета Ленинградского фронта «Об обязательной эвакуации немецкого и финского населения из пригородных районов гор. Ленинграда» от 26 августа 1941 г. // Сталинские депортации. С. 326–327.

¹¹ Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 213.

¹² Сталинские депортации. С. 284.

¹³ Указ Президиума ВС СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» от 28 августа 1941 г. // История российских немцев в документах. Ч.1. М., 1993. С. 158–159.

дающих это, не было. По мнению А.В. Штульберга, НКВД только с началом войны начал проводить здесь аресты. С 22 июня до 10 августа в Поволжье было арестовано 145 человек, из них семи было предъявлено обвинение в намерениях диверсионного и террористического характера и двое обвинялись в немецком шпионаже¹⁴. Остальным инкриминировалось распространение пораженческой агитации (97 человек) и участие в антисоветских группировках (36 человек)¹⁵. Поэтому заявленные в Указе Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. «О переселении немцев...» факты наличия «тысяч и десятков тысяч шпионов и диверсантов»¹⁶ также являлись лишь очередной ложью, призванной очернить немецкое население Поволжья в глазах людей, чьи мужья, братья и отцы ушли на фронт сражаться с «немцами». Слова «немец» и «фашист» на долгое время в Советском Союзе стали синонимами.

Переселить немецкое население Поволжья планировали в Новосибирскую, Омскую области, Алтайский край и Казахскую ССР¹⁷.

В принятом 1 сентября 1941 г. постановлении Совнаркома Казахской ССР и ЦК КП(б)К о размещении депортированного немецкого населения, прибывавших немцев решили направлять в Северо-Казахстанскую, Семипалатинскую, Акмолинскую, Кустанайскую, Павлодарскую и Восточно-Казахстанскую области¹⁸. Однако, по архивным данным, их расселение производилось и в Южно-Казахстанской, Джамбульской, Алма-Атинской, Карагандинской областях¹⁹.

Указ о переселении немцев из Поволжья вызвал к жизни целый ряд однотипных документов, где указывались регионы страны, из которых немцев депортировали в восточные районы СССР. 6 сентября 1941 г. Постановлением ГКО из г. Москвы, Московской и Ростовской областей планировалось переселить в Казахстан более тридцати тысяч немцев, причем для их размещения стали использоваться не только северо-восточные и центральные области, но и южные, куда раньше, за редким исключением²⁰, выселение не производилось. Так, в Карагандинскую область предполагалось переселить 4 тыс. чел., Джамбульскую и Кызыл-Ординскую – по 8 тыс. чел., Южно-Казахстанскую – бо-

¹⁴ Штульберг А.В. Некоторые вопросы участия немцев в трудовой армии в период 1941–1945 гг. // История немцев Центральной Азии: материалы Международной научной конференции. Алматы, 9–10 октября 1997 г. Алматы, 1998. С. 125.

¹⁵ Плева И. Проверка на лояльность: деятельность органов НКВД АССР НП в августе 1940 г. – августе 1941 г. // Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие: 1941–1955 гг.: Материалы 7-й международной научной конференции. Москва, 19–22 октября 2000 г. М., 2001. С. 55.

¹⁶ История российских немцев в документах. Ч.1. М., 1993. С. 159.

¹⁷ Там же. С. 159.

¹⁸ Постановление Совнаркома Казахской ССР и ЦК КП(б)К «О мероприятиях по реализации постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 26 августа с.г. «По приему переселенцев-немцев из Саратовской, Сталинградской областей и Республики немцев Поволжья» от 1 сентября 1941 г. // АПРК. Ф.708. Оп. 1. Д. 3. Л. 73–76.

¹⁹ АПРК. Ф.708. Оп. 1. Д. 3. Л. 111–113; Оп. 5/2. Д. 80. Л. 154.

²⁰ См. выше: об эвакуации немцев в Джамбульскую область.

лее 10 тыс. чел.²¹ По Москве и Московской области план по выселению был даже перевыполнен. В докладной записке зам. наркома НКВД Б.З. Кобулова в НКВД СССР о результатах этой операции, датированной 20 сентября 1941 г., указывалось, что на тот момент из Москвы в Карагандинскую область отправлены 3 524 чел. и в ближайшее время (22 сентября) будут переселены еще 356 немцев. Из Московской области было вывезено в Кзыл-Ординскую область Казахстана дополнительно 4 925 чел. Таким образом, при плане переселения из Москвы и Московской области в 8 617 чел. реально депортировано было 8 805 чел. Превышение незначительное, но в том же документе указывается, что еще 1 142 немца были арестованы. В Москве было оставлено только 1620 чел., причем большинство из них были те, чьи главы семейств не являлись этническими немцами²². В Ростовской области депортации подлежали 21 400 человек²³, однако выселению подверглись 38 288 немцев, расселили которых не только в Казахстане (Южно-Казахстанская, Кзыл-Ординская, Джамбульская области), но и в Сибири (Новосибирская область, Алтайский край)²⁴.

Следующим шагом властей стала депортация немецкого населения из Краснодарского и Орджоникидзевского краев, Тульской области, Кабардино-Балкарской и Северо-Осетинской АССР. 21 сентября 1941 г. Л.П. Берия в докладной записке в ГКО сообщает о принятом органами НКВД СССР решении о переселении 141 240 немцев с указанных территорий в Казахскую ССР²⁵. В этот же день было издано Постановление ГКО²⁶, в котором это решение было не только узаконено, но и содержало в себе подробные инструкции о количестве переселяемых немцев из каждой административно-территориальной единицы. Этой информации в докладной записке не содержалось, что еще раз указывает на то, что проекты переселения немецкого населения детально обсуждались с начала августа. Согласно указанному постановлению, выселению подверглись 34 287 немцев из Краснодарского края, 95 489 – из Орджоникидзевского, 3 208 – из Тульской области, 5 327 – из Кабардино-Балкарской ССР, 2 929 – из Северо-Осетинской АССР. В постановлении детально прописывались не только сроки переселения и количество подлежащих депортации, но и содержались указания по их размещению, количеству личного имущества, разрешаемого взять с собой в дорогу, определялся размер денежных средств, необходимых на переселение, источники их формирования. Большинство

²¹ История российских немцев в документах. Ч.1. М., 1993. С. 161.

²² Сталинские депортации. С. 333.

²³ Постановление ГКО «О переселении немцев из г. Москвы и Московской области и Ростовской области» от 6 сентября 1941 г. // История российских немцев в документах. Ч. 1. М., 1993. С. 161.

²⁴ Сталинские депортации. С. 284.

²⁵ Там же. С. 284.

²⁶ Постановление ГКО «О переселении немцев из Краснодарского, Орджоникидзевского краев, Тульской области, Кабардино-Балкарской и Северо-Осетинской АССР» от 21 сентября 1941 г. // Сталинские депортации. С. 338–339.

переселенцев было отправлено в Казахстан. Тульские немцы были переселены в Карагандинскую область, немецкое население Кабардино-Балкарской и Северо-Осетинской АССР – в Алма-Атинскую, из Орджоникидзевского края депортировали в Северо-Казахстанскую, Карагандинскую, Кустанайскую, Семипалатинскую, Южно-Казахстанскую и Павлодарскую области. И только немцы Краснодарского края наряду с немцами Восточно-Казахстанской, Джамбульской, Карагандинской, Павлодарской и Южно-Казахстанской областей КазССР были отправлены в Новосибирскую область²⁷.

Очередной операцией советского правительства стало выселение немцев из Запорожской, Сталинской и Ворошиловградской областей. Как и в случае с предыдущей депортацией, докладная записка НКВД СССР²⁸ и постановление ГКО²⁹ о переселении немецкого населения с указанных территорий появились в один день – 22 сентября 1941 г. Переселение планировалось провести с 25 сентября по 1 октября 1941 г., что еще раз доказывает заблаговременную продуманность депортационных мероприятий по отношению к немецкому населению страны. Организовать перемещение почти 110 тыс. чел. (депортировать предполагалось из Запорожской области 63 тыс. чел., Сталинской – 41 тыс. чел., Ворошиловградской – 5 487 чел.³⁰) без продолжительной подготовки было невозможно даже в условиях военного времени. Переселить немцев планировалось в Казахстан, но часть депортируемых из Запорожской области была размещена в Сибири (Новосибирская область). Остальных немцев из указанных в постановлении регионов переместили в казахстанские области – Актюбинскую, Джамбульскую, Карагандинскую, Кызыл-Ординскую, Кустанайскую, Семипалатинскую, Северо-Казахстанскую, Алма-Атинскую, Акмолинскую, Восточно-Казахстанскую, Павлодарскую³¹.

Согласно следующему постановлению ГКО «О переселении немцев из Грузинской, Азербайджанской и Армянской ССР» от 8 октября 1941 г.³², немцев из этих республик также планировалось переместить в Казахскую ССР. Выселению подлежали 23 580 чел. из Грузинской ССР – их разместили в Алма-Атинской, Джамбульской, Южно-Казахстанской, Павлодарской и Семипалатинской областях; 22 741 чел. из Азербайджанской ССР – они были вывезены в Акмолинскую, Кустанайскую, Карагандинскую, Северо-Казахстанскую и Павлодарскую области; 212 чел. из Армянской ССР попали в Павлодарскую область³³. Особенностью этой операции по депортации было то, что началь-

²⁷ Сталинские депортации. С. 285.

²⁸ Там же. С. 348.

²⁹ Постановление ГКО «О переселении немцев из запорожской, Сталинской и Ворошиловской областей» от 22 сент 1941 г. // Сталинские депортации. С. 349–350.

³⁰ Сталинские депортации. С. 349.

³¹ Там же. С. 285.

³² Постановление ГКО «О переселении немцев из Грузинской, Азербайджанской и Армянской ССР» от 8 октября 1941 г. // Сталинские депортации. С. 355.

³³ Сталинские депортации. С. 286, 355.

ный этап пути части немцев предстояло провести не в железнодорожных вагонах, а на водном транспорте – теплоходах, пароходах и даже баржах³⁴, что накладывало ограничения на перевозимое с собой имущество. В частности, к перевозке запрещались такие вещи, как матрасы, кровати, а также бочонки с вином³⁵, которые вывозили с собой депортируемые из Грузии немцы.

По постановлению ГКО «О переселении немцев из Воронежской области»³⁶ от 8 октября 1941 г., было депортировано 5125 немцев. Для размещения была выделена территория Новосибирской области. На территорию Сибири в Омскую область согласно постановлению ГКО от 15 октября 1941 г. были также депортированы 2 544 немца из Горьковской области³⁷.

22 октября 1941 г. появляется очередное постановление ГКО «О переселении немцев из Дагестанской и Чечено-Ингушской АССР»³⁸. Менее чем за неделю, с 25 по 30 октября, 7 306 немцев из этих автономий были депортированы в Акмолинскую область Казахстана. Сюда же были выселены немцы из Калмыцкой АССР. Распоряжение СНК об этом переселении появилось 2 ноября 1941 г.³⁹

Последним актом властей в 1941 г. стала депортация 8 787 немцев из Куйбышевской области, распоряжение о переселении датировалось 21 ноября 1941 г.⁴⁰ Немцы из этой области были также перемещены в Казахстан и расселены на севере республики, в Северо-Казахстанской и Карагандинской областях⁴¹. Последняя депортация, очевидно, была предпринята властями в связи с тем, что именно Куйбышев, расположенный в глубоком тылу, рассматривался ими как дублер столицы и сюда были эвакуированы не только многие министерства и ведомства страны, но и иностранные миссии⁴².

Кроме того, репрессиям были подвергнуты немцы, находившиеся в рядах действующей армии⁴³, которых с сентября 1941 г. по распоряжению Сталина

³⁴ Джафарли М. Депортация немецкого населения из Южного Кавказа в 1941 г. (по документам НКВД Азербайджанской ССР) // Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие: 1941–1955 гг.: материалы 7-й международной научной конференции. Москва, 19–22 октября 2000 г. М., 2001. С. 132.

³⁵ Там же. С. 134.

³⁶ Постановление ГКО «О переселении немцев из Воронежской области» от 8 октября 1941 г. // История российских немцев в документах. Ч. 1. М., 1993. С. 166.

³⁷ Сталинские депортации. С. 286, 357–358.

³⁸ Постановление ГКО «О переселении немцев из Дагестанской и Чечено-Ингушской АССР» от 22 октября 1941 г. // Сталинские депортации. С. 358–359.

³⁹ Распоряжение СНК «О переселении немцев из Калмыцкой АССР» от 2 ноября 1941 г. // Сталинские депортации. С. 360–361.

⁴⁰ Распоряжение СНК «О переселении немцев из Кошкинского района Куйбышевской области в Казахскую ССР» от 21 ноября 1941 г. // Сталинские депортации. С. 365.

⁴¹ Сталинские депортации. С. 286.

⁴² Там же. С. 365.

⁴³ Малова Н. Депортация и «Трудармия» в судьбах поволжских немцев (по материалам историко-этнографических экспедиций в Поволжье 1995–1998 гг.) // Немцы

из нее «изъяли»⁴⁴. Демобилизация лиц немецкой национальности с фронта продолжалась в течение 1942–1945 гг. Всего было «изъято» из ее рядов 33 516 человек, в том числе 1 609 офицеров, 4 292 сержанта, 27 724 рядовых. Большая часть из них была направлена в рабочие колонны НКВД⁴⁵.

Таким образом, Государственный Комитет обороны в августе–ноябре 1941 г. издал ряд секретных постановлений о переселении немецкого населения практически из всех регионов Центральной России. Выселение было произведено из пригородов Ленинграда и Москвы, Московской, Ростовской, Тульской, Запорожской, Сталинской, Ворошиловской, Воронежской областей, Краснодарского и Орджоникидзевского краев, Кабардино-Балкарской, Северо-Осетинской, Дагестанской, Чечено-Ингушской АССР, Грузинской, Армянской, Азербайджанской ССР⁴⁶. Большинство из депортированных немцев было перемещено на территорию Казахской ССР.

В сентябре – декабре 1941 г. было переселено 799 459 российских немцев (по состоянию на 25 декабря 1941 г.⁴⁷), что при их численности в СССР на 17 января 1939 в 1 427 232 чел. составляло более 56% от общего количества. Из них в Казахстан было направлено более 420 тысяч человек⁴⁸. Размещение депортированного немецкого населения производилось в 12 из 14 имеющих в республике областей. В 1941–1942 гг. на территории Акмолинской области было расселено 78 330 немцев, Северо-Казахстанской – 62 542, Кустанайской – 58 380, Павлодарской – 53 135, Семипалатинской – 45 767, Восточно-Казахстанской – 29 269, Южно-Казахстанской – 24 378, Карагандинской – 20 043, Актюбинской – 11 606, Джамбульской – 10 575, Алма-Атинской – 9 099, Кызыл-Ординской – 4 807. Всего на территории республики был размещен 407 931 представитель немецкого этноса. Разница в количестве выселенных и расселенных объясняется несовершенством учета депортируемых, потерями в пути следования из-за болезней и бомбежек фашистской авиацией, а также побегами депортантов⁴⁹. Не размещали немцев только в Гурьевской и

СССР в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие: 1941–1955 гг.: материалы 7-й международной научной конференции. Москва, 19–22 октября 2000 г. М., 2001. С. 178–186.

⁴⁴ Директива Народного Комиссара Обороны СССР И. Сталина от 8 сентября 1941 г. // Герман А. А. и др. История немцев России: хрестоматия. М., 2005. С. 253.

⁴⁵ Бугай Н.Ф. 40-е годы: «Автономия немцев ликвидировать...» // История СССР. 1991. № 12. С. 174.

⁴⁶ История российских немцев в документах. Ч.1. М., 1993. С. 160–168.

⁴⁷ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 83. Л. 45–48.

⁴⁸ Алдажуманов К.С. Депортация народов – преступление тоталитарного режима // Депортация народов и проблема прав человека: материалы семинара. Алматы, 12 июня 1997 г. Алматы, 1997. С. 13.

⁴⁹ Ремпель П.Б. Депортация немцев из Европейской части СССР и трудармия по «совершенно секретным» документам НКВД СССР 1941–1944 гг. // Российские немцы. Проблемы истории, языка и современного положения: материалы международной научной конференции. Анапа, 20–25 сентября 1995 г. М., 1996. С. 74.

Западно-Казахстанской областях, так как эти районы располагались достаточно близко к местам их прежнего проживания и к зоне ведения боевых действий⁵⁰. Позднее, с мобилизацией немецкого населения в рабочие колонны, немцы были направлены и в эти области Казахстана⁵¹.

Выселение немцев из мест их постоянного проживания, в том числе и на территорию Казахстана, продолжалось в течение всего военного времени, но эти депортации уже не были такими масштабными. Так, в марте 1942 г. было депортировано немецкое население из Харьковской, Крымской, Днепропетровской, Одесской, Калининской обл.⁵², однако сведений о том, что они были размещены на территории Казахстана, нет. 29 мая 1942 г. постановлением ГКО в дополнение к уже произведенным депортациям с территорий Краснодарского края и Ростовской области были выселены «социально-опасные лица»⁵³, а также лица немецкой и румынской национальностей⁵⁴.

По мере освобождения оккупированной фашистами территории выселение немцев продолжилось. В 1944–1945 гг. с территорий Украины, Белоруссии, Литвы, Латвии, Эстонии выселялись проживавшие там с довоенных времен немцы. Местом поселения для них определили Сибирь и Казахстан. Так, в Казахстан, согласно постановлению ГКО «О трудовом использовании интернированных немцев» от 29 декабря 1944 г.⁵⁵, были отправлены 2 тыс. человек для работы на предприятиях Наркомцветмета. В результате к концу 1945 г. в республике было размещено еще около 9 тысяч немецких семей⁵⁶. Однако для большинства интернированных немцев местом жительства был выбран Донбасс и смежные области Южной Украины⁵⁷.

Таким образом, за все годы войны на территорию Казахстана было переселено 444 005 немцев, из них лишь чуть больше половины взрослых – 288 933 человека⁵⁸, что составляло 65,07%. Остальными переселенцами были дети,

⁵⁰ Алдажуманов К.С. Расселение депортированных немцев в Казахстане в 1941–1945 гг. // История немцев Центральной Азии: материалы международной научной конференции. Алматы, 9–10 октября 1997 г. Алматы, 1998. С. 116.

⁵¹ Кыдыралына Ж.У. Спецпереселенцы и трудармейцы в Западном Казахстане (1937–1957 гг.): дисс... канд. ист.наук. Алматы, 2000. С. 31–32.

⁵² Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». М., 1995. С. 45.

⁵³ 24 мая 1922 г. был принят первый Уголовный кодекс РСФСР, согласно которому допускалось применение репрессий не за какое-либо конкретное деяние, а на основании признания судом лица социально опасным. Таким образом, узаконивался произвол, позволявший осуждать человека без каких-либо доказательств.

⁵⁴ Постановление ГКО от 29 мая 1942 г. // История российских немцев в документах. Ч. 1. М., 1993. С. 171.

⁵⁵ Постановление ГКО «О трудовом использовании интернированных немцев» от 29 декабря 1944 г. // Сталинские депортации. С. 590.

⁵⁶ ЦГА РК. Ф. 1987. Оп. 1, Д. 6. Л. 5.

⁵⁷ Сталинские депортации. С. 288.

⁵⁸ Бугай Н.Ф. Депортация этнических общностей: проблемы реабилитации в России и Казахстане // Россия и Казахстан: проблемы истории (XX – начало XXI вв.). М., 2006. С. 185.

депортированные вместе с родителями, наказанные лишениями и тяготами жизни в условиях спецпоселения лишь за свою национальную принадлежность. Необходимо отметить и то обстоятельство, что точный подсчет реально проживавших немцев на территории Казахстана в годы войны объективно затруднен тем, что в 1942–1943 гг. мобилизованные в рабочие колонны немцы зачастую не оставались в республике, а вывозились в другие регионы (Урал, Сибирь)⁵⁹ для работы в оборонной промышленности. Так, в указанные выше годы в Казахской ССР мобилизовали в трудовую армию 103 733 немца, из которых 92 438 человек были отправлены за пределы республики⁶⁰.

По отношению к немецкому населению страны был применен весь спектр оснований для депортаций – они выселялись и как классово чуждые элементы, и как этнический конгломерат, одновременно представляющий потенциальную угрозу сотрудничества с фашистскими завоевателями и наказанный за мнимое или реальное осуществление этого взаимодействия. Но на территорию Казахстана попали только две категории депортированных немцев – выселенные по классовому основанию в процессе раскулачивания и перемещенные превентивно, из-за «синдрома пятой колонны» в СССР накануне и во время Второй мировой войны.

Жесткие условия, в которых проходила депортация, невозможность хозяйственного обустройства на местах вселения, голод, унижения, нравственные страдания – все это пришлось перенести народу, наказанному за свою этническую принадлежность.

Каждый народ, обладая своей спецификой, связанной с демографическими, социально-профессиональными, хозяйственными, культурными особенностями, в равной мере должен рассчитывать на помощь и поддержку в совершенствовании основ своей жизни в условиях проживания в многонациональном государстве. В целях консолидации этносов и укрепления основ духовного взаимопонимания необходимо исследовать роль и участие каждого народа в развитии различных сторон жизнедеятельности государства на разных этапах его исторического развития. Недооценка значимости этнического фактора ведет к накоплению конфликтного потенциала, который может не только дестабилизировать социальную жизнь государства, но и привести к разрушению его целостности.

⁵⁹ Штутьберг А. Приоритеты преисподней // Феникс. 2000. № 2 (30). С. 226–227.

⁶⁰ Есимова А.Б. Демографические процессы в Казахстане в годы Великой Отечественной войны: политические, социально-экономические и культурные аспекты: дисс... канд. ист. наук. М., 1999. С. 50.

История депортации немцев по документам Государственного архива Кустанайской области

28 августа 1941 года стал особым днем в судьбе целого народа. Тысячи семей не по своей воле спешным порядком покидали обжитые места и отправлялись туда, где их не ждали. Кустанайская область – одна из тех, которая обязана была принять переселенцев.

5 сентября 1941 года состоялось совместное заседание Кустанайского облисполкома и бюро обкома КП(б)К, на котором было принято постановление №37 «О хозяйственном устройстве переселенцев-немцев»¹. Первым пунктом был утвержден окончательный план размещения переселенцев-немцев в количестве 20 000 человек (или ориентировочно 5 000 хозяйств), которые предполагалось разместить в 1258 готовых и строящихся за счет переселенческого отдела домах и 3742 хозяйств – за счет нового строительства силами переселенцев и уплотнения населения. Помимо этого считалось возможным в совхозы области разместить 4 000 человек или 1000 хозяйств.

Расселение переселенцев в Кустанайской области предполагалось проводить как путем вселения целых колхозов в существующие, так и расселения переселяемого колхоза на новом месте. В функции переселенческого управления вменялось обеспечение точного учета и регистрации прибывающих переселенцев и имеющихся у них обменных документов на хлеб, скот, овощи и картофель, а уполномоченный Народного Комиссариата Заготовок КазССР по Кустанайской области в срочном порядке должен был приступить к подготовке по выдаче переселенцам скота, зерна, фуража и картофеля взамен сданного ими по месту прежнего жительства. Райисполкомы и райкомы партии должны были в двухдневный срок установить колхозы, куда вселялись переселенцы, выяснить в каждом колхозе наличие жилых помещений для расселения переселяемых, выделить группу ответработников для приема, разгрузки и отправки переселенцев до места назначения, провести разъяснительную работу среди колхозников, и обеспечить перевозку переселенцев транспортом тех колхозов, куда намечалось вселение. Райисполкомам совместно с переселенческими отделами необходимо было к 15 сентября подготовить помещения для временного размещения переселенцев до отправки их на места вселения. Облторг и облпотребсоюз должны были организовать питание переселенцев на станциях разгрузки. Руководство по переселению было возложено на облуправление НКВД с правом привлечения к работе по переселению переселенческий отдел, облземотдел, трест совхозов и их органы на местах. Ответственность за размещение и хозяйственное устройство

¹ Ф. Р-101. Оп. 1. Д. 54. Л. 20–22.

прибывающих переселенцев-немцев возлагалась персонально на председателей райисполкомов и первых секретарей райкомов партии.

Хотя постановлением от 5 сентября 1941 года был установлен двухдневный срок предоставления информации от колхозов список колхозов с указанием количества предполагаемых вместить хозяйств колхозников, прибываемых из других областей секретарь Тарановского райкома КП(б)К направил в отдел кадров Кустанайского областного комитета КП(б)К 2 сентября 1941 года. По представляемой информации на территории Тарановского района можно было расселить 2800 хозяйств². Несмотря на несовпадение дат приведенных документов можно предполагать, что в письме речь шла о немцах-спецпереселенцах, т. к. по установленному постановлением Совета Народных Комиссаров СССР и ЦК ВКП(б) № 572 от 21 апреля 1940 года плану переселения в восточные районы из малоземельных районов СССР в 1941 году в Кустанайскую область предполагалось переселить всего 5 тыс. хозяйств³ и вряд ли большую часть из них стали бы размещать на территории одного района.

8 сентября 1941 года председателям колхозов Тарановского района направлены письма за подписями председателя райисполкома, секретаря райкома партии и начальника районного отдела НКВД о необходимости под личную ответственность председателей колхозов до 12 сентября (хотя в постановлении указана дата 15 сентября) подготовить все свободные дома, предназначенные для переселенцев. В случае не обеспечения свободными жилыми домами размещать переселенцев придется за счет уплотнения жилплощади колхозников. Колхозы также должны предоставить подводы для перевозки переселенцев со станции Тобол в расселяемые колхозы⁴. По всей вероятности аналогичные письма председателям колхозов рассылались партийными и советскими руководителями всех районов Кустанайской области.

Первые эшелоны с немцами, отправленные из АССР Немцев Поволжья 5 сентября 1941 года прибыли в город Кустанай 9 сентября⁵. В Государственном архиве Кустанайской области имеются вторые экземпляры списков переселенцев-немцев прибывших в Кустанайскую область в 1941 году⁶. Первые экземпляры списков были направлены в учетно-статистический отдел переселенческого управления при СНК СССР. Только по этим документам можно установить, что депортированные из АССР Немцев Поволжья были расселены в колхозах и совхозах Пресногорьковского, Мендыгаринского, Джетыгаринского, Убаганского, Затобольского, Кустанайского, Пешковского, Урицкого, Федоровского, Орджоникидзевого, Тарановского районов. В Карабалыкском районе расселены немцы, прибывшие из Запорожья, в Кара-

² Ф. Р-351-П. Оп. 1. Д. 87. Л. 105.

³ Ф. Р-268. Оп. 11. Д. 15. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 108.

⁵ Там же. Оп. 1. Д. 402. Л. 36.

⁶ Там же. Д. 401–404.

суском – из АССР Немцев Поволжья и Запорожья. По Семиозерному району списки депортированных отсутствуют полностью. В списках указаны фамилия, имя, отчество, отношение к главе семьи, место рождения, специальность, национальность, место работы и специальность до выселения.

Сразу же по прибытии депортированных немцев в места проживания они должны были приступить к работе в колхозах по месту вселения. В ведомости распределения дохода урожая по колхозу им. Шмидта Тельмановского сельского Совета Федоровского района за 1941 год имеется начисление по трудодням членам колхоза по графам: пшеница, сено, солома, картофель, деньги. Следует отметить, что колхоз был немецким. Помимо членов колхоза начисления за выработанные трудодни произведены 24 немцам переселенцам. В документе имеется список из фамилий переселенцев с указанием количества выработанных трудодней (от 1 до 94) и информация о том, что немцам-спецпереселенцам, эвакуированным и полякам начисление трудодней произведено из расчета по 3 рубля за трудодень без натуральных распределений⁷.

6 февраля 1942 года на заседании Кустанайского облисполкома утвержден представленный эвакуотделом план строительства и ремонта жилых домов для переселенцев немцев в сумме 22 488 000 рублей⁸. Согласно прилагаемой смете этой суммы должно было хватить на строительство 11 244 домов для проживания в них 56 220 прибывших на территорию Кустанайской области немцев спецпереселенцев⁹.

Эта информация приведена в протоколе заседания исполнительного комитета Кустанайского облисполкома № 5 от 6 февраля 1942 года. С момента подготовки к приему и прибытия спецпереселенцев немцев в Кустанайскую область в сентябре 1941 года это первый вопрос, включенный в повестку дня заседания исполнительного комитета Кустанайского областного Совета депутатов трудящихся для рассмотрения в общем порядке. До этого документа все вопросы, касающиеся немцев-спецпереселенцев рассматривались на суженом заседании бюро Кустанайского обкома КП(б)К и Кустанайского облисполкома, в повестке дня заседания облисполкома значились как «особая папка» и формировались в отдельные дела по секретному делопроизводству. По истечении срока ведомственного хранения документы поступали на хранение в Государственный архив Кустанайской области и находились на специальном хранении до их рассекретивания в феврале 1994 года, когда и были переданы из отдела секретных фондов в отдел общего хранения.

В смете на строительство и ремонт жилых домов для переселенцев немцев, прибывших в Кустанайскую область, имеются сведения о количестве

⁷ Ф. Р-398. Оп. 1. Д. 3. Л. 8–11, 17.

⁸ Ф. Р-268. Оп. 1. Д. 445. Л. 185.

⁹ Там же. Л. 196.

прибывших переселенцев и количестве домов, требующихся для их размещения, по районам области¹⁰. Они указаны в таблице 1

Таблица 1.

Распределение немцев-переселенцев по районам Кустанайской области с учётом потребного количества домов

№ п/п	Наименование района	Количество прибывших немцев-переселенцев (чел.)	Потребное количество домов
1	Кустанайский	2470	494
2	Джетыгаринский	1692	338
3	Тарановский	5841	1168
4	Орджоникидзевский	7049	1409
5	Семиозерный	7292	1458
6	Карасуский	3602	722
7	Урицкий	2369	474
8	Убаганский	3897	779
9	Затобольский	2727	546
10	Мендыгаринский	2816	563
11	Узункольский	2869	574
12	Пресногорьковский	1765	353
13	Федоровский	4437	887
14	Пешковский	2886	597
15	Карабалыкский	4408	882
	ВСЕГО	56220	11244

Из этой таблицы видно, что на территории Кустанайской области немцы-спецпереселенцы были расселены только в сельской местности. Наибольшее число немцев-спецпереселенцев было расселено на территории Семиозерного района – 7292 человек (для сравнения по состоянию на 1 января 1940 года в районе проживало 29476 человек¹¹), Орджоникидзевского района – 7049 человек (24 140)¹², Тарановского района – 5841 человек (22 586)¹³.

Несмотря на утвержденный окончательный план размещения переселенцев-немцев в количестве 20 000 человек, за короткий срок на территории Кустанайской области пришлось разместить 56 тыс. депортированных. К примеру, по всесоюзной переписи населения 1939 года на территории Кустанайской области проживало 367 891 человек, из них в сельской местности – 319 021

¹⁰ Документ приводится в извлечении.

¹¹ Ф. Р-234. Оп. 14. Д. 4. Л. 62.

¹² Там же. Л. 62.

¹³ Там же. Л. 62.

человек¹⁴. Соответственно, практически каждый седьмой сельчанин Кустанайской области был немцем-переселенцем. В 11 декабря 1942 года на очередном заседании Кустанайского облисполкома было принято решение о строительстве всего 300 новых домов, из них 150 домов (требовалось – 11244) предназначались для немцев спецпереселенцев на сумму 525000 рублей, 100 домов – для эвакуированных, 50 домов на индивидуальное строительство для эвакуанселения и немцев-спецпереселенцев по линии комбанка¹⁵.

Следует отметить, что и до депортации немцев в 1941 году на территории Кустанайской области проживало достаточно большое количество населения немецкой национальности. Точные цифры из-за отсутствия в документах переписи населения Кустанайской области 1939 года сведений о национальном составе населения привести невозможно. Однако некоторые выводы можно сделать, проанализировав проект постановления Кустанайского облисполкома «О реорганизации национальных школ по Кустанайской области». В этом документе сказано, что в соответствии степени овладения русским и казахским языками и, согласно желанию учащихся и их родителей, все существующие в области корейские, немецкие и татарские школы с 1 сентября 1938 года следует перевести на преподавание казахского и русского языка, реорганизовав в советские школы обычного типа. Реорганизации подлежали по Федоровскому району Александропольская и Давыдовская начальные немецкие и Тельмановская немецкая неполная средняя школы, по Семиозерному району – Семиозерная татарская начальная школа, по Орджоникидзевскому району – Бессарабская, Чебеновская начальные немецкие и Шункуркольская немецкая неполная средняя школы, по Джетыгаринскому району – Тургеновская начальная немецкая школа, по Мендыгаринскому району – Нейс-Веркская¹⁶ начальная немецкая и Надеждинская немецкая средняя школы, по Затобольскому району – Семеновская начальная немецкая школа, по Кустанайскому району – Шишкинская начальная немецкая и Озерная немецкая неполная средняя школы, учащихся Рязановской корейской школы с 1 сентября 1938 года следовало перевести в школу при корейских колхозах «Самир» и «Землероб», по Тарановскому району – Викентьевская, Смайлловская, Придорожная, Мариновская начальные немецкие и Нелюбинская немецкая неполная средняя школы¹⁷. Эта информация из документа преднамеренно приведена практически в полном объеме для возможности проведения сравнительного анализа.

В результате по Кустанайской области в добровольно-принудительном порядке было реорганизовано 12 начальных, 4 неполных средних и одна средняя немецкие школы, 1 татарская и 1 корейская начальные школы. В качестве

¹⁴ Там же. Д. 6. Л. 22.

¹⁵ Ф. Р-268. Оп. 1. Д. 448. Л. 435.

¹⁶ Так в документе.

¹⁷ Ф. Р-250. Оп. 1. Д. 91. Л. 29–30.

дополнительной информации следует привести не менее значимую часть документа, в которой говорится, что в школах, расположенных в сельской местности с преобладанием немецкого населения, вводилось преподавание родного языка как предмет, а учителей корейцев, немцев и татар, владеющих русским или казахским языками, могущих преподавать на этих языках в школах, предлагалось направить преподавателями реорганизуемых и в другие школы области, а недостаточно знающих русский и казахский языки предполагалось использовать в качестве политпросветработников и культармейцев.

Судя по приведенному выше документу в Тарановском районе численность немецкого населения была значительной. Об этом свидетельствует наличие пяти немецких школ. Немецкое население проживало довольно компактно, пытаясь сохранить свою культуру, язык, обычаи. Удивительным фактом оказалось существование в районе трех колхозов с немецкими названиями, образованных в 1930 году. Если в Затобольском районе колхоз «Морген Штерн» был «незаметно» переименован в колхоз им. Крупской в 1939 году¹⁸ (это видно по косвенным данным, документы подтверждающие факт переименования обнаружить не удалось), то в Тарановском районе это произошло значительно позже. Решением Кустанайского облисполкома № 40 от 24 января 1947 года колхозы «Нейс Фельд», «Роте Фане» и «Роте Фельд»¹⁹ были переименованы соответственно в колхозы «Дружный труд», «Красное Знамя» и «Знамя Советов»²⁰.

Репрессивные меры по национальному признаку для лиц немецкой национальности в 1941 году не отменяли политических репрессий. Одним из дел, рассмотренных судебной коллегией по уголовным делам Кустанайского областного суда, было дело по обвинению Домме Петра Карповича, 1906 года рождения, немца-спецпереселенца, уроженца Черкасского района Орджоникидзевского края. В приговоре от 6 июля 1942 года говорится, что «обвиняемый Доме, будучи недовольный переселением и антисоветски настроенный систематически проводил контрреволюционную, пораженческую агитацию среди населения, открыто высказывал недовольство политикой партии, всемерно восхвалял фашистскую армию, фашистский строй и людоеда Гитлера, ожидал скорого его прихода, уклонялся от призыва в трудовую армию». За указанные деяния Домме П.К. на основании ст. 58-10 ч.II приговорен к высшей мере уголовного наказания – расстрел и ст. 59-6 УК – к лишению свободы сроком на 6 лет с поражением в избирательных правах на 3 года, а на основании ст. 49 УК основная мера наказания определена по ст. 58-10 ч.II – расстрел²¹.

К расстрелу по ст. 58-10 ч.II 22 июня 1942 года были приговорены Альберт Семенович Крауз (так в документе) и Эммануил Васильевич Тидэ, так как

¹⁸ Ф. Р-203. Оп. 2. Д. 1. Л. 223, 230.

¹⁹ Так в документах.

²⁰ Ф. Р-268. Оп. 1. Д. 823. Л. 130.

²¹ Ф. Р-125. Оп. 5. Д. 239. Л. 9.

«состояли в раскрытой органами НКВД в 1941 году контрреволюционной немецкой группе и, имея с участниками этой группы тесную связь, вели активную антисоветскую агитацию (обвиняемый Крауз – сын крупного раскулаченного и репрессированного в 1929 году кулака и осужденного за контрреволюционное преступление в 1935 году)»²², Беккер Эдуард Францевич²³, Сартисон Вильгельм Кондратьевич и Шиллер Роберт Ефремович²⁴, Фелькер Яков Петрович²⁵ и многие другие. Гораздо реже по той же статье в документах встречаются приговоры о лишении свободы сроком на 10 лет с поражением в избирательных правах на 5 лет и конфискацией имущества. 10 лет лишения свободы «за распространение контрреволюционных пораженческих разговоров и провокационные измышления о якобы гуманном отношении немецко-фашистской армии к пленным красноармейцам и к гражданам СССР, оставшимся на территории временно оккупированной войсками фашистской Германии» получил Штанг Иван Егорович²⁶, 8 лет – Флерт Адалина Эдуардовна²⁷.

Следующий документ адресован председателям колхозов и сельских Советов, с получением которого требовалось немедленно оповестить под расписку по прилагаемым спискам женщин немецкой национальности о явке их 7 марта 1943 года в 10 часов утра для отправки в рабочие колонны. Вызываемые должны обязательно иметь при себе исправную теплую обувь и одежду, белье и полотенце со сменой, постельную принадлежность, кружку, ложку и запас продуктов на 10 суток. Кроме того, следовало иметь паспорта и справки о зачислении в рабочую колонну, выданные Федоровским райвоенкоматом. За явку мобилизованных в рабочие колонны отвечали лично председатели колхозов и сельских Советов²⁸. В Федоровском районе было образовано 5 пунктов для проведения комиссии по определению трудоспособности ибору немцев мужчин и женщин для физических работ. Комиссия работала в этих пунктах с 1 по 6 ноября по 1942 года по графику²⁹. В ходе работы комиссии составлялся список немцев – специалистов (трактористов и др.), в которых нуждались колхозы, а вместо них предлагалась замена³⁰. Поскольку вопросы призыва в трудовую армию или рабочие колонны решались по линии военкоматов, в Государственном архиве Кустанайской области факт призыва в трудовую армию подтверждается по косвенным данным. Таковыми являются отметки об отсутствии членов семей в по хозяйственных книгах сельских Советов с пометой «трудоармия».

²² Там же. Д. 248. Л. 13.

²³ Там же. Д. 247. Л. 19.

²⁴ Там же. Д. 252. Л. 16.

²⁵ Там же. Д. 254. Л. 14.

²⁶ Там же. Д. 255. Л. 9.

²⁷ Там же. Д. 252. Л. 16.

²⁸ Ф. Р-407. Оп. 1. Д. 84. Л. 129.

²⁹ Там же. Л. 80.

³⁰ Там же. Л. 42.

В соответствии с постановлением ГКО № 2383-сс от 17 октября 1942 года о мобилизации немцев в рабочие колонны и об устройстве детей мобилизованных, остающихся без родителей, суженный состав Кустанайского облисполкома 28 октября 1942 года совершенно секретно принял решение, которым на местные исполкомы городских и районных советов возлагалось определение остающихся без родителей детей мобилизованных в трудовые колонны немцев ближайшим родственникам или немецким колхозам, которым передавалось на хранение и имущество мобилизованных³¹. Однако, в силу ряда причин основная часть детей попадала в детские дома области. К примеру, приказом по Мендыгаринскому детскому дому № 51 от 7 октября 1944 года считались принятыми в число воспитанников детского дома 34 ребенка, направленных из Кустанайского детского приемника-распределителя, среди которых были Франк М. А. – 12 лет, Квинт Яков – 9 лет, Бидорф А. И. – 9 лет, Ф. – 9 лет и т. д.³²

В этот же детский дом в соответствии с приказом № 14 от 30 мая 1944 года с 19 мая был принят воспитанник Ценнер Эрнст³³, который через год считался выбывшим из числа воспитанников к матери. В приказе указано, что его «получила лично мать Ценнер Лидия Ивановна»³⁴.

В сентябре 1941 года спецпереселенцы были расселены в 15 из 17 районов Кустанайской области. Части из них в 1943 году пришлось пережить повторное переселение. На заседании Кустанайского облисполкома 11 марта 1943 года принято решение о переселении из Пешковского района в Амангельдинский район – 100 хозяйств, из Урицкого района в Тургайский – 50 хозяйств немцев-спецпереселенцев с целью обеспечения рабочей силой колхозы наиболее удаленных от областного центра районов Кустанайской области³⁵. Семьи, переселяемые из Пешковского района следовали по железной дороге до станции Семиозерка, а оттуда добирались в Амангельдинский район на колхозном гужевом транспорте. Из Урицкого района переселенцам следовало добираться на колхозном гужевом транспорте Урицкого района до поселка Семиозерно, а дальше – на гужевом транспорте колхозов Тургайского района. Председатели райисполкомов обязаны были обеспечить своевременную переброску семей спецпереселенцев и завершить ее к 25 марта 1943 года, до начала весенней распутицы.

Под грифом «совершенно секретно» в особой папке находилось решение Кустанайского облисполкома № 10 от 7 сентября 1943 года «О мерах по обеспечению безопасности центрального склада 2021 Военно-морского

³¹ Ф. Р-268. Оп.11. д. 33. Л. 40.

³² Ф. Р-1526. Оп. 1-л. Д. 176. Л. 24 (об.)–25.

³³ Там же. Л. 15 (об.)

³⁴ Там же. Л. 33 (об.)

³⁵ Ф. Р-268. Оп. 1. Д. 519. Л. 283.

флота и строительства № 113 ВМФ»³⁶. В констатирующей части документа отмечено «... в настоящее время в Семиозерном сельском Совете проживают спецпереселенцы³⁷, что не гарантирует центральный склад 2021 ВМФ и строительство № 113 ВМФ, базирующихся на территории Семиозерного сельского Совета, от пожаров, диверсии и возможности разглашения секретности работы объекта». В связи с вышеперечисленным было принято решение разрешить Семиозерному райисполкому произвести до 30 сентября 1943 года выселение 25 семей спецконтингента, по усмотрению НКВД, в более отдаленные от районного центра селения.

В декабре 1945 года, на основании постановления Президиума Верховного Совета СССР от 1 декабря 1945 года, Кустанайский облисполком под грифом «секретно» направил всем райисполкомам разъяснительное письмо с информацией о том, что переселенные в военное время граждане СССР, в перечне которых были и немцы, на общих основаниях вносятся в списки избирателей³⁸. В списки избирателей так же вносились лица, имевшие судимость, или отбывавшие наказание по суду, но без поражения в избирательных правах и не находившиеся в местах заключения, а так же лица, находившиеся под следствием, но не содержащиеся под стражей, если по суду не лишены избирательных прав³⁹. Не имели права участвовать в выборах лица немецкой национальности – бывшие германские подданные, проживающие на территории СССР и не являющиеся советскими гражданами⁴⁰.

В соответствии с постановлением СНК СССР от 5 января 1945 года, по прежнему под грифом «сов. секретно» лично секретарю Кустанайского облисполкома отделом спецпоселений управления НКВД по Кустанайской области 12 ноября 1945 года направлено письмо, которым устанавливался особый режим ограничений в месте проживания и передвижении по Кустанайской области для спецпереселенцев чеченов-ингушей, немцев и репатриантов всех национальностей и немцев, родившихся в Кустанайской области.

Указанные категории лиц, работающие или принимаемые на работу в областные и городские учреждения, обязаны иметь разрешение на проживание в областном центре, которое можно получить при личном обращении в УНКВД. Все передвижения спецпереселенцев в командировки или на постоянную работу из одного района Кустанайской области должны осуществляться только с санкции УНКВД. В случае задержания спецпереселенца с командировочным удостоверением без санкции органов НКВД, он подлежал привлечению к уголовной ответственности за побег по ст. 82 УК РСФСР, а

³⁶ Там же. Оп. 11. Д. 42. Л. 44.

³⁷ Речь идет о немцах.

³⁸ Ф. Р-268. Оп. 11. Д. 66. Л. 19.

³⁹ Там же. Л. 21.

⁴⁰ Там же. Л. 20.

лицо, выдавшее командировочное удостоверение, понесет уголовную ответственность за содействие в побеге⁴¹.

Последующее десятилетие тема немцев – спецпереселенцев в документах Государственного архива Кустанайской области практически не прослеживается.

В Государственном архиве Кустанайской области информация о немцах – спецпереселенцах имеется в официальных документах – это организационно-распорядительная документация, переписка, похозяйственные книги. Особенного внимания заслуживают списки спецпереселенцев, документы по личному составу. Отсутствуют документы личного происхождения и воспоминания. Вся приведенная информация содержится в документах, находящихся на общем хранении и доступна для изучения и дальнейшего использования.

⁴¹ Там же. Л. 17.

Мобилизация немецких спецпереселенцев в трудовые колонны в Тарановском районе Кустанайской области (1942–1943 гг.) и материальное положение депортированных немцев в Кустанайской области

Документы Лисаковского регионального государственного архива позволяют частично восстановить хронологию мобилизации немецкого населения в трудовые колонны в пределах Тарановского района Кустанайской области.

Кроме того, обзор архивных материалов дает представление о материальном положении депортированных немцев и общественно-политической обстановке в Кустанайской области в 1941–1943 гг. Воспоминания из рукописного фонда Денисовского историко-краеведческого музея дополняют архивные материалы, помогают преодолеть обезличивание в оценке исторического события.

В качестве архивных источников для изучения истории депортации в Тарановском районе были рассмотрены:

- переписка исполкома Викторовского сельского Совета депутатов трудящихся¹ с Тарановским райисполкомом (28 мая – 10 декабря 1941 г.), с учреждениями, организациями по административно-хозяйственным вопросам (28 августа – 30 октября 1942 г.);
- заявления и жалобы жителей Тарановского района с райисполком (13 января – 8 ноября 1942 г.);
- переписка Тарановского районного Совета народных депутатов с Кустанайским облизполкомом (18 января – 11 декабря 1942 г.) и Кустанайским объединенным райвоенкоматом (17 января – 25 июня 1942 гг.);
- похозяйственные книги Аманкарагайского, Викторовского, Новоильинского, Придорожного, Наталовского сельсоветов.

По состоянию на 10 декабря 1941 года в Кустанайскую область фактически прибыло 39 452 переселенцев-немцев, при плане 70 000. В Тарановский район прибыли 4 831 человек².

¹ Викторовский сельский Совет депутатов трудящихся передан в состав Тарановского района из Семизерного района 23 октября 1936 г. В составе Викторовского сельского Совета поселки: Аятский, Викторовка, Воронежский, Ленинский, Оренбургский, Увальный, Халвай, станции: Воронежская, Увальная. // Справочник административно-территориального деления Костанайской области (29 июля 1936 г. – 1 января 2001 г.). Костанай, 2004. С. 435.

² План распределения переселенцев-немцев и эвакуированного населения по Кустанайской области, по состоянию на 10 декабря 1941 г. Государственный архив Кустанайской области (далее – ГАКО). Ф. 72-П. Оп. 6 Д. 157. Л. 10. Подлинник. Костанайская область: страницы истории. 1936–2006 гг. Сборник документов. Под ред. С.А. Медведева, Костанай, 2006.

10 января 1942 г. принимается постановление Государственного комитета Обороны ГКО – 1123ее «О порядке использования немцев-переселенцев призывного возраста от 17 до 50 лет»³.

Судя по записям в похозяйственных книгах, массовая мобилизация мужчин-немцев в Тарановском районе начинается в январе, феврале 1942 года.

В переписке Тарановского райисполкома один из документов сообщает о том, что в некоторых колхозах мобилизация проходит с ущербом для работы, в частности, в докладной исполкома Наталовского сельского Совета от 17 января 1942 года сообщается, что «обмолот хлеба проходит слабо, особенно в колхозе Калинина, как только немцев отправили в Кустанай, то сразу молотба приостановилась»⁴.

Массовая мобилизация немцев в Тарановском районе активно проводится в течение всего 1942 года. Хронология событий может быть восстановлена по архивным документам следующим образом.

Телефонограмма председателю Тарановского исполкома о необходимости всех военнообязанных и невоеннообязанных граждан немецкой и корейской национальности в возрасте от 16 до 50 лет вызвать в райцентр для прохождения медкомиссии 7 марта на предмет «зачисления в трудовые колонны» датирована 4 марта 1942 года⁵.

Уже 29 марта 1942 года, по сообщению и.о. Кустанайского военкома ст. лейтенанта Очеретенко, из Тарановского района в распоряжение Бакадостроя НКВД были мобилизованы немцы в количестве 352 человек, часть из которых не имела при себе ни паспортов, ни военных билетов⁶.

За передвижением немцев тщательно следят. В другом документе, от 28 августа 1942 года, председатель райисполкома сообщает о случаях побега немцев-переселенцев к месту прежнего места жительства, запрещает выдавать местным сельсоветам справки на предмет выезда с места поселения. Обо всех случаях самовольного выезда, говорится в документе, необходимо сообщать в РОМ НКВД (районное отделение милиции), именно РОМ НКВД выдает разрешение на право выезда переселенцам-немцам⁷.

28 октября 1942 года появляются указания председателю Викторовского сельского Совета Заике П.Е. собрать немцев Викторовского с/с 30 октября в 9.00 (женщин, родившихся с 1926 по 1897 годы, мужчин с 1927 по 1887 годы) для прохождения комиссии в п. Щербиновке, п. Воронежском, п. Екатеринов-

³ Герман А.А. Поволжские немцы в Сибири в первые месяцы после депортации (сентябрь–декабрь 1941 года). Немцы Сибири: история и культура. Материалы VI Международной научно-практической конференции. Омск, 2–4 июня 2010 г. Омск, 2010. С. 76

⁴ Лисаковский Региональный Государственный Архив (далее – ЛРГА). Ф. 42. Оп. 1. Д. 103. Л. 4.

⁵ ЛРГА Ф. 42. Оп. 1. Д. 104. Л. 277.

⁶ ЛРГА Ф. 42. Оп. 1. Д. 104. Л. 235.

⁷ ЛРГА. Ф. Р-32. Оп. 1. Д. 48. Л. 1.

ке, п. Аятском, 31 октября на ст. Тобол, п. Викторовке⁸. После комиссии, 6 ноября поступает телеграмма с грифом «секретно», где начальник спецчасти исполкома райсовета т. Минькин сообщает, что немцев необходимо будет мобилизовать, время и место отправки не сообщается, но к телеграмме уже прилагаются списки из 13 мужчин⁹. Численность немецких переселенцев держит под контролем районное отделение милиции. Начальник Тарановского РО НКВД лейтенант госбезопасности Самсонов 14 ноября требует представить сведения о количественном составе русских, украинцев, казахов, немцев, поляков в Викторовском сельском совете. Сведения без промедления отправляются, численность немцев Викторовского с/совета на 14 ноября 1942 года составляет 251 человек¹⁰.

16 ноября 1942 года Кустанайский объединенный райвоенкомат отправляет телефонограмму председателю Тарановского исполкома райсовета с просьбой направить в Кустанай мужчин – 200 человек 19 ноября 1942 года, женщин – 325 человек 20 ноября 1942 года. Призываемые должны иметь с собой исправную обувь и одежду, запас продуктов на 10 дней. На каждую команду отдельно мужчин и отдельно женщин приказано выделить начальника команды, снабдить именными списками по форме НР 0402¹¹.

18 ноября 1942 года в Викторовский сельсовет поступает указание явиться немцам 20 ноября 1942 года в 9.00, согласно прилагаемым спискам, в г. Кустанай в распоряжение горвоенкомата по адресу: ул.Тарана 28¹². В прилагаемых списках, кроме 13 мужчин, перечислялись еще 23 женщины из поселков Викторовки, Воронежского, Екатериновки. В числе мобилизованных «мужчин» есть родившиеся в 1927 году, то есть в 1942 году им исполнилось всего 15 лет. Распоряжения о призыве называют «пакетом на немцев» и получают на местах под личную подпись председатели колхозов, далее составляют извещение и списки, где немцы-переселенцы расписываются, что должны прибыть в г. Кустанай «без опоздания»¹³.

Согласно порядку формирования рабочих колонн за оповещение, сбор и доставку мобилизованных личную ответственность несли председатели райсоветов. Выделенные старшие команд из пунктов предварительного сбора доставляли людей в Кустанай и сдавали по спискам представителям райвоенкомата.

По всей видимости, прибывшее количество спецпереселенцев было недостаточным. 20 ноября 1942 года областной военком полковник Ковалев вновь отправляет телефонограмму в Тарановский райсовет с просьбой

⁸ ЛРГА Ф.Р-32 Оп. 1. Д. 48. Л. 99, Л. 110.

⁹ ЛРГА Ф. Р-32. Оп. 1. Д. 48. Л. 145.

¹⁰ ЛРГА Ф.Р-32. Оп. 1. Д. 48. Л. 136.

¹¹ ЛРГА Ф. 42. Оп. 1. Д. 104. Л. 13, 17.

¹² ЛРГА Ф.Р-32. Оп. 1. Д. 48. Л. 129.

¹³ ЛРГА Ф.Р-32. Оп. 1. Д. 48. Л. 150, 151, 149.

усилить отправку немцев-мужчин в Кустанай, прибытием 27 ноября 1942 года¹⁴. Мобилизация продолжается и в январе 1943 года. 11 января 1943 года на Тарановский район для отправки в промышленность было «занаряжено» 100 женщин-немок¹⁵.

Таким образом, по имеющимся архивным документам, по Тарановскому району за 1942–1943 годы число мобилизованных в трудовую армию немецких спецпереселенцев составляет 977 человек, т.е. 20% всех немцев, прибывших в Тарановский район Кустанайской области (4 831 человек) на 10 декабря 1941 года. Из них: 352 – фактически мобилизованы, 625 – были запланированы.

Для уточнения фактического числа мобилизованных немцев из Тарановского района могут быть использованы похозяйственные книги. В похозяйственных книгах сельских Советов можно проследить число трудармейцев-немцев за период с января 1942–43 годы. В графе «причина отсутствия» в книгах напротив фамилии ставили пометку «в РККА» или «труд/арм». Это вносит неточность, известно, что немцы были изъяты из рядов РККА по приказу наркома обороны И.Сталина и направлены в трудовую армию. Например, напротив имен Орта И.И., Фрика Г.Г., Юнга И.И. в похозяйственных книгах стоит пометка «в РККА», но эти фамилии есть в списках, мобилизованных в трудовую армию, присланных райвоенкоматом. Количество мобилизованных «в РККА» и «труд/арм», согласно записям в похозяйственных книгах, по Викторовскому сельскому Совету составляет – 61 человек¹⁶, по Новоильиновскому с/с – 45 человек¹⁷, по Аманкарагайскому с/с – 22 человека¹⁸, по Придорожному с/с – 191 человек¹⁹, по Наталовскому с/с – 84 человека²⁰. К сожалению, похозяйственные книги отсутствуют еще по 10 сельским Советам Тарановского района. Таким образом, пока не представляется возможным уточнить, число фактически мобилизованных немцев в трудовую армию в Тарановском районе. Необходимо учесть, что если третья часть сельских Советов Тарановского района обеспечила 403 мобилизованных, то цифра 977 человек, которая прослеживается в архивных документах, является вполне реальной.

1942–1943 годы стали периодом массовой мобилизации в Кустанайской области взрослого трудоспособного населения в трудовую армию, или, как их в то время называли, «трудовые» или «рабочие колонны».

Документы военного времени пульсируют распоряжениями о мобилизации как военной, так и на трудовые работы различных категорий населения.

¹⁴ ЛРГА Ф. 42. Оп. 1. Д. 104. Л. 4.

¹⁵ ЛРГА Ф. 42. Оп. 1. Д. 104. Л. 47.

¹⁶ ЛРГА Ф. Р-32. Оп. 2. Д. 28. Д. 30. Д. 35. Д. 44, Д. 45. Д. 46. 47. 48.

¹⁷ ЛРГА Ф. Р-28. Оп. 2. Д. 17, 18, 24, 25, 27.

¹⁸ ЛРГА Ф. Р-45. Оп. 2. Д. 1, 2, 5.

¹⁹ ЛРГА Ф. 35. Оп. 2. Д. 22, 25, 28, 30, 32, 35, 36–39, 40, 42.

²⁰ ЛРГА Ф. Р-18. Оп. 2. Д. 11, 14. 16, 17, 19, 25, 27.

Примечательно, что в некоторых приказах о мобилизации, в частности, на работы в шахтах «Карагандауголь», по строительству железной дороги «Гурьев-Астрахань» написано: «не включая немцев» или «мобилизации не подлежат: немцы, корейцы, поляки»²¹. Вероятно, существовал перечень объектов, куда запрещалось отправлять представителей немецкой национальности.

Характеризует ситуацию того времени и секретная телефонограмма от 28 октября 1942 года из райвоенкомата в Тарановский райисполком с текстом: «Мужчин, воюющих с нами стран (румын, венгров, финнов, итальянцев) от 17 до 50 лет направить в распоряжение ОРВК для направления в рабочие колонны от органов НКВД»²².

На трудовой фронт отправлялись представители всех наций и народностей, в первую очередь, немцы. Призывом в трудармию занимались специально созданные мобилизационные отделы исполкомов. Причиной освобождения от трудармии были болезнь, беременность, наличие детей до 3 лет (если за ними некому было ухаживать) и предписание особой отборочной комиссии.

Согласно документам облисполкома, из Кустанайской области трудармейцев направляли в Челябинск, Златоуст, Троицк, Оренбург, Орск, Караганду, Свердловскую и Молотовскую области. Точное количество трудармейцев не установлено. О масштабах можно судить по отдельным цифрам из документов: 30 мая 1942 года в 3-х дневный срок из области в распоряжение «Челябшахтстроя» было направлено 300 человек. Согласно решениям о мобилизации рабочей силы на стройки, шахты и т.д. в трудармию было призвано в 1942 г. – 1030 человек, в 1943 – 1327 человек, в 1944 – 984 человека²³.

К сожалению, трудно установить количество немцев-трудармейцев. Если общее количество призванных в трудармию в 1942–1943 годы в Костанайской области – 2357 человек, то мобилизованные в этот период немецкие переселенцы только одного Тарановского района (977 чел.) составили примерно 41% трудармейцев. Кроме этого, известно, что значительная часть немцев-переселенцев была расселена в г. Кустанае, Семиозерном, Мендыгаринском, Федоровском, Карабалыкском районах Кустанайской области²⁴.

Архивные документы дают возможность рассмотреть, каким было материальное положение прибывших спецпереселенцев в Тарановском районе Кустанайской области.

Один из документов, касающийся обеспечения немцев продовольствием, – указание на основании «инструкции, утвержденной Совнаркомом СССР от 3 августа 1941 года за № 2016-915 переселенцам, переселившимся из Республик

²¹ ЛРГА Ф.Р-32. Оп. 1. Д. 48. Л. 5.

²² ЛРГА Ф. 42. Оп. 1 Д. 104. Л. 120.

²³ Предисловие к перечню документов по теме: «История немцев, проживающих на территории Костанайской области в 1918–2001 годах». Состав. Б.К. Орманова. ГУ «Государственный архив Костанайской области». Костанай, 2008.

²⁴ Там же.

немцев Поволжья, и сдавшим по месту старого жительства зерновые культуры и скот выдавать не более 3-х центнеров зерна на одного члена семьи». Далее председателю Викторовского сельсовета приказано составить списки прибывших немцев²⁵. Затем следует распоряжение председателя исполкома Тарановского райсовета, которое «не подлежит оглашению», составить списки немцев-переселенцев, не способных к физическому труду и оказавшихся в плохом материальном положении²⁶.

26 августа 1942 года председатель Тарановского райисполкома Литвиненко запрашивает сведения у председателя Викторовского сельсовета о том, сколько построено домов для эвакуированных и переселенцев-немцев²⁷.

В деле переписки областных органов власти с районными, можно прочитать письмо заместителя председателя исполкома облсовета Мачнева о том, что «согласно проверки инспекторов на местах установлено, что в ряде районов снабжение продуктами питания работающих немцев-переселенцев неудовлетворительное». Заместитель председателя исполкома облсовета предлагает дать указания колхозам о бесперебойном снабжении немцев-переселенцев, работающих в колхозах продуктами питания: мукой, картофелем, в счет затраченных трудодней. Мачнев пишет о поступивших заявлениях, в которых сообщаются факты отказа в приеме немцев в колхоз. В качестве примера приводится колхоз «Нойес лебен» (Кустанайский район). Заместитель председателя исполкома предлагает дать указание о приеме в колхоз немцев на общих основаниях²⁸. После этого в переписке можно увидеть эти распоряжения, кратко сформулированные, с командой размножить в количестве 45 экземпляров.

Казалось бы, судя по документам, местные власти предпринимают определенные шаги для нормального существования вынужденных переселенцев, однако, в действительности, положение немцев в Тарановском районе оставалось очень тяжелым.

27 декабря 1941 года датировано заявление жителей с. Николаевки Краус Н., Дорш М., Кнауба Г., Миллера Я., Эйхмана А., прибывших 16 декабря 1941 года, которые все сдали «на квитанции, коровы, телята, овцы, свиней, домов и др. и ничего не получили». Бывшие жители с. Франкрейх Палласовского кантона АССР НП «просят райисполком давать нам все до, что мы сдавали»²⁹. 3 марта 1942 года в Тарановский райисполком из Аманкарагайского сельсовета сообщают, что у них числится 8 человек с квитанциями, которые сдали 6 коров, 1 овцу и зерно, до сих пор ничего по квитанциям

²⁵ ЛРГА Ф. Р-32. Оп. 1. Д. 44. Л. 57.

²⁶ ЛРГА. Ф. Р-32. Оп. 1. Д. 44. Л. 65.

²⁷ ЛРГА. Ф. Р-32. Оп. 1. Д. 48. Л. 1.

²⁸ ЛРГА Ф. 42. Оп. 1. Д. 103. Л. 76.

²⁹ ЛРГА Ф. 42. Оп. 1. Д. 107. Л. 31.

не получили³⁰. 26 марта 1942 года Ушсорский сельсовет докладывает, что четыре спецпоселенца имеют квитанцию, по которой можно производить выдачу скота: 4 коровы, а на зерно документа нет³¹.

О бедственном положении немцев порой сообщают их односельчане, например, фельдшер по посевной колхоза Куржункуль Казимир Вицкевич, который просит председателя Тарановского райисполкома Литвиненко повлиять на председателя колхоза, чтобы он обеспечил квартирой, топкой и продуктами питания три семьи немцев, сообщая, что выселенные женщины и дети брошены на произвол судьбы. Двое из них больны: женщина и мальчик³².

Переселенцы из с. Асенкритовки жалуются, что их выгоняют из дома, просят очень высокую плату. От имени всех переселенцев Адам Лампартер просит вызвать комиссию, чтобы разобрались с этим вопросом³³.

От лица жителей п. Викентьевки пишет бывший партийный работник т. Гонфауд, он сообщает председателю Тарановского райсовета о том, что немцы-переселенцы работают наравне с эвакуированными, но «эвакуированные получают по 2 литра хорошего молока, по литру постного масла, а переселенцы этого не получают. Сталин говорил, что у нас нет расовой национальности, но, почему же эвакуированным все дают, а нас не хотят слушать. Эвакуированным ремонтируют квартиры, а переселенцы должны искать ветра в поле»³⁴.

Жительница п. Николаевки Лидия Гиль 7 февраля 1942 года пишет о том, что не знает где ее родные, не имеет зимней одежды и работы³⁵.

Как видно из документов, жалобы немцев проникнуты надеждой, они верят, что с их проблемами разберутся. Необходимо заметить, что, несмотря на трудности, среди многочисленных просьб, заявлений жителей Тарановского района, поступивших в период с 13 января по 8 ноября 1942 года, жалоб от немецких переселенцев всего 5. Гораздо большее количество (10) дело содержит обращений от немецких переселенцев с просьбой найти ближайших родственников. Страх потерять близких, желание восстановить семью волновало переселенцев порой сильнее, чем материальные лишения.

На обращениях переселенцев в основном положительные резолюции местных органов власти.

Несвоевременная помощь от местных районных, сельских органов власти, часто объяснялась напряженной военной обстановкой. Знакомство с документами того времени показывает, что от председателей сельских Советов, колхозов районные и областные исполнительные комитеты, областной военкомат требовали организации различных видов мобилизации, снабжения

³⁰ ЛРГА Ф. 42. Оп. 1 Д. 103. Л. 206.

³¹ ЛРГА Ф. 42. Оп. 1 Д. 103. Л. 207.

³² ЛРГА Ф. 42. Оп. 1. Д. 107. Л. 257.

³³ ЛРГА Ф. 42. Оп. 1. Д. 107. Л. 275.

³⁴ ЛРГА Ф. 42. Оп. 1. Д. 107. Л. 251.

³⁵ ЛРГА Ф. 42. Оп. 1. Д. 107. Л. 49.

фронта продовольствием, подарками для бойцов, лошадьми, подводами, обеспечения эвакуированных и переселенцев жильем и продуктами. Постоянно встречаются требования обеспечить всем необходимым, в первую очередь, семьи красноармейцев. Требования, как правило, подкреплялись словами: «в случае не исполнения руководители будут привлечены к уголовной ответственности по законам военного времени». Именно так читается контекст общественно-политической ситуации, сопровождавший проведение депортации немецкого населения. Такова характеристика положения немецких спецпереселенцев в Тарановском районе в 1941–1943 годы, составленная по материалам Лисаковского регионального государственного архива.

Информацию о положении спецпереселенцев в Денисовском районе Кустанайской области содержат воспоминания местных жителей и самих переселенцев, хранящиеся в Денисовском историко-краеведческом музее (с.Денисовка, Денисовский район). Приведу, практически полностью, воспоминание коренной жительницы с.Денисовки Ж.Б. Кульмухамбетовой. (Год рождения – 1912 г.). «В начале войны в наше село были депортированы немцы. Их привезли на повозках: раздетых, разутых, без запасов продуктов. Казалось, что они приехали в том, в чем находились. В нашу семью, которая состояла из четырех человек, поселили семью Манвайлер. В семье их было семеро детей и мать. Отец был сослан в трудовую армию. Нам местному населению говорили, что они "враги народа". Вначале мы присматривались к ним. Говорили они на немецком языке, объяснялись жестами, русский язык знали плохо. Поразило нас их терпение, их трудолюбие, за что ни брались, все делали аккуратно, не было в них озлобленности. Наша семья отнеслась к ним хорошо. Жили мы небедно, были у нас лошади, коровы, отары овец. Вместе мы пасли, ухаживали за ними. Свекр – Аубакир Кульмухамбетов ценил их за трудолюбие и честность, помогал им едой, одеждой. Что было у нас на дастархане, то было и у них. С семьей Манвайлер, мы стали как родные. Сейчас наши дети, внуки поддерживают друг с другом отношения, хотя семья Манвайлер уехала в Германию»³⁶.

Красноречиво свидетельствуют об истории депортации воспоминания М.Ц. Кесслер, уроженки села Луй, Саратовской области. «В 1941 году наша семья вместе с другими немцами была выслана без предупреждения. Пригнали нас на станцию, погрузили в товарные вагоны, ехали больше недели, не кормили, не было воды. Привезли в п. Окраинку Орджоникидзево-го (Денисовского) района Кустанайской области. Люди умирали с голоду, мать умерла в 1943 году, потом умер брат и две сестры, их заворачивали в тряпки и хоронили. Председатель колхоза – Михайлюк, выделил нам корову, закрепил женщину, которая и отпоила молоком меня. А весной меня

³⁶ Воспоминания жительницы п.Денисовки Ж.Б. Кульмухамбетовой. Рукопись. Фонд ГУ «Денисовский историко-краеведческий музей Управления культуры акимата Кустанайской области».

определили работать в детский сад – присматривать за детьми. Так как я осталась из семьи одна, меня определили на квартиру к семье Баевых. Собирали бурьян для топки, прошлогоднюю пшеницу выкапывали из-под снега. По 3–4 дня вообще ничего не ели, люди умирали, хоронили прямо в снегу зимой, а весной все оттаивало, видели трупы, у которых птицы клевали глаза...

В колхозе работали за "палочки" (трудодни), был маслозавод в Окраинке (заведовала им Молчанова Тамара), готовили молочную продукцию для фронта, помогали немецким семьям сывороткой, в очередь стояли за последом после отела, чтобы сварить и съесть, ели павших животных, шкурки от картошки ... Все жили одинаково плохо, голодали и немцы, и русские, и казахи...

Наша семья принадлежала католической церкви, верим до сих пор, в годы войны и после церквей не было, поэтому молились, собираясь в одном доме, боялись, закрывали окна и двери, но молились, и это помогало выжить в тех нечеловеческих трудностях»³⁷.

В Денисовском музее в качестве одного из немногих музейных предметов, свидетельствующих о депортации 1941 года, хранится сундук, принадлежавший В.И. Шпис. Сундук сопровождал немецкую семью долгие годы, его историю рассказывает дочь В.И. Шпис, Элла Лоренц. «В 1941 году было объявлено в Саратовской области, в Мариентальском районе, в селе Луи, что началась война. Сталин дал команду эвакуировать всех немцев, дал определенное время на сборы (4–5 дней). В течение 4–5 дней надо было приготовить продукты в дорогу. Куда повезут, на чем повезут, никто ничего не знал. Пекли хлеб, готовили мешками крупы, отваривали мясо, заворачивали в тряпки, смоченные соленой водой, готовили пресную воду. Мама испекла столько хлеба, что весь испеченный хлеб поместили в сундук, мешок пшена взяли с собой. Взяли немного вещей, сколько смогли унести, увезти. Подошло время отправки, погрузили на повозки и повезли на станцию, всех людей с мешками, сундуками погрузили в товарный поезд и отправили в неизвестном направлении. В конце октября прибыли в пос. Архангельский, (Денисовский район, Кустанайская область). Пока распределили по квартирам, сундук служил как кладовая, хранили в нем крупы. В 1954 году началась целина, пошел большой урожай хлеба, уже заработали пшеницу, смололи, была мука, хранили в сундуке муку. В 1960-е стали хорошо жить, стали покупать вещи, шкафов еще не было, сундук служил вместо шкафа. В него аккуратно складывались новые вещи, мама его берегла, как свое приданое от родителей»³⁸.

³⁷ Воспоминания М.Ц. Кесслер, уроженки с.Луи Саратовской области. Рукопись. Фонд ГУ «Денисовский историко-краеведческий музей Управления культуры акимата Костанайской области».

³⁸ Воспоминания Э. Лоренц, жительницы п. Денисовки. Рукопись. Фонд ГУ «Денисовский историко-краеведческий музей Управления культуры акимата Костанайской области».

В отличие от архива, где хранятся официальные документы, музеи концентрируют в своих фондах личные предметы переселенцев, отражающие историю семьи или отдельного человека, хранящие отпечаток индивидуальности, эмоционального состояния. В экспозиции Лисаковского музея, посвященной материальной и духовной культуре немцев, тема депортации обозначена несколькими экспонатами. Один из них – чемодан, который передала в музей семья Шульдайс (п. Барсуковка, Тарановский район, Костанайская область) в 2008 году. С этим деревянным, красно-коричневого цвета чемоданом, украшенным рисунком в виде больших ромбов, глава семьи В.К. Шульдайс возвращался из трудармии в 1952 году.

Немецкие спецпереселенцы, попавшие в Кустанайскую область, пережили все трудности, которые выпали на долю депортированных народов на территории огромной страны – СССР. Депортация проходила в условиях военного времени, архивные документы и воспоминания очевидцев свидетельствуют, что материальное положение переселенцев было очень тяжелым, их не принимали в колхозы, они испытывали трудности в обеспечении продуктами питания, жильем, зимней одеждой, семьи переселенцев были разобщены, о судьбах родственников ничего не известно. По законам военного времени местные органы власти в первую очередь решали проблемы обеспечения фронта людскими и материальными ресурсами. В таких условиях огромное значение имели такие нравственные качества, присущие немецкому народу как: трудолюбие, честность, искренняя вера в Бога, которые преодолели навязанный образ «врагов народа» и сформировали позитивное отношение местных жителей к переселенцам. Именно человечность и милосердие жителей области, в дома которых «подселили» немецкие семьи, помогли выжить немцам в это трудное время.

Мобилизованные в трудовые или рабочие колонны немцы составили основную часть трудармейцев Костанайской области, своим трудом, а порой и ценой жизни, обеспечивших победу над общим врагом.

Поиск путей преодоления миграционных настроений немцев Казахстана в 1970-х гг. и его результаты¹

В истории Казахстана миграционным процессам отводится особое место, т. к. именно благодаря им к середине XX в. в Республике сформировался полиэтнический состав населения. Ученые классифицируют миграции как добровольные, вынужденные (эвакуация, бегство) и принудительные. В Казахстане в XIX–XX вв. все виды миграций проявились в четкой форме. Это обусловлено огромной территорией и кочевым образом жизни коренного населения, воспринимавшегося в качестве «отсталого» как администрацией Российской империей, так и советским руководством и стремившихся за счёт данного региона решить многие экономические проблемы страны в целом. В XIX в. добровольная миграция в Казахстан чередовалась с принудительной. В XX в. принудительная миграция поглотила добровольные или планомерно организованные, начавшиеся в середине 1920-х гг. Сложившаяся ситуация явилась закономерным следствием политики модернизации сельского хозяйства страны, стремления задуть неприятие крестьянством, являвшимся значительной частью населения, большевизма, проведения кампании по раскулачиванию, переселения «кулаков» в места, малоприспособленные для проживания². В 1930 г. появляется термин ГУЛАГ (Главное Управление лагерями) в составе ОГПУ. В этом же году на территории Казахстана создаются спецпоселения для переселённых «раскулаченных». Если в 1926 гг. в Казахстане жили от 51 103 до 58 700 немцев (от 0,78% от общего количества граждан до 0,9%), то в 1939 г. – 93 600 (1,5%). Как представляется, этот рост немецкого населения связан с первой волной насильственного переселения, проведенного по социальному признаку³. Именно на 1930-е гг. приходится первая значительная вспышка миграционных настроений среди немецкого населения республики, подавленная органами ОГПУ.

1940–1950-е гг. ознаменовались для российских немцев ужасами и униженностью депортации, жизнью в спецпоселениях, трудовой армии,

¹ Выбор хронологических рамок исследования обусловлен составом сборника «Из истории немцев Казахстана (1921–1975 гг.)», подготовленным Архивом Президента Республики Казахстан. (Алматы – М.: Готика, 1997). В момент работы над ним в полном объеме ещё не был рассекречен весь комплекс документов, хранящихся в АП РК. В настоящее время автор имеет возможность ввести в научный оборот источники, ранее не доступные для исследователей.

² Марданова З. Ж. Миграционные процессы в Казахстане в 20–30-е гг. XX в. и система государственного регулирования // Саясат. 2010. № 9. С. 70–71.

³ Масанов Н.Э., Абылхожин Ж.Б., Ерофеева И.В., Алексеенко А.Н., Баратова Г.С. История Казахстана: народы и культура: Учеб. пособие. Алматы: Дайк-Пресс, 2000. С. 370, 378.

отнятыми гражданскими правами. И только во второй половине 1950-х гг. начался процесс реабилитации⁴. Однако на фоне других народов СССР, братьев по несчастью в лихую годину массовых насильственных переселений, которым уже в конце 1950-х гг. возвратили «малую» Родину⁵, российские немцы оказались обделёнными. Капли справедливости не могли утолить жажду по ней. Без восстановления утраченной автономии процесс реабилитации не воспринимался как завершённый. Руководство СССР не считало возможным исправить ошибки ближайшего прошлого. Его позиция привела к робкому, не оформленному, но очевидному протестному движению, сопровождавшемуся ростом миграционных настроений и требованиями предоставления возможности выезда из страны⁶.

Немецкое население постоянно было в сфере внимания властных структур. За период с 1956 г. по 1975 г., т. е. за 19 лет, в ЦК Компартии Казахстана вопрос о немцах рассматривался 5 раз и 1 раз в Совмине Республики. В интервалах отделы ЦК собирали справки и информации, подписываемые секретарями обкомов. Редакция газеты «Фройндшафт» регулярно отчитывалась перед ЦК Компартии Казахстана о содержании писем граждан немецкой национальности⁷.

Изучение настроений немецкого населения продолжалось и во второй половине 1970-х гг. Сообщая в ЦК Компартии Казахстана об атеистической работе, Кустанайский обком партии в справке от 7 февраля 1977 г. подчёркивал, что в основном она велась среди общин: изучался состав верующих, устанавливались связи с теми организациями, где работают или учатся верующие, изолировались наиболее экстремистски настроенные проповедники. (В связи с потерей немецким населением на значительный период времени гражданских прав священнослужители традиционно оставались наиболее образованной и осведомлённой частью этноса, активно работающих с населением). В качестве положительного примера приводилась деятельность коммунистов предположительно с немецкими фамилиями (учитель колхоза Боровского района Я.Г. Вибе, секретарь парткома Тарановского района

⁴ История Российских немцев в документах (1763–1992 гг.). М., 1993. Поскольку в данном издании опубликованы все основополагающие правовые акты о положении немцев СССР, в дальнейшем в тексте отсылка к нему не делается.

⁵ 9 января 1957 г. Президиум Верховного Совет СССР издал Указ «О восстановлении чечено-ингушской АССР в составе РСФСР» / От депортации к интеграции. Документы и материалы, посвящённые 60-летию депортации чеченцев и ингушей в Казахстан. Алматы: Международный фонд гуманитарной помощи «Нур», 2004. С. 197–198.

⁶ Конкретные факты опубликованы в кн. М. Омарова, А. Какена, сотрудников КГБ в КазССР, «Познание себя: к вопросу о несостоявшейся автономии в Казахстане». Алматы: «Аль-Фараби», 1998. С. 29–34.

⁷ Из истории газеты «Фройндшафт» 1965–1990 гг. Публикация документов Е. М. Грибановой // Феникс. Литературно-художественный и общественно-политический альманах на немецком и русском языках. Июнь 1996. № 14. С. 220–255. Сентябрь 1996. № 15. С. 223–252.

Ф.Я. Беллер, директор школы Н.Я. Фаст). Интересен вывод: «По сравнению с 1975 г. снизилось количество верующих в русской православной церкви, на прежнем уровне осталась численность в сектантских объединениях». Автор справки не разделяет население ни по национальному, ни по конфессиональному признакам. Православие упоминается в тексте один раз в приведённой цитате. Формальный подход авторов справки к порученной им работе даёт исследователю лишь возможность сформулировать дополнительные вопросы: с чем было связана необходимость активизировать атеистическую работу? Не являлось ли это проявлением усиления скрытого контроля лицами, жаждавшими выезда из СССР? 29 апреля 1977 г. ЦК Компартии Казахстана докладывал об идейно-политической и культурно-массовой работе среди немецкого населения Талды-Курганской обл. её обком. Обком сообщал о пропаганде в средствах массовой информации трудовых достижений немцев области, о работе лекториев, о повышении немцами политико-идеологического уровня знаний, о художественной самодеятельности, о создании групп по изучению немецкого языка как родного, о росте числа немцев-коммунистов, о вовлечении их в партийно-советскую номенклатуру должностей, о деятельности библиотек по пропаганде литературы и знаний на немецком языке и т. д. Несмотря на обилие цифр, справка не воспринимается как аналитическая: в ней отсутствует сопоставление данных по другим национальным группам, или хотя бы с русскими и казахами. Отмечаются деятельность в области комиссий при исполкоме городского Совета депутатов трудящихся, направленной на преодоление эмиграционных настроений и комиссии содействия за соблюдением законодательства о религиозных культах. Члены последней посещали моленные дома, вели индивидуальную работу с верующими, которых в области среди немецкого населения насчитали «200 чел., в основном, престарелого возраста»⁸. Более конкретного результата добились пропагандисты из Джамбульской обл.: «167 лекторов и 693 агитатора из числа граждан немецкой национальности специализируются по вопросам атеистической работы. В результате проведённой разъяснительной и воспитательной работы несколько ослаблено эмиграционное настроение среди верующих немецкой национальности. Прекратили свою деятельность общество адвентистов седьмого дня в Курдайском р-не, группа адвентистов-реформистов в Луговском р-не и общество лютеран в г. Каратау». В качестве примера борьбы с эмиграционными настроениями упоминается статья члена Союза журналистов СССР Г. Редеккопа «Потерянные два года», опубликованная в местной газете «Енбек туы». В ней рассказывалось о семье Нойфельд из Джамбульского свеклосовхоза Свердловского р-на. Член этой семьи, Сусанна, переехала к родственникам в Канаду, но через два года вернулась»⁹.

⁸ АП РК. Ф. 708. Оп. 73. Д. 84. Л. 1–12.

⁹ Там же. Оп. 85. Д. 82. Л. 4–5.

28 июня 1977 г. на повестку дня бюро ЦК Компартии Казахстана вынес вопрос «О дальнейшем усилении политико-воспитательной работы среди граждан немецкой национальности». Постановление по нему состояло из двух пунктов, основным из которых являлся второй, утвердивший развернутый план мероприятий. В первую очередь он предполагал «усилить индивидуальную работу, среди лиц, подверженных эмиграционным настроениям», «обратить особое внимание на разоблачение подстрекательской деятельности западногерманских подрывных центров и связанных с ними идеологических органов ФРГ, направленной на разжигание националистических и эмигрантских настроений среди части немецкого населения республики», «принять меры к пресечению противозаконных и антиобщественных действий со стороны отдельных националистически настроенных элементов», пресекать «незаконную, антиобщественную деятельность церковно-сектантского актива, ведущего враждебную пропаганду, разжигающего эмиграционные настроения среди советских немцев», «шире привлекать патриотически настроенную часть служителей культов для противодействия эмиграционно-настроенным верующим». И только в следующем блоке плана шла речь о мерах, направленных на поддержание этнической самоидентификации немцев: об улучшении подготовки учителей для школ, в которых немецкий преподавался как родной язык, снабжении библиотек этих школ литературой на немецком языке, о создании коллективов художественной самодеятельности, улучшении деятельности немецкого эстрадного ансамбля «Фройндшафт», увеличении набора немецкой молодёжи на факультеты артистических специальностей, об улучшении уровня литературы на немецком языке и т. д.¹⁰

15 ноября 1977 г. ЦК Компартии Казахстана рассмотрело работу Карагандинской областной партийной организации по патриотическому и интернациональному воспитанию трудящихся. В справке, на основе которой было принято постановление, сообщалось: «В области, особенно среди лиц немецкой национальности, имеет место стремление к национальной обособленности и замкнутости, нездоровые эмиграционные настроения. Свыше 7 тыс. граждан немецкой национальности подвержено эмиграционным настроениям. Так, в 1975 г. поступило 620 заявлений о выезде за границу. В 1976 г. – 1104, и за 6 месяцев 1977 г. – 776 заявлений»¹¹.

Таким образом, беспокойство власти по поводу настроений немецкого населения, очевидно. Миграция для неё была нежелательна. Во-первых, не исключалось использование информации, принесённой бывшими гражданами страны Советов, при организации идеологических диверсий «отвечавшим стратегическим задачам военной доктрины Северо-Атлантического

¹⁰ Там же. Оп. 71. Д. 59. Л. 25–33. См также: История Российских немцев в документах (1763–1992 гг.). С. 185–190.

¹¹ Там же. Д. 97. Л. 16–18. Д. 99. Л. 42.

союза»¹². Во-вторых, огромной стране всегда нужны были «трудовые ресурсы», их удерживали любой ценой. Поиск решений выхода из ситуации был необходим.

31 мая 1979 г. ЦК КПСС принял постановление «О создании Немецкой автономной области» на территории Казахстана, где проживали 900,2 тыс. граждан немецкой национальности или 6,1% от всего населения. Из них 100 тыс. – в Целиноградской обл., это каждый 9-й её житель. Руководители Республики приступили к реализации постановления, не проведя никакой разъяснительной работы среди населения. 16 и 19 июня на площадь г. Целинограда вышли демонстранты, с лозунгами протеста против такого решения¹³.

Николай Ефимович Морозов, секретарь Целиноградского обкома КП Казахстана в 1978–1986 гг., вспоминал: «Таких волевых решений по сложному, деликатному вопросу в практике работы со времен Хрущёва не было. Даже я, первый секретарь, к подобному решению не подготовлен»¹⁴. Точность формулировки автора вызывает некоторое сомнение, т. к. на этой же странице он упоминает совещание в ЦК и обмен мнениями секретарей обкомов по данному вопросу¹⁵. Но Морозов прав в том, что серьёзное решение готовилось без всестороннего анализа проблемы.

Следует отметить, что в воспоминаниях первого секретаря ЦК Компартии Казахстана в 1960–1962, 1964–1986 гг. Д.А. Кунаева нет никаких сведений о подготовке и проведении кампании по организации немецкой автономии¹⁶. Почему? В поисках ответа на этот вопрос обратимся ещё раз к воспоминаниям Морозова: «Прецедент известен. Узбеки хорошо попросили Хрущева Н.С. отдать им ряд казахских районов. Состоялось решение Политбюро и карту перекроили. Не спросив казахов, районы передали. Когда Кунаев попытался возразить, его сняли с поста первого руководителя за националистические настроения. Попробуй теперь ещё кто-то возразить! По этой же упрощённой волевой схеме действовали тт. Брежнев Л.И., Суслов М.А., Андропов Ю.В. Подписали бумагу, и судьба народа решена. Отсюда понятно положение

¹² Точка зрения М. Омарова, А. Какена. Указ соч. С. 29–34. Как представляется, она наиболее адекватна реалиям 1970-х гг. и подтверждается мемуарными заметками помощника Д.А. Кунаева в 1971–1984 гг. В.В. Владимиров. См.: Кремлёвская карусель // Феникс. Март 1993. № 1. С. 287–309.

¹³ Масанов Н.Э., Абылхожин Ж.Б., Ерофеева И.В., Алексеенко А.Н., Баратова Г.С. История Казахстана: народы и культура. С.403. Морозов Н.Е. Взгляд в прошлое. М.,ОАО «Семей Полиграфия», 2000. С.190. История Казахстана с древнейших времён до наших дней в пяти томах. Т.4. Казахстан в советский период. Алматы: «Атамира», 2009. С. 617–618.

¹⁴ Морозов Н.Е. Взгляд в прошлое. С. 192.

¹⁵ Там же. Из воспоминаний В. Владимиров следует, что руководители Казахстана знали о готовящемся решении, более того, обсуждался вопрос о создании автономии как на территории Павлодарской, так и Целиноградской областей.

¹⁶ Кунаев Динмухамед. О моём времени. Алма-Ата: РГЖИ «Дәуір», МП «Ынтымак», 1992. – 312 с.

Кунаева. Он уже однажды обжёгся на национализме, которого не было, но который ему приписали, теперь действовал осмотрительней, начальству не возразил, но в душе, как и все казахстанцы, был против создания незаконного образования»¹⁷.

Казахстан, став в первой половине XX в. полигоном для социальных экспериментов, пережил ряд катастроф, которые привели казахов к демографическому кризису, развивавшемуся процессу утраты языка, официальному восприятию казахской культуры и истории собственно казахов как к чему-то второстепенному и даже запретному, что ярко проявилось в конце 1940-х – начале 1950-х гг. в период борьбы с «буржуазным национализмом». Следствием являлось обострившееся этническое самосознание. Его более активному проявлению способствовала «оттепель» 1960-х гг. В 1962–1966 гг. в Казахстане существовала неформальная организация «Жас тулпар» («Молодой скакун»), созданная юношами, получившими высшее образование в московских вузах. Среди идей, волновавших казахскую молодёжь, были и идеи расширения национальной автономии, повышения статуса республик. Организация в структурном отношении была аморфной, не представляла прямую оппозицию власти. Тем не менее прекратила свою деятельность под напором партийного аппарата. Она не являлась единственной. По некоторым данным в Казахстане в 1970-х гг. насчитывалось более 20 организаций подобного рода. Фактически все они свою деятельность направляли на защиту казахского языка и культуры. И все были разгромлены органами КГБ¹⁸.

Авторы идеи немецкой автономии на территории Казахстана, как представляется, эти обстоятельства не учитывали.

22 июня 1979 г. Д.А. Кунаев подписал справку «О высказываниях среди населения по поводу предполагаемой организации Немецкой автономной области в составе Казахской ССР», направленную затем в ЦК КПСС. Директор школы № 3 г. Иртыска Павлодарской обл. Ильясов сказал, что после опубликования Указа об образовании этой области он уедет работать в

¹⁷ Морозов Н.Е. Взгляд в прошлое. С. 194. О разногласиях с Хрущёвым Кунаев сообщил читателям в подробностях. Вероятно, сюжет с немецкой автономией автором был опущен из этических соображений: ведь тогда бы пришлось обосновать, как свою позицию, так и позицию Брежнева. В данной ситуации для Кунаева было невыгодно давать оценки любой из сторон. Раскрыть ход своих мыслей, значит оказаться под угрозой негативного восприятия читателями, могущими оценить его как аппаратчика, ставящего во главу своей деятельности личную выгоду. Попытаться охарактеризовать действия Брежнева – дать повод поставить под сомнение искренность дружбы с последним и быть обвинённым в неблагодарности. О том, что Кунаев не был категорическим противником автономии, свидетельствуют как упомянутый выше В. Владимиров, так и М.И. Исиналиев, в 1969–1981 гг. зав. отделом культуры ЦК Компартии Казахстана, которого цитируют Омаров и Какен. Аргументация позиции Кунаева – сохранение людских ресурсов Казахстана.

¹⁸ История Казахстана с древнейших времён до наших дней в пяти томах. Т.4. Казахстан в советский период. С. 614–616.

другое место, «так как под немцами жить не собирается». Мысль Ильёсова более точно выразила преподаватель школы-интерната №1 из г. Павлодара: «В Казахстане и так много хозяев». Оба эти высказывания в полной мере отражают неудовлетворённость казахов внутренней политикой руководства СССР, приведшей к ощущению второстепенности у нерусских народов страны. Цитирование в справке аналогичных реплик свидетельствует о решительности коренного населения Казахстана в противодействии реализации документов о создании немецкой автономии в Республике.

Один из преподавателей Целиноградского педагогического института Каминская заявила: «Казахов понять можно, особенно сейчас, когда по телевидению идёт 20-ти серийный фильм "Великая Отечественная". Ведь многие из них погибли в войну. А эти немцы жили для себя и никто их не ущемлял». В этой цитате обращают на себя внимание два фактора: неблагоприятный информационный фон, на котором было оглашено решение руководства страны о создании автономии¹⁹ и историческая неосведомлённость населения.

Другой серьёзный фактор, вызывавший неприятие у казахстанцев данного решения, явился следствием многонациональности населения. Так, на протяжении нескольких веков среди казахов проживают уйгуры. Эта группа граждан также поднимала вопрос о собственной автономии на территории Республики. В справке приведено высказывание К. Зулфикаровой, художника-оформителя приложения к межреспубликанской газете «Коммунизм туги» на уйгурском языке, издававшейся в г. Алма-Ате: «В Казахстане образуется 20-я область, и будет она называться немецкой автономной, а вот уйгуры, как были дехканами, так ими и останутся. А ведь немцы скомпрометировали себя в период Великой Отечественной, многие из них сотрудничали с фашистами. Несмотря на это, им организуют самостоятельную область. Мы же уйгуры, как терпели притеснения, так и будем жить, не имея ни родины, ни своей автономии». Отрицание немецкой автономии из-за страха перед «разделом» Республики на «национальные квартиры» звучит и в других высказываниях.

Как же сами немцы отнеслись к созданию автономии на территории Казахстана? В упомянутой справке в первую очередь цитируются высказывания в духе господствующей идеологии: немцы – один из народов Казахстана, все народы живут дружно, в автономии нет необходимости (директор совхоза Лореш, работница Кляйн, управляющий отделением совхоза Риммер, бригадир этого же хозяйства Гасник). Далее приводятся варианты: в автономную область не переедим, т. к. не хотим покидать обжитые места (рабочий Вильямс, слесарь Роор), создание области необходимо для регулирования международных отношений, но переезжать не будем (инженер Домке), восстанавливать область необходимо в Поволжье, переезжать в автономную область

¹⁹ По этой же причине Н.Е. Морозов считает время, выбранное для объявления о создании автономии, «совершенно неподходящим». См.: Морозов Н.Е. Указан соч. С. 191.

Казахстана не намерен (пенсионер Вельц, пресвитор Никкель). И несколько пессимистичных высказываний: «Кому нужна эта пустыня, надо скорее выезжать в ФРГ...» (механик Шевальс, работница Вебер). Голоса в защиту автономии раздавались, но они были единичными и тонули в хоре несогласных с таким решением вопроса: «Если создадут автономную область на нашей территории, мы, немцы, сделаем в этой степи цветущий край. В немецкие школы направим своих детей пока они не дошли до полного обрусения» (фельдшер Вагнер). В тексте также приводится оценка ситуации Андрея Григорьевича Брауна, первого секретаря комитета партии Краснознаменского района Целиноградской обл. в 1973–1982 гг., считавшего нерациональным создание автономии в Казахстане²⁰. Он её повторил в своих воспоминаниях²¹.

Немецкая автономная область на территории Казахстана так и не была создана. Это тот редчайший случай в советской истории, когда власть прислушалась к мнению своих граждан. На какое-то время удалось приглушить миграционные настроения. Если в 1981 г. в Казахстане ходатайствующих о выезде в Западную Германию было 13 тыс. чел., то к 1986 г. – 1873 чел. Но затем, в связи с изменившимся законодательством в выезде, эта цифра увеличилась на 4367 чел. Эти люди попали в число отказников, но после пересмотра их дел, получили возможность уехать на историческую родину. С 1986 г. вновь было зафиксировано оживление автономистских настроений.

1970-е гг. – период, когда продолжился процесс интеграции немцев в советское общество как его полноправных граждан. Миграционные процессы заставляли советское руководство проявлять пристальное внимание к немецкому населению. Во многом стратегию действий подсказывали сами немцы. Упомянутый в тексте план мероприятий по работе с немецким населением был составлен с учётом пожеланий, высказанных в редакционной почте газеты на немецком языке и направленных на сохранение этнической самоидентификации. Но для руководства СССР приоритетным направлением являлось сокращение миграционных процессов. Провалившаяся попытка создания автономии – предвестник кризиса, разразившегося через пару десятилетий, свидетельство тупика, в котором оказались взаимоотношения крупной этнической группы и власти. К 1970-м гг. произошла смена поколений. Те, кто родился после депортаций, лелеяли идею автономии как дань уважения памяти о ближайших предках, проживших в незаслуженных муках и вспоминавших о своём автономном государстве как самом светлом периоде жизни. Возможно, от восстановления автономии не отказывались, не видя внутри страны альтернативной идеи, могущей так эффективно работать на сплочение диаспоры. Но не превратился ли процесс борьбы в самоцель? Что могла бы дать автономия немцам, кроме осознания восстановления

²⁰ АП РК. Ф. 708. Оп. 84. Д. 10. Л. 8–14.

²¹ Браун А.Г. Моя жизнь. Алматы: «Дайк-Пресс», 2002. С. 114–132.

справедливости, в государстве, находившемся в экономическом стопоре? Количество номенклатурных должностей? Приостановила бы процесс русификации? Повысила бы уровень жизни? Но и в автономном образовании немецкое население осталось бы частью «советского народа», страдая от тех же «болезней», что и всё население в целом. Выезд немцев до 1991 г. всё же сдерживался. А нежелание власти терять немецкое население заставляло её в какой-то мере прислушиваться к его требованиям, связанным с сохранением этнической самоидентификации. В постсоветский период выезд принял массовый характер, чему способствовала кризисная ситуация в странах СНГ. В 1959 г. в Казахстане проживало 659 751 чел. немецкой национальности, в 1970 г. – 858 077, в 1979 г. – 900 207, в 1989 – 957 518, в 1995 г. – 507 199²². Накануне съезда немцев СССР в 1991 г. было подсчитано: в 1988 г. из СССР уехало 50 тыс. немцев, в 1989 – 100 тыс., в 1990 г. – 150 тыс. Выезд каждые 100 тыс. немцев наносил ущерб стране в 4 миллиарда руб.²³

Если борьба с миграционными настроениями была обречена на провал, то усилия немцев, направленные на полную историческую и гражданскую реабилитацию напрасными не были. Именно в 1960–1970-е гг. российские немцы заявили о себе как о достойных уважения, а порой и восхищения, согражданах, расставаться с которыми их соотечественникам на приобретённой и такой неблагодарной Родине было очень больно. Именно в этот период сформировалась та прослойка немецкой интеллигенции, которая и на исторической Родине смогла в кратчайшие сроки социально адаптироваться, а те, кто решил связать свою судьбу с Казахстаном, внести вклад в его процветание.

²² Масанов Н.Э., Абылхожин Ж.Б., Ерофеева И.В., Алексеенко А.Н., Баратова Г.С. История Казахстана: народы и культура. С. 512.

²³ АП РК. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1079. Л. 6.

Немецкое население Узбекистана в послевоенное десятилетие

Несмотря на то, что накануне и в период Второй мировой войны Узбекистан становится местом ссылки раскулаченных, а затем депортированных, так называемых «наказанных народов»¹, он по данным официальных документов, не стал местом поселения депортированного с Кавказа, Центра и Поволжья немецкого населения.

Тем не менее, на узбекистанских немцев распространились все репрессивные меры, обрушившиеся на немцев бывшего СССР. Мужчины, мобилизованные через военкоматы, были отправлены на Урал, в Сибирь, Северный Казахстан, в так называемые «трудовые армии». Это практически все взрослое трудоспособное немецкое мужское население. Не подлежали этому призыву только женщины, рабочие и служащие предприятий, за которых ходатайствовала администрация, мужчины, жены которых были русскими, или женщины, мужья и дети которых были русскими². Однако, в соответствии с Постановлением №196 от 6 января 1942 «О переселении лиц немецкой национальности в УзССР из Ташкента и областных центров» все немцы и члены их семей были высланы из Ташкента и крупных городов, имеющих стратегическое значение, в отдаленные сельские районы Бухарской, Самаркандской и Джизакской области³. Была проведена так называемая внутренняя мобилизация, которой подверглось почти всё оставшееся местное немецкое население, в основном женщины, дети и старики, так как мужчины от 17 до 50 лет были мобилизованы в «трудармии». Оставив дома, все нажитое ими имущество, взяв с собой только то, «что могли унести в руках», были выселены из городов в сельские районы, для работы, в основном, на хлопковых полях. Оказавшись на положении спецпереселенцев, городские немцы с большим трудом адаптировались к сельским условиям, и если учесть морально-психологическую подавленность из-за переезда и дискриминационных мер по отношению к ним, жизнь была очень трудной. Благодаря взаимовыручке, добрым взаимоотношениям с местным населением, которое всячески поддерживало их, хотя тоже находилось в тяжелом экономическом положении, так как их кормильцы находились на фронте, помогала многим выжить в этой сложной ситуации.

¹ Первыми в Узбекистан и Казахстан были депортированы в начале августа 1937 года более 200 тысяч корейцев. В 1943–1944 годах в районы Узбекистана из родных мест были выселены все калмыки, ингуши, чеченцы, карачаевцы, балкарцы. Автономные республики этих народностей были упразднены. Из Грузинской ССР были выселены в Узбекистан греки, турки, хемшиды, болгары, армяне. 18 мая 1944 года приказом Комитета обороны СССР, как «изменники Родины» были депортированы крымские татары.

² См. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 61. ЛЛ. 138–140.

³ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 56. Д. 48. Л. 202.

Однако долгожданная победа над фашистской Германией не дала советским немцам свободы, их права еще долгие годы ущемлялись властями. Принятые еще до победы, 8 января 1945 г. СНК СССР два закрытых постановления (под грифом «Совершенно секретно»): «Об утверждении Положения о спецкомендатуре НКВД» и «О правовом положении спецпереселенцев» определили их судьбу, закрепив за ними практику принудительного трудового устройства и ограничения спецпереселенцев на свободное перемещение еще на одно десятилетие⁴.

В связи свыше названными положениями все «трудармейцы» автоматически переходили в разряд «спецпоселенцев». География расселения немцев-спецпоселенцев по СССР была весьма широка, они как опасный «спецконтингент» были разбросаны по всей стране: Алтайский и Красноярский края, Омская и Новосибирская, Челябинская и Кемеровская, Иркутская и Читинская области, Казахская и Узбекская, Киргизская и Таджикская союзные республики. В частности, на 1 января 1947 г. в 10 областях Узбекской ССР находилось 1329 семей (в количестве 3863 чел.). Наибольшее число немцев-спецпоселенцев находилось в Самаркандской области – 914 семей (2808 чел.), Бухарской – 153 семьи (376 чел.), Кашкадарьинской – 60 семей (129 чел.), Ташкентской – 40 семей (154 чел.) и т.д.⁵ Если до войны немецкое население преобладало больше в крупных городах, то война изменила их место пребывания, большая часть их стала жителями областей.

Во время войны на территорию республики были мобилизованы немцы-трудармейцы и из других регионов быв. СССР: из Киргизской, Туркменской, Таджикской, Казахской союзной республик и с Урала⁶. Постановления Совнаркома УзССР подробно определяли все необходимые работы по приёму, размещению и обслуживанию спецпереселенцев, однако их выполнение не подкреплялось реальными возможностями на местах. Особенно тяжело было трудоустроить рабочих и служащих. Они распределялись по различным наркоматам и ведомствам. Только малая часть получила работу, однако, не сразу. Процесс шел крайне медленно и сопровождался большими трудностями. К примеру, в докладе наркома внутренних дел Узбекской ССР т. А. Кобулова⁷ от 24 февраля 1950 г. сообщалось, что на станции Ванновка, железной дороги Ташкент и на нефтеперерабатывающем заводе в Фергане в штате строитель-

⁴ «Мобилизовать немцев в рабочие колонны... И. Сталин». Сборник документов (1940-е годы) /Сост. предисл., коммент. д-ра ист. наук, проф. Н.Ф. Бугая. М.: Готика, 1998. С. 7.

⁵ Рахманкулова А.Х. Об использовании трудового потенциала депортированных народов в Узбекистане в конце 1930-х – 1940-е гг. // Этнографическое обозрение. 2006. № 5. С. 160.

⁶ Точное количество мобилизованных немцев-трудармейцев из этих республик мы пока не можем дать, так как пока не располагаем этими сведениями, кроме Киргизской ССР, откуда было мобилизовано 992 немки, и из Казахстана – 700 немцев.

⁷ «Мобилизовать немцев в рабочие колонны... И. Сталин». С. 323–324.

ного треста числилось 680 женщин, из них 370 работали, а остальные 310 женщин, согласно доклада были без работы⁸.

В конце войны в Ташкент прибыла большая партия немцев-военнопленных, которые работали на строительстве общественных зданий и объектов народного хозяйства. Они так же входили в разряд спецпоселенцев. В связи с интенсивным развитием в первые годы после войны в Узбекистане горно-рудной, газовой и нефтеперерабатывающей промышленности, строительства гидроэлектростанций и ирригационных сооружений, расширения освоения Голодной степи, в 1948 г. с территории Таджикистана, а в 1952 году – с Урала и Казахстана в Узбекистан было перебросано несколько эшелонов с немецкими поселенцами на строительство промышленных объектов, освоение Голодной степи, разработку природных ресурсов и полезных ископаемых края. Из города Красноводска, находящегося на берегу Каспийского моря в Туркмении, перебазированы немцы-трудармейцы в составе целого строительного отряда. Их расселяли в Ташкентской области, городах Самарканде и Фергане, которые находились на правах спецпоселенцев. Численность спецпоселенцев увеличивалась вплоть до 1953 г. Так, по данным, приводимым В.Н. Земсковым по состоянию на 1 января 1953 г. в Узбекистане⁹ находилось на спецпоселении 8 366 немца из них: местные – 4 664, выселенные – 1 451, репатриированные – 1 185, мобилизованные – 1024, «другие» – 42¹⁰.

Условия спецпоселения были очень тяжелыми. На местах не имелось средств для ведения жилищного или промышленного строительства. Значительная часть спецпереселенцев проживала в неудовлетворительных бытовых условиях, не обеспечивалась продовольствием, одеждой и обувью. Медицинская помощь отсутствовала. Сложившаяся ситуация создавала дополнительный фактор увеличения смертности. Насколько были трудными условия адаптации и проживания спецпереселенцев, в том числе и мобилизованных немцев, свидетельствует множество документов, приводимых Н.Бугаев¹¹. Само по себе положение, в которое были поставлены депортированные народы, огульным обвинением в несовершенных преступлениях, лишение их права жить на исторической родине, затягивание принятия необходимых для полной их реабилитации и возвращения на родину решений Москвой, создало

⁸ Friesen R. Auf den Spuren der Ahnen. Minden, 2000.

⁹ По состоянию на 1 января 1953 г. в Узбекистане на спецпоселении находились из Крыма – 133 731 (татары – 128 348, греки – 4097, армяне – 381, болгары – 53, «другие» – 852); из Грузии в 1944 г. – 43 867 (турки – 30 588, курды – 667, хемшиды – 2, «другие» – 2 610); немцы – 8 366 (местные – 4 664, выселенные – 1 451, репатриированные – 1 185, мобилизованные – 1024, «другие» – 42); с Северного Кавказа – 1590 (карачаевцы – 821, балкарцы – 10, чеченцы – 180, ингуши – 167, «другие» – 12); калмыки – 808; «власовцы» – 317; из Молдавии в 1949 г.

¹⁰ Земсков В.Н. Заключенные, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные. (статистико-географический аспект) // История СССР. 1991. № 5 С. 154.

¹¹ «Мобилизовать немцев в рабочие колонны...

очаг напряженности в местах их компактного проживания и отрицательно сказывалось на политической ситуации в республике.

В начале 1954 г. республиканские органы обратились в ЦМ СССР с просьбой рассмотреть «вопрос о снятии всех ограничений со спецпоселенцев отдельных категорий. Изучив горы писем от спецпереселенцев, поступившие к тому времени в Совет Министров СССР, правительственные чиновники к концу 1955 г. сделали соответствующие выводы. Советские немцы стали первой национальной группой, полностью освобожденной от режима спецпоселения (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1955 г.). Однако были установлены ограничения в выборе места жительства в отношении немцев и членов их семей, а также лишены права получения конфискованного у них имущества. Кроме того, в указе были полностью проигнорированы права немцев как национального меньшинства – отсутствовали упоминания о праве немцев сохранить свой язык, культуру, традиции и т.п.¹² И если депортированные чеченцы, крымские татары, ингуши, калмыки могли уже беспрепятственно возвращаться в родные места, то немцы (и крымские татары) право это получили гораздо позже. Тем не менее, как считают некоторые исследователи¹³, ликвидацию немецкого спецпоселения следует расценивать как существенный шаг вперед к уравниванию немцев в правах с другими советскими гражданами. Оно стало исходной точкой очень медленной, крайне непоследовательной и противоречивой государственной реабилитации немцев, продолжавшейся все последующие годы.

После XX съезда партии, как по всему бывшему СССР, так и в Узбекистане особенно возросло внимание к положению спецпереселенцев. Начиная с января 1956 года на заседаниях бюро ЦК КПУз обсуждались вопросы, связанные с положением спецпереселенцев в Узбекистане – крымских татар, корейцев, калмыков, карачаевцев, балкарцев, чеченцев и ингушей, немцев и др. Созданной комиссии под председательством второго секретаря ЦК КП Узбекистана Р. Мельникова было предложено принять меры по усилению политико-воспитательной работы среди указанных народов, вовлечению их в активную общественно-политическую жизнь, улучшению хозяйственного, трудового устройства и культурно-бытового обслуживания, смелее выдвигать лучших людей из числа этих национальностей на общественную и хозяйственную работу»¹⁴.

На одном из заседаний бюро ЦК КП Уз отмечалось: «Граждане немецкой национальности слабо вовлекаются в общественно-политическую жизнь, лучшие из них не выдвигаются на ответственную работу в советские, профсо-

¹² Немцы России. Энциклопедия. Т. 3. – М.: «ЭРН», 2006. – С. 266.

¹³ Герман А.А., Илларионова Т.С., Плева И.Р. История немцев России. Учебное пособие. М.: Изд. «МСНК-пресс», 2005.

¹⁴ Гитлин С. Национальные отношения в Узбекистане. Иллюзии и реальность. Тель-Авив, 1998. С. 354.

юзные и хозяйственные органы. При проведении массово-политической и культурно-просветительной работы не учитываются запросы и национальные особенности. В местах большого сосредоточения немцев не выписываются литература и не организована торговля книгами на их родном языке, библиотеки не обеспечены художественной, политической и сельскохозяйственной литературой на немецком языке, в кружки художественной самодеятельности и спортивно-физкультурные мероприятия слабо вовлекается молодежь немецкой национальности... Несмотря на то, что среди немецкого населения особенно живучи религиозные пережитки научно-атеистическая и просветительская пропаганда на местах не проводится. Партийные организации не придают значения их религиозным объединениям, действующим на местах, и не интересуются политическими настроениями граждан немецкой национальности... В результате отсутствия должной работы значительная часть немцев держит себя замкнуто. Мимо внимания партийных организаций проходят такие факты, когда отдельные советские граждане немецкой национальности под различным предлогом стремятся выехать за границу»¹⁵.

В другом документе имеется такое признание: «... имели место серьезные недостатки в области материально-бытового положения и культурного обслуживания немцев. В результате чего имеют место факты, когда немцы живут в неблагоустроенных помещениях, что вызывает нездоровые настроения»¹⁶. Чтобы погасить национальное движение немцев, местные власти с санкции Центра принимают ряд мер по удовлетворению их национальных запросов. 31 октября 1956 года бюро ЦК КП Узбекистана рассмотрело вопрос «Об усилении массово-политической работы среди граждан немецкой национальности».

В докладе отмечалось, что в населенных пунктах и местах, где было сосредоточено немецкое население, была развернута политическая и культурно-просветительная работа с учетом его запросов и национальных особенностей. В этих целях к работе в качестве агитаторов и докладчиков, пропагандистов привлекались наиболее подготовленные коммунисты, специалисты и передовики производства, а также учителя из числа немцев.

Как видим, 50-е годы характеризуются повышенной активностью местных властей республики. Результатом действий явилась конкретная работа, проведенная для немецкого населения, проживающего в республике. Были созданы необходимые культурно-бытовые условия, граждане немецкой национальности трудоустроены и материально обеспечены. Из общего числа семей 3377 семей (10772 человек) 836 семей наделены приусадебными участками и имели собственные дома, а остальные проживали в коммунальных и частных квартирах, 1918 семей имели в личном пользовании скот.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

Из 6428 трудоспособных немцев в промышленности, сельском хозяйстве и различных учреждениях и организациях работали 5086 человек¹⁷.

Секретарь ЦК Компартии Узбекистана Р. Мельников, учитывая пожелания немецкого населения республики, а так же в целях усиления массово-политической и культурно-просветительной работы среди них, отправляет запрос в ЦК КПСС для оказания помощи в решении следующих вопросов: а) об издании всесоюзной газеты на немецком языке; б) об издании на немецком языке художественной, политической, сельскохозяйственной, научно-популярной литературы, сборников советских песен и пьес для художественной самодеятельности; в) о выпуске на немецком языке пластинок, грамзаписей¹⁸.

Приведенные выше примеры свидетельствуют о том, что в конце первого послевоенного десятилетия отношение к депортированным народам, в том числе и немецкому, менялось в лучшую сторону. Хотя полную свободу и право беспрепятственно возвращаться в родные места, в отличие от других депортированных народов, они получили гораздо позже.

Исследование вопроса показало, что широко практикуя массовые депортации населения, большевистская власть преследовала не только цель наказать «непослушных», но и решить труднейшие экономические и социальные проблемы. В целях достижения высоких темпов развития, государство стало применять труд спецпереселенцев путем принуждения, насилия. Советская власть, используя бесплатный человеческий ресурс, с одной стороны стремилось создать сильную экономику, а с другой – разрушало её основу. Переселенцы использовались преимущественно как рабочая сила в сельском хозяйстве, промышленности и на стройках. Однако был ли этот труд эффективен? Нет. Итоги исследований показали, что труд спецпоселенцев, несмотря на то, что в большинстве своем они трудились добросовестно, некоторые даже перевыполняли норму, в целом был малоэффективным. Одной из причин, являлась проблема неудовлетворительной организации трудоустройства переселенцев на местах поселения: тяжелые условия труда, скудное питание, недостаточность одежды, обуви, необеспеченность пригодным жильем и т.п. Спецпереселенцы, имевшие специальное образование, в большинстве случаев не работали по специальности, так как невозможно было трудоустроиться по специальности, а также продолжить образование. Таким образом, и переселенцы, и сама республика оказались заложниками безответственной политики власти.

Другой причиной являлся сам факт принудительного переселения, недоверия, который угнетал их, ломал судьбы людей, не имевших права выбора и ставил в зависимость от властей и обстоятельств. Подчиняясь воле судьбы, они вынуждены были заново строить жизнь для себя и своих детей.

¹⁷ Там же. С. 355.

¹⁸ Там же. С. 356.

Исключительная выносливость, природный оптимизм, трудолюбие немцев, а также проявление глубоких человеческих чувств – сострадания, взаимовыручки, дружеской поддержки со стороны местного населения помогли им выжить и со временем занять достойное место в обществе.

В город Ташкент возвращаются немцы, выселенные в годы войны в сельские районы Узбекистана (особенно из Самаркандской области). Благоприятный климат, а также толерантное, доброе отношение местного населения и руководства притягивало в Узбекистан немцев из ближайших регионов. Многие немцы переехали в Узбекистан из соседних регионов, в основном из Казахстана, Сибири и Урала, куда они были депортированы во время войны. Первоначально в крупных городах им селиться было запрещено, и они оседали в Бухарской, Джизакской, Самаркандской, Сырдарьинской областях и в Ферганской долине. Затем многие из них переселились в Ташкент и Ташкентскую область, в города Ангрена, Фергана, Ахангаран, Газалкент, Чирчик, Алмалык и село Булунгур под Самаркандом. Одни ехали сюда с целью восстановления семейно-родственных связей, другие в связи с трудовой занятостью (создание в республике в этот период объектов угледобычи в Ангрене, химической и нефтехимической промышленности в Чирчике и Фергане, пищевой промышленности в Газалкенте, горнодобывающих предприятий в ряде районов Узбекистана выявило потребность в квалифицированных кадрах и открывала возможность для их трудоустройства). В-третьих, ехали сюда для жительства в более лучших условиях быта и благоприятного климата.

Говоря об изменениях численности немецкого населения в республике, необходимо обратить внимание на его возрастание в сравнении с довоенным периодом. По данным, приведенным М.В. Кабузаном¹⁹, в 1959 г. в Узбекистане находилось 18 тыс. немцев, в то время как в 1939 г. было 10 тыс. 400 чел.²⁰ Забегая вперед, заметим, что за период с 1959 по 1970 гг. немецкое население в Узбекистане вновь увеличилось в два раза, и составило 33 991 человек, из них: 27.242 (городское) и 6.746 (сельское) население²¹. В 80-х гг. численный прирост немцев практически прекратился.

Увеличение численности немецкого населения республики, как отмечает Н.Х. Кнауэр, было связано с тем, что в Узбекистане, как и по всей Средней Азии, был самый высокий показатель рождаемости среди немцев – 70,7% (в РСФСР он составлял 15%)²². С другой стороны, значительный приток немцев в республику, был связан со снятием ограничений в правовом положении и в выборе ими места жительства. При этом численность немцев возросла в 4 раза по

¹⁹ Кабузан М.В. Немецкое население в Российской империи и СССР в XVIII–XX вв. (1719–1989 гг). Историко-статистическое исследование. – М., 2003. С. 172.

²⁰ В официальных источниках таких как Всесоюзная перепись населения СССР за 1939 и 1959 гг. данные по немцам в Узбекистане отсутствуют.

²¹ Мулладжанов И. Население УзССР. Т. 1989. С. 139.

²² Кнауэр Н.Х. Этнический атлас Узбекистана. Ташкент, 2002. С. 168.

сравнению с довоенной (в 1939 г. – 10 тыс.400) и к 1989 году составила 39.809 человек. В Ташкентской области, из общего числа в республике проживали 48,8% немцев, а в Ташкенте и его окрестностях 6032 чел. (свыше 1/3). Однако относительная численность немецкого населения Ташкента сокращается: в 1939 они составляли 0,8% жителей, в 1989 – 0,2%²³. Таким образом, самые крупные немецкие диаспоры формировались в местах образования крупных промышленных центров республики, после возвращения и переселения туда немцев-трудармейцев из других регионов.

Жизнь немецкого населения, как и всего народа республики с трудом, постепенно приходила в нормальное русло. Они стремились сохранить свои традиции, верования, обычаи. Рост национального самосознания стал важным фактором возрождения народов, борьбы за восстановление справедливости, особенно после смерти Сталина. Через несколько лет они, как правило, вновь проявят себя как высококвалифицированные и высокообразованные гражданские и военные специалисты, творческие и научные сотрудники, талантливые труженики сельских полей и рабочие. Многие из них будут занимать высокие посты, руководить различными производственными объектами, высшими учебными заведениями. Среди них известные в республике и за её пределами учёные ТашГУ – д.и.н., проф., проректор, декан истфака, зав кафедрой – Л.В. Гентшке (1913–1999), химик – проф. А. И. Гегельганц²⁴, математик – В. Вильд, историк – Н.Х. Кнауэр, проректор по научной работе Ташкентского института народного хозяйства – Н.Н. Шабанова (фон Кубе) (1909–2002), экономисты – А.Т. Бесслер (1919), зам. пред. Узагросельстроя – О.Х. Вейгум (1939–2001), возглавлявшая в Министерстве финансов Республики Узбекистан, управления финансирования базовых отраслей промышленности – И.Э. Ивонина (1947), известный экономист – В.А. Ивонин (1947), известные художники – В. Ган, П. Ган и И. Гарвардт, основатель и руководитель строительной лаборатории в Ферганской долине – Н.Б. Павлишко, известные промышленные проектировщики, архитекторы и строители – Л.Г. Хримпач (1937) и О.П. Геринг (1944), а также многие другие внесли весомый вклад в развитие культуры, экономики, народного хозяйства республики страны в целом.

Следует отметить, что работа в этом направлении ведется нами впервые, делаются нами фактические первые шаги, предстоит еще большая кропотливая работа по выявлению и изучению материалов, касающихся таких аспектов темы, как: изменения численности в каждом населенном пункте республики (по годам, областям и производственным объектам), режим пребывания их на различных объектах, общее и особенное в характере мероприятий, проводимых в отношении репрессированных немцев и т.д.

²³ Ата-Мирзаев О., Гентшке В., Муртзаева Р. Узбекистан многонациональный: историко-демографический аспект. Т. 1998. С. 150.

²⁴ Гегельганц А.И. ныне по приглашению Германии преподаёт химию в Дрезденском Университете (Саксония).

НАШИ АВТОРЫ

Автономова Вера Петровна, историк-краевед. Село Советское Саратовской области. Россия.

Алексееенко Марина Александровна, начальник отдела усовершенствования научно-справочного аппарата Государственного архива Кустанайской области. Костанай. Казахстан.

Алишина Галина Николаевна, ассистент кафедры истории и документоведения исторического факультета Томского государственного университета. Томск. Россия.

Бахарева Ольга Яковлевна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков Оренбургского государственного педагогического университета. Оренбург. Россия.

Безродная Ольга Александровна, научный сотрудник Омского государственного историко-краеведческого музея. Омск. Россия.

Бердинских Виктор Аркадьевич, доктор исторических наук, профессор Вятского государственного гуманитарного университета. Киров. Россия.

Брандес Детлеф, доктор, профессор истории, до середины 2008 г. возглавлял Институт культуры и истории немцев в Восточной Европе при Университете им. Генриха Гейне в г. Дюссельдорф. Ныне проживает в Берлине. Германия.

Бугай Николай Фёдорович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра «Историческая наука в России» Института российской истории РАН.

Буданова Юлия Павловна, заместитель директора по научной работе Лисаковского музея истории и культуры Верхнего Притоболья Управления культуры акимата Костанайской области. Лисаковск. Казахстан.

Бургарт Людмила Александровна, кандидат исторических наук, преподаватель Восточно-гуманитарного института. Усть-Каменогорск. Казахстан.

Вашкау Нина Эмильевна, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории России Волгоградского государственного университета. Волгоград. Россия.

Вдовин Александр Иванович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории XX, XXI веков исторического факультета Московского государственного университета. Москва. Россия.

Вибе Петр Петрович, доктор исторических наук, директор Омского государственного историко-краеведческого музея. Омск. Россия.

Винниченко Игорь Иванович, кандидат географических наук, доцент, доцент кафедры страноведения и туризма Киевского национального университета имени Тараса Шевченко. Киев. Украина.

Гарчик Бартломей, доктор, адъюнкт кафедры истории Восточной Европы Восточного института Университета им. Адама Мицкевича. Познань. Польша.

Гентшке Валерия Львовна, доктор исторических наук, профессор, старший научный сотрудник ВНИИДАД. Москва. Россия.

Герман Аркадий Адольфович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории в новейшее время Института истории и международных отношений саратовского государственного университета. Саратов. Россия.

Гонцова Марина Васильевна, аспирантка, старший преподаватель кафедры документоведения и права Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии. Нижний Тагил. Россия.

Грибанова Елена Михайловна, кандидат исторических наук, начальник Управления научной публикации документов Архива Президента Республики Казахстан. Алматы. Казахстан.

Гульбинский Юрий Валентинович, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Саратовского военного института внутренних войск МВД РФ.

Данилов Виктор Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой историографии, региональной истории и археологии Института истории и международных отношений саратовского государственного университета. Саратов. Россия.

Деннингхаус Виктор, доктор исторических наук, профессор кафедры новой и восточноевропейской истории Фрайбургского университета им. Альберта-Людвига (г. Фрайбург, Германия), заместитель директора Германского исторического института в Москве (ГИИМ).

Дик Пётр Францевич, кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Кустанайского инженерно-педагогического университета. Кустанай. Казахстан.

Дятлова Валентина Александровна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой германских языков и межкультурной коммуникации Красноярского государственного педагогического университета. Красноярск. Россия

Ерина Елизавета Моисеевна, заслуженный работник культуры РФ, начальник отдела использования и публикации документов Государственного исторического архива немцев Поволжья в г. Энгельсе. Энгельс. Россия.

Ефремова-Шершукова Надежда Александровна, кандидат исторических наук, доцент, зам.директора по научной и методической работе Томского института Восточной экономико-юридической гуманитарной академии. Томск. Россия.

Задерейук Иван Афанасьевич, кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника кафедры теории и истории государства и права

Крымского юридического институт Одесского государственного университета внутренних дел. Симферополь. Украина.

Игнатова Надежда Максимовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми научного центра Урального отделения Российской академии наук. Сыктывкар. Россия.

Иларионова Татьяна Семеновна, доктор философских наук, профессор, генеральный директор Института энергии знаний. Москва. Россия.

Иноятова Дилором, кандидат исторических наук, доцент Национального университета Узбекистана. Ташкент. Узбекистан

Ищак (Гергерт) Людмила Адамовна, историк-краевед. Архангельск. Россия.

Калиниченко Николай Николаевич, аспирант кафедры истории нового и новейшего времени Воронежского государственного университета. Воронеж. Россия.

Кириллов Виктор Михайлович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории, теории и методики обучения Социально-гуманитарного института Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии. Нижний Тагил. Россия.

Клец Виктор Кириллович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Днепропетровского национального университета. Днепропетровск. Украина.

Конев Евгений Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Новокузнецкого филиала-института Кемеровского государственного университета. Новокузнецк. Россия

Костюк Михаил Петрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры инженерной педагогики, психологии и украиноведения Луцкого национального технического университета. Луцк. Украина.

Кретинин Сергей Владимирович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории средних веков и зарубежных славянских народов исторического факультета Воронежского государственного университета. Воронеж. Россия.

Кригер Виктор, доктор, проект-сотрудник Гейдельбергского университета. Гейдельберг. Германия.

Курочкин Александр Николаевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель Военного института повышения квалификации специалистов мобилизационных органов филиала Общевоинской академии Вооруженных сил Российской Федерации в Саратове. Саратов. Россия.

Лаптев Юрий Николаевич, кандидат исторических наук, заведующий крымским этнографическим музеем. Симферополь. Украина.

Малиновский Лев Викторович, доктор исторических наук, профессор Барнаульской государственной педагогической академии. Барнаул. Россия.

Маркдорф Наталья Михайловна, кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой истории Новокузнецкого филиала-института Кемеровского государственного университета. Новокузнецк. Россия.

Мартыненко Владимир Леонидович, аспирант Харьковского национального университета. Харьков. Украина.

Матвеева Наталья Владимировна, аспирантка кафедры истории, теории и методики обучения Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии. Нижний Тагил. Россия.

Мельник Татьяна Фёдоровна, историк-краевед, член Архангельского отделения Российского общества историков-архивистов. Архангельск. Россия.

Минор Александр Яковлевич, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой немецкого языка педагогического института Саратовского государственного университета. Саратов. Россия.

Моргунов Константин Алексеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник НИИ истории и этнографии Оренбургского государственного университета. Оренбург. Россия

Нам Ираида Владимировна, доктор исторических наук, доцент кафедры современной отечественной истории Томского государственного университета. Томск. Россия.

Обухов Леонид Аркадьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры новейшей истории России историко-политологического факультета Пермского государственного университета. Пермь. Россия.

Пичуков Виктор Петрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Беларуси Гомельского государственного университета. Гомель. Беларусь.

Плохотнюк Татьяна Николаевна, доктор исторических наук, профессор кафедры регионоведения и региональной экономики Ставропольского государственного университета,

Полян Павел Маркович, доктор географических наук, профессор, научный сотрудник кафедры новой и новейшей Восточно-Европейской истории Фрайбургского университета. Фрайбург. Германия.

Посадский Антон Викторович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и этноконфессиональных отношений Института управления имени П.А. Столыпина Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Саратов. Россия.

Разинков Сергей Львович, кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения и права Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии. Нижний Тагил. Россия.

Скучаева Ольга Евгеньевна, кандидат исторических наук, начальник отдела комплектования и экспертизы документов государственного исторического архива немцев Поволжья в г. Энгельсе. Энгельс. Россия.

Славина Людмила Николаевна, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной истории Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. Красноярск. Россия.

Смирнова Татьяна Борисовна, доктор исторических наук, доцент кафедры этнографии и музееведения Омского государственного университета. Омск. Россия.

Солодова Вера Владиленовна, кандидат исторических наук, директор Одесского государственного историко-краеведческого музея. Одесса. Украина.

Степанов Михаил Геннадьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Хакасского государственного университета. Абакан. Россия.

Фаузер Виктор Вильгельмович, доктор экономических наук, профессор, зав. отделом социально-экономических проблем, зав. лабораторией демографии и социального управления Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения РАН. Сыктывкар. Россия.

Фурсова Елена Федоровна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН. Новосибирск. Россия.

Хердт Виктор, научный сотрудник Института культуры и истории немцев Северо-Восточной Европы (филиал в Гёттингене). Гёттинген. Германия.

Чеботарева Валентина Георгиевна, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Узбекской ССР.

Черказьянова Ирина Васильевна, доктор исторических наук. Главный редактор научно-информационного бюллетеня «Российские немцы». Санкт-Петербург. Россия.

Чернова-Дёке Тамара, доктор, историк-исследователь. Берлин. Германия.

Чернолуцкая Елена Николаевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Владивосток. Россия.

Шалыгина Надежда Валерьевна, аспирантка, заместитель начальника методического отдела учебно-методического управления Поморского государственного университета. Архангельск. Россия.

Ярков Александр Павлович, доктор исторических наук, профессор, заведующий сектором изучения этноконфессиональных отношений Института гуманитарных исследований Тюменского государственного университета. Тюмень. Россия.

Научное издание

**Начальный период Великой Отечественной войны
и депортация российских немцев: взгляды и оценки через 70 лет**

Материалы 3-й международной научно-практической конференции.
Саратов, 26–28 августа 2011 г.

Под редакцией Германа Аркадия Адольфовича
Корректор *Марина Лищинская*
Верстка *Андрей Моренко*

Подписано в печать 15.08.2011. Формат 60х90/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Тираж 400 экз.

АОО МСНҚ, ул. Малая Пироговская, д. 5, офис 51
Тел.: (495)937-65-44, факс (499)766-48-76